

Д-ръ Люборъ Нидерле
проф. чешскаго университета въ Прагѣ.

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО
ВЪ
ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА.

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГІЯ ЕВРОПЫ
И
ВЪ ЧАСТНОСТИ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

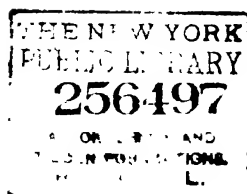
Ө. К. Волкова,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. Н. Анучина.

Съ 459-ю рисунками и картою.

— — — — —
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 декабря 1897 года

ОТЪ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА.

Болѣ двадцати лѣтъ тому назадъ, въ 1875 г., былъ изданъ подъ моею редакціей, въ Москвѣ, переводъ сочиненія Лёббока, «Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества, представленная на основаніи изученія остатковъ древности и нравовъ и обычаевъ современныхъ дикарей». Въ то время книга Лёббока была едва ли не лучшимъ научно-популярнымъ сочиненіемъ по т. наз. доисторической археологіи или первобытной исторіи человѣчества. Авторъ, извѣстный натуралистъ, воспользовался не только имѣвшеюся литературой предмета, но посѣтилъ самъ большую часть мѣстностей Зап. Европы, замѣчательныхъ въ отношеніи къ палеонтологіи человѣка, самъ дѣлалъ раскопки, изучилъ важнѣйшіе музеи, былъ лично знакомъ съ выдающимися авторитетами въ этой области знаній и могъ, во многихъ случаяхъ, составить свое собственное мнѣніе по отдѣльнымъ вопросамъ. Не малое достоинство книги представлялъ проведенный въ ней сравнительный методъ, объясненіе быта доисторическаго населенія бытомъ современныхъ дикарей и очеркъ характерныхъ особенностей послѣдняго въ приложенныхъ къ концу книги четырехъ главахъ. Но, при всѣхъ его достоинствахъ, сочиненіе Лёббока представляло и немало-важныя пробѣлы; такъ, въ немъ почти не упоминалось о древностяхъ Германіи, Славянскихъ странъ, Россіи, недостаточно былъ разобранъ вопросъ о бронзовомъ вѣкѣ и еще болѣе поверхностно были описаны древности конца доисторическаго періода, наиболѣе важныя однако для пониманія эволюціи средневѣковой культуры. Чтобы нѣсколько заполнить эти пробѣлы, я позволилъ себѣ нѣкоторые измѣненія въ текстѣ перевода, передѣлалъ совершенно главу о бронзовомъ вѣкѣ и включилъ мѣстами добавленія—о раскопкахъ французскихъ пещеръ, о дольменахъ, въ особенности же о доисторическихъ древностяхъ Россіи, о находкахъ здѣсь предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣка, о «чудской» культурѣ, о замѣчательныхъ могильникахъ и курганахъ восточной, средней и южной Россіи и т. д. Всѣ эти дополненія составили однако въ общей сложности не болѣе $3\frac{1}{2}$ печ. листовъ, такъ какъ болѣе подробное изложеніе потребовало бы значительнаго увеличенія размѣровъ книги, а съ другой стороны все таки не могло бы дать сколько нибудь полной картины доисторической эпохи въ Славянскихъ земляхъ и

Россіи ввиду скудости данныхъ, имѣвшихся въ то время по этому отдѣлу археологіи въ названныхъ странахъ и отсутствія руководящихъ изслѣдованій, на которыя можно бы было при подобномъ обобщеніи опереться. Тѣмъ не менѣе, и въ томъ несовершенномъ видѣ, какой представляла книга Леббока въ русскомъ переводѣ, она, повидимому, удовлетворяла своему назначенію—дать достаточное понятіе о развитіи и состояніи въ тотъ моментъ науки о доисторическихъ древностяхъ Европы (отчасти и С. Америки). Книга вызвала многіе одобрительные отзывы (между прочимъ—со стороны извѣстнаго археолога графа А. С. Уварова), способствовала развитію въ русской публикѣ интереса къ отдаленной старинѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно разошлась, такъ что стала библиографическою рѣдкостью.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи послѣднихъ 22 лѣтъ, литература доисторической археологіи продолжала расти съ каждымъ годомъ. Въ разныхъ частяхъ Европы было сдѣлано много важныхъ находокъ, систематическихъ раскопокъ, появились новыя цѣнныя изслѣдованія, роскошныя археологическія изданія, цѣлый рядъ общихъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ науки и по всей ея совокупности. Усиленное стремленіе къ изученію отдаленной старины проявилось въ Италіи, Испаніи, славянскихъ областяхъ Австріи, Венгріи, Финляндіи, Россіи; возникли новыя археологическіе музеи и существенно обогатились коллекціи древностей въ музеяхъ старыхъ. Все это значительно расширило область изслѣдованій, обогатило массою новыхъ данныхъ научный матеріалъ, возбудило новыя вопросы, сопоставленія, догадки, гипотезы. Прежнія общія сочиненія, вродѣ Леббока, оказались уже неудовлетворяющими новому положенію науки, ушедшей далеко впередъ и значительно расширившей районъ своихъ изысканій. Болѣе и болѣе стала сознаваться потребность въ общемъ сочиненіи, которое бы представляло собою сводку прежнихъ и новыхъ данныхъ по доисторической антропологіи и археологіи Европы, и притомъ не только Западной—Франціи, Англіи, Скандинавіи, Швейцаріи и т. д.,—но и Средней и Восточной, включая сюда Славянскія земли, Венгрію, Румынію, Грецію, Россію и даже сосѣднія азіатскія окраины—Сибирь, Кавказъ, Малую Азію. Включеніе всѣхъ этихъ странъ являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ расширенія области археологическихъ изысканій, указавшихъ на важное значеніе Востока въ исторіи древнѣйшей культуры Европы и на мощное вліяніе, которое имъ оказывалось въ разныя эпохи на эволюцію искусства, техники, творческой мысли Запада. Европейскіе изслѣдователи не могли не убѣдиться въ этой важности изученія восточныхъ и прежде всего славянскихъ и русскихъ древностей, и съ конца 70-хъ годовъ мы видимъ цѣлый рядъ ихъ—посвѣщающихъ Россію, изучающихъ русскіе музеи, собирающихъ матеріалъ на югъ Россіи, на Кавказѣ, въ Сибири и т. д. Говорить теперь о доисторическихъ древностяхъ Европы, игнорируя археологическій матеріалъ, собранный въ восточной ея половинѣ, является невозможнымъ, ибо все болѣе и болѣе становится очевидною культурная связь Запада съ Востокомъ и многообразное вліяніе послѣдняго на ростъ и развитіе культурныхъ элементовъ Западной Европы. Изслѣдователь, ставящій себѣ задачею обобщеніе дан-

ныхъ по доисторической археологіи и антропологіи, не можетъ, поэтому, основываться лишь на результатахъ изслѣдованій въ Западной Европѣ; онъ долженъ быть одинаково знакомымъ какъ съ археологической литературой романскихъ и германскихъ странъ, такъ и славянскихъ, имѣть достаточное понятіе о находкахъ и изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ не только на Западѣ, но и въ Австро-Венгріи, Россіи, Финляндіи и т. д. Въ этомъ заключается существенная трудность изложенія данныхъ о доисторическомъ періодѣ человѣчества согласно ихъ современному состоянію,—трудность, съ которой приходится считаться какъ западнымъ изслѣдователямъ, такъ и русскимъ, и первымъ, можетъ быть, даже въ большей степени, въ виду обычнаго незнакомства ихъ съ русскими и другими славянскими языками.

Вотъ почему, ни въ западно-европейскихъ литературахъ, ни въ русской мы не встрѣчаемъ за послѣднее время ни одного сочиненія, которое бы давало достаточно удовлетворительное понятіе о совокупности результатовъ, достигнутыхъ наукой о доисторическихъ древностяхъ на всемъ пространствѣ отъ Атлантическаго океана до Сибири, и отъ Скандинавіи—до Греціи и Малой Азіи. Всѣ такія сочиненія трактуютъ обыкновенно или о древностяхъ западной Европы съ нѣкоторыми лишь добавленіями объ аналогичныхъ древностяхъ Россіи и ея азіатскихъ окраинъ, или—имѣютъ въ виду, по преимуществу, древности Россіи съ нѣкоторымъ лишь ихъ освѣщеніемъ однородными фактами изъ археологіи Западной Европы. Попытки соединить въ одномъ обзорѣ западную доисторическую старину съ восточною, связать древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соотвѣстственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра, можно было ожидать всего скорѣе отъ изслѣдователя изъ западныхъ славянъ, который соединялъ бы въ своемъ лицѣ нѣмецкую эрудицію съ знаніемъ славянскихъ языковъ и древностей, и былъ бы знакомъ ближе съ современнымъ состояніемъ русской археологіи. Такой изслѣдователь, дѣйствительно, и нашелся въ лицѣ профессора Пражскаго (чешскаго) университета д-ра Любора Нидерле, давно уже занимающагося антропологіей и археологіей, хорошо знакомаго съ древностями своей родины, Австро-Венгріи, равно какъ и съ литературой и музеями Западной Европы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомившагося обстоятельно и съ доисторическими древностями Россіи, какъ путемъ изученія русской археологической литературы, такъ и главнѣйшихъ русскихъ музеевъ, обстоятельно осмотрѣнныхъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Изданное имъ сочиненіе *Lidstvo v době předhistorické* (Praha 1893) представило собою интересную и цѣнную попытку обзора доисторической археологіи въ Европѣ вообще и въ славянскихъ странахъ въ частности обзора, тѣмъ болѣе заслужившаго вниманія, что онъ сопровождался массою рисунковъ, дававшихъ наглядное понятіе о разнообразныхъ видахъ и типахъ описываемыхъ древностей.

Къ сожалѣнію, сочиненіе д-ра Л. Нидерле, какъ написанное и изданное на чешскомъ языкѣ, могло быть доступно только ограниченному кругу читателей. Особенно желательнымъ было видѣть его въ русскомъ переводѣ, въ качествѣ руководства для ознакомленія русскихъ

читателей съ совокупностью данныхъ о доисторическихъ временахъ Европы, съ поставленіемъ однако на первый планъ—древностей славянскихъ. Поэтому я не могъ не порадоваться, когда получилъ изъ Парижа, отъ нашего соотечественника О. Е. Деникера, извѣстнаго антрополога, бібліотекаря парижскаго Музея Естественной Исторіи, извѣщеніе, что за переводъ книги Нидерле желаетъ взяться Ѳ. К. Волковъ, членъ Парижскаго Антропологическаго Общества, спеціально занимающійся этнографіей и антропологіей славянъ*). Затрудненіе заключалось только въ присканіи лица, которое бы изъявило готовность принять на себя расходы по изданію такой книги, довольно значительной по размѣрамъ и иллюстрированной притомъ множествомъ рисунковъ. Я рѣшился обратиться къ Л. Ф. Пантелѣеву, который и изъявилъ любезно готовность принять на себя изданіе книги, поставивъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы я взялъ на себя редакцію перевода. Пришлось по необходимости согласиться на это условіе, не смотря на всю его трудность для меня,—трудность, обусловленную главнымъ образомъ массой времени, требовавшегося на просмотръ текста перевода и исправленія его въ оригиналѣ и въ корректурахъ, причемъ однако я могъ взять на себя только просмотръ со стороны содержанія и слога, но не въ отношеніи къ вѣрности передачи чешскаго текста, оставляя отвѣтственность за это всецѣло на переводчикѣ, хорошо знающемъ чешскій языкъ и пользовавшемся къ тому же указаніями самого г. Нидерле, владѣющаго въ достаточной степени русскимъ языкомъ и просматривавшаго переводъ въ корректуру.

Необходимо еще прибавить, что настоящая книга является не простымъ переводомъ чешскаго сочиненія, какъ оно было издано въ 1893 году. Д-ръ Нидерле, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ бытность его въ Москвѣ, а потомъ бесѣдовать лѣтомъ 1895 г. въ Прагѣ, изъявилъ готовность приложить всѣ старанія къ тому, чтобы дополнить свой трудъ новыми данными и вообще исправить и обновить его во всѣхъ частяхъ, что имъ и было выполнено съ возможною тщательностью. Каждый печатный листъ оригинала доставлялся авторомъ переводчику съ поправками, вставками, дополненіями, послѣдняя глава была совершенно передѣлана, а равно приложены мѣстами новыя, иногда довольно обширныя примѣчанія. Такимъ образомъ, русскій переводъ является вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно новымъ, исправленнымъ и значительно дополненнымъ изданіемъ книги д-ра Нидерле. Кромѣ того, кое-гдѣ вставлены еще примѣчанія переводчика и отъ редакціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывалось достаточною необходимостью (всѣ такіа примѣчанія имѣютъ соотвѣтственные отмѣтки). Дѣлалось это, впрочемъ, сравнительно рѣдко, такъ какъ измѣнять въ большей степени взгляды и изложеніе автора ни переводчикъ, ни редакторъ не считали себя въ правѣ, хотя бы и были иногда не совсѣмъ съ нимъ

*) Изъ работъ Ѳ. К. Волкова, появившихся въ послѣднее время большей частью на французскомъ языкѣ, особенно обратила на себя вниманіе большая статья „Rites et usages nuptiaux en Ukraine“ въ журналѣ „L'Anthropologie“, въ которомъ онъ состоитъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ.

согласны. Предлагаемая книга есть трудъ д-ра Нидерле, который и является ответственнымъ за изложенные въ ней факты, мнѣнія и гипотезы. Мы съ О. К. Волковымъ, не можемъ, напр., считать строго доказанною теорію г. Нидерле относительно рѣзкаго измѣненія физическаго типа славянъ въ теченіе послѣднихъ тысячи лѣтъ и—причинъ, которыя могли вызвать такое коренное измѣненіе. Возможно также сомнѣваться въ утвержденіяхъ г. Нидерле относительно существованія гончарнаго искусства и погребальныхъ обычаевъ въ палеолитическую эпоху, нахожденія височныхъ колець исключительно въ славянскихъ могилахъ, нѣкоторыхъ мнѣній о находкахъ каменнаго вѣка въ Россіи и т. п., но авторъ основываетъ свои утвержденія на извѣстныхъ доказательствахъ, которыя и могутъ подлежать критическому разбору. Археологическіе факты допускаютъ нерѣдко различныя толкованія, и попытки освѣтить ихъ извѣстнымъ обобщеніемъ или гипотезой могутъ иногда приносить существенную пользу, уже однимъ тѣмъ, что способны останавливать большее вниманіе на этихъ фактахъ и вести къ пересмотру и пополненію соответственныхъ данныхъ.

Изданіе настоящей книги, начатое въ 1895 г., могло закончиться только къ концу 1897 г. Объясняется такая медленность тѣмъ, что каждый листъ требовалъ дополненій автора, труда переводчика, исправленія редакторомъ въ оригиналѣ и затѣмъ въ корректурѣ, что, ввиду необходимости для того сношеній между Прагой, Парижемъ, Москвой и Петербургомъ, не могло не вызывать задержекъ въ печатаніи. Какъ бы то ни было, дѣло доведено до конца, и остается только пожелать, чтобы новое сочиненіе, способное служить руководствомъ по доисторической археологіи Европы и славянскихъ странъ, было встрѣчено сочувственно русской публикой и содѣйствовало бы распространенію интереса къ изученію древнѣйшей культуры вообще и къ изслѣдованію ея памятниковъ въ предѣлахъ нашего отечества—въ особенности.

Москва. 23 ноября 1897 г.

Д. Анучинъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Что такое доисторическая археологія. — Отношеніе ея къ антропологіи и исторіи. — Ея задачи и методы. — Очеркъ развитія доисторической археологіи. — Современное состояніе этой науки; археологическія учрежденія, общества, съѣзды, періодическія изданія и главнѣйшая общая литература.

Доисторическая археологія есть наука, имѣющая своимъ предметомъ изслѣдованіе культуры человѣчества въ доисторическія времена, т. е. въ тѣ времена, о которыхъ мы не имѣемъ ни печатныхъ, ни письменныхъ извѣстій, и о культурахъ которыхъ мы можемъ судить только по памятникамъ и случайно сохранившимся остаткамъ или по неяснымъ народнымъ преданіямъ и аналогическимъ явленіямъ въ жизни нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ¹⁾.

Въ послѣднее время у насъ и въ другихъ странахъ названія: доисторическая «археологія» и доисторическая «антропологія» часто употребляются одно вмѣсто другого. Во всякомъ случаѣ гораздо лучше точно различать эти термины и названіе «доисторическая антропологія» употреблять для обозначенія науки, которая имѣетъ въ виду происхожденіе, развитіе и видоизмѣненія человѣка въ доисторическія времена со стороны только тѣлесной. Родственность этихъ двухъ наукъ обуславливается, главнымъ образомъ, тѣмъ что обѣ онѣ—и доисторическая археологія и доисторическая антропологія—занимаются человѣкомъ одной и той-же эпохи, достаточно ограниченной, при чемъ постоянно одна сторона вещественно обуславливается другою и одна наука помогаетъ другой. Въ той же могилѣ, которая интересуетъ археолога остатками культуры, способомъ погребенія и снаряженія мертвеца и т. п., находятъ и остатки человѣческаго тѣла—болѣе или менѣе сохранившіяся кости. Отсюда близкое сопримосновеніе этихъ двухъ

¹⁾ Это введеніе представляетъ собой отчасти извлеченіе изъ статьи: «Několi k slov o pěstování archaologie v Čechách», напечатанной въ журн. Český Lid (I, стр. 317), въ которой авторъ говоритъ подробно о задачахъ археологіи, особенно чешской.

наукъ, отсюда и ихъ родственность. Но родственность эта—только внѣшняя. Изслѣдованіе эволюціи доисторической культуры въ Европѣ и изслѣдованіе физической эволюціи европейскихъ племенъ и народовъ — двѣ вещи совершенно различныя, хотя взаимно другъ друга и обуславливающія. Проникновеніе новаго племени въ среду стариннаго населенія, скрещиваніе съ нимъ естественно ведутъ за собою и измѣненія въ культурѣ, измѣненія же въ культурѣ, въ свою очередь, помогаютъ подобнымъ сліяніямъ и физическимъ измѣненіямъ.

Что такое доисторическій бытъ человѣка? Это все то, что происходило съ человѣчествомъ до того предѣла времени, съ котораго начинаются письменныя извѣстія. Предѣлъ этотъ не представляетъ собой ровной и опредѣленной черты. Исторія не у всѣхъ народовъ начинается съ одного и того-же времени и очень часто бываетъ невозможно рѣшить, что относится къ періоду историческому и что къ доисторическому. Въ тѣ времена, когда сѣверная Европа и славяне находились еще во тьмѣ, Италія, Греція и прочія страны, лежащія около Средиземнаго моря, давно уже были озарены свѣтомъ исторіи. Наконецъ письменные памятники Ассиріи, Халдеи, Египта и пр. ведутъ насъ далеко и очень далеко во времена, предшествовавшія нашей эрѣ. Когда человѣкъ Средней Европы жилъ еще въ лѣсахъ подъ жалкой кровлей изъ вѣтвей или прутьевъ, когда съ грубо отесаннымъ каменнымъ топоромъ въ рукахъ онъ гонялся за звѣремъ или защищалъ свой очагъ отъ хищныхъ животныхъ или непріятелей, египтяне воздвигали уже храмы и города, строили великолѣпные памятники мертвымъ, покрывали стѣны ихъ письменами, украшали живописью и статуями,—словомъ, жили въ состояніи культуры, для развитія которой необходимо признать существованіе длиннаго ряда предшествовавшихъ столѣтій. Граница между историческимъ и доисторическимъ періодами такимъ образомъ очень различна хронологически. Доисторическій періодъ Греціи съ нашей точки зрѣнія короче, чѣмъ подобный же періодъ Средней Европы.

Намъ неизвѣстны политическія событія доисторическихъ временъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ позднѣйшія эпохи, такъ и въ тѣ давно минувшія времена бывали споры, ссоры и столкновенія, что чередовались владѣтели тамъ, гдѣ человѣчество доразвилось уже до извѣстныхъ общественныхъ формъ, что существовало уже то, что составляетъ предметъ политической исторіи — но обо всемъ этомъ мы ничего не знаемъ. Изъ всей жизни человѣчества въ доисторическія времена мы можемъ составить себѣ только картину его матеріальной и духовной культуры, на основаніи того, что говорить намъ сохранившіеся остатки, преданія и аналогіи.

Переходя къ обозначенію задачъ доисторической археологіи, мы считаемъ уместнымъ и необходимымъ сказать сначала нѣсколько словъ объ ея важности и значеніи. Наука эта встрѣчаетъ извѣстное расположеніе къ себѣ,

и въ довольно широкихъ кругахъ публики — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но зато въ болѣе узкихъ кругахъ людей, занимающихся точными науками, или по крайней мѣрѣ болѣе точными, чѣмъ археологія, на нее долго смотрѣли — да и до сихъ поръ еще смотреть — съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Это однако заблужденіе. Безъ сомнѣнія, предубѣжденіе противъ археологіи вызывается главнымъ образомъ тѣмъ, что наукой этой, казущейся съ перваго взгляда очень доступной, занимается много людей непосвященныхъ, простыхъ диллетантовъ. Но слѣшкомъ несправедливо судить о наукѣ по такого рода адептамъ ея. Никто не исключаетъ изъ числа наукъ зоологію и ботанику, хотя и ими занимаются иногда непосвященные. Доисторическая археологія не заключается въ раскапываніи кургановъ и описываніи старинныхъ урнъ съ пепломъ, точно также какъ описаніе одеждъ, утвари и хатъ извѣстной страны не составляетъ еще исторіи культуры. Эти первоначальные, мелкіе матеріалы необходимы для познанія того, что представляетъ конечную цѣль этой науки. Разумѣется и эта работа необходима, и тотъ кто провелъ всю свою жизнь выкапывая, разсматривая и описывая отдѣльныя находки — хорошо исполнилъ свою задачу. Но это не составляетъ еще цѣли доисторической археологіи. Ея задача не заключается и въ томъ, чтобы собирать древности, аккуратно отчищать ихъ и выставлать въ музеяхъ съ надписями откуда тотъ или другой предметъ или кто былъ его благороднымъ жертвователемъ...

Задача доисторической археологіи иная — и, можно сказать, двойная: одна болѣе узкая, другая болѣе широкая. Первая, болѣе узкая, задача является результатомъ чувства патріотизма и національности, унаслѣдованнаго нами отъ предковъ или вызваннаго у насъ воспитаніемъ. Это чувство между прочимъ побуждаетъ насъ болѣе изучать *свой* народъ и его исторію. Очень естественно, что особенно въ послѣднее время, когда національныя чувства получили такое развитіе, каждый невольно старается этому содѣйствовать и приносить свой вкладъ въ изученіе своего народа. Вѣдь мы постоянно видимъ, что чувство національности играетъ большую роль и въ археологіи. Чуть-ли не въ каждой выходящей у чеховъ книгѣ мы находимъ упреки тому или другому за то, что онъ сгребаетъ все для нѣмцевъ, не давая славы намъ того, что принадлежитъ имъ по праву, а взявши нѣмецкую книжку, читаемъ подобныя же вещи, но только направленные противъ чеховъ. Нѣтъ надобности доказывать, что обѣ стороны бываютъ правы, подъ вліяніемъ того чувства, которое ими руководитъ; въ дѣйствительности трудно встрѣтить исполнѣ научную объективность въ тѣхъ наукахъ, которыя занимаются изслѣдованіемъ исторіи и прогресса культуры, цивилизаціи вообще и отдѣльныхъ народовъ въ частности, и притомъ постоянно принуждены сравнивать между собой и оцѣнивать разные виды культуры. Но то невыгодное вліяніе, которое оказываетъ въ этомъ случаѣ чувство національности, вознаграждается съ

другой стороны происходящимъ, благодаря ему-же, усиленіемъ научной дѣятельности. Пробудите въ самомъ маленькомъ народѣ чувство національнаго самосознанія и онъ сейчасъ же начнетъ работать интенсивнѣе, въ особенности для изслѣдованія своего прошлаго. А въ изслѣдованіи прошлаго онъ необходимо придетъ къ той границѣ, которая отдѣляетъ историческія времена отъ доисторическихъ и затѣмъ уйдетъ еще дальше въ ту отдаленную эпоху, которая и составляетъ предметъ доисторической археологій и доисторической антропологій.

Такимъ образомъ болѣе узкая задача доисторической археологій состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать познанію древнѣйшихъ культурныхъ стадій извѣстной страны и народа.

Но доисторическая археологія идетъ далѣе. Не одна исторія своего народа составляетъ задачу археолога. Онъ ясно сознаетъ, что исторія эта — только часть исторіи человѣчества, съ которой она соединена такой неразрывной связью, при которой невозможно пониманіе части безъ пониманія цѣлаго. Это приводитъ его къ изученію общей доисторической археологій и первобытнаго состоянія человѣчества вообще. Сколько открывается передъ нами новыхъ горизонтовъ по пути въ отдаленное прошлое, по мѣрѣ приближенія къ самымъ началамъ человѣчества!

Пользуясь въ своихъ трудахъ результатами, добытыми цѣлымъ рядомъ другихъ наукъ, археологія даетъ намъ картину первобытнаго человѣчества. Съ своей стороны, это цѣльное, наглядное изображеніе того, какъ возникло и начало развиваться человѣчество, оказываетъ безконечныя услуги философій, естествовѣдѣнію и другимъ наукамъ и даетъ прочныя основы нашему міросозерцанію. Приведемъ по крайней мѣрѣ одинъ примѣръ. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, въ какой степени измѣнила наши философскіе взгляды теорія эволюціи, особенно тамъ, гдѣ она касается человѣчества, его происхожденія, образа и подобія первобытнаго человѣка, его предшественниковъ и т. п. А кому же обязана наука наиболѣе компетентными отвѣтами на всѣ эти вопросы какъ не геологамъ и людямъ занимающимся доисторической археологіей?

Не забудемъ также и о томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ доисторическая археологія для сравнительной этнографіи. Само собою разумѣется, что значеніе это взаимно. Одна наука безпрестанно помогаетъ другой. Жизнь европейскаго человѣка въ доисторическія времена очень во многомъ выясняется для насъ жизнью современныхъ намъ примитивныхъ народовъ. Кажется, можно считать несомнѣннымъ, что для всего человѣчества существуютъ одни и тѣ-же законы развитія, которые обуславливаютъ одинаковость культуры, и только чисто внѣшнія вліянія, различія въ средѣ, нарушаютъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ это равномѣрное, вытекающее изъ внутреннихъ законовъ,

однообразие и создают индивидуальные признаки культуры отдельных народов. Основы же ее вездѣ одинаковы. Такимъ образомъ доисторическая археологія столько же помогаетъ этнографію, сколько эта послѣдняя — ей.

Таковы обстоятельства, дающія по справедливости мѣсто археологіи не только между науками — наукой называется всякое систематическое изслѣдованіе извѣстной области знанія при помощи правильного метода, — но и между науками, имѣющими особое значеніе, важность которыхъ заключается не въ одномъ расположеніи къ нимъ широкаго круга публики, но и въ томъ, что онѣ дѣйствительно помогаютъ рѣшенію проблемъ, занимающихъ въ нынѣшнія времена наиболѣе видное мѣсто въ нашемъ умственномъ кругозорѣ.

Методъ. Доисторическая археологія имѣетъ два главныхъ источника, изъ которыхъ черпаетъ свои свѣдѣнія: 1) сохранившіеся памятники и 2) аналогіи изъ жизни современныхъ первобытныхъ народовъ. Первые служатъ ей основаніемъ, вторые ее оживляютъ.

Первый источникъ разрабатывается главнымъ образомъ методомъ историческимъ. Имѣя дѣло съ какой-нибудь находкой, прежде всего стараются установить ея хронологическую дату. Это опредѣленіе даты почти никогда не бываетъ абсолютнымъ, но почти всегда только относительнымъ; оно даетъ только хронологическое отношеніе одной находки къ другимъ. Отдѣльная находка почти всегда носить на себѣ нѣкоторые признаки, которые были уже наблюдаемы на другихъ, и съ помощію ихъ опредѣляется ея относительная древность, т. е. или принадлежность ея къ какой-нибудь болѣе древней или болѣе новой эпохѣ, или современность съ какою-нибудь уже извѣстной группой.

Результатомъ такого хода изслѣдованія является спеціальныи археологическій методъ, выработанный главнымъ образомъ сѣверно-европейскими учеными, такъ называемый типологическій методъ¹⁾, съ помощію котораго по отдѣльнымъ предметамъ вещественной культуры стараются опредѣлить время и мѣсто ихъ происхожденія и ихъ первичную форму, а затѣмъ прослѣдить ея дальнѣйшее развитіе и географическое распространеніе, съ тѣми видоизмѣненіями, которымъ она подвергалась подъ вліяніемъ разныхъ мѣстныхъ условій и т. д. При помощи типологическаго метода особенно хорошо удаются датированіе находокъ и опредѣленіе разныхъ культурныхъ вліяній на отдѣльныя страны. Но для примѣненія этого метода изслѣдователь прежде

¹⁾ Очень интересенъ споръ о значеніи этого метода, возникшій между защитникомъ его О. Монтелиусомъ и датскимъ ученымъ Софусомъ Мюллеромъ. О. Montelius. Den forhistoriska fornforskarens Metod och material. (Ср. рефератъ объ этомъ въ Archiv für Anthropologie XVI, стр. 645). Хорошія замѣчанія объ этомъ методѣ можно найти въ соч. Ing. Undset'a: Etudes de l'âge du bronze en Hongrie, стр. 39 и слѣд.

всего долженъ овладѣть очень обширнымъ матеріаломъ. Затѣмъ онъ отыскиваетъ въ этомъ матеріалѣ отдѣльные типы, устанавливаетъ ихъ различія, опредѣляетъ ихъ распространеніе и мѣста ихъ происхожденія, при чемъ часто недостаточно бываетъ опредѣлить только статистически, гдѣ извѣстный типъ чаще всего встрѣчается. Труднѣе всего находить въ каждой группѣ возникновеніе и эволюцію типа. «Типъ», говоритъ И. Ундсетъ, не представляетъ собою организма, который бы росъ и развивался изъ своихъ внутреннихъ началъ, а является результатомъ довольно произвольной человѣческой изобрѣтательности. Вслѣдствіе этого опредѣленіе среднихъ формъ часто приводитъ къ ошибкамъ. Необходимо также никогда не забывать и того, что одинаковые признаки культуръ далеко не всегда могутъ быть доказательствомъ ихъ взаимнаго соприкосновенія и очень часто являются въ различныхъ мѣстностяхъ вполне самостоятельно. Въ высшей степени осторожнымъ слѣдуетъ также быть и съ обобщеніями. Посредствомъ же изученія отдѣльныхъ фактовъ наука приходитъ къ составленію цѣльной картины жизни той или другой эпохи съ выясненіемъ всѣхъ условій, результатомъ которыхъ являются находимые памятники старины.

Большія услуги оказываетъ доисторической археологіи и сравнительный методъ, но мы не думаемъ, чтобы были правы тѣ, которые въ последнее время отдаютъ преимущество этому методу, какъ первому и единственно цѣлесообразному требованію новѣйшаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, методъ этотъ принесъ уже много пользы и, несомнѣнно, принесетъ еще болѣе. Мы раньше упоминали уже о томъ, что изученіе нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ много содѣйствовало изученію первобытнаго состоянія европейскаго челоѣка: жизнь, которую мы наблюдаемъ у нихъ до сихъ поръ, была, судя остаткамъ, такою-же и въ доисторической Европѣ. Доиматники представляютъ по большей части только нѣчто скелета, внутренняя жизнь котораго выясняется для насъ, аналогіей съ жизнью нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ. Всколь обзоръ развитія археологіи мы укажемъ, какъ съ когда сдѣлалось возможнымъ пользоваться этими аналогіями то было найдено въ европейскихъ раскопкахъ, съ тѣмъ, что карей, доисторическая археологія поднялась на степень образомъ при помощи ихъ мы составляемъ себѣ понятіе о едковъ¹⁾.

путыхъ намп двухъ источниковъ доисторической археологіи, въ малыя услуги оказываются ей и языковѣдніемъ, именно тою а извѣстна подъ именемъ лингвистической палеонтологіи. О. авніи чисто филологическихъ данныхъ далъ интересную карту культуры индо-европейскихъ народовъ.

Вотъ и все, что мы считали необходимымъ сказать о методахъ доисторической археологіи. Разные спеціальныя приемы изслѣдованія и оцѣнки археологическихъ находокъ составляютъ уже предметъ особенныхъ руководствъ¹⁾.

Очеркъ развитія доисторической археологіи.

Прошлое доисторической археологіи сравнительно не такъ отдаленно. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда цѣлый рядъ прочихъ наукъ и между прочимъ классическая археологія имѣли за собой уже множество трудовъ, доисторическая археологія только что зарождалась. Правда, ея первыя зачатки могутъ быть отнесены къ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ, но это были по большей части только курьезныя извѣстія о разныхъ находкахъ, и имена, которыя мы можемъ здѣсь упомянуть, принадлежать главнымъ образомъ любителямъ старины, антикваріямъ.

Съ первыми извѣстіями о подобныхъ находкахъ мы встрѣчаемся еще въ древности. Древніе греки и римляне имѣли уже понятіе о доисторической культурѣ. Припомнимъ, какъ Лукрецій, Овидій и другіе воспѣвали былыя времена, вѣка золотой, серебряный и мѣдный. А разъ существовали уже понятія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что любители старины, которыхъ было и есть вездѣ достаточно, сохраняли древности, приписывавшіяся этимъ отдаленнымъ временамъ. Цѣлый рядъ свидѣтельствъ показываетъ намъ, что кости большихъ дилювіальныхъ и третичныхъ млекопитающихъ, находимыя въ разныхъ мѣстахъ²⁾, считались останками гигантовъ, героев,—и цезарь Августъ по свидѣтельству Светонія, сохранялъ ихъ въ музеѣ, устроен-

¹⁾ Подобныхъ руководствъ было издано довольно много. Упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ. Прусское правительство само позаботилось о томъ, чтобы внести извѣстный порядокъ въ обращеніе съ археологическими находками, издавши руководство: «*Merkbuch Alterthümer aufzugraben und aufzubewahren*» (Berlin 1888, 2 изданіе дополненное, въ 1895). J. Ranke *Anleitung zu anthropol. vorgeschichtlichen Beobachtungen* (Wien, 1881). Въ книгѣ, изданной G. Neumayer'омъ подъ заглавіемъ *Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen* (Berlin, 2 изд. 1888), часть относящаяся къ археологіи, составлена R. Virchow'ымъ. Е. Гаршинъ, курганы, ихъ раскопки, изслѣдованіе и нахожденіе кладовъ (СПб. 1888). Ср. инструкція для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и для производства раскопокъ кургановъ въ „Трудахъ III Археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, (т. I, стр. 69. 1874). Болѣе старинныя руководства были изданы O. Tischler'омъ, D. Luchs'омъ, Ed. von Sacken'омъ, Сахаровымъ и др. Въ Чехіи подобное руководство подъ заглавіемъ: «*O českých starožitnostech a potřebě zachovávatí je před zkázou*» было издано Vocel'омъ въ 1845 г. Въ послѣднее время J. Novotný издалъ «*Návod ku sbírání o zachranování předhistorických památek*» (Praha 1894). Heierli—*Uebersicht über die Urgeschichte der Schweiz*, Zürich 1894 и R. v. Weinzierl—*Die jüngere Steinzeit (neolithische Culturepoche) in Böhmen*, Prag 1895.

²⁾ Какъ напр. въ Теревъ въ Аркадіи, на Сигетъ въ Троѣ, на Лемвось, Имбросъ. Косъ и т. д., по свидѣтельству главнымъ образомъ софиста Филострата.

номъ въ его дворцѣ на островѣ Капри. Что туда же поступали и другіе доисторическіе предметы, какъ это нѣкоторые хотѣли доказать, — представляется сомнительнымъ, но изъ нѣкоторыхъ извѣстій можно все таки заключить, что и тогда уже пользовались особеннымъ вниманіемъ каменные топоры, извѣстные у славянъ подъ именемъ, «громовыхъ стрѣлъ» и «топориковъ», у грековъ—*χαρῶνια*, *αὐτοπαλάχεια* (новогр.) и у римлянъ *сегаипіа*, *lapides fulminis*. Въ то могущество и чудесную силу, которыя имъ приписываютъ до сихъ поръ простые люди всѣхъ европейскихъ народовъ, вѣрили уже древніе греки и римляне¹⁾.

Съ особеннымъ уваженіемъ къ ископаемымъ костямъ большихъ млекопитающихъ и къ каменнымъ орудіямъ мы встрѣчаемся и позже, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. Извѣстія о нихъ отличаются иногда достаточной странностью. Въ испанской Валенсіи зубъ мамонта долго былъ предметомъ поклоненія въ качествѣ зуба св. Христофора. Въ средневѣковой медицинѣ бивни мамонта также играли очень важную роль и даже въ новѣйшія времена разыскивали еще «*ebur fossile*» для той же цѣли во многихъ пещерахъ, главнымъ образомъ, въ Германіи и Венгріи. Для археолога занимательнѣе всего попадающіяся отъ времени до времени въ началѣ новыхъ вѣковъ извѣстія о находкахъ разныхъ доисторическихъ предметовъ, главнымъ образомъ урнъ съ пепломъ. «Удивительно», говорили о нихъ, «что эти горшки растутъ въ землѣ какъ грибы, особенно во время весеннихъ дождей!» Другіе принимали ихъ за издѣлія живущихъ подъ землей карликовъ. Съ такого рода мнѣніями мы встрѣчаемся долго. О томъ напр., что погребальныя урны растутъ въ землѣ, можно прочесть въ письмѣ короля Фердинанда къ Отто изъ Нейдека 1546 г.; подобныя же вещи рассказывали въ своихъ сочиненіяхъ польскіе историки *Matyáš z Miechowa*, *M. Stomer*, яхимовскій священникъ *Mathesius* (ум. въ 1568 г.), знаменитый богословъ *J. Ursinus* и еще въ 1704 г. *Chr. Stieff* и незадолго передъ нимъ чешскій ученый іезуитъ *Bohuslav Balbin*. Хотя правильное объясненіе погребальныхъ урнъ было уже въ то время неоднократно высказано, и Бальбинъ, какъ онъ самъ объ этомъ говорить, зналъ о немъ, онъ все таки не хотѣлъ ему вѣрить. «Я думаю, го-

¹⁾ Эти каменные топоры и стрѣлы въ народныхъ преданіяхъ обыкновенно считаются упавшими съ небесъ вмѣстѣ съ молніей. Въ Германіи ихъ называютъ: *Donnerkette*, *Blitzsteine*, во Франціи — *pierres du tonnerre*, *de foudre*, въ Англіи — *thunderstone*, въ Испаніи — *pedras de rayo*, въ Италіи — *saeette o fulmini*, въ Голландіи — *donderbeitels*, въ Даніи — *tordensteen*, въ Норвегіи — *tonderkile*, въ Швеціи — *thorsviggar*, въ Россіи — молніина стрѣла, громовая стрѣлка, и т. д., подобно тому, какъ и во многихъ странахъ азіатскихъ и африканскихъ. Объ ихъ исторіи см. прекрасное сочиненіе *E. Cartailhac*: «*L'âge de la pierre dans les souvenirs et superstitions populaires*». Paris, 1877.

ворить онъ, что глина или иль сами собою принимаютъ въ землѣ форму сосудовъ, какъ сама природа того желаетъ» ¹⁾).

Очевидно, что въ тѣ времена отсутствовали еще понятія о первобытномъ состояніи человѣчества вообще. Эпоха возрожденія хотя и оживила воспоминанія о классической жизни, но о примитивной эпохѣ рѣчи еще не было. Къ тому-же для пониманія доисторическаго быта Европы необходимо было прежде получить понятіе о томъ, какъ живутъ люди въ состояніи низкой, неразвитой еще культуры, съ каменными орудіями, безъ умѣнья обращаться съ металлами и безъ прочихъ приобрѣтеній цивилизаціи. Только тогда можно было дойти до объясненія того, что такое въ сущности грозовые стрѣлки, что такое погребальныя урны и тому подобныя находки. И дѣйствительно, только тогда, когда стали получаться извѣстія о современныхъ дикаряхъ, доисторическая археологія начала выступать на научный путь. Совершилось же это главнымъ образомъ благодаря большимъ морскимъ путешествіямъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ, которые открыли Европѣ цѣлый новый міръ, съ жизнью и культурой, совершенно непохожими на тогдашнюю европейскую культуру. За открытіемъ Америки Колумбомъ послѣдовалъ рядъ великихъ экспедицій для открытія и изслѣдованія новыхъ странъ, Магеллана, Тасмана, Дампьера, Дрэка, Кука, Форстера, Ла-Перуза, а на азіатскомъ материкѣ—Мессершмидта, Крашенинникова, Палласа и др.

За этими открытіями непосредственно слѣдовало и расширеніе этнографическихъ свѣдѣній, а это въ свою очередь оказало воздѣйствіе на доисторическую археологію. Въ Европѣ начали приобрѣтать болѣе правильные взгляды на жизнь своихъ предковъ, очевидно сходную съ жизнью народовъ, находящихся до сихъ поръ еще въ примитивномъ состояніи. Поворотъ этотъ не былъ впрочемъ особенно быстрымъ. Интересно, что еще въ 1730 году, когда *Mahudel* прочелъ во французской Академіи Наукъ свое изслѣдованіе «о стрѣлахъ считаеваемыхъ грозовыми», то собраніе присутствовавшихъ ученыхъ, хотя и приняло къ свѣдѣнію мнѣніе автора, но все таки выразило

¹⁾ См. *ergo Miscellanea historica regni Bohemiae D. I lib. I, 115*. Сколько намъ известно, первыя правильныя объясненія дали: *Georgius Agricola 1546 г.*, затѣмъ *Albinus—1589 г.*, польскій врачъ *Jonston, Jac. Mallen (Historia sepulchralis Sarmatiae, Jena 1679)*, *M. G. Treuern (Kurze Beschreibung der Heidnischen Todtentöpfe etc. 1688)*, *Dr. Kundmann, Rhode, L. D. Hermann (Maslographia, 1711)*, *Volkmann (Silesia subterranea 1720)*, *J. Oesterling (De urnis sepulchralibus et armis lapideis veterum Cattarum 1714)*, *M. Ch. Reusch (De tumulis et urnis sepulchralibus in Prussia, Koenigsb. 1724)* и т. д. Первымъ, объяснившимъ грозовые стрѣлки какъ примитивныя каменные орудія и оружіе, былъ врачъ *M. Mercati*, умершій въ 1593 г., за нимъ *J. Oesterling, Eckhart, Nünning, Jussieu (1723)* и др. *Cp. Ledebur Ueber die deutsche Urnenliteratur von XVI—XVIII Jahrhundert (Verh. der Berl anthrop. Gesellsch. 1872)*.

сожалѣніе, что онъ не объяснилъ, почему бы эти стрѣлы не могли образоваться и въ облакахъ ¹⁾).

Но этнографическія свѣдѣнія, собранныя по всему земному шару, не могли болѣе быть оставляемы безъ вниманія. Въ 1724 г. іезуитъ Lafitau издалъ свое большое сочиненіе: «*Moeurs des sauvages américains, comparés aux mœurs des premiers temps*»; въ 1758 г. Goguet написалъ книгу: «*De l'origine des lois, des arts et des sciences et de leurs progrès chez les anciens peuples depuis le deluge*»; въ Англіи W. Stuckeley, J. Douglas и A. Gordon опубликовали свои мемуары о британскихъ древностяхъ ²⁾. Въ Германіи священникъ Esprez занимался изслѣдованіемъ Гейленрейтской пещеры во Франконіи; еще раньше его J. G. Keyssler, L. D. Hermann, G. A. Volkman, K. F. Schultz, Balduin и пр. опубликовали монографіи о древностяхъ силезскихъ, лужицкихъ, саксонскихъ и др. Въ Россіи уже Петръ Великій († 1725 г.) интересовался археологіей своего отечества, покровительствуя напр. собиранію и сохраненію памятниковъ болгарскаго царства на берегахъ Камы и Волги, разрушеннаго татарами въ 1236 г. Въ 1716 г. онъ отправилъ первую научную экспедицію въ Сибирь, подъ начальствомъ Мессершмидта, съ цѣлью, между прочимъ, и археологическихъ изысканій. Въ царствованіе Анны Іоанновны († 1740 г.) археологъ, этнографъ и историкъ Василій Никитичъ Татищевъ издалъ при помощи Академіи Наукъ первую въ Россіи инструкцію для собиранія древностей и разослалъ её во всѣ губернскія управленія; во второй половинѣ XVIII вѣка появляются уже этнографы и археологи: Миллеръ, Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Зуевъ, Рычковъ, и было положено основаніе музея въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ.

Въ концѣ того же прошлаго столѣтія появляются первыя замѣчательныя работы и у чеховъ. Дворянинъ Іосифъ Биненбергъ изъ Биненберка (1731—1798), присутствуя въ качествѣ военнаго инженера при крѣпостныхъ работахъ въ городѣ Краковъ-Градецъ, когда случайно открыты были разныя древности, описалъ эти послѣднія въ своихъ сочиненіяхъ; въ концѣ XVIII вѣка великій славистъ Іосифъ Добровскій издалъ первое научное сочи-

¹⁾ Изъ словъ русскаго ученаго Гмелина мы видимъ, что онъ еще въ 1732 году склонился больше къ стариннымъ взглядамъ, а въ С.-Петербургской академіи еще въ 1745 году «громовыя стрѣлы» помѣщались въ коллекцію минераловъ.

²⁾ Dr. W. Stuckeley, *Itinerarium Curiosum* (2 т. in fol.) Лондонъ 1724; *Stonenhenge a Temple restored to the British Druids, and Abury* (in fol.) Lond. 1740—43; James Douglas, *Nenia Britannica. A Sepulchral History of Great-Britain* (in fol.) Lond. 1793.

неніе по археологіи чешской земли, написанное по случаю нахожденія доисторическихъ гробницъ у Горжина возлѣ г. Мельникъ ¹⁾).

Еще болѣе замѣчательными работами обозначаются начало и первая половина нынѣшняго столѣтія. Въ это время мы встрѣчаемъ уже сочиненія, выдающіяся по своему значенію, и поэтому нельзя согласиться съ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что собственно-научныя работы по доисторической археологіи начинаются только съ сороковыхъ годовъ, т. е. съ того времени, когда начались систематическія изслѣдованія датскихъ такъ называемыхъ «кухонныхъ кучъ». Еще къ началу нашего столѣтія относятся замѣчательныя изслѣдованія французскихъ пещеръ Billaudell'a, Tournall'a, Christol'a, de Serres'a и др. и классическія изысканія Schmerling'a въ бельгійскихъ пещерахъ (1833—1840 гг.). Въ Англіи Mac-Ennery и Godwin Austin подробно изслѣдовали кентскую пещеру, Е. Номе — видбергскую, W. Buckland — кирдальскую, а D. Wilson издалъ сочиненіе объ археологіи Шотландіи. Въ Даниі работали Nyerup, Vedel Simonsen, а знаменитый археологъ Chr. Thomsen издалъ уже въ 1836 г. свое извѣстное «Введеніе въ сѣверную археологію» ²⁾.

Въ Германіи занимались въ это время доисторической археологіей Adler, Fuhrmann, W. Büsching, Dr. Fr. Wagner, H. F. Link, Lewetzow, Dorrow ³⁾; особенно же выдаются своими работами C. Klemm, K. Preusker, G. O. von Estorff, S. Wagener, G. C. Lisch, Fr. Kruse и другіе. Въ то же время началъ свою дѣятельность и знаменитый, недавно только умершій, археологъ L. Lindenschmit ⁴⁾.

¹⁾ J. Bienenberk von Bienenberk «Versuch über einige merkwürdige Alterthümer im Königreich Böhmen», 3 тома. (Praga 1778—85). J. Dobrovský. «Über die Begräbnissart der alten Slaven überhaupt und der Böhmen insbesondere» (Sitzungsbericht. d. k. Gesellsch. der Wissensch. 1786).

²⁾ Chr. Thomsen, Ledetraad til Nordisk Oldkyndighed. Копенгагенъ. 1836, вышло также въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde». 1837.

³⁾ Dorrow, «Opferstätte und Grabhügel der Germanen und Römer am Rhein» (Wiesbaden, 1819—21). W. Büsching, «Die heidnischen Alterthümer Schlesiens» (Jena, 1820—24).

⁴⁾ G. Klemm, «Handbuch der germanischen Alterthumskunde (Dresden, 1836) и Allgemeine Kulturgeschichte Bd. I (Leipz. 1843); K. Preusker, Blicke in die vaterländische Vorzeit (Leipz., 1841—43); G. O. von Estorff, Heidnische Alterthümer der Gegend von Uelzen im ehemaligen Bardengau (Hannover 1846); G. C. Lisch, Andeutungen über die altgermanische und slavische Grabalterthümer Meklenburgs (Schwerin, 1837); S. Ch. Wagener, Handbuch der in Deutschland entdeuten Alterthümer aus heidnischer Vorzeit (Weimar, 1842); F. Kruse, Budorgis (Leipz. 1819); Deutsche Alterthümer (Halle, 1824—28); Necrolivonica oder Alterthümer Livlands, Esthlunds und Curlands (Dorpat, 1842); L. Lindenschmit, Das germanische Todtenlager bei Selzen in Rheinhessen, 1848; нѣмецкія и скандинавскія работы этой

Изъ славянскихъ земель въ этотъ періодъ Россія стоитъ впереди всѣхъ. Въ 1804 г. въ ней основано было первое «Общество исторіи и древностей руссійскихъ» въ Москвѣ; въ 1839 г. было открыто подобное же общество въ Одессѣ, гдѣ уже раньше И. А. Стемковскій подалъ мысль объ основаніи музеевъ (въ Одессѣ и въ Керчи). Работали въ это время главнымъ образомъ А. Ашикъ, Брунъ, Беккеръ, П. Дюбрюксъ, Н. Н. Мурзакевичъ, Н. И. Надеждинъ, Г. И. Спасскій, Dubois de Montpéreux¹⁾, А. Е. Люценко и др. Въ Петербургѣ уже въ началѣ нашего столѣтія занимались русской археологіей П. И. Кеппенъ, Ваксель, директоръ Имп. Публичной Библіотеки А. П. Оленинъ²⁾ и др. Нельзя не упомянуть здѣсь также и Авг. Шлецера, сочиненія котораго были изданы въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1846 г. возникло въ Петербургѣ «Археологическо-нумизматическое общество» (издававшее свои записки только на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ), которое позже было переименовано въ «Императорское русское археологическое общество» и въ 1851 г. раздѣлилось на отдѣлы русской, восточной и западной археологіи. Здѣсь работали гр. А. Уваровъ, И. П. Сахаровъ, П. С. Савельевъ, Из. И. Срезневскій, Н. Е. Забѣлинъ, М. Калайдовичъ, митрополитъ Евгеній, А. А. Буникъ, В. В. Тизенгаузенъ, Д. А. Ровинскій, В. В. Стасовъ, не говоря уже о К. Е. фонъ Барѣ. Въ 1850 г. учреждена была кромѣ того при Министерствѣ Императорскаго Двора «Императорская Археологическая Коммиссія», задачей которой было поставлено приведеніе въ извѣстность, собраніе и храненіе русскихъ древностей. Императоръ Николай Павловичъ щедро поддерживалъ это учрежденіе, которое посылало въ разные края Россіи экспедиціи для раскопокъ, а также занималось и изданіемъ древностей; роскошное изданіе его «Древности Россійскаго государства» (1849—1853) посвящено впрочемъ главнымъ образомъ археологіи историческихъ временъ³⁾. Въ 1812 г. гр. І. Потоцкій издалъ уже археологическій атласъ Европейской Россіи⁴⁾.

эпохи перечислены у L. Undset'a въ его сочиненіи о скандинавской и средне-европейской археологіи (Христианія, 1887).

¹⁾ Dubois de Montpéreux, Des Tumulus, des Forts et des Remparts de la Russie occidentale (Paris, 1845).

²⁾ А. П. Оленинъ. Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степенѣ просвѣщенія Славянъ отъ времени Траяна и Русскихъ до нашествія татаръ (1832).

Занеже это должно было выйти подъ редакціей и съ текстомъ А. Н. рисунками академика Солищева, но по случаю смерти Оленина оно было вѣреннымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ графа С. Т. Строганова. Оно написано А. Ф. Вельтманомъ и И. М. Снегиревымъ.

³⁾ П. Погодинъ, Судьбы археологіи въ Россіи (Журн. Мин. Нар. и Вѣстужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, т. I, стр. 151 (Спб. 1872).

Много работали также въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія въ Украинѣ, въ Литвѣ и въ Польшѣ. Въ Кіевѣ были изданы большія сочиненія Н. Фундуклея и М. Грабовскаго ¹⁾, въ Литвѣ много собирали и писали R. Zienkiewicz, гр. Eus. Tyszkiewicz и главнымъ образомъ братья его Konstantyn Tyszkiewicz. Въ 1855 г. основано было имъ въ Вильнѣ Археологическое Общество съ музеемъ. Въ Польшѣ, въ Бѣлоруссии и въ Галичинѣ много работали: I. Kraszewski, A. B. Glebowicz, J. Lippoman, гр. Eus. Tarnowski, I. Lelewel, Żegota Pauli, M. Potocki, M. Grabowski, и другіе, а въ особенности Adam Czarnocki, иначе называвшійся Zorian Dołęga Chodakowski (Зоріанъ Долѣнга Ходаковскій) ²⁾.

Въ Чехии съ конца прошлаго столѣтія минуло много лѣтъ, пока историческая археологія шагнула впередъ ³⁾. Только въ тридцатыхъ годахъ появляется двое усердныхъ тружениковъ: собиратель P. Václav Crolmus (около 1790—1861) и двор. Kalina z Jaethensteinu (1772—1848), который съ помощью Крольмуса издалъ первое большое сочиненіе, посвященное чешской археології ⁴⁾. Послѣ Калины вообще началось болѣе сильное движеніе. Павелъ Шафарикъ (Šafárik) готовилъ 2-й томъ Славянскихъ Древностей, который однако къ сожалѣнію не вышелъ; Янъ Колларъ (Kollár) усердно занимался археологіей и въ 1849 году былъ назначенъ профессоромъ славянскихъ древностей въ вѣнскомъ университетѣ, и наконецъ

¹⁾ Н. Фундуклей. Обзоръ могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ. (Кіевъ, 1848). М. Grabowski—Ukraina dawna i teraźniejsza (Kijów, 1850).

Къ тому же времени относятся и раскопки многочисленныхъ кургановъ, произведенныя Кіевскою Археологическою Коммиссіей подъ руководствомъ Предсѣдателя ея проф. Н. Д. Иванішева; результаты ихъ были опубликованы въ 1846 г. подъ заглавіемъ: „Древности, изданныя Временною Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ“, in folio съ XII табл. и текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ (3 вып.).

Прим. переводч.

²⁾ E. Tyszkiewicz, Rzut oka na źródła archeologii krajowej (Wilna, 1842). Главное сочиненіе его брата вышло позже: O kurganach na Litwie i Rusi zachodniej (Berlin, 1868). Главное сочиненіе I. Крашевскаго—Sztuka u Słowian szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej, вышло только въ 1860 г. въ Вильнѣ. Żegota Pauli, Starożytności galicyjskie (Lwów, 1838). Z. D. Chodakowski—O Słowiańszczyźnie przed Chrześcijaństwem (Kraków, 1835). J. Lippoman — Zastanowienie się nad mogiłami etc. (Wilno, 1832).

³⁾ Можетъ быть слѣдуетъ причислить также сюда родившагося въ Прагѣ I. М. Конрадъ, который въ 1818 г. издалъ въ Вѣнѣ сочиненіе: Uebersicht einer Urgeschichte der Welt und des Menschen in Bezug auf die ersten Ansiedelungen und Wanderungen des menschlichen Urstammes.

⁴⁾ Kalina von Jaethenstein, Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber und Alterthümer mit 35 Steindrucktafeln (Praga, 1836).

Jan Erasim Vocel открылъ новый періодъ чешской археологіи изданіемъ своего сочиненія «Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde» въ Прагѣ въ 1845 г. ¹⁾).

Къ этому времени относится также и организація археологическихъ работъ въ Чехіи. Въ 1841 г. по почину Ф. Палацкаго положено было основаніе археологической коллекціи при музеѣ королевства чешскаго (открыта она была, впрочемъ, только въ 1843 г.), а въ 1853 г. VI. Zar'омъ было начато изданіе «Památky archeologické a mistopisné».

Въ Моравіи въ это же время сначала А. Vošek, а послѣ него главнымъ образомъ Beda Dudik, I. Eder, M. Koch, Christian d'Elvert и др. начали съ большимъ вниманіемъ относиться къ археологическимъ находкамъ ²⁾).

Не желая разбрасываться въ нашемъ историческомъ очеркѣ, мы перешагнули однако за сороковые года и можемъ видѣть, что эта эпоха вовсе не представляетъ собой какой нибудь опредѣленной грани въ ряду научныхъ археологическихъ работъ, какъ это одно время утверждалось. Нельзя отрицать впрочемъ, что съ 40-хъ и 50-хъ годовъ работы эти стали болѣе выдѣляться, особенно въ отношеніи систематичности изслѣдованій. Усиленное движеніе, которое появляется, начиная съ этого времени, въ доисторической археологіи Европы, было вызвано главнымъ образомъ тремя важными открытіями. Первые два изъ нихъ указали на необходимость болѣе систематическаго и методическаго изслѣдованія, а третье дало матеріалъ и поводъ къ великой теоретической и практической работѣ, предметъ которой заключается въ изслѣдованіи вопроса о началѣ человѣчества.

I. Въ 1848 г. по предложенію датской академіи послана была коммиссія, состоявшая изъ трехъ ученыхъ Steenstrup'a, Forchhammer'a и Worsaae (Ворсо) для изслѣдованія датскихъ доисторическихъ сорныхъ кучъ, такъ наз. Kjökkenmødding'овъ. Шесть подробныхъ отчетовъ, изданныхъ этой коммиссіей, не мало содѣйствовали установленію болѣе научнаго метода въ доисторической археологіи.

II. Еще большее движеніе было возбуждено открытіемъ доисторическихъ свайныхъ построекъ въ Швейцаріи. Они были найдены случайно въ 1853 г., около береговъ Цюрихскаго озера и съ этого времени были внимательно изслѣдуемы д-ромъ Ферд. Келлеромъ и другими ³⁾. Эта находка послужила стимуломъ къ изслѣдованію многихъ озеръ не только въ Швейцаріи, но и въ

¹⁾ Главное сочиненіе Вочеля: „Pravěk země české“ вышло въ Прагѣ только въ 1866 — 1868 гг. Въ 1850 г. Вочель былъ назначенъ профессоромъ археологіи (а потомъ и чешской литературы) въ Пражскомъ университетѣ.

²⁾ Dr B. Dudik, Ueber die heidnischen Begräbnisplätze in Mähren (Sitzungsbericht d. k. Akademie in Wien, 1854).

³⁾ Официальные отчеты выходили подъ заглавіемъ «Pfahlbauberichte» въ запискахъ Археологическаго Общества въ Цюрихѣ.

другихъ странахъ Европы, увѣнчавшемуся во многихъ мѣстахъ успѣхомъ. Въ Швейцаріи въ теченіе перваго періода работъ (отъ 1854 до 1870 годъ) изслѣдованія производились болѣе или менѣе случайно и только съ того года, когда федеральное правительство рѣшило осушить нѣкоторыя озера и вслѣдствіе разныхъ работъ значительно понизился уровень нѣсколькихъ озеръ, изслѣдованія начались производиться систематически во всей странѣ и главнымъ образомъ на озерахъ Женевскомъ, Боденскомъ, Цюрихскомъ, Моратскомъ, Біеннскомъ, Невшательскомъ, Пфеффиконскомъ и др. Въ Австріи, въ озерахъ зальцбургскихъ и ниже-австрійскихъ изслѣдованія также дали очень интересные результаты. Подобныя же свайныя постройки были найдены затѣмъ во Франціи (въ Савойѣ), въ сѣверной Германіи (по берегамъ Балтійскаго моря), въ Моравіи и въ другихъ мѣстахъ, какъ будетъ указано далѣе ¹⁾.

III. Наибольшее вліяніе на развитіе доисторической археологіи въ указанный періодъ имѣли однако находки въ пещерахъ и вообще въ отложеніяхъ постплиоценоваго періода,—доказавшія, что человѣкъ жилъ въ Европѣ еще во времена гораздо болѣе отдаленныя, чѣмъ предполагали ранѣе. Далѣе, мы сообщимъ подробности объ этомъ дилювіальномъ или постплиоценовомъ человѣкѣ въ Европѣ, пока же ограничимся только упоминаніемъ о томъ, какимъ образомъ наука пришла исторически къ этимъ заключеніямъ.

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія ²⁾, а главнымъ образомъ въ началѣ нынѣшняго, разные изслѣдователи находили различныя орудія, сдѣланныя человѣческими руками, или даже человѣческія кости въ такихъ слояхъ земли, образованіе которыхъ безъ всякаго сомнѣнія относится къ очень древнимъ временамъ, къ такъ называемой дилювіальной эпохѣ (или «допотопной» какъ думали въ старину). Это были находки въ пещерахъ, какъ напр. открытія Schmerling'a въ Бельгіи, Mac-Ennery и Buckland'a въ Англіи. Tournai'a, Christol'a и Serres'a во Франціи, Esper'a въ Франконіи и т. п. Но ни находки эти, ни ихъ обстоятельныя описанія не обращали на себя должнаго вниманія. Укоренившихся взглядовъ, а главное авторитета нѣкоторыхъ ученыхъ, рѣшительно возстававшихъ противъ новыхъ мнѣній, было достаточно для того, чтобы всѣ эти находки игнорировались и замалчивались. Во главѣ такихъ ученыхъ былъ прежде всего знаменитый французскій палеонтологъ G. Cuvier (Кювье), объ авторитетъ котораго разбивались всѣ попытки доказать, что человѣкъ жилъ во Франціи одновременно

¹⁾ Ср. L. Etmüller, Zur Geschichte der Entdeckung und Erkennung der Pfahlbauten (Цюрихъ 1866).

²⁾ Одной изъ первыхъ такихъ находокъ была сдѣланная, а главное описанная John'омъ Frègè'омъ въ 1797 г. въ Нохе въ Суффолькѣ (въ Англіи). Но еще передъ нимъ священникъ Espeg выражалъ мнѣніе о современности человѣка съ дилювіальными животными.

съ большими, вымершими, дилювіальными животными. Впрочемъ къ Кювье, въ этомъ вопросѣ часто относятся слишкомъ строго. Правда, что своимъ авторитетомъ онъ задержалъ нѣсколько успѣхи археологін точно такъ-же, какъ задержалъ ихъ въ зоологін и антропологін своими спорами съ Жоффруа-Сентъ-Илеромъ и Ламаркомъ. Но Кювье вовсе не былъ безусловнымъ противникомъ существованія дилювіальнаго человѣка. «*Raz encoze*» (еще нѣтъ?), отвѣтилъ онъ только, когда его кто-то спросилъ, нашли-ли уже «допотопнаго» человѣка. Кювье не вѣрилъ, чтобы человѣкъ существовалъ въ Европѣ непрерывно отъ эпохи дилювіа до настоящаго времени. Онъ не могъ въ это вѣрить на томъ основаніи, что путемъ разныхъ соображеній онъ пришелъ къ принятію теоріи катаклизмъ, т. е. полагалъ, что всѣ великіе періоды въ исторіи земли, въ томъ числѣ и дилювіальная эпоха, оканчивались внезапными переворотами, въ которыхъ погибало все жившее на сушѣ, а все являвшееся послѣ того было результатомъ новаго творенія. Гдѣ-то, въ какомъ-нибудь уголкѣ земли можетъ быть и удалось уцѣлѣть человѣку, но у насъ, въ Европѣ, по его мнѣнію,—это было невозможно. Мы не имѣемъ также права забывать и того, что Кювье долженъ былъ отличаться особенной осторожностью въ виду тѣхъ увлеченій, какія уже давно случались съ допотопнымъ человѣкомъ, и въ виду тѣхъ нападеній, которыми подвергалась палеонтологія со стороны публицистики (Вольтеръ). Еще была жива въ памяти случившаяся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ исторія съ I. I. Scheuchzer'омъ, который нашелъ въ Oeningen'скомъ сланцѣ отпечатокъ скелета «допотопнаго человѣка» (*homo diluvii testis*), оказавшійся потомъ отпечаткомъ большой саламандры.

Послѣ этого понятно, почему такой великій ученый, какимъ былъ Кювье, отвергалъ существованіе дилювіальнаго человѣка. Многія находки оставались безъ вниманія, пока плотина наконецъ не была прорвана упорствомъ Boucher de Perthes'a, которому принадлежитъ заслуга и честь совершенія этого научнаго подвига ¹⁾.

Буше де Пертъ еще начиная съ 1838 г. находилъ въ четверичныхъ постплаценовыхъ наносахъ рѣки Соммы, въ сѣверной Франціи, грубо обдѣланныя каменные орудія вмѣстѣ съ остатками дилювіальныхъ животных и приходилъ къ заключенію, что какъ тѣ, такъ и другіе относятся къ одной эпохѣ. Но ему очень долго не хотѣли въ этомъ вѣрить, и только тогда, когда вѣрность его находокъ и ихъ опредѣленія была засвидѣтельствована на мѣстѣ, кромѣ д-ра Rigollot изъ Аміена, еще нѣсколькими выдающимися англійскими геологами (Falconer, Evans, Prestwich и Lyell) и

¹⁾ Находки Буше де Перта были описаны имъ въ 3-хъ выпускахъ сочиненія «*Antiquités celtiques et antediluvienues* (Paris 1847—64)». Ср. кромѣ того его работу «*De l'homme antediluvien et de ses oeuvres*» (Paris 1860).

когда около того-же времени Ч. Ляйбелль добился наконецъ всеобщаго признанія своей теоріи постепеннаго развитія земной коры (теоріи окончательно исключившей изъ исторіи земли всеразрушающіе внезапные перевороты Кювье), тогда только вѣра въ существованіе дилювіальнаго человѣка могла найти для себя надежную почву. Когда-же наконецъ въ 1859 г. Ч. Ляйбелль самъ въ заведеніи Лондонскаго Королевскаго Ученаго Общества высказался въ пользу мнѣній Буше-де-Перта, тогда сразу увѣровалъ въ нихъ и весь образованный свѣтъ. Авторитетъ былъ усиленъ авторитетомъ. Цѣлыя толпы ученыхъ начали посѣщать мѣста находокъ въ долинѣ Соммы и вскорѣ затѣмъ по всей Европѣ началось усиленное разыскиваніе дилювіальнаго человѣка.

Къ этимъ великимъ открытіямъ присоединилось еще одно событіе, способствовавшее выясненію вопроса о существованіи и происхожденіи древняго человѣка. Это было появленіе новой, въ высшей степени опредѣленной и научно-обработанной эволюціонной теоріи Ch. Darwin'a ¹⁾. Ч. Дарвинъ въ своей первой книгѣ о происхожденіи видовъ не затронулъ еще вопроса о началѣ человѣчества и только въ книгѣ о происхожденіи человѣка изложилъ извѣстную гипотезу о развитіи человѣческаго рода изъ типа Primates, вѣроятно же всего изъ какого нибудь вымершаго типа высшихъ антропоморфныхъ обезьянъ. Съ этихъ поръ стало уже яснымъ, какъ для послѣдователей такъ и для противниковъ этой теоріи, что лучшее разрѣшеніе возникшихъ такимъ образомъ вопросовъ можетъ быть дано лишь палеонтологіей и доисторической археологіей. Что ими въ этомъ отношеніи сдѣлано—мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь-же мы хотѣли только указать на то ве-

---

¹⁾ Извѣстно, что еще ранѣе Дарвина подобнаго рода идеи уже высказывались цѣлымъ рядомъ ученыхъ. Въ видѣ цѣльной теоріи онѣ были изложены въ первый разъ Lamarck'омъ, величайшимъ изъ предшественниковъ Дарвина, въ его сочиненіи «Philosophie zoologique» (Paris 1809). Главныя сочиненія Дарвина слѣдующія: «On the Origin of Species by means of Natural Selection» (Lond. 1859) и «On the Descent of Man and Selection in Relation to Sex» (Lond. 1871). Оба переведены почти на всѣ европейскіе языки. О біографіи Дарвина см. соч. его сына Fr. Darwin'a «The life and letters of Ch. Darwin» (Lond. 1888), а также соч. Ch. Holder'a «Charles Darwin his Life and Work» (New-York 1891).

На русскій языкъ эти два соч. Дарвина были переведены—первое А. Рачинскимъ, подъ заглавіемъ: О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора (Моск. 1865) и второе, подъ ред. Влагосвѣтлова, подъ загл.: Происхожденіе человѣка и половой подборъ (Спб. 1871) и подъ ред. Сыченова: Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу (Спб. 1871). Теорія Дарвина и его личность были очерчены также весьма живо проф. Тимирязевымъ, въ его книжкѣ «Чарльсъ Дарвинъ». Въ настоящее время выходитъ новый переводъ главнѣйшихъ сочиненій Дарвина подъ редакціей проф. Тимирязева, изд. О. Н. Поповой, а объ его жизни и трудахъ появилось изслѣдованіе М. Антоновича.

люкое значеніе, какое имѣло появленіе теоріи Дарвина въ развитіи доисторической археологіи.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь долѣе на исторіи нашей науки въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій. Важнѣйшія данныя этой исторіи будутъ упомянуты въ дальнѣйшемъ изложеніи результатовъ сдѣланныхъ работъ; здѣсь же мы должны были бы занять слишкомъ много мѣста личными и географическими именами. Взамѣнъ того мы помѣщаемъ здѣсь краткій обзоръ важнѣйшихъ археологическихъ учрежденій, музеевъ, обществъ и періодическихъ изданій, прилагая къ нимъ въ концѣ и списокъ главнѣйшихъ общихъ сочиненій по доисторической археологіи.

Общества и періодическія изданія.

Изъ французскихъ археологическихъ обществъ слѣдуетъ отмѣтить «Société nationale des antiquaires de France» (Mémoires, Bulletins), а по доисторической археологіи еще болѣе «Société d'Anthropologie» въ Парижѣ, основанное въ 1859 г. знаменитымъ Броа, и издающее ежемѣсячный журналъ Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris ¹⁾, а также Mémoires de la S^{te} d'A. de P. Подобные же «Bulletins» и «Mémoires» издаютъ и антропологическія общества—въ Лионѣ, въ Бордо, а въ Бельгіи—въ Брюсселѣ. Профессора парижской Антропологической Школы, состоящей при Обществѣ, издаютъ съ 1891 г. свой отдѣльный органъ «Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie de Paris». Наибольшее по объему и наиболѣе обстоятельное французское изданіе этого рода есть «L'Anthropologie», выходившее сначала подъ редакціей Р. Топинарда, Е. Картайяка и Е. Т. Наму, а теперь Булея, Вернеау и др. ²⁾.

Въ Англіи—Anthropological Institute of Great-Britain and Ireland издаетъ «The Journal of the Anthropol. Institute», а Society of Antiquaries of London, основанное королемъ Георгіемъ II въ 1750 г.—два сборника: Proceedings of the S. of A. и «Archaeologia». S. L. Gomme редактируетъ новое изданіе: «The Archaeological Review» (съ 1888 г.). Съ другой стороны, «British archaeological Association» и «Royal archaeol. Institute of Great Britain and Ireland» издаютъ свои «Journals». Нѣкоторые провинціальныя англійскія общества имѣютъ также свои

¹⁾ Всѣ «антропологическія» общества и періодическія изданія занимаются иногда и даже по большей части и доисторической археологіей. Общества же и періодическія изданія «археологическія» посвящаютъ себя главнымъ образомъ классической и средневѣковой археологіи. Таковы напр. Revue archéologique (ред. Alex. Bertrand и G. Perrot), Gazette archéologique, англійскіе журналы и т. п.

²⁾ Оно образовалось въ 1890 г. сліяніемъ трехъ прежнихъ журналовъ: Revue d'Anthropologie, Revue d'Ethnographie и Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme.

органы. Въ Шотландіи существуетъ еще съ 1780 г. Society of Antiquaries of Scotland, издающее свои «Proceedings», а въ Ирландіи—Royal Historical and Archaeological Association.

Въ Италіи Антропологическое Общество во Флоренціи издаетъ «Archivio per l'Antropologia» подъ редакціей проф. Р. Mantegazza; Л. Pigorini, Р. Strobel и А. Chierici издаютъ «Bollettino di paleontologia italiana» въ Пармѣ, а Л. Пигорини кромѣ того «Cronaca del Museo preistorico ed etnografico di Roma».

Изъ нѣмецкихъ журналовъ, кромѣ большого «Archiv für Anthropologie» и «Correspondenzblatt», издаваемыхъ германскимъ Антропологическимъ Обществомъ, можно назвать еще цѣлый рядъ періодическихъ изданій, служащихъ органами разныхъ меньшихъ антропологическихъ и археологическихъ обществъ, одно перечисленіе которыхъ далеко перешло-бы предѣлы нашей возможности. Наиболѣе важныя изъ нихъ—«Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande», въ Боннѣ; извѣстный «Zeitschrift für Ethnologie», который вмѣстѣ съ «Протоколами Берлинскаго антропологическаго Общества» (Verhandlungen der Berlin. Ges. f. Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte) такъ дѣятельно занимается славянской доисторической археологіей; Nachrichten über deutsche Alterthumskunde (ред. R. Virchow и A. Voss); затѣмъ мюнхенскіе «Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns» (ред. I. Ranke и M. Rüdinger) и Praehistorische Blätter (ред. D-r I. Naue), два лужицкихъ журнала: «Oberlausitzer Jahreshefte d. Ges. f. Anthropol. und Urgeschichte» (Görlitz) и «Mittheilungen d. anthrop. Vereins in Schleswig-Holstein» (въ Килѣ); «Schriften der naturforschenden Gesellschaft in Danzig»; «Schriften der physikalisch-oekonom. Gesellschaft zu Königsberg» и отчеты археологическаго Общества «Prussia» въ Кенигсбергѣ, «Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift» и рядъ другихъ журналовъ, издаваемыхъ разными мѣстными обществами (въ Мейнингенѣ, Штеттинѣ, Зигмарингенѣ, Галле, Байрейтѣ и пр.).

Между австрійско-нѣмецкими изданіями наиболѣе замѣчательны: «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», «Mittheilungen d. K. K. Centralcomission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale» и «Berichte und Mittheilungen d. praehist. Commission der K. Akademie d. Wissenschaften, всѣ выходящія въ Вѣнѣ, и «Argo» изд. подъ ред. Müllner'a въ Лайбахѣ. Изъ швейцарскихъ слѣдуетъ упомянуть о двухъ: «Anzeiger für schweizerische Alterthumskunde» («Indicateur d'antiquités suisses», подъ ред. I. Rahn'a) и «Antiqua» (ред. R. Forrer), оба выходящія въ Цюрихѣ. Изъ скандинавскихъ—выходящій въ Копенгагенѣ датскій «Aarbøger for

nordisk Oldkyndighed og Historie» и «Mémoires de la Société royale des Antiquaires du Nord» (nouv. série), въ Стокгольмъ—шведскій «Antiqvarisk Tidskrift för Sverige» и «Kong. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Månadsblad».

У мадьяръ есть свой главный археологическій журналъ «Archaeologiai Ertesitő», выходящій въ Пештѣ и кромѣ доисторическихъ древностей посвященный также исторической археологii.

У западныхъ славянъ—чеховъ и поляковъ также очень много занимаются доисторической археологiей. Изъ чешскихъ специальныхъ журналовъ наиболѣе заслуживаютъ вниманiя: Památky archaeologické a místopisné, издаваемые археологическимъ отдѣленiемъ Музея королевства Чешскаго, подъ редакцiей Л. I. Рiба (Л. И. Пичъ) и «Český Lid» (основ. Люб. Нидерле и Ченекомъ Зибромъ) въ Прагѣ; «Časopis vlasteneckého musejního spolku» въ Ольмюцѣ (подъ ред. Palliardi) и Časopis společnosti přátel starozitnosti» въ Прагѣ. Польскія работы помѣщаются чаще всего въ первой, посвященной археологii, части журнала «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», издаваемого Польскою Академiей наукъ въ Краковѣ. Въ Познани выходятъ кромѣ того «Zapiski archeologiczne poznajskie», издаваемые тамошнимъ Обществомъ любителей наукъ подъ ред. Л. Яздзевскаго и Б. Ежепки.

Въ Россii существуетъ цѣлый рядъ археологическихъ Обществъ (часть ихъ упомянута уже выше) и издаваемыхъ ими сборниковъ и журналовъ, но журналы эти только отчасти посвящены доисторической археологii, специального же органа для этой науки пока еще нѣтъ. Наиболѣе замѣчательны: «Записки Императорскаго Русскаго археологическаго Общества» въ С.-Петербургѣ, «Древности», изд. Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ въ Москвѣ¹⁾; начатыя изданiемъ съ 1883 г. «Извѣстiя Общества Археологii, Исторii и Этнографii» при Казанскомъ университетѣ, и Записки археологическаго Общества въ Одессѣ. Имп. Археологическая Коммиссiя въ С.-Петербургѣ издавала въ 1859—81 годахъ подъ редакцiей Л. Стефани «Отчетъ Имп. археологической коммиссii», и продолжаетъ изданiе «Отчетовъ», такъ и (съ 1866 г.) «Материаловъ по археологii Россii».

1). Кромѣ того, статьи и замѣтки по доисторической археологii помѣщаются въ «Трудахъ» нѣкоторыхъ губернскихъ Ученыхъ архивныхъ въ изданiяхъ Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей въ Москвѣ и въ Отчетахъ двухъ антропологическихъ Обществъ

391 г. Московское археологическое общество начало изданiе новаго археологическаго Извѣстiя и Замѣтки» сперва подъ редакцiей Яковлева, затѣмъ гг. Линиченко и Михайловскаго, а нынѣ поступившiя новой редакцiи.

въ Петербургѣ ¹⁾. Изъ южно-славянскихъ журналовъ слѣдуетъ отмѣтить болгарскій «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина» (ред. Д-ръ Ив. Шишмановъ), сербскій «Гласникъ земальскогъ музеја у Босни і Херцеговини» въ Сараевѣ (ред. К. Херман) ²⁾, «Старинар српскогъ археолошкогъ друштва» въ Бѣлградѣ, хорватскіе «Vjestnik hrvatskoga arkeologiškogъ društva» въ Загребѣ (ред. S. Ljubić) и «Izvestja muzejskoga društva za Krajsko» (Лайбахъ).

Музеи.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ устраиваются отдѣленія при музеяхъ и спеціальныя музеи предметовъ мѣстной доисторической археологіи ³⁾. Наибольшія учрежденія этого рода въ Европѣ находятся: въ Saint-Germain-en-Laye, возлѣ Парижа; въ Лондонѣ (въ Британскомъ музеѣ); въ Берлинѣ (Museum für Völkerkunde); въ Вѣнѣ (Отдѣленіе И. К. Естественно-Историческаго Музея); въ С.-Петербургѣ (въ Имп. Эрмитажѣ); въ Москвѣ (въ Историческомъ Музеѣ, въ Антропологическомъ музеѣ Университета, въ Румянцевскомъ Музеѣ); въ Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, Болоньѣ, Римѣ. Въ Австріи кромѣ Вѣнскаго выдающіеся музеи находятся еще въ Прагѣ, въ Краковѣ, въ Пештѣ, въ Лайбахѣ, въ Триестѣ, а спеціально въ чешскихъ земляхъ—въ Ольмюцѣ и Брюннѣ (Бриѣ). Есть также нѣсколько прекрасныхъ музеевъ этого рода въ Германіи, въ Швейцаріи, а въ Россіи—еще въ Одессѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Базани, Екатеринбургѣ, Иркутскѣ, Минусинскѣ, Томскѣ, Гельсингфорсѣ, Тифлисѣ, и др.

Съѣзды.

Большое вліяніе на развитіе доисторической археологіи имѣютъ съѣзды, особенно большіе международные конгрессы по доисторической археологіи и антропологіи, начало которымъ было положено въ 1865 г. французскимъ археологомъ G. de Mortillet, въ Спеціи. До сихъ поръ ихъ было 11, а именно: въ 1866 г. въ Невшателѣ, въ 1867 г. въ Парижѣ, въ 1868 г. въ Нор-

¹⁾ Изъ южно-русскихъ ученыхъ изданій наиболѣе помѣщаютъ у себя статей по доисторической археологіи «Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца» въ Кіевѣ (съ 1879 г.), «Кіевская старина» (съ 1882 г.), Записки Харьковскаго Историко-филологическаго Общества (съ 1886 г.), Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Лѣтопись историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ (съ 1890 г.) и др.

Прим. переводч.

²⁾ Съ 1893 г. правительство Босніи начало издавать еще періодическій сборникъ мѣстныхъ работъ подъ ред. M. Hoernes'a: Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina (Wien Gerold.).

³⁾ Ср. также Voss, Verzeichniss der in Deutschland und einigen angrenzenden Ländern befindlichen öffentlichen und privaten Sammlungen von anthrop., ethnoł. und urgesch. Gegenständen (München 1876). Въ 1880 г. въ Германіи существовало 530 большихъ археологическихъ коллекцій.

вичѣ, въ 1869 г. въ Копенгагенѣ, въ 1871 въ Болоннѣ, въ 1872 въ Брюсселѣ, въ 1874 въ Стокгольмѣ, въ 1876 г. въ Пештѣ, въ 1880 г. въ Лиссабонѣ, въ 1889 г. въ Парижѣ, и въ 1892 г. въ Москвѣ. Двѣнадцатый конгрессъ предполагенъ въ Афинахъ или Бухарестѣ. Труды всѣхъ этихъ конгрессовъ были въ свое время опубликованы. Изъ прочихъ съѣздовъ особенно важны были для доисторической археологiи Средней Европы конгрессы германскаго антропологическаго Общества, происходившіе до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ въ количествѣ 25-ти, а для славянской археологiи русскіе съѣзды: 1) въ Москвѣ въ 1869 г., 2) въ Петербургѣ въ 1871 г., 3) въ Кіевѣ въ 1874 г., 4) въ Казани въ 1877 г., 5) въ Тифлисѣ въ 1881 г., 6) въ Одессѣ въ 1884 г., 7) въ Ярославлѣ въ 1887 г., 8) въ Москвѣ въ 1890 г., 9) въ Вильнѣ въ 1893 г., а десятый назначенъ въ Ригѣ въ августъ 1896 г.

Общія сочиненія о доисторическомъ человѣчествѣ.

Болѣе значительныя и обширныя сочиненія о европейскомъ доисторическомъ человѣкѣ—слѣдующія: Fr. de Rougemont, *Le peuple primitif* (Genève 1857); J. Evans, *Archaeologia* (Lond. 1861); его же «Stone age» и «Bronze age», переведенныя и на франц. языкъ; D. Wilson, *Prehistoric Man. Researches into the Origin of Civilisation in the Old and New World* (Lond. 1862); Sir John Lubbock, *Prehistoric Times* (Lond. I изд. 1865) (по русски: «Доисторическія времена» въ перев. подъ ред. Д. Анучина, Москва, 1874); Ed. von Sacken, *Leitfaden zur Kunde des heidnischen Alterthums* (Wien 1865); Marquis de Nadaillac, *L'ancienneté de l'homme* (2 изд. Paris 1870); H. Westropp, *Handbook of Archaeology* (Lond. 1867); Ed. Tylor, *Researches into the Early History of Mankind* (Лонд. 1870, русскій пер. подъ ред. проф. Мильгаузена, Москва 1868) и «Primitive Culture» («Первобытная культура», рус. пер. подъ ред. Коробчевскаго); E. T. Hamy, *Paléontologie humaine* (Paris 1870); H. H. Westropp, *Prehistoric Phases* (Lond. 1872). M. Venturoli, *L'uomo preistorico* (Bologna 1872); D. Riolacci, *Anthropologie, Ancienneté de l'homme etc.* (Paris 1873); Zaborowski—Moindron, *De l'ancienneté de l'homme. Résumé populaire* (Paris 1874); Fr. Ratzel, *Vorgeschichte des europ. Menschen* (München 1874); Corazzini, *I tempi preistorici* (Verona 1874); James C. Southall, *Recent Origin of Man* (Philadelphia 1875); его же *The Epoch of the Mammoth and the Apparition of Man upon the Earth* (Lond. 1878); Sales y Ferré, *Prehistorica y origen de la civilización I* (Sevilla 1880); E. Baer und Fr. von Hellwald, *Der vorgeschichtliche Mensch* (2 изд. Leipz. 1880); M. Venturoli, *Le età preistoriche* (Bologna 1880); Al. Carina, *L'uomo preistorico* (2 изд. Lucca 1881); J. Geikie, *Prehistoric Europe* (Lond. 1881); H. Hildebrand, *De förhistoriska*

folken i Europa (Stockholm 1881); Графъ А. С. Уваровъ, Археологія Россіи, Каменный вѣкъ, М. 1881, 2 т.; Marquis de Nadaillac, Les premiers hommes et les temps préhistoriques (Paris 1881), въ нѣмецк. перев. W. Schlösser'a u Ed. Seler'a (Шрыттрадъ 1884); Ans. d'Andrade, Paléontologia humana (Lissabon 1882); G. de Mortillet, Le préhistorique. Antiquité de l'homme. I. (Paris 1883); G. D. Lind, Man. Embreeing his origin, antiquity, primitive condition, races, customs, physical structures etc. (Chicago 1884); A. Rauber, Urgeschichte des Menschen (Leipz. 1884); C. Gallo, I tempi preistorici e le razze umane primitive (Catania 1885), популяр. соч. Dan G. Brinton, Prehistoric Archaeology (оттискъ изъ «Iconographic Encyclopaedia of the arts and sciences», Philadelphia 1886); Ch. Debierre, L'homme avant l'histoire (Paris 1887) (есть и въ русскомъ переводѣ), популяр. соч. J. Ranke, Der Mensch, 2-й т. (Leipz. 1887, 2-ое дополненное изд. 1895); S. P. M. Estacio da Veiga. Paleoethnologia (Lissabon 1887); Yesares B. Ensayos criticos sobre las tres edades de la historia. I. Tiempos préhistoricos (Madrid 1888); M. Alsberg, Anthropologie mit Berücksichtigung der Urgeschichte des Menschen (Stuttg. 1888); Marquis de Nadaillac, Moeurs et monuments des peuples préhistoriques (Paris 1888); C. F. Keary, The Dawn of History. An introduction to Prehistoric Study (New-York 1889); Th. Wilson, A study of prehistoric anthropology. Handbook for beginners (Washingt. 1890); I. S. Sampson, Primitive Man (Boston 1890); de la Peña y Fernandez. Manual de arqueologia prehistórica (Sevilla 1890); Dr. M. Hoernes, Die Urgeschichte des Menschen nach dem heutigen Standpunkte der Wissenschaft (Wien 1892), сокращенное изд. въ коллекціи Göschena (Stuttg. 1895); John Hunter Duwar, The Stone, Bronze and Iron Ages (Lond. 1892). Небольшія популярныя книжечки на чешскомъ яз. составили: Kl. Сержмак «Pravěk lidstva evropského» I. (Прага, изд. Матицы Чешской 1887) и В. Ропелка «Obrazy z pravěku evropskeho lidstva» (Meziříč 1889).

Наилучшимъ словаремъ по доисторической археологіи считается до сихъ поръ французскій «Dictionnaire des sciences anthropologiques», изданный подъ редакціей нѣсколькихъ ученыхъ, между которыми археологической частью заведывалъ Габріель де Мортилье (Парижъ 1884—1889). Самый лучшій атласъ по этой отрасли знанія издали Gabriel et Adrien de Mortillet «Le Musée préhistorique (Paris 1882); для австрійскихъ земель существуетъ спеціальныи «Kunsthistorischer Atlas», изданный (Wien 1889) Имп. королев. центральною Коммиссіей для охраненія памятниковъ старины, подъ редакціей M. Much'a.

Приводимъ также нѣкоторыя наиболѣ важныя и новѣйшія работы, относящіяся къ нѣсколькимъ болѣ обширнымъ странамъ Европы, для того чтобы не ссылаться на нихъ постоянно въ дальнѣйшемъ изложеніи. Прочія

сочиненія, посвященныя отдѣльными эпохамъ или ихъ подраздѣленіямъ, а также и монографіи—мы укажемъ далѣе въ видѣ примѣчаній къ тексту въ концѣ книги. Прибавимъ, что изъ перечисленныхъ нами ниже сочиненій, нѣкоторыхъ мы не имѣли случая видѣть.

Франція. Съ археологіей Франціи можно очень хорошо познакомиться по сочиненію E. Cartailhac'a *La France préhistorique* (Paris 1889), котораго вышелъ пока только 1-й томъ, касающійся каменнаго періода, и работамъ Alex. Bertrand'a: *Archéologie celtique et gauloise* (P. 1876), *Nos origines, La Gaule avant les Gaulois d'après les monuments et les textes* (1 изд. 1884, 2-е 1891, въ Парижѣ).

Plette, *Analyse de «La France préhistorique» de M. Cartailhac* Сюда же надо причислить и большой словарь «*Dictionnaire archéologique. Epoque celtique*» (P. 1869—79). Большой каталогъ Сен-Жермен-инъ S. Reinach'омъ (*Antiquités nationales. Description raisonnée duomain en Laye*, P. 1890), котораго вышла только первая часть, иллюстраціямъ каменнаго періода, будетъ, разумется, въ нѣкоторыхъ нѣмъ изъ лучшихъ сочиненій по доисторической археологіи Франціи. Франція обладаетъ множествомъ прекрасныхъ и обстоятельныхъ монодическихъ отдѣльныхъ провинцій или департаментовъ, какъ Бретань, нигин, Нормандія, департ. Жиронды, Ювны, и т. д., которыхъ мы не перечислять. Изъ бельгійскихъ сочиненій приведемъ C. van der lue primitive» (Paris 1867) и книгу Alfr. de Loé *L'archéologie uloise, galloromaine et franque* (Bruxelles 1890).

Шотландія и Ирландія. Старинныя сочиненія: D. W. Stuc- ium Curiosum (Lond. 1724); James Douglas, *Nenia Britannica, History of Great Britain* (Lond. 1793); W. Camden, *Britannia description of England, Scotland and Ireland from the earliest anti- 789); Akerman, Archaeological Index* (Lond. 1847); *Remains of om* (Lond. 1855); D. Wilson, *The Archaeology and prehistoric and royal* (Edinb. 1851); Roach Smith, *Collectanea antiqua* (Lond. ch Smith, *Inventorium sepulchrale* (Lond. 1856); Bateman, *Ten s* (Lond. 1861); Th. Wright, *The Celt, the Roman and the Saxon* 885); Henry de Neill, *The fine arts and civilisation of ancient* 1863); S. Laing & Th. Huxley, *Prehistoric Remains of Caithness* . Jewitt, *Grave mounds and their Contents* (Lond. 1870); J. B. ne monuments, *Tumuli and Ornament of Remote Ages* (Lond. 1870); *British barrows, a record of the examination of sepulchral mounds* of England (Oxford 1877); J. Rhys, *Early Britain* (2-е изд. Lond. ks, *Prehistoric Man of Britain* (Lond. 1889); Ch. Boutell, *A sh Archaeology* (Lond. 1891) и др.

и Португалія. A. F. Simões *Introdução a Archeologia da Penin- Antiguidades prehistoricas* (Lissab. 1878). Очень цѣнное сочиненіе французскій археологъ E. Cartailhac, *Les âges préhistoriques de i Portugal* (Paris 1886). Кроме того ср. Don Manuel Góngora y tignedades prehistoricas de Andalucia (Madr. 1868) Превосходное археологіи юговосточнаго побережья издали братья Henri et Louis

Siret, Les premiers âges du métal dans le Sud-Est de l'Espagne (Bruxelles 1887). S. P. M. Estacio da Veiga, Antiguidades monumentaes do Algarv e Tempos prehistóricos (Lissabon. 1886—89); Ribeiro C. Notice sur quelques stations et monuments préhistoriques (Lissabon 1878—80) 2 т.

Италия. E. Bignani-Sormani, L'archeologia preistorica in Italia (Milano 1875); F. Berté, Introduzione allo studio dell' antropologia preistorica della Sicilia (Catania 1883); Pomp. Castelfranco, Paléothnologie italienne (Revue d'Anthropologie 1886—1889); In. Regazzoni, Paleotnologia (Mil. 1885, 2-е изд. 1890); Pezzoli R. Paletnologia popolare (Bologna 1893); Oscar Montelius, La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des metaux (Berl. 1895).

Нѣмецкія земл. Кромѣ сочиненій указанныхъ выше ср. также Kemble's *Horae Ferales or Studies in the Archaeology of the northern Nations* ed. by A. Franks (Lond. 1863); Dr. A. Lissauer, *Die praehistorischen Denkmäler der Provinz Westpreussen und der angränzenden Gebiete* (Leipz. 1887); Dr. Bol. Erzepka, *Album przedhistorycznych zabytków w ks. poznańskim I.* (Pozn. 1893); G. Osowski, *Zabytki przedhistoryczne ziem polskich I. Prusy królewskie* (Kraków 1879—89) съ текстомъ на польскомъ и французскомъ яз.; A. Voss & Gust. Stimming, *Vorgeschichtliche Alterthümer der Mark Brandenburg* (Brandenb. 1887); Frau J. Mestorf, *Vorgeschichtliche Alterthümer* {aus Schleswig-Holstein (Hamb. 1885); Otto Tischler, *Ostpreussische Gräberfelder* (Königsb. 1879); его же *Oberpreussische Grabhügel* (Königsb. 1887, 2-е изд. 1888, 3-е изд. 1890); Dr. R. Beltz, *Die vorgesch. Zeit Mecklenburgs* (Wismar 1894); Dr. J. Müller, *Vor- und frühgeschichtliche Alterthümer der Provinz Hannover* (Hann. 1893); Maack, *Urgeschichte des schleswig-holsteinischen Landes* (Kiel. 1869); *Vorgeschichtliche Alterthümer der Provinz Sachsen und angränzender Gebiete*, herausgeg. von. d. hist. Commission d. Prov. Sachsen (Halle съ 1883 г.); O. Martins, *Die hauptsächl. praehist. Denkmäler Schlesiens* (Breslau 1891); E. Wagner, *Hügelgräber und Urnenfriedhöfe in Baden* (Karlsruhe 1885). О Баварія см. очень обстоятельный IV т. каталога коллекціи народнаго музея въ Мюнхенѣ (*Die vorgeschichtlichen, römischen und merovingischen Alterthümer*. Мюнх. 1892); L. Lindenschmit, *Das Römisch-germanische Central-Museum in bildlichen Darstellungen* (1889); L. Lindenschmit, *Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit* (выходить съ 1858 г.). Очень важно также изд. Dr. A. Voss'a *Photographisches Album der Ausstellung praehist. und anthrop. Funde Deutschlands* (Berl. 1880). Археологическую карту Баваріи издалъ F. Ohlenschläger въ Мюнхенѣ (окончена въ 1890 г.) Подобная же карта проектирована для всей Германіи. Меньшія частичныя карты составлены Zimmermann'омъ, Osowski'мъ, Lissauer'омъ, Zingeler'омъ и др.

Швейцарія. A. de Bonstetten, *Recueil d'antiquités suisses* (Bern. 1855), Прибавленія (Lausanne 1860—67); O. Heer, *Die Urwelt der Schweiz* (Zürich 1865); Morlot, *Etudes géologico-archéologiques en Danemark et en Suisse* (Lausanne 1860); *Les monuments préhistoriques de la Suisse occidentale et de la Savoie*. *Album des photographies avec texte* (Lausanne 1872); V. Gross, *Les Protohelvètes* (Berl. 1883); B. Reber, *Die Einwohner der Schweiz in der vorgeschichtlichen Zeit* (Genf 1890); R. Ulrich & A. Heizmann, *Beschreibender Katalog der antiquar. Sammlung in Zürich* (Zürich 1892); I. Heierli, *Übersicht über die Urgeschichte der Schweiz* (Zürich 1895) Археологическія карты Швейцаріи изданы F. Keller'омъ и I. Heierli (*Archeol. karte d. Canton Zürich* (Zürich 1894).

Скандинавскія земли могутъ быть названы наиболее изслѣдованными. Chr. Thomsen еще въ 1836 г. издалъ въ Даниигъ свое «Введеніе въ скандинавскую археологію», а послѣ него начали работать; J. J. A. Worsaae (Ворсаае) — въ Дани и Sven Nilsson въ Швеціи. Worsaae, *Dänemarks Vorzeit* (København, 1844), на нѣмцк. яз. перевелъ Bertelsen; *Afbildninger fra det k. Museum for Nordiske Oldsager* (København, 1854); *Atlas de l'archéologie du Nord* (Копенг. 1857; русское изданіе Академіи Наукъ); *The industrial arts of Denmark from the earliest times to the Danish conquest of England* (Lond. 1862); S. Nilsson, *Skandinaviska Nordens Ur-inavare: Каменный вѣкъ* (Lund 1838—43), *Бронзовый вѣкъ* (Stockholm 1862—65) вышли также по нѣмецки подъ загл. «Die Ureinwohner Skandinaviens» — «Bronzealter» (Hamb. 1863—65) и «Steinalter» въ переводѣ г-жи Месторфъ (Hamb. 1868).

Послѣ этихъ болѣе старыхъ работъ въ новѣйшія времена появились: O. Rygh, *Norske Oldsager* (Христианія 1880—85); E. Wedel, *Bornholms Oldtidsminder og Oldsager* (Копенг. 1886 г.); A. Madsen, *Afbildninger af Danske Oldsager og Mindesmaerker* (Копенг. 1868—76); A. Madsen, *Antiquités primitives du Danemark* (Парижъ и Копенг. 1872—73); F. Sehested, *Fortidsminder og Oldsager* (Копенгар. 1878); Hans Hildebrand (перев. Mestorfa), *Das heidnische Zeitalter im Schweden* (Hamb. 1873); *The industrial arts of Scandinavia in the pagan time* (Lond. 1882). Oscar Montelius, *Antiquités suédoises* (Stockh. 1873); *Om lifvet i Sverige under hednatiden andra öfversedda upplagan* (Stockh. 1878), въ нѣмецкомъ переводѣ съ прибавленіями подъ заглавіемъ: *Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit* (Berl. 2 изд. 1885); *De förhistoriska perioderna i Skandinavien* (Stockh. 1895); Sophus Müller, *Ordnig af Danmarks oldsager I. Stenalderen. II. Bronzealderen* (Копенг. 1888—91) и кромя того еще нѣкій рядъ другихъ замѣчательныхъ трудовъ.

Библиографія шведскихъ археологическихъ работъ до 1875 г., составленная O. Монтелиусомъ, вышла въ Стокгольмѣ въ 1875 г.

Славянскія земли. Чехи имѣютъ большое, къ сожалѣнію, теперь вполнѣ уже устарѣвшее сочиненіе J. E. Vocel'я «*Pravěk země české*» (Praha 1866—68) переведенное на русскій яз. М. Задерацкимъ подъ заглавіемъ «Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности» (Кіевъ 1875). Въ послѣднее только время вышла еще касающаяся въ своемъ предисловіи доисторическаго періода Чехій книга д-ра J. L. Pič'a «*Archaeologicky výzkum ve středních Čechách*» (Praha 1893). Для Россіи графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ издалъ важный трудъ: «Археологія Россіи I. Каменный вѣкъ» (Москва 1881 г. 2 т.). Другія сочиненія: Albin Kohn & Dr. C. Mehli, *Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa* (Jena 1879). Часть доисторической археологіи обработали графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ въ своемъ изданіи «Русскія древности въ памятникахъ искусства» I—IV (Спб. 1891), вышедшемъ отчасти также въ французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «*Antiquités de la Russie meridionale*» (Paris 1891—92). Сюда же можно присоединить и заключающую въ себѣ только перечень фактовъ статью А. Г. Киркора—Доисторическія могилы и гробницы въ Польшѣ, Литвѣ и Руси (Славянскій сборникъ I, стр. 1 и слѣд.), а также работы проф. Д. Самоквасова: «Исторія русскаго права» (Варш. 1881, I ч.), «Хронологическая классификація могилъ» (Варш. 1890) и «Основанія хронологической классификаціи» и проч. (Варш. 1892). Наиболее всего изслѣдованы скифскія и греческія древности Южной Россіи, о чемъ будетъ сказано далѣе. Большое собраніе фактовъ для русской археологіи заключаютъ

въ себя: «Труды» русскихъ археологическихъ съездовъ и «Матеріалы по Археологіи Россіи», издаваемые Импер. Археологической Комиссіей въ Петербургѣ (томъ I—XIII, Спб. 1866—1895).

Финляндія и восточно-балтійскія земли. F. Kruse, Urgeschichte des Esthnischen Volkstammes etc. (Москва 1846); Necrolivonica oder Alterthümer Livlands, Esthlands und Curlands (Dorpat 1848 и Leipz. 1859); J. K. Bähr, Die Gräber der Liven (Dresd. 1850); C. Grewingk, Heidnische Gräber Russisch-Lithauens, Lettlands und Weissrusslands (Dorp. 1870); Zur Archaeologie Baltitums und Russlands. (Braunsch. 1874). Н. Харузинъ, Обзоръ доисторической археологіи въ Балтійскихъ губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей (Ревель 1894); J. R. Aspelin, Suomalais—ugrilaisen muinaistut kinnon alkeita (Helsingf. 1875); J. R. Aspelin, Antiquités du nord finno-ougrien (1877—84); G. Retzius, Finland. Финскую археологическую литературу отъ 1745 до семидесятыхъ годовъ нашего столѣтія собралъ Aspelin. Въ Гельсингфорсѣ выходитъ періодическое изданіе Финскаго археологическаго общества подъ заглавіемъ: «Suomen Muinaismuista—Yhdistykseen Aikakauskirja». Заслуживаютъ также вниманія мемуары Финно-Угорскаго Общества въ Гельсингфорсѣ.

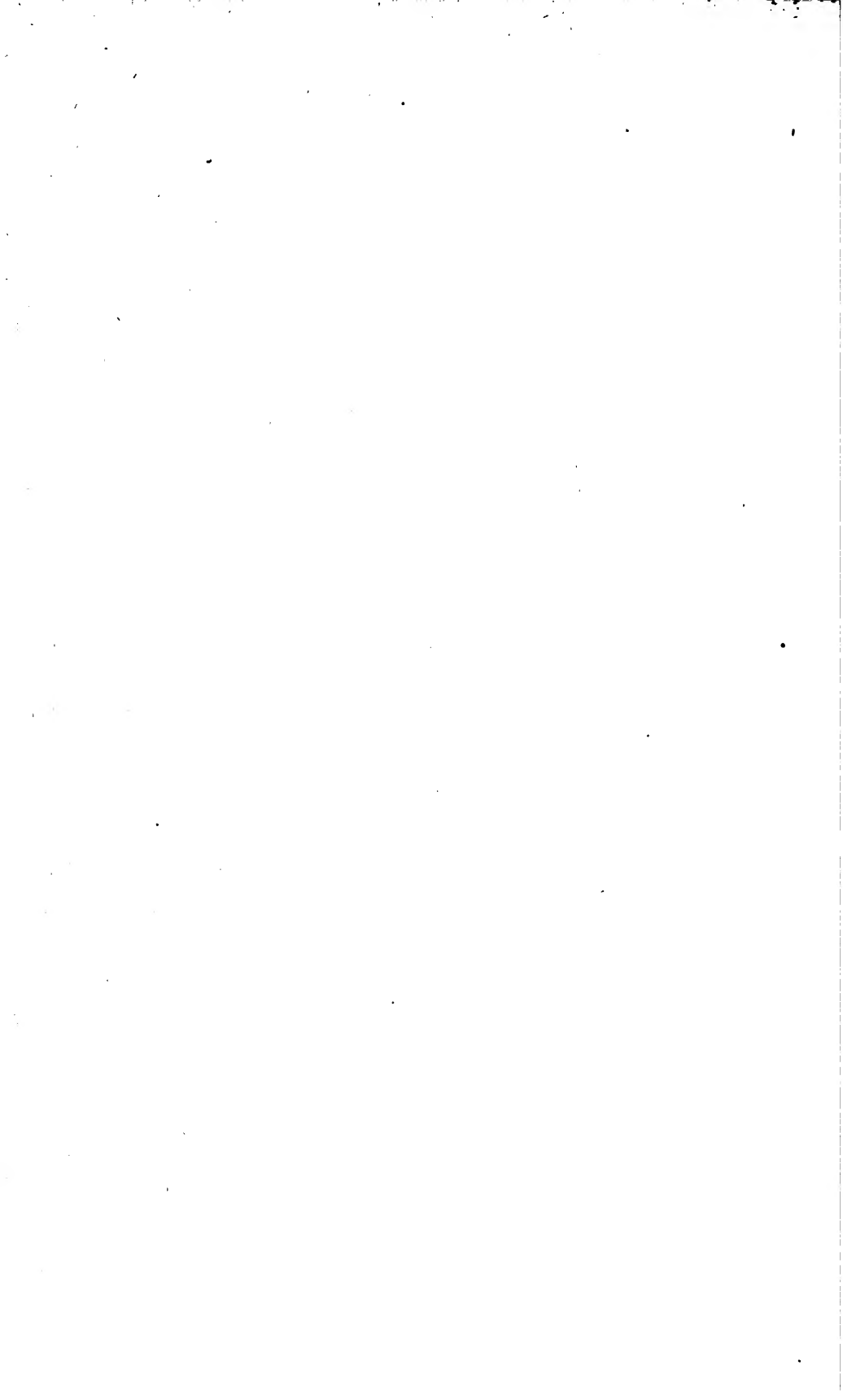
Венгрія. J. Hampel, Antiquités préhistoriques de la Hongrie (Ostříhom 1877). Dr. Fr. Römer, Résultats généraux du mouvement archéologique en Hongrie (Pest 1878). Венгерская академія наукъ приготовляетъ для изданія въ нынѣшнемъ году большое сочиненіе по археологіи Венгріи, двѣ части котораго (о бронзовомъ періодѣ и о времени отъ IV до X в. послѣ Р. X.) уже выпущены J. Hampel'емъ.

ЧАСТЬ I.

ПЕРІОДЪ ДОМЕТАЛЛИЧЕСКІЙ.

ГЛАВА I.

Начала человечества.

Вопросъ о происхожденіи человѣка. — Геологическое введеніе. — Европа въ третичный періодъ. — Споръ о третичномъ человѣкѣ. — *Anthropopithecus* Габр. де-Мор-тилье и человѣкъ въ теоріи эволюціи. — Колыбель человечества.

Когда началось существованіе человѣка въ Европѣ — этого мы вѣроятно не узнаемъ никогда. Вопросъ о началѣ исторіи Европы — это то-же, что вопросъ о происхожденіи человѣка вообще.

Мы не станемъ излагать здѣсь ни разныхъ теорій о происхожденіи человечества, ни споровъ по этому поводу, ни всей исторіи этого вопроса. Это заставило-бы насъ предпринять обзоръ всѣхъ мнѣній и ученій, разсматривать всѣ тѣ отвѣты, которые давали на этотъ вопросъ міеологія, богословіе, философія, естествовѣдѣніе и т. п. Въ этой главѣ мы ограничимся только краткимъ изложеніемъ того, что могли до сихъ поръ отвѣтить на этотъ вопросъ доисторическая археологія и антропологія.

Эпоха, къ которой относится появленіе человѣка на землѣ, уходитъ далеко за предѣлы современнаго геологическаго періода. Отодвигаясь далеко, за много тысячелѣтій назадъ, мы все таки постоянно встрѣчаемся со слѣдами, которые несомнѣнно указываютъ намъ, что и тогда уже въ Европѣ жилъ человѣкъ, похожій на нынѣшняго человѣка. Но, разумѣется, подвигаясь въ этомъ ретроспективномъ направленіи еще дальше, мы достигаемъ наконецъ эпохи, когда эти слѣды начинаютъ уже дѣлаться спорными. Что человѣкъ жилъ въ Европѣ въ теченіи всего такъ назыв. четвертичнаго (дилювіальнаго) или постпліоценоваго періода, въ этомъ теперь не можетъ быть уже никакого сомнѣнія; но жилъ ли онъ также и въ такъ назыв. третичный періодъ, — по этому вопросу мнѣнія различныхъ изслѣдователей расходятся. Такимъ образомъ, вопросъ о времени появленія человѣка въ Европѣ сводится для насъ къ такъ назыв. вопросу о третичномъ человѣкѣ.

Для лучшаго пониманія этого вопроса нелишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь

краткій очеркъ образованія земной коры и перечислить главнѣйшія геологическія системы и эпохи.

Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, что земная кора состоитъ изъ ряда пластовъ, которые въ теченіи вѣковъ отлагались мало по малу на первобытной отвердѣвшей оболочкѣ расплавленнаго земного ядра. Образованіе этихъ пластовъ происходило вслѣдствіе дѣйствія то химическихъ, то чисто механическихъ процессовъ, главнымъ образомъ, путемъ разрушенія древнихъ пластовъ и отложенія новыхъ наносовъ. Послѣ долготѣннаго изученія, геологи раздѣлили всю земную кору на опредѣленныя системы пластовъ. Эти системы, въ которыхъ болѣе древніе пласты лежатъ подъ болѣе новыми, не встрѣчаются однако вездѣ, всѣ сполна, въ каждомъ разрѣзѣ земной коры. Были мѣста, которыя всегда оставались на поверхности земли безъ отложенія на нихъ новыхъ наносовъ; были и такія, на которыхъ механическимъ путемъ были разрушены и снесены болѣе древнія отложенія или нижніе пласты были перевернуты наверхъ.

При такой неодинаковости и неправильности, относительная древность пластовъ и ихъ одновременность при различномъ сложеніи и въ различныхъ мѣстахъ, могутъ опредѣляться главнымъ образомъ при помощи палеонтологіи, науки, занимающейся изслѣдованіемъ органическихъ остатковъ (животныхъ и растений), сохранившихся въ разныхъ пластахъ земной коры. Палеонтологи нашли, что организмы въ однихъ пластахъ отличаются болѣе простымъ строеніемъ, чѣмъ въ другихъ,—что указываетъ на разныя ступени развитія. Отсюда естественно слѣдовало, что большая простота организмовъ составляетъ признакъ ихъ большей древности, а съ помощью этихъ признаковъ могла быть установлена и опредѣленная послѣдовательность образованія пластовъ земной коры. И хотя только что изложенное правило и нельзя считать абсолютно вѣрнымъ, но оно однако представляетъ достаточно гарантіи, чтобы служить наиболѣе надежнымъ критеріемъ послѣдовательности образованія пластовъ земной коры, которая, въ томъ видѣ какъ она теперь установлена, называется, по крайней мѣрѣ для всей Европы, вѣрной и точной. Разные слои земной коры не образовались, слѣдовательно, одновременно, и органическіе остатки въ нихъ не представляютъ собой, какъ думали прежде, слѣдовъ одного великаго потопа, но являюся разновременными фазами непрерывнаго развитія организмовъ, которое продолжалось весьма долгое, а для нашего человѣческаго пониманія—почти безконечно долгое время.

Та часть геологической науки, которая занимается опредѣленіемъ древности различныхъ пластовъ земной коры, называется стратиграфіей или ученіемъ о строеніи (тектоникѣ, архитектурикѣ) земли. Все время образованія земной коры дѣлится прежде всего на нѣсколько крупныхъ эпохъ, обозначаемыхъ однимъ или двумя преобладающими надъ другими организмами.

Все это постепенно сложившееся строение земной коры представляется приблизительно такимъ: внизу всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ пластовъ залегаютъ образованія очень спорнаго происхожденія, такъ назыв. первобытныя архейскія, состоящія изъ исключительно кристаллическихъ породъ (главнымъ образ. гранитовъ, порфировъ, гнейсовъ, сіенитовъ, діоритовъ, диабазовъ, сланцевъ, филлитовъ и т. п.), въ которыхъ до сихъ поръ не было найдено достовѣрныхъ слѣдовъ органической жизни. Время образованія этихъ слоевъ носятъ поэтому новѣйшее названіе эпохи азойской (лишенной жизни). На эти первобытные слои отлагались потомъ пласты, заключающіе въ себѣ слѣды организовъ, жившихъ въ теченіе четырехъ великихъ послѣдовательныхъ эпохъ: 1) первичной (палеозойской), обозначающей развитіемъ мягкотѣлыхъ и членистыхъ животныхъ, главн. обр. трилобитовъ (изъ позвоночныхъ извѣстны въ эту эпоху только рыбы), 2) вторичной (мезозойской), характеризуемой большимъ развитіемъ гадовъ, 3) третичной (неозойской, кенозойской *), въ теченіи которой появляются уже млекопитающія и наконецъ 4) четвертичной (дильувіальной), конецъ которой, составляющій ея небольшую часть, замыкается уже исторической эпохой человѣчества.

Отдѣльныя эпохи подраздѣляются затѣмъ на послѣдовательные періоды или системы, образецъ которыхъ мы приводимъ здѣсь по послѣднему изданію учебника геологіи извѣстнаго ученаго А. Lapparent'a ¹⁾ **).

Эпохи.	Періоды или системы.		Характеризующія животныя.	
			Повзвоночныя.	Безпозвоночныя
I. первичныя.	Кэмбрійская.		Рыбы.	Трилобиты.
	Силлурийская.			
	Девонская.			
	Пермско-каменноугольная.			
II. вторичныя.	Триасъ.		Лабринтодонты.	
	Юрская.	ліасъ	Ящерицы.	Аммониты. Белемниты. Руконогія.
		оолитъ		
	Мѣловая.	нижняя мѣловая	Динозавры.	Головоногія. Рудисты.
		собст. мѣловая	Птице-ящеры.	
III третичныя.	Эоценовая.		Млекопитающія.	Гастероподы и Безголовыя.
	Олигоценовая.			
	Миоценовая.			
	Плиоценовая.			
IV.	Современная (Четвертичная).		Человѣкъ.	

*) Названія эти, равно какъ и предшествующія, составлены изъ греческихъ словъ и знаковъ (α отриц. частица, παλιός = старый, μέσος = средний и καινός, νέος = новый) и ζῷον = животное.

**) Примѣчанія, обозначенныя цифрами, см. въ концѣ книги.

Въ концѣ такъ назыв. мѣловаго періода, Европа, пространство которой было значительно меньше нынѣшняго материка, начала выступать все болѣе и болѣе надъ поверхностью моря, главнымъ образомъ на сѣверѣ, а покрывавшее ее море — отодвигаться къ его нынѣшнимъ предѣламъ. Поверхность Европы, до тѣхъ поръ довольно однообразная, начала, вслѣдствіе поднятія разныхъ горъ, становиться болѣе рельефной и расчлененной. Это увеличеніе материка и связанное съ нимъ измѣненіе условій жизни, были причиной того, что третичная эпоха, сравнительно съ предшествовавшей ей вторичной, обозначается и полной переимѣной и новымъ богатымъ развитіемъ европейской флоры и фауны. Мы видимъ, что въ этотъ періодъ появляются организмы болѣе сложные и болѣе совершенные, видимъ, что млекопитающія, бывшія до тѣхъ поръ относительно слабо развитыми, начинаютъ выступать все въ болѣе и болѣе разнообразныхъ формахъ, что въ растительномъ мірѣ вмѣсто голосѣмянныхъ растений появляются прекрасныя пальмы и разныя другія лиственные деревья. Вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннія тектоническія и вулканическія силы, остававшіяся до того долгое время спокойными, снова пробуждаются и начинаютъ обнаруживать большее вліяніе на видоизмѣненіе поверхности Европы.

Вся обозначаемая вышеизложенными явленіями третичная эпоха дѣлится теперь учеными на четыре періода: эоценовый, олигоценовый, міоценовый и пліоценовый. Въ теченіи всѣхъ этихъ четырехъ періодовъ климатъ, поверхность и органическій міръ Европы подвергаются постояннымъ измѣненіямъ. Въ первомъ, эоценовомъ періодѣ, который послѣдовалъ непосредственно за мѣловымъ, начались только что упомянутыя выше переимѣны, въ результатѣ которыхъ мало по малу произошло преобразование прежняго небольшого материка въ подобіе нынѣшняго. Климатъ быстро сдѣлался чрезвычайно теплымъ, не было вовсе зимы. Причиной этого было такъ назыв. нуммулитовое море, которое вслѣдствіе дѣйствія подземныхъ силъ разлилось по всему югу и вліяніемъ своимъ придало Европѣ африканскій характеръ. Въ нынѣшней южной Франціи средняя температура года была тогда около 25°, растительность имѣла тамъ характеръ чисто тропическій, кокосовыя и другія пальмы покрывали нынѣшнія среднеевропейскія страны, а между млекопитающими преобладали главнымъ образомъ толстокожія, близкія къ нынѣшнимъ тапирамъ (*Coryphodon*, *Lophiodon*, *Palaeotherium*).

Но затѣмъ, вслѣдствіе новыхъ измѣненій поверхности Европы, произошло новое наступаніе (трансгрессія) моря, на этотъ разъ на сѣверѣ. Въ то время, когда на югѣ нуммулитовое море убыло, новое сѣверное море разлилось до самой середины материка, достигая напр. верховьевъ Рейна, до нынѣшняго Базеля. Это было началомъ второго третичнаго періода—олигоценоваго. Указанное измѣненіе морей имѣло своимъ естественнымъ послѣдствіемъ и значительное пониженіе температуры. Тропическія формы животныхъ и ра-

стеній начали исчезать. Но во второй половинѣ олигоценоваго періода сѣверное море опять отступило назадъ, весь европейскій материкъ вышелъ изъ подъ воды, а рядъ большихъ средиземныхъ морей въ нынѣшней Франціи, Швейцаріи, Германіи, Австріи, Италіи и Греціи, со множествомъ прѣсноводныхъ озеръ, былъ причиной того, что климатъ оставался по прежнему влажнымъ и очень равномернo теплымъ во всей Европѣ. Пальмы росли тогда до 50° широты, а растительность вообще была вполне одинакова на протяжении всего материка, около Балтійскаго моря такая же, какъ и на Эвбеѣ. Изъ млекопитающихъ преобладали въ началѣ этого періода еще толстокожіе *Palaeotherium*'ы, позже—*Anthracotherium* (живачныя этой эпохи еще не чѣлби роговъ) и морскія сирены (глав. обр. *Halitheria*).

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ третичномъ періодѣ—міоценовомъ—мы видимъ опять рядъ новыхъ измѣненій. Рельефъ Европы становится еще болѣе сложнымъ. Средиземныя моря предшествовавшей эпохи осушились и исчезли, но за то очень скоро новое «молассовое» море разлилось по значительной части европейскаго материка, покрыло часть Франціи, Швейцаріи, Австріи и распространилось оттуда далеко на востокъ, черезъ Малую Азію къ Евфрату и озеру Урмій. Южная Европа получила характеръ группы острововъ, на которыхъ растительность развивалась въ небывалыхъ размѣрахъ. Зима была постоянно мягкая, на берегахъ Боденскаго озера росли деревья, которыя теперь встрѣчаются только гораздо южнѣе—на Канарскихъ островахъ. Даже о-въ Исландія былъ покрытъ богатой растительностью. При этомъ поверхность земли постоянно подвергалась измѣненіямъ подъ дѣйствіемъ внутреннихъ тектоническихъ силъ, пока этотъ періодъ не закончился наконецъ образованіемъ альпійской горной системы. Въ міоценовомъ періодѣ млекопитающіе дошли до своего высшаго развитія, а именно появились новые виды гигантскихъ толстокожихъ (мастодонтъ, динотерій, носорогъ и пр.). Съ этого же времени становятся извѣстными и человѣкоподобныя обезьяны (*Oryopithecus* и *Pliopithecus*).

Послѣдній третичный періодъ—пліоценовый—начинается со времени образованія альпійскихъ хребтовъ и оканчивается великимъ ледниковымъ періодомъ, о которомъ мы будемъ говорить далѣе. Въ началѣ пліоцена Средиземное море не заходило на западъ дальше Сардиніи, но потомъ поверхность и границы Европы сдѣлались уже очень подобными нынѣшнимъ. Тектоническія силы продолжали дѣйствовать, но температура начала уже понемногу понижаться, и одновременно съ этимъ разные виды растений и животныхъ стали постепенно отодвигаться къ югу. Изъ млекопитающихъ наиболѣе преобладаютъ въ эту эпоху травоядныя, которыя размножались безчисленными стадами по берегамъ большихъ соленыхъ озеръ, оставшихся послѣ молассоваго моря, главнымъ образомъ разные виды антилопъ и оленей; къ нимъ при-

соединялись предки нашей лошади, гиппарионы, большія толстокожія (мастодонты, гиппопотамы, носороги) и новые виды обезьянъ. Въ концѣ пліоцена исчезаетъ мастодонтъ, но вмѣсто него появляются слоны (*Elephas meridionalis*), а наконецъ и лошадь ²⁾.

Въ эту-то третичную эпоху, при этихъ условіяхъ жизни, появился въ Европѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, и первый человѣкъ. Прежде всего мы должны признать, что а ргіогі ничто не противорѣчитъ этому мнѣнію. Условія, необходимыя для обезпеченія человѣческой жизни, и животныя съ организаціей подобной организаціи нынѣшняго человѣка—уже существовали; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Климатъ былъ теплый и человѣкъ не могъ бы имѣть недостатка ни въ животной ни въ растительной пищѣ...

Съ другой стороны, человѣкъ представляется вѣнцомъ всей органической жизни и послѣдней ступенью въ ея развитіи. И тутъ, станемъ-ли мы на точку зрѣнія эволюціонной теоріи, по которой отдѣльные виды животныхъ развивались постепенно одинъ изъ другаго и человѣкъ является послѣднимъ и наиболѣе законченнымъ видомъ, развившимся изъ низшихъ формъ животныхъ, или станемъ на точку зрѣнія христіанско-богословскаго ученія, по которому человѣкъ сотворенъ былъ въ послѣдній день, какъ наиболѣе совершенное изъ проявленій воли Божіей,—мы одинаково не находимъ никакихъ основаній думать, чтобы человѣкъ не могъ появиться въ Европѣ уже въ теченіи третичнаго періода. Вся громадная и сложная лѣстница низшихъ видовъ была уже въ это время на лицо. Млекопитающіи именно въ теченіи этой эпохи дошли до своего наибольшаго развитія, и между ними появились уже наиболѣе совершенныя послѣ человѣка животныя—обезьяны. Кювье еще не зналъ, или лучше сказать не узналъ третичныхъ обезьянъ, мы же знаемъ ихъ теперь цѣлый рядъ ³⁾, изъ котораго наиболѣе древніе виды принадлежатъ даже къ эоцену.

Словомъ, тѣ животныя, которыя въ зоологическомъ смыслѣ стоятъ всего ближе къ человѣку—существовали уже въ третичномъ періодѣ. Появленіе въ немъ человѣка не было-бы нисколько преждевременнымъ; дѣло только въ томъ, имѣемъ-ли мы положительныя доказательства этого появленія?

Вопросъ о томъ, жилъ-ли человѣкъ въ третичную эпоху или нѣтъ, является до сихъ поръ очень спорнымъ—и это одно уже показываетъ, что доказательства, на основаніи которыхъ его рѣшаютъ въ положительномъ смыслѣ, еще недостаточно опредѣленны и убѣдительны ⁴⁾. Доказательствъ этихъ очень немного и всѣ они допускаютъ сомнѣнія.

Мы не будемъ излагать ихъ въ полномъ объемѣ, но о болѣе важнѣйшихъ упомянемъ нѣсколько подробнѣе.

Первымъ ученымъ, высказавшимся въ пользу существованія третичнаго

человѣка, была Laurillard во Франціи, который въ 1814 г. нашелъ два человѣческихъ скелета въ вулканическихъ третичныхъ пластахъ въ Denise возлѣ Ruu-en-Velay (деп. Верхней Луары ⁵). Но въ то время, когда авторитетъ Кювье съ такою рѣшительностью не допускалъ еще признанія четвертичнаго человѣка, разумѣется нечего было и думать о признаніи возможности существованія человѣка третичнаго. Открытіе Laurillard'a было просто забыто и только тогда, когда было окончательно доказано, что человѣкъ жилъ уже въ постпліоценовую эпоху, о чемъ мы скажемъ далѣе, когда появилась новая эволюціонная теорія, тогда только естественнымъ образомъ опять возникъ вопросъ, не найдутся ли слѣды человѣка въ эпоху еще болѣе отдаленную.—и изученію въ этомъ отношеніи третичныхъ образований было посвящено больше вниманія. И дѣйствительно, въ теченіи трехъ послѣднихъ десятилѣтій появляется цѣлый рядъ находокъ, на основаніи которыхъ разные изслѣдователи съ большей или меньшей опредѣленностью доказывали существованіе третичнаго человѣка.

Для болѣе удобнаго разсмотрѣнія мы раздѣлимъ эти находки на искусственныя нарѣзки на костяхъ животныхъ, на осколки кремня, о которыхъ можно думать, что они обработаны рукою человѣка, затѣмъ на находки человѣческихъ костей и наконецъ на такія третичныя находки, которыя не подходятъ подъ предшествующія категоріи.

Между первыми надо прежде всего упомянуть о нарѣзкахъ на костяхъ слона (*Elephas meridionalis*), найденныхъ Desnoyer въ St. Prest, близъ Шартра; аббатъ Delaunay нашелъ подобныя же нарѣзки на костяхъ *Halitherium*'а въ миоценовыхъ пластахъ въ Rouançé (въ департ. Марны и Луары), а баронъ von Dückер полагалъ, что найденныя имъ въ Pikegmi (возлѣ Аеннъ въ Греціи) кости гиппарионовъ, антилопъ и другихъ миоценовыхъ животныхъ несутъ на себѣ слѣды умышленнаго раскалыванія человѣческими руками. Но всѣ эти сообщенія были встрѣчены очень сильными возраженіями, относительно ихъ указывали (главнымъ обр. G. de Mortillet) на то, что подобнаго рода бороздки на костяхъ очень легко могли быть оставлены зубами грызуновъ или хищныхъ животныхъ, морскихъ или сухопутныхъ (главнымъ образомъ—акулъ). Гораздо болѣе важной была находка Capellini въ Poggiacone, недалеко отъ Monte Aperto въ Тосканѣ. На ребрахъ и лопаткѣ морскаго млекопитающаго изъ рода *Balaenotus*, открытыхъ въ пліоценовомъ пластѣ, оказалось много кривыхъ нарѣзокъ (рис. 1). На основаніи этого цѣлый рядъ французскихъ антропологовъ, главнымъ образомъ Broca, Quatrefages, затѣмъ самъ Capellini, изъ нѣмецкихъ ученыхъ Schaaffhausen, пришли къ рѣшительному заключенію о существованіи человѣка въ пліоценовомъ періодѣ и защищали такое мнѣніе на конгрессахъ въ Пештѣ и Лиссабонѣ. E. Magitot, E. Cartailhac и особенно G. de Mortillet выступили рѣшительными ихъ противниками,

причем де-Мортилье указалъ на то, что подъ увеличительнымъ стекломъ можно замѣтить въ этихъ бороздкахъ тонкія зазубрины, происходящія отъ зазубренныхъ зубовъ нѣкоторыхъ видовъ хищныхъ акулъ.

Какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, кремневые осколки имѣли очень большое значеніе въ развитіи первобытной человѣческой культуры. Уже въ первыя времена своего существованія, человѣку были извѣстны ихъ полезныя свойства, ихъ пригодность къ обработкѣ въ примитивныя орудія. Въ третичныхъ пластахъ также найдено было извѣстное количество кремневыхъ осколковъ, которые, какъ предполагалось нѣкоторыми, были обработаны человѣкомъ. Дѣйствительно-ли они—дѣло рукъ человѣческихъ, рѣшить очень трудно; осколки эти по большей части имѣютъ такую форму, которая могла очень легко получиться и инымъ, чисто естественнымъ способомъ, напр. вслѣдствіе удара объ острые твердые края другого камня и т. п.

Fig. 1.
Паръки на
рахъ Balaenotus.

Не особенно важныя и очень спорныя находки подобныхъ осколковъ были сдѣланы Roujou въ Fontainebleau, Cels'омъ въ окрестностяхъ Mons'a въ Бельгій, A. Detroyate'омъ и генераломъ de Nansouty въ Mouligny (въ деп. Нижнихъ Цареневъ). Болѣе значенія имѣютъ осколки, добытые Rames'омъ изъ третичныхъ пластовъ въ Cantal'ѣ и особенно въ Aurillac'ѣ (въ Puycougnu), возбудившіе на послѣднемъ парижскомъ сѣздѣ (1889) очень оживленныя пренія между защитникомъ ихъ искусственнаго происхожденія G. de Mortillet и противниками его E. Cartailhas'омъ и M. Boule'емъ.

Двѣ очень извѣстныя находки этой группы представляютъ кремневые осколки, открытые въ Otty въ Португаліи и въ Thenau недалеко отъ Pontlevoye (въ деп. Луары и Шеры) во Франціи.

Первая находка была сдѣлана Ribeiro въ пліоценовыхъ и міоценовыхъ образованіяхъ долины Тахо, возлѣ мѣстечка Otty, недалеко отъ Лиссабона. Сообщенія о ней были сдѣланы на сѣздѣ 1872 г., въ Брюсселѣ, затѣмъ на парижской выставкѣ 1879 г. Главная же научная оцѣнка этой находки была предметомъ сѣзда въ Лиссабонѣ въ 1880 г., при чемъ большинство присутствовавшихъ ученыхъ, между прочими G. de Mortillet, Capellini, Cartailhas, Belucci и португальскіе археологи высказались за нагрѣнную обработку осколковъ, тогда какъ R. Virchow, Villanova и нѣкоторые другіе—противъ. Въ послѣднее время мѣсто находки было изслѣдовано снова и систематически подъ надзоромъ Delgado, но не смотря на благоприятный результатъ этого изслѣдованія (по отчету Delgado), въ находку эту не вѣрятъ

даже нѣкоторые изъ тѣхъ, кто 10 лѣтъ тому назадъ еще вѣрилъ (какъ напр. Cartailhac).

Другая очень важная находка была сдѣлана въ шестидесятыхъ годахъ аббатомъ Bourgeois въ миоценовыхъ пластахъ, лежащихъ непосредственно на мѣловыхъ образованіяхъ въ Thenay, въ провинціи Beauce, во Франціи. Открытіе это и заключеніе въ пользу существованія третичнаго человѣка было сообщено прежде всего на Парижскомъ съѣздѣ въ 1867 г., но не вызвало общаго согласія. Только въ 1872 г. на съѣздѣ въ Брюсселѣ выбрана была коммиссія изъ 15 членовъ для изслѣдованія этой находки, и большинство этой коммиссіи (между прочимъ Cartailhac, Capellini, Worsaae, Dupont, Quatrefages) высказалось въ пользу заключеній Bourgeois на счетъ искусственной обработки этихъ осколковъ. Противъ нихъ выразились тогда Virchow, Steensirup, Fraas, Desor; если-бы однако теперь снова были собраны голоса, то нѣтъ сомнѣнія, что большинство ихъ оказались бы отрицательными. Наиболѣе усерднымъ защитникомъ намѣренной обработанности кремней, найденныхъ въ Thenay, является въ настоящее время G. de Mortillet и его школа.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ этихъ осколковъ (рис. 2 и 3) вполне могли-бы быть употреблены въ видѣ орудій, ножа, шила и т. п. Но такихъ между тысячами найденныхъ кремней такъ мало, да и тѣ изъ нихъ, отборные, которые въ качествѣ типическихъ находятся въ витринахъ Сен-Жерменскаго музея, не могли убѣдить меня въ дѣйствительно искусственномъ ихъ происхожденіи. Поверхность нѣкоторыхъ изъ нихъ покрыта мелкими, но ясными трещинами. По мнѣнію Г. де Мортилье, это именно и составляетъ доказательство обработки ихъ человѣкомъ, такъ какъ трещины эти могли произойти отъ дѣйствія огня, при помощи котораго третичный человѣкъ разламывалъ большіе куски кремня, какъ это дѣлаютъ и до сихъ поръ нѣкоторые примитивные народы (какъ напр. первобытные жители Андаманскихъ о-вовъ). Очень возможно однако, что подобныя трещинки могли произойти и отъ другихъ причинъ, кромѣ огня, какъ напр. подъ вліяніемъ измѣненій температуры или вслѣдствіе химическихъ процессовъ. Поражаютъ также въ этой находкѣ очень небольшіе размѣры осколковъ, и, право, трудно себѣ представить, чтобы эти невзрачные, не подходящіе къ размѣрамъ рукъ, обломки были намѣренно сдѣланными орудіями человѣка. Г. де Мортилье

Fig. 2.
Рис. 2 и 3. Гензійскіе
кремневые осколки.

и отъ другихъ причинъ, кромѣ огня, какъ напр. подъ вліяніемъ измѣненій температуры или вслѣдствіе химическихъ процессовъ. Поражаютъ также въ этой находкѣ очень небольшіе размѣры осколковъ, и, право, трудно себѣ представить, чтобы эти невзрачные, не подходящіе къ размѣрамъ рукъ, обломки были намѣренно сдѣланными орудіями человѣка. Г. де Мортилье

старается объяснить это остроумной, но однако мало обоснованной гипотезой, что человекъ, или лучше сказать, предшественникъ человека, который въ миоценовый періодъ жилъ въ нынѣшней Франціи, былъ гораздо меньшаго роста, а слѣдовательно и имѣлъ руки меньшаго размѣра, чѣмъ нынѣшній человекъ.

Есть третьей группѣ, кромѣ неимѣющей особеннаго значенія находки человѣческихъ костей въ Salles (деп. Жиронды) и упомянутой уже находки въ Denis, относятся главнымъ образомъ три итальянскія находки и прежде всего находка человѣческаго черепа въ долинѣ Olmo, возлѣ города Arezzo въ Тосканѣ. Coschi считалъ отложение, въ которомъ былъ найденъ этотъ черепъ, пліоценовымъ, но G. de Mortillet, а въ послѣднее время d'Arcy, рѣшительно признаютъ его четвертичнымъ. Подобнымъ же образомъ были найдены человѣческія кости въ пліоценовомъ слоѣ на Colle del vento, возлѣ города Savona на западной Ривьерѣ. Но находки эти были сдѣланы въ отсутствіи какого-бы то ни было компетентнаго лица, а поэтому и не могутъ считаться достовѣрными.

Третья важная находка была сдѣлана въ 1860 году профессоромъ Regazzoni въ Castenodola въ Ломбардіи. На этомъ мѣстѣ находили человѣческія кости нѣсколько разъ и позже, но на счетъ хронологическаго опредѣленія этой находки происходитъ и до настоящаго времени споръ между итальянскими учеными (съ G. Sergi во главѣ) и французскими. P. Topinard, A. Agassin, G. de Mortillet, E. Cartailhac и др. считаютъ ихъ за остатки погребенія позднѣйшей (неолитической) эпохи, имѣвшаго мѣсто въ третичномъ слоѣ. Изъ итальянцевъ A. Issel присоединился къ этому-же мнѣнію *).

Четвертая группа заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно ничего не значащія находки: во первыхъ, просверленныхъ зубовъ акулы въ графствѣ Suffolk въ Англіи и во вторыхъ, будто-бы рисунка на кости мастодонта въ третичномъ образованіи въ Дардаделлахъ. Обѣ оказались фальшивыми *).

Положительнаго, точнаго доказательства существованія третичнаго человека не дала до сихъ поръ ни одна еще находка. Доказательство, которое могло-бы быть рѣшающимъ, должно точно и безспорно дать удовлетворительный отвѣтъ на слѣдующіе три вопроса: а) дѣйствительно-ли слой, въ которомъ найдены предметы—третичный? б) дѣйствительно-ли эти предметы современны образованію самаго слоя? и в) носятъ-ли на себѣ эти предметы очевидные слѣды человѣческихъ рукъ? Но до сихъ поръ не было еще ни одной находки, которая бы отвѣчала безспорно на всѣ эти три вопроса. Вслѣдствіе этого, всякій, кто не имѣлъ возможности лично, на мѣстѣ провѣрить находки, на основаніи которыхъ нѣкоторые ученые рѣшительно утверждаютъ существованіе третичнаго человека, неизбѣжно долженъ придти къ такому выводу: хотя возможно и даже правдоподобно, что человекъ

жилъ въ Европѣ уже въ третичную эпоху, но доказательствъ этого до сихъ поръ еще нѣтъ.

По поводу разныхъ упомянутыхъ выше находокъ возбужденъ былъ также вопросъ о томъ, должно ли было существо, приготовлявшее себѣ каменные орудія въ третичную эпоху, быть вполне сходнымъ съ нынѣшнимъ человекомъ, тождественнымъ съ нимъ? Эд. Тайлоръ, въ одномъ мѣстѣ своего «Введенія въ антропологию», говоритъ, что «человѣкъ отличается отъ животныхъ не столько употребленіемъ, сколько приготовленіемъ орудій». И обезьянамъ случается употреблять отломанные сучья или подобранные съ земли камни въ видѣ орудія или оружія, но мы не имѣемъ доказательствъ того, чтобы онѣ когда нибудь оббивали камень, для того чтобы сдѣлать его болѣе пригоднымъ для извѣстной цѣли. Нѣкоторые археологи, особенно приверженцы эволюціонной теоріи, все таки затруднялись относить къ третичной эпохѣ древнѣйшаго человѣка, и Г. де-Мортилье, напр., полагаетъ, что существо, выдѣлавшее тенейскія или оттескія орудія, не было еще человѣкомъ, но только какимъ то его предшественникомъ («précursеur») или, какъ онъ позже его называлъ, «Anthropopithecus», т. е. человѣко-обезьяной. Идя еще далѣе, Мортилье сдѣлалъ попытку даже раздѣлить этотъ родъ. Предшественникъ человѣка, жившій въ средней Франціи, отличался, по его мнѣнію, отъ португальскаго и другихъ, вслѣдствіе чего Мортилье и принимаетъ теперь три вида антропопитека, называя ихъ по именамъ лицъ, сдѣлавшихъ главнѣйшія находки: A. Bourgeoisii (для Thenay), A. Ramesii (для Cantal) и A. Ribeiroii (для Португаліи). Всѣ эти существа были значительно меньше ростомъ нынѣшняго человѣка и, по своему строенію, представляли переходную ступень между нимъ и обезьянами.

Эта фантастическая гипотеза Г. де Мортилье страдает совершеннымъ отсутствіемъ убѣдительныхъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, она принимается не только его школой (какъ напр. проф. Novelasque'омъ) и многими дарвинистами, но и нѣсколькими французскими богословами, какъ напр. P. Valroger, аббатъ Fabre d'Évieux, P. Monzabré; противникъ же эволюціонной теоріи, Катражъ, довольствовался предположеніемъ, что человѣкъ не былъ сотворенъ сразу такимъ, какимъ онъ является теперь, но доразвился до нынѣшняго состоянія изъ болѣе низшаго.

Другіе, съ большей осторожностью, вмѣсто этого предполагаемаго предшественника человѣка, приписывали выдѣлку вышеупомянутыхъ орудій одной изъ большихъ обезьянъ третичной эпохи. Такъ A. Gaudry считалъ одинъ видъ обезьяны, названный Dryopithecus Fontanae и установленный на основаніи нижней челюсти, найденной въ S-t Gaudens во Франціи, наиболѣе близкимъ изъ всѣхъ ископаемыхъ и нынѣ живущихъ видовъ обезьянъ къ человѣку, какъ бы переходной къ нему формой. Но новыя открытія дока-

зали, что и здѣсь произошла ошибка, и самъ Годри первый отказался отъ своего еще недавняго мнѣнія. Найденная челюсть принадлежала, какъ оказалось изъ сравненія съ недавно найденной челюстью взрослого экземпляра, молодой особи, которая, какъ и вообще всѣ обезьяны въ томъ же возрастѣ, обнаруживала по строенію черепа и лица большую близость къ человѣку, чѣмъ особи взрослые. Такимъ образомъ, и это доказательство существованія промежуточной формы между человѣкомъ и обезьяной потеряло всякое значеніе ⁸⁾).

Въ послѣднее время было сдѣлано новое открытіе въ третичныхъ отложеніяхъ близъ Trinil, на о-вѣ Явѣ. Врачъ E. Dubois нашелъ тамъ остатки скелета (часть черепа, бедренную кость и два коренныхъ зуба), которые онъ отнесъ къ виду (названному имъ *Pithecantropus erectus*), по своимъ признакамъ среднему между антропоморфной обезьяной и человѣкомъ. Если даже остатки эти и не принадлежать одной и той же особи, или даже одному и тому же виду, то уже одинъ черепъ представляетъ, дѣйствительно, такіе промежуточные признаки, судя по описанію и рисункамъ Дюбуа. Само собою разумѣется, что для окончательнаго заключенія необходимо еще обождать результатовъ болѣе обстоятельнаго изслѣдованія этого черепа европейскими учеными, которое по всей вѣроятности и не заставитъ себя долго ждать, такъ какъ остатки, найденные Дюбуа, находятся теперь въ Европѣ (въ Голландіи) ⁹⁾.

Человѣкъ по своему физическому строенію не отдѣляется широкой и глубокой пропастью отъ животныхъ; онъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ суще-

Fig - 3.

Рис. 3. Челюсть человека.

ствамъ позвоночнымъ, млекопитающимъ, одноутробнымъ. Анатомически къ нему наиболѣе приближается группа высшихъ обезьянъ, антропоморфныхъ приматовъ (Primates). Съ точки зрѣнія зоологіи, человѣкъ есть высшее, наиболѣе совершенное животное, отличающееся только въ подробностяхъ своей организаціи отъ ближайшихъ къ нему приматовъ. Значеніе этихъ отличій разными натуралистами понималось не одинаково; одни, какъ Топинаръ, Гексли и даже самъ Линней—включали человѣка въ одинъ и тотъ же отрядъ съ приматами, другіе, какъ Бюффонъ, Блюменбахъ, Катрфажъ—обособляли его въ отдѣльную группу. Но, во всякомъ случаѣ, черты сходства человѣческой организаціи съ животною настолько значительны и доказываются въ такой степени какъ исторіей эмбриональнаго развитія, такъ и сравнительной анатоміей, что почти всѣ современные зоологи, анатомы и физиологи не сомнѣваются въ томъ, что человѣкъ, какимъ онъ представляется въ своемъ строеніи теперь, долженъ былъ развиваться изъ болѣе низшихъ типовъ, что, однимъ словомъ, можно разсуждать вполне научно объ эволюціи или генезисѣ человѣка изъ животныхъ типовъ, ему предшествовавшихъ. Другой вопросъ, черезъ какіе именно типы шла эта эволюція, какими факторами она вызывалась, и было ли для нея достаточно только тѣхъ, какіе указаны Дарвиномъ и приняты его ближайшими послѣдователями.

Fig - 4.

5. Костякъ взрослой гориллы (самца).

ныя причины, чѣмъ одинъ только естественный подборъ и борьба за существованіе, и что наукѣ, можетъ быть, не удастся никогда выяснить вполне гене-

Весьма вѣроятно, что въ данномъ случаѣ играли роль болѣе слож-

зисъ человѣческаго типа и всѣ факторы, его обусловливавшіе. Тѣмъ не менѣе, эта ограниченность доступныхъ способовъ познанія не можетъ заставить натуралиста игнорировать факты, представляемые сравнительной анатоміей, эмбриологіей и палеонтологіей, и доказывающіе родство между собою животныхъ формъ и ихъ генезисъ однихъ изъ другихъ въ теченіи послѣдовательныхъ геологическихъ періодовъ. Родство это можетъ быть прослѣжено до человѣка включительно, который также явственнo несетъ въ себѣ слѣды развитія изъ низшихъ типовъ, какъ и всѣ другія животныя, хотя онъ и стоитъ много выше ихъ по своему строенію ¹⁰⁾. Его мозгъ втрое больше мозга самой совершенной обезьяны и представляетъ на своей поверхности болѣе сложныя извилины; его голова и лице выказываютъ иное соотношеніе и развитіе; способность къ вертикальному хожденію отличаетъ его отъ всѣхъ приматовъ и соединяется съ большимъ различіемъ въ специальномъ приспособленіи конечностей, нижнихъ (ногъ) для поддержки туловища, верхнихъ (рукъ) къ свободнымъ и сложнымъ движеніямъ; развитіе мозга и органовъ рѣчи обусловливаетъ и большія умственные способности и т. наз. «даръ слова» ¹¹⁾. Уже старинные натуралисты пришли къ убѣжденію, что «природа не дѣлаетъ скачковъ»; новѣйшее естествознаніе подтвердило еще болѣе эту послѣдовательность и преемственность въ развитіи явленій и формъ, эту связь между различными силами, позволяющими говорить объ ихъ единствѣ, объ ихъ сведеніи къ единой первичной причинѣ, вызвавшей движеніе, а посредствомъ него и все разнообразіе силъ и формъ безконечнаго міра. Такой концепціи, объединяющей всю природу въ одной великой безконечной силѣ, несомнѣнно, нельзя отказать въ возвышенности представленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большемъ соотвѣтствіи съ накопляющимися, мало по малу, результатами знанія.

Еще нѣсколько словъ о колыбели человѣчества. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія (даже нѣсколько раньше) въ европейскомъ и американскомъ ученomъ мірѣ возникъ большой споръ о томъ, произошло ли все человѣчество отъ одной первичной пары, гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ, откуда путемъ миграцій распространилось по всей землѣ (теорія моногенетическая), или различія человѣческихъ расъ такъ велики и такъ наследственно устойчивы, что нельзя предполагать общности ихъ происхожденія. По второй изъ этихъ теорій (полигенетической) человѣчество возникло изъ нѣсколькихъ паръ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ. За колыбелью человѣчества моногенисты принимали Азію, главнымъ образомъ центральную ея часть. Не желая особенно распространяться объ этомъ очень спорномъ вопросѣ, скажемъ только, что до сихъ поръ онъ еще не разрѣшенъ научно и что въ настоящее время оба направленія имѣютъ своихъ горячихъ послѣдователей. П. Топинаръ въ своей послѣдней книгѣ о происхожденіи человѣчества склоняется въ пользу двухъ началъ его. Племена бѣлые, желтые и американскія имѣли по его мнѣнію одну

колыбель, племена же негритянскія и черныя океаническія расы произошли изъ другой.

Дарвинъ, будучи моногенистомъ, искалъ колыбель человѣчества въ Африкѣ; Уалласъ — въ центральной Азій, Геккель и Гексли — въ проблематической Лемуриі, Фалькonerъ — въ Остѣ-Индіи, Мор. Вагнеръ — на сѣверѣ Европы или Азій. Въ послѣднее время І. Мюллеръ въ своей интересной книгѣ возвращается къ мысли Вагнера. Онъ предполагаетъ, что начало ледниковаго періода съ его новыми и тяжелыми условіями жизни заставило прародичей человѣка, обитавшихъ на сѣверѣ Европы, совершенно измѣнить свой образъ жизни, перестать жить на деревьяхъ, не дававшихъ болѣе плодовъ, и искать орудій, чтобы добывать животныхъ для своего прокормленія. Зима и голодъ превратили питавшихся растительной пищей приматовъ въ животныхъ двуногихъ, разумныхъ и плотоядныхъ (или всеядныхъ), т. е. въ людей ¹²⁾.

ГЛАВА II.

Четвертичный человекъ.

четвертичную эпоху.—Ледниковый періодъ и его фазы.—Отложенія і эпохи.—Фауна.—Раздѣленіе четвертичной эпохи на основаніи фауны ии надѣлій первобытнаго человека. — Подраздѣленія Г. де Мор-воръ европейскихъ находокъ четвертичной эпохи. — Культура евро-овъка этого времени.—Вычисленія древности человека и продолжи-тельности четвертичной эпохи ¹³).

рѣннй пластовъ земной коры, приведенномъ въ началѣ главы о человекѣ, мы видѣли уже, что послѣднюю стадію въ развитіи яляетъ эпоха, называемая четвертичною (quaternaire), постпліоце-плейстоценовою. Лаппаранъ (Lapportant) опредѣляетъ эту эпоху словами: «это та часть послѣдней геологической эпохи, которая ется появленіемъ человека на землѣ». Мы высказались въ отри-смыслѣ по вопросу о доказанности существованія человека въ ичнаго періода; но, допуская правдоподобность этого существо-е можемъ принять и опредѣленія Лаппарана. Мы просто обозна-ніемъ четвертичной эпохи время между концомъ третичнаго пе-тшней эпохой. Четвертичную эпоху раздѣляютъ обыкновенно на: йшая изъ нихъ, болѣе продолжительная, чѣмъ послѣдующая, и змая такъ назыв. ледниковымъ періодомъ, образованіемъ нано-женій, содержащихъ остатки животныхъ, нынѣ отчасти вымершихъ, еселившихся въ болѣе теплыя страны, носитъ названіе дилю-ругой же эпохѣ, которой соотвѣтствуютъ тѣ же геологическія (и кля-ія) явленія, и тѣ же животныя и растения, что и въ настоящее я названіе эпохи алювіальной. Иначе она называется еще ознѣтшйшихъ наносовъ въ отличіе отъ предыдущей эпохи шихъ наносовъ Названіе «дилювіальной» (отъ diluvium — азовалось еще въ то время, когда предполагали, что предъ ть современной эпохи земля была покрыта великимъ наводне-помъ. Теперь, когда доказана непримѣнимость подобной теоріи,) утратило свой прежній смыслъ, тѣмъ не менѣе нынѣ еще про-ногда пользоваться и въ настоящее время.

Главнымъ геологическимъ явленіемъ четвертичной эпохи было измѣненіе климата въ умѣренной зонѣ сѣвернаго полушарія, имѣвшее своимъ слѣдствіемъ то, что громадныя массы снѣга и льда покрыли значительную часть Европы, особенно ея сѣверныя части. Этотъ ледниковый періодъ продолжался, повидимому, очень долго. Климатъ въ эту эпоху былъ холодный и вмѣстѣ съ тѣмъ влажный, такъ какъ только воздухъ, достаточно насыщенный парами, дѣлалъ возможнымъ накопленіе снѣговыхъ массъ и образованіе ледниковъ¹⁴⁾.

Ледники мы находимъ и теперь въ Европѣ,— въ Альпахъ, на Кавказѣ, въ Пиренеяхъ, на Скандинавскихъ горахъ, но размѣры ихъ значительно уступаютъ прежнимъ. Нынѣшніе альпійскіе ледники, по Ляйеллю, образуютъ поясъ въ 25—30 килом. длины, тогда какъ распространеніе древнихъ было въ десять разъ большимъ, причѣмъ мощность ихъ достигала больше 1-го километра. Прилагаемый рисунокъ (6) представляетъ профиль Ронскаго ледника, который доходилъ когдато до самаго Ліона. Ледники покрывали и такія горы, на которыхъ теперь ихъ нѣтъ вовсе, какъ напр. Шотландскія и Ирландскія, Вогезы, Карпаты, а также Шумаву (Богемскій лѣсъ), Рудныя горы и др. Болѣе того: ледники Скандинавскихъ горъ, слившись въ одинъ общій потокъ, выдвинулись мало по малу впередъ гигантской дугой, которая, въ эпоху своего наибольшаго развитія, не только захватила всю Скандинавію и все Сѣверное море, но, соединившись съ ирландскими и шотландскими ледниками, заняла почти всю Англію до самой Темзы, покрыла Голландію до Рейна, часть сѣверо-западной Германіи до подошвы Гарца, дошла почти до Рудныхъ горъ, покрыла всю сѣверо-восточную Германію, сѣверо-западную Россію, Финляндію и даже среднюю Россію (см. приложенную карту Европы въ ледниковый періодъ). Всѣ эти обширныя европейскія страны, нынѣшнія Балтійское и Сѣверное моря покоились тогда подъ однимъ общимъ гигантскимъ ледянымъ покровомъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ лежитъ подъ нимъ Гренландія. На этомъ ледяномъ пространствѣ человѣкъ, попятно, не могъ жить. Вотъ почему Германія сравнительно гораздо бѣднѣ находками слѣдовъ существо-

Рис. 6. Разрѣзъ Ронскаго ледника ледниковой эпохи (по Фальзану и Шантру). Современный ледникъ означенъ штриховою на-крестъ.

ванія челоуѣка этого періода, чѣмъ напр. нынѣшняя Франція, которой только небольшая часть была въ то время подо льдомъ ¹⁶⁾).

Ледниковый періодъ имѣлъ не одинъ кульминаціонный пунктъ. Въ настоящее время доказано, что ділювіальные ледники то попеременно отступали назадъ, то выдвигались впередъ, и что можно установить по крайней мѣрѣ два ледниковыхъ періода, между которыми былъ промежутокъ болѣе теплый, съ ледниками значительно уменьшившимися, такъ называемый межледниковый періодъ (interglacial). Особенно хорошо были изслѣдованы въ этомъ отношеніи альпійскіе ледники и слѣды скандинавскаго ледника въ Германіи, причемъ оказалось, что границы послѣдняго, очень ясно обозначенныя вѣнцомъ холмообразныхъ моренъ перваго ледниковаго періода, далеко отстоятъ отъ границъ вторичнаго обледенія, отступившаго значительно назадъ, но оставившагося затѣмъ еще долгое время въ этихъ новыхъ своихъ предѣлахъ. На нашей картѣ границы его обозначены особой чертой. Въ послѣднее время, впрочемъ, нѣкоторые геологи начинаютъ опять отрицать эту «периодичность» ледниковыхъ эпохъ, объясняя указанные измѣненія только колебаніями одной и той же эпохи. Намъ кажется впрочемъ, что Прествичъ правъ, видя въ этомъ разногласіи только споръ о словахъ.

О причинахъ, обусловившихъ такое пониженіе температуры въ Европѣ, было много писано, причемъ для объясненія его предлагалось немалое количество гипотезъ. Нѣкоторые полагаютъ, что кромѣ причинъ земныхъ (теллурическихъ), выразившихся въ иномъ распредѣленіи суши и моря, здѣсь играли роль и факторы астрономическіе, напримѣръ, измѣненіе эксцентриситета земной орбиты. Но большинство считаетъ это сомнительнымъ и видитъ главную причину въ распредѣленіи суши; одно отсутствіе гольфштрема (теплаго теченія, идущаго къ берегамъ Ирландіи и Норвегіи изъ тропическихъ морей, омывающихъ западные берега центральной Америки и Мексики), способно было уже оказать значительное вліяніе на большее охлажденіе Сѣверной Европы, въ особенности если его мѣсто—какъ полагаетъ Гейки (Geikie)—занимало холодное теченіе, шедшее мимо береговъ Европы съ сѣвера ¹⁶⁾).

Послѣ ледниковаго періода, климатъ Европы началъ мало по малу становиться умѣреннымъ, причемъ таяніе громадныхъ массъ льда повлекло за собой образованіе многихъ озеръ и оказало существенное вліяніе на мощность рѣкъ, изъ коихъ нѣкоторые образовались вновь или проложили себѣ новые пути. Среднеевропейскія равнины и долины, ранѣе почти лишенныя цвѣтковой растительности, подобно нынѣшнимъ арктическимъ тундрамъ, превращались мало по малу въ травянистыя степи, въ пастбища для стадъ травоядныхъ животныхъ, сѣбявшіеся кое-гдѣ лѣсными островами, пока наконецъ лѣсная растительность не получила большаго развитія, и растительная и животная жизнь не вошли въ свою прежнюю шумную колею и

Европа не вступила въ умеренный климатъ, въ которомъ мы живемъ и до сихъ поръ.

Человѣкъ былъ уже свидѣтелемъ всѣхъ этихъ перемѣнъ на поверхности Европы. Онъ не могъ жить на ледникахъ, но жилъ на ихъ окраинахъ, въ мѣстностяхъ болѣе теплыхъ, не бывшихъ покрытыми льдомъ. По мѣрѣ отступленія ледниковъ, онъ слѣдовалъ за ними и мало по малу заселялъ менѣе гостепріимныя страны сѣверной Европы. Древнѣйшіе слѣды четвертичнаго человѣка въ Европѣ мы находимъ въ отложеніяхъ, образовавшихся именно въ теченіи этой эпохи, а потому интереснѣе познакомиться съ ними подробнѣе. Число извѣстныхъ по настоящее время находокъ, однако, такъ велико, что мы можемъ указать только на болѣе важныя изъ нихъ или наиболѣе основательно изслѣдованныя.

Четвертичныя отложенія подраздѣляются, по ихъ строенію и по способу ихъ происхожденія, на образованныя ледниками, или такъ называемыя моренныя, на отложенныя рѣками, отчасти вытекавшими изъ подъ ледниковъ, или проложившими себѣ пути по отступленію ледниковаго покрова, — такъ называемые рѣчные наносы, на морскія отложенія, обязанныя своимъ возникновеніемъ трансгрессіямъ моря, затоплявшаго временами прибрежныя страны, и на такъ называемый лессъ, — образованіе отчасти воднаго, отчасти эоловаго или вѣтрянаго происхожденія.

Морены отлагались отчасти на краяхъ ледниковъ, гдѣ скоплялись сносимые послѣдними продукты разрушенія горныхъ породъ (камни, гравій, песокъ и т. д.), отчасти — на днѣ ихъ (основная или поддонная морена), гдѣ ледникъ до извѣстной степени выпахивалъ свое ложе и оставлялъ болѣе или менѣе мощные слои своей разрушительной и переносной дѣятельности, въ видѣ такъ называемыхъ валунныхъ глинъ и песковъ, т. е. рыхлыхъ отложеній, заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе крупныя камни или такъ называемыя валуны, происшедшіе отчасти — отъ разрушенія непосредственно подстилавшихъ ледникъ твердыхъ горныхъ породъ или занесенные издалека ледниками въ своей толщѣ. По отношенію къ древнѣйшимъ слѣдамъ человѣка особенное значеніе имѣетъ такъ называемый лессъ — мощныя отложенія глинъ, смѣшанныхъ отчасти съ пескомъ и заключающихъ въ себѣ известковыя включенія и кости животныхъ. Въ Россіи отложенія лесса встрѣчаются въ болѣе южныхъ частяхъ, лежащихъ за предѣлами бывшаго облещенія, причемъ сверху его залегаетъ обыкновенно черноземъ, а мѣстами — пески¹⁷⁾. Образованіе этого лесса и до сихъ поръ еще составляетъ предметъ споровъ. Одни видятъ въ немъ отложеніе рѣкъ, — тѣхъ мощныхъ потоковъ, которые вытекали изъ подъ сѣвернаго ледника и уносили болѣе мелкія частицы ледниковаго ила, другіе, слѣдуя Рихтгофену, имѣвшему случай наблюдать образованіе подобныхъ глинъ въ Китаѣ, объясняютъ ихъ происхожденіе дѣйствіемъ вѣтра, переносившаго

въ теченіе тысячелѣтій массы пыли и отлагавшаго ее слой за слоемъ въ долинахъ и равнинахъ; иные, наконецъ, допускаютъ участіе того и другого фактора, воды и вѣтра, совмѣстно участвовавшихъ въ этомъ разнесеніи мелкихъ частицъ глины и песка. Но еще важнѣе, можетъ быть, для археолога отложенія въ пещерахъ, особенно въ известковыхъ, гдѣ они прикрыты слоемъ известкового капельника или такъ называемыхъ сталагмитовъ. Пещеры въ известковыхъ (третичныхъ, а отчасти и болѣе древнихъ пластахъ) образовались вслѣдствіе того, что вода, насыщенная углекислотою проникала въ ихъ толщу и, измѣняя углекислую известъ въ легче растворимую двууглекислую, образовывала сначала пустоты, а потомъ и гроты, которыя, вслѣдствіе размыва рѣками своихъ долинъ, открывались наконецъ наружу болѣе или менѣе значительнымъ отверстіемъ. Временами, въ періодъ половодья, рѣка иногда заливала эти гроты и отлагала въ нихъ наносы, съ которыми попадали нерѣдко и трупы или кости различныхъ животныхъ, а иногда, наоборотъ, потоки могли отчасти размывать содержаніе пещеръ и выносить его наружу. Впослѣдствіи, съ уменьшеніемъ водности рѣкъ или съ углубленіями ими своихъ руслъ, такіе пещеры перестали заливаться водою, и ими нерѣдко пользовались различныя хищныя животныя, для устройства въ нихъ своего логовища, а иногда и человѣкъ, избравшій ихъ временной стоянкой или постояннымъ жилищемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, въ пещерѣ необходимо должны были скопиться современнымъ различные отбросы — въ родѣ утерянныхъ или поломанныхъ издѣлій, костей отъ съѣденныхъ животныхъ и т. д., и это тѣмъ болѣе, что первобытные люди не отличались чистоплотностью и оставляли вокругъ себя какъ остатки своей трапезы, такъ и образцы своихъ подѣлокъ (изъ камня, кости и рога) и отбросы отъ ихъ фабрикаціи. Такіе отбросы представляютъ большую цѣнность для археолога, ибо по нимъ онъ можетъ составить нѣкоторое понятіе, съ одной стороны, объ окружающей тогдашняго человѣка фаунѣ, съ другой — объ образѣ жизни его самого, его обстановкѣ, промышленности и искусствѣ ¹⁸⁾.

Что касается окружающей четвертичнаго человѣка фауны, то мы не будемъ, конечно, входить въ подробное ея разсмотрѣніе и ограничимся только краткими свѣдѣніями о болѣе крупныхъ характерныхъ видахъ, или имѣвшихъ значеніе для человѣка въ его тогдашней борьбѣ за существованіе. Изъ хищныхъ животныхъ заслуживаютъ особаго упоминанія:

Пещерный медвѣдь (*Ursus spelaeus*) былъ гораздо крупнѣе нынѣшняго и отличался отъ него болѣе выпуклымъ лбомъ и нѣкоторыми особенностями въ зубахъ, указывающими на то, что несмотря на свою большую величину, онъ былъ менѣе плотояденъ, чѣмъ современный. Профессоръ Фраасъ (Fraas) нашелъ въ Голенфельдской пещерѣ, въ Швабіи, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ метровъ остатки болѣе 400 особей пещернаго мед-

вѣдя; массы костей его (сотни череповъ) были найдены также въ нѣкоторыхъ пещерахъ южной Франціи (grotte de l'Herm, de Gargas и др.) и Богеміи. Только въ Россіи онъ былъ, повидимому, рѣдокъ; остатки его были добыты только изъ Нерубаевскихъ копей, около Одессы, въ пещерахъ южной

Рис. 7. Черепъ пещернаго медвѣдя.

Польши (Кѣлецкой губ.) и въ пещерѣ Ргани, на р. Квирилѣ, Шаропанскаго уѣзда (Бутаянской губ.). Въ неолитическую эпоху пещерный медвѣдь въ Европѣ уже не существовалъ и только въ Италіи онъ, повидимому, удержался до ея начала. Черепъ его представленъ на рис. 7.

Пещерная гіена (*Huena spelaea*) водилась въ большомъ количествѣ въ Европѣ, (хотя и не была повидимому такъ распространена, какъ медвѣдь); она почти не отличалась отъ пятнистой гіены Южной Африки.

Пещерный левъ (*Felis spelaea*) былъ крупнѣе нынѣшняго льва и до нихъ поръ не найденъ въ четвертичныхъ отложеніяхъ сѣверной Европы.

Рис. 8. Костякъ пещернаго льва.

хотя и былъ нѣрѣдокъ въ средней. Прекрасный скелетъ его найденъ д-ромъ Ванкелемъ въ Слупской пещерѣ возлѣ Брюнна, (нынѣ находится въ Вѣнскомъ кор. естественно-историч. музеѣ (рис. 8). Левъ жилъ въ южной Европѣ еще во времена историческія. По словамъ Геродота, львы напали на войско Ксеркса въ Фессалии.

Мамонтъ (*Elephas primigenius*) — былъ очень распространенъ въ четвертичную эпоху. Отъ нынѣшнихъ слоновъ онъ отличался, кромѣ большихъ размѣровъ, главнымъ образомъ своими громадными, загнутыми назадъ бивнями и длинной, грубой покрывавшей его, шерстью (рис. 9). Остатки ма-

5

Рис. 9. Мамонтъ.

монта находятъ во всей Европѣ, кромѣ южныхъ ея странъ, гдѣ его замѣнялъ другой видъ слона (*El. antiquus*), отличавшійся нѣсколько по формѣ своихъ коренныхъ зубовъ *). Наиболѣе замѣчательныя находки мамонта (название это азіатскаго происхожденія и занесено въ Европу въ XVIII ст. *Strahlenberg'омъ*) были сдѣланы, впрочемъ, въ сѣверной Сибири, особенно въ дельтѣ Лены и на Новосибирскихъ островахъ. Тамъ былъ найденъ, между

---

*) Изъ большихъ травоядныхъ былъ характернымъ для третичной эпохи, кромѣ мастодонта, еще *Elephas meridionalis* («южный слонъ») ростомъ еще больше мамонта; отъ него, по мнѣнію проф. Вольдриха (*Woldrich*) произошелъ *El. antiquus*, давшій въ свою очередь начало видамъ: *El. intermedius*, и *El. armeniacus*, изъ коихъ потомкомъ перваго былъ мамонтъ, а потомкомъ армянскаго слона—нынѣшній индійскій.

прочинъ, замерзшій въ вѣчномъ лѣдѣ цѣлый трупъ мамонта, съ кожей, волосами, даже мясомъ, такъ что, по преданію, мѣстные инородцы кормили нѣкоторое время имъ своихъ собакъ. Скелетъ и другіе остатки этого экземпляра хранятся въ петербургскомъ и московскомъ зоологическихъ музеяхъ.

Носороги—въ четвертичную эпоху жило два-три вида ихъ, изъ коихъ наиболѣе распространеннымъ былъ *Rhinoceros tichorhinus* (съ полной костяной перегородкой носа) (рис. 11). Въ южной Европѣ видъ этотъ не встрѣчается; повидимому, онъ не переходилъ Альповъ и Пиренеевъ. Въ Сибири были найдены, въ разное время, двѣ головы этого звѣря, еще съ сохранившеюся кожей, которая была, какъ оказывается, покрыта густою буроватою шерстью. Обѣ эти головы сохраняются въ Музеѣ Академіи Наукъ, въ Петербургѣ.

Мускусный овцебыкъ (*Ovibos moschatus*); остатки его были находимы въ средней Европѣ—до департамента Везеры во Франціи и до Волынской губ. въ Россіи. Южнѣе до сихъ поръ не былъ констатированъ; въ Сибири найдено нѣсколько почти полныхъ его череповъ. Теперь овцебыкъ живетъ только на крайнемъ сѣверѣ Америки, въ Гренландіи и на другихъ полярныхъ островахъ.

Рис. 10. Коренной
зубъ мамонта.

Четвертичный гиппопотамъ (*Hippopotamus major*) былъ близокъ къ

Рис. 11. Носорогъ.

вытѣшнему африканскому, но крупнѣе. Остатки его находятъ рѣдко и болѣе на югѣ (хотя были найдены и въ Англіи).

Гигантскій олень (*Megaceros hibernicus*) жилъ, главнымъ образомъ, въ западной Европѣ, особенно въ Ирландіи, но одинъ, [довольно хорошо со-

хранившійся скелетъ былъ найденъ и въ торфяникахъ средняго Урала, и сохраняется въ Екатеринбургскомъ музеѣ. Олень этотъ имѣлъ громадныя рога, разстояніе между концами коихъ доходило до 3—4-хъ метровъ (рис. 12).

Сѣверный олень (*Cervus tarandus*)—появился въ Европѣ почти одновременно съ мамонтомъ, позже пещернаго медвѣдя, но пережилъ всѣхъ крупныхъ млекопитающихъ. Въ то время, какъ другія только что упомянутыя животныя

Рис. 12. Гигантскій

вымирали или переселялись изъ Европы на югъ — въ Африку, или на востокъ — въ Азію, сѣверный олень продолжалъ оставаться и жилъ еще въ XII стол. въ Шотландіи и на Оркнейскихъ о-вахъ. Но въ неолитическую эпоху онъ уже не встрѣчался въ Средней Европѣ, за исключеніемъ ея сѣверныхъ странъ, куда онъ удалился вслѣдъ за отступающимъ ледникомъ, отступая передъ оружіемъ человѣка все дальше и дальше на сѣверъ. Теперь этотъ видъ, бывшій наиболѣе характернымъ для второй половины постпліоценовой эпохи, существуетъ еще въ Европѣ только между 60 и 71° сѣв. шир. Кромѣ сѣвернаго оленя жилъ еще въ Европѣ и лось въ довольно большомъ количествѣ. Во времена Цезаря онъ встрѣчался еще въ Герцинскомъ лѣсу, но теперь сохранился только въ Россіи и восточной Пруссіи¹⁹⁾.

Четвертичная лошадь — существовала, повидимому, въ двухъ или болѣе разновидностяхъ. Во Франціи она встрѣчалась въ большомъ числѣ, но уже въ неолитическую эпоху стала рѣдкой. Затѣмъ лошадь опять появляется

въ большомъ количествѣ въ эпоху металловъ, но уже въ прирученномъ состояніи.

Бизонъ (зубръ) и туръ или дикій быкъ (*Bison europaicus*, *Bos bison*, *Bos primigenius*, *Bos urus priscus*). Оба эти вида, изъ которыхъ первый, по Рютимейеру, вполне сходствовалъ съ нынѣшнимъ американскимъ бизономъ, а второй былъ родоначальникомъ нѣкоторыхъ породъ крупнаго рогатаго скота, въ четвертичную эпоху были очень многочисленны во всей средней Европѣ. Они встрѣчались мѣстами даже въ началѣ исторической эпохи; въ пѣсни о Нибелунгахъ упоминается объ ихъ обоихъ. Въ позднѣйшія времена они попадались еще изрѣдка въ вѣковыхъ лѣсахъ Литвы и Польши (ихъ описалъ въ XVI вѣкѣ австрійскій посолъ въ Россіи, Герберштейнъ). Въ настоящее время туръ уже давно вымеръ, но небольшое количество зубровъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ головъ, живетъ еще въ Бѣловѣжской пущѣ (Гродненской губ.) подъ охраной закона, да въ Кубанской области, въ верховьяхъ рѣкъ Зеленчука и Лабы, сохранилось ихъ еще штукъ пятьдесятъ.

Кромѣ указанныхъ, въ дилювіальную эпоху жили еще въ Европѣ и многія другія животныя, по большей части тождественныя съ нынѣшними, какъ, напр., рысь, росомаха, волкъ, лисица, куница, бобръ и разные другіе грызуны, серна, кабанъ, сайга и др.; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, бобръ, тоже близки къ вымиранію, другіе, какъ росомаха, отступили на далекій сѣверъ, третьи, какъ сайга, разные суслики и тушканчики—на крайній востокъ, въ область Арало-Каспійскихъ степей.

Несомнѣнныхъ слѣдовъ домашнихъ животныхъ въ отложеніяхъ этой эпохи мы не встрѣчаемъ. Даже собака, повидимому, еще отсутствовала, хотя нѣкоторые и полагаютъ, что прирученіе ея относится къ концу этого періода.

Перечисленные нами формы животныхъ не всѣ появились въ началѣ постпліоценовой эпохи и были не одинаково распространены въ продолженіи ея; въ извѣстныя времена преобладали одни виды, въ послѣдовавшіе затѣмъ — другіе. Такъ, напр., въ началѣ эпохи особое преобладаніе имѣлъ пещерный медвѣдь, а во второй половинѣ ея—сѣверный олень, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя другія формы, какъ гиппопотамы и носороги, успѣли уже къ этому времени удалиться изъ Европы или вымереть. Неодинаковое преобладаніе остатковъ различныхъ животныхъ въ разныхъ отложеніяхъ давно уже дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ ввести въ четвертичную эпоху подраздѣленіе. Уже въ 1861 г. Лартэ (*Lartet*) раздѣлил европейскій постпліоценъ на четыре періода, изъ которыхъ первый, самый древній, охарактеризованъ былъ пещернымъ медвѣдемъ, второй—мамонтомъ, третій—сѣвернымъ оленемъ и четвертый—бизономъ и дикимъ быкомъ. Скоро однако оказалось, что это раздѣленіе, хотя и имѣетъ кое-гдѣ мѣстное значеніе, но не можетъ быть распространено не только на всю Европу, но даже и на всю Францію. Оказалось,

что въ разныхъ мѣстахъ эти виды животныхъ переживали одинъ другого не одинаковымъ образомъ; въ то время, какъ въ одной странѣ извѣстный видъ уже исчезалъ или значительно уменьшался въ количествѣ, въ другой онъ находился еще въ полномъ расцвѣтѣ своего существованія, а въ нѣкоторыхъ продолжалъ даже быть видомъ наиболѣе характернымъ.

Поэтому раздѣленіе Лартэ было скоро оставлено. Нельзя также признать вполне удовлетворительнымъ и раздѣленіе бельгійскаго ученаго Дюпона (Dupont), который нѣсколько усовершенствовалъ предыдущую классификацію, соединивши 4 періода Лартэ въ двѣ большія эпохи: древнѣйшую эпоху мамонта и позднѣйшую — эпоху сѣвернаго оленя ²⁰⁾.

Въ Германіи, правда, принято было это общее раздѣленіе на «*Malthzeit*» и «*Reinthierzeit*» и, дѣйствительно, для западной Европы оно имѣетъ нѣкоторыя основанія, но какъ и всякая классификація, построенная на преобладаніи только одного или двухъ видовъ — не можетъ быть призвана вполне научной. Научная классификація эпохъ по фаунѣ должна основываться не на одномъ или двухъ видахъ, но на всей совокупности формъ; только на основаніи измѣненій въ общемъ характерѣ фауны возможно установить болѣе точныя подраздѣленія, причемъ предполагается, что перемѣны климатическихъ и почвенныхъ условій Европы должны были вести за собою и соответственныя измѣненія въ характерѣ ея флоры и фауны. Перемѣны эти несомнѣнно были, а поэтому и раздѣленіе четвертичной эпохи, установленное проф. Вольдржихомъ на основаніи этого принципа и особенно изслѣдованій проф. Неринга (Nehring) ²¹⁾, представляется, по нашему мнѣнію, по крайней мѣрѣ для средней Европы, до сихъ поръ наиболѣе удовлетворительнымъ ²²⁾.

Проф. Вольдржихъ дѣлитъ постглациецъ на:

- 1) эпоху арктической или ледниковой фауны;
- 2) эпоху степной или подъ-арктической фауны;
- 3) эпоху пастбищной фауны;
- 5) эпоху лѣсной фауны *).

Уже изъ названій этихъ эпохъ видно, что здѣсь дѣло идетъ о различномъ видѣ поверхности и растительности средней Европы и о томъ, что раз-

*) Разумѣется, мы не можемъ утверждать, чтобы всѣ эти послѣдовательныя измѣненія происходили въ дѣйствительности вездѣ и съ такой послѣдовательностью. Въ раскопкахъ всѣ эти четыре типа фауны рѣдко встрѣчаются въ совершенно чистомъ видѣ; по большей части попадаются смѣшанные остатки животныхъ, принадлежавшихъ къ двумъ сосѣднимъ эпохамъ. Въ Судславичахъ, въ Чехіи, проф. Вольдржихъ нашелъ, напр., въ одной горной трещинѣ (такъ же, какъ г. Машка, въ Чортовой дырѣ въ Моравіи) фауну 1-й и 3-й эпохи; затѣмъ первый изъ этихъ ученыхъ въ Нусдорфѣ, возлѣ Вьны, — 2-й и 3-й эпохи и въ Судславичахъ, въ другой трещинѣ, фауну 3-й и 4-й эпохъ въ смѣшанномъ видѣ.

ница въ условіяхъ естественно обусловила и разницу въ фаунѣ. Полярныя животныя отличаются отъ степныхъ, а эти, въ свою очередь, отъ лѣсныхъ. Въ первую эпоху — эпоху ледни ковъ и великаго сѣвернаго обледѣнія большая часть средней Европы представляла изъ себя негостепріимныя равнины, походившія на нынѣшнія тундры или арктическія степи Сибири. Характерными животными были въ эту эпоху разные виды пеструшекъ или землиновъ, земляныхъ мышей, песецъ или полярная лисица и др., а о томъ, что эти животныя дѣйствительно жили тогда въ большомъ числѣ, свидѣтельствуютъ громадныя количества остатковъ ихъ, найденныя чешскимъ ученымъ г. Машкой (К. Maška) въ Штрамбергскихъ пещерахъ, въ Моравіи. Послѣ этой ледниковой эпохи, когда равнины покрылись болѣе обильною травяною растительностью и сдѣлались похожими на нынѣшнія южно-русскія степи, измѣнилась и ихъ фауна. Въ это время имѣлось уже гораздо больше средствъ для пропитанія, что должно было вызвать большее богатство и разнообразіе фауны, а затѣмъ эти условія еще болѣе улучшились въ цвѣтущую эпоху пастбищъ (степныхъ пространствъ, перемежавшихся съ лѣсами), которыя, по мнѣнію Вольдржиха, давали пріютъ огромному количеству большихъ травоядныхъ съ мамонтомъ во главѣ. Къ концу дилuvia степи отступили понемногу на востокъ, куда за ними послѣдовала и свойственная имъ фауна, именно въ Россію, а оттуда, по южно-русскимъ и приуральскимъ степямъ, и въ Сибирь. Послѣдняя эпоха — лѣсной фауны съ многочисленными видами оленей, дикихъ кабановъ, бобровъ и т. д., продолжалась въ Европѣ до неолитическихъ временъ и даже до исторической эпохи.

Но естественно, что для археологовъ классификація эта, построенная на основаніяхъ чисто естественно-историческихъ, оказалась недостаточной. Предметъ ихъ изслѣдованія — человѣческая культура, остатки первобытной индустріи, а потому скоро почувствовалась необходимость какъ-нибудь разобраться во множествѣ этихъ остатковъ, подраздѣлить ихъ на группы, ввести извѣстную классификацію.

Эти первыя попытки классификаціи человѣческихъ издѣлій четвертичной эпохи представляли, несомнѣнно, извѣстный шагъ впередъ. Онѣ вели къ болѣе внимательному сличенію формъ издѣлій, къ нахожденію въ нихъ сходныхъ и отличительныхъ признаковъ, къ распредѣленію на основаніи ихъ всего имѣющагося матеріала. Но, разумѣется, здѣсь дѣло не могло идти о распредѣленіи по цѣлямъ, для которыхъ могли служить тѣ или иные каменные орудія, а только — по общей ихъ формѣ и, отчасти — степени отдѣлки.

Человѣкъ четвертичной эпохи употреблялъ въ качествѣ матеріала для своихъ издѣлій прежде всего камень (главнымъ образомъ кремь), затѣмъ дерево, кость и рогъ. Употребленіе камня для приготовленія орудій и оружія продолжалось, впрочемъ, еще долго и послѣ четвертичной эпохи. Нѣко-

которые порвобытные народы живутъ еще и до сихъ поръ въ томъ состояніи, изъ котораго западная Европа вышла уже около 3000 лѣтъ тому назадъ. Весь этотъ періодъ жизни европейскаго человѣчества, въ теченіи котораго камень служилъ главнымъ матеріаломъ для орудій и инструментовъ, названъ былъ поэтому каменнымъ вѣкомъ человѣчества. Каменный вѣкъ, следовательно, обнимаетъ собою, какъ мы видѣли, конецъ третичнаго періода (въ теченіе котораго существованіе человѣка представляется еще впрочемъ сомнительнымъ), четвертичный періодъ и часть новѣйшей эпохи.

Первая попытка классификаціи каменныхъ орудій древнѣйшихъ временъ была предложена сэромъ Дж. Леббокомъ. Онъ замѣтилъ, что каменные орудія, находящіяся въ отложеніяхъ четвертичной эпохи, сдѣланы вообще гораздо грубѣе, чѣмъ большая часть орудій эпохи позднѣйшей. Главнѣйшимъ же образомъ постпліоценовымъ орудіямъ недостаетъ двухъ особенностей, отличающихъ позднѣйшія каменные издѣлія; а именно: полировки и сверленія. Поэтому Леббокъ и раздѣлилъ весь каменный вѣкъ на эпоху орудій грубо-обработанныхъ, неполированныхъ и непросверленныхъ, такъ называемую эпоху палеолитическую (палеолитъ—древне-каменную) и на эпоху орудій тщательнѣе отдѣланныхъ, часто полированныхъ и просверленныхъ—эпоху неолитическую (неолитъ—ново-каменную)*).

Это раздѣленіе Леббока остается до сихъ поръ, и вѣроятно долго еще останется, вполне подходящимъ. Полированные, или просверленные насквозь для укрѣпленія на рукояткѣ, топоры до сихъ поръ не были найдены ни въ одномъ дилювіальномъ мѣстонахожденіи, и если это и случалось иногда на первый взглядъ, то обыкновенно потомъ оказывалось, что находка относилась къ концу постпліоцена и представляла уже переходъ къ неолитической эпохѣ.

Но и это раздѣленіе все таки было еще недостаточнымъ. Оно проводило рѣзкую границу между четвертичной эпохой и позднѣйшимъ періодомъ каменнаго вѣка, но не касалось подробнѣе самаго постпліоцена. Лартэ уже въ 1861 г. пытался раздѣлить четвертичныя находки на основаніи нѣсколькихъ типическихъ формъ ихъ, но болѣе широкое распространеніе получила только классификація Габріеля де Мортилье, построенная на основаніяхъ отчасти Леббока, отчасти Лартэ. Она даетъ извѣстное представленіе объ общемъ развитіи культуры четвертичнаго человѣка, а потому мы должны изложить ее подробнѣе, хотя для насъ она и не имѣетъ того значенія, какъ для Франціи и вообще странъ западной Европы. Кромѣ того, не ознакомив-

*) Эти названія составлены изъ греческихъ словъ *παλιός* (старый), *νέος* (новый) и *λίθος* (камень). Французы часто употребляютъ названіе «эпоха обитанія камня» (*époque de la pierre taillée*) и «эпоха полированного камня» (*époque de la pierre polie*).

шивъ съ нею, для насъ остались бы непонятными многія обозначенія, обыкновенно употребляемыя въ археологическихъ сочиненіяхъ. Габріэль де Мортилье изложилъ свое раздѣленіе постплюцена на четыре эпохи въ первый разъ на сѣздѣ въ Брюсселѣ въ 1872 году и затѣмъ обосновалъ его подробнѣе въ 1883 г. въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Le Préhistorique» ²³). Въ послѣднее время онъ сдѣлалъ нѣсколько небольшихъ измѣненій въ своей схемѣ, раздѣливши первую эпоху на двѣ и т. д. Вотъ послѣдняя изъ опубликованныхъ имъ схемъ классификаціи эпохъ каменнаго вѣка ²³).

К а м е н н ы й в ѣ к ъ.	Найшие периоды.	Палеолитическая эпоха.	Четвертные периоды.	Палеолитическая эпоха.	Третичные периоды.
	Неолитическая эпоха.		Тензійская эпоха.		Thenay (Beauce).
			Пюжкурвийская эп.		Puy-Courny (Cantal)
			Шельская эп.		Chelles (Seine et Marne).
			Ашѣльская эп.		St. Acheul (Somme).
			Мустьерская.		„Le Moustier“ (пещера) (Dordogne).
			Солутрейская.		Solutré (Mâconnais).
			Мадленская.		„La Madeleine“ (пещера) (Dordogne).
			Турассьенская. (переходная).		„La Tourasse“ (Haute Garonne).
			Кампиньенская.		Campigny (Seine Inferieure).
			Робенгаузенская.		Robenhausen (Швейцарін, Цюрихскій кант.).

Первую, Шельскую, эпоху Мортилье помѣщаетъ передъ ледниковымъ періодомъ. Климатъ въ теченіе ея былъ умѣренный и влажный. Въ фаунѣ преобладали разные виды оленей, а также древнія формы носороговъ (*Rhinoceros Merkii*) и слоновъ (*Elephas antiquus*). Человѣческія издѣлія, главнымъ образомъ каменные орудія, были еще очень грубо обдѣланы, но носятъ уже на себѣ несомнѣнные признаки работы рукъ человѣческихъ. Наиболѣе характеризующій эту группу предметъ — клинообразное орудіе, имѣющее болѣе или менѣе миндалевидную форму (рис. 13) и оббитое съ обѣихъ сто-

ронъ. Подобныя формы обозначаютъ до сихъ поръ вездѣ наиболѣе глубокія, древнія отложенія. Кромѣ нихъ встрѣчаются и другія, но всегда очень грубо обработанныя орудія. Первоначально Мортилье называлъ первую эпоху въ своей системѣ «Ашельскою» по имени знаменитаго мѣстонахожденія подобныхъ

орудій въ наносахъ р. Соммы, недалеко отъ мѣстечка St.-Acheul, но потомъ онъ замѣнилъ это названіе другимъ, давши соответственной эпохѣ названіе «Шельской» (отъ гор. Chelles на р. Марнѣ) и наконецъ раздѣлилъ эту первую эпоху на двѣ: старшую—Шельскую и младшую—Ашельскую.

Ашельская эпоха отличается отъ предыдущей только болѣе усовершенствованнымъ типомъ тѣхъ-же орудій. Орудія копьевидной формы (рис. 14), наиболѣе характерныя для эпохи Сентъ-Ашель, указываютъ еще на одинъ шагъ въ обработкѣ камня. Мѣстонахожденіе въ St. Acheul'ѣ впрочемъ не отличается уже такой чистотой какъ предыдущее²⁴⁾ и заключаетъ въ себѣ нѣкоторые познѣйшіе типы, такъ что образуетъ скорѣе нѣкоторый переходъ отъ культуры первой группы къ слѣдующимъ. На основаніи этого Ф. Сальмонъ предлагалъ на зѣздѣ въ Марсели въ 1891 г. совершенное исключеніе этой переходной группы. Относящіеся сюда орудія бываютъ очень различной величины и вѣса. Одно изъ нихъ напр. (въ коллекціи г. Caix de St. Aymour) вѣситъ больше двухъ килограммовъ.

13. Миндалевидное орудіе
мортильскаго типа.

Мустьерская эпоха совпадаетъ по Мортилье съ ледниковымъ періодомъ. Въ Европѣ господствовалъ климатъ холодный и влажный, человекъ принужденъ былъ искать убѣжища подъ защитой пещеръ и впервые началъ одѣваться въ звѣриныя шкуры. Основаніемъ такому предположенію можетъ служить, по мнѣнію Мортилье, отчасти—характеръ фауны, съ пещернымъ медвѣдемъ, густошерстнымъ носорогомъ (*Rhinoc. tichorhinus*) и мамонтомъ, отчасти—то обстоятельство, что большая часть находокъ, сюда относящихся, принадлежитъ къ пещернымъ. Сама эпоха получила названіе отъ типическаго мѣстонахожденія въ пещерѣ возлѣ дер. Мустье, на берегу р. Везеры въ департаментѣ Дордони. Каменные издѣлія, найденныя въ этой пещерѣ (и въ

и некоторых других, соответствующих ей по находкам), отличаются прежде всего большей легкостью формъ, похожихъ впрочемъ на формы предшествующихъ эпохъ, а главное — орудіями, которые должны были быть весьма пригодными для обработки звѣриныхъ кожъ, именно для очистки отъ нихъ мездры. Поэтому орудія такого рода и получили названіе скребла (франц. *gascloir*, нѣмец. *Schaaber*). Другой типъ орудій, характерный для этой эпохи, представляетъ собою остріе миндалевидной или нѣсколько болѣе заостренной формы, отличающееся однако отъ Шелльского типа тѣмъ, что оно обдѣлано только съ одной стороны, тогда какъ другая остается гладкой, какъ она была получена при отбитіи осколка однимъ ударомъ отъ первоначальнаго кремнева ядрища. Кремнь принадлежитъ къ породамъ, обладающимъ такъ называемымъ раковистымъ изломомъ, причѣмъ то мѣсто отбиваемаго осколка, которое приходится подъ точкой удара, обозначается (на гладкой поверхности осколка) въ видѣ округленнаго широкаго возвышенія, такъ называемаго ударнаго бугорка (*bulbe ou cône de percussion*, *Schlagmarke*) (рис. 15).

Рис. 14. Остріе
Ашѣльскаго типа.

Солютрейская эпоха, названная по имени доисторической стоянки въ Солютрэ (*Solutré*, возлѣ Макона) относится уже къ послѣдниковому періоду. Климатъ въ это время сдѣлался уже, сравнительно съ предыдущею эпохою, болѣе умѣреннымъ и менѣе влажнымъ. На французскихъ равнинахъ появились огромныя стада лошадей и сѣверныхъ оленей; носорогъ исчезъ, но мамонтъ еще оставался. Человѣческія издѣлія носятъ на себѣ дальнѣйшіе признаки прогресса. Орудія — меньше величиною, тоньше и тщательнѣе обдѣланы. Наиболѣе характерны небольшіе наконечники копій и стрѣлъ въ формѣ лавроваго листа, затѣмъ разныя новыя формы скребковъ (Мортилье, для отличія отъ скребла Мустьерской эпохи (*gascloir*), дасть этой новой формѣ названіе «*grattoir*») *) и особенно оригинальныя, снабженные

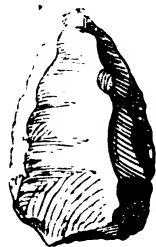

Рис. 15. Остріе Мустьерскаго типа.

*) Для обозначенія этого оттѣнка по-русски, мы принимаемъ для первой формы названіе скребла, а для второй скребка, употребляющіяся у насъ обыкновенно безразлично.

съ одной стороны вырѣзкой, кремневые наконечники стрѣлъ (*pointes à cran*) (рис. 16).

Мадленская эпоха заключаетъ собою постпалеолитъ. Человѣкъ этого періода обиталъ главнымъ образомъ въ пещерахъ и жилъ больше всего охотой на сѣверныхъ оленей (если даже не ихъ разведеніемъ уже). Сѣверный олень является въ эту эпоху животнымъ наиболѣе характернымъ, отчего она и называется часто эпохой сѣвернаго оленя (*Epoque du renne, Rennthierzeit*). Наиболѣе находокъ этой эпохи извѣстно изъ средней и южной Франціи, въ отложеніяхъ пещеръ, находящихся по берегамъ рѣкъ Везеры, Дордони и др. Названіе эпохи происходитъ отъ пещеры «*La Madeleine*» на лѣвомъ берегу Везеры.

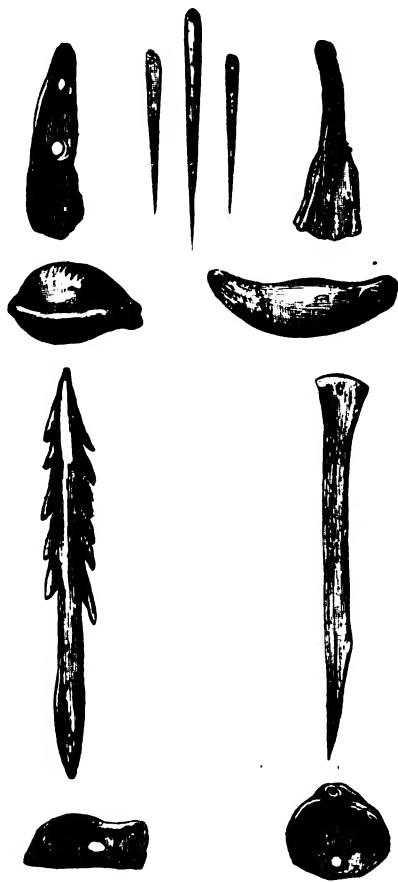

Мадленская эпоха отличается отъ предшествующихъ тѣмъ, что въ теченіе ея древняя каменная индустрія внезапно уступаетъ мѣсто новой.

Большая часть орудій сдѣлана уже изъ звѣринныхъ костей и изъ роговъ сѣвернаго оленя. Кремневые орудія по большей части ограничиваются небольшими наконечниками копій и стрѣлъ, ножами и т. п. За то изъ кости и рога выдѣлывались въ большомъ количествѣ иглы, стрѣлы, книжалы, гарпуны, затѣмъ особенныя орудія съ сквозными дырами и рѣзбой, можетъ быть, какъ думаютъ—пѣчто въ родѣ начальническихъ жезловъ (*bâtons de commandement, Commandostäbe*). Въ первый разъ здѣсь появляются и украшенія: просверленные звѣриныя зубы и раковины, подвѣски изъ камней и пр. Они, очевидно, нанизывались на шнурки или ремешки и носились на разныхъ частяхъ тѣла (см. рис. 17 и 18).

Такова картина распредѣленія четвертичныхъ эпохъ Мортилье. Произнести сужденіе о степени точности и пригодности этой классификаціи—довольно трудно. Отметимъ только въ короткихъ словахъ, какъ о ней судятъ другіе. Уже на сѣздѣ въ Брюсселѣ, гдѣ Мортилье въ первый разъ предложилъ свою классификацію, она была встрѣчена возраженіями со стороны главнымъ образомъ Фрааса. Начиная съ этого времени, она постоянно должна была выдерживать нападки со стороны разныхъ ученыхъ. Въ особенности упрекали ее въ томъ, что она слишкомъ преждевременна и не подтверждается многими находками. Указывали при этомъ на цѣлый рядъ находокъ, которыя или вообще не подходили подъ типы эпохъ Мортилье, или доказывали иную ихъ послѣдовательность (ср. также примѣч. 24 и 26). Говорили, что эта классификація непримѣнима даже къ Франціи, не то что къ остальной Европѣ.

Въ этихъ упрекахъ было не мало справедливаго, но тѣмъ не менѣ классификація Мортилье удержалась и выдержала даже новое испытаніе на съѣздѣ въ Марсели въ 1891 г. Какъ оказалось, ее принимаютъ даже противники Мортилье: подраздѣленія Карпальяка (Cartailhac), Амій (Namy),

14

Рис. №. Издѣлья изъ оленьяго рога и кости (гарпуны, шила, иголки), украшенія изъ продыравленныхъ зубовъ и раковинъ—мадленскаго типа.

Буля (Boule), Пьетта (Piette), д'О-дю-Мениля (d'Ault-du-Mesnil), Сальмона (Ph. Salmon) и др.²⁶⁾, въ основаніяхъ своихъ ничѣмъ не отличаются отъ дѣленія Мортилье. Причина этого заключается въ томъ, что еслибы классификація Мортилье и не была вѣрна хронологически (для Франціи, такъ

какъ для остальныхъ странъ западной Европы она не подходитъ²⁶⁾, то она все таки очень удобна типологически. Если и не вполне справедливо то, что человеческая индустрія шла во Франціи (и въ остальной Европѣ) хронологически именно этими пятью ступенями, установленными Г. де-Мортилье, то все таки, несомнѣнно, что въ примѣненіи къ общему характеру типовъ издѣлій, классификація эта оказывается весьма полезною. Въ Чехіи она была

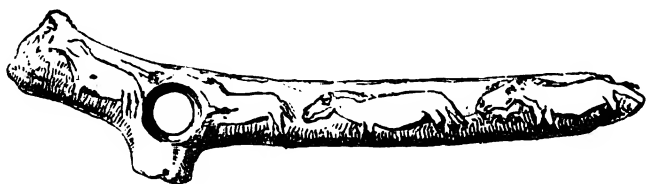

Рис. 18. „Начальническій жезль“ съ рѣзными на немъ изображеніями (лошадей) изъ оленьяго рога. Изъ пещеры Laugerie-Basse (Dordogne).

принята впервые для классификаціи четвертичныхъ находокъ проф. Вольджихомъ. Но мы не можемъ во всякомъ случаѣ имѣть здѣсь въ виду точную хронологическую послѣдовательность. Находки мадленскаго характера въ Чехіи, напр., хронологически не соотвѣтствуютъ (ни абсолютно, ни относительно) этой эпохѣ Мортилье. Переносъ это названіе на находки въ другихъ странахъ, мы только обозначаемъ, не вдаваясь въ подробности, что находки эти своимъ характеромъ, типомъ издѣлій—соотвѣтствуютъ характеру Мадленской эпохи Мортилье.

Ихъ находокъ четвертичной эпохи можетъ быть сдѣлано очень сжатомъ видѣ, безъ подробнаго описанія отдѣльных послѣднихъ мы предпочитаемъ соединить въ концѣ главы нашихъ изслѣдованій въ одной общей картинѣ культуры въ Европѣ. Поэтому мы не ставемъ приводить и ихъ разрывовъ разныхъ отдѣльныхъ отложеній, условій культурнаго слоя *), перечней животныхъ видовъ, остатковъ со слѣдами человеческой индустріи въ каждомъ отдѣлѣ. Мы остановимся нѣсколько подробнѣе только на наиболѣе

большее количество находокъ, относящихся къ четвер- было сдѣлано на территоріи Франціи. Это очень есте- мъ слоемъ (couche archéologique—французовъ, Kultur- является въ археологическомъ слое, заключающій въ себѣ остатки

ственно, если мы припомнимъ, что человѣкъ могъ легко жить во Франціи даже въ теченіи самаго суроваго ледниковаго періода. Кромѣ того, во Франціи болѣе чѣмъ въ прочихъ европейскихъ странахъ имѣется дѣятелей въ области доисторической археологіи.

Не возвращаясь здѣсь къ тѣмъ находкамъ неопредѣленной древности, о которыхъ мы уже упоминали въ главѣ о третичномъ человѣкѣ, мы должны прежде всего обратить вниманіе на выдающіеся находки въ такъ называемыхъ открытыхъ отложеніяхъ, въ древнихъ рѣчныхъ наносахъ, главнымъ образомъ въ Chelles, въ долинѣ Марны и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ долины рѣки Соммы въ сѣверной Франціи. Стоянка въ Chelles, по имени которой Мортилье называлъ свою первую четвертичную эпоху, была изслѣдована главнымъ образомъ Де-Шукэ (de Chouquet) и Д'Аси (d'Ascy). Ихъ выводы во многомъ расходятся съ мнѣніями Мортилье, особенно въ томъ, что касается хронологическаго опредѣленія. Мортилье относитъ начало Шельскаго культурнаго слоя къ до-ледниковому періоду, они же къ гораздо болѣе позднему времени (*ср. примѣч. 24*). Изъ мѣстонахожденій въ наносахъ р. Соммы, отложившихся по берегамъ прежняго ея русла, заслуживаютъ упоминанія мѣстности, прославленныя открытіями Буше-де-Перта (Boucher de Perthes) и его сотрудниковъ, какъ было упомянуто уже въ нашемъ введеніи, наносы возлѣ м. Сентъ-Ашель недалеко отъ г. Амьена и въ Аббвилѣ (въ Manchecourte)²⁷). Кромѣ этихъ главныхъ французскихъ мѣстонахожденій извѣстенъ еще цѣлый рядъ ихъ во Франціи: въ постплиоценовыхъ пескахъ возлѣ Парижа, въ долинахъ рѣкъ Марны (въ Châlons sur Marne), Сены (Grenelle; Clichy), Уазы, Эны, Йонны, Луары, Дордони, Соны и т. п. Изъ нихъ наиболѣе важны оба упомянутыя мѣстонахожденія въ наносахъ Сены, въ Гренелли и въ Клиши, и въ долинѣ Соны въ Truchègue. Во всѣхъ ихъ были найдены человѣческіе черепа рядомъ съ остатками четвертичныхъ животныхъ. Мортилье однако отвергаетъ ихъ современность между собою. Въ департаментѣ Віенны открыто множество мастерскихъ кремневыхъ орудій, изслѣдованныхъ главнымъ образомъ Meillet и Bronillet²⁸).

Большаго вниманія заслуживаютъ однако пещерныя находки, относимыя Мортилье вообще къ позднѣйшему ледниковому и послѣ-ледниковому періодамъ. Нѣкоторый переходъ отъ жилищъ подъ открытымъ небомъ къ поселеніямъ въ пещерахъ представляетъ мѣстонахожденіе первобытнаго человѣка въ Солютрѣ возлѣ Макона (деп. Соны и Луары). Здѣсь жилъ человѣкъ подъ нависшей скалой и питался главнымъ образомъ охотой на дикихъ лошадей. Въ древнихъ пластахъ констатировано здѣсь присутствіе около 40.000 (а по другимъ — до 100.000) конскихъ скелетовъ. Въ томъ же мѣстѣ было найдено также и большое количество человѣческихъ костяковъ, лежавшихъ въ гробницахъ изъ отесаннаго камня. Существуютъ однако большіе

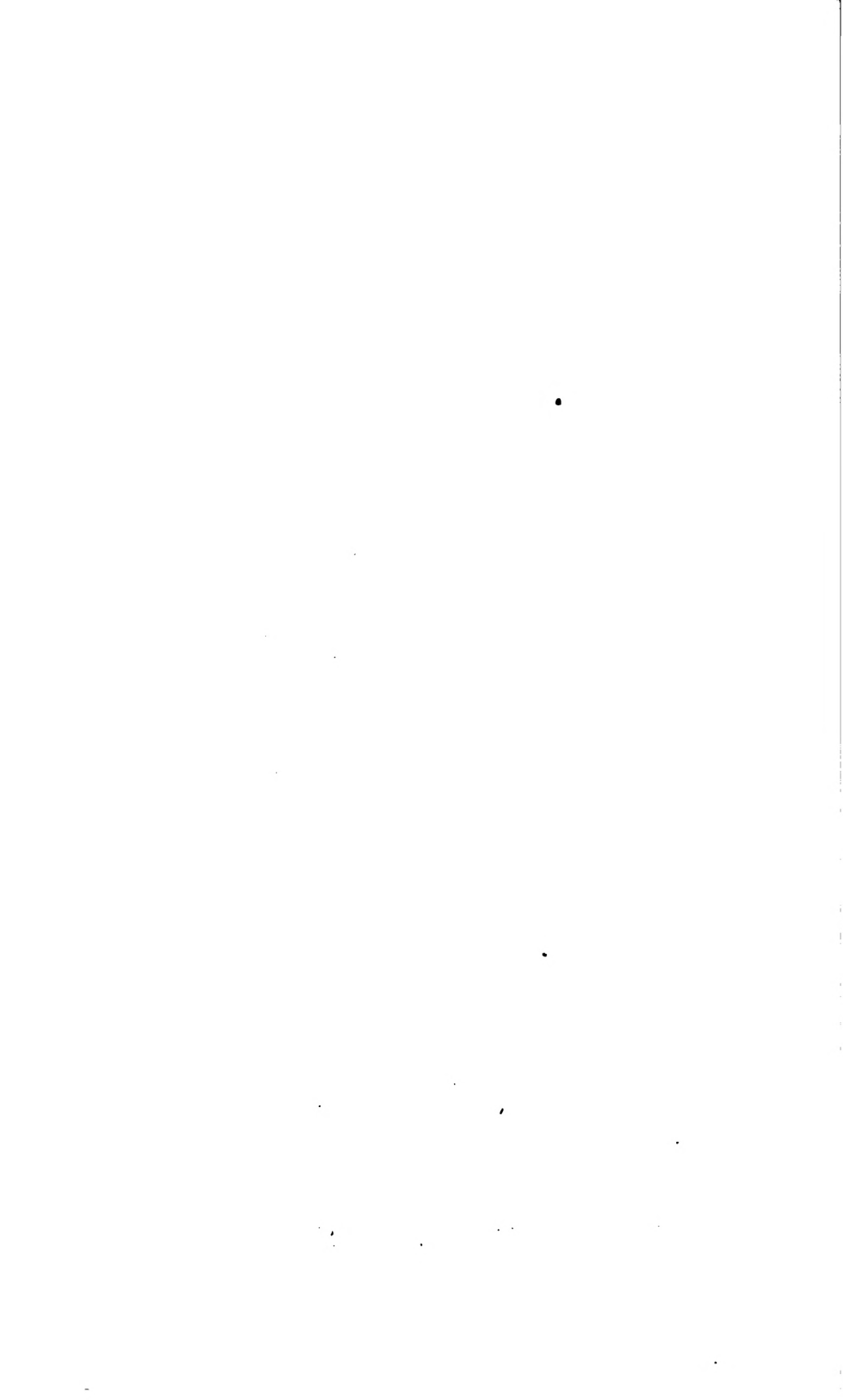
насчетъ принадлежности ихъ къ четвертичной эпохѣ; повинутся уже къ позднѣйшему времени, а нѣкоторыя, можетъ въ временамъ историческимъ ²⁹). Краемъ, наиболѣе богатымъ пещерными остатками, долженъ считаться департаментъ обенно долина ея притока, рѣки Везеры ³⁰). Въ скалахъ, на обонимъ берегамъ этой рѣки, былъ найденъ длинный рядъ пещеръ изъ коихъ получили всемирную извѣстность. По имени двухъ пещеръ назвалъ свои третью и четвертую четвертичныя эпохи, *Aurignac* (съ остатками наиболѣе древней, сравнительно съ прочими, культуры) и *Madeleine*. Кромѣ этихъ двухъ пещеръ очень много пещеръ «*Les Eyzies*», «*la Gorge d'Enfer*», «*Laugerie Basse*» (находка человѣческихъ костей) и недавно пещера въ *Teujat*. Очень замѣчательна также извѣстная Кро-пещера (*Cro-Magnon*), собственно убѣжище подъ нависшею скалою въ 1868 г. въ *Tauas* (въ Дордонскомъ департ.). Въ ней были найдены пять человѣческихъ скелетовъ и, между прочимъ, три привѣвшихъ черепа, давшихъ поводъ французскимъ антропологамъ изъ четвертичныхъ человѣческихъ расъ Европы Кро-Маньонъ. Некоторые ученые, впрочемъ, какъ Бойдъ Даукинсъ (*Boyd Dawkins*) высказались противъ палеолитической древности этихъ скелетовъ и это—погребеніе болѣе поздней неолитической эпохи, только въ пещерѣ, заключающей въ себѣ остатки четвертичной фауны и палеолитической культуры.

Мнѣніе было высказано нѣсколькими изслѣдователями, напр. *Гартиномъ*, *Даукинсомъ* и др. относительно человѣческихъ костей въ знаменитой *Ориньякской* пещерѣ (*Aurignac*, въ департ. *Гаронне*). Въ этой пещерѣ, входъ въ которую былъ заваленъ валуномъ, были найдены случайно остатки 17 человѣческихъ скелетовъ. Кости эти однако потомъ исчезли (были похоронены), и уже *Лартэ*, явившійся для изслѣдованія этой пещеры послѣ ея открытія, не могъ ихъ доискаться. Въ послѣднее время весьма обстоятельныя раскопки въ пещерахъ *Mas d'Azil* (*Ариѣге*) *роу-е-н-Шалоссе* (*Ландес*), относящихся къ солиотрейской эпохѣ *). Въ *Ментонѣ*, недалеко отъ Ниццы, находится рядъ

было найдено между прочимъ нѣсколько любопытныхъ образчиковъ искусства, которые дали поводъ *Пьетту* предложить новое дѣленіе эпохи. Въ теченіе солиотрейской и мадленской эпохъ дѣлаются въ Европѣ начать выдѣлять рельефныя или скульптурныя издѣлія. *Пьетта* даетъ тремъ эпохамъ общее названіе *periode* и раздѣляетъ его на двѣ эпохи: 1) *ep. éburniennne*, болѣе древнюю,

Табл. I. Остатки погребения въ Ментонской пещерѣ.

пещеръ, называемыхъ Baoussés-Roussés, большая часть которыхъ была изслѣдована д-ромъ Ривьеромъ (E. Rivière). Во многихъ изъ нихъ найдены были скелеты людей, очевидно погребенныхъ тамъ, съ украшеніями изъ звѣринныхъ зубовъ, раковинъ и т. п. (ср. табл. 1). Многие полагаютъ, однако, что эти погребенія относятся уже къ неолитическому періоду (Мортилье, Пигорини), тогда какъ другіе считаютъ ихъ палеолитическими, а Эвансъ (Evans) относитъ ихъ къ переходному времени между эпохами палеолитической и неолитической. Нижніе слои этихъ пещеръ дѣйствительно заключаютъ въ себѣ орудія и остатки животныхъ четвертичныхъ типовъ, за исключеніемъ только сѣвернаго оленя. Всего вѣроятнѣе, что человѣкъ жилъ здѣсь и въ древне-каменную и въ ново-каменную эпохи. Интересно замѣтить еще, что кости здѣсь оказываются часто покрытыми довольно толстымъ слоемъ красновато-бурой желѣзистой краски ³²).

Изъ другихъ французскихъ пещеръ важны еще пещеры въ Poudres возлѣ Нима, въ Arcy sur Yonne, недалеко отъ Фонтэнбло (человѣческая челюсть), въ Montgaudier, въ Gourdan (Верхняя Гаронна), въ Lombrière (Ariège), въ Duruthy, въ Sordes (Ланды), въ Bruniquet (Tarn et Garonne) надъ рѣкой Авейрономъ, въ Bize около Нарбонны, и недавно открытыя пещеры въ Placard (департ. Шаранты), слои которой превосходно соотвѣтствуютъ фазамъ культуры по классификаціи Мортилье, въ Malaugaud, недалеко отъ Mousseron (Ariège), гдѣ найдена была челюсть, похожая на извѣстную Нолеттскую, пещеры въ Mas d'Azil и Raymond en возлѣ Chancelades, въ деп. Дордони (съ человѣческимъ скелетомъ въ скорченномъ положеніи ³³), и др. Рядъ пещеръ въ Аррьежскомъ департ., у подношья Пиренеевъ, выделяется отъ прочихъ отсутствіемъ остатковъ сѣвернаго оленя.

Бельгія ³⁴). Къ французскимъ находкамъ, какъ географически, такъ и по своему характеру, наиболѣе близки находки въ Бельгіи. Обнаженія въ окрестностяхъ Монса и мѣстонахожденія въ Ixelles геологъ Мурлонъ (Mourlon) причислялъ въ 1889 году къ до-ледниковому періоду. Большая часть мастерскихъ кремневыхъ орудій, найденныхъ въ этихъ мѣстностяхъ, относятся однако уже къ позднѣйшему неолитическому періоду. Въ Матрихтѣ найдена была человѣческая челюсть, но древность ея не доказана ³⁵). Гораздо замѣчательнѣе бельгійскія пещеры въ долинахъ рѣкъ Мааса и Лессы. Пещеры на берегахъ Мааса были изслѣдованы и классически описаны еще въ тридцатыхъ годахъ Шмерлингомъ (Schmerling), а затѣмъ позже Дюпономъ (Dupont) и Фрепономъ (Féaumont). Въ Энгисской и Энгигульской пещерахъ, въ Льежѣ (Люттихѣ) найдены были сохранившіеся человѣческіе кости и черепа, заключающую въ себѣ издѣлія изъ слоновой кости, и слѣдующую за ней 2) ср. taupandienne съ издѣліями изъ рога сѣвернаго оленя ³¹).

гисъ вмѣстѣ съ ними оказались и обломки грубой примитивной посуды. Кромѣ разныхъ другихъ соображеній, это послѣднее об-
во дало поводъ Мортилье, который вообще отрицаетъ существова-
наго искусства у четвертичнаго человѣка, считать эти остатки ко-
нитическими.

олѣе важны находки, сдѣланныя Дюпономъ въ долину р. Лессы.
ѣ Фурфоза (Furfooz) существуетъ цѣлый рядъ пещеръ, носящихъ
родныя названія: Trou Magrite, Trou de Balleux, Trou de Noutons
жду ними особенно замѣчательна Нолеттская пещера (Trou de
e), въ которой найдена была извѣстная человѣческая челюсть, от-
и нѣкоторыми признаками низшаго типа, и пещера, называемая
rontal, въ которой Дюпонъ нашелъ 16 погребенныхъ скелетовъ.
ѣе годы надѣлали много шума находки въ пещерѣ Spy (въ пров.
Де-Пуядтъ и Лоэстъ (De Puydt et Lohest) нашли тамъ подъ слоемъ,
чимъ въ себѣ остатки четвертичной фауны, орудія типа мустье и
ѣческихъ скелета, анатомическіе признаки которыхъ подали поводъ
сленнымъ толкованіямъ и интереснымъ ученымъ спорамъ ³⁶). Изъ дру-
гійскихъ пещеръ надо еще упомянуть о пещерѣ въ Gorget, въ
ѣ долины Лессы (съ 14 человѣч. скелетами и черепками глиняной
айдеными подъ слоемъ сталагмитовъ), о пещерахъ въ Chevaux
иуромъ и Льежемъ, въ Sclaigheux возлѣ Намюра (съ 62 скеле-
недавно открытой пещерѣ въ долины Mehaighe, заключавшей въ
ество очень искусно сдѣланныхъ орудій. Часть этихъ бельгійскихъ
жденій относится, впрочемъ, къ болѣе позднимъ эпохамъ.

ія ³⁷). Наболѣе ранняя извѣстная находка палеолитическихъ орудій
ана въ Англіи еще въ 1797 г. Дж. Фреромъ (John Frère) въ
ѣ Суффолкѣ. Естественно, впрочемъ, что это открытіе осталось
нымъ, и только гораздо позже, (когда существованіе четвертичнаго
было уже признано, мѣстность эта опять была изслѣдована Прест-
restwich) въ 1859 г. Дальнѣйшія находки ограничились, большою
кными графствами Англіи. Какъ мы уже упоминали, сѣверная ея
ландія и Ирландія, въ теченіе долгаго періода времени были по-
никами, на которыхъ не могъ находить себѣ убѣжище человѣкъ.
итыхъ мѣстонахожденій въ рѣчныхъ наносахъ, слѣдуетъ упомянуть
въ Bedford'ѣ, на рѣкѣ Ouse и въ Ingtham'ѣ (въ Кентскомъ
въ моренныхъ наносахъ въ Hampshire, Craffield, Inkingham
лькѣ), въ Southampton'ѣ, въ окрестностяхъ Salisbury (и
з р. Темзы, которая никогда не была покрыта ледникомъ, дала
ѣ мѣстонахожденій четвертичнаго человѣка, какъ напр., въ Иль-
lford), Илингѣ (Ealing), Тильбюри (Tilbury) и т. п. По-

сѣдняя мѣстность замѣчательна находкой человѣческаго скелета, который Р. Оуэнъ (Owen) отнесъ къ началу четвертичной эпохи. Вообще, нѣкоторые англійскіе геологи, какъ напр., Прествичъ, Гивсъ и др., считаютъ часть находокъ палеолитической эпохи, сдѣланныхъ въ Англіи, принадлежащими къ до-ледническому періоду.

Изъ англійскихъ пещеръ наиболѣе замѣчательны: Кентская, недалеко отъ гор. Торквау, въ Девонширѣ, которая была уже въ тридцатыхъ годахъ очень подробно изслѣдована Макъ-Энери (Mac-Energy), а послѣ него Годвиномъ Аустеномъ, и Бриксгамская пещера (въ той же мѣстности, осматрѣнная въ 1858 г. комиссіей, въ которой принимали участіе Prestwich, Busk, Falconer и Pengelly). Въ Кентской пещерѣ, подвергшейся новому изслѣдованію въ послѣднее время, оказалось 7 слоевъ, изъ которыхъ въ пятомъ сверху найдены были зубы большого хищнаго звѣря, махайрода (*Machairoides latidens*), жившаго главнымъ образомъ въ концѣ третичнаго періода, и подъ ними въ седьмомъ слое—еще довольно искусно сдѣланные кремневые орудія. Изъ прочихъ пещеръ упомянемъ еще о пещерѣ гіенъ «Wokey-Hole», въ Уэльсѣ (въ Сомерсетширѣ), Robin-Hole, въ Cresswell (Дербиширѣ), объ Аргуровой пещерѣ въ Whitchurch и еще о рядѣ пещеръ, открытых и изслѣдованныхъ въ послѣднее время въ горной части Уэльса, главнымъ образомъ Гиксомъ. Изслѣдователь этотъ полагаетъ, что найденные имъ тамъ культурные слои принадлежать до-ледническому періоду. Подобныя же находки были сдѣланы также въ южной части Уэльса, въ графствѣ Glamorgan. Изъ нихъ наиболѣе интересной представляется Козья пещера (Goat's Hole) въ Pwlland, изслѣдованная въ 1823 г. Buckland-омъ.

Испанія. На Пиренейскомъ полуостровѣ сдѣлано еще мало въ области доисторической археологіи, и то, что добыто, остается мало доступнымъ для другихъ изслѣдователей. Вслѣдствіе этого мы не имѣемъ достаточнаго количества свѣдѣній и о палеолитической эпохѣ Испаніи и Португаліи. Если мы не будемъ считать вполне доказанной находку третичнаго человѣка въ Otty, достовѣрными свидѣтельствами существованія тамъ четвертичнаго человѣка являются до сихъ поръ только нѣсколько пещеръ въ Furninha въ Португаліи и Altamira въ Сантандерской провинціи, въ Кастиліи. Наиболѣе интересныя мѣстонахожденія находятся возлѣ Санъ-Исидро (San-Isidro) въ окрестностяхъ Мадрида, гдѣ было найдено большое количество орудій шельскаго типа ³⁸).

Италія ³⁹). О палеолитическихъ находкахъ въ Италіи часто не встрѣчается въ справочныхъ археологическихъ сочиненіяхъ даже упоминанія, не смотря на то, что ихъ было сдѣлано тамъ достаточно и притомъ весьма интересныхъ. Миндалевидныя орудія апѣльскаго и шельскаго типовъ называются въ Италіи Имольскимъ типомъ (tipo d'Imola), въ честь перваго мѣстонахож-

ий, открытаго въ 1880 г. Скарабелли (Scarabelli), въ провинціи Имоля. Другія мѣстоножденія палеолитическихъ срыты въ Norci, въ Foggi, на Monte-Gargano, въ St. Angelo di Celle, въ провинціи Перуджии, во многихъ мѣ-
 стностяхъ Тибра, Вибраты и пр. Повсюду—это типы имольскіе
 одни орудія солотрейскаго типа и малэнскаго, какъ утвер-
 жо итальянскихъ археологовъ (P. Castelfranco, J. Pigorini, B.
 olucci) въ Италіи вполнѣ отсутствуютъ, хотя Г. де Мортилье
 доказать существованіе и здѣсь этихъ ступеней челове-
 1. Нельзя также помѣстить въ классификацію Мортилье и
 2) въ Италіи встрѣчающійся типъ кремневыхъ орудіи, такъ
 и тическихъ. Этотъ типъ былъ въ первый разъ описанъ
 i) въ 1878 г., на основаніи находокъ въ Кіети (Chieti) въ
 ахъ. Подобныя же орудія нашли Strobel и Traversetola въ
 3).

ичныхъ пещеръ Италіи особенно замѣчательны три группы:
 окрестностяхъ Палермо въ Сициліи (въ San Cira, въ Massag-
 inceli, въ Mondella, въ Olivelli и пр.) отличающіяся изоби-
 слона, El. antiquus ⁴⁰); 2) пещеры «grotte dei Colombi» на
 ia, въ заливѣ Спеціи, древнимъ обитателямъ которыхъ Ка-
 е приписывали на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ обычай
) группа пещеръ лигурийскихъ, изслѣдованныхъ по-
 ь образомъ, Иселемъ и Морелли ⁴¹). Интересно, что эти
 обитаемы человекомъ долго и можетъ быть непрерывно
 жскихъ временъ, такъ что надъ самымъ низкимъ культур-
 оторый относится по крайней мѣрѣ къ концу постплюцена,
 слои гораздо позднѣйшіе, главнымъ образомъ неолитической
 юлѣ замѣчательныя пещеры: «Pollega» возлѣ г. Финале,
 lle Agene Candide». О нихъ мы упомянемъ еще разъ
 и пещеры или не особенно важны, или четвертичная древ-
 гурныхъ слоевъ болѣе или менѣ сомнительна.

и Швейцарія.

мы встрѣчаемся съ тѣмъ же, что видѣли уже въ Англіи:
 ть почти не обнаруживается слѣдовъ четвертичнаго человека;
 ю найдено, оказалось въ тѣхъ болѣе южныхъ ея частяхъ,
 и покрыты ледниками по крайней мѣрѣ второго ледниковаго
 и двѣ находки были сдѣланы въ Таубахъ (Taubach), въ
 Шуссенридѣ (Schussenried) у верховья р. Шуссена, въ
 Бюртембергѣ. Первая, какъ видно по остаткамъ животныхъ,
 жледниковому періоду и была открыта надъ древней ледни-

ковою мореной. Вторая находка относится уже къ послѣ-ледниковому періоду. Мѣстонахожденіе это замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ достаточномъ изобиліи появляются уже орудія изъ роговъ сѣвернаго оленя, но каменныхъ орудій немного. Въ Тиде (Thiede), въ Брауншвейгѣ, недалеко отъ Вольфенбюттеля и въ Вестрегелъ (Westregeln), въ Магдебургѣ, проф. Нерингъ открылъ подобныя-же замѣчательныя стоянки послѣ-ледниковаго періода ⁴²⁾. Замѣчательна также еще находка въ Канштадтѣ (Kannstadt) возлѣ Штуттгарта ⁴³⁾, находка въ Vöcklinshofen, въ Lohr, въ Englisheim'ѣ (человѣческій черепъ) въ Эльзасѣ, также какъ стоянка охотниковъ за сѣверными оленями, открытая въ 1874 г. въ Munzingen'ѣ, возлѣ Фрейбурга.

Между германскими пещерами наиболѣе пользуется извѣстностью такъ называемая Неандертальская въ долинѣ р. Дюсселя въ Эберфельдѣ ⁴⁴⁾. Въ 1856 г. Фюльротъ (Fuhlrott) нашелъ въ ней, въ слобѣ вѣроятно четвертичномъ, знаменитые остатки «Неандертальскаго» человѣка, именно часть черепа и нѣсколько длинныхъ костей конечностей. Древность этихъ остатковъ нельзя считать вполне доказанной (по отсутствію рядомъ съ ними костей живот-

8

19 Черепъ найденный въ неандертальской пещерѣ

ныхъ и человѣческихъ издѣлій), но есть значительное вѣроятіе, что они относятся къ четвертичной эпохѣ. Черепъ отличается нѣкоторыми рѣзкими аномальными признаками, именно сильно покатымъ взадъ лбомъ и выдающи-

мися надбровными дугами,—указывающими на относительно низкое физическое развитие племени, представителемъ котораго онъ состоялъ (рис. 19). Вирховъ впрочемъ могъ констатировать въ костяхъ конечностей этого субъекта нѣкоторые слѣды рахитизма (англійской болѣзни), но что касается черепа, то и онъ не отрицаетъ его типичности, тѣмъ болѣе, что подобные признаки, хотя и въ значительно ослабленной формѣ, встрѣчаются, по его наблюденіямъ, и теперь среди потомковъ древняго германскаго племени фризовъ, живущихъ по побережью Нѣмецкаго моря.

Послѣ Неандертальской пещеры, въ особенности пещеры баварскія и швабскія дали доказательства тому, что человѣкъ жилъ уже въ четвертичную эпоху въ Южной Германіи. Швабскія пещеры хорошо изслѣдованы проф. Фраасомъ (O. Fraas) и другими. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ «Räuberhöhle am Schelmengraben», въ баварскомъ Пфальцѣ, «Hohlefels» въ Шельклингенѣ, въ Вюртембергѣ, «Ofnet» въ Nördlingen'ѣ и недавно изслѣдованный Hedingen'омъ «Herrenloch» въ Гутенбергѣ. Пещера Голефельсъ интересна массою остатковъ пещернаго медвѣдя, половинка нижней челюсти котораго съ клыкомъ на концѣ ~~служила~~ здѣсь, повидимому, первобытному человѣку однимъ изъ главныхъ орудій (фиг. 20) *). Кромѣ того, здѣсь, также

Рис. 20. Нижняя челюсть медвѣдя изъ Голефельской пещеры.

какъ и въ Шуссенгидѣ, орудія изъ кости и рога настолько преобладаютъ надъ каменными, что Фраасъ хотѣлъ было даже установить на этомъ основаніи для Германіи особенную костяную эпоху. Но явленіе это до сихъ поръ имѣетъ слишкомъ мѣстный характеръ.

Изъ другихъ пещеръ заслуживаютъ упоминанія еще пещеры въ Бокштейнѣ (Bokstein), въ долинѣ Лоны, Линдертальская пещера въ Gery и Бильштейнская въ Варштейнѣ, въ Вестфалии, съ большимъ количествомъ

*) Въ последнее время Dr. A. Nehring, производившій спеціальные опыты разбиванія костей нижней челюстью пещернаго медвѣдя, выражаетъ сомнѣніе, чтобы она могла служить орудіемъ первобытному человѣку, допуская впрочемъ употребленіе ея какъ оружія. (См. Verhandl. der Berlin. Anthropolog. Gesellschaft, Sitz. vom 16 Dec. 1893).

(Прим. переводчика).

остатковъ человѣческихъ костей. Гайленрейтская пещера въ Мюгендорфъ очень важна и известна тѣмъ, что представляетъ собою одну изъ наиболѣе древнихъ, по времени ея открытія, пещеръ, съ остатками четвертичныхъ животныхъ. Уже въ 1774 г. священникъ Эсперъ производилъ въ ней рас-

Рис. 21. Разрѣзъ гайленрейтской пещеры.

копки и добылъ большое количество костей. Мы прилагаемъ здѣсь разрѣзъ этой пещеры, такъ какъ на немъ явственно видно расположеніе слоевъ, со-

Рис. 22. Подѣльное изображеніе сѣв. оленя изъ Тамингенской пещеры.

держащихъ въ себѣ ископаемые остатки подъ слоемъ образовавшихся впо-

сталагмитовъ (рис. 21). Особеной извѣстностью пользуется также Kesler-Loch, возлѣ Таингена (Thaengen), къ сѣверу отъ Шафф-ъ культурномъ слоѣ этой пещеры (изслѣдованной Меркомъ и Рю-ъ) было найдено около 12000 кремневыхъ орудій, множество ко- рнаго оленя и издѣлій изъ нихъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ костей дены искусно вырѣзанныя изображенія, но часть ихъ оказалась о тщательному изслѣдованію, подѣльною (напр. изображеніе лисицы, пасущагося оленя,—скопированныя изъ одной дѣтской книжки)⁴²⁾. ой же древности были открыты Е. Joos'омъ въ Freudenthal'ѣ Nüesch'емъ въ Schweizerbild'ѣ возлѣ Шаффгаузена. Въ Швей- и открыты еще четвертичныя пещеры (собственно—навѣсъ подъ вшій массу костей сѣверныхъ животныхъ, кремневыхъ и костяныхъ т. д.) въ Юрѣ, возлѣ Лисберга, близъ Женевы (Villeneuve) и проч. ти, впрочемъ, относятся скорѣе къ послѣ-ледниковой эпохѣ, такъ теченіе ледниковаго періода Швейцарія была покрыта льдомъ. и Скандинавія. Обѣ эти страны по тѣмъ же причинамъ не съ настоящихъ четвертичныхъ находокъ, хотя нѣкоторыя мѣстона- здѣсь и были относимы къ ледниковому періоду, какъ напр. въ

ійскія земли.

одальпійскихъ австрійскихъ земель наиболѣе богата четвертичными Нижняя Австрія, которую однако все таки невозможно сравнивать отношеніи съ странами Сѣверной Австріи и въ особенности съ е).

и въ послѣднихъ наносахъ были сдѣланы въ Nussdorf'ѣ ьдржихомъ), въ Willendorf'ѣ (I. Комбаты), въ Zeisselberg'ѣ Вурмбрандтомъ), въ Stillfried'ѣ, Aggsbach'ѣ и проч.

щерь наиболѣе замѣчательна такъ называемая Гуденусова (Gudenus) . долины р. Кремзы, у Гартенштейна. Въ 1883 г. она была тща- тѣдована патеромъ Гакеромъ (L. Haker), который нашелъ въ культур- ея нѣсколько древнихъ огнищъ и множество каменныхъ орудій (меж- ь нѣсколько издѣлій изъ горнаго хрустала) и костяныхъ. По мнѣ- Вольдржиха, они относятся уже къ концу четвертичной эпохи.

нгрін находки въ рѣчныхъ наносахъ вообще рѣдки. Черепъ, най- . лессъ Nagy-Sári, въ Гранскомъ комитатѣ, вѣрнѣе всего не от- ь эпохъ его образованія. Первая достовѣрная находка постглюцено- тера была сдѣлана въ 1892 г. въ наносахъ ручья Szinva возлѣ Га, гдѣ были найдены крупныя каменныя орудія шельскаго

въ Карпатахъ Сѣверной Венгріи удалось найти нѣсколько пещеръ,

между которыми наиболее известна «Вагадла» въ селѣ Aggtelek, въ герцегской жупѣ. Часть этой находки относится, впрочемъ, уже къ неолитической эпохѣ. Нѣсколько другихъ пещеръ было изслѣдовано д-ромъ Roth'омъ и особенно Gabriel'емъ Teglás'омъ въ Седмиградскихъ Карпатахъ, въ Retgosh'ѣ (гуниадской жупы) и Vuhny (Szögen'ской жупы). Свѣдѣнія о болѣе мелкихъ находкахъ Семиградской области сообщены А. Kosh'омъ.

Перейдемъ теперь къ находкамъ въ земляхъ славянскихъ.

Чехія. До начала послѣдняго десятилѣтія еще не имѣлось никакихъ точныхъ доказательствъ пребыванія чловѣка въ Чехіи въ четвертичную эпоху. Наиболее древнія находки въ Kippersdorf'ѣ, у подношья Крушныхъ горъ, на кирпичномъ заводѣ въ предмѣстьѣ Пумберкахъ въ Chrudim'ѣ, находки кремневыхъ орудіи въ постплаiocеновыхъ отложенияхъ въ мѣстностяхъ Шарка и Паненска возлѣ Праги, въ Йиноницахъ и Чаславѣ и т. п., были все таки еще слишкомъ сомнительны, чтобы служить вѣрнымъ доказательствомъ того, что въ тѣ времена, когда по чешскимъ лѣсамъ бродили еще стада мамонтовъ и рыскали львы и прочіе большіе хищники, въ нихъ жили также и праотцы нынѣшнихъ чеховъ.

Гораздо болѣе важными были тринадція находки въ Усти надъ Лабомъ, гдѣ профессора Лаубе и Вольдржихъ наблюдали на костяхъ несомнѣнные слѣды рукъ чловѣческихъ ⁴⁸⁾. Наиболее вѣрной находкой четвертичныхъ кремневыхъ орудіи слѣдуетъ считать, кажется, недавнее открытіе проф. І. Кушты на кирпичномъ заводѣ въ Любне, возлѣ Раковника ⁴⁹⁾. Между двумя слоями нетронутой кирпичной глины тамъ оказался небольшой, около 5 сантимет. толщины, культурный слой съ костями животныхъ и кремневыми орудіями (рис. 23). Въ нетронутомъ слоѣ кирпичной глины найдены были рога сѣвернаго оленя, кости четвертичной лошади, носорога и т. п.

Рис. 23. Кремневые осколки изъ Любне въ Раковникѣ.

Остатки чловѣческихъ скелетовъ были много разъ находимы въ постплаiocеновыхъ отложенияхъ Чехіи. Таковы черепа подбавскій, стршебиховицкій и мостецкій (рис. 24). Четвертичная древность всѣхъ ихъ впрочемъ не вполне удостовѣрена. Находки не были сдѣланы въ присутствіи специалистовъ, а недалеко отъ подбавскаго черепа, въ томъ же слоѣ, оказался костякъ съ бронзовымъ браслетомъ на рукѣ. Однако черепа эти, особенно подбавскій, описанный проф. А. Фричемъ и Шаффгаузенемъ ⁵⁰⁾, не отличаются по своему типу отъ другихъ череповъ четвертичной эпохи, а въ Подбавѣ найдено было уже нѣсколько кремневыхъ орудіи несомнѣнно палеоли-

тического характера. При нахождении мостецкого черепа также не присутствовало ни одно компетентное лицо, что и подало поводъ Лушану (F. Luschau) очень рѣшительно оспаривать его четвертичную древность. Проф. Вольдржихъ выразилъ также сомнѣнія относительно его древности ⁵¹).

Чешскія пещеры четвертичнаго періода не могутъ выдержать даже отдаленнаго сравненія съ описанными пещерами другихъ странъ. Часть ихъ

Рис. 24. Мостецкій черепъ.

еще не изслѣдована, другія же, какъ напр. святопрокопская, были уничтожены, прежде чѣмъ постарались ихъ изслѣдовать систематически. Главнѣйшихъ находокъ было сдѣлано двѣ: первая въ одной изъ Праховскихъ пещеръ у Йичина, въ которой Л. Шнайдръ нашелъ кости четвертичныхъ животныхъ вмѣстѣ съ человѣческими костями и грубыми каменными орудіями ⁵²), и вторая—въ двухъ расщелинахъ скалъ возлѣ Судславичъ подъ Вимперскомъ на р. Шумавѣ, гдѣ проф. Вольдржихъ открылъ множество костей четвертичныхъ животныхъ, искусно сдѣланныя костяныя и каменныя (изъ известняка и кремня) орудія и куски человѣческаго черепа ⁵³).

Моравскія находки по своему количеству и важности далеко превышаютъ собою только что описанныя чешскія. Очень немногія страны Европы могутъ равняться съ Моравіей относительно богатства остатками палеолитическаго человѣка. Но и до сихъ поръ большая часть сдѣланныхъ здѣсь находокъ ждетъ еще своего научнаго изслѣдованія и оцѣнки. Наиболѣе усердно и систематически работали надъ ними д-ръ I. Ванкель, К. Машка (Maška), д-ръ М. Кржижъ (Kříž) и въ послѣднее время Кнесъ (I. Knies). Количество находокъ такъ велико, что мы можемъ упомянуть лишь о главнѣйшихъ, а для болѣе подробнаго ознакомленія съ ними отсылаемъ читателя къ прекрасному, хотя нѣсколько и устарѣвшему, труду д-ра Машки—о четвертичномъ человѣкѣ въ Моравіи ⁵⁴).

Первые слѣды стоянокъ четвертичнаго человѣка, въ кирпичной глинѣ, были найдены случайно графомъ Г. Вурмбрандомъ въ Ярославцахъ, на р. Днѣ, гдѣ прямо на третичномъ пластвѣ, подъ толстымъ слоемъ глины оказались кости носорога и мамонта, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями ⁵⁵). Гораздо важнѣе однако было открытіе въ огородѣ г. Хромечка въ Пшемости (Předměstí) возлѣ Прерау, получившее въ послѣднее время особенную извѣстность, благодаря спору о значеніи этой находки, возникшему между мѣстными изслѣдователями и заслуженнымъ датскимъ геологомъ и археологомъ I. Стенstrupомъ. Пшемостскія отложенія, въ настоящее время вполне изслѣдованныя, заключали въ себѣ, кромѣ костей волка, лошади, сѣвернаго

оленья, медвѣдя и многочисленныхъ кремневыхъ орудій, еще такое множество костей и бивней мамонта, какого не встрѣчалось ранѣе ни въ какомъ другомъ мѣстонахожденіи средней Европы. Что особенно важно, кости эти оказались расколотыми, а отчасти даже сложенными въ кучи. Сначала д-ръ Ванкель и К. Машка, которые наиболѣе занимались здѣсь раскопками, полагали, что это мѣстонахождение представляетъ собою древнюю стоянку людей, которые жили здѣсь одновременно съ мамонтомъ и охотились за нимъ. Но Стенструпъ, посѣтившій Пшедмостъ въ 1888 г. и осматривавшій мѣсто находокъ, призналъ упомянутое мнѣніе о современности пшедмостскаго человѣка съ мамонтомъ—ошибочнымъ. Мамонтъ, по его словамъ, жилъ здѣсь въ доледниковый періодъ, въ теченіе же ледниковаго періода, неизвѣстно какимъ образомъ, погибло здѣсь цѣлое стадо мамонтовъ; затѣмъ, по прошествіи уже долгаго времени, въ послѣдледниковый періодъ, появился человѣкъ, нашелъ здѣсь кости этихъ животныхъ, добывалъ ихъ изъ земли и пользовался ими точно также, какъ это и до сихъ поръ дѣлается въ Сибири на берегахъ р. Лены. Эту теорію Стенструпа, основанную на нѣсколькомъ смѣломъ предположеніи, принялъ немедленно д-ръ Ванкель ⁵⁶). Но К. Машка, которому два года тому назадъ (1894 г.) удалось найти тамъ цѣлый рядъ скелетовъ (гробницу?) четвертичнаго человѣка, продолжаетъ защищать свой прежній взглядъ относительно современности человѣка съ мамонтомъ въ Пшедмостѣ,—взглядъ, разделяемый впрочемъ почти всѣми австрійскими (и германскими) учеными специалистами, какъ напр. К. Гернесомъ (Hoernes), Сомбаши (I. Szombathy) графомъ Вурмбрандтомъ, Р. Вирховымъ, проф. Вольдржихомъ, д-ромъ Бржижемъ и пр. ⁵⁷).

Рис. 25. Обломокъ мамонтова ребра съ надрѣзками, изъ Пшедмосты.
(Находка проф. Машки).

и других четвертичных мѣстонахожденій надо еще упомянуть о цѣ-
рядѣ мѣстностей въ Брненскомъ (т. е. Брюннскомъ) округѣ (Червена
Глута гора, кирпичный зав. св. Томаша), объ отложеніяхъ около Гу-
Знайма, Обржанъ, Тишнова,—въ которыхъ проф. Маковский конста-
тируетъ остатки огнищъ четвертичнаго населенія и развитія человѣческими
звѣринныя кости и скелѣтъ современными съ ними три тамъ-же най-
дѣны человѣческихъ скелета. Г. Машка отрицаетъ, однако, и то и дру-
споръ этотъ не разрѣшенъ и до сихъ поръ⁵⁸). Въ послѣднее время
91 г.) въ самомъ Брнѣ (Брюннѣ) были найдены, при сооруженіи ка-
остатки мамонта и носорога вмѣстѣ съ человѣческими костями, раз-
одѣлками изъ кости, зубовъ, камня и пр. и съ любопытнымъ издо-
вырѣзаннымъ изъ мамонтоваго бивня. Черепъ, по описанію, имѣетъ
еръ наиболѣе древнихъ череповъ, кости покрыты красной желѣзистой
и. Это послѣднее обстоятельство представляетъ собою совершенно осо-
явленіе, съ которымъ намъ не разъ еще придется встрѣтиться далѣе.
Маковский, Шаафгаузенъ и Вольдржихъ высказались за четвертичную
ть этихъ находокъ, Машка-же, Герве и др.—противъ⁵⁹).

меньшую, если еще не большую важность, чѣмъ открытыя отложе-
едставляютъ моравскія четвертичныя пещеры. Наибольшее значеніе
пещеры, расположенныя тремя группами въ трехъ разныхъ мѣстно-
Моравіи. Первая группа находится въ лѣвѣхъ ущельяхъ и долинахъ
эвонскихъ известняковъ, тянущейся къ сѣверовостоку отъ Брна. Здѣсь
о важны для археолога слѣдующія, но крайней мѣрѣ отчасти изслѣ-
я, пещеры: Бычья скала (Byčí skála) въ Іозефовой долинѣ, Яхи-
(Jachymovka) или иначе Евина пещера, Выпустекъ (Vypustek)
стенной долинѣ, Житная (Žitný)—тамъ-же, Kálna не далеко отъ
Слупа (Sloup), Костеликъ (иначе Пекарня, Диравица) между
Мокрою и Охоземъ и Пустевна въ слупской долинѣ. Въ послѣднее
въ 1890 г.) открыта была недалеко отъ Слупа І. Кнѣс'емъ новая
воелѣ Шошувки (Šošůvka)⁶⁰). Во всѣхъ этихъ пещерахъ были
и слѣды четвертичнаго человѣка. Раньше всѣхъ изъ нихъ была из-
на Бычья скала въ 1868 г. Это была вообще первая находка
въ палеолитической культуры въ Австріи. Къ сожалѣнію, она и до сихъ
изучена еще достаточно подробно. То-же надо сказать о Яхимовѣ
Пустевнѣ. Раскопки, производившіяся Житней, были потомъ обрабо-
Сомбати⁶¹). Оказалось, что тамъ жилъ человѣкъ почти къ концу
оцена, въ эпоху сѣвернаго оленя. Пещера Выпустекъ дала больше ма-
для человѣка неолитической эпохи и была обстоятельно описана Го-
омъ и Сомбати. Лучшее всего были изслѣдованы въ этой группѣ пе-
Kálna и Kostelík, объ д-ромъ Кржижемъ (Kříž), потаріусомъ въ

Жданичицахъ, въ Моравіи. Еще до него тамъ производили раскопки—въ Кульнѣ д-ръ Ванкель, начиная съ 1880 г., а въ Костеляхъ Фл. Куделька въ томъ-же году, затѣмъ Ф. А. Krasser ⁶²), J. Wankel, J. Szombathy. Но только д-ръ Кржижъ рѣшился изслѣдовать ихъ вполне обстоятельно и систематически ⁶³). Онъ прорылъ въ отложеніяхъ этихъ пещеръ 22 широкихъ траншеи, часть которыхъ была доведена до самого дна пещеръ, до скалы и вынулъ изъ нихъ около 2000 куб. метровъ земли. Результаты этой работы оказались очень богатыми. Кромѣ множества остатковъ фауны, которая впрочемъ не вездѣ имѣетъ одинаковый характеръ, было найдено и очень большое количество костей, обдѣланныхъ человѣческими руками (между прочимъ и искусныя рѣзные изображенія изъ кости рис. 26—29), кремневая орудія и т. п. предметы. Въ обѣихъ пещерахъ оказалось возможнымъ различить три главныхъ слоя: самый верхній съ большимъ количествомъ позднѣйшихъ остатковъ, особенно костей домашнихъ животныхъ, второй (или средній) четвертичный съ остатками вымершихъ видовъ (при полномъ отсутствіи хотя бы одной кости домашнихъ животныхъ) и третій нижній слой, безъ всякихъ животныхъ и культурныхъ остатковъ. Д-ръ Кржижъ заключаетъ изъ своихъ изслѣдованій, что, въ противоположность теоріи проф. Вольаржика, большія четвертичныя животныя появились въ Чехіи одно временно, и ранѣе чѣмъ болѣе мелкія. Ихъ, по его мнѣнію, проникалъ въ обѣ пещеры черезъ какое-то отверстіе въ потолкѣ или верхней части ихъ съ потоками дождя, увлекавшими внизъ песокъ, щебень, кости животныхъ и т. д.

Вторая группа пещеръ небольшого размѣра находится тоже въ скалахъ девонскаго известняка, въ окрестностяхъ города Лятовля, къ сѣверозападу

Рис. 26—29. Рыбы, вырѣзанныя изъ нижнихъ челюстей лошади, найд. въ пещерѣ Костеляхъ.

отъ Ольмюна. Въ 1881 г. Сомбати изслѣдовалъ пещеру Князя Яна (перво-

начально пещеры «и Mladěe»), возлѣ села Louče, недалеко отъ г. Литови надѣ Тржешинымъ. Относительно найденныхъ тамъ человѣческихъ череповъ г. Машка выразилъ впрочемъ сомнѣніе, чтобы они принадлежали къ четвертичной эпохѣ. Тѣмъ не менѣе, тамъ было найдено достаточно доказательствъ существованія человѣка въ эту эпоху. Менѣе важная, находящаяся возлѣ предыдущей, пещера Подкова (иначе Бочкова дыра), была осмотрѣна д-ромъ Ванкелемъ и проф. Гавелькой.

Третья и наиболѣе замѣчательная изъ всѣхъ группа пещеръ находится въ полосѣ юрскаго известняка, въ Штрамбергѣ, въ сѣверовосточной Моравіи, надѣ Котопѣмъ. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ двѣ извѣстныхъ пещеры Чортова дыра и Шипка, обѣ превосходно изслѣдованныя г. Машкою⁴⁴). Въ «Чортовой дырѣ» этотъ ученый нашелъ слѣды человѣческой культуры въ слоѣ, относящемся къ межледниковому періоду; въ самомъ нижнемъ, доледниковомъ слоѣ, ихъ еще не оказывается. Это вообще наиболѣе древнія доказательства существованія человѣка въ австрійскихъ земляхъ, которымъ по мнѣнію Вольдржиха соответствуютъ только открытія въ самомъ нижнемъ слоѣ Бычьей скалы.

Пещера «Шипка» больше и замѣчательнѣе предыдущей. Она отличается многочисленностью остатковъ пещернаго медвѣдя, а въ нѣкоторыхъ слояхъ поразительнымъ количествомъ костей небольшихъ грызуновъ (лемминговъ или пеструшекъ), свидѣтельствующихъ о существованіи когда-то въ Моравіи эпохи тундръ и степей. Фауна нижнихъ слоевъ имѣетъ характеръ ледниковаго періода; къ послѣдниковому періоду относится слой, въ которомъ преобладаютъ мамонтъ и носорогъ. Орудія подходятъ къ типу мустье (рис. 31 и 32). Очень важное значеніе имѣетъ находка, въ самомъ нижнемъ

Рис. 30. Обломокъ кости съ рѣзбой изъ пещеры Костеликъ

слоѣ человѣческой челюсти. Челюсть эта или вѣрнѣе ея фрагментъ (передняя часть съ рѣзцами, клыкомъ и подбородкомъ) выказываетъ замѣчательныя особенности. По величинѣ своей она соответствуетъ челюсти взрослого чело-

ѣка, но заключающіеся въ ней зубы находятся въ періодѣ смѣны (молочныхъ постоянными), что указываетъ на возрастъ около 10 лѣтъ (рис. 33). Объ этой челюсти было много писано. Ванкель, считая ее дѣтской, выводилъ на основаніи ея заключеніе, что люди этой эпохи были гигантскаго роста

Рис. 31. Каменное орудіе изъ пещеры „Шпакка“ (колл. г. Машки).

и отказался отъ этого мнѣнія только послѣ того, какъ въ Пешедмостѣ была найдена, тоже въ четвертичномъ слоѣ, другая нижняя челюсть совершенно нормальнаго вида и величины. Тѣмъ не менѣе, на принадлежности этой челюсти ребенку продолжали настаивать многіе ученые, тогда какъ Вирховъ представилъ довольно убѣдительныя доказательства, что эта челюсть—взрослаго человѣка, у котораго только вслѣдствіе какого то патологическаго процесса произошла ненормальная задержка въ развитіи и смѣнѣ зубовъ ⁶⁵).

Пещеры, разбросанныя въ другихъ мѣстностяхъ Моравіи, представляютъ уже менѣе интереса; при томъ ни одна изъ нихъ не была еще подробно изслѣдована. Вообще-же находки въ Моравіи, какъ и въ Польшѣ, даютъ намъ поводъ утверждать, что въ этихъ странахъ человѣкъ жилъ одновременно съ мамонтомъ, но въ эпоху не слишкомъ отъ насъ отдаленную. Въ то время, когда во Франціи большія толстокожія уже давно исчезли, здѣсь они могли еще долго держаться, въ эпоху, когда человѣчество на западѣ уже подвинулось въ своей культурѣ впередъ.

Галиція, русская Польша и Прибалтійскій край. Въ этихъ стра-

нахъ, особенно возлѣ Кракова, существуетъ значительное количество пещеръ, которыя были когда то обитаемы первобытнымъ человѣкомъ. Пещеры эти были описаны графомъ Завишей, Оссовскимъ, Ф. Ремеромъ и др. «»). По большей части онѣ относятся уже къ познѣйшимъ эпохамъ, главнымъ образомъ къ неолитической или къ переходному времени отъ палеолита къ неолиту. Какъ увидимъ далѣе, онѣ представляютъ большой интересъ въ вопросѣ о такъ назыв. перерывѣ (hiatus) между названными эпохами.

Къ четвертичной эпохѣ и именно ко второй ея половинѣ относятся нижніе слои Маментовой пещеры (у Wierzbowa) и пещера Машыца (Maszyca) возлѣ Ойцова (Ojców въ окрестностяхъ Кракова). Человѣкъ, слѣды котораго найдены здѣсь вмѣстѣ съ многочисленными костями мамонта, носорога и пещернаго медвѣдя, былъ вѣроятно древнѣйшимъ, появившимся на берегахъ р. Вислы. Указанныя животныя водились здѣсь очевидно въ изобиліи еще въ тѣ времена, когда въ западной Европѣ они сдѣлались уже рѣдкими. Маментова пещера была изслѣдована графомъ Завишей, Машыца — Оссовскимъ. Въ нижнихъ слояхъ обѣихъ пещеръ вовсе не оказалось костей домашнихъ животныхъ и гончарныхъ издѣлій, за то они были очень богаты остатками большихъ звѣрей четвертичной эпохи. Человѣкъ, кромѣ грубыхъ кремней (рис.

Рис. 32. Каменное орудіе изъ пещеры Шипка (колл. г. Машки).

34) употреблялъ въ то время, въ качествѣ орудій, половинки нижней челюсти пещернаго медвѣдя, совершенно такъ, какъ это дѣлали жители Голлефельзской пещеры. Г. Оссовскій относитъ нижній культурный слой

Машыцкой пещеры къ началу неолитической эпохи; проф. Вольяржигъ, графъ Уваровъ и др. къ концу постпліоцена, къ эпохѣ соответствующей концу мадленской, главнымъ образомъ въслѣдствіе обилія и художественности костяныхъ издѣлій. Нижній слой пещеры въ Milaszówce — одинаковой древности съ предыдущими, но уже не заключаетъ въ себѣ орудій, сдѣланныхъ рукою человѣка. Относительно еще нѣсколькихъ другихъ пещеръ этой мѣстности трудно рѣшить, относятся-ли онѣ къ переходному періоду къ неолиту (въ нихъ были найдены уже черепки посуды) или принадлежатъ вполне къ неолитическому періоду (гр. Уваровъ). Сюда относятся пещеры віержховская, ойцовская, окопская, збуйская и сосновская, изслѣдованныя Оссовскимъ. Другихъ замѣчательныхъ находокъ какъ въ Галиціи, такъ и въ восточной Германіи и еще болѣе въ Прибалтійскомъ краѣ — нѣтъ. Находка въ Wittenfeld'ѣ, въ западной Пруссіи, по крайней мѣрѣ, очень сомнительна. Іенчъ (Ientszch) считаетъ ее неолитической *).

Рис. 34. Орудіе изъ
Мамонтовой пещеры у
Wierzchowa.

Россія ⁶¹⁾).

Находокъ четвертичной эпохи, столь тщательно изслѣдованныхъ какъ западно-европейскія или моравскія, — въ Россіи вообще нѣтъ; на этомъ основаніи о нихъ почти не упоминается ни въ одной изъ справочныхъ книгъ. Извѣстенъ, правда, цѣлый рядъ подобныхъ находокъ, но онѣ не достаточно изслѣдованы, и есть еще много мѣстностей, куда не проникалъ заступъ опытнаго археолога. Несомнѣнно также, что на громадномъ пространствѣ русской имперіи человѣкъ появился очень рано, и если справедлива теорія, по которой колыбелью человѣчества была Азія, то въ Россіи вообще мы должны найти болѣе древніе слѣды человѣка, чѣмъ въ западной Европѣ, такъ какъ человѣкъ, прежде чѣмъ появиться на западѣ Европы, долженъ былъ пройти черезъ нынѣшнюю Россію.

Въ четвертичную эпоху поверхность Европейской Россіи была, конечно, совершенно не такою, какъ теперь. Большая сѣверная часть ея была покрыта ледниками, слѣды которыхъ мы находимъ теперь въ видѣ мощныхъ валунныхъ отложений, холмистыхъ грядъ, многочисленныхъ озеръ и болотъ.

*) О пещерахъ Кълецкой губ. и соседнихъ частей Галиціи появилась недавно обстоятельная статья Г. О. Оссовскаго — на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „О геологическомъ и палеонтологическомъ характерѣ пещеръ юго-западной окраины Евр. Россіи и смежныхъ съ нею мѣстностей Галиціи“ съ планомъ и 81 рис. въ текстѣ, въ „Трудахъ Томскаго Общества естествоиспытателей и врачей“. Годъ пятый, 1895, стр. 57—86.

Эта ледяная пустыня, лишенная как растительной, так и животной жизни, занимала всю сѣверную Россію и большую часть средней, выдвигаясь къ югу двумя языками въ долины Днѣпра и Дона. Ея южныя границы указываются намъ распространеніемъ сѣверныхъ (финляндскихъ) валуновъ, которое было изслѣдовано Мурчисономъ, впоследствии, болѣе подробно, С. Н. Никитинымъ. Внутри этихъ границъ совмѣстное существованіе человѣка и мамонта еще не было констатировано вполне достовѣрнымъ образомъ, за предѣлами же ихъ слѣды такого существованія довольно многочисленны и выражаются во многихъ находкахъ грубо-оббитыхъ кремневыхъ орудій. По мѣрѣ отступленія къ сѣверу и сѣверо-западу великаго ледника, подвигались вслѣдъ за нимъ, въ томъ-же направленіи, и животныя, и человѣкъ. Къ концу четвертичнаго періода они достигли уже Финляндіи и Прибалтійскаго края. Затѣмъ крупныя млекопитающія этого періода вскорѣ исчезли на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, продолжая еще существовать въ сѣверо-восточной ея части и въ Сибири. Человѣкъ въ свою очередь подвинулся въ культурѣ до стадіи, соответствующей неолитическому періоду, о которомъ будетъ рѣчь далѣе; онъ началъ уже выдѣлывать себѣ орудія изъ полированного камня, готовить изъ глины посуду и т. д.

Не такъ давно еще былъ споръ о томъ, жилъ ли человѣкъ въ Россіи одновременно съ мамонтомъ и носорогомъ. Еще въ 1874 г. ученый Гревинкъ (С. Grewinck) стоялъ за то, что человѣкъ появился въ Россіи только послѣ эпохи мамонта. Но съ тѣхъ поръ было сдѣлано нѣсколько, достаточно убѣдительныхъ находокъ слѣдовъ палеолитической культуры вмѣстѣ съ костями гигантскихъ толстокожихъ. Такъ уже въ 1873 г. Г. С. Кирьяковъ, Б. М. Теофилактовъ и г. Каминскій нашли грубыя каменные и костяныя орудія вмѣстѣ съ костями мамонта возлѣ сел. Гонцовъ, Лубенск. у., Полтав. губ., а за этой находкой послѣдовалъ рядъ другихъ—по берегамъ рѣкъ Удья, Лохвицы, Оржицы и Сулы—притока Днѣпра (въ сел. Вязовкѣ, въ г. Лубнахъ, въ с. Красянахъ, Яблуневкѣ и др.).

Замѣчательная находка каменныхъ орудій была сдѣлана графомъ А. С. Уваровымъ возлѣ села Карачарова, Муромск. у. Владимірской губ.; подобныя же находки удалось сдѣлать и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по долинѣ Оки, главнымъ, образомъ въ окрестностяхъ Мурома. Изъ позднѣйшихъ находокъ особенно интересна древняя стоянка четвертичнаго человѣка возлѣ села Костенокъ, на берегу Дона, въ Воронежской губ., открытая И. С. Поляковымъ и изслѣдованная затѣмъ г. Кельсиевымъ; кромѣ большого количества костей мамонта (между прочимъ—тазовой кости, съ остатками угля въ ея суставной впадинѣ) обращаютъ здѣсь на себя вниманіе, по мнѣнію Адріена де Мортизье, кремневыя орудія мадленскаго типа. Недавняя находка К. М. Теофилактова въ Глубочицѣ, возлѣ Кіева, не можетъ, по мнѣнію г. Никитина,

считаться доказанной относительно своей древности; иное значение представляет собою несомненная и чрезвычайно важная находка слѣдовъ четвертичнаго человѣка, сдѣланная въ послѣднее время въ Кіевѣ, на Кирилловской ул., на Подолѣ. Чешскій колонистъ, Ченекъ Хвойка, нашелъ тамъ въ своемъ саду цѣлую залежь остатковъ мамонта (расколотыя кости, зубы и т. п.), вмѣстѣ съ многочисленными кремневыми орудіями, остатками дерева, обработаннаго человѣкомъ, и слѣдами огня. Стоянка эта, по мнѣнію профессоровъ В. Б. Антоновича и П. Я. Армашевскаго, должна быть относима къ числу наиболѣе древнихъ слѣдовъ человѣка въ Россіи.

Находки позднѣйшей эпохи, т. е. переходной къ неолиту, въ Россіи довольно многочисленны. Въ ряду ихъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о находкахъ каменныхъ, костяныхъ и деревянныхъ издѣлій, а также многочисленныхъ костей животныхъ и человѣка въ торфяномъ слотѣ на южномъ побережьи Ладожскаго озера, собранныхъ при прорытіи новаго Сясьскаго канала въ концѣ 70-хъ годовъ, и описанныхъ проф. А. А. Иностранцевымъ, при участіи проф. А. П. Богданова, М. Н. Богданова и Д. Н. Анучина. Бонстатированная въ этихъ отложеніяхъ фауна весьма богата, но относится уже къ современному геологическому періоду. Кромѣ дикихъ животныхъ, здѣсь были найдены также остатки домашняго, именно собаки, представленной притомъ двумя породами, одной болѣе мелкой, соответствующей «торфяной» породѣ швейцарскихъ свайныхъ построекъ, и другой, болѣе крупной, названной г. Анучинымъ *Canis Inostranzewi*. Каменные орудія сдѣланы, по преимуществу, изъ глинистаго сланца и отшлифованы; костяныя—тоже выказываютъ уже позднѣйшія формы. Тѣмъ не менѣе, проф. Иностранцевъ полагалъ, что отложенія эти по своей древности соответствуютъ эпохѣ, непосредственно слѣдовавшей за ледниковой и близкой по времени къ эпохѣ датскихъ кухонныхъ остатковъ. Богатый рядъ находокъ дали также побережья и дюны Оки, изслѣдованныя графомъ А. С. Уваровымъ, П. П. Кудрявцевымъ, В. В. Докучаевымъ и др., главнымъ образомъ въ части теченія этой рѣки между Рязанью и селомъ Павловымъ. Болѣе всего находокъ было сдѣлано въ окрестностяхъ Муромъ. Особенно выдается между ними стоянка у села Волосова ⁶⁹) на берегу р. Велетмы, но она относится уже очевидно къ неолитической эпохѣ, также какъ и слѣды стоянокъ у села Елина, Львиный курганъ и Шехановъ боръ на р. Окѣ. Найденныя тамъ издѣлія вообще выказываютъ сходные типы; мы будемъ говорить о нихъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ. Всѣ эти мѣстонахожденія характеризуются присутствіемъ глиняной посуды (черепковъ), тѣмъ не менѣе гр. Уваровъ, принимая во вниманіе грубую обдѣлку многихъ каменныхъ орудій и отсутствіе слѣдовъ домашнихъ животныхъ, склоненъ былъ относить ихъ къ переходной эпохѣ. Впослѣдствіи, однако, здѣсь были найдены не только прекрасно оббитыя кремневыя стрѣлки, но и полирован-

орудія, а также и скелетъ домашней собаки, описанный, что, въ связи съ общимъ характеромъ фауны, не оставя въ принадлежности этихъ отложений неолитической эпохѣ. шій изслѣдователь Окскихъ стоянокъ, г. Городцовъ, выразилъ соторыя изъ нихъ, повидимому, отличаются болѣе древ- колной же эпохѣ относить князь П. А. Путятинъ и кухон- лѣдованные имъ по берегамъ озеръ у с. Бологое, Балдайскаго и тамъ фауна представляетъ современный характеръ; были статки собаки и имѣется много черепковъ, что указываетъ, ѣе на неолитическую эпоху.

і эпохи въ Россіи извѣстно мало. Пещеры Алтая (изслѣдо- андомъ) и Урала доставили или только остатки животныхъ уны) или также и костяныя и металлическія издѣлія, ука- злѣе позднія эпохи. Въ Закавказьи—пещеръ очень много, ыхъ, такъ и искусственныхъ (выдолбленныхъ въ скалахъ); ютъ нерѣдко пѣлые пещерные города (какъ напр. въ Уп- -Цихъ и др.), но всѣ онѣ относятся уже къ историческимъ ственный, и то не вполне достовѣрный, случай находки ка-

представляетъ Язонава пещера на берегу рѣки Красной лѣдовалъ Эрн. Фабръ); и только нѣсколько лѣтъ тому назалъ, въ Ргани, въ той-же губерніи, въ Шаропанскомъ у., г. Берпац- лое количество костей, среди которыхъ проф. Анучинъ наг- статки пещерного медвѣдя и благороднаго оленя вмѣстѣ съ фраг- челюсти чловѣка ⁶⁹). Въ среднемъ и южномъ Уралѣ отсутствіе гавляло, повидимому, благопріятное условіе для существованія лѣ-третичную эпоху; но всѣ сдѣланныя тамъ до сихъ поръ нической культуры относятся къ эпохамъ болѣе позднимъ. ще вниманія пещеры, расположенныя по обоимъ берегамъ ованныя и описанныя проф. В. В. Антоновичемъ ⁷⁰). Пещеры кусственно въ глинистыхъ высокихъ берегахъ и тянутся впра отъ устья Припети до самаго устья Тясмина. Въ нѣ- ихъ жили монахи уже во времена историческія. Проф. Ан- ѣ на небольшомъ пространствѣ въ сто верстъ, отъ Межигорья ырки, очень большое количество пещеръ, изъ коихъ во ранились слѣды чловѣческаго пребыванія. Наиболѣе оказа- Кирилловскаго монастыря къ С. отъ Кіева. Тамъ пещеры ены кухонными отбросами: костями лошади, дикаго кабана, бѣ и рѣчными раковинами. Кромѣ грубыхъ орудій изъ об- (полированныхъ орудій вовсе не было) здѣсь найдены были и посуды. Вслѣдствіе этого гр. Уваровъ относитъ ихъ къ

переходной эпохѣ, такъ-же какъ и рядъ естественныхъ пещеръ, открытыхъ въ Крыму К. С. Мережковскимъ возлѣ Ялты, у с. Сюрень, на берегахъ рр. Бельбека и Качи, пещеры на склонахъ Чатырь-Дага и въ особенности известную «Тысячеголовую» пещеру (Бимъ-башъ-кала). Нѣкоторыя изъ нихъ были обитаемы человѣкомъ, другія же только животными. Орудія этихъ пещеръ нешлифованныя, но вмѣстѣ съ ними попадаются и обломки черепковъ. Г. Мережковский самъ относитъ часть ихъ къ мадленской эпохѣ, а пещеру въ Симферополѣ, гдѣ были найдены кремневые острія съ костями мамонта—къ эпохѣ Мустье.

О балканскихъ находкахъ до сихъ поръ нельзя еще сказать ничего положительнаго. Въ Далмаціи Сомбати открылъ много мѣстонахожденій четвертичной эпохи, но описаніе ихъ до сихъ поръ еще не опубликовано. Въ Босніи также есть много пещеръ съ четвертичными наносами, еще неизслѣдованныхъ. Въ Болгаріи г. Юриничъ нашелъ въ 1891 г. человѣческія кости вмѣстѣ съ черепками, каменными орудіями и многочисленными остатками сѣв. оленя и пещернаго медвѣдя, въ пещерѣ, называемой «Полички», возлѣ Габрова. Находки эти впрочемъ отнесены имъ къ послѣ-четвертичному періоду ⁷¹⁾.

Постараемся теперь выбрать изъ этого обзорѣнія отдѣльныхъ европейскихъ находокъ все то, что могли дать намъ разныя остатки, для того чтобы составить себѣ общую картину культуры европейскаго человѣка въ четвертичную эпоху. Мы не станемъ входить въ подробности, такъ какъ о многомъ было уже упомянуто въ предыдущемъ изложеніи, а постараемся въ немногихъ чертахъ представить себѣ образъ жизни палеолитическаго человѣка и степень его культурнаго развитія.

Средній уровень его культуры походилъ вполне на культуру первобытныхъ племенъ, еще и нынѣ живущихъ на далекомъ сѣверѣ (эскимосы) или югѣ (пешересы и др.). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ четвертичный человѣкъ стоялъ выше ихъ, въ другихъ они превосходятъ его, но въ общемъ между ними не было значительнаго различія. Человѣкъ сначала обходился несомнѣнно безъ одѣянія, спалъ подъ деревьями или подъ открытымъ небомъ и только во время непогоды или въ холодную пору, особенно когда климатъ Европы сталъ болѣе суровымъ, онъ началъ искать себѣ убѣжища подъ кровомъ пещеръ и сталъ одѣваться въ звѣряныя шкуры. Интересно, что типы орудій, характерныя по Габр. де Мортилье для теплой доледниковой эпохи, вовсе не встрѣчаются въ пещерахъ. За то тамъ находятся въ изобиліи (какъ напр. во Франціи—типъ Мустье) такія орудія, которыя могли быть вполне пригодными для обдѣлки и очистки шкуръ. По мнѣнію Мортилье, человѣкъ жилъ въ продолженіи эпохи Мустье въ пещерахъ и при помощи скребковъ приспособ-

соблаждалъ себѣ звѣриныя кожи для одежды. Что человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ концѣ четвертичной эпохи, дошелъ уже до искусства сшивать шкуры, при помощи нитокъ изъ оленьихъ жилъ, свидѣлствуютъ костяныя иглы мадленскихъ находокъ (ср. рис. 17). Былъ-ли онъ знакомъ также съ плетеньемъ и съ приготовленіемъ тканей—этого мы пока навѣрное не знаемъ.

Главнымъ занятіемъ и главнымъ средствомъ существованія четвертичнаго ста. Лѣса, долины и степи тогдашней Европы изобилывали ной дичи. Пока ея было достаточно, человѣкъ не сознаюсти приручать животныхъ, а, можетъ быть, еще и не о. Догадки Пьетта и Вольдржиха, что человѣкъ уже въ періодъ дѣлалъ попытки приручить сѣв. оленя, не подымыми данными. Разведеніе домашнихъ животныхъ и змли были тогда еще совершенно неизвѣстны. Охоя, повидимому, на все, что попадало подъ руку. Большихъ ыхъ копье съ кремневымъ наконечникомъ, стрѣла, деревян-грубой каменный молотъ оказывались ненадежными, чело-зала съ помощью хитрости. Для ловли мамонтовъ и носо-сь, вѣроятно, большія ямы, въ которыхъ не трудно было туда попавшее животное. Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ главнымъ предметомъ охоты служилъ исключительно одинъ ло на примѣръ въ Солютрѣ, гдѣ охотились сначала только же па сѣверныхъ оленей. Одинъ рисунокъ этой эпохи до-бражаетъ охоту на зубра (изъ Laugerie-Basse) Вообще, по омъ охоты служили до 70 видовъ млекопитающихъ и около . Человѣкъ ухитрился ловить также рыбъ съ помощью гарпуна (ср. рис. 17). Очень возможно, что на какихъ ыхъ челнокахъ, безъ сомнѣнія, на выдолбленныхъ посред-деревкахъ, человѣкъ отваживался уже пускаться довольно и въ открытое море. Ривьеръ опредѣлилъ въ находкахъ рь 50 видовъ рыбъ, между ними 10 морскихъ. Убивая употреблялъ въ пищу ихъ мясо и костный мозгъ. Осколки расколотыхъ по длинѣ, находимые при раскопкахъ, пред-самое лучшее свидѣтельство того, что костный мозгъ счи-я лакомствомъ. Мясо употреблялось въ пищу, повидимому, сырымъ, хотя попадающіяся иногда обожженные кости по-человѣкъ умѣлъ уже поджаривать мясо на огнѣ или на янныхъ на угольяхъ камняхъ. Несомнѣнно, что человѣкъ гоолько уже былъ знакомъ съ огнемъ, но умѣлъ и пользо-омашихъ потребностей. Остатки очаговъ попадаются часто леолитической эпохи. Огонь добывался или ударами крем-

ней другъ о друга, при чемъ сильной пскры было достаточно, чтобы зажечь сухой мохъ, или, что вѣроятнѣе, быстрымъ треніемъ двухъ сухихъ кусковъ дерева одинъ о другой.

Не разъ уже возбуждался вопросъ о томъ, были-ли наши четвертичныя предки—людоѣдами ⁷²⁾. Положительныхъ доказательствъ этого нѣтъ, но правдоподобныхъ существуетъ цѣлый рядъ. На это указываютъ, напримѣръ, находки въ пещерахъ Chauvaux въ Намюрѣ (трубчатые человѣческія кости, расколотыя для добыванія мозга); въ нѣсколькихъ французскихъ пещерахъ, въ дольменахъ Лозеры, въ пещрѣ на о-вѣ Пальмарія, въ Peniche возлѣ Лиссабона, въ Holzen вѣ Брауншвейгѣ и въ др. мѣстахъ. Многіе не видятъ въ этихъ находкахъ ясныхъ признаковъ людоедства (Cartailhac, Virchow); но если мы обратимъ вниманіе, до какой степени распространенъ этотъ обычай у примитивныхъ народовъ и какъ естественно возникаетъ онъ по разнымъ поводамъ, а чаще всего изъ анимистическихъ религіозныхъ воззрѣній, то придемъ къ заключенію, что возможно предполагать его и у первобытныхъ обитателей Европы. Что древнему населенію этой части свѣта не былъ чуждъ каннибализмъ, доказываютъ многіе мифы, народныя преданія и сказки, даже древнія греческія поэмы (разсказы о Полиемѣ и Лестригонахъ въ Одиссеѣ). Кромѣ того, многія неолитическія находки также подтверждаютъ подобныя догадки.

Главными орудіями человѣка въ эту эпоху, кромѣ деревянной дубины и нижней челюсти медвѣдя—служили различнымъ образомъ обдѣланные камни. О главныхъ типахъ такихъ каменныхъ орудій—скреблахъ, скребкахъ, ножахъ, кинжалахъ, наконечникахъ копій и стрѣлъ—мы уже говорили выше. Добавимъ еще нѣсколько словъ о тѣхъ матеріалахъ, которые служили для ихъ изготовленія, и о способахъ ихъ выдѣлки. Въ ряду горныхъ породъ, употреблявшихся для изготовленія орудій, встрѣчаются роговикъ, кварцитъ, яшма, песчаникъ, кремль, порфиръ, базальтъ, известнякъ, но всего чаще кремль *). Кремль представляетъ собою смѣсь кристаллическаго и аморфнаго кремнезема, обладающую значительною твердостью и отличающуюся характернымъ раковистымъ изломомъ. Онъ встрѣчается въ видѣ конкрецій или желваковъ, различной формы и величины, въ мѣлу и каменноугольныхъ известнякахъ; цвѣта онъ бываетъ чернаго, бураго, желтоватаго, причеиъ снаружи крем-

*) Древніе кремни отличаются отъ новѣйшихъ поддѣлокъ нѣкоторыми признаками. На поверхности ихъ замѣчаются перѣдко такъ назыв. дендриты, т. е. расположенныя въ видѣ вѣточекъ или моха группы очень маленькихъ кристалликовъ, марганцевыхъ соединеній, и пятна желѣзистой ржавчины; поверхность излома у нихъ блестящая (тогда какъ на свѣжемъ изломѣ она матовая); наконецъ цвѣтъ древняго кремня всегда бываетъ свѣтлый (желтоватый, коричневатый и т. п.), свѣжаго же кремня—обыкновенно темный.

невые желваки бывают покрыты бѣлой оболочкой, изъ аморфнаго кремнезема. Для приготовленія себѣ орудія, человекъ долженъ былъ разбить такой желвакъ и, постепенно отбивая отъ него осколки, придавать имъ желаемую форму. Отдѣленіе осколковъ могло быть производимо или сухимъ ударомъ, помощью

другого камня (отбойника) или—какъ это дѣлаютъ и теперь еще многіе дикари—сильнымъ нажимомъ въ одну точку при посредствѣ твердой кости. Оббитые со всѣхъ сторонъ кремневые желваки, изъ которыхъ потомъ готовили разныя орудія, называются обыкновенно ядрищами или nucleus'ами (рис. 35). Осколки, отбивавшіеся (или отжимавшіеся) отъ ядрища, подвергались обыкновенно дальнѣйшей обдѣлкѣ по краямъ, помощью мелкихъ ударовъ или послѣдовательной вторичной оббивки (*retouche*), что могло достигаться также и послѣдовательными нажимами (рис. 36). Употреблялись ли всѣ эти орудія отъ руки или нѣкоторыя изъ нихъ укрѣплялись въ рукоятки, остается не вполне разъясненнымъ. Относительно мидалевидныхъ орудія шельскаго типа Г. де Мортилье, а за нимъ Belucci, Castelfranco и др.

Рис. 35. Кремневый нуклеусъ (ядрище).

полагаютъ, что они не вставлялись въ рукоятки. Отсюда и ихъ названіе «*Coups de poing*» (ку-

лачныя орудія). Каменные острія или наконечники копій и стрѣлы, разумеется, должны были прикрѣпляться къ древкамъ. Прикрѣпленіе это дѣлалось посредствомъ ремешковъ, лыка, а также разнаго рода смолы или асфальта, подобно тому, какъ это и теперь практикуется, напримѣръ, австралійцами. Прилагаемое изображеніе нынѣшняго каменнаго копья обитателей Новой Каледоніи можетъ служить намъ примѣромъ подобнаго прикрѣпленія (рис. 37).

Рис. 36. Кремневые орудія съ ретушированными ребрами.

Можно предполагать, напримѣръ, что кремневые орудія, находимыя въ Бельгій, дѣлались часто изъ французскаго кремня. Къ мѣсторожденіямъ или копьямъ кремня четвертичный

человѣкъ предпринималъ, вѣроятно, экскурсіи за матеріаломъ, подобнымъ же образомъ какъ напимѣрь сѣверо-американскіе индѣйцы предпринимали цѣлыя путешествія за мѣдью къ берегамъ Верхняго озера. Относительно неолитическаго періода мы имѣемъ прямые доказательства подобной торговли.

Кромѣ камня, какъ было уже замѣчено, рога и кости животныхъ служили также, особенно къ концу четвертичнаго періода, матеріаломъ для приготовленія разнаго рода орудій, шиль, иглъ, кинжаловъ, гарпуновъ, стрѣлъ, и т. п.

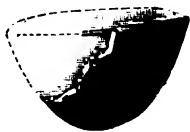
До сихъ поръ еще не рѣшенъ вопросъ о томъ, былъ-ли человѣкъ четвертичной эпохи знакомъ съ гончарнымъ искусствомъ, дошелъ-ли онъ уже до умѣнья готовить себѣ изъ глины посуду и обжигать ее на огнѣ, для приданія ей надлежащей прочности и непроницаемости. Большинство ученыхъ оспариваетъ существованіе гончарства въ четвертичную эпоху: къ числу ихъ принадлежатъ: Г. де Мортилье, Картальякъ и Гёрнесъ. Но едва-ли такое отрицаніе справедливо. Если даже не принимать во вниманіе цѣлый рядъ прежнихъ находокъ черепковъ посуды совмѣстно съ костями четвертичныхъ животныхъ, во французскихъ пещерахъ, способный внушать нѣкоторое подозрѣніе, то новыя открытія въ пещерахъ Бельгіи доказали уже съ достовѣрностью существованіе гончарства въ четвертичную эпоху ⁷³⁾. Фрапонъ (Frapont) добылъ собственными руками черепокъ горшка въ Энгисской пещерѣ, въ слѣбъ, заключавшемъ въ себѣ кости мамонта, носорога, гіевы (рис. 38) и каменные орудія типа Мустье. То-же подтвердили и новѣйшія находки въ Spy и Petit Modave. Впрочемъ, сосудъ, найденный въ Фурфозской пещерѣ, судя по его виду, навѣрно относится уже къ позднѣйшей эпохѣ. Съ другой стороны, принимая во вниманіе, что во многихъ странахъ Европы, между прочимъ въ Моравіи *) и въ Ма-

Рис. 37. Каменное копье
пязъ Новой Каледоніи.

*) Сомбати опубликовалъ, правда, подобную находку въ Костеликѣ; но д-ръ Бржижъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи рѣшительно оспариваетъ, чтобы въ

женіяхъ, мы должны думать, что въ большей части Европы палеолитическій человѣкъ, дѣйствительно, не былъ еще знакомъ съ гончарствомъ, и только кое гдѣ, какъ напримѣръ въ Бельгій и Франціи, успѣлъ усвоить себѣ этого рода технику.

За то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что палеолитическій человѣкъ достигъ сравнительно высокой степени развитія въ искусствѣ, именно въ рѣзбѣ. Нѣкоторые оставленные имъ рисунки на кости и въ возбуждаютъ наше удивленіе. Какъ ни далеко подви-
культуры, но, навѣрно, девять десятыхъ нашего ны-
въ состояніи въ такомъ совершенствѣ владѣть рису-
въ владѣлъ имъ четвертичный человѣкъ. Первые худо-

ды четвертичной эпохи изъ бельгійскихъ пещеръ.

человѣка имѣютъ, безъ сомнѣнія, два источника своего одной стороны, они сопровождали механическую работу; блкѣ орудій, случайно сдѣланные наръзки дополнялись соразмѣрности, повторялись; дыра, просверленная въ , дѣлалась и на другомъ и т. д., в такомъ образомъ по малу начало орнаментальному искусству. Съ дру- гвенныя попытки были результатомъ прирожденной че- гъ подражанію, къ воспроизведенію знакомыхъ и инте- омъ, каковымъ путемъ возникло искусство фигурное. лучахъ мы должны, разумѣется, предполагать уже въ увство изящнаго, понятія о соразмѣрности, симметріи и схождения и развитіе которыхъ входитъ впрочемъ уже ихологін. Въ памятникахъ палеолитическаго искусства ихъ указанныхъ видовъ художества; мы находимъ какъ нныя наръзками (рис. 39), такъ и превосходныя по- родѣ, главнымъ образомъ въ видѣ изображеній живот- :оторыми четвертичный человѣкъ одновременно жилъ,

Кульны или Костеліа могъ быть найденъ черепокъ посуды, изнать достоверными и прежнія показанія Ванкеля и Маков-

которые были предметом его охоты, а вместе съ тѣмъ и его постоянного вниманія, онъ научился изображать съ замѣчательной реальностью. Нельзя не удивляться, до какой степени онъ внимательно присматривался къ окружающей его природѣ, какъ онъ схватывалъ типичныя черты интересовавшихъ его животныхъ формъ и воспроизводилъ ихъ на кости или рогѣ съвернаго оленя, главнымъ образомъ на такъ называемыхъ начальническихъ жезлахъ (*bâtons de commandement*).

Рис. 39. Кусокъ ребра мамонта съ орнаментомъ черточками изъ Шпедмостья.

Прилагаемая таблица даетъ характерные образцы этого искусства; къ ней мы присоединяемъ еще нѣсколько рисунковъ въ текстѣ. Рис. 40, напримеръ, изображаетъ превосходно очерченную голову антилопы; начальническій жезлъ, найденный въ *Laugerie Basse*, весь покрытъ рядомъ сѣбло и натурально вырѣзанныхъ дикихъ лошадей (рис. 42). Рис. 43 представляетъ намъ какую то сцену изъ домашней жизни. Впереди мы видимъ дерево, начерченное, повидимому, вслѣдствіе недостатка мѣста, почти въ горизонтальномъ положеніи (нѣкоторые видѣли въ немъ, впрочемъ, змѣю *). Что означаютъ обозначенныя горизонтальными черточками перпендикулярныя полосы за деревомъ—трудно сказать, но можно предполагать, что это какая нибудь хижина, сплетенная изъ прутьевъ и соломы. Направо мы видимъ человеческую фигуру, обозначенную простыми, но достаточно

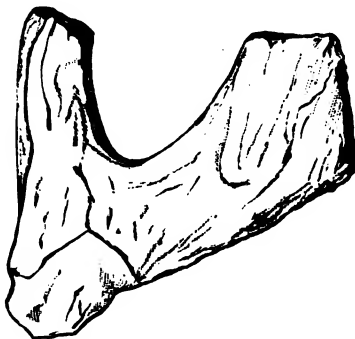

Рис. 40. Рѣзьба на части изъ пещеры *Laugerie Basse*.

*) По мнѣнію Габр. де Мортилья рисунокъ этотъ изображаетъ охотничью сцену. а то, что авторъ считаетъ деревомъ, есть не что иное какъ угорь.

(Прим. перев.)

явственными очертаніями между двумя лошадиными головами. Фигура держитъ на плечѣ какую-то палку. Большою извѣстностью пользуется изображеніе мамонта, грубое, но чрезвычайно выразительное, представленное на рис. 44. Примѣры замѣчательныхъ рисунковъ, свидѣтельствующихъ о большой наблюдательной способности, мы видимъ также на рис. 45 и 46. Первый представляетъ дикую лошадь, второй—группу сѣверныхъ оленей.

Часто мы можемъ наблюдать въ этого рода издѣліяхъ и удачную композицію и особенно умѣнье воспользоваться даннымъ пространствомъ. На дордонскихъ изображеніяхъ мы находимъ и первыя попытки тѣней, находимъ даже предметы фантастическіе (что-то въ родѣ сфинкса, изъ пещеры Mas d'Asil). Въ общемъ рисунки (нарѣзками) встрѣчаются чаще, чѣмъ рѣзба (рельефомъ). Примѣромъ послѣдней можетъ служить рукоятка кинжала, найденная въ Laugerie Basse. Она представляетъ оленя съ поджатыми передними

Рис. 41. Рѣзная рукоятъ кинжала изъ Laugerie Basse.

ногами (рис. 41). Не менѣ замѣчательна голова лошади, изображенная рельефно на одномъ издѣліи изъ пещеры Agudy (приведена въ сочиненіи Карпальяка: *La France préhistorique*). Менѣ удачны изображенія людей, но и среди нихъ мы встрѣчаемъ любопытные образчики. Наиболѣ замѣчательныя изображенія этого рода были найдены въ пещерѣ Brassemproux (деп. Ландъ). Между ними выдаются фигурки изъ слоновой кости (откуда и названіе—*ébougnéenne*, данное Пьеттомъ этой эпохѣ въ отличіе отъ слѣдующей—*tarandienne*, т. е. эпохѣ, когда преобладала рѣзба на рогахъ сѣвернаго оленя), изображающія женщинъ и представляющія нѣкоторыя интересныя антропологическія черты;—такъ наз. *стеатопигію*, узкія височія груди и сильное развитіе волосъ по всему тѣлу. Первыя находки подобныхъ художественныхъ издѣлій сдѣланы были еще въ пятидесятыхъ годахъ. Наибольшее количество ихъ было доставлено французскимъ пещерами въ деп. Дордонь, главнымъ обр. Мадленскою, вся культура которой отличается вообще преобладаніемъ обработки кости и рога. Интересныя находки были сдѣланы въ пещерахъ Laugerie Basse, Брюнибельской, Масъ-д'Азильской, въ Massat, Teyjat, Agudy, въ Brassemproux и др. ⁷⁴); въ Бельгіи—въ Trou Marguerite; въ Германіи, главнымъ обр. въ Тайингенской пещерѣ. Въ Чехіи прекрасныя образцы

рѣзбы были добыты д-ромъ Бржижемъ въ Кульнѣ и Костеликѣ, въ Моравіи (рис. 26—30); въ числѣ ихъ имѣются подражанія формамъ рыбъ и чело-
вѣческаго лица.

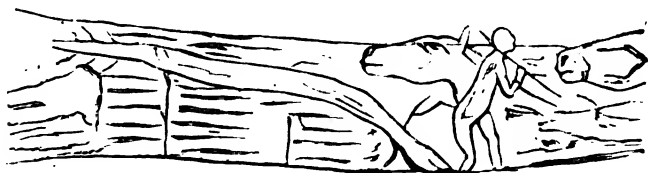
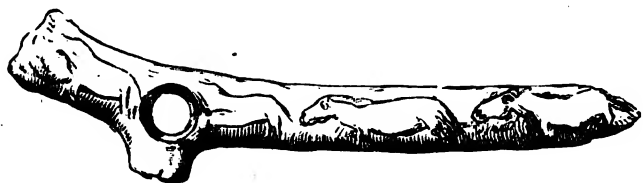

Рис. 42 Почетный жезлъ изъ пещеры Laugerie Basse. Рис. 43. Рисунокъ на кости изъ пещеры Дордонь (по Леббоку). Рис. 44. Изображеніе мамонта изъ Мадленской пещеры, найденное Ларта. Рис. 45. Изображеніе дикой лошади изъ Тайнингенской пещеры.

Эта, сравнительно высокая степень искусства четвертичнаго человѣка не

покажется намъ удивительною, если мы сравнимъ ее съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ этнографіи современныхъ первобытныхъ народовъ. Художественное воспроизведеніе формъ, особенно животныхъ, является какъ бы врожденною способностью дикаря, живущаго въ болѣе тѣсномъ и постоянномъ общеніи съ окружающею его природою. Подобныя художественныя попытки мы находимъ у цѣлаго ряда племенъ, даже у такихъ, которыя обыкновенно считаются самыми низшими по своему культурному развитію, какъ напр. у австраійскихъ дикарей, у папуасовъ, эскимосовъ, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, самоѣдовъ, чукчей, камчадаловъ и др. (ср. рис. 47).

Рис. 46. Изображеніе сѣверн. оленей (по Лэббоку).

Пещера Mas d'Azil доставила намъ и древнѣйшія попытки живописи красками. Г. Пьеттъ пашелъ тамъ множество галекъ, раскрашенныхъ полосками красной желѣзистой охры, сдѣланными пальцемъ или какимъ нибудь предметомъ въ родѣ кисти *). Въ Гурланской пещерѣ найдены были подобные же рисунки.

Сказать еще что нибудь о культурѣ и вообще о духовной жизни четвертичнаго палеолитическаго человѣка—довольно затруднительно. Между французскими изслѣдователями продолжается и по настоящее время споръ о томъ, обладалъ ли четвертичный человѣкъ религіознымъ культамъ, погребаль-ли онъ своихъ мертвыхъ, совершалъ-ли онъ при этомъ какіе нибудь обряды и т. п. На эти вопросы очень трудно отвѣтить сколько нибудь достовернымъ образомъ. Просверленные зубы, раковины и камешки могутъ быть принимаемы за амулеты, но точно также, и съ гораздо большимъ вѣроятіемъ, ихъ можно считать простыми, примитивными украшеніями. О скелетахъ, на-

*) Сколько намъ извѣстно, Парижская Антропологическая Школа относится къ этимъ находкамъ г. Пьетта довольно скептически. *Прим. переводч.*

ходимыхъ въ пещерахъ, также трудно сказать съ достовѣрностью, были-ли они тамъ погребены съ какими нибудь обрядами, или безъ всякаго обряда. Слишкомъ смѣло поэтому мнѣніе Мортилье, который, составивши себѣ заранѣ теорію, что дилювиальный человѣкъ въ Европѣ не имѣлъ еще никакой религіи и не зналъ погребальныхъ обрядовъ, принесенныхъ въ Европу только въ слѣдующую эпоху новымъ народамъ, пришедшимъ изъ Азіи, отрицаетъ древность человѣческихъ костей, находимыхъ въ пещерахъ постпліоценовой эпохи *). Мы съ своей стороны болѣе склонны думать, что въ концѣ палеолитическаго періода въ Европѣ существовало уже обрядовое погребеніе мертвыхъ.

Мы полагаемъ, вообще, что четвертичный человѣкъ обладалъ уже нѣкоторымъ религіознымъ культомъ и владѣлъ членораздѣльною рѣчью. Хотя мы и не можемъ согласиться къ Катрфажемъ, который, рядомъ съ нравственностью, признавалъ и религіозность существеннымъ признакомъ человѣка, отличающимъ его отъ животныхъ, тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что человѣкъ уже на очень раннихъ ступеняхъ своего развитія дошелъ до понятія о сверхъестественныхъ существахъ. Но существуютъ ли зачатки религіи у всѣхъ человѣческихъ племенъ, или, какъ утверждать напр. Леббокъ, есть среди нихъ и недостигшіе еще этой стадіи развитія,—вопросъ этотъ еще не вполне выясненъ и до сихъ поръ. Очень часто впрочемъ споръ въ данномъ случаѣ

Рис. 46. Разные рисунки экзмосовъ.

*) Въ интересахъ научнаго изложенія необходимо замѣтить, что г. Габр. де Мортилье, отрицая древность костей, найденныхъ въ Англиской пещерѣ (которыя очевидно имѣютъ здѣсь въ виду уважаемый авторъ), основывается главнымъ образомъ на геологическихъ и затѣмъ на археологическихъ данныхъ, при чемъ выводъ его подтверждается и антропологическими изслѣдованіями послѣдняго времени (Hervé). Трудно также считать предвзятымъ мнѣніе г. де Мортилье объ отсутствіи религіознаго культа у четвертичнаго человѣка, если нѣтъ до сихъ поръ ни малѣйшихъ доказательствъ его существованія.

сводится только къ недостаточно выясненному понятію о томъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ религіей. Можно ли напр. считать за религію тотъ неопредѣленный страхъ, который чувствуетъ первобытный человѣкъ передъ грозными явленіями природы (громомъ, молніей и т. п.) или нѣтъ? Если даже о нѣкоторыхъ изъ современныхъ племенъ мы затрудняемся иногда сказать, есть-ли у нихъ религія или нѣтъ, то тѣмъ болѣе это трудно рѣшить относительно человѣка первобытныхъ временъ!

За то очень вѣроятно, что постплюценовый человѣкъ владѣлъ уже членораздѣльною рѣчью. Человѣкъ безъ языка, «Homo alalus primigenius», существованіе котораго предполагали Геккель (Haeckel) и Фр. Мюллеръ (Friedrich Müller) не могъ бы быть прародителемъ человѣческихъ племенъ. У нижней челюсти, найденной въ Нолеттской пещерѣ въ Бельгіи (а также и въ добытой изъ пещеры Шипки, въ Моравіи), замѣчается, правда, малое развитіе подбородка и находящейся на внутренней его поверхности — подбородочной ости (spina mentalis interna, къ которой прикрѣпляются мускулы, управляющіе движеніями языка), что и дало поводъ Габр. де Мортилье сдѣлать заключеніе, что четвертичный человѣкъ не обладалъ еще рѣчью, — но находки другихъ человѣческихъ челюстей той же эпохи не подтверждаютъ такого предположенія).

Общественное устройство послѣтретичной эпохи намъ, конечно, неизвѣстно. По всей вѣроятности, оно не шло далѣе простѣйшаго общиннаго и семейнаго быта. Если бы украшенные изображеніями рога сѣвернаго оленя представляли собой дѣйствительно какіе нибудь почетные жезлы или знаки начальниковъ (bâtons de commandement, Commandostäbe), какъ нѣкоторые думаютъ, то они были-бы первыми символами власти. Но другіе съ той же степенью
1   маютъ ихъ просто за приспособленія для выпрямленія сучьевъ,
1   къ для луковъ (Keller, Müller, Ranke и пр.).

Хронологическое опредѣленіе дилювіальной эпохи и древность человѣка.

Въ концѣ этой главы мы должны сказать еще нѣсколько словъ о попыткахъ опредѣленія абсолютной древности нѣкоторыхъ дилювіальныхъ находокъ. Такихъ попытокъ было сдѣлано не мало. Основой для нихъ служили отчасти явленія астрономическія или геологическія (напр. меденное опусканіе и поднятіе нѣкоторыхъ частей европейскаго материка, на основаніи чего Ч. Ляйэлль опредѣлялъ напр. продолжительность четвертичной эпохи больше чѣмъ во сто тысячъ лѣтъ), отчасти же вычисленія времени, которое можно предполагать для образованія извѣстнаго отложенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывалось возможнымъ установить ростъ его въ теченіи извѣстной единицы времени, напр. одного столѣтія. Такимъ путемъ Горнеръ

(Hogner) напр. вычислилъ древность отложеній Нильской дельты въ Египтѣ (древность черепка посуды, найденнаго на глубинѣ около 12-ти метровъ, онъ опредѣлилъ въ 13000 лѣтъ), Арселенъ и Ферри—древность отложеній рѣки Соны, Форель—наносовъ р. Роны у впаденія ея въ Женевское озеро, Морло—отложеній ручья Tinigre возлѣ Вилльнѣва, Доулеръ и Беннетъ (Dawler and Bennet) отложеній Миссисиппи и т. д. Но всѣ эти вычисленія ненадежны, такъ какъ нигдѣ не нашлось еще пункта, гдѣ-бы соединялись всѣ условія, необходимыя для полной точности вычисленія. Главное препятствіе въ этомъ отношеніи заключается въ отсутствіи равномерности въ отложеніи наносовъ. Ненадежность вычисленій явствуется уже изъ крупнаго различія въ результатахъ, полученныхъ разными изслѣдователями. Однимъ не хватаетъ и ста тысячъ лѣтъ для опредѣленія древности человѣка, тогда какъ Прествичъ (Prestwich), напр., опредѣляетъ древность человѣка, жившаго въ началѣ ледниковаго періода, въ 25—30000 лѣтъ до начала неолитической эпохи. Всѣ изслѣдователи сходятся однако между собою въ томъ, что древность человѣка на землѣ громаднa сравнительно съ тѣмъ, какъ ее опредѣляли прежде.

ГЛАВА III.

Человѣчество въ неолитическую эпоху ⁷⁵⁾.

Промежутки или перерывы между двумя эпохами (hiatus Мортилье). — Начало неолитической эпохи. — Неолитическія поселенія: стоянки на возвышенностяхъ и мастерскія. — Пещерныя жилища. — Кухонныя кучи (fouilles). — Сорныя ямы, жилища и городища. — Свайныя постройки. — Сооруженія. — Города неолитической эпохи (Санторинъ, Мелось и др.). — Гробницы и священные мѣста: мегалитическіе памятники, стоящие на камняхъ, жертвенники, дольмены, каменные аллеи, кромлехи, Простыя могилы въ землѣ — Польскіе skrzyńkowe groby и русскіе захороненія мертвыхъ въ неолитическую эпоху. — Картина культуры этого времени. — Хронологическія опредѣленія.

Леббоку, мы раздѣляемъ весь періодъ такъ наз. каменнаго вѣка на описанную древнюю, палеолитическую эпоху, характерными грубооббитыми орудіями, и на эпоху позднѣйшую, характерными орудіями болѣе искусно сдѣланными, часто шлифованными, такъ назыв. неолитическую. Подобно тому, какъ каждая эпоха характеризуется не одной только формой орудій, но и характеромъ культуры, особенностями среды, въ которой жилъ человѣкъ, окружающей его, фауной и т. д., такъ и неолитическая эпоха въ себѣ не только эпоху, въ теченіи которой люди употребляли шлифованныя и просверленные каменные орудія, но и знаменуетъ совершенно новое развитіе культуры, при иныхъ условіяхъ среды, климата, почвы. Кромѣ шлифовки и просверливанія орудій, остающихся типическими признаками неолитической эпохи, мы видимъ, что въ теченіи ея человѣкъ былъ знакомъ уже съ гончарнымъ искусствомъ, даже занимался и разведеніемъ домашнихъ животныхъ, однимъ словомъ рядъ новыхъ пріобрѣтеній — новую культуру. Фортилье полагаетъ весьма рѣзкое различіе между палеолитической и неолитической. По его мнѣнію, палеолитическій человѣкъ не имѣлъ никакихъ понятій о тѣхъ культурныхъ особенностяхъ, какими отличается

неолитическая эпоха, появившаяся въ Европѣ внезапно и сразу къ концу пост-пліоцена. Такое внезапное появленіе является для Мортилье доказательствомъ, что культура неолитической эпохи не развилась путемъ постепенной и непрерывной эволюціи изъ предшествовавшей древнѣйшей, а была принесена въ Европу новымъ народомъ. Начало неолитической эпохи обуславливается, такимъ образомъ, появленіемъ новаго населенія, которое было уже знакомо съ гончарнымъ искусствомъ и съ разведеніемъ животныхъ и земледѣіемъ, умѣло уже выдѣлывать изъ камня полированные орудія и т. п., и которое распространилось скоро по всей Европѣ. Но Мортилье пошелъ еще далѣе и высказалъ мнѣніе, что этотъ новый народъ не нашелъ уже въ Европѣ ея древнѣйшаго населенія, за исключеніемъ развѣ незначительныхъ его остатковъ. То населеніе, которое жило здѣсь въ дилувіальную эпоху и питалось охотой на мамонта, носорога, а позже на сѣвернаго оленя, по мнѣнію г. Мортилье, исчезло еще до появленія неолитическаго человѣка, какъ и куда—остается неизвѣстнымъ. Мортилье высказываетъ предположеніе, что оно скорѣе всего могло переселиться вслѣдъ за только что названными животными, которыя по причинѣ измѣненія климата вынуждены были отступить куда то на сѣверъ.

Однимъ словомъ, Мортилье предполагаетъ, что между палеолитической и неолитической эпохами, по крайней мѣрѣ въ Зап. Европѣ, есть какой-то промежутокъ, въ теченіи котораго Европа, за немногими развѣ мѣстностями, оставалась необитаемой. Поэтому-то, по его мнѣнію, между древней палеолитической культурой и культурой неолитической нѣтъ никакой связи, никакого постепеннаго перехода, а замѣчается перерывъ, hiatus. Существованіе такого перерыва было принято вслѣдъ за Мортилье и многими другими изслѣдователями. Тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ остается еще спорнымъ ⁷⁶⁾, потому мы и находимъ нужнымъ нѣсколько на немъ остановиться.

Главнымъ доказательствомъ hiatus'a служить для Г. де Мортилье и его послѣдователей (къ подобнымъ же заключеніямъ пришли напр. J. Ewans, и Boyd Dawkins, относительно Англіи, Lohest—относительно Бельгіи, K. Penka—въ своей теоріи происхожденія арійцевъ и пр.)—рядъ мѣстонахожденій, въ которыхъ, дѣйствительно, между культурнымъ слоемъ постпліоценоваго періода и слоемъ, заключающимъ въ себѣ предметы неолитической эпохи, находится слой пустой, лишенный всякихъ слѣдовъ человѣческой культуры и часто очень мощный. Подобный слой найденъ былъ напр. въ Placard'ской пещерѣ въ Vilhonneur'ѣ, въ Laugerie Haute (въ Дордони), въ Коровьей пещерѣ (Grotte de la Vache) въ Арьежскомъ деп. Въ наносахъ р. Соны Arcelin нашелъ подобный же, въ 3 метра мощностью, пустой слой и—на основаніи установленной имъ для этой мѣстности нормы осажденія осадковъ—вычислялъ, что эпоха hiatus'a продолжалась въ ней отъ 3 до 4 тысячъ лѣтъ.

На основаніи подобныхъ находокъ Г. де Мортилье полагаетъ, что четвертичный человѣкъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей (онъ самъ признаетъ нѣсколько мѣстопохожденій, гдѣ палеолитическій культурный слой безъ всякаго перерыва непосредственно переходитъ въ слой неолитическій), исчезъ изъ Европы и только по прошествіи значительнаго періода времени смѣнился въ ней новымъ населеніемъ. Споры о «перерывѣ» не всегда однако отличаются логичностью. Весь этотъ вопросъ сводится въ сущности къ двумъ: 1) явился ли вообще новый человѣкъ въ Европу или, лучше сказать, необходимо-ли приписывать появленіе неолитической культуры въ Европѣ прибытію въ нее новаго народа и 2) дѣйствительно ли передъ этимъ древнее населеніе Европы исчезло и существовалъ ли перерывъ въ ея заселеніи?

Пока дѣло идетъ о первомъ вопросѣ, не можетъ быть сомнѣній, что неолитическая эпоха характеризуется культурой, совершенно отличающейся отъ палеолитической, и что ее можно объяснить прибытіемъ новаго народа. Но мы допускаемъ только возможность такого объясненія. Подобное измѣненіе культуры еще не предполагаетъ необходимости появленія новаго населенія. Если мы пересмотримъ главные признаки неолитической культуры, по мнѣнію Г. де Мортилье вовсе не существовавшіе въ четвертичную эпоху, то мы сейчасъ же увидимъ, что нѣтъ никакой необходимости объяснять ихъ появленіе приходомъ новаго населенія. Какъ ранѣе своего прибытія въ Европу это новое населеніе могло дойти до скотоводства, земледѣлія и осѣдой жизни, такъ точно могло усвоить себѣ все это и палеолитическое населеніе Европы. И если мы бросимъ взглядъ на тѣ условія, въ какихъ оно оказалось въ концѣ послѣдтретичной эпохи, то намъ станетъ понятнымъ, что оно должно было прийти къ этому совершенно естественнымъ путемъ. Крупныя постпаіоценовыя животныя были отчасти истреблены охотой, отчасти же, соотвѣтственно измѣненію климата, отступили къ сѣверу и востоку. Человѣку, такимъ образомъ, грозилъ недостатокъ пищи, отъ котораго онъ могъ обезпечить себя только лова животныхъ, но не убивая ихъ, и заботясь о томъ, чтобы они размножались въ цѣлыя стада и доставляли такимъ образомъ запасъ пищи во всякое время. Такъ началось мало по малу прирученіе животныхъ. Подобнымъ же образомъ человѣкъ могъ быть приведенъ и къ хлѣбопашеству, т. е. къ искусственному разведенію хлѣбныхъ растений про запасъ. Гончарство, знакомство съ которымъ Г. де Мортилье совершенно оспариваетъ у четвертичнаго человѣка, появляется уже, какъ мы видѣли, въ палеолитическую эпоху, въ Бельгіи, а можетъ быть и во Франціи, и въ концѣ палеолита въ Россіи. Человѣкъ легко могъ дойти до этого искусства самостоятельно въ разныхъ мѣстностяхъ. Знакомство съ нимъ могло распространяться изъ этихъ нѣсколькихъ центровъ и поэтому неудивительно, что въ неолитическую эпоху керамика стала уже извѣстна повсюду. То же можно

сказать и о шлифовкѣ каменныхъ орудій. Ошибочно было-бы думать, что она была непременно принесена извнѣ. До усовершенствованія орудій посредствомъ ихъ полировки палеолитическій человѣкъ могъ также дойти самостоятельно во многихъ мѣстахъ. Въ мастерской кремневыхъ орудій въ Cissbury найдены были, кромѣ грубыхъ топоровъ миндалевиднаго типа, уже и первыя попытки шлифовки и оттачиванія. Въ Пшедмостѣ г. Машка также нашелъ въ постплиоценовомъ слоѣ два шлифованныхъ орудія, и подобные же примѣры извѣстны и изъ другихъ странъ. Все это свидѣтельствуетъ, что рѣзкое отдѣленіе палеолита отъ неолита, принимаемое Мортилье—едва ли справедливо. Во всякомъ случаѣ, нельзя доказать, что неолитическая культура появилась во всей Европѣ сразу; съ другой стороны, она недостаточно однообразна, чтобы ее можно было приписать одному народу, а тѣмъ болѣе пришедшему откуда-то извнѣ.

Тѣмъ не менѣе мы не утверждаемъ, чтобы подобнаго переселенія вообще не было. Принимая во вниманіе новые типы череповъ въ различныхъ неолитическихъ могильникахъ Европы, приходится скорѣе допустить, что въ теченіи неолитической эпохи въ Европѣ, дѣйствительно, начали появляться новыя племена. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы эти племена были исключительными носителями новой культуры. Мы полагаемъ, что древнее четвертичное населеніе Европы не исчезло, что палеолитическая культура постепенно развилась въ новую культуру, апогею которой, а затѣмъ и цѣлому было дано названіе культуры неолитической, и что прибытіе въ Европу новыхъ племенъ, къ которымъ относятся, напримѣръ, раса французскихъ и датскихъ мегалитическихъ гробницъ, имѣло на это развитіе только побочное вліяніе. Никакого великаго переселенія новыхъ народовъ, для этой эпохи, мы рѣшительно не допускаемъ.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что никакого hiatus'a, т. е. перерыва въ культурѣ, въ теченіе каменнаго вѣка, не было. Что это такъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ находокъ, въ которыхъ слои, заключающій предметы четвертичной эпохи, переходить непосредственно въ культурный неолитическій слой. Г. де Мортилье самъ указалъ на нѣсколько такихъ случаевъ, а въ послѣднее время описанъ былъ цѣлый рядъ ихъ, какъ напр. находки въ пещерахъ «Duruthy» въ Sordes, въ Nermont'ѣ (деп. Понны), въ Delémont'ѣ (въ Швейцаріи), въ Yport'ѣ (деп. Нижней Сены), въ Manneville sur-Risle (деп. Eure), въ Reilhac'ѣ, въ Mas-d'-Azyr'ѣ, гдѣ производили недавно раскопки Е. Piette и М. Boule, въ Россіи въ упомянутыхъ уже мѣстоименованіяхъ по берегамъ Оки и пр. Ничего въ себѣ не содержащія слои въ нѣкоторыхъ пещерахъ, на которые ссылается Г. де Мортилье, доказываютъ, разумеется, что человѣкъ тамъ нѣкоторое время не жилъ, но это не значитъ еще, что онъ исчезъ вообще въ цѣлой странѣ и цѣлой Европѣ. Если

человѣку, жившему охотой, начинало не хватать дичи въ одной мѣстности, онъ переходилъ въ другую и оставлялъ прежнее жилище, которое легко могло оставаться долгое время незапымымъ, потому что прежніе его обитатели поселились въ другомъ мѣстѣ. Интереснымъ доказательствомъ такого взгляда являются пещеры Maszysa и на Milaszówce возлѣ Кракова, изслѣдованныя Г. Оссовскимъ и Я. Вольдржиномъ ⁷⁷⁾. Въ первой изъ нихъ, между слоями дилювіальнымъ и неолитическимъ, былъ замѣченъ слой, не заключающій въ себѣ остатковъ, тогда какъ во второй тотъ же самый слой оказался культурнымъ. Можно думать, что человѣкъ, уйдя изъ одной пещеры, переселился въ другую. Это ясно можно видѣть на слѣдующей таблицѣ:

Пещера „Maszysa“.	Пещера „на Milaszówce“.
Слой а) Остатки эпохи металловъ.	Слой а)
Слой б) Каменные орудія, слѣданныя посп. отбиванія и пришлифованныя, черепки посуды, кости домашнихъ животныхъ. Сѣвернаго оленя нѣтъ.	Остатковъ нѣтъ.
Остатковъ нѣтъ.	Слой б) Оббитыя каменные орудія, непришлифованныя, черепки посуды, остатки домашняго быка и сѣвернаго оленя.
Слой с) Палеолитическія орудія и четвертичная фауна. Остатковъ глиняной посуды нѣтъ.	Слой с) Четвертичная фауна. Слѣдовъ человека нѣтъ.
Горная порода пещеры.	Горная порода пещеры.

Словомъ, существованіе какого-бы то ни было hiatus'a между эпохами палеолитической и неолитической не доказано и, если и замѣчается мѣстами промежутковъ, то не въ дѣйствительности: онъ заключается въ нашихъ свѣдѣніяхъ, какъ однажды высказался и самъ Мортилье.

Подраздѣленія неолитической эпохи. Г. де Мортилье раздѣлялъ прежде неолитическую эпоху на двѣ, на древнѣйшую Кампиньенскую эпоху (отъ мѣстонахожденія—въ Cambrigny, въ департ. Нижней Сены), и позднѣйшую Робенгаузенскую эпоху (отъ свайныхъ построекъ въ Robenhausen на Пфеффиконскомъ озерѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ Швейцаріи); въ послѣднее время онъ установилъ передъ Кампиньенскою еще одну новую

эпоху Турассьенскую (отъ мѣстности La Tourasse, въ Верхн. Гароннѣ) какъ переходную. Г. Issel даетъ этой новой эпохѣ названіе «миолитической» (miolithique). Другой французскій археологъ Ф. Сальмонъ раздѣляетъ неолитическую эпоху на 3 періода: 1) Кампиньенскій, самый древній, представляющій переходъ отъ палеолита къ неолиту; сюда относятся между прочимъ и датскія кухонныя кучи, въ которыхъ появляются шлифованныя орудія и гончарное искусство. 2) Шассео-Робенгаузенскій (отъ мѣстонахожденій въ Chasseu въ департ. Сены и Луары и въ Робенгаузенѣ), куда относятся главнымъ образомъ свайныя постройки каменнаго періода, съ шлифованными и отточенными орудіями и уже довольно развитою керамикой, и со слѣдами ткачества, земледѣлія, скотоводства и т. п.; и 3) Карнакскій (отъ мѣстности Карнакъ въ Бретани), характеризуемый главнымъ образомъ сооруженіемъ большихъ каменныхъ надгробныхъ памятниковъ, такъ назыв. мегалитическихъ, появленіемъ новаго погребальнаго обычая — сожиганія мертвыхъ и т. п.⁷⁸⁾ Раздѣленіе это имѣетъ однако и нѣкоторыя слабыя стороны. По формѣ орудій проф. Вольджихъ раздѣляетъ неолитическую эпоху также на три періода: 1) періодъ шлифованныхъ, но не просверленныхъ каменныхъ орудій (атриолитическій); 2) періодъ просверленныхъ орудій (триолитическій), и 3) періодъ орудій изогнутыхъ (кольполитическій), къ которому относится и появленіе первыхъ бронзовыхъ предметов^{*)}.

Для обзорѣнія главныхъ неолитическихъ находокъ въ Европѣ, мы раздѣлимъ ихъ на двѣ главныхъ группы: остатки человѣческихъ поселеній и неолитическія мѣста погребенія. Есть, впрочемъ, случаи, къ которымъ это раздѣленіе не можетъ быть примѣнено; таковы напр. пещеры, которыя сначала служили человѣку жилищемъ, а потомъ и мѣстомъ погребенія. Но въ общемъ мы можемъ раздѣлить всѣ памятники неолитической культуры на указанныя группы, установивши въ свою очередь въ каждой изъ нихъ соотвѣтственныя меньшія подраздѣленія. Такъ, въ отдѣлѣ о поселеніяхъ мы будемъ говорить сначала о мастерскихъ каменныхъ орудій, о такъ наз. стоянкахъ подъ открытымъ небомъ, затѣмъ о неолитическихъ пещерахъ, о кухонныхъ кучахъ (kjökkenmödding'ахъ), о такъ наз. сорныхъ ямахъ и неолитическихъ городищахъ, о свайныхъ постройкахъ и наконецъ о каменныхъ сооруженіяхъ и о городахъ неолитической эпохи. Неолитическія мѣста погребенія мы раздѣлимъ на погребальныя пещеры, мегалитическія гробницы, къ которымъ мы присоединимъ и памятники, не имѣющіе прямого отношенія къ погребенію, и на простыя могилы безъ всякихъ сооруженій, сдѣлан-

^{*)} Названія эти составлены изъ греческихъ словъ τρύμα=дыра, κάππος=загль и λίθος=камень.

ныя въ землѣ. Въ концѣ мы скажемъ еще нѣсколько словъ о началѣ сожиганія мертвыхъ и дадимъ общій обзоръ культуры этой эпохи.

ическія стоянки и мастерскія. На поверхности земли или въ дѣются часто довольно обширныя мѣста, которыя несомнѣнно свѣтъ, что въ очень отдаленныя времена на нихъ имѣлъ пребыва-ическій человекъ. Такія мѣста, покрытыя кремневыми осколками (безъ всякаго слѣда металловъ), костями домашнихъ и дикихъ, черепками посуды, пепломъ, углями и т. под. отбросами, назывовенно неолитическими стоянками (stations), а если они сучами выдѣлки каменныхъ орудій въ большомъ количествѣ, о чемъ вуетъ множество обломковъ и осколковъ камня, то—мастерскими орудій (ateliers). Въ нѣкоторыхъ странахъ эти стоянки служили, постояннымъ мѣстопробываніемъ человекъ, въ другихъ-же только, лѣтнимъ. Человекъ жилъ здѣсь подъ открытымъ небомъ, сюда в убитыхъ въ окрестностяхъ звѣрей, приготавлилъ ихъ мясо на съ-же, если оказывалось по близости достаточно матеріала, выдѣи орудія и оружіе. Тамъ, гдѣ человекъ для постоянного житель-овался пещерами или иными жилищами подъ крышей, мы можемъ ія стоянки и мастерскія скорѣе всего за временныя охотничьи или за мѣста, посѣщавшіяся по временамъ людьми для заготовки имѣвшагося въ окрестностяхъ матеріала, потребнаго оружія и

еолитическія стоянки и мастерскія настолько многочисленны во ѣ, что мы можемъ упомянуть здѣсь только о нѣсколькихъ, на-ѣстныхъ и важныхъ. Главнымъ образомъ обращаютъ на себя мастерскія французскія и бельгійскія. Во Франціи особенно за мѣстонахожденія въ Campigny (въ деп. Нижней Сены), въ

47. Роговая мотыка изъ доисторич. шахты въ Mur-de-Barrez.

assigny (въ деп. Пидры и Луары), откуда кремнь расходился на ія разстоянія, въ Londinières (въ деп. Ниж. Сены), въ окрестно-дон'а возлѣ Парижа и въ другихъ мѣстахъ по рѣкамъ: Сена, азѣ. Въ Mur de Barrez (въ Aveugon'ѣ) кремнь добывался прямо й съ помощью шахтъ. Прилагаемый рисунокъ (47) изображаетъ бланную изъ отростка оленьяго рога и служившую для этой ра-

боты. Еще болѣе извѣстная подобная же мастерская открыта была въ Mesvin въ Бельгiи. Тамъ, чтобы добраться до кремня, приходилось копать колодцы (puits d'extraction) сквозь послѣдтретичные и третичные пласты до залежей мѣла, а затѣмъ дѣлать въ этихъ залежахъ довольно обширные подземные ходы. Подобная громадная мастерская, на пространствѣ около 25 десятинъ, была найдена въ Spiennes (Hainaut) въ Бельгiи; въ окрестностяхъ ея Е. де Munck нашелъ еще цѣлый рядъ меньшихъ стоянокъ.

Въ Англіи сюда относится большая мастерская въ Cissbury въ Worthing'ѣ, гдѣ кремень тоже добывался съ помощью мотыкъ изъ оленьяго рога. Подобныя же мастерскія каменныхъ орудій открылъ Choffat въ Португаліи. Въ Италіи ихъ было найдено много въ Калабріи, откуда каменные орудія разносились по всему Аппенинскому полуострову. Въ Веронской провинціи есть цѣлый рядъ очень интересныхъ стоянокъ въ Вгеоніа, гдѣ по мнѣнію Пигорини и Кастельфранко жилъ одинъ и тотъ-же народъ отъ конца палеолитической эпохи до самаго начала римской; въ Ргун'ѣ возлѣ Вероны есть стоянка очень интересная своеобразными формами каменнаго оружія. Въ Австрійскихъ земляхъ большія мастерскія кремневыхъ орудій болѣе рѣдки. Въ нихъ относятся слѣды поселеній на Gotschenberg'ѣ въ долинѣ Зальцаха, въ Нижней Австріи. Въ Германіи онѣ встрѣчаются на о-вѣ Рюгенѣ, въ бассейнѣ Гавеля, на Vitusberg'ѣ и др. мѣстахъ. Въ Румыніи упоминаютъ о стоянкѣ въ Cuscuteni, гдѣ кромѣ обыкновенныхъ остатковъ были найдены еще очень интересные амулеты и глиняныя статуэтки, напоминающія старинныя восточныя произведенія.

Въ Чехіи найдены были небольшія мастерскія кремневыхъ орудій въ Vosice возлѣ Пардубицъ, въ Bukvice, возлѣ Пичина, въ Čistoves, недалеко отъ Бралева Градца (Königsgrätz), въ послѣднее время возлѣ Skočice; заключающіе пепель культурные слои неолитическаго характера найдены были Л. Шнайдромъ, въ Loupy, Březno, Vinařice на Охаркѣ, въ Citoliby и пр.

Въ Польшѣ подобныя мѣстонахожденія очень многочисленны въ окрестностяхъ Варшавы и главнымъ образомъ ея предметъя Праги и во многихъ мѣстахъ Варшавскаго уѣзда. Одно изъ наиболѣе богатыхъ мѣстонахожденій было изслѣдовано въ недавнее время Эр. Маевскимъ возлѣ села Осовки въ Кѣлецкой губ. Вообще въ этой мѣстности г. Маевскій нашелъ въ теченіи двухъ лѣтъ 82 неолитическія стоянки¹⁹⁾. Князь Вл. Сарковский нашелъ мѣста, наполненные черепками посуды, каменными орудіями и осколками въ окрестностяхъ Pińczowa, въ Кѣлецкой губ., Г. Осовскій въ Юрковцѣ, въ Сокиринцахъ, Щитовцахъ, Грудку, въ Жабинцахъ, Зоболотцахъ и др. мѣстностяхъ Галиціи. Въ Познани надо упомянуть о находкахъ въ Miniszewo, Lę и пр. Gloger нашелъ 20 стоянокъ въ бассейнѣ р. Нѣмана и ея притока Хрона, гдѣ также жилъ человекъ въ неолитическую

эпоху. Въ балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ вовсе не встрѣчается слѣдовъ палеолитическаго человѣка, остатки стоянокъ и мастерскихъ неолитической эпохи очень многочисленны. Мы упомянемъ изъ нихъ только о знаменитой стоянкѣ Кунда въ Эстляндіи.

На Волинѣ много такихъ мѣстонахожденій встрѣчается въ Дубенскомъ уѣздѣ, а еще далѣе въ Россіи сюда относится цѣлый рядъ находокъ (о нѣкоторыхъ мастерскихъ переходной эпохи мы упоминали уже въ предыдущей главѣ): на берегахъ Оки отъ Рязани до с. Павлова, въ окрестностяхъ Онеж-устьями рѣкъ Ошты и Мегры, по берегамъ Лугандозера, Свиного озера, въ Волосовѣ на Окѣ, у ст. Бологое и пр.). Казань на Волгѣ было открыто нѣсколько стоянокъ протуркменбергомъ и Н. Ѳ. Высоцкимъ возлѣ с. Мордова, на Побѣдилова и пр.⁸⁰⁾ Далѣе, большія мастерскія каменныхъ инструментовъ и Кельсиевъ на такъ назыв. Зимнемъ берегу и Золотницы, г. Нефедовъ на берегу р. Встауги съ интениями (?) изъ кремня, графъ Бобринскій возлѣ Юрьевского отъ Смѣлы (Черкаскаго у. Кіевской губ.), проф. В. Б. впаденіи р. Сулы въ Днѣпръ возлѣ с. Волошскаго; къ нашла 40 стоянокъ въ бассейнѣ Днѣпра и пр. Сюда янки, открытыя на р. Волховѣ у Ладожскаго озера и иностранцевымъ и И. С. Поляковымъ⁸¹⁾. Тамъ были най-ля орудія изъ полированного камня и изъ кости, остатки кой же фауны, какъ и въ Кундѣ въ Эстляндіи (сѣверный *Bos primigenius*, *Castor fiber* и пр.). Интересная стоянка е В. С. Передольскимъ въ 1888 г. въ мѣстности, назыв. зрегахъ оз. Ильмена и р. Волхова. Въ очень толстомъ слоѣ, орическихъ остатками, г. Передольскій собралъ массу пред-на себѣ слѣды человѣческой работы, какъ-то: каменныхъ і, черепковъ посуды съ разнообразнымъ орнаментомъ, рѣч-г. п., а также нѣсколько человѣческихъ череповъ—пови-аго типа⁸²⁾.

хонныя кучи (*kjøkkenmødding* и)⁸³⁾. Совершенно своеобраз-представляютъ собою сорныя кучи въ Даніи, такъ называе-*er* *) (*Küchenabfälle*, *rebutts de cuisine*). Онѣ образуютъ часто ько метровъ высоты, холмы. Наиболѣе онѣ были изслѣ-упомъ (Jap. *Stenstrup*), самое же новѣйшее изслѣдованіе но Мадсеномъ (A. P. Madsen).

совъ встрѣчаются на низкихъ, главнымъ образомъ во-

—кухня и *mødding*—сорная куча.

стечныхъ берегахъ датскихъ острововъ Seeland'a, Fünen'a, Møen'a, Samsø и полуострова Ютландіи (наиболѣе замѣчательныя находятся на Issefjord'ѣ и въ Meilgaard'ѣ) и образуютъ длинныя холмы отъ 1 до 3-хъ метровъ высоты, отъ 6 до 60 м. ширины и отъ 100 до 300 метровъ длины, состоящіе по большей части изъ миллионовъ раковинъ разныхъ съѣдобныхъ моллюсковъ и костей животныхъ, перемѣшанныхъ съ золой, между которыми попадаются и грубо отдѣланныя камяныя орудія, грубые черепки посуды, но ни малѣйшихъ слѣдовъ металловъ или хлѣбныхъ растений. Между раковинами преобладаютъ главнымъ образомъ съѣдобныя виды (*Ostrea edulis*, *Cardium edule*, *Mytilus edulis*, *Litorina litorea* и т. п.), изъ млекопитающихъ—олень, сайга, кабанъ, дикій быкъ и много другихъ дикихъ животныхъ. Сѣверный олень рѣдокъ, а въ болѣе древнихъ кучахъ нѣтъ еще домашнихъ животныхъ. Найдены только кости собаки, которая была очевидно первымъ животнымъ, прирученнымъ человекомъ. Въ кучахъ позднѣйшаго происхожденія, какъ напр. въ Svendborg'ѣ и во многихъ мѣстахъ о-ва Фёна найдены были впрочѣмъ остатки и другихъ домашнихъ животныхъ, а именно, овцы, козы, свиньи

Рис. 48 Каменный топоръ изъ датскихъ кухонныхъ кучъ, спереди, сзади и сбоку

и лошади. Изъ птицъ многочисленны пѣвчій лебедь и тетеревъ, попадаетса также безкрылъ (*Alca impennis*), теперь уже вымершій; изъ рыбъ—селедка, угорь и пр. По всему видно, что здѣсь жило племя бѣдное, питавшееся главнымъ образомъ продуктами моря. Оно оставалось на побережьѣ и лѣтомъ и

зимой, какъ то доказываютъ кости пѣвчаго лебедя, залетающаго въ эти
 ремя зимы, а также и отростки роговъ оленя во всѣхъ
 родѣ, оставившій по себѣ эти кучи отбросовъ, вѣлъ такой
 такой ведутъ и до сихъ поръ обитатели Огненной земли
 эти Америки. Орудія ихъ большей частью весьма грубы.
 имѣющіе форму, изображенную на рис. 48 и грубыя
 лифованныя орудія встрѣчаются лишь изрѣдка, за то часто
 ы изъ рога, и кости. Черепки посуды крайне грубой ра-
 кости въ кучахъ обыкновенно не встрѣчаются.
 болѣе изслѣдовавшій эти датскія отложения, полагаетъ,
 ы датскимъ гробницамъ каменнаго вѣка, такъ назы-
 ваемымъ дольменамъ, въ которыхъ впрочемъ, какъ уви-
 димъ далѣе, рядомъ съ прекрасными полированными
 орудіями изъ камня, встрѣчаются также въ изобиліи
 кости домашнихъ животныхъ; но онъ думаетъ, что на-
 селеніе къёккенмеддинговъ состояло изъ бѣдныхъ рыба-
 ковъ, тогда какъ дольмены принадлежали населенію бо-
 лѣе богатому и культурному. Противъ этого, еще на
 съѣздѣ въ Копенгагенѣ въ 1869 г., высказался Ворсо
 (Worsaae), раздѣлившій неолитическую эпоху въ Давіи
 на двѣ: на болѣе древнюю эпоху кухонныхъ кучъ и
 на болѣе позднюю эпоху дольменовъ, въ которыхъ по-
 падаются уже и металлическіе предметы. Къ этому
 взгляду присоединилось потомъ большинство изслѣдова-
 телей: Монтелиусъ, Катрфажъ, Картальякъ, Дезоръ, Со-
 фусъ Мюллеръ (дѣлитъ на 3 періода), Ундсетъ, а въ
 . позднѣйшее время и д-ръ Гернессъ. Находки послѣд-
 няго времени заставляютъ однако отчасти измѣнить это
 мнѣніе: часть кухонныхъ кучъ оказывается повидному
 менной дольменамъ ⁸⁴).

одобныя же кучи отбросовъ встрѣчаются въ различныхъ
 вѣту, причемъ иногда бываетъ трудно различить, слѣдуетъ
 ккенмеддингами или просто стоянками. Въ Швеціи онѣ
 ровинціи Скавін (Schonen), въ Норвегіи — на берегахъ
 Югландіи. Въ сѣверной Германіи Berendt изслѣдовалъ
 итическія кучи въ Tolke mit'ъ ⁸⁵) возлѣ Эльбинга, въ
 онѣ были найдены при устьѣ рѣки Соммы, на берегахъ
 иг'ѣ на Аррескомъ о-вѣ, въ St. Valéry, а главнымъ
 ge'ѣ, въ мѣстности, называемой Roches de la Torche; въ
 ѣ Уэльскомъ, въ Perth'ѣ, Chwareu, въ Корнуэльсѣ,

въ Девонширѣ и въ Шотландіи. Очень интересныя кучи, отличающіяся отъ датскихъ только другими видами раковинъ (*Lutragia compressa*), были открыты въ Португаліи. Замѣчательный кьеккенмеддингъ, найденный уже въ 1863 г. Рыбейрой въ Mugesъ на р. Тахо, служилъ въ то же время и мѣстомъ погребенія. Въ немъ были найдены человѣческія кости, сложенныя такими правильными кучками, которыя позволяютъ заключить, что мертвыя тѣла были сначала очищены отъ мяса, послѣ чего были уложены въ порядкѣ. Другая подобная же находка была сдѣлана въ Salvaterra на р. Тахо и описана Riveiro и Paula e Oliveira⁸⁶). Кремневые орудія этой находки весьма несовершенны; шлифовки еще вовсе нѣтъ, какъ нѣтъ и гончарныхъ издѣлій. Человѣческихъ скелетовъ было найдено до сихъ поръ до 200 и между ними, что очень удивительно, вдвое больше женскихъ, чѣмъ мужскихъ. Особую группу представляютъ собою венгерскіе кьеккенмеддинги. Они расположены въ видѣ холмиковъ по берегамъ рѣкъ, протекающихъ по Альфольдской низменности. Такъ какъ опредѣленіе древности этихъ кучъ остается спорнымъ, и обыкновенно ихъ относятъ къ бронзовой эпохѣ, то и мы упомянемъ о нихъ даѣе, тѣмъ болѣе, что по своему строенію онѣ болѣе всего подходятъ къ такъ назыв. итальянскимъ террамарамъ бронзовой эпохи. Кучи отбросовъ были найдены также въ Моравіи, напр. въ Ольмюцѣ, но онѣ до сихъ поръ не изслѣдованы и относятся вѣроятнѣе всего къ позднѣйшей эпохѣ.

Кромѣ Европы кьеккенмеддинги встрѣчаются еще въ большомъ количествѣ въ Японіи, въ Сибири (въ послѣднее время замѣчательная находка этого рода была сдѣлана г. Маргаритовымъ на берегахъ Амурскаго залива), въ Индіи, во всей Сѣверной Америкѣ по берегамъ озеръ (гдѣ онѣ носятъ названіе shell-mounds), во Флоридѣ, въ Бразиліи и Патагоніи (*sambaquis* и *paraderos*), въ Австраліи, на Андаманскихъ островахъ и т. д.

Неолитическія пещеры. Очень естественно, что человѣкъ и на болѣе высокой степени культуры не пренебрегалъ удобнымъ убѣжищемъ отъ непогоды, которое доставляли ему пещеры, а поэтому неудивительно, что какъ въ неолитическую эпоху, такъ и во времена еще болѣе позднія, мы постоянно встрѣчаемся съ пещерными жилищами. Весьма часто мы находимъ наѣ первоначальнымъ, не содержащимъ въ себѣ культурныхъ остатковъ слоевъ пещернаго наноса, прежде всего культурный слой постпліоценовой эпохи, а надъ нимъ слой съ предметами позднѣйшихъ культуръ, неолитической и металлической. Что и въ тѣ времена, когда умѣнье строить жилища было уже вполне развито въ извѣстныхъ странахъ, какъ напр. въ Италіи въ концѣ республики и въ эпоху цезарей, люди жили еще въ пещерахъ, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельства Діодора, временъ Цезаря и Флора, II-го столѣтія нашей эры, упоминающія о лигурійскихъ троплодитахъ, жившихъ

въ сѣверныхъ Аппенинахъ *). Болѣе точныя извѣстія о подобныхъ жилищахъ мы имѣемъ относительно среднихъ вѣковъ (въ Чехіи они существуютъ и понынѣ); извѣстны напр. пещерныя поселенія въ Крыму, на Кавказѣ и проч. Признакомъ неолитическихъ пещеръ можетъ служить то, что онѣ часто—искусственныя (подобныя извѣстны уже намъ въ Россіи на Днѣпрѣ—переходной эпохи) и что ими пользовались и для погребенія. Однѣ служили только для жилья, другія—только для погребенія, а нѣкоторыя и для обѣихъ цѣлей. Чаще всего люди жили въ пещерѣ, а потомъ въ нихъ же и были погребены. Подобное погребеніе въ прежнемъ жилищѣ представляетъ собой

мы мы неоднократно встрѣчаемся и въ доисторической, и въ современной этнографіи.

Находки неолитическихъ пещеръ доставила намъ опять-таки прежде всего тѣ изъ нихъ, о которыхъ мы говорили о четвертичномъ человѣкѣ, и которыя, по крайней мѣрѣ къ костяки,—многими изслѣдователями относятся къ неолиту какъ напр. Ориньякская пещера, гдѣ человѣкъ жилъ еще въ пещерѣ, по найденные въ которой остатки погребеній принадлежатъ многимъ, уже къ позднѣйшей эпохѣ; Кроманьонская пещера и т. д. **) Остановимся подробнѣе на интереснѣйшихъ находкахъ барона де-Байе (J. de-Baye) въ долинѣ р. Petit-Marny. Де-Бай нашелъ тамъ рядъ пещеръ, искусственно вырубленныхъ въ скалахъ каменными орудіями, слѣды которыхъ легко различить на стѣнахъ. По его мнѣнію пещеры эти служили, а потомъ для погребенія; по мнѣнію же другихъ, только для послѣдней цѣли. Въ пещеру вели сѣни или длинная аллея, закрытая большой каменной плитой. Въ пещерѣ де-Бай нашелъ множество, около 2000, человѣческихъ костей въ одной изъ пещеръ вдоль стѣнъ было уложено рядами съ правильностью, напоминающей сложенные дрова, или всякаго порядка (только кости молодыхъ особей), въ другой очень немного, но за то при нихъ было гораздо больше погребеній предметовъ. Рядомъ съ костяками попадались, а также и сожиганія покойниковъ; одна такая пещера была со-

людить = житель пещеръ, греческаго происхожденія, отъ слова

геологъ Бойдъ Даукинсъ (Boyd Dawkins) исключаетъ вообще сожиганій четвертичнаго человѣка слѣдующія пещеры: пави- , фронтальскую, гендронскую, неандертальскую, гайленрейт-брюнигелъскую, кроманьонскую, ломбривскую, кавильонскую, аригскую,—нѣкоторыя—очевидно неправильно.

вершено наполнена пепломъ. Нѣкоторые черепа оказались трепанированными (объ этомъ обычаѣ мы упомянемъ подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи) или съ костяными и каменными амулетами. Предметы, положенные съ мертвыми, состояли главнымъ образомъ изъ каменныхъ топоровъ, стрѣлъ (очень многочисленны стрѣлы съ поперечнымъ лезвиемъ), сосудовъ безъ ушекъ, украшеній изъ камней, раковинъ, зубовъ и костей; найдены были также двѣ янтарныя бусы и одна изъ каллаита *). Чрезвычайно интересны вырѣзанныя на стѣнахъ нѣкоторыхъ изъ пещеръ рельефныя изображенія, представляющія то каменные топоры съ рукоятками, при чемъ самые топоры выкрашены черной краской (рис. 51), то подобія человѣческихъ фигуръ (въ пещерахъ въ Coizard, Courjonnet), въ которыхъ баронъ де-Бай желаетъ видѣть идолы домашнихъ боговъ **). Эти послѣдніе представляютъ очень грубо очерченную верхнюю часть женской фигуры, съ глазами, наполненными черной краской, съ сильно обозначенными грудями и съ какимъ-то шейнымъ украшеніемъ, на которомъ

Рис. 50 Каменная стрѣла съ поперечнымъ лезвиемъ.

Рис. 51. Каменный топоръ изъ пещеры въ Petit-Morin.

Рис. 52. Стѣнный рельефъ идола изъ пещеры въ долину Petit-Morin.

виситъ предметъ, окрашенный желтою краской—вѣроятно янтарь (ср. рис. 52). Гернесь считаетъ эти изображенія подражаніями какому нибудь грубому женскому идолу ⁸⁸⁾.

*) *Каллаитъ*—минералъ зеленоватаго цвѣта, близкій къ бирюзѣ, очень рѣдкій и интересный по отношенію къ французскимъ и испанскимъ неолитическимъ находкамъ. ⁸⁷⁾

**) Подобныя скульптурныя изображенія были неоднократно находимы во Франціи въ неолитическихъ гробницахъ.

Кромѣ этихъ интересныхъ пещеръ во Франціи былъ найденъ еще цѣлый рядъ другихъ, при чемъ всѣ онѣ служили также и мѣстомъ погребенія. Сюда относятся пещеры въ Duruthy возлѣ Sordes въ департ. Нижнихъ Пиренеевъ (неолитическія, содержащія въ себѣ кости, расположены надъ палеолитическими); пещера въ Рена-Blanque въ Арбасѣ (деп. Верхней Гаронны), въ Негме возлѣ Roix, въ Оргоу (деп. Уазы) и т. д. ⁸⁹). Наиболѣе находится ихъ въ долинѣ Арьежа и въ Лозерскомъ департаментѣ, въ дикихъ ущельяхъ рѣкъ Йонты и Тарна. Сюда относится знаменитая пещера Grotte de l'homme mort въ St. Pierre des Trépiers, въ которой было найдено 50 скелетовъ, пещера въ St. Georges de Levejas и «Beaumes-Chaudes» съ нѣсколькими сотнями человѣческихъ костяковъ, уложенныхъ такимъ образомъ, что всѣ черепа находились возлѣ одной стѣны.

Подобныя же погребальныя пещеры встрѣчаются и въ Бельгіи (стр. 38); въ Англіи найдено было пять такихъ пещеръ около Perth-Chwagan въ горахъ Уэльса со скелетами, уложенными возлѣ стѣнъ въ сидячемъ положеніи или на корточкахъ. Между прочими домашними животными и собака служила здѣсь пищею человѣку. Въ Испаніи и Португаліи неолитическія пещеры съ человѣческими костями были найдены въ Тибралтарскихъ скалахъ (изслѣдовали ихъ Broome, Busk, Falconer), возлѣ Alhama въ Гренадѣ, возлѣ Palmieria, возлѣ Carvalhal-d'Aljubarrota (съ многими скелетами) и др. Интересное мѣсто погребенія найдено было въ пещерѣ «Cueva de los Murciélagos» въ Андалузіи, на южномъ склонѣ Сьерры-Невады. Внутри пещеры разложено было полукругомъ вокругъ женскаго скелета съ золотой діадемой на лбу—12 другихъ скелетовъ; кромѣ золотыхъ украшеній весь прочій инвентарь пещеры оказался однако вполне неолитическимъ (каменные топоры, костяные предметы, черепки посуды).

Въ Германіи и Швейцаріи нѣтъ также недостатка въ подобныхъ пещерахъ. Наиболѣе ихъ извѣстно во Франконіи, въ мѣстности между Байрейтомъ и Бамбергомъ, въ Баваріи ⁹⁰). Орудія, находимыя въ этихъ пещерахъ, главнымъ образомъ костяныя и изъ оленьихъ роговъ; каменные же рѣзки и небольшихъ размѣровъ. Поэтому нѣкоторые ученые хотѣли установить для Германіи даже особенную эпоху костяной культуры (Knochenzeit). Очень характерны здѣсь плоскіе каменные топоры съ отверстіемъ, проходящимъ сквозь широкія плоскости; они очевидно служили мотыками (рис. 53). Вообще эти франконскія пещеры образуютъ интересную и вполне обособленную въ географическомъ и культурномъ отношеніяхъ группу, отличающуюся отъ современныхъ имъ памятникоевъ сосѣднихъ странъ. О находкѣ многихъ человѣческихъ скелетовъ въ не-

Рис. 53. Каменная мотыка изъ неолитическихъ южно-пьемонтскихъ пещеръ.

олитической пещерѣ въ Штейнбахѣ, въ Горномъ Пфальцѣ, сдѣланъ былъ рефератъ проф. Ранке на археологическомъ съѣздѣ въ Мюнстерѣ въ 1890 г. Входъ въ эту пещеру былъ закрытъ большою плитой.

Очень интересны, хотя и сравнительно мало извѣстны, пещерныя находки, сдѣланныя въ Италіи. Часть итальянскихъ пещеръ естественныя, часть—искусственныя. Между первыми особенно замѣчательны лигурійскія пещеры, о нижнихъ пластахъ которыхъ, принадлежащихъ къ палеолитической эпохѣ, мы упоминали уже въ предыдущей главѣ: пещера въ Bergeggi, возлѣ Савоны (открыта недавно г. Е. Modigliani), Grotta delli Fate (въ ней недавно найдены многочисленные остатки пещернаго медвѣдя), а особенно пещера Pollega въ финальской долинѣ, изслѣдованная г. Morelli и «Grotte delle arene Candide» (изслѣдованная д-омъ Issel'emъ и Incongnato ⁹¹). Пещера Pollega была обитаема долго, но съ перерывами. Человѣкъ приходилъ туда и затѣмъ уходилъ разъ девять. Въ верхнемъ слоѣ ея были най-

Рис. 54. Пинтадеры съ Канарскихъ о-вовъ.

лены предметы уже чисто римскіе, по большая часть ея слоевъ относится однако все таки къ неолитической эпохѣ, судя по найденнымъ каменнымъ орудіямъ (нѣкоторые изъ ядента), примитивнымъ украшеніямъ и черепкамъ посуды. Оказалось также и нѣсколько мѣдныхъ вещей и три могилы съ костяками въ скорченномъ положеніи. Въ другой пещерѣ было найдено около 20 скелетовъ въ томъ-же положеніи, длинноголовыхъ, небольшого роста, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ красною краской; при нихъ же найдено было много украшеній изъ раковинъ и такъ назыв. пинтадеръ *). Искусственныя пещеры, которыхъ въ Италіи цѣлый рядъ, были описаны Foresi, Salinosi и главнымъ образомъ Chierici. Встрѣчаются онѣ больше всего въ средней и южной Италіи и на островахъ; чаще всего онѣ служили только для обитанія, но въ средней Италіи и для потребенія. Кьеричи дѣлитъ ихъ на пещеры четвероугольной формы и округленныя. Послѣднія могутъ быть соединены въ одну группу съ круглыми

*) Пинтадеры (слово испанское) — нѣчто въ родѣ штамповъ, употребляются и до сихъ поръ гуанчами Канарскихъ о-вовъ для дѣланія отпечатковъ на хлѣбѣ. Въ древности они могли употребляться, какъ это дѣлается и теперь въ Африкѣ и Америкѣ, для оттискиванія узоровъ на тѣлѣ для украшенія. Въ Европѣ онѣ рѣдки ⁹²).

ямами—это остатки жилищъ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить подробно, и Кьеричи, который изслѣдовалъ эти мѣстонахожденія, предполагаетъ тоже, не дѣлались ли эти пещеры или ямы для землянокъ. Несомнѣнно искусственнаго происхожденія и пещеры, называемыя «domos de Gianas» (жилища русалокъ) въ Сардиніи.

Изъ Италіи перейдемъ къ приморскимъ окраинамъ Австріи. Здѣсь нѣднѣ годы, благодаря трудамъ С. Marchesetti, I. Marinic'a и М. а, удалось открыть много пещеръ съ неолитическими отложениями. наиболѣе замѣчательными выдается терезіанская пещера въ возлѣ Montefalcone (грубые сосуды, расписанные и украшенные орнами изъ черточекъ, выполненныя бѣлою массой; кремневые орудія, кости домашнихъ животныхъ), пещера въ S-to. Canziano возлѣ въ Robigo, Gabrovica, Nabrezina («Лакса-яма»), Igono. юльскихъ альпахъ, въ долинѣ Эчи открыта была въ 1890 г. пещера итическими находками и человѣческими костями. Въ прочихъ альпійскихъ странахъ неизвѣстно до сихъ поръ сколько нибудь замѣчательныхъ, если не причислять сюда пещеру, изслѣдованную графомъ Вурмъ въ окрестностяхъ города Reggau.

о въ Венгріи, въ боковомъ корридорѣ Аггтелецкой пещеры (въ г. жупѣ) найдено было множество человѣческихъ костяковъ, положенныхъ возлѣ друга лицомъ къ землѣ. На головахъ ихъ лежалъ плоскій возлѣ него небольшіе сосуды, а по сторонамъ тѣла каменные орудія. этихъ скелетовъ, принадлежащіе какъ къ длинноголовому, такъ и къ головному типамъ, изслѣдованы были Руд. Вирховымъ. Очень большое число человѣческихъ костей (остатки около 1000 скелетовъ) дала также въ с. Лисковѣ (въ липтавской жупѣ), которая была раскопана въ 1861 г. L. Lóczy. Многія изъ этихъ костей носятъ на себѣ, какъ ка-слѣды каннибализма»). Въ Босніи г. Фіала открылъ въ 1893 г. пещеру, называемую «Маринова Печина» между Сараевымъ и Мокро, заключивъ въ себѣ неолитическія отложения. Фауна ея современна нашему и только присутствіе сурка—*Arctomys marmotta* указываетъ на юе измѣненіе климата. Изъ другихъ славянскихъ земель, относительно мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній, хотя и здѣсь, вѣроятно, въ рыхъ пещерахъ человѣкъ жилъ еще въ неолитическую эпоху, какъ въ пещерѣ св. Прокопа, возлѣ Праги. Но въ многочисленныхъ м-хъ пещерахъ человѣкъ несомнѣнно продолжалъ обитать отъ палеолитическо-и до неолита. Во многихъ изъ нихъ мы находимъ въ верхнихъ слояхъ ній остатки культуры позднѣйшей каменной эпохи. Къ такимъ пещерамъ относятся главнымъ образомъ Костеликъ (Пекарня, Диравица) съ разными сосудами, украшенными характерной орнаментацией (см. рис. 55)

и Выпустекъ возлѣ Бштинѣ съ подобнымъ же инвентаремъ и остатками домашнихъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ ранѣ польскихъ пещеръ въ окрестностяхъ Кракова нижніе культурные слои принадлежать къ палеолитической эпохѣ или къ переходной, верхніе же—къ неолитической (какъ напр. Maszusa); часть ихъ была обитаема человѣкомъ только въ теченіе позднѣйшаго каменнаго періода (на Milaszkówse, пещера у села Mników) и пр. Особеннаго упоминанія заслуживаютъ скульптурныя изображенія людей и животныхъ (см. рис. 56), найденныя въ Мниковѣ, въ слояхъ съ неолитической культурой, вмѣстѣ съ шлифованными каменными и костяными орудіями, съ пряслицами,

Рис. 55. Неолитическіе сосуды изъ пещеры «Выпустекъ».

черепками посуды и остатками домашнихъ животныхъ. Адр. де Мортилье и Э. Шантрѣ, осматривавшіе въ Краковѣ эти изображенія, выразили въ 1883 г. мнѣніе, что они поддѣльныя⁹⁴). Такой отзывъ вызвалъ назначеніе особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ проф. Лепковского, которая послѣ внимательнаго изученія спорныхъ предметовъ единогласно объявила ихъ настоящими. Впрочемъ, еще ранѣ были найдены подобныя же фигурки, вырѣзанныя изъ янтаря, на берегахъ Балтійскаго моря, напр. въ Schwatzgrubъ, и тоже были отнесены Клебсомъ и Тислеромъ къ неолитической эпохѣ. Въ послѣднее время однако г-ръ Вейгель причисляетъ ихъ къ славянской эпохѣ.

Рис. 56. Неолитическія скульптурныя изображенія изъ Краковскихъ пещеръ.

Въ Россіи, кромѣ тѣхъ пещеръ, о которыхъ мы уже упомянули выше, какъ о принадлежащихъ къ переходной эпохѣ отъ палеолитической къ неолитической, пещеръ съ неолитическими отложениями—насколько намъ извѣстно—нѣтъ.

Остатки неолитических жилищъ и культурныя ямы. Постоянное жительство подъ открытымъ небомъ въ теченіе неолитической эпохи въ большей части Европы было невозможнымъ. Зимнее время и непогода заставляли тогдашнихъ обитателей ея искать надежнаго убѣжища, а такъ какъ население размножилось и пригодныхъ для жилья пещеръ было немного, то пришлось прибѣгнуть къ устройству искусственныхъ жилищъ. Первые несомнѣнные слѣды подобныхъ построекъ являются въ неолитическую эпоху въ образѣ деревянныхъ свайныхъ построекъ Швейцаріи и каменныхъ сооружений южной и западной Европы.

Чаще всего однако долженъ былъ служить убѣжищемъ сдѣланный изъ дерева, хвороста, соломы или кожи — шалашъ или юрта съ землянкой. Подобныя жилища не могли разумѣется сохраниться, но они оставили послѣ себя нѣкоторые несомнѣнные слѣды. Человѣкъ, обитавшій въ подобномъ жилищѣ въ теченіи продолжительнаго времени, устраивалъ въ немъ свой очагъ и оставлялъ около него отбросы своей трапезы. Вслѣдствіе этого почва такого жилища скоро начинала отличаться отъ окружающей, и даже теперь, когда самыя жилища давнымъ давно исчезли, мѣста, гдѣ они стояли и гдѣ мы находимъ черную землю, золу и разные отбросы, указываютъ намъ, что на нихъ когда то стояло жилье человѣка.

Очаги (foyers) и культурныя или отбросныя ямы (Ustrinen, Trichtergruben, mardelles, penpits, weems) встрѣчаются въ большомъ количествѣ во всей западной Европѣ и представляютъ собой по большей части остатки доисторическихъ жилищъ. На поверхности почвы они представляются сѣрыми или темноватыми округленными пятнами, подъ которыми находятся углубленія котлообразной или воронкообразной формы, иногда и съ различнымъ образомъ наклоненными стѣнками, обыкновенно въ 1—2, рѣдко болѣе метровъ въ поперечникѣ. Глубиной чаще всего они бываютъ въ 1 м., но при большемъ діаметрѣ—въ 2—4 метра, и оказываются наполненными пепломъ или землею, смѣшанною съ углемъ и многочисленными кухонными отбросами (костями животныхъ, черепками посуды и т. п., между которыми попадаются и цѣльные предметы, орудія, посуда и т. п.). Иногда въ нихъ встрѣчаются и человѣческія кости, даже цѣлые скелеты. Долго не могли найти удовлетворительнаго объясненія этихъ ямъ. Иногда въ нихъ видѣли несомнѣнные слѣды погребенія, иногда же ихъ размѣры и содержаніе были таковы, что ихъ можно было принимать только за отбросныя или сорныя ямы. Въ отдѣльныхъ случаяхъ часто очень трудно разобраться, имѣемъ ли мы передъ собою котлообразную могилу съ остатками сожженія трупа или же простую яму съ отбросами, или яму, возлѣ которой стояло когда-то жилье и въ которую выбрасывали кухонные остатки и всякій хламъ. Но несомнѣнно, что оба эти объясненія не должны исключать другъ друга. Сосуды съ остатками трупо-

сожжения и человѣческіе костяки встрѣчаются очень часто въ ямахъ, наполненныхъ пепломъ и разными предметами, которые мы скорѣе можемъ признать за постепенно накопившіеся отбросы, чѣмъ за остатки тризны, совершавшейся надъ умершимъ. Однимъ словомъ мы полагаемъ, что часть этихъ культурныхъ ямъ представляетъ собою остатки жилья и погребенія—вмѣстѣ.

Всякому, кто познакомился ближе съ жизнью нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ, должно быть хорошо извѣстно, что у нихъ отношеніе живыхъ къ мертвымъ совершенно иное, чѣмъ у насъ. У нихъ мы находимъ въ видѣ общаго правила вѣру въ то, что душа человѣческая не исчезаетъ, но продолжаетъ жить и требуетъ для своего существованія на томъ свѣтѣ того же, чего требовала и на землѣ. Эта-то вѣра и заставляетъ класть въ могилу умершаго разные предметы, служившіе ему при жизни — оружіе, пищу и питье, даже слугъ и жену; та же вѣра вызываетъ обычай предоставлять для дальнѣйшаго жительства покойника—его собственную хижину. Можно было бы привести рядъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что примитивныя племена въ разныхъ частяхъ свѣта хоронятъ своихъ мертвыхъ или возлѣ ихъ жилья, или даже въ самомъ жилищѣ*), независимо отъ того, остаются ли наслѣдники сами жить въ хижинѣ или оставляютъ ее. Тамъ же, гдѣ исключительное предоставленіе жилища умершему требуетъ связаннаго съ неудобствами и издержками сооруженія новаго жилья, прибѣгаютъ часто къ такому ухищренію, что ставятъ надъ могилой небольшую модель жилища, или же строятъ для всѣхъ умершихъ одно общее сооруженіе.

Сообразно законамъ развитія человѣчества, установленнымъ трудами Леббока, Тайлора, Спенсера и др., не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первобытный европейскій чловѣкъ думалъ и поступалъ совершенно такимъ-же образомъ, а этимъ легко объясняются и находки человѣческихъ костей въ такъ называемыхъ отбросныхъ ямахъ. Нѣтъ надобности, слѣдовательно, предполагать въ каждомъ такомъ случаѣ погребальную тризну, хотя мы не отрицаемъ возможности примѣненія мѣстами и такого объясненія. Въ могилѣ, наполненной остатками тризны, трудно было-бы ожидать встрѣтить—какъ это мы видимъ въ ямахъ позднѣйшаго періода—тигли и льячки для плавки рудъ и металловъ, куски окарины и т. п. отбросы. Во всякомъ случаѣ только тщательныя изслѣдованія подобныхъ мѣстонахожденій могутъ окончательно разрѣшить вопросъ, что такое представляютъ собою эти такъ называемыя те-

*) Клеммъ считаетъ обычай погребать мертвыхъ въ ихъ собственной хижинѣ за первоначальный способъ погребенія у всѣхъ американскихъ индѣйцевъ; подобный же обычай извѣстенъ Вайтцу у многихъ африканскихъ племенъ (у дагомейцевъ, фулаховъ, готтентотовъ и пр.); онъ также часто встрѣчается въ Азіи, Австраліи и на о-вахъ Тихаго Океана.

перъ «культурныя ямы», многія изъ коихъ относятся уже къ эпохѣ зна-
ми, хотя другія, судя по формамъ сосудовъ и ихъ орна-
ментамъ и т. д.,—составляютъ, несомнѣнно, остатки нео-

Въ этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ также кремневые
каменные шлифованные бруски, издѣлія изъ кости и
иногда грузила конусообразной или пирамидальной формы

яныя грузила.

Рис. 58. Глиняныя пряслицы.

цы (рис. 58), фрагменты другихъ предметовъ изъ обо-
жженныхъ, каменныхъ и костяныхъ украшеній и т. п.

тояла или хижина, сдѣланная изъ дерева, прутьевъ или
иной крышей, или шалашъ, покрытый кожами на подобіе
иатскихъ номадовъ. Часто такія хижины бывали обмазаны

можно видѣть по обожженнымъ кускамъ такой обмазки,
гдѣ хижины (что очень часто случалось) падали въ яму и

иногда стѣны состояли можетъ быть изъ одной только
плѣты очагъ, а дымъ выходилъ сквозь отверстіе въ крышѣ,
писанія подобныхъ жилищъ у разныхъ народовъ сохранились

къ писателей, Витрувія, Ксенофонта, Тацита. Въ описаніи
Малой Азіи упоминается о землянкахъ, а Тацитъ повѣ-
щаетъ, что они дѣлаютъ себѣ или глиняныя хижины или

землѣ для убѣжища зимою и для сохраненія припасовъ.
тъ, что часть подобныхъ ямъ могла служить уже въ нео-

исключительно для храненія запасовъ, на что прямо
оры находки, какъ наприм. въ Ленгіалѣ въ Венгріи, въ
ин и пр. *). Съ достаточной вѣроятностью можно возста-

видѣ первобытныхъ жилищъ на основаніи нѣкоторыхъ

мы для храненія запасовъ употребляются и въ настоящее
Испаніи, Венгріи, Польшѣ и Россіи. Въ глинистой почвѣ вы-
емъ зажигаютъ въ ней огонь, чтобы стѣнки ея затвердѣли, и
въ нихъ зерновой хлѣбъ. Отверстіе наверху прикрывается

находокъ, главнымъ образомъ погребальныхъ урнъ, воспроизводящихъ собою жилища въ миниатюрѣ⁹⁵). Хотя эти урны и позднѣйшаго происхожденія, относятся уже къ эпохѣ металловъ (въ Даніи, Германіи и Италіи,—въ послѣдней главнымъ образомъ изъ Альба-Лонги), но нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ нихъ, особенно круглыя и не имѣющія дверей, а только отверстіе въ крышѣ, представляютъ собою сохранившіяся изображенія примитивныхъ хижинъ. Подобныя же изображенія первобытныхъ жилищъ, покрытыхъ тростникомъ или соломой, можно видѣть также на барельефахъ колоннъ Марка Аврелія, Антонина и Траяна въ Римѣ. Хижины-же четырехугольныя и съ дверьми, какъ кажется, уже болѣе поздняго происхожденія (рис. 59).

Другое подражаніе жилищамъ каменнаго періода представляютъ собой датскія могилы съ камерой внутри, въ которую ведутъ одинъ или два хода, такъ называемые Ganggräber (рис. 60). Первое указаніе на это было сдѣлано шведскимъ археологомъ Нильсономъ, и съ тѣхъ поръ оно получило

Рис. 59. Погребальная урна въ видѣ хижины изъ Альбано.

Рис. 60. Датская могила съ камерой и двумя ходами.

всеобщее признаніе. До настоящаго времени многіе сѣверные народы живутъ—лѣтомъ въ легкихъ шалашахъ, а зимою переселяются въ сдѣланныя на половину въ землѣ юрты (рис. 61). Арабскій путешественникъ Ибнъ-Даста рассказываетъ о приуральской Чуди, что она поселяется на зиму въ ямахъ, покрытыхъ деревянною крышею и засыпанныхъ сверху землей.

ны встрѣчаются или порознь, или довольно большими ющими думать, что эти жилища составляли селенія. Солищескія поселенія охранялись отъ непріятелей осо-

твія и земнія жилища Камчадаловъ (по Лёббоку).

въ родѣ валовъ, поэтому мы упомянемъ здѣсь также и литическихъ городищахъ (camp fortifié, fort, Burg-

азывается доисторическое укрѣпленіе, защищенное валомъ или (глины) или камня вокругъ какого нибудь мѣста, ко- охранѣ и защитѣ. *) Если такое мѣсто расположено въ низменности, то оно обыкновенно окружено кольцевымъ и сложнымъ — изъ нѣсколькихъ концентрическихъ рядовъ. имыкаеть съ одной стороны къ естественной преградѣ, ъ, высокимъ мысомъ въ рѣку или озеро, то валомъ за- лѣ доступныя его стороны. Чаще всего при постройкѣ нѣе обращалось вниманіе на то, чтобы мѣстность пред- ственную защиту, поэтому большая часть городищъ рас- шенностяхъ, главнымъ образомъ на высокихъ обрывахъ, і нѣсколько сторонъ ихъ защищены отвѣснымъ непри-

особый видъ валовъ, до сихъ поръ еще какъ слѣдуетъ не гавляютъ собою такъ назыв. обожженные или остекло- arts vitrifiés, Glasburgen, vitrified forts), отличающиеся тѣмъ, оторого они сдѣланы, былъ какимъ-то способомъ обожженъ одое состояніе, такъ что часто образуетъ настоящие стекло- ле этотъ совершенно особенный видъ валовъ былъ описанъ мъ William'омъ въ Шотландіи; въ 1837 Dr. Zirre описалъ Чехии. Мы будемъ говорить о нихъ еще далѣе.

ступнымъ скатомъ, а то мѣсто, гдѣ возвышенность примыкаетъ къ другой возвышенности или представляетъ пологій спускъ, ограждено валомъ. Достоянствъ въ городище устраивался черезъ проходъ въ валу и является часто защищеннымъ изнутри и извнѣ особыми башнями. На самыхъ валахъ устраивались, повидимому, частоколы изъ заостренныхъ бревенъ.

Городища сооружались однако не для одной только защиты. Повидимому часть ихъ имѣла и другое, именно религіозное назначеніе, служила для охраны священныхъ мѣстъ. Изъ тѣхъ-же, которыя служили для защиты, только нѣкоторыя были постоянно обитаемы, т. е. заключали въ себѣ селенія. Другая-же часть городищъ служила только временнымъ убѣжищемъ для жителей равнинъ, принужденныхъ отступать передъ непріателемъ и спасать себя и свое имущество. Невозможно однако-же опредѣлить, даже съ приблизительной точностью, назначеніе городищъ по ихъ виду и способу сооруженія, какъ это дѣлали прежде, такъ какъ видъ валовъ и способъ ихъ постройки обуславливались прежде всего самымъ характеромъ мѣстности и почвы. Къ этимъ вопросамъ мы впрочемъ еще вернемся, когда будемъ говорить объ эпохѣ, къ которой относится большинство городищъ въ средне-европейскихъ и славянскихъ странахъ, именно къ концу доисторическихъ временъ. Но извѣстная часть ихъ принадлежитъ, по времени своего сооруженія, и къ неолитической эпохѣ, а поэтому намъ необходимо сказать о нихъ нѣсколько словъ здѣсь. Точное хронологическое опредѣленіе городищъ еще труднѣе, чѣмъ выясненіе ихъ назначенія. Какимъ образомъ узнать, къ какой эпохѣ они относятся? Въ пластахъ земли, находящихся внутри валовъ, мы часто находимъ остатки и неолитической и позднѣйшихъ эпохъ, которые свидѣтельствуютъ только, что на этомъ мѣстѣ жили люди и въ теченіи каменнаго вѣка. Но было-ли это мѣсто именно тогда и ограждено валами, были ли самые валы насыпаны именно въ ту эпоху—это бываетъ часто очень трудно опредѣлить. Городище съ неолитическими находками нельзя еще признать несомнѣнно неолитическимъ. Вѣрнѣе всего древность вала можетъ быть опредѣлена находками въ немъ самомъ и надъ нимъ. Внутри городища могутъ быть культурные слои разныхъ эпохъ,—внизу неолитическіе, а сверху—эпохи металловъ. Если мы не находимъ въ насыпи вала никакихъ культурныхъ остатковъ, то мы можемъ предполагать, что онъ былъ сооруженъ въ то время, когда здѣсь жили еще неолитическіе обитатели; если мы найдемъ тутъ предметы неолитической эпохи, напримѣръ черепки посуды и т. п., но ничего такого, что указывало бы на эпоху металловъ, то это будетъ также свидѣтельствовать, что валъ насыпанъ въ неолитическую эпоху или на границѣ ея съ эпохой металловъ. Предметы металлической культуры, находимые въ насыпи, свидѣтельствуютъ уже безошибочно объ ея болѣе позднемъ происхожденіи. Подобнаго рода изслѣдованія были

однако до сихъ поръ только изрѣдка, и вообще имѣется очень щѣ, раскопанныхъ обстоятельно и вполне научнымъ образомъ. Но, весьма возможно, что нѣкоторые городища, которые мы считаемъ неолитическими, окажутся впоследствии болѣе поздними, и этой же самой причинѣ и авторы сочиненій по доисторическимъ воздерживаются обыкновенно отъ хронологической классификаціи, относя ихъ все въ одну рубрику. И мы здѣсь, хотя и имѣемъ распредѣленія городищъ по разнымъ эпохамъ, но, въ силу несовершенствъ, не можемъ придавать этому распредѣленію рѣшенія.

Ямы и городища очень многочисленны почти во всей Европѣ. Мы здѣсь указываемъ только на наиболѣе типичныя изъ нихъ. Въ юго-западнѣйшей Франціи, въ деп. Сартрѣ, въ Сартригнѣ, мы имѣемъ рядъ извѣстныхъ уже намъ стоянокъ въ Сартригнѣ и въ окрестностяхъ. Въ Сартригнѣ, въ Сартригнѣ, мы имѣемъ рядъ круглыхъ отбросныхъ ямъ. Изъ большого количества городищъ однимъ изъ наиболѣе изслѣдованныхъ можно считать на вершинѣ Рен-Ришаръ въ Тенасъ (въ деп. Нижней Вьенны). Это, состоящее изъ двойнаго вала съ пятью каменными башнями, относится къ неолитической эпохѣ, и въ немъ было найдено много предметовъ и погребеній этого времени. Рядъ другихъ древнихъ городищъ изслѣдованъ въ Вогезскихъ горахъ, на сѣверовостокѣ Франціи, въ деп. Наварры. Въ Бельгіи Дюпонъ (Dupont) относитъ къ этой эпохѣ въ Настедонъ, которымъ позже пользовались римскіе войска. Въ Настедонѣ, въ Настедонѣ, мы имѣемъ рядъ кургановъ (barrows), встрѣчаются въ большомъ количествѣ каменные «Hut-Circles» — культурныя ямы съ кремневыми орудіями и грубой посуды безъ орнамента. Затѣмъ извѣстны также

Рис. 62. Шотландскія ульеобразныя жилища.

около неолитическаго поселенія въ Cissbury возлѣ Worthingham (Wiltshire) въ Anglesham (Berkshire) и т. д. Но, къ каменному періоду (отчасти и къ бронзовому) относятся и ульеобразныя жилища въ Шотландіи (Beehive Houses). Они, впрочемъ, были обитаемы еще въ 1823 году. Они образуютъ селенія (рис. 62). Въ Испаніи, бывшей до послѣднихъ

времени страной еще совсѣмъ неизслѣдованной, братья Сирэ (Siret) и Картайякъ (Cartailhas) нѣсколько лѣтъ тому назадъ произвели рядъ раскопокъ съ весьма интересными результатами. Братья Сирэ изслѣдовали главнымъ образомъ побережье между Картагеной и Альмеріей (75 килом. длины и 35 килом. ширины). Они нашли тамъ большое количество доисторическихъ стоянокъ, изъ которыхъ 75 отнесены ими къ неолитической эпохѣ. Здѣсь жилища строились уже изъ камня, какъ показываютъ слѣды каменной кладки вокругъ культурныхъ ямъ. Съ появленіемъ металловъ здѣсь стали воздвигаться и настоящіе каменные дома ⁹⁷). Въ Швейцаріи вмѣсто хижинъ на землѣ сооружались озерныя постройки, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь. За то въ Италіи остатки жилищъ на землѣ такъ назыв. «fondi di sarappe» очень многочисленны и обнаруживаютъ полное сходство съ культурными ямами. Гончарныя издѣлія въ нихъ двухъ типовъ, болѣе грубыя и болѣе тонкія, отличающіяся отъ керамики позднѣйшихъ итальянскихъ свайныхъ построекъ, такъ называемыхъ террамаръ, откуда Кастельфранко заключаетъ, что эти послѣднія были обитаемы уже другимъ населеніемъ. По остаткамъ фауны мы можемъ думать, что неолитическое населеніе Италіи жило главнымъ образомъ охотой. Интересно, что здѣсь, по изслѣдованіямъ Strobel'я, не найдено было остатковъ собаки, тогда какъ въ свайныхъ постройкахъ она уже появляется. За то эти ямы современны съ упомянутыми выше пещерами. И тѣ и другія Chierici, Issel и Pigorini приписываютъ одному и тому-же народу, называемому первымъ изъ этихъ ученыхъ Иберо-Лигурами. Индійскія жемчужныя раковины (*Meleagrina margaritifera*), найденныя въ итальянскихъ отбросныхъ ямахъ этой эпохи, свидѣлствуютъ, что уже въ очень отдаленныя времена существовали торговыя сношенія между Италіей и Востокомъ.

Изъ городищъ къ концу неолитическаго періода относится городище (по итальянски *castellaccio*) возлѣ Имолы, выдающееся своимъ сходствомъ съ культурой террамаръ ⁹⁸). Сюда-же приходится отнести и изслѣдованныя въ послѣднее время укрѣпленныя поселенія въ приморскихъ австрійскихъ земляхъ, главнымъ образомъ въ Истріи. Эти «Castellieri» (славян. градище) только отчасти принадлежатъ къ каменному вѣку, напримѣръ городище въ Вилланова (*Villanova*); большая же часть ихъ позднѣйшаго происхожденія. Въ альпійскихъ областяхъ Австріи культурныхъ ямъ было найдено очень немного (въ Штиріи онѣ найдены въ Глейхенбергѣ, Тиролѣ, недавно открыты въ Меранѣ на холмѣ Ипполита); за то здѣсь мы встрѣчаемся съ извѣстными свайными постройками на озерахъ. Вообще, какъ Верхняя такъ и Нижняя Австрія, къ югу отъ Дуная, сравнительно бѣднѣ неолитическими находками, чѣмъ къ сѣверу отъ него. Въ сѣверной части Верхней Австріи замѣчательно городище на Гоченбергѣ (*Gotschenberg*), на р. Мюльбахѣ,

гдѣ находилась также большая мастерская каменныхъ орудій. Въ Нижней Австріи находятъ множество неолитическихъ культурныхъ ямъ, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Горна и Эггенбурга, съ черепками, украшенными очень характернымъ орнаментомъ (сосудъ съ отверстиями въ стѣнкахъ и посуда, окрашенная въ бѣлый и красный цвѣта). Культурныя ямы съ интересными сосудами, среди которыхъ особенно выдаются покрытые шипами и поставленные на ножкахъ—были найдены въ Zierdorfъ, въ Weikersdorfъ, Hippersdorfъ и пр. Между Мангартовой горой и р. Моравой находится также рядъ неолитическихъ городищъ, изслѣдованныхъ д-ромъ Мухомъ. Главнѣйшія изъ нихъ—Vitusberg и Heidenstatt въ Лимбергѣ; первое изъ нихъ было обитаемо непрерывно до позднѣйшихъ временъ ⁹⁹). Въ Германіи извѣстны многочисленныя культурныя ямы въ Мекленбургскомъ округѣ (какъ напримѣръ въ Dreweskirchenъ, въ Wismarъ, въ Breesenъ, въ Rhenъ и пр.), въ Пруссіи, Помераніи, Брауншвейгѣ и т. д. Въ этихъ странахъ и въ Баваріи онѣ бывають очень большихъ размѣровъ, до 15 метровъ въ діаметрѣ, и иногда окружены на подобіе вала набросанной глиною ¹⁰⁰).

Въ Венгріи было найдено большое количество поселеній неолитической эпохи. Наиболѣе важное изъ нихъ и наилучше изслѣдованное—это безъ сомнѣнія городище возлѣ Lengye въ тольнайской жупѣ. Оно было раскопано свящ. М. Возинскимъ, а послѣ него Р. Вирховымъ и др. ¹⁰¹). Городище, находящееся въ имѣніи графа Al. Арпоуи, обнесено двойнымъ валомъ. Внутри его было найдено два большихъ кладбища со скелетами въ скорченномъ положеніи, одно (западное) неолитической эпохи, а другое (восточное) нѣсколько болѣе поздней, переходной къ эпохѣ металловъ, и кромѣ того цѣлый рядъ остатковъ жилищъ, ямъ ульеобразной формы, разбросанныхъ между могилами. Ямы эти отъ 3 до 4 метровъ глубины и на днѣ отъ 2 до 3-хъ въ поперечникѣ, имѣли стѣны, обложенныя прутьями и обмазанныя глиною; внутрь ихъ входили черезъ отверстіе сверху по бревну или по лѣстницѣ. Кромѣ этихъ подземныхъ ямъ для жилья попадалось еще много меньшихъ ямъ, только около 1 метра глубины, надъ которыми стояли нѣкогда особыя хижины, а также ямъ, наполненныхъ зерновымъ хлѣбомъ въ большихъ сосудахъ, которыя очевидно служили зернохранилищами. Между найденными тамъ предметами очень характерны миски на высокихъ ножкахъ (рис. 63), множество цѣльныхъ и поломанныхъ каменныхъ орудій, праслицъ, украшеній, сосуды съ отверстиями въ стѣнкахъ, сосуды съ ушками на подобіе листьевъ клевера, раскрашенные сосуды, подобные южно-греческимъ и гиссарликскимъ изъ Малой Азіи, и пр. Очень интересны также такъ называемыя «изображенія луны» (Mondbilder) изъ глины, которыхъ тамъ было найдено около сорока. Ихъ принимали сначала за подставки подѣ

голову, употребляемая и въ настоящее время многими дикарями для снажья и бывшія извѣстными также въ древнемъ Египтѣ (рис. 64). Но новыя находки подобныхъ предметовъ, въ окрестностяхъ Oedenburg'a въ Венгріи, показываютъ, что это былъ или какой-то особый родъ идоловъ, или скорѣе подставки для предметовъ, приносимыхъ по обѣту (ex voto). Полумѣсяцы,

Рис. 63. Миска а ножкѣ.
(Lengyel).

найденные въ Oedenburg'ѣ, принадлежатъ впрочемъ уже болѣе позднему времени. Гернесъ (Hoernes) относитъ ихъ, равно какъ и находки въ Lengyel'ѣ, къ эпохѣ металловъ. Другіе большіе валы—можетъ быть неолитиче-

Рис. 65. Глиняный идолъ изъ Эденбурга.

скаго происхожденія—находятся возлѣ только что упомянутаго Oedenburg'a въ шопронской жупѣ, съ некрополемъ и остатками жилищъ эпохи болѣе поздней.

Въ прочихъ странахъ, прилегающихъ къ Венгріи, также были найдены неолитическія стоянки; въ Буковинѣ, Седмиградской области и

въ Румыніи ихъ цѣлый рядъ и, что очень интересно, онѣ обнаруживаютъ много слѣдовъ вліянія восточныхъ культуръ, подобно тому, какъ и стоянка въ Lengyel, какъ напримѣръ описанная г. Diamandi стоянка въ Сисутени, о которой мы упоминали уже на стр. 77, мѣстонахожденія въ Baičeni, Radačeni въ сѣверной Молдавіи и др., гдѣ были найдены расписныя вазы, украшенныя линейнымъ (завитками) и фигурнымъ (изображеніями всадниковъ, оленей и пр.) орнаментомъ, напоминающимъ нѣкоторые микенскіе сосуды, кромѣ того человѣческія статуэтки изъ терракоты, изображенія звѣрей и т. п. Г. Одобеску справедливо видитъ въ нихъ связь греческой и азіатской культуръ съ средне-европейскою ¹⁰²). Признаки этого восточнаго вліянія мы можемъ прослѣдить до Галліи и Моравіи, особенно въ орнаментации сосудовъ (см. далѣе). На самомъ Балканскомъ полуостровѣ мнѣ извѣстны только неолитическія поселенія въ Босніи, найденныя Радимскимъ (Radimsky) на вершинѣ Sobunar'a и въ Бутмирѣ (Butmir) возлѣ Сараева. Последнее изъ нихъ, наиболѣе интересное, было осмотрѣно между прочимъ членами археологическаго конгресса въ Сараевѣ въ августѣ 1894 г. Это—донисторическая стоянка безъ малѣйшихъ слѣдовъ металла, давшая громадное количество топоровъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій, кремневыхъ осколковъ, черепки посуды, остатки угля и пепла въ очагахъ, находившихся другъ надъ другомъ и представлявшихъ остатки прежнихъ жилищъ отъ 5 до 7 метровъ въ діаметрѣ. Во время конгресса мнѣнія присутствовавшихъ археологовъ раздѣлились. Пигорини (Pigorini) и Мунро (Munro) находили, что эта стоянка представляетъ собою нѣчто въ родѣ террамаръ (см. далѣе), тогда какъ Радимскій, Германнъ и Р. Вирховъ были того мнѣнія, что это остатки нѣсколькихъ, послѣдовательно смѣнявшихся поселеній на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Не смотря на то, что здѣсь было найдено нѣсколько древнихъ свай, большинство высказалось въ пользу второго мнѣнія. По мнѣнію Г. де Мортилье поселенія эти были въ то-же время и мастерской каменныхъ орудій ¹⁰³).

Чехія и Моравія очень богаты находками неолитической эпохи, не только остатками поселеній, но и могильниками, причемъ въ послѣднихъ слѣды трупосожженія встрѣчаются сравнительно рѣдко ¹⁰⁴). Но до сихъ поръ все-таки еще очень трудно сдѣлать точное распредѣленіе встрѣчающихся въ этихъ странахъ культурныхъ ямъ по донисторическимъ эпохамъ. Эта группа мѣстонахожденій является здѣсь одною изъ наиболѣе загадочныхъ и наименѣе изслѣдованныхъ, а потому мы упомянемъ только о нѣсколькихъ мѣстностяхъ, изученныхъ болѣе обстоятельно. Очень хорошо изслѣдованы напр. неолитическія поселенія, открытыя Франкомъ (Fr. Franc) возлѣ дер. Штаглавице (Stahlavice), въ бассейнѣ р. Уславы въ Пильзенскомъ округѣ и главнымъ образомъ на вершинѣ холма на Взу и у города Lopotа ¹⁰⁵). Слѣды поселеній, нахо-

дящиеся въ двухъ послѣднихъ мѣстностяхъ, древнѣе, чѣмъ штаглавскіе; сосуды въ нихъ проще, сдѣланы самымъ примитивнымъ образомъ, и просверленные топоры еще неизвѣстны. Въ культурныхъ же ямахъ у Штаглавицы просверленные топоры уже многочисленны. Другую важную стоянку представляетъ собой мѣстонахожденіе въ кирпичныхъ заводахъ въ Чаславѣ. Въ окрестностяхъ этого города г. Кл. Чермакъ (Čermák) уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занимается разысканіемъ слѣдовъ неолитическихъ поселеній ¹⁰⁶). До

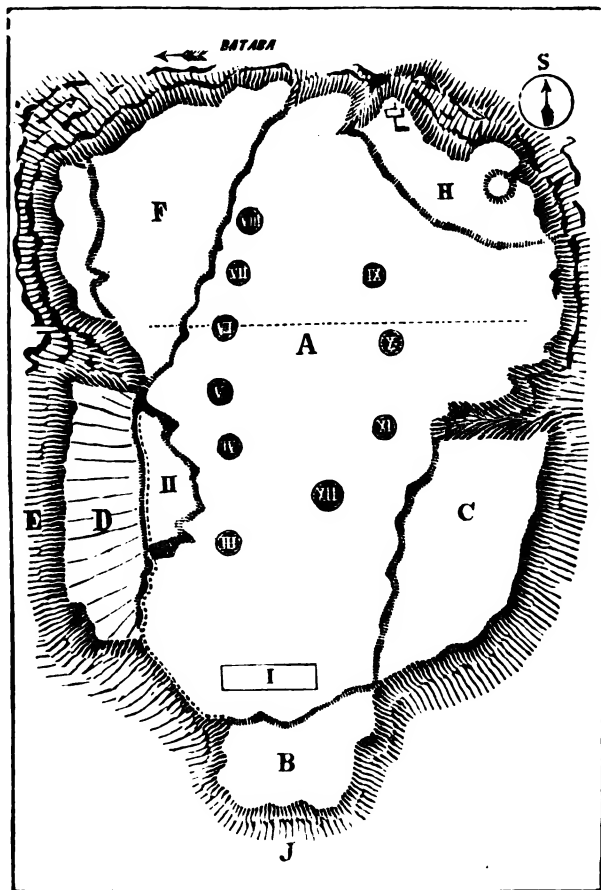

Рис. 66. Планъ городища на Рживначи съ остатками жилищъ.

сихъ поръ было изслѣдовано болѣе 30 ямъ съ неолитическими находками: каменными топорами, черепками посуды, украшенной точечнымъ орнаментомъ, столь характернымъ для неолитической культуры,—скребками, кремневыми ножнами и осколками, костяными предметами, пряслицами, костями домашнихъ

животных, главнымъ образомъ быка, овцы, козы, свиньи, — составляющими обыкновенный инвентаръ чешскихъ культурныхъ ямъ неолитической эпохи. Въ одной изъ нихъ былъ найденъ и человѣческій скелетъ. Подобныя же ямы были найдены въ Пшемышлени и въ Подбабѣхъ возлѣ Праги (въ Пшемышлени — также и человѣческіе скелеты), въ Жаланахъ, Полехахъ, Новомъ Быдзовѣ, Вел. Горкахъ, Ржепинѣ (человѣч. кости), у Буделова возлѣ Часлава, Велик. Липнѣ, Йіноницахъ, Прашинѣ, Шлюмчанахъ, Дивичѣ, Солопискахъ, Блажимѣ, Устѣ надъ Лабой, Трмицѣ (человѣч. кости) и т. д. и т. д. ¹⁰⁷). Вообще они чрезвычайно многочисленны въ сѣверо-западнѣй Чехіи. Изъ чешскихъ городищъ, древность которыхъ, судя по находкамъ, достигаетъ до неолитической эпохи, заслуживаютъ упоминанія городище въ Шаркѣ съ большимъ количествомъ каменныхъ орудій ¹⁰⁸) и главнымъ образомъ доисторическое поселеніе на вершинѣ Рживначи (Rivnáci) возлѣ Розтокъ надъ Влтавою, съ остатками 10 округлыхъ жилищъ чисто неолитическаго происхожденія ¹⁰⁹) (ср. планъ на рис. 66). Ямы эти были наполнены пепломъ, кусками обожженной глины, костями, черепками посуды и разными орудіями изъ камня и кости. Все это было вполне неолитическаго характера и только сверху было найдено нѣсколько предметовъ металлическихъ. Далѣе сюда же относятся нижніе слои «на Hrádku» въ Чаславѣ, городище «на Zámkách» возлѣ Богницы ¹¹⁰), городище на Сланской горѣ и на вершинѣ Рубина возлѣ Подборжанъ (Podbořany).

Моравія тоже очень богата неолитическими стоянками. Остатки очаговъ (иногда заключающіе въ себѣ и человѣческіе скелеты) были открыты въ стоянкахъ въ Мировцѣ (Mirovce) возлѣ Мyto, Malomerice, Nováves, Mohavsky Krumlov, Husovice, Romín, въ разныхъ мѣстностяхъ вокругъ города Ольмюца (Naklo, Prikazy, Chavvaty, Namest), въ окрестностяхъ Жору (Žory), на берегахъ р. Ольшавы, возлѣ Знайма (стоянка Novosady) съ расписными сосудами и статуэтками изъ терракоты *), Velke Mažovice, etc. Изъ городищъ возлѣ Bile Hory и Divčiho hradu въ Палавскихъ горахъ особенно замѣчательно изслѣдованное въ послѣднее время Leskouп возлѣ Моравскаго Крумлова, на вершинѣ котораго было нѣкогда тоже неолитическое поселеніе ¹¹¹). Интересно отмѣтить, что усилившіеся розыски древностей на Лескунѣ дали поводъ мѣстнымъ рабочимъ начать под-

*) Эта керамика носитъ на себѣ слѣды несомнѣннаго восточнаго вліянія и проникла въ Моравію черезъ Венгрію и Галицію. Остатки ея были неоднократно находимы въ Моравіи въ отложеніяхъ неолитической эпохи (Novosady, Rajhrad, Ořechovička, Mohavov, Holubice и пр.). Другой типъ неолитической керамики въ Моравіи представляютъ собой сосуды различныхъ формъ, украшенные узоромъ изъ линий, прерывающихся углубленіями. (Ср. рис. 55, съ правой стороны).

дѣлывать каменные орудія и прочіе предметы. На предметахъ, отправленныхъ въ Вѣну, этотъ обманъ обнаружился вполне явственно. Наиболѣе же изслѣдованное изъ всѣхъ городищъ находится въ Кіерісе, возлѣ Знайма. Г. Яромиръ Палліарди собралъ тамъ превосходную коллекцію орудій и прочихъ неолитическихъ предметовъ, между которыми чрезвычайно интересны сосулы съ пластическими украшеніями ¹¹²).

Какъ уже сказано, точная и опредѣленная классификація чешско-моравскихъ ямъ по ихъ древности очень затруднительна. Не будетъ также удивительнымъ, если кто-нибудь изъ изслѣдователей станетъ считать нѣкоторыя изъ зачисленныхъ нами сюда мѣстонахожденій скорѣе за мѣста погребенія тѣмъ за жилища, а равно и наоборотъ. Подобныя опредѣленія при краткихъ и недостаточныхъ описаніяхъ всегда бываютъ неточны. Случается нерѣдко, что въ ямѣ, имѣющей во всемъ прочемъ совершенно неолитическій характеръ, оказываются и бронзовые предметы и даже желѣзные (какъ напр. въ Чаславѣ). Является вопросъ, попали ли туда эти предметы позже и случайно, или ихъ надо считать современными ямѣ и признать, что найденный въ ней инвентарь удерживался тамъ отъ каменной эпохи до желѣзной? Разрѣшить это чрезвычайно трудно и приходится говорить только объ общемъ характерѣ содержимаго этихъ мѣстонахожденій.

Подобныя же культурныя ямы встрѣчаются и за предѣлами Моравіи, хотя свѣдѣнія о нихъ, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ сѣверовостоку, становятся болѣе рѣдкими, главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ на нихъ мало было обращено вниманія. Въ Силезіи онѣ попадаются напр. возлѣ Ратибора (по мнѣнію Гёрнеса сюда же относятся и городища Burgberg и Schallenberg возлѣ Кглов'а; въ Россіи—довольно много ихъ было найдено по обоимъ берегамъ рѣкъ Хрона и Нѣмана Глогеромъ; ¹¹³) затѣмъ попадаютъ онѣ въ окрестностяхъ Кіева; несомнѣнно относящіяся къ неолитической эпохѣ селѣбища съ остатками пепла были найдены профессорами А. А. Штукенбергомъ и Н. О. Высоцкимъ въ окрестностяхъ Казани на Маломъ Бугрѣ, у села Карташихи и т. д. Вообще свѣдѣній до сихъ поръ еще слишкомъ мало, хотя то, что есть, показываетъ уже, что этого рода стоянки встрѣчаются и на востокъ. Нѣкоторыя русскія городища началомъ своимъ также принадлежать къ неолитической эпохѣ, какъ напр. Дьяковское городище возлѣ Москвы, въ нижнихъ слояхъ котораго В. И. Сизовъ нашелъ только каменные и костяные предметы.

Мы упоминали уже раньше о томъ, что человѣкъ слѣдовалъ шагъ за шагомъ за великимъ сѣвернымъ ледникомъ, который къ концу ледниковаго періода отступалъ къ сѣверу. Вслѣдствіе этого ни въ Скандинавіи, ни въ Даніи, ни въ Финляндіи, ни даже въ сѣверной Германіи мы не встрѣчали опредѣленныхъ слѣдовъ пребыванія тамъ четвертичнаго человѣка. За то въ

неолитическую эпоху сѣверныя окраины средней Европы съ Даніей были населены уже довольно густо и даже въ Скандинавіи было уже достаточно многочисленное населеніе. Мы уже говорили о неолитическихъ находкахъ въ кьёккенмёдингахъ на побережьи Даніи и Сѣверной Германіи, которыя съ очевидностью свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ существованіи въ этихъ странахъ человѣка въ теченіи неолитическаго періода. На съѣздѣ въ Стокгольмѣ, въ 1874 году, когда каменный вѣкъ сѣверныхъ странъ былъ главнымъ предметомъ разсужденій, Ворсо (Worsaae) доказывалъ, что культура, аналогичная культурѣ датскихъ кьёккенмёдинговъ, въ Скандинавіи не обнаружена. Тѣмъ не менѣе, послѣ этого, главнымъ образомъ въ провинціи Сканіи (Schonen), были найдены кремневые орудія совершенно того же типа, хотя, правда, довольно рѣдкія, и очень можетъ быть, что въ Скандинавіи поселился уже народъ болѣе поздней и развитой культуры. Интересно во всякомъ случаѣ, что уже въ теченіи каменнаго вѣка, по словамъ Монтелиуса, здѣсь обнаруживается одновременное присутствіе двухъ разныхъ культуръ, принадлежавшихъ двумъ разнымъ народамъ. Кремневые орудія, многочисленные въ южныхъ провинціяхъ Швеціи, исчезаютъ постепенно къ сѣверу, гдѣ ихъ замѣняютъ орудія изъ чернаго сланца. То-же самое замѣчается, по изслѣдованіямъ О. Rygh'a, и въ Норвегіи. Оба ученые приписываютъ эти сѣверныя издѣлія изъ сланца короткоголовымъ лапландцамъ, кремневые же, тамъ находимыя, длинноголовому арійскому племени, праотцамъ нынѣшнихъ шведовъ и норвежцевъ, пришедшимъ, по ихъ мнѣнію, уже въ неолитическую эпоху, откуда-то съ береговъ Чернаго моря, изъ страны близкой къ Дунаю. Съ тѣхъ поръ въ Скандинавію не появлялось никакого новаго народа.

Свайныя постройки.

Въ высшей степени интересную и своеобразную группу поселеній, начало которыхъ относится къ неолитической эпохѣ, представляютъ собою безспорно свайныя или озерныя постройки (palafittes, habitations lacustres, lake dwellings, Pfahlbauten). Мы видѣли уже, что Габр. де Мортилье называлъ вторую, позднѣйшую часть неолитической эпохи — эпоху свайныхъ построекъ, Робенгаузенскою, по имени стоянки въ Робенгаузенѣ, на Пфеффиконскомъ озерѣ въ Швейцаріи. Свайныя постройки дѣйствительно начались въ эту эпоху, но существовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до гораздо болѣе поздняго времени, въ теченіи всего бронзоваго и даже желѣзнаго періода. Тѣмъ не менѣе, мы помѣстимъ общее описаніе ихъ здѣсь, для того чтобы въ слѣдующихъ главахъ имѣть возможность говорить о нихъ, какъ о вещи уже извѣстной, и только указать на то, чѣмъ позднѣйшія свайныя постройки отличаются отъ неолитическихъ. Естественно, что свайныя постройки могли возникнуть только тамъ, гдѣ была вода и притомъ вода, сравнительно, спокойная; овѣ не могли бы выдержать напр. прибои

открытаго моря. Вслѣдствіе этого постройки такого рода мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, на озерахъ и болотахъ. Между европейскими странами наиболѣе пригодной въ этомъ отношеніи была богатая озерами Швейцарія, гдѣ эти доисторическія свайныя постройки были впервые открыты и до сихъ поръ наиболѣе изслѣдованы. Поэтому, дѣлая общій очеркъ этихъ построекъ, и ихъ культуры, мы будемъ основываться, по преимуществу, на швейцарскихъ находкахъ, и лишь слегка коснемся свайныхъ построекъ Италіи, Австріи и Германіи ¹¹⁴).

Въ неолитическую эпоху альпійскіе ледники мало разнились по своимъ размѣрамъ отъ нынѣшнихъ, и альпійскія долины были покрыты такою же богатою растительностью и были такъ же удобны для жизни, какъ и современные. Берега прелестныхъ швейцарскихъ озеръ и тогда уже манили къ себѣ поселенцевъ. Рыбы и дичи было изобиліе, а поэтому и не удивительно, что уже въ неолитическую эпоху Швейцарія была населена довольно густо, и притомъ именно на самыхъ озерахъ, не на берегахъ ихъ, но прямо надъ водою. Что именно заставляло древнихъ обитателей этой страны возводить съ большимъ трудомъ свои постройки надъ водою—въ разстояніи отъ 50 до 100 и болѣе метровъ отъ берега—это очень трудно объяснить. Поступали ли они такимъ образомъ въ виду большаго удобства для рыбной ловли, или для огражденія себя отъ дикихъ звѣрей, или для лучшей защиты отъ непріятеля? Вѣроятно здѣсь оказывали вліяніе всѣ эти причины. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что почти всѣ швейцарскія озера, въ теченіи эпохъ неолитической, бронзовой, а отчасти даже и римской, были покрыты жилищами, отстоявшими иногда довольно далеко отъ берега и построенными на высокихъ сваяхъ, вбитыхъ въ озерное дно.

В. Гроссъ (V. Gross), одинъ изъ самыхъ лучшихъ знатоковъ свайныхъ построекъ, дѣлитъ эти сооруженія, относящіяся къ каменной эпохѣ, на слѣдующія три группы ¹¹⁵).

1) Постройки древнѣйшей эпохи. Отличаются бѣдностью орудій, отсутствіемъ топоровъ изъ привознаго матеріала и преобладаніемъ сдѣланныхъ изъ мѣстныхъ породъ серпентина, діорита, соскурита. Посуда грубая, сдѣланная отъ руки, никакихъ слѣдовъ металловъ. Сюда относятся стоянки въ Chavannes, Vingave и др.

2) Постройки позднѣйшей эпохи, съ орудіями, тщательно отдѣланными, просверленными, съ топорами изъ рѣдкихъ горныхъ породъ: нефрита, ядента и хлормеланита, происхожденіе которыхъ и до сихъ поръ еще остается загадочнымъ; посуда, гораздо болѣе искусно сдѣланная; появляются первые слѣды мѣди или бронзы. Сюда относится большая часть стоянокъ: Latrigen, Locras, Concise, Wangen, Robenhausen, Wauwyl, Meilen и проч.

3) Постройки переходной эпохи отъ каменнаго вѣка къ бронзовому.

изукотя многочисленными предметами изъ мѣди, которые указываютъ на существованіе въ Швейцаріи мѣдной эпохи (Fenil, Suts, Saint-pr.).

ныя постройки сооружались приблизительно слѣдующимъ образомъ: на найденое на озерѣ подходящее мѣсто, хорошо защищенное отъ вѣтра и возможно болѣе удаленное отъ берега, на немъ прежде всего вбивалось необходимое количество свай. Какимъ образомъ производилась эта работа—не такъ легко сказать. Самыя сваи приготовить было не трудно (обыкновенно дубъ) сваливалось при помощи огня, конецъ его обрубался каменнымъ топоромъ *). Гораздо труднѣе было вбить сваи. Дѣлалось это вѣроятно такъ (въ особенности, гдѣ дно было твердымъ), что избранное мѣсто засыпалось пескомъ и камнями до такой высоты, чтобы сваи могли держаться въ этомъ слоѣ совершенно крѣпко. На выбранномъ мѣстѣ строилась постройка изъ бревенъ, а на немъ уже становились хижины изъ бревенъ и соломы, обмазанныхъ глиной (ср. прилаг. рис.). Куски обожженной глины съ ясными отпечатками прутьевъ были находимы неоднократно и подтверждаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что подобныя постройки часто уничтожались пожарами. На такихъ именно мѣстахъ и было найдено, на днѣ озера, остатки обгорѣлыхъ свай, наибольшее количество и притомъ именно въ томъ образѣ сохранившихся предметовъ. Вполнѣ понятно, что если бы постройка была оставлена безъ присмотра, то все, что было лучшаго, было-бы взято ими съ собой, и археологъ не нашелъ бы среди такихъ построекъ почти ничего, кромѣ развѣ какихъ нибудь отломковъ негодныхъ предметовъ. Хорошо сохранившіяся вещи, находимыя въ этихъ постройкахъ, нѣкоторые объясняли даже тѣмъ, что онѣ были вбиты въ воду нарочно, въ видѣ жертвы духамъ озера; но объясненіе это не даетъ для себя достаточныхъ основаній.

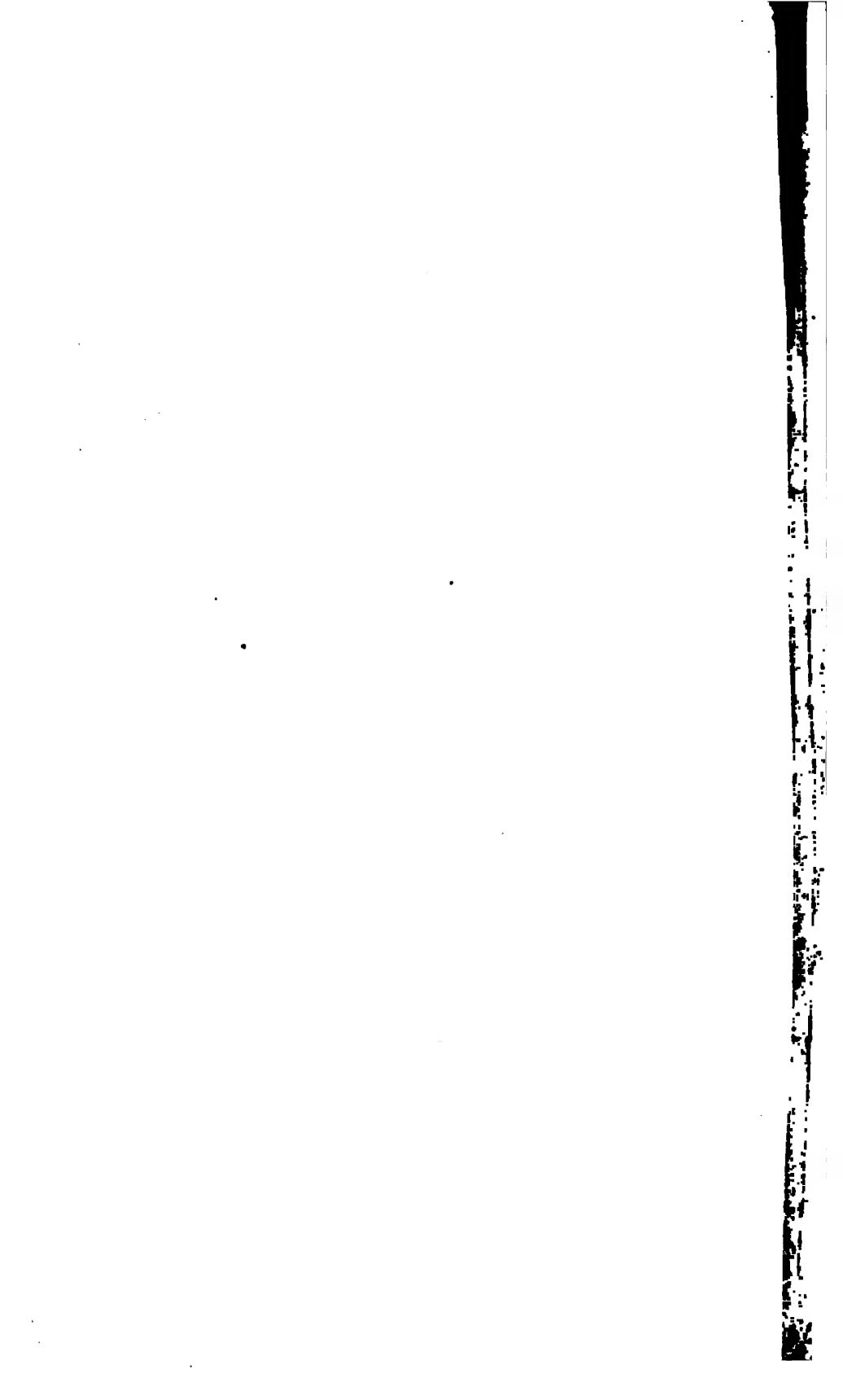
Сваи были первымъ указаніемъ къ открытію свайныхъ построекъ. Вѣроятно въ нихъ были найдены разнотолщины культурные слои.

Но все это можно было сдѣлать каменными орудіями—лучше всего доказательствомъ сего служитъ Даннигъ, который успѣлъ съ помощью однихъ только топоровъ построить цѣлую хижину. Такого рода постройки дѣлаются и теперь, напр. племя бакаировъ въ Бразиліи, при помощи только дюритовыхъ топоровъ. Г. Франкъ нашелъ въ Шуссенрихѣ цѣлую ипжнюю часть деревни этой эпохи. Подобная же хижина, найденная въ торфяникѣ въ Донегалѣ въ Ирландіи, была сдѣлана, по мнѣнію Леббока, еще каменными орудіями. Наконецъ прекраснымъ доказательствомъ того, что все это могло быть сдѣлано одними только каменными топорами, могутъ служить большія каменные таптяны, построенные изъ четырехугольных коралловыхъ плитъ и отесанныхъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ достоверно извѣстно, что они построены съ помощью только каменныхъ орудій.

100

Табл. II. Воспроизведение швейцарской свайной постройки.

2

Свай въ иныхъ мѣстахъ оказывалось множество. Такъ напр. Вангенское поселеніе было расположено на 30—40 тысячахъ свай, Робенгаузенское на болѣе тѣмъ 100.000. Нѣкоторые вычисляли и величину хижинъ, и на основаніи этого вычисленія пробовали опредѣлять количество населенія; но всѣ такія вычисленія могутъ быть, разумѣется, только болѣе или менѣе приблизительными.

Описаннымъ способомъ была построена вѣроятно большая часть этихъ сооружений. Только нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ исключеніе, какъ напримѣръ интересная постройка у Niederwyl'я на Эгельскомъ озерѣ (такъ назыв. «Rackwegkbaui»). Тамъ былъ прежде всего приготовленъ изъ бревенъ какой-то плавучій плотъ, около 2-хъ метровъ толщиною, затѣмъ нагруженъ и опущенъ на уровень воды, послѣ чего надъ нимъ сдѣланъ былъ новый плотъ и также опущенъ, затѣмъ третій и такъ, далѣе пока вся постройка не достигла наконецъ дна и прочно не уперлась въ него. Каждая хижина имѣла такимъ образомъ свой собственный искусственный островокъ около 8 метр. длины и 6 м. ширины. Нѣчто подобное было констатировано также въ стоянкахъ въ Inkwyll'ѣ и Wauwyl'ѣ. Аналогичныя сооружения представляютъ и ирландскіе и шотландскіе кранноги (crannogs). Это тоже искусственно сдѣланные изъ бревенъ и камней острова.

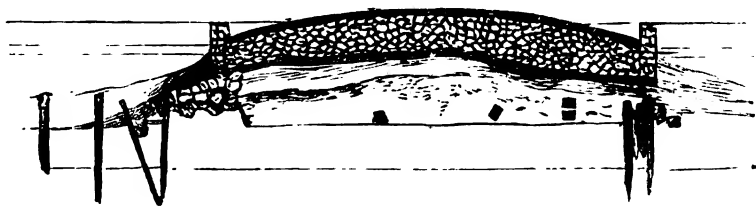

Рис. 67. Разрѣзъ ирландскаго краннога (по Леббоку).

Такой видъ имѣли швейцарскія свайныя постройки извнѣ. Присмотримся теперь ближе къ жизни и культурѣ ихъ обитателей. Человѣкъ ловилъ рыбу или дома, просто съ постройки, или спускался по лѣсенкѣ въ челнокъ изъ выдолбленнаго ствола и ловилъ рыбу посреди озеръ. Кромѣ рыболовства онъ занимался также охотой на сушѣ, воздѣлывалъ свое поле на берегу, и тамъ же, повидимому, хоронилъ и своихъ мертвыхъ. Человѣческія кости на лѣ озера представляютъ большую рѣдкость, да и тѣ, которыя были найдены, относятся по большей части къ позднѣйшимъ временамъ. Надо однако признать, что и мѣста погребенія на сушѣ до сихъ поръ необъяснимо рѣдки. Наиболѣе замѣчательную находку этого рода представляетъ собой гробница изъ каменныхъ плитъ, заключавшая въ себѣ 12 скелетовъ конца неолитической эпохи и найденная въ Auvernier.¹¹⁰⁾ Свайное поселеніе въ Шам-

древняго типа, дурно обожженные на огнѣ и съ грубымъ орнаментомъ (рис. 70), и болѣе поздняго, орнаментированные гораздо искуснѣе, а также и сосуды деревянные и роговые; затѣмъ угли, обожженные куски глиняной обмазки,

Рис. 70. Черепокъ сосуда болѣе древняго типа изъ швейц. свайн. постр.

кошки изъ лошадиныхъ костей для катанья по льду (въ Moosseedorfѣ), гребни, звѣринныя и человѣческія кости, куски грубыхъ тканей (рис. 71), бичевокъ, зерна хлѣбныхъ растений, чаще всего обгорѣлыя, фрукты и прочіе съѣдобныя предметы; въ Робенгаузенѣ было даже найдено что-то въ родѣ хлѣба, скорѣе лепешка, сохранившая на своей поверхности отпечатки пальцевъ. Мы

Рис. 71. Кусокъ ткани изъ свайнаго поселенія въ Робенгаузенѣ.

узнаемъ отсюда, что неолитическіе обитатели Швейцаріи были уже знакомы съ земледѣліемъ и разводили изъ хлѣбныхъ растений главнымъ образомъ пшеницу (*Trit. vulg. antiq.*), ячмень (*Hord. hexastichum* и *H. distichum*), просо, ленъ (хотя и въ иной разновидности, чѣмъ нашъ) и разныя фруктовыя деревья, но не знали еще овса, ржи, гороха, чечевицы и другихъ овощей. Изъ животныхъ они питались больше всего мясомъ оленей, быковъ

черная для четвертичной стоянки въ Тайингенѣ
вершено, и вмѣсто нея появляются домашнія жи-
воца, овца, рогатый скотъ и, можетъ быть, лошади,
да впрочемъ очень рѣдка ¹¹⁷).

Восточнаго вѣка встрѣчаются главнымъ образомъ въ
западной же преобладаютъ позднѣйшія свайныя
я. Впрочемъ, это географическое различіе по новѣй-
шій такъ рѣзко выражено, какъ думали прежде,
и притомъ очень замѣчательныя, были обнару-
жены. Возможно также, что обѣ группы хроноло-
гическія, чѣмъ казалось прежде, и что разница въ сте-
пени объясняема скорѣе тѣмъ, что западная группа
связана съ юга. Мы назвали уже выше нѣсколько
нѣтъ, поэтому и не станемъ заниматься дальнѣйшимъ
сравненіемъ къ свайнымъ постройкамъ другихъ странъ

въ, какъ швейцарскія озера, были заселены и под-
даны. Тѣмъ не менѣе, итальянскія свайныя постройки
мѣтъ къ болѣе поздней эпохѣ, и только нѣкоторыя изъ
нихъ въ эпоху неолитическую, какъ о томъ свидѣ-
нны болѣе древніе культурные слои. Итальянскія на-
ходятъ въ пятидесятихъ годахъ Пигорини и Стробе-
люса ихъ изслѣдованіе началось только съ 1863 года,
Буркхардтъ и Стоппани сдѣлали свою первую научную
работу ¹¹⁸). Главныя находки доставляетъ теперь свай-
ной эпохи въ Lagozza, открытое Ломбардомъ въ
животныхъ и обиліе растительныхъ остатковъ сви-
дѣнны обитатели этого поселенія были не охотники, но
то Сорделли нашелъ здѣсь наиболѣе древнія зерна
содержаніе это было изслѣдовано Сорделли, Регац-
цуба группа свайныхъ построекъ, которую итальян-
«palafitte Varesine», расположена на берегахъ
о оокрестностяхъ, въ Cazzaga-Brabia, Biandronna,
Варанскомъ, Варанскомъ и др. Главная стоянка на за-
одится на искусственномъ островкѣ Isolina (на-
Virginia). Она была изслѣдована Дезоромъ, Валь-
, а въ послѣднее время главнымъ образомъ Ронше

а открыта G. Мого въ торфяникахъ Mercurago, возлѣ

(Bonchet) и Регацциони. При раскопкѣ почвы этого острова было обнаружено пять слоевъ, изъ которыхъ второй снизу оказался наиболѣе богатымъ археологическими остатками. Между сваями и бревнами найдено было здѣсь множество предметовъ каменнаго періода. Свайное поселеніе этого острова существовало однако очень долго, до эпохи металловъ, при чемъ вслѣдствіе накопленія отбросовъ почва его постоянно повышалась. Кастельфранко полагаетъ, что жители этого острова были лигуры. Прочія врезскіе палафитты, несмотря на то, что въ нихъ постоянно находятъ каменные предметы и мало металлическихъ, относятся уже, по мнѣнію итальянскихъ ученыхъ, къ бронзовому вѣку. Къ этой же эпохѣ относитъ Пигорини и свайную постройку на озерѣ Arqua возлѣ Падуи, не смотря на то, что въ ней тоже были находимы каменные орудія. За то Ragazzi относитъ палафитты между Vho и S. Lorenzo Guazzone къ періоду неолитическому.

Свайныя постройки были найдены не только на южномъ, но и на сѣверномъ склонѣ Альпъ, въ нынѣшней южной Германіи. «Островъ розъ» (Roseninsel), на Штрамбергскомъ, или иначе Вюрискомъ озерѣ въ Баваріи, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ. Но за то одинъ изъ видовъ неолитическихъ свайныхъ построекъ былъ найденъ въ торфяникахъ возлѣ Шуссенрида, въ Верхней Швабіи, на нижнихъ сваяхъ которыхъ сохранились остатки деревянныхъ жилищъ. Въ послѣднее время остатки древнихъ свай были констатированы и въ другихъ баварскихъ озерахъ (Alpsee, Chiemsee, Kochelsee и т. д.) ¹¹⁹⁾. Но гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія свайныя постройки Сѣверной Германіи, расположенныя, главнымъ образомъ, въ Мекленбургѣ и въ Помераніи ¹²⁰⁾. Древность ихъ остается, впрочемъ, еще спорною. Большая часть ихъ, какъ доказалъ Р. Вирховъ, относится несомнѣнно къ позднѣйшимъ эпохамъ, когда употребленіе желѣза было уже вполне распространено, и главнымъ образомъ къ такъ называемой славянской эпохѣ; поэтому мы упомянемъ о нихъ далѣе на своемъ мѣстѣ. Къ неолитической же эпохѣ съ большою сдержанностью Лиссауеръ (Lissaueg) причисляетъ свайное поселеніе на Чешевскомъ (Czeszew) озерѣ у рѣки Велны, а Р. Вирховъ—уже очень опредѣленно—свайную постройку на Шонтагскомъ (Szontag) озерѣ въ Восточной Пруссіи. Къ болѣе древнимъ и существовавшимъ отъ конца неолитической до бронзовой эпохи принадлежатъ также стоянки въ Дисмарѣ въ Мекленбургѣ, и Gägelowo возлѣ Шверина, изслѣдованныя Лишемъ, свайная постройка на Уцкерскомъ озерѣ между Штеттиномъ и Н. Стрелицомъ и одна изъ свайныхъ построекъ на Сольдинскомъ озерѣ въ Штарнбергѣ въ Бранденбургѣ. Населеніе этихъ свайныхъ построекъ было здѣсь то же самое, какъ и населеніе жилищъ на сушѣ.

Западная Европа несравненно бѣднѣе свайными постройками. Во Франціи онѣ были найдены въ Альпахъ, въ Савойѣ на озерѣ Бурже (Bourget)

ingvaux, на озерѣ Paladru въ Изер-
 Аббвилля на р. Соммѣ и въ дру-
 гихъ уже къ бронзовому вѣку. Въ Ан-
 густенные островки въ Ирландіи
 кранноги. Но и они относятся
 къ существовать даже въ исто-
 декиллинскомъ озерѣ въ Roscommon's,
 въ Португаліи, Бельгіи и Голландіи
 извѣстны. За то альпійскія и подаль-
 въ этомъ отношеніи наиболѣе замѣ-
 рное мѣсто занимаютъ между ними
 и съ своими прекрасными озерами въ
 е, Mondsee, Almsee). Нѣкоторые уче-
 его послѣдователи, относятъ свайныя
 це къ гораздо болѣе позднимъ вре-
 мени, но безъ достаточныхъ основа-
 ния главнымъ образомъ графомъ
 принадлежатъ еще неолитической эпохѣ
 швейцарскими, не удержались въ
 металловъ. Первые признаки бронзы
 наступленіемъ настоящей бронзовой
 исчезла. Главныя стоянки были на

Рис. 73. Сосудъ изъ св. постр. на
 Аттерскомъ озерѣ.

Attersee, въ Kammer'ѣ, и пр. Ха-
 сосуды, сдѣланные отъ руки, снаб-
 линейнымъ орнаментомъ, при чемъ
 нены бѣлымъ веществомъ (рис. 72,

73). Кроме этих мѣстностей подобныя же сооруженія были открыты въ Хорутанин, въ Цѣловцѣ (Scelowitz) и особенно въ Крайнѣ, въ обширномъ торфяникѣ, расположенномъ недалеко отъ города Люблянѣ, изъ которыхъ была изслѣдована Дешианомъ стоянка въ Brunndorfъ ¹²³). Это свайное поселеніе отличается постоянно орнаментированной посудой, какъ и предыдущее (рис. 74). Каменные орудія въ немъ рѣдки и добывались повидимому болѣе путемъ торговли, за то очень многочисленны предметы изъ кости и рога; кроме того было найдено и много предметовъ металлических. Жители питались главнымъ образомъ рыболовствомъ, охотой на птицъ (лебедей, пеликановъ, корморановъ, аистовъ, утокъ и т. д.) и на звѣрей (оленей, кабановъ, бобровъ, зубровъ и пр.), но разводили также и домашнихъ животныхъ, главнымъ образомъ овецъ, меньше козъ, крупный рогатый скотъ, свиней и два вида собакъ. Остатковъ лошади не оказалось, такъ же точно какъ и хлѣбныхъ растений, но повидимому тамъ разводили ленъ, а изъ съѣдобныхъ плодовъ собирали водяной орѣхъ (Tara natans), лѣсные орѣхи и черешни.

Рис. 74. Изъ свайной постр. возлѣ Люблянѣ.

Въ Чехіи послѣ долговременныхъ розысковъ только въ 1889 г. удалось открыть остатки какой-то свайной постройки въ торфяникѣ въ Fgaptiškouš lazni, заключавшей въ себѣ каменные орудія и топорикъ изъ мѣди; изъ домашнихъ животныхъ здѣсь найдены были лошадь, собака, быкъ и свинья. За то въ Моравіи было найдено и изслѣдовано много свайныхъ построекъ, особенно въ Оломуцѣ (Olmütz) и въ Nakla, но всѣ онѣ относятся къ позднѣйшимъ эпохамъ. Д-ръ Ванкель даетъ свѣдѣнія о подобныхъ же находкахъ возлѣ Кожушанъ и Хорватъ, но намъ неизвѣстно о нихъ до сихъ поръ никакихъ подробностей. На берегахъ Нейзидерскаго озера въ Венгріи графъ Bela Szecsenyi нашелъ въ 1874 г. множество неолитическихъ орудій на мѣстѣ древней свайной постройки ¹²⁴).

Относительно восточной Европы были извѣстія объ открытіи свайныхъ построекъ въ Припетскихъ болотахъ Полѣсья, у истоковъ Березины, на Аратскомъ озерѣ въ Балтскомъ уѣздѣ Подольской губ., возлѣ села Квачалы на Вислѣ, въ Галиціи—въ Ярославѣ на р. Сянѣ, затѣмъ въ сел. Дялко въ Люблинской губ. Слѣды подобныхъ же сооружений найдены были также въ уѣздахъ Плоцкомъ, Новогрудскомъ, Мозырскомъ, а по словамъ Шантра и въ Мингреліи на Кавказѣ, гдѣ они извѣстны были еще въ древности Гиппократу (у колхидянъ на р. Фазисѣ). Древность всѣхъ ихъ представляется впрочемъ сомнительной. Древніе писатели оставили намъ довольно

подобномъ образѣ жизни (уже въ историческую эпоху) у
 между которыми извѣстіе Геродота о Пэонахъ, на Пра-
) Тракии, заслуживаетъ того, чтобы быть здѣсь воспроиз-
 ть описываетъ образъ жизни этого народа въ слѣдующихъ
 озера находится укрѣпленный на высокихъ сваяхъ по-
 у ведетъ съ суши узкій ходъ по единственному мосту.
 подъ помостомъ, были утверждены давнымъ давно всѣми
 да, но съ того времени постоянно прибавляются новыя,
 приносятъ ихъ съ горы, называемой Орбелось, и каждый
 будь женится, онъ долженъ вбить три сваи, а каждый
) женъ. Живутъ же они такъ: у каждого на помостъ есть
 ой онъ живетъ, и подъемная дверь, открывающаяся къ
 ей привязываютъ веревочкой за ногу, чтобы они не сва-
 лошадямъ и рогатому скоту даютъ въ пищу рыбу. Рыбы
 что когда кто нибудь откроетъ дверь и спуститъ на ве-
 устую вершу, то черезъ очень короткое время вытаски-
 ную рыбу (125.)

исаніе дастъ намъ вѣрную картину жизни обитателей свай-
 нѣтъ сомнѣнія, что такъ же точно, какъ на Празійскомъ
 и въ другихъ подобныхъ сооруженіяхъ въ Европѣ. По-
 ными постройками были въ древности поселенія Spina и
 р. По, жилища венецовъ по описанію Страбона, а также
 и Венеція въ началѣ своего возникновенія. И до сихъ
 ногія первобытныя племена Америки, Африки, Австраліи и
 и жилища подобнымъ же образомъ, но аналогичныя по-
 мы можемъ встрѣтить еще и кое-гдѣ въ Европѣ, напр.
 канскомъ полуостровѣ, въ Солуни, въ Россіи и т. д. (126).
 укрѣпленія изъ каменныхъ глыбъ и плитъ. (Цикло-
 ойки). Постройки такого рода встрѣчаются только въ южной
 хъ, прилегающихъ къ Средиземному морю и находившихся
 юсти въ сношеніяхъ съ Египтомъ и Финикіей. Эти до-
 нныя сооруженія, начало которыхъ относится отчасти еще
 эпохѣ, возникли вѣроятно подъ восточнымъ вліяніемъ, въ
 ѣскимъ, а нѣкоторыя могли быть построены и переселен-
 . Кромѣ цѣлаго ряда такъ называемыхъ циклопическихкихъ
 и Италіи (127)—сюда относятся своеобразныя укрѣпленія,
 нымъ образомъ въ Сардиніи и на Балеарскихъ островахъ.
 извѣстны подъ именемъ nuraghi, а на Минорѣхъ—tala-
 Сардиніи считается около 3000; они были неоднократно
 ихъ происхожденіе и цѣль остаются еще и до сихъ поръ

не вполне разъясненными ¹²⁸). Скорѣе всего ихъ надо считать укрѣпленіями или постоянными укрѣпленными жилищами *). Нѣкоторые принимали ихъ за временныя убѣжища или за гробницы. Это массивныя каменныя постройки въ видѣ усѣченного конуса, съ ведущимъ наверхъ винтообразнымъ корридоромъ внутри, въ который открываются болѣе просторныя комнаты безъ оконъ (рис. 76). Въ нихъ входили извѣсь изъ камня, даже палеолитическаго.

Рис. 76. Примеръ циклопической постройки (въ Трипль).

типовъ, но остатки четвертичной фауны въ нихъ совершенно отсутствуютъ. Этимъ постройкамъ аналогичны шотландскія укрѣпленныя жилища (brochs), болѣе поздняго происхожденія, которыми пользовались даже въ историческія времена. Наиболѣе замѣчательна изъ нихъ башня на островѣ Mousa, одномъ изъ Шетландскихъ острововъ.

Неолитическіе города. Къ циклопическимъ сооруженіямъ могутъ быть отнесены и остатки городовъ, принадлежащихъ, по своему происхожденію по крайней мѣрѣ, къ концу неолитической эпохи, найденные на Санторинѣ и Мелосѣ, а также нижнія части развалинъ древней Трои. Хотя послѣдняя

*) Нѣкоторую аналогію нурагамъ представляютъ каменныя старинныя башни, встрѣчаемыя во многихъ селеніяхъ Кавказа (въ Сванетіи, Осетіи и т. д.) и служившія для убѣжища при нападеніяхъ.

Прим. ред.

находится уже на азіатскомъ материкѣ, но мы упоминаемъ здѣсь о ней потому, что она служила во всякомъ случаѣ извѣстною связью между европейскою и азіатскою культурами. Санторинъ (Тера) и лежащіе противъ него острова Тиразія и Аспронизи, представляютъ собою остатки острова большихъ размѣровъ, на которомъ находился вулканъ, почти посреди нынѣшняго залива. Во время одного изъ изверженій часть этого острова взлетѣла на воздухъ и разрушилась. Когда именно это случилось, неизвѣстно, но при этомъ изверженіи былъ засыпанъ городъ конца неолитической эпохи,

Рис. 76. Разрѣзъ сардинскаго нурага.

остатки котораго были открыты въ шестидесятихъ годахъ. Въ этой неолитической Помпѣ не оказалось вовсе ни орудій, ни оружія, сдѣланныхъ изъ металловъ; найдено было только нѣсколько золотыхъ и мѣдныхъ вещей, очевидно попавшихъ туда путемъ торговли. За то гончарное искусство было тамъ замѣчательно развито, и продукты его указываютъ на вліяніе такъ наз. Микенскаго стиля. Способъ постройки жилищъ въ этомъ городѣ былъ совершенно особенный. Они строились изъ кусковъ лавы, причемъ стѣны съ вѣшной стороны покрывались штукатуркой изъ бѣлой извести или четырехъ яркихъ цвѣтовъ: краснаго, желтаго, синяго и темнубураго. Раскопки были производимы здѣсь Ch. Fouqué, A. Christomanos'омъ и др. На островѣ Мелосѣ удалось также найти остатки до-греческаго города, обнесеннаго толстой стѣной. Находки здѣсь оказались отчасти неолитическаго характера, отчасти нѣсколько болѣе поздняго. Города на Санторинѣ и Мелосѣ представляютъ намъ культуру каменнаго періода, въ которую проникли уже первыя вліянія металлической культуры съ Востока и съ материка Греціи.

Мѣстонахождение древняго Иліона, или знаменитой гомеровской Трои, оставалось долго неизвѣстнымъ. Древніе греки, чтившіе Гомера и его героевъ, сохраняли живое преданіе объ ея существованіи и знали то мѣсто, гдѣ она находилась. Въ древніе вѣка мѣстность ея указывали тамъ, гдѣ въ историческую уже эпоху находилась Новая Троя, Νέον Ἴλιον, эолийская колонія, расположенная недалеко отъ берега моря на холмѣ, называемомъ теперь Гиссарликъ. Но позже, особенно со временъ Деметрія изъ Скепсиса и Страбона

г., путешественнику Le Chevalier удалось снова побывать кохилась древняя Троя. Прибывши въ Троаду, онъ опредѣ-
но не въ Гиссарликъ, не тамъ, гдѣ находился когда то
о на отрогъ горы Иды, находящемся нѣсколько южнѣе, на
турецкой деревни Бунаръ-баши. Его мнѣніе было скоро при-
учеными, за него высказались Choiseul, Gouffier, Le Bas,
orchhammer, Welcker и особенно Leake. Первымъ, кто
тому указалъ снова на Гиссарликъ, былъ Maslagen, а послѣ
ег, Büchner и главнымъ образомъ J. Schliemann (уже
ни «Ithaka, der Peloponnes und Troja», изданномъ въ Лейп-
Главнымъ спорнымъ пунктомъ вопроса было опредѣленіе
рѣхъ нынѣ протекающихъ по равнинѣ Трои рѣкъ носили
анія Скамандра и Симоейса. Шлиманнъ для окончательнаго
пункта рѣшился произвести раскопки для отысканія дѣйстви-
Трои. Если она существовала, то не могла же исчезнуть
такой степени, чтобы невозможно было отыскать слѣдовъ
о высохшею и ничего въ себѣ не содержащую почву. По-
ніе изъ Константинополя, онъ началъ свои розыски. Сна-
я за раскопки Бунаръ-Баши, тамъ гдѣ спорившая съ нимъ
мѣстонахожденіе Трои и гдѣ замѣчались дѣйствительно
укрѣпленія; но здѣсь оказался только неглубокій наносъ
мѣтъ только черепки сосудовъ гораздо позднѣйшаго времени.
зводившій потомъ опять раскопки на томъ же мѣстѣ, при-
нію, что каменная постройка здѣсь была возведена уже при
ъ орудій, и древность ея не заходитъ дальше Македонской
обратился затѣмъ къ Гиссарлику, холму надъ рѣкою Думъ
Симоейсомъ, начавъ тамъ раскопки въ 1870 году, и важ-
полученные имъ послѣ многолѣтнихъ работъ, обезпечили за
нимъ не только въ исторіи классической археологіи, но и
сторической ¹²⁹). Теперь уже не остается ни малѣйшаго сом-
аннѣ напелъ то мѣсто, гдѣ возвышались стѣны знамени-
он. Въ общемъ результаты его раскопокъ относятся боль-
лѣдующимъ главамъ нашего труда, такъ какъ находки при-
хъ металловъ, но самые глубокіе слои относятся еще къ ка-
одъ верхнимъ слоемъ почвы Шлиманнъ встрѣтилъ пластъ,
юлненный обломками историческаго города, Новаго Иліона,
пластовъ, обозначающихъ послѣдовательный рядъ городовъ,
исъ одинъ за другимъ надъ древнимъ городомъ на вершинѣ
езали, сравниваясь съ землей, чтобы уступить мѣсто но-
городовъ только самый нижній, или по счету Шлиманна

первый, относится къ эпохѣ, въ теченіи которой каменная культура въ долинѣ Трои была еще въ полномъ расцвѣтѣ. Металлическихъ предметовъ было найдено тамъ крайне мало, за то очень много вещей изъ камня и глины. Кромѣ нѣсколькихъ ножей и иглъ изъ мѣди, была найдена еще одна изъ серебра. Сосуды—очень простой примитивной работы, но украшены все-таки орнаментомъ и именно того типа, съ которымъ мы встрѣчаемся въ теченіи неолитической эпохи во всей Европѣ,—состоящимъ изъ углубленныхъ черточекъ, выполненныхъ бѣлою мѣловою массою. Городъ былъ обнесенъ стѣнами, среднимъ числомъ въ $2\frac{1}{2}$ м. толщины, изъ известняка, а внутри его были найдены остатки двухъ большихъ строеній. Дальнѣйшія раскопки этого города были приостановлены, чтобы не разрушить остатковъ находившагося надъ нимъ другого—гораздо болѣе замѣчательнаго. Всѣ слои, находившіеся надъ этимъ городомъ, относятся уже несомнѣнно къ эпохѣ металловъ. Слои второй, третій и четвертый, вмѣстѣ съ верхнимъ, принадлежать уже къ бронзовому вѣку *).

Гробницы и священные мѣста.

Въ предыдущемъ изложеніи мы познакомились въ общихъ чертахъ съ тремя группами неолитическихъ гробницъ: съ погребальными пещерами, съ погребеніями въ жилищахъ или возлѣ жилищъ и съ гробницами въ отбросныхъ кучахъ (въ Португаліи). О всѣхъ этихъ группахъ мы можемъ уже вполне опредѣленно сказать, что погребенные тамъ мертвые не были застигнуты на мѣстѣ своего нахождения естественной или случайной смертью (чѣмъ нѣкоторые старались объяснить подобныя находки четвертичной эпохи), но были дѣйствительно погребены тамъ, обряднымъ образомъ. Обрядъ погребенія мы можемъ принять слѣдовательно за отличительный признакъ неолитической эпохи, сравнительно съ палеолитической. Хотя мы признаемъ, какъ было уже сказано выше, что не представляется достаточно обоснованнымъ различать эти двѣ эпохи по отсутствію или присутствію погребальныхъ обрядовъ,—что вѣроятно же относитъ первыя начала погребенія (именно въ

---

*) Въ послѣдніе годы жизни Шлиманна между нимъ и его помощникомъ д-ромъ W. Dörpfeld'омъ съ одной стороны и капитаномъ E. Bötticher'омъ съ другой—возникъ чрезвычайно интересный споръ о значеніи троянскаго мѣстонахожденія. Бѣттхеръ выступилъ противъ мнѣнія, что на Гиссарликъ была расположена когда нибудь Гомеровская Троя, и утверждалъ, что мѣсто это не было никогда городомъ, а представляло собой кладбище, некрополь, подобный напр. ассирійскимъ некрополямъ, въ которыхъ погребались мертвые цѣлой страны; наносъ же, содержащій пепелъ, образовался не отъ истребленія города пожаромъ, а отъ кострищъ, на которыхъ сжигались въ теченіе многихъ лѣтъ умершіе. Споръ принялъ очень рязкій характеръ и окончился въ 1890 г., незадолго до смерти Шлиманна, рѣшеніемъ комиссіи, которая вновь осмотрѣла раскопки и высказалась въ пользу мнѣнія Шлиманна.

пещерахъ) уже къ палеолиту, но такъ какъ мы видимъ, что въ неолитическую эпоху эта новая сторона человѣческой культуры является гораздо болѣе выраженной и распространенною, то съ этой относительной точки зрѣнія мы можемъ допустить извѣстное разграниченіе и признать обрядовое погребеніе за отличительный признакъ эпохи неолитической.

Самымъ замѣчательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболее характернымъ для неолита видомъ гробницъ являются такъ называемые мегалитическіе памятники. Это—массивныя надгробныя сооруженія, сложенныя изъ

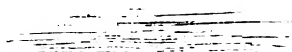

Рис. 78. Мегалитическая гробница въ Кентскомъ графствѣ въ Англіи.

большихъ и тяжелыхъ каменныхъ глыбъ или плитъ, отсюда и ихъ названіе «мегалитовъ» *). Они представляютъ собой или настоящіе надгробные монументы (такъ наз. менгиры, стелы, дилиты, трилиты, дольмены, курганы) или только памятники, для обозначенія какихъ либо священныхъ мѣстъ, или же, наконецъ, они служили непосредственно для религіозныхъ цѣлей (такъ назыв. каменные жертвенники, каменные аллеи, кромлехи и т. п.). Однако мы полагаемъ, что первоначально и большая часть этого послѣдняго рода соору-

*) Отъ μέγας—большой и λίθος—камень. Названія менгиръ, дольменъ, кромлехъ—происходятъ изъ словъ кельтскаго, галльскаго языка, введенныхъ въ литературу Леграномъ (Legrand d'Aussy). Dol значить столъ, men (maen) и lech—камень, hir—длинный, высокий, cгоth—кругъ. Прежде эти памятники носили общее названіе друидическихъ, и о нихъ думали, что они были поставлены кельтами и имѣли связь съ жертвоприношеніями друидовъ. Первый, кажется, А. Bertrand рѣшительно присоединилъ къ мифію, что мегалитическіе памятники докельтскаго происхожденія, и названіе «друидическихъ» памятниковъ почти совершенно исчезло затѣмъ изъ ученой литературы.

женій имѣла соотношеніе съ могилами, а потому мы соединяемъ ихъ всѣ въ одну рубрику, тѣмъ болѣе, что часто невозможно опредѣлить съ точностью, представляетъ ли собою данный монументъ дѣйствительно надгробный памятникъ или онъ служилъ лишь для обозначенія какого либо священнаго или замѣчательнаго мѣста.

Что священныя мѣста, алтари и храмы имѣли по большей части мѣстомъ своего происхожденія могилы и кладбища—это намъ кажется вполне правдоподобнымъ. Такая теорія происхожденія святилищъ весьма доказательно изложена Герб. Спенсеромъ въ его «Основахъ соціологін». Опираясь на теорію анимизма Тайлора, Спенсеръ указалъ, какой цѣпью явленій первобытный человѣкъ былъ приведенъ къ представленію о смерти, какъ путемъ разныхъ болѣзней, сновъ, видѣній, тѣни и т. п., онъ пришелъ къ заключенію, что внутри человѣка существуетъ нѣчто, что владѣетъ имъ въ бодрственномъ состояніи, что временно оставляетъ его во время сна и снова возвращается къ нему при пробужденіи, словомъ, что въ немъ заключается нѣкоторое духовное существо, которое при смерти совершенно покидаетъ тѣло. Мертвое тѣло подвержено тлѣнію, но духъ продолжаетъ жить со всѣми своими свойствами, потребностями и желаніями, какія у него были до смерти. Вѣра въ посмертную или загробную жизнь—явленіе общее всему человѣчеству и Тайлоръ справедливо говоритъ: «не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вѣра въ загробную жизнь въ такомъ видѣ, въ какомъ мы ее

49
является однимъ изъ первыхъ источниковъ религій вообще»), а мѣсто, на которомъ это почитаніе выражается жертвами, молитвою и т. п., является первымъ священнымъ мѣстомъ, алтаремъ и храмомъ. Этимъ мѣстомъ была могила умершаго. Духъ покойника по представленіямъ первобытныхъ людей оставался чаще всего въ непосредственной близости мертваго тѣла; можно представить множество доказательствъ такого именно

*) Герб. Спенсеръ въ Основахъ соціологін заканчиваетъ свое изложеніе словами: „какъ страхъ передъ живыми является источникомъ общественныхъ законовъ, такъ точно боязнь мертвыхъ является источникомъ законовъ религій“.

е, на болѣ высокой ступени разви-
ли мѣстопробываніе душъ умер-
раженіи или надземное, но да-
ртовыхъ.

лишкомъ односторонне развитой
мѣсть возникло тамъ, гдѣ на-
и кладбищахъ. Погребеніе въ
и священнымъ гротамъ, сожи-
ый обрядъ, а погребеніе мертвого
затѣмъ ходили для принесенія
Мы увидимъ, что и надгробныя
мѣстами культа.

литическихъ памятниковъ было
нѣ интересны и важны, и потому
ти обстоятельнѣе.

reulvans) представляютъ собой
димъ во всемъ мірѣ, что чело-
дѣ мѣсто тѣмъ, что воздвигаетъ
ѣе естественномъ, какъ напр.
ы его сейчасъ же можно было
етъ иногда негату, но не безъ
еся необходимыми послѣдствіями

осмертной жизни души умершаго
илу пищу, питье, оружіе, убн-
9), души которыхъ по смерти
е, какъ служили ему при жизни;
жертвами и молитвою, умило-
ить жертвы и благодарить, если
почитаніе душъ умершихъ не-

дизинтъ

ничего, и ближайшее значеніе
ые менгиры очень многочисленны
гдѣ они отличаются и своей
10 метровъ вышины, а менгирь
ль даже 19 метровъ. Въ Чехіи
ъ камняхъ (возлѣ Клобука, въ
и пр.). Относительно ихъ въ

народѣ существуютъ по обыкновенію различныя преданія. На Балеарскихъ о-вахъ и въ сѣверной Африкѣ встрѣчаются особые виды этихъ памятниковъ, такъ наз. дилиты, сложенные изъ двухъ каменныхъ глыбъ на подобіе буквы Т (рис. 79), или трилиты на подобіе какихъ-нибудь воротъ. Трилиты другого рода, состоящіе изъ трехъ поставленныхъ другъ возлѣ друга менгировъ, найдены были надъ доисторическими гробницами въ Пруссіи, по Одеру (рис. 80).

Особый видъ памятниковъ, который скорѣе всего можетъ быть причисленъ въ эту категорію, представляютъ такъ назыв. колеблющіеся или качающіеся камни (*pierres branlantes, logans, rocking-stones, viclany*), т. е. камни,

Рис. 80. Трилитъ возлѣ Одера въ Пруссіи.

поставленные на своей узкой плоскости такимъ образомъ, что могутъ быть легко приводимы въ колебательное движеніе рукою или даже вѣтромъ¹³²). О подобныхъ камняхъ мы встрѣчаемъ извѣстія еще у древнихъ географовъ, теперь же они попадаются кое-гдѣ во Франціи (въ Бретани), въ Англіи (въ Йоркширѣ, Суссексѣ), въ Австріи и другихъ странахъ (даже въ Аргентинѣ) и по нашему мнѣнію—всѣ естественнаго происхожденія. Въ результатѣ разнаго рода механическихъ, физическихъ и химическихъ процессовъ камень вывѣтрился въ нижней своей части сильнѣе, чѣмъ въ верхней и осыпался такимъ образомъ, что центръ его тяжести случайно оказался подпертымъ именно въ наиболѣе узкой его плоскости. Мы не станемъ отрицать разумѣется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла оказать этому содѣйствіе и рука человѣка. По Воцелю, подобные «*viklany*» есть и въ Чехіи, въ Кгіи, недалеко отъ Ессеницы, въ Кадовѣ, возлѣ Гораждовичъ, въ Зде-славѣ на Раковничку, въ особенности же пользуются извѣстностью такъ назыв. «*Каѣена*» или «*Husova kazatelna*», возлѣ Высокаго Хлумца въ Седльчанскомъ округѣ.

Каменные жертвенники¹³³). Часто были находимы каменные глыбы, на поверхности которыхъ замѣчались чашкообразныя углубленія, соединенныя иногда между собою или съ краями камня вырѣзанными въ

немъ чертами. Камни эти очень долго считались древними языческими жертвенниками, на которыхъ будто-бы приносились богамъ кровавыя и безкровныя жертвы. Позже однако началась реакція противъ этого объясненія, и подобнымъ камнямъ стали приписывать исключительно только естественное происхожденіе. Всѣ болѣе или менѣе глубокія чашкообразныя углубленія, ямки и черты, произошли, будто-бы, вслѣдствіе дѣйствія падающей воды и выѣтриванія. Истина, въ данномъ случаѣ, вѣроятнѣе всего, посрединѣ. Что значительная и даже большая часть этихъ углубленій (чашекъ) произошла естественнымъ образомъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ не могъ пользоваться этими естественными

Рис. 81. Жертвенный камень въ Ландштейнѣ воокъ Jindřichova Hradce.

углубленіями для своихъ цѣлей. Притомъ же въ спорахъ, веденныхъ по этому поводу, часто смѣшивали два вопроса: искусственного ли происхожденія эти углубленія и были-ли они употребляемы для религіозныхъ цѣлей? Нѣкоторыя изъ чашекъ, можетъ быть, и искусственного происхожденія, особенно тѣ, которыя обнаруживаютъ большую правильность въ очертаніяхъ, глубинѣ и отдѣлкѣ своихъ стѣнокъ.

Что многими изъ этихъ камней дѣйствительно пользовались для жертвенныхъ цѣлей, въ пользу этого есть достаточно доводовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были найдены на холмахъ, вообще на мѣстахъ, способныхъ обращать на себя вниманіе, относительно же другихъ въ народѣ сохранились названія, по которымъ можно заключить о томъ, что въ дохристіанскую эпоху они были мѣстами священными. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чашечные камни (нѣм. Näpfchensteine, Schalensteine, франц. pierres à écuelles, à bassins, à cupules, англ. cup-stones, чешск. miskovité kameny) называются чортowymi или камнями вѣдьмъ, эльфовъ и т. п. (Teufelsteine, также Hexenkessel, Hexenschüssel, на сѣверѣ Elfensteine, Baldersteine). Названіе же «чортовыхъ» произошло во многихъ случаяхъ вслѣдствіе того, что духовенство, обращаясь

къ новокрещенному народу, называло такимъ образомъ остатки прежняго языческаго бѣльта*). Кромѣ того сохранились кое-гдѣ и другія преданія и обычаи, которыя прямо указываютъ на древнее религіозное значеніе подобныхъ камней. У лужичанъ и словенцовъ къ нимъ ходятъ и до сихъ поръ во время лѣтняго посѣва для совершенія извѣстныхъ обрядовъ (какъ напр. съ «таюжками», пещеры «Oltarno»), а на сѣверѣ, по словамъ Монтелиуса, кладутъ на нихъ и теперь разныя приношенія. То же самое было замѣчено въ Швейцаріи. Группы ямокъ меньшаго размѣра на стоячихъ камняхъ ~~должно~~ ^{могутъ} служить можетъ быть для декоративныхъ цѣлей. На поверхности одной плиты Зееландскаго мегалита въ Bogetu такихъ ямокъ было до 80-ти.

Чашечные камни очень многочисленны почти во всей Европѣ, и мы не можемъ вдаваться въ ихъ подробное перечисленіе. Кромѣ Франціи, Швейцаріи, Шотландіи (а также Алжира, Туниса, Египта) ихъ много въ Даніи и въ Германіи, главнымъ образомъ въ Фихтельвальдѣ. Тамъ они были описаны L. Zarbomъ и H. Gruner'омъ. Эти камни подали недавно поводъ къ очень курьезному ихъ объясненію. Инженеръ Редигеръ (Fr. Rödiger) усмотрѣлъ въ нихъ картографическіе памятники, причемъ, будто бы, ямки и черты ихъ служили для ориентации мѣстности, на подобіе нынѣшнихъ картъ. Противъ такого объясненія полемизировалъ съ успѣхомъ A. Schmidt ¹³⁴). Въ Нижней Австріи были найдены жертвенные камни въ Kogenberg'ѣ; въ ~~славянскихъ~~ ^{славянскихъ} мѣстахъ она извѣстна въ Лужицкой Сербіи, у словенцовъ, въ Чехии въ Моравіи. Въ Чехии они распространены главнымъ образомъ въ изерскихъ и крковешскихъ горахъ, напр. въ окрестностяхъ Яблонца, на чешско-моравской границѣ въ окрестностяхъ Индржихова Градца, на Блоксбергѣ, возлѣ Кунова, Конрача, Ландштейна (см. рис. 88), и въ другихъ мѣстахъ, изъ коихъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія Задній Градекъ и Скальска въ Младоболеславскомъ округѣ, многія мѣстности котораго свидѣтельствуютъ о священномъ значеніи ихъ въ доисторическія времена ¹³⁵). Въ Моравіи сюда относится напр. «Королевскій столъ» въ Модре, возлѣ Велеграда, и подобный же камень у Яковичъ, въ Стритѣжѣ. Въ Россіи они многочисленны на Кавказѣ, въ Мичетѣ, Дербентѣ, попадаютъ также въ мѣстностяхъ у источниковъ Дона, въ Саратовской губ. въ Новгородской, Тульской, въ Терской области и т. п. Кое-гдѣ они носятъ названіе «Конь-камень», можетъ быть отъ того, что на нихъ, приносили въ жертву лошадей ¹³⁶). Въ Болгаріи братья Шкорпиловы нашли ихъ въ Гердѣ.

Древность жертвенныхъ камней не можетъ быть опредѣлена съ точностью, но по большей части они относятся къ позднѣйшимъ временамъ.

*) Сохранилось нѣсколько старинныхъ церковныхъ установленій, которыми предписывалось разрушеніе этихъ камней и запрещеніе почитанія ихъ.

авляют собой искусственные камеры изъ грубо отесанных, находящіяся или просто подъ открытымъ небомъ (плю *)). Былъ впрочемъ вопросъ о томъ, не были-ли сены покрыты насыпями, земля которыхъ могла быть срывъ вѣтра и размыва дождями. Но аналогическіе памятники показываютъ намъ, что по крайней мѣрѣ ренскихъ сооруженій могли и не быть покрыты землей. изъ представляетъ обыкновенно болѣе или менѣе

2. Дольмень въ Меттрэ во Франціи.

ышникъ, стѣны котораго состоятъ изъ вертикально поставленныхъ или плитъ и на которыхъ положены массивныя каменные плиты, образующія крышу. Изрѣдка встрѣчаются формы, отличающіяся отъ общаго типа; такъ у позднѣйшихъ дольменовъ изъ камней, положенныхъ другъ на друга подъ угломъ. Дольмень различна. Длина достигаетъ до 10 метровъ, ширина отъ 3 до 5 метровъ, отдѣльныя плиты бывають различной толщины (ср. напр. рис. 82). Одинъ камень мегалитическаго дольмена Pérotte (деп. Шаранты) во Франціи вѣситъ около

исхожденіи дольменовъ ученые много спорили, и во-первыхъ поръ нельзя еще считать вполне разрѣшеннымъ. Геллеръ принимаетъ ихъ за гробницы: Бертранъ (А. Bertran) за гробницы, устроенныя на подобіе жилищъ, Г. де

ита покоится на 3, 4 и болѣе подставкахъ, не образуя дольмена представляется чѣмъ то въ родѣ стола. Если же верхнюю покровную плиту, образуютъ полныя стѣны, то образуетъ настоящую закрытую камеру.

Мортилье—за искусственные пещеры позднѣйшаго періода каменнаго вѣка; подобнымъ же образомъ объясняютъ ихъ какъ мѣста погребенія и маркизъ Надальякъ (Nadaillac). Джонъ Лёббокъ и Дж. Фергюссонъ смотрятъ на нихъ, какъ на естественный результатъ того же инстинкта, который побуждаетъ дѣтей собирать камешки и деревяшки и строить изъ нихъ домики; другіе принимали ихъ за жертвенники и т. п.*

Теперь въ наукѣ обыкновенно принимается только первое изъ изложенныхъ мнѣній *). Европейскіе дольмены представляютъ собою гробницы, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ рѣшительно ничего не было найдено, такъ какъ они были давно уже ограблены. Возможно однако, что нѣкоторые изъ нихъ могли служить также и алтарями. Идея приносить жертвы на могилахъ очень естественна, и мы встрѣчаемся съ такимъ обычаемъ во всемъ свѣтѣ (ср. то, что было сказано о почитаніи гробницъ, на стр. 119). Поэтому мы думаемъ, что было бы несправедливо отрицать религіозное значеніе всѣхъ вообще дольменовъ, какъ это дѣлаютъ напр. Сакенъ, Рауберъ, Надальякъ. На верхней плитѣ нѣкоторыхъ дольменовъ имѣются чашеобразныя углубленія, иногда эта плита умышленно просверлена, а въ Швеціи, по словамъ Монте-ліуса, на нихъ народъ приносить мѣстами жертвы и до сихъ поръ. Интересный примѣръ непосредственнаго перехода надгробнаго сооруженія въ священное приводитъ напр. Клеммъ въ своемъ описаніи черкесскихъ гробницъ на Кавказѣ. Надъ могилами простыхъ людей тамъ ставили только простые дольмены. Но чѣмъ знатнѣе былъ умершій, тѣмъ обширнѣе были и сооруженія на его могилѣ, и надъ гробницами лицъ важныхъ и святыхъ возводились уже настоящія часовни, въ которыхъ приносились жертвы. Подобнымъ же образомъ на полинезійскомъ о-вѣ Ротумагу погребальныя дольмены служатъ по словамъ Ратцеля одновременно и мѣстомъ поклоненія духамъ.

Дольмены очень многочисленны во многихъ странахъ Европы ¹³⁷⁾. Классической страной ихъ является однако Франція и страны, расположенныя по берегамъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Французскіе дольмены ¹³⁸⁾ раздѣляются на настоящіе дольмены и на каменные камеры, первоначально находившіяся подъ землей (grottes aux fées), къ которымъ ведутъ длинныя, состоящія изъ каменныхъ плитъ корридоры (allées couvertes). Самое знаменитое мѣстоахожденіе дольменовъ и мегалитовъ вообще во Франціи представляетъ собою Бретань (департ. Finistère, Morbihan, Côtes du Nord etc.), гдѣ ихъ на-

*) Многие дольмены (во Франціи, въ Англіи, на Кавказѣ, въ Сиріи, Палестинѣ, Индіи, Алжирѣ и проч.) имѣютъ въ одной изъ стѣнъ (правильнѣе — въ камнѣ, заграждающемъ входъ. Перев.) круглое отверстіе. Лёббокъ думаетъ, что оно служило для подаванія пищи умершимъ, другіе же, ближе къ истинѣ, объясняютъ эти отверстія какъ проходъ, посредствомъ котораго души умершихъ могли входить и выходить.

онскихъ дольменовъ наибольшей
ршина фей) «Mane-Lud» (холмъ
въ одной этой послѣдней мѣстности
аменными камерами особенно за-
пикольпная могила «Mont S. Mi-
мены встрѣчаются только въ видѣ
лѣвомъ берегу Роны. За то они
ями (der. Hérault, Gard, Ardèche)
ль Адр. де Мортилье ¹³⁹). Въ

» Морбиганъ.

мень въ 1887 г. на С. Бернард-
открытымъ небомъ рѣдки, за то
енными камерами и корридорами,
количество мегалитическихъ соору-
и въ Корнуэльсѣ, а также на
ахъ Ла-Манша: Джерсеѣ, Гернесеѣ,
гниками этого рода, въ особен-
лузи, вообще въ странахъ вдоль
они также и въ Португаліи ¹⁴⁰).
льные ихъ типы. Здѣсь мы мо-
и мароккескихъ дольменахъ, из-
авнымъ образ. въ окрестностяхъ
емневыхъ орудія палеолитическихъ
иту, а къ болѣе поздней эпохѣ.
» изучены, но они есть и тамъ,
хъ они очень рѣдки; Гернесеѣ
твованіе тамъ. Но мы имѣемъ
винѣ, не говоря уже о старыхъ,
о дольменѣ въ городищѣ у Стра-
гникѣ возлѣ Здоховицѣ, въ Колин-
пейскія страны отличаются оби-
андіи они рѣдки, кромѣ провин-
но наблюдать разныя ихъ формы.

начиная отъ небольшой, обложенной камнями, могилы до настоящихъ мегалитовъ.

Монтеліусъ раздѣляетъ скандинавскія мегалитическія сооруженія на настоящіе дольмены (по шведски *stendös*; въ сѣверной Германіи такіе дольмены, непокрытые землей и находящіеся на холмахъ, обложенныхъ внизу камнями,—называются *Hünnebetten*, *Riesenbetten*), и на дольмены съ корридорами, *Ganggräber* (*Riesenhäuser*, швед. *Jättestugor*). Оба вида встрѣчаются въ Швеціи (главнымъ образомъ въ провинціи *Schonen*, *Falköping*, *Westergötland*, *Bohuslän*, *Halland*, *Öland*); въ Даніи (*Jütland*) и въ Норвегіи (здѣсь они рѣдки, только на южномъ берегу и покрыты землей); вторая группа отличается присутствіемъ корридора, ведущаго въ камеру. Третій видъ

Рис. 84. Кругъ камней, ограждающій дольменные гробницы (по Лёббоку).

гробницъ—«*Steinkisten*»—составляютъ камеры безъ корридора, состояція изъ нѣскаго размѣра камней и представляющія переходъ къ такъ называемымъ ящикообразнымъ гробницамъ въ курганахъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Въ Швеціи такіе *Steinkisten* находятся часто и на поверхности земли, какъ напр. въ *Westergötland*'ѣ, *Bohuslän*'ѣ, *Dalsland*'ѣ и юго-западномъ *Wergmland*'ѣ. Интересно, что эти три вида гробницъ, различаемыя О. Монтеліусомъ, соответствуютъ и разнымъ эпохамъ въ той же послѣдовательности. Наиболѣе древніе дольмены, наименѣе — ящикообразныя гробницы ¹⁴³⁾.

Гёрнесь говоритъ, что въ сѣверной Германіи мегалитическія гробницы встрѣчаются только на лѣвомъ берегу Одера. Лиссауеру извѣстны однако «*Hünnebetten*» и вождѣ *Slaboszew'a* (въ окр. *Mogilno*) и, можетъ быть, въ *Lipow*'ѣ (въ окр. *Stolp*). Нѣсколько дольменовъ сохранено было правительственными мѣрами на о-вѣ Рюгенъ, и большое количество ихъ находится въ Мекленбургѣ, Шлезвигѣ и Ганноверѣ; они многочисленны также въ Вестфалии; на конгрессѣ въ Мюнстерѣ 1890 г. Р. Вирховъ выразился очень опредѣленно въ пользу ихъ неолитической древности и не нѣмецкаго происхожденія. Въ *Altmark*'ѣ Е. Краусе и О. Schoeltensack ¹⁴⁴⁾ изслѣдовали 45 дольменовъ, принадлежавшихъ несомнѣнно неолитической эпохѣ.

ропѣ дольмены многочисленны только на южныхъ
 льныхъ же мѣстностяхъ—рѣдки. По словамъ Кир-
 , такъ называемыя могилы великановъ, встрѣчаются
 венской губ., на берегахъ р. Давгивена между Понтъ-
 Ландыши и пр.) и въ Подоліи. Въ послѣдней на
 рѣкой Серетомъ, недалеко отъ Бильче, сохранился,
 иенъ на трехъ подставкахъ, подъ которыми была
 й. Въ Польшѣ и въ западной Россіи дольмены
 гробными сооруженіями, такъ назыв. ящикообраз-
 і мегалитическихъ памятниковъ, найденныхъ въ
 лѣтъ тому назадъ Пжиборовскимъ (Pzyborowski),
 даны о нихъ Крашевскимъ, слишкомъ неопредѣ-
 і сооруженія можно было признать за дольмены.
 омнѣнными дольменами въ Крыму. Г. Д. Фе-
 йдарской долины группами въ 1—3 ряда, при чемъ
 дена низкой каменной стѣнкой. Покойники были
 аячемъ положеніи. Найденныя въ нихъ предметы
 они относятся къ позднѣйшему періоду, а именно
 очисленны также дольмены на Кавказѣ, гдѣ
 ь образомъ двумя группами: у Чернаго моря на
 бани (какъ напр. въ долины р. Пшада). Е. Д. Фе-
 ый рядъ ихъ на берегахъ р. Ходзы въ Баговской
 а, Кубанской области, причисляетъ ихъ къ не-
 положены небольшими группами по ксогогорамъ (12
 . Зацѣпинскомъ полѣ) и обращены отверстіями къ
 оронены здѣсь въ сидячемъ положеніи ¹⁴⁵). Н. П.
 итаютъ ихъ впрочемъ современными съ крымскими.
 крыты и далѣе—на Балканскомъ полуостровѣ
 авнымъ образомъ на Странджской и Сакарской
 р. Дуандере и Явуздере ¹⁴⁶).

ке сказали, были первоначально гробницами, и во-
 ѣйствительно найдены человѣческіе костяки, кости
 разные предметы, положенные при погребеніи. По-
 зъ сидячемъ положеніи, на корточкахъ, или при-
 ѣнъ или же, наконецъ, въ лежачемъ положеніи
 этого рода находили по 50, 100 и даже болѣе
 зъ нѣкоторыхъ французскихъ дольменахъ встрѣ-
 человѣческія кости оказываются тамъ перемѣшан-
 ито единственнымъ объясненіемъ этого является

предположеніе, что они были принесены туда уже очищенными отъ мяса и положены тамъ, какъ въ костехранилищѣ (ossuagium) католическихъ кладбищъ. Возможно также, что трупы вообще очищали искусственно отъ мяса. Такой обычай былъ доказанъ Paolo Orsi для нѣкоторыхъ гробницъ Сициліи. Онъ существовалъ въ Галліи, и еще въ XII и XIII стол. привилегіей французскихъ королей было то, что ихъ трупы очищались отъ мяса и кости погребались отдѣльно. Такъ были погребены Людовикъ Добрый, Карлъ Лысый, Людовикъ Святой, Филиппъ Смѣлый и его жена Изабелла.

Поверхность каменныхъ плитъ, составляющихъ дольмены, обыкновенно необдѣлана и только иногда слегка притесана каменными орудіями. Украшенія на нихъ встрѣчаются очень рѣдко и то въ видѣ простого линейнаго орнамента—въ Бретани, какъ напр. на дольменѣ въ Gavrinis, или въ видѣ особенныхъ спиральныхъ чертъ съ хвостиками (въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи). Сохранившіяся на нихъ надписи относятся всѣ къ позднейшему времени. На стѣнахъ нѣкоторыхъ дольменовъ во Франціи найдены были въ послѣднее время рельефныя изображенія женскихъ фигуръ (божествъ?), похожія на тѣ, которыя намъ извѣстны уже въ пещерахъ Petit-Morin. Во многихъ изъ французскихъ дольменовъ (Collorgues, въ деп. Gard, Boury въ деп. Oise, d'Aveny въ деп. Eure, Trou aux Anglais въ деп. Seine et Oise, Belchaye въ деп. Oise *) и т. д.) отдѣльныя глыбы украшены подобнымъ образомъ.

Между предметами, положенными въ дольменахъ при погребеніи, особенно замѣчательна характерная глиняная посуда, одинаковая въ Ганноверѣ, Вестфалии и во Франціи, и очень похожая на находимую въ Великобританіи. Сосуды сдѣланы отъ руки, формы чаще простой, но иногда болѣе изящной, причемъ эти послѣдніе обыкновенно украшены глубоко врѣзанными чертами, заполненными потомъ бѣлымъ веществомъ — главою или известью. Колоко-

Рис. 85. Колоколообразный сосудъ изъ Марковицъ въ Чаславѣ (Чехія).

*) Подробный списокъ всѣхъ мегалитическихъ сооружений во Франціи, украшенныхъ разнаго рода скульптурными изображеніями, данъ Адриеномъ де Мортилье въ его статьѣ *Les figures sculptées sur les monuments mégalithiques de France*, въ «Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie de Paris», 1894, IX, стр. 275—276.

лообразныя формы сосудовъ и горшечковъ составляютъ характерную особенность посуды изъ дольменовъ. Приводимый нами рисунокъ (85) такого колоколообразнаго сосуда, хотя найденнаго и не въ дольменѣ, даетъ вѣрное понятіе о характерѣ мегалитической керамики. Неолитическій инвентарь мегалитовъ относится вообще къ эпохѣ полнаго расцвѣта каменной культуры, хотя довольно часто въ немъ появляются уже и первые слѣды металловъ. Поэтому Сальмонъ (Ph. Salmon) относитъ эпоху мегалитовъ, которую онъ называетъ «Карнакской эпохой», къ концу неолитическаго періода. Какъ мы увидимъ далѣе, въ дольменахъ появляется уже и новый видъ погребенія — сожиганіе мертвыхъ.

Наиболѣе замѣчательныя «каменные аллеи» (alignements) находятся во Франціи въ Бретани возлѣ мѣстечка Карнакъ (деп. Morbihan). Тамъ имѣется 11 рядовъ вертикально поставленныхъ каменныхъ глыбъ, изъ коихъ нѣкоторые достигаютъ 7 метровъ вышины, другія же по большей части гораздо

Рис. 86. Ряды каменныхъ памятниковъ въ Карнакѣ.

ниже (рис. 86). Очень многія изъ нихъ теперь лежатъ поваленными въ одномъ направленіи. О значеніи этихъ мегалитовъ дѣлалось очень много предположеній. Недавно еще Cloistadeuc и Gaillard принимали ихъ за какіе то астрономическіе памятники. Подобное же предположеніе было высказано и Е. Harrou въ Бельгіи. Сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія ихъ не было предложено и до сихъ поръ. Въ цѣломъ вся эта мегалитическая группа состояла изъ трехъ частей (Ménec, Kermaris и Kerlesant), изъ которыхъ первая имѣла 10, вторая 11 и третья 13 рядовъ камней. Подобныя каменные аллеи найдены были также на Оркнейскихъ о-вахъ; въ Средней Европѣ неизвѣстно ничего подобнаго имъ по размѣрамъ. Воцель упоминаетъ, впрочемъ, о подобныхъ аллеяхъ изъ 200 почти камней, находившихся на вершинѣ Липовицы возлѣ Страконицы, а въ Нижней Австріи между горою Маннгардта и Моравою

были найдены тоже прямые ряды камней возлѣ дольменовъ и кромлеховъ, тянувшіеся съ верхушки горы въ долину, напр. на Stoitzenberg'ѣ въ Stoitzendorf'ѣ и въ Eggenburg'ѣ.

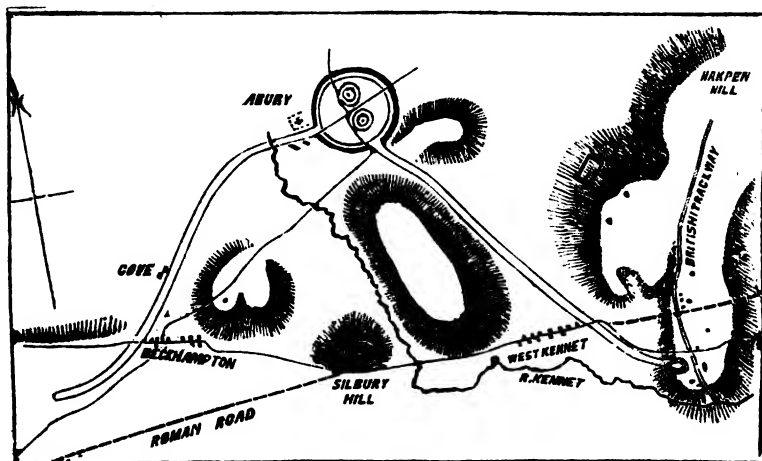

Рис. 87. Планъ священнаго урочища въ Abury (по Лёббоку).

Гораздо чаще каменныхъ аллей встрѣчаются круги изъ камней или кромлехи; они служили или только оградой священнаго мѣста (которое первоначально могло быть также и мѣстомъ погребенія), или, будучи болѣе значительными сооруженіями, могутъ быть и сами принимаемы за храмы. Подобные круги камней служили иногда, — хотя такое назначеніе было несомнѣнно уже вторичнымъ, — для засѣданій народныхъ судовъ; такъ это было напр. на Орнейскихъ о—вахъ еще въ XIV стол., въ Lundby — въ Готенбургской провинціи Швеціи, въ Англіи; у Кабилонъ Хасіу такой кругъ камней служить мѣстомъ народнаго собранія и до настоящаго времени. Лёббокъ думаетъ, что часть кромлеховъ могла имѣть уже первоначально подобное судебное назначеніе¹⁴⁷). Извѣстно, что у Гомера въ Одиссѣѣ феакійцы, а въ Илиадѣ троянцы сидятъ на совѣтѣ въ кругу на отесанныхъ камняхъ. Монтеліузь считаетъ впрочемъ шведскія «Richterringe» за мѣста, первоначально назначенныя для жертвоприношеній.

Наиболѣе замѣчательные кромлехи находятся въ Великобританіи, гдѣ ихъ обыкновенно называютъ друидскими памятниками. Особенно извѣстны двѣ мѣстности: Avebury (Abury) въ Вилтъширѣ (рис. 87) и Stonehenge¹⁴⁸). На сѣздѣ въ Норвичѣ Стюартъ выразилъ мнѣніе, что это были гробницы, Льюисъ-же, Стивенсъ и Лёббокъ — что это были храмы. Stonehenge, по мнѣнію Лёббока, относится уже къ бронзовому вѣку; по крайней мѣрѣ къ этой эпохѣ относятся находящіеся возлѣ него могилы. Abury — древнѣе и принад-

лежитъ скорѣе всего къ неолиту. Фергюссонъ во всякомъ случаѣ ошибочно относитъ ихъ къ римской эпохѣ. Точно также ошибочно приписывать ихъ и друидамъ.

Прилагаемый рисунокъ (рис. 88) лучше всякаго описанія можетъ дать понятіе о Stonehenge въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ прежде. Въ Англіи

Рис. 88. Stonehenge въ ideally реставрированномъ видѣ.

круги камней встрѣчаются еще во многихъ мѣстахъ, главнымъ обр. въ Корнуэльсѣ и въ Шотландіи ¹⁴⁹⁾ (см. рис. 89); во Франціи Cazalis de Fondouce нашелъ ихъ въ Севеннахъ, на берегахъ рѣки Видурль, затѣмъ много ихъ найдено также въ Бретани (въ деп. Finistère, Morbihan, Côtes-du-Nord) и порознь въ разныхъ другихъ департаментахъ Франціи. Они встрѣчаются также въ Пиренеяхъ въ Испаніи, въ Португаліи, на Балеарскихъ о—вахъ вокругъ

талянтовъ, въ Сардиніи вокругъ нураговъ, въ Швейцаріи вокругъ могильниковъ; дѣльный рядъ ихъ найденъ въ Германіи и именно въ Пруссіи вокругъ неолитическихъ гробницъ, какъ напр. воздѣ Оссова (въ Старгардскомъ округѣ),

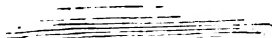

Рис. 89. Кромлехъ близъ Лэндсанда въ Корнуэльсѣ.

въ Коницкомъ окр. въ Зеефельдѣ, въ Blandau и Trzebczy, Кульмского окр., въ Meisterwald'ѣ (Данцигскій окр.) и т. д.

Затѣмъ они встрѣчаются въ Скандинавіи, Даніи, на о—въ Исландіи, въ Нижней Австріи, на югѣ Европы—въ Болгаріи (на Странджской и Сакарской плавинахъ), въ Греціи (извѣстная агора въ Микенахъ). Въ Галиціи, въ сел. Криницѣ Сянецкаго окр., по словамъ Попеля, находится кругъ камней на Рунской горѣ, съ каменнымъ памятникомъ посреди. Кромѣ того къ нему вела еще каменная аллея въ 300 шаговъ длины.

Могилы или курганы представляютъ собою мѣста погребенія, надъ которыми насыпаны искусственные холмы. Если заключающаяся въ нихъ гробница состоитъ изъ мегалитическаго сооруженія, какъ мы это видѣли въ описаніи французскихъ и сѣверно-европейскихъ дольменовъ, то такой родъ могилы мы можемъ отнести еще къ группѣ мегалитовъ. Но если въ нихъ тѣло положено просто въ землѣ или въ деревянномъ срубѣ или въ камерѣ, состоящей изъ небольшихъ и тонкихъ каменныхъ плитъ, то мы причисляемъ ихъ уже къ слѣдующей группѣ могилъ или кургановъ. Иногда впрочемъ бываетъ трудно рѣшить, относится-ли данная гробница къ мегалитамъ или нѣтъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о гробницахъ послѣдней категоріи. Въ концѣ концовъ, въ особенно точномъ опредѣленіи въ такихъ случаяхъ нѣтъ и особенной надобности.

цимъ мегалитамъ мы можемъ относить еще могилы съ мегалитерами внутри, характерныя въ Великобританіи для эпохъ неолитической. Это такъ называемые *british barrows*, которые дѣйствительные изслѣдователи дѣлили на двѣ группы: 1) продолговатыя (*long barrows*), относящіеся вполнѣ къ неолитической эпохѣ, курганы (*round barrows*), относящіеся къ бронзовому вѣку¹⁵⁰). о господствовало мнѣніе, что *long barrows* неолитической эпохи въ себѣ только долихоцефалическіе черепа, тогда какъ *round* ко брахицефалическіе. Еще Дж. Леббокъ на основаніи работы въ слѣдующую наглядную табличку *):

	Длинноголовые, index 63—73.	Среднеголовые, index 74—79.	Короткоголовые, index 80—89.	Число извѣстныхъ череповъ.
. .	55	12	0	67
в. .	0	26	44	70

я находки нѣсколько ослабили рѣзкость этого распредѣленія, случаѣ несомнѣнно, что первоначальное неолитическое население было длинноголовое и что въ концѣ неолита, какъ мы это увидѣли въ Англіи появился другой народъ—иного племени. Неолитическіе *barrows* заключаютъ въ себѣ поэтому остатки преимущественно ескаго населенія, а *barrows* бронзового вѣка—брахицефалической части случаевъ, какъ напр. въ *Tilshead*ъ, черепа древнихъ могилъ длиннѣе, черепа же болѣе поздняго погребенія, въ анахъ, уже короткіе.

чень многочисленны во всей Великобританіи, въ Англіи, Шотландіи и на сѣверныхъ о—вахъ. Они разной величины—отъ саргелльных до огромныхъ. Наибольшій англійскій *barrow* «Silbury» находящійся на абурійскомъ священномъ урочищѣ въ Уильямсбургѣ (стр. 131), имѣетъ почти 40 метровъ высоты. Костяки лежатъ просто въ землѣ, или въ небольшихъ каменныхъ гробахъ, иногда кожу или положены въ выдолбленныя деревянныя колоды. Впрочемъ не относятся къ настоящимъ мегалитамъ. Тѣ англійскія, которые мы можемъ причислять къ мегалитическимъ памятни-

о выраженіе Thurnam'a: Round barrows, round skulls; long barrows, глыбы курганы—круглые черепа; длинные курганы—длинные черепа).

камъ, имѣютъ внутри большія каменные камеры съ ходами (напр. могила въ New-Grange возлѣ Droghedy въ Nether-Swell въ Gloucestershire'ѣ и т. п.). Наиболѣе ихъ встрѣчается въ Шотландіи, въ Caithness'комъ и аргайльскомъ графствахъ, гдѣ они отличаются и нѣкоторыми мѣстными особенностями (horned barrows). Извѣстнымъ примѣромъ ихъ можетъ служить barrow въ Samster'ѣ.

Разсмотрѣніе содержанія этихъ могильниковъ показываетъ, что здѣсь сожиганіе мертвыхъ и погребеніе ихъ тѣмъ или другимъ способомъ встрѣчаются въ зависимости отъ мѣстности. Thigpam и Grepwell встрѣтили только небольшое количество могилъ съ слѣдами сожженія, за то въ Уильтширѣ, Дорсетширѣ, въ Корнуальсѣ и въ Уэльсѣ преобладаетъ трупосожженіе. Въ случаѣ погребенія, кости встрѣчаются большей частью въ скорченномъ положеніи; въ случаѣ трупосожженія пепелъ оказывается собраннымъ въ погребальныя урны, покрытыя плоскими камнями. Въ англійскихъ

Рис. 90. Сосуды изъ англійскихъ кургановъ (barrows).

Рис. 91. Орнаментированная кружка изъ англійскихъ кургановъ.

курганахъ (barrows) предметы, положенные въ могилы, относительно рѣдки, по сравненію напр. съ французскими. Изъ нихъ наиболѣе выдаются гончарныя издѣлія, отличающіяся своимъ оригинальнымъ и нигдѣ болѣе не встрѣчающимся характеромъ. Особенно многочисленны сосуды въ видѣ кружекъ (рис. 90 и 91).

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ видахъ каменныхъ памятниковъ. Первый изъ нихъ представляетъ рядъ камней, уложенныхъ на подобіе длинной, заостренной на концахъ лодки (такъ назыв. Schiffsetzungen—лодкообразныя ограды), окружающей въ Швеціи могилы поздней эпохи викинговъ. Подобное огораживаніе мѣстъ погребенія при помощи рядовъ камней можно впрочемъ прослѣдить, начиная съ неолитической эпохи, до самыхъ позднихъ временъ напр. въ Курляндіи и Лифляндіи¹⁶¹). Второй интересный видъ памятниковъ представляютъ финскіе каменные лабиринты (или «вави-

лоны»), состоящие изъ нѣсколькихъ концентрическихъ, различнымъ образомъ загороженныхъ и соединенныхъ между собою кругообразныхъ ходовъ, о которыхъ самое лучшее понятіе можетъ дать прилагаемый рисунокъ лабиринта, найденнаго въ Аппенѣ въ округѣ Velkua (рис. 92). Назначеніе и происхожденіе ихъ до сихъ поръ загадочны ¹⁵²).

Таковы различные виды европейскихъ мегалитическихъ памятниковъ, относящихся по большей части къ неолитической эпохѣ. Весьма затруднительнымъ для разрѣшенія оказывается вопросъ о томъ, какому народу принадлежатъ эти памятники, кѣмъ они сооружены? Какъ сказано, они относятся преимущественно къ неолитической эпохѣ, и культурные остатки ихъ могилъ (кости домашнихъ животныхъ, слѣды земледѣлія, каменные орудія, посуда)

Рис. 92. Планъ каменнаго лабиринта (или вавилона) въ Аррен, въ Финляндіи.

казались многимъ въ значительной степени сходными. Не удивительно поэтому, что было высказано мнѣніе о принадлежности всѣхъ европейскихъ мегалитовъ одному народу; предполагали даже, что памятники эти могутъ указывать пути, по которымъ шелъ въ Европѣ этотъ народъ, и мѣстности, гдѣ онъ потомъ поселился. Такой взглядъ былъ высказанъ впервые Бонштеттенемъ (А. Bonstetten), по мнѣнію котораго народъ, воздвигавшій мегалиты, вышелъ откуда-то изъ Индіи, съ Малабарскаго берега, прошелъ черезъ Кавказъ въ Крымъ и тамъ раздѣлился. Часть его двинулась на сѣверъ Европы, другая же часть—на югъ, въ Грецію, Италію и Корсику. Народъ этотъ—по Бонштеттену—былъ кельты, которые такимъ путемъ переселились, въ продолженіи неолитической эпохи, въ Европу. Мнѣніе Бонштеттена было усвоено и другими археологами: Лэнь-Фоксомъ (Lane Fox), Дезоромъ (Е. Desor), ген. Федербомъ (Faidherbe) *), Надалякомъ и т. д. Въ новѣйшее время за кельтское происхожденіе германскихъ (вестфальскихъ) мегалитовъ высказался и Р. Вирховъ на мюнстерскомъ сѣздѣ въ 1890 году

*) Генералъ Федербъ полагалъ, что западно-европейскіе и африканскіе дольмены были воздвигнуты однимъ и тѣмъ же длинноголовымъ племенемъ съ свѣтлыми волосами и глазами, которое пришло съ береговъ Балтійскаго моря. Дезоръ предполагалъ подобное же переселеніе, но только въ обратномъ направленіи. Löhner въ сочиненіи своемъ «Ueber Dolmenbauten» (München, 1868) доказываетъ, что дольмены во всей Европѣ, Африкѣ и Азіи (кроме Индіи) поставлены народомъ, знакомымъ съ мореплаваніемъ, и именно германцами.

противъ мнѣній Finke и Nordhoff'a. Несомнѣнно, что въ этихъ догадкахъ есть нѣкоторая доля основательности. Сходство въ культурѣ мегалитическихъ сооружений и въ ихъ идеѣ во всей Европѣ (впрочемъ, всюду замѣчаются и мѣстныя особенности въ подробностяхъ) не можетъ не обратить на себя вниманіе, хотя его и недостаточно еще для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса. На стокгольмскомъ сѣздѣ въ 1874 г. вопросъ о мегалитахъ былъ поднятъ снова Гильдебрандомъ, который пришелъ относительно его къ противоположному заключенію, именно что мегалиты не принадлежать

Рис. 93. Индійскіе дольмены (по Лѣббоку).

одному какому нибудь племени, но что они представляютъ собою одинаковое выраженіе общей и свойственной почти всѣмъ первобытнымъ народамъ идеи: устраивать могилы на подобіе жилищъ. Съ этимъ заключеніемъ соглашаются и Габр. де Мортилье, Вестроппъ, Бастіанъ, Ворсо, Картальякъ, Казалисъ-де-Фондусъ и др.

По мнѣнію Ал. Бертрана мегалитическіе памятники были сооружены именно тѣмъ народомъ, который принесъ съ востока во Францію неолитическую культуру съ ея земледѣліемъ, скотоводствомъ и погребальными обрядами. Прибытіе этого народа произошло не сразу и шло двумя путями: сѣвернымъ—вдоль береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей (тамъ вездѣ есть мегалиты) и южнымъ—черезъ Кавказъ, вдоль Чернаго моря, по долинѣ Дуная, гдѣ тянется второй поясъ мегалитовъ. Тотъ же самый народъ принесъ съ собой и обычай воздвигать свайныя постройки.

Интересны приемы, при помощи которыхъ были сооружаемы эти грандіозные памятники людьми, не знавшими ни металловъ, ни разныхъ механическихъ приспособленій. Поставить стоймя нѣсколько каменныхъ глыбъ и положить на нихъ еще другія въ нѣсколько сотъ килограммовъ вѣсомъ было

симъ образомъ сооружались мегалиты, предположительно Бедрихомъ VII¹⁵³). Всѣ наши тогда просто рычагами и круглыми бревнами передвигали камни. Когда стѣны ихъ засыпали землей до верхняго края и этой плоскости втаскивали вверхъ каменные. Глыбы отламывались отъ скалъ посредствомъ, разбухавшихъ потомъ отъ воды.

ца къ неолитической эпохѣ относится еще включающихъ въ себя челоѣческое тѣло, самое большее, обложенное большимъ или которые образуютъ иногда настоящіе ящики (cist, stone-cist). Эти могилы нельзя уже признать понятно, что между ними и группой, о невозможно провести рѣзкой границы, и отнести, къ которой изъ группъ слѣдуетъ

Очень многочисленны, въ особенности въ южной надъ могилами высокіе холмы, курганы, не обозначены и по крайней мѣрѣ теперь могилы).

и съ заключающимися въ нихъ предметами достаточномъ изобиліи распространены по югу только о самыхъ главныхъ мѣстонахожденіяхъ, которые были констатированы въ

просто въ землѣ и принадлежащія къ этой южной, довольно рѣдки. Тамъ погребали мертвыхъ неолитическихъ гробницахъ, но и тамъ встрѣчаются могилы, которые въ строгомъ смыслѣ нельзя

считать пещеръ, о которыхъ было говорено также для погребенія, въ теченіи неолитической эпохи, глубокими ямами, въ южной гробницы, заключающія въ себя до 150 предметовъ, по находенію некоторыхъ въ концѣ неолитической эпохи, были открыты

Никзомъ, Арманомъ и Морелемъ въ долину р. Марны. Извѣстными особенностями отличаются одинъ видъ могилъ въ окрестностяхъ Парижа. Онѣ представляютъ собой выкопанныя въ землѣ ямы, покрытыя большими каменными плитами; нѣкоторыя изъ нихъ небольшихъ размѣровъ, нѣкоторыя же доходятъ до 10 и болѣе метровъ длины. Такая гробница въ Misy (деп. Марны) была наполнена человѣческими костями, и подобныя «костехранилища» встрѣчаются очень часто въ западныхъ частяхъ средней Франціи. Это заставляетъ думать, что неолитическое населеніе, подобно тому, какъ дѣлаютъ и до сихъ поръ многіе дикари, собирало по истеченіи извѣстнаго времени кости погребенныхъ и перекладывало ихъ въ общія гробницы.

Въ сѣверной Германіи и въ Скандинавскихъ странахъ также погребали мертвыхъ больше всего въ мегалитическихъ сооруженіяхъ. За то въ средней Германіи, напр. въ Тюрингіи и Прирейнскихъ странахъ, рядомъ съ ящикообразными гробницами встрѣчаются часто и плоскія могилы съ костями, лежащими въ вырытой въ землѣ ямѣ. Этотъ видъ гробницъ распространенъ и въ австрійскихъ земляхъ. Характерную особенность этихъ среднеевропейскихъ могилъ представляетъ положеніе скелетовъ, сидячее или лежащее на боку, обыкновенно на лѣвомъ, съ одной рукой, подложенной подъ голову, и съ коленями, сильно поджатыми къ туловищу *).

Въ Германіи типическимъ примѣромъ этого вида погребенія является извѣстный некрополь въ Монсгеймѣ, возлѣ Гинкельштейна,¹⁵⁶⁾ въ Прирейнской Пруссіи. Мертвые въ немъ находились въ сидячемъ положеніи, будучи обращены лицомъ къ юго-востоку. Могилъ было тамъ около 300, но изслѣдовано въ нихъ только 70. Кости найденны были истлѣвшими. Сосуды, находившіеся при нихъ, были сдѣланы отъ руки и красиво украшены выполненными упомянутою уже бѣлою массою орнаментами. Возлѣ костяковъ найдены были небольшіе ножи изъ кремневыхъ осколковъ, большое количество топоровъ изъ діорита, сланца, сіенита и украшенія изъ раковинъ. Возлѣ каждой находилась также грубая ручная мельница. Совсе не было каменныхъ наконечниковъ копій и предметовъ изъ рога и кости.

Другіе большіе неолитическіе могильники, со скелетами въ скорченномъ положеніи, были найдены въ Rössen'ѣ возлѣ Мезибора, въ Ludwigsried'ѣ и въ Unter-Eberfing'ѣ въ Баваріи. Очень хорошо изслѣдована Копффлей-

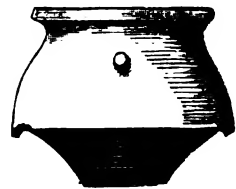
*) Значеніе этого положенія скелетовъ было уже неоднократно объяснено. Ближе всего къ истинѣ, повидимому, мнѣніе, что оно представляетъ просто положеніе спящаго человѣка. Это положеніе скелета съ небольшими только измѣненіями удерживалось и въ болѣе позднія времена и осталось характернымъ для части погребеній начала бронзоваго вѣка. По мнѣнію д-ра I. Matiegky положеніе на лѣвомъ боку, по крайней мѣрѣ въ Чехіи, измѣняется въ теченіи бронзоваго вѣка въ положеніе на правомъ боку¹⁵⁵⁾.

въ Тюрингии ¹⁸⁷). Тамъ встрѣчаются: ящикообразныя гробницы подъ холмизнаго и кружковиднаго типовъ, и съ горшкообразными сосудами. Эта Многочисленны также ящикообразныя огили.

послѣднее время описанъ г-жею Мезъ мегалитическихъ камеръ. Въ больиѣ, выкопанной посреди холма. Наихарактера.

алитическими камерами, встрѣчаются и, находящимися просто въ землѣ, щенными въ выдолбленную изъ толютъ, что эти англійскіе курганы преииковъ, простые же люди были тамъ пособомъ. Въ Швейцаріи, какъ мы зайныхъ построекъ неолитической эпохи, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ

Châtelard и т. д.), т. е. въ ящикоратъя Сирѣ (Siret) нашли также неолитическую эпоху тамъ встрѣчается ния погребеніе продолжалось еще до-такія гробницы тоже очень многочис-длежать напр. могильники въ Ремекоммуны Casagomana въ пров. Манахъ иныхъ.

игольскихъ гробницъ.

юваны R. Zamra, который сравнилъ

ихъ со всѣми остальными мѣстонахожденіями той же эпохи, въ особенности въ антропологическомъ отношеніи. Въ обоихъ онъ нашелъ слѣды новаго населенія, которое пришло въ Италію въ концѣ неолитическаго періода. Въ особенности характерны фонтанелльскія гробницы ¹⁵⁹). Къ переходной эпохѣ относятся гробницы въ Синагола и Sgurgola, о которыхъ мы еще упомянемъ далѣе.

Въ альпійскихъ австрійскихъ земляхъ неолитическихъ гробницъ извѣстно очень немного. Но за то въ Нижней Австріи, и въ особенности по берегамъ Дуная онѣ очень многочисленны. Наибольшее количество ихъ было изслѣдовано I. Spöttel'омъ вблизи остатковъ поселеній той же эпохи.

Въ Венгріи сюда относится прежде всего кладбище Lengyel'скаго городища, о которомъ мы упоминали уже выше. Въ болѣе древнемъ могильникѣ найдены были изъ металловъ только мѣдныя бусы. Характерны чашеобразные сосуды на высокой ножкѣ и многіе другіе (рис. 94).

Въ Чехіи и Моравіи также довольно много неолитическихъ могилъ, находимыхъ очень часто вблизи такъ называемыхъ культурныхъ ямъ. Точное хронологическое опредѣленіе ихъ очень трудно, и это именно и составляетъ причину того, что нѣкоторые чешскіе археологи, какъ напр. гг. Смоликъ и Пичъ, не хотятъ признать существованія чисто неолитическихъ гробницъ въ Чехіи ¹⁶⁰). Но это мнѣніе нельзя признать справедливымъ. Въ Чехіи найдено уже очень много могилъ вполне неолитическихъ, и по-

Рис. 95. Разрѣзъ могилы возлѣ
Ловозица (по рис. д-ра
Matiegky).

Рис. 96. Неолитическая могила
съ костякомъ въ скорченномъ
положеніи возлѣ Ловозица.

стоянно находятъ новыя. Сюда относятся могилы въ мѣстностяхъ Sulejovice, Kojetice, Nosprozin, Křinec, Košič, Lhota, Roudnice, Most и т. д. Возлѣ Коистицъ найдены были костяки въ могилахъ, часть которыхъ относится, очевидно, къ концу неолитическаго періода. Въ Господинѣ, возлѣ Ржица, г. Вондрачекъ, а недалеко отъ гор. Ловозица д-ръ Matiegka нашли костягъ

неолитической эпохи уже возлѣ могилъ съ остатками сожженія. Вообще, всѣ эти мѣста погребенія находятся въ сѣверозападной части Чехіи и показываютъ, что неолитическое населеніе пришло сюда, вѣроятно всего, съ сѣвера по долину Эльбы. Это доказываютъ также и гончарныя издѣлія, представляющія много сходства съ тѣми, которыя были найдены въ неолитическихъ

Рис. 97. Содержимое могилъ конца нео.
Чижковицами и Іенчи

могилахъ Тюрингіи. Чешская неолитиче-
два типа: грубый, безъ украшеній или
болѣе искусный, очень красиво орнамен-

болѣе позднему времени и скорѣе всего иностраннаго происхожденія (по крайней мѣрѣ его узоры). Выполненіе орнамента бѣлою массою замѣчается въ обоихъ типахъ. Прилагаемые два разрѣза одной ловозицкой могилы и таблица съ находками, сдѣланными въ другихъ могилахъ, неподалеку оттуда, даютъ понятіе объ устройствѣ и содержимомъ нѣкоторыхъ чешскихъ гробницъ (рис. 95—97). Часть ихъ относится уже къ переходной эпохѣ, какъ показываютъ слѣды бронзы, найденные возлѣ каменныхъ топориковъ. Въ Моравіи сюда относятся могилы, найденныя возлѣ Šlapenice, Stražnice, Hajany и въ другихъ мѣстахъ, впрочемъ вообще довольно рѣдкія.

Въ восточно-нѣмецкія земли, главнымъ образомъ въ Пруссію, неолитическая культура проникала, по мнѣнію Лиссауэра, тремя путями: съ нижняго бассейна Варты къ морю, со стороны Гиѣзна и со стороны Гопельскаго озера, вдоль р. Вислы. Приливъ новыхъ культурныхъ вліяній обуславливался здѣсь главнымъ образомъ торговлей янтаремъ. Наибольшее развитіе этой торговли относится къ бронзовому вѣку, какъ будетъ указано далѣе. Вдоль этихъ трехъ путей и особенно послѣдняго изъ нихъ находится и больше всего могилъ, далѣе же, на высотахъ ихъ очень мало. Могилы встрѣчаются здѣсь разныхъ видовъ. Въ Куявской области находятъ ящикообразныя гробницы, особеннаго своеобразнаго типа, называемыя поэтому куявскими гробницами. Костякъ въ нихъ лежитъ въ продолговатомъ саркофагѣ, сдѣланномъ изъ каменныхъ плитъ, вокругъ него тянутся еще другіе ряды камней, а все вмѣстѣ засыпано землянымъ холмомъ, вытянутымъ съ одной стороны въ видѣ длинной шпоры (рис. 98). Возлѣ головы и ногъ костяка находятся разные предметы, положенные при погребеніи. Подобныя гробницы были найдены главнымъ образомъ въ мѣстности, простирающейся на западъ отъ Вислы до самаго Гопельскаго озера, но встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Наиболѣе обширные могильники находятся въ Wierzbink'ѣ, на Гопельскомъ озерѣ, въ Janiszewk'ѣ возлѣ Любраницы, возлѣ Swierczynk'a у Faliszew'a, возлѣ Psinn'a (тамъ же); наиболѣе замѣчательные—возлѣ Murzin'a (Gross Morin, въ Новобрацлавскомъ окр.) и въ Persanzig'ѣ (въ Ново-Штеттинскомъ окр.). Вмѣстѣ съ этими

Рис. 98. Куявская гробница (по Лиссауэру).

ящикообразными гробницами встрѣч
говъ (въ Briesen^ъ, Riesenburg^ъ) :
остатки трупосожженія съ погребали
таки неолитическаго характера ¹⁶¹).

Вполнѣ то же самое можно сказ
бывшей Польши и о западной Россіи
могилъ неолитической эпохи. Это,
(groby skrzyńkowe), заключающія въ
нію польскаго археолога А. Г. Биркора,

Въ Галиціи, въ Краковскомъ ок
до самаго Сandomirжа, такія каменны
найлены. Тамъ главнымъ образомъ в
сожженія **). За то въ восточной ч

Рис. 99. Разрѣзъ ящикообразной гро
въ Коцюбинцяхъ.

Галичины состоятъ изъ округовъ Ста
кого, Снятинскаго и Коломийскаго
Подольской губ. (отдѣленныхъ дру
въ Буковинѣ, неолитическая эпоха

*) Разсуждалъ, такимъ образомъ, г. I
ческія традиціи исторической Польши.
ведливѣ могли бы быть названы «под
видимъ, что въ этнографически польски

**) Г. Оссовскій дѣлитъ Галичину
дующія три части: 1) западную или
женіе, 2) львовскую съ курганами
скую съ гробницами изъ каменныхъ п

сти эти вообще полны доисторическими памятниками, главнымъ образомъ насыпанными изъ земли холмами, въ известной части которыхъ впрочемъ не оказалось ни одной могилы. Къ каменному вѣку относится здѣсь родъ ящикообразныхъ гробницъ съ костяками въ скорченномъ положеніи и заключающихъ въ себѣ сосуды, каменные орудія, предметы изъ янтаря, но ничего металлическаго. Подобныя «польскія» могилы, «kamienne groby skrzyżkowe», найдены были въ Бережанахъ надъ Днѣстромъ, въ Хоростковѣ, въ Коцубинцахъ, недалеко отъ Гусятина, въ Чернокинкахъ, Семеновѣ, Бушиловцахъ и въ Чернолицяхъ на Покутьѣ.

Въ послѣднее время Г. Оссовскій открылъ въ г. Увислѣ (въ Гусятинскомъ окр.) могилу съ тремя костяками въ странномъ положеніи (см. рис. 101). Возможно, что мы имѣемъ здѣсь слѣдъ того же обычая, который существовалъ и во Франціи, гдѣ мѣстами кости, очищенные отъ мягкихъ

Рис. 101. Разрѣзъ гробницы въ Увислѣ.

частей, складывались въ кучи, или можетъ быть такое положеніе скелетовъ слѣдуетъ объяснять обычаемъ класть новоумершаго въ древнюю гробницу, отодвинувши предварительно имѣвшіяся уже тамъ кости.

способъ погребенія про-
зуются такъ называемы
только прикрытыя нѣ
нихъ мы упомянемъ
орыя, по мнѣнію Кир
звѣйшимъ же раскопи
въ Завадинцяхъ
Но кромѣ того къ ка
могилы безъ камеръ,
костяками въ ско
могилы въ Раковому
окр. Хронологическо
точно точнымъ.

увидимъ далѣе, обряд
лемъ, и часть этихъ
ки еще къ эпохѣ нео
твѣ Польскомъ могила
тся только въ видѣ
кообразныя могилы, и
курганы.

наиболѣе отложили
аны не отличаются ни
ь этого рода, но рус
ссии до такой степени
ую, хотя и весьма
имъ посвятить имъ н
ть предыдущихъ описа
нсахъ въ первый раз
смыслъ городища (т.
ся о томъ, какъ Мст
гѣпръ и съ тысячею с
Разбитые татары уби
и въ немъ. Очевидно,
наче, какъ въ смыслѣ
ъ, въ которомъ оно те
[столѣтіи. Изъ этого
инское *). Въ новопе

. I. Крек полагаетъ, что
ювано русскими отъ п
и, слово qutgan знач

рченномъ положеніи; каменные орудія или грубо оббитыя или
По свѣдѣніямъ Д. И. Эварницкаго сюда же относятся еще въ
тъ край курганы на лѣвомъ берегу рѣки Орели и главнымъ

вѣроисходъ въ губ. Киевской, Полтавской и въ Кубанской области;
въ озерки, въ курганахъ возлѣ Смѣлы, въ Рыжановскомъ
, гдѣ слой краски на костяхъ доходилъ до $\frac{1}{2}$ сантим. толщины, въ
ыхъ скифскихъ курганахъ въ Крыму по свѣд. Кондакова, и т. д.
бды подобной же окраски были найдены на скелетѣ въ курганѣ съ
едметами, раскопанномъ г. Ц. Нейманомъ въ Липникахъ. По
По словамъ гг. Оссовскаго, Kohn'a и Mehli's въ Киевской губ. по-
и до сихъ поръ употребляется для украшенія построекъ и памят-
ресно, во всякомъ случаѣ, что мы можемъ прослѣдить окрашивание
костей въ красный цвѣтъ въ продолженіи каменнаго вѣка и въ
ейскихъ странахъ. Наиболѣе древніе примѣры, можетъ быть даже
эпохи, представляютъ кости, найденныя въ Ментонскихъ и проч.
Франціи и въ Бельгіи. Въ одной пещерѣ (№ 3) такія кости лежали
омъ и перевероченномъ видѣ. Въ итальянскихъ неолитическихъ
апр. въ могилѣ возлѣ Sgurgola, въ пещерахъ возлѣ Палермо, Ри-
аже въ Сициліи) это явленіе встрѣчается довольно часто, также
и въ Испаніи. Въ Моравіи такого рода находка была опублико-
проф. Маковскимъ, сдѣлавшимъ ее въ постпалеоценовомъ наносѣ въ
аходка была сдѣлана возлѣ Stružova у въ гробницѣ бронзоваго
47); въ Босніи д-ръ Truhelka тоже нашелъ окрашенный скелетъ
ней могилѣ. Въ Чехіи указываютъ также на подобныя находки, хотя
ясныя и опредѣленныя, какъ напр. въ могилахъ въ Сегпозекѣ,
пр. Безъ всякаго сомнѣнія мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особеннымъ
обычаемъ. Трупы очищали вѣроятно отъ мягкихъ частей еще пе-
емъ, и затѣмъ натирали или посыпали кости какою-то красною крас-
обычай можно прослѣдить и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ перво-
довъ, какъ напр. у сѣвероамериканскихъ индійцевъ, въ аргентин-
ь (по словамъ Надаильяна) и въ венецуэльскихъ (по словамъ Мар-
номъ же обычай въ средневѣковой Франціи мы упоминали уже на
А. Хойновскій объяснялъ довольно неправдоподобно такое окра-
въ красный цвѣтъ тѣмъ, что люди этой эпохи красили себѣ во-
исъ въ такимъ же образомъ окрашенныя шкуры, при чемъ, когда
истлѣвали, краска могла оставаться на костяхъ. Вопросъ объ этомъ
мъ обсужденія на московскомъ и виленскомъ археологическихъ съѣз-
асной или желтой желѣзистой глины, часто находимые въ могилахъ
ыхъ странъ, какъ будто имѣютъ связь съ этимъ обычаемъ и во вса-
гужать доказательствомъ, что неолитическіе люди раскрашивали и
ое тѣло, о чемъ мы скажемъ еще далѣе. [Къ сказанному здѣсь
можно еще прибавить, что въ послѣднее время сдѣланныя въ Рос-
рашенныхъ костей относятся по преимуществу къ началу металли-
и именно были сдѣланы въ могилахъ, заключавшихъ въ себѣ кромѣ
іронзовыя (или мѣдныя) пядѣлія, особенно плоскіе, простые, кован-
аки копій].

Прим. ред.

образомъ курганы въ Котовѣ. Онъ нашелъ тамъ три типа погребенія: 1) курганы съ однимъ костякомъ въ ямѣ, выкопанной въ землѣ, ниже ея уровня; 2) курганы съ большимъ количествомъ скелетовъ въ выкопанной ямѣ, надъ которой въ самой насыпи находятся остатки трупосожженія, и 3) курганы съ костями, заключенными въ какихъ-то деревянныхъ срубѣхъ. Въ курганахъ всѣхъ этихъ трехъ типовъ были находимы только каменные орудія, амулеты, сосуды и жерновые камни; скелеты (нѣкоторые въ согнутомъ положеніи) были ориентированы различнымъ образомъ. И. А. Хойновскій нашелъ также въ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ скелетъ, покрытый красною краской. На Волини сюда относятся курганы съ костями, найденные въ Радзимицѣ, Сокиринцахъ (острожскаго у.), въ Залужѣ, и вообще курганы въ бассейнахъ рѣкъ Горыни и Вилии, курганы у села Заводинецъ въ Подольской губ., а можетъ быть и курганы въ селахъ Корытномъ и Муравѣ въ Минской губ. Г. Люба-Радзимицскій представилъ относительно волинскихъ могилъ очень интересное сообщеніе на IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ; особенно характерны найденные тамъ каменные ножи искривленной формы, скандинавскаго типа. Замѣчательнъ еще раскопанный г. Оссовскимъ курганъ № 1 въ селѣ Кобриновѣ, возлѣ гор. Звенигородки, Кіевской губ. Внутри его оказалось 12 могилъ съ 15 скорченными костяками въ разныхъ положеніяхъ, обращенными лицомъ внизъ. Безпорядокъ, въ которомъ они положены, былъ повидимому умышленнымъ. Всѣ скелеты были покрыты красною краскою; возлѣ нихъ были найдены костяныя шпильки, коралловыя бусы, просверленные звѣриныя зубы и сосуды. Другое замѣчательное открытіе было сдѣлано въ курганѣ возлѣ Лозятина, недалеко отъ Бѣлой-Церкви. Подъ истлѣвшими досками лежалъ скелетъ въ скорченномъ положеніи, тоже покрытый краской. Возлѣ головы находился большой сосудъ (рис. 102).

Рис. 102 Сосудъ изъ кургана въ Лозятинѣ.

Кромѣ кургановъ въ Россіи извѣстны и многія древнія могилы безъ насыпей. Мы упомянули уже о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ концѣ предыдущей главы, говоря о переходной эпохѣ между палеолитической и неолитической. Это наиболѣе древнія могилы въ Россіи. Сюда относится напр. стоянка Волосово, недалеко отъ г. Муромъ, на берегахъ р. Велетьмы. Графъ А. С. Уваровъ нашелъ тамъ пять могилъ безъ всякой курганной насыпи. Костяки лежали по направленію отъ сѣвера къ югу, на боку, съ одной рукой подло-

а слоѣ угля находился сосудецъ съ пепломъ копьемъ. Сосуды, найденные въ Во-
отверстія вмѣсто ушковъ и отличаются
находкѣ говорилъ еще П. П. Кудряв-
ческомъ сѣздѣ въ Москвѣ въ 1892 г.
дены еще въ стоянкѣ каменнаго вѣка
отся рѣки Золотницы и кромѣ того
берега Ладожскаго озера при прорытіи
новаго сѣскаго канала. Упомянемъ
еще о могильникѣ близъ села Фатья-
нова возлѣ Уткинской станціи, по
линіи ярославско-вологодской жел. дор.
Кромѣ слѣдовъ неолитическаго посе-
ленія тамъ оказались и могилы, въ
которыхъ были найдены человѣческія
кости и каменные орудія. Очень ха-
рактерны для этой находки сосуды
безъ ушковъ, образецъ которыхъ пред-
ставленъ на рис. 103. Этотъ типъ по-
суды отличается отъ всѣхъ другихъ
встрѣчающихся въ русскихъ курга-
нахъ. Уткинскій могильникъ отно-
се здѣсь стали появляться металлическіе
въ 1875 г. графомъ А. С. Уваровымъ и
— Л. К. Ивановскимъ и И. С. Поляко-
іе и уткинскіе были описаны проф. А.

остатками трупосожженія. Обычай
оставляющій предполагать существенное
ой жизни, устанавливается въ Европѣ
е полагали поэтому, что это измѣненіе
азвитія религіозныхъ идей, какъ думалъ
іе вліянія извнѣ, со стороны пришлаго
ьтурой и знакомствомъ съ металлами, а
еніемъ распространился въ Европѣ, какъ
брядъ. Вмѣсто прежняго зарыванія тру-
на кострахъ, а собранный затѣмъ пе-
кучкой, или чаще всего въ сосудахъ,

съ или надъ самой могилой, или на осо-

мѣстѣ—устринѣ, обыкновенно высланномъ камнемъ, откуда пото-
пали остававшіяся послѣ сожиганія пепелъ съ недогорѣвшими костями
и положили его въ могилу *). Въ описаніяхъ мѣстѣ погребенія мы очень ча-
сто встрѣчаемъ о подобныхъ, иногда выложенныхъ камнемъ мѣстахъ, покрыты
землею, содержащую пепелъ зсмлею, называемыхъ обыкновенно «устринами»
и надо замѣтить, впрочемъ, что такіа мѣста не всегда представляютъ со-
бою «устрины», на которыхъ сжигались тѣла умершихъ. Это въ
наше время обстоятельно выяснено Olshausen'омъ, который указалъ,
что единственнымъ признакомъ настоящей устрины являются всегда остатки недо-
горѣвшихъ человѣческихъ костей, которыя, между тѣмъ, въ мѣстахъ, на-
зываемыхъ за устрины, часто и отсутствуютъ. Такъ напр. извѣстная
«Brandpletter» на о-вѣ Борнгольмѣ вовсе не представляютъ собою устри-
ны, а только ямы, наполненные пепломъ, и ихъ правильнѣе было бы называ-
ть «образными могилами съ остатками сожженія» («Brandgrubengräber»
или еще точнѣе «Grubenbrandgräber») ¹⁶⁶).

Новый погребальный обрядъ хотя и распространился повсюду, но не сразу
и не точно, какъ мы встрѣчаемся съ остатками сожженія уже въ кон-
цѣ историческаго періода, такъ и позже въ эпоху металловъ мы увидимъ,
что этотъ погребальный обычай еще не исчезаетъ вполне.

Въ предыдущемъ изложеніи мы упоминали уже о нѣсколькихъ мѣстахъ
погребенія, гдѣ вмѣстѣ съ костями зарытыхъ въ землю труповъ встрѣчали
еще и кости обожженные или даже совершенно превращенныя въ пепелъ.
Въ де-Бай (I. de Baye) нашелъ слѣды трупосожженія въ пещерахъ
Clogin (одна изъ пещеръ была совершенно наполнена пепломъ); они встрѣ-
чаются также, особенно во Франціи, въ дольменахъ конца неолитическаго
вѣка въ деп. Finistère, затѣмъ напр. въ дольменѣ возлѣ Calvisson'a (деп.
Ardèche), въ Montigny, L'Engrain, Ribemont, Chassemy (деп. Aisne); оче-
видно могила съ остатками сожженія въ департаментѣ Aisne ¹⁶⁷) и въ дѣ-
лахъ мѣстахъ поодинокѣхъ. Въ Италіи хотя обыкновенно неолитическія гр-

*) Римляне называли могилу перваго рода *bustum*, особое же мѣсто для
погребенія мертвыхъ *ustrina*, которая находилась обыкновенно только при бо-
льшихъ общественныхъ гробницахъ (колумбаріяхъ). Для сожженія мертвца
нужно было нѣтъ надобности въ такомъ большомъ количествѣ горючаго матеріала, на-
сколько требуется для погребенія тѣла, какъ обыкновенно полагають. Очень большіе костры устраивались то-
лько въ мѣстахъ, гдѣ жили особы и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда на
погребеніи присутствовали также его слугъ, женъ, лошадей и т. д., какъ
это описано въ описаніи погребальныхъ обычаевъ норманновъ, древни-
ейшей могила съ теченіемъ времени пепелъ еще болѣе у-
влажности и этимъ объясняется то, что теперь въ остаткахъ
погребенія видны обыкновенно только очень небольшую кучку пеп-
ла.

ницы заключаютъ въ себѣ скелеты, но въ Razza de Campeggine найдены были въ нихъ и погребальныя урны, а въ фонтанельскомъ и боволонскомъ могильникахъ (возлѣ Вероны) урны попадаются рядомъ съ погребеніями въ землѣ.

Въ англійскихъ barrows трупосоженіе рядомъ съ погребеніемъ встрѣчается довольно часто и, какъ мы уже упоминали, численное отношеніе случаевъ того и другого погребальнаго обряда измѣняется тамъ смотря по мѣстности (см. стр. 135). Въ нѣкоторыхъ barrows оба обряда встрѣчаются въ одномъ и томъ же курганѣ.

На сѣверѣ Европы сожиганіе труповъ, какъ это доказалъ въ послѣднее время Ольсгаузенъ, появилось также еще въ концѣ каменнаго вѣка. Въ шведскихъ и датскихъ мегалитическихъ гробницахъ обыкновенно находятъ несожженные костяки, но кромѣ мегалитовъ тамъ попадаютъ и могилы со слѣдами трупосоженія и притомъ, очевидно, еще неолитической эпохи. По мнѣнію Монтелиуса относительно Швеціи, Ведела—относительно о-ва Борнгольма и Петерсена—относительно Даниі, сожиганіе труповъ въ неолитическую эпоху еще не было извѣстно. Монтелиусъ причисляетъ поэтому и погребальныя урны съ предметами неолитической культуры—къ бронзовому вѣку. Подобныя находки были сдѣланы напр. въ Håkeby, Tommarp, Quilly, затѣмъ на о-вѣ Борнгольмѣ, въ Ютландіи, въ Roum'ѣ, Slotved'ѣ, Brabrand-Aarslev'ѣ, Rammedig'ѣ и др. мѣстахъ. Но характерную особенность неолитической эпохи составляетъ не погребальный ритуалъ, а другія ея стороны. Поэтому мы считаемъ справедливымъ мнѣніе Ольсгаузена, что на сѣверѣ Европы начали сожигать мертвыхъ уже въ концѣ неолитической эпохи. Въ сѣв. Германіи относительно нѣкоторыхъ областей, какъ Шлезвигъ и Голштинія, Мекленбургъ, Бранденбургъ, часть Пруссіи, Померанія,—нѣтъ еще подобныхъ исполнѣй достовѣрныхъ тому доказательствъ, но нѣкоторыя все-таки имѣются и тамъ.

Во всей западной Германіи, въ Баваріи, въ Гессенѣ, въ Брауншвейгѣ, въ Ганноверѣ и въ Вестфаліи мы встрѣчаемъ въ теченіе неолитическаго періода исключительно погребеніе въ землѣ. За то въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ мегалитовъ въ Нидерландахъ, особенно въ Дрентской провинціи, упоминаются уже и погребальныя урны.

Относительно о-ва Рюгена Ольсгаузенъ приводитъ три исполнѣй впрочемъ достовѣрныя находки въ Banzelvitze, Altenkamp'ѣ и Stubnitz'ѣ. Въ Тюрингіи д-ръ Gütze упоминаетъ четыре случая слѣдовъ сожженія въ неолитическихъ могилахъ, при чемъ ихъ не слѣдуетъ считать, какъ онъ это дѣлаетъ, за позднѣйшія погребенія въ старыхъ могилахъ (въ Lesau, Braunschau'ѣ, Auleben'ѣ, Rössen'ѣ). Могила съ 6 погребальными урнами самаго древняго неолитическаго типа была найдена недавно въ Guntramsdorf'ѣ въ Австріи.

Въ Чехіи остатки трупосожженія были найдены, кромѣ погребеній въ

въ Noszpin'ѣ, въ Lovosic'ахъ (возлѣ Чинке-
гъ; Jelínek нашелъ въ Либнѣ и въ Котлар-
олитическими предметами. Наконецъ уже Воце-
могилъ, приходилъ въ своемъ сочиненіи о д-
ключенію, что въ Чехіи въ теченіи каменнаго
въ землѣ, и сожигали. Въ Венгріи первые с-
ны Восенискимъ въ Ленгіэльскомъ могилѣ
цѣлый рядъ ящикообразныхъ каменныхъ гр-
и конца неолитической эпохи въ Пруссіи
Ossow'a (Stargard'sкаго окр.), Odri (Кониц-
мскаго окр.), затѣмъ въ большомъ количеств-
lno, Obiezierce, Lulin, Ludwikovo), также
мскаго окр.), Liebenthal'a (Маріенбургскаго
окр.) и т. д.

Sopodzko нашелъ остатки сожженія, относящія-
могилахъ Минской губ., князь Siarkowski въ Ч-
овой Синявѣ (погребальныя урны съ каме-
наго слѣда металловъ); въ Литвѣ, говорятъ
юбуа въ шавельскомъ у. Д. И. Эварницкій въ
итической эпохи возлѣ мѣстечка Котовки (Е-
каменными орудіями, а подъ нимъ въ деревнѣ
съ остатками сожженія трупа.

иціи, какъ мы слышали

А. Н. Киркоръ относилъ

иимъ эпохамъ, но новы

изъ Городницы похожій
ьцахъ, и горшечекъ изъ

е мѣнѣе. Такъ, скорѣе всего къ каменному вѣку (не дальше къ концу его) относится могильникъ съ остатками сожженія въ цѣхъ возлѣ Гусятина. Погребальныя урны обложены здѣсь въ нами. Къ тому же роду погребенія относятся, по мнѣнію г. Оссовъ замѣчательныхъ могильника въ Выгнанѣ и въ Златыхъ съ очень характерной расписной посудой, указывающей уже на яніе (рис. 104). На берегахъ Чернаго моря была уже въ это время расцвѣтъ металлическая культура. Этими кое-гдѣ можно объ находенія вѣстѣ съ неолитическими издѣліями предметовъ культуры. Къ каменному вѣку причисляется г. Оссовскій также статками сожженія въ Мѣжинѣ и Тенетникѣ (Рогатинскаго а же, можетъ быть, относятся также могильники въ Dolnѣ Городищѣ надъ Днѣстромъ, и кладбища съ расписной посудой овѣ и Бозачизнѣ. Проф. В. Б. Антоновичъ причисляетъ къ неоперіоду и часть гробницъ съ остатками трупосожженія въ Кіеврны этихъ гробницъ заключены въ камерахъ изъ каменныхъ же какъ и найденныя проф. Самоквасовымъ.

исчисленныя нами находки приводятъ къ одному очень важнію, что нельзя, какъ это прежде дѣлалось, связывать поязы съ появленіемъ новаго погребальнаго обряда, ни пряности отъ появленія новаго населенія, ни вслѣдствіе столкновеиъ населеніемъ; это два культурныхъ явленія, которыя вреблизкими, но появились, каждое независимо другъ отъ друга, и иганіе труповъ ранѣе, чѣмъ бронза.

• неолитической культуры.

олитическая культура, въ общемъ, значительно выше, чѣмъ паа, и отличается болѣе сложнымъ развитіемъ, тѣмъ не менѣе, она е настолько однообразна или сходна во всѣхъ странахъ Европы, жно говорить, какъ объ одномъ цѣломъ. Совершенно иное предбою культура эпохи металловъ; она обнаруживаетъ уже такіа разенности въ разныхъ странахъ, что дать ея общую картину быа затруднительнымъ.

ея добываніе ¹⁶⁷⁾. Въ теченіи эпохи полированного камня насеы жило постоянно охотой. Западная и средняя части ея были а, несомнѣнно, покрыты еще густыми лѣсами, въ которыхъ звѣвъ огромномъ количествѣ, а потому въ остаткахъ неолитичееній мы постоянно встрѣчаемся со многими видами дикихъ живывнымъ образомъ оленей, сернъ, кабановъ, зайцевъ и т. п. Зато ольшія животныя, характерныя для палеолитической эпохи, уже

исчезли къ этому времени. Неолитической эпохой былъ застигнутъ только сѣверный олень, отступавшій постепенно къ сѣверу (ср. датскіе кьеккенмѣднги и другія скандинавскія находки, шотландскія городища и т. д.). Зубръ и туръ, какъ мы замѣтали уже выше, тоже удержались до историческихъ временъ. Кромѣ охоты на звѣрей и птицъ (главнымъ образомъ водяныхъ: пѣвчихъ лебедей, дикихъ утокъ, пеликановъ), человѣкъ жилъ также и рыболовствомъ, особенно въ мѣстностяхъ, расположенныхъ по близости къ водѣ, или какъ въ свайныхъ поселеніяхъ—надъ самой водой. Онъ ловилъ рыбу, разѣзжая на лодкахъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ, и при помощи каменныхъ, костяныхъ или сдѣланныхъ изъ раковинъ рыболовныхъ крючковъ и гарпуновъ, и грубо сплетенныхъ сѣтей, снабженныхъ каменными или глиняными грузилами. Въ многихъ мѣстахъ, какъ напр. на берегахъ Даніи, главнымъ предметомъ ловли были сѣдобные морскіе слизняки (*Ostrea edulis*, *Mytilus edulis*, *Litorina litorea*) и прѣсноводные *Unio*. Кромѣ охоты появляются впрочемъ и два новыхъ, рѣзко отличающихъ эту эпоху отъ предыдущей, способа добыванія пищи—скотоводство и земледѣіе. О томъ, какъ многіе связываютъ эти занятія съ приходомъ новаго населенія съ востока, мы упомянули уже выше, и тогда же высказали и свое о томъ мнѣніе. Прежде всего, вѣроятно, была одомашнена собака, гдѣ именно и какимъ способомъ — намъ не извѣстно. Наиболее древняя порода домашней собаки найдена была до сихъ поръ (и притомъ въ качествѣ единственнаго домашнего животнаго) въ древнѣйшихъ кухонныхъ кучахъ Даніи; въ болѣе позднихъ встрѣчаются уже и другія домашнія животныя. Въ неолитическую эпоху преобладала некрупная порода, названная Рютимейромъ по нахожденію ея костей, главнымъ образомъ въ слояхъ торфа, «болотною» (*Canis palustris*, *Torfhund*), а въ концѣ этой эпохи появляются и болѣе крупныя разновидности, ставшіяся еще болѣе обособленными въ теченіи бронзового вѣка.

Рис. 105. Костяной крючекъ для удочки.

При помощи собаки человѣкъ приручилъ затѣмъ и другихъ животныхъ, главнымъ образомъ большихъ жвачныхъ—быка (разновидности *Bos brachycephalus*, *B. frontosus*, *B. primigenius*), овецъ (*Ovis*), козъ (*Capra hircus*) и свиней (гл. обр. *Sus scrofa palustris* Rüt и *S. scrofa* L.). Лошадь была въ это время сравнительно очень рѣдка ¹⁶⁸). Изъ молока домашнихъ животныхъ дѣлали уже сыръ, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ прокисшіе сосисы свайныхъ поселеній, культурныхъ ямъ и т. п. (рис. 123). Кромѣ разведенія домашнихъ животныхъ, мы встрѣчаемъ въ неолитическую эпоху и слѣды земледѣія. Лучшее доказательство существованія хлѣбопашества представляютъ обуглившіяся зерна хлѣбныхъ растений, находимыя въ свайныхъ по-

ихъ, въ ямахъ для запасовъ хлѣба или въ кладовыхъ Ленгальскаго
ца, а также ручныя мельницы или плоскіе иногда углубленные
для раздавливанія зеренъ (рис. 106), употребляемые и до сих
я этой цѣли нѣкоторыми изъ примитивныхъ племенъ, и наконецъ

Рис. 106. Камень для раздавливанія зеренъ изъ Моравіи.

и настоящаго хлѣба (или лепешекъ) въ швейцарскихъ свайныхъ по
яхъ. Изъ хлѣбныхъ растений воздѣлывалась пшеница (три вида
Trit. vulgare antiquorum, *Trit. vulg. compactum* и *Trit. turgidum*), а ч
(*Hordeum hexastichon*, *Horde. vulgare distichon*), затѣмъ еще лен
angustifolium), просо, горохъ, чечевича и др. Овса и ржи досих
ще не найдено, зато разводились другія плодовые растенія, какъ нап
градъ въ Италиі, макъ (въ свайномъ поселеніи въ Lagozz'ѣ) и упо
лись въ пищу плоды дико растущихъ растеній: яблони, груши, лѣсн
ка, водяного орѣха и др. ¹⁶⁹).

илища и домашняя утварь. О томъ, какой видъ имѣли вѣр
илища неолитическаго человѣка, если онъ не жилъ въ пещерахъ, бы
зано уже на стр. 88. Всѣ работы при постройкахъ изъ дерева пр
лись при помощи каменныхъ орудій. Заостренный камень оставался
время главнымъ факторомъ культуры. Орудія изъ кости и рога зани
сравнительно съ ними второстепенное мѣсто.

каменные орудія неолитической эпохи отличаются отъ палеолитическихъ
хлѣ тонкой, искусной отдѣлкой, если они приготовлялись изъ кремн
осколковъ, или шлифовкой, обтачиваніемъ и особенно пр
ными въ нихъ дырами, если употреблявшійся матеріалъ оказыва
этого пригоднымъ. Впрочемъ, какъ мы уже указали на стр. 72 и 73, пер
начала этихъ техническихъ усовершенствованій появляются еще в
палеолитической эпохи.

гдѣ искусная отдѣлка кремневыхъ орудій замѣчается какъ въ прекра
длинныхъ и тонкихъ ножахъ и наконечникахъ копій (рис. 107), вес
ко отбитыхъ однимъ ударомъ отъ ядрища (нуклеуса), такъ и въ тѣ
і, иногда истинно художественной оббивкѣ (рядомъ повторныхъ ме

даровъ) рѣзущихъ краевъ (ср. стр. 60) и въ выравниваніи поверхности посредствомъ отбиванія множества мелкихъ осколковъ. Это тонкое обдѣлалось впрочемъ не столько при поударовъ, сколько посредствомъ надавливающей костью (рис. 108). Шлифовка производится посредствомъ другого камня, главнымъ образомъ, служившаго брускомъ, и затѣмъ песку. Какъ мы говорили уже выше, искусства болѣе тщательнаго заостренія краевъ и сглаживанія сторонъ орудій мало, вѣроятно, во многихъ мѣстахъ Евроостоятельно. Не мало вліяло при этомъ и

жи, отдѣленные отъ ударомъ.

Рис. 108. Кремневой кинжалъ, сдѣланный съ помощью повторной оббивки.

и встрѣчались въ данной мѣстности. Для орудія крупныхъ размѣровъ было дѣломъ не то, что для шлифовки обыкновеннаго топора среднихъ не менѣе пяти часовъ работы. Попадаются между тѣмъ епени превосходно отшлифованные, что поверхность не блеститъ, какъ стекло. Прекраснѣйшій образецъ пришлось видѣть въ Оксфордскомъ Музеѣ, именно въ одной сирійской могилы въ окрестностяхъ Антиохіи.

Интересенъ способъ, которымъ пользовались для просверливанія дыръ въ твердыхъ горныхъ породахъ. Долго полагали, что такое просверливаніе возможно лишь при помощи металлическихъ инструментовъ и что, слѣдовательно, каменные топоры и молотки съ дырами—должны быть относимы къ неолитической эпохѣ. Но теперь приходится относить къ концу неолита (ср. классификаціи Либбока, Надаильяка, Гернеса) и тѣ формы ихъ сдѣланы по образцу, что извѣстныя формы ихъ сдѣланы по образцу, встрѣтило однако въ послѣднее время рѣшительнаго, защищающаго неолитическое происхожденіе. Просверливаніе дыръ началось впрочемъ уже въ это доказываютъ, напр., такъ наз. «начальныя теченія неолитической эпохи оно производило всякаго сомнѣнія, при помощи влажнаго песчанаго рога. Возможныхъ способовъ было три: или плотный цилиндрическій предметъ, напр. древко, или смачиваемый водою песокъ, или же въ цилиндрѣ (напр. изъ рога, или какъ нѣкоторые), или, наконецъ, дыра продавливалась или выемъ инструментомъ (напр. изъ кремня). Въ получалось путемъ сверленія цилиндромъ (или, но съ болѣе твердыми стѣнками, чѣмъ серпикомъ) въ концѣ концовъ цилиндрическій сѣкъ). Подобные стержни были находимы неолитическіе.

ис. 1. Разбитый и начатый заново просверливаемый Знанима.

ерскихъ каменныхъ орудій; тамъ же попадаются, въ которыхъ еще торчитъ не вполне вырѣзанный, въ концѣ концовъ цилиндрическій сѣкъ, расколовшійся въ отверстіи, но въ к-

старался сдѣлать новую дыру, оставшуюся неоконченной. Недовысверленный стержень въ отверстіи замѣтенъ вполне явственно *).

Возможность просверливать изложенными выше способами самыя твердыя каменные породы **) была доказана опытами. Прежде всего проф. Ф. Келлеръ въ Цюрихѣ, а затѣмъ по его примѣру и графъ Г. Вурмбрандтъ устроили простыя приспособленія, подобныя тѣмъ, какія употребляются и теперь многими дикарями для добыванія огня, и показали, что при помощи этихъ приспособленій можно просверливать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ даже самыя твердые топоры деревянной палкой или сукомъ при помощи песка и во-

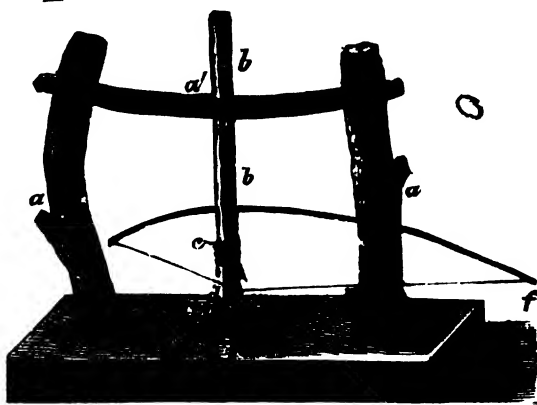

Рис. 110. Простое приспособленіе для просверливанія каменныхъ топоровъ.

ды. Прилагаемый рисунокъ (110) лучше чѣмъ описаніе можетъ дать понятіе о такихъ приспособленіяхъ.

Неолитическіе каменные топоры прикрѣплялись къ топорикамъ различными способами ¹⁷¹). Мѣстами защищенные отъ доступа воздуха, такіе топорика дошли до насъ, напр. въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи (ср. рис. 68). Мнѣніе, будто просверленные каменные топоры, вслѣдствіе своей хрупкости

*) На другихъ недохланныхъ топорахъ-молотахъ (какъ то доказываютъ многіе образцы въ Моск. Антроп. Музеѣ), видно, что отверстіе выдабливалось съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ видѣ тупо-коническихъ ямокъ, которыя должны были въ концѣ концовъ сойтись въ срединѣ и въслѣдствіи образовать сквозную дыру, которой могла быть придана потомъ болѣе правильная цилиндрическая форма. На одномъ молоткѣ внутреннія стѣнки отверстія представляютъ слѣды послѣдовательнаго его вырѣзанія—вѣроятно помощью кремневаго лезвья.

Прим. ред.

**) Надо при этомъ принять во вниманіе и то, что твердыя каменные породы, нар. серпентинъ, въ свѣже-выломанномъ видѣ бываютъ обыкновенно мягче.

поры, когда каменные топоры стали дѣлаться уже несомнѣнно по об-
металлическихъ. Наиболѣе древними неолитическими формами являются
оточенные топоры изъ Cissbury и топорыки французскихъ стоянокъ
того времени, какъ напр. въ Chassey. Датскіе кѣккенмѣддинги доста-
также весьма грубыя оббитыя орудія особой типичной формы (рис. 111).
совершенной работы кремневой топоръ мы видимъ напр. на рис. 69.
полированные топоры и молотки изъ болѣе мягкихъ породъ изобра-
на рис. 112. Образецъ позднѣйшихъ типовъ, очевидно напоминающихъ
металлическія орудія, мы видимъ на рис. 113.

ію топоровъ составляютъ тѣ изъ нихъ, у которыхъ ось
улярно къ линіи лезвия, подобно тому какъ у нашей

Рис. 115. Обоюдоострый каменный топоръ
Англіи

обоюдоострые топоры встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.
я они въ англійскихъ неолитическихъ гробницахъ (рис.
было найдено также въ Пруссіи.

ыхъ топоровъ различна. Они бывають отъ 2 до 30 сантим.
рики употреблялись, какъ думаютъ, для приношеній (сх-
ушками для дѣтей. Наибольшій изъ извѣстныхъ мнѣ ка-

Чехіи (изъ Noutonice возлѣ Праги) достигаетъ 42 сан-
льшой молотъ Сентъ-Жерменскаго музея—35 сантим. Осо-
представляютъ собой каменные шары или булавы съ
для топорика. Позже, въ эпоху металловъ, мы встрѣ-
булавами чаще. Каменные булавы были находимы въ
области, Италіи и т. д., причемъ ихъ принадлежность
игдѣ не опредѣлена съ достовѣрностью. Въ Моравіи по-
найдена у Пшиметицъ и возлѣ Кладника (рис. 116),
ѣйшаго происхожденія ¹⁷³).

топоровъ, которые являются для неолитической эпохи
и орудіями, и прочіе виды оружія и орудій выдѣлыва-
по большей части изъ кремня. Употребляли ихъ или
въ рукѣ, или же прикрѣпляя къ деревяннымъ, ро-го-

амъ, подобно тому,

).

а л и. наконечники
и верѣдко отличаются
наконечниковъ стрѣ
формъ могутъ быть
группы (ср. рис. 1
скихъ и крымскихъ
лафитахъ, въ Швеи
съ поперечнымъ
у- впрочемъ поводъ к
нѣ этихъ кремнев
принимали ихъ за
тяжные черенки. Подо
въ одной гробницѣ
Aisne) (рис. 121).
и ихъ употребленіе
подобныя стрѣлы
рыхъ народовъ (р
напр., ширина таже
4-хъ сантим. Подоб
употреблялись еще
другими азіатскими
древнія каменные

О томъ, что
стрѣлы могла бы
тѣлствуютъ въск
и звѣриныхъ кост
стрѣлы засѣвшими
крѣпко даже въ і
для этого онѣ дол
внутренностей.— Е
ческой эпохи до
шилъ или пр
серпообразный ви
ж е ѣ, изрѣдка п
и т. п.

Матеріаломъ д
и жить кремень. И
ос- фуется и просвер.

или менѣе недостовѣрныя находки ихъ извѣстны (въ 1890 и 1893 гг.), во Франціи, въ Галиціи ядента были находимы чаще, именно въ Венгріи, Средней Германіи, въ Тироли, въ Швейцаріи, во отличаются обыкновенно особенной своеобразностью какъ обѣ эти породы считались не европейскими, мѣдователей, доказывавшихъ иностранное происхожденіе числѣ уже на сѣздѣ въ Брюсселѣ въ 1872 г. въ Габр. де Мортилье, — а за ними Ф. Келлеръ, Адр. де Мортилье, въ особенности же покойный оставившій разрѣшеніе этого вопроса вообще занимавшій о немъ наибольшее количество работъ ¹⁷⁴.) азіатское происхожденіе указанныхъ орудій, такъ въ ближайшихъ къ ней странахъ находятся главнефрита (въ Китаѣ, Тибетѣ, Туркестанѣ, Вост. Си-Юовой Каледоніи, Аляскѣ, въ Орегонѣ), такъ и ядента Ю въ противоположность имъ еще ранѣе Габр. де годы наиболѣе д-ръ Бервертъ (Berwerth) и д-ръ нисъ за мѣстное происхожденіе нефритовыхъ и яденначительныхъ мѣстонахожденій этихъ минераловъ е не найдено, но есть указаніе на то, что они когда валуны грубаго нефрита нашелъ уже Траубе въ Логботки въ Силезіи, въ ледниковомъ наносѣ сѣверной и констатированы въ рѣчныхъ наносахъ Муры и послѣднее время были найдены въ Тироли, въ Кайый ядентъ найденъ былъ въ Італіи, Швейцаріи, съ другой стороны работы Арируни и Френциявропейскихъ нефритовыхъ топоровъ отличается отъ ита. Второе мнѣніе поэтому слѣдуетъ считать бо-

вляють также о б с и д і а н о в ы я орудія. Обсидіанъ (ое стекло) встрѣчается въ большомъ количествѣ образомъ въ токайско-игіайскомъ хребтѣ, откуда орудія проникали на западъ и сѣверъ, въ Чехію, нии (Собунарь). Італьянскія орудія изъ обсидіана го съ Л и п а р с к и х ъ о-вовъ, а можетъ быть даже ла Кавказѣ обсидіановыя орудія были находимы въ икѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Закавказья.

такъ и предметы изъ кости и рога доведены были художественнаго совершенства. Кромѣ кинжаловъ,

плъ, гарпуновъ, стрѣлъ и рукоятокъ къ орудіямъ, изъ этого матеріала и получались различныя подвѣски, бусы, пуговицы, также иглы, гребни и т. п. Въ некоторыхъ странахъ костяное или роговое производство достигло даже очень значительнаго процвѣтанія, напр. въ Швейцаріи, для которой Г. Миллеръ устанавливаетъ даже особый «роговой періодъ» — нѣчто въ родѣ переходной эпохи между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ періодами каменнаго вѣка. Самый расцвѣтъ костяного производства мы видимъ также въ французскихъ краковскихъ пещерахъ.

Гончарныя издѣлія. Важную отличительную сторону неолитической культуры представляетъ собою гончарное дѣло. Въ общемъ неолитическую керамику (какъ и вообще сосуды всѣхъ эпохъ) можно раздѣлить на двѣ большія группы:

1) Сосуды грубой работы, въ неолитическую эпоху формы главнымъ образомъ шарообразной, котловидной, съ толстыми стѣнками, грубо обожжены и держащія въ себѣ значительную примѣсь песку во избѣжаніе слишкомъ большой хрупкости. Сосуды эти или вовсе безъ ушковъ или небольшія и только снабжены очень узкими отгнѣстками; орнаментации или нѣтъ вовсе, или она ограничивается грубымъ вдавленіемъ пальцевъ, ноготковъ, палочекъ или грубыми чертами. Этого рода сосуды служили очевидно для чисто кухонныхъ надобностей и образцами ихъ могутъ считаться сосуды моравскихъ неолитическихъ пещеръ — Выпустка и Пекарни (рис. 55). Къ нимъ можно причислить и другіе виды посуды для домашняго употребленія, какъ напр. продырявленные горшечки для выдѣлки сыра (рис. 123).

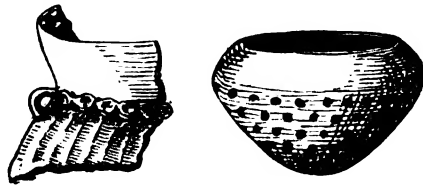

Рис. 123. Сосуды изъ чешскихъ культурныхъ ямъ.

2) Вторую группу образуютъ погребальныя сосуды, изъ которыхъ главнѣйшей мѣрѣ нѣкоторые выдѣлывались вѣроятно только для помѣщенія тѣла. Они сдѣланы вообще гораздо искуснѣе, между ними встрѣчаются и красныя издѣлія. Всѣ они однако, какъ и сосуды первой группы, дѣлаются еще отъ руки, а не на гончарномъ кругѣ, хотя стѣнки ихъ иногда только тонки и такой равномерной толщины, что возбуждаютъ удивленіе. Формы ихъ весьма различны, смотря по употребленію, для котораго предназначались. Между ними попадаются сосуды мисообразной формы, чашечки, кружки, чашечки, амфоры, сосуды на подобіе цвѣточныхъ горшковъ.

Изъ этой группы выдаются главнымъ образомъ слѣдующіе типичныя характерныя для австрійскихъ barrows, французскихъ

сти могилъ въ Германіи, Чехіи, Польшѣ, Греціи и о-ва Кипра, представляетъ собою такъ назыв. поперечно-полосатую керамику (Bandverzierte Keramik по Korffleisch'y). Она относится къ концу неолитической эпохи и къ началу бронзовой. Большая часть ихъ украшена, горизонтальными искусно выдѣланными полосами орнамента. Черты врѣзаны глубоко и затѣмъ выполнены бѣлою мѣловою массой. Образцы подобныхъ сосудовъ приведены на рис. 124 и 91.

2) Второй типъ составляетъ керамика такъ назыв. шнуровымъ (Korffleisch'a). Различіе между этими типами было установлено докторомъ Корффлейхомъ, характернымъ для значительной части и вполне можетъ служить признакомъ сосудовъ этого типа очень разнообразны и ихъ шнурковъ, или похожими на нихъ можно различить двѣ разновидности: а) типъ Рейнленда (Rheinland) и б) разновидность вѣн. Къ этой послѣдней принадлежатъ и типъ могилъ въ Ловозицѣ въ Чехіи, относящаяся къ концу неолита.

Вѣнское мнѣніе много говоритъ въ пользу мнѣнія, что влияние изъ Тюрингіи по долину Эльбы, распространяющееся въ неолитическихъ находкахъ, имѣло соприкосновеніе съ югомъ, въ работѣ, небольшихъ размѣровъ и въ поверхности, украшенной особаго орнаментомъ. Объ этомъ типѣ можно сказать, что онъ началъ появляться въ началу металлической эпохи. Тамъ, гдѣ еще не началась переходная эпоха, характерныхъ типовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ видахъ посуды, какъ напр. (рис. 72—74) въ французскихъ дольменахъ, въ неолитѣ Моравіи и т. д.

5) Въ концѣ неолитическаго періода начинаетъ появляться особый типъ расписной посуды (la ceramique peinte) главнымъ образомъ на побелѣхъ Лигуріи, въ Нижней Австріи, въ Галиціи, въ Седмиградской области, Россіи и въ др. мѣстахъ. На сосудахъ этого типа мы всегда встрѣчаемъ расписанную спираль. Особенно интересно при этомъ то обстоятельство, что расписная керамика, встрѣчающаяся въ Моравіи, находится въ очевидной связи съ подобной же керамикой въ Седмиградской области и Восточной Галиціи. Я вижу въ этомъ фактъ, подтверждающій существованіе въ ту эпоху торговыхъ сношеній между центромъ Европы и восточными странами. То же самое думаетъ и Паллардъ, нашедшій остатки расписной керамики въ Носадахъ, возлѣ Знайма въ Моравіи. Г. Вирховъ ошибается, отрицая существованіе этого вида керамики въ неолитическую эпоху въ центральной Европѣ.

Другое важное явленіе неолитической эпохи составляетъ начало обработки волокнистыхъ веществъ (industrie textile)¹⁷⁶). Найдены были только остатки ручного плетенья изъ льна и соломы, но и куски грубыхъ настоящихъ тканей—въ свайныхъ постройкахъ въ Робенгаузенѣ, Ван-ѣ и пр. (рис. 71). Часть этихъ тканей приготовлялась посредствомъ простого плетенья руками, часть была соткана на примитивномъ станкѣ. Существованіе же настоящаго ткачества свидѣтельствуютъ множество глиняныхъ кружковъ съ отверстіемъ въ серединѣ, которые скорѣе могутъ быть принимаемы за пряслицы (fusaïoles) (рис. 125). Отроянскихъ пряс-

Рис. 125. Глиняныя пряслицы.

лицъ, украшенныхъ разными символическими изображеніями, главнымъ образомъ свастики (рис. 126); Шлиманъ, Надаильякъ и другіе думали, что онѣ служили для религиозныхъ цѣлей. Обыкновенныя же пряслицы употребляются только, чтобы сдѣлать болѣе тяжелымъ нижній конецъ веретена и легче

Рис. 126. Троянскія пряслицы.

вращенію въ равномерномъ вращательномъ движеніи. Переносокъ состоялъ вѣроятно изъ вертикальной рамы, съ

окна, натяги-
одна между
ыла устройтъ
о съ такими
бленіями мы
ихъ поръ въ
Звропы (рис.
въ неолити-
ихъ, особенно
въ культур-
а еще особен-
ольныя пира-
возлѣ своей
онѣ служили
тъ онѣ могли
зчьихъ стѣнѣ

Монтеліусу).

для вертела.
которыя на-

, гдѣ эти предметы оказались постав-
напр. въ Ленгйолѣ, въ Душникѣ, въ
мѣ случаѣ они встрѣчаются наиболее

Шерстяныя ткани, по мнѣнію Шрадера,
народамъ въ теченіи каменнаго вѣка
на на сѣверѣ Европы преобладали
е шерстяныя ткани, въ озерныхъ же
щахъ Швейцаріи и въ южной Гер-
—льняныя. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія,
въ эту эпоху, какъ и ранѣе, слу-
для одежды и обдѣланные звѣриныя
ы.

крашенія. Съ усовершенствовані-
одежды усилилась и наклонность къ
ценіямъ. Кромѣ предметовъ, служив-
и въ палеолитическую эпоху для укра-
тѣла (шнурковъ, раковинъ, волчьихъ,
бѣжихъ, человѣчьихъ зубовъ и т. п.,
нныхъ привѣсокъ), въ эту пору появ-
я въ первый разъ янтарь, который
всякаго сомнѣнія уже тогда достав-
путемъ торговли съ береговъ Сѣвера
ихъ неолитической эпохи янтарь встрѣ-
просверленныхъ кусковъ,
ившихъ подвѣсками. Въ
помъ количествѣ онѣ по-
ется въ эту эпоху только
скандинавскихъ странахъ.
мнѣнію Монтелиуса, харак-
ой для неолитической эпохи
ой этихъ подвѣсокъ можно

изображенную на рис. 130. С
На сѣверѣ встрѣчаются
ия изъ
ис. 131).

иногда рѣшить съ
е браслеты (два пр
ь Британскомъ и Окс
ь раковинъ. Брасл

Рис. 130. С
нравская по
изъ янта

mlou'a въ Моравіи.
 юра и т. п.) были
 ся типическимъ издѣ
 распространяясь до

очисленнымъ находкамъ
 неолитическіе обитатели
 существуетъ впрочемъ

культура неолитической
 , далеко превзошла св
 енѣ въ этой послѣдней
 которая и позже въ
 спустя не была дос
 мы разумѣемъ граф
 скульптуру. Искус
 стоитъ далеко поза
 Мадленской эпохой
 ни одного предмета
 достовѣрнаго рисун
 которые можно бы
 нѣкоторыми изъ бо
 литическихъ образц
 ции, гдѣ въ концѣ
 ство процвѣтало,
 искусства извѣстно
 шенія морбигански
 и состоятъ лишь
 также какъ и очен
 отношеніяхъ выпу
 ственныхъ пещерах
 и 52) и нѣкоторы
 каменные плиты),
 гдѣ въ дольменахъ.
 изъ песчаника, съ
 ними частями челов
 Франціи, напр. въ

извѣстны напр. относит
 агатирсовъ въ Сарматіи
 приведенныя выше объ

(депар. Gard), гдѣ одна изъ нихъ стояла у входа, а другая составляла потолокъ. Трудно рѣшить, представляетъ ли продолговатый предметъ, находящійся подъ руками этого изображенія дубину, молотокъ, топоръ или что нибудь другое. Ротъ не обозначенъ, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ примитивныхъ изображеніяхъ (ср. напр. изображенія въ гротѣ Petit-Morin и позднѣйшія урны, представляющія человѣческія лица). Подобныя же стелы найдены были еще въ Castelnau-Valence, въ дольменахъ Bougu (деп. Уазы), въ Ерôне (деп. Сены и Уазы), въ Dampremail (деп. d'Eure), на глыбѣ Pierre-aux-Dames въ Троіпехъ возлѣ Женевы и проч. Въ послѣднее время были найдены настоящія грубо отдѣланныя женскія идолообразныя фигуры въ разныхъ мѣстностяхъ Авейронскаго деп. Интересно что г. Кпркоръ нашелъ также украшенную рѣзбой плиту (съ изображеніемъ человѣка), покрывавшую собой ящикообразную гробницу въ Валковцахъ Подольск. губ.

Кромѣ этихъ памятниковъ, извѣстны еще нѣсколько другихъ художественныхъ попытокъ изъ разныхъ мѣстностей средней и восточной Европы. Въ Люблянскихъ свайныхъ постройкахъ, на Буржетскомъ озерѣ (во Франціи), въ Нижней Австріи, въ Моравіи, въ Босніи и пр. были найдены глиняныя статуэтки. Въ неолитическихъ стоянкахъ Румыніи (Cucuteni) подобныя статуэтки обнаруживаютъ сходство съ нѣкоторыми восточными фигурками. Наиболее выдаются своими скульптурными издѣліями неолитическія пещеры въ окрестностяхъ Кракова (рис. 133), хотя и эти предметы далеко не достигаютъ художественности подобныхъ же издѣлій палеолитической эпохи (ср. стр. 65). Въ прибалтійскихъ странахъ были найдены рѣзные фигуры изъ янтаря, опредѣленіе древности которыхъ впрочемъ не достаточно точно (напр. дикій кабанъ изъ Давцига (рис. 131), лошадь изъ Дризена и пр.). На одномъ косяномъ топорѣ изъ Сканиі (въ Швеціи) прекрасно вырѣзанъ самецъ сайги *).

Рис. 133. Неолитическія скульптурныя изображенія изъ Краковскихъ пещеръ

ли служить куски красной желѣзистой глины, а равно и другихъ разноцвѣтныхъ глинъ, находямые иногда въ гробницахъ и доисторическихъ стоянкахъ, нельзя считать совершенно гипотетическими. ¹¹⁷⁾

*) Въ Россіи извѣстны кремневое изображеніе животнаго (тюленя?) изъ Нижней Золотцы на берегу Бѣлаго моря, и нѣсколько оббитыхъ изъ кремня изображеній животныхъ и человѣка изъ Волосовской стоянки на р. Велетьѣ (около г. Муромъ), находки П. Н. Кудрявцева и изъ Казанской губ., находки г. Пельцма).

Трепанация череповъ. Въ теченіи не-
ся съ замѣтнымъ развитіемъ религіозныхъ и
му представляютъ погребальныя обряды, кото-
о большомъ почтеніи къ мертвымъ и о вѣрѣ
что неолитическій человѣкъ вѣрилъ въ заг-
ряютъ насъ предметы, помѣщавшіеся съ ме-
буждающія поступать такимъ образомъ совр-
право предполагать, что и человѣкъ неолитич-
ными же соображеніями. Мы не можемъ од-
какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что одной изъ

Рис. 134. Часть трепанированного черепа

литической эпохи является такъ назыв. трепан-
связи съ религіозными представленіями. О трепан-
было заявлено въ первый разъ докторомъ Брю-
французскаго Общества развитія наукъ, въ
ученый демонстрировалъ нѣсколько череповъ
ными въ нихъ круглыми или овальными от-
нѣкоторыхъ череповъ оказались и вырѣзан-
Скоро потомъ подобные же черепа съ искус-
кахъ отверстіями были найдены барономъ де
ны, Ларте—въ пещерѣ «Duguthu», генерал-
дольменахъ, послѣ чего количество находокъ
стали извѣстны изъ Франціи, Швейцаріи

Прекрасныя рѣзные изъ рога изображенія лос-
берегу Енисея, должны быть отнесены тоже къ не-
наго вѣка.

ся лишь при помощи лингвистических данных, путем анализа слов и фраз, которыми располагал человек в Европѣ въ тѣ времена, когда он еще металловъ, т. е. въ эпоху каменнаго вѣка. Подобнаго рода анализъ попытался сдѣлать проф. Шрадеръ (O. Schrader)¹⁸¹⁾ и пришелъ къ несомненному заключенію, что индоевропейское племя, главныя вѣтви котораго въ Европѣ представляютъ теперь народы славянскіе, германскіе и кельтскіе, еще до раздѣленія языковъ и распадѣнія на эти и другія группы находилось въ состояніи культуры каменнаго вѣка, соответствовавшей не столько, но болѣе той, которая извѣстна намъ по находкамъ въ свайныхъ роюкахъ Швейцаріи. Гдѣ именно жило тогда индоевропейское племя — это является вопросомъ, до сихъ поръ еще не разрѣшенный. Индоевропейцы тогда еще не знали другихъ металловъ, кромѣ мѣди и золота, пользовались главнымъ оружіемъ, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ и умѣли употреблять волокнистыя вещества. Всѣ главныя выраженія, относящіеся къ этимъ занятіямъ, оказываются общими для всѣхъ индоевропейскихъ языковъ. Слова же, означающія бронзу, желѣзо и другіе металлы, равно какъ и выраженія, относящіеся къ обработкѣ металловъ, уже различны, изъ чего можно заключить, что въ тѣ времена, когда культура металловъ стала господствовать въ Европѣ, индоевропейскія племена уже раздѣлились и каждое изъ нихъ выработало свои выраженія для новыхъ культурныхъ понятій. Опредѣленіе древности неолитической эпохи. Сколько-нибудь точное хронологическое опредѣленіе неолитической эпохи очень рискованно. По мнѣнію Монтеліуса, неолитическая эпоха закончилась на сѣверѣ около 1500 годъ нашей эры, по мнѣнію Лиссауэра — въ Пруссіи около 1000 года, по мнѣнію Эйхляна — во Франціи около 1200 года. Вообще мы не особенно удаляемся отъ истины, если за наиболѣе поздній предѣлъ между эпохами каменнаго и бронзового вѣка для сѣверной и средней Европы примемъ 1000 годъ до нашей эры. Что же касается начала неолитической эпохи, то опредѣлить его еще болѣе трудно. Престивичъ недавно выразилъ мнѣніе, что она началась около 5000 или 6000 лѣтъ до нашей эры. Лэббокъ и Ляйхаль считаютъ ея началомъ отъ 5 до 7000 лѣтъ.

Слово кости въ этомъ мѣстѣ, т. е. обремененное той же операцией, но неполноценное, потому что оно опасно. Лушанъ сопоставляетъ эти надрезы съ подобными же, констатированными Манувриэ на нѣсколькихъ черепахъ неолитической эпохи изъ департамента Оизе, гдѣ однако надрезы имѣютъ форму буквы Т, причемъ вертикальный надрезъ приходится на стрѣлчатый шовъ, а горизонтальный — поперекъ, нѣсколько выше ламбды (мѣста пересѣченія стрѣлчатого и ламбдовиднаго шва). Возможно, что эти надрезы дѣлались изъ подобныхъ же, религіозныхъ или терапевтическихъ цѣлей. Вирховъ выразилъ мнѣніе, что подобные рубцы могли вызываться надрезами на соответственныхъ мѣстахъ, отъ втиранія нарывныхъ мазей. См. Virchow, Abh. d. Ges. für Anthropologie etc. 1896 Sitz. 25 Jan.

ольшому краниологическому труду Катрфажа и Ами¹⁸²⁾, признают данными и достовѣрными большую часть находокъ и на основаніи ихъ имаютъ для четвертичной эпохи въ Европѣ слѣдующія расы: 1) каништатскую (свѣдѣнія и находки см. на стр. 41), 2) кро-маньонскую, 3) трюмскую, 4) гренелльскую (см. стр. 36 и 35) и 5) фюрфоозскую (см. стр. 30). По главному показателю отношенія наибольшей длины череповъ къ ихъ наибольшей ширинѣ двѣ первыя расы принадлежатъ къ длинноголовымъ, а остальные къ короткоголовымъ; фюрфоозская раса представляетъ какъ бы переходъ къ короткоголовому типу. Другіе авторы соединяютъ однако эти пять расъ въ каништатскую, кроманьонскую и фюрфоозскую, которыя смѣнялись одно за другимъ въ той же послѣдовательности, какъ онѣ названы; иные, напротивъ, какъ напр. Дебьеръ, раздѣляютъ послѣдтретичное человѣчество на большее количество расъ или типовъ. Рѣшительнымъ противникомъ таковаго раздѣленія типовъ является Габр. де Мортилье, который, оспаривая древность многихъ находокъ и относя ихъ къ неолиту, тѣмъ самымъ исключаетъ изъ числа четвертичныхъ череповъ кро-маньонскіе, гренелльскіе, фюрфоозскіе, рюшерскіе, и удерживаетъ только тѣ, которые представляютъ извѣстный предѣленный типъ, наилучшимъ выраженіемъ котораго является неандертальскій черепъ (ср. стр. 41), соответствующій каништатской расѣ Катрфажа, затѣмъ черепа каништатскій, подбабскій, мостецкій, спійскій (Spy), ольмъскій, деизскій, ангисгеймскій и нѣкоторые другіе *).

Такимъ образомъ исторія наиболѣе древней эпохи человѣчества въ Европѣ въ представленіи Мортилье, является очень упрощенной. По мнѣнію его и послѣдователей, въ теченіе четвертичной, палеолитической эпохи въ Европѣ было только одно племя—такъ назыв. каништатская раса, всѣ же остальные типы являются уже слѣдами новыхъ этническихъ вторженій, происшедшихъ только въ концѣ палеолитической эпохи и въ теченіи неолитической принесшихъ съ собою элементы новой неолитической культуры **).

*) Впрочемъ и противъ достовѣрности каништатскаго черепа высказался не только Е. д'Ассу. Въ послѣднее время на съѣздѣ нѣмецкихъ антропологическихъ обществъ въ Ульмѣ (въ 1892 г.) и нѣмцы, въ лицѣ Holder'a, Fraas'a, V. How'a и Kollman'a, также выразили рѣшительныя сомнѣнія относительно достовѣрности постпліоценовой древности. Относительно древности неандертальскаго и каништатскаго череповъ также существуютъ возраженія. Изъ чешскихъ череповъ и мостецкаго и подбабскаго тоже не избѣжали сомнѣній. Возлѣ подбабскаго скелета найдены кости, какъ говорятъ нѣсколько дней спустя, женскій скелетъ съ бронзовымъ наконечникомъ, въ томъ-же слоѣ четвертичнаго лѣсса. Признакомъ постпліоценовой древности этого черепа служить все таки его краниологическій типъ, приближающійся къ типу неандертальскаго черепа.

**) Впервые сомнѣніе въ послѣдтретичной древности кро-маньонскихъ и другихъ до-манинскихъ череповъ было высказано и подтверждено убѣдительно въ 1868 г. англ. геологомъ Бойдъ-Даукинсомъ.

Прим. Ре

литического предка въ возможно болѣе примитивномъ видѣ, какъ существо среднее между человѣкомъ и обезьяной. Но такъ далеко примитивный характеръ признаковъ этой расы не заходитъ. И въ наше время встрѣчаются нерѣдко особи съ подобнымъ же покатымъ лбомъ и выдающимися надбровными дугами, тѣмъ не менѣе, по общему своему виду эти субъекты не отличаются ничѣмъ существеннымъ отъ средняго человѣческаго типа.

Знаменитая Нолеттская челюсть (ср. стр. 38) отличается отсутствіемъ подбородка и на внутренней своей поверхности вмѣсто парнаго бугорка для прикрѣпленія язычнаго мускула имѣетъ только ямку¹⁸⁴). Изъ этого также выводили заключеніе о питекоидныхъ (обезьяновидныхъ) признакахъ первобытнаго человѣка, но другія находки постплиоценовыхъ человѣческихъ челюстей показали, что этотъ признакъ нельзя считать постояннымъ. Тѣмъ не менѣе, низшій характеръ развитія Нолеттской челюсти все таки имѣетъ свое значеніе; болѣе или менѣе сходныя съ ней челюсти были найдены въ Malagnaud и въ Spy.

Переходя къ прочимъ физическимъ особенностямъ палеолитическаго человѣка, необходимо упомянуть о спорѣ, возникшемъ недавно между J. Fraipont'омъ и L. Manouvrier. Первый изъ этихъ ученыхъ, на основаніи костей, найденныхъ въ Spy, утверждаетъ, что человѣкъ, которому принадлежали эти кости, ходилъ нагнувшись впередъ, въ родѣ того, какъ антропоморфныя обезьяны, когда онѣ принуждены бываютъ ходить на заднихъ конечностяхъ. Но Манувріэ опровергаетъ это мнѣніе и доказываетъ, что, хотя устройство голенно-бедреннаго сустава и показываетъ, что эти люди могли ходить иногда согнувшись впередъ, но явленіе это все таки не имѣетъ ничего общаго съ возвратомъ къ типу предковъ (атавизмомъ) и не составляетъ признака близости къ обезьянамъ. Такъ назыв. платикнемія (platysnemie) или сплюсненность (съ боковъ) тѣла большеберцовой кости (tibia) также оказывается ни атавистическимъ, ни расовымъ признакомъ (какъ думали нѣкоторые, въ томъ числѣ и Брока), а представляетъ собою явленіе чисто физиологическое*).

Не безынтересно также упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ фигуркахъ изъ слоновой кости, найденныхъ въ нѣсколькихъ случаяхъ въ палеолитическихъ отложеніяхъ французскихъ пещеръ, особенно Пьеттомъ въ пещерѣ Brassempouy en Chalosse (ср. библ. примѣч. 31). Судя по этимъ фигуркамъ (всегда женскимъ), человѣкъ соотвѣтственной эпохи отличался значительнымъ развитіемъ волоснаго покрова по всему тѣлу; длинными, висячими грудями,

* Платикнеміей называется боковое сплюсненіе большеберцовой кости, доходящее иногда до такой степени, что она принимаетъ саблеобразный видъ. Это сплюсненіе, по мнѣнію Manouvrier, вызывается усиленной дѣятельностью заднихъ голенныхъ мышцъ (напр. при ходженіи въ гору) и наблюдается въ особенности у жителей гористыхъ мѣстностей, у охотниковъ и т. п.¹⁸⁵).

ивотомъ и такъ наз. стеатопигией; большія янговыя кости были атрофированы, малыя же—очень развиты (рис. 136, в Piette'a).

Кромѣ этого только что очерченнаго типа перепончатыхъ существовали въ теченіи палеолитическаго периода, напр., возможно, что Кро-маньонскія находки относятся къ поздней эпохѣ, равно какъ и скелетъ, найденный въ Лангедокѣ (рис. 37), отличающійся совѣтъ особымъ типомъ крестца (Type Languedoc-Chancelades по классификации Piette'a), который неяснымъ и до сихъ поръ неразрѣшимымъ вопросомъ является, отъ-ли всѣ эти различныя между собою остатки относятся къ первичнымъ расовымъ типамъ, какъ это слишкомъ очевидно, или къ вторичнымъ, развившіеся изъ первона-чальныхъ постепенныхъ переходовъ (рис. 137). Лобная

косточка, найденная въ Кро-маньонской пещерѣ.

Она хорошо и не имѣетъ выдающихся надбровныхъ костей, и можно уже судить по тому, что напр. у Кро-маньонца была средняя выемчатость череповъ поздней палеолитической эпохи была различна. По измерениямъ анатомическаго музея въ Парижѣ и J. Raillon'a у 5-ти мужскихъ скелетовъ средняя выемчатость череповъ была 1,63 м. Для неолитическихъ племенъ эта выемчатость была немного выше средняго роста нынѣшнихъ людей (1,25 м. и для женщинъ 1.506 м.¹⁸⁶). Исследования въ Швейцаріи показали, что рядомъ съ первичнымъ типомъ средняго роста въ Европѣ жила также и раса вторичная. Слѣды ея были найдены д-ромъ Nüesch'emъ

проф. Kollmann'омъ въ неолитическихъ гробницахъ въ Schweizerbild'ѣ возлѣ Шаффаузена. Между скелетами (26, изъ коихъ 14 взрослыхъ) было найдено 4 очень малаго роста, 1424 мм., ростъ прочихъ, опредѣленный по методу Манувріа, не превышалъ 1600 мм. Въѣстимость 3-хъ череповъ этихъ карликовъ оказалась также меньшею, чѣмъ у прочихъ. На основаніи этихъ находокъ Колльманъ, а затѣмъ Р. Вирховъ, Серджи и др. предполагаютъ существованіе въ четвертичную эпоху расы малаго роста и притомъ болѣе древней, чѣмъ высокорослая. Эта раса, по мнѣнію Колльмана, была первичной расой Европы, точно также какъ такъ назыв. примитивные «пигмен» въ Азіи и Африкѣ (Ведды, Акка, Бушмены и пр.¹⁸⁷). Другіе однако видятъ въ этихъ малорослыхъ неолитическихъ субъектахъ только индивидуальныя варіаціи, и сомнѣваются, чтобы ихъ можно было считать представителями древнѣйшей европейской расы.

Выше мы уже привели мнѣніе Мортилье, что массовое появленіе короткоголоваго населенія въ Европѣ произошло только въ теченіе неолитической эпохи, находки же постглюценовыхъ брахицефалическихъ череповъ въ Truchère'ѣ и Furfooz'ѣ представляются недоказанными. Но если бы даже палеолитическая древность этихъ двухъ череповъ и была подтверждена, то это значило бы только, что брахицефалическіе типы начали появляться мѣстами въ Европѣ, въ продолженіи или въ концѣ палеолитической эпохи. Это не измѣнило бы наше археологическое заключеніе, въ которомъ мы не слѣдуемъ за Мортилье, поставляющимъ культуру неолитическаго періода въ исключительную зависимость отъ прибытія въ Европу новыхъ племенъ, а, какъ было изложено выше, считаемъ ее развившеюся постепенно и въ значительной части самостоятельно изъ ей предшествовавшей.

Относительно позднѣйшаго каменнаго вѣка или неолитической эпохи, уже можно признать достовѣрнымъ, что въ это время какъ число племенъ, такъ и расовыхъ типовъ стало больше.

Археологи, доказывающіе существованіе въ Европѣ промежутка (hiatus) между эпохами палеолитической и неолитической, полагаютъ, какъ было уже сказано выше, что древнее населеніе Западной и Средней Европы большею частью исчезло. Одни изъ нихъ думаютъ, что оно выселилось черезъ Гибралтарскій проливъ въ Африку и видятъ потомковъ ихъ въ кабилахъ и берберяхъ, въ гуанчахъ Канарскихъ о-вовъ и т. д.; другіе же полагаютъ, что оно слѣдовало за животными, отодвигавшимися постепенно къ сѣверу, главнымъ образомъ за сѣвернымъ оленемъ, и связываютъ его съ нынѣшними эскимосами (Boyd Dawkins) или даже съ арійской расой (К. Penka), образовавшейся будто бы въ Скандинавіи.

Въ общемъ неолитическое населеніе Европы можно раздѣлить въ антропологическомъ отношеніи на двѣ главныя группы: доляхоцефаловъ и брахицефаловъ.

По формѣ черепа эта группа довольно опредѣляется
е древнихъ обитателей Европы канштатскаго типа
къ типу кроманьонскому. Значительная удлиненность
сь, головной показатель довольно часто ниже 70 *) или
низкими глазницами, короткимъ носомъ и т. д.) или
ольшими глазницами и узкимъ, удлиненнымъ носовымъ
типъ этотъ приближается къ тому, который нѣтъ
въ позднѣйшія доисторическія времена въ Европѣ
юдь именемъ типа «рядовы
встрѣчается также и въ Р
ційся. Этотъ характерный
енгльскихъ черепахъ, Бог
омъ—на мурзинскихъ и м
въ рѣзкимъ признакомъ э
выдающійся затылокъ, об
гемъ заднихъ частей моз
больше всего вліяніе на
долихоцефалин, вслѣдствіе

казателемъ или индексомъ
число, показывающее отно
ей длины, принятой = 100.
мм., а ширина 140 мм., то
ия: $x : 100 = 140 : 180$). Такое
въ возможномъ до известной
овъ. Чѣмъ шире черепъ,
100, т. е. становится больш
вообще очень рѣдко бывае
рыхъ искусственно деформи
ся между 70 и 85. Вообще
классификація череповъ по
инноголовые) черепа съ ук
аличскіе или среднеголовы
)-ти и брахицефалически
репъ, показатель котораго в
къ мезоцефалическимъ. По
черепа и обозначаются съ
ный указатель, носовой
ные выше предѣлы между д
образомъ, нѣмецкими антропо
ей пять подраздѣлений, прич
ются еще субдолихоцефа
тиями группами опредѣляете

долихоцефалии—«затылочнымъ» (*dolichoscephalie occipitale*). Изъ прочихъ особенностей этой неолитической расы мы встрѣчаемся опять частымъ сплюсненіемъ голени (платикнемія). Кроме того, суставная ямка плечевой кости, въ которую при сгибѣ руки входитъ локтевой отростокъ плеча (*olecranon*), оказывается у неолитическихъ скелетовъ сравнительно съ отверстіемъ или продравленнымъ.

Эта длинноголовая раса преобладаетъ въ неолитическихъ гробницахъ всей Европы. Во Франціи съ остатками ея встрѣчаются въ гробницахъ всѣхъ родовъ, въ Великобританіи же, какъ мы уже упомянули выше, еще до недавняго времени могла считаться вѣрной формула Thurnham'a: «продолговатые курганы — длинные черепа, круглые курганы — короткіе черепа»¹⁸⁹). Продолговатые же курганы (*long barrows*) являются главной особенностью британскаго неолита. То-же самое можно сказать и о прочихъ европейскихъ странахъ. На югѣ, въ Испаніи и въ Италіи, долихоцефалы преобладаютъ во всѣхъ находкахъ неолитическихъ костяковъ. Интересно, что въ Испаніи раса, встрѣчающаяся въ мюгемскихъ сорныхъ кучахъ и въ гробницахъ восточнаго побережья, долихоцефалична и, по мнѣнію французскихъ и угальскихъ антропологовъ, близка къ кро-маньонскому типу, который встрѣчается и на материкѣ Африки и даже на Канарскихъ островахъ (гуанчи)*). Сказать ли эта раса съ юга на сѣверъ, или наоборотъ съ сѣвера въ Африку—сказать еще очень трудно. Въ Италіи, по мнѣнію Raf. Zamp¹⁹⁰), и короткоголовый типъ появляется только въ концѣ неолитическаго периода (въ могильникахъ въ Remedella, Fontanella, Cantaluppa и пр.); древнѣйшимъ населеніемъ были тамъ Лигуры.

Въ индианскихъ странахъ оказывается два типа: долихоцефалы болѣе короткимъ черепомъ, о которомъ мы скажемъ и всѣ сдѣланныя до сихъ поръ находки представляютъ съ спорадическими индивидуальными отклоненіями въ сѣверъ. Въ Венгріи, въ неолитическихъ гробницахъ въ Lengyel'sкой пещерѣ, мы находимъ то-же самое. Точно также и въ южной Россіи, по изслѣдованіямъ Коперницаго, исключительно долихоцефалическіе черепа; наоборотъ, въ могильникахъ Пруссіи, по таблицѣ, составленной Лиске, въ гробницахъ преобладаютъ брахицефалы. Въ Россіи

гуанчи, по свидѣтельству Miss Haigh, во время открытія или еще тамъ совершенно такъ же, какъ неолитическіе, лежали преимущественно въ пещерахъ и въ пещерахъ же выхъ въ вытянутомъ или въ скорченномъ положеніи, при этомъ еще употребленія металловъ, довольствуясь орудіями

въ каменнаго вѣка и позднѣйшихъ эпохъ преимущественно длинноравнительно узкими лицевыми костями. Точно также и черепа древнихъ могильниковъ (не-кургановъ).

алы. Мы не можемъ подробно говорить здѣсь о всѣхъ сплоченіяхъ, существующихъ между ельно того, представляютъ-ли собой ихцефалы потомство древнѣйшаго и пришельцевъ въ Европу. Скорѣе всѣхъ извѣстнѣйшихъ. Относительно же второго тельно часто въ неолитическихъ группахъ скорѣе всего долженъ былъ принести востокъ. Это новое населеніе отличалось формою черепа. Черепъ его былъ изомъ широкомъ лицѣ можно характеризующимъ племена урало-алтайскія, а поэтому и неудивительно, что неолитическимъ племенамъ «монголо-сибирское» происхождение ¹⁹¹). Другимъ типомъ этого типа служить плоскій корень, отличающійся отъ предыдущей группы, хотя новая раса расселилась въ большей массѣ нашествіями народовъ, была, повидимому, альпійскія страны.

ихцефалы появлялись въ теченіе неолита, въ другихъ позже, а въ нѣкоторыхъ совсѣмъ, какъ напр. въ южной Европѣ (въ Испаніи) они встрѣчаются юлихцефалы. Но зато во Франціи, особенно въ восточныхъ. Тамъ фокскій и гренадскій. Въ мегалитическомъ (арт. Сены и Уазы) найдены были также черепа по большей части неолитическіе черепа между ними выдѣляются видѣтъ на рис. 138. Проф. G. F. Время антропологическіе типы неолита въ наиболѣе древнихъ стоянкахъ (L'Homme-Mort, встрѣчаются этого можно заключить, что въ эпохи предшествовали брахицефаламъ распространились двумя путями. (

Марнѣ, Энѣ, Мезѣ и Уазѣ и затѣмъ сконцентрировались въ бассейнѣ Сены, откуда расходились частями въ прочія мѣстности страны. Судя по сдѣланнымъ раскопкамъ слѣдуетъ думать, что предѣломъ этого распространенія брахицефаловъ во Франціи можно считать діагональную линію, проведенную

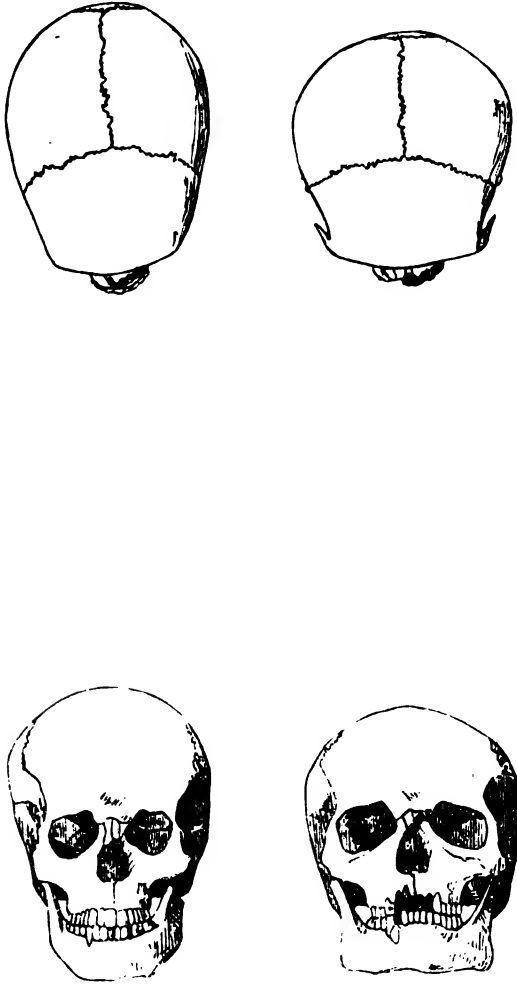

Рис. 138. Образцы долихо- и брахицефалическаго череповъ изъ мегалитической гробницы въ Мигеахъ (по Verneau).

отъ Бретани до Приморскихъ Альпъ. Черепа этой области имѣютъ средній головной указатель 83,5. Другая зона неолитической брахицефалии, проникшей путемъ альпійскихъ долинъ черезъ Швейцарію¹⁹²⁾, соответствуетъ среднему бассейну Роны (погребальныя пещеры въ Chambéry, Balme и Buisse)

Пиренеевъ (пещера въ Ombrière). Негуэ называетъ эти два трапезія неолитическихъ брахицефаловъ: первый — бельгійской — аллоброгскимъ. Въ прочихъ частяхъ древней Галліи являются только въ видѣ исключенія. Въ Бельгіи типы долихоцефальной также являются въ нѣкоторыхъ находкахъ очень смѣсь напр. въ пещерѣ въ Hastières, гдѣ мы находимъ черепа съ азателями отъ 71 до 88, и въ пещерахъ въ Méhaigne. Въ свайныхъ постройкахъ встрѣчаются главнымъ образомъ неолитоцефалы ¹⁹³), въ Германіи ихъ меньше, но зато въ Даніи они въ значительномъ количествѣ въ мегалитическихъ гробницахъ, и рія Шаффгаузена о лапландскомъ населеніи доисторической построена на основаніи череповъ изъ могильниковъ въ Богтебу. въ аттелецкой пещерѣ оба типа были найдены смѣшанными. Въ было уже сказано, до сихъ поръ не было сдѣлано ни одной ѣрной находки короткоголоваго типа, но возможно, разумѣется, въ и тамъ со временемъ найдены. Такъ-же точно и въ прочихъ жили въ древности и живутъ теперь славяне, брахицефаличе- въ неолитическихъ могилахъ очень рѣдки и встрѣчаются почти юй Пруссіи.

удно сказать что-нибудь опредѣленное о томъ, какія изъ европейскихъ племенъ представляютъ намъ эти два доисторические по крайней мѣрѣ къ какимъ изъ нынѣшнихъ или историческимъ они были болѣе всего близки. Обыкновенно неолитическихъ отождествляютъ съ историческими иберами и лигурами и), кажется, что по крайней мѣрѣ населеніе Испаніи, части Галліи, италіи и Сициліи, а также британскіе пикты были тоже иберами или лигурами или по крайней мѣрѣ очень къ нимъ John Rhys называетъ цѣлую вѣтвь народовъ «иборо-пиктами» мнѣніе защищается во Франціи D'Arbois de Jubainville, хотя Al противъ, оспариваетъ древнія поселенія иберовъ и лигуровъ по средиземнаго моря. Въ Италіи въ послѣднее время Серджи вполне высказывается за тождественность первобытныхъ обитателей иніи и Сициліи не только съ лигурами и испанскими иберами йцами и древними египтянами. По его мнѣнію, все это только нія одной и той-же расы, обитавшей когда-то по берегамъ Средиземнаго —расы, которую онъ называетъ «famiglia Ibero-Ligure»).

лько рискованно, а и вполне ошибочно было бы причислять группѣ и неолитическихъ долихоцефаловъ остальной Европы и

ть ихъ тоже лигурами или басками *). О большей части европейскихъ цефаловъ позднѣйшей эпохи каменнаго вѣка можно думать, что они принадлежали уже къ аріискій, индо-европейскій группѣ, представившей собой то племя, которое въ концѣ этой эпохи раздѣлилось на нѣскольکو вѣтвей: галльскую, германскую, славянскую и пр. Поселенія ихъ, по сдѣланнымъ до сихъ поръ находкамъ, можно-бы приурочить главнымъ образомъ къ сѣверной, средней и восточной частямъ Европы. Шрадеръ, какъ мы замѣтили выше, также указалъ, что европейская культура неолитической эпохи довольно точно совпадаетъ съ культурой, представленіе о ко-томы можемъ составить на основаніи понятій и словъ, общихъ для всѣхъ европейскихъ языковъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ право полагать, что по крайней мѣрѣ часть европейскаго населенія неолитической эпохи была уже аріискій, индо-европейскій, что не имѣвшіеся еще въ особенныя народности германцы и славяне жили уже тогда въ части средней и восточной Европы, вѣроятно въ сосѣдствѣ съ этими и что слѣдовательно мы можемъ принимать часть могилъ въ странѣ за древнѣйшія могилы славянъ или, правильнѣе говоря, за прото-славянскія. Впрочемъ ничего болѣе опредѣленнаго при нынѣшнемъ состояніи науки сказать объ этомъ нельзя. Р. Вирховъ въ послѣднее время также начинаетъ находить связь между неолитическими типами и видоевропейскими.

Есть еще мнѣніе, что неолитическіе долихоцефалы имѣли смуглый цвѣтъ кожи и темныя волосы и глаза, т. е. что они были брюнетами. Пешель (Peschel) и Пенка (Penka) высказали предположеніе, что въ болотистыхъ и низменныхъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края, Литвы и Бѣлоруссіи эти брюнеты съ теченіемъ времени вслѣдствіе климатическихъ условій утратили значительную часть пигмента въ своей кожѣ, волосахъ и радужной оболочкѣ и такимъ образомъ изъ болѣе древняго типа брюнетовъ образовался новый — длинноголовыхъ блондиновъ, имѣвшихъ большое значеніе въ позднѣйшей исторіи Европы. Къ этому вопросу мы будемъ имѣть случай вернуться позже.

Въ галльскихъ брахипцефаловъ, то эта группа, безъ сомнѣнія. Она можетъ представлять собою типъ, раз-вѣтвившійся (путемъ изъ болѣе древняго населенія, но она не можетъ и быть родственной среднеазиатскимъ брахице-фаламъ).

но, что въ части нынѣшнихъ басковъ, главнымъ образомъ въ остаткахъ древняго пиренейскаго племени ¹⁸⁶⁾. Потомки ихъ, и до сихъ поръ представляютъ собою наиболѣе до-стариннаго типа.

Б П.

ТАЛЛОВЪ.

ГЛАВА V.

атки употребленія металловъ.

въ исторіи культуры.—Золото, серебро, свинецъ, оловячія времена.—Система трехъ періодовъ.—Возраженіе торфяники.—Мѣдь.—Мѣдный вѣкъ въ Европѣ.

Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt
et lapides et item silvarum fragmina rami...
Posterius ferri vis est aerisque reperta,
sed prior aeris erat quam ferri cognitus usus
quo facillis magis est natura et copia maior *).

De rerum natura V, 1282

находимъ мы у римскаго поэта Лукреція, жившаго въ IV вѣкѣ до н. э. Этотъ писатель не располагалъ конечно ни по доисторической археологіи, но все-таки выразилъ современной наукой, что прежде завоеванія міра произошло двѣ другихъ культурныхъ эпохи, изъ которыхъ служили оружіемъ дубины и камни, а въ послѣдующую эпоху — металлы. Лукреція не поражаетъ насъ. Таковъ былъ дѣйствительный ходъ человѣческой культуры. Сначала простой сукъ, кости оббитый камень были главными факторами культуры, оружіемъ и первобытными украшеніями тѣла. Только въ послѣдующую эпоху открытіе перваго металла. Человѣку могли попасться охотой въ рѣчномъ илѣ или кусокъ самородной мѣди, оныя могъ увидѣть случайно, какъ въ огнѣ образуется щецъ...

—
есть были руки, ногти и зубы, затѣмъ камни и въ тѣхъ временахъ уже была уснана сила желѣза и мѣди, но раньше употребленіе мѣди, природа которой доступнѣе и количество

времени потому обѣ культуры—каменная и металлическая—существо-
рядомъ, параллельно одна другой. Но со временемъ металлъ все-таки
члѣ большее распространѣніе и занялъ первенствующее мѣсто въ тех-
Съ этой точки зрѣнія, основываясь на доказанности факта совмѣстнаго
сеченіи извѣстнаго времени употребленія и каменныхъ и металлическихъ
ій, мы можемъ раздѣлить доисторическую культуру на двѣ большія
: культуру каменнаго вѣка и культуру вѣка металловъ, при-
ко второй изъ нихъ отнесемъ и переходную эпоху, начиная съ
момента, когда металлъ рядомъ съ камнемъ сдѣлался важнымъ факто-
человѣческой культуры.

Первыми металлами, которыми сталъ пользоваться человѣкъ, были, вѣ-
но, тѣ, которые попадаются на поверхности почвы въ блестящемъ со-
ніи и которые должны были поэтому прежде другихъ обратить на себя
ваніе человѣка, каковы золото и мѣдь. Такъ оно было и въ самомъ
Изъ четырехъ металловъ, играющихъ наиболѣе важную роль въ архе-
и: золота, мѣди, бронзы и желѣза— первые два наиболѣе древни. Оба
обнаружили сильное вліяніе на ходъ человѣческой культуры, но истин-
ь культурнымъ металломъ въ археологическомъ смыслѣ слова, метал-
, служившимъ для приготовленія орудій и оружія, была изъ нихъ только
дѣ, въ особенности тамъ, гдѣ ее находили въ самородно-чистомъ видѣ
куда она легко могла доставляться путемъ торговли. Другіе два куль-
ые металла—бронза и желѣзо—позднѣйшіе. У насъ они всюду по-
ются много позже ¹⁹⁷⁾.

металловъ вѣроятно прежде всего стало извѣстнымъ
на поверхности земли въ видѣ блестящихъ зеренъ и
юмъ пескѣ (розсыпяхъ) или въ видѣ прожилокъ и
въ пласты кварца. Блескъ и особенныя свойства
въ общее употребленіе. Въ находкахъ каменнаго вѣка
рѣчается и появляется лишь въ концѣ его. Г. де
тому появленіе золота къ Робенгаузенской эпохѣ. На
но было извѣстно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ
уже въ концѣ каменнаго вѣка, указываетъ намъ и
доказываетъ, что въ эпоху, когда индоевропейскія
; одно цѣлое, они жили въ состояніи каменнаго вѣка,
съ мѣдью и золотомъ. Для обоихъ этихъ метал-
юбою индоевропейскіе языки имѣютъ общія названія.
де неизвѣстно ни одного случая находки золота въ
вѣка, но зато въ наиболѣе древнихъ мѣстонахожде-
іюпин, Ассирія, Малой Азіи и южной Европы золо-
кодимы, главнымъ образомъ впрочемъ въ эпоху бронзы.

итихъ странахъ были извѣстны уже съ древнихъ поръ многія золотыя мѣны. Оттуда, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, напр. Гернеса, знакомство съ золотомъ проникло и въ сѣверную Европу, что возбудило вниманіе и къ открытію мѣстъ нахожденія золота во Франціи и въ Испаніи (гдѣ по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ находили его самородками вѣсомъ въ полфунта), въ Саксоніи, Цюрихѣ, Тиролѣ, Босніи, Македоніи, Венгріи, Седмиградской области, въ Румыніи и на р. Отавъ и пр. Особенно богаты золотомъ Венгрія, Седмиградская область и Уральскія горы.

Серебро, названіе котораго означаетъ почти во всѣхъ языкахъ «блѣдный», встрѣчается вообще лишь въ позднѣйшихъ отложеніяхъ, изъ чего можно заключить, что оно было открыто позже чѣмъ золото. Въ пользу этого говоритъ и то обстоятельство, что оно встрѣчается въ Европѣ рѣдкимъ самороднымъ видѣ, чаще же всего въ видѣ рудъ, обработка которыхъ такъ же трудна, какъ и обработка желѣзныхъ рудъ. Наиболѣе богаты мѣстами нахожденія самороднаго серебра въ Европѣ, именно въ Kongsberg въ Норвегіи, въ древнѣйшія времена не были вовсе извѣстны, также какъ и нѣкоторые богатые мѣсты нахожденія въ Саксоніи, Чехіи, Венгріи и Седмиградской области. Серебряныя руды (аргентитъ, галенитъ и т. п.) попадаютъ на Гартъ, въ Штирію, въ Грецію, въ Испанію, въ Чехію, въ Красныя горы и въ Прибрамъ) и проч. *). Богаты также серебромъ и нѣкоторыя ближайшія къ Европѣ азіатскія страны, какъ напр. Понтийскія горы и Армения. Уже Гомеръ указываетъ тамъ мѣсто нахожденія серебра и оловя. либъ.

Достоверныя находки серебра въ отложеніяхъ каменнаго вѣка—наиболѣе извѣстны. Оно начинается появляться только въ эпоху металловъ. Въ Центральной Европѣ оно попадаетъ прежде всего въ эпоху бронзы. Въ гробницѣ этой эпохи оно было найдено братьями Siret въ Испаніи, въ могилѣ въ окрестностяхъ долины Сиевасъ, откуда добывали его и финикійяне. По мнѣнію Г. де Мортилье, пока еще нельзя установить съ достоверностью времени нахожденія серебра въ Европѣ; несомнѣнно, оно было однимъ изъ позднѣйшихъ металловъ. Археологическія раскопки въ Зальцбургѣ и Галльштаттѣ не дали никакихъ издѣлій, хотя въ Штиріи его добывали уже въ доисторическія времена; въ Италіи и въ Галліи оно также очень рѣдко въ находкахъ. Въ Греціи, гдѣ золото и серебро были въ изобиліи, очень часто примѣшивали къ первому. Золото вслѣдствіе этого принимало болѣе блѣдный цвѣтъ.

*) Въ концѣ доисторическихъ временъ оно было въ Чехіи уже въ изобиліи. Въ дошедшемъ до насъ русско-польскомъ летописи, оно вывозилось уже въ концѣ перваго тысячелѣтія нашей эры даже въ Болгарію; большія уплаты, производившіяся чехами императорамъ серебромъ и золотомъ, свидѣлствуютъ также о богатствѣ Чехіи этими драгоценными металлами.

ассиро-аккадѣйскихъ надписяхъ подъ именемъ каздура, ассир. *kasazatir*; египетское названіе его *khazitaros*, по мнѣнію однихъ, какъ напр. Шрадера—иранскаго происхожденія, по мнѣнію же другихъ—оно было взято изъ санскрита, гдѣ олово называется *kastira*. Въ послѣднее время Sal. Nash выразилъ мнѣніе, что первоначально это слово принадлежало кельтскому языку и было взято отъ названія Касситеридскихъ острововъ, откуда оно занесено финикійскими купцами въ Грецію и оттуда уже въ Индію *). Сурьма. Очень интересны доисторическія находки сурьмы. Еще недавно считали, что чистая сурьма въ древности вообще не была извѣстна, а знали только ея руду—сурьмяной блескъ (антимонитъ); но недавно Р. Вирчелли открылъ сурьму въ видѣ мелкихъ украшеній въ кавказскихъ мѣстоимѣніяхъ, въ Рѣдиномъ лагерѣ, въ Кобани и проч. Затѣмъ она была найдена Сарзеконъ (*Sarzec*) въ развалинѣ Телло, Поллакомъ въ Ширазѣ, —новѣйшихъ находкахъ въ Крайнѣ въ Австріи и т. п.

Древніе египтяне употребляли антимонитъ (сѣристую сурьму) въ видѣ косметическаго средства, называвшагося «местемъ» (греч. *στέρμα*), для черненія бровей **). Безъинтересно упомянуть и о томъ, что настоящее косметическое средство антимонія, какъ доказано теперь химическимъ анализомъ остатковъ его въ муміяхъ, замѣнялось уже въ тѣ времена, въ качествѣ суррогата, подобіемъ же красящимъ веществомъ изъ олова, потому безъ сомнѣнія, что олово было рѣдка и дорога.

Наиболѣе важными металлами были мѣдь и желѣзо. Если мы разсмотримъ всѣ доисторическія находки въ Европѣ и распредѣлимъ ихъ по матеріалу, который преобладаетъ въ нихъ, т. е. который служилъ для изготовленія оружія и орудій, то мы получимъ три большія группы. Въ первой изъ нихъ главнымъ матеріаломъ былъ камень, въ другой—бронза и въ третьей—желѣзо. Отсюда понятно раздѣленіе доисторическихъ временъ на три главныхъ эпохи, начавшее входить въ науку уже въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія. Первый установилъ его Христіанъ Томсенъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о скандинавскихъ древностяхъ «*Ledetraad til Nordisk*

Слово *kassir* встрѣчается часто въ кельтскихъ названіяхъ, въ собственныхъ именахъ. С. Рейнахъ объясняетъ «*insulae Cassiterides*» какъ «даленіе олова» (1891). Подобное объясненіе было, сколько намъ извѣстно, предложено еще въ 1890 г. д-ромъ L. Wilser'омъ.

*) Это притиранье было очень широко распространено на всемъ востокѣ и началось тамъ и до сихъ поръ (ср. турец. *sığme*, араб. *kihāl*). Съ востока оно перешло въ Европу—въ Грецію и Римъ, гдѣ было очень хорошо извѣстно въ средніе вѣка подъ назв. «*kalliberpharon*». Еще въ X в. оно, по словамъ Кассиодора, было извѣстно въ Шлезвигѣ. Въ Московской Руси оно употреблялось съ древнихъ временъ, а въ восточныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ употребляется и теперь для асурмья брови общезвѣстно.

нительно высказался въ пользу системы трехъ періодовъ и упрекнулъ нѣмъ въ несистематичности ихъ изслѣдованій. Гостманнъ отвѣтилъ очень ко и подвергъ строгой критикѣ, какъ книгу Гильдебранда, такъ и всю единавскую систему. При этомъ онъ отрицалъ даже тотъ фактъ, что культура Европы пережила три упомянутыя стадіи своего развитія. По его мнѣнію, металлы, въ томъ числѣ и желѣзо, были извѣстны человѣку уже въ ту, которую мы называемъ каменною только потому, что въ теченіи ея онъ металловъ употреблялся для орудій и оружія также и камень. Но употребленіе камня, по его мнѣнію, обуславливалось не столько практическими соображеніями, сколько религіозными; находки каменныхъ топоровъ дѣлательствуютъ только о древнемъ особомъ почитаніи камней, удержавшемся и до нашихъ временъ (ср. то, что было сказано въ введеніи о гробыхъ стрѣлахъ). Поэтому каменные орудія представляютъ собой прежде всего символическія изображенія, хотя этимъ не отрицается и возможность практическаго употребленія. Далѣе Гостманнъ думаетъ, что нѣмецкіе мѣнитическіе памятники были сооружены германцами, и что поэтому древность не заходитъ далѣе 500 лѣтъ до нашей эры; позднѣйшіе же изъ нихъ поставлены не позже V—VI вѣка нашей эры. Каменнаго вѣка на сѣвѣ Европы вовсе не было. Бронзовый вѣкъ, въ свою очередь, представляетъ не что иное, какъ эпоху, когда путемъ торговли доставлялись съ сѣвера, въ среднюю и сѣверную Европу, бронзовыя издѣлія; никакого же самостоятельнаго періода бронзы, никакого мѣстнаго развитія бронзовой промышленности, по его словамъ, вовсе не было. Вслѣдствіе этого бронзы, напр., относятся не къ доисторической, а къ классической геологіи и т. д. и т. д.

Этими идеями Гостмана увлеклись и другіе, главнымъ образомъ L. Lindemann, Otto Schrader, A. Rauber, Ch. Petersen, Wright, J. Percy, J. Southall, J. de Fretay, Alex. Ecker и др. *). Въ Чехіи въ настоящее время теорія раздѣляется проф. J. Smolik'омъ. Напротивъ, почти всѣ болѣе извѣстные чешскіе археологи высказываются за систему трехъ періодовъ.

Теорія Гостманна и подобныя ей безусловно ложны и въ дальнѣйшемъ ателіи неоднократно найдутъ возможность въ этомъ же время онъ были подвергнуты очень рѣзкой, но вполне д-ромъ Гернесомъ²⁰⁴). Но было-бы большимъ произво-

теорія была предложена Ed. Tylor'омъ. Онъ думаетъ, что извѣстны одновременно, но что въ доисторическія времена льно предшествовала эпохъ желѣза, потому что бронза въ была доступнѣе, дешевле и удобнѣе для обработки, чѣмъ то измѣненіе въ обратномъ смыслѣ—наступила эпоха же-ліи были предложены Beek'омъ, Blümner'омъ и др.

скатывавшіяся въ болото. Въ лѣсныхъ торфяникахъ образовались такимъ образомъ цѣлые пласты изъ скатившихся древесныхъ стволовъ. По остаткамъ хвойныхъ деревьевъ, находимыхъ на днѣ торфяниковъ и въ настоящее время въ Даніи болѣе не растущихъ, мы можемъ заключить, что въ послѣ-ледниковый періодъ растительность Даніи была совсѣмъ не такою какъ теперь, и именно, что въ ней преобладали хвойныя деревья. За этой эпохой слѣдовала другая съ преобладаніемъ уже лиственной растительности, состоявшей главн. обр. изъ дуба, пока наконецъ и надъ нимъ не взялъ перевѣсъ букъ, остающійся и въ настоящее время характернымъ деревомъ датскихъ лѣсовъ. Причины этихъ измѣненій мы должны искать въ перемѣнахъ климата и характера почвы. По мнѣнію Стенструпа, для образованія слоя торфа толщиною отъ 5 до 7 метровъ требовалось по крайней мѣрѣ 10—12000 лѣтъ, но вычисленіямъ этимъ, какъ мы уже замѣтили, нельзя придавать полной вѣры.

Указанная интересная палеонтологическая послѣдовательность имѣетъ не менѣе важное значеніе и для археологій, такъ какъ въ нижнихъ слояхъ торфа, состоящихъ изъ хвойныхъ растений и заключающихъ въ себѣ остатки зубра, тетерева и т. п., были найдены также и каменные орудія. Эти издѣлія рукъ человѣческихъ, равно какъ и фауна, соответствуютъ неолитической эпохѣ, точнѣе—эпохѣ «кухонныхъ остатковъ», *kjökkenmødding*’овъ. Выбѣсъ съ стволами сосны были найдены и кости *tetrao* (тетерева), птицы живущей только въ хвойныхъ лѣсахъ. Уже находки въ *kjökkenmødding*’ахъ заставляли думать, что въ соответствовавшую имъ эпоху въ Даніи были распространены главн. обр. голосѣмянныя растенія; «*scootoseg*»—только подтвердили это. Зато другой слой—дубовой растительности относится уже, судя по находкамъ, къ бронзовому вѣку, а верхній, заключающій въ себѣ остатки бука и другихъ растительныхъ видовъ, преобладающихъ въ Даніи и теперь—къ желѣзному. Такимъ образомъ, хронологическая послѣдовательность трехъ культурныхъ эпохъ прямо подтверждается въ Даніи соответствующими палеонтологическими напластованіями, заключающими въ себѣ характерныя издѣлія каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ.

Все до сихъ поръ сказанное—другія доказательства будутъ приведены нами въ дальнѣйшемъ изложеніи—заставляетъ насъ признать, что для Европы вообще,—старинное раздѣленіе доисторическихъ временъ на три культурныя эпохи: каменную, бронзовую и желѣзную, предложенное Томсеномъ, сохраняетъ до сихъ поръ свое значеніе, и всѣ сдѣланныя противъ него возраженія были съ успѣхомъ отражены *).

*) Въ некоторыхъ сочиненіяхъ встрѣчается иное дѣленіе эпохъ. Такъ Шантрѣ и Г. де Мортилье употребляютъ термны: *période préhistorique* для каменной и бронзовой эпохъ, *pér. protohistorique*—для начала желѣзной эпохи и

дно, нисколько впрочемъ ему не противорѣчащее, дополненіе, а именно если не четыре самостоятельныхъ эпохи, то по крайней мѣрѣ между первую и вторую—промежуточную эпоху, такъ назыв.

бальная эпоха мѣди существовала въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, теперь уже не можетъ быть сомнѣнія. Но предшествовала-ли она Европѣ эпохѣ бронзы—это до сихъ поръ составляетъ еще вопросъ. Если ея части мы можемъ предполагать съ достаточною достовѣрностью, что эпоха мѣди здѣсь существовала. Дальнѣйшія изслѣдованія возможно-ли распространить эту переходную эпоху и на другія страны.

Вѣроятно существованіе самостоятельной эпохи мѣди вполне представляется совершенно естественнымъ, что человѣкъ, прежде чѣмъ познана и употреблена сплава мѣди и олова, познакомился сначала съ свойствами мѣди и ея свойствами. Поэтому можно предположить съ достаточною вѣроятностью, что прежде изготовленія своихъ орудій изъ бронзы, онъ бралъ ихъ изъ мѣди, въ особенности тамъ, гдѣ мѣдь была для него легче, чѣмъ оловянная руда. Мѣдныхъ рудниковъ въ доисторическія времена извѣстно достаточное количество, какъ въ самой Европѣ, такъ и въ Азіи, въ связанномъ постоянными торговыми сношеніями съ Европой—Мѣдь встрѣчалась въ Азіи въ большомъ количествѣ въ Сибири, въ Ливанскихъ горахъ, и проч. Наиболѣе же замѣчательныя были на островѣ Кипрѣ, откуда она получалась въ теченіе всей древности и откуда черезъ посредство латинскаго языка произошло изъ позднѣйшихъ ея названій (aes cyprium, cyprium, Кипрегга). Другіе замѣчательныя мѣдные рудники находились на Синайскомъ островѣ возлѣ нынѣшняго Vâdi-Magâra. Властители Египта учредили большую колонію преступниковъ, которые гибли тысячами въ добычу при помощи каменныхъ орудій мѣдную руду. Добыча мѣди въ древности очень велика, но уже при фараонѣ Рамзесѣ III рудники совершенно истощены.

Въ это время расцвѣтъ желѣзной эпохи, эпохъ римской, византийской, и славянской. Въ Чехіи и Моравіи различаютъ названія рудъ и мѣди. Мѣдь встречается чаще всего въ соединеніи съ кислородомъ или съ сѣрою. Самые близкіе къ поверхности залежи состоятъ изъ окисловъ мѣди, а также изъ сѣрнистыхъ соединеній. Это имѣло важное значеніе для древней металлургіи, такъ какъ сначала добывали верхній, легче доступный и легче обрабатываемый окисловъ, дойдя же до нижняго, сѣрнистаго слоя, который обработка въ древности съ гораздо большимъ трудомъ, оставляли мѣсторожденіе углублять.

Въ Европѣ мѣдные рудники разрабатывались уже въ доисторическія времена, въ Испаніи въ Ренафлогѣ, въ Севильскомъ округѣ, на Mitterbergѣ въ Бишофсгофенѣ, въ Зальцбургѣ, и на Kelchauer въ Кичбюгелѣ, въ Тиролѣ; въ этихъ мѣстностяхъ были найдены древнія копи съ примитивными орудіями, съ остатками одежды, дровъ и посуды. На Миттербергѣ была открыта одна штольня, залитая водою, въ которой прекрасно сохранились древнія деревянные подпорки, фрагменты деревянныхъ, каменныхъ и мѣдныхъ орудій, остатки факеловъ и множество шлаковъ, сваленныхъ возлѣ плавильныхъ печей. Черепки посуды, сохранившіеся въ этомъ рудникѣ и въ тирольскомъ Кельхальбѣ вполне сходны съ керамикой свайныхъ построекъ, чѣмъ подтверждается, по крайней мѣрѣ отчасти, современность этихъ рудниковъ съ свайными поселеніями въ Швейцаріи. Теперь особенно богата мѣдью Швеція, но рудники этой страны, по мнѣнію О. Монтелиуса, стали разрабатываться лишь спустя тысячу лѣтъ по окончаніи эпохи бронзы ²⁰⁵).

Эпоха мѣди была доказана впервые Фр. Пульскимъ (Fr. Pulszky) для Венгріи, потомъ существованіе ея было наиболѣе защищено М. Much'омъ и въ новѣйшее время Ундсетомъ и О. Монтелиусомъ ²⁰⁶). Съ большей сдержанностью относятся къ этому вопросу Гроссъ (V. Gross), Сомбаши (Szombaty), Гернесь и Г. де Мортилье. По мнѣнію Муха уже неолитическая культура въ Европѣ принадлежала арійскому племени. А такъ какъ Шрадеръ доказалъ, что аріицамъ въ концѣ каменнаго вѣка была уже извѣстна мѣдь, то Мухъ приходитъ къ заключенію, что аріицы, принесшіе въ Европу культуру неолитическаго періода, земледѣліе, скотоводство и т. п., принесли съ собой также и знакомство съ мѣдью, но добывали и употребляли ее въ Европѣ только тамъ, гдѣ находили этотъ металлъ подъ рукою.

Существованіе особенной мѣдной эпохи очень вѣроятно для австрійскихъ и швейцарскихъ свайныхъ построекъ, для части Франціи и вполне доказано для Испаніи, особенно же для Венгріи, Седмиградской области, восточной Европы а на юго-востокѣ для о-ва Кипра.

Изъ австрійскихъ свайныхъ построекъ орудія, приготовленныя изъ чистой мѣди, были найдены главн. обр. въ стоянкѣ на оз. Mondsee, изъ швейцарскихъ—на озерахъ Нейенбургскомъ и Бильскомъ. Такъ напр. въ свайныхъ постройкахъ на Mondsee было найдено 14 мѣдныхъ топоровъ, 6 кинжаловъ и цѣлый рядъ мелкихъ предметовъ. О томъ, что все это было сдѣлано изъ мѣди на мѣстѣ, свидѣтельствуютъ найденные тамъ же маленькіе тигли для выплавки металла. Мѣдная руда доставлялась туда очевидно изъ недалекаго мѣсторожденія ея на Миттербергѣ въ Зальцбургѣ, о которомъ мы уже упоминали выше.

Мѣдная эпоха въ Швейцаріи, по мнѣнію В. Гросса, совпадаетъ вполне съ третьимъ періодомъ неолитической эпохи (ср. стр. 103—104), къ ней относятся

поселения Фенильское, Фонтское, Св. Власія (de St. Blaise), Люшерское. Въ Фенильской стоянкѣ Фелленбергъ и Гроссъ нашли около сотни предметовъ изъ чистой мѣди, по большей части кованныхъ. Въ Испаніи Вилла и братья Сире (Siret) констатировали также ясные слѣды мѣди. Мы полагаемъ, что по всей справедливости можно отнести къ этой мѣстонахожденія, въ которыхъ только одни украшения оказались изъ бронзы; всѣ же орудія и оружіе состояли изъ чистой мѣди. Кроме того можетъ служить могильникъ въ Сиеуасъ въ Альмеріи. Подобные несомнѣнные слѣды мѣдной эпохи находимъ мы и въ Италіи. Въ гробѣхъ въ Remedella di Sotto, въ провинціи Бресціи, найдено было большое количество лежавшихъ на боку или на спинѣ въ скорченномъ положеніи тѣлъ. Находившіеся при нихъ предметы имѣли по большей части характеръ неолитическій, изъ металлическихъ же были только одинъ топоръ и одна мала изъ мѣди. Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи могильникъ въ Кумаролы, описанный Cavedoni и Castaldi. Въ немъ при каждомъ тѣлѣ находился мѣдный кинжалъ и кремневая стрѣла, а иногда и камень топоръ. Въ орудіяхъ нѣкоторыхъ свайныхъ поселеній процентъ оловянныхъ ронзъ оказывается иногда весьма незначительнымъ. Существованіе мѣдной эпохи въ французскихъ Севернахъ доказывается А. Жанжаномъ. В. Леббока, въ Дублинскомъ музеѣ есть довольно большая коллекція мѣдныхъ топориковъ, а лучшій знатокъ британскихъ древностей, Эвансъ, признаетъ существованіе мѣдной эпохи и для Великобританіи. Наибольшее количество мѣдныхъ орудій и оружія найдено было въ Венгріи. Для этой страны существованіе отдѣльной мѣдной эпохи можетъ быть

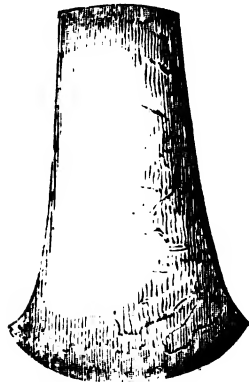

Рис. 140. Плоскій топоръ изъ мѣди.

Рис. 141. Кинжалъ изъ мѣди.

ею по преимуществу; обуславливалась же она здѣсь или тѣмъ, что о то время вообще не было еще извѣстно, или же, какъ доказывалъ

сѣздѣ въ Пештѣ въ 1876 г. Эвансъ, что металла этого въ теченіе долгаго времени не доставало для выдѣлки бронзовыхъ издѣлій. Мѣдные предметы въ Венгріи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, отличаются простотою своихъ типовъ. Это по большей части гладкіе плоскіе топорики съ расширеннымъ лезвиемъ. — типъ, который характеризуетъ и наиболѣе древніе топоры бронзоваго вѣка (рис. 140). Изъ предметовъ оружія встрѣчаются еще особенной формы кинжалы, вѣроятно кипрской работы, какъ будетъ объяснено далѣе, или плоскіе треугольныя, снабженныя сквозными отверстіями на верхнемъ расширенномъ концѣ, для прикрѣпленія помощью трехъ и болѣе гвоздей, къ деревянной или костяной рукояткѣ (рис. 141). Изъ другихъ предметовъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ булавки или шпильки, рѣже — ножи, крючки для удочекъ и кружки: очень многочисленны также мѣдныя бусы или мониста (уже въ находкахъ неолитическихъ, напр. въ Ленгяльскомъ могильникѣ и др.).

Предметы изъ мѣди находятъ въ Венгріи въ большомъ количествѣ на пространствахъ отъ Пресбурга и хорватской границы до города *Magos-Vásárhely*; на сѣверѣ естественною границею ихъ распространенія служатъ Карпаты, на западѣ же они достигаютъ до Австріи, тогда какъ на югѣ граница ихъ до сихъ поръ еще съ точностью не опредѣлена. Венгерскія мѣдныя издѣлія весьма отличаются своимъ видомъ отъ позднѣйшихъ бронзовыхъ; они большей частью кованныя, а не литыя и притомъ не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній. По всей вѣроятности кузнецы и литейщики мѣди не умѣли еще выдѣлывать на ней тѣхъ орнаментовъ, которые такъ многочисленны и такъ характерны на позднѣйшихъ орудіяхъ и оружіи изъ бронзы. Очень интересно сходство между нѣкоторыми венгерскими мѣдными древностями и кипрскими. Очевидно, что съ Кипромъ, гдѣ, какъ было уже сказано, находились очень богатые копи мѣди, происходила уже въ то время оживленная торговля какъ сырымъ матеріаломъ, такъ и издѣліями изъ него. *) Указан-

*) На о-вѣ Кипрѣ эпоха мѣди процвѣтала долго. Это доказывается большимъ количествомъ находокъ, сдѣланныхъ или случайно безъ точнаго опредѣленія мѣстностей, или въ гробницахъ съ инвентаремъ, состоящимъ исключительно изъ мѣди: мѣдными плоскими топорами, наконечниками копій и стрѣлъ, кинжалами, серпами и разными украшениями простѣйшей формы, безъ орнаментовъ. Кипрскія гробницы этой эпохи — двоякаго рода. Однѣ представляютъ четырехугольныя ямы, выкопанныя въ землѣ и вполне похожія на наши могилы, другія же, встрѣчающіяся чаще, имѣютъ соединенную съ ямою особую камеру. Въ этой камерѣ помѣщалось несожженное тѣло, и отверстіе, ведущее отсюда въ главную яму, закрывалось каменною плитой. Сосуды этихъ гробницъ отличаются или полнымъ отсутствіемъ всякой орнаментаціи (болѣе древній типъ) или украшены вѣтвяными черточками, выполненными мѣломъ — тотъ же видъ керамики, который мы встрѣчали въ Средней Европѣ уже въ позднѣйшій періодъ каменнаго вѣка, и на основаніи

е сходство доказывается главнымъ образомъ двумя типами: листообразны
 ивжалами, клинокъ которыхъ переходитъ въ загнутый на концѣ стерж
 (рис. 142), и шпильками или булавами изъ толстой про
 локи, одинъ конецъ которыхъ бываетъ обыкновенно об
 другой проволокой, а противоположный — загнутъ. Назначе
 этихъ булавокъ до сихъ поръ еще невыяснено, такъ же то
 какъ назначеніе подобныхъ-же позднѣйшихъ предметовъ, с
 ланныхъ изъ бронзы. Эти два кипрскіе типа мы можемъ
 прослѣдить не только въ Гиссарликъ и на Балканахъ до
 баніи и до Венгріи, но и до Италіи и Швейцаріи, Чехіи
 Германіи. Въ Чехіи такія бронзовыя булавки были найдены
 въ Плавницѣ. Проф. Вольдржихъ называетъ ихъ «пле
 ными» (pletací).

Спеціально характерными для эпохи мѣди являются
 которыя орудія, похожія на наши мотыки или топоры
 лезвиемъ на одномъ концѣ и остриемъ на другомъ, т. е. в
 двойные топоры (рис. 143), находимые часто въ Венгріи, С
 бии и изрѣдка въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ и
 Чехіи. Типологическое мѣсто происхожденія этихъ орудій т
 же надо искать на юго-востокѣ, гдѣ встрѣчаются подобн
 рода формы, а поэтому не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ Г
 несъ и другіе, относить ихъ исключительно къ эпохѣ ис
 рической, къ среднимъ вѣкамъ. Если въ тѣ времена у венг
 скихъ и балканскихъ кузнецовъ и не было еще той техни
 которая необходима для изготовленія такихъ издѣлій, то возможно, что о
 ли привозными. Въдѣ встрѣчаемъ-же мы на почвѣ Венгріи слѣды торгов
 Востокомъ еще въ неолитическую эпоху.

Въ Чехіи и Моравіи мѣдное оружіе и орудія были находимы тол
 орадически. Такъ, были найдены топоры и мотыки изъ мѣди въ тор
 кахъ въ такъ наз. Франтишковой банѣ возлѣ Винаржицы, около мѣ
 стей Пржимасы, Ловожицы, Шарка, Горжени Церкевѣ; въ Моравіи — у Б
 рижа, Вевчицъ, Ржепицъ, Ольмюца, 16 топориковъ возлѣ Плумлова и т.

того Мухъ пришелъ къ заключенію объ общемъ характерѣ культуры
 дственности населенія почти всей Европы. На о-въ Критъ встрѣчаются та
 суды и съ рельефными украшеніями, но за то расписанные сосуды сопровож
 ютъ тамъ только бронзовую культуру. Мѣдныя вещи были найдены также
 въ Санторинѣ и въ самомъ нижнемъ городѣ Трои — вмѣстѣ съ предмета
 меннаго вѣка. Въ слѣдующемъ по времени слои уже находятъ только брон
 которыя находки въ Месопотаміи указываютъ на существованіе эпо
 ди и тамъ.

Для сѣверной Германіи и Скандинавіи эпоха мѣди еще не доказана хотя О. Монтелиусъ признаетъ ее и въ этихъ странахъ *). Находки чисто мѣдныхъ предметовъ здѣсь очень рѣдки. Въ Познани въ одной гробницѣ со остатками трупосожженія въ Рудкахъ было найдено 3 топорика и нѣсколько украшеній изъ мѣди, въ Бытинѣ—шесть топоровъ, и кое-гдѣ

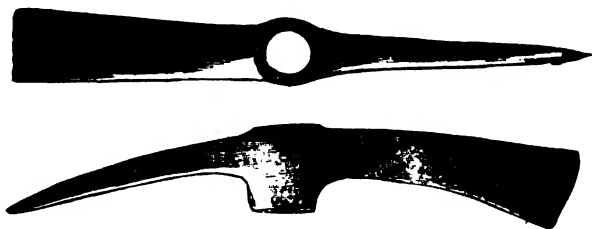

Рис. 143. Двойной топоръ изъ Венгріи.

еще отдѣльные, по большей части мелкіе предметы. За то въ восточной Европѣ была своя эпоха мѣди: какъ въ Европейской Россіи, такъ и за Ураломъ во всей Сибири находки мѣднаго оружія и орудій весьма многочисленны, если только въ русскихъ данныхъ матеріалъ, изъ котораго сдѣланы найденные предметы, вполне точно обозначенъ словомъ «мѣдь». Такъ называемые «чудскіе» курганы, встрѣчающіеся въ большомъ числѣ отъ Самарской и Оренбургской губерній по всей западной сибирской равнинѣ доставили кромѣ золотыхъ предметовъ и множество мѣдныхъ издѣлій. Матеріалъ для этихъ издѣлій былъ недалеко: богатые мѣдные рудники существовали въ Алтаѣ и на Уралѣ. Въ южномъ Уралѣ найдено много «чудскихъ» копей, которыми отчасти пользовались потомъ и русскіе при своихъ развѣдкахъ рудныхъ мѣсторожденій. Это по большей части очень узкіе ходы, въ которые едва можетъ пройти человекъ; они ведутъ часто глубоко подъ землю и представляли для работавшихъ постоянную опасность быть засыпанными. Мѣдь добывалась въ нихъ (какъ показываютъ сдѣланные находки) или при помощи каменныхъ орудій или посредствомъ мѣдныхъ кирокъ и мотыгъ изъ оленьихъ роговъ. Для защиты рукъ чудскіе рудокопы употребляли кожаныя рукавицы, приготовленныя примитивнымъ образомъ изъ шкурокъ съ головы разныхъ животныхъ, такъ, чтобы большой палецъ засовывался въ ухо, а остальные—внутрь головы. Слѣды подобной же древней раз-

*) Обстоятельное и вполне научно обоснованное изслѣдованіе О. Montelius'a по этому предмету подъ загл. Findet man in Schweden Ueberreste von einem Kupferalter было помѣщено недавно въ Archiv für Anthropologie, XXIII Bd., 3 Heft. 1895.

(Прим. переводч.).

мѣди и то время, когда—по недостатку-ли олова или по незнакомству съ нимъ, а можетъ быть и еще по какимъ-нибудь причинамъ,—орудія продолжали еще приготовляться изъ мѣди. То же самое мы должны будемъ сдѣлать и въ отношеніи перехода отъ бронзы къ желѣзу.

Повторяемъ: для насъ эпохи культуръ мѣдной, бронзовой и желѣзной определяются не общезвѣстностью мѣди, бронзы или желѣза,—о которой мы до сихъ поръ судить еще не можемъ,—а для каждой отдѣльной страны, временемъ, въ теченіи котораго мѣдь, бронза или желѣзо преобладали въ употребленіи. Поэтому мы, не затрудняясь, относимъ къ эпохѣ бронзы такую напр. находку, въ которой есть и желѣзо, если только большая часть орудій, оружія и украшеній сдѣлана изъ бронзы и отличается свойственнымъ бронзовой эпохѣ характеромъ типовъ. Мы обращаемъ вниманіе читателей на эту точку зрѣнія, тѣмъ болѣе, что она отличается отъ принятыхъ въ настоящее время большинствомъ изслѣдователей. Этимъ расширеніемъ понятія о культурѣ и о вѣкахъ каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ — мы надѣемся устранить затрудненія, въ которыя впадаютъ тѣ, кто, руководясь въ своей классификаціи только присутствіемъ въ находкѣ напр. желѣза, хоть-бы въ видѣ маленькаго обломка или даже ржавчины,—становятся въ противорѣчіе съ другими признаками находки, какъ напр. съ типами оружія или орудій, ихъ орнаментомъ и т. д., указывающими часто на болѣе древнюю эпоху.

ГЛАВА VI.

Бронзовый вѣкъ.

Бронза.—Происхождение бронзовой культуры.—Теорія Нильсона, Гёрнеса, Ова, Томашка, Софуса Мюллера, Габр. де Мортилье и др.—Формы для отливки—главные виды бронзовыхъ издѣлій: топоры и молотки (пальставы, цепные наконечники копій, стрѣлы, клинжалы, мечи и другіе виды оружія, украшенія и т. д.).—Керамика.—Бронзовый вѣкъ на Востокѣ.—Находки Шлимана въ Малой Азіи, Греціи.—Лелеги, Кары.—Италія.—Восточныя вліянія.—Террамары.—Англичане.—Франція и Швейцарія.—Британія.—Испанія.—Бронзовый вѣкъ въ Римѣ.—Торговля янтаремъ.—Бронзовый вѣкъ на Сѣверѣ Европы.—Австрія, Чехія, Моравія.—Восточная Германія.—Польша, Россія.—Заключеніе.

Смѣшивая расплавленную мѣдь съ нѣсколькими процентами олова, получаемъ новый металлъ, обнаруживающій по охлажденіи два прекрасныхъ качества. Во-первыхъ, онъ плавится гораздо легче мѣди, и значительно превосходитъ ее по твердости, поэтому гораздо болѣе пригоденъ для выделки изъ него орудіи и оружія; во-вторыхъ, онъ отличается и отъ мѣди и отъ олова красивымъ золотистымъ цвѣтомъ и блескомъ,—свойствами, которые вездѣ и всегда увеличиваютъ цѣнность и привлекательность украшеній. Сплавъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ бронзы *). Происхождение этого

---

*) Процентное содержаніе олова въ древнихъ бронзахъ различно. Въ самыхъ древнѣйшихъ, оно никогда не превышаетъ 1—3% (какъ напр. въ египетскихъ, этруско-итальянскихъ). Если примѣсь олова очень незначительна, то сплавъ получается бурый и мягкій, если же, напротивъ, олова слишкомъ много—онъ становится твердымъ и хрупкимъ. Поэтому практическимъ путемъ пришли къ наиболѣе выгодному составу смѣси, который измѣняется между 6 и 16% олова, но чаще всего между 10 и 12%, и представляетъ такъ назыв. классическую бронзу. Кроме олова, въ бронзовыхъ издѣліяхъ болѣе древнихъ эпохъ часто встрѣчаются примѣси другихъ металловъ: желѣза, свинца, цинка, серебра, никеля, кобальта. Въ послѣднее время Гельмъ (Helm) открылъ въ прусскихъ и трансильванскихъ бронзахъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе древними, присутствіе сурьмы. Но несомнѣнно, что эта примѣсь была сначала чисто случайною и непредназначенной. Мѣдныя руды сопровождаются почти вездѣ рудами желѣзными, никельными.

званія долго не имѣло надлежащаго объясненія. Одни сближали его со словомъ brunpo—бурый (отсюда brunitijs), другіе же съ средневѣковымъ латинскимъ словомъ obryzum, означающимъ обработанное въ огнѣ золото; Pollack производилъ его отъ персидскаго названія пиринджъ, пока, наконецъ, Берто (Berthelot) въ 1888 г. не предложилъ новаго, наиболѣе правдоподобнаго объясненія. Название бронза встрѣчается только въ XV стол., но уже въ одной рукописи XI в. мы находимъ выраженіе «βρεντήσιον», а въ еще болѣе древнихъ «brandisium», «brundus». Названія эти Берто производитъ отъ города Brundisium'a, въ южной Италіи, нынѣшняго Бриндизи, гдѣ существовали а въ древности большія фабрики бронзовыхъ издѣлій.

Вѣсными и кобальтовыми, очень часто свинцомъ и цинкомъ, а нерѣдко также и серебромъ. При выплавкѣ мѣди изъ руды, къ ней легко такимъ образомъ могли примѣшиваться и другіе металлы, и дѣйствительно въ мѣди и бронзѣ древнихъ орудій мы обыкновенно встрѣчаемъ неопредѣленные количества постороннихъ металловъ. Но это замѣчается только въ издѣліяхъ древнѣйшихъ эпохъ. Въ позднѣйшія-же времена, когда путемъ опыта сдѣланы извѣстные результаты такихъ примѣсей, ихъ начали дѣлать умышленно и притомъ въ большихъ пропорціяхъ. Тамъ желѣзо, никкель, кобальтъ дѣлають бронзу менѣе ковкой, но за то придаютъ ей большую твердость и упругость, вследствие чего она становится болѣе пригодной для выдѣлки оружія и орудій; свинецъ дѣлаетъ бронзу болѣе плавкой, но и болѣе мягкой, цинкъ придаетъ ей красивый цвѣтъ, а потому въ позднѣйшія эпохи, особенно начиная съ римской, оба послѣдніе металла начинаютъ правильнымъ образомъ входить въ составъ бронзы, употреблявшейся для отливки разнаго рода украшеній, и составляютъ химическую характеристику новѣйшихъ бронзъ. Многіе старались путемъ химическаго анализа бронзы получать точныя данныя для опредѣленія ея древности и мѣста происхожденія, но это пока не пошло дальше только что изложенныхъ выводовъ. Характеръ и типъ издѣлій все такъ являются наилучшимъ указателемъ древности и принадлежности находокъ тому или другому народу. Поэтому то типологическій методъ, основанный на этихъ именно признакахъ, и является въ такой степени важнымъ и полезнымъ въ археологіи. Химическимъ анализомъ бронзъ занимались многіе изслѣдователи. Въ Чехіи составъ бронзъ изучалъ I. E. Vosel и пришелъ къ изложеннымъ нами выше результатамъ относительно примѣсей свинца и цинка. Въ Россіи, по поводу московской археологической выставки 1879 г. анализы бронзовыхъ орудій, найденныхъ въ русскихъ мѣстностяхъ, были сообщены графомъ А. С. Уваровымъ, а послѣ него произведены рядомъ другихъ изслѣдователей, И. П. Архиповымъ, П. П. Петровымъ и др. Работы эти не дали впрочемъ особенно значительныхъ результатовъ²⁰⁹).

[Изъ работъ послѣдняго времени замѣчательной строгостью научной методы и правильностью примѣненія химическаго анализа къ опредѣленію древности и происхожденія бронзъ, отличается упомянутая нами выше статья Montelius'a «Findet man in Schweden Ueberreste von einem Kupferalter» въ Archiv für Anthropologie].

Прим. переводч.

ясненіе было принято и А. Bertrand'омъ, помѣстившимъ статью въ новомъ изданіи своей «Археологін Галліи».

Итакъ, какъ мы только что сказали, отличается нѣсколькими особенностями, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что, ознакомившись съ культурою, человѣкъ оцѣнилъ ее и, имѣя въ своемъ распоряженіи оба сорта металла, началъ дѣлать изъ нея оружія и украшенія. Такимъ образомъ произошло то, что въ доисторическія времена бронза завладѣла культурной эпохой, и мы въ правѣ называть и эту культуру и бронзовыми (309).

Культура бронзоваго вѣка не обозначается впрочемъ только новыми издѣліями, но отличается и совершенно инымъ характеромъ послѣднихъ рядомъ новыхъ произведеній промышленности, о которыхъ каменнаго вѣка не было и понятія. Если мы сравнимъ инвентарь каменнаго вѣка съ инвентаремъ бронзоваго, то послѣдній поразитъ насъ своимъ разнообразіемъ издѣлій. Не только извѣстные виды орудій, но и новыя, появляются въ цѣломъ рядѣ новыхъ разнообразныхъ формъ, въ употребленіе и совершенно новые предметы, въ предыдущую эпоху вовсе неизвѣстные: булавки, фибулы, мечи, перстни, браслеты, серьги и т. д. Словомъ, съ новымъ матеріаломъ выступаетъ на сцену совершенно новая культура.

Вопросъ только является, откуда и какимъ образомъ появилась бронза въ Европѣ? Былъ ли указанный сплавъ мѣди съ оловомъ открытъ нѣсколькими мѣстами самостоятельно и независимо одинъ отъ другаго? Или бронзовая культура явилась въ результатѣ подобнаго же развитія существовавшей ей, какъ и культура неолитическая изъ древнекаменнаго вѣка? Или же бронза была изобрѣтена первоначально только въ одной мѣстности, гдѣ и стали готовить изъ нея разныя издѣлія, составившія изъ себя своеобразную промышленность, которая и распространилась широко по европейско-азиатскому матеріку?

Вопросъ о самостоятельномъ и одновременномъ открытіи бронзы въ нѣсколькихъ мѣстахъ Европы представляется очень неправдоподобнымъ. Въ Европѣ существуетъ собственно только одна мѣстность, въ которой въ древности было извѣстно мѣсторожденіе олова по сосѣдству съ мѣдной рудой. Поэтому предполагать одинъ первоначальный центръ появленія бронзы въ Европѣ, что съ другой стороны и внимательное изученіе типовъ бронзовыхъ орудій приводитъ насъ къ тому же заключенію. Одна страна заимствовала изъ другой различныя основныя типы и затѣмъ передавала ихъ далѣе, или въ неизмѣненномъ видѣ или съ мѣстными особенностями; разбираясь же въ эти типы какъ «типологическимъ» методомъ, отбрасывая мѣстныя варіаціи и стараясь прослѣдить только простѣйшія основныя формы, пришлось остановиться

оченіи, что правдоподобнѣе будетъ допустить одинъ центръ, одну и ту же колыбелю бронзы и бронзовой культуры. Но самое мѣсто этой колыбели до сих поръ съ точностью еще не найдено; о томъ, гдѣ его искать, все еще ведутъ споры. Мы упомянемъ здѣсь только о главнѣйшихъ теоріяхъ или гипотезахъ, относящихся къ этому вопросу, не присоединяясь впрочемъ рѣшительно къ которой изъ нихъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ни одна изъ теорій не ищетъ колыбели бронзовой культуры въ Европѣ, но всѣ—вне ея. Результаты болѣе внимательныхъ типологическихъ изслѣдованій, въ противоположность некоторымъ прежнимъ теоріямъ,—ведутъ за предѣлы Европы, а именно въ Азію. Тамъ, по наиболѣе вѣроятному мнѣнію—возникла бронзовая культура и оттуда нѣсколькими путями она пришла и распространилась по Европѣ. Здѣсь, въ Европѣ, она, повидимому, скоро вытѣснила мѣстную культуру, хотя и не вездѣ привилась одинаково. Въ некоторыхъ мѣстахъ она получила богатое развитіе, пышно расцвѣла, приобрѣла много особенностей, мѣстнаго, своеобразнаго,—въ другихъ же, гдѣ условія для нея не такъ благопріятны, она осталась на болѣе скромной ступени развитія, заявила себя особой оригинальностью и разнообразіемъ.

Европейское происхожденіе бронзы было защищено цѣлымъ рядомъ ученыхъ—Вибелемъ, г-жей Клемансъ Руайе и др., ошибочно полагавшихъ, что происхожденіе бронзоваго сплава надо искать тамъ, гдѣ бронзовое ремесло получила особенное развитіе, гдѣ она представляется болѣе чистой и своеобразной. Вибель думалъ, что бронза была изобрѣтена именно въ южной Британіи, но противъ этого высказались основательныя возраженія Сохансен, J. Percu, A. Jenkin, J. Lubbock и др.²¹⁰⁾ Въ послѣдствіи Саломонъ Рейнахъ также высказался въ пользу европейскаго происхожденія бронзы²¹¹⁾.

Распространеніе бронзы изъ Финикіи было защищено прежде знаменитымъ шведскимъ археологомъ Свеномъ Нильсономъ. Изъ свидѣтельствъ древнихъ историковъ мы знаемъ, что финикіяне уже въ очень древнія времена вели торговлю оловомъ, добывавшимся на Касситеридскихъ островахъ. Финикіяне были народомъ не многочисленнымъ, но зато прирожденными торговцами. Ихъ небольшая страна на Сирійскомъ побережьи Средиземнаго моря, высылая уже въ очень древнія времена корабли ко всему побережью Чернаго и Средиземнаго моря, имѣла въ антическаго океана. Финикійскія суда посѣщали западную Африку, и нѣтъ сомнѣнія, что финикійскіе купцы уже рано узнали, что металлы добываются на Касситеридскихъ островахъ, откуда этотъ металл, то водою—черезъ Гибралтарскій проливъ, то сухопутнымъ путемъ—въ южную Францію къ устьямъ р. Роны. Извѣст-

, по которымъ финикіане старались скрыть отъ римлянъ географическое положеніе острововъ, гдѣ добывалось ими олово. Выхода изъ этого факта и подтверждаемаго нѣкоторыми находками факта, Нильсонъ и другіе, какъ напр. Ружмонъ, полагаютъ, что открытіе бронзы, лава мѣди съ оловомъ, принадлежитъ финикіанамъ²¹²). Финикіане мнѣнію, не только первые стали выдѣлывать бронзовые издѣлія,

но, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ почти весь вывозъ олова, въ теченіе долгаго времени были единственными поставщиками самого матеріала бронзы. Они доставляли его къ берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей и тѣмъ содѣйствовали распространенію бронзовой промышленности въ Греціи, Италіи, Галліи и Испаніи, до самаго центра европейскаго материка. Даже богатая бронзовая культура сѣверныхъ странъ, Даніи и Скандинавіи, была по мнѣнію Нильсона финикійскаго происхожденія. Финикіане, утверждалъ онъ, стремившіеся получать янтарь, находимый въ наибольшемъ количествѣ на песчаныхъ берегахъ Балтійскаго моря, заходили даже въ эти страны и привозили въ обмѣнъ за янтарь свои товары, главнымъ образомъ бронзовые издѣлія. Нильсонъ основывалъ свои заключенія на цѣломъ рядѣ скандинавскихъ находокъ восточнаго, — финикійскаго, кипрскаго характера. Рис. 144 представлятъ

напр. датскій ножъ съ черенкомъ несомнѣнно восточнаго типа. Эта теорія Нильсона не можетъ однако быть признана удовлетворительною. Въ томъ, что финикіане въ извѣстную эпоху

вели торговлю британскимъ оловомъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія, но нѣтъ основаній полагать, чтобы всѣ европейскія бронзовые издѣлія были финикійскаго происхожденія. Даже тѣ единичные продукты, на которые указываетъ Нильсонъ, не были привезены въ Европу моремъ, а были занесены туда, по всей вѣроятности, сухимъ путемъ по одной изъ дорогъ, соединявшихъ побережье Балтійскаго моря съ Чернымъ и Средиземнымъ. Финикіане, какъ показало Мюлленгофъ (Müllenhoff), никогда не доходили морскимъ путемъ далѣе Сѣвернаго моря; Балтійское же море ихъ корабли никогда не проникали. Бронза, конечно, занесена въ Европу всего вѣроятнѣе изъ Азіи, но, надо думать, не только нѣсколькими путями, и финикіане были только отчасти посредниками въ ея распространеніи, позаимствовавъ, безъ сомнѣнія, и сами новую культуру изъ Передней и Центральной Азіи.

Въ этихъ странахъ мы и должны искать мѣсто происхожденія бронзы. Раньше полагали его въ Месопотаміи или Арменіи, какъ напр. А. Бергмашекъ, а въ послѣднее время и Гёрнесъ²¹³). Армянская возвышен-

къ югу отъ Кавказа, говорить онъ, очень богата мѣдными и оловя-
н рудами. Здѣсь жили племена, уже въ древности славившіяся своимъ
умствомъ въ обработкѣ металловъ: тибарены и мосхи, называемые въ книгѣ
Ісаіа тубалъ и мешекъ, а связанныя съ этими мѣстностями древнія ле-
гены, напр. извѣстное сказаніе о походѣ Аргонавтовъ, должны были имѣть
истинный реальный смыслъ. Золотое руно—цѣль похода—повидимому, не
что иное, какъ символъ золотистой бронзы, за которою искатели приключе-
ній ѣздили на восточное побережье Чернаго моря, въ нынѣшнюю Мингре-
ю. Отсюда, по мнѣнію Гернеса, бронзовая промышленность распространилась
въ результатѣ торговли на западъ, въ Европу, двумя путями:—южный шелъ
изъ Геллеспонта, Эгейское и Средиземное моря—въ Грецію, Италію, Гал-
цію и Испанію, а также въ Финикію и Египетъ. Сѣверный путь направ-
лялся вдоль береговъ Чернаго моря къ устьямъ Дуная и вверхъ по этой
рѣкѣ въ среднюю и сѣверную Европу. Въ средней Европѣ, во многихъ мѣст-
ностяхъ, оба теченія сходились одно съ другимъ и, принимая отчасти мѣстный
характеръ, проникали другъ друга; южное достигало сѣвера, а сѣверное захо-
дило глубоко на югъ, появляясь напр. въ Италиі въ культурѣ террамаръ...
Р. Вирховъ встрѣтился съ вопросомъ о происхожденіи бронзы при изу-
ченіи своихъ находокъ на Кавказѣ и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:
Кавказъ не можетъ быть мѣстомъ происхожденія бронзы уже по одной той
причинѣ, что тамъ нѣтъ олова *). Но, во всякомъ случаѣ, кавказскія бронзы
связаны намъ извѣстнымъ указаніемъ въ этомъ отношеніи. Бронзовые предметы,
находясь въ примѣнѣ такъ изобилуютъ кавказскіе могильники, имѣютъ совершенно свое-
образный характеръ: они существенно отличаются отъ европейскихъ и пока-
зываютъ, что мѣсто ихъ происхожденія слѣдуетъ искать въ глубинахъ Азіи.
По его мнѣнію, зародилась бронзовая культура и оттуда распространи-
лась по всѣмъ направленіямъ. На западъ она проникла въ Россію двумя пу-
тями, съ одной стороны черезъ Уралъ, при посредствѣ угро-финскихъ наро-
довъ, съ другой — по южному берегу Каспійскаго моря въ Малую Азію и
оттуда въ Европу. Этотъ второй путь былъ самымъ главнымъ, онъ создалъ
бронзовую культуру всей средней, южной и западной Европы. Но путь этотъ
шелъ черезъ Кавказъ, что видно изъ того, что въ Кубанскомъ могильникѣ
было найдено предметовъ, представляющихъ собою едва ли не самыя харак-
терныя орудія типичнаго бронзоваго вѣка въ Европѣ²¹⁴).

По мнѣнію проф. Томашка, мѣсто происхожденія бронзы слѣдуетъ искать
въ Месопотаміи и сосѣднихъ съ нею странахъ, гдѣ, какъ говорить онъ, древ-
не-шумеро-аккадійцы, ассирійцы и хиттиты были первыми учителями въ

іе авторы признаютъ, по крайней мѣрѣ въ недалекихъ отъ
древнія, оставленные потомъ мѣсторожденія олова, напр. въ
отъ Синопа.

въ приготовленія и обработки бронзы. Мѣдь получали они съ Кавказа или Магана въ Аравіи, олово же изъ Мидіи и изъ страны Таршишъ въ Евѣ, географическое положеніе которой точно опредѣлить нельзя. Суммеро-аккадскій языкъ есть единственный, имѣющій отдѣльныя выраженія для мѣди и бронзы. Бронза называется на немъ *zabag* (въ халдейскомъ *egū*), мѣдь — *ugudu*, олово *apaku*, *kazdugu*. Ни въ одномъ изъ этихъ древнихъ языковъ первый и второй изъ этихъ металловъ не были иными (*). Гомеровское *χαλκος* обозначаетъ тотъ и другой безразлично, то такъ-же какъ латинское *aes*. Въ Месопотаміи съ сплавомъ мѣди и олова познакомились арійцы, которые, по теоріи Томашека, оттуда передви- нлись въ Европу, а съ другой стороны знакомство съ бронзой распростра- нилось изъ Месопотаміи въ Среднюю Азію, въ Сибирь, въ Индію, такъ что можно и всю совокупность этихъ обширныхъ странъ считать колыбелью бронзовой культуры. Въ Хорассанѣ существовали богатые мѣдные рудники Ма'денъ, а оловяная руда была найдена г. Огородниковымъ въ Меш- хѣ²¹⁵⁾.

Изъ другихъ теорій наибольшей оригинальностью отличаются теорія Со- фуса Мюллера, изъ которой многое было позаимствовано Гернесомъ и Вир- томъ, и французская теорія Габр. де Мортилье.

Софусъ Мюллеръ въ своемъ сочиненіи о происхожденіи бронзоваго въ Европѣ сдѣлалъ попытку разъяснить генезисъ бронзовой культуры помощи типологическаго метода. Для этого онъ обратился прежде всего въ Грецію и занялся изученіемъ наиболѣе древнихъ греческихъ находокъ, главнымъ образомъ въ Микенахъ и въ Олимпіи. При этомъ оказалось, что изъ указанныхъ мѣстностей имѣютъ много сходства съ восточными, но типологически онѣ очень отличаются отъ находокъ бронзоваго въѣла остальной Европѣ. Очевидно, здѣсь не было еще непосредственной связи, много перенесенія культуры въ Европу: Греція не была родиной брон- зой культуры для средней и сѣверной Европы. Затѣмъ С. Мю- леръ перешелъ на Востокъ, къ южной Россіи и къ Кавказу, но и здѣсь онъ не констатировать тотъ же фактъ. Кавказскія бронзы обнаруживаютъ то чертъ сходства съ бронзовыми издѣліями дальнѣйшаго Востока, но большинство ихъ типовъ чуждо европейской бронзовой культурѣ. Такимъ образомъ, мѣстомъ происхожденія бронзы не могъ быть и Кавказъ. За то С. Мюллеръ былъ очень заинтересованъ сходствомъ между венгер-

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ суммерійскій и аккадскій языки не тожде- ственны между собою. Аккадскій—есть языкъ семитическій, родственныи ассирій- скому, суммерійскій же—особенный, относящійся, по многимъ признакамъ, къ раз- нымъ туранскимъ или урало-алтайскимъ.

скими и сибирскими бронзами, которое привело его къ заключенію о прямой культурной связи между Венгріей и Сибирью. Многія формы орудіи и оружія или принадлежать исключительно только этимъ странамъ, или сравнительно чаще всего въ нихъ встрѣчаются, напр. двойные топоры, топоры-молоты, серпы, особенно же топоры съ втулкой или такъ назыв. цельты. Послѣдніе, дѣйствительно, были находимы во множествѣ въ Сибири, затѣмъ они встрѣчаются въ Южной Россіи, въ Венгріи и въ остальной Европѣ, за исключеніемъ странъ, прилегающихъ съ Средиземному морю. Такимъ образомъ, уже одинъ этотъ видъ орудіи указываетъ дорогу, по которой распространилась бронзовая культура въ Европу. Она появилась, очевидно, гдѣ-то въ Средней Азій, получила затѣмъ большое развитіе въ Сибири и направилась вмѣстѣ съ тѣмъ на западъ въ Европу. Главный путь ея не пролегалъ ни черезъ Кавказъ, ни вдоль береговъ Средиземнаго моря, черезъ Грецію и Италію, но шелъ черезъ Южную Россію въ Венгрію и далѣе ²¹⁶).

Такова, въ главныхъ чертахъ, остроумная, хотя и не вполне доказанная теорія Софуса Мюллера. Она была отчасти вполне усвоена, напр. Ранке, отчасти послужила основой для другихъ новѣйшихъ теорій, напр. Вирхова и Гёрнеса.

Не менѣе оригинальная, хотя еще менѣе правдоподобная теорія была предложена Габр. де Мортиалье. Этотъ знаменитый ученый является главнымъ защитникомъ такъ назыв. цыганской или индійской теорій, по которой мѣсто происхожденія бронзы предполагается въ Индіи, откуда бронзовая культура была перенесена, будто бы, на западъ, главнымъ образомъ цыганами. Г. де Мортиалье и даетъ поэтому бронзовому періоду въ Европѣ названіе цыганскаго (*période bohémienne, ou tziganienne* ²¹⁷).

Происхожденіе цыганъ до сихъ поръ еще не достаточно выяснено. Не смотря на то, что за послѣднее двадцатипятилѣтіе цыгане были предметомъ многихъ этнографическихъ, антропологическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій, ихъ раса и первоначальная родина не установлены еще вполне опредѣленно. Извѣстно только, что они пришли изъ Индіи и принадлежать къ индійской семьѣ индоевропейскихъ народовъ. Теперь они бродятъ по всей почти Европѣ, въ однихъ мѣстахъ въ большемъ, въ другихъ—въ меньшемъ числѣ, больше всего въ Испаніи, Венгріи и на Балканскомъ полуостровѣ. Мѣстами они живутъ осѣдло, мѣстами кочуютъ, представляя собой послѣднихъ вымирающихъ номадовъ въ цивилизованныхъ странахъ Европы. И кочевые и осѣдлые, они занимаются и до сихъ поръ больше всего кузнечествомъ; нѣкоторые виды металлическихъ издѣлій, какъ напр. выдѣлка мѣдныхъ котловъ въ юго-восточной Европѣ, составляетъ ихъ специальность. Когда именно цыгане въ первый разъ появились въ Европѣ, трудно опредѣлить съ точностью. Французскій изслѣдователь Батальяръ (P. Bataillard) еще съ 1844 г.

блввшій изученіе цыганъ въ Европѣ задачей всей своей жизни и написалъ о нихъ рядъ сочиненій ²¹⁸⁾, полагаетъ, что нынѣшніе европейскіе цыгане появились въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Италіи въ первый разъ въ началѣ XV стол., около 1417 г. Впрочемъ и Батальяръ допускаетъ, что цыгане еще задолго до этого времени стали проникать въ южную и восточную Европу, гдѣ кочевали отдѣльными группами и еще въ очень отдаленныя времена принесли къ намъ бронзу. По мнѣнію Батальяра и Мортилье, Германскія сѣверныя племена были, по всей вѣроятности, цыгане. Въ Галиціи и Буковинѣ, главнымъ образомъ, на правомъ берегу р. Прута, цыгане, такъ называемыя «отарі» или «дзвонкарі», и до сихъ поръ занимаются отливкой различныхъ предметовъ изъ бронзы или латуни.

По мнѣнію Габр. де Мортилье, цыганское племя, главнымъ занятіемъ котораго было литейное и кузнечное дѣло, вышло въ незапамятныя времена изъ Индіи на западъ и принесло новую металлическую культуру прежде всего въ Месопотамію и въ Египетъ. Оттуда цыганскія семьи передвигались еще на западъ, въ Европу, принося съ собою бронзу и торгуя своими изделиями, орудіями и оружіемъ. Кромѣ того новая культура распространилась и съ помощью другихъ торговцевъ, двумя уже извѣстными намъ племенами, изъ которыхъ одинъ шелъ мимо Каспійскаго моря и вдоль Чернаго моря до Дуная и въ Венгрію, а другой—Средиземнымъ моремъ въ Грецію, Италию и т. д.

Свою «индійскую» теорію Габр. де Мортилье подкрѣпляетъ нѣкоторыми фактическими данными. Между ними главную роль играетъ соображеніе, что оловянные монеты, особенно въ юговосточной Индіи, представляетъ весьма распространенный предметъ, и что вывозъ олова отсюда превышаетъ теперь добычу этого металла во всѣхъ остальныхъ странахъ земного шара. Нѣтъ тамъ также и серебра, и въ мѣди. Кромѣ того, Г. де Мортилье находитъ и нѣсколько специальныхъ признаковъ, указывающихъ на индійское происхожденіе бронзовыхъ предметовъ напр. въ Европѣ бронзовые мечи отличаются одною замѣчательною особенностью, именно: рукоятки ихъ обыкновенно представляютъ чрезвычайно малые размѣры. Очевидно, онѣ предназначались не для нашей большой мужской руки. По даннымъ, собраннымъ Мортилье, руки у индусовъ также и у цыганъ, и до сихъ поръ сравнительно очень малы, такъ что имъ нѣтъ ихъ свободно проходить сквозь браслетъ, который у насъ едва можетъ надѣть только женщина; средняя же длина рукоятокъ индійскихъ мечей, по измѣреніямъ Мортилье, не превышаетъ 78 миллиметровъ, тогда какъ у европейскихъ народовъ она равна 109 миллим. *). Поэтому найденные въ Европѣ

*) Цифры эти получены Габр. де Мортилье путемъ измѣренія рукоятокъ, belonging to the collection of arms of various peoples in the Musée de l'Armée, Hôtel des Invalides в Парижѣ.

(Прим. переводч.).

новые мечи являются какъ бы прямымъ доказательствомъ ихъ индійскаго происхожденія и свидѣлствуютъ, что они изготовлялись людьми, которые неспособляли ихъ въ размѣрахъ своей руки. Другимъ доказательствомъ индійскаго происхожденія бронзовой культуры Мортилье считается особенныя изюмы погремушки, назначеніе которыхъ не определено, и которыя изрѣдка попадаются въ европейскихъ находкахъ (въ Швейцаріи, въ Савойѣ и т. д.). Мортилье сближаетъ ихъ съ сходными звенящими инструментами, употребляемыми и теперь въ буддійскомъ культѣ. Въ Музеѣ религій Гиме (Musée Guimet), Парижѣ, можно видѣть подобные предметы въ большомъ количествѣ. Мы прилагаемъ здѣсь изображение одной статуэтки Будды, держащаго въ рукѣ подобный инструментъ. Въѣмъ съ тѣмъ, на пьедесталѣ этой статуэтки, замѣчаемъ и еще одинъ знакъ, который Мортилье считалъ за одно изъ вѣсныхъ доказательствъ своей теоріи, именно — изображение астики .

Нѣтъ сомнѣнія, что символъ этотъ имѣлъ важное значеніе въ древнѣйшемъ буддизмѣ, хотя смыслъ этого знака и не достаточно еще выясненъ *). Одни принимаютъ за знакъ священнаго вѣчнаго огня, который добывался посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева, и полагаютъ, что онъ изображаетъ именно такіе два куска дерева (арани), сложенные накрестъ; другіе считаютъ свастикой и т. д. Жмигродскій

Рис. 145. Статуэтка Будды (по Мортилье).

известна въ Индіи, какъ религіозный символъ, задолго до того, какъ онъ только воспользовался ею, подобно тому, какъ онъ воспользовался и символами другихъ мѣстныхъ, первобытныхъ религій. Въ позднѣйшихъ своихъ лекціяхъ самъ Мортилье въ буддизмѣ, имѣетъ въ виду только ея широкую распространенность и признаетъ ея гораздо большую древность, свастика появляется уже на сосудахъ бронзоваго

(Прим. ред.).

odski), въ недавно изданной имъ монографіи, принимаетъ ее просто волю неизвѣстнаго божества ²²⁰⁾.

и не придаемъ особеннаго значенія заимствованіямъ разныхъ символовъ, при которыхъ въ археологін и міеологін было надѣлано не мало ошибокъ. Изъ того, что на какомъ нибудь сосудѣ оказывается крестъ изъ двухъ заключающихся черточекъ, нельзя еще заключить, что символъ этотъ былъ еще извѣстнъ; рискованно усматривать заимствованіе въ сходствѣ встрѣчающа у самыхъ различныхъ народовъ простѣйшихъ мотивовъ орнаментовъ, кружковъ и т. п. Эти мотивы орнаментации могли появиться вполне независимо и самостоятельно. Тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ, относительно свастики, теоріи Мортилье нельзя отказать въ извѣстности и вѣроятности. Интересно, что этотъ символъ, столь характерный для бронзово-железныхъ вѣковъ, встрѣчается часто и на бронзовыхъ орудіяхъ и оружій, находимыхъ въ Греціи, а также на предметахъ изъ Гиссарлика (ср. рис. 126) и на предметахъ изъ Кипра, Греціи, средней Европы и славянскихъ земель. Мы находимъ его, въ качествѣ символа неизвѣстнаго значенія, и на предметахъ римскихъ катакомбъ, и въ нашемъ современномъ славянскомъ орнаментѣ, въ народныхъ вышивкахъ, на раскрашенныхъ пасхальныхъ яйцахъ (ср. рис. 127) и т. п. Только на Востокѣ свастика была находима до сихъ поръ довольно рѣдко. Трудно полагать, чтобы во всѣхъ этихъ различныхъ случаяхъ свастика возникла совершенно самостоятельно. Она слишкомъ проста и выразительна (главнымъ образомъ въ загнутыхъ назадъ перекладинахъ креста), чтобы можно было отрицать ея символическое значеніе и считать ее за простой мотивъ орнаментации. Мы не настаиваемъ конечно на томъ, что ремесленнику всегда было извѣстно символическое значеніе того мотива, который онъ вырѣзывалъ на оружій или вышивалъ на ткани; мы только сказать (не принимая впрочемъ всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ Мортилье), что свастика представляетъ собою символъ, воспринятый въ Европу изъ Азии, путемъ какого-то, до сихъ поръ еще достаточно невыясненнаго культурнаго вліянія.

Въ теоріи Мортилье свастика является конечно весьма благопріятнымъ фактомъ. Она указываетъ — повидимому убѣдительно — на индійское происхожденіе европейской бронзовой культуры. Теорія эта принята многими учеными, какъ напр. Эрн. Шантронъ, Батальаромъ, А. Кёркеромъ (A. Kürk) и др., *) противъ нея возражаетъ Сол. Рейнахъ. Главныя теоріи о происхожденіи бронзы и европейской бронзовой культуры.

Въ теоріи азіатскаго происхожденія бронзы присоединились еще Ворсбергъ, Г. Гильдебрандтъ, несправедливо связывая ее съ приходомъ аріевъ въ Европу. Еще Дёббокъ, графъ А. Уваровъ, Ленорманъ, и мн. друг. *) и т. д. ртрянъ высказывается въ пользу Кавказа.

туры. Мы не хотимъ рѣшительно высказываться ни объ одной изъ нихъ, желаемъ противопоставлять имъ свою собственную. Мы можемъ только сказать, что мѣстоприсхожденія бронзовой культуры слѣдуетъ искать, безъ какого сомнѣнія, въ Азіи, откуда она распространилась въ Европу нѣсколькими путями, главнымъ образомъ, какъ кажется, тремя: черезъ Средиземное море—въ Грецію, Италію, Галлію;—черезъ Черное море—къ устью Дуная и оттуда далѣе съ Среднюю Европу, и наконецъ—мимо Каспійскаго моря черезъ Россію—въ сѣверныя страны. Въ своемъ послѣдовательномъ распространеніи эти теченія приняли разумѣется извѣстную мѣстную окраску, чѣмъ и обуславливается, напримѣръ, то, что бронзовыя древности греческой эпохи во многомъ отличаются отъ венгерскихъ и средне-европейскихъ. Различныя теченія во многихъ странахъ еще сталкивались между собою и вліяли одно на другое. Все это можно считать почти несомнѣннымъ; значительное менѣе вѣроятны, а можетъ быть и вполне невѣрны, болѣе точныя опредѣленія странъ, откуда шло распространеніе бронзы. Намъ до сихъ поръ еще неизвѣстны тѣ мѣсторожденія олова, изъ которыхъ первоначально добывался этотъ металлъ для приготовленія бронзы, равно какъ мы не знаемъ ни мѣста жительства, ни имени народа, у котораго впервые появилась обработка сплава мѣди съ оловомъ въ опредѣленной пропорціи и о выдѣлкѣ изъ сплава орудій и украшеній. Тѣмъ не менѣе, изъ приведенныхъ нами фактовъ и соображеній несомнѣнно вытекаетъ съ достаточной утвердительною силой, что мѣсто происхожденія бронзы слѣдуетъ искать въ глубинахъ Азіи *).

Бронзовая культура проникла въ Европу повидимому мирно и постепенно, безъ торговыхъ сношеній. Таково впечатлѣніе, производимое на насъ постепеннымъ ходомъ ея развитія. Она не явилась, какъ полагали нѣкоторыя прежнія теоріи, напр. Тройона, въ результатѣ завоеванія. Не было

нѣзвы изъ внутренней Азіи доказывается между прочимъ въ Китаѣ. Впрочемъ, въ Средней Азіи (напр. около южной Сибири (Минусинскомъ краѣ) мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, а не бронзовую промышленность. Важными нѣкогда служили еще Алтай и Уралъ; съ Урала мѣдныя (и бронзовыя) изделия по всему Сѣверу Россіи и доходили до Финляндіи, здѣсь такіе изделия (сибирскаго типа) встрѣчаются уже и теперь, чѣмъ бронзовыя изделия скандинавскихъ, вообще за-падныхъ странъ. Найдено теперь довольно много въ Финляндіи, а въ Прибалтійскомъ и Западномъ краѣ, въ Польшѣ, въ Новороссійскомъ краѣ, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, серпы, наконечники копій и т. д., по всей вѣроятности. Впрочемъ, въ послѣднее время стали извѣстны и другія бронзовыя орудія, найденныя въ Киевской губ. въ которой ранѣе бронзовыя вѣкъ отрицался (проф. Анто-

Прим. ред.

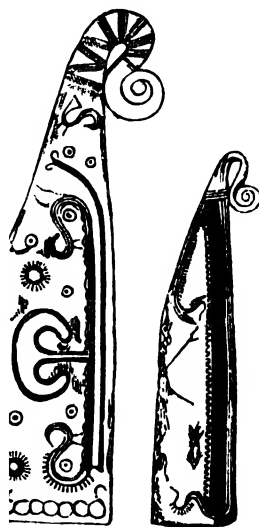
да, который ринулся съ бронзовы
вооруженное каменными топора
му свою новую культуру. Ника
бронзы мы не усматриваемъ. К
иное внесеніе новой культуры ма
ной территоріи. Передвиженія на
юй древности, и прежнее насел
юму безъ извѣстнаго сопротивле
рическія. Очень вѣроятно, поэто
культура могла произойти и бо
Но въ общемъ — ходъ древнѣйш
теръ постепеннаго развитія.
актерныхъ издѣлій бронзоваго в
мъ легко-плавкій, поэтому неуди
идами бронзовыхъ издѣлій: съ п
однако, кованныя бронзовыя ор
была сдѣлана отливкой расп
авшія негативы желаемыхъ п

ь себя эти формы, повидимому, т
предметъ, съ котораго желалъ из

бронзовую копию, во влажн
мелкозернистомъ пескѣ, и
сдѣланное такимъ образомъ
лубленіе быстро наливалъ
плавленную бронзу. Это б
вѣроятно наиболѣе древній м
то же время наиболѣе прост
шій способъ отливки, котор
пользуются еще и до сихъ п
Гораздо болѣе совершенными
ли однако формы изъ гли
смѣшанной съ пескомъ. Мо
отливаемаго предмета приго
лялась изъ воска или как
нибудь подобнаго вещества
затѣмъ обкладывалась гли
Когда глина обжигалась на
нѣ, распустившійся воскъ
текалъ въ нарочно сдѣлан

ого отверстия, а внутри оставалась пустота — негативъ предмета. За-
 тѣ болѣе широкое отверстіе вливался расплавленный металлъ, по ох-
 и котораго глиняную форму просто разбивали. Поэтому такіа глиняныя
 и не сохранились. За то довольно часто попадаются формы каменные.
 овление ихъ было дѣломъ не легкимъ: негативъ приходилось выдалбли-
 камнѣ, въ видѣ двухъ гладкихъ половинокъ, которыя, будучи при-
 одна къ другой, могли бы образовать полный негативъ (см. рис. 146);
 такого рода формы служили неопредѣленно долгое время. По охлажденіи
 разнимали половинки формы и вынимали отлитый предметъ, а камни
 лади одинъ на другой, и работа могла быть продолжаема дальше. Такихъ
 найдено было въ Европѣ довольно много, между прочимъ и въ сла-
 странахъ. Наиболее важная находка въ Чехіи была сдѣлана въ
 стяхъ Зволеновесъ и Гостомице²²²). Найдены были также слѣды пла-
 которы могли принадлежать и странствовавшимъ торговцамъ и до-
 ремесленникамъ, въ Чехіи напр. возлѣ с. Урчицъ, возлѣ Олмыца,
 еницы и пр. Въ Южной Россіи формы для отливки бронзовыхъ орудій
 найдены напр. въ селахъ Янковичі, Велика Половецка, Триліси—Кіев-
 б., въ сел. Малыя Копані, Херсон. губ., возлѣ Дніпровскихъ пороговъ
 ѣ, Волнигъ и пр. *).

формъ, особенно болѣе примитивныхъ, орудія выходили очень гру-

Окрытыя орнаментами бритвы изъ Даніи.

изъ, Археологическая карта Кіевской губерніи, Спб. 1895;

ми, съ неровной шереховатой поверхностью, съ разными швами и затеками, оставшей бронзы, вошедшей въ оставленные для протока воздуха дырочки въ отверстіе, через которое вливался расплавленный металл. Такіе остатки и слѣды отливки (Gussarfen) встрѣчаются нерѣдко въ находкахъ бронзовыхъ издѣлій, на предметахъ еще не отдѣланныхъ. Поэтому орудія и оружіе бронзы, послѣ ихъ отливки, должны были подвергаться еще дополнительной отдѣлкѣ. Нужно было отбить швы и затѣки, затѣмъ сгладить внутреннюю поверхность, отполировать ее и старательно отточить лезвие или острие. Иногда послѣ такой обработки приступали еще къ украшенію предмета; выемки, бороздки, бѣлѣ, болѣе грубые и крупные орнаменты получались уже при отливкѣ, напуклости, валики, и т. п., но болѣе тонкій орнаментъ, которымъ часто бываетъ покрыто цѣлое орудіе (ср. напр. прилагаемый рисунокъ 147 для одного изъ бронзовыхъ бритвъ), вырѣзывался при помощи бронзовой иглы, а послѣ отшлифованія — стальной. Мы упоминали уже о томъ, что однимъ изъ доказательствъ, которыми опирался Гостманъ, отрицая существованіе бронзового вѣка, было убѣжденіе, что нанесеніе тонкаго орнамента на предметы бронзы эпохи могло быть сдѣлано только съ помощью острой стальной иглы. Это свидѣтельствуетъ о знакомствѣ съ желѣзомъ въ теченіе бронзового вѣка. Но графъ Вурмбрандтъ доказалъ произведенными имъ опытами, что этого достаточно и острой твердой бронзовой иглы *).

Между разнообразными орудіями, оружіемъ и украшениями, которыми отличается бронзовый вѣкъ отъ каменнаго, первое мѣсто, какъ по количеству экземпляровъ, такъ и по разнообразію типовъ, занимаетъ бронзовый топоръ или палица. Изъ наиболѣе древней формы бронзовыхъ топоровъ, простой, плоской и совершенно сходной съ формами мѣдныхъ (ср. рис. 150 и 151) развился рядъ послѣдующихъ формъ, значительно болѣе приспособленныхъ для прикрѣпленія къ рукояткѣ. Усовершенствованіе происходило видимо путемъ постепеннаго загиба кнаружи и внутрь продольнаго ребра топора для того, чтобы втиснутые между этими загибами концы рукоятки изъ дерева могли держаться возможно крѣпче (рис. 144). Отъ загиба внутрь дошелъ наконецъ до того, что отогнутыя закраины, обходясь взаимно на каждой изъ сторонъ орудія, образовали втулку,

* Требовъ, Опытъ топографическаго описанія древностей Херсонской губернии, Одесса 1894; Мельникъ, Каталогъ коллекціи древностей П. Н. Поля, Киевъ 1903.

(Примѣч. переводч.).

*) Если къ мѣди примѣшано слишкомъ много олова, то сплавъ становится слишкомъ твердымъ и почти равняется по твердости стали. При помощи же ковки и небольшаго количества фосфора, который препятствуетъ образованию окалины, бронза становится вполне твердой, вязкой и упругой (бронзовая сталь, stbbronz), можетъ даже и до сихъ поръ соперничать со сталью.

ую, топорище могло быть вставлено уже вполне надежнымъ образомъ. Большой частью впрочемъ такіе топоры имѣютъ загибы или крылья со стороны. Особенную форму представляютъ топоры, которые для болѣе удобнаго насаживанія на топорище снабжены такъ назыв. паткой (talon), которую упирался край топорища и которая препятствовала ему расщепляться отъ ударовъ (рис. 149 и 152). Можетъ быть какъ ретатъ дальнѣйшаго развитія цельта съ крыльями, а можетъ быть и самостоятельно появилась и съ втулкой для насаживанія на топорище. Но эта втулка направлена не перпендикулярно къ длинной оси орудія и параллельно съ лезвиемъ, какъ въ нынѣшнихъ топорахъ, а развѣ развѣ наоборотъ, т. е. перпендикулярно къ лезвию (см. рис. 150, 153). Топорище всаживалось подобно тому какъ въ нынѣшнемъ долотѣ, для того чтобы орудіе можно было употреблять и топоръ, рукоятку его придавали загнутую форму. Топоры этого типа развились въ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ формъ и часто были украшены на своей поверхности литыми вырѣзанными орнаментами (рис. 151). Топоры съ втулкой и съ крыльями бывають нерѣдко снабжены у задняго конца по

Рис. 148. Бронзовый топоръ съ слегка отогнутыми закраинами изъ Собехлеба въ Чехіи.

Бронзовые топоры, первый орой съ втулкой и ушкомъ.

Рис. 151. Бронзовый топоръ съ втулкой, покрытый орнаментами, изъ Моравіи.

ми, въ которыя продѣвался ремешокъ и
звѣю орудія на топорницѣ (см. рису

наго хода развитія бронзовыхъ топоровъ
на 5 основныхъ типовъ, причеъ одна

рикрѣпленія бр
(по Леббоку).

оры за болѣе по
ь нихъ наибо.
ми краями (на

talons, Beile
à ailerons, Be
à douille, Hohl
s, Flachbeile).

ортилье присое
мся главнымъ

которыхъ о
сположено,
менныхъ

загнуть на
впрочемъ
лѣе поздней

томъ же о
считаетъ б

гопоры (haches
ѣчаются въ I
на о-въ Кипрѣ

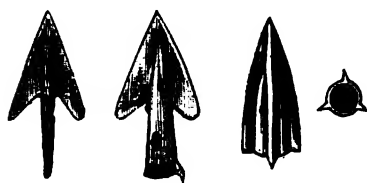
вумъ формамъ бронзовыхъ топоровъ давались въ теченіе извѣстнаго времени названія: пальставъ и кельтъ или цельтъ *). Мы считаемъ эти названія устарѣвшими и полагаемъ, что лучше бы было ихъ оставить. Одни пользуются еще многіе археологи, при чемъ пальставомъ называютъ топоръ съ загнутыми боковыми краями, а цельтомъ или кельтомъ—топоръ индивидуально къ направленію лезвия втулкою. Нѣкоторые же, какъ Леббо и др., называютъ всѣ указанные виды бронзовыхъ топоровъ кельта. Словомъ о бронзовыхъ топорахъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе бронзового вѣка почти всюду продолжали еще употребляться и орудія изъ камня, напр. ножи и наконечники стрѣлъ, такъ и шлифованные молотки. Доказательствъ тому имѣется не мало. Укажемъ на извѣстную кагунскую находку въ Египтѣ, относящуюся къ бронзовому вѣку, и на каменные топоры, ножи, стрѣлы и т. п., найденные въ египетскомъ вѣка на мѣстѣ древней Трои; такое же совмѣстное присутствіе каменныхъ орудій съ бронзовыми было констатировано, по свидѣтельству Огнелъ-Рихтера (Ohnefalsche-Richter), въ гробницахъ о-ва Кипра. Даже въ Греціи кинжалъ продолжалъ еще употребляться, одновременно съ бронзовыми орудіями, по свидѣтельству г-жи Месторфъ, находки въ датскихъ гробницахъ. Въ Чехіи употребленіе каменныхъ топоровъ въ позднѣйшую бронзовую эпоху было констатировано въ гробницахъ возлѣ Бразанекъ, у Любанъ, у Либаванъ и пр., въ Моравіи—въ позднѣйшихъ гробницахъ возлѣ Брюнна, въ Райградѣ и др. мѣстахъ.

Названіе бронзоваго топора „цельтомъ“ явилось въ концѣ прошлаго вѣка у англійскихъ и ирландскихъ изслѣдователей, какъ у Лорта, Пейза и др. Только позже скандинавскіе ученые начали отличать отъ цельта видъ топора *palstav* (*paalstaaf*). Кельтоманы въ первой половинѣ нашего вѣка, какъ напр. Г. Шрейберъ въ Фрейбургѣ, соединили названіе „кельтъ“ съ племенемъ кельтовъ. Но слово *celtis* средневѣковое и означаетъ „золото“, въ классическомъ же латинскомъ языкѣ оно не существуетъ, хотя и встрѣчается правда одинъ разъ въ Вульгатѣ (книга Іова XIX, 23), но очевидно по ошибкѣ переписчика (*celte* вмѣсто *certe*), какъ это видно изъ еврейскимъ текстомъ и греческимъ переводомъ. Латинскій „кельтъ“ не имѣетъ безусловно ни малѣйшаго отношенія къ Муха (*Much*) все равно, какъ ни произносить это слово, по мнѣнію же Вирхова правильнѣе цельтъ, а не кельтъ. Исторической археологіи термины „кельтъ“ и „цельтъ“ въ предѣленномъ значеніи, ни типологическаго или историческаго, разрушающіе генетическую связь между камнемъ и бронзой, совершенно не употребляются. *Прим. перевод.* Слово о названіи „цельтъ“ было бы не безполезнымъ указаниемъ на то, что эти орудія отъ настоящихъ топоровъ, какъ въ бронзовую эпоху, такъ и въ каменную, отличаются именно въ примѣненіи къ бронзовымъ и каменнымъ индивидуально къ лезвию. (Примѣч. ред.).

Можно упомянуть еще о лужицких гробницах съ остатками трупосож-
ненія (по словам Behly), о могильникѣ желѣзнаго вѣка въ Базмѣржѣ
злѣ Надзѣва въ Познани, въ Rogats' въ Пруссіи, въ Серочинѣ на рѣкѣ
видерѣ, въ Самгородку въ Кіевской губ., о курганахъ возлѣ с. Жиброхъ
Подолія и возлѣ Муравы въ Минской губ., о гробницахъ на побережьи
Вѣпра, въ Прикавказьи и т. д. ²²⁵).

Ни одинъ изъ видовъ оружія не достигъ въ бронзовую эпоху тако-
го развитія формъ, какъ топоръ. Булавы, о которыхъ мы упоминали уже
и обзорѣ каменнаго вѣка, продолжали дѣлаться изъ камня, и еще въ болѣе
позднюю эпоху. Попадаются, правда, и бронзовыя булавы, но, насколько
намъ извѣстно, онѣ относятся уже къ желѣзному вѣку.

Наконечники копій и стрѣлъ могутъ быть раздѣлены на два глав-
ныхъ вида: на наконечники безъ втулки и съ втулкой. Особенно разноо-
бразны наконечники стрѣлъ, которые бывають или плоскіе, съ черешкомъ

ис. 155. Разныя формы бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ.

треугольные, или листовидные, или трех-
гранные, съ втулкой и часто съ зуб-
цами или шипами при основаніи (рис.
155). Попадаются стрѣлки и съ попереч-
нымъ лезвиемъ—но рѣдко. Небольшіе
желобки или ямки на граняхъ могутъ

служить для втиранія въ нихъ яда, растительнаго или животнаго, какъ это
практикуется и у нынѣшнихъ дикарей ²²⁶). У нѣкоторыхъ стрѣлъ въ вер-
ней части втулки замѣчается дырочка, которую также принимали за отве-
стіе для яда; но, кажется, она дѣлалась для гвоздика, прикрѣплявшаго наконеч-
никъ стрѣлы къ ея древку. Особенный видъ бронзовыхъ стрѣлъ
представляютъ собою стрѣлы трехперыя, встрѣчающіяся чаще въ болѣе
позднихъ находкахъ, напр. гальштаттскаго періода.

Рядомъ съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ, въ теченіе бронзо-
ваго вѣка были въ большомъ употребленіи и наконечники кремневые, очевидно
болѣе дешевые,—условіе, игравшее важную роль по отношенію къ такимъ
легко терявшимся метательнымъ снарядамъ, какъ стрѣлы. Долго продолжалось
и въ ходу и наконечники костяные, даже рядомъ съ желѣзными стрѣл-
ками, напр. у позднѣйшихъ тюркскихъ народовъ; очевидно, для многихъ
цѣлей они были не менѣе удовлетворительными, чѣмъ сдѣланные изъ
металла.

Кинжалъ—въ болѣе древнюю эпоху бронзоваго вѣка имѣлъ обыкновенно
форму удлиненаго узкаго треугольника, иногда съ закругленнымъ ос-
нованіемъ. Клинокъ его былъ безъ стержня, и рукоятка (деревянная, костяная
или роговая) прикрѣплялась къ клинку нѣсколькими (3—6) гвоздиками

Въ позднѣйшую эпоху рукоятка обыкновенно отливалась уже вмѣстѣ съ клинкомъ, напр. въ прекрасной работы кинжалахъ изъ гальштаттскаго могильника.

Новый видъ оружія, совершенно неизвѣстный предшествовавшему каменному вѣку, представляетъ собою мечъ ²²⁷⁾. Въ основѣ своей мечъ есть не что иное, какъ удлиненный ножъ или кинжалъ, достаточно тяжелый для того, чтобы имъ можно было рубить или колоть въ нѣсколько большемъ разстояніи отъ неприятеля. Наиболѣе древніе мечи имѣютъ клинокъ обоюдоострый, съ прямыми лезвиями и постепенно суживающійся къ концу. Позднѣйшіе же мечи бронзоваго вѣка имѣютъ клинокъ на подобіе ка-

мышьеваго листа и рѣзко обозначенный стержень для рукоятки. Наиболѣе варіировали формы рукоятки и способъ ея прикрѣпленія къ клинку. Различныя страны и эпохи выработали въ этомъ отношеніи свои особенные своеобразные типы. Древнѣйшіе виды мечей обыкновенно безъ бронзовой рукоятки, но имѣютъ на плоскомъ стержнѣ или заднемъ концѣ клинка нѣсколько дырочекъ для прикрѣпленія пластинокъ изъ другого матеріала. Позднѣйшія формы имѣютъ бронзовую рукоятку или отлитую въ одномъ кускѣ съ клинкомъ, или отлитую отдѣльно и прикрѣпленную опять-таки гвоздями. Въ концѣ бронзоваго вѣка переходъ къ новому матеріалу и новымъ формамъ обозначается тѣмъ, что бронзовый клинокъ замѣняется желѣзнымъ, рукоятъ же остается еще въ теченіе долгаго времени изъ прежняго металла — бронзы. Объ одной особенноти находимыхъ въ Европѣ бронзовыхъ мечей мы упомянули уже выше, именно, что рукоятка ихъ очень мала сравнительно съ размѣрами нашей кисти,—

Рис. 156. Бронзовый кинжалъ изъ Перьева въ Тироли.

фактъ, въ которомъ Габр. де Мортилье, Э. Шантръ и другіе видятъ доказательство индійскаго происхожденія этихъ мечей. Во всякомъ случаѣ, этотъ малый размѣръ рукоятей остается до сихъ поръ загадочнымъ и намъ кажется, что разъясненію этой особенноти не особенно помогли догадки Монтеліуса и Ранке, по мнѣнію которыхъ мечи такого типа служили не столько для того, чтобы ими рубить, сколько для того, чтобы колоть, причемъ рука держала мечъ, не обхватывая его всѣми

болѣе опираясь на нее ладонью. То же самое полагаетъ и (F. de Villenoisy) ^{22a}).

Ножи получили въ бронзовомъ вѣкѣ такъ различныя формы. У болѣе древнихъ ножей бронзовыхъ рукоятокъ нѣтъ, и стержень клинка снаженъ лишь отверстіями для гвоздей или заострен для насаживанія въ рукоятку—въ родѣ того, какъ мы видѣли это относительно мечей и кинжаловъ (рис. 158). Ножи позднѣйшаго бронзоваго періода имѣютъ уже часто бронзовыя рукоятки, иногда простыя, иногда же тщательно отдѣланныя украшенныя разными фигурками, въ родѣ какъ напр. у изображенныхъ здѣсь ножей изъ Даниі (рис. 159). Типическимъ признакомъ ножа бронзоваго вѣка, именно болѣе позднаго его періода, можетъ считаться слегка изогнутый клинокъ.

Вполнѣ новую форму представляетъ себе бритва. Въ находкахъ бронзоваго вѣка встрѣчаются довольно часто небольшія орудія, съ тонкимъ и широкимъ лезвиемъ, которыя не могли повидимому употребляться ни для какой иной цѣли, какъ для бритья. Можно догадываться, что бритвы вошли въ употребленіе еще въ теченіе каменнаго вѣка, въ формѣ тонкихъ и острыхъ ножей изъ кремня или обсидіана. Obsidianовыми бритвами пользовались древніе мексиканцы; мѣстами онѣ продолжали служить для той же цѣли въ Мексикѣ до новѣйшаго времени. Впрочемъ форма бронзовыхъ бритвъ совершенно отлична отъ каменныхъ осколковъ. Бронзовыя бритвы являются въ видѣ широкихъ и тонкихъ, точно вырѣзанныхъ изъ бронзоваго листа ножей, заостренныхъ съ обѣихъ сторонъ или только съ одной, причемъ широкій клинокъ бываетъ нерѣдко украшенъ орнаментомъ. Изящныя однолезвийныя скандинавскія бритвы были найдены впрочемъ уже въ гробницахъ позднѣйшаго бронзоваго вѣка (ср. рис. 147). Обоюдоострыя бритвы, въ формѣ округленной пластинки съ вырѣзомъ на одной сторонѣ и съ ручкой на противоположной, такъ

бронзовый мечъ, а въ возлѣ Мельсін, и рукоятки психихъ мечей.

украшенияхъ съ появленіемъ новаго матеріала замѣчается болѣе изіе, и ковка, литье и рѣзба по металлу въ нѣкоторыхъ странахъ уже до замѣчательнаго совершенства, напр. въ Венгріи и на Сѣверѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай заняться описаніемъ подобныхъ издѣлій, которыми различныя племена бронзы украшали свое тѣло и одежду, своихъ лошадей, повозки и т. д.

Рис. 160. Различныя формы бритвъ бронзового вѣка *).

На головахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носили діадемы, въ ушахъ—серьги, въ волосы вплетали разныя украшения, на обыкновенно носили большое бронзовое кольцо, или обручъ (фиг. 161).

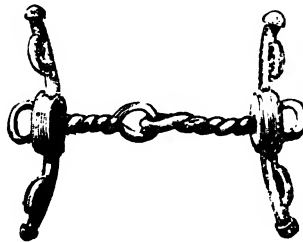

Рис. 162. Бронзовыя удила изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ.

на шею (фиг. 162), на рукахъ—браслеты и перстни, на ногахъ—настоупки. Часто носили подобныя же украшения на концы пальцевъ. Одежду закалывали булавками (фиг. 163) и обшивали часто разными металлами и привѣсками. Относительно булавки слѣдуетъ замѣтить, что въ концѣ бронзового вѣка изъ нея развилась такъ называемая фибула,—видъ украшеній, варіаціи которыхъ представляютъ большую важность для археологическаго изученія.

Для археологій позднѣйшихъ эпохъ. Въ настоящемъ вѣкѣ въ большей части Европы, фибулы вовсе не встречаются—фактъ, являющійся важнымъ признакомъ для опредѣленія датировки.

Фиг. 161—изъ свайной постройки въ Мерингенѣ, въ Швейцаріи, № 1—изъ гробницы воелѣ Монсеау Laurent (Котъ-д'Оръ); № 3—изъ гробницы въ Пассау, Баварія; № 4—изъ Брозанекъ въ Чехіи, № 5—изъ Макона во Франціи (съ оригиналовъ).

ности находокъ. Исключенія до сихъ поръ до такой степени рѣдки и такъ рѣзко ограничены немногими опредѣленными мѣстностями, что этотъ признакъ можетъ быть возведенъ въ настоящее правило. Фибула оказывается характернымъ издѣліемъ начала желѣзнаго вѣка, но приготавлилась, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, все-таки еще изъ бронзы. Въ теченіе бронзоваго вѣка фибула появилась только въ трехъ странахъ: въ Венгріи, въ южной части Альпъ и въ Скандинавскихъ странахъ, и то въ самомъ концѣ бронзоваго періода. Иногда, въ видѣ исключенія, фибулы попадаются и въ другихъ мѣстностяхъ, но въ такихъ случаяхъ онѣ оказываются занесенными изъ вышеупомянутыхъ странъ. Въмѣсто фибулы, для закалыванія одежды, употреблялись обыкновенно только различной длины и толщины булавки, какъ о томъ свидѣлствуютъ находки Рис. 163. Бронзовый серпъ изъ Чехіи. такихъ булавокъ около скелетовъ въ гробницахъ бронзовой эпохи. Подобныя булавки отличаются иногда гигантскими размѣрами. Такъ напр. въ Гроссмайя въ Зальцбургѣ и въ Бернѣ въ Швейцаріи были найдены булавки почти въ полметра длиною; въ Чехіи подобныя же булавки извѣстны изъ Либни, Тмани и т. д.

Кромѣ скалыванія одежды, булавки служили также для укрѣпленія воле, но гораздо рѣже. Булавки бронзоваго вѣка отличаются отъ позднѣйшихъ главнымъ образомъ своими крупными размѣрами, а еще болѣе массивностью головокъ, состоящихъ или изъ плоскаго кружка, или изъ шарика, или же, и притомъ чаще всего, изъ ряда расположенныхъ одно надъ другимъ утолщеній (см. рис. 164).

Не менѣе впрочемъ многочисленны и простыя формы. Даже наиболѣе древній, какъ намъ кажется, видъ булавки, состоящій только изъ толстой, на одномъ концѣ расплющенной, а на другомъ сточенной проволоки, не только встрѣчается въ бронзовомъ періодѣ, но удерживается и до гораздо болѣе позднихъ временъ во всей Европѣ.

Новая металлическая культура обнаруживала свое вліяніе и на керамику. Въ находкахъ бронзоваго вѣка мы встрѣчаемъ различные виды сосудовъ изъ бронзы: чашки, котелки, миски, ведерки, сосудцы въ видѣ животныхъ и т. п. Но и глиняная посуда не была забыта. Напротивъ, въ нѣ-

переливалось, или-же части его соединялись самымъ грубымъ и примитивнымъ способомъ. Известно нѣсколько интересныхъ экземпляровъ такихъ неумѣлыхъ починокъ съ помощью накрученной проволоки, прибиванія гвоздиками и т. п., какъ можно видѣть напр. на одной мекленбургской фибулѣ изъ Швеина (рис. 165).

Еще въ Гальштаттскую эпоху бронзовые сосуды продолжали дѣлаться изъ листового металла, сбитаго гвоздиками. По греческимъ преданіямъ спайка металловъ была открыта Главкомъ съ о-ва Хиоса. Но такъ какъ въ извѣстіи объ этомъ говорится только о спаиваніи желѣза (*κόλλησις σιδήρου*), а не бронзы, то Блюмнеръ полагаетъ, что спайка бронзы была уже извѣстна грекамъ раньше открытія Главка. Микенскіе бронзовые сосуды, впрочемъ, еще сбиты гвоздиками, и слѣды подобнаго же рода работы встрѣчаются и на наиболѣе древнихъ бронзовыхъ статуэткахъ греческаго происхожденія. За то въ Троѣ Шлиманномъ были уже найдены въ слояхъ бронзового вѣка только спаянные сосуды. Слѣдуетъ полагать поэтому, что умѣнье паять металлы пришло въ Грецію и въ Европу, вообще, съ Востока.

Нѣкоторые виды бронзовыхъ предметовъ встрѣчаются въ очень большомъ количествѣ, другіе-же очень рѣдки. Такъ напр. предметы охранительнаго вооруженія, шлемы, латы и щиты, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко; бронзовые мечи тоже оказываются сравнительно рѣдкими. За то очень многочисленны разные виды топоровъ—плоскихъ, съ крыльями и съ втулкой, серпы и т. п., поэтому гр. Вурмбрандтъ, можетъ быть, и правъ, дѣлая предположеніе, что большая часть этого рода предметовъ не служила для дѣйствительнаго употребленія, но представляла собою или форму сыраго матеріала, изъ котораго потомъ выдѣлывались различныя вещи, или нѣчто въ родѣ монеты для обѣда на мѣстные продукты. У нѣкоторыхъ примитивныхъ народовъ и до сихъ поръ извѣстные виды орудій, какъ напр. желѣзные топоры въ Африкѣ, замѣняютъ собою деньги.

Встрѣчаются также находки, заключающія въ себѣ очень большое количество бронзовыхъ издѣлій и очень часто одного или нѣсколькихъ только типовъ. Это—такъ называемые клады или склады (*cachettes, dépôts*). Ихъ объясняли различнымъ образомъ. Въ Давіи, гдѣ они попадаются напр. въ торфяникахъ, въ Ташбергѣ, въ Ангельнѣ, въ Крагерупѣ и Вимозѣ на о-вѣ Фюнѣ (*Fünen*), въ Шлезвигѣ, въ Нидамѣ, нѣкоторые ученые (Ворсо, Лиссауэръ и др.) принимали ихъ за жертвенныя приношенія подземнымъ богамъ, точно такъ-же какъ нѣкоторыми объяснялись находки вещей на днѣ швейцарскихъ озеръ, подъ свайными постройками, за жертвы, брошенныя водянымъ духамъ. Въ послѣднее время Г. Эроли (*G. Egoi*) объяснялъ подобнымъ же образомъ почти всѣ итальянскія находки. О подобныхъ обычаяхъ въ разныхъ мѣстахъ Европы имѣются историческія свидѣтельства, поэтому мы не рѣшаемся при-

Ворсо вообще невѣроятнымъ. Но относительно нашихъ складовъ подобное объясненіе было-бы все-таки искусственнымъ мнѣнію сами названія—кладъ или складъ—заключаютъ въ себѣ такое объясненіе подобныхъ находокъ. Бронза въ теченіе очень была металломъ рѣдкимъ, бронзовое оружіе и украшенія цѣнными предметами изъ всего имущества отдѣльнаго лица кому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ древности ихъ приимутъ, при приближеніи напр. непріятеля, подобно тому, какъ раздо болѣе позднія времена съ монетами и вообще болѣе большой натяжкой полагать, что въ этихъ бронзовыхъ находкахъ представляются смутныя времена и потому не вынутые изъ нихъ однако была вѣроятно заимствованы торговцами, которые заготовку готовыхъ бронзовыхъ издѣлій. Особенно тогда бронза еще не выдѣлывалась въ средѣ путемъ торговли изъ восточныхъ и южныхъ совершенно готовыхъ, отдѣланныхъ издѣлій (исключая ихъ обработки **),—купцы, пускавшіе ихъ по дорогамъ, сквозь густыя дѣвственные леса облегчали себѣ торговлю тѣмъ, что въносили часть своего товара. Затѣмъ они вывозили въ окрестныя страны и, продавши все, брали изъ своего склада новый запасъ и т. д. Только подобнымъ образомъ и можно объяснить бронзовыхъ предметовъ, какъ напр. въ кладѣ въ Hajdu-Böszörmény, въ Рочешскую находку дуксовскихъ (Duchso) бронзовыхъ кинжаловъ въ Ripatrans (— въ Италіи, складъ бронзовыхъ топографическихъ картъ) во Франціи и т. п. То, что торговецъ умираетъ въ дорогѣ въ скарпу, или возвращеніе его къ зарытому

въ Мльчехвостахъ былъ найденъ напр. сосунами, а кладъ, найденный въ Сарадѣ, въ тѣхъ въ себѣ около тысячи янтарныхъ бусъ. Бронза доставлялась въ Европу и въ необработаннымъ куски этого металла, находясь въ Пруссіи, въ Старогардскомъ округѣ былъ изограннымъ въсомъ.

валось, вследствие тѣхъ или другихъ причинъ, невозможнымъ—а это могло случаться очень часто,—то складъ оставался зарытымъ въ землѣ до тѣхъ поръ, пока случайно, съ расчисткой лѣсовъ и обработкой земли какое либо разрытіе почвы не вызывало находку зарытаго за многія тысячи лѣтъ тому назадъ товара или склада.

Такими торговыми складами слѣдуетъ признать прежде всего тѣ находки, въ которыхъ оказались совершенно готовые бронзовые издѣлія въ большомъ количествѣ. Но кромѣ торговцевъ готовыми издѣліями развился въ послѣдствіи новый классъ странствовавшихъ бродячихъ купцовъ-ремесленниковъ, которые не только торговали готовыми вещами, но и сами занимались литейнымъ дѣломъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто. Они скупали поломанные и разбитые бронзовые предметы, вымѣнивая ихъ съ известной выгодой на новыя, при чемъ, чтобы не таскаться съ лишней тяжестью, они закапывали иногда собранныя ими старыя вещи въ землю, и только тогда, когда ихъ набиралось достаточно, собирали ихъ въ одно мѣсто, устраивали мастерскую, плавили куски старой бронзы и отливали новые предметы. Торговцы этого рода были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками-литейщиками. Французы называютъ ихъ «marchands fondeurs», а ихъ склады «cassettes de fondeurs» (по англ. founders boards). Этому второму роду бродячихъ торговцевъ мы приписываемъ довольно многочисленныя находки, въ которыхъ вмѣстѣ съ слитками бронзы или съ готовыми издѣліями оказываются также и испорченные или поломанные предметы. Иногда при этомъ находятъ и каменные формы для отливки,—наилучшее доказательство того, что зарывшіе складъ были не только торговцами, но и литейщиками. Подобныя находки были сдѣланы напр. въ Чехіи въ Стражѣ возлѣ Радетицъ въ Рыдче, недалеко отъ Литомѣрицъ; въ другихъ странахъ сюда относится одна изъ наиболѣе обильныхъ находокъ въ саду св. Франциска въ Болонѣ (складъ постоянной мастерской) и главнымъ образомъ громадная находка въ Гаммерсдорфѣ въ Седмиградской области. Этотъ послѣдній кладъ вѣсилъ болѣе 400 килограммовъ и состоялъ по большей части изъ бронзы въ слиткахъ, мѣди и олова, и изъ большого количества поломанныхъ мечей, топоровъ и серповъ.

Въ послѣднее время были сдѣланы находки подобныхъ же складовъ желѣзныхъ предметовъ. Такъ въ с. св. Михаила въ Крайнѣ въ 1891 г. былъ открытъ складъ изъ нѣсколькихъ сотъ штукъ желѣзнаго оружія. Замѣтимъ кстати, что были находимы также и склады каменныхъ орудіи, напр. въ Россіи въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на границѣ Земли Войска Донскаго, и другой въ дер. Гамарнѣ въ Каневск. у., Кіевской губ.

аясь теперь къ изложенію свѣдѣній о бронзовомъ вѣкѣ въ отдаленныхъ Европы, сдѣлаемъ сначала небольшое уклоненіе и разсмотримъ начало металлической культуры на Востокѣ, а потомъ идемъ въ Европу, слѣдуя тѣмъ путямъ, по которымъ культура пошуму мѣлѣю, проникла на Западъ. Свѣдѣнія о бронзовой культурѣ въ странахъ имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашему изложенію изъ того, что было нами сказано выше о происхожденіи бронзового вѣка. Видно, что, говоря объ этой культурѣ въ Европѣ, невозможно безъ вниманія тѣсно связанную съ ней культуру восточную. Западные страны и Египетъ имѣли несомнѣнно очень важное значеніе для европейской цивилизаціи. Въ этихъ странахъ, изобилующихъ многими богатствами и расположенныхъ географически весьма благоприятно, образовались два наиболѣе древнихъ культурныхъ центра—въ Египтѣ и Месопотаміи. Здѣсь, еще въ тѣ времена, когда Европа пребывала въ варварствѣ, когда ея населеніе проходило еще примитивныя стадіи, мы видимъ высокую цивилизацію, общества, организованныя въ государства, съ гражданскими законами и религіозными установленіями, нашедшія высокую матеріальную культуру, развитое искусство, письменность и т. д. А когда въ нынѣшнемъ столѣтіи начались болѣе глубокія измѣненія такъ назыв. классической культуры Греціи и Италіи, то сдѣлались очевиднымъ, что и эта наиболѣе древняя высшая культура въ Европѣ имѣла корни на Востокѣ. Основы были чужія, восточныя, но за ними была среда и развившіяся въ ней другія основы человѣческаго духа, дающія ейской культурѣ новый и оригинальный отпечатокъ. Мы знаемъ зародыши культуры, которую мы съ археологической точки зрѣнія называемъ бронзовою, появились тоже гдѣ-то въ Азіи и пришли къ намъ изъ Востока. И если мы не знаемъ въ точности мѣста ея первоначальнаго происхожденія, то намъ извѣстны по крайней мѣрѣ тѣ страны, въ которыхъ она зародилась. Африкѣ, откуда бронзовая культура начала непосредственно проникать въ Европу. Это, прежде всего, Египетъ въ Африкѣ, Финикія, Сирія, Палестина, Месопотамія и Персія въ Азіи. Среднеазиатскія страны, въ томъ числѣ Южная Сибирь, имѣли тоже непосредственное вліяніе на культуру бронзы на Западѣ; кромѣ того мы находимъ слѣды непрямыхъ вліяній съ Индіей и Китаемъ, но объ этомъ мы упомянемъ подробнѣе въ концѣ мѣстѣ. Здѣсь же мы коснемся только кратко бронзовой культуры въ странахъ, соответствующихъ болѣе узкому понятію «Востока»²³⁰⁾ и, была ли въ Египтѣ особая и самостоятельная эпоха бронзы, о чемъ ведется и по настоящее время споръ²³¹⁾. Въ этой странѣ, которая уже въ глубокой древности получила необыкновенное развитіе въ гизехскія пирамиды, построенныя изъ искусно отесанныхъ пра-

виныхъ каменныхъ глыбъ и заключающія внутри ходы, съ искусно выведенными камерами и гробницами царей, представляютъ самое краснорѣчивое доказательство, что уже болѣе чѣмъ за 5000 лѣтъ тому назадъ Египетъ былъ очагомъ высокой культуры. Три наиболѣе древнія изъ этихъ сооружений относятся ко времени фараоновъ IV династїи, т. е. къ началу III тысячелѣтія до нашей эры. Въ этой цивилизаціи было, конечно, много варварскаго, тысячи и тысячи рабочихъ были принуждаемы египетскими самодержцами трудиться изъ поколѣнія въ поколѣніе надъ возведеніемъ этихъ громадныхъ построекъ безъ всякой высшей идеи и гуманитарной цѣли,—но если мы посмотримся съ нашей точки зрѣнія къ способамъ и результатамъ этихъ работъ, то мы не можемъ не признать за древней египетской культурой уже очень значительной степени развитія.

Причину такого ранняго развитія культуры слѣдуетъ искать, прежде всего, въ географическомъ положеніи Египта и характерѣ этой страны. Будучи ограждена съ двухъ сторонъ моремъ, а съ третьей пустыней, она представляетъ собой настоящей оазисъ. Пришедшій туда народъ нашелъ тамъ всѣ условія счастливаго существованія, но, что очень важно, существованія, неразлучно связаннаго съ трудомъ. Богатство страны было даромъ Нила, его разлиновъ, удобрявшихъ почву своими отложениями, но пользоваться этимъ богатствомъ можно было только при условіи непрестанной работы. Работать долженъ былъ и каждый отдѣльный человекъ и весь народъ вообще; съ развитіемъ индивидуальнымъ шло постепенное и развитіе общественное. Благодаря богатству страны установились торговые сношенія съ сосѣдями на югъ, сѣверъ и востокъ. Существуютъ доказательства того, что несмотря на нѣкоторыя извѣстія о замкнутости египетскаго народа, пріобрѣтенія азіатской культуры постоянно проникали въ Египетъ, усваивались, утилизировались его населеніемъ, и способствовали такимъ образомъ необычайному росту культуры въ этой странѣ.

Между прочимъ и металлы сдѣлались извѣстными древнимъ египтянамъ чрезвычайно рано; золото и серебро встрѣчается уже въ самыхъ древнѣйшихъ находкахъ, мѣдь добывалась уже въ теченіе каменнаго вѣка, о чемъ свидѣлствуютъ предметы, найденные въ древнихъ синайскихъ рудникахъ. Олово, не существующее въ странѣ, доставлялось вѣроятно или съ Парана или черезъ Индійскій океанъ изъ Индіи, или же наконецъ изъ Западной Европы. Очень возможно, что по тѣмъ же путямъ произошло знакомство египтянъ и съ желѣзомъ, такъ какъ большая часть Африки представляется страной исключительно желѣзной культуры, и многія области ея составляютъ исключеніе изъ системы археологическихъ періодовъ, установленныхъ для Западной Европы, въ томъ отношеніи, что здѣсь желѣзная культура слѣдовала непосредственно за каменною. Но, повидимому, желѣзо не достигло въ Египтѣ

лѣзнаго. За то мы встрѣчаемся съ желѣзомъ въ очень большомъ количествѣ въ находкахъ позднѣйшихъ временъ, какъ напр. на мѣстѣ древней Навкратиды ²³²). Египетское бронзовое оружіе вполне своеобразно и обнаруживаетъ очень мало сходства съ европейскими типами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ

Рис. 166. Оружіе изъ гробницы царевны Ааготеппы (Булакскій Музей).

импортированныхъ предметовъ. Прекрасная коллекція египетскаго бронзоваго оружія и украшеній изъ этого металла была доставлена гробницей царевны Ааготеппы; часть ихъ изображена у насъ на рис. 162 ²³³).

Изъ азіатскихъ странъ о-въ Кипръ имѣлъ, послѣ продолжительнаго мѣднаго періода, и свой бронзовый вѣкъ. Культурное значеніе Кипра для Европы обуславливалось какъ его богатыми мѣдными, желѣзными и серебряными рудниками, такъ и его выгоднымъ географическимъ положеніемъ. Кипръ ле-

связывающемъ часть Передней Азіи, Си-Египеть, съ юговосточной Европой; по-рано. Первыми колонистами его, на- греческая колонизація началась уже ипръ сдѣлался извѣстнымъ вполне только ть. О наиболѣе древнемъ, дофиникійскомъ ничего. Только по нѣсколькимъ топогра- инее время полагать, что тамъ жила мени хиттитовъ (или хетеевъ), родной Первыя обширныя изслѣдованія кипр- съ немалыми издержками братьями Л. зныя ими коллекціи поступили большей дки были очень богаты, но оба изслѣ- утовки, а потому научные результаты зныя раскопки были произведены только въ . I. Науэ и особенно Максомъ Онефальше- he-Richter изслѣдовали на Кипрѣ цѣлый ояхъ, Никосін, Аламбрѣ, Псемматисментѣ, есена къ мѣдному періоду, часть къ

быкновенно одинаковымъ образомъ, на- исаны нами на стр. 205, только погрѣ- ть землѣ, а въ скалѣ. Орудія и оружіе меньшимъ п

въ такъ
Изъ нови
о након
боковыя
притнуті
образуют
древко;
для тог
ейные топо
ии и въ эпо
евнихъ исто
иныхъ сѣкерь
ѣдко, да и

ронзоваго вѣ
обыкновенно

линейнымъ орнаментомъ, болѣе поздніе—растительнымъ и фигурнымъ. Рис. 168—169 представляютъ намъ два типическихъ сосуда изъ могильника въ Дали, древней Идалии. На нихъ мы видимъ своеобразный линейный орнаментъ, состоящій изъ близко отстоящихъ одна отъ другой черточекъ или изъ разныхъ также вычерченныхъ квадратныхъ и круговыхъ полей. Кромѣ изображенныхъ нами формъ встрѣчаются также часто кувшинчики и миски съ трубкообразными носиками и сосуды, изображающіе звѣрей и птицъ. Особенную группу составляютъ лицевые сосуды, сдѣланные на подобіе человѣческаго лица (*Gesichtsurnen, urnes à visage*), съ грубо обозначенными на нихъ глазами, носомъ и ушами или же имѣющіе обыкновенную форму, но съ горлышкомъ,

Рис. 168 и 169. Сосуды, найденные въ Дали на о-въ Кипръ.

болѣе или менѣе искусно представляющимъ подобіе головы, въ родѣ египетскихъ канопъ. Интересно, что въ то время, какъ въ орнаментикѣ троянскихъ находокъ, приблизительно той же эпохи, мы встрѣчаемъ часто спиральныя линіи и свастику, въ кипрскихъ находкахъ эти декоративные мотивы являются только въѣстъ съ предметами начала желѣзнаго вѣка. Изъ этого Онефальшъ-Рихтеръ выводитъ заключеніе, кажется впрочемъ немного преждевременное, что арійское населеніе, близкое къ тому, которое въ теченіе бронзоваго вѣка жило и отбивалось отъ ахейскихъ нападеній въ Троѣ, переселилось на Кипръ только въ концѣ бронзоваго вѣка. Ранѣе же тамъ обитало другое племя, хотя тоже арійскаго, а не семитическаго происхожденія. Теорія эта впрочемъ не согласуется съ выводами, сдѣланными Дюммеромъ, съ которыми вполне соглашается и Науе.

Сирійскія находки до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдованы. До самаго послѣдняго времени не знали почти ничего ни о древней исторіи Сирія, ни о ея доисторическихъ временахъ. Только недавно было сдѣлано нѣсколько находокъ, которыя и вызвали такъ назыв. хеттескій или хиттитскій вопросъ²²⁵).

ситы (въ египетскихъ надписяхъ носящіе имя Бета, а въ ассирій-
аттѣ) составляли могущественное племя, жившее въ Малой Азіи и
, въ эпоху, предшествовавшую завоеванію Ханаана Израилемъ. Оно
значительной культурой и удачно вело войны съ египетскими фа-
XVIII и XIX династій; еще въ концѣ II тысячелѣтія до нашей эры
родъ причинялъ не мало безпокойства ассирійскимъ царямъ, и влія-
остидало далеко на западъ до Троады и Лидіи. Свѣдѣніями объ
родѣ мы обязаны памятникамъ, барельефамъ и надписямъ, откры-
жолько лѣтъ тому назадъ на Евфратѣ, въ Баппадокіи, въ Сиріи и др.
и изученнымъ Сэйсомъ (Sayce), Кемпбелемъ (Campbell), Пейзеромъ и др.
рожденіе и территория хиттитовъ до сихъ поръ еще не выяснены вполне.
іе памятники помѣщаютъ ихъ въ Сиріи, около Алеппо и Карка-
Евфратѣ; по египетскимъ надписямъ, они достигали до Оронта, на
былъ расположенъ и главный городъ ихъ, Кадешъ, а Библия упо-
объ этомъ же племени и на югѣ Палестины. Сэйсъ видитъ въ нихъ
бширнаго племени, жившаго первоначально въ предѣлахъ горной
Тавра, въ Малой Азіи, и только путемъ завоеваній занявшаго Сирію
ину. Къ какой расѣ принадлежали они,—мы не знаемъ. Изображенія
, на ихъ собственныхъ и египетскихъ барельефахъ указываютъ на
семитическій, по мнѣнію Сэйса, даже на монгольскій. Болѣе точ-
ихъ однако ничего неизвѣстно, такъ что нѣкоторые причисляютъ
емитамъ, другіе-же, какъ Гоммель, къ неарійской и несемитической
леменъ, къ которой относили каровъ, ликійцевъ, лидійцевъ, пелаз-
ровъ и проч. Культура ихъ приближается по характеру къ вави-
но при этомъ и достаточно своеобразна. Ломбардъ предполагаетъ,
иты составляли вѣтъ такъ наз. «хамитическаго» племени, которое
енія семитовъ занимало всю западную Азію и Египетъ и образова-
смѣшенія средиземно-морской и монгольской расъ. Этому племени
кала здѣсь каменная культура. Бронзовая-же была принесена куш-
ившими главнымъ образомъ Месопотамію, и только послѣ нихъ уже
ь семитическія племена.

ю-бы впрочемъ ни было происхожденіе хиттитовъ, можно считатьъ
мъ, что это загадочное племя было главнымъ носителемъ культуры
іской и до-финикійской во всей передней Азіи. Сэйсъ находитъ влія-
теской культуры и въ Троѣ, и считаетъ женскіе идолы, найденные
иманномъ, за изображенія великой каркамышской богини.
до большее значеніе, чѣмъ Хиттиты, имѣли на европейскую культуру
не. Южная Европа обязана именно имъ задатками своей цивилиза-
ікійская культура впрочемъ не была самостоятельной. Общія семи-
основы ея, какъ въ искусствѣ, такъ и въ промышленности, окра-

шны вліяніями всѣхъ тѣхъ различныхъ странъ, съ кот
финикіане, вліяніемъ хиттитовъ, ассирійцевъ, египтянъ
финикіане представляютъ тотъ интересъ, что они были
ками восточной культуры въ Европу и не только въ Г
Эгейскаго моря, но и далѣе на сѣверъ. Финикіане уже
колоніями всѣ берега южной Европы. Прежде всего они
лившійся противъ нихъ Кипръ и южную часть побереж
уже въ XVI в. до нашей эры заселили Родосъ, затѣ
Оліаросъ, Цитеру, гдѣ добывали доставлявшія пурпуръ
Murex, далѣе Критъ, усилили свои ресурсы золотыми
базосъ, словомъ распространились по всему Эгейскому ар
по рѣкамъ даже на материкъ, напр. въ Арголиду. Эгей
лонизовано главнымъ образомъ сидонскими купцами; впо
изъ Тира проникли еще далѣе на западъ и основали ко
Сициліи и Сардиніи (тирская колонія *Caralis*, нынѣш. *Sa*
волежащихъ берегахъ Африки, въ Галліи (Массилія, нын.
пока наконецъ не достигли Испаніи, гдѣ вѣроятно всего и н
ребромъ страна Таршишъ. Цѣлый рядъ прибрежныхъ городов
чимъ Гадерсъ (*Gader*), обязанъ своимъ происхожденіемъ фин
лонизація южной Европы совершилась уже ранѣе I-го тысяч

Колоніи эти даже въ Испаніи, но главнымъ образомъ
ліи, вскорѣ уступили мѣсто карійскимъ и греческимъ, и
оагенъ, основанный въ XI столѣтіи и находившійся на
Африки противъ Сициліи, достигъ самостоятельности и,
звался большимъ значеніемъ въ древней исторіи. Тѣмъ
Финикія владычествовала на всемъ Средиземномъ морѣ,
должительно и способствовало тому, чтобы культура юж
лась вполнѣ подъ вліяніемъ азіатскаго Востока. Это в
бронзовымъ вѣкомъ южной Европы, и финикіане были
реносъ туда бронзовой культуры изъ западной Азіи. Он
на сырые продукты—на олово въ Британіи, на янтарь
Европы, на кожи, вино, скоть, рабовъ и т. п.

Финикіане славились искусствомъ въ обработкѣ мет
лить сидонскія серебряныя издѣлія. Описываемые имъ х
чеканной работы были несомнѣнно финикійско-кипрска
стиля, какой мы видимъ на нѣкоторыхъ серебряныхъ
дахъ. Отъ XI вѣка до нашей эры дошло извѣстіе о дву
зовыхъ колоннахъ въ гадерскомъ храмѣ, а тирскіе л
подобныя же работы и для храма въ Іерусалимѣ. Фини
и искусными мастерами въ фабрикаціи стекла (рис.

лѣтія до нашей эры, когда семиты-халдеи Тигра и Евфрата, когда кромѣ древнихъ пура, Ура находился уже въ періодѣ расцвѣта (и), когда нынѣшнія пустыни Месопотаміи, орошавшіяся водами многочисленныхъ каналовъ, представляли собой настоящій рай по богатству и плодородію,—еще Геродотъ писалъ, что онъ не знаетъ страны плодороднѣе этого края,—здѣсь жили племена несемитическаго происхожденія съ весьма развитою культурою, которую позаимствовали отъ нихъ пришедшіе позже семиты.

Еще въ 1855 г. Лейардъ открылъ въ развалинахъ Ниневіи такъ называемую бібліотеку Ассурбанипала—множество глиняныхъ плитокъ съ надписями на ассирійскомъ языкѣ, между которыми болѣе древнія, надъ прочтеніемъ коихъ до сих поръ не удалось. Леопольдъ, Фр. Деличъ, Гоммель и др. Доказано, что языкъ онѣ были написаны, пока существовали еще два нарѣчія одного языка, названнаго государствомъ—южной и сѣверной—сумерійскимъ и аккадскимъ. Гоммель считаетъ этихъ сумеровъ и аккадовъ, принадлежащими къ тому народу, что они пришли туда съ Востока *). Они были мастерами, со скотоводствомъ и земледѣліемъ, государственное устройство, семейныя и занимались математикой, географіей, астрономіей, архитектурой. Безъ всякаго сомнѣнія, они были очень развиты, хотя и не доказано еще, что они были чуждыми. утверждаетъ проф. В. Томашекъ.

И здѣсь въ началѣ металлической культуры Желѣзо вообще стало извѣстнымъ позже, оно, по своей дороговизнѣ, не употреблялось.

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, сумеры принадлежали къ различнымъ племенамъ, изъ коихъ сумеръ представляется —урало-алтайскій, аккадъ же—семитическій.

а только для украшений. Мы встречаемся съ тѣмъ же явленіемъ и
пѣ.

инсонъ и Перро согласны относительно того, что знакомство съ же-
началось въ передней Азіи позже знакомства съ бронзой. Въ раз-
древнебиблейскихъ городовъ Ура и Урука (Эреха), лежащихъ по
Евфрату возлѣ нынѣшнихъ деревень Мугайяра и Варки, найдено
южество гробницъ разныхъ періодовъ, ближайшее опредѣленіе кото-
сихъ поръ еще не сдѣлано. Во всякомъ случаѣ онѣ относятся къ
далекимъ временамъ, приблизительно отъ половины III тысячелѣтія
сячелѣтія равнѣ нашей эры. Нѣкоторые, впрочемъ, относятъ ихъ къ
ѣе древнимъ временамъ: Н. П. Бондаковъ и графъ И. И. Толстой
считаютъ гробницы въ Варкѣ бактрійцамъ. Въ гробницахъ этихъ най-
ло много каменныхъ предметовъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ, а также
изъ свинца, золота (серебра не оказалось вовсе) и желѣза. Но желѣз-
дметы, найденные въ болѣе позднихъ могилахъ, встрѣчались рѣдко.
о желѣзо было въ эту эпоху металломъ
ьно во второй половинѣ II тысячелѣтія
находка бронзовыхъ орудій, топоровъ,
Сифрѣ и хранящаяся теперь въ Британ-
нею съ Египтомъ, употребленіе желѣза
раньше, какъ это будетъ изъяснено под-
няя Персія также доставила очевидны
ь бронзового вѣка. Де Морганъ открылъ
возлѣ Каспійскаго моря, большое количес-
я еще къ вполне бронзовому вѣку, хот-
переходной эпохѣ. Гробницы первой ка-
на холмахъ и имѣютъ сходство съ евр-
е второй состоятъ уже не изъ больш-
но изъ меньшихъ (ящикообразныя могил-
этими гробницами современна, т. е. отн-
часть кавказскихъ гробницъ. Нѣ-
Монтеліусъ, причисляютъ извѣстные
рѣкинскій и пр., хотя отчасти, къ чи-
исываютъ имъ болѣе позднее происхожд-
мѣзнаго вѣка. Въ то время какъ Морг-
ревнихъ кавказскихъ гробницъ 2500—
считаетъ кобанскій могильникъ относя-
ковъ и гр. Толстой приурочиваютъ его къ
приведеннаго краткаго обзора можно ви-
въ Европѣ, господствовала нѣкогда бро-

тоже существовала эпоха, когда орудія и оружіе дѣлались изъ смѣси мѣди съ оловомъ. Но въ то время, когда на Востокъ бронза была уже извѣстна въ эпоху за 3000 лѣтъ до нашей эры, въ Европу знакомство съ нею проникло много позже, распространяясь постепенно внутрь материка.

Переходя къ болѣе подробному разсмотрѣнію бронзовой культуры въ разныхъ странахъ Европы, мы начнемъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыя находились ближе къ путямъ ея распространенія съ Востока и слѣдовательно могли ранѣе ее себѣ усвоить. Такой порядокъ отличается отъ принятаго другими изслѣдователями, напр. Гёрнесомъ, который дѣлитъ европейскія страны бронзовой эпохи на двѣ большія группы: на области съ богатымъ развитіемъ и на области съ бѣднымъ развитіемъ бронзовой культуры (*entwicklungsreiche und entwicklungsgarme Bronzezeitgebiete*) и описываетъ ихъ въ этомъ порядкѣ. Первую группу составляетъ у него сѣверная и средняя Европа (включая сюда Скандинавскія страны, сѣверную Германію, Великобританію, Швейцарію и Венгрію); вторую—часть средней и южная Европа (Испанія, Франція, южно-австрійскія земли, Италія и Греція). Восточныхъ странъ Европы Гёрнесъ вообще не касается. Съ большою основательностью Гёрнесъ указываетъ на то, что въ Европѣ были страны, въ которыхъ бронзовая культура не только нашла изобиліе положительныхъ условій для своего развитія, напр. достаточное количество мѣди или олова или и того и другого вмѣстѣ, но и оставалась тамъ долгое время, будучи изолированной отъ новыхъ вліяній культуры желѣзной. Возьмемъ напр. Венгрію. Эта страна лежитъ въ котловинѣ, вполнѣ ограниченной и обособленной отъ всей остальной Европы. Когда бронза была принесена туда съ Востока, обитатели ея, имѣвшіе часть матеріала для ея приготовленія въ достаточномъ количествѣ, развили новую культуру настолько широко, что она вскорѣ превзошла культуру сосѣднихъ странъ и продолжала существовать даже тогда, когда въ сосѣднія страны, какъ находящіяся около Адриатическаго моря, проникла уже желѣзная культура и успѣла заглушить собою прежнюю. Желѣзо, распространяясь тамъ путемъ торговыхъ сношеній, скоро получило перевѣсъ въ промышленности, и бронза стала употребляться только для украшеній. Вслѣдствіе этого бронзовый вѣкъ въ Италіи и приморской Австріи былъ гораздо менѣе продолжительнымъ и соотвѣтственная культура тамъ не имѣла времени достигнуть такого развитія, какъ въ Венгріи. Этимъ и объясняется, почему Венгрія представляетъ собою такую богатую бронзой страну, тогда какъ Италія и Приморье—бѣдную, и почему въ послѣднихъ желѣзная культура была въ теченіе извѣстнаго періода современна съ бронзовою.

Установленное Гёрнесомъ подраздѣленіе археологическихъ областей, какъ можно видѣть, отнюдь не формально, а обосновано вещественными данными, и мы нисколько не утверждаемъ, чтобы принимаемая нами система была

думать, что крыша была деревянная. Объ этомъ свидѣлствуетъ также слой древеснаго пепла и куски обгорѣлыхъ деревянныхъ балокъ съ бронзовыми гвоздями. Укрѣпленія Трои были построены не изъ большихъ глыбъ, а изъ мелкихъ кусковъ известняка и изъ кирпича. Внутренняя стѣна отвѣсна, внѣшняя же наклонена подъ угломъ въ 45° .

Слой остатковъ второго города не одинаковъ во всей своей толщинѣ; болѣе подробное его изслѣдованіе, при которомъ въ послѣдніе годы была открыта вся верхняя часть акрополя, показало, что онъ состоитъ изъ двухъ или даже трехъ слоевъ, лежащихъ одинъ на другомъ, а также, что и городскія постройки были, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ частяхъ, передѣлываемы два или три раза, пока наконецъ не были уничтожены большимъ пожаромъ, обратившимъ въ пепелъ всѣ деревянныя части и оставившимъ глубокіе слѣды даже на каменныхъ и кирпичныхъ фундаментахъ *).

Во второмъ городѣ Трои желѣзо не было найдено; орудія и оружіе были только изъ бронзы и изъ камня (между прочимъ нефрита и ядента). Мы видимъ передъ собою, слѣдовательно, городъ бронзоваго вѣка, въ которомъ впрочемъ для приготовленія орудій и оружія употреблялся еще камень. Брон-

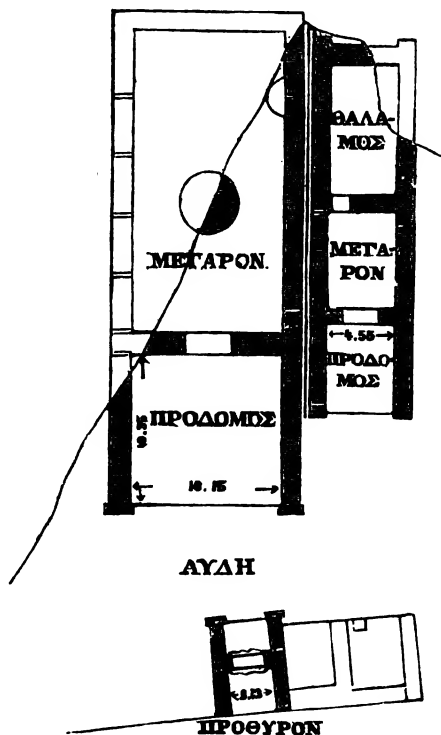

Рис. 172. Планъ средней части дворца въ Троѣ.

*) Мы упоминали уже выше, на стр. 117, о томъ, что по поводу гиссарликскихъ раскопокъ возникъ въ послѣдніе годы оживленный споръ между Е. Bötticherомъ, съ одной стороны, и Шлиманномъ и Dörpfeld'омъ—съ другой. То, въ чемъ послѣдніе видѣли слѣды пожара, уничтожившаго Трою, Беттихеръ объяснялъ остатками костровъ, на которыхъ сожигали мертвыхъ. Гиссарликъ по его мнѣнію былъ мѣстомъ сожиганія труповъ—«Feuernesopole», necropole à incinération. Мы не можемъ приводить здѣсь цѣлый рядъ «доказательствъ» этого, выставленный Беттихеромъ, замѣтимъ только для уясненія вопроса, что они по большей части

предметы, состоящие главным образом из плоских топоров, докоротких копьев и кинжалов кипрского типа, стрѣлы, перстней, колец, сосудов и т. п., все очень бѣдно оловомъ, количество которого колеблется между 3—8,6%. Важнымъ обстоятельствомъ является то въ этихъ раскопкахъ не было найдено ни одного меча и ни одной сабли, которыя представляютъ собою, какъ мы уже упоминали, издѣлы поздней культуры. Кромѣ бронзовыхъ вещей обращаютъ на себя внимание украшения и другіе предметы изъ золота или электрона и серебра. Они находятъ порознь въ развалинахъ или въ большомъ количествѣ въ такъ называемыхъ «сокровищницахъ». Наибольшая изъ такихъ

Рис. 173. Золотое украшеніе изъ Трои.

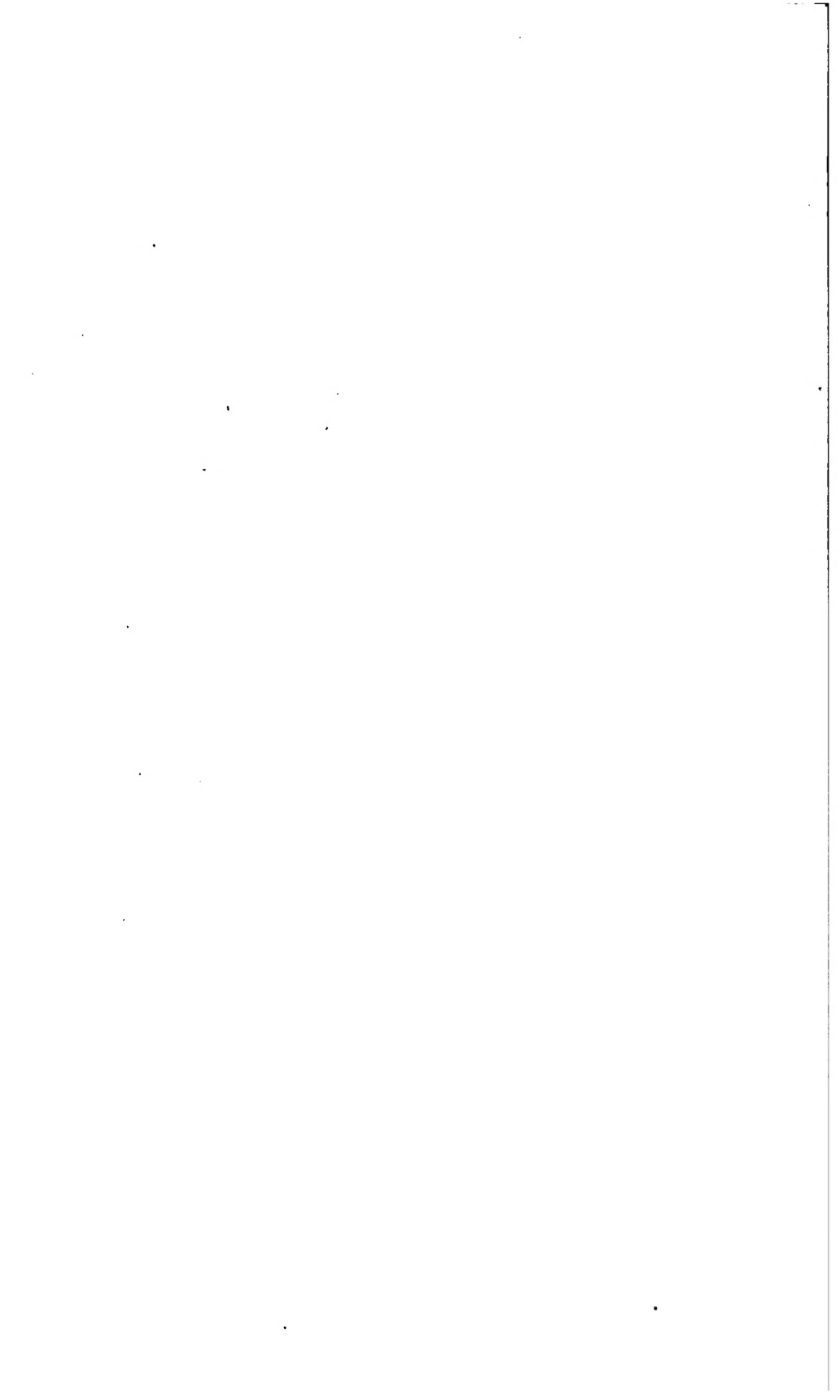
«сокровищница», названная Шлиманномъ «кладомъ Пріама», который былъ въ Трою спрятанъ намѣренно передъ взятіемъ города, была найдена въ простѣнѣ акрополя въ 1873 г. Кладъ этотъ состоитъ изъ 5 сосудовъ,

3 диадемы, 2 ожерелья, 6 браслетовъ и множества серегъ и разныхъ другихъ мелкихъ предметов—все изъ золота или электрона; кромѣ того тамъ было найдено еще нѣсколько серебряныхъ вазъ и шесть плоскихъ кусковъ серебра, 3 сосуда и много оружія изъ бронзы. Все это изображено на прилагаемомъ рисункѣ. Все вещи, найденныя въ этомъ кладѣ, имѣютъ особенно простой характеръ и этимъ отличаются отъ другихъ украшеній, найденныхъ порознь. Между этими предметами мы часто встрѣчаемся со спиральнымъ орнаментомъ, но не гравируемымъ, а сдѣланнымъ изъ проволоки и затѣмъ припаяннымъ къ предмету. Очень интересенъ орнаментъ, напоминающій по рисунку очки и сдѣ-

ланный въ сравненіи болѣе раннихъ отчетовъ Шлимана съ позднѣйшими, когда оказалось довольно большое количество противорѣчій, происшедшихъ отъ неточности научныхъ приемовъ при первыхъ раскопкахъ Шлимана. Новое обследование особой комиссіей доказало однако справедливость мнѣнія Шлимана о сновательности утвержденій Беттихера, который до послѣдняго времени самъ раскопокъ не видалъ²³²).

Табл. III. Кладъ Пріама, найденный въ Троѣ.

ланный из проволоки, спирально закрученные концы которой обращены спянками другъ къ другу (рис. 173 и 174). Украшенія эти были, кажется, мѣстной работы. Очень важна также керамика. Въ развалинахъ второго города было найдено очень большое количество разнаго рода посуды, сдѣланной отъ руки, изъ плохо проматой и обожженной глины. Изъ всѣхъ керамическихъ издѣлій, найденныхъ до сихъ поръ на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря, гиссарликскіе сосуды отличаются, кажется, наибольшею древностью. Большая часть ихъ соотвѣтствуетъ еще посудѣ кипрскихъ гробницъ до-

Рис. 175. Сосуды съ изображеніемъ человѣческаго лица изъ Трои.

Рис. 176. Сосудъ изъ Трои.

финикійскаго періода, сосуды греческихъ мѣстонахожденій всѣ уже болѣе поздняго характера (ближе всего подходятъ къ троянскимъ сосуды изъ Тиринта). Больше всего обращаютъ на себя вниманіе сосуды, на бокахъ или на горлышкѣ которыхъ находится грубое изображеніе человѣческаго лица, женскихъ грудей, а иногда и полового органа. Сосуды эти прежде принимались за изображенія свѣтлоокой и совоокой (γλαυκῶπις) богини Аены. Характеръ носа и глаза этихъ изображеній дѣйствительно напоминаютъ иногда до извѣстной степени подобіе совы (рис. 175). Этотъ родъ сосудовъ вѣроятно кипрскаго происхожденія, да и въ другихъ видахъ керамики очень замѣтно вліяніе Кипра (если они не прямо привозились оттуда), какъ напр. на сосудахъ съ длиннымъ, вверху косо срѣзаннымъ горлышкомъ (рис. 176). Изъ прочихъ предметовъ въ Троѣ было найдено множество глиняныхъ пряслицъ, часто украшенныхъ на нижней своей части разными символами (свастикой) и орнаментомъ (рис. 126), мѣдныхъ гвоздиковъ,

Рис. 177. Мраморный идолъ изъ Трои.

нѣсколько вещей, вырѣзанныхъ изъ слоновой кости, горнаго хрустала, сердолика, предметы изъ стекла и египетскаго фарфора.

Уже въ наиболѣе древнемъ неолитическомъ городѣ Трои было найдено нѣсколько небольшихъ идоловъ. Во второмъ городѣ ихъ уже оказалось больше.

Они сдѣланы изъ глины, кости, трахита, чаще всего изъ мрамора; на головахъ у нихъ обозначены только глаза, а носъ и волосы намѣчены очень грубо (рис. 177). Подобные же идолы были найдены Вл. И. Сизовымъ на Кавказѣ въ гробницѣ возлѣ станицы Раевской. Объясненіе ихъ очень трудно. Они были выдѣлываемы на мѣстѣ, но оловянная фигурка, изображающая обнаженную женщину, навѣрно финикійскаго происхожденія (рис. 178).

Рис. 178. Оловянный идолъ, найденный въ Троѣ.

II) Въ слояхъ, находящихся между только что описаннымъ вторымъ городомъ Трои и послѣднимъ самымъ верхнимъ слоемъ, принадлежащимъ уже городу римско-византійской эпохи, — желѣзо въ Гиссарликѣ не встрѣчается. Къ этимъ слоямъ относятся также и города, которые по разрушеніи Трои были построены въ Гиссарликѣ на почвѣ древнихъ, грубо спланированныхъ развалинъ еще въ теченіе бронзоваго вѣка. Между этими слоями наибольшій интересъ для насъ представляетъ шестой слой, такъ какъ, судя по новѣйшимъ открытіямъ Дерпфельда, продолжавшаго работы Шлиманна, это единственный слой, въ которомъ можно признать остатки гомеровской Трои. Къ несчастію, большая часть этого города была уже уничтожена первыми раскопками Шлиманна, который былъ

Рис. 179. Сосудъ изъ шестаго города Трои.

убѣжденъ, что городъ троянецевъ *) находится во второмъ слое. Но найденные все-таки Дерпфельдомъ остатки большихъ комнатъ и домовъ, очень интересная зала (можетъ быть храмъ), остатки гигантскихъ городскихъ стѣнъ, окруженностью своею далеко превышающихъ размѣры втораго города — достаточны для того, чтобы съ полнымъ основаніемъ ви-

дѣть въ нихъ слѣды очень большого города, процвѣтавшаго въ ту же эпоху,

*) О происхожденіи троянцевъ было написано очень много. Одни считали ихъ еракійскимъ племенемъ, именно Шлиманнъ, Блиндъ (принимавшій въ то же время еракійцевъ за вѣтвь германскаго племени) и Сэйсъ; другіе допускали возможность позднѣйшаго заселенія Троады еракійцами, но населеніе собственно Гомеровской Трои считали болѣе древнимъ и, какъ напр. Флигеръ (Flieger), — иллирійскимъ.

къ которой относятся и постройки въ Микенахъ—города, носящаго всѣ черты культуры, описанной Гомеромъ. Остатки керамики и украшенія совершенно микенскаго стиля послужили для Дерпфельда главнымъ основаніемъ къ этому новому и наиболѣе правдоподобию заключенію, которое теперь принято уже всѣми, за исключеніемъ одного Беттихера²³⁹⁾. Площадь акрополя микенской эпохи гораздо обширнѣе акрополя втораго слоя; по измѣреніямъ Дерпфельда она равняется 20000 кв. метровъ, тогда какъ площадь акрополя втораго города заключаетъ въ себѣ только 8000 кв. м. Стѣны построекъ шестаго города уже не кирпичныя, а состоятъ изъ небольшихъ камней, какъ въ Микенахъ; стѣны акрополя имѣютъ 5 метровъ ширины и 500 метровъ данны и образуютъ многоугольникъ съ очень тупыми углами. Существованіе этого шестаго города Дерпфельдъ относитъ къ 1500—1000 годамъ до нашей эры, тогда какъ второй городъ существовалъ по его мнѣнію въ 2500—2000 годахъ.

Греція и Циклады²⁴¹⁾.

Каменный вѣкъ въ Греціи до сихъ поръ еще недостаточно извѣстенъ, но онъ существовалъ и тамъ, какъ и вездѣ. Но когда съ востока появилась заря новой культуры, Греція была первой страной въ Европѣ, куда проникли ея теплые лучи. Острова, разбросанные по Эгейскому морю, представляли собою первые мосты, по которымъ новая цивилизація переходила на западъ. Здѣсь финикійскимъ купцамъ не было надобности размышлять о томъ, могутъ ли они безъ компаса пуститься въ дальнюю дорогу, конецъ которой никому не былъ извѣстенъ и возвращеніе изъ которой находилось въ рукахъ боговъ. Здѣсь перелѣ кормчимъ каждый день появлялся на горизонтѣ новый островъ, новая и удобная естественная пристань, да и сами берега греческаго материка были точно сотворены для того, чтобъ на нихъ могла развиваться широкая морская торговля. Берега Греціи такъ расчленены и представляютъ столько хорошихъ гаваней, что чужеземные купцы охотно останавливались тамъ; мѣстное населеніе вскорѣ само превратилось въ мореходовъ и такимъ образомъ, при помощи постоянныхъ сношеній, легко ознакомилось со всѣми приобрѣтеніями культуры, съ тѣмъ, что производилось на берегахъ Нила и съ тѣмъ, что развивлось на почвѣ Месопотаміи, береговъ Понта и даже Индіи. Такимъ образомъ произошло то, что культура и просвѣщеніе, развивавшіяся очень постепенно у другихъ народовъ, въ Греціи выросли, расцвѣли и принесли плоды гораздо раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Дюммилеръ отождествляетъ ихъ съ до-финикійскимъ населеніемъ Кипра. Руд. Вирховъ, изслѣдовавшій рядъ череповъ изъ могилъ въ окрестностяхъ Трои и 4 черепа, найденные въ самой Троѣ, полагаетъ, что первоначальное длинноголовое населеніе Трояды только гораздо позже смѣшалось съ короткоголовыми пришельцами изъ Фракіи²⁴⁰⁾.

Нѣкоторыя части Греціи были особенно охотно посѣщаемы купцами-мореходами, и въ нихъ уже въ очень отдаленныя времена начали скопляться богатства.

Однимъ изъ такихъ мѣстъ былъ Арголидскій заливъ. На его берегахъ финикійцы имѣли свои станціи. Здѣсь же появились и знаменитые царскіе роды, изъ которыхъ наиболѣе извѣстнымъ былъ родъ Пелопидовъ. Отдѣльныя личности этого рода, фигуры Пелопса, Гипподамія, Атрея, Агамемнона и жены его Клитемнестры навсегда сохраняются въ памяти всякаго, кто знакомъ съ греческимъ эпосомъ. Всякому извѣстенъ походъ Атрида Агамемнона съ ахейцами противъ Трои, значеніе, которымъ онъ пользовался среди греческихъ героев и т. д. Десять лѣтъ провелъ онъ внѣ отечества, скопля нагребленную добычу—оружіе, стада скота и невольниковъ, и когда Троя пала и стѣны Пріамова дворца были разрушены, нагрузивъ всѣ свои богатства на ладьи, онъ возвратился въ отечество, но не нашелъ тамъ ни покоя, ни радости. Пока онъ воевалъ, жена его Клитемнестра сошлась съ какимъ-то Эгистеемъ, и страсть новой любви довела ее до того, что, по возвращеніи мужа, она согласилась на его убійство. Агамемнонъ и вся оставшаяся ему вѣрной дружина были однажды ночью перебиты и погребены въ акрополѣ въ Микенахъ. Такъ рассказываютъ преданія, а еще географъ Павзаній, путешествовавшій по Греціи въ началѣ нашей эры и посѣтившій опустѣлый микенскій акрополь, утверждаетъ, что онъ видѣлъ тамъ гробницу Агамемнона и его соратниковъ. Этотъ эпизодъ греческаго прошлаго далъ идею Шлиманну познакомиться ближе съ остатками этого славнаго жилища Атридовъ. Раскопки въ теченіе 16-ти лѣтъ привели его къ открытіямъ, превзошедшимъ всѣ ожиданія. Только много позже обратился онъ къ другому городу недалеко отъ Микенъ—къ Тиринту и сдѣлалъ новыя открытія, хотя и не настолько важныя, какъ первыя. При этомъ находки подтвердили то, что было уже извѣстно по преданіямъ, — именно, что Тиринтъ былъ древнѣе Микенъ, что Микены были основаны уже послѣ разрушенія древняго Тиринта. Поэтому и мы въ своемъ изложеніи открытій Шлиманна начнемъ съ Тиринта.

Тиринтъ ²⁴²⁾. Уже одинъ способъ постройки циклопическихъ стѣнъ Тиринта рѣшительно древнѣе, чѣмъ въ Микенахъ. Всѣ онѣ представляютъ собою сооруженія циклопическія. Каменные глыбы, часто громадной тяжести, навалены въ нихъ одна на другую безъ всякаго вниманія къ тому, чтобъ верхняя прилегалла плотно къ нижней. Происшедшія вслѣдствіе этого пустоты и дыры были наполняемы камнями меньшихъ размѣровъ безъ употребленія извести или какого нибудь другого цемента (ср. рис. 75). Стѣны эти возбуждаютъ удивленіе и теперь и возбуждали его въ древности. Строи-

тели ихъ, легендарные циклопы, не были обыкновенными людьми, какъ разсказываетъ преданіе, и пришли будто бы откуда-то изъ Малой Азіи.

Шлиманъ пробовалъ еще въ 1876 г. изслѣдовать тиринтскій акрополь, но систематическія раскопки были произведены имъ при содѣйствіи Дерпфельда только въ 1884 г. Въ результатъ работъ былъ открытъ весь верхній акрополь съ дворцомъ и часть нижняго съ нѣсколькими постройками меньшаго размѣра, вѣроятно служебнаго назначенія. Самая нижняя часть не рас-

с.

и

Рис. 180. Планъ акрополя въ Тиринѣ (по Дерпфельду).

копана еще и до сихъ поръ. Сдѣланныя находки подтвердили вполне прежніе взгляды на царскія сооруженія героической эпохи Греціи.

Прежде всего въ нихъ обращаютъ на себя вниманіе помѣщенія въ родѣ казематовъ въ стѣнахъ (*S*), которые однако не служили для военныхъ цѣлей, какъ полагалъ г. Штеффенъ (*Steffen*), а были заняты магазинами или складами. Подобнаго рода сооруженія извѣстны въ Кароагенѣ и въ Тапсѣ. Очень возможно, что и тиринтскія—тоже финикійскаго происхожденія. Къ главному входу на восточной сторонѣ велъ глубокій спускъ (*A, B*), проложенный между крѣпостными стѣнами къ главнымъ воротамъ (*C*), по обѣимъ сторонамъ которыхъ были большіе столбы. Ворота ведутъ на широкій дворъ (*E*), на правой сторонѣ котораго расположенъ былъ дворецъ (стѣны его, сохранившіяся на 1 м. высоты, теперь открыты), а налѣво видны толстыя стѣны укрѣпленій съ казематами, примитивные своды которыхъ образованы слегка выдвинутыми другъ надъ другомъ камнями и съ массивной башней (см. прилаг. планъ).

Посредствомъ другихъ воротъ-пропилеевъ (Д) реди и сзади колоннами, входили во внутренн сверху и окруженный перистилемъ, съ жер противъ входа въ мужское помѣщеніе дворца (Д между четырьмя деревянными колоннами, помѣ роны отъ мужского помѣщенія, такъ наз. мега дилось помѣщеніе для женщинъ, имѣвшее для с Съ лѣвой стороны между разными комнатами (маніе одна, полъ которой состоитъ изъ одной цѣ служившая вѣроятно царской купальней (К). сдѣланный и украшенный полъ. Стѣны дворца б На известковой штукатуркѣ ихъ сохранились с однако было употреблено только четыре краски: синяя; зеленой вовсе нѣтъ. Интереснѣе всего в новѣйшимъ объясненіямъ, сцену ловли или уе; видѣли мифологическій сюжетъ. Прекраснымъ у былъ фризъ изъ розетокъ, часть котораго сохр; представляетъ собой безъ сомнѣнія образецъ подобе

Рис. 181. Часть фриза изъ раскоп

которомъ говоритъ Гомеръ въ описаніи дворца какъ объясняли прежде, а красивый камень г в Египтѣ шесбетъ. Этотъ дорогой камень темно-голубой стекляной глазури, и примѣръ ходимъ именно на тиринтскомъ фризѣ. На вос наго перистилемъ дворца сохранились остатки п чѣмъ дворецъ. Въ этой части развалинъ были раздо болѣе древняго характера, сдѣланной отъ перваго города Трои. Прочія находки отличат микенской культуры, о которой мы сейчасъ ними особенно многочисленны глиняныя стат;

расширеніями, напоминающими серпъ луны. Вѣроятно это настоящіе идолы, хотя и не идентичные съ аргонидскими изображеніями Геры, какъ полагалъ Шлиманъ (ср. рис. 182).

Микены ²⁴³). Вдали отъ берега, почти посрединѣ пространства между коринескимъ и аргонидскимъ заливами, въ дикомъ ущельѣ потока Хава находится развалина древняго микенскаго акрополя. Раскопки производились здѣсь въ двухъ мѣстахъ, но и до сихъ поръ многое остается еще подъ землей. Знаменитыя микенскія гробницы были открыты Шлиманомъ еще въ 1876 г., затѣмъ въ 1886—1891 годахъ Греческимъ Археологическимъ Обществомъ были изслѣдованы различныя части дворца. Городскія стѣны, гораздо болѣе древняго происхожденія, чѣмъ тиринтскія, обнаруживаютъ три различныхъ способа постройки: часть ихъ имѣетъ характеръ циклопическій, другая часть состоитъ изъ четверугольныхъ глыбъ и наконецъ третья, наиболѣе поздняя, очень тщательно построена изъ глыбъ многогранныхъ. Въ сѣверной и южной стѣнахъ замѣчаются ясныя слѣды казематовъ. Въ сѣверозападномъ концѣ возлѣ крѣпкой башни (В) находится главный входъ, такъ наз. Лъвиныя ворота (А). Фронтонъ ихъ, украшенный двумя рельефными изображеніями львовъ, носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ ассирійскаго или фригійскаго искусства, въ которомъ можно указать цѣлый рядъ подобныхъ же композицій. Непосредственно возлѣ Лъвиныхъ воротъ Шлиманомъ было открыто нѣсколько стѣнъ, между которыми особенно обращаетъ на себя вниманіе двойной кругъ наклоненныхъ каменныхъ плитъ, врытыхъ въ землю своею узкою стороною; внутри этого круга было найдено въ послѣдствіи шесть гробницъ *). Шлиманъ полагалъ, что этотъ каменный кругъ представляетъ собою мѣсто, куда старѣйшины вмѣстѣ съ царемъ сходились для совѣщаній, такъ наз. агору, которая была окружена одною круглою каменною скамьей. Наклонъ плитъ онъ считалъ сдѣланнымъ нарочно для болѣе удобнаго сидѣнья. Но уже одна высота камней надъ землей дѣлаетъ это предположеніе неправдоподобнымъ. Кругъ этотъ не былъ агорой, но вѣроятно всего былъ устроенъ просто для огражденія кладбища акрополя. Говоря короче, это—образецъ греческаго кромлеха, о которыхъ мы говорили въ главѣ о неолитической культурѣ (стр. 131). Гробницы, дно которыхъ было еще высѣчено въ скалѣ, оказались при раскопкѣ находящимися подъ тол-

Рис. 182. Терракотовая статуэтка изъ Микенъ.

*) Въ планѣ Шлиманна обозначено только 5 гробницъ; шестая была открыта позже г. Стаметакисомъ.

ники этихъ гробницъ не были погребены въ одно время, а одинъ послѣ другого. На это указываютъ и варіаціи въ устройствѣ гробницъ, хотя находки въ нихъ, въ общемъ, и принадлежать одной и той же культурѣ. Павзаній же гробницъ этихъ видѣть не могъ, такъ какъ въ его время онѣ уже были давно засыпаны. Благодаря этимъ обстоятельствамъ возникъ интересный вопросъ о правильности объясненія текста Павзанія. Шлиманнъ тоже полагалъ, что собственно гробницъ Павзаній не видѣлъ, но что проводники его по акрополю могли показать ему засыпанное мѣсто и сообщить народное преданіе о немъ. Шухардтъ (Schuchardt), напротивъ, утверждаетъ, что Павзаній въ своемъ

Рис. 184. Украшенная барельефомъ стела изъ Микенъ.

разсказѣ имѣлъ въ виду купольныя гробницы внизу акрополя, о которыхъ мы упомянемъ далѣе, а не гробницы въ самомъ акрополѣ. Бельгеръ (Belger), а за нимъ Перро оспариваютъ обѣ эти догадки и полагаютъ, что Павзаній не слышалъ своего разсказа отъ проводниковъ, а просто позаимствовалъ его у лѣтописца Гелланика, который посѣтилъ Арголиду въ половинѣ V столѣтія

до нашей эры и описал микенский акрополь, въ которомъ (хотя онъ и былъ уже опустошенъ) онъ видѣлъ еще каменный кругъ, ограждавшій мѣсто погребенія.

Самыя гробницы заключали въ себѣ скелеты, мужскіе и женскіе. Найденные при нихъ богатые предметы, золотые, серебряные и бронзовые,

мы перечислять здѣсь не будемъ и упомянемъ о нихъ только вкратцѣ. Въ женскихъ гробницахъ были найдены золотыя діадемы, гладкія или украшенныя розетками, нагрудныя украшенія, небольшіе вѣсы; въ мужскихъ—золотыя маски, искусно отлѣпленные копья и кивжалы, мечи (рис. 185), золотыя пояса и множество пуговицъ, вѣроятно украшавшихъ деревянные щиты и т. п. Въ тѣхъ и другихъ гробницахъ были найдены золотыя браслеты, плоскіе золотыя крестики и звѣздочки изъ листового металла, служившіе для нашиванія на одежду, булавки, золотыя и серебряныя сосуды, глиняныя идолы, рѣзные предметы изъ сардонкса и аметиста, вещи изъ алебаstra и фарфора и наконецъ янтарныя бусы, интересныя въ томъ отношеніи, что по химическому своему составу они не одинаковы съ сицилійскими, но подходить къ янтарямъ Сѣвернаго моря. Кромѣ того былъ найденъ еще цѣлый рядъ разныхъ драгоценныхъ вещей. Но желѣзо и бронзовыя фибулы отсутствуютъ совершенно. Характеръ всѣхъ вещей одинаковый, а потому онъ и соединяются вмѣстѣ съ подобными же вещами, найденными въ другихъ мѣстахъ, въ одно общее типическое понятіе микенской культуры. Микенскіе сосуды двухъ родовъ: одни наведенные блестящимъ лакомъ и другіе съ матовымъ рисункомъ. Фуртвенглеръ (Furtwängler) и Лешке (Löschke) въ сочиненіи своемъ о микенской керамикѣ выражаютъ мнѣніе, что раздѣленіе это примѣнимо къ микенской культурѣ всей Греціи, и утверждаютъ, что сосуды первой группы имѣютъ въ основѣ своей орнаментациі только предметы, взятые изъ природы, особенно морской (водоросли, раковины, полипы и т. п.), орнаментациі же второй груп-

Рис. 185.
Бронзовый
мечъ изъ
Микенъ.

Рис. 186. Глиняная статуэтка
изъ Микенъ.

пы—линейная, состоящая главнымъ образомъ изъ спиральныхъ линій.

Кромѣ гробницъ найдена была, немного южнѣе отъ нихъ и внѣ круга, яма, наполненная подобными же драгоценными вещами, только болѣе массив-

ными (D). Это не была гробница, какъ думалъ Шлиманнъ, а безъ сомнѣнія кладъ, зарытый въ сундукъ, теперь совершенно развалившемся. Черепки глиняной посуды имѣютъ здѣсь немного болѣе поздній характеръ, особенно часто попадаются стилизованныя птицы. Одинъ черепокъ украшенъ замѣчательною военною сценой.

Въ 1886 году Греческое Археологическое Общество начало подъ руководствомъ Тсунтаса раскопки къ западу отъ мѣста находокъ Шлиманна и открыло фундаменты построекъ, оказавшихся вскорѣ частью царскаго дворца, который въ этой сторонѣ возвышался прямо надъ ущельемъ Хавы *). Общій планъ его и подробности были тѣ же, что и въ тиринтскомъ дворцѣ: тотъ же дворикъ, та же мегара съ преддверіемъ и очагомъ, окруженнымъ колоннами внутри; женскія комнаты, меньшія комнаты, наконецъ и декоративные сюжеты были тѣ же. Это сходство акрополей троянскаго, микенскаго и тиринтскаго даетъ намъ возможность установить теперь ясно типъ дворца героической эпохи. Несомнѣнно, что всѣ царскіе дома этой эпохи строились такимъ способомъ, какой мы находимъ въ Тиринтѣ **).

Въ нижнемъ городѣ Микенъ наиболѣе интересны семь купольныхъ гробницъ, прежде называвшихся сокровищницами. Три изъ нихъ изслѣдованы, между прочимъ и наибольшая по размѣрамъ, такъ называемая сокровищница Атрея. Всѣ онѣ построены по одинаковому плану. Неширокій входъ открывается въ большую купольную камеру, предназначенную вѣроятно для религіозныхъ обрядовъ, изъ нея болѣе широкій входъ ведетъ въ небольшую нишу настоящей гробницы. Подобныхъ купольныхъ гробницъ найдено было въ Греціи еще нѣсколько: въ Менидѣ возлѣ Аѳинъ, въ Орхоменѣ, въ Біотин, возлѣ Вафінъ въ Лаконіи, въ Гераѣ возлѣ Микенъ и въ Вола въ Фессаліи. Онѣ являются признакомъ бронзовой эпохи. Адлеръ выводилъ ихъ происхожденіе изъ Фригіи, гдѣ, говоритъ онъ, существовали подобныя сооруженія для человѣческихъ подземныхъ жилищъ. Мы не разъ уже встрѣчались съ фактомъ, что въ доисторическія времена типъ жилищъ повторялся и въ мѣстахъ погребенія ²⁴⁴).

Изъ купольныхъ гробницъ особенно замѣчательны менидская и вафій-

---

*) Въ стѣнахъ дворца въ 1890 году были открыты гробницы характера нѣсколько болѣе поздняго, чѣмъ предыдущія. Подобнымъ же образомъ въ толщѣ стѣны возлѣ Львиныхъ воротъ найдены были гробницы 4-хъ дѣтей и кладъ бронзовыхъ предметов (4 топора, 5 мечей и 2 фибулы типа итальянскихъ террамаръ) (рис. 187). Вообще въ послѣднее время въ Микенахъ находятъ все болѣе и болѣе доказательствъ соприкосновенія микенской культуры съ культурою аттическою и итальянскою, изъ чего г. Тсунтасъ и выводитъ заключеніе противъ азіатскаго происхожденія микенской культуры.

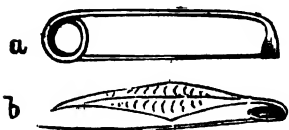
**) Подобные же остатки древняго дворца найдены были въ 1887 году возлѣ Эрехта и Пареевона въ аѳинскомъ акрополѣ.

ская. Въ первой было найдено меньше золота и серебра, но зато очень много предметовъ изъ цвѣтнаго стекла и слоновой кости. Во второй—вафійской—въ 1889 году было найдено множество драгоцѣнныхъ художественныхъ вещей. Обѣ эти находки хотя и относятся повидимому къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ микенскія, но все-таки принадлежать еще къ культурѣ того же состава и характера.

Болѣе поздняго происхожденія гробницы, открытыя въ Микенахъ, возлѣ купольныхъ гробницъ, Тсунтасомъ въ 1887—1891 годахъ, въ нижней части города. Это—скальный некрополь, заключавшій въ себѣ болѣе пятидесяти гробницъ въ видѣ небольшихъ камеръ, вырубленныхъ въ скалѣ, къ которымъ ведетъ корридоръ въ нѣсколько метровъ длинной. Гробницы эти не были, впрочемъ, расположены всѣ вѣстѣ, но образовали группы, каждая изъ которыхъ представляла нѣчто въ родѣ кладбища одного рода. Покойники нигдѣ не оказались сожженными: найденные остатки пепла составляютъ, вѣроятно, слѣды жертвоприношеній. Человѣческія кости, найденныя въ нѣсколькихъ случаяхъ въ проходѣ передъ гробницей, свидѣтельствуютъ, вѣроятно, объ обычаѣ погребать вѣстѣ съ трупомъ господина его рабовъ и слугъ. Содержимое гробницъ отличалось полной бѣдностью; но зато въ нихъ встрѣчаются уже бронзовыя фибулы и желѣзо.

Рис. 187. Фибулы, найденныя въ Микенахъ.

Шлиманнъ, встрѣчавшій удачу вездѣ, гдѣ только онъ ни предпринималъ раскопокъ, обратился послѣ счастливыхъ находокъ въ Микенахъ и Троѣ еще къ другимъ замѣчательнымъ мѣстностямъ доисторической Греціи. Между прочимъ онъ началъ раскопки и въ Орхоменѣ, но безъ особенно большихъ результатовъ. Однако все-таки ему удалось открыть тамъ чрезвычайно интересный своей орнаментацией плафонъ, покрывавшій погребальную камеру одной изъ тамошнихъ купольныхъ гробницъ. Совершенно подобный же орнаментъ былъ найденъ также на полу дворца Саргона ²⁴⁶). Безъ сомнѣнія орхоменскій потолокъ былъ сдѣланъ или восточными ремесленниками или же подъ непосредственнымъ вліяніемъ ассирійскихъ образцовъ; онъ представляетъ для насъ одно изъ лучшихъ доказательствъ восточнаго вліянія на древнюю культуру Эллады.

Послѣдній планъ Шлиманна заключался въ намѣреніи обратить всѣ свои усилія на о-въ Критъ и тамъ искать разрѣшенія вопроса о происхожденіи микенской культуры. Но этотъ планъ остался невыполненнымъ; Шлиманнъ внезапно умеръ въ 1891 г. въ Неаполѣ, завѣщавши всѣ свои археологическія сокровища нѣмецкому народу, сыномъ котораго онъ не переставалъ

считать себя въ теченіе всей своей международной карьеры, *) изслѣдованіе же Крита осталось предоставленнымъ будущему. **) Находки Шлиманна, несомнѣнно, очень много способствовали выясненію вопроса о томъ, какой народъ былъ носителемъ культуры, господствовавшей когда-то по берегамъ и на островахъ Эгейскаго моря. Изъ находокъ бронзоваго вѣка намъ извѣстны еще мѣстопохожденія, изслѣдованныя Студиничкой и Дюммлеромъ на о-вахъ Амаргъ и Мелосъ. Это почти однѣ гробницы съ костями, — продолговатыя, выложенныя мраморными плитами ямы, но такого малаго размѣра, что покойникъ могъ помѣщаться въ нихъ не иначе, какъ только въ очень скорченномъ положеніи. Предметы, находимые въ нихъ, — разнообразны; кромѣ каменныхъ обсидановыхъ орудій, тамъ оказались и плоскіе бронзовые топоры, кинжалы, наконечники копій, но вовсе не было мечей; кромѣ того свинецъ и серебро попадались тамъ только въ видѣ украшеній. Очень интересна также керамика, частью домашняго производства, сдѣланная отъ руки, безъ большого развитія формъ и орнаментации, частью же представляющая типы, позаимствованные съ востока. Здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемся съ сосудами, вытесанными изъ камня (мраморными кружками, котелками, украшенными спиральными линиями). Слѣды той-же микенской культуры были открыты также на о-вѣ Родосъ (кладбища въ Salissos, Kameiros и т. п.) и въ Сициліи.

Разрѣшеніе вопроса о наиболѣе древнемъ населеніи Греціи до сихъ поръ еще оказывается невозможнымъ, и всѣ догадки, относящіяся сюда, слѣдуетъ разсматривать только какъ болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Вѣрно одно только, что эта страна въ теченіе каменнаго вѣка и начала бронзоваго была обитаема народомъ съ довольно самостоятельной уже культурою, но при этомъ еще вполне отдѣльною отъ той, какую представляютъ собою, вѣроятно, позднѣйшія микенскія находки. Какъ находки, сдѣланныя во второмъ городѣ Трои, такъ и часть нѣсколькихъ позднѣйшихъ находокъ на Цикладскихъ о-вахъ, равно какъ и часть находокъ на материкѣ (Тиринтъ, Дельфы) — имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ находки микенскія. Характеръ этотъ прежде всего сравнительно болѣе древній, и если греки не были носителями микенской культуры, то еще меньше могли быть творцами этой болѣе древней культуры, которую изслѣдователи называютъ цикладскою. Принадлежала же она вѣроятно народу, жившему въ этихъ мѣстностяхъ еще до грековъ; Дюммлеръ, Келеръ, Гернесь, Кипертъ и другіе полагаютъ, что это были ле-

*) Шлиманнъ, какъ извѣстно, чуть-ли не большую часть жизни провелъ въ Россіи, гдѣ и приобрѣлъ свое очень крупное состояніе, употребленное потомъ на раскопки.

(Прим. переводч.)

**) Съ того времени, впрочемъ, на Критѣ было сдѣлано нѣсколько очень интересныхъ находокъ, относящихся къ микенской культурѣ, какъ напр. востъ Ergavos'a, Samaves'a, Kurtas'a, — д-мъ Гальбгерромъ.

леги, о которыхъ сохранилось нѣсколько историческихъ извѣстій,—Фуртвенглеръ же и Лешке думаютъ, что народомъ этимъ были карійцы.

Для насъ, впрочемъ, это не имѣетъ особенной важности. Съ нашей точки зрѣнія гораздо болѣе важно истинное пониманіе микенской культуры, какъ въ ея отношеніи къ позднѣйшей греческой культурѣ, такъ и относительно культуры, описанной въ пѣсняхъ Гомера. По мнѣнію В. Гельбига (W. Helbig), больше всѣхъ занимавшагося этимъ вопросомъ, микенская культура имѣетъ характеръ негреческій. Въ ней нельзя найти даже слѣда того греческаго духа, которымъ проникнуты работы позднѣйшія, несомнѣнно греческія, хотя бы и примитивныя. Народъ, выработавшій микенскую культуру, не былъ тѣми позднѣйшими греками, какихъ мы знаемъ въ исторіи; вожди, тѣла которыхъ были погребены въ микенскомъ акрополѣ, никогда не предводительствовали греками, а были повелителями неаллиинскаго племени.

Шлиманнъ, а за нимъ Шухардтъ, Фуртвенглеръ и Лешке полагаютъ, что этимъ до-греческимъ народомъ были племена, смѣшанные Гомеромъ подъ общимъ названіемъ ахейцевъ, а микенская культура, по ихъ мнѣнію, была та, которую зналъ Гомеръ и которую онъ изобразилъ въ *Иліадѣ* и *Одиссеевѣ*. Гельбигъ же считаетъ этотъ взглядъ неправильнымъ. Микенская культура, по его мнѣнію, далеко не та, какую мы можемъ возстановить на основаніи Гомеровскаго эпоса. Эта послѣдняя имѣетъ совершенно другой характеръ. чѣмъ микенская, и сравнительно болѣе поздній. Въ *Иліадѣ*, составленной гораздо раньше *Одиссеи* *), мы встрѣчаемся естественно, какъ и во всякой подобной народной эпопее, съ архаизмами, не существовавшими уже болѣе во время ея составленія, но мы не находимъ въ ней ничего того, что такъ ясно характеризуетъ намъ микенскими находками. Ахейцы Гомера жили уже въ желѣзномъ вѣкѣ, въ главныхъ же микенскихъ гробницахъ, какъ мы видѣли, напротивъ, желѣза вовсе не было. Гельбигъ высчиталъ, что въ *Иліадѣ* бронза упоминается въ 279 мѣстахъ, желѣзо же въ 23, въ *Одис-*

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ обѣ эти поэмы не состоятъ изъ собранныхъ вмѣстѣ народныхъ пѣсенъ, какъ думалъ когда-то Вольфъ, а за нимъ и весь ученый міръ. Исслѣдованія послѣдняго времени опять возвращаютъ Гомера въ міръ дѣйствительности. Весь характеръ *Иліады* и *Одиссеи* отличается полнымъ единствомъ, первая пѣсня *Иліады* такъ широко задумана, что нельзя не видѣть въ ней начала эпопеи, вся картина которой была уже готова въ головѣ поэта. Гомеръ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ жилъ въ началѣ перваго тысячелѣтія до нашей эры и сложилъ *Иліаду* на основаніи разсѣянныхъ народныхъ пѣсенъ о подвигахъ героев. Ея болѣе позднія времена первоначальная форма *Иліады* была очень расширена и измѣнена; разные пѣвцы дѣлали къ ней свои прибавки, и въ этой то измѣненной уже формѣ она сохранилась и до нашего времени. Подобнымъ же образомъ появилась затѣмъ и *Одиссея*. Основа ея также принадлежитъ одному поэту, имя котораго впрочемъ не сохранилось. Гомеръ же во всякомъ случаѣ не былъ ея авторомъ.

себѣ—бронза въ 80 мѣстахъ, а желѣзо въ 25-ти. Затѣмъ въ микенской культурѣ мы находимъ гораздо больше роскоши. Самые драгоценныя микенскія вещи вовсе отсутствуютъ у Гомера: золотыя бляхи для украшенія одежды (рис. 189), нагрудныя украшенія, украшенные золотомъ мечи и кинжалы, разныя геммы и перстни съ печатями, алебастръ, горный хрусталь... Гомеровскіе ахеяне не знали также и такихъ построекъ какъ микенскія стѣны. Вообще гомеровская культура отличается гораздо болѣе простымъ характеромъ. Въ микенской Гельбигъ усматриваетъ явное восточное вліяніе, тогда какъ у Гомера просвѣчиваетъ гораздо больше греческій духъ. Время Гомера представляется переходной эпохой отъ восточнаго вліянія и остатковъ варварства къ самостоятельной греческой культуры. Погребальныя обряды также совершенно различны у тѣхъ и другихъ. Въ Микенахъ, какъ и на Циклад-

Рис. 189. Золотая бляха изъ гробницы въ Микенахъ.

скихъ о-вахъ, были находимы только гробницы съ костями; тамъ было въ полной силѣ погребеніе покойниковъ въ землю; напротивъ у Гомера мертвыхъ всегда сожигаютъ. Затѣмъ фибулы совершенно отсутствуютъ въ микенской культурѣ, тогда какъ у Гомера онѣ очень обыкновенны (περόνη) и т. д. ²⁴⁶).

На основаніи всего этого Гельбигъ и отрицаетъ то сближеніе, которое хотѣлъ-было установить Шлиманнъ между рассказомъ Гомера и находками въ Микенахъ. Находки микенскаго типа вовсе не принадлежать

тѣмъ ахеянамъ, которые описаны у Гомера. Поэтому нѣкоторые ученые, обратившись въ другую сторону, начали разыскивать другое до-эллинское населеніе Греціи и острововъ. Келлеръ, въ особенности-же Дюмилеръ и Студинкака вѣсто ахейцевъ вспомнили о карійцахъ, которые по извѣстіямъ Геродота и Фукидида жили въ Греціи ранѣе ахейнъ. По ихъ мнѣнію микенскую культуру слѣдуетъ считать культурою карійскою, до-ахейскою, до-гомеровскою; ²⁴⁷⁾ ихъ взгляды раздѣлялъ одно время и М. Гернест*).

Карійцы пришли съ востока, откуда-то изъ Малой Азіи и завладѣли островами и материкомъ, вытѣснивши или подчинивши себѣ древнее населеніе ихъ (лелоговъ?). Въ Греціи они расположились главнымъ образомъ около Сароническаго залива, гдѣ по преданію основали Мегару, Эпидавръ и Герміонъ, разбѣжались на своихъ утлыхъ ладьяхъ съ цѣлю грабежа по всему Эгейскому морю, бывали иногда въ сношеніяхъ съ финнікіянами, торговали съ ними и въ теченіе долгаго времени господствовали въ странѣ, пока ихъ мо-

---

*) Винтеръ (Winter) въ последнее время присоединяется къ подобному же взгляду, но ищетъ, впрочемъ, началъ микенской культуры то въ сношеніяхъ съ Египтомъ, то въ Сиріи. Въ Микенахъ было найдено, дѣйствительно, много предметовъ аналогическихъ съ хиттитскими памятниками. Такимъ образомъ главная основа всѣхъ этихъ мнѣній оказывается общей; происхожденіе микенской культуры надо искать въ первобытной, неарійской, мало-азиатской культурѣ. Представители противоположныхъ мнѣній, главнымъ образомъ Милхгёфферъ (Milchhöffer) ищетъ колыбель ея на о-вѣ Критѣ и является главнымъ защитникомъ ея арійскаго происхожденія. Вопросъ этотъ связанъ, разумеется, и съ вопросомъ о происхожденіи первобытныхъ обитателей Греціи, такъ наз. пелазговъ, которыхъ разные исследователи сближали съ различными исторически-извѣстными племенами, принимая или не принимая ихъ за арійцевъ. Вопросъ этотъ до сихъ поръ не разрешенъ и вѣроятно долго еще останется неразрѣшеннымъ. Но все-таки теперь онъ принимаетъ новый оборотъ. По новѣйшимъ теоріямъ, предложеннымъ К. Паули, отчасти В. Томашкомъ, Е. Гессельмайеромъ, д'Арбуа-де-Жюбанвилемъ, де Кара (сюда же склоняется и Сал. Рейнахъ) и главнымъ образомъ Фр. Гоммелемъ, населеніе Греціи и ея острововъ, какъ-бы ни назывались ея отдѣльные племена, было только частью большой этнической группы, которая занимала Малую Азію и Сирію. Общее имя этой группы неизвѣстно (Гоммель называетъ ее Алародами), но мы знаемъ относившіяся къ ней отдѣльные племена, которые до сихъ поръ соединялись въ Греціи подъ именемъ пелазговъ, затѣмъ лидійцевъ, карійцевъ и хиттитовъ въ Малой Азіи и Сиріи. Паули и Моратти причисляютъ къ нимъ также этрусковъ и ретійцевъ, а Гоммель наконецъ и лигуровъ и иберовъ. Трое послѣднихъ авторовъ, главнымъ образомъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ, приходитъ къ заключенію, что нирода этотъ не принадлежалъ ни къ семитамъ, ни къ арійцамъ. Мѣстомъ его происхожденія была Азія, откуда онъ пришелъ въ Европу, частью черезъ острова Эгейскаго моря, частью же черезъ Балканы—въ Грецію и затѣмъ въ Италію. Съ этими заключеніями согласуются, какъ кажется, и результаты антропологическихъ исследованийъ Ф. Лущана (F. Luschan) и Г. Серджи (G. Sergi) ²⁴⁸⁾.

гущество не было наконецъ сокрушено критскимъ царемъ Миносомъ. А когда затѣмъ появились съ сѣвера настоящіе эллины, главнымъ обр. доряне и іоняне, карійскія колоніи исчезли одна за другой, и наконецъ карійцы ушли совсѣмъ, вернувшись туда, откуда пришли. Въ историческія времена карійцы жили только въ Малой Азіи, въ югозападной части Таврскихъ горъ. Вотъ исторія народа, которому теперь приписывается микенская культура. Сношенія, которыя имѣли карійцы съ Востокомъ уже въ своей странѣ, и затѣмъ во время своего господства на Эгейскомъ морѣ, отразились въ ихъ матеріальной культурѣ. Новое направленіе, представляемое главнымъ образомъ Тсуентасомъ, въ противоположность этимъ взглядамъ, защищаетъ греческое происхожденіе микенской культуры, какъ напр. Рейшъ, Рейхель, Сал. Рейнахъ и др. Несомнѣнно, что греки переселились въ Элладу гораздо раньше, чѣмъ предполагалось прежде. Они тамъ были уже въ половинѣ II-го тысячелѣтія. Но принадлежала ли микенская культура имъ или кому другому, — до сихъ поръ еще не рѣшено. Э. Курциусъ также принимаетъ это послѣднее мнѣніе и находитъ, что поэмы Гомера имѣютъ своимъ предметомъ именно микенскую культуру, существующія-же и указанные нами выше противорѣчія онъ объясняетъ тѣмъ промежуточномъ времени, которое прошло между героическою эпохою и эпохою составленія поэмъ. Въ теченіе этого промежутка воспоминанія о героическихъ временахъ ослабли и подверглись измѣненіямъ. Рейшъ думаетъ также, что микенская культура греческаго происхожденія, но считаетъ, какъ и мы, этотъ вопросъ еще далеко неразъясненнымъ.

Невозможно отрицать существованія сильнаго восточнаго вліянія на микенскую культуру, и особенно вліянія всѣхъ странъ восточнаго побережья Средиземнаго моря. Наиболѣе вліянія оказывали Фригія, Лидія, затѣмъ Месопотамія и Финикія. Египетское вліяніе было въ Греціи также очень сильно, какъ это доказано Адлеромъ, а въ послѣднее время Петри и Штейндорфомъ. Въ Микенахъ на это указываютъ страусовыя яйца, скарабен, характеръ мечей, золотыя маски, стекло, барельефы съ изображеніями лотоса и папируса; въ Тиринтѣ — алебастровый и кіанитовый фризъ. Оружіе, украшенное такимъ-же образомъ, какъ и микенскіе книжалы, найдено было и въ гробницѣ царевны Аагтотепы. Значительная часть декоративной живописи и скульптуры сдѣлана также по египетскимъ образцамъ. Все это было результатомъ торговыхъ сношеній, которыя со временъ XVIII династіи сдѣлались очень оживленными между Греціей и Египтомъ.

Микенская культура существовала очень долго, навѣрно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; но хронологически опредѣлить съ точностью время ея существованія пока нельзя. Правдоподобно, однако-же, что она занимала собою вторую половину II-го тысячелѣтія до нашей эры. Флиндерсъ Петри на основаніи своихъ находокъ въ Кагунѣ относитъ въ послѣднее время куполь-

ныя микенскія гробницы къ XIV—XII стол., гробницы на агорѣ приблизительно къ XII стол., гробницы въ Менидѣ, Спартѣ, Навплии и остальныхъ микенскія къ XI—VIII стол., до нашей эры. Культура эта заканчивается съ вторженіемъ дорянъ. Они принесли съ собою тотъ геометрический стиль, который характеризуетъ дилпильскую керамику, и о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Сосуды этого стиля появляются на материкѣ вслѣдъ за микенскими, вытѣсняя ихъ, на островахъ же старый стиль развивается еще далѣе.

Балканскія страны. Первое изъ указанныхъ нами выше теченій бронзовой культуры, направлявшееся черезъ Цикладскіе о—ва въ Грецію, приняло и внутрь Балканскаго полуострова—въ нынѣшнія Болгарію, Македонію, Сербію и Боснію. Существованіе въ этихъ странахъ древнихъ торговыхъ путей, способствовавшихъ этому движенію,—будетъ указано нами далѣе. Находки бронзоваго вѣка въ нихъ до сихъ поръ впрочемъ еще очень рѣдки; но это объясняется, вѣроятно всего, почти полнымъ еще отсутствіемъ раскопокъ. Систематическія работы въ этомъ направленіи были начаты только въ самые послѣдніе годы въ Босніи, но то, что было найдено, относится по большей части къ позднѣйшимъ эпохамъ. Находки, соотвѣтствующія бронзовому вѣку, принадлежать здѣсь скорѣе къ венгерской группѣ, а слѣдовательно относятся къ теченію, шедшему съ востока дунайскимъ путемъ. Такъ напр. первый складъ бронзовыхъ предметовъ, найденный въ Герцеговинѣ въ 1882 г. подъ Крехинимъ Грацемъ возлѣ Мостара, указываетъ на сильное венгерское вліяніе. Другой складъ—бронзовыхъ серповъ былъ найденъ въ 1889 г. въ мѣстности Шуметацъ. На горѣ возлѣ одного изъ предмѣстievъ Сараева—Собунара встрѣчаются слѣды поселеній, существовавшихъ въ теченіе большей части бронзоваго вѣка *). Въ Сербіи кладъ бронзовыхъ вещей были найдены возлѣ Бараева, недалеко отъ Бѣлграда, въ сел. Конюши въ бас. р. Дрины и т. д.

Италія. Финикійскіе купцы, плававшіе по Средиземному морю, принесли начала металлической культуры какъ въ Грецію, такъ и въ Италію и на три большихъ, прилегающихъ къ ней острова: Сицилію, Сардинію и Корсику. Они вездѣ основывали колоніи и торговали съ мѣстнымъ населеніемъ, обмѣнивая издѣлія промышленности на сырые продукты. Изъ острововъ Сред-

---

*) Сюда-же должны быть отнесены и замѣчательныя свайныя постройки возлѣ Рипаца (Ripac), прекрасно изслѣдованныя покойнымъ Радимскимъ (Radimsky) и существовавшія, по его мнѣнію, подтверждаемому и палеонтологическими изслѣдованіями проф. Вольдржиха, отъ конца неолитической эпохи, въ теченіе всего бронзоваго вѣка и даже въ такъ назыв. Ла-Тенскую эпоху (Гласникъ земальскаго музеја у Босни и Херцеговини, т. VII, 1895 г., в. 3 и т. VIII, 1896 г., в. 1).

земного моря наибольшее количество финикийских колоній было въ Сицилиі. Объ этихъ оживленныхъ сношеніяхъ туземныхъ племенъ съ восточными торговцами — включая сюда и военныя экспедиціи въ восточныя страны, — мы по крайней мѣрѣ имѣемъ два извѣстія, относящіяся къ царствованіямъ фараоновъ Менесфты и Рамзеса III, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ болѣе древнихъ находкахъ бронзоваго вѣка мы замѣчаемъ очень сильное вліяніе Востока.

Въ описаніи неолитической эпохи мы упоминали уже о томъ, что каменные постройки, разбросанныя въ нѣкоторыхъ странахъ южной Европы, — вѣроятно всего восточнаго происхожденія. Такъ напр. сардинскіе нураги со сводчатыми камерами (рис. 76) могли имѣть по крайней мѣрѣ своимъ образцомъ постройки, сдѣланныя финикійянами *). Въ нихъ мы находимъ ту-же систему свода, образованнаго слегка выдвинутыми одинъ надъ другимъ камнями, какую мы видѣли въ казематахъ тиринтскаго акрополя и въ греческихъ купольныхъ гробницахъ. Сюда прежде всего относятся удивительныя каменные постройки неизвѣстнаго назначенія на о-вахъ Гоццѣ (древ. *Gaulos*) и Мальтѣ. Наиболѣе изъ нихъ сохранились такая постройка, назыв. «*gigantea*» на Гоццѣ и «*Nagiar Kim*» на Мальтѣ. На обоихъ островахъ были найдены и финикийскія гробницы, ямы съ камерой на днѣ. Но въ общемъ древнѣйшія находки бронзоваго вѣка въ Италиі, за исключеніемъ сѣверной ея части, очень немногочисленны. Причину этого слѣдуетъ искать или въ томъ, что въ Италиі, какъ и вообще въ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря, бронзовый вѣкъ не продолжался такъ долго, какъ внутри и на сѣверѣ Европы, будучи вытѣсненъ желѣзнымъ, — или-же въ томъ, что въ Италиі, гдѣ позже такъ развилась римская культура, вся почва была раскопана и прошупана въ тѣ еще времена, когда о доисторической археологіи еще и не думали. Разыскивали только классическихъ древностей, собирали бронзы греческія и римскія и вообще интересовались только позднѣйшими памятниками; маловажными-же съ тогдашней точки зрѣнія находками пренебрегали, забрасывали ихъ, и такимъ образомъ было уничтожено для науки очень много доисторическихъ памятниковъ. Почва Греціи была гораздо болѣе пощажена подобными научными раскопками.

Такимъ образомъ произошло то, что находокъ болѣе древнихъ эпохъ въ Италиі очень мало, особенно принимая во вниманіе ея густое населеніе и торговыя сношенія, существовавшія уже въ очень глубокой древности. На югѣ, сколько намъ извѣстно, болѣе важныя находки были сдѣланы только

*) Нураги обыкновенно приписываются первобытнымъ обитателямъ Сардиніи. Но нельзя отрицать, что они обнаруживаютъ достаточное сходство съ каменными постройками внутренней Аравіи, называемыми *rigūm*, и Синая, гдѣ они называются *navadūz*.

въ Сициліи. Тамъ къ бронзовому вѣку относится напримѣръ нѣсколько могильниковъ въ окрестностяхъ Сиракузъ, изслѣдованныхъ въ послѣднее время д-ромъ Паоло Орси. Могильники эти состояли изъ камеръ, вырубленныхъ въ скалѣ, по большей части округленной формы и со входомъ, заложенымъ камнями; они принадлежали доаллиинскому населенію Сициліи. Нѣкоторые, какъ напр. некрополи въ Меллиѣ и часть некрополей въ Кастеллуция (Castelluccia) относятся къ переходному періоду отъ неолитической эпохи къ бронзовому вѣку, гробницы возлѣ Племирія и часть кастеллуційскаго могильника—къ бронзовому вѣку. Находки этихъ гробницъ (форма мечей, сосуды) носятъ на себѣ очевидные слѣды восточнаго характера, кое гдѣ указывающаго на Микены и на Трою. Есть еще подобныя-же могильники и въ другихъ частяхъ Сициліи (возлѣ Палермо, въ Кальтанисеттѣ и пр.), но они еще не изслѣдованы. Скелеты въ нихъ обыкновенно оказываются въ скорченномъ положеніи; иногда, какъ кажется, кости покойниковъ передъ погребеніемъ очищались отъ мяса и окрашивались въ красный цвѣтъ ²⁴⁹).

Гораздо важнѣе въ отношеніи бронзоваго вѣка Сѣверная Італія. Но тамъ мы не встрѣчаемся болѣе съ культурой средиземноморскаго пути и восточнаго характера; тамъ мы имѣемъ дѣло съ культурой, которая, по заключеніямъ важнѣйшихъ итальянскихъ и прочихъ археологовъ, была принесена съ сѣвера и имѣетъ одинаковый характеръ съ началами бронзовой культуры въ Венгріи. Другими словами, въ Італіи мы видимъ то-же, что и на Балканахъ: проникновеніе и встрѣчу обоихъ теченій—средиземноморскаго и дунайскаго, при чемъ на сѣверѣ преобладаетъ второе изъ нихъ.

Факты относительно бронзоваго вѣка въ Сѣверной Італіи мы имѣемъ главнымъ образомъ изъ двухъ группъ памятниковъ: изъ свайныхъ построекъ этой эпохи и изъ кладбищъ ихъ обитателей. Озерныя свайныя постройки здѣсь тѣ же, о которыхъ мы говорили въ главѣ о каменной вѣкѣ. Тамъ мы упоминали о томъ, что отложенія каменной эпохи въ нихъ гораздо менѣе значительны, чѣмъ слѣдующіе за ними слои съ бронзовыми издѣліями, какъ напр. на островѣ Isolino на озерѣ Варезе и вообще во всѣхъ остальныхъ палафиттахъ этой мѣстности. Свайныя постройки остр. Isolino были обитаемы, по мнѣнію Regazzoni и Castelfranco, до самаго конца бронзоваго вѣка, а можетъ быть и до начала желѣзнаго, когда поселеніе было уничтожено пожаромъ и потомъ совершенно оставлено. Обитатели озерныхъ свайныхъ построекъ жили въ нихъ слѣдовательно непрерывно съ каменнаго періода и только постепенно принимали новыя требованія металлической культуры. Каменное оружіе долго оставалось въ употребленіи рядомъ съ металлическимъ. Острія стрѣлъ, сдѣланныя изъ металла, попадаютъ въ высшей степени рѣдко, обыкновенно-же всѣ они кремневыя. Каменные топоры этой эпохи имѣютъ отверстія для топорща. Населеніе жило охотой, разведеніемъ

стадь и хлѣбопашествомъ. Фауна и флора свайныхъ построекъ совсѣмъ уже не тѣ, съ какими мы встрѣчались въ находкахъ неолитической эпохи.

Типическимъ примѣромъ озерной свайной постройки бронзоваго вѣка можетъ служить поселеніе воалѣ Пескьеры (Peschiera) на Гардскомъ озерѣ²⁶⁰), изслѣдованное Стефани, Пигорини, Сакеномъ и Гохинтеттеромъ. Инвентарь бронзовыхъ вещей этой мѣстности отличается замѣчательнымъ богатствомъ и характерностью. Въ культурномъ слоѣ было найдено множество остатковъ фауны, флоры и разныхъ издѣлій. Животныя этого поселенія еще недостаточно изслѣдованы; растенія—больше. Очень интересно здѣсь присутствіе ржи, которая вовсе не была находима ни въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, ни въ варесскихъ, ни въ террамарахъ Эмиліи. Изъ бронзовыхъ предметовъ были найдены плоскіе топоры, долота, серпы, очень интересныя двустороннія бритвы (lunuli), ножи, браслеты, серьги, своеобразныя булавки, наконецъ и фибулы наиболѣе древняго типа съ дужкой, расширенной въ тонкую пластинку (ср. подобный типъ на рис. 187, б). Характеръ бронзовыхъ предметовъ изъ Пескьеры имѣетъ много общаго съ венгерскими, и Пигорини полагаютъ, что новая цивилизація пришла сюда, также какъ и въ террамары—съ сѣвера. Пескьерское свайное поселеніе перестало существовать тоже вѣроятно въ началѣ желѣзнаго вѣка, который наступилъ тамъ сравнительно раньше. Въ Швейцаріи еще была въ полномъ расцвѣтѣ бронзовая культура, въ то время, какъ въ Италіи вслѣдствіе сношеній съ юго-востокомъ начало преобладать уже желѣзо.

Совершенно оригинальную и очень интересную группу свайныхъ построекъ въ Италіи представляютъ собою такъ назыв. террамары. Это—свайныя сооруженія, стоящія теперь на сушѣ, но первоначально, по крайней мѣрѣ отчасти построенныя на небольшихъ искусственныхъ озерахъ²⁶¹). Почти всѣ они находятся въ эмилійской равнинѣ, простирающейся отъ Арды до Рено между Аппенинами и р. По*). Въ одной половинѣ этого пространства, прилегающей къ Пармѣ, извѣстно уже около полусотни этого рода поселеній. Впервые они были описаны Гастальди и П. Стробелемъ въ 1861 г., послѣ нихъ они были изслѣдованы Пигорини и Кьеричи. Данныя, полученныя при тщательномъ изслѣдованіи террамары въ Castione dei Marchesi, даютъ возможность заключить, что эти постройки сооружались слѣдующимъ образомъ: высматривалось подходящее мѣсто или въ долинѣ, гдѣ-бы къ нему могла притекать вода съ сосѣднихъ возвышенностей, или-же на высотѣ, совершенно лишенной воды. Въ первомъ случаѣ свайная постройка воздвигалась надъ искусственнымъ озеромъ, во второмъ—на сушѣ. Но въ обоихъ—

*) Въ провинціяхъ Пармѣ, Реджіо, Моденѣ, Мантуѣ—ихъ много; въ Болоньѣ, Пьяченцѣ, Кремонѣ—меньше. Вообще-же извѣстно до сихъ поръ до 100 террамаръ.

все-таки устраивался какой-нибудь искусственный бассейнъ при помощи валовъ, образовавшихъ четырехугольникъ, внутри котораго вбивались въ землю сваи и на нихъ утврждалась деревянная настилка, поддерживавшая постройки. Если вода проводилась туда съ болѣе возвышеннаго мѣста, бассейнъ превращался въ неглубокое озеро. Террамара въ Кастіоне впрочемъ, судя по всему, стояла не надъ водой. Отбросы сваливались тамъ просто внизъ, между сваями, и когда они достигали деревянной настилки, тогда жители подымали эту послѣднюю и вмѣстѣ съ этимъ возвышали и насыпи, окружавшія поселеніе. Это повторялось нѣсколько разъ, такъ что сваи позднѣйшихъ перестроекъ не достигали уже естественной почвы, а вбивались въ плотную массу отбросовъ. Къ террамарѣ вела по особенному искусственному подъему дорога до вершины насыпи, имѣвшей первоначально около двухъ метровъ высоты (ср. разрѣзъ реставрированной террамары на рис. 190). Вокругъ насыпей съ наружной стороны выкопаны были ровы, какъ въ Castione, Casagrodole, Montecchio, Roteglia и др., иногда же онѣ бывали и съ внутренней стороны. Сваи для построекъ были вбиты очень густо, какъ деревья въ лѣсу. На

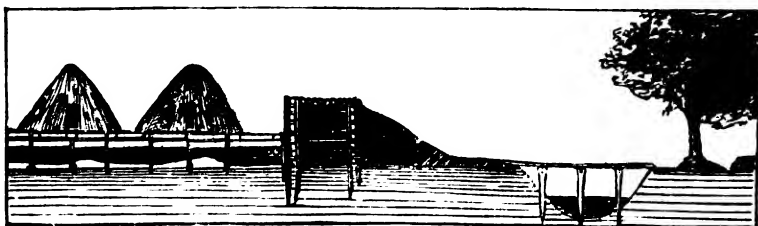

Рис. 190. Разрѣзъ реставрированной террамары (по Кьеричи).

нихъ сдѣлана была деревянная настилка (платформа), на которой уже стояли хижины, совершенно такъ-же, какъ и на озерныхъ свайныхъ постройкахъ. Все было сдѣлано изъ дерева, соломы и хвороста и разумѣется было подвержено очень частымъ пожарамъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ съ очевидностью толстые слои пепла, встрѣчающіеся постоянно въ отложеніяхъ отбросовъ. Возможно также, что пожары производились иногда и умышленно, когда имѣлось въ виду сравнять поверхность почвы для новой болѣе высокой постройки; такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Кастельфранко. Изолированіе нижнихъ слоевъ отбросовъ подъ слоемъ пепла было выгодно также и въ гигиеническомъ отношеніи. Въ настоящее время террамары, находящіяся на равнинахъ провинціи Эмілія, образуютъ собою пригорки въ 3—4 метра высоты и въ 80—100 метр. ширины или длины. Кастіонская террамара занимала поверхность въ 9.000 квадр. метровъ. Изъ этого описанія устройства террамаръ можно видѣть, что жизнь въ нихъ не была особенно завидной. Въ

отбросы, всё нечистоты скоплялись подъ ними и тамъ, гдѣ не было воды, которая могла уносить все это, — они загнивали и отравляли воздухъ на далекое разстояніе.

Террамары относятся всё почти къ бронзовому вѣку, и только въ самыхъ верхнихъ слояхъ ихъ мы встрѣчаемся съ желѣзными предметами. Но каменные орудія также очень многочисленны, особенно въ террамарахъ на лѣвомъ берегу р. По. Наиболѣе многочисленными впрочемъ оказываются въ культурныхъ слояхъ террамаръ керамическія издѣлія, въ видѣ цѣлыхъ тысячъ черепковъ посуды, сдѣланныхъ отъ руки и плохо обожженныхъ; цѣлыхъ сосудовъ встрѣчается немного. Посуда по большей части очень грубая; сосуды болѣе тонкой работы украшены геометрическимъ орнаментомъ и отличаются часто особеннымъ украшеніемъ ушковъ. Ушки эти имѣютъ сверху два рожка и называются поэтому рогатыми или луновидными ушками (*ansa lupata*, согнута, рис. 191). Въ Италіи эти сосуды характерны для эпохи террамаръ и встрѣчаются, какъ слѣды южныхъ вліяній, и дальше, на сѣверѣ Европы, въ Венгріи (уже въ Ленгівацѣ), въ Чехіи, въ Швейцаріи, а также на Балканахъ и въ Истріи. Гёрнесъ напротивъ думаетъ, что этотъ типъ рогатыхъ ушковъ былъ въ этомъ періодѣ распространенъ самостоятельно во всей центральной Европѣ и вовсе не итальянскаго происхожденія. Каменные орудія въ террамарахъ рѣдки, изъ бронзовыхъ—встрѣчаются кинжалы, топоры, стрѣлы, изъ орудій—ножи, двусторонніи бритвы, серпы, долота, гребни, изъ украшеній—булавки и разныя другія вещи, кромѣ того много разныхъ привѣсокъ изъ камня, раковинъ и кости. Очень многочисленны глиняныя и известковыя пряслицы. Попадаются также и фибулы, но только въ позднѣйшихъ слояхъ и чаще всего тѣхъ же простыхъ формъ, какія мы встрѣчали уже въ Греціи и Микенахъ. Ундесетъ полагаетъ, что онѣ представляютъ собой основной типъ, изъ котораго развились потомъ позднѣйшія итальянскія, скандинавскія и венгерскія фибулы, но мѣстомъ происхожденія ихъ онъ считаетъ скорѣе Балканы, чѣмъ Италію. Въ Венгріи выработалась для захватыванія иглы спираль, на сѣверѣ же и въ Италіи развилась у фибулъ болѣе короткая или болѣе длинная пятка.

Рис. 191. Сосудъ съ рогатымъ ушкомъ, найденный въ городищѣ Живначи возлѣ Праги.

Вполнѣ подобный же способъ построекъ мы находимъ въ Венгріи въ Альфельдѣ (*Alföld*), гдѣ и типы бронзовыхъ предметовъ и керамика обнаруживаютъ много сходства съ итальянскими. Изъ этого итальянскіе археологи заключаютъ, что культура террамаръ проникла въ Италію съ сѣвера, изъ Венгріи. Нѣкоторые идутъ даже далѣе и полагаютъ, что и населеніе въ Ита-

ли было то же, что и въ Венгрии, что бронзовая культура террамаръ была принесена изъ венгерскихъ долинъ въ Италию новымъ населеніемъ. П. Кастельфранко, основываясь на томъ, что въ итальянскихъ могильникахъ, относящихся къ концу неолита и началу эпохи металловъ, уже появляются и новые черепные типы, думаетъ, что металлы были принесены въ Италию чужеземнымъ короткоголовымъ народомъ, не пытаясь впрочемъ опредѣлить, какимъ именно. Эвансъ, а за нимъ и Гернсъ готовы приписывать террамары и пещеры въ Pollega и Agene Candide и въ Иллирию — одному народу, лигурамъ. Л. Пигорини принимаетъ жителей террамаръ за часть того же самого народа, который пришелъ съ востока по долинѣ Дуная и принесъ съ собою свой оригинальный способъ построекъ — свайныя поселенія. Въ Италию онъ различаетъ двѣ вѣтви — западную и восточную. Постройки первой изъ нихъ отличаются гораздо худшимъ качествомъ и нѣкоторыми рѣзкими признаками своихъ издѣлій. Такъ, луновидныя ушки, очень многочисленныя въ венеціанской области, отсутствуютъ совершенно въ Ломбардіи и въ Пьемонтѣ. То же относится и къ двустороннимъ бритвамъ. Террамары по его мнѣнію относятся вполне къ восточной группѣ, и строившее ихъ населеніе было, по мнѣнію Пигорини, древними италійцами. I. Гельбингъ, написавшій одно изъ лучшихъ сочиненій о древней эпохѣ сѣверной Италиі, думаетъ подобнымъ же образомъ²⁵²). По его мнѣнію италійцы или умбро-сабеллы пришли изъ Венгрии и поселились въ мѣстностяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ жило первобытное населеніе каменнаго вѣка. Культура ихъ была, разумеется, гораздо выше. Они жили кромѣ охоты скотоводствомъ и земледѣіемъ. Найдено очень много разныхъ остатковъ домашнихъ животныхъ и растений. Изъ домашнихъ животныхъ они разводили рогатый скотъ, свиней; о томъ, что они умѣли готовить сыръ, свидѣтельствуютъ находки сосудовъ съ продырленными стѣнками. Извѣстна была также и обработка волокнистыхъ веществъ, именно льна. Своихъ покойниковъ жители террамаръ сожигали. Изъ неолитической эпохи и переходной (Remedello, Cumagola) въ Италию извѣстны только могилы съ костями. Остатки сожженія мертвыхъ въ эту эпоху попадаются очень рѣдко, такъ напр. мы упоминали уже о находкахъ погребальныхъ урнъ въ культурныхъ ямахъ въ Bazzia de Campeggine, на стр. 152. Но въ эпоху металловъ уже преобладало сожженіе. Гробницы обитателей террамаръ были найдены во многихъ мѣстахъ, какъ напр. на Monte Lonato и въ Piétole въ пров. Мантуя, въ Crespellano (Болонья), въ Casinalbo, Coagezzo, Castellazzo, Bovolone, Crescenza, возлѣ Модены и пр. Кастельфранко описалъ въ послѣднее время подобныя мѣста погребенія, найденныя возлѣ Монза, съ плохими и поломанными бронзовыми предметами. Могилы этой эпохи заключаютъ въ себѣ вездѣ только остатки сожженія. Урны съ костями покойниковъ, иногда совершенно безъ всякихъ другихъ предметовъ, помѣ-

пались обыкновенно просто въ ямѣу, вырытую въ землѣ. Эти погребальныя урны обыкновенно бываютъ довольно большихъ размѣровъ, грубой работы и рѣдко съ украшеніями.

Къ бронзовому вѣку относится также и часть складовъ бронзовыхъ издѣлій, находимыхъ въ Италіи въ довольно большомъ количествѣ. Цаннони (Zannoni) различаетъ три вида ихъ: 1) небольшіеклады, спрятанные перекупщиками (сюда относятся напр. находки ножей въ Viadone, находки въ Castione dei Marchesi, Catinale, Montalto и т. п.); 2) болѣе значительныяклады купцовъ-литейщиковъ (находки въ Montepima, Livone, Goluzzo и Chiusi) и 3) большіе склады постоянныхъ мастерскихъ, какъ напр. складъ въ Castella di Pagge, въ Teti—въ Сардиніи и друг. мѣстахъ. Г. Эроли (G. Erolì) считаетъ впрочемъ всѣ эти виды находокъ за обѣтныя приношенія какому-то божеству.

Бронзовая культура длилась въ Италіи въ однихъ мѣстахъ болѣе продолжительное время, въ другихъ болѣе короткое. На сѣверѣ и въ мѣстахъ, гдѣ были богатые торговыя греческія колоніи, какъ напр. на о-вѣ Сициліи и въ южной Италіи, она была вытѣснена раньше, у племенъ же, находившихся внутри страны—позже. Въ сѣверной Италіи, по опредѣленію Конестабиле, могли въ Villanova относиться къ IX—X стол. до нашей эры. До извѣстной степени мы имѣемъ опредѣленіе продолжительности бронзоваго вѣка въ извѣстіи Плинія, по которому этрусскій вождь Порсенна заключилъ въ 507 г. до нашей эры договоръ съ римлянами о томъ, что они въ будущемъ не будутъ имѣть права употреблять желѣзо для выдѣлки оружія и орудій за исключеніемъ только сельско-хозяйственныхъ орудій *). Вѣроятно въ эту эпоху желѣзное оружіе начало уже входить въ употребленіе, и Порсенна, зная хорошо его преимущества передъ бронзовымъ, хотѣлъ задержать его распространеніе, поставивши подобное условіе въ мирномъ договорѣ. Въ извѣстіи этомъ во всякомъ случаѣ важно то, что уже до V стол. у римлянъ было оружіе и орудія изъ желѣза. Гораздо болѣе широкаго развитія, чѣмъ въ Италіи, достигла бронзовая культура во Франціи и прилегающей къ ней части Швейцаріи.

Она была принесена сюда главнымъ образомъ по средиземноморскому пути и несомнѣнно, что этому болѣе всего способствовала финнійская торговля британскимъ оловомъ. Торговля оловомъ происходила или морскимъ путемъ, или по сушѣ, но по морю сравнительно съ большимъ трудомъ. Дорога была далека, надо было пройти по всей его длинѣ Средиземное море, пробраться сквозь узкій Гибралтарскій проливъ, плыть вдоль всего восточнаго берега Испаніи и Галліи къ южнымъ берегамъ Британіи. Многіе при этомъ находили свою могилу въ

*) ... in foedere quod expulsis regibus populo romano dedit Porsenna nominatim comprehensum invenimus, ne ferro nisi in agri cultu uteretur (Plin. 34, 139).

бурныхъ водахъ Бискайскаго залива. Дорога по сушѣ была короче и удобнѣе. Суда приставали гдѣ нибудь въ устьяхъ Роны, и оттуда купцы пробирались по большимъ рѣкамъ и затѣмъ по материкъ къ сѣверо-западнымъ берегамъ, занимались тамъ своими торговыми дѣлами и возвращались той же дорогою назадъ. Эти живыя сношенія имѣли своимъ естественнымъ послѣдствіемъ процвѣтаніе бронзовой культуры въ Галліи и Британіи, достаточное для того, чтобы она достигла въ обѣихъ этихъ странахъ извѣстной самостоятельности и приняла своеобразный характеръ. Но все-таки ни французскія, ни англійскія бронзы не отличаются такою степенью оригинальности, какъ бронзы венгерскія и сѣверныя. Очень интересно то, что наибольшее количество находокъ было сдѣлано именно въ тѣхъ странахъ, черезъ которыя, какъ мы только-что сказали, направлялась торговля оловомъ, напр. по берегамъ Роны, Изеры, или на сѣверныхъ берегахъ Франціи, напр. въ Бретани. Въ первой изъ этихъ мѣстностей памятники бронзоваго вѣка были изслѣдованы Эрн. Шантромъ (E. Chantre), о второй же была издана недавно большая монографія Поля дю-Шателле (P. du Chatellier)²⁸³. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ Галліи существовалъ самостоятельный бронзовый вѣкъ и что мнѣніе Александра Бертрана (Alex. Bertrand), отрицающаго его и во Франціи и въ Швейцаріи,—лишено всякаго основанія.

А. Бертранъ признаетъ бронзовый вѣкъ только на сѣверѣ Европы, въ Венгріи и въ Испаніи. Французскія бронзы онъ считаетъ ввозными издѣліями, попадавшими во Францію не столько морскимъ путемъ, сколько сухопутнымъ, и именно дунайскимъ *), швейцарскія же или савойскія свайныя постройки были по его мнѣнію только торговыми станціями и складами перекупщиковъ бронзовыхъ издѣлій, какъ это раньше еще доказывалъ Дезоръ. Мнѣніе это ошибочно; бронзовый вѣкъ въ такомъ смыслѣ, какъ было установлено нами выше, существовалъ въ этихъ странахъ и продолжался довольно долго. Габр. де-Мортилье раздѣляетъ его на два періода, изъ которыхъ каждый онъ называетъ по имени наиболѣе выдающагося мѣстонахожденія: первый—болѣе древній моржскимъ (époque morgienne) отъ свайнаго поселенія въ Morges на Женевскомъ озерѣ и второй, позднѣйшій—ларнодскимъ (ép. larnaudienne) по мѣстности Larnaud въ юрскихъ горахъ **). По мнѣнію Мортилье издѣлія

---

*) Е. Шантръ, напротивъ, даетъ гораздо большее значеніе торговлѣ по Средиземному морю. Вліяніе дунайскаго пути обнаруживается въ Галліи только въ концѣ бронзоваго вѣка и главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ между Сеною и Луарою.

**) Габр. де-Мортилье дополняетъ свое раздѣленіе доисторическихъ временъ, первую половину котораго мы привели на стр. 29, относительно эпохи металловъ слѣдующимъ образомъ:

перваго періода отличаются тѣмъ, что они прежде всего литыя, тогда какъ во второмъ—они, напротивъ, кованыя. Это раздѣленіе, хотя Мортілье держится его и до сихъ поръ, не кажется намъ вполне удовлетворительнымъ, въ особенности относительно французско-швейцарскихъ бронзъ, которыхъ нельзя распредѣлять по способу работы на двѣ хронологически отдѣльных группы. Поэтому можетъ быть болѣе удачною слѣдуетъ признать классификацію Шантра, уже по одному тому, что онъ ограничивается меньшимъ, имъ самимъ хорошо обследованнымъ пространствомъ южной Франціи. На съѣздѣ въ Стокгольмѣ въ 1874 г. онъ предложилъ два подраздѣленія бронзоваго вѣка: 1) древнѣйшую эпоху, въ теченіе которой бронза доставлялась во Францію только путемъ торговли (сюда относится большая часть бронзовыхъ складовъ) и 2) позднѣйшую, въ теченіе которой бронза выдѣлывалась на мѣстѣ; сюда относятся свайныя поселенія на Буржетскомъ озерѣ и склады бронзо-литейныхъ мастерскихъ, найденные въ бассейнахъ Роны, Изеры и на Юрѣ, какъ напр. складъ въ Lagnaud. Позже, въ своемъ большомъ сочиненіи о бронзовомъ вѣкѣ южной Франціи Шантръ раздѣлилъ эпоху бронзы на древнѣйшій періодъ—севенскій (période sébenienne), средній и собственно бронзовый—ронскій (p. rhodanienne) и послѣдній мёрингенскій, составляющій переходъ къ желѣзному вѣку (p. moeringienne); къ этой группѣ относятся опять ларнодскій складъ и грезинское свайное поселеніе.

		Э п о х п.	Типическія мѣстонахожденія.
	Желѣзный вѣкъ.		
	Періодъ меровингскій.	Вабенская (vabenienne).	Могильникъ въ Вабенѣ (Waben) (Pas-de-Calais).
	Римскій періодъ.	Шандоленская (champdoléenne)	Могильникъ въ Champdolent (Seine et Oise).
		Люгдунская (lugdunienne).	Гор. Лионъ (деп. Роны).
	Періодъ галатско-этрусскій.	Беврейская (beuvrausienne).	Mont Beuvray (Nièvre).
		Марнская (Marnienne).	Гробницы въ деп. Марны.
		Галльштаттская (hallstattienne).	Гробн. въ Галльштаттѣ
Бронзовый вѣкъ.	Періодъ цыганскій.	Ларнодская (lagnaudienne).	Складъ найденный въ Lagnaud (Юра).
		Моржская (morgienne)	Свайное поселеніе воиъзъ Morges (cant. de Vaud).

Во Франціи бронзовый вѣкъ представленъ рядомъ складовъ, могилъ и свайными поселеніями въ Савойѣ. Севернскія стоянки почти неизвѣстны, за исключеніемъ стоянки въ Bois du Ros въ Vilhonpeur (деп. Шаранты). Между французскими складами обращаетъ на себя вниманіе прежде всего ларнодскій кладъ, найденный въ 1865 г. и заключавшій въ себѣ около 1.500 предметовъ; кладъ, найденный въ Petit-Vilaitte (деп. de Cher), заключалъ ихъ только 628. Другой кладъ той же эпохи былъ найденъ въ 1888 г. въ Plurien'ѣ (Côtes du Nord) съ 751 топоромъ съ втулкой, кромѣ множества обломковъ; затѣмъ другой кладъ въ Монпелье, въ Réallan (Hautes Alpes) съ характерными браслетами (рис. 192), въ Clouhars-Carnoët (Finistère) съ 203 бронзовыми топорами и т. д. Наибольшее количество ихъ было найдено въ бассейнѣ Роны и въ Бретани ²⁵⁴).

Рис. 192. Браслеты изъ реаллонскаго клада во Франціи (Hautes Alpes).

Свайныя постройки этой эпохи найдены были на Буржетскомъ озерѣ (гл. обр. въ Грезинѣ, Шатильонѣ и т. д.) Керамика не представляетъ здѣсь разнообразныхъ формъ. Сосуды по большей части чернаго цвѣта и полированы, иногда обложены оловомъ.

Гробницы бронзоваго вѣка по большей части еще мегалитическія. Теперь ихъ извѣстно уже болѣе ста съ большими находками бронзы и болѣе 250—если считать и гробницы съ мелкими вещами изъ того же металла. Онѣ разбросаны по слѣдующимъ 15-ти департаментамъ: Ardèche, Aveyron, Bouches du Rhône, Côtes-du-Nord, Finistère, Gard, Herault, Lot, Lozère, Maine et Loire, Manche, Oise, Haute Savoie, Tarn et Garonne, Vendée. Могилы безъ мегалитовъ, встрѣчающіяся во Франціи, по большей части относятся уже къ послѣдующимъ эпохамъ, хотя желѣзное оружіе въ теченіе еще очень долгаго времени существовало рядомъ съ бронзовымъ.

Съ французскимъ бронзовымъ вѣкомъ находится въ тѣсной связи и бронзовая эпоха Швейцаріи, такъ какъ бронзовая культура проникала въ эту страну съ запада по Ронѣ. Мы уже упоминали о томъ, что въ Швейцаріи свайныя поселенія каменной эпохи преобладаютъ на востокѣ, тогда какъ болѣе позднія—эпохи металловъ—многочисленнѣе на западѣ. Это географическое распредѣленіе можетъ быть вполне удовлетворительно объяснено тѣмъ, что бронзовая культура пришла въ Швейцарію не съ Востока, черезъ узкіе проходы Тироля, а съ запада, изъ Франціи и утвердилась прежде всего

въ западной половинѣ страны. О томъ, что это было именно такъ, свидѣтельствуесть тотъ фактъ, что въ альпійскихъ странахъ Австріи бронзовый вѣкъ, кажется, и вовсе не существовалъ. Кромѣ случайныхъ находокъ единичныхъ бронзовыхъ издѣлій тамъ неизвѣстны ни гробницы, ни клады, характерныя для этой эпохи. Въ Швейцаріи послѣдствіемъ такого хода культуры было то, что въ ней каменный вѣкъ въ теченіе извѣстнаго времени продолжался одновременно съ бронзовымъ. Въ то время, когда на западѣ распространялись уже новыя потребности, обитатели восточной половины приготовляли себѣ орудія еще по большей части изъ камня.

Внѣшній видъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ и жизнь въ нихъ мы не имѣемъ болѣе надобности описывать; они оставались вполне такими же, какъ и раньше²⁵⁵). Наружностью своею свайныя постройки бронзоваго вѣка очень немного отличались отъ болѣе древнихъ. Обыкновенно онѣ располагались довольно далеко отъ берега, на разстояніи отъ 200 до 300 метр.; сваи ихъ сравнительно съ прежними болѣе толсты, лучше обдѣланы, часто отесаны съ четырехъ сторонъ; хижины также были вѣроятно уже деревянныя. Это все отличія, зависѣвшія только отъ усовершенствованія орудій.

Каменнымъ топоромъ разумѣется нельзя было такъ работать, какъ металлическимъ. Но за то гораздо болѣе отличаются мѣстонахожденія позднѣйшихъ эпохъ своимъ инвентаремъ находокъ. Отъ бронзоваго вѣка въ Швейцаріи

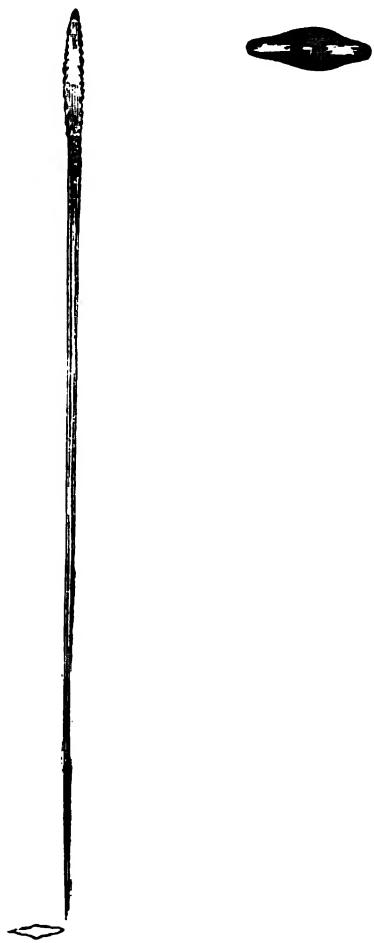
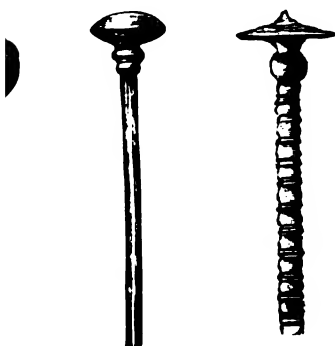

Рис. 193. Бронзовые мечи изъ Швейцаріи.

дметовъ, и Дезоръ совершенно справедливо въ одномъ только Бienenскомъ (Bieler-See) и мло, по словамъ Гросса, около 20.000 брон- и украшеній. Бронзовая индустрія проникла скоро сдѣлалась и мѣстною. Находки формъ

для отливки въ свайныхъ поселеніяхъ очень многочисленны. Матеріалъ, впрочемъ, долженъ былъ постоянно доставляться извнѣ. По мнѣнію маіора Tröltzsch швейцарскія мастерскія получали мѣдь скорѣе всего изъ рудниковъ возлѣ нынѣшняго Шесса (Chessy), находящагося къ сѣверу отъ Ліона, гдѣ велась также и торговля британскимъ оловомъ. Между предметами оружія особенно выдаются мечи троякаго вида: 1) съ плоскимъ клинкомъ и стержнемъ, къ которому я или костяная рукоятка; 2) съ бронзо- или деревомъ, — такъ наз. оверньер-овой рукояткой, украшенной различнымъ ий типъ. Разновидность этого послѣдняго на рукояткѣ два бронзовыхъ завитка (type 193).

ныи кинжалы, наконечники стрѣлъ и кошіи

вейцарскихъ свайныхъ построекъ.

ы съ однимъ лезвиемъ и двустороннія, то- иболѣе многочисленны кружки, браслеты

(рис. 194) и булавки (рис. 195). Фибулы обыкновенно не встрѣчаются. Сосуды—разныхъ формъ и часто украшены прямолинейнымъ орнаментомъ. Здѣсь также найдены были сосуды, выложенные оловянными пластинками.

Какъ въ Италіи и во Франціи, такъ и здѣсь можно прослѣдить развитіе бронзовой культуры и дѣлить находки хронологически на болѣе древнія и позднѣйшія. Между болѣе древними поселеніями этой эпохи особенно замѣчательно поселеніе въ Моржѣ (Morges, cant. de Vaud), на сѣверномъ берегу Женевского озера. Въ окрестностяхъ Моржа найдено было нѣсколько стоянокъ, между которыми одна неолитическая (station de l'Eglise), и затѣмъ большая стоянка, относящаяся къ концу бронзоваго вѣка, съ издѣліями ларнодскаго типа, и стоянка болѣе древняго характера бронзовой культуры (station de Rousseaux), по которой Габр. де Мортилье далъ названіе своей древнѣйшей бронзовой эпохѣ. Здѣсь были найдены въ большомъ количествѣ формы для отливки, глиняные круги, служившіе подставками для сосудовъ съ округленнымъ дномъ, каменные ступки, многочисленныя пряслицы и весь обычный инвентарь бронзоваго вѣка. Нѣсколько сюда же относящихся стоянокъ было найдено возлѣ Мерингена на Биеннскомъ озерѣ, въ Estavayer, Auvernier, Corcelettes на Невшатальскомъ озерѣ, возлѣ Montilier на Моратскомъ озерѣ и т. д., наиболѣе, какъ мы сказали уже, въ западной Швейцаріи. Но и въ восточной половинѣ Швейцаріи извѣстны также поселенія бронзоваго вѣка на озерахъ Боденскомъ, Цюрихскомъ (возлѣ Большого Гафнера, у Воллисофена) и проч. Изъ нихъ особенно замѣчательны воллисофенскія свайныя постройки.

Какъ мало намъ извѣстны въ Швейцаріи неолитическія гробницы, такъ же мало знаемъ мы и о гробницахъ бронзоваго вѣка. Во всякомъ случаѣ это по большей части могилы, содержащія въ себѣ кости. Первые доисторическія гробницы были найдены только въ 1876 году. Какъ-разъ возлѣ оверньерской свайной постройки была открыта громадная гробница съ остатками множества костей, о которой мы уже упоминали, описывая неолитическія свайныя поселенія. Подобныя же находки были сдѣланы въ Montreux въ 1881 г., въ Chamblades въ 1892 г., на Gärtensbergwaldъ (cant. Сен-Галленъ) и въ Согнаухъ возлѣ Невшателя, гдѣ были найдены могилы со скелетами, похороненными просто въ землѣ, вмѣстѣ съ разными предметами. Черепа этихъ могилъ совершенно сходны по своему типу съ тѣми немногими черепами, которые были найдены въ свайныхъ поселеніяхъ.

Какъ ни далеко находится Швейцарія отъ моря и какъ ни глубоко заброшена она среди горъ, но и въ ней мы можемъ прослѣдить южныя и восточныя вліянія, въ видѣ напр. кинжаловъ кипрскаго типа и имѣющихъ дугообразную форму итальянскихъ фибулъ. Въ швейцарскихъ мечехъ, очень похожихъ на галлыштатскіе, замѣчаются также слѣды восточнаго происхожденія.

личества гробницъ съ костями въ числу гробницъ съ остатками трупосоже-
нія измѣняется сообразно мѣстности. Сожженные кости находятся обыкновенно
въ урнахъ, накрытыхъ плоскими камнями; гораздо рѣже пепелъ бываетъ
вложенъ въ каменный ящикъ или просто высыпанъ на землю. Костяковъ
бываетъ въ могилахъ разное число, лежать они безъ всякаго опредѣленнаго
направленія, иногда на спинѣ, иногда на боку, но почти всегда съ сильно
пригнутыми колѣнями. Изъ 301 скелета, найденныхъ Gtenwell'емъ, только 4
были въ вытянутомъ положеніи.

Очень поражаетъ то обстоятельство, что англійскія могилы бронзового
вѣка отличаются сравнительной скудостью своего погребальнаго инвентаря.
особенно гробницы съ остатками трупосоженія. Бронзовые вилы, топоры
и наконечники стрѣлъ и копій встрѣчаются во всей Великобританіи, мечи
главнымъ образомъ въ Шотландіи. Украшенія очень рѣдки и мелки (рако-
вины, булавки, пуговицы, серьги) и попадаются только въ женскихъ гробни-
цахъ; золотыя вещи незначительны и чрезвычайно рѣдки, но янтарь попа-
дается сравнительно часто. Эта бѣдность поражаетъ, особенно если мы при-
мемъ въ соображеніе, что именно югъ Великобританіи снабжалъ всю Европу
оловомъ.

Зато керамика чрезвычайно многочисленна и представляетъ тѣ же ориги-
нальныя формы, съ какими мы уже познакомились въ предыдущую эпоху.
Всѣ сосуды сдѣланы грубо, отъ руки, и орнаментация ихъ, довольно прими-
тивная, состоитъ только изъ надрѣзанныхъ черточекъ. Сосуды никогда не бы-
ваютъ раскрашены; но интересно, что уже въ эту эпоху, въ нѣкоторыхъ
мѣстностяхъ здѣсь вытискивали на днѣ сосудовъ съ внутренней стороны
знаки наподобіе креста, главнымъ образомъ въ Суссексѣ, Дорсетширѣ и
Уилтъширѣ. Чаще всего встрѣчаются извѣстныя кружеобразныя формы (см.
рис. 91).

Однимъ изъ наиболѣе изслѣдованныхъ могильниковъ представляется группа
bagtown, открытая генераломъ Питтъ-Риверсомъ въ Рупморѣ. Нѣкоторыя мо-
гилы оказались пустыми, другія заключали въ себѣ остатки погребенія, чаще
всего урны съ пепломъ; скелеты попадались очень рѣдко ²⁵⁷). Самыя могилы
состояли изъ ямъ, вырытыхъ въ мѣловомъ слоѣ почвы. Положенные съ по-
койниками предметы были немногочисленны: черепки, кремневые осколки и
разные обломки бронзы. Подобныя же могилы съ бронзовыми предметами
были найдены въ Уильбери (Wilbury), Weawerthorp'ѣ, Cowlam'ѣ (East-Ri-
ding), Rudstone'ѣ, Aldbourn'ѣ, Hinton Down'ѣ (Wiltshire) и др. мѣстахъ.

Населеніе этой эпохи жило въ селеніяхъ, но продолжало мѣстами искать
пріюта и въ пещерахъ, естественныхъ или вырубленныхъ нарочно въ извест-
няковыхъ скалахъ. Одна изъ такихъ искусственныхъ пещеръ, въ которой
жили люди бронзового вѣка, была найдена въ Дургэмскомъ графствѣ. Она

была вся наполнена разными отбросами, но кромѣ того оказалось и большое количество цѣлыхъ орудій и сосудовъ. Вѣроятно, она была покинута внезапно своими обитателями.

Испанія. Последней страной на средиземно-морскомъ пути бронзовой культуры былъ Пиренейскій полуостровъ, нынѣшнія Испанія и Португалія. И здѣсь существованіе бронзоваго вѣка также доказано, главнымъ образомъ, раскопками братьевъ Сирэ ²⁶⁸). На широкой полосѣ восточнаго побережья между Альмеріей и Картагеней братья Сирэ нашли рядъ сельбищъ, изъ которыхъ 15 они относятъ къ неолитической эпохѣ, 7 къ переходной мѣдной и остальные 6 къ бронзовой. Въ Испаніи восточное влияніе замѣчается

Рис. 196. Погребеніе въ большомъ сосудѣ въ Испаніи (по Сирэ)

сильно и въ искусствѣ, и въ металлической индустріи. Здѣсь, какъ мы уже упоминали выше, было основано много финикійскихъ колоній, и мы едва ли ошибемся, если отнесемъ разные признаки прогресса въ строительномъ искусствѣ насчетъ вліянія этихъ колоній, такимъ же образомъ, какъ это было

сдѣлано нами относительно каменныхъ построекъ въ Сардиніи и въ Сициліи. Въ средней и сѣверной Европѣ мы не знаемъ даже слѣдовъ каменныхъ построекъ этой эпохи, тогда какъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ Греціи, въ Италіи, на островахъ, въ Карфагенѣ и т. д. постройки изъ камня съ извѣстностью въ это время начинаютъ уже преобладать. Въ Испаніи постройки, причисляемыя братьями Сирѣ къ бронзовому вѣку, были также сложены изъ камня, и цѣлыя деревни были обнесены въ эту эпоху каменными стѣнами. Въ жилищахъ было найдено множество разныхъ предметовъ, главнымъ образомъ орудій и оружія изъ мѣди и бронзы, а также много керамическихъ издѣлій.

Къ той же эпохѣ относятся и около 1.300 найденныхъ Сирѣ гробницъ со скелетами; изъ нихъ до 150 заключали въ себѣ скелеты, зарытые просто въ землю, столько же—положенные въ каменные камеры, всѣ же остальные, т. е. гораздо большая часть, представляютъ собою новый способъ погребенія: покойники были помѣщены въ очень большіе сосуды съ сферическимъ дномъ и въ такомъ видѣ зарыты въ землю (рис. 196). Этотъ особенный видъ погребенія составляетъ новое доказательство того сильнаго вліянія, какому подвергалась испанская культура бронзового вѣка со стороны финикіянъ *). Съ этимъ погребальнымъ типомъ мы встрѣчаемся какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ въ пуническихъ гробницахъ, открытыхъ въ окрестностяхъ древняго Карфагена, гдѣ этотъ способъ хоронить умершихъ удержался, несмотря на всѣ превратности судебъ, даже до христіанской эпохи (могильникъ въ Сфаксѣ). Въ каждомъ сосудѣ бываетъ одинъ или два скелета въ скорченномъ положеніи, обыкновенно мужской и женскій, и большое количество мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ, принесенныхъ въ даръ покойникамъ: у мужчинъ топоръ и кинжалъ (върѣдка мечъ), у женщинъ—ножъ и шило. Очень многочисленны ожерелья изъ металлическихъ, каменныхъ и т. п. бусъ, браслеты и серьги. Иногда попадаетъ и серебро, желѣзо же вполне отсутствуетъ.

Многіе изъ предметовъ, положенныхъ съ покойниками, носятъ на себѣ отпечатокъ восточнаго происхожденія, напр. мечи и кинжалы съ ровнымъ остріемъ, съ которыми мы уже встрѣчались въ Микенахъ и въ Сициліи. Подобный мечъ и два своеобразные типа кинжаловъ изображены на рис. 197. Керамика тоже очень своеобразна, особенно одна группа сосудовъ наподобіе широкихъ чашъ, иногда довольно большихъ размѣровъ (рис. 197).

Кромѣ гробницъ съ костями въ Испаніи встрѣчаются также и остатки трупосожженія, въ погребальныхъ урнахъ. Наибольшее количество этого рода гробницъ находится въ Гренадѣ и въ Альмеріи.

*) Въ Алжирѣ, напр. возлѣ Бискры и Шераги, также были найдены могильники съ костями въ большихъ сосудахъ. Нѣкоторые дикари, какъ напр. ко-роводы, тапуны, юмы — въ Бразилии и до сихъ поръ погребаютъ такъ своихъ мертвыхъ.

Испаніей мы заканчиваемъ рядъ европейскихъ странъ, въ которыя бронзовая культура проникла, по нашему мнѣнію, прежде всего по Средиземному морю,—тѣмъ путемъ, который мы можемъ назвать средиземноморскимъ.

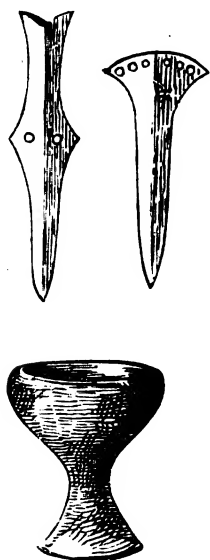
Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Греція, южная Италія съ Сициліей и Сардинія, представляютъ несомнѣнные слѣды явственнаго восточнаго вліянія.

Но вскорѣ новая культура проникла и въ страны болѣе отдаленныя отъ береговъ Средиземнаго моря, и проникла опять-таки съ Востока, но уже другимъ путемъ, менѣе намъ извѣстнымъ, вѣроятно все же черезъ Черное море. Она принесла съ собою основы бронзовой индустріи въ Венгрію, въ сѣверную Италію, на Балканы, затѣмъ на Сѣверъ и далеко на Западъ Европы. Изъ странъ, которыя обязаны происхожденіемъ своей бронзовой культуры вполне или преимущественно этому новому, не средиземноморскому пути, на первомъ мѣстѣ стоитъ нынѣшняя Венгрія и части сѣверной Европы: Данія и югъ Скандинавіи.

Венгрія. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся знатоковъ бронзовой культуры въ Европѣ, датскій археологъ Софусъ Мюллеръ пред-

Рис. 197. Бронзовый мечъ, кинжалы и сосудъ изъ Испаніи (съ оригиналовъ Британскаго музея).

ложилъ теорію, по которой бронзовая культура въ Венгріи²⁵⁹) является только этапомъ культуры, проникавшей съ Востока черезъ Грецію и черезъ Балканы на сѣверъ, другими словами, что венгерская бронзовая культура ведетъ свое начало отъ греческой и очень близка къ скандинавской. Въ противоположность этому, раньше еще, Ворсо, а въ последнее время, на основаніи собственныхъ изслѣдованій, Сомбати (I. Szombaty)—смотреть совершенно иначе на происхожденіе венгерской бронзовой культуры; ихъ взглядъ поддерживается и д-ромъ Гернесомъ. Венгрія была богата мѣдью, и когда появилась бронза, во всей Европѣ не было вѣроятно мѣста болѣе благоприятнаго для развитія бронзовой индустріи, чѣмъ эта страна. Конечно, бронзовая культура не могла явиться здѣсь сразу въ той степени совершенства, въ какой мы видимъ ее въ витринахъ пештскаго музея; она началась, несомнѣнно, съ болѣе простыхъ формъ, изъ которыхъ только впоследствии развились оригинальные типы, представляющіе совершенно мѣстный характеръ. Большой заслугой Сомбати было то, что онъ первый доказалъ находками существованіе двухъ періодовъ бронзоваго вѣка въ Венгріи: болѣе древняго, небогатаго, характеризуемаго плю-

ками топориками, треугольными клинками кинжаловъ безъ рукояти, двусторонними бритвами, и позднѣйшаго—когда прежніе типы развились въ роскошные топоры со втулкой, появились мечи, фибулы и т. п. Этотъ позднѣйшій періодъ впрочемъ уже совпадалъ съ началомъ желѣзнаго вѣка въ сѣверныхъ юго-западныхъ странахъ, съ такъ назыв. галльштатскимъ періодомъ. Этому хронологическому дѣленію соответствуетъ до извѣстной степени и географическое распредѣленіе находокъ. Дунай раздѣляетъ Венгрію на двѣ большія части, изъ которыхъ западная бѣдна находками, а сѣверо-восточная напротивъ,—очень богата. Гернесъ сближаетъ это съ хронологическимъ дѣленіемъ Сомбати, полагая, что въ западную часть Венгрии желѣзная культура успѣла проникнуть раньше, а поэтому бронза и не успѣла дойти тамъ до своего полного расцвѣта, до котораго она дошла въ сѣверо-восточной Венгрии.

Типы бронзовыхъ издѣлій, съ которыми мы встречаемся въ венгерскихъ находкахъ очень своеобразны. Здѣсь выработался особенный видъ мечей съ рукояткой, заканчивающейся полукруглымъ вырѣзомъ (рис. 198), кинжаловъ подобной же формы, большое количество топоровъ со втулками, простыхъ и искусно отдѣланныхъ, наконецъ, топоровъ-молотовъ съ насадкой для топорика и шляпкой по другую сторону лезвия (рис. 199). Топоры эти иногда такъ тонки и изящны, что едва ли могли служить настоящимъ оружіемъ или орудіемъ, а вѣроятно употреблялись только какъ украшеніе или какъ отличительный знакъ воина, подобно тому, какъ и до сихъ поръ въ Венгрии носятъ на палкахъ «фокоши», у словаковъ такъ наз. «валишени», а у гуцуловъ «келепи» или «топорці». Подобные топоры кромѣ Венгрии найдены были еще въ Буковинѣ, а затѣмъ въ Швеции и въ Чехіи, какъ напр. въ кладѣ возлѣ Крштенова и Либоховицы (рис. 200), въ послѣднее время еще на Шибениакѣ и Тржиблицѣ и въ курганѣ на Уславѣ. Очень красивы венгерскіе браслеты и фибулы.

Браслеты сдѣланы изъ мѣдныхъ прутьевъ или пластинокъ, скрученныхъ спиралью (рис. 201), причемъ нерѣдко тонкіе концы этихъ пластинокъ бываютъ скручены въ отдѣльные конически сдвигающіеся завитки. Фибулы дѣлались

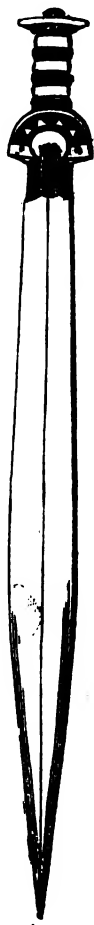

Рис. 198. Бронзовые мечи изъ клада, найденнаго въ вѣ Вельке (комит. Spis) въ Венгрии.

первоначально из проволоки и имѣли форму, представленную на рис. 202. Этотъ основной типъ развился впоследствии въ разнообразныя формы посредствомъ искуснаго загиба согнутой части фибулы или же прибавкой разныхъ подвѣсокъ (рис. 203).

Происхожденіе этихъ венгерскихъ фибулъ не выяснено съ достовѣрностью. Въ своей основной формѣ онѣ сходны съ болѣе древними греческими и итальян-

Рис. 199. Орнаментированный топоръ-молотокъ изъ Puszta Sz. Király, Пештскаго комитата.

скими фибулами и возможно, что во всѣ эти страны форма эта проникла съ сѣвера Балканъ. Венгерскій типъ фибулъ попадаетъ со всеми своими осложнениями и въ странахъ сосѣднихъ съ Венгріей, въ Штиріи, Нижней Австріи,

Рис. 200. Топоръ-молотъ венгерскаго типа, найденный воевъ Либовицъ въ Чехіи.

Чехіи, даже въ Силезіи и Познани, но только въ гробницахъ начала желѣзнаго вѣка (Maria-Rast, Stillfried, Hadersdorf, Zabogowo) и поэтому является болѣе позднимъ, чѣмъ бронзовый вѣкъ средней Европы.

Изъ прочихъ предметовъ въ Венгріи очень многочисленны ножи, бритвы, наконечники копій со втулкой, подобные же наконечники стрѣлъ, разные

спиральные украшенія (спирали изъ проволоки здѣсь вообще очень многочисленны), массивные съ тонкой рѣзбой браслеты, булавки, покрытыя украшеніями подвѣски къ конской сбруѣ (рис. 204) и т. п.

Венгерскія находки бронзоваго вѣка заключаются главнымъ образомъ въ

Рис. 201. Браслетъ.

кладахъ, состоявшихъ или изъ прекрасныхъ готовыхъ издѣлій или изъ слитковъ бронзы и предметовъ недоделанныхъ или старыхъ, поломанныхъ, назначавшихся вѣроятно для переливки. Клады первого рода были найдены напр. въ Hajdu Bösszörmény — съ бронзовой чашей галльштатскаго типа и 20 мечами, въ Kurd'я, съ 14 желобчатыми бронзовыми ведерками, въ Podhering'я, Zsujtá, Rimavska Sobota и т. д.; клады второго рода въ Domohida, Bodrog, Felső-Dobsza и пр. Всего ихъ было найдено около 160-ти. Наибольшимъ складомъ изломанныхъ

Рис. 202. Фibuла.

Рис. 203. Фibuлы.

вещей оказалась находка въ Hammersdorf'я въ Трансильваніи, заключавшая въ себѣ до 400 килогр. бронзовыхъ фрагментовъ.

На ряду съ этимъ множествомъ кладовъ почти ступеваются другія венгерскія мѣстопогребенія (пещера, въ которой обитали люди бронзоваго вѣка, была найдена въ Банлакѣ бигарской жупы) и могильники этой эпохи.

Мѣста погребенія, которыя могутъ быть отнесены къ этой

эпохѣ, за немногими исключеніями, какъ напр. въ Sümegh'я, заключаютъ въ

изъ могилъ, въ которыхъ содержащія, т. е. принадлежать къ типу такъ о которыхъ подробности мы будемъ говорить. Гампель относитъ ихъ къ числу на погребальныхъ урнахъ найдена была бронза. Но этого рода предметовъ, положенныхъ вмѣстѣ съ костями покойниковъ, встрѣчается такъ немного, что мы не можемъ сдѣлать никакого рѣшительнаго заключенія о томъ, какіе изъ нихъ принадлежатъ бронзовому вѣку и какіе болѣе поздней эпохѣ. Къ бронзовому вѣку относятся вѣроятно могильники въ Larijtö (новоградскаго комитата) съ гробницами, состоящими изъ каменныхъ плитъ, могилъ возлѣ Mohi, Ондрашовець, Великой Леготы и Ниллс (боршодскаго ком.), часть пилинком.), открытаго въ 1867 года баромогильникѣ найдено было множество копій, серповъ, ножей, но все это въ выныя приношенія, изготовлявшіяся спе-

съ венгерскія сорныя кучи или террамары, что нѣкоторые выдающіеся изслѣдователи съ венгерскими и даже полагаютъ, принадлежать одному и тому-же народу, пелин. Если-бы это оказалось справедливымъ, то-бы намъ нѣсколько болѣе раннюю ступеньности и свойственна всему началу (Pulzsky) сближаетъ ее еще съ каменистыми расположены въ видѣ многочисленныхъ кучающихся по альфельдской низменности. , какъ и итальянскія террамары. Обилии свои кухонные отбросы подъ своимъ образомъ мало-по-малу накоплялись кучи евъ, достигающихъ иногда, какъ напр. 10 метровъ въ діаметрѣ и до 8 метр.

вышины. Люди, набросавшіе эти кучи, были охотниками и рыбаками. Орудія и керамика во всѣхъ слояхъ одинаковы. Очень интересны глиняныя фигурки домашнихъ животныхъ, представляющія особенность стоянокъ по среднему теченію Дуная. Каменные наконечники стрѣлъ приготавливались въ большомъ количествѣ изъ обсидіана, добывавшагося въ то-кайскомъ округѣ. Наибольшей извѣстностью изъ этихъ сорныхъ холмовъ пользуется Kuczoró возлѣ Töszög'a, затѣмъ пригорки возлѣ Tisza-Földvár, Szébereny, Aldožd-Halom возлѣ Nagy-Rév, Kerek-Tetők возлѣ Tisza-Ugh, Asott-Halom возлѣ Tisza-Füred, Szihalom въ боршодской жупѣ и мног. друг. Венгерскія террамары во всякомъ случаѣ еще не достаточно изслѣдованы, а потому и отношеніе ихъ къ прочимъ мѣстонахожденіямъ еще недостаточно опредѣлено. Впервые о нихъ поднять вопросъ на пештскомъ археологическомъ съѣздѣ, а затѣмъ онѣ наиболѣе были изслѣдованы Ундсетомъ ²⁶⁰).

Рис. 205. Типическій сосудъ изъ венгерской террамары (Lapos-Halom) въ Töszög'ѣ.

Бронзовый вѣкъ въ Венгріи во многихъ отношеніяхъ представляется еще загадкой и предметомъ ученыхъ споровъ. Мы упоминали уже о томъ, что Софусъ Мюллеръ считаетъ его продолженіемъ греческой бронзовой культуры и такимъ образомъ относитъ еще къ средиземноморскому теченію. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бронзовая культура Венгріи подвергалась извѣстнымъ влияніямъ съ юга, но несомнѣнно также и то, что въ большей степени и даже преимущественно Венгрія обязана своей бронзовой культурой восточному дунайскому пути, теченію черноморскому, которое изъ внутренней Азіи, берегомъ Каспійскаго моря, перешло въ Закавказье, а оттуда или прямо по Черному морю къ берегамъ Болгаріи и къ устьямъ Дуная, или же черезъ кавказскую горную цѣпь и вдоль береговъ Кавказа въ южную Россію. Принявъ здѣсь въ себя элементъ третьяго уральскаго теченія, оно, вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, направилось къ западу и вышло на большую дорогу Дуная. По этой рѣкѣ бронзовая культура подвигалась быстро впередъ; Дунай уже съ незапамятныхъ временъ былъ главнымъ путемъ, по которому шли съ востока въ среднюю Европу и мирная торговля и бурныя военныя вторженія. Разумѣется, недостаетъ еще очень многого для того, чтобы указать съ полной достовѣрностью распространеніе этого влиянія по средней Европѣ, но мы убѣждены въ томъ, что будетъ найдено достаточно археологическихъ доказательствъ существованія этого культурнаго теченія.

Самъ С. Мюллеръ, какъ было уже сказано на стр. 216, нашелъ явственныя черты сходства между венгерскими бронзовыми древностями и сибирскими, изъ чего пришелъ даже къ заключенію о средне-азиатскомъ происхожденіи бронзовой культуры. Съ другой стороны и Фр. Пульскій, связывающій

бронзовый вѣкъ въ Венгріи съ приходомъ туда новаго населенія, также полагаютъ, что это новое населеніе пришло откуда-то изъ Ирана, съ Паропамиза, вдоль береговъ Чернаго моря.

Вотъ откуда по нашему мнѣнію и появились главныя основы бронзовой культуры въ Венгріи. Мы не утверждаемъ, что бронзовая культура пришла въ Венгрію исключительно только черноморскимъ путемъ, но полагаемъ, что этотъ путь много способствовалъ ей, что путь этотъ, во всякомъ случаѣ, здѣсь существовалъ. Расцвѣту бронзовой культуры въ Венгріи много содѣйствовали также и вліянія съ другихъ сторонъ, съ Сѣвера, съ Балканъ, изъ Италіи. Фибулы и затѣмъ желобчатые кисты и ситуты служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что во время существованія въ Италіи жѣлѣзнаго вѣка, оттуда начало распространяться вліяніе его и на Венгрію. Болѣе древнія вліянія усматриваютъ Ундсетъ и Сомбаты, напр. въ перенесеніи формы мечей изъ Греціи.

Другою областю, гдѣ бронзовая культура достигла необычайнаго расцвѣта, былъ Сѣверъ Европы, главнымъ образомъ Данія со своими островами и Скандинавія ²⁶¹). Но было-бы ошибочнымъ предполагать, что здѣсь она явилась самостоятельнымъ центромъ или результатомъ собственнаго культурнаго движенія. Оставляя въ сторонѣ своеобразныя мѣстныя формы, въ которыхъ является намъ скандинавская бронзовая культура и присматриваясь къ болѣе древнимъ и простѣйшимъ типамъ ея издѣлій, мы видимъ, что развитію ея способствовали вліянія съ разныхъ сторонъ: изъ южной Германіи, Швейцаріи, Италіи, Венгріи, съ Востока и Средней Азіи; нѣтъ даже недостатка въ издѣліяхъ чисто восточныхъ. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь слѣды обоихъ теченій бронзовой культуры, и кромѣ того, безъ всякаго сомнѣнія, еще и вліяніе третьяго прямаго теченія, шедшаго изъ Сибири и вообще Средней Азіи черезъ Россію на западъ. Южныя вліянія доказаны были Ворсо, Соф. Мюллеромъ, Ундсетомъ и Монтеліусомъ. Наиболѣе древнія скандинавскія фибулы имѣли свое начало на югѣ Европы; мечи съ бронзовой рукояткой сдѣланы по венгерскимъ или южно-германскимъ образцамъ, швейцарскія формы встрѣчаются очень часто въ кладахъ, покрытые орнаментомъ топоры, спиральныя браслеты—венгерскаго происхожденія. Съ юга были принесены затѣмъ нѣкоторые виды щитовъ и бронзовыхъ сосудовъ (главнымъ образомъ котелковъ съ двумя подвижными ручками) истадская (Ystad) бронзовая повозочка, одинъ видъ крышекъ, ножи съ однимъ остриемъ и т. п., какъ это все указано Соф. Мюллеромъ въ его сочиненіи о скандинавской бронзовой культурѣ. Съ этрусками, впрочемъ, какъ это думали доказать Гостманъ и Линденшмитъ, сѣверная бронзовая культура не имѣла ничего общаго. Но съ западомъ (Британіей) было достаточно соприкосновеній, хотя, по мнѣнію С. Мюллера, оттуда и не были заимствованы образцы бронзовыхъ

издѣлій. Здѣсь вліянія были скорѣе обратными. Дѣло въ томъ, что у обитателей скандинавскихъ странъ уже въ бронзовомъ вѣкѣ было развито мореходство, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя изображенія лодокъ съ гребнями, вырѣзанныя на бронзовыхъ орудіяхъ и на скалахъ въ Богусленѣ (Bohuslän), и они на такихъ лодкахъ, подобно тому, какъ и въ позднѣйшія времена, разѣзжали по Сѣверному и Балтійскому морямъ и поддерживали сношенія съ Британіей. Возможно также, что въ эпоху расцвѣта бронзовой культуры скандинавы и сами заботились о доставкѣ матеріаловъ—мѣди и олова—изъ Корнуэльса.

Наиболѣе сильнымъ вліяніемъ было однако южное. Сношенія съ югомъ продолжались въ теченіе долгаго времени. Необходимо замѣтить, что эпоха бронзы была на сѣверѣ еще въ полномъ расцвѣтѣ, когда остальная Европа перешла уже въ желѣзный вѣкъ. До сихъ поръ невозможно еще вполне объяснить, почему желѣзо не проникало такъ долго на сѣверъ, не смотря на то, что съ юга доходили туда многіе элементы начала желѣзнаго вѣка, какъ напр. многочисленные предметы галльштаттской эпохи (бронзовые котелки и кисты, бронзовые пояса съ тонкой орнаментацией, стилизованныя фигурки птицъ и рогатыхъ животныхъ, мечи, полныя внутри гривны и т. д.). Ундсетъ полагаетъ, что восточно-скандинавская бронзовая культура является продуктомъ желѣзной галльштаттской культуры,—явленіе, подобное тому, какое мы видѣли уже въ Венгріи. Южныя вліянія не были переносимы на сѣверъ новыми переселявшимися народами, но передавались торговыми сношеніями по великимъ воднымъ путямъ—Рейну, Эльбѣ, Одеру и Вислѣ *).

По нашему мнѣнію, сношенія юга съ сѣверомъ, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, съ неолитической эпохи, поддерживались главнымъ образомъ торговлей янтаремъ, которая, судя по всѣмъ признакамъ, достигла своего наибольшаго расцвѣта именно въ теченіе бронзоваго вѣка ²⁶²). Янтарныя подвески или украшенія, въ неолитическую эпоху бывшія, кромѣ самыхъ мѣстонахожденій янтара, очень рѣдкими (напр. во Франціи), въ бронзовомъ вѣкѣ становятся очень многочисленными, и мы можемъ сказать смѣло, что они распространялись по Европѣ наравнѣ съ бронзовыми издѣліями **).

Янтарь и бронза шли по свѣту, такъ сказать, рука объ руку.

Янтарь—это отвердѣвшая смола ископаемыхъ хвойныхъ деревьевъ. Она встрѣчается въ видѣ безформенныхъ кусковъ чаще всего въ нижнихъ (оли-

*) Тамъ не менѣе нѣкоторые, какъ напр. Соф. Мюллеръ, опираясь на измѣненіе погребальнаго ритуала, сопровождающее проникновеніе бронзовой культуры на сѣверъ, допускаютъ, что по крайней мѣрѣ въ известной части (восточной) Скандинавіи она появилась вмѣстѣ съ новымъ населеніемъ.

**) Очень интересно прослѣдить, какъ Монтелиусъ въ скандинавскихъ гробницахъ, а Ольсгаузенъ въ амрумскихъ, находилъ постоянно меньшее количество янтарныхъ украшеній, чѣмъ было ихъ въ позднѣйшихъ гробницахъ. Зато увели-

гоценовыхъ) третичныхъ пластахъ, прозрачна, съ жирнымъ блескомъ и красиваго желтаго цвѣта. Въ Европѣ янтарь находили уже въ древности во многихъ мѣстахъ, въ Италіи, Сициліи, Испаніи (онъ встрѣчается также во многихъ мѣстностяхъ Австріи и въ Румыніи *)), но главнымъ образомъ на плоскихъ песчаныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Отсюда ведутъ свое происхожденіе почти всѣ янтарныя украшенія, находимыя въ Европѣ при раскопкахъ. Итальянскія мѣстонахожденія остались почти вовсе не тронутыми торговлей; янтарь, добывавшійся въ нихъ, не пользовался, повидимому, распространеніемъ. Гельмъ ²⁶³⁾ доказалъ, что по своему химическому составу итальянскій янтарь (симетитъ) отличается отъ сѣвернаго (сукцинита), главнымъ образомъ процентнымъ содержаніемъ янтарной кислоты (отъ 4 до 7%), которой вовсе нѣтъ въ янтарѣ изъ Аппенинъ, находимомъ въ Scanella въ долині Сатты и Силлара. Впрочемъ археологическія находки этой страны еще очень мало изслѣдованы, но въ сдѣланныхъ до сихъ поръ раскопкахъ встрѣчался вездѣ янтарь сѣвернаго происхожденія. Такимъ образомъ, и янтарные предметы микенскихъ находокъ и позднѣйшихъ болонскихъ, по изслѣдованіямъ Гельма—балтійскаго происхожденія, а не аппенинскаго и не сицилійскаго, и служатъ для насъ однимъ изъ наилучшихъ доказательствъ древней торговли янтаремъ. Даже и тотъ янтарь, который былъ найденъ въ египетскихъ гробницахъ V-й династіи, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, признается за янтарь сѣверный.

Торговля янтаремъ достигла своего расцвѣта въ бронзовомъ вѣкѣ и процвѣтала еще въ началѣ желѣзнаго. Она не прекращалась также и въ римскую эпоху и даже позже. Наиболѣе древнее письменное извѣстіе о торговлѣ сѣвернымъ янтаремъ было открыто Оппертомъ въ клинообразной надписи на ассирійскомъ обелискѣ, хранящемся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Болѣе позднее свидѣтельство представляетъ собою упоминаніе Плинія по извѣстію Питея. Германскія племена, говоритъ онъ, живущія на сѣверномъ побережьи, собирали янтарь на берегу моря и продавали его другимъ германскимъ племенамъ, а тѣ доставляли его главнымъ образомъ въ Паннонію, откуда уже венецы переносили его на югъ, къ Адріатическому морю. Побережье, гдѣ добывался янтарь, находилось, по словамъ Плинія, въ 600.000 шагахъ отъ города Карнунта, и еще во времена Плинія жилъ одинъ римскій патрицій, который былъ сосланъ Нерономъ на янтарные берега, и привезъ

чивалось въ Амрумъ количество бронзы и золота, особенно небольшихъ золотыхъ свертковъ, что очень хорошо объясняется возрастаніемъ вывоза янтара на югъ и обмѣномъ его на южно-европейскія золото и бронзу.

*) Въ Россіи, кромѣ Курляндіи, янтарь довольно впрочемъ плохого качества и въ небольшомъ сравнительно количествѣ встрѣчается въ пескахъ по среднему теченію Днѣпра.

Прим. переводч.

оттуда въ Римъ кусокъ янтара, вѣсившій 13 фунтовъ. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, что торговля янтарею продолжалась еще въ эпоху цезарей, служить складъ мастерской янтарныхъ подвѣсокъ, открытый въ 1886 г. въ торфяникѣ въ Бельгардѣ, въ Помераніи. Онъ состоялъ изъ 800 янтарныхъ подвѣсокъ и кусковъ необдѣланнаго янтара, а также заключалъ въ себѣ множество бусъ изъ глины, стекла и эмали, бронзовые предметы и двѣ римскія монеты Веспасіана и Фаустины. О томъ, что балтійскія мѣстонахожденія янтара разрабатывались еще въ V столѣтіи нашей эры, мы имѣемъ свидѣтельство Кассіодора, по словамъ котораго балтійское племя эстевъ послало королю остготовъ Теодориху дары, состоявшіе изъ янтара. Наконецъ, еще въ средніе вѣка, въ эпоху процвѣтанія арабской торговли, янтарь по прежнему вывозился оттуда.

Эта торговля не производилась, какъ думали прежде, только морскимъ путемъ, ея нельзя приписывать финикіянамъ, которые будто-бы перевозили янтарь съ береговъ Давія черезъ Ламаншъ и Гибралтарскій проливъ въ восточныя страны Средиземнаго моря. Возможно, конечно, что часть этой торговли и шла этимъ путемъ, но большая часть ея все-таки производилась сухимъ путемъ, а именно или по Рейну до Галліи, и по Ронѣ до Массиліи, или вдоль Эльбы, Одера, черезъ Баварію, Чехію или Моравію, къ Дунаю, къ Карнунту и оттуда или нѣсколькими путями къ Адриатическому морю или по Дунаю—къ Черному.

На балтійско-адриатическомъ пути настаивалъ особенно Гельбигъ, но уже работами Генте (Genthe) и затѣмъ дебатами, веденными на сѣздѣ въ Стокгольмѣ 1874 г., было доказано, что надо искать еще одного торговаго пути далѣе къ Востоку. Находки греческихъ монетъ служатъ наиболѣе вѣрнымъ доказательствомъ существованія этихъ дорогъ, по которымъ навѣрно еще финикіяне перевозили запасы янтара и бронзы. Такимъ образомъ, Генте, слѣдя за находками монетъ, прослѣдилъ одинъ путь, шедшій отъ восточнаго берега Балтійскаго моря, черезъ Познань, Силезію, Моравію, Венгрію и Сербію до Македоніи. Южнымъ исходнымъ пунктомъ была вѣроятно Халкида и островъ Тазосъ. Съ этого острова происходитъ самая большая часть найденныхъ на этомъ пути монетъ, главнымъ образомъ тетрадрахмъ съ головой Вакха и съ изображеніемъ Геракла.

Другою болѣе восточною дорогою, о которой часто забываютъ, но которая была также очень важною и много служившею для торговли, былъ путь, выходившій отъ устьевъ Днѣпра (или Днѣстра) и шедшій вдоль его теченія на сѣверъ, гдѣ онъ уклонялся къ р. Сану, притоку Вислы и оттуда далѣе по Вислѣ спускался къ Балтійскому морю. Недалеко отъ Шубина были найдены греческія весьма древнія монеты. Еще одна дорога отдѣлялась отъ верхняго теченія Днѣпра къ Нѣману.

Эти двѣ послѣднія дороги соединяли главнымъ образомъ Сѣверъ съ Востокомъ, и ими пользовались, можетъ быть, еще финнікіяне. Поэтому не удивительно, что вмѣстѣ съ позднѣйшими слѣдами греческаго вліянія мы встрѣчаемся на сѣверѣ и со слѣдами болѣе древняго, непосредственно восточнаго вліянія; ножъ, найденный въ Даніи, о которомъ мы упоминали уже (рис. 144), затѣмъ стекляныя бусы, раковины «каури» и цѣлый рядъ разныхъ признаковъ ²⁶⁴⁾ служить этому доказательствомъ.

Посредствомъ этихъ-то торговыхъ путей, полагаемъ мы, и проникла бронзовая культура на сѣверъ, въ Данію и Скандинавію, и тамъ достигла небывалой высоты самостоятельнаго процвѣтанія. Появленіе ея произошло, по мнѣнію Монтелиуса, почти въ половинѣ II-го тысячелѣтія до нашей эры, а процвѣтаніе ея продолжалось около 800 лѣтъ, еще въ тѣ времена, когда южная и средняя Европа находилась уже въ желѣзномъ вѣкѣ. По мнѣнію Софуса Мюллера, ова появилась нѣсколько позже, а именно между 1000 и 500 годами до нашей эры.

О. Монтелиусъ, въ своемъ большомъ сочиненіи «*Antiquités suédoises*», раздѣляетъ бронзовую эпоху Скандинавіи на 6 подъ-эпохъ ²⁶⁵⁾, но по нашему мнѣнію достаточно удовлетворительно и болѣе простое раздѣленіе, предложенное имъ позже въ своей болѣе сжатой книгѣ «*Om litvet i Sverige under hednatiden etc.*». По этому раздѣленію, предлагавшемуся и раньше другими сѣверными учеными, какъ напр. Ворсо (на съѣздѣ въ Стокгольмѣ въ 1874 г.) и Гильдебрантомъ, принимаются двѣ эпохи бронзового вѣка. Первая изъ нихъ, болѣе древняя, характеризуется прежде всего погребальнымъ обрядомъ: мертвыхъ въ это время хоронили въ землѣ, какъ и въ каменномъ вѣкѣ; бронзовые предметы, находимые возлѣ скелетовъ, украшены по большей части тонкой рѣзной работою, орнаментомъ въ видѣ тонкихъ спиральныхъ или зигзаго-ломанныхъ линій. Въ теченіе второй, болѣе поздней эпохи бронзового вѣка, преобладаетъ новый погребальный обрядъ, трупосоженіе, при чемъ пепелъ собирали въ урны и помѣщали въ гробницахъ. На бронзовыхъ предметахъ замѣчается уже другой орнаментъ, другой пошибъ. Вырѣзанная спираль исчезаетъ, но за то концы украшеній бывають закручены въ массивныя завитки, какъ напр. у фибулъ (рис. 208), бритвъ (рис. 206) и браслетовъ.

О томъ, что первая эпоха бронзового вѣка предшествовала второй и что въ теченіе первой эпохи мертвыхъ зарывали въ землю, а во второй сожигали—свидѣтельствуютъ прямо нѣкоторыя находки въ могилахъ, въ которыхъ на днѣ помѣщается древнѣйшая гробница со скелетомъ, а надъ нею выше—позднѣйшее погребеніе, въ видѣ остатковъ трупосоженія (какъ напр. возлѣ Dömmerstorp'a на остр. Аландѣ).

Гробницы представляютъ собой по большей части курганы, насыпанные изъ песку, глины и камня надъ каменными камерами или надъ простыми ямами,

выкопанными въ землѣ. Внутри ихъ помѣщаются или скелеты или сожженные кости въ сосудѣ или безъ сосуда. Погребальныя урны часто бываютъ прикрыты мискообразной покрывкой и представляютъ собой сосуды грубой работы и безъ всякихъ украшеній. Мегалитическія гробницы, дольмены и т. п. въ эту эпоху уже вышли изъ употребленія.

Кромѣ гробницъ очень важны также и клады, какъ предметовъ годныхъ къ употребленію, такъ и поломанныхъ. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и

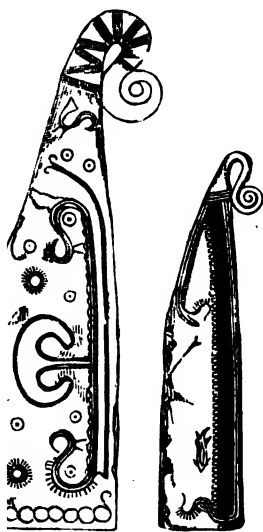

Рис. 206. Орнаментированныя бронзовыя бритвы изъ Даніи.

здѣсь клады эти имѣютъ различное значеніе. Одни изъ нихъ представляютъ собою склады торговцевъ и литейщиковъ (найлены были напр. въ Smögrumövr'ъ, Laaland-Falster'ъ, Store Waldby, возлѣ Norre-Hylling'a и въ др. мѣстахъ); другіе, меньшіе, съ предметами болѣе разнообразными, но болѣе дорогими, показываютъ очевидно, что они представляли собой запасы отдѣльныхъ лицъ. Послѣдніе (depôts) подали поводъ ко многимъ различнымъ толкованіямъ (ср. стр. 235—236). Соф. Мюллеръ полагаетъ, что это запасы вещей, предназначавшіеся владѣльцами ихъ для самихъ себя, для пользованія ими на томъ свѣтѣ и закопанныя съ этой цѣлью ими самими. Но возможно, что это просто склады имущества, скрытые въ виду приближенія непріятели и т. п.

Склады поломанныхъ вещей найдены были въ Bräcke (Dalsland), въ Alsed'ъ (Vestergötaland), въ Fredshög'ъ, Odarslöf'ъ (Скандія), Rygaard'ъ, Oes-

лѣтъ и т. д. Бронзовые издѣлія изъ складовъ и изъ могилъ сдѣланы обыкновенно весьма искусно. Тонкость стѣнокъ сосудовъ или литыхъ, полыхъ внутри топоровъ (со втулкой) поражаетъ часто своимъ совершенствомъ. Встрѣча-

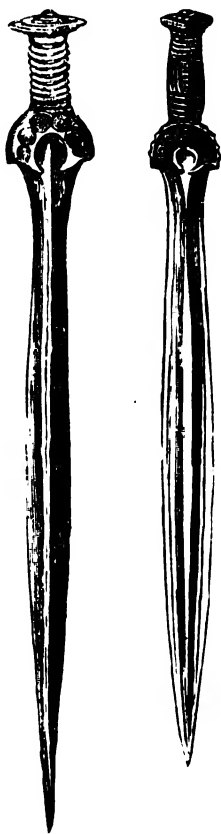

Рис. 207. Бронзовые мечи изъ Даніи.

ются также орудія и оружіе, выложенныя янтаремъ или другимъ смолистымъ веществомъ, а также листками золота. Наибольше впрочемъ преобладаютъ простая рѣзба и выбитый орнаментъ.

Главнымъ оружіемъ былъ топоръ, плоскій и съ втулкой, всѣхъ типовъ, установленныхъ нами по Мортилье. Мечи и кинжалы отличаются богатой орнаментацией, съ рукоятками, типы которыхъ изображены на рис. 207. Рѣже встрѣчается другой типъ, очевидно занесенный изъ Швейцаріи. Найдены были также деревянные ножны. О скандинавскихъ ножахъ, о бритвахъ съ художественной рѣзбой, представляющей по большей части изображенія лодокъ съ гребцами, мы упоминали уже ранѣе (см. рис. 206). Но мы встрѣчаемся здѣсь и съ нѣкоторыми своеобразными частями вооруженія. Въ Даніи были найдены фрагменты бронзовыхъ шлемовъ, въ Швеціи и Даніи,—боевые рога. Щиты, судя по рисункамъ и находкамъ, употреблялись въ большомъ количествѣ. Ихъ выдѣлывали по большей части изъ дерева или нѣсколькихъ слоевъ кожи, которую сверху еще раскрашивали; рѣже дѣлали ихъ изъ бронзы. Прекрасный бронзовый щитъ былъ найденъ въ торфяникѣ въ Naskhällе возлѣ Варберга въ 1865 г.

Скандинавскія фибулы произошли скорѣе всего изъ извѣстныхъ уже намъ примитивныхъ южноевропейскихъ формъ. Онѣ обыкновенно состоятъ изъ двухъ частей. Украшенная выгнутая часть фибулы отдѣлена отъ иглы, а эта послѣдняя только на нее надѣта. Нѣкоторые типы имѣютъ определенное мѣстное распространеніе. Одинъ изъ нихъ, встрѣчающійся между прочимъ и въ Чехіи (рис. 208), попадаетъ только въ Сканиіи и на о-въ Борнгольмъ. Другой типъ, позднѣй-

шій, и по мѣнѣ Соф. Мюллера происходящій изъ восточной Германіи (дол. Одера), изображенъ на стр. 234. Кромѣ фибулъ въ Скандинавіи очень многочисленны браслеты, діадемы, перстни, булавки, мѣдные обручи (гривны), гребни,

Рис. 208. Фибула съвернаго тока изъ Слатеницъ, въ Моравіи.

пуговики, удила и пр. Украшенія кромѣ бронзы бываютъ и золотыя, но за то серебро отсутствуетъ совершенно.

Счастливымъ случай доставилъ возможность еще ближе заглянуть въ бытовую обстановку обитателей Даніи бронзового вѣка. Благодаря ему, мы имѣемъ нѣкоторые свѣдѣнія и объ ихъ одеждѣ, которая приготовлялась, кромѣ звѣриныхъ кожъ, и изъ шерсти, а изрѣдка и изъ льна, и сшивалась при помощи бронзовыхъ

Рис. 209. Шерстяныя шапки изъ кургана въ Гавдрупѣ (Ютландія).

иголъ. Нѣчто въ родѣ шерстяной шапки было найдено въ 1869 г. въ могилѣ возлѣ Dömmerstorp'a (Аландъ), но еще ранѣе, въ 1861 г., въ Даніи, въ могилѣ «Treenhöi» въ Гавдрупѣ былъ найденъ гробъ, сдѣланный изъ двухъ половинъ выдолбленнаго дубоваго ствола *), и въ немъ муж-

*) Подобные гробы извѣстны уже съ неолитической эпохи въ Великобританіи (wooden coffin): въ Дорсетширѣ, Йоркширѣ и др. мѣстахъ. Позже они употреблялись еще чаще; примѣры этого мы находимъ въ бронзовомъ вѣкѣ въ Мекленбургѣ—въ Руховѣ, въ Россіи въ курганахъ въ Смѣлѣ (Сміла) Киев. губ., на Юрьевскомъ холмѣ около Житомира. Въ Великобританіи, по словамъ Райта, (Wright) они держались до римской и даже англо-саксонской эпохъ, въ Вест-фаліи до XI ст. нашей эры, какъ свидѣтельствуютъ могильники въ Buderich's, Rhynegh's, Serpenrad's, Borghorst's, Nottuln's, уже христіанской эпохи ²⁸⁶). Въ Шлезвигѣ и Голштиніи подобные гробы VIII стол. нашей эры были

ской скелетъ съ одеждой, удивительно сохранившеюся благодаря дѣйствию дубильной кислоты. Это былъ гробъ воина. На головѣ у него была шерстяная шапка (рис. 209), на плечахъ короткій плащъ (рис. 210) и нѣчто въ родѣ кафтана, подпоясаннаго поясомъ (рис. 211), шаль, на ногахъ шерстяные чулки и остатки кожаной обуви, сбоку мечъ (рис. 207, съ правой стороны), и въ ногахъ ящичекъ съ другой шапкой, гребнемъ (рис. 212) и ножомъ. Все это было завернуто въ бычачью шкуру.

Подобный же гробъ былъ найденъ въ 1871 г. въ могилѣ Bogum-Eshoi, въ Ааргузѣ въ Ютландіи. Въ немъ оказался скелетъ женщины, одѣтой въ шерстяное платье, съ бронзовымъ кинжаломъ

Рис. 210. Шерстяной плащъ изъ могилы въ Гавдрупѣ (Ютландія).

возлѣ тѣла. Оружіе за поясомъ у женщины представляетъ собою явленіе довольно необычное, но именно въ Даніи это часто встрѣчается. Кромѣ бронзовыхъ кинжаловъ были въ ходу искусно сдѣланные кинжалы изъ кремня.

Монтелиусъ сближаетъ эти находки вооруженныхъ женщинъ съ разсказами объ амазонкахъ.

Къ бронзовому вѣку относятся безъ сомнѣнія и изображенія, которыя мы находимъ вырѣзанными на скалахъ, главнымъ образомъ въ округѣ Богуслена (Bohuslän) и въ восточномъ Готландѣ²⁶⁷). Что эти изображенія относятся къ описываемой эпохѣ, а не къ болѣе позднимъ—доказывается рисунками топоровъ и прежде всего типомъ мечей, совершенно сходныхъ съ мечами, находимыми въ гробницахъ, и наконецъ полнымъ отсутствіемъ письменъ. Въ желѣзномъ вѣкѣ, какъ мы увидимъ далѣе, появляются въ Скандинавіи первыя письмена, такъ наз. руны. Эти-же изображенія представляютъ собой, вѣроятно, одинъ изъ видовъ такъ наз. фигурнаго письма, какія-нибудь записи, сдѣланныя на память славныхъ подвиговъ, сраженій и т. п. Предметомъ

найденъ Лоренцомъ въ Именштедтѣ, Ольсгаузенѣ—въ Езенхугъ на Амрумѣ и въ Швеціи, гдѣ ихъ впрочемъ былъ найденъ цѣлый рядъ (въ Сканиі, Аландѣ, Вестерготландѣ, Эстерготландѣ и др.), относящійся уже вѣроятно къ XII стол.

этихъ изображеній чаще всего бываютъ именно военныя сцены. Воины представлены съ мечами или бронзовыми топорами на рукояткахъ (рис. 213); очень часто встрѣчаются также изображенія военной ладьи (рис. 214), изъ кото-

Рис. 211. Шерстяной кафтанъ и шаль изъ могилы въ Гавдрупъ (Ютландія).

рыхъ видно, что ладьи той эпохи имѣли высоко поднятый носъ и корму, заканчивавшіеся иногда подобіемъ звѣриной головы. Мачты и паруса отсутствуютъ совершенно; повидимому, для передвиженія лодокъ пользовались тогда только веслами.

О хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ въ эту эпоху мы можемъ составить себѣ понятіе также изъ указанныхъ изображеній, и кромѣ того объ этихъ занятіяхъ свидѣтельствуютъ и находимыя въ гробницахъ кости животныхъ, многочисленные серпы и камни для перетиранія зеренъ. Нѣкоторыя находки открыли намъ и другія стороны тогдашней общественной жизни. Въ 1845 г. въ гробницѣ въ Гвидсгардѣ, близъ Кодана былъ найденъ сожженный прахъ какого-то лѣкаря или чародѣя. Кромѣ оружія при немъ находился кожаный мѣшечекъ съ разными мелкими предметами, между прочимъ съ хвостомъ пресмыкающагося, птичьимъ когтемъ, челюстью бѣлки, клещиками, ножичками, осколками кремня и т. п.

212. Бронзовый гребень изъ могилы въ Говдрупъ (Ютландія).

Софусъ Мюллеръ и Ундсетъ раздѣляютъ скандинавскую область бронзовой культуры на двѣ половины, на западную часть, къ которой относятся въ сѣверной Германіи нынѣшній Ганноверъ, Голштинія, Мекленбургъ, затѣмъ

Данія съ островами Фіоніей, Зезеландомъ, Борнгольмомъ и южная Швеція, и восточную, обнимающую восточную Швецію, и лежащую противъ нея часть материка, Померанію съ Бранденбургомъ. Эта послѣдняя часть находится въ

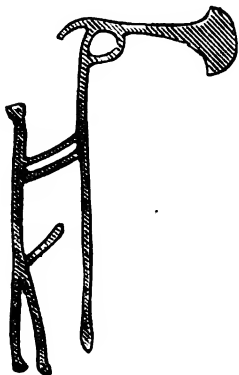

Рис. 213. Изображеніе на скалѣ, представляющее мужчину съ топоромъ (Bohuslän).

очень тѣсной связи съ Чехіей и съ Венгріей. Восточная группа представляется болѣе поздней, бронзовая культура развилась въ ней, вѣроятно, позже и продолжалось болѣе короткое время, скоро уступивъ затѣмъ свое мѣсто желѣзу. О. Монтелиусъ видитъ въ этихъ географическихъ группахъ С. Мюллера только группы хронологическія.

Только что названная полоса сѣверно-нѣмецкихъ земель, изъ которыхъ бронзовая культура проникла двумя указанными теченіями на сѣверъ, естественно должна быть также причислена къ области скандинавской культуры. Южнѣе рас-

положенныя германскія страны, а также Чехія и Моравія составляютъ только переходъ между сѣверной областью и областью южно-европейской или венгерской. Въ средней Европѣ нѣтъ нигдѣ такой развитой и свособразной бронзовой культуры, какъ въ Венгріи и на Сѣверѣ.

Въ Сѣверной Германіи бронзовая культура, по мнѣнію Ундсета, была распространена главнымъ образомъ въ Ганноверѣ, Голштиніи, Помераніи и Мекленбургѣ. Всѣ эти страны принадле-

Рис. 214. Изображеніе на скалѣ, представляющее ладью съ воинами (Bohuslän).

жатъ къ скандинавской области бронзовой культуры. Мѣста погребенія въ этихъ странахъ главнымъ образомъ—курганы; слѣды трупосожженія, зарытыя въ землю погребальныя урны безъ всякой насыпи надъ

ними — здѣсь почти вполне отсутствуютъ. За то уже въ Бранденбургѣ и въ области лужичанъ мы встрѣчаемся съ вполне развитымъ бронзовымъ въ-

комъ, въ пѣлыхъ поляхъ погребальныхъ урнъ, и хотя мы и можемъ здѣсь констатировать слѣды вліянія одновременной южной бронзовой культуры, но желѣза въ нихъ еще не встрѣчаемъ. Напротивъ, Ундсетъ еще 10 лѣтъ тому назадъ предполагалъ, что во всей восточной Германіи, въ Силезіи, Познани, Западной и Восточной Пруссіи и прилегающихъ къ ней балтійскихъ провинціяхъ Россіи не существуетъ вовсе настоящихъ гробницъ бронзоваго вѣка, въ которыхъ желѣзо было-бы вещью, никогда не встрѣчающеюся. Находки бронзы ограничивались здѣсь только кладами. Но съ того времени многое выяснилось, и теперь не подлежитъ

сомнѣнію, что съ успѣхами детальнаго мѣстнаго изученія, вродѣ того, какое было сдѣлано наприимѣръ Лиссауэромъ для Пруссіи, существованіе въ этихъ странахъ бронзоваго вѣка сдѣлается болѣе очевиднымъ. О восточныхъ частяхъ нынѣшней Германіи мы упомянемъ далѣе. Здѣсь же коснемся еще въ короткихъ словахъ южно-германскихъ странъ по Дунаю, главнымъ образомъ Швабіи и Баваріи ²⁶⁸). Характеръ бронзоваго вѣка южной Германіи относится по мнѣнію маіора Трѣльче (Tröltsche) вполнѣ къ области средиземноморского пути бронзовой культуры. Тамъ былъ найденъ цѣлый рядъ кладовъ въ Вюльфлингенѣ на берегахъ Рейна, въ Акенбахѣ, въ Пфефтингенѣ— въ Швабіи и т. д. Въ послѣднемъ оказались вещи вполнѣ мѣстнаго характера, общаго всему Вюртембергу, Гогенцоллерну и Баденскому герцогству. Трѣльче даетъ этому типу предметовъ названіе «швабскаго».

Большій интересъ представляетъ бронзовая культура Баваріи. Кромѣ цѣлага ряда кладовъ, зарытыхъ торговцами и литейщиками (въ Пфаффенгофенѣ было наприимѣръ найдено до 300 экземпляровъ большихъ шейныхъ обручей, подобныхъ найденнымъ въ Вагендорфѣ близъ Бергена), большое значеніе имѣютъ баварскія гробницы этой эпохи. I. Науэ, изслѣдовавшій около сотни гробницъ въ Верхней Баваріи и въ другихъ мѣстностяхъ, раздѣляетъ баварскій бронзовый вѣкъ на два періода: древнѣйшій и болѣе поздній ²⁶⁹). Въ теченіе обоихъ періодовъ надъ могилами дѣлались насыпи, очень тѣсно одна отъ другой. Въ первомъ періодѣ мертвыхъ хоронили несожженными, и надъ могилой дѣлали насыпь изъ нѣсколькихъ (чаще всего 5-ти) слоевъ камня, перемежающихся со слоями глины. Высота этихъ насыпей различна, окружность—отъ 25 до 80 шаговъ. Обстановка погребеній довольно бѣдна: бронзовыя діадемы, шейныя цѣпочки, булавки для закалыванія одежды, браслеты, пояса, въ позднѣйшихъ могилахъ и перстни (между прочимъ и на пальцахъ ногъ), украшенія и ножи изъ литой бронзы; оружіе еще рѣдко—чаще треугольные кинжалы и топоры; мечей и наконечниковъ копій не встрѣчается. За то здѣсь очень многочисленны янтарныя украшенія; а также сосуды, которые отличаются впрочемъ грубымъ орнаментомъ. Во второмъ періодѣ насыпи надъ могилами устраивались уже только изъ камня и притомъ безъ правильныхъ слоевъ, и самыя могилы содержатъ только пепелъ сожженныхъ тѣлъ, съ положенными вмѣстѣ съ нимъ болѣе многочисленными и разнообразными предметами. Кромѣ поименованныхъ выше, здѣсь появляются уже мечи, бронзовыя наконечники копій и особые изогнутые ножи. Орнаментъ на нихъ глубже, характернѣе и сдѣланъ литьемъ. Сосуды, особенно погребальныя урны, искусной работы и украшены чаще всего орнаментомъ изъ «волчьяго зуба» и зигзаговъ; поверхность ихъ иногда покрыта графитомъ. Позднѣйшіе орнаментированы также треугольниками и кружками. Янтарь въ этомъ періодѣ встрѣчается уже рѣдко. Кромѣ гробницъ, въ Ба-

варія къ бронзовому вѣку относится также цѣлый рядъ стоянокъ, между которыми особенно замѣчательна свайная постройка на западномъ берегу острова Верта (Wörth) или «Розоваго острова», на Вюрмскомъ озерѣ.

Въ альпійскихъ провинціяхъ Австріи бронзоваго вѣка вѣроятно или вовсе не было или продолжительность его была такъ невелика, что бронзовая культура тамъ не успѣла развиться и не оставила сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ. Намъ по крайней мѣрѣ неизвѣстно никакихъ значительныхъ находокъ, и все найденное ограничивается нѣсколькими кладями. За то эти мѣстности отличаются весьма развитою культурою начала желѣзнаго вѣка.

Изъ австрійскихъ земель имѣли свой бронзовый вѣкъ только мѣстности, лежащія по Дунаю, главнымъ образомъ Нижняя Австрія ²⁷⁰⁾. Здѣсь эта эпоха представлена или кладами, какъ напримѣръ мейерсдорфскимъ, новомѣстскимъ, штокерскимъ, или могилами съ костями или съ остатками трупосоженія. Мы видимъ и здѣсь, что въ болѣе древній періодъ бронзоваго вѣка еще удерживался обрядъ погребенія, свойственный каменному вѣку, и поворотъ къ сожиганію мертвыхъ наступилъ только въ продолженіе бронзоваго вѣка. Рѣшительное доказательство этому представляетъ могильникъ въ Гемейнлеборнѣ, на тульнскомъ полѣ, возлѣ Трейсмауэра, изслѣдованный Сомбати. Могилы въ немъ оказались обоихъ родовъ — съ костями и съ остатками трупосоженія. И въ тѣхъ и въ другихъ было найдено множество бронзовыхъ предметовъ: топоровъ, кинжаловъ, браслетовъ, булавокъ и украшеній; о томъ, что здѣсь были вліянія и съ сѣвера и съ юга, свидѣлствуютъ фибулы и керамика. Найдены были тамъ также, но только вмѣстѣ съ скелетами, и фибулы подобныя пескіерскимъ и другимъ современнымъ итальянскимъ (фибулы съ дужкой); фибулы же гробницъ съ остатками трупосоженія имѣютъ совсѣмъ другой типъ и напоминаютъ двойныя сѣверныя фибулы. Вѣроятно, въ болѣе древнія времена здѣсь было больше сношеній съ Югомъ, а въ болѣе позднія — съ Сѣверомъ. Древнѣйшая керамика также напоминаетъ намъ типы, съ которыми мы встрѣчались въ итальянскихъ террамарахъ.

Скелеты, небольшого роста, съ длинноголовыми черепами лежатъ обыкновенно въ этихъ могилахъ на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи; нѣкоторые изъ нихъ были погребены даже въ вполнѣ сидячемъ положеніи. Гробницы съ остатками сожженія представляютъ собой ямы съ пепломъ или съ погребальными урнами, вокругъ которыхъ было поставлено по нѣскольку меньшихъ сосудовъ. Въ двухъ случаяхъ гробницы съ остатками трупосоженія оказались помѣщенными въ болѣе древнихъ могилахъ съ костями.

Къ тому-же бронзовому вѣку принадлежатъ и курганы въ Винкларнѣ, возлѣ Амштеттена.

Переходимъ затѣмъ къ славянскимъ землямъ.

Чехія и Моравія имѣли свой бронзовый вѣкъ, хотя можетъ быть и не настолько своеобразный, какъ въ другихъ странахъ. Вполнѣ точная оцѣнка бронзового вѣка въ Чехіи еще не можетъ быть сдѣлана, такъ какъ одна важная группа мѣстонахожденій здѣсь еще очень мало изслѣдована, равно какъ и могилы югозападной Чехіи, но во всякомъ случаѣ, въ существованіи нѣкогда бронзового вѣка въ Чехіи не можетъ быть сомнѣній. Часть предметовъ этой эпохи, очевидно, привозилась изъ другихъ странъ, въ особенности древнѣйшіе изъ нихъ. Но было бы слишкомъ смѣло утверждать, какъ это дѣлаетъ напримѣръ профессоръ Смоликъ, что всѣ бронзовые предметы, найденные въ Чехіи, иноземнаго происхожденія ²⁷¹). Едва-ли можно сомнѣваться, что мало по малу и мѣстное населеніе Чехіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, научилось готовить себѣ бронзовые издѣлія, и что даже странствовавшіе торговцы и литейщики могли быть отчасти и изъ туземцевъ. Въ известной части чешскихъ находокъ мы встрѣчаемся уже съ развитой бронзовой культурой, и этого достаточно, чтобы мы могли съ полнымъ правомъ говорить о бронзовомъ вѣкѣ въ Чехіи.

Рис. 215. Браслетъ изъ Кштеновскаго клада въ Чехіи.

Находки бронзовой эпохи въ Чехіи представляютъ собой главнымъ образомъ кладъ съ большимъ количествомъ предметовъ; между ними особенно обращаютъ на себя вниманіе кштеновская находка (въ мѣстн. Kítěnov) съ бронзовыми топорами венгерскаго типа, въ мѣстности Kítěno (возлѣ Loupy), съ массивными спиральными браслетами (рис. 215), пальставами, погребушкой, удилами; находка въ Тамашовѣ (пальставы), затѣмъ находки ічневская, колинская, габартницкая, плавницкая, въ которыхъ попадались тѣ особенныя булавки кипрскаго типа (рис. 216), о которыхъ мы уже упоминали на стр. 206, находки въ Пасекѣ, въ Собехлебѣ, возлѣ Подборжанъ, возлѣ

Гусина, Церкевецъ, Чичовицъ, Солянь, Собеницъ и т. д. Складъ поломанныхъ серповъ былъ найденъ въ Лажанахъ, возлѣ Хомутова, другой подобный-же складъ на Стражѣ, возлѣ Радетицъ, въ Рыдце, возлѣ Литомержицъ, и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Моравіи сюда относятся напр. кладъ бронзовыхъ шейныхъ обручей въ Славковѣ (90 шт.), въ Годонинѣ (около 600), складъ разныхъ вещей въ Слатеницахъ, съ фибулой сѣвернаго типа, меньшіе клады въ Глубочанахъ, Манковицахъ, Лесовицахъ, Брумловѣ, Власатицахъ и т. д. Въ Моравіи вообще преобладаютъ въ такихъ кладахъ массивные шейные обручи въ родѣ изображеннаго у насъ на рис. 217, назначеніе которыхъ съ точностью неизвѣстно *)²⁷².

Гораздо важнѣе чешскіе могильники. Уже въ заключающихъ въ себѣ скелеты неолитическихъ гробницахъ, попадаютъ то здѣсь, то тамъ мелкіе бронзовые предметы, какъ напр. въ Ловозицкомъ могильникѣ (ср. рис. 97). Бронза проникла въ

Рис. 216. Булавки Кипр-скаго типа изъ Пловни-наго клада въ Чехіи.

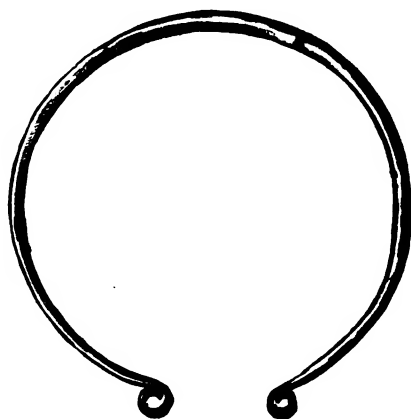

Рис. 217. Шейный обручъ (гравна) изъ Собехлебскаго клада въ Чехіи.

Чехію, какъ и въ другія мѣстности, вѣроятно всего путемъ торговли съ юга, изъ Венгріи, а можетъ быть также и съ сѣверо-востока. Выше мы уже упоминали о томъ, что черезъ Чехію по Эльбѣ и черезъ Моравію къ бассейну

*) Назначеніе этихъ бронзовыхъ обручей до сихъ поръ еще очень спорно. Сомнѣніи съ большинствомъ прочихъ археологовъ считаютъ ихъ шейными обру-

Одера проходили главные торговые пути, пересѣкавшіе среднюю Европу и соединявшіе сѣверъ ея съ Италіей. Неудивительно поэтому, что между чешско-моравскими древностями мы находимъ слѣды того и другого вліянія—сѣвернаго и южнаго. Такъ въ Чехіи были найдены скандинавскія фибулы въ гробницахъ возлѣ Брозанекъ, въ кладахъ въ Слатеницахъ (рис. 218), возлѣ Чепъ, въ Прасколесихъ, Прачовѣ, браслеты въ Жегушицахъ, венгерскія фибулы въ Вокковицахъ, возлѣ Обжанъ въ ямахъ у Видгостицъ, у Падебрада, браслетъ въ Слатеницахъ и т. д.

Топоры венгерскихъ типовъ были найдены въ гробницахъ въ Пильзенскомъ округѣ, въ Шаркѣ, въ Бштеновѣ, въ могилахъ съ костями возлѣ Тшиблицъ (ср. стр. 289). Керамика намекаетъ на сношенія съ Италіей. Сосуды съ ушкомъ, выбѣгающимъ кверху двумя рожками (рогатое ушко, *ansa cognata, lunata*), характерные для итальянскихъ террамаръ, попадаютъ въ Чехію спорадически отъ конца неолита до начала желѣзнаго вѣка (въ городищѣ въ Рживначи, возлѣ Богницъ, въ Шаркѣ, на Гродкѣ, въ Чаславѣ, въ могилахъ у Розтокъ, въ культурныхъ ямахъ въ Подбабѣ, въ могилахъ изъ каменныхъ плитъ возлѣ Вельваръ и т. п.) Южныя вліянія замѣчаются также въ сосудахъ съ высокими ушками и въ нѣкоторыхъ видахъ орнаментации.

Чешскія могилы бронзоваго вѣка могутъ быть съ удобствомъ раздѣлены на двѣ главныхъ группы: 1) группу могилъ съ костями, унетицкаго типа

Рис. 218. Фибулы изъ клада въ Слатеницахъ.

и 2) группу могилъ съ остатками трупосожженія, главнымъ образомъ въ югозападной Чехіи. Могилы другихъ типовъ имѣютъ второстепенное значеніе. Первая группа была изслѣдована въ новѣйшее время д-ромъ Matiegka²⁷³⁾

чами (*torques*, гривнами); Вольдржихъ принималъ ихъ прежде за украшенія конской сбруи, теперь же думаетъ, что они употреблялись для разныхъ цѣлей. Возможно также, что это было только грубо приготовленные слитки бронзы, приспособленные для продажи и служившіе матеріаломъ для дальнѣйшихъ издѣлій. Подобные современные желѣзные обручи авторъ видѣлъ въ Британскомъ музеѣ; тамъ они африканскаго происхожденія и употребляются у племени Бари.

и отличается слѣдующими признаками: скелеты лежатъ въ ямахъ, или просто выкопанныхъ въ землѣ, или обложенныхъ большими камнями, на правомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи. Правая рука обыкновенно подложена подъ голову, лѣвая—находится возлѣ головы или на животѣ. Положенные съ покойникомъ предметы очень характерны и состоятъ изъ бронзы и сосудовъ. Кромѣ рѣдко встрѣчающихся треугольных кинжаловъ съ гвоздиками попадаются въ большомъ количествѣ особенныя булавы съ отогнутымъ въ сторону остриемъ и часто съ головкой на подобіе обращеннаго вер-

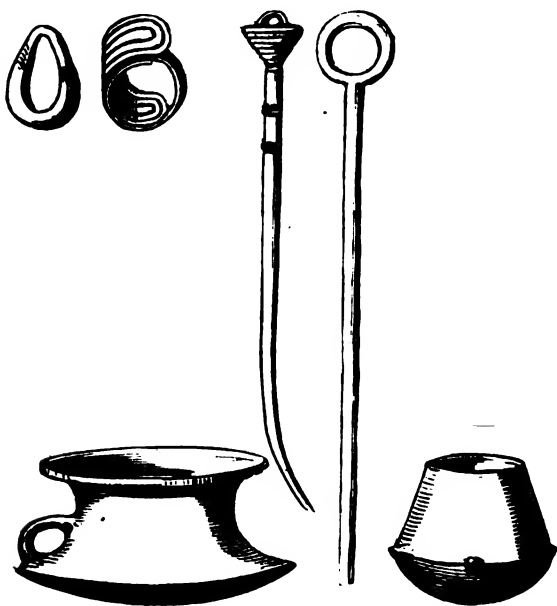

Рис. 219. Типическіе предметы изъ уретицкихъ гробницъ въ Чехин.

шиною внизъ конуса, къ основанію котораго придѣлано сверху ушко. Браслеты свертывались первоначально изъ проволоки и были достаточно широкими, позже ихъ стали дѣлать массивными и желобчатыми—причемъ то, что ранѣе достигалось обвиваніемъ проволоки, стало воспроизводиться орнаментацией. Другія украшенія—серьги, перстни и пр. тоже готовились сначала большей частью изъ крученой проволоки (ср. рис. 219). Очень многочисленны также янтарныя украшенія, главнымъ образомъ въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ, отполированныхъ и просверленныхъ кусочковъ, которые носились на кускѣ ткани, повѣшенномъ на шею. Съ янтарными подвѣсками чередуются иногда трубочки, свернутыя изъ бронзовой проволоки. Сосуды

бываютъ двухъ родовъ—одни довольно грубые, другіе красивые, гладкіе и вычерненные—всѣ сдѣланы отъ руки. Между ними выдаются нѣкоторыя особенныя формы, изъ которыхъ отличаются своеобразностью сосуды съ небольшимъ расширяющимся дномъ; сбоку расширеннаго края этихъ сосудовъ прикрѣплено ушко, но не наверху, а внизу (рис. 219).

Въ Чехіи гробницы этого рода были найдены въ достаточно большомъ

Рис. 220. Гробница съ скелетомъ въ скорченномъ положеніи, изъ Облековицъ.
(Съ фотографіи Палліарди).

количествѣ только въ средней ея части и по берегамъ р. Лабы (Эльба). Наиболѣе замѣчательнымъ изъ изслѣдованныхъ могильниковъ должно быть признано кладбище возлѣ Унетицъ, недалеко отъ Праги. Другіе могильники того же рода были открыты у Чичовичекъ, Ледча, Ловосицъ, Заѣзда, Злоницъ, Брандыса, Бледанъ, Пржемышленн, Либушница, Ослухова и т. п. *), въ Моравіи—возлѣ Маницъ, Большихъ

*) Могила съ скорченнымъ скелетомъ и съ прекрасными предметами найдена

Павловицъ (могилы овалныя, съ скорченными скелетами и бѣдные предметы), Скороницъ, Горныхъ Дунаевицъ и пр.; главнымъ же образомъ сюда относится мотильникъ, открытый Паллиарди у Облековицъ возлѣ Знайма, изъ котораго изображеніе одной могилы можно видѣть на рис. 220. Другія могилы не были обложены камнемъ. Сюда относятся затѣмъ могилы, находившіяся между содержащими пепелъ ямами въ Врбовѣ и раскопанныя Игн. Шпѣтлемъ, очень сходныя съ нѣкоторыми мѣстонахожденіями въ Ниж-

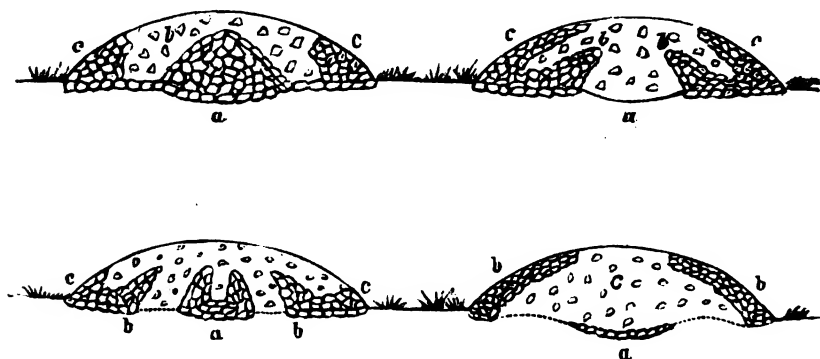

Рис. 221. Устройство могилъ въ Остржецахъ (а собственно могилы, б и с каменные вѣнцы и пласты).

ней Австріи. Къ бронзовому же вѣку относится вѣроятно также и могила другого типа, со скелетомъ, золотымъ браслетомъ на рукѣ и съ бронзовыми спиралями на ногахъ, найденная возлѣ Грушованъ.

Вторую группу чешскихъ могилъ бронзового вѣка образуютъ южночешскіе курганы. Мы называемъ ихъ южночешскими, потому что они составляютъ особенность этой мѣстности и тянутся далѣе только на западъ, въ другихъ же мѣстностяхъ встрѣчаются только въ видѣ исключенія. Область чешскихъ могилъ этого типа занимаетъ весь бассейнъ р. Мжи съ Радбузою, Углавою и Уславою и южную половину бассейна Влтавы съ бассейномъ Отавы и Лужицы и Нежарки (здѣсь уже преобладаютъ гробницы желѣзнаго вѣка), и наконецъ можетъ быть также и область верхней Ог्राжи. Въ другихъ мѣстахъ они встрѣчаются только поодинокѣ.

Группа эта не изслѣдована еще систематически. Курганы, входящіе въ

была недавно на Шибенакѣ возлѣ Тршиблицъ. Кромѣ массивной булавы, трехъ бронзовыхъ стрѣлъ, поломаннаго меча и золотой проволоки, въ ней былъ найденъ прекрасный топорикъ венгерскаго типа, описаннаго нами на стр. 289 (рис. 199).

составъ ея, насыпаны изъ глины и камня. Обыкновенно въ среднѣй кургана бываетъ центральная часть изъ камня, на которую насыпана глина, пере-мѣшанная съ камнемъ, а наверху все покрыто опять пластомъ камня (ср. напр. разрѣзы остржетицкихъ кургановъ на рис. 221). Но встрѣчаются курганы и другой конструкціи, съ перемежающимися пластами глины и камня и т. п. Подъ курганомъ находится самое мѣсто погребенія обыкновенно съ остатками трупосожженія. Но встрѣчаются также и скелеты и, судя по аналогическимъ примѣрамъ въ Нижней Австріи и главное въ Баваріи, могилы съ остатками погребенія будутъ представлять собою болѣе древнюю группу, чѣмъ могилы съ остатками сожженія; но оба обряда были въ теченіе извѣстной эпохи одновременными. Наконецъ и своимъ строеніемъ и находимыми въ нихъ предметами, сколько можно теперь судить, эти южночешскіе курганы вполне соответствуютъ сосѣднимъ баварскимъ—перехода, такъ же точно какъ и они, въ желѣзный вѣкъ.

Чешскіе курганы съ погребеніями были найдены напр. Францомъ возлѣ р. Уславы, вблизи Пильзена; сюда-же относится напр. курганъ, раскопанный въ 1822 г. возлѣ Худеницъ, курганы возлѣ Пивоня и прочіе на границѣ съ Баваріей, возлѣ Кышицъ, курганы въ урочищѣ Кнези-наж возлѣ Хотешова, часть коіетицкихъ кургановъ возлѣ Мельника и часть недавно раскопанныхъ кургановъ возлѣ Velka-Dobra. Здѣсь кромѣ могилъ съ остатками трупосожженія найдены были и гробницы съ костяками и съ тѣмъ-же самымъ инвентаремъ, относящимся къ концу бронзового вѣка. Могилы съ остатками сожженія здѣсь, по нашему мнѣнію, не болѣе поздняго времени, какъ думаетъ д-ръ Пичъ (Píč), но современны могиламъ съ остатками трупосожженія.

Пепелъ съ обожженными костями бываетъ сложенъ или въ большія погребальныя урны, въ которыя или вблизи которыхъ положены разные предметы покойника, или же просто высыпанъ на землю, а предметы, чаще всего сосуды, по всей вѣроятности предварительно разбитые, поставлены возлѣ пепла или на немъ. Иногда впрочемъ предметы бываютъ положены и сбоку кургана. Вообще курганы отличаются большою бѣдностью; такъ напр. изъ 29 могилъ въ Остржетицѣ (Ostřetice) было добыто только то, что мы видимъ на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 222). Но во всякомъ случаѣ это типическіе предметы бронзового вѣка: между ними мы находимъ топорики, кинжалы, небольшой серпъ, долото, ножъ; изъ украшеній чаще всего попадаются браслеты, булавки и янтарныя бусы. Иногда впрочемъ въ могилахъ не бываетъ ничего, кромѣ развѣ черепковъ.

Подобныхъ могилъ въ Чехіи, какъ въ южной, такъ и западной, масса и между ними много неизслѣдованныхъ ²⁷⁴). Наиболѣе изучены курганы въ

Полесѣ, Габартицахъ, Остржетцахъ, возлѣ Клатовы, Миловецъ, Метельска, Луженицъ, Домажлицъ, Бштенова, Понешницъ, Чирганъ, Костельца и пр.

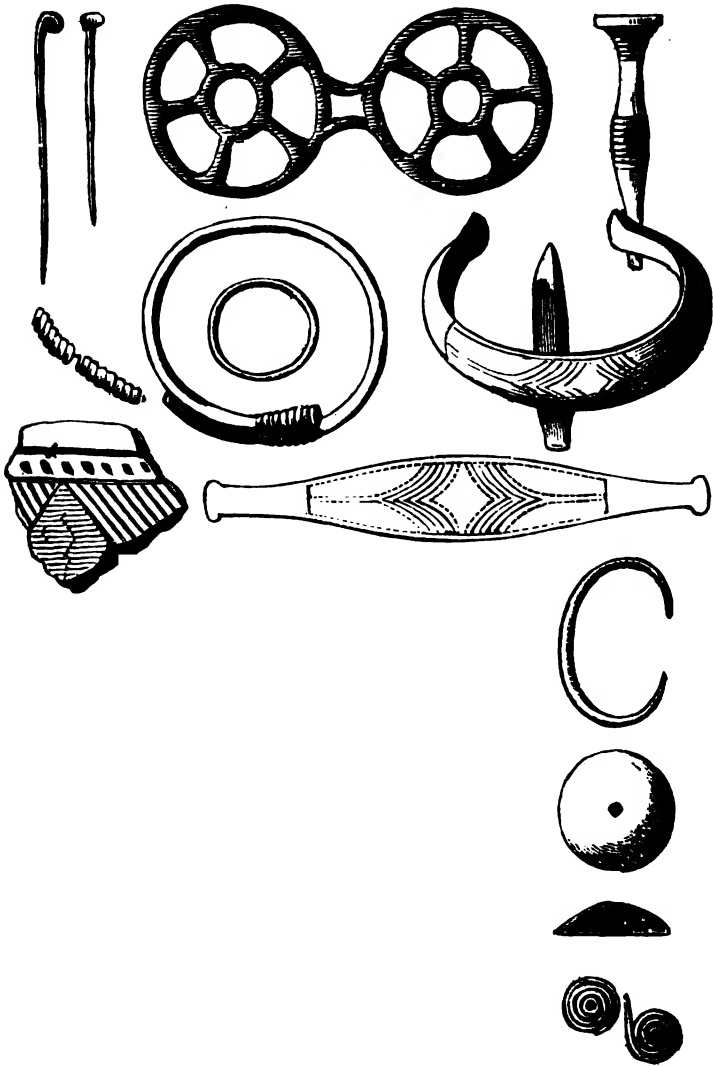

Рис. 222. Содержимое кургановъ въ Ostřetice.

Другую хорошо исследованную группу представляют собою могилы въ бассейнѣ р. Уславы, раскопанныя Францемъ и описанныя Сомбатъ. Въ нихъ

были найдены бронзовые мечи и кинжалы, плоскіе топоры и пальставы (между прочимъ одинъ топоръ венгерскаго типа), наконечники копій и стрѣлъ, булавки, шпички, браслеты, шейные обручи и другія мелочи. Со- суды имѣютъ опредѣленный типъ и украшены орнаментомъ изъ черточекъ. Все это доказываетъ, что въ Чехіи изслѣдовано уже достаточное количество этого рода могилъ, но оцѣнка ихъ въ цѣломъ заставляетъ еще себя ожи- дать *).

Сравненіе гробницъ унетичскаго типа съ южночешскими курганами приво- дить насъ къ интереснымъ выводамъ. Гробницы перваго типа не переходятъ, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, границъ Чехіи и Моравіи и геогра- фически прилегающей къ нимъ части Нижней Австріи и образуютъ, особенно въ Чехіи, группу, до такой степени ясно обозначенную, что мы смѣло можемъ назвать ее группою специально чешскою. Ту своеобразность культуры, какою отличается Давія или Венгрія въ ихъ бронзовомъ вѣкѣ, представляетъ намъ, разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ, и чешская группа унетичскихъ гробницъ. Эта своеобразность отличаетъ ее одинаково рѣзко отъ курганный группы, и хотя эта послѣдняя до сихъ поръ еще и недостаточно изслѣдована, но мы все таки не затруднимся выска- зать здѣсь предположеніе, что обѣ эти группы отличаются другъ отъ друга и этнологически, что каждая изъ нихъ принадлежитъ особому народу.

Рис. 223. Бронзовый топорикъ изъ кур- гана у Теметницъ въ Моравіи.

Если это такъ, то Чехія, слѣдовательно, была въ эту эпоху населена по крайней мѣрѣ двумя племенами. Группа кургановъ представляетъ намъ кладбища племени, которое густо населяло югозападную Чехію, распростра- няясь оттуда въ теченіе времени далѣе внутрь страны и на востокъ, и находилось въ тѣсной связи, если не было тождественно съ современнымъ населеніемъ Австріи и Баваріи. Этотъ народъ, какъ кажется, проникъ въ

* Въ Моравіи также встрѣчаются гробницы бронзоваго вѣка, но до сихъ поръ нельзя еще сказать, имѣютъ ли они что нибудь общаго съ южно-чешскими (особенно богатыхъ находокъ можно было ожидать отъ раскопки кургана, назы- ваемаго „Královsky korec“ волеѣ Темитицъ, о которомъ ходили народныя преданія, будто-бы тамъ похороненъ какой то король съ женою. Онъ былъ раскопанъ д-ромъ Ванкелемъ, но къ сожалѣнію на днѣ его было найдено двѣ могилы почти совер- шенно пустыя и вѣроятно давно уже ограбленныя. Только въ одной изъ нихъ найденъ былъ небольшой, покрытый орнаментомъ бронзовый топорикъ (рис. 223). Возможно однакоже, что курганъ этотъ по своему происхожденію относится уже къ желѣзному вѣку. За то къ бронзовому принадлежитъ курганъ въ Наклѣ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было найдено нѣсколько костяковъ съ бронзовымъ мечемъ, топорами и украшениями.

Чехію черезъ Шумаву изъ Южной Германіи и принесть съ собою новую культуру, скорѣ всего въ теченіе бронзоваго вѣка, а не неолита. Мы думаемъ такъ потому, что по изслѣдованіямъ Л. Шнайдра и проф. Вольд-риха неолитическая эпоха въ Южной Чехіи вообще представлена довольно слабо. Л. Шнайдръ еще въ 1884 г. предполагалъ эту иммиграцію. О физическихъ особенностяхъ этого населенія мы до сихъ поръ еще ничего не знаемъ. Немногія имѣющіяся указанія заставляютъ думать, что оно было длинноголовымъ.

Напротивъ утетицкія гробницы были находимы до сихъ поръ только въ средней и сѣверной Чехіи. Это географическое распредѣленіе обѣихъ группъ, отличающихся уже одна отъ другой характеромъ погребенія, подтверждается и типомъ положенныхъ съ покойниками предметовъ. Предметы, найденные въ курганахъ, не характерны, мы знаемъ подобные же типы въ Австріи и въ Баваріи; за то утетицкіе типы чрезвычайно своеобразны, и мы напрасно стали-бы искать соотношеній, которыя могли бы объяснить намъ этнологическія особенности населенія, оставившаго эти гробницы.

Типъ кургановъ въ южной Чехіи точно такъ же, какъ въ Баваріи и въ Австріи, перешелъ постепенно и въ желѣзный вѣкъ. Нѣкоторые могильники представляютъ собою очевидную связь между бронзовымъ вѣкомъ и желѣзнымъ, напр. Гусинскій возлѣ Клатовъ. Галльштаттская культура развилась въ этой части Чехіи скорѣ спокойно, чѣмъ, какъ думаетъ Сомбаи, вслѣдствіе насильственнаго переворота, произведеннаго приходомъ новаго населенія.

Но затѣмъ на сѣверѣ и востокѣ Чехіи произошли все таки перемѣны. Намъ кажется, что сюда еще въ теченіе бронзоваго вѣка проникли новыя вліянія, скорѣ всего вслѣдствіе появленія новаго народа, который началъ устраивать могильники совершенно иного типа. Мы думаемъ по крайней мѣрѣ, что такъ назыв. поля погребальныхъ урнъ, могилы съ остатками трупосожженія безъ кургановъ или обозначенныя только небольшими насыпями, устраивались скорѣ всего новымъ населеніемъ; пришедшимъ въ Моравію, Австрію и вѣроятно въ Чехію въ концѣ бронзоваго вѣка, а не прежнимъ, которому принадлежать болѣе древнія могилы съ остатками погребеній. Мы болѣе всего расположены были-бы думать, что этотъ новый народъ проникъ въ Чехію съ сѣверовостока и повсюду вытѣснилъ и въ извѣстной степени сдвигъ съ собою древнее населеніе этой страны.

Поля погребальныхъ урнъ (*champs d'urnes*, *Urnenfelder*, *Urnenfriedhöfe*, *urn-fields*) представляютъ собой кладбища, состоящія обыкновенно изъ очень значительнаго количества могилъ съ остатками трупосожженія, обыкновенно расположенныхъ рядами. Пепель умершаго помѣщенъ въ урну, въ которой или возлѣ которой находятся и предметы, назначенные для покойника, обыкновенно попорченные огнемъ, бѣдные и невзрачные. Исключеніе составляютъ

одни только керамическія издѣлія. Обыкновеннымъ признакомъ этого рода погребенія является то, что погребальная урна бываетъ окружена или наполнена еще другими, иногда очень многочисленными сосудцами, жбанчиками, мисками, чашечками, горшечками и особыми глиняными погремушками съ шариками внутри невыясненнаго еще назначенія (дѣтскія игрушки?) и изображеніями разныхъ животныхъ (рис. 224). Круглая погребальная урна

Рис. 224.

съ пепломъ бываетъ впрочемъ всегда только одна, каждый покойникъ получалъ себѣ особенную могилу; семейныя гробницы, какими бываютъ обыкновенно напр. прусскія и польскія могильныя камеры съ остатками трупосожженія, на поляхъ погребальныхъ урнъ очень рѣдки. Урны съ пепломъ и съ разными предметами помѣщаются обыкновенно въ неглубокія, иногда выложенныя камнемъ ямы, которыя, въ видѣ общаго правила, не бываютъ ничѣмъ обозначены на поверхности земли, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоначально маленькіе холмики и указывали, что это мѣсто священное. Бегла полагаетъ, что и всѣ лужицкія гробницы были первоначально покрыты такими небольшими холмиками ²⁷⁵).

Если мы бросимъ взглядъ на страны средней Европы, въ которыхъ встрѣчаются такія поля погребальныхъ урнъ наиболѣе древняго типа *), то уви-

*) Мы имѣемъ здѣсь въ виду только эту среднеевропейскую группу. Намъ очень хорошо извѣстно, что могильники подобнаго рода существуютъ въ западной Германіи, въ Галліи, въ Италіи и въ Англіи. Но опредѣлить отношеніе, въ которомъ находятся эти отдаленные могильники къ среднеевропейскому центру,

дмтъ, что они ограничиваются только слѣдующими мѣстностями: Лузаціей (областью лужичанъ), Бранденбургомъ, Силезіей, Моравіей, Австріей, сѣверной Венгріей, Галиціей и Познанью. Въ Чехіи они встрѣчаются только въ сѣверной и восточной ея частяхъ, главнымъ обр. въ бассейнѣ р. Лабы (Эльбы). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ съ теченіемъ времени выработались разные типы погребальной керамики, какъ напр. въ Лузаціи, въ Силезіи, въ Венгріи и т. д.

Ундсетъ выразилъ мнѣніе, что этотъ видъ могилъ появился еще въ очень раннюю эпоху бронзоваго вѣка изъ юговосточной Европы, прежде всего въ Венгрію, въ долину Дуная, откуда перешелъ отчасти на югъ, въ Италію съ бронзовою культурою террамаръ, и въ такомъ случаѣ съ италиками Гельбига, отчасти-же на западъ въ альпійскія страны и черезъ Австрію, Моравію и Чехію въ сѣверную Европу.

Какъ видно, Ундсетъ оставляетъ здѣсь болѣе восточныя славянскія страны совсѣмъ въ сторонѣ. А между тѣмъ онъ въ данномъ вопросѣ имѣютъ очень важное значеніе. Вѣдь тамъ на сѣверномъ склонѣ Карпатъ найдены уже поля погребальныхъ урнъ съ инвентаремъ, который не смотря на нѣкоторые слѣды позднѣйшихъ вліяній, мы должны были все таки отнести къ каменному вѣку. Такой инвентарь напр. мы видѣли въ Чехіи, въ Новой Сѣнявѣ, въ Васильковцахъ, въ Выгнанцѣ, въ Златыхъ Билъчахъ, вообще въ бассейнѣ Вислы и т. д. Это намъ кажется первымъ и очень важнымъ фактомъ, который долженъ быть исходнымъ пунктомъ въ данномъ вопросѣ. Тамъ, на сѣверѣ отъ Карпатъ, жило населеніе, которое, не зная еще бронзы или будучи знакомо съ нею только какъ съ рѣдкостью, имѣло уже обычай погребать своихъ мертвыхъ такимъ способомъ, какой мы наблюдаемъ на поляхъ погребальныхъ урнъ позднѣйшихъ эпохъ. Можно поэтому думать, что часть полей съ урнами относится вполне къ бронзовому вѣку. Разумѣется разрѣшеніе вопроса о томъ, какія изъ нихъ относятся къ этой эпохѣ и какія принадлежатъ уже позднѣйшей, когда населеніе стало пользоваться желѣзомъ представляеть, иногда очень большія трудности, такъ какъ въ урнахъ этихъ по большей части попадаются только мелкіе обломки бронзовыхъ украшеній, оружіе же и орудія въ болѣе древнюю эпоху встрѣчаются только изрѣдка. Этихъ конечно опредѣленіе ихъ древности чрезвычайно затрудняется. И если тамъ не найдется ни одного куска желѣза, но только мелкіе бронзовые предметы, то на одномъ этомъ основаніи могильники нельзя еще относить къ бронзовому вѣку. Вѣдь населеніе, о которомъ идетъ рѣчь, могло уже пользоваться желѣзнымъ оружіемъ и орудіями. Одинъ бронзовый палъставъ, серпъ и т. п.

до сихъ поръ еще невозможно. Попытка сдѣлать это слишкомъ усложнила-бы наше изложеніе.

также недостаточны для того, чтобы могильники, въ которыхъ они найдены, можно было отнести съ достовѣрностью къ бронзовому вѣку. Предметы этого рода существовали въ большомъ количествѣ и въ началѣ желѣзнаго вѣка. Съ другой же стороны, присутствіе обломковъ желѣза также не свидѣтельствуетъ еще о томъ, что гробницы, въ которыхъ они найдены, относятся къ желѣзному вѣку,—какъ мы понимаемъ его въ археологін. Все это разумѣется весьма затрудняетъ хронологическое опредѣленіе древнѣйшихъ полей съ погребальными урнами. Мы не можемъ также настаивать и на томъ, что всѣ перечисленные нами могильники дѣйствительно относятся къ этой группѣ. Нашей цѣлью было только указать, что гробницы этого характера появились въ Чехіи уже въ бронзовомъ вѣкѣ.

По мнѣнію Оссовскаго, въ краковской части Галиціи не существуетъ могилъ бронзоваго вѣка съ остатками погребенія и всѣ кладбища заключаютъ въ себѣ остатки трупосоженія въ урнахъ, поставленныхъ рядами. Типическими примѣрами такихъ кладбищъ онъ считаетъ могильники въ Квачалѣ (Kwaszala) и въ Поповкѣ, но въ Квачалѣ уже было найдено желѣзо, въ Поповкѣ же только небольшой бронзовый серпъ. Въ обоихъ впрочемъ попадаются и сосуды, сдѣланные отъ руки и на гончарномъ кругѣ. Въ львовскомъ округѣ Галиціи, на Покутті и въ Поділлѣ преобладаютъ уже другіе виды гробницъ, хотя и тутъ попадаются еще въ отдѣльныхъ случаяхъ могилы съ остатками соженія безъ кургановъ. Но форма и характеръ керамики отличаются напр. въ увисльскихъ гробницахъ отъ характера краковскаго округа. Киркоръ и Оссовскій полагаютъ, что эти области были населены разными народами, чѣмъ области западныя.

Въ Царствѣ Польскомъ можно отнести къ этой наиболѣе древней эпохѣ металловъ могильникъ въ Нижнемъ Банковѣ (Bałow), въ Ловичской области, раскопанный Т. Довгирдомъ, могильники возлѣ селъ Lalin, Kochan, Zembraszku надъ р. Швидромъ, притокомъ Вислы (если они не относятся еще къ каменному вѣку) и вообще многочисленные въ бассейнахъ Вислы и Варты, гробницы въ Mikuszwicach и въ Krzemienicach, съ сосудами очень примитивныхъ типовъ, описанныхъ Киркоромъ. Въ могилахъ съ остатками соженія на Лысой горѣ возлѣ сел. Rembowa подлѣ Пинчовымъ, кн. Сіарковскій также нашелъ только предметы каменные, костяные и очень немного бронзовыхъ; возлѣ Włoszyna близъ Калиша найдено было нѣсколько бронзовыхъ топоровъ со втулкой, браслетовъ и булавокъ *).

Въ Германіи—въ Бранденбургѣ и Лузациі былъ найденъ рядъ

*) Такъ назыв. колокольныя (podkloszowe) гробницы, очень многочисленные въ Пруссіи и нудціи въ Польшу до Варшавы, считаются нѣкоторыми принадлежащими отчасти къ бронзовому вѣку; Лиссауэръ, впрочемъ, относитъ ихъ къ желѣзному.

полей съ погребальными урнами безъ всякаго слѣда желѣза и Ундсэтъ по-
этому съ полнымъ правомъ причисляетъ ихъ къ бронзовому вѣку. Самъ
Бегла не различаетъ могильниковъ желѣзнаго и бронзоваго вѣка, но ясно гово-
рить, что въ большей части ихъ встрѣчается только бронза.

Въ Силезіи извѣстны сотни могильниковъ этого рода, но большая часть
изъ нихъ относится къ желѣзному вѣку. Бронзовый вѣкъ былъ здѣсь вѣроятно
короче, чѣмъ на востокъ и на западѣ, въ Лузацию. Мы объясняемъ себѣ это
торговыми сношеніями, которыя велись черезъ эту мѣстность между югомъ
Европы и янтарнымъ побережьемъ. То-же увидимъ мы и въ Познани и въ
Пруссіи. Этими-же можно объяснить и то, что въ могильникахъ бывають
смѣшаны часто типы бронзовой эпохи съ желѣзомъ, какъ напр. въ Заборовѣ,
въ Казмѣржѣ.

Въ Чехіи отнесеніе нѣкоторыхъ могильниковъ къ бронзовому вѣку не
можетъ быть сдѣлано съ надлежащей достовѣрностью. Еъ наиболѣе древнимъ
принадлежать гробницы у стоянки Корунка-Елени (безъ всякихъ слѣ-
довъ желѣза), въ Горжиневѣ (бронзовый мечъ), въ Осице возлѣ Пардубицъ
(безъ желѣза), возлѣ Сулеюницъ (проф. Вольдржихъ относитъ ее къ брон-
зовому вѣку), въ Тржебеховице, Ловосице, Чичовице и пр. Рядъ
тишическихъ сосудовъ изъ гробницъ возлѣ стоянки Корунка-Елени представ-
ленъ на рис. 225. Еще больше извѣстно ихъ въ Моравіи и Венгріи. Тржицкій
могильникъ въ Моравіи относятъ къ бронзовому вѣку, такъ же какъ и Могель-
ницъ и Могильникъ въ Венгріи, о которомъ мы упоминали уже на стр. 292.
Объ отношеніи къ полямъ погребальныхъ урнъ многочисленныхъ котлообраз-
ныхъ гробницъ съ остатками трупосожженія этой же эпохи въ Нижней
Австріи (подобныя имъ встрѣчаются и въ Чехіи) мы не въ состояніи выска-
зать свое мнѣніе. Могильникъ съ урнами въ Stillfried'ѣ имѣетъ очень древній
характеръ, но въ немъ встрѣчается уже и желѣзо.

Изъ всего, что было сказано о поляхъ погребальныхъ урнъ, можно вывести
покуда слѣдующія предположенія: поля погребальныхъ урнъ среднеевропей-
ской группы, расположенныя въ бассейнахъ верхней Лабы, Одера, Варты,
Вислы, Моравы и сѣверной части средняго Дуная, принадлежали вѣроятно
одному народу, который, очевидно, распространился по всѣмъ этимъ стра-
намъ. Ничто не препятствуетъ тому, чтобы отечество его искать въ странѣ
подъ Карпатами, гдѣ подобный способъ погребенія существовалъ еще въ
каменномъ вѣкѣ. Оттуда обычай этотъ, а вѣрнѣе всего и самъ раздѣляв-
шій его народъ началъ путемъ выселенія распространяться такъ, что въ
концѣ бронзоваго вѣка уже занималъ нынѣшній Бранденбургъ и Лузацию;
проникъ вѣроятно въ сѣверозападную Чехію и основалъ поселенія по Мо-
равѣ и на побережьяхъ Дуная. Мы склонны скорѣе предполагать этотъ спо-
собъ распространенія, чѣмъ направленіе этого народа съ юговостока Европы,

защищаемое Ундсетомъ, или то, что колыбелью его была Лузація, какъ полагаютъ другіе.

Рис. 225. Сосуды изъ гробницъ возлѣ стоянки Корунка-Елени въ Чехіи.

Такое разселеніе происходило вѣроятно только въ концѣ бронзоваго вѣка, такъ какъ очень немногіе могильники могутъ быть отнесены къ бронзовому

вѣку съ полной достовѣрностью. Большая же часть носить уже болѣе поздній характеръ, приближающійся къ желѣзному вѣку, и понятно, что ихъ иногда и относятъ сплошь къ этой эпохѣ. Только въ нѣкоторыхъ странахъ, куда, какъ кажется, желѣзная культура проникла не такъ быстро, мы видимъ развитіе бронзовой культуры и въ поляхъ урнъ, и нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр. лужицкія, почти современны съ тѣми силезскими и моравскими, въ которыхъ уже встрѣчается желѣзо.

Что это былъ за народъ, которому принадлежали описанные могильники, — объ этомъ мы скажемъ больше въ слѣдующей главѣ. Теперь же мы возвратимся еще на короткое время къ Чехіи и Моравіи.

Въ томъ, что и часть доисторическихъ чешско-моравскихъ селѣницъ относится къ бронзовому вѣку, не можетъ быть сомнѣнія. Народъ, погребавшій и сожигавшій своихъ покойниковъ въ теченіе этого времени, долженъ же былъ гдѣ нибудь жать. И дѣйствительно, часть отбросныхъ ямъ принадлежитъ именно этой эпохѣ, но онѣ очень мало изслѣдованы, и трудно, а часто даже и невозможно распредѣлить ихъ съ точностью по разнымъ эпохамъ. Возлѣ могильниковъ этой эпохи (за исключеніемъ впрочемъ южночешскихъ кургановъ) попадаются часто такъ наз. культурныя ямы, очень многочисленныя, напр. возлѣ могильниковъ унетицкаго типа, и мы можемъ поэтому съ увѣренностью отнести ихъ къ той-же эпохѣ, какъ и эти могильники. Нѣкоторыя городища также относятся по времени своего сооруженія къ этому же періоду. Это предполагаетъ напр. проф. Вольдржихъ относительно городища возлѣ Понешницъ.

Д-ръ Ванкель относитъ также къ бронзовому вѣку и начало свайныхъ поселеній, найденныхъ въ Оломуцѣ (Ольмюцѣ). При постройкѣ чешскаго народнаго дома въ этомъ городѣ обнаружены были остатки древнихъ свайныхъ сооружений, стоявшихъ когда-то на рукавѣ рѣки Моравы, которая была введена въ свое нынѣшнее ложе только при князѣ Вратиславѣ, приблизительно между 1050 и 1060 годами нашей эры. Въ постройкахъ на сваяхъ тамъ жили еще въ теченіе среднихъ вѣковъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ найденные между сваями сосуды позднѣйшей работы, монеты и прочія вещи. Но нижніе слои гораздо древнѣе и относятся можетъ быть и къ бронзовому вѣку. Чрезвычайной древностью отличаются также остатки свайныхъ построекъ въ Наклѣ, гдѣ было найдено нѣсколько прекрасныхъ бронзовыхъ сосудовъ, которые впрочемъ оказались относящимися уже къ желѣзному вѣку ²⁷⁶).

Описаніе бронзоваго вѣка въ остальныхъ, нынѣ славянскихъ странахъ, оказывается очень труднымъ. На Востокѣ Европы еще недостаеъ того детальнаго изученія старины, съ какою мы встрѣчаемся на Западѣ, Югѣ и Сѣверѣ, а также и въ Германіи сравнительно довольно хорошо изслѣдованы только

западных части Польши и главным образом Пруссія, древности которыхъ тщательно описаны О. Тишлеромъ, А. Лиссауэромъ и В. Оссовскимъ *).

Въ каменномъ вѣкѣ характерными для Пруссіи были гробницы съ погребеніями, сложенныя изъ каменныхъ плитъ (ящикообразныя), хотя въ эту эпоху начали появляться и гробницы съ остатками трупосоженія. Въ теченіе же

Рис. 226. Схематичный планъ ящикообразной гробницы съ погребальными урнами.
(По Оссовскому).

бронзоваго вѣка и переходной эпохи въ желѣзному здѣсь господствовало только сожиганіе мертвыхъ, слѣды котораго мы находимъ сначала въ могилахъ съ насыпанными надъ ними курганами, въ концѣ-же—въ очень богатой и важной группѣ ящикообразныхъ гробницъ безъ кургановъ (рис. 226 и 227).

Предметы, находимые въ этихъ гробницахъ, очень своеобразны; нѣкоторыя формы нигдѣ больше не встрѣчаются. Между характерными бронзовыми пред-

*) О. Тишлеръ раздѣлялъ бронзовый вѣкъ всей сѣверной Германіи (гл. обр. Восточной Пруссіи) на 3 періода, названныхъ имъ по главнымъ находкамъ: 1) Pile-leubingen'скимъ (наиболѣе древній, къ которому относятся только нѣсколько коллективныхъ находокъ), 2) Рессател'скимъ, датированнымъ до первой половины перваго тысячелѣтія до нашей эры, и 3) переходнымъ къ желѣзному вѣку. Лиссауэръ, наиболѣе занимавшійся Западной Пруссіей и окрестными странами, раздѣлялъ бронзовый вѣкъ здѣсь на 1) древній періодъ, характеризующійся могилами съ остатками трупосоженія, 2) средній—съ курганами и могилами, 3) младшій—съ могилами и 4) самый младшій—съ гробницами изъ каменныхъ плитъ, достигающій даже конца III стол. до нашей эры ²⁷⁷). Эти третій и четвертый періоды Лиссауэра соответствуютъ 3-му періоду Тишлера. Подобное-же раздѣленіе составлено Бельцомъ и для Мекленбурга.

местами особенно замѣчательны кольца съ ушками (такъ наз. Bügelringe) и мѣдные обручи, особенно состоящіе изъ нѣсколькихъ другъ на друга наложенныхъ и соединенныхъ сзади колецъ. Довольно часто мы встрѣчаемся здѣсь съ южными вліяніями, главнымъ образомъ венгерскими. Очевидно здѣсь происходили постоянныя сношенія съ Югомъ, и вся здѣшняя бронзовая культура является только результатомъ долговременной торговли янтаремъ. Чрезвычайно важна и характерна здѣсь керамика. Въ большомъ количествѣ встрѣчаются погребальныя урны, на верхней части которыхъ грубо обозначено человѣческое лицо, а именно: уши (иногда въ эти послѣднія бываютъ вѣты бронзовые кольца и янтарныя или стеклянныя

Рис. 227. Схематичный разрѣзъ ящикообразной гробницы съ урнами (по Оссовскому).

бусы, изображающія очевидно серьги), шея съ ожерельемъ, носъ, глаза и ротъ, рѣже и прочія части тѣла (рис. 228). Крышка урны сдѣлана въ видѣ шапки или шляпы съ полями. Носъ, иногда маленькій, иногда большой, всегда моделированъ отдѣльно и потомъ прилѣпленъ. Эти погребальныя урны еще болѣе многочисленны въ слѣдующемъ затѣмъ первомъ періодѣ желѣзнаго вѣка ²⁷⁸).

Область ихъ распространенія обнимаетъ Западную Пруссію и Померанію, отчасти Познань, а именно часть ея, ограниченную рѣками Регою, Вислою и Вартою. Во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ такія урны являются только въ видѣ исключенія. Отдѣльныя находки извѣстны также въ Uckermark'ѣ, въ Силезіи и въ Польшѣ *).

*) Южнѣе онѣ попадаются только изрѣдка, и извѣстія о нихъ по большей части не особенно надежны. Такъ на одномъ сосудѣ изъ свіянскаго могильника въ

Идея перенести на урну изображение человеческого лица—очень естественна, и нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ ея было желаніе дать и посмертному хранилищу праха подобіе умершаго. Мы встрѣчаемся съ этой идеей и во многихъ другихъ странахъ, и было-бы очень ошибочнымъ объяснять подобное совпаденіе какими нибудь сношеніями, заимствованіями и т. п. Мы видѣли подобные факты въ Финикіи, на о-вѣ Кипрѣ (и Санторинѣ), въ Троѣ, въ Египтѣ, встрѣтимся съ ними еще въ Европѣ, больше всего въ Италіи у этрусковъ, по крайней мѣрѣ Пигорини нашелъ уже такія урны въ могильникѣ Vololone—эпохи террамаръ. Въ Венгріи и Трансильваніи найдено было тоже нѣсколько подобныхъ урнъ г-жею Торнъ въ бассейнѣ Мароша. Объ американскихъ мы можемъ даже и не упоминать. Египетскій и ассирійскій обычай класть на голову покойника золотую маску выходитъ изъ той-же идеи. Отсюда этотъ обычай перешелъ въ Финикію, въ Микены, въ Тунисъ, Сардинію и можетъ быть въ Россію къ скифамъ; въ Этрурію, какъ мы увидимъ далѣе, начали украшать саркофаги цѣльными фигурами умершихъ.

Въ Пруссіи, по нашему мнѣнію, лицевыя урны появились, вѣроятно всего, самостоятельно, хотя и здѣсь возможно предполагать заимствование. Пруссія была вѣдъ постоянно въ очень оживленныхъ сношеніяхъ съ Востокомъ. Лиссауэръ и Вирховъ полагаютъ, что типъ лицевыхъ урнъ былъ занесенъ въ Пруссію именно съ Востока. Садовскій ошибочно впрочемъ думалъ, что онѣ этрусскаго происхожденія. Ундсетъ тоже связываетъ ихъ съ южными вліяніями. Тишлеръ-же былъ противнаго мнѣнія.

Рис. 228. Лицевая урна изъ Пруссіи.

Клады, найденные въ Пруссіи и Польшѣ, обыкновенно невелики и состоятъ изъ различныхъ предметовъ. Большіе клады торговцевъ и клады, состоящіе изъ большого количества одинаковыхъ предметовъ, въ этихъ мѣстностяхъ намъ неизвѣстны, кромѣ развѣ небольшой находки дутыхъ ожерельевъ въ Трапкенѣ Данцигскаго округа, кладовъ въ Szczodrowo въ Познани, въ Skarbieńce, въ Butyn'ѣ, Granow'ѣ, Chobienice, Beldowo и пр., находки поломанныхъ серповъ въ Заблукрувахъ въ восточной Галиціи и т. п.²⁷⁹).

Чехи (железнаго вѣка) д-ръ Пичъ усматривалъ такое грубое изображеніе лица. О двухъ другихъ болѣе древнихъ находкахъ подробностей неизвѣстно. Еще дальше на сѣверъ Европы (даже на Рейнъ и на востокъ—въ Россіи) также попадаются этого рода сосуды, но только поодинокѣ.

О нѣкоторыхъ гробницахъ Царства Польскаго и Галиціи мы упоминали уже на стр. 319, говоря о наиболѣе древнихъ поляхъ погребальныхъ урнъ. Часть ихъ мы относимъ къ бронзовому вѣку, такъ-же точно, какъ и часть ящикообразныхъ гробницъ въ русской Польшѣ, вполне аналогичныхъ ящикообразнымъ гробницамъ въ Пруссіи, равно какъ и часть кургановъ съ остатками трупосоженія и съ погребеніями въ Львовскомъ округѣ въ Покутті и въ Поділіі. Сюда же относятся и гробницы, обложенныя небольшими камнями (очкообразныя гробницы), напр. часть могилъ въ ур. Раків-кугъ (Rakówka) въ Гусятинскомъ округѣ и часть гробницъ, прикрытыхъ плитами, надъ Днѣстромъ. По отзыву Оссовскаго, бронзовые мечи находятъ въ Галиціи только на Покутті и въ Поділіі. Говоря это, мы разумѣется становимся на сторону тѣхъ, которые, въ противоположность прежнимъ взглядамъ Воцея, Крашевскаго, Садовскаго, Тышкевича и другихъ, признаютъ существованіе бронзоваго вѣка въ этихъ странахъ фактомъ доказаннымъ.

Россія. Мало опредѣленнаго извѣстно о бронзовомъ вѣкѣ въ Россіи. Теоретически нельзя сомнѣваться, что и здѣсь былъ нѣкогда вѣкъ бронзы, но доказать это на основаніи находокъ до сихъ поръ еще очень трудно. Мѣсто-находеній металлической эпохи, при описаніи которыхъ не упоминалось бы вовсе о желѣзѣ, извѣстно еще слишкомъ мало. Отчасти это объясняется тѣмъ, что наиболѣе изслѣдованная, южная часть Россіи была въ оживленныхъ и долговременныхъ сношеніяхъ съ югомъ Европы и съ азіатскимъ Востокомъ, и если въ нее рано проникла бронза, то относительно рано должно было появиться и желѣзо.

Въ средней и восточной Россіи изслѣдованій покуда было сдѣлано еще меньше, а результаты ихъ еще менѣе доступны. Тѣмъ не менѣе, если бронзовая культура вышла изъ Азіи, то для нея въ Россію открывался широкій путь. Она шла сюда съ Востока или черезъ Средиземное море, или изъ Малой Азіи черезъ Черное море, или вдоль южнаго *), а можетъ быть еще скорѣе мимо сѣвернаго берега Каспійскаго моря черезъ Уралъ, — теченіемъ, которое мы поэтому и называли ранѣе уральскимъ. Жившія тамъ племена — народъ называетъ всѣ оставленные ими памятники чуждыми — научились очень скоро обрабатывать мѣдь. Мѣдью изобилуетъ Алтай, Хорасанъ, Уралъ и Кавказъ. Олово встрѣчается рѣже, но оно добывалось все таки не слишкомъ далеко, въ горахъ Парамиза, а путемъ торговли могло доставляться и изъ Индіи. Этимъ объясняется, вѣроятно, почему мѣдныя издѣлія здѣсь постоянно были въ употребленіи рядомъ съ бронзовыми, а позже и съ желѣзными. Уральское теченіе бронзовой культуры существовало еще и въ позднѣйшія времена и

---

*) Графъ А. С. Уваровъ полагалъ, что металлы были принесены въ Россію новыми азіатскими народами, пришедшими изъ Центральной Азіи черезъ Кавказъ.

проникало глубоко въ Россію на югъ и на западъ. Бронзовая культура эпохи переселенія народовъ была также затронута имъ въ значительной степени и позаимствовала отъ него рядъ орнаментальныхъ мотивовъ, въ особенности т. наз. животный орнаментъ.

Находокъ, которые могли-бы быть отнесены несомнѣнно къ бронзовому вѣку, въ Россіи извѣстно очень немного. Повидимому, курганы этой эпохи встрѣчаются спорадически по берегамъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, однако, сравнительно съ неолитическими и въ особенности съ курганами желѣзнаго вѣка, они очень рѣдки. Д. И. Эварницкій указываетъ въ Новороссійскомъ краѣ только три такихъ кургана. Одинъ изъ нихъ—безымянный въ с. Веселомъ, въ Екатеринославской губ., былъ раскопанъ въ 1868 г. А. П. Засимовичемъ, который нашелъ въ немъ, кромѣ бронзоваго топора со втулкой, скелетъ, лежавшій на глубинѣ 4-хъ аршинъ, на правомъ боку и имѣвшій возлѣ себя спиральный браслетъ, подвѣску и два сосуда. Въ 1885 г. въ другомъ курганѣ, неподалеку отъ перваго было найдено большое количество бронзовыхъ топоровъ со втулкой и серповъ, а въ послѣднее время Эварницкій причисляетъ къ этимъ курганамъ еще одинъ въ с. Богодарѣ въ Александровскомъ уѣздѣ. Впрочемъ, предметы, характеризующіе въ другихъ мѣстахъ бронзовый вѣкъ, какъ бронзовые топоры, серпы, наконечники стрѣлъ, встрѣчаются здѣсь (отдѣльными находками) довольно часто, но мечи уже гораздо рѣже. Мѣстнаго-ли происхожденія эти орудія и оружіе или привознаго? Наиболѣе ихъ было найдено въ Херсонскомъ уѣздѣ возлѣ г. Херсона, въ Екатеринославскомъ уѣздѣ и на притокахъ Днѣпра, Омельникѣ и Мокрой Сулѣ. Первая и единственная литейная мастерская бронзы съ каменными формами была найдена Оссовскимъ возлѣ Бѣлой Церкви на Украинѣ *). Кладовъ было найдено довольно много.

На IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1893 г. одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ археологовъ проф. В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ сообщеніе о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра. По его мнѣнію существованіе бронзоваго вѣка въ этой области не можетъ быть точно констатировано, и возможно предполагать, что за каменнымъ вѣкомъ здѣсь непосредственно слѣдовалъ желѣзный, именно въ виду того, что здѣсь не найдено покуда ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка. Тѣмъ не менѣе, и онъ допускаетъ, что бронзовый вѣкъ существовалъ въ другихъ частяхъ Россіи, и что бронзовая культура проникла сюда двумя путями изъ Центральной Азіи, черезъ Уралъ и съ юга, или югозапада, изъ понтійскихъ колоній.

Но первое теченіе не пошло на западъ далѣе бассейна Камы (древняя Біармія), а второе—западное—ограничилось Бугомъ и Днѣстромъ; на всемъ же

*) Кромѣ этого бронзовые предметы и формы для ихъ отливки были найдены въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губ. и въ нѣсколькихъ мѣстахъ Киев. губ.

(Прим. переводч.)

пространствѣ между этими двумя областями, по мнѣнію В. Б. Антоновича, бронзового вѣка не было. Впрочемъ въ томъ же засѣданіи мнѣніе это встрѣтило возраженіе со стороны проф. Д. Н. Анучина, который напомнилъ о существованіи третьяго источника бронзовой культуры для Россіи—Кавказа, влияніе котораго сказывается въ области Дона и выразилъ сомнѣніе въ возможности полного отрицанія существованія бронзового вѣка въ Центральной Россіи, въ виду отдѣльных находокъ бронзовыхъ орудій (кельтовъ, наконецниковъ копій и т. д.) во Владимірской, Московской и др. губерніяхъ ²⁸⁰).

Проф. Самоквасовъ въ своей классификаціи русскихъ кургановъ, называетъ наиболѣе древніе изъ нихъ киммерійскими ²⁸¹). Онъ приписываетъ ихъ полумифическому племени киммерійцевъ, жившихъ въ южной Руси до пришествія скивовъ. Они находились еще въ стадіи каменной культуры, въ то время когда жившіе на востокъ отъ нихъ скивы поднялись уже до бронзовой. Только когда скивы заняли въ VII вѣкѣ до нашей эры всю южную Русь, греческіе колонисты познакомили ихъ съ желѣзомъ, а начиная съ V вѣка мы находимъ у скивовъ уже полное вооруженіе изъ желѣза, какъ свидѣтельствуется объ этомъ находки въ курганахъ. Такъ думаетъ проф. Самоквасовъ.

По этому мнѣнію, слѣд., киммерійская эпоха и начало скивскаго періода обнимаютъ нашъ каменный вѣкъ и расцвѣтъ бронзового. Къ ней Самоквасовъ относитъ, кромѣ нѣсколькихъ собственно кавказскихъ мѣстонахожденій, двѣнадцать кургановъ, раскопанныхъ имъ возлѣ Кисловодска и Пятигорска, курганъ «Безщастну Могилу» и другіе безыменные возлѣ деревни Новогригорьевки въ Екатеринославской губ., «Довгу Могилу» возлѣ Александрополя (тамъ-же), большой курганъ у села Біленькаго и курганъ «Гермесову Близницу», раскопанный И. Я. Забѣлинымъ, въ которомъ было найдено большое количество скорченныхъ скелетовъ въ разныхъ положеніяхъ, съ предметами изъ кости, камня и бронзы, и наконецъ часть кургановъ изъ раскопокъ гр. Бобринскаго въ окрестностяхъ Смѣлы.

Въ курганахъ этихъ скелеты или положены навзничъ, или въ скорченномъ положеніи, или въ сидячемъ, просто на землѣ или въ деревянныхъ или обложенныхъ камнемъ камерахъ. Возлѣ костяковъ кромѣ сосудовъ и многочисленныхъ каменныхъ орудій и оружія (долотъ, молотковъ, ножей) попадаются также и украшенія и оружіе изъ бронзы (мѣди?), главнымъ образомъ стрѣлы.

Къ бронзовому же вѣку можно отнести часть приуральскихъ могильниковъ. Обитатели этого края очень рано обрабатывали уже мѣдь, добывая ее сами изъ богатыхъ уральскихъ копей. Значительная часть металлическихъ предметовъ этой области сдѣлана изъ чистой мѣди или съ примѣсью олова. Впрочемъ, обыкновенно съ мѣдными орудіями и оружіемъ

встрѣчаются и желѣзные, указывая, такимъ образомъ, скорѣе на начало желѣзнаго вѣка. Собственно курганы, встрѣчаемые въ степныхъ мѣстностяхъ Пермской, Оренбургской и сосѣднихъ губерній, относятся уже къ болѣе поздней эпохѣ. Кое-гдѣ, въ Казанской, Оренбургской, Самарской губ. находиликлады мѣдныхъ издѣлій, серповъ, топоровъ, зарытые очевидно торговцами.

Относительно Кавказа мы можемъ также съ большою правдоподобностью говорить о бронзовомъ вѣкѣ. Уже въ 1881 г. на русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ Г. Д. Филимоновъ говорилъ о признаніи настоящаго бронзоваго вѣка на Кавказѣ, въ существованіи котораго не сомнѣваемся и мы; но гр. А. С. Уваровъ его отрицалъ, а гр. Толстой и проф. Кондаковъ еще въ последнее время съ опредѣленностью относить извѣстный могильникъ въ Кобани ко времени начала нашей эры, хотя во многихъ могилахъ его и не найдено было желѣза.

Кобанскій могильникъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, большою своею частью еще бронзовому вѣку, разумѣется самому концу его (или—если угодно—началу желѣзнаго вѣка). Украшенія и большинство оружія въ немъ сдѣланы изъ бронзы, желѣзо встрѣчается только въ видѣ украшеній и орнаментовъ, которыми выложены бронзовые издѣлія (напр. поясныя бляхи), и въ видѣ нѣсколькихъ кинжаловъ, найденныхъ однако въ гробницахъ позднѣйшаго времени.

Кобанскія гробницы открыты были въ 1869 г. во время наводненія недалеко отъ аула Кобанъ, въ Осетіи. Онѣ были изслѣдованы Г. Д. Филимоновымъ, В. Б. Антоновичемъ, Э. Шантромъ, Р. Вирховымъ и многими другими²⁸²). Давно уже ни одинъ могильникъ не производилъ такого волненія въ археологическомъ мірѣ, какъ этотъ. Признавая своеобразность открытой въ немъ культуры, все таки въ отдѣльных ея деталяхъ многіе находили сходство съ бронзовыми древностями Греціи, Венгріи, Сѣвера, а главное, Галльштатта. Его причисляли больше всего къ области галльштаттской культуры, и много было написано о связи этой окраины Россіи съ центромъ Европы.

Дѣйствительно, мы находимъ здѣсь извѣстныя точки соприкосновенія съ другими странами. Мы встрѣчаемъ здѣсь кое что, что пришло въ Европу съ Востока (напр. венгерскіе спиральныя браслеты, характеръ топоровъ, серпы, ожерелья), и кое что проникнувшее, наоборотъ, изъ Европы или вообще съ береговъ Средиземнаго моря, какъ напр. спиральныя наручники (изъ Греціи—по мнѣнію О. Монтелиуса, или изъ Египта при посредствѣ финикянъ—по мнѣнію Соф. Мюллера), дугообразная фибула начала желѣзной эпохи въ южной Европѣ, янтарь, сосуды на подобіе разныхъ животныхъ, эмаль и т. п. Болѣе соотношеній замѣчается впрочемъ въ Кобанскомъ могильникѣ, равно какъ и

въ другихъ позднѣйшихъ могильникахъ Кавказа—съ Сибирью и съ Средней Азіей. Такъ напр. фигурки разныхъ оленеобразныхъ животныхъ, повѣски въ видѣ козлиныхъ головокъ, несомнѣнно, указываютъ на Сибирь. Но, не смотря на всѣ эти частныя сходства въ деталяхъ, въ общемъ кобанскія бронзы вполне своеобразны и представляютъ собою очевидно мѣстную, богато развитую культуру, основы которой были принесены откуда-то изъ Средней Азіи. Относительно халдейскаго происхожденія, которое приписывалъ этой культурѣ Э. Шантрѣ, не имѣется пока никакихъ сколько нибудь убѣдительныхъ доказательствъ.

Кобанскія гробницы заключаютъ въ себѣ обыкновенно по одному покойнику каждая, но встрѣчаются и семейныя гробницы. Принадлежать онѣ къ типу ящикообразныхъ гробницъ. Костяки лежали въ нихъ на боку, иногда въ скорченномъ положеніи, съ руками, приложенными къ груди (см. рис. 229). Самыя гробницы состоятъ изъ хорошо приложенныхъ одна къ другой, отесанныхъ каменныхъ плитъ. Предметовъ при костякахъ много, и въ числѣ ихъ совершенно отсутствуютъ вещи изъ камня и кости; почти все сдѣлано изъ бронзы, желѣзо встрѣчается рѣдко.

Рис. 229. Кобанская гробница (по Шантру).

Между оружіемъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе топорики особенной изящной формы (рис. 230), часто инкрустированные или украшенные рѣзбою; затѣмъ бронзовые кинжалы листообразной формы съ массивной рукоятію (въ гробницахъ позднѣйшаго времени попадаются и желѣзные). Между украшеніями особенно оригинальны большія лопатковидныя булавки, иногда болѣе 30 сантим. длины, оканчивающіяся вмѣсто головки большимъ расширеніемъ въ видѣ лопатки (подобныя неизвѣстны нигдѣ, за исключеніемъ только Южной Америки); затѣмъ булавки съ миниатюрными топориками и фигурками животныхъ вмѣсто головки (рис. 231), небольшія

«зеркальца» съ ушками, служившія по мнѣнію проф. Кондакова для украшенія конской сбруи, большіе спиральные браслеты (рис. 229), подобные венгерскимъ, и массивные гладкіе браслеты, аграфы для поясовъ, инкрустированные желѣзомъ или тѣмъ то въ родѣ цвѣтной эмали (рис. 232), фибулы съ дужкой, сходныя съ тѣми, съ которыми мы встрѣтимся въ слѣдующей главѣ въ южной Европѣ, нѣкоторыя съ цѣпочками и привѣсками вдоль дуги. Изъ привѣсковъ многія имѣютъ форму головы горнаго барана съ сильно загнутыми рогами (подобныя головки встрѣчаются и на фибулахъ, см. рис. 243), разныя спирали, скрученныя изъ толстой проволоки и слу-

Рис 230. Бронзовый топорикъ изъ Кобани.

жившія очевидно украшеніемъ для волосъ, многочисленныя бронзовыя бляхи и пуговицы, служившія для застегиванія одежды, и много другихъ мелкихъ предметовъ, какъ напр. бусы изъ явтаря, стекла и т. д. Керамика представлена также въ изобиліи. Сосуды сдѣланы отъ руки и орнаментированы треугольниками изъ глубоко врезанныхъ черточекъ, и четырёхугольниками, наполненными бѣлою массою.

Изъ этого бѣглого обозрѣнія кобанскихъ находокъ можно видѣть *), что онѣ должны быть отнесены еще къ концу бронзоваго вѣка или, пожалуй, къ эпохѣ переходной отъ бронзы къ желѣзу. Ничто не мѣшаетъ впрочемъ приблизить ихъ абсолютную древность и болѣе къ нынѣшней эпохѣ. Если правы гр. Толстой и Кондаковъ, относящіе ихъ къ самому началу нашей эры, то это значило бы только, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа бронзовый вѣкъ держался чрезвычайно долго. Но другіе опредѣляли древность этого могильника иначе. Вирховъ, напр., издавшій объ этомъ могильникѣ обстоятельную монографію, относитъ его къ XI—X стол., а Шантрѣ ко времени между XV и VII стол. до нашей эры. Монтелиусъ, на основа-

*) Сюда же относятся и наиболѣе древнія части могильниковъ востѣ Самтавро и на Рѣдкиномъ полѣ. Остальные позднѣйшаго происхожденія. На Кавказѣ были найдены и нѣкоторые клады (dépot) этой эпохи, такъ напр. въ Бекешевской станицѣ въ Кубанской области.

нимъ указанныхъ выше сближеній съ греческими и итальянскими находками, относятъ конецъ бронзоваго вѣка въ Кобани къ XIII стол., Морганъ же—наиболѣе древнія

гробницы даже къ 2500—3000 годамъ до нашей эры! Замѣтимъ при этомъ, что еще византійскій историкъ Халкокондиласъ упоминаетъ въ XV в. нашей эры о бронзовомъ (мѣдномъ?) оружii кавказскихъ алановъ. Но мы не можемъ рѣшиться ни на какое болѣе точное опредѣленіе, такъ какъ во всемъ этомъ вопросѣ очень многое остается еще неяснымъ.

Точно также трудно рѣшить вопросъ о томъ, какому народу принадлежала эта самостоятельная и своеобразная кавказская культура. Въ кавказскихъ горахъ и въ Закавказьѣ жили всевозможныя племена; они боролись между собою, и болѣе слабыя изъ нихъ искали убѣжища въ го-

Рис. 231 и 232. Бронзовая булавка и поясная бляха изъ Кобани.

рахъ. Еще въ отдаленной древности страна эта была извѣстна своимъ многоязычіемъ; Плиній насчитывалъ здѣсь 130 языковъ, Страбонъ упоминаетъ о существованіи въ г. Диоскуріи переводчиковъ для 70 нарѣчій. Наибольшую извѣстность между народами Кавказа приобрѣли себѣ аланы, по всей вѣроятности предки нынѣшнихъ осетинъ, но неизвѣстно—откуда пришедшіе *). Прямыхъ указаній на нихъ мы находимъ только у писателей I-го вѣка нашей эры; древности бронзоваго вѣка едва-ли могутъ быть имъ приписаны. Черепа, найденные въ Кобани—долихо- и мезоцефалическіе.

Такою представляется въ бѣгломъ обзорѣ картина бронзоваго вѣка Кав-

*) Въ настоящее время достаточно установлено, что аланы жили раньше сѣвернѣе, между прочимъ на Дону (дон—по осетински—рѣка, и это слово встрѣчается во многихъ названіяхъ рѣкъ Осетіи, напр. Фіагъ-донъ, Ар-донъ и т. д.).

ны. Мы видѣли, что бронзовая культура вышла вѣроятно всего изъ Азіи и оттуда распространилась нѣсколькими путями на западъ, главнымъ образомъ средиземноморскимъ путемъ, съ отклоненіемъ черезъ Эгейское море на сѣверъ, и затѣмъ черноморскимъ путемъ и уральскимъ. По первому изъ этихъ путей перенесенію ея способствовали главнымъ образомъ финиціане, распространившіе бронзу въ прибрежныхъ странахъ Средиземнаго моря, въ Греціи, Италіи, Галліи и Испаніи. Они же, но болѣе греки—занесли ее и на берега Чернаго моря, хотя тамъ было и другое теченіе, именно изъ Месопотаміи и Хорасана черезъ Закавказье. Уральскій путь, шедшій къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, также достигалъ Европы. Всѣ эти пути нашли себѣ затѣмъ общую большую дорогу къ центру Европы по теченію Дуная. Но кромѣ того новая культура подвигалась и съ юга на сѣверъ. Главнымъ двигателемъ этого послѣдняго теченія была преимущественно торговля янтаремъ, существовавшая уже въ концѣ каменнаго вѣка и особенно процвѣтавшая въ теченіе бронзоваго. Въ обмѣнъ на янтарь доставлялись на сѣверъ золото и бронза, въ сыромъ видѣ и въ издѣліяхъ. Главные торговые пути шли отъ сѣверныхъ береговъ на западъ по Рейну, къ устью Роны (путь этотъ соединялся съ другимъ, по которому шла сухопутнымъ торговля оловомъ съ Британіей), или по Эльбѣ, Одеру и Вислѣ и ея притокамъ къ среднему Дунаю и оттуда къ Адриатическому морю, или еще восточнѣе черезъ Венгрію и Балканы къ Эгейскому морю и подъ Карпатами по Днѣстру и Днѣпру до Чернаго моря. Этими путями бронзовая культура проникла въ внутреннюю Европу и на сѣверъ ея, и была затѣмъ мѣстами раньше, мѣстами позже, вытѣснена желѣзною культурою, достигнувши однако ранѣе того, въ нѣкоторыхъ странахъ, замѣчательнаго мѣстнаго развитія.

Однимъ изъ доказательствъ насильственнаго переворота въ культурѣ, происшедшаго на рубежѣ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, признается многими и до сихъ поръ измѣненіе погребальнаго обряда. Мы упоминали уже объ этомъ вкратцѣ на стр. 150 и вмѣстѣ съ тѣмъ указали и на то, что измѣненіе похороннаго обряда вовсе не представляетъ собою явленія, тѣсно связаннаго съ появленіемъ новой бронзовой культуры. Какъ уже сказано было выше, во многихъ мѣстностяхъ Европы сожиганіе мертвыхъ преобладало и въ неолитическую эпоху, а въ настоящей главѣ мы имѣли уже случай отмѣтить, что и въ послѣдовавшую затѣмъ эпоху, или по крайней мѣрѣ

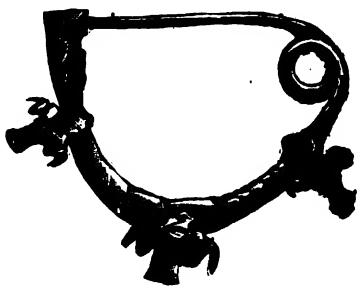

Рис. 233. Фибула изъ Кобани, украшенная головками горныхъ барановъ.

въ началѣ сѣ, прежній обрядъ погребенія въ землѣ сохранялся еще долго напр. въ Баваріи, Австріи, Чехіи, Англіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сжиганіе мертвыхъ и вовсе не замѣнило собой погребенія, какъ напр. въ Греціи, Италіи, на Кавказѣ и на Востокѣ.

Все это рѣшительно свидѣтельствуетъ противъ того, что перемѣна погребальнаго обряда могла произойти только путемъ насильственного переворота, какъ думалъ между прочимъ и Р. Вирховъ. Религіозныя идеи бываютъ обыкновенно слишкомъ глубоко вкоренены у первобытныхъ людей и легко не мѣняются, но идеи указанныхъ двухъ обрядовъ погребенія вовсе не такъ противоположны одна другой, какъ думаетъ напр. Вирховъ. Мы встрѣчаемъ еще и въ настоящее время племена, у которыхъ оба обряда существуютъ совмѣстно; съ другой стороны и между доисторическими могилами встрѣчаются такія, въ которыхъ соединены оба эти погребальныя обряда. Все это достаточно свидѣтельствуетъ, что нѣтъ особенныхъ основаній связывать перемѣну погребальнаго обряда съ насильственнымъ переворотомъ или появленіемъ новаго населенія.

ГЛАВА VII.

Древнѣйшій желѣзный вѣкъ.

Желѣзо, его распространеніе и добываніе въ древности. — Три пояса первобытной желѣзной культуры въ Европѣ. — Греція и греки. — Гипотеза Гёрнеса. — Италия: италии, этруски, венеты. — Галльштаттъ и область галльштаттской культуры. — Балканы, приморскія и альпійскія области Австріи. — Дунайская область. — Чехія и Моравія. — Галлія, Испанія и Британія. — Сѣверъ Европы. — Поля погребальныхъ урнъ этой эпохи и народъ, которому она принадлежали. — Россія и Польша. — Классификація русскихъ кургановъ. — Греческія и скиео-сарматскія древности южной Россіи.

За бронзовымъ вѣкомъ въ Европѣ слѣдовать желѣзный. Желѣзо — въ настоящее время металлъ наиболѣе распространенный и наиболѣе употребительный для приготовленія орудій ²⁸³). Не отличаясь красивымъ цвѣтомъ, требуя много труда для обработки, легко подвергаясь окисленію и наконецъ не будучи теперь рѣдкимъ, — онъ не годится для украшеній. Рѣдкость матеріаловъ вездѣ возвышаетъ цѣну украшеній... Но это не всегда такъ было относительно желѣза. Есть цѣлый рядъ доказательствъ, что и желѣзо употреблялось нѣкогда для украшеній, и если его свойства не могли равнять его съ золотомъ, мѣдью и бронзой, то причиною его употребленія для этой цѣли могла быть его рѣдкость. Въ гробницахъ возлѣ Варки и Мугайяра, — въ Месопотаміи, желѣзо встрѣчается въ видѣ украшеній, такъ-же какъ и въ гробницахъ на о-вѣ Кипрѣ, въ древнѣйшихъ могилахъ Греціи, и наконецъ въ Кобанскомъ могильникѣ, гдѣ оно служило для насѣчки или накладки на бронзовое оружіе и на поясные аграфы. Желѣзный браслетъ найденъ былъ въ скиеской «Луговой» могилѣ, желѣзные перстни въ курганѣ возлѣ Бѣлозерки. Въ Средней Европѣ извѣстны подобныя же находки въ Швейцаріи, въ сѣверной Италіи, въ сѣверной Пруссіи (бронзы, инкрустированные желѣзомъ) и въ другихъ мѣстахъ.

Самородное желѣзо въ Европѣ почти не встрѣчается, за исключеніемъ развѣ метеоровъ. Обыкновенно же оно добывается изъ рудъ, чаще всего изъ магнитнаго желѣзняка, изъ бурой желѣзной руды (лимонита) или красной

(гематита). Черная и красная желѣзные руды содержать въ себѣ около 70% химически-чистаго желѣза. Металлическое желѣзо получается изъ нихъ путемъ возстановленія окисловъ, составляющихъ главную часть руды, дѣйствиємъ сильнаго жара. Полученный такимъ образомъ металлъ никогда не бываетъ чистымъ, такъ какъ всѣ желѣзные руды содержатъ въ себѣ разные примѣси, очистить отъ которыхъ желѣзо и сдѣлать его годнымъ для обработки, при первобытномъ состояніи металлургіи, какъ говоритъ Рейеръ, было дѣломъ очень труднымъ. Вѣроятно поэтому уже и Гомеръ называетъ желѣзо *σίδηρος πολόκηητος* — «тяжко-обрабатываемымъ». Отсюда можно было бы заключить уже а priori, что желѣзо естественно должно было явиться однимъ изъ позднѣйшихъ металловъ, въ ряду игравшихъ наибольшую роль въ исторіи развитія человѣческой культуры.

Нѣкоторые ученые, впрочемъ, какъ напр. Бекъ (L. Beck), Джонъ Перси (John Percy), а вслѣдъ за ними и Блюмнеръ (H. Blümler) считаютъ наоборотъ добываніе желѣза изъ рудъ очень легкимъ, болѣе сподручнымъ, чѣмъ добываніе мѣди. Перси говоритъ, что достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы получить изъ руды, положенной въ огонь изъ древеснаго угля, металлическое желѣзо. Но, конечно, расплавить желѣзную руду можно только при очень высокой температурѣ (около 1200°), достиженіе которой для древнихъ литейщиковъ было весьма затруднительнымъ.

Во всякомъ случаѣ, находки повсюду свидѣтельствуютъ о томъ, что въ Европѣ желѣзо было однимъ изъ самыхъ позднѣйшихъ культурныхъ металловъ и вошло въ употребленіе позже мѣди и бронзы. Изъ этого однако нельзя заключать, что такимъ же образомъ дѣло шло и въ прочихъ странахъ Свѣта *) и что даже въ самой Европѣ не было какой-нибудь страны, въ которой знакомство съ желѣзомъ не произошло раньше знакомства съ бронзой.

*) R. Andree представилъ прекрасный обзоръ исторіи металловъ у примитивныхъ народовъ и въ немъ констатировалъ большое количество центровъ желѣзной культуры въ Старомъ Свѣтѣ: 1) въ Африкѣ; 2) въ западной Индіи; 3) на Малайскомъ архипелагѣ; 4) въ Индо-Китаѣ; 5) въ Китаѣ и 6) въ Японіи. Особенной древностью и распространеніемъ отличается обработка желѣза въ Африкѣ. Въ этой странѣ желѣзный вѣкъ слѣдовалъ, по видимому, непосредственно за каменнымъ. Желѣзную промышленность мы находимъ на р. Замбезе, у кафровъ, у готтентотовъ и т. п. и во всей средней Африкѣ. По словамъ Вайтца, въ Африкѣ, къ югу отъ Кордофана желѣзо добывается такимъ образомъ, что въ ямки, выкопанныя въ землѣ, помещаются куски руды, смѣшанные съ древеснымъ углемъ, затѣмъ сверху разводится огонь и поддерживается долго съ помощью раздуванія мѣхами. У нѣкоторыхъ племенъ, какъ напр. у бамбарра, надъ ямкой устраиваютъ печь. Джуръ и бонги, по словамъ Швейнфурта, тоже строятъ для этого особенныя печи. На дѣлѣ ихъ постепенно накапливаются капли металла, въ которыхъ при помощи ковки получаютъ уже хорошее и годное для издѣлій желѣзо.

Утвержденіе наше относится только къ Европѣ, какъ цѣлому, и къ ея главнымъ частямъ. Для нихъ слѣдуетъ считать вполне вѣрнымъ старое положеніе Томсена, по которому желѣзному вѣку предшествовали вѣка каменный и бронзовый. И такъ-же точно, какъ находки фрагментовъ бронзы въ гробницахъ съ чисто неолитическимъ инвентаремъ нисколько не нарушаютъ справедливости системы трехъ періодовъ, такъ-же точно не нарушаютъ ея и находки въ сѣверо-германскихъ, скандинавскихъ и русскихъ неолитическихъ могилахъ слѣдовъ желѣза. Эти мелкіе предметы, не имѣвшіе въ то время никакого вліянія на общее развитіе культуры, могли заноситься въ то время такими же путями, какъ какія-нибудь стекляныя бусы, или украшенія изъ слоновой кости. Однимъ словомъ, желѣзо слѣдуетъ считать самымъ позднѣйшимъ культурнымъ металломъ въ Европѣ, который началъ проникать въ нее съ юга и юговостока тогда, когда бронзовый вѣкъ былъ въ ней еще въ полномъ расцвѣтѣ.

Происхожденіе европейской желѣзной культуры по всей вѣроятности не было мѣстнымъ. Какъ будетъ объяснено далѣе, желѣзная культура въ Европѣ была, — какъ и бронзовая — вѣроятно, восточнаго происхожденія. Но въ Европѣ желѣзныя руды такъ распространены, и такъ рано начали добываться и обрабатываться, что, несомнѣнно, значительная доля европейской желѣзной культуры, особенно такъ называемая культура la-Tène и римская, имѣли своей основой уже мѣстную промышленность.

Въ тѣ времена, когда въ Европѣ желѣзо еще не было въ употребленіи, оно уже хорошо было извѣстно на Востокѣ. Относительно Египта вопросъ этотъ не разрѣшенъ еще окончательно, но можно полагать, что желѣзо вошло тамъ въ употребленіе съ той эпохи, когда въ стѣнной живописи орудія и оружіе начали изображаться голубою краскою, вмѣсто красной и желтой, т. е. съ начала XVIII династии. Употребленіе его въ болѣе древнія времена, доказываемое Оливье-Борегаромъ, Лепсіусомъ, Видеманномъ, Бекомъ, Габр. де Мортилье и другими, возбуждаетъ сомнѣнія. Возможно однако, что первое начало ввоза этого металла изъ Азіи въ Египетъ относится и къ болѣе раннему времени. Въ находкахъ возлѣ Кагуна, относящихся къ XII дин., а также въ Гуробѣ, Флиндерсъ Петри не нашелъ желѣзныхъ предметовъ, но за то онъ встрѣтился съ ними въ позднѣйшей колоніи, Навкратидѣ. Египтяне добывали желѣзо въ Синайскихъ горахъ, въ Сиріи или во внутренней Африкѣ, въ Нубіи и Кордофанѣ. Въ западной Азіи также не знали сначала желѣза. Въ наиболѣе древнихъ находкахъ, какъ напр. въ гробницахъ возлѣ Мугайяра на Евфратѣ и въ Варкѣ оно попадаетъ рѣдко. Орудія и оружіе этихъ гробницъ сдѣланы изъ камня, мѣди и бронзы, изъ желѣза же встрѣчаются только украшенія, да и то, какъ кажется, лишь въ болѣе позднихъ могилахъ. Указанныя гробницы относятся приблизительно ко

времени отъ 2500 до 1000 л. до нашей эры. Во всякомъ случаѣ, для этихъ странъ можно считать доказаннымъ, что уже въ XIII столѣтіи до нашей эры тамъ употреблялось желѣзное оружіе совмѣстно съ бронзовымъ и во дворцѣ Саргона въ Хорсабадѣ В. Плэсъ (Plase) открылъ цѣлый запасный магазинъ желѣза въ сыромъ видѣ и въ издѣліяхъ, множество кузнечныхъ и земледѣльческихъ орудій, въ общемъ около 160.000 килогр. весомъ. Въ VIII и IX вѣкахъ ассирійская желѣзная промышленность была уже на высокой степени развитія, и ассирійское желѣзное вооруженіе, часто съ бронзовой насѣлкой, имѣло широкое распространеніе.

Изъ другихъ странъ Востока, гдѣ были богатые желѣзные копи и гдѣ желѣзная промышленность также скоро достигла процвѣтанія, слѣдуетъ указать на сѣверную часть Малой Азіи и Закавказье. Здѣсь жили когда-то, по берегамъ Понта и въ Арменіи, халибы, умѣвшіе еще въ древности приготавливать самую лучшую сталь (называвшуюся по ихъ имени *халосъ*). Изъ Синопа и Амисса халибское оружіе развозилось по всему свѣту. Затѣмъ желѣзо находилось въ изобиліи и добывалось издавна въ Сиріи (на Ливанѣ), въ Парсіи, во многихъ мѣстностяхъ Малой Азіи, въ Каппадокіи, Троадѣ, Вивеніи, на о-вахъ Кипрѣ, Родосѣ, Серифѣ и проч.; во многихъ мѣстахъ въ этихъ странахъ оно добывается и теперь.

Если мы примемъ во вниманіе торговые сношенія, которые велись между Востокомъ и южной Европой сначала финикійцами, а потомъ карійцами и греками, если мы припомнимъ, что эти сношенія оставили въ Европѣ множество слѣдовъ внесенія и обмѣна культурныхъ элементовъ, — то намъ не покажется произвольнымъ предположеніе, что и первымъ знакомствомъ съ желѣзомъ Европа обязана тому же Востоку. Въ пользу этого говорятъ и то, что желѣзо, какъ и бронза, появляется ранѣе всего въ странахъ наиболѣе близкихъ къ Востоку. Оно проникало туда, очевидно, нѣсколькими путями—или на западъ, по морю, въ Грецію и на Балканы, въ Италію и въ приморскія области Австріи, или же на сѣверъ и въ этомъ случаѣ или черезъ Черное море въ Южную Россію къ скинамъ, или же прямо изъ Ассиріи торговыми путями черезъ Кавказъ или черезъ Каспійское море къ устьямъ Волги. Наиболѣе древнія желѣзные орудія въ Европѣ извѣстны намъ до сихъ поръ изъ Греціи и Италиі. Въ Греціи однако желѣзная промышленность не сдѣлалась мѣстною*); еще довольно долго недостатокъ въ желѣзѣ покрывался тѣмъ вывозомъ изъ черномор-

*) Еще въ VI вѣкѣ, по извѣстію Геродота, спартанскій посолъ Лихесъ удивлялся кузнечной мастерской въ Тегей въ Аркадіи. Въ Пелопонесѣ, хотя извѣстій объ этомъ и нѣтъ, желѣзо добывалось, какъ кажется, на м. Тенарѣ и въ Малей, позже существовала также выдѣлка желѣза въ Беотіи и на Эвбей. Зато богатые залежи желѣза въ Лавріонскихъ горахъ, въ Атикѣ, остались незамѣченными.

сихъ странъ, отъ халибовъ и другихъ племенъ изъ Малой Азіи. Зато въ сѣверной части Балканъ производство желѣза, повидимому, скоро привилось, тѣмъ болѣе, что залежи желѣзныхъ рудъ очень многочисленны въ Македоніи, Далмаціи и Иллиріи. Въ Италіи, вѣроятно, уже финикіянами были открыты богатые желѣзные рудники на о-въ Эльбѣ (древн. Ива). Въ другихъ мѣстахъ Европы, куда желѣзо сначала ввозилось, оно начало мало по малу добываться на мѣстѣ, какъ напр. въ Моравіи, гдѣ д-ръ Ванкель и другіе открыли древніе рудники и плавильни возлѣ селъ Рудичи, Габрувеа, возлѣ Бланска *), Накля, Слатинекъ, и пр.; они встрѣчаются также во многихъ мѣстахъ Чехіи, въ Усти, Младомъ Болеславѣ, Бубенчѣ, Нусляхъ, Котляржкѣ, возлѣ Праги ²⁸⁶); затѣмъ въ Карпатахъ, въ Силезіи, Штиріи и въ Хорутаніи они были найдены графомъ Вурмбрандтомъ; впоследствии всѣ Норическія Альпы сдѣлались извѣстны своей желѣзной индустріей. Древніе желѣзные рудники были найдены и въ Испаніи, въ Галліи и Швейцаріи; (здѣсь Quirquoz нашелъ около 400 плавильнь на Юрѣ, въ окрестностяхъ Courfaivre, Fornet, Ferrière и пр., изъ которыхъ 61 относятся къ до-римской эпохѣ), въ Британіи (Mouthshire, Yorkshire) и т. д. Тѣмъ не менѣе, для нѣкоторыхъ странъ Европы желѣзо долго

еще оставалось драгоценнымъ металломъ. По извѣстіямъ Цезаря—это было еще въ его время въ Британіи, а по словамъ Тацита у балтійскихъ племенъ (эстовъ, финновъ и пр.)

М. Гернесь является, безъ сомнѣнія, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ культуры начала желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ; поэтому въ настоящей главѣ мы можемъ слѣдовать, главнымъ образомъ, его изложенію.

Уже въ теченіе бронзоваго вѣка, какъ мы видѣли, Дунай представлялъ собою границу между двумя обширными областями культуры. Съ одной стороны его мы видимъ Чехію и сѣверовосточную Венгрію, тѣсно связанныя съ Германіей, съ другой—намъ представляется полоса земель, тянущаяся отъ

*) Здѣсь желѣзная руда сплавлялась съ помощью мѣховъ въ тигляхъ грубой работы и желѣзо собиралось на днѣ ихъ. Ванкель нашелъ тамъ цѣлыя кучи тиглей 20 — 25 сантим. вышиною, въ словъ земли, перемѣшанной съ пепломъ и углемъ. Огонь, жаръ котораго возвышался дѣйствіемъ мѣховъ, раскладывался подъ нѣсколькими такими тигельками или вокругъ нихъ, или же въ яму, вырытую въ землѣ, ставили сосуды большихъ размѣровъ съ отверстиями и трубочками въ днѣ, черезъ которыя вытекало расплавленное желѣзо ²⁸⁴).

адриатического побережья через Альпы къ южной Германіи и къ бассейну Роны. Кромѣ этихъ двухъ областей самостоятельную также область образуютъ собою южно-европейскія страны, поэтому Гёрнесъ дѣлитъ Европу этого періода на три слѣдующіе культурные пояса:

1) Земли, лежащія на сѣверномъ побережьи Средиземнаго моря, т. е. Греція и Испанія (поясъ «сѣверосредиземноморскій» или просто «средиземноморскій»);

2) страны, обнимающія сѣверную часть Италіи, Альпы и Балканы, т. е. полоса средней Европы къ югу отъ Дуная (поясъ «альпійскій» или «южнодунайскій»).

3) Земли къ сѣверу отъ Дуная до морей Сѣвернаго и Балтійскаго (поясъ «сѣверодунайскій» или «сѣверноевропейскій»).

Культура, которой обыкновенно дается названіе Галльштаттской, принадлежит преимущественно второму поясу; тамъ, по мнѣнію Гёрнеса, она возникла и тамъ достигла своего наибольшаго развитія. Въ южномъ поясѣ она не продолжалась долго, принявши вскорѣ характеръ такъ назыв. классической культуры, и была тамъ постоянно подъ сильнымъ вліяніемъ Востока; сѣвернаго пояса эта культура достигла только въ небольшихъ размѣрахъ путемъ торговыхъ сношеній. Тамъ на сѣверѣ жили германцы (востокъ Европы и славянскія страны Гёрнесъ оставляетъ почти безъ разсмотрѣнія), на югѣ — греко-италійскія племена; среднюю область занимали въ эту эпоху кельты, на востокѣ жили иллирійскія племена, которыя по мнѣнію Гёрнеса и были главными носителями этой новой культуры. Такимъ образомъ центръ тяжести культуры начала желѣзнаго вѣка находился въ Иллиріи. Тамъ развились новыя формы, тамъ онѣ достигли расцвѣта и оттуда широкимъ кругомъ распространились во всѣ стороны.

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи Гёрнесъ слѣдуетъ порядку, установленному его культурными поясами, чему послѣдуемъ и мы, находя этотъ порядокъ наиболѣе удобнымъ. Но къ тремъ поясамъ Гёрнеса мы должны будемъ прибавить еще четвертый, обнимающій собою Востокъ Европы, т. е. большую часть нынѣшнихъ славянскихъ земель.

Средиземноморскій поясъ. Греція. Въ этомъ отдѣлѣ удобно коснуться культуры промежуточной эпохи между миценскими временами, когда въ Греціи и на ея островахъ процвѣтала еще бронзовая миценская культура, и между историческимъ періодомъ, когда греческій духъ получилъ такое развитіе, что произведеніямъ его было усвоено впоследствии наименованіе классическихъ.

Начало этого пробужденія, этого освобожденія отъ постороннихъ, главнымъ образомъ, восточныхъ вліяній, относится еще къ промежутку между доисторическими и историческими временами, и мы должны заняться имъ

здѣсь уже потому, что только при его выясненіи можемъ мы получить правильное понятіе о микенской культурѣ, столь важной для Греціи и для историческихъ временъ вообще. Однимъ изъ самыхъ главныхъ мѣсто-нахожденій этой эпохи являются болѣе древнія части раскопокъ въ Олимпіи^{*)}. На Пелопонезскомъ полуостровѣ, недалеко отъ береговъ Элиды, находилась надъ священной рѣкой Алфеєю небольшое поселеніе Олимпія. Оно никогда не достигало до размѣровъ города, но несмотря на это получило всемірную извѣстность, и въ тѣни священной рощи, окружавшей храмъ Зевса, скрывались величайшія произведенія греческаго гения. Это были по большей части драгоценныя художественныя приношенія богамъ отъ воиновъ. Причиной извѣстности этого незначительнаго поселка были знаменитыя олимпійскія игры. Начиная съ 776 года сюда сходились со всѣхъ сторонъ Эллады старые и юные въ надеждѣ получить величайшую награду, которая могла украшать голову грека—простой лавровый вѣнокъ. Олимпійскія игры происходили въ началѣ каждаго четырехлѣтія (олимпіады), на стадіи, находившейся въ предѣлахъ священнаго лѣса, Альтиса. Начались онѣ въ 776 г. до нашей эры и продолжались еще долго и по ея наступленіи. Даже въ тѣ времена, когда Греція подвергалась вторженіямъ варваровъ и домашнимъ междоусобіямъ, олимпійскіе праздники не прекращались. Только въ концѣ IV столѣтія нашей эры, когда страна была опустошена готами, много поселеній было истреблено и городовъ разрушено, насталъ конецъ и Олимпіи. Послѣднія состязанія происходили здѣсь въ 392 г., а черезъ годъ затѣмъ были прекращены по распоряженію императора Θεодосія I-го. Въ священной рощѣ Зевса воцарилась тишина. Наиболѣе драгоценныя художественныя произведенія были давно уже разграблены, а чего не могли унести грабительскія руки варваровъ и римлянъ, то было разрушено временемъ; славный храмъ Зевса Олимпійскаго, съ художественными работами Фидія, Алкамена и Пэонія, храмъ Геры, Рен, алтарь Зевса, Пелопіонъ, Экзедра и т. п. обратились въ развалины, размывались дождями, сравнивались съ почвой, заносились пескомъ и землей, такъ что до недавняго времени только нѣсколько жалкихъ хижинъ указывали мѣсто, гдѣ погребено было столько славы и греческаго величія.

Успѣхи археологическихъ изслѣдованій и результаты раскопокъ въ другихъ мѣстахъ Греціи обратили наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, вниманіе ученаго міра и на Олимпію^{*)}. На средства германскаго

*) Уже ранѣе нѣкоторые догадывались о тѣхъ богатствахъ, которыя должна было скрывать въ себѣ почва Олимпіи, какъ напр. въ 1723 г. Б. де-Монфоконъ, а затѣмъ Винкельманъ; разные путешественники осматривали ее, описывали (R. Chandler, Leake, Dodwell, Gell, главн. обр. лордъ I. S. Stanhope), а французы, когда въ 1828 г. маршалъ Мезонъ занялъ Морею, выслали туда ученую

правительства послана была туда ученая экспедиція и въ теченіе шести лѣтъ, съ 1875 по 1881 г., открывалась понемногу древняя почва Альтиды, выходили на свѣтъ остатки прежнихъ ея сооружений, и изъ подъ развалинъ и на-носной земли было извлечено множество памятниковъ художественнаго и промышленнаго искусства. Результаты раскопокъ оказались замѣчательными, и археологія Греціи обогатилась цѣлымъ рядомъ новыхъ открытій.

Вмѣстѣ съ этимъ было найдено также множество предметовъ доисторическихкихъ или лучше сказать доклассическихкихъ, главнымъ образомъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ. Интересно, что чѣмъ глубже шли раскопки, тѣмъ больше находили бронзы, конечно примитивной, но для насъ тѣмъ болѣе имѣющей значенія. Всѣ эти памятники, найденные въ наиболѣе глубокихъ слояхъ олимпійскихъ раскопокъ, имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ древности, найденныя въ другихъ мѣстахъ Греціи и относящіяся къ микенскому стилю. Какъ было уже объяснено выше, микенская культура обнаруживаетъ негреческій духъ; то что мы видимъ въ гробницахъ микенскаго акрополя, въ вафійской гробницѣ, въ менидской—все это выказываетъ вліяніе Востока. Напрасно стали бы мы искать тамъ ту наивность, ту простоту и вмѣстѣ съ тѣмъ ту красоту и изящество, которыми отличаются позднѣйшія греческія издѣлія классической эпохи. На этомъ основаніи изслѣдователи, наиболѣе основательно ознакомившіеся съ развитіемъ греческой культуры, и считаютъ микенскую культуру негреческою; но тутъ, въ этихъ наиболѣе древнихъ олимпійскихъ находкахъ видна уже печать эллинскаго духа. Олимпійскія находки уже несомнѣнно греческаго происхожденія.

Догреческія племена—карийцы, лелеги, финнскіе колонисты и другіе жили въ Греціи достаточно долго, со времени, начало которыхъ мы опредѣлить не можемъ, до самаго конца II-го тысячелѣтія. Но уже задолго передъ этимъ начали поодиночкѣ прибывать съ сѣвера на югъ новыя греческія племена, доряне, ахеяне и іоняне и населили въ 200 лѣтъ всю небольшую впрочемъ Элладу, населили затѣмъ вскорѣ и греческіе острова, отбѣгая постепенно передъ собою болѣе древнія племена, завоевывая ихъ или изгоняя. Карійцы, по крайней мѣрѣ, по древнимъ извѣстіямъ, возвратились въ это время туда, откуда пришли, т. е. въ Малую Азію, къ югозападнымъ предѣламъ Таврскаго хребта.

Откуда пришли греки, гдѣ было ихъ мѣсто родины въ Европѣ, до сихъ поръ неизвѣстно. По мнѣнію прежнихъ изслѣдователей, греки и италійцы,

---

экспедицію подъ руководствомъ Абея Блуэ (Ab. Blouet) и сдѣлали нѣсколько прекрасныхъ пріобрѣтеній для Луврскаго музея. Послѣ нихъ Олимпія долго оставалась нетронутой, хотя князь Пюклеръ-Мускау, Л. Россъ и Курціусъ и убѣждали въ необходимости новыхъ раскопокъ. Курціусу наконецъ удалось побудить къ этому въ 1874 году прусское правительство.

составляющіе вѣтвь арійскаго племени, жили гдѣ-то недалеко одни отъ другихъ, къ востоку отъ Альповъ или на сѣверѣ Балканскаго полуострова *). Оттуда, вѣроятно, тѣснимая иллирійскими племенами, одна часть ихъ переминулась на западъ въ Италію, другая-же, именно греки,—на югъ, черезъ Балканы, въ Элладу. Первая вѣтвь нашла въ Италіи древнее ея населеніе, еще каменнаго вѣка, побѣдила или оттѣснила его, заселила большую часть полуострова и образовала собою основу будущаго великаго народа римско-италійскаго. Греки же заняли всю Грецію.

Олимпія принадлежала къ числу мѣстностей, заселенныхъ дорьянами. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ туда собирались греки со всѣхъ сторонъ своего новаго отечества, а также изъ колоній и приносили туда свои дары, то мы не находимъ здѣсь какого нибудь однообразнаго характера памятниковъ. Довольно

Рис. 235. Бронзовый нагрудникъ изъ Олимпіи.

многочисленны даже восточныя издѣлія, представлявшія собою очевидно предметы ввоза; Фуртвенглеръ, издавшій недавно обстоятельное сочиненіе объ олимпійскихъ бронзахъ, описываетъ ихъ цѣлый рядъ. Мы укажемъ вкратцѣ только находки, относящіяся къ началу желѣзнаго вѣка, къ до-классической эпохѣ.

Первое, что бросается въ глаза и отличается олимпійскую культуру отъ

*) Новѣйшіе изслѣдователи, впрочемъ, сближаютъ италійцевъ съ кельтами, на основаніи гл. обр. лингвистическихъ данныхъ, что разумѣется не исключаетъ еще сосѣдства съ ними грековъ.

микенской — это присутствіе желѣза. Олимпія принадлежитъ уже желѣзному вѣку, Микены же — бронзовому. Въ Олимпіи и въ наиболѣе глубокихъ слояхъ раскопокъ изслѣдователи постоянно находили желѣзные предметы, хотя къ сожалѣнію большинство изъ нихъ дурно сохранились, а отчасти и совершенно разрушились. Кромѣ того Олимпія отличается цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ типовъ, главнымъ образомъ фибулъ, затѣмъ фигурокъ изъ бронзы, представляющихъ разныхъ животныхъ и людей, бронзовыхъ сосудовъ, а отчасти и вооруженія. Оружіе довольно многочисленно: мечи, обоюдоострые топоры, наконечники копій и стрѣлъ, части оборонительнаго оружія, шлемы съ греческимъ забраломъ, латы, наголенники. Мы прилагаемъ здѣсь рисунокъ нагрудника очень художественной работы, украшеннаго фигурными изображеніями, которые обнаруживаютъ впрочемъ восточное вліяніе, замѣтное особенно въ изображеніяхъ животныхъ вверху и въ одѣяніи человѣческихъ фигуръ (рис. 235) внизу. За то здѣсь вообщѣ отсутствуютъ бронзовые топоры, какъ плоскіе, такъ и со втулкой.

Изъ многочисленныхъ украшеній болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе своеобразныя греческія фибулы типа или «дугобразнаго» (рис. 236), у

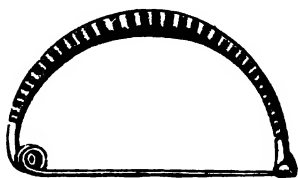

Рис. 236. Дугобразная фибула изъ Олимпіи.

которыхъ дужка бываетъ иногда сплошная и не толстая, а иногда и полая внутри, расширенная наподобіе лодочки (ладьевидныя фибулы), или же змѣевиднаго, называемаго итальянскими археологами «fibule serpeggiante» и происшедшаго изъ перваго посредствомъ усложненія его загибомъ и завиткомъ дужки. Всѣ эти формы произошли, какъ указалъ Ундсетъ²⁸⁷), изъ

болѣе древней простой формы фибулъ, съ которою мы встрѣчаемся въ находкахъ свайныхъ построекъ сѣверной Италіи и которая въ послѣднее время найдена была и въ Микенахъ (ср. рис. 187). Форма эта, бывшая первоначальной въ сѣверной Италіи или въ сѣверной части Балканъ, видоизмѣнилась затѣмъ въ Иллиріи и попала отсюда опять въ Италію, а также, какъ увидимъ далѣе, и въ Грецію и въ весь придунайскій поясъ. При этомъ впрочемъ въ разныхъ мѣстностяхъ изъ нея развились мѣстныя вторичныя формы. Такъ, въ Греціи изъ основной формы, встрѣчающейся въ террамарахъ, развилась дугобразная фибула (попадаетъ уже въ скальныхъ гробницахъ микенскаго нижняго города), дужка которой или оставалась простою или же украшалась бусами, завитками, черточками и т. п. Иногда дужка расклепана въ пластинку, плоскую или лодкообразно-загнутую. Кромѣ этой формы встрѣчаются также и другія; между ними одинъ изъ типовъ, находимый только въ Греціи, представляетъ собою дугобразную фибулу,

пятна которой расширена не такъ, какъ въ Италіи, въ длинную, тонкую, полуоткрытую трубочку, а въ видѣ большой четырехгранной дощечки, загнутой ввиную для захватыванія иглы и украшенной рѣзбой. Это типъ спеціально-греческій. Какого происхожденія форма, встречающаяся въ Олимпіи и въ очень большомъ количествѣ въ Италіи, извѣстная подъ именемъ «fibula a sanguisuga» — до сихъ поръ неизвѣстно. По мнѣнію Ундсета, она скорѣе всего занесена въ Грецію финикійскими торговцами изъ Италіи.

Изъ другихъ наиболее характерныхъ для Олимпіи греческихъ издѣлій можно указать еще на бронзовые сосуды и примитивныя фигурки животныхъ и людей, на діадемы, фалеры и разныя другія украшенія. Къ вещамъ восточнаго происхожденія Фуртвенгеръ относитъ главнымъ образомъ тѣ, орнаменты которыхъ заключаютъ

Рис. 237. Итальянская разновидность фибулъ „a sanguisuga“ (пиявковидныхъ).

въ себѣ очевидно восточные мотивы: двойныя фигуры крылатыхъ львовъ, грифовъ, пальмы, спирали и т. п. Восточныя вліянія здѣсь еще удержались, но они далеко не такъ замѣтны, какъ въ Микенахъ и въ микенскую эпоху вообще. Прибытіемъ грековъ и завоеваніемъ ими полуострова нарушены были многія прежнія сношенія съ Востокомъ, и этимъ разумѣется было ослаблено въ значительной мѣрѣ и восточное вліяніе. Лучшее всего выражается новый характеръ греческаго духа въ орнаментациі и въ формахъ керамики ²⁸⁸).

Спиралей и растительнаго орнамента, отличающихъ микенскую керамику, — мы здѣсь не находимъ, но вмѣсто нихъ видимъ орнаментъ изъ прямыхъ, ломаныхъ, зигзагообразныхъ черточекъ и меандра, этой спеціально въ Греціи выработавшейся формы орнамента *). Этотъ новый греческій стиль лучше всего выражается въ группѣ сосудовъ, происходящихъ изъ очень древнихъ, относящихся къ этой эпохѣ такъ назыв. дипильскихъ гробницъ, открытыхъ въ окрестностяхъ Аѳинъ; по имени древнихъ городскихъ воротъ Аѳинъ, называвшихся *Dipyla* (на сѣверозападной сторонѣ города по пути

*) Меандръ встрѣчается, впрочемъ, и въ древней керамикѣ средней Европы, а также въ народныхъ вышивкахъ славянскихъ странъ. Относительно средней Европы трудно рѣшить, гдѣ онъ появился подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ, а гдѣ самостоятельно. Во всякомъ случаѣ меандръ является вполне самостоятельной формой перуанскаго, новогвинейскаго, китайскаго и японскаго орнаментовъ, а также орнаментики сѣвероамериканскихъ индейцевъ и *Cliff-Dweller*’овъ. Въ этихъ странахъ было бы разумѣется бесполезно искать какого-нибудь соотношенія съ Греціей. Меандры здѣсь имѣютъ другой характеръ, чѣмъ греческіе, но все-таки они — меандры... и служатъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того, что орнаментальные мотивы, какъ первобытные такъ и позднѣйшіе, могли появиться въ разныхъ странахъ совершенно самостоятельно.

къ Академіи и къ Пирею), за которыми были открыты эти гробницы, и греческій стиль былъ названъ дипильскимъ. Дипильская керамика слѣдовала въ Греціи за микенскою. Въ дипильскихъ гробницахъ костей уже не встрѣчается, а только пепелъ умершихъ; среди положенныхъ съ умершими предметовъ оказываются желѣзные мечи, наконечники копій, топоры и покрытые орнаментомъ только что описаннаго стиля — сосуды. Наиболее характерны для этой орнаментации поперечныя полосы изъ фигуръ, представляющихъ животныхъ или людей, очень просто стилизованныхъ. Это по большей части идущіе рядами воины, иногда и женщины въ хороводѣ, ряды оленей, лошадей, рогатаго скота, гусей, — но напрасно мы стали бы искать между этими фигурами столь характерныхъ для Востока: крылатыхъ львовъ, грифовъ, сценъ изображающихъ охоту на львовъ и т. п. (рис. 238).

Рис. 238. Сосуды изъ дипильскихъ гробницъ.

Здѣсь мы видимъ нѣчто совсѣмъ иное, пришедшее не съ Востока, а съ Сѣвера, хотя это и не даетъ еще основанія искать прототиповъ указанныхъ изображеній въ начертаніяхъ на скандинавскихъ скалахъ, что полагаетъ возможнымъ Гернессъ.

Во всѣхъ наиболее древнихъ мѣстонахожденіяхъ дипильскаго характера бронзовыя и керамическія издѣлія сопровождаются уже желѣзомъ, мы находимся уже въ желѣзномъ вѣкѣ Греціи. Вместе съ тѣмъ и общій характеръ издѣлій отличается отъ характера предыдущей эпохи бронзы и приобретаетъ сходство съ началомъ желѣзнаго вѣка Италіи и восточно-аль-

ийскихъ странъ, напр. съ культурой Галльштатта. Дипильскій стиль господствовалъ въ Греціи до VII-го и VI-го стол. до нашей эры и былъ распространенъ во всей восточной части материка и на островахъ, главнымъ образомъ на Мелосѣ, Терѣ и пр. Поэтому съ полнымъ правомъ можно приравнивать эти греческія находки къ средневропейскимъ начала желѣзнаго вѣка. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что между этими странами существовали взаимныя связи, но до сихъ поръ нельзя считать доказаннымъ, чтобы эти связи были такими, какъ ихъ представляетъ себѣ Гернесь, который полагаетъ, что главнымъ центромъ новой культуры была Иллирія. Оттуда, по его мнѣнію, получили ее и греки, передвигавшіеся тогда на югъ.

Но какой именно народъ познакомилъ грековъ съ употребленіемъ желѣза? Дюмилеръ полагаетъ, что это были еракійцы, Гернесь, что и л и р і й ц ы, народъ, о которомъ мы впрочемъ не знаемъ почти ничего. Но какимъ же образомъ стало извѣстно желѣзо этимъ иллирійцамъ. Всего вѣроятнѣе, по мнѣнію Гернеса, чрезъ посредство скиновъ, кочевавшихъ тогда на югѣ нынѣшней Россіи и которые въ своихъ странствіяхъ доходили до самаго Дуная. «Я не задумываюсь высказать догадку», говоритъ Гернесь, «что греки и иллирійцы, въ то время, когда они жили еще въ состояніи неразвитой бронзовой культуры, гдѣ-то на сѣверѣ балканскаго полуострова, приблизительно около 1200 г. до нашей эры, познакомились съ желѣзомъ подъ вліяніемъ скиновъ. Затѣмъ, я думаю, что оба эти народа при своемъ передвиженіи—греки на югъ и востокъ, а иллирійцы — на сѣверъ и западъ,—выработали основы галльштаттскаго стиля, и что позже, когда они оба достигли моря и вошли въ сношенія съ финикійцами и другими восточными народами, они позаимствовали отъ нихъ и азіатскіе образцы и развили ихъ далѣе въ своей культурѣ».

Догадка Гернеса очень остроумна и мы не колеблемся принять ее, по крайней мѣрѣ отчасти. Что источникъ новаго стиля, новой культуры, лучше всего выражаемаго галльштаттскими находками, долженъ былъ находиться гдѣ-то въ предѣлахъ восточныхъ Альпъ или въ сѣверной части Балканъ—это весьма правдоподобно. Во всякомъ случаѣ, правдоподобнѣе предполагать здѣсь самостоятельное развитіе культуры извѣстнаго народа, чѣмъ объяснять ее въ смыслѣ вѣтви западно-европейской и принимать за культуру кельтическую, какъ это неосновательно дѣлали прежде.

Сомнительнымъ представляется только этническое опредѣленіе создателей этой новой культуры. Объ иллирійцахъ, объ ихъ поселеніяхъ и сношеніяхъ съ другими народами мы знаемъ такъ мало, что иллирійская теорія Гернеса можетъ быть принимаема только въ видѣ гипотезы. Наиболѣе слабой стороной ея является допущеніе скиновъ въ качествѣ учителей иллирійцевъ въ обработкѣ желѣза на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ. Съ этимъ мы не можемъ

согласиться потому, что, какъ было уже сказано, мы принимаемъ, что желѣзо проникло въ среднюю и южную Европу не съ сѣверовостока и съ сѣвера, но съ юга и востока, вѣроятно тѣми же путями, какими прежде проникла туда и бронза.

По мнѣнію русскихъ изслѣдователей, скины не доходили до Дуѣпра — но говоря уже о Дунаѣ — ранѣе VII-VIII стол. до нашей эры, т. е. именно того времени, когда заселеніе Эллады греками было уже давно закончено *). Кромѣ того въ эпоху своего появленія скины, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, желѣза еще не знали и познакомились съ нимъ только при посредствѣ греческихъ колонистовъ въ VI столѣтіи. До VIII столѣтія въ южной Россіи жили какія то неизвѣстныя племена въ состояніи культуры каменной и бронзовой. Если это такъ, то принимаемые Гернесомъ иллирійцы едва-ли могли въ концѣ II-го тысячелѣтія заимствовать знакомство съ желѣзомъ отъ скиновъ.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Египтѣ желѣзо навѣрное употреблялось уже для орудіи со временъ XVIII династіи, т. е. уже въ половинѣ II тысячелѣтія до нашей эры, что во дворцѣ Саргоновъ въ Хорсабадѣ найдено было множество желѣзныхъ орудіи, что мы имѣемъ прямые извѣстія о ввозѣ желѣзнаго оружія съ береговъ Чернаго моря и т. д., то было бы страннымъ, если бы при существованіи постоянныхъ сношеній Греціи съ Египтомъ, Финикіей и Чернымъ моремъ, новыя орудія и оружіе не проникли въ нее этимъ путемъ, если бы Греція должна была оставаться въ состояніи бронзовой культуры до X стол. ранѣе нашей эры, къ которому относится пришествіе дорійцевъ, побѣдившихъ древнихъ обитателей страны, какъ думаютъ Дюмлеръ и Гернесъ, только при помощи желѣзнаго оружія. Что скинское вліяніе на иллирійскую культуру, — если оно и было позже, — не могло быть значительнымъ, свидѣтельствуетъ между прочимъ и слабая связь формъ этой культуры со скинской. Въ такъ назыв. галльштаттской культурѣ мы находимъ крайне мало скинскихъ типовъ.

Италія. Подобно тому какъ въ Греціи, мы думаемъ, что и въ Италіи культура желѣзнаго вѣка развилась скорѣе подъ вліяніемъ Востока, при помощи морскихъ торговыхъ сношеній, чѣмъ подъ вліяніемъ Иллиріи. Этимъ, впрочемъ, мы не хотимъ отрицать существованія тѣсной связи между началомъ желѣзнаго вѣка въ Италіи и иллирійскимъ центромъ вообще.

По мнѣнію Гернеса, новая желѣзная культура была принесена въ Италію также съ сѣвера. Греко-италійцы, составлявшіе по Гернесу одно племя, жили

*) Иначе думаетъ, сколько намъ извѣстно, только d'Arbois de Jubainville. По его мнѣнію, скины пришли къ Дуѣпру уже въ 1500 г., а къ Дунаю приблизительно въ 950 г. Въ VII столѣтіи они, по его словамъ, господствовали уже въ Венгріи и Штиріи и доходили даже до Адриатическаго моря.

долгое время вмѣстѣ въ восточныхъ Альпахъ и на сѣверѣ Балканскаго полуострова *); отсюда часть ихъ, именно италійцы, вышли еще въ теченіе бронзоваго вѣка въ Италію, принеся съ собою культуру, известную намъ изъ террамаръ. Въ сѣверной Италіи они нашли древнее населеніе этой страны, оттѣснили его, покорили, а сами расположились между Альпами и Аппенинами. За этимъ племенемъ послѣдовали впрочемъ вскорѣ другія, главнымъ обр. этруски, племя, происхожденіе котораго еще не выяснено, и иллирійскіе венеты, занявшіе всю восточную часть подалпійской области и принешие съ собою галльштатскую желѣзную культуру. Отъ этрусковъ и иллирійцевъ культура эта перешла къ италійцамъ. Въ противность взглядамъ Гёрнесса, мы думаемъ, что желѣзная культура въ южной и средней Италіи, особенно у этрусковъ, происхожденія преимущественно заморскаго и занесена туда съ Востока путемъ торговыхъ сношеній, а равно что и первое появленіе желѣза въ сѣверной Италіи, въ области рѣки По, тоже можно приписать скорѣе всего торговымъ сношеніямъ сѣвернаго побережья Адриатическаго моря съ греческими и финикійскими колоніями Южной Италіи. Сношеніямъ этимъ способствовала постоянная торговля янтаремъ, украшенія изъ котораго очень многочисленны и характерны въ этихъ мѣстностяхъ для культуры начала желѣзнаго вѣка. Кромѣ того, на оживленныхъ торговыхъ сношенія съ Востокомъ указываетъ и цѣлый рядъ издѣлій не мѣстной работы, найденныхъ въ гробницахъ мѣстностей, прилегающихъ къ сѣверной части Адриатическаго моря, особенно прекрасныя стеклянныя украшения, сосуды южноиталійскихъ и кипрскихъ формъ, вещи изъ слоновой кости, можетъ быть и трехгранныя бронзовыя стрѣлы и т. п.; въ фигурныхъ украшенияхъ латъ и бронзовыхъ сосудовъ мы склонны видѣть также лишь мѣстную переработку орнаментовъ, такъ часто встрѣчающихся въ древнемъ искусствѣ Востока. Одно изъ лучшихъ доказательствъ восточной торговли мы видимъ въ стеклѣ, которое въ эту эпоху начинаетъ здѣсь впервые появляться въ видѣ одноцвѣтныхъ и пестрыхъ бусъ и подвѣсокъ. Стекло и эти пестрыя бусы въ особенности были въ данную эпоху несомнѣнно восточнаго происхожденія ²⁸⁹⁾).

Въ предыдущія эпохи мы встрѣчались со стекломъ только въ видѣ исключенія и то только въ странахъ, бывшихъ въ наиболѣе тѣсной связи съ Востокомъ, т. е. главнымъ образомъ въ средиземноморскихъ, — въ Греціи, Италіи, Испаніи, а также въ Россіи. Оно было найдено напр. въ Микенахъ, въ вафійской гробницѣ, менидской, въ Тиринтѣ, Кобани и т. д. и для всѣхъ этихъ мѣстъ возможно предположеніе, что оно восточнаго происхожденія и было занесено путемъ торговли. Колыбелью индійскаго стеклян-

*) Новѣйшія лингвистическія изслѣдованія говорятъ, впрочемъ, противъ этого сличенія греко-италійцевъ.

наго производства былъ Египетъ или Финикія, но истиннымъ мѣстомъ его происхожденія слѣдуетъ считать первую изъ этихъ странъ. Въ Финикіи и въ Ассиріи стекло было извѣстно въ очень отдаленныя времена, но оно явилось туда изъ Египта, хотя Плиній и сохранялъ намъ древнюю легенду о томъ, что его изобрѣли финикіянне. Возлѣ горы Кармель, недалеко отъ Птолемаиды, финикійскія моряки везшіе грузъ селитры, выпили на берегъ, желая при-

они развели огонь на песчаномъ берегу и за нимъ и котелъ на нѣсколько кусковъ селитры. Селитра эта, рѣ сплавилась съ пескомъ въ особое вещество — пер- извѣстіе Плинія невѣрно (прежде всего) уже съ техни- о все-таки оно свидѣлствуетъ, что финикіянне, при- изобрѣтенія стекла, выдѣлывали его съ очень древ- Тиръ и Сидонъ прославились главнымъ образомъ сво- водствомъ.

доставлялось въ Европу преимущественно черезъ туда въ сѣверную Италію и дальше на сѣверъ. Намъ ся и наиболѣе древни небольшія одноцвѣтныя бусы, рѣбыя. Хотя онѣ и попадаются въ гробницахъ съ ь и иногда еще въ раннемъ періодѣ бронзоваго вѣка,

но Ундсетъ справедливо полагаетъ, что во всей сѣверной Европѣ присутствіе стеклянныхъ бусъ можетъ считаться

признакомъ близости желѣзной культу- ры. Въ гробницахъ бронзоваго вѣка онѣ были находимы напр. въ Пруссіи, въ Мекленбургѣ, въ Баваріи. Довольно древни онѣ также въ Чехіи, гдѣ ихъ находили

бусы съ глаз- шипечками.

въ гробницахъ у Поленки, въ Великой Веси, Великой Добрѣ, въ могильникѣ съ

Росицахъ; въ Моравіи онѣ были найдены на полѣхъ Кожушанъ и Тршиць. Другія стекляныя издѣлія о и начала желѣзнаго вѣка—рѣдки.

ихъ цвѣтныхъ бусъ (обыкновенно желтыхъ съ голу- какъ и бусы, украшенныя сверху бородавчатыми ши- нѣсколько позднѣйшаго происхожденія. По мнѣнію ся около 400 года до нашей эры во всей Европѣ и возлѣ Средиземнаго моря *). Происхожденія онѣ

ия бусы съ голубыми глазками были найдены въ Чехіи, виць, недалеко отъ Прижибрама, въ Жаловѣ возлѣ Праги, въ

несомненно восточного; Перро, Тишлеръ, а также Гернесь одинаково высказываются за ихъ восточное, финикийское или египетское, происхождение. Въ Британскомъ музеѣ и въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ мы видѣли цѣлыя собранія ихъ изъ находокъ египетскихъ, сирийскихъ, финикийскихъ (и пуническихъ), наконецъ римскихъ. Подобнаго же происхожденія и пестрые бусы русскихъ, уральскихъ и кавказскихъ гробницъ *).

Независимо отъ такихъ стеклянныхъ бусъ, въ Италиі, въ эпоху императоровъ (въ II стол.) начали готовить бусы и сосуды изъ весьма пестро окрашеннаго стекла и совершенно особой техники, такъ назыв. *millefiori*. Въ этомъ производствѣ (хотя и восточнаго, именно египетскаго происхожденія) итальянцы дошли до замѣчательнаго совершенства. Техника *millefiori* заключалась въ томъ, что палочки разноцвѣтнаго стекла складывались вмѣстѣ такъ, чтобы они образовали различные узоры и затѣмъ сплавлялись въ огнѣ, послѣ чего опять обкладывались новыми слоями цвѣтнаго стекла и наконецъ разрывались на тонкія пластинки, каждая изъ которыхъ представляла одинаковые узоры. Тонкія разноцвѣтныя пластинки употреблялись потомъ для выдѣлки сосудовъ, бусъ и т. п., отличающихся разноцвѣтными полосками и слоями, образующими часто самые прихотливые узоры **).

Циталибскомъ могильникѣ, въ гробницѣ у Лоховицъ, и т. д. Наиболѣе замѣчательная находка была сдѣлана у Вицевицъ, въ Клатовскомъ округѣ, гдѣ было найдено шесть большихъ желтыхъ бусинъ съ бѣлыми и голубыми глазками и съ пишечками; онѣ находятся теперь въ Вѣнскомъ музеѣ. Воцель считалъ ихъ византийскими.

*) Въ Украинѣ подобныя бусы находятъ въ большомъ количествѣ во всѣхъ курганахъ такъ называемаго снескаго періода, въ болѣе позднихъ онѣ уже не встрѣчаются.

(Прим. переводчика.)

**) Особый видъ стеклянныхъ бусъ, такъ назыв. «аггры» приготовлялись, по словамъ Тишлера, слѣдующимъ способомъ. Размягченную въ огнѣ стеклянную трубку окружали нѣсколькими слоями цвѣтнаго стекла, затѣмъ сжимали въ желобчатой формѣ и разрывали на маленькіе кусочки, которые потомъ сглаживались или расплавлялись на поверхности, чтобы сдѣлать послѣднюю одвообразной и ровной. Эти бусы также встрѣчаются во всѣхъ странахъ Европы и въ Америкѣ, известны даже изъ Африки и съ острововъ Тихаго океана. Прежде имъ приписывалось древнеегипетское происхожденіе, главнымъ образомъ на основаніи внѣшняго сходства съ тѣмъ множествомъ бусъ, какія были распространены въ Европѣ съ жѣлѣзнаго вѣка до времени переселенія народовъ. Но Тишлеръ доказалъ, что техника этихъ двухъ видовъ бусъ совершенно различна. Вторыя—происхожденія египетскаго или финикийскаго, тогда какъ «аггры» по мнѣнію Тишлера—позднѣйшаго и по работѣ своей напоминаютъ технику, развившуюся въ XV стол. въ Венеціи, и подражавшую старинной technikѣ *millefiori*. Такимъ образомъ эти «аггры» оказываются гораздо болѣе поздняго происхожденія. Послѣ открытія

Вывозъ стекла на сѣверъ былъ постоянно очень значителенъ и въ позднѣйшія эпохи. Во второй половинѣ желѣзнаго вѣка кромѣ бусъ и монетъ появляются еще въ большомъ количествѣ браслеты, кольца и другія украшенія, покрытыя стекломъ, а позже, въ эпоху римскаго вліянія—множество сосудовъ и бусъ римской миллефіоровой работы.

Тѣмъ не менѣе, вывозъ стекла съ Востока не прекратился и тогда. Въ эпоху великаго переселенія народовъ инкрустація украшеній разнообразной стеклянной массой оказывается опять восточнаго происхожденія, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе. Даже въ средніе вѣка арабы не переставали доставлять въ Европу стеклянные бусы, искусно выдѣлываемыя ими въ Египтѣ и въ Персіи. Арабы составляли даже сочиненія о приготовленіи такихъ бусъ. Славяне, по извѣстіямъ Ибнъ-Фадлана, носили ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, считавшіяся дорогимъ и рѣдкимъ украшеніемъ *). Въ русскомъ языкѣ и до сихъ поръ употребляется слово бусы—арабскаго происхожденія (бусъъ, араб.=busga).

Дѣятельныя торговыя сношенія между Востокомъ и Европой, о существованіи которыхъ, послѣ всего сказаннаго о торговлѣ антаремъ и стекломъ, не можетъ быть больше никакого сомнѣнія, способствовали разумѣею и ознакомленію Европы съ желѣзомъ. Особенно въ Греціи и въ Италіи вліяніе илирійцевъ остается далеко позади прямаго вліянія съ Востока. Мы охотно принимаемъ гипотезу Гёрнеа о существованіи особой илирійской культуры въ началѣ желѣзнаго вѣка, но вмѣсто сключеній, отъ которыхъ будто бы перешло знакомство съ желѣзомъ къ илирійцамъ, мы болѣе расположены вѣрить въ прямое перенесеніе желѣза путемъ торговли съ Востока.

Перехода затѣмъ къ описанію начала желѣзнаго вѣка въ Италіи, мы должны начать прежде всего съ южной и средней ея частей. Исслѣдованія Гельбига, Пигорини и Ундсета не оставляютъ сомнѣнія, что на развитіе желѣзной культуры въ сѣверной Италіи, кромѣ упомянутыхъ уже торговыхъ сношеній, имѣли сильное вліяніе и прямыя сѣверныя воздѣйствія, тогда какъ страны къ югу отъ Аппенинъ и особенно весь югъ Италіи и ея острова подвергались вліяніямъ восточному и греческому. Здѣсь происходили также сравнительно быстрыя смѣны культуръ; черезъ довольно непродолжительное время послѣ введенія желѣза начинается преобладаніе въ средней Италіи

Колумбомъ Америки, эти бусы были завезены путемъ торговли и въ Новый Свѣтъ.

*) Онъ говоритъ о руссахъ: «Наиболѣе частымъ украшеніемъ имъ служатъ бусы изъ зеленаго стекла, какія въ видѣ товара привозятся на ладьяхъ. Она очень гоняются за ними, платятъ по диргеу за одну бусину и дѣлаютъ изъ нихъ ожерелья своимъ женамъ».

Рима, который скоро заглушает свою культуру въ прочія поселенія и выходитъ изъ предѣловъ доисторическихъ временъ.

Еще раньше принялась новая культура на югѣ. Греческіе колонисты, заселившіе берега южной Италіи и Сициліи, приносили ее сюда цѣлымъ потокомъ. Извѣстно, что эти страны носили названіе Великой Греціи. Первые колоніи здѣсь были основаны въ VIII вѣкѣ іонянами, дорьянами, жителями Ахайи и Локриды (Наксосъ, Сиракузы, Леонтино, Катанія, Мегара, Гела въ Сициліи). Вся колонизація совершилась въ VIII и VII столѣтіяхъ. Наиболѣе древняя колонія въ Италіи—Кумы подъ Везувіемъ—основана была въ 725 г., іонянами; въ томъ же столѣтіи появились Регионъ, Сибарисъ, Кротона, Тарентъ и т. д.

Для средней Европы гораздо важнѣе развитіе желѣзной культуры въ сѣверной Италіи. По изслѣдованіямъ Гельбига, съ которымъ соглашается теперь большая часть археологовъ, культура террамаръ была принесена сюда италійцами откуда-то съ сѣвера, съ береговъ Дуная.

Италійцы заняли всю низменность р. По до самыхъ Аппенинъ *) и сами въ теченіе вѣковъ выработали себѣ желѣзную культуру изъ первоначальной бронзовой. Древнѣйшія гробницы этого періода, какъ наприм. гробницы въ Villanova, Bernaschi, Agnolaldi, Poggio, Renza принадлежали, еще этимъ италійцамъ (Бривіо и Заннони говорятъ—умбрамъ) и относятся приблизительно къ первымъ столѣтіямъ I тысячелѣтія до нашей эры (по Гернесу, италійцы еще прежде своего перехода черезъ Аппенины познакомились на югѣ уже съ новою высшею культурою, вслѣдствіе сношеній съ этрусками и съ пилирійскими племенами). Послѣ этого, по мнѣнію Гельбига, въ Италіи появился новый народъ, этруски, пришедшіе будто бы съ сѣвера; они заняли или уничтожили поселенія италійцевъ, оттѣснили ихъ къ югу и утвердили свое господство въ двухъ главныхъ центрахъ—позднѣйшихъ Мантуѣ и Болоньѣ. Здѣсь они жили до самаго начала IV столѣтія до нашей эры, когда натискомъ галловъ съ сѣвера были оттѣснены на самый югъ Аппенинскаго полуострова. Но въ то время еще, когда они находились на сѣверѣ, они пережили

*) Италійцы, разумѣется, распространились очень скоро по всему полуострову и раздѣлились на цѣлый рядъ племенъ, носившихъ различныя названія. Въ сѣверной части принадлежали къ нимъ главнымъ образомъ умбры, въ средней Италіи цѣлый рядъ племенъ (Picenti, Sabini, Falisci, Vestini, Aequi, Paeligni, Marsi, Volsci), между которыми выдвинулись и вскорѣ покорили всѣхъ прочихъ Latini; на югѣ—тоже разные племена, между которыми главное мѣсто занимали самниты, имѣвшіе одинъ языкъ, названный римлянами оскскимъ. Разумѣется, распространеніе это можетъ быть названо только правдоподобной догадкой. Оно основано или на очень неясныхъ извѣстіяхъ древнихъ авторовъ, или на объясненіи ряда древнихъ надписей на языкѣ, который остается до сихъ поръ еще очень загадочнымъ ²⁹¹⁾.

быстрый культурный процессъ. Они чрезвычайно скоро принимали разные культурные элементы, приносившіеся къ нимъ постоянными торговыми сношеніями съ греческими и финикійскими колоніями, и вскорѣ съ юга, съ западнаго побережья Этруріи, распространилась на сѣверъ, за Аппенины, новая высокая культура, происхожденія по большей части греческаго и восточнаго. Словомъ, Гельбигъ и вслѣдъ за нимъ Гернестъ, принимаютъ пришествіе этрусковъ съ сѣвера, но развитую культуру ихъ считаютъ совершенно справедливо результатомъ южныхъ вліяній и полагаютъ, что потомъ она распространилась обратно на сѣверъ, въ сѣверную Италію, съ западнаго берега черезъ Аппенины. Напротивъ, Оскаръ Монтеліусъ думаетъ, что съ Востока явилась не только этруская культура, но и сами этруски. Изъ древнихъ извѣстій Геродота и Ливія можно заключить, что этруски пришли въ среднюю Италію изъ Малой Азіи по морю, и изъ средней Италіи около начала V столѣтія распространились черезъ Аппенины въ равнину р. По. Подобнымъ же образомъ думаетъ въ послѣднее время и Бринтонъ. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ дѣло идетъ только о происхожденіи этрусковъ, относительно же ихъ культуры оба автора сходятся въ мнѣніяхъ, видя въ ней продуктъ иноземнаго вліянія—греко-восточнаго.

Наиболѣе древнюю группу италійскихъ находокъ начала желѣзнаго вѣка, принадлежащихъ, по мнѣнію Гельбига и Пигорини, еще италійскимъ пле-

менамъ, составляютъ могильники, находящіеся въ окрестностяхъ нынѣшней Болоньи, возлѣ Виллановы, въ мнѣніяхъ Benacci, de Lucca, Agnoldi и въ самой Болоньѣ. Въ болонскомъ музеѣ гробницы эти обозначены умбрійскими. Могильникъ возлѣ Виллановы древнѣе и важнѣе прочихъ ²⁹²). Итальянскіе археологи и Ундсетъ единогласно относятъ его къ X—IX в.в. до нашей эры. Въ немъ было найдено около 260 могилъ, изъ которыхъ почти во всѣхъ оказались остатки сожженія; съ костями могилъ той же эпохи нашлось всего 14. Гробницы представляли собою обыкновенныя каменныя кисты (ящики), внутри которыхъ находились большія часто прикрытыя крышками погребальныя

Рис. 240. Погребальная урна изъ Виллановы (Италія).

урны съ пепломъ, окруженныя нѣсколькими (иногда даже до 40) меньшими

сосудами. Всѣ сосуды, въ особенности же самыя урны для пепла отличаются особымъ «виллановскимъ» характеромъ (рис. 240) какъ по формѣ, такъ и по орнаментаци, состоящей изъ ряда горизонтальныхъ полосокъ и вырѣзанныхъ на глинѣ геометрическихъ узоровъ (чаще всего меандра и концентрическихъ кружковъ), а иногда и фигуръ. Между предметами, положенными съ покойниками, очень многочисленны пряслицы и дугообразныя фибулы, дужки которыхъ часто украшены кускомъ стекла или янтаря, затѣмъ браслеты, перстни и серповидныя бритвы обѣ однимъ остриѣмъ (рис. 241). Въ отличіе отъ бритвъ бронзоваго вѣка (см. стр. 232), этотъ

видъ бритвъ съ однимъ остриемъ является характернымъ для начала желѣзнаго вѣка въ сѣверной Италіи. Другую особенность представляютъ здѣсь бронзовые тимпаны съ палочками (рис. 241). Оружіе (топоры, наконечники копій и пр.) по большей части желѣзное.

Рис. 241. Бронзовый тимпанъ съ палочкой и бритва изъ Виллановы.

Такой-же характеръ представили гробницы, найденныя возлѣ Болоньи, въ Велассі и нѣкоторыя могилы, открытыя въ 1857 г. въ самой Болоньѣ. Болѣе позднимъ характеромъ отличаются находившіяся немного дальше отъ города гробницы въ имѣніяхъ Agnoaldi и Tagliavini. Зато къ началу желѣзнаго вѣка относится большой кладъ бронзовыхъ вещей, найденный въ 1877 г. въ Болоньѣ въ паркѣ Св. Франциска и описанный въ прекрасномъ сочиненіи Zannoni подъ названіемъ «Fonderia di San Francesco»²⁹³). Этотъ кладъ былъ зарытъ еще въ желѣзномъ вѣкѣ. Оказалось въ немъ, конечно, много издѣлій древнихъ типовъ, напр. топоровъ съ пяткой и съ втулкой, бронзовыхъ наконечниковъ копій, серповъ, ножей и т. п., но громадное количество дугообразныхъ фибулъ (типа a sanguisiga), змѣевидныхъ и т. д. свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что кладъ былъ закопанъ въ

началѣ желѣзнаго вѣка. Всѣхъ бронзъ (часть вещей попорчена и сломана) насчитывается около 15000 штукъ. Zanponi, Conestabile, Belucci и др., считаютъ этотъ кладъ запасомъ литейной мастерской, скрытымъ въ смутныя времена, Ундсетъ-же принимаетъ его за жертвенное приношеніе богамъ, ссылаясь на извѣстіе, сохранившееся у св. Орозія, по которому послѣ счастливой битвы добыча, состоявшая изъ непріятельскаго оружія и украшеній, жертвовалась богамъ. Подобное-же мнѣніе раздѣляетъ и Г. Эроли.

Извѣстный могильникъ возлѣ Golasessa на р. Тичино и въ Sesto Calende (ислѣдованный Р. Casteffranco) въ своей болѣе древней части обнаруживаетъ также сходство съ виллановскимъ типомъ, хотя и болѣе простыхъ формъ; желѣзо мѣстами еще совершенно отсутствуетъ.

Въ южныхъ Аппенинахъ, позднѣйшей Этрурии, къ этой эпохѣ, кромѣ нѣсколькихъ меньшихъ могильниковъ (Poggio, Renzo) относятся главнымъ образомъ до-этрусскія гробницы въ Corneto (древнихъ Тарквиніяхъ). Гробницы эти съ остатками погребенія и сожженія; непель помѣщали въ глиняныхъ или бронзовыхъ сосудахъ. Здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемся въ урнахъ въ видѣ жилищъ*). Бронзовое оружіе, мечи, наконечники копій, острокопечные шлемы съ гребнемъ здѣсь еще очень многочисленны, украшенія въ высшей степени разнообразны. Все носитъ характеръ эпохи, въ теченіе которой древнюю бронзовую культуру начинаетъ заслонять культура новаго склада, выражающаяся главнымъ образомъ въ геометрическомъ орнаментѣ на бронзахъ и въ керамикѣ. Чѣмъ къ позднѣйшему времени относятся гробницы, тѣмъ погребеніе преобладаетъ надъ сожженіемъ и вмѣстѣ съ характеромъ гробницъ измѣняется и характеръ находимыхъ въ нихъ предметовъ, причемъ особенно увеличивается количество греческихъ издѣлій. Fr. Duhn объясняетъ это тѣмъ, что въ эти страны, по крайней мѣрѣ уже въ VIII вѣкѣ, проникли этруски, но не истребили древняго населенія, а жили съ нимъ или возлѣ него. Гробницы съ скелетами принадлежатъ имъ. Той же древности и гробницы возлѣ древней Ветулоніи (напр. Poggio alla Guardia), отличающіяся интересными слѣдами восточныхъ вліяній.

Какъ было сказано, гробницы, найденныя въ имѣніи Arnaldi возлѣ Болоньи, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ находки виллановскаго или корнетскаго типовъ. Но все таки онѣ отличаются еще однимъ стилемъ, и

*) Въ гробницахъ въ окрестностяхъ древней Ветулоніи этого рода урны также очень многочисленны. Наиболѣе извѣстныя изъ такихъ погребальныхъ урнъ были найдены въ Албанскихъ горахъ возлѣ Рима (ср. рис. 59), гдѣ возлѣ Марино и Альбано они оказались въ слѣдъ разлившейся лавы и вулканическаго пепла. Ундсетъ причисляетъ ихъ хронологически къ виллановской группѣ. Кромѣ того онъ встрѣчается и въ Греціи (на о-вѣ Мелосѣ), въ сѣверной Германіи, въ Даніи ²⁹⁴⁾.

принадлежать къ одной группѣ которую Гельбигъ и Пигорини называютъ итальяскою, умбрійскою, Ундсетъ—просто древнеиталийскою, Гоццанини—протоэтрусскою.

Какъ удостовѣряетъ исторія, въ слѣдующую эпоху, въ сѣверныхъ и южныхъ Апенниннахъ жили уже этруски ²⁹⁵). Какого они были происхожденія и откуда пришли, до сихъ поръ еще съ достовѣрностью неизвѣстно. Сами себя, по извѣстію Діодора, они называли *Ῥασένας*, римляне называли ихъ *Etrusci, Tusci*, греки—*Τυρσηνοί, Τυρρῆνοι*.

Антропологическія изслѣдованія не даютъ пока о нихъ ничего опредѣленнаго*), а археологія указываетъ только, что культура ихъ была до такой степени подчинена чужимъ вліяніямъ, что судить по ней о происхожденіи этрусковъ пока невозможно. Остаются затѣмъ только извѣстія древнихъ писателей и главнымъ образомъ лингвистическія изслѣдованія. Древніе авторы или приписываютъ имъ происхожденіе малоазійское, какъ Геродотъ и Тимей, или же отождествляютъ ихъ съ пелазгами (Θυκιδίδης и Геланикъ). По отзыву же Діонисія Галикарнасскаго, этруски не подходили ни къ одному изъ извѣстныхъ ему народовъ ни по своимъ нравамъ, ни по своему языку. Наиболѣе догадокъ и гипотезъ высказано было въ новѣйшее время на основаніи ряда этрускскихъ надписей, сдѣланныхъ письменами, позаимствованными изъ греческаго халкидскаго алфавита,—и теперь нѣтъ тоже ни одной сколько нибудь выдающейся вѣтви европейскихъ народовъ, съ которой бы ихъ не связывали по происхожденію. S. Maffei, C. Janelli, C. Tarquini, G. Stickel, Fr. Leoni признаютъ ихъ родичами семитовъ; C. Is. Taylor и R. Brown считаютъ ихъ племенемъ урало-алтайскимъ; большинство изслѣдователей и притомъ болѣе осторожныхъ причисляетъ ихъ къ индоевропейцамъ. W. Corssen и S. Bugge объявили ихъ очень близкими къ итальяцамъ, и наконецъ извѣстный этрускологъ W. Deecke, думавшій сначала иначе, въ недавнее время присоединился къ этому послѣднему мнѣнію и считаетъ этрускскій языкъ однимъ изъ итальяскихъ діалектовъ. Но совершенно другаго рода мнѣніе защищаетъ наиболѣе компетентный знатокъ языка этрусковъ E. Pauli, съ которымъ соглашаются вполне и нѣкоторые другіе, главнымъ обр. Гоммель, Гесельмейеръ, Шеферъ (Schaefer), K. O. Мюллеръ и Zubaty. Паули отрицаетъ рѣшительно близость этрусковъ какъ къ индоевропейцамъ, такъ и къ семитамъ. По его мнѣнію, этруски составляли часть вполне самостоятельной группы племенъ, которая жила когда-то въ Малой Азіи и въ Сиріи (Гоммель называетъ ее алородскою) и къ которой, какъ мы упоминали уже на стр. 268, принадлежали и загадочныя племена греческихъ

*) Антропологически этруски не принадлежатъ къ одному типу. Между черепами, найденными Zanetti, Nicolucci, Calori и Sergi, были и долихо и брахицефалы, послѣдніе въ меньшемъ количествѣ.

пелазговъ, сирійскихъ гиттитовъ, малоазійскихъ лидійцевъ, ликійцевъ, карійцевъ и т. д., а въ западной Европѣ—этрусковъ и ретійцевъ. Эти послѣдніе пришли туда съ Востока черезъ Балканы. Д. Бринтонъ сближаетъ въ послѣднее время этрусковъ съ древними ливійцами и съ берберами въ одну антропологическую и этнографическую группу и полагаетъ, что они пришли въ Италію моремъ съ юга. Изъ археологовъ, какъ мы сказали уже, Гельбигъ и Гернесь думаютъ, что они пришли съ сѣвера, Монтелиусъ—что по морю изъ Малой Азіи; Ундсетъ и Фальки (Falchi), впрочемъ съ точки зрѣнія археологической, признаютъ только простой переходъ древней италійской культуры въ болѣе позднюю «этрусскую».

Въ началѣ историческихъ временъ этруски являются въ Италіи въ видѣ довольно сильнаго федеративнаго государства. Они не образовали монархіи, а только группу состоявшихъ между собою въ союзъ поселеній, расположенныхъ отчасти къ сѣверу отъ Апеннинъ, въ долинѣ р. По, отчасти-же въ собственно—Этруріи. Главнѣйшими городами ихъ на сѣверѣ были Фельзина, позднѣйшая Бононія, Мельпумъ, въ мѣстности позднѣйшаго Медиолана (Милана) и Мантуя; на югѣ—Pisae, Arretium, Volterrae (Velatri), Vetulonia (Vetulna), Rusellae, Cortona, Clusium, Volsinii (Velsuna) и Veji.

Будучи хорошими моряками, какъ и греки, этруски рано начали вести торговлю на Тирренскомъ морѣ и въ особенности вступили въ сношенія съ греческими и финикійскими колоніями. Они заселили о-ва Эльбу, Сардинію, Корсику и основали въ Кампаніи цѣлый рядъ городовъ, между прочимъ Капую и Нолу; греки съ своей стороны основали также рядъ поселеній на берегахъ собственно-Этруріи, въ Пизахъ, Теламонѣ, Пирзахъ, Альзіонѣ, Спинѣ, Равеннѣ. Если вѣрны заключенія Деверіа, Руге и другихъ, прочитавшихъ на одной карнакской надписи (гдѣ исчислены средиземноморскія племена, набѣгъ которыхъ на Египетъ былъ отраженъ фараономъ Рамзесомъ) имена Туриса, Тирсены и видящихъ въ нихъ этрусковъ, — то этруски уже съ половины II-го тысячелѣтія до нашей эры были могущественнымъ морскимъ и хищническимъ племенемъ²⁹⁶).

Благодаря этимъ взаимнымъ отношеніямъ, то мирнымъ, то враждебнымъ, и развились этрусскія могущество и культура, разумѣется вполнѣ на греческихъ и восточныхъ основахъ. Но въ началѣ V-го столѣтія начались уже первыя потрясенія. Первые удары могуществу этрусковъ были нанесены сильными колоніями грековъ на югъ (гл. обр. Кимами въ союзѣ съ Сиракузами), затѣмъ послѣдовало храброе наступленіе самнитянъ, а наконецъ и галловъ, начавшихъ заселять сѣверную Италію и положившихъ конецъ владычеству этрусковъ разрушеніемъ въ 396 г. Мельпума, самаго значительнаго ихъ города на р. По. Галльскія племена—инсубры, ценоманы, бойи, лингоны и сеноны наполнили собою всѣ бывшія этрусскія земли и подвига-

лись далѣе внутрь Италіи. Римляне послѣ сильной борьбы отразили ихъ, но скоро потомъ и Этрурія подчинилась исполнѣ римскому владычеству. Она была совершенно латинизирована и въ 89 г. до нашей эры всѣ этруски получили уже римское гражданство. Тѣмъ не менѣе, во времена своего процвѣтанія Этрурія успѣла значительно развить свою культуру. Этруски отличались наклоностью къ торговлѣ, заимствовали при этомъ много чужаго—греческаго и восточнаго, но успѣвали придать этому чужому свой особенный характеръ—больше всего въ техникѣ. Для позднѣйшей римской культуры этрусская имѣла очень большое значеніе: этруски во многомъ были учителями римлянъ. Римскій домъ—этрусскаго происхожденія, наиболѣе древніе храмы—тоже; римскіе строители научились у этрусковъ выводить своды и позаимствовали у нихъ умѣнье дѣлать постройки на водѣ. Отъ этрусковъ римское искусство получило все, что въ немъ есть наиболѣе оригинальнаго, а именно большое развитіе портретизма. Вообще-же римляне взяли у нихъ многое для развитія своихъ частныхъ и общественныхъ учреждений.

Эпоху появленія этрусковъ въ сѣверной Италіи опредѣлить съ точностью мы не можемъ. Борсари относятъ ее къ XII стол. до нашей эры, другіе къ болѣе позднему времени. Но въ VII стол. они уже навѣрно были тамъ, и гробницы, которыя по разнымъ признакамъ могутъ быть съ достовѣрностью отнесены къ тому времени, носятъ уже этрусскій характеръ. Гробницы этрусковъ отличаются отъ древнихъ италійскихъ (умбрійскихъ) главнымъ образомъ измѣненіемъ похороннаго обряда (погребеніе въ землѣ преобладаетъ надъ сожиганіемъ труповъ), а затѣмъ и характеромъ керамики и металлическихъ издѣлій. Въмѣсто сосудовъ архаичныхъ формъ появляются греческія расписныя вазы или мѣстныя имъ подражанія, появляется кромѣ того и цѣлый рядъ новыхъ бронзовыхъ издѣлій: канделябры, треножники, зеркала, ящички, затѣмъ стеклянныя издѣлія, серебряныя фибулы и т. п. Оружіе было желѣзное. Кромѣ того, находятъ уже и наиболѣе древнія бронзовыя монеты, изъ красной мѣди (aes).

Очень интересно при этомъ, что къ сѣверу отъ Апеннинъ мы не находимъ гробницъ древнѣйшаго этрусскаго характера; онѣ встрѣчались до сихъ поръ только южнѣе Апеннинъ въ позднѣйшей, собственной Этруріи; на сѣверѣ замѣняютъ ихъ, археологически современныя съ этой древней этрусской культурой—гробницы младшаго виллановскаго типа (Argoaldi и т. п.). Явленіе это повидимому свидѣтельствуетъ въ пользу теоріи Монтеаіуса, по которой этруски, придя въ Италію моремъ, распространялись отъ южныхъ Апеннинъ на сѣверъ. Но оно совмѣстимо также и съ обратнымъ ходомъ передвиженія этрусковъ. Разумѣется, мы должны представить себѣ, что этруски пришли въ Италію съ неразвитой еще культурой и что только путемъ торговыхъ сношеній усвоили себѣ свои позднѣйшія этрусскія культурныя

особенности, причемъ онѣ распространялись постепенно съ юга на сѣверъ. Здѣсь на югѣ культура развивалась быстрее, чѣмъ на сѣверѣ. Въ болѣе древнему періоду этрусской культуры, когда греческое вліяніе не было еще такъ замѣтно, относятся, главнымъ образомъ, гробницы, найденныя въ окрестностяхъ нынѣшней Кьюзи (Chiusi), древняго Клузіума, также возлѣ Вульчи (Vulci) и пр. Гробницы въ Кьюзи, такъ назыв. *tombe a rozzo* — колодцеобразныя гробницы *) — представляютъ собою глубокія, выложенныя камнемъ ямы, въ формѣ бутылокъ, на днѣ которыхъ находятся урны съ пепломъ умершихъ. Этотъ видъ гробницъ для данной мѣстности наиболѣе древній, и въ нихъ не встрѣчается еще ничего греческаго. Вѣроятно, это прототетрусскій типъ. Въ позднѣйшихъ этрусскихъ могильникахъ появляются или рядомъ, или вмѣстѣ съ этими глубокими гробницами болѣе мелкія «*tombe a fossa*» — продолговатыя четырехугольныя ямы — обыкновенно съ остаткамъ погребенія, или же «*tombe a zigo*» съ большими сосудами, занимающими всю гробницу. Еще болѣе поздними оказываются гробницы на подобіе камеры, высѣченной въ скалѣ (*tombe a camera*). Этотъ характеръ имѣетъ напр. недавно изслѣдованный Гзеллемъ могильникъ возлѣ Вульчи въ имѣніи князя Торлонія. И тутъ наиболѣе древними оказываются колодцеобразныя гробницы съ остатками сожженія, а болѣе поздними гробницы въ видѣ ямъ и еще позднѣйшими — камеры въ скалахъ. Въ этихъ послѣднихъ остатки трупосожженія являются рѣдкимъ исключеніемъ.

Рис. 242. Колодцеобразная гробница въ Марзаботто.

Въ сѣверной Италіи до сихъ поръ еще неизвѣстно этрусскихъ могильниковъ, которые бы соответствовали древнимъ гробницамъ въ Кьюзи. За то здѣсь сохранились два замѣчательныхъ памятника нѣсколько болѣе поздняго типа, именно могильники возлѣ Марзаботто и около Чертозы, недалеко отъ Боловны. Марзаботто — это замокъ и небольшое поселеніе въ Апенниннахъ, на

*) Подобныя же колодцеобразныя гробницы были найдены возлѣ Казерты, Ветулоніи, въ Марзаботтѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ последнее время Кьеричи открылъ ихъ возлѣ Сервиры и въ мѣстности Sanpola d'Enza. Это глубокія ямы съ урнами, бронзовыми и желѣзными вещами, костями домашнихъ животныхъ и т. п. Стробель считаетъ ихъ въ большей части современными съ Marzabotto.

дорогѣ, соединяющей Болонью съ Флоренціей. Мѣстонахожденіе это еще недостаточно оцѣнено, и ни одна часть его еще не была вполне обстоятельно изслѣдована. Марзаботтскій могильникъ былъ открытъ въ шестидесятыхъ годахъ, и результаты сдѣланныхъ раскопокъ были прекрасно обработаны гр. Гоццадини ²⁹⁷). Но въ Марзаботтѣ для насъ интереснѣе не одинъ только могильникъ. Тамъ былъ открытъ и древній этрусскій городъ, который съ полнымъ основаніемъ называютъ этрусской Помпеей. Какъ назывался этотъ городъ, мы не знаемъ; но по находкамъ очевидно, что это былъ небольшой городокъ, основанный приблизительно въ V столѣтіи, который уже во время вѣствованія галловъ былъ сперва отчасти, а потомъ и совершенно покинутъ, причемъ послѣдующіе римскіе колонисты не основали на его развалинахъ никакихъ поселеній. Благодаря этому, основанія древнихъ построекъ остались вполне нетронутыми и теперь, по снятіи верхняго слоя щебня, обнаружился вполне сохранившійся планъ древняго города. Онъ былъ изслѣдованъ Эд. Бризио, изъ описанія котораго можно заимствовать слѣдующее. Городъ былъ не великъ; три улицы въ 15 метровъ ширины, съ широкими возвышенными троттуарами, шедшія одна съ сѣвера на югъ, а двѣ другія съ запада на востокъ, раздѣляли городъ на кварталы. Каждый изъ нихъ, въ свою очередь, перерѣзывался перекрещивавшимися между собою переулками на мелкія группы домовъ. Этрусскіе дома этого города имѣли свой особенный характеръ. На улицу выходили обыкновенно склады и лавки; между ними былъ проходъ въ вестибулумъ, а оттуда въ украшенный колоннами атриумъ, посреди котораго находилась сдѣланная въ помостъ цистерна для дождевой воды. За атриумомъ слѣдовали комнаты, предназначенныя для жилья. Весь этотъ основной типъ дома былъ позаимствованъ у этрусковъ римлянами.

Неподалеку отъ города находилось кладбище. Гробницы въ немъ оказались двухъ типовъ: съ остатками погребенія и сожженія, — первые въ большемъ количествѣ. Устройство гробницъ было различно. Кромѣ знакомаго уже намъ колодцеобразнаго типа, встрѣчаются и гробницы въ видѣ камеръ или ящика,

Рис. 243. Бронзовое желобчатое ведро.

сложеннаго изъ отесанныхъ каменныхъ плитъ. Сверху гробницы обозначались

или плоскими стелами, или столбами, или же большими каменными шарами. Пепелъ умершихъ заключали въ глиняныя или бронзовыя урны, а также въ желобчатыя ведра (рис. 243), называемыя итальянцами *ciste a cordoni*. Этотъ видъ бронзовыхъ ведеръ является характернымъ для всего начала желѣзнаго вѣка, особенно для находокъ въ сѣверной Италіи. Увидеть принималъ его прежде вообще за мѣстную этрусскую форму, и только Гель-

Рис. 244. Чертовская гробница.

бигъ, а послѣ него Орси показали, что это—издѣлія греческаго происхожденія. Позже, впрочемъ, они настолько распространились, что мы встрѣчаемся съ ними почти во всей Европѣ, даже въ находкахъ бронзоваго вѣка, въ странахъ, гдѣ бронзовая культура была еще современна съ началомъ желѣзнаго вѣка, какъ напр. въ сѣверной Италіи, въ Венгріи и т. д. Кромѣ погребальныхъ урнъ встрѣчаются впрочемъ въ большомъ количествѣ и сосуды, по формѣ и орнаментациіи чисто греческіе. Вообще въ керамикѣ этрусскихъ гробницъ

сказываются всего явственнѣе слѣды тѣхъ торговыхъ сношеній, какія существовали здѣсь въ эту эпоху. Почти вся посуда оказывается привозною, греческою—или изъ южно-италійскихъ колоній, или изъ самой Греціи. Кромѣ древнѣйшихъ вазъ, на которыхъ фигуры изображены черною краскою на свѣтломъ полѣ, здѣсь попадаются въ большомъ количествѣ типы болѣе современные, съ свѣтлыми фигурами на черномъ полѣ. Нѣтъ также недостатка и въ декоративной греческой скульптурѣ. Изъ прочихъ предметовъ, найденныхъ въ гробницахъ, надо отмѣтить еще бронзовыя зеркальца, бронзовыя украшенія (особенно массу фибулъ), золотыя и серебряныя вещи, разные камни, предметы изъ янтаря, изъ стекла, (между прочимъ и небольшія бутылочки); изъ оружія—желѣзные мечи, наконечники копій, кинжалы и т. п.

Подобнымъ же богатствомъ отличается и могильникъ, открытый въ 1871 г. недалеко отъ Болоньи, возлѣ бывшаго монастыря La Certosa (Чертоза). По

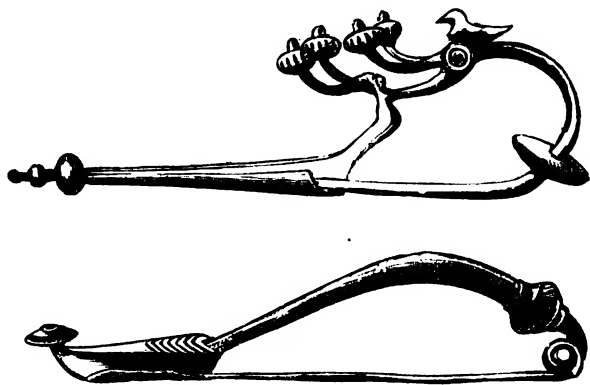

Рис. 245 и 246. Фибула съ рожками, найденная въ Грастьѣ въ Крайнѣ, и фибула чертозскаго типа.

формѣ и содержанію гробницы этого некрополя очень сходны съ марзаботтскими²⁹⁸). Могилы съ остатками погребенія здѣсь также преобладаютъ надъ остатками сожженія, и такъ же точно обнаруживается греко-восточное вліяніе во множествѣ привозныхъ издѣлій. Большой интересъ представляютъ здѣсь фибулы. Это—или уже знакомыя намъ змѣевидныя формы, въ которыхъ дужка согнута различными способами и часто украшена нѣсколькими рожками съ головками на концахъ (рис. 245), или же, и притомъ чаще, это особенный мѣстный видъ фибулъ съ продолговатой дужкой, переходящей въ трубко- или желобообразную пятку, конецъ которой украшенъ пуговкой. Подобная же пуговка или плоское круглое утолщеніе бываетъ обыкновенно насажена на дужку въ томъ мѣстѣ, гдѣ она однимъ или двумя завитками переходитъ въ иглу (рис. 246). Типу этому дано названіе «чертозскаго

типа», и мы встречаемся съ нимъ довольно часто въ приморскихъ областяхъ Австрiи, но очень рѣдко въ Швейцарiи и Франціи. Нѣкоторые видятъ въ немъ переходную форму къ фибулѣ ла-тенскаго типа, характерной для позднѣйшихъ эпохъ желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ и отличающейся тѣмъ, что конецъ пятки съ цуговкой обращенъ вверхъ и приближенъ къ внѣшней сторонѣ дужки (рис. 247). Любопытно, что эти фибулы ла-тенскаго типа были найдены уже въ Чертозѣ. Къ числу характерныхъ предметовъ относится также чертозская ситула. Ситулы — это бронзовые сосуды, въ формѣ обращеннаго вершиною внизъ усѣченнаго конуса, съ дугообразной ручкой²⁹⁰). Онѣ очень многочисленны и, подобно желобчатымъ ведрамъ, характерны для начала желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ; многія изъ нихъ по своей орнаментациі очень цѣнятся въ музеяхъ. Извѣстенъ уже цѣлый рядъ подобныхъ ситулъ, которыя, такъ же какъ и чертозская, украшены опоясывающими ихъ фигурными изображеніями чеканной работы. Объ одной ситулѣ, найденной въ Вачѣ въ Крайнѣ, мы скажемъ подробнѣе въ дальнѣй-

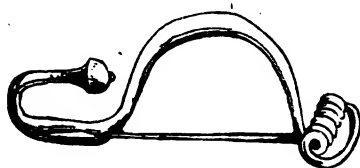

Рис. 247. Фибула ла-тенскаго типа.

шемъ изложениі. Она интересна не только по своей работѣ, но и по находящимся на ней изображеніямъ, дающимъ наглядное представленіе о народной жизни. Мы видимъ воиновъ, идущихъ рядами, борьбу, пиры, танцы, охоту и т. п. Нельзя думать, чтобы эта фигурная орнаментациія сосудовъ была сѣвернаго происхо-

жденія и явилась въ Грецію и Италію изъ Иллиріи; скорѣе можно видѣть первообразъ подобныхъ изображеній въ ассирійскихъ и финикійскихъ издѣліяхъ. Вѣроятно, однако, что изображенія на этрускскихъ ситулахъ мѣстной работы и представляютъ сцены изъ жизни самихъ этрусковъ. Заннони приписывалъ этимъ ситуламъ умбрійское происхожденіе, Гоштеттеръ — мѣстное, альпійское; Бенндорфъ полагаетъ, что онѣ древнегреческой работы, другіе же, что мѣстной этруской. Въ послѣднее время Сомбати склоняется больше всего въ пользу финикійскаго и пуническаго происхожденія, ихъ, признавая въ то же время близость ихъ декоративнаго стиля къ древне-іоническому искусству.

Чертозская ситула украшена четырьмя поясами изображеній, на которыхъ представлено около 70 фигуръ людей и животныхъ. Въ верхнемъ поясѣ изображено войско, построенное въ ряды, отчасти конное съ сѣкирами на плечахъ, отчасти пѣшее. Пѣхотинцы почти всѣ вооружены большими щитами, шлемами и копьями. Во второмъ ряду мы видимъ какое-то праздничное религиозное шествіе. Мужчины одѣты въ длинныя олежды съ большими плоскими шляпами на головахъ; женщины несутъ на закутанныхъ покрывалами

головахъ амфоры. Въ третьемъ поясѣ сначала землепашецъ, съ плугомъ на плечахъ, выгоняетъ пару воловъ въ поле, затѣмъ слѣдуютъ сцены, изображающія охоту, музыку (игру на *syrix* и на лиръ), пляску и приготовленія къ приему гостей. Въ четвертомъ ряду изображено нѣсколько дикихъ и фантастическихъ животныхъ.

Подобныхъ ситувъ извѣстно нѣсколько. Въ Италіи онѣ были найдены *Agnoaldi* въ Эсте (такъ назыв. *cista Benvenuti*), въ Сесто-Календе; кромѣ Италіи—въ Крайнѣ (*Vaie*, *sv. Magdalena*), въ Тиролѣ (*Matrei*, *Moritzing*), въ Нижней Австріи (*Göttweig*), причемъ не-итальянскія мы позволяемъ себѣ считать ввозными произведеніями. Изображенія подобнаго стиля встрѣчаются также на бронзовыхъ зеркалахъ, поясахъ, ножнахъ мечей (какъ напр. въ находкахъ въ Эсте, Галльштаттѣ, Вачѣ).

По своему археологическому характеру чертозскія гробницы сходны съ самой поздней частью кладбища древняго этрусскаго города Фельзины (позднѣйшая *Bonnonia*). Кромѣ того, этрускамъ же принадлежала и часть гробницъ въ мѣстнѣ *Agnoaldi*, *de Lucca* и въ «*giardino Margherita*» въ Болоньѣ. Относятся онѣ, по общему мнѣнію археологовъ, къ V столѣтію до нашей эры, такъ какъ въ началѣ IV столѣтія пришедшіе въ эту страну съ сѣвера галлы положили конецъ мѣстной жизни. Фельзина была уничтожена, опустошена и даже часть гробницъ, какъ доказалъ графъ Гоццadini, была разграблена галлами. Городъ оставался заброшеннымъ до самой римской эпохи, когда онъ снова былъ отстроенъ и заселенъ, о чемъ свидѣлствуютъ римскія гробницы, найденныя въ слобѣ земли, лежащемъ поверхъ этрусскихъ.

Съ чертозскимъ могильникомъ мы выходимъ уже въ сѣверной Италіи изъ области доисторическихъ временъ. О слѣдующихъ эпохахъ мы имѣемъ уже историческія извѣстія, и археологическія находки, ихъ касающіяся, становятся уже предметомъ изслѣдованія и описанія классической археологіи. Для того же, чтобы закончить картину этрусской культуры, мы прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній.

За колодецеобразными гробницами съ остатками трупосожженія, о которыхъ мы не можемъ сказать съ точностью, этрусскія ли онѣ или до-этрусскія, слѣдуютъ въ древнихъ могильникахъ, какъ напр. въ Вульчи, Корнето, Бизенціи, Орвието и т. д., гробницы въ видѣ ямъ, съ остатками погребенія. Къ болѣе позднимъ являются этрусскія камерныя гробницы, высѣченныя въ скалахъ, «*tombe a camera*» (рис. 248), двоякаго рода. Въ однихъ изъ нихъ камеры имѣютъ каждая свой короткій и прямой входъ, въ другихъ же существуетъ особенное, общее для всѣхъ преддверіе. Стѣны ихъ обыкновенно украшены прекрасною живописью. Въ камерахъ находятся остатки погребенія (обыкновенно тѣло не сжигалось), въ саркофагѣ, болѣе или менѣ художественной работы, часто украшенномъ цѣлыми статуями умершихъ,

изображающими иногда очень наивныя сцены домашней жизни. Извѣстнымъ образчикомъ ихъ можетъ считаться саркофагъ, хранящійся въ Британскомъ музеѣ (рис. 249). Весьма разнообразна и интересна этрусская керамика. Болѣе древнюю группу ея составляютъ красные сосуды изъ Ареццо и черные изъ Кьюзи, болѣе позднюю—сосуды коринескаго типа. Многочисленны также сосуды съ изображеніями человѣческихъ лицъ. У этрусковъ мы можемъ прекрасно прослѣдить исторію развитія этого рода сосудовъ. Сначала употреблялись портретныя металлическія маски, привѣшивавшіяся къ погребальнымъ урнамъ, затѣмъ горло сосуда обратилось въ голову, а на самомъ сосудѣ изображались разные члены тѣла и обозначалась одежда, и наконецъ появились сосуды, изображающіе цѣлую человѣческую фигуру.

Рис. 248. Внутренность скальной этруской гробницы въ Корнето.

Въ выдѣлкѣ бронзовыхъ предметовъ, оружія и украшеній этруски были настоящими мастерами. Они обладали сами богатыми мѣдными копями въ Кампильѣ и Вольтеррѣ, серебряными—въ Лунѣ, алебастровыми—въ Вольтеррѣ, желѣзными—на о-вѣ Эльбѣ, возлѣ Пуплуны.

До сихъ поръ мы говорили о такихъ итальянскихъ находкахъ, въ которыхъ преобладаютъ вліянія южныя и восточныя; теперь мы переходимъ къ тѣмъ, которыя могутъ быть относимы къ группѣ иллирійскаго характера, или къ поддунайской зонѣ Гернеса.

Кромѣ италійцевъ и этрусковъ, въ сѣверной Италіи, и именно въ восточной ея части, нынѣшней Венеціанской области, поселились венеты, которыхъ древніе писатели прямо обозначаютъ какъ племя иллирійское. Археоло-

логическіе памятники, найденные въ ихъ странѣ, какъ показываютъ изслѣдованія, гораздо болѣе соответствуютъ собственно иллирійской группѣ, чѣмъ памятникамъ италійскаго или этрусскаго характера. По извѣстію Ливія, до венетовъ жили въ этой странѣ евганейцы, и этому именно загадочному племени А. Prosdocimi приписывалъ также очень извѣстные могильники, открытые въ 1876 г. въ Эсте. Позже оказалось что они съ гораздо большимъ вѣроятіемъ могутъ быть приписаны венетамъ³⁰⁰). О венетахъ на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря говорить уже Геродотъ, а за нимъ и рядъ другихъ писателей. По словамъ Полибія они отличались нравами и государственнымъ устройствомъ отъ своихъ сосѣдей кельтовъ. Главнымъ городомъ ихъ

Рис. 249. Этрусскій саркофагъ.

былъ Патавіумъ, нынѣшняя Падуа, богатый и обширный городъ, бывшій главнымъ центромъ торговли съ Римомъ. Позже, когда венеты подчинились въ 215 году римскому владычеству, римляне основали тамъ, въ 181 г. до нашей эры, новую торговую колонію и гавань Аквилею. Иллиры покупали здѣсь южное вино, масло и т. п., обмѣнивая все это на рабовъ, скотъ, мѣха и янтарь, а позже и на желѣзо. Вслѣдствіе этого Аквилея достигла такого процвѣтанія, что въ IV ст. нашей эры была четвертымъ городомъ Италіи; но скоро затѣмъ, въ 452 г., она была разорена гуннами.

Наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ культуры венетовъ являются безъ сомнѣнія ихъ гробницы, открытыя А. Просдоцими въ Эсте (древнемъ

Ateste), небольшомъ поселеніи, лежащемъ на югозападъ отъ Падуй ³⁰¹⁾. Могилиникъ въ Эсте оказался состоящимъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, расположенныхъ одинъ на другомъ. Прослѣдимъ различаетъ ихъ четыре; въ послѣднее же время Герардини а за нимъ и другіе (Гернестъ) — только три. Подъ слоемъ земли, заключающимъ въ себѣ остатки позднѣйшей римской эпохи, на глубинѣ не менѣе 3-хъ метровъ, находится слой съ гробницами такъ называемаго галльскаго періода, подъ которымъ лежитъ слой собственно венетскихъ гробницъ, и наконецъ, на глубинѣ болѣе 5 метровъ, наиболѣе древнія гробницы типа италійскаго, виллановскаго. Названіями этими мы вовсе не хотимъ, впрочемъ, сказать, что тутъ была смѣна различныхъ народовъ. По всѣмъ признакамъ всѣ три слоя принадлежать одному и тому-же народу — иллирскимъ венетамъ, но только въ гробницахъ древнѣйшаго періода встрѣчается больше слѣдовъ съ вліяніемъ виллановской культуры, а въ гробницахъ позднѣйшихъ — вліянія культуры галльской. Такъ какъ галлы въ половинѣ I-го тысячелѣтія поселились здѣсь возлѣ венетовъ, то весьма естественно, что между тѣми и другими возникли и взаимныя культурныя вліянія. Средній слой, самый характерный, обнаруживаетъ наименѣе чужихъ вліяній и наиболѣе сходствъ съ остальными памятниками иллирійскаго центра, а потому мы и называемъ его специально — венетскимъ.

Наиболѣе древній нижній слой заключаетъ въ себѣ погребальныя урны и предметы, положенные для умершихъ, по большей части подобные тѣмъ, какіе уже извѣстны намъ изъ могильника въ Виллановѣ. Гробницы второго слоя болѣею частью также съ остатками сожженія; костяки въ нихъ очень рѣдки. Самыя гробницы состоятъ обыкновенно изъ отесанныхъ каменныхъ плитъ, искусно сложенныхъ на подобіе небольшого ящика или же представляютъ собою простыя ямки въ землѣ. Иногда каменный ящикъ замѣняется большимъ грубо сдѣланнымъ сосудомъ, заключающимъ въ себѣ настоящія погребальныя урны и другіе сосуды. Наиболѣе характерными предметами этихъ гробницъ оказываются глиняныя погребальныя урны на подобіе бронзовыхъ ситулъ, украшенныя рядами поперечныхъ полосъ, сдѣланныхъ рельефно или же черною и красною красками. Съ этими оригинальными по ихъ формѣ и орнаментациі сосудами, мы встрѣтимся еще не разъ, напр. въ Грастьѣ, въ Лючинъ (рис. 250 и 267), въ гробницахъ иллирійскаго характера. Не менѣе оригинальную орнаментацию встрѣчаемъ мы и на другихъ погребальныхъ урнахъ того-же слоя. Черная внѣшняя поверхность ихъ украшалась рядами блестящихъ бронзовыхъ гвоздиковъ, образовывавшихъ прямыя и волнистыя линіи, меандры и т. п. Рядомъ съ этими оригинальными типами мы встрѣчаемъ типы Виллановы, греческія издѣлія (кружки, чашки, кувшинчики) и особый видъ тарелкообразныхъ сосудовъ на высокихъ ножкахъ. Нѣтъ недостатка и въ бронзовыхъ сосудахъ, а одна изъ ситулъ, какъ мы упоминали

уже выше, богато украшена фигурными изображениями. Из других предметов болѣе всего встрѣчается украшеній. Оружія сравнительно немного: нѣсколько бронзовыхъ и желѣзныхъ топоровъ, наконечниковъ копій и ножей. Чаще встрѣчаются пояса изъ листового металла, покрытые украшениями. Весьма обыкновенны также фибулы: дужки ихъ украшены бусами изъ стекла или янтаря или рядомъ кружечковъ и разныхъ привѣсокъ. Между ними встрѣчается также и форма *sanguisuga* (пиявка), а въ гробницахъ позднѣйшаго характера и чертозскій типъ.

Въ гробницахъ третьяго, галльскаго слоя мы находимъ уже предметы иллирійскаго характера, въ значительной степени перемѣшанные съ типами позднѣйшаго желѣзнаго вѣка и главнымъ образомъ съ типами эпохи «La Tène». Такъ, здѣсь уже появляются ла-тенскія фибулы, стеклянные браслеты, множество желѣзнаго оружія и т. п. Керамика также представляетъ уже другой характеръ и отличается менѣе искусной выдѣлкой. Однако, какъ было уже замѣчено, и эти гробницы слѣдуетъ считать принадлежавшими венетамъ. Въ пользу этого свидѣтельствуешь прежде всего цѣлый рядъ надписей, сохранившихся на надгробныхъ стѣлахъ. Языкъ этихъ надписей рѣшительно иллирійскій, письменность — особенная, своеобразная. Прочіе венетскіе могильники (Belluno, 'Orreano) не представляютъ ничего особеннаго, а поэтому мы о нихъ и не будемъ говорить.

Рис. 250. Сосудъ типа Эсте изъ Гростья въ Крайнѣ.

Заканчивая обзоръ итальянскихъ находокъ, мы должны повторить опять то-же, что было сказано нами въ началѣ, а именно, что Италія даже въ области венетовъ, точно также какъ и Греція, достигла новой культуры, съ которою мы встрѣчаемся здѣсь въ началѣ желѣзнаго вѣка, гораздо больше путемъ непосредственныхъ сношеній съ Востокомъ, чѣмъ съ иллирійскимъ центромъ. Не говоря о южной Италіи, которая представляется вполне вѣтвью греческой и восточной культуры, и въ сѣверной и въ средней Италіи мы встрѣчаемся со многими слѣдами тѣхъ-же влияній; этрусская культура, безъ сомнѣнія, цѣлкомъ на нихъ основана. Поэтому мы полагаемъ, что не только

полный общій характеръ культуры, но и въ частности самое появленіе желѣза гораздо лучше объясняются вліяніемъ торговыхъ сношеній сѣверной Италіи съ Востокомъ, чѣмъ иллиро-скиескимъ вліяніемъ, какъ утверждаетъ это Гернесь. При этомъ, впрочемъ, мы не оспариваемъ существованія особой культурной области въ восточныхъ Альпахъ или въ сѣверной части Балканъ, а равно и извѣстной связи области съ Греціей и Италіей.

Поясъ южно-дунайскій или альпійскій. Была ли желѣзная культура, въ странахъ къ югу отъ Дуная, самостоятельнаго происхожденія *), или, какъ предполагаетъ Гернесь, она ведетъ свое начало отъ иллировъ, населявшихъ тогда сѣвернобалканскія земли, восточныя Альпы и часть сѣверной Италіи,—необходимо признать во всякомъ случаѣ, что культура начала желѣзнаго вѣка въ этихъ странахъ была вполне своеобразна. Этой культурѣ, которую мы до сихъ поръ называли иллирійскою, чаще придаютъ названіе по наиболѣе обширному и наилучше изслѣдованному могильнику соответствующей эпохи въ Галльштаттѣ—культуры галльштаттской.

Понятіе о галльштаттской культурѣ не совпадаетъ, впрочемъ, съ понятіемъ о началѣ желѣзной культуры въ Европѣ вообще. Она представляетъ собою только часть, географически ограниченную область, той культуры, которая возникла въ Европѣ со времени ознакомленія съ желѣзомъ; внѣ этой области мы находимъ только ея отпрыски, только слѣды ея вліянія. Поэтому, напр., галльштаттская эпоха въ Босніи выполнена цѣликомъ только этою культурой, но, напр., названіе галльштаттской эпохи въ Пруссіи вовсе не означаетъ, что мы находимъ и тамъ культуру галльштаттскаго характера. Тамъ это названіе обозначаетъ только археологическую эпоху, современную съ эпохой галльштаттской культуры, въ теченіе которой въ Пруссіи развилась достаточно обособленная культура, обозначающаяся лишь слѣдами вліяній, проникавшихъ туда изъ южнодунайскаго центра.

Характеръ галльштаттской культуры опредѣляется прежде всего присутствіемъ желѣза. Украшенія и т. п. продолжаютъ еще, разумѣется, дѣлаться изъ бронзы, но кромѣ этого металла входятъ въ употребленіе еще золото, серебро, отчасти и менѣе благородные металлы, затѣмъ стекло и ян-

*) Умѣстно упомянуть здѣсь о теоріи, предложенной въ свое время Гохштетеромъ. Этотъ выдающійся археологъ, по случаю описанія находокъ въ Вачѣ, утверждалъ, что „галльштаттская“ культура не представляетъ собою ни культуры, принесенной съ юга, ни мѣстной, но что это арійская культура вообще, которую, какъ общее свое достояніе, аріицы принесли во всѣ занятые ими въ Европѣ страны. Противъ этого справедливо возражалъ Вирховъ уже на археологическомъ съѣздѣ въ Трирѣ въ 1883 г. ³⁰²⁾.

тарь. За то всё орудія и оружіе начинаютъ уже выдѣлываться изъ желѣза. Конечно, все это происходитъ не сразу, но постепенно; мы видимъ, напр., что наиболѣе древніе мечи и кинжалы сохраняютъ еще формы бронзовыхъ, что рукоятъ меча дѣлается изъ бронзы, а клинокъ изъ желѣза, что вмѣстѣ съ желѣзнымъ оружіемъ встрѣчается еще очень много и бронзоваго. Желѣзо достигаетъ подлваго господства только въ позднѣйшіе періоды желѣзнаго вѣка.

Изъ украшеній въ эту эпоху достигли большого развитія фибулы, браслеты, пояса, пряжки и разныя подвѣски. Большая часть бронзовыхъ предметовъ украшена тонкимъ рѣзнымъ или чеканнымъ орнаментомъ, какъ напр. это видно на рядѣ поясовъ, отдѣланныхъ искусно сдѣланными бляшками. Наиболѣе характернымъ является фигурный орнаментъ, составленный изъ рядовъ изображеній звѣрей и еще болѣе птицъ (лебедей, утокъ), съ длинными загнутыми вверхъ клювами.

Кромѣ того, галльштаттская культура характеризуется еще присутствіемъ стекла и множествомъ украшеній изъ янтаря. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, принимая во вниманіе, что колыбель ея находилась какъ разъ на самомъ пути торговли янтаремъ, бывшей въ то время въ апогеѣ своего процвѣтанія.

Разсмотрѣніе находокъ этой культуры естественно начать съ могильника, расположеннаго подъ городомъ Галльштаттомъ (Hallstatt), давшимъ свое имя всей этой культурѣ. Считаю въпрочемъ необходимымъ сейчасъ же оговориться, что мы вовсе не думаемъ, чтобы Галльштаттъ былъ мѣстомъ ея происхожденія или центромъ. Въ этомъ отношеніи мы согласны съ Гернесомъ и другими, полагающими, что колыбель этой культуры надо искать южнѣе, ближе къ берегу Адриатическаго моря, въ приморскихъ областяхъ Австріи или даже на Балканахъ. Мы начинаемъ съ галльштаттскаго могильника только потому, что онъ является образцомъ мѣстонахожденій того же типа, что онъ очень обширенъ и лучше всего изслѣдованъ; съ нимъ мы можемъ удобно сравнивать прочія находки, указывая всегда на галльштаттскіе типы и образцы.

Галльштаттское кладбище было открыто въ 1846 году, а работы по его раскопкѣ были окончены только въ 1886 г. Отъ начала работъ по 1863 г. Рамзауэръ и Фонъ-Сакенъ вскрыли тамъ 980 могилъ, а послѣ нихъ, въ слѣдующіе годы, Шубертъ, Гуттеръ, Гауэръ и Гохштеттеръ нашли еще нѣсколько десятковъ. Въ 1886 г., во время послѣднихъ раскопокъ, Гауэръ и Гуттеръ открыли еще 13 могилъ. Число научно веденныхъ раскопокъ было во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ вдвое меньшее, чѣмъ раскопокъ хищническихъ, предпринимавшихся разными промышленниками. Общее количество могилъ можно принимать такимъ образомъ около 2000. Наиболѣе об-

стоятельное описаніе находокъ въ этомъ громадномъ могильникѣ было издано Сакеномъ (Ed. Sacken), подъ заглавіемъ «Das Gräberfeld von Hallstatt», въ Вѣнѣ въ 1868 г. Но эта работа все-таки не имѣла еще вполне научнаго характера. Послѣ нея появилась меньшая по объему работа Майера (A. B. Mayer)³⁰³). Галльштаттское кладбище было расположено на отлогомъ склонѣ Соляной горы, подъ небольшимъ альпійскимъ озеромъ, въ Верхней Австріи. Изъ города Галльштатта можно добраться до могильника только послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительной ходьбы.

Въ галльштаттскомъ могильникѣ мы встрѣчаемся съ обоими похоронными обрядами: погребеніемъ и трупосожженіемъ и притомъ почти въ одинаковой мѣрѣ. Могилъ съ трупосожженіемъ оказалось лишь немногимъ меньше. Съ подобнымъ одновременнымъ существованіемъ обоихъ обрядовъ мы встрѣчались уже неоднократно въ эту эпоху въ Италіи и встрѣтимся еще не разъ въ другихъ могильникахъ галльштаттской области, напр. въ Вачѣ, въ Край-нѣ. Это своеобразное явленіе подало поводъ къ многочисленнымъ и разнообразнымъ толкованіямъ, особенно относительно вачскаго могильника, гдѣ впрочемъ сожженіе значительно преобладало. Нѣкоторые полагали, что одинъ обрядъ соблюдался относительно женщинъ, а другой относительно мужчинъ; иные искали объясненія въ этническихъ различіяхъ, другіе—въ сословныхъ (благородные и простолюдины, воины и рабы). Вѣрно только одно, что до сихъ поръ ни одно изъ объясненій не оказалось удовлетворительнымъ, и существованіе обоихъ обрядовъ на одномъ и томъ же кладбищѣ остается вообще невыясненной загадкой.

Въ Вачѣ могилы съ остатками сожженія были бѣднѣе заключавшихъ въ себѣ кости, въ Галльштаттѣ скорѣе наоборотъ, хотя разница и не была особенно велика. Костяки въ могилахъ лежали просто въ землѣ, часто обложенные или покрытые камнями, обыкновенно въ вытянутомъ положеніи; они обыкновенно небольшого роста и съ черепами долихоцефалическаго типа *). Пепелъ въ могилахъ съ остатками сожженія былъ насыпанъ или просто кучкой на землю, или же на мѣсто, выложенное камнями, иногда на большое продолговатое глиняное блюдо, изрѣдка въ деревянный гробъ. Только въ одномъ случаѣ онъ былъ найденъ заключеннымъ въ глиняную погребальную урну и въ двухъ—въ бронзовые сосуды. Тѣмъ не менѣе, каждая могила заключала въ себѣ сосуды въ качествѣ приношеній (отъ 2 до 5).

*) Въ галльштаттскомъ могильникѣ между массою могилъ съ цѣлыми скелетами нашлось около тринадцати, обнаружившихъ совсѣмъ особое явленіе. Часть тѣла была очевидно сожжена, другая же часть была погребена возлѣ кучки пепла. Этотъ обычай частичнаго погребенія былъ констатированъ и въ другихъ мѣстахъ кромѣ Галльштатта, но больше всего въ могилахъ этого именно періода: на кладбищѣ св. Лючіи въ Приморьѣ, въ отдельныхъ случаяхъ въ Германіи, въ

Оружіе, находимое въ могилахъ, частью бронзовое, частью желѣзное, и въ послѣднемъ случаѣ иногда сохраняетъ еще типъ бронзоваго, какъ напр. въ листовидной формѣ клинка мечей (рис. 251). Рукоятки мечей чаще всего заканчиваются шишкой, рѣже антенной, или имѣютъ другую форму. Отъ концовъ ноженъ сохранились бронзовые наконечники. У кинжаловъ клинокъ бываетъ обыкновенно желѣзный, рукоятка же бронзовая; отъ вѣкоторыхъ сохранились прекрасныя бронзовыя или деревянныя, окованныя бронзой, ножны (рис. 252). Ножи очень многочисленны, у небольшихъ бронзовыхъ лезвее всегда загнутое. Особенность галлыштатскихъ находокъ составляютъ большіе желѣзные ножи, похожіе на наши поварскіе, которые вѣроятно служили и оружіемъ (рис. 251). Топоры по большей части желѣзные. Чаще всего встрѣчается типъ пальставовъ съ крылышками, рѣже топоры со втулкой. Небольшіе топорики съ насадкой, прекрасно украшенные изображеніями животныхъ не служили для военныхъ цѣлей, но вѣроятно употреблялись только какъ отличительные знаки воиновъ и начальниковъ. Бронзовые наконечники стрѣлъ рѣдки и двоякаго типа: или плоскіе съ двумя крючками или трехгранные; наконечники копій обыкновенно желѣзные.

Гораздо разнообразіе галлыштатскія украшенія. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить опять фибулы, которыя могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: фибулы изъ проволоки, скрученной въ спирали, главнымъ образомъ такъ называемыя очкообразныя (рис. 253) фибулы и фибулы дугообразныя. Первые наиболѣе характерны для галлыштатской культуры и

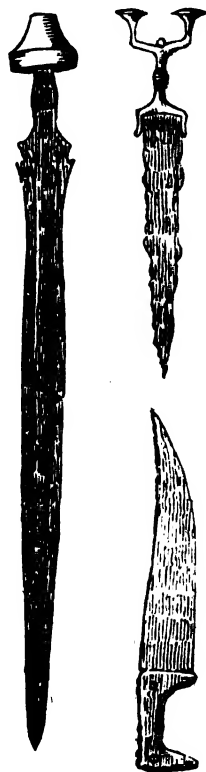

Рис. 251. Желѣзные мечъ, кинжалъ и ножъ изъ Галлыштатта.

Гессенъ, Люксембургъ, Тюрингія, Голштинія, Мекленбургъ. Науэ нашелъ подобные случаи въ баварскихъ курганахъ; они встрѣчаются также и въ курганахъ бриттовъ, въ могилахъ польскихъ и русскихъ. Извѣстны подобные же случаи и въ курганахъ (mounds) сѣверной Америки. Они наблюдались также въ Чехіи и въ Моравіи (въ курганахъ въ Пильзенскомъ округѣ, въ гробницахъ у Воковицъ, въ курганѣ возлѣ Петршпурка, около Ольмюца, Ярохновицъ и Квасицъ и т. д.). Объ обычаяхъ частичнаго сожженія разсуждалъ уже Гизебрехтъ (Giesebrecht) въ 1846 г., но съ достовѣрностью онъ былъ доказанъ только находками Сакена, хотя и эти послѣднія оспариваются Гегеромъ (Heger). Напротивъ, Гостманнъ ошибочно предполагалъ, что сожигались только извѣстныя части тѣла³⁰⁴). Но при этомъ необходимо оговориться, что иногда, какъ напр. въ Чехіи, подобнаго рода показа-

званіе галльштаттскаго типа встрѣчаются также и во многихъ. Вторыя—представляютъ извѣстный уже намъ изъ производными его формами, уже въ послѣдней изъ этихъ гладкой и узловатой (*fibula* 255), «*a sanguisuga*», ладъ гробницахъ позднѣйшаго періода. Въ Италіи появляются также и въ Галльштаттѣ мы также булами, у которыхъ дужка или два завитка, но въ цѣлѣ зующихъ собою трубочку, при концѣ перегибается подъ ду-

Рис. 253. Галльштаттская (була спиральнаго (очкообразнаго) типа.

врядъ нелзя. Обыкновенно въ эт о изслѣдованіи, а такъ какъ случа ета истлѣваютъ раньше другихъ и ни раскопкахъ, то подобнаго рода заключенію о частичномъ погребеніи о обычая не можетъ быть никакой его до сихъ поръ еще не сдѣлаи юридическими обычаями. Относит вшееся извѣстіе о томъ, что въ тѣли похоронить безъ головы «ш фибулы Ундсетъ предполагаетъ, чт есена или въ самую Италію и оч аны въ среднюю Европу, гдѣ мы тка въ Венгрію, и гдѣ она сдѣлаи проникла впрочемъ также и на (выдѣлывались изъ бляшекъ съ в

образовавшийся посредством уплощенія дуги фибулы въ блашку на подобіе серпа луны и увѣшиванія ея рядомъ бронзовыхъ пластинокъ и блашекъ, прикрѣпленныхъ къ ней цѣпочками. Это такъ назыв. лунообразный типъ

Рис. 254. Бронзовая фибула, найденная въ пещерѣ возлѣ Крехина Градца въ Герцеговинѣ.

галльштаттскихъ фибулъ (рис. 257), встрѣчающійся въ эту эпоху и въ другихъ мѣстахъ. Интересны еще фибулы, лужка которыхъ сдѣлана въ видѣ фигурки коня.

Изъ прочихъ украшеній выдающееся мѣсто занимаютъ въ Галльштаттѣ бронзовые пояса, не массивные или изъ цѣпочекъ какъ въ болѣе позднюю эпоху, а сдѣланные изъ широкаго и тонкаго куска листового металла и богато украшенные выбитыми изнутри выпуклостями, образующими линейные узоры: звѣзды, розетки, кресты, меандры, ромбики и т. п., перемежающіеся съ выбитыми же изображеніями птицъ, лошадей, людей и т. п. Многочисленные подвѣски

Рис. 255. Змѣевидная фибула изъ Галльштатта.

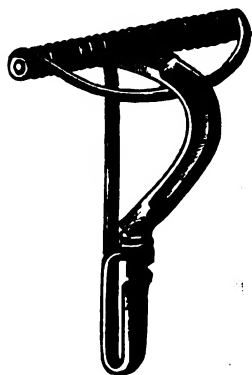

Рис. 256. Арбалетовидная фибула.

еще болѣе увеличивали богатство этихъ поясовъ, застегивавшихся спереди посредствомъ желѣзныхъ или бронзовыхъ крючковъ (рис. 258); пряжки еще

же были известны. Иногда употреблялся и кожаный пояс, только украшенный бронзовыми украшениями.

Рис. 257. Лунообразная галльштаттская фибула.

Браслеты въ Галльштаттѣ или гладкіе, дутые, или массивные, покрытые нарѣзками и узорами. Въ большомъ количествѣ встрѣчаются также браслеты, украшенные бусообразными или яйцевидными выпуклинами, причемъ выпуклины эти иногда становятся на столько крупными, что получаютъ переходныя формы къ браслетамъ изъ ряда сплошныхъ или полыхъ полушариковъ, столь характерныхъ для позднѣйшей ла-тенской эпохи желѣзнаго вѣка.

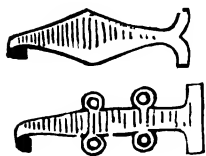

Рис. 258. Застежки для поясовъ изъ Галльштатта.

Кромѣ браслетовъ ручныхъ встрѣчаются часто еще ножны, шейныя кольца или обручи (*torgues*), булавки съ головками, украшенными выпуклымъ орнаментомъ въ видѣ бусъ, и наконечники для охраны острія—костяные или бронзовые; небольшія бляшки, пугови, щипчики, круглыя съ узорами пластинки и множество разныхъ привѣсокъ. Кромѣ бронзовыхъ украшеній многочисленны еще ожерелья изъ сѣвернаго янтара, свидѣтельствующія о томъ, что путь янтарной торговли проходилъ недалеко отъ этой мѣстности, ожерелья изъ

стеклянныхъ бусъ, одноцвѣтныхъ и пестрыхъ, пряслицы, иглы, напильники, крючки для удочекъ и т. п.; золотыя вещи довольно рѣдки, серебро отсутствуетъ совершенно.

Бронзовые сосуды въ галльштаттскихъ находкахъ очень многочисленны и притомъ самыхъ разнообразныхъ формъ (см. напр. рис. 259—260). Встрѣчаются также желобчатые цисты (ведра) и ситұлы. Интересно, что сосуды, какъ и многія другія вещи, очень часто украшены въ верхней своей части прикрѣпленными посредствомъ гвоздиковъ фигурками разныхъ живот-

Рис. 259 и 260. Бронзовые сосуды изъ Галльштатта.

ныхъ—коровъ, лебедей, утокъ и т. п. (рис. 261). Сосуды вообще сдѣланы изъ отдѣльныхъ кусковъ листового металла, сбитыхъ гвоздиками. Галльштатт-

Рис. 261. Бронзовый котелокъ изъ Галльштатта.

ская керамика отличается своеобразнымъ характеромъ, даже крупныя сосуды имѣютъ круглую форму съ невысокимъ горломъ, въ родѣ изображен-

наго на рис. 262; поверхность ихъ часто бываетъ натерта графитомъ и орнаментирована линейными узорами, чаще полосами зигзаговъ, окрашенными въ черный и красный цвѣтъ, или же дугообразными полосками. Сосуды сдѣланы обыкновенно отъ руки и плохо обожжены. Иногда и внутренняя поверхность сосудовъ, особенно плоскихъ, бываетъ также орнаментирована.

Галльштаттская культура производитъ впечатлѣніе большого богатства и разнообразія, и, хотя несомнѣнно, что мы встрѣчаемся здѣсь со многими слѣдами иноземныхъ вліяній, однако все то, что сохранилѣ намъ галльштаттскій

могильникъ, представляетъ продуктъ мѣстнаго населенія, слѣды жилищъ котораго были открыты въ 1888 г. на Соляной горѣ подъ Галльштаттомъ. Сакенъ высказывалъ предположеніе, что могилы съ остатками трупосоженія принадлежали мѣстному народу ретійскаго происхожденія. Могилы же съ погребеніями — пришлымъ галльскимъ воинамъ, таурискамъ, и относились эпоху основанія этого могильника ко второй половинѣ послѣдняго тысячелѣтія до нашей

Рис. 262. Глиняный сосудъ изъ Галльштатта.

эры. Большая часть бронзъ, особенно сосуды, были по его мнѣнію этрускаго происхожденія — мнѣніе, которое послѣ него раздѣляли и другіе: Генте (Genthe) и особенно Линденшмитъ. Напротивъ, Гохштеттеръ высказался за самостоятельность галльштаттской культуры и считалъ ее развившейся на основѣ общегерманской. Въ самое послѣднее время Гернесъ, а за нимъ П. Орси признали галльштаттскую индустрію за вѣтвь самостоятельной иллирійской культуры. Вѣтви, вышедшія изъ общаго источника, впрочемъ уже достаточно отличаются одна отъ другой, получивъ, каждая, свой мѣстный характеръ. Галльштаттъ не то что Эсте, не то что Марія Растъ (Maria Rast) или Санта-Лючія (Santa Lucia), но всѣ эти могильники имѣютъ и много общаго. Только бронзовые сосуды были вѣроятно занесены изъ Италіи путемъ торговли, все же остальное въ нихъ, по мнѣнію Гернеса, принадлежитъ иллирійской культурѣ. Варховъ относится къ этимъ взглядамъ съ большою сдержанностью. Еще въ 1887 г. онъ высказалъ рѣшительное мнѣніе, что галльштаттская культура не развилась самостоятельно въ средней Европѣ, но была принесена изъ Италіи, куда въ свою очередь она пришла изъ Греціи и съ Востока. Сомбади полагаетъ, что въ началѣ послѣдняго тысячелѣтія до нашей эры народы, жившіе въ состояніи полной бронзовой культуры на южной и восточной окраинѣ Альпъ, уступили мѣсто новому населенію, которое принесло съ собою желѣзную культуру, новый стиль въ орнаментациі, употребленіе фибулъ и т. п. Имени этого народа онъ не называетъ, но думаетъ, что населеніе это пришло скорѣе

съ нижняго Дуная, чѣмъ изъ Венгріи. Ундсетъ относитъ эпоху процвѣтанія Галльштатта къ 500 г.

Сдѣлаемъ теперь обзоръ находокъ, относящихся по своему характеру къ области галльштаттской культуры. Прежде всего обратимся къ странамъ, лежащимъ на югѣ, гдѣ было вѣроятно мѣсто ея происхожденія. Въ послѣднее время вниманіе всѣхъ изслѣдователей направлено въ этомъ отношеніи на Балканскія мѣстности—и съ полнымъ основаніемъ.

Балканскія страны были до недавняго еще времени краемъ, съ археологической стороны, совершенно невѣдомымъ. Было лишь извѣстно, что горныя долины Румелии, Болгаріи, Сербіи, Босніи и Герцеговины скрываютъ въ себѣ не сотни, а десятки тысячъ древнихъ могилъ, но кромѣ довольно неудачныхъ попытокъ, сдѣланныхъ въ Румелии, ни одна группа ихъ не была систематически изслѣдована. Въ послѣднее время, впрочемъ, въ трехъ странахъ начались усиленныя работы въ этомъ отношеніи, именно въ Сербіи, Болгаріи и главнымъ образомъ въ Босніи и Герцеговинѣ. То, что въ двухъ послѣднихъ областяхъ было сдѣлано при содѣйствіи правительства, Радимскимъ, Трухелкой, Фр. Фіала, Гернесомъ и другими, открываетъ цѣлый новый міръ и, несомнѣнно, вся иллирійская гипотеза Гернеса возникла у этого ученаго, главнымъ образомъ на основаніи боснійскихъ находокъ. То, что найдено до сихъ поръ въ Босніи, относится въ большей своей части къ галльштаттской культурѣ.

Боснія и Герцеговина полны археологическими памятниками, особенно могилами и курганами начала желѣзнаго вѣка ³⁰⁵). О находкахъ неолитической эпохи и чисто бронзоваго вѣка въ этой странѣ намъ извѣстно мало. Наибольшее же число мѣстонахожденій принадлежитъ уже желѣзной эпохѣ. Самымъ типическимъ изъ нихъ является знаменитый могильникъ, расположенный на плоской возвышенности Глазинаца, недалеко отъ Сараева. Онъ состоитъ изъ множества невысокихъ, насыпанныхъ изъ мелкихъ камней, кургановъ, заключающихъ въ себѣ обыкновенно остатки погребенія. Остатки трупосожженія встрѣчаются лишь изрѣдка и, по мнѣнію Трухелки, сожиганіе было исключительной привилегіей только военнаго сословія. Первые раскопки были начаты въ 1879 г., въ послѣднее же время онѣ производились систематически Трухелкой и Гернесомъ *). Курганы почти повсюду насыпаны изъ камней, но безъ опредѣленнаго плана; заключающіеся въ нихъ скелеты были положены просто на землѣ или же на слоѣ камней. При костякахъ обыкновенно находятъ мечи обѣ одномъ или двухъ лезвьяхъ, двойныя сѣкеры,

*) Въ самое послѣднее время надъ изслѣдованіемъ этихъ гробницъ (Großmā), какъ они называются въ Босніи, особенно много работали покойный Радимскій и Фравьо Фіала.
(Прим. переводч.).

наконечники копьевъ, ножи, множество бронзовыхъ украшеній: браслеты, фибулы съ прибитыми къ нимъ разными кольцеобразными подвѣсками. Наиболее обыкновенная изъ такихъ глазнацкихъ фибулъ изображена у насъ на

Рис. 263. Фибула изъ Глазнаца въ Босніи.

рис. 263. Это — дугообразная фибула съ сильно загнутой дужкой и трегранный или четырегранной пяткой. Очень интересны также виды фибулъ, соответствующіе греческимъ или южно-италійскимъ, такъ наз. очкообразнымъ, скрученнымъ

изъ проволоки. Глазнацкія фибулы дѣлались изъ бронзы и изъ желѣза. Изъ прочихъ предметовъ слѣдуетъ упомянуть о булавахъ, поясахъ, щипчикахъ, пуговкахъ, желѣзныхъ удилахъ; глиняныхъ сосудовъ — немного. Вещами, занесенными съ юга, можно считать бронзовый шлемъ вполне греческой формы, нѣкоторые глиняные и бронзовые сосуды, а по мнѣнію Гернеса и Ундсета, и бронзовую повозочку, между четырьмя колесами которой на-

Рис. 264. Бронзовая повозочка изъ Глазнаца въ Босніи.

ходятся двѣ пары бронзовыхъ же утокъ, изъ коихъ меньшая сидитъ на спинѣ большей (рис. 264). Повозочкамъ этимъ приписываютъ обыкновенно религиозное значеніе; мы упомянемъ о нихъ далѣе.

Къ этой же эпохѣ относится и часть могильника въ Заградинѣ, къ юго-западу отъ Ракитна въ Герцеговинѣ (другая часть относится къ позднѣйшей уже желѣзной эпохѣ), могильники въ Высоцкомъ окр. и т. д. Подобнаго же рода могильники встрѣчаются въ приморскихъ австрійскихъ земляхъ. Такъ, въ Кроаціи относится сюда могильникъ съ костяками въ Пре-

зорѣ востѣ Оточаца, характерный своими дугообразными фибулами, украшенными каменными или янтарными бусами, своими оригинальными бронзовыми диадемами, фигурками животных и другими, встречающимися и въ боснійскихъ могильникахъ, предметами. Въ Истрии сюда относятся: находки въ доисторическихъ городищахъ (итал. *castellieri*), наиболѣе нижніе слои которыхъ достигаютъ мѣстами даже до неолитической эпохи, и въ гробницахъ съ остатками трупосожженія. Городища въ этой мѣстности очень многочисленны и свидѣлствуютъ о томъ, что она была густо населена даже въ доисторическія времена. Въ одномъ Порѣчскомъ округѣ ихъ считается 37, что свидѣлствуетъ, если положить, вмѣстѣ съ Гернесомъ, по 200 душъ на каждое, о населеніи, превышающемъ 6.000 чел. Въ настоящее время этотъ округъ не имѣетъ столько населенія. Только подобной густотой населенія и можно объяснить то упорное сопротивленіе, которое оказывали когда-то Гистры римскимъ консуламъ. Находки въ этихъ городищахъ относятся ко всѣмъ эпохамъ, отъ неолита до римской и даже до болѣе позднихъ, металлическихъ предметы относятся впрочемъ больше всего къ эпохамъ ла-тенской и римской. По отношенію къ галльштаттской культурѣ въ Истрии гораздо важнѣе могильники съ остатками трупосожженія, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны два: въ Порѣчѣ (Pacentro) у подошвы городищъ, называемыхъ Pizzugghi, и въ Вермѣ, востѣ Пазина. Оба они состоятъ или изъ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ, или же изъ каменныхъ гробницъ, сложенныхъ въ видѣ ящичковъ. Погребальныя урны здѣсь самыхъ разнообразныхъ типовъ какъ мѣстнаго, такъ и иностраннаго производства. Онѣ имѣютъ обыкновенно круглый видъ, съ низкимъ широкимъ горломъ, украшены черточками, зигзагами и меандрами, иногда-же бываютъ покрыты выпуклыми или вдавленными узорами. Въ послѣднемъ случаѣ вдавленные черточки бываютъ выполнены бѣлымъ веществомъ. Нѣкоторые сосуды имѣютъ, впрочемъ, рѣшительно иностранный характеръ, южно-италійскій или даже кипрскій; попадаются также и бронзовыя ведерки греческаго происхожденія.

На основаніи этихъ послѣднихъ Гернесъ относитъ порѣчскій могильникъ къ V стол. до нашей эры, т. е. считаетъ его болѣе позднимъ, чѣмъ большую часть тѣхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Объ этомъ свидѣлствуютъ также и первые образцы фибулъ чертозскаго типа и даже иногда ла-тенскаго. Другіе сосуды приближаются больше къ тѣмъ, которые извѣстны намъ изъ третьяго слоя гробницъ въ Эсте и въ Санта-Лючин, въ Горицѣ.

Въ одной изъ порѣчскихъ гробницъ пепелъ покойника оказался сложнымъ въ конической бронзовый шлемъ (рис. 265). Въ вермскихъ гробницахъ особенно интересны нѣкоторыя оригинальныя мѣстныя формы урнъ, какъ напр. та, которая представлена у насъ на рис. 266.

верномъ побережьи Адриат
ласти съ ея знаменитым

Эсте, который мы о-
еще обильный могиль

Лючіи возіъ Толмина, въ Прим.

области ³⁰⁶). Утого могильника, в

торомъ Маркесетти (Marchesetti) от

уже около 5.000 гробницъ, невоз

сравнивать даже съ Галльштаттом

ихъ было найдено всего около 2

Онъ почти весь состоялъ изъ моги

остатками трупосожженія: ямъ, вы

ныхъ просто въ землѣ и содержа

въ себѣ сосуды, пепелъ и полож

съ покойниками предметы. По бо

О- части пепель былъ высыпанъ пря

яму. рѣже помѣщался въ большой

на прикрыта большимъ плоскимъ ка

ихъ признаковъ моилъ—ни кургано

робницах обыкновенно находят

ть большой съ нарисованными на

черною красками кольцеобразными

267), того же типа какъ и опис

изъ Эсте, а другой—меньшій въ

ШКОМЪ.

также недостатка въ привозных

восточныхъ сосудахъ. Между найден

ахъ предметами, которыми могли

болше обрацаютъ на себя вниманіе

тскихъ формъ (чаще всего очко

шукруглая съ подвѣсками (рис.

овками, перстни, браслеты, шейные г

ный галльштаттскій инвентарь. Но с

ершихъ сожигали въ нѣсколькихъ

и попадаются и цѣлыя конскіе сѣ

рашеніями и желѣзными удилами. Н

несъ относить къ первой половинѣ п

до 300 г. и, принимая во внимание

ь двѣ серіи могилъ, изъ которыхъ

времени отъ 650 до 450 гг. и вто

позднѣйшая отъ 450 до 300. Въ могилахъ первой категоріи были найдены фибулы болѣе древнихъ типовъ (главн. обр. «очкообразныя»), въ могилахъ же второй—типовъ болѣе новыхъ (а именно—«змѣйная фибула», Schlangenfibel). Одинаковымъ характеромъ съ могильникомъ возлѣ Санта-Лючіи отличаются и недалеко отъ него находящіеся капорретскія гробницы.

Одной изъ наиболѣе богатыхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностей оказывается нынѣшнее воеводство Крайна. То, что было тамъ найдено, относится большею частью къ первой и второй эпохамъ желѣзнаго вѣка—галльштаттской и ла-тенской³⁰⁷). Въ окрестностяхъ Люблянъ, гдѣ мы уже имѣли дѣло съ очень важнымъ свайнымъ поселеніемъ неолитической эпо-

Рис. 267. Сосудъ изъ Санта-Лючіи.

Рис. 268. Фибула изъ Санта-Лючіи.

изъ, была составлена прекрасная коллекція мѣстнаго музея, расположенная въ образцовомъ порядкѣ покойнымъ консерваторомъ Дешманномъ. Изъ некрополей, относящихся къ этой эпохѣ, наиболѣе выдаются два: одинъ, найденный въ Вачѣ, и другой возлѣ св. Михаила недалеко отъ Постойны. Оба эти некрополя очень богаты, обширны и имѣютъ важное археологическое значеніе, такъ что нѣкоторые, какъ напр. П. Орси, видятъ тамъ одинъ изъ центровъ галльштаттской культуры. Мы уже упоминали о томъ, что въ Вачѣ встрѣчаются оба погребальныя обряда—погребеніе и сожженіе—но послѣднее рѣшительно преобладаетъ (1:20), чѣмъ Вачъ главнымъ образомъ и отличается отъ Галль-

татта. Затѣмъ между двумя способами погребенія здѣсь замѣчается различіе въ богатствѣ культуры: гробницы съ остатками трупосожженій гораздо бѣднѣе бронзовыми издѣліями и тонкой керамикой, гробницы съ остатками погребенія, въ которыхъ впрочемъ опять-таки бронзовые издѣлія преобладаютъ надъ бронзовыми. Керамика этихъ погребеній отличается большей тонкостью работы, богатствомъ орнаментовъ.

Рис. 269 Орнаментация вачской ситуты (1 и 2), части орнаментовъ ситуты, найденной

жду прочимъ, еще тѣмъ, что кромѣ глиняныхъ сосудовъ въ нихъ были и бронзовые, изъ которыхъ особенно замѣчательна искусно отлитая фигурнымъ орнаментомъ ситута. По своей формѣ эта ситута походила на чертозскую, но украшена только тремя кольцообразными панно, изображающими человѣческихъ и животныхъ изображеній (см. прилагаемый орнаментальный рисунокъ и фиг. 269). Въ верхнемъ поясѣ мы видимъ шестіе

мужчинъ, держащихъ въ поводьяхъ лошадей, затѣмъ двухъ всадниковъ, двѣ колесницы и наконецъ еще двухъ всадниковъ. Въ среднемъ поясѣ—сидящихъ въ гостяхъ нѣсколькихъ мужчинъ, изъ коихъ нѣкоторымъ прислуживаютъ женщины; далѣе, между четырьмя зрителями двое мужчинъ предаются состязанію на дубинахъ; въ нижнемъ поясѣ танцуетъ другъ за другомъ цѣлый рядъ животныхъ.

Издѣліемъ подобнаго же характера является и найденный тамъ же полоть изъ листовой бронзы, украшенный рядомъ фигуръ: впереди можно различить воина въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ, съ копьемъ, щитомъ и сѣкирою, затѣмъ двухъ сражающихся между собою всадниковъ, пѣшаго воина и наконецъ фигуру въ длинномъ одѣяніи съ широкой и низкой шляпой на головѣ, знакомой уже намъ по ситулѣ изъ Чертозы. Не менѣе интересны также и части вооруженія, найденныя въ Вачѣ. Сюда относятся прежде всего два шлема очень оригинальной формы (рис. 282), скорѣе всего вывезенные изъ Италіи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются подобные-же съ этрусскими надписями *).

Рис. 270. Бронзовый шлемъ изъ Вачи въ Крайинѣ.

Рис. 271. Фибула съ стеклянной бусиной изъ Вачи въ Крайинѣ.

Предметы украшенія очень разнообразны; кромѣ бронзъ между ними было найдено большое количество прекрасныхъ эмальированныхъ бусъ восточнаго происхожденія. Дужки фибулъ часто заключены въ большія бусины изъ стекла, кости или янтаря (рис. 271). Иныя украшенія напоминаютъ собою боснійскія находки, другія—микенскія. Керамика оказывается отчасти привозною изъ болѣе южныхъ странъ и сходною съ типами изъ Эсте и Санта-Лючин (вазы съ выпуклыми и раскрашенными орнаментами въ видѣ горизонтальныхъ полосъ); но въ большей своей части она все таки мѣстнаго производства и

*) О томъ, что они доставлялись сюда изъ Италіи, свидѣтельствуетъ цѣлый складъ, состоящій изъ 20 шлемовъ съ этрусскими надписями (вѣроятно, запасъ торговца), открытый въ Ne g a u, возлѣ Радирсбурга въ Штири.

своими формами напоминает типы, встречающіеся часто въ находкахъ галльштаттскаго періода.

Могильникъ св. Михаила, тщательно изслѣдованный Гернесомъ, находится недалеко отъ Постоянны и состоитъ собственно изъ двухъ кладбищъ—болѣе древняго и позднѣйшаго. Гробницы—съ остатками трупосожженія; въ болѣе древнемъ кладбищѣ пепелъ заключенъ въ урнахъ, въ позднѣйшемъ же просто высыпанъ въ ямы. Инвентарь гробницъ—галльштаттскаго характера; кромѣ бронзовыхъ предметовъ попадаетъ и много желѣзныхъ. Вообще же онъ даетъ возможность хорошо прослѣдить развитіе культуры и различать болѣе древнія формы отъ позднѣйшихъ. Въ младшемъ могильникѣ погребальныхъ урнъ нѣтъ, фибулы очень велики, массивны и тяжелы, типовъ чертозскаго, змѣевиднаго и ла-тенскаго (встрѣчаются также и желѣзныя). Оружіе почти все желѣзное и по большей части уже ла-тенскихъ типовъ: длинные мечи съ ровнымъ клинкомъ, наконечники копій со втулкой, элегантной формы сѣкеры новыхъ формъ съ поперечнымъ отверстиемъ для топорича и особенно оригинальные мечи съ однимъ лезвиемъ и съ клинкомъ, загнутымъ внутрь, а не наружу, какъ въ нынѣшнихъ сабляхъ, положіе до извѣстной степени на атаганы. Не смотря

на это, Гернесъ все таки относитъ этотъ могильникъ еще къ галльштаттской эпохѣ и полагаетъ только, что здѣшнее иллирійское племя япудовъ позаимствовало, согласно извѣстію Страбона, свое вооруженіе отъ кельтовъ.

Къ тому же періоду относятся, по крайней мѣрѣ отчасти, и гробницы возлѣ св. Магдалины, недалеко отъ Шмартна, и около сотни гробницъ возлѣ св. Маркеты, недалеко отъ Мокронога, отличающихся кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, находимыхъ при покойникахъ, еще и

Рис. 272. Шлемъ, найденный возлѣ Св. Маркеты въ Крайнѣ.

большимъ количествомъ домашнихъ сосудовъ прекрасныхъ формъ, съ выполенной поверхностью, усаженной выпуклыми розетками изъ шишечекъ. Особенно характерны для этого могильника сосуды на высокой ножкѣ. Здѣсь также былъ найденъ извѣстный шлемъ полушарообразной формы, сшитый изъ прутьевъ лѣснаго орѣшника и усаженный бронзовыми бляхами (фиг. 272). Подобные шлемы были найдены и въ другихъ мѣстностяхъ, въ Ровищѣ—въ Крайнѣ, въ Видемѣ—въ Штиріи и т. п.; на чертозской ситулѣ мы находимъ ихъ изображенными на головахъ воиновъ верхняго пояса.

Другія менѣ значительныя гробницы этого періода были найдены въ Крайнѣ еще въ Острожницѣ и въ Слепшекѣ, въ мокроножскомъ округѣ въ Грастьѣ, въ Добровѣ, въ Ровищѣ, въ Студенцѣ, на горѣ Винковѣ возлѣ Двора (съ замѣчательно огромными фибулами), въ Циркницѣ и въ Подземльѣ съ единственнымъ, найденнымъ въ Крайнѣ, бронзовымъ мечемъ этой эпохи ³⁰⁸).

Въ Хорутаніи, между Вертскимъ и Оссіашскимъ озерами на р. Дравѣ расположенъ очень интересный некрополь въ Фрэггѣ (Frögg) возлѣ Rosegg'a, систематически раскопанный барономъ К. Гаузеромъ ³⁰⁹). Бронзовые сосуды этого могильника такіе же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, глиняныя урны, по формѣ и орнаментаци, похожи на галльштаттскія. Бронзовые и желѣзные предметы также соответствуютъ общему характеру этой культуры (ср. рис. 274); какъ и въ могильникѣ св. Миханла, и здѣсь были найдены мечи оригинальной формы съ лезвиемъ, выгнутымъ внутрь. Но особенность этого могильника составляютъ плоскія оловяныя фигурки, весьма примитивной работы, представляющія птицъ, лошадей, всадниковъ, человѣческія фигуры съ распростер-

Рис. 273. Фибула изъ могильника возлѣ Св. Маркеты въ Крайнѣ.

тыми ногами и руками въ колечкѣ и т. п. (рис. 275 и 139). Онѣ употреблялись или для украшенія плоскихъ предметовъ, къ которымъ прикрѣплялись своей задней стороной, или же для украшенія реберъ или краевъ и тогда были прикрѣпляемы своими основаніями и стояли свободно (рис. 276). Съ подобнаго рода украшеніями мы встрѣчаемся и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Во Фрэггѣ олово было мѣстнаго происхожденія и добывалось или изъ залежей возлѣ Бѣляка или же въ Рудникѣ. Другимъ, хотя и менѣ важнымъ мѣстонахожденіемъ, относящимся отчасти еще къ этой эпохѣ, можно считать Гурину ³¹⁰). Тамъ было доисторическое поселеніе, которое, судя по находкамъ, существовало до позднѣйшей римской эпохи. На предметахъ изъ бронзы было найдено много иллирійскихъ надписей. Очень возможно, что здѣсь было мѣсто какого то религіознаго культа, о чемъ свидѣтельствуетъ множество

разныхъ приношеній, между которыми особенно обращаютъ на себя вниманіе бронзовыя изображенія человѣческихъ ногъ и рукъ, подобныя которымъ были найдены въ Эсте, въ Клейнъ-Глейнъ и другихъ мѣстахъ.

Рис. 274. Ладьеобразная и дугообразная фибулы съ привѣсками, изъ гробницы въ Фрэггъ.

Въ Штиріи сюда относятся могилы съ остатками погребенія, найденныя подъ курганами въ Лойбенбергъ, недалеко отъ Видема на р. Савъ, съ прекрасною, украшенною прилѣпными шишечками, керамикой. Въ одномъ курганѣ

Рис. 275. Оловянные фигурки изъ Фрэгга въ Хорутаніи.

былъ найденъ воинъ, погребенный въ полномъ вооруженіи (въ шлемѣ, съ копьемъ, сѣкирой и колчаномъ) и съ конемъ. Но еще болѣе важное мѣсто-нахожденіе представляютъ собою курганы, раскопанные В. Радимскимъ и І. Сомбати въ окрестностяхъ Виеса, возлѣ Лейбница ³¹¹). Нѣкоторые изъ нихъ по своему богатству заслуживаютъ названія княжескихъ гробницъ. Такъ, въ курганѣ возлѣ Клейнъ-Глейна найдены были, вмѣстѣ съ десятью бронзовыми сосудами, желѣзной сѣкирой, удилами и фибулой, двѣ половины

бронзоваго панциря — передняя и задняя (рис. 277). Въ другомъ курганѣ той же мѣстности найдены были художественной работы бронзовыя крышечки (гѣбратѣе всего — для закрыванія сосудовъ), украшенныя богатой чеканной орнаментикой

(рис. 278), вмѣстѣ съ другими художественными предметами, между прочимъ съ обѣтными, вырѣзан-
ными изъ листовой брон-
зы, изображеніями рукъ.
Одинъ изъ кургановъ зак-
лючалъ въ себѣ больше
14-ти килограммовъ брон-
зовыхъ предметовъ. Вооб-
ще инвентарь отличается
большимъ разнообразіемъ,
причемъ особенно выда-
ются привозные предметы
изъ Греціи и Италіи. Въ
курганахъ мы находимъ
обыкновенно остатки сож-
женія, большей частью
одного покойника въ каж-
дой могилѣ.

Погребальныя урны
интересной формы, очень
характерной для галль-
штаттской эпохи въ

Рис. 276. Бронзовая сѣтула, украшенная фигурками,
изъ Фрѣгга въ Хорутаніи.

сѣверныхъ частяхъ восточныхъ Альпъ, изображены на рис. 279. Примѣрами

другихъ характерныхъ издѣлій могутъ служить еще изображенныя на рис. 280—283. Но все таки слѣдуетъ сказать, что могильникъ въ Віесѣ,

Рис. 278. Бронзовыя крышки изъ кургана въ Клейнъ-Глейнъ въ Штирія.

кромѣ этихъ болѣе древнихъ гробницъ, заключаетъ въ себѣ и могилы римскаго характера. Очевидно, что здѣсь погребенія продолжались непрерывно

съ гальштаттской эпохи до времени, когда въ эту мѣстность начала уже входить провинціальная римская культура, при чемъ любопытно, что здѣсь

Рис. 279. Погреб. урна изъ кургана въ Висѣ въ Штиріи.

остались также мѣстности, какъ кажется, вовсе не затронутыя гальскою культурой. По крайней мѣрѣ здѣсь вовсе не было найдено гробницъ ла-тѣнскаго характера. Большую извѣстность получила находка въ гробницѣ съ остатками трупосожженія какого-то, вѣроятно, очень знатнаго воина, въ Штреттвегѣ, возлѣ Юденбурга. Кромѣ нѣсколькихъ частей прекраснаго вооруженія, здѣсь оказалась извѣстная бронзовая повозочка съ находящейся на ней группой бронзовыхъ фигурокъ, разставленныхъ вокругъ одной большой, которая представляетъ обнаженную женщину съ плоскимъ сосудомъ на головѣ (рис. 284). Это—по всей вѣроятности изображеніе религіозной процессіи. Оно представляетъ собою лучшую и наиболѣе извѣстную изъ всѣхъ, слѣданныхъ до сихъ поръ, находокъ подобныхъ ма-ленькихъ колесницъ. Ихъ найдено уже довольно много, но большей частью онѣ не такъ сложны, иногда безъ фигуръ,

Рис. 280. Бронзовый топоръ, фибула и сосудецъ изъ кургана въ Висѣ въ Штиріи.

но за то съ котлообразнымъ сосудомъ (Kesselwagen), какъ напр. найденныя въ Глазинацѣ въ Босніи, въ Эсте, Корнето, Лючерѣ, Кортонѣ и Палермо—въ Италиі, въ Истадѣ—въ Швеціи, въ Пеккателѣ и Пенневитѣ—въ Меклен-

Рис. 281—282. Сосуды изъ кургановъ въ Виесъ въ Штириі.

бургѣ, въ Сасварошѣ (Szászváros)—въ Трансильваніи, въ Радгони, въ Штириі, въ Бургѣ на Шпре, Обертретѣ, и Франкфуртѣ на Одерѣ, въ Оберкегелѣ — въ Силезіи и одинъ поломанный въ Чехіи, въ курганѣ у Миловца, возлѣ Домажлицѣ. Одна такая повозочка хранится и въ петербургскомъ Эрмитажѣ (Зала XIV, шк. 1).

Всѣ эти повозочки принадлежатъ очевидно къ одной группѣ древностей и относятся въ средней Европѣ къ концу бронзово-вѣка и началу желѣзнаго ³¹²). Ундсетъ считаетъ ихъ принадлежностями культа восточнаго происхожденія, въ чемъ съ нимъ соглашается и Шантрѣ. Гёрнесъ приписываетъ повозочкамъ съ котелками иллирійское происхожденіе, Вурибрандтъ-же полагаетъ, что вѣроятнѣе всего онѣ мѣстнаго производства.

Рис. 283. Бронзовый котелокъ изъ кургана въ Виесъ въ Штириі.

Кромѣ этихъ богатыхъ гробницъ, мы встрѣчаемся въ Штириі еще съ обширными могильниками, заключающими въ себѣ остатки трупосоженія, бѣдными относительно находокъ, но очень важными для части бронзового и для желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ. Какъ въ этихъ альпійскихъ странахъ, такъ и далѣе на сѣверъ и на востокъ, поля погребальныхъ урнъ отличаются бѣдностью инвентаря. Кладбище изъ 100—200 могилъ даетъ обы-

кновенно весьма скудную коллекцію предметовъ. Кромѣ остатковъ керамики мы находимъ тамъ только самые незначительные металлическіе предметы и ихъ обломки; рѣдко случается найти цѣльный ножъ, топоръ или серпъ; даже фибулы очень рѣдки. Только болѣе южные могильники этого рода, напр. Санта-люційскій, отличаются нѣскольکو большимъ богатствомъ. Но Санта-Лючія находится на берегу Адриатическаго моря, гдѣ сосредоточивалась вся тор-

Рис. 284. Бронзовая повозочка изъ Штреттвега.

говля средней и сѣверной Европы. Далѣе къ сѣверу, въ Альпахъ, трудно однако объяснить эту бѣдность полей съ погребальными урнами тѣмъ, что они болѣе удалены отъ моря и отъ Италіи. Вѣдь встрѣчаются же тамъ древнія кладбища, гораздо болѣе богатые и иного характера въ керамикѣ. Поэтому мы склонны соединить всѣ поля погребальныхъ урнъ въ одну самостоятельную группу, какъ объ этомъ будетъ сказано подробнѣе дальше.

Въ Штиріи къ группѣ бѣдныхъ находками полей погребальныхъ урнъ, съ керамикой вполне особаго характера, чѣмъ напр. видимскія могилы, относится могильникъ въ Маріа-Растѣ. Здѣсь не было найдено ни одного предмета вооруженія, а только нѣсколько бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ украшенія и масса остатковъ керамики (до 800 погребальныхъ урнъ) съ орнаментомъ изъ врѣзанныхъ и выполненныхъ бѣлымъ веществомъ черточекъ. Нѣсколько предметовъ римскаго характера побудили было графа

Вурмбрандта относить это кладбище къ римской эпохѣ, но Ундсетъ и Гёрнесъ относятъ его къ началу желѣзнаго вѣка, а римскія издѣлія считаютъ позднѣйшею примѣсью.

Въ Тиролѣ галлыштатская культура оставила не особенно большіе слѣды. Керамика могилъ этого періода отличается своеобразнымъ характеромъ, фибулы рѣдки и мѣсто ихъ занимаютъ длинныя булавки; предметы итальянскаго ввоза, естественно, очень многочисленны, напр. въ ваденскомъ могильникѣ

Рис. 285. Спиральная фибула изъ кладбища въ Маріа-Растѣ.

возлѣ Больцано и пр. Ситулъ, подобныхъ чертозской и вачской, здѣсь было найдено двѣ, въ Матреѣ и Морицингѣ. Гробницы съ костями, относямыя Кампе къ до-этрусскому желѣзному періоду, найдены были также возлѣ Романьяно въ Трентской области.

Съ новой значительной группой кладбищъ галлыштатскаго періода мы встрѣчаемся въ Нижней Австріи, Здѣсь, впрочемъ, они представляютъ лишь бѣдныя поля погребальныхъ урнъ, образцомъ коихъ можетъ служить кладбище въ Гадерсдорфѣ (Hadersdorf), очень, похожее по своему характеру на Маріа-Растское, но только еще болѣе бѣдное металлически-

Рис. 286. Фибула венгерскаго типа изъ кладбища въ Штильфридѣ.

ми предметами. Между 600-ми сосудовъ нашлось только около 20 бронзовыхъ предметовъ (фибулы венгерскаго типа, булавки, браслеты, серьги, ножи) и одинъ желѣзный. Возлѣ кладбища оказались еще культурныя ямы, очевидно остатки жилищъ населенія, погребавшаго здѣсь своихъ покойниковъ. Подобнымъ же характеромъ отличается кладбище въ Штильфридѣ (Stillfried) на р. Моравѣ. Возможно впрочемъ, что, по крайней мѣрѣ отчасти, могилы этого кладбища относятся еще къ бронзовому вѣку. На этомъ основаніи можно было отнести Штильфридское кладбище, по его характеру, къ числу болѣе древнихъ. Въ немъ найдены были, впрочемъ, кромѣ другихъ предметовъ, и желѣзные ножи, но они относятся вѣроятно къ болѣе поздней части кладбища, точно также какъ и венгерскія фибулы конца бронзоваго вѣка (рис. 286). Совершенно другой характеръ, сходный съ тѣмъ, какимъ отличаются могильники виесскій, видемскій и галлыштатскій, имѣютъ ниже-австрій-

скіе курганы, относимые Гёрнесомъ къ нѣскольکو позднѣйшей эпохѣ. Они расположены по одиночкѣ или группами на широкомъ пространствѣ въ окрестностяхъ Вѣны и представляютъ различіе по своей высотѣ (отъ 3 до 10 мет.) и по своему устройству. Иногда они заключаютъ въ себѣ погребальныя камеры, сложенныя изъ бревенъ. Остатки умершихъ обыкновенно въ сожженномъ видѣ, причемъ пепелъ заключенъ въ урны, возлѣ которыхъ положены предметы, предназначенныя для покойниковъ. Лучше прочихъ изслѣдована Сомбади группа кургановъ въ Гемейнлебарнѣ, недалеко отъ

Рис. 287. Сосудъ изъ Гемейнлебарна.

Трейсмауэра на Тульнскомъ полѣ. Мы упоминали уже объ этомъ могильникѣ въ статьѣ о бронзовомъ вѣкѣ (стр. 306). Часть гробницъ его относится къ эпохѣ наиболѣе полного развитія бронзы, причемъ болѣе древнія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ кости, позднѣйшія же остатки трупосожженія. Уже тогда были нами указаны слѣды южныхъ вліяній какъ въ бронзовыхъ издѣліяхъ (пескьерскія фибулы), такъ и въ керамикѣ. Тѣ-же вліянія мы видимъ и въ содержимомъ трехъ открытыхъ одна возлѣ другой могилъ начала желѣзнаго вѣка. Своеобразная керамика и оружіе указываютъ намъ на югъ, на область галльштаттской культуры. Погребальныя урны украшены шишечками, насаженными на нижней окраинѣ горлышка, вытиснутыми полукруглыми поясками (рис. 287), иногда расписными геометрическими узорами (бѣлаго, краснаго и чернаго цвѣта), а также бронзовыми или оловянными накладками. Особенно оригинальны сосуды, на боковыхъ стѣнкахъ которыхъ сдѣланы два возвышенія, оканчивающіяся горлышками

Рис. 288. Сосудъ изъ Гемейнлебарна.

ачьими головками (рис. 288). Вкусь къ подобному украшенію мы видимъ также на нѣсколькихъ фигурныхъ животныхъ и челоукахъ въ головкахъ, которыя были первоначально прилѣплены на крѣпости (ср. оловянные фигуры изъ Фрѣгга и сосудъ изъ Эденбурга, рис. 289). Ситула, украшенная кругомъ фигурнымъ орнаментомъ, найдена въ могилѣ въ восточной части бенединскаго монастыря въ Гёттвейгѣ (Göttweig), близъ селами Буффарна и Штатцендорфомъ, въ гробницѣ, заключавшей

Рис. 289. Сосудъ изъ эденбургскихъ гробницъ.

содержавшая предметы позднѣйшаго галльштаттскаго типа. Прекрасные сосуды были найдены въ курганѣ возлѣ Пиллихсдорфа и Зюггерсдорфа (Zögeersdorf). Сюда относятся также курганы возлѣ Матингофена (Mattinghofen) въ Верхней Австріи, возлѣ Абсдорфа, Тирнталя и др. Болѣе обширное культурныхъ ямъ (могилъ и остатковъ поселеній) галльштаттской эпохи было изслѣдовано покойнымъ археологомъ Игн. Шпѣттелемъ. Въ одномъ изъ главныхъ мѣстопокоженій, на кирпичномъ заводе въ могилѣ съ костями были найдены превосходные сосуды. Въ той же области галльштаттской культуры относятся еще нѣкоторыя и въ западной части Венгрии, недалеко отъ границы подалѣйше. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны раскопанные въ послѣднее время съ остатками трупосожженій, разбросанные въ большомъ количествѣ возлѣ города Эденбурга (Oedenburg). Кромѣ могилъ здѣсь было также множество такъ наз. культурныхъ ямъ, принадлежащихъ къ галльштаттской эпохѣ и позднѣйшей ла-тѣнской. Наиболѣе характерный предметъ представляетъ собою керамика (металлическія урны этихъ гробницъ отличаются характеромъ, но имѣющими свои мѣстные особенности).

чаши на высоких ножках, встречавшіяся уже намъ въ Ленггау (рис. 63), двойные сосуды, глиняные идолы (рис. 65). Орнаментъ ихъ всегда линейный, изъ черточекъ или треугольниковъ. Рѣдкое исключеніе составляютъ урны, воронкообразное горлышко которыхъ украшено рядомъ человѣческихъ фигуръ, примитивно вычерченныхъ и самымъ геометрическимъ образомъ стилизованныхъ. На одной изъ нихъ одна фигура представлена на конѣ, а пять прочихъ пѣшими, при чемъ рядъ заключается лошадыю. Повидимому, это изображеніе должно представлять нѣчто въ родѣ религиозной сцены, принесеніе жертвы у алтаря (рис. 290 и 291). Сосудъ этотъ былъ найденъ въ варинскомъ городищѣ. На «Бургштадтѣ» найдено было два такихъ сосуда, одинъ вполне подобный предыдущему, а другой на высокой конусообразной ножкѣ, украшенный охотничьей сценой (охоты на оленя), повозкой съ запряженными въ нее лошадьми, двумя музыкантами и плясунами, которые впрочемъ уже не такъ геометрически стилизованы, какъ фигуры на предыдущихъ сосудахъ ³¹³).

Рис. 290. Украшенная фигурами погребальная урна изъ Эденбурга.

Сказаннымъ исчерпывается перечисленіе странъ, входившихъ болѣе интенсивнымъ образомъ въ область галльштаттской культуры. Все, что мы находимъ кромѣ того, представляетъ только ея развѣтвленія, уже уступаю-

Рис. 291. Часть фигурнаго орнамента той же урны.

щія мѣстнымъ культурамъ. Даже въ наиболѣе близкой полосѣ земель, прилегающихъ къ этой области, особенно къ сѣверу отъ Дуная, мы встречаемъ мало такого, что бы въ цѣломъ представляло непосредственное сходство съ галльштаттскимъ типомъ. Только на югѣ отъ Дуная, на сѣверныхъ склонахъ Альпъ, попадаются еще довольно замѣтные слѣды галльштаттскаго вліянія, какъ напр. въ верхней Баваріи. Изъ кургановъ, расположенныхъ между

внутри браслеты, деревянные и бронзовые сосуды, цисты, ситуты и роскошно отделанные маленькія колесницы, о которыхъ было упомянуто выше. Въ двадцати-одномъ случаѣ Науэ нашелъ въ гробницахъ кости дикаго кабана. Курганы не заключали въ себѣ каменной камеры внутри, а только каменные стѣнки, но и тѣ въ болѣе позднихъ гробницахъ исчезаютъ. Богатая «княжеская» гробница галльштаттской эпохи была открыта въ Пуллахѣ, недалеко отъ Gross-Hessellohe съ остатками боевой колесницы, съ двумя конскими скелетами и множествомъ металлическихъ предметовъ и расписныхъ сосудовъ.

Изъ Баваріи мы можемъ прослѣдить вліяніе галльштаттской культуры и далѣе на западъ, до кургановъ Бадена, Вюртемберга и даже Гессена, а черезъ Эльзасъ и до самой Франціи. Объ этомъ впрочемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ этихъ южно-нѣмецкихъ земляхъ мы находимъ однако только культуру позднѣйшаго галльштаттскаго періода; болѣе древніе ея типы встрѣчаются тамъ очень рѣдко. Къ концу галльштаттской эпохи или къ началу ла-тѣнской относятся двѣ «княжескія» могилы, найденныя О. Фраасомъ, въ Вюртембергѣ, возлѣ крѣпости Гогенасперга. Одна изъ нихъ называлась Бельремизе, а другая Клейнъ-Аспергле. Въ обѣихъ главная гробница были заключена въ деревянной камерѣ, сверхъ которой былъ насыпанъ изъ земли курганъ въ 6 мет. вышины; прочія гробницы были расположены поперекъ главной оси. Въ обоихъ курганахъ (хотя въ первомъ изъ нихъ главная гробница была уже ограблена) найдены были богатые вещи: золотыя діадемы и браслеты, бронзовые сосуды и греческія глиняныя вазы, обломки колесницъ и т. п.

Сѣверно-дунайскій поясъ. Переходя къ странамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Дуная, мы замѣчаемъ сильное уменьшеніе галльштаттскаго вліянія и можемъ прослѣдить замѣтные слѣды его только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили торговые пути къ Адриатическому морю.

Въ Чехіи до сихъ поръ извѣстно очень немного могильниковъ галльштаттскаго типа. Изъ большихъ группъ юго-чешскихъ кургановъ значительная часть гробницъ все таки относится къ началу желѣзнаго вѣка. Курганы эти, какъ мы уже замѣтили выше, составляютъ переходъ отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному. Какія именно группы кургановъ могутъ быть отнесены къ этой категоріи, до сихъ поръ опредѣлить еще трудно. Сюда относятся, сколько намъ извѣстно, часть кургановъ, расположенныхъ на берегахъ р. Уславы, изслѣдованныхъ Франкомъ и описанныхъ Сомбаши, курганы въ бассейнѣ рѣки Клававки у Дейшина, Кышицъ, Мирковицъ, Ровной, Противина и т. п.²¹⁵). Нѣкоторыя группы, какъ напр. гусинская, заключаютъ въ себѣ типы бронзоваго вѣка вмѣстѣ съ позднѣйшими типами желѣзнаго вѣка, какъ напр. птицеобразными фибулами. Представляютъ-ли

собою курганы, найденные въ Пильзенскомъ округѣ, на берегахъ р. Уславы, и относящіеся по своему инвентарю къ началу желѣзнаго вѣка,—гробницы новаго, пришедшаго сюда населенія, какъ думаетъ Сомбатъ, или же принадлежатъ, какъ полагають Франкъ и Шнейдръ, тому же населенію, которое жило здѣсь въ теченіе бронзоваго вѣка и оставило послѣ себя могилы, о которыхъ было упомянуто въ предыдущей главѣ—это будетъ разъяснено дальнѣйшими изслѣдованіями южно-чешскихъ памятниковъ. Чешскіе курганы этой эпохи низки, малы и заключаютъ въ себѣ остатки какъ погребенія, такъ и трупосоженія. Встрѣчалось также и частичное сожженіе покойниковъ. На побережьи Уславы найдены были при скелетахъ или возлѣ погребальныхъ урнъ бронзовые браслеты (большіе, полые внутри, слѣанные изъ украшеннаго черточками листового металла, ср. рис. 293), желѣзные наконечники копій, ножи, топорники, рѣдко фибулы—змѣеобразныя, а также и двойныя, дугообразныя. За то здѣсь очень многочисленна посуда (до 25 шт. въ одной могилѣ), по большей части съ вылощенной бле-

Рис. 293. Браслетъ изъ листовой бронзы, изъ Бычьей скалы въ Моравіи.

Рис. 294. Сосуды изъ цитолѣбскихъ кургановъ.

стящей поверхностью. Въ Дейшинскихъ курганахъ найдены были прекрасныя, расписанныя внутри вазы галлыштатскаго типа, очень многочисленныя въ современныхъ имъ баварскихъ курганахъ. Изъ другихъ находокъ можно отнести къ этому періоду гробницу съ костями, открытую въ каменной камерѣ возлѣ Вельваръ, съ сосудами, украшенными прилѣпными валиками и рога-тыми ушками, находку возлѣ Паржедль недалеко отъ Моста; къ концу же его—цитолѣбскія гробницы съ остатками трупосоженія и съ красиво орнаментированными сосудами (рис. 294), часть воковицкаго могильника и рядъ полей погребальныхъ урнъ, о которыхъ будетъ сказано далѣе. Сюда также относятся могилы со скелетами въ скорченномъ положеніи и иногда съ остатками сожженія, найденныя Б. Елинекомъ возлѣ Бехлина и Браника, недалеко отъ Праги (рис. 295).

Къ этой же эпохѣ относится и складъ бронзовыхъ предметовъ, найденный

возлѣ Свіянъ, близъ Турнова. Здѣсь въ одномъ сосудѣ было открыто 24 предмета изъ бронзы и между ними большія и маленькія фигурки птицъ

Рис. 295. Гробница съ остатками трупосожженія изъ Браника возлѣ Праги (нижній сосудъ изъ могилы съ ост. сожженія).

(лебедей, утокъ), стилизованныхъ въ галльштатскомъ вкусѣ. Уже Воцель справедливо считалъ ихъ занесенными съ юга.

Въ Моравіи можно отнести сюда вполне опредѣленно, по крайней мѣрѣ, одну замѣчательную находку. Это—уже извѣстная намъ пещера «Бычья

Рис. 296. Черепъ, обдѣланный въ видѣ чаши и найденный въ Бычьей скалѣ.

скала» возлѣ Адамова, первая въ Австріи, гдѣ были открыты слѣды четвертичнаго человѣка въ 1868 г. ³¹⁶). Съ тѣхъ поръ тамъ неоднократно про-

изводились раскопки, хотя находки четвертичного человѣка все-таки, къ сожалѣнію, не были достаточно изучены и изданы. Но Бычья скала получила еще извѣстность благодаря находкамъ галльицаттской эпохи, сдѣланнымъ въ ней д-ромъ Ванкелемъ и хранящимся въ Вѣнскомъ Музее. Въ преддверіи, ведущемъ въ главную пещеру, Ванкель открылъ гробницу какого то древне-моравскаго князя. Иначе трудно объяснить эту гробницу съ остатками трупосожженія, богатую бронзовыми издѣліями и оружіемъ, возлѣ которой въ без-

порядкѣ было положено около 40 скелетовъ обоого пола. По-видимому, эти скелеты, большей частью женскіе, представляютъ собой останки погребенныхъ съ своимъ господиномъ женъ и слугъ; съ ними лежали рядомъ и кости двухъ коней. Между предметами, положенными съ покойникомъ, первое мѣсто занимали бронзовые сосуды, уже извѣстныхъ намъ формъ, желобчатые цисты, ситулы, котелки съ ручками, бронзовый жезлъ (рис. 297), большое количество сильно профилированныхъ браслетовъ и два громадныхъ дутыхъ браслета изъ прекрасно украшенной листовой бронзы, ладьобразныя фибулы и пр. (рис. 297 и 298), фрагменты бронзовыхъ поясовъ, множество стеклянныхъ и янтарныхъ бусъ,

Рис. 297. Бронзовый жезлъ изъ Бычьей скалы. золотыя серьги и небольшой

золотой браслетъ, костяныя и каменныя подвѣски и т. п. Многіе изъ этихъ предметовъ — южнаго происхожденія. Кромѣ того были найдены остатки окованной бронзою и желѣзомъ колесницы, желѣзныя сѣкиры, ножи, кинжалы и наконечники копій, бронзовые наконечники стрѣлъ. Керамика—чернаго цвѣта, но различныхъ формъ. Въ той-же пещерѣ Ванкель нашелъ небольшую фигурку быка, инкрустированную въ своей верхней части небольшой треугольной пластиной (рис. 299). Ванкель, связывая эту находку съ названіемъ «Бычьей скалы»,

высказалъ предположеніе, что пещера эта въ свое время была посвящена

Рис. 298. Бронзовые котелокъ, браслетъ и фибула, найденные въ „Бычьей скалѣ“.

религіозному культу быка, вродѣ почитанія Аписа въ древнемъ Египтѣ. Впослѣдствіи, впрочемъ, когда по этому поводу возникла полемика между нидерл.

Изъ прочихъ моравскихъ находокъ относится, вѣроятно, также къ этой эпохѣ находка бронзовыхъ сосудовъ въ Накельскомъ свайномъ поселеніи, въ гробницахъ со скелетами въ скорченномъ положеніи. Въ нихъ заключается не особенно богатый инвентарь: бронзовыя серьги, браслеты и браслеты, бусы изъ кости и стекла, украшенія изъ кабаньихъ зубовъ и сосудцы. О присутствіи желѣза Ванкель заключалъ только на основаніи слѣдовъ ржавчины. Моравскіе курганы до сихъ поръ еще мало извѣстны; за то въ этой области къ галльштаттскому періоду относится значительная часть полей погребальныхъ урнъ, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Во Франціи въ этотъ періодъ жили кельто-галльскія племена, которыя отчасти находились еще, вѣроятно, въ бронзовомъ вѣкѣ и выработали постепенно свою культуру или путемъ самобытнаго внутренняго развитія или подъ вліяніями извнѣ. Поэтому, строго говоря, галльштаттской культуры во Франціи мы не находимъ; тамошняя культура начала желѣзнаго вѣка раздѣляется на двѣ части, каждая изъ которыхъ представляетъ собою только ступень въ развитіи древней бронзовой культуры: 1) болѣе древній періодъ, въ которомъ преобладаетъ еще характеръ бронзовой эпохи и 2) болѣе поздній періодъ, характеризующійся появленіемъ новаго, но все-таки мѣстнаго галльскаго типа. Словомъ, здѣсь изъ бронзовой культуры прямо развилась культура галльская или ла-тенская, побѣдоносно овладѣвшая впослѣдствіи болѣею частью Европы; переходная-же къ ней эпоха составляетъ въ Галліи начало желѣзнаго вѣка. Само собою разумѣется, что въ теченіе всей этой эпохи развитія, и въ древнѣйшемъ и въ позднѣйшемъ ея періодѣ, сюда проникали и иноземныя культурныя вліянія, на сѣверъ Франціи—съ Дуная, на юго-востокъ, въ бассейнъ Роны—изъ Италіи и даже прямо съ Востока.

Въ сѣверной Франціи поэтому культура начала желѣзнаго вѣка имѣетъ связь по своему характеру съ культурою южно-нѣмецкою, образуя вмѣстѣ съ нею почти одну группу, родственную особенно въ гробницахъ позднѣйшаго типа. Сюда относятся кот-д'орскіе курганы въ Бургундіи, напр. группа въ Magny-Lambert (курганы, носящіе названія: Monceau-Milon, Monceau-Lambert, Vie de Bagneuse, La Combe-Bernard, съ желѣзными мечами галльштаттскаго типа, но съ инвентаремъ бронзоваго вѣка), въ Cosne, въ Argemont, могильникъ въ Hagenaу (Haute-Rhin). Къ началу желѣзнаго вѣка А. Бертравъ относитъ еще могильникъ въ Garin (Верхн. Гаронна), гробницы на плато de Gers (деп. Верхн. Пиренеевъ), которыя онъ считаетъ современными съ бронзовой эпохой въ Швейцаріи, въ Gramat (деп. Лоты) и многіе другіе, въ которыхъ, кромѣ вліяній галльштаттскаго и итальянскаго, замѣчаются еще многіе слѣды болѣе древней эпохи. На сѣверѣ курганы позднѣйшей эпохи соотвѣтствуютъ по своему содержанію южно-нѣмецкимъ. Но кромѣ этихъ внѣшнихъ вліяній, мы находимъ здѣсь уже первые признаки новой мѣстной

галльской. Одну изъ наиболѣе громадныхъ курганныхъ группъ, принадлежащихъ къ этой галльской эпохѣ со слабаго вліянія, составляютъ многочисленные курганы, расположенные въ Alaise и Amapseu въ Франшъ-Конте, курганы въ Amapseu (Кот-д'оръ). Въ юрскихъ курганахъ Шантръ встрѣчаются деформированные черепа.

Въ южной Франціи мы видимъ, что здѣсь развитію культуры много итальянскія и восточныя вліянія³¹⁷). Въ гробницахъ эпохи мы встрѣчаемъ, напримѣръ, дугообразныя фибулы, ритвы, столь характерныя для начала желѣзнаго вѣка съ вѣтвицею, орнаментъ изъ фигуръ животныхъ, стекло, золото, янтарь и т. д., кромѣ бронзовыхъ мечей.

Всѣ эти вещи указываютъ на Италію. Сношенія съ ней происходили въ римскіе вѣка путемъ черезъ Массилію, чѣмъ сухопутнымъ путемъ. Въ позднѣйшихъ гробницахъ мы встрѣчаемъ латунныя фибулы, вылитыя изъ листовой бронзы, бронзовые сосуды и большое количество оружія. Вліяніе съ Дуная достигало только этихъ познаний. вмѣстѣ съ гробницами, заключающими скелеты, здѣсь встречаются трупосожженія.

Въ сложившемся характерѣ новой желѣзной культуры въ Галліи мы начинаемъ встрѣчать уже здѣсь, намъ придется говорить о главѣ.

Въ Галліи, лежащихъ вполнѣ внѣ области средне-европейской галльскія культуры, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть объ Испаніи, которая въ средиземноморской полосѣ, но тогда какъ въ Греціи вліяніе было все таки, въ достаточно сильной степени, и вліяніе изъ Востока или изъ Греціи и Италиі. Гробницы этой эпохи, такъ и трупосожженія, постоянно обнаруживаютъ непосредственныхъ восточныхъ вліяній.

Въ Галліи желѣзная культура проникла изъ Галліи и черезъ пограничье. Еще во времена Цезаря бронза была здѣсь въ большомъ употребленіи, тогда какъ желѣзо было рѣдкостью, настолько, что служило только для оружія. Цезарь выражается объ этомъ очень опредѣленно (De b. g. 6, 12), замѣчая: «въ прибрежныхъ мѣстностяхъ тамъ встрѣчается много очень мало... Желѣзные бруски служатъ монетою». Въ первой половинѣ Германіи, появленіе желѣза, какъ это доказано³¹⁸), стояло въ связи съ галльштаттской культурой и производилось въ торговыхъ сношеніяхъ, а не вслѣдствіе пришествія монетъ, что оно проникло сюда изъ южной и средней Европы,

дѣлательствуеѣ рядѣ галльштатскихѣ типовѣ, которыми обозначается первое появленіе желѣза во всей сѣверной Германіи. Тѣмѣ не менѣе, галльштатское вліяніе проникло сюда въ незначительной степени, и поэтому сѣверогерманскія страны, еще менѣе чѣмѣ Чехія и Моравія, могутѣ быть причислены къ области галльштатской культуры. Важное значеніе имѣетѣ то обстоятельство, что, какѣ было констатировано Ундсетомѣ, въ Саксоніи, Лузаци, Бранденбургѣ, Помераніи, Мекленбургѣ, Ганноверѣ и Голштиніи, а также и въ Скандинавскихѣ странахѣ—Даніи, Швеціи и Норвегіи, на Борнгольмѣ и прочихѣ о-вахѣ, желѣзо вошло въ употребленіе только подѣ вліяніемѣ галльской культуры (ла-тенской) и римской. Изѣ галльштатской же тамѣ были позанимствованы только новые образцы бронзовой индустріи *), тогда какѣ желѣзные типы остались безѣ подражанія. Такимѣ образомѣ, можно сказать, что въ этихѣ странахѣ бронзовый періодѣ закончился лишь подѣ вліяніемѣ галльской культуры.

Признаки болѣе развитой культуры начала желѣзнаго вѣка, подобной галльштатской, встрѣчаются только въ тѣхѣ мѣстностяхѣ, которыя лежали на торговыхѣ путяхѣ, соединявшихѣ Средиземное море съ Сѣверомѣ, какѣ напр. въ Ганноверѣ, Голштиніи, Мекленбургѣ, затѣмѣ въ Силезіи, Познани и въ Западной Пруссіи. Такихѣ торговыхѣ путей, по мнѣнію Ундсета, было главнымѣ образомѣ три: одинѣ—западный, отѣ Рейна къ Везеру, другой—восточный, отѣ береговѣ Чернаго моря, изѣ Ольвіи по Днѣстру къ Вислѣ, и третій—шедшій отѣ сѣвернаго побережья Адриатическаго моря, черезѣ восточные Альпы, Моравію, Силезію вдоль Одера къ Вислѣ, откуда онѣ развѣтвлялся къ морямѣ Сѣверному и Балтійскому. Такимѣ образомѣ, напр., по изслѣдованіямѣ Лиссауера, южная культура проникала въ Пруссію или изѣ нынѣшней Познани черезѣ излучину Варты или изѣ Гиѣзна черезѣ Вельму и Вонгровицѣ, или же съ Гопельскаго озера вдоль верхняго Нотеца и наконецѣ изѣ Плоцка вдоль праваго берега Вислы и черезѣ Торнѣ къ Ногату, Эльбингу и Замланду.

Что эти торговыя сношенія значительно способствовали развитію новой культуры, видно особенно явственно на примѣрѣ Западной Пруссіи, которая въ эту эпоху переживала свой наиболѣе богатый доисторическій періодѣ. Находки этой эпохи здѣсь сравнительно наиболѣе многочисленны. Не только берега Вислы, но даже и*поодаль отѣ нея лежащія мѣстности были въ то время довольно густо населены. Даже тамѣ, гдѣ вовсе не встрѣчается остат-

---

*) Такими Ундсетѣ считаетѣ напр. фигурки птицѣ и рогаѣтыхѣ животныѣхѣ, дутыя бронзовыя гривны и особенно спиральныя фибулы на подобіе очковѣ. Ундсетѣ не затруднялся даже прямо назвать восточную область скандинавской бронзовой культуры—дочерью галльштатской, въ которой желѣзо все-таки не было еще въ общемѣ употребленіи. Это—одна изѣ загадокѣ скандинавской археологіи.

ковъ болѣе древнихъ эпохъ, находки этой эпохи оказываются многочисленными. Одна только дельта Вислы представляет собою въ этомъ отношеніи загадочное исключеніе.

Д-ръ Лиссауэръ относитъ здѣшнюю культуру начала желѣзнаго періода приблизительно къ времени отъ 500 года до нашей эры до первыхъ сто-

лѣтій ея, когда эта культура продолжалась еще рядомъ съ позднѣйшей. Монеты цезарей и римскія фибулы попадаютъ еще въ ящикообразныхъ гробницахъ. Гробницы этой эпохи въ Пруссіи и сосѣднихъ странахъ оказываются почти исключительно съ остатками трупосожженія и образуютъ собой или просто поля погребальныхъ урнъ съ могилами, заключающими въ себѣ урны, окруженные другими сосудами въ ямѣ, обложенной камнями (какъ напр. на кладбищахъ въ Горшевицѣ, возлѣ Kiączupa, Котогowa и Słupowa—въ Самтерскомъ о. возлѣ Оборника на берегу Варты въ Kiekrze—въ Познани), или же курганы съ камерой, сложенной изъ каменныхъ плитъ и

Рис. 300. Шейное украшеніе изъ гробницы въ Амаліенфельдѣ въ Пруссіи.

закрывающей въ себѣ отъ 1 до 10 урнъ (такого рода гробницы встрѣчаются во всей собств. Пруссіи, въ Познани и въ Помераніи, напримѣръ въ Buchwald'ѣ, въ Стумскомъ округѣ, возлѣ Верхней Бродницы, Идмена, Тухомѣ, Бартгаузскомъ округѣ и очень часто въ Шветцкомъ округѣ), или же, на-

конецъ,—и это болѣе характерный для этой эпохи видъ погребенія—настоящія ящикообразныя гробницы, съ которыми мы встрѣчались уже въ концѣ бронзоваго вѣка (рис. 226 и 227). Ящикообразныя гроб-

Рис. 301. Изображенія на погр. урнѣ изъ Даршлюба въ Пруссіи.

ницы находятся обыкновенно въ землѣ, на глубинѣ около 0,5 метра отъ поверхности и бываютъ различныхъ размѣровъ, смотря по количеству заключающихся въ нихъ погребальныхъ урнъ, прикрытыхъ крышечками. Въ отличіе отъ предыдущихъ могилъ,—это гробницы семейныя, въ которыхъ число урнъ со временемъ увеличивалось. Гробницы этого типа разбросаны по всей области, чаще всего вблизи рѣкъ и озеръ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ обозначаются небольшою насыпью. Урны имѣютъ обыкновенно форму горшковъ, иногда снабженныхъ небольшими ушками. Гробницы эти въ Пруссіи очень многочисленны

и, по мнѣнію Лиссауэра, относятся къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ курганы. Многія изъ нихъ были изслѣдованы В. Оссовскимъ (въ Госцѣрадѣ Бромбергскаго округа, возлѣ Бралевницы, Яблунки, Кобушева, Касиски, въ Новотеттинскомъ округѣ, въ Шлохавскомъ округѣ ³¹⁹) и пр.), кромѣ того Флюорковскимъ, Лиссауэромъ, Конвенцомъ и др.

Въ числѣ предметовъ, находимыхъ въ этихъ гробницахъ, мы встрѣчаемъ много бронзовыхъ, галлытаттскаго характера, занесенныхъ сюда съ юга. Между урнами особенно обращаетъ на себя вниманіе группа лицевыхъ урнъ, о которыхъ было уже упомянуто въ предыдущей главѣ (стр. 325). Къ той же эпохѣ Лиссауэръ и Оссовскій относятъ особенный видъ гробницъ, въ которыхъ погребальная урна бываетъ обыкновенно прикрыта другимъ сосудомъ большихъ размѣровъ, точно колоколомъ (*grob u podkloszow'e*) ³²⁰. Въ Пруссіи былъ найденъ цѣлый рядъ ихъ (Кокоско, Brachnówka, Zalesie и пр.). Сосуды по своей формѣ и орнаментациі сходны съ находимыми въ ящикообразныхъ гробницахъ (рис. 302).

Какъ Монтеліусъ для Скандинавіи, такъ и Лиссауэръ по отношенію къ Пруссіи, относятъ начало желѣзнаго вѣка къ половинѣ послѣднаго тысячелѣтія до нашей эры. Но, какъ мы уже сказали выше, только латенская культура, а еще болѣе римская, доставили здѣсь желѣзу полное преобладаніе; кромѣ того, эти послѣднія эпохи, относящіяся здѣсь уже къ началу нашей эры, даютъ въ этихъ странахъ рядъ новыхъ культурныхъ элементовъ, о которыхъ мы скажемъ на своемъ мѣстѣ далѣе.

Рис. 302. Колоколообразная гробница изъ Гоголева (по Оссовскому).

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, всю южную, западную и сѣверную Европу, перейдемъ теперь къ странамъ, гдѣ, также какъ и на Сѣверѣ, слѣды южной и галлытаттской культуры выражены очень слабо, и гдѣ, вмѣсто гробницъ съ богатымъ археологическимъ содержаніемъ, мы встрѣчаемъ только могилы съ бѣднымъ, домашнимъ инвентаремъ—такъ назыв. поля погребальныхъ урнъ.

Мы уже упоминали объ этой своеобразной группѣ погребеній въ изложеніи культуры бронзоваго вѣка, такъ какъ мы не сомнѣваемся въ томъ, что часть ихъ, въ восточной половинѣ средней Европы, существовала еще во

времена, когда желѣзо тамъ еще не было въ употребленіи. Большая часть полей погребальныхъ урнъ относится однако уже къ началу желѣзнаго вѣка, хотя точное опредѣленіе эпохи оказывается иногда весьма затруднительнымъ. Штиллфридское кладбище, напр., представляетъ очень древній характеръ, сохранившіяся въ немъ орудія и оружіе сдѣланы еще изъ бронзы и отличаются древностью типа, тѣмъ не менѣе, тамъ попадаются уже и куски желѣза *). Къ какой же эпохѣ отнести это кладбище? То-же самое приходится сказать и о многихъ другихъ могильникахъ этой категоріи. Въ общемъ, однако, мы не сомнѣваемся, что они относятся отчасти къ бронзовому вѣку, болѣею же частью уже къ желѣзному.

Болѣе древніе изъ этихъ могильниковъ были уже описаны нами въ предыдущей главѣ, гдѣ была изложена и гипотеза о вѣроятномъ ихъ происхожденіи и распространеніи. Этотъ способъ погребенія распространялся, надо думать, въ средней Европѣ съ востока на западъ. На востокъ, вдоль обонхъ склоновъ Карпатъ, особенно-же сѣвернаго, находятся самые древніе могильники этого рода; отсюда, вѣроятно, и распространился этотъ способъ погребенія, въ концѣ бронзоваго вѣка и въ началѣ желѣзнаго, на сѣверъ и западъ, по Одери и Лабѣ (Эльбѣ), въ Пруссію, Познань, Силезію, Бранденбургъ и Лузацію, на югъ—въ Моравію и Чехію, а затѣмъ вдоль Дуная въ Австрію и по ту сторону Дуная въ восточныя альпійскія страны.

Въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ предполагаемому нами исходному центру, мы находимъ могильники этого рода еще съ признаками вполне бронзоваго вѣка, въ областяхъ же болѣе отдаленныхъ они выказываютъ уже позднѣйшій характеръ. Исключеніе составляютъ, и то лишь по мнѣнію Ундсета, Лузація и Бранденбургъ, сравнительно съ Силезіей и Познанью. Въ первыхъ извѣстные до сихъ поръ могильники не выказываютъ вовсе слѣдовъ желѣза; въ Силезіи же и Познани Ундсету, наоборотъ, не приходилось слышать ни объ одномъ полѣ погребальныхъ урнъ съ предметами бронзоваго вѣка.

Но если-бы это было и такъ, это все-таки не опровергаетъ еще нашей теоріи. Мы убѣждены, что и въ Силезіи и въ Познани поля погребальныхъ урнъ чаще всего относятся къ болѣе древней эпохѣ.

Во всякомъ случаѣ, указанная нами теорія представляется болѣе подходящей, чѣмъ та, по которой мѣсто происхожденія полей погребальныхъ урнъ приурочивается къ странѣ, гдѣ онѣ только позже получили большее и своеобразное развитіе, именно къ землѣ лужичанъ. Тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что этотъ лужицкій центръ оказывалъ и свое вліяніе на окрестныя области, изъ которыхъ для насъ наиболѣе интересна Чехія. Кромѣ Лузаціи и въ другихъ странахъ, какъ мы скажемъ далѣе, развились въ теченіе этой

*) Найденные тамъ желѣзные ножи, по мнѣнію Муха, составляютъ случайное явленіе.

эпохи мѣстные типы культуры, характеризующей поля погребальных урнъ, главнымъ образомъ особенностями керамики. Изъ этихъ мѣстныхъ группъ, въ Германіи наиболѣе интересны: силезская, лужицкая и полабская (альбская), на югѣ-же Ундсеевъ первый различилъ группы альпійскую и венгерскую. Кромѣ того, восточная сторона Польши съ частью Россіи и Галиціи образуютъ, повидимому, особую, къ сожалѣнію до сихъ поръ еще мало изслѣдованную группу.

Силезская группа обнимаетъ мѣстности вдоль Одера и Вислы и отличается богатствомъ расписной керамики. Могильники съ расписными сосудами, многочисленны въ Силезіи и Познани, исчезаютъ на востокѣ, а на западѣ сливаются съ группой лужицкой, идущей до Франкфурта на Одерѣ. На сѣверѣ они переходятъ постепенно въ другой видъ погребенія,—извѣстны уже намъ семейныя ящикообразныя гробницы.

Въ Силезіи собственно почти нѣтъ могильниковъ иного типа. Сосуды здѣсь сдѣланы обыкновенно отъ руки и отличаются красивыми формами, цвѣта они желтаго или сѣровато-чернаго. Снаружи и внутри стѣнки ихъ бываютъ часто натерты графитомъ и украшены шишечками, полосками, ушками и черточками. Чрезвычайно красивы сосуды, расписанные по свѣтлому фону черными и красными узорами (рис. 303). Мѣстность въ которой они чаще всего встрѣчаются, простирается отъ р

Варты къ Познани и къ среднему теченію Одера. Рис. 303. Расписной сосудъ изъ Силезіи.

Наиболѣе-же развито было производство ихъ на правомъ берегу Одера. Особенно замѣчательна расписная плоская ваза, найденная въ большомъ могильникѣ возлѣ Іезерицъ въ Нимпшскомъ окр. Другія замѣчательныя поля погребальныхъ урнъ были открыты въ Beichau, Klein-Breezen'ѣ, Stries'ѣ, Schlieben'ѣ, Schlaup'ѣ, Wohlau, Brauchitschdorf'ѣ, Petchkendorf'ѣ, Lessendorf'ѣ и проч. Изъ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ могильникахъ, для Силезіи особенно характерны булавки, съ изгибомъ подъ головкой (рис. 304). Къ той-же группѣ относятся и познанскія гробницы съ остатками трупосожженія. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ могильниковъ считается открытый у Забоговъ, на берегу Приментскаго озера и изслѣдованный Р. Вирховымъ. Погребальныя урны здѣсь оказались просто зарытыми въ землю, безъ каменной плиты, а вокругъ нихъ находились небольшіе сосудцы, часто отъ 15 до 20 и даже до 50 штукъ вмѣстѣ, весьма разнообразныя и по формѣ и по орнаментациі. Многіе сосуды имѣютъ форму животныхъ (птичьихъ головъ, бычачьихъ и т. п.); часто попадаются также двойные сосудцы. Изъ бронзовыхъ предметовъ тутъ были найдены булавки, кольца, шпильки, широкіе плоскіе ножи, топоры со втулкой, серпы, фибула венгерскаго типа, удила,—цѣлый рядъ типическихъ формъ бронзоваго вѣка—

вмѣстѣ съ желѣзными топорами, кинжалами, ножами, фибулами, шейными кольцами и т. п., а равно и бусами изъ янтаря и голубаго стекла. Другія замѣчательныя кладбища того же характера открыты были въ Казимѣржѣ, въ Надзѣвѣ, возлѣ Пальчына, въ Манечкѣ, Котовѣ, Суленчинѣ,

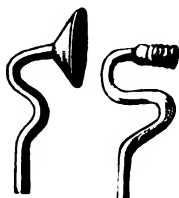

Рис. 304. Головки
булавок силезскаго
типа.

Златовѣ, Вшединѣ и т. д., въ Помераніи—возлѣ Жарникова (Бельгардъ). Въ этихъ могильникахъ попадаются иногда еще каменные топоры рядомъ съ желѣзнымъ оружіемъ. Въ общемъ познанскія поля погребальныхъ урнъ сходны съ силезскими, а затѣмъ дальше на востокъ, въ Царствѣ Польскомъ также нѣтъ недостатка въ подобныхъ же могильникахъ желѣзнаго вѣка. Въ Галиціи сюда относится извѣстный могильникъ возлѣ Квачалы, недалеко отъ Кра-

кова, съ желѣзнымъ топоромъ, наконечникомъ копья,

желѣзными шейными кольцами, вмѣстѣ съ множествомъ бронзовыхъ облом-

ковъ. Сосуды по большей части грубой работы, безъ орнаментаціи.

Другая группа лужицкая отличается въ деталяхъ инымъ характеромъ керамики ³²¹). Вмѣсто расписныхъ сосудовъ здѣсь находимъ сосуды, украшенные въ своей широкой части шишечками съ окружающими ихъ вдавленными дужками (рис. 306, 308) такъ наз. Buckelurnen. Небольшіе бугорки насажены сверху, болѣе крупныя выдавлены изнутри. Кромѣ этого

рода сосудовъ встрѣчаются еще часто и другіе, сдѣланные на подобіе двойного усѣченного конуса (рис. 305), также съ перегородками внутри, двойные и тройные представляющіе подобіе роговъ и т. п. Въ Лузациіи сосуды рѣже бывають натерты графитомъ, а звѣздообразныя украшенія на внутреннемъ днѣ плоскихъ сосудовъ, встрѣчающіяся въ Силезіи, здѣсь совершенно отсутствуютъ. Типъ лужицкой керамики распространяется также въ Бранденбургъ, почти до самаго Берлина. Въ сѣверномъ Бранденбургѣ поля погребальныхъ урнъ на-

Рис. 305. Типическій
сосудъ изъ гробницъ
съ пепломъ лужицкаго
типа.

чинають замѣняться курганами съ трупосоженіемъ, которые составляютъ исключительный типъ могилъ въ Помераніи, Мекленбургѣ и Голштиніи; только въ болѣе позднюю эпоху тутъ начали появляться кладбища съ урнами, украшенными меандрами и съ предметами характера ла-тенскаго или еще чаще римскаго.

Третья, менѣе важная группа полей погребальныхъ урнъ обнимаетъ страны, лежащія на западѣ отъ Лузаци, Саксонію и весь ближайшій бассейнъ Эльбы. Ея западную границу образуетъ рѣка Сала въ Тюрингіи. Въ нижнемъ теченіи Эльбы и эта группа переходитъ въ курганы, хотя мы встрѣ-

чаемся съ могилами безъ насыпей (съ урнами) еще въ Ганноверѣ и даже въ сѣверной Голландіи. Устье Эльбы отличается особымъ характеромъ сосудовъ въ своихъ могилахъ: они тамъ украшены продольными гранями и шишечками. Но и здѣсь, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ эти могилы оказываются болѣе поздняго происхожденія.

Чехія и Моравія представляютъ своими могильниками переходъ къ югу и подходятъ больше всего къ группамъ лужицкой и силезской. Но что касается мнѣнія Ундсета, который полагаетъ, что поля погребальныхъ урнъ распространились въ Лузачію и Силезію съ юга, изъ Чехіи и Моравіи, то мы думаемъ, что это происходило какъ разъ въ обратномъ направленіи. Въ Моравію они появились скорѣе всего съ востока, въ Чехію же или изъ Силезіи, или-же, можетъ быть, и изъ Лузачіи. Мы можемъ уже съ достаточной точностью прослѣдить распространеніе кладбищъ обвѣихъ группъ въ Чехіи. Въ последнее время д-ръ Пичъ разграничиваетъ ихъ такимъ образомъ, что къ кладбищамъ силезскаго типа относитъ тѣ, которыя находятся на правомъ берегу Лавы: Тржебиховицы, Горжиневесъ, Добра-Вода, Меникъ, Брачевъ-Градецъ, Росицы, Дражковицы, Ржедице, Свіяны, Либохованы, и моравскія кладбища: Обржаны, Богуславице, Трпице, Могельнице, Пржиказы и др.; къ типу же лужицкому относитъ кладбища совеницкое, нештемицкое, могилы у Корунки-Телени и у Бунетицъ. Раздѣленіе это, впрочемъ, едва ли вполне точно.

Изъ чешскихъ могильниковъ, принадлежащихъ уже къ желѣзному вѣку, обращаетъ на себя вниманіе Росицкое поле, возлѣ Пардубицъ, съ большими, грубой работы сосудами безъ орнаментаціи, и меньшими, натертыми графитомъ, съ желѣзными шейными обручами и ножами, бронзовыми гривнами, спиральными фибулами, булавками. Тамъ найдены были также стеклянные бусы. Далѣе, сюда относятся большой могильникъ, открытый въ 1845 г. благодаря разливу Эльбы въ Весели или Нештемицахъ, могильникъ въ Ржедицахъ, Дражковицахъ, возлѣ Пардубицъ, въ Свіянахъ и пр. Точное опредѣленіе ихъ древности, впрочемъ, еще трудно и преждевременно. Обширный могильникъ (около 500 погребеній съ урнами, обложенными камнями) былъ открытъ барономъ Коллеромъ возлѣ Шкворжетицъ, недалеко отъ Блатна, но и здѣсь научные результаты раскопокъ еще неизвѣстны. Къ позднѣйшему желѣзному вѣку относятся, по крайней мѣрѣ отчасти, кладбища либохованское и меницкое и къ еще болѣе позднему—большое поле урнъ, найденное возлѣ Добржихова, со многими предметами римскаго характера, и костюмъ латскія гробницы. Этого рода могильники держались въ Чехіи до очень позднихъ временъ, какъ можно видѣть напр. на гробницахъ, открытыхъ проф. Вольдржихомъ, на вершинѣ горы св. Яна въ Нетолицахъ, и относимыхъ имъ къ IX стол. нашей эры.

Въ Моравіи къ началу желѣзнаго вѣка относится обржанскій могиль-

никъ. На сѣверозападной сторонѣ городища возлѣ Обржанъ, недалеко отъ Брна (Брюнна), открыто было большое кладбище, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Моравіи, и очень было-бы желательно, чтобы результаты раскопокъ его были поскорѣе и возможно подробнѣе описаны. Сосуды, найденные въ этомъ могильникѣ, отличаются красивыми формами и богатой орнаментацией; большая часть ихъ блестящаго чернаго цвѣта съ красивыми врѣзанными узорами и выпуклыми пишечками. Обращаютъ на себя вниманіе также нѣкоторыя особенныя формы. Между найденными предметами слѣдуетъ упомянуть о фибулахъ, характерныхъ для позднѣйшей эпохи въ Венгріи и найденныхъ также въ Штильфридѣ, Гадерсдорфѣ, Маріа-Растѣ (рис. 286). Но здѣсь, кромѣ бронзовыхъ предметовъ, были найдены также и желѣзные.

Далѣе сюда относятся могилы, открытыя между Пржиказами и Наклемъ, могилы у Божушанъ возлѣ Ольмюца, можетъ быть также и могилы возлѣ Брановицъ; съ обржанскими, говорятъ, очень сходны могилы

Рис. 306. Изъ могильника у Богуславицъ возлѣ Кыйова въ Моравіи.

боржитовскія, богуславицкія (рис. 306). Всѣ онѣ нуждаются до сихъ поръ еще въ подробномъ описаніи. Въ моравскихъ поляхъ погребальныхъ урнъ всѣхъ эпохъ очень многочисленны небольшіе закрытые сосудцы, часто представляющіе собой подобія животныхъ и т. п., съ глиняными шариками внутри, и принимаемые обыкновенно за дѣтскія погремушки. Образцы этого рода предметовъ изъ разныхъ мѣстностей изображены на рис. 224 и 307.

Чешско-моравскія поля погребальныхъ урнъ сходны во многихъ отношеніяхъ съ находящимися южнѣе—въ Австріи и въ Венгріи. Объ австрійскихъ мы уже говорили и потому скажемъ здѣсь только нѣсколько словъ о венгерскихъ.

Въ Венгріи, сколько намъ извѣстно, поля погребальныхъ урнъ многочисленны въ сѣверной ея части, на верхнемъ Дунаѣ. Часть ихъ принадле-

жить еще бронзовому вѣку, часть же рѣшительно относится сюда, какъ напр. большой гатванскій могильникъ (въ гевеской жупѣ), гдѣ неслѣдъ умершихъ лежалъ или въ сосудѣ, или просто кучкой между нѣсколькими сосудцами (чаще всего 10 расположенныхъ кругомъ); лоцскій могильникъ возлѣ Пресбурга со многими предметами изъ бронзы, желѣза, стекла и пр., затѣмъ, кладбище въ Доманинѣ и возлѣ Верхняго Кубина. Огдѣльную группу мѣстнаго характера составляютъ сосуды, украшенные вдавленными линіями, рядами точекъ, кружковъ и т. д., выполненными бѣлымъ веществомъ, и найденные въ Гатванѣ и въ другихъ могильникахъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная, какъ напр. въ Зсигтѣ (въ комаренской жупѣ) (рис. 310). Ромеръ называлъ этотъ типъ паннонскимъ.

2.

Рис. 307. Погремушки изъ Моравіи (1 изъ Тршницы, 2 изъ Ольмюца и 3 изъ Пошешовицъ).

Поля погребальныхъ урнъ въ странахъ, о которыхъ мы только что говорили, представляютъ собою одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ группъ историческихъ памятниковъ. Начиная съ конца бронзоваго вѣка и до римской эпохи, и даже еще позже, этотъ способъ погребенія распространялся изъ своего центра во всѣ стороны. Судя по всему, что до сихъ поръ о немъ извѣстно, мы можемъ заключить, что онъ въ своей первоначальной формѣ принадлежалъ одному и тому же народу. Какой же это былъ народъ? На этотъ вопросъ, уже на основаніи географическаго распространенія кладбищъ даннаго типа, не трудно отвѣтить, что это были или вѣмцы, или славяне. Прежде въ предположенія по этому вопросу вводили и кельтовъ, но теперь этотъ третій элементъ вполне справедливо

оставляется въ сторонѣ, и весь споръ, который въ теченіе многихъ лѣтъ былъ направленъ къ выясненію и научному опредѣленію полей погребальныхъ урнъ, сводится теперь только къ тому, нѣмецкаго или славянскаго они происхожденія.

Мы должны сказать прежде всего, что вопросъ этотъ еще не разрѣшенъ, несмотря на то, что уже съ самаго начала существованія донисторической археологіи различные изслѣдователи дѣлали попытки къ его разрѣшенію. Такъ, уже и въ Чехіи, напр. Добровскій въ своемъ трудѣ о погребальныхъ обычаяхъ древнихъ славянъ, занимался вопросомъ о погребальныхъ урнахъ, найденныхъ у Горжина возлѣ Мельника, и пришелъ къ заключенію,

Рис. 308. Сосудъ изъ могильника въ Доманикѣ въ Венгріи.

что онѣ славянскія. Послѣ него къ такимъ же заключеніямъ пришли въ Чехіи Калина изъ Іетенштейна, Іос. Биненбергъ, а въ Германіи, относительно лужицкихъ кладбищъ — Верзебе; Лисъ (Lisch) признавалъ мекленбургскія

вендскія кладбища («Wendefriedhöfe») и Петеръ — силезскіе могильники, по крайней мѣрѣ отчасти, за славянскіе; Андрианъ склонялся въ пользу славянскаго происхожденія росицкаго кладбища; графъ Вурмбрандтъ,

Рис. 309. Сосуды изъ могилъ у Верхняго Кубина. въ описаніи могильника у Маріа-Раста, признавалъ важность

его, какъ географическаго пункта для теоріи славянскаго происхожденія этого рода погребенія вообще. Тѣмъ не менѣе, въ Германіи уже съ давнихъ временъ установилось мнѣніе, что славяне не сожигали своихъ мертвыхъ, но погребали, тогда какъ германцы, по свидѣтельству Тацита, сожигали ихъ (Words, Kruse, A. Heinrich, G. Klemm). Мнѣніе это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что всѣ могилы съ остатками трупосожженія на востокъ отъ Эльбы, такъ же точно какъ въ Чехіи и въ Моравіи и въ альпійскихъ странахъ, признавались нѣмецкими ¹⁾. Главнымъ доказательствомъ въ пользу этого мнѣнія были сви-

¹⁾ По мнѣнію Бельи относительно Дуваціи споръ этотъ рѣшенъ въ указанномъ смыслѣ Т. Шельцомъ (Th. Schelz) въ его очень почтенномъ трудѣ: «Waren germanische oder slavische Völker Urbewohner der beiden Lausitzen» 1842.

дѣтельства прежнихъ историковъ, объяснявшіеся большинствомъ позднѣйшихъ изслѣдователей въ томъ смыслѣ, что славяне пришли въ эти страны съ востока только во второй половинѣ 1-го тысячелѣтія нашей эры. Въ концѣ концовъ, все-таки было доказано, что первое мнѣніе о возможности отличать германскія могилы отъ славянскихъ, по способу погребенія, лишено всякаго основанія. У обоихъ народовъ оба способа погребенія были извѣстны и употреблялись одновременно. Съ тѣхъ поръ нѣмецкіе археологи опираются, главнымъ образомъ, только на второе, историческое доказательство, а затѣмъ еще на выставленное Р. Вирховымъ основное различіе въ стилѣ керамики полей погребальныхъ урнъ, относящихся по большей части ко временамъ до нашей эры, и керамики, характеризующей культурные слои городищъ позднѣйшей, несомнѣнно уже славянской эпохи.

Лузичскому типу сосудовъ только что описанныхъ могильниковъ Вирховъ³²²⁾, а за нимъ Іентчъ (Ientsch)*), противопоставили типъ городищъ (Burgwalltypus), о которомъ мы еще упомянемъ далѣе, типъ сосудовъ, сработанныхъ при помощи гончарнаго круга и отличающихся со-
Рис. 310. Сосудъ панныскаго типа изъ Зсйтвы (Венгрія).

всѣмъ другими формами и орнаментикой. Къ этому различію типовъ керамики думали приурочить и различіе этнологическое, но, какъ мы увидимъ далѣе, безъ достаточнаго основанія. Особенности дѣйствительно существуютъ, но въ основаніи лежатъ, по нашему мнѣнію, не національныя различія, а хронологическія, эволюціонныя. Хронологической разницы между двумя этими группами совершенно достаточно, чтобы объяснить ея измѣненіе техники, именно развитіемъ гончарнаго мастерства, а не иной народностью ремесленниковъ.

Мы думаемъ, что разница въ техникахъ двухъ группъ гончарнаго производства, притомъ достаточно обособленныхъ одна отъ другой хронологически, вовсе не можетъ служить, сама по себѣ, главнымъ основаніемъ для разрѣшенія вопроса о національной принадлежности полей погребальныхъ урнъ. Мы придаемъ гораздо больше значенія географическому распространенію этого способа погребенія, и въ особенности мѣстности, откуда онъ распространялся. Этой же мѣстностью, по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ, не можетъ быть, по нашему мнѣнію, ни Лузача, какъ думаютъ Бела, Бушанъ и др. Пичъ, ни юго-восточная Европа, какъ полагалъ Ундсетъ, а скорѣе всего ею могли быть подкарпатскія страны и именно польская равнина къ сѣверу отъ Карпатъ, гдѣ, какъ было уже упомянуто на стр. 318, нахо-

*) Т. Іентчъ, впрочемъ, въ послѣднее время допускаетъ, что часть позднѣйшихъ кладбищъ съ остатками трупосожженія принадлежатъ въ Лузачи славянамъ.

дятся наиболѣе древніе типы могилъ съ остатками трупосожженія, заключенными въ зарытыя въ землю урны. Оттуда, какъ намъ кажется, — болѣе рѣшительное заключеніе было бы еще преждевременно, — онѣ распространились въ Германію — къ Эльбѣ, въ Венгрію, въ альпійскія страны, въ Чехію и въ Моравію.

Изъ сказаннаго видно, что съ археологической точки зрѣнія мы больше склоняемся къ славянскому происхожденію полей погребальныхъ урнъ въ средней Европѣ, чѣмъ къ неславянскому, германскому. Въ Закарпатѣ было настоящее европейское отечество славянъ. Здѣсь они жили еще въ каменномъ вѣкѣ, по всей вѣроятности не достигнувъ еще той ступени этнографическаго развитія, на которой мы видимъ ихъ въ началѣ историческихъ временъ. Мы впрочемъ говоримъ только о славянскомъ происхожденіи полей погребальныхъ урнъ, вовсе не настаивая на томъ, чтобы и познѣйшіе могильники этого рода признавались тоже славянскими. Этого нельзя сказать, въ особенности о тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на границахъ занимаемой ими области. Погребальные обряды, какъ мы видимъ на многихъ другихъ примѣрахъ, очень легко заимствовались одними народами отъ другихъ. И этотъ способъ погребенія также могъ быть позаимствованъ отъ неславянскаго племени и затѣмъ получить своеобразное развитіе, причѣмъ могли выработаться и мѣстные его особенности. Поэтому сходство въ характерѣ могильныхъ памятниковъ не даетъ еще права заключать и о тождествѣ населенія, и мы въ своей гипотезѣ вовсе не думаемъ утверждать, чтобы кладбище въ Маріа-Растѣ или могилы съ пепломъ въ Крайнѣ или на рѣкѣ Савѣ — должны быть непременно славянскими. Но мы допускаемъ возможность такого предположенія. Разрѣшено же это можетъ быть только болѣе обстоятельными будущими изслѣдованіями. За то тамъ, гдѣ этотъ способъ погребенія преобладаетъ, мы считаемъ его, вѣроятнѣе всего, славянскимъ, — именно въ Польшѣ, въ восточной Германіи, въ Венгріи, въ Чехіи и въ Моравіи.

Доводовъ противъ этого мы не встрѣчаемъ и въ исторіи. Лучше всего это видно, напр. изъ доисторической археологіи Чехіи. Для этой страны разрѣшеніе вопроса о принадлежности полей погребальныхъ урнъ представляетъ капитальную важность. Вышеизложенное объясненіе могло бы быть согласовано и со сдѣланными до сихъ поръ выводами чешской исторіи и археологіи. Мы полагаемъ, что оно одновременно могло бы освѣтить давній споръ объ автохтонствѣ славянъ въ Чехіи и о существованіи въ ней бойсвъ и маркомановъ. До сихъ поръ въ этомъ спорѣ обыкновенно допускалась одна важная ошибка, заключавшаяся въ томъ, что одна точка зрѣнія категорически исключала другую ³²³). Историки учили, что славяне пришли въ Чехію только послѣ ухода изъ нея маркомановъ, которые упоминаются въ послѣдній разъ въ этой странѣ въ 451 году, когда они присоединились къ

войску Аттилы, шедшему въ Галлію; археологи, наоборотъ, утверждали, что славяне жили въ Чехіи съ незапамятныхъ временъ *) — и обѣ стороны — особенно историки — имѣли въ свою пользу рядъ серьезныхъ доказательствъ. Невозможно отрицать того напр., что существованіе въ Чехіи бойевъ и маркомановъ — фактъ хорошо обоснованный. Но ошибка заключалась во взаимной исключительности обѣихъ точекъ зрѣнія. Существованіе въ Чехіи бойевъ и маркомановъ нисколько не исключаетъ еще того, чтобы кромѣ нихъ, въ V стол. нашей эры, не могли жить въ извѣстной части страны пришедшія туда первоначально съ сѣверовостока отрасли славянъ, какъ это допускалъ и Шафарикъ.

Уже теоретически мы имѣемъ основанія предполагать, что первыя поселенія славянъ въ Чехіи были на сѣверовостокѣ и на востокѣ. А если мы обратимъ вниманіе на то, какія кладбища въ этой странѣ относятся къ первой половинѣ I-го тысячелѣтія нашей эры и даже еще къ болѣе ранней эпохѣ, то увидимъ, что преобладающими среди нихъ являются поля погребальныхъ урнъ. Если они, согласно вышесказанному мнѣнію, славянскія, то этимъ объясняется все. Въ то время, какъ въ западной, средней и южной частяхъ Чехіи жили племена галльскія, и послѣ нихъ германскія, въ сѣверовосточную часть ея проникли уже первыя племена славянъ и жили до извѣстной поры одновременно съ ними. Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше они распространялись, и послѣ ухода маркомановъ заняли всю страну. Это сплошное разселеніе приходится какъ разъ на половину перваго тысячелѣтія нашей эры и было, какъ кажется, вызвано и довершено прибытіемъ новыхъ славянскихъ массъ съ востока.

Такъ можно представлять себѣ, согласно съ нашей гипотезой, доисторическое прошлое Чехіи. Галльскими могилами представляются намъ заключающія въ себѣ погребенія ла-тенской эпохи, маркоманскими же часть позднѣйшихъ могилъ съ костями и съ остатками трупосоженія. Мы не знаемъ только, какъ объяснить южно-чешскія гробницы. О нихъ можно сдѣлать предположеніе, что они оставлены безъ имяннаго населеніемъ, которому принадлежатъ подобныя же гробницы и въ Баваріи.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили проявленія желѣзной культуры въ юж-

*) Въ выдающіеся чешскіе историки защищаютъ существованіе въ Чехіи неславянскихъ племенъ — бойевъ и маркомановъ: какъ напр. Шафарикъ, Палацкій, Томекъ, КалOUSEKъ, Голль. Напротивъ, автохтонисты не имѣли успѣха въ исторіи, доходя даже до смѣшнаго. За то археологи (проф. Вольдржихъ, Смоликъ, Чермакъ, Јелинекъ, Пичъ, въ Моравіи главнымъ образомъ д-ръ Ванкель, Гавелка, Полякъ, Шульцъ) представили рядъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу того, что славяне жили въ Чехіи еще до V стол. нашей эры. Изъ археологовъ Шнайдръ, д-ръ Мартинъ Кржижъ (Kříž) и еще раньше Воцель примыкали къ исторической школѣ ³²⁴).

дней и сѣверной Европѣ. Но остается еще во-
область, ограниченная на сѣверѣ Ледовитымъ оке-
аномъ, на югѣ Уральскими горами и Чернымъ моремъ и отдѣ-
ленной Европой Карпатами и отчасти р. Вислою,—
это Польша. Въ этихъ обширныхъ странахъ,
массою доисторическихъ могилъ, мы узнаемъ весь
ценный доисторическій эпохѣ Европы. Причиняется
въ томъ, что русская доисторическая археологія да-
етъ, какъ археологія средней, западной или южной
Европы, въ особенности не-русскому, чрезвычайно
ясное представленіе о древнѣйшемъ
нынѣшней Россіи и о соотношеніи ея съ развитіемъ
странъ и въ остальной Европѣ.

того вѣка въ Россіи совершенно выходить изъ пре-
дѣловъ, въ которыхъ мы держались въ предыдущемъ изложеніи и
въ различіи, смѣнявшихъ одна другую культуру
западной Европѣ, было за Вислой и за Карпатами сли-
ваться свой характеръ и на эту область; наоборотъ,
изменъ и гораздо сильнѣе, чѣмъ въ остальной Евро-
пѣ: съ Чернаго моря—греческое и финикійское, съ
Балтійскаго моря—иранское и ассирійское, съ Урала—сибирскіе
и дали русской культурѣ особый характеръ, на-
стоятельно отличный отъ характера культуры остальной Евро-
пы. Свѣтъ естественности страны, заключающіяся въ ея равнинности,
въ континентальности ея болѣе суроваго климата,
въ ея болѣе обширной растительности, въ ея
болѣе далекомъ Сѣверѣ, въ слѣдующей затѣмъ полосѣ
лѣсовъ и, наконецъ, въ поясѣ ковыльных и
степныхъ культуръ, въ различіи въ ходѣ культуры на почвѣ нынѣшней
(гнѣзды 325).

ки Россіи, выпадающія въ Каспійское, Черное и Мраморныя своими верховьями, съ давнихъ поръ области различнаго племени и возникновеніе ожесточенныхъ войнъ. По Волгѣ шелъ съ низу великій торговый путь въ Азію; по Днѣпру и рѣкамъ Балтійскаго бассейна въ Грецію.

днихъ путяхъ появились позже и первые зачатки государственной жизни, именно на Двѣпрѣ,—въ ѣ и Волховѣ—въ Новгородѣ, на Окѣ и ея приток

во Владиміръ, Суздаль, Москвѣ; Волга связывала Россію съ Азіей, Днѣпръ съ Югомъ, Нѣва—съ сѣверной и западной Европой.

Противоположность между сѣверными лѣсами и южными степями составляетъ одну изъ выдающихся особенностей русской территоріи. Противоположность эта, осложненная различіемъ геологической исторіи, почвы, отчасти также рельефа и климата, сказалась также и въ ходѣ культуры засельниковъ этихъ различныхъ зонъ. Степи, покрывавшіяся весною густыми травами, лишь кое-гдѣ, въ долинахъ рѣкъ и на водораздѣлахъ, уступавшими мѣсто лѣснымъ островамъ и роцамъ, въ теченіи ряда вѣковъ благопріятствовали жизни только кочеваго населенія, давая обильный кормъ стадамъ лошадей и рогатаго скота. Лишь мѣстами, гдѣ богатая жирная почва, такъ наз. «черноземъ», благопріятствовала развитію земледѣлія, мы встрѣчаемъ здѣсь, уже съ очень отдаленныхъ временъ, племена, занимавшіяся разведеніемъ и сбытомъ хлѣба. Но вообще южнорусскія степи благопріятствовали особенно жизни кочевниковъ, каковыхъ мы и встрѣчаемъ здѣсь съ отдаленныхъ временъ въ лицѣ, главнымъ образомъ, тюркскихъ племенъ, передвигавшихся сюда изъ Азіи по широкому степному пути, шедшему вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря и чрезъ южное Приуралье. Такимъ образомъ, Россія, уже по географическимъ условіямъ ея территоріи, была издавна тѣснѣе связана съ Азіей, чѣмъ съ остальной Европой, чѣмъ и объясняется то, что доисторическая археологія ея не укладывается въ рамки соотвѣтственной европейской культуры и примыкаетъ въ большей степени къ культурѣ азіатской.

Русскія древности нельзя поэтому классифицировать примѣнительно къ памятникамъ остальной Европы, въ нихъ нельзя, напр., искать культуры гальштаттской, ла-тенской и т. д., а возможно только распредѣлять ихъ по тремъ или четыремъ большимъ категоріямъ, которыя,—судя по сдѣланнымъ до сихъ поръ находкамъ, необходимо признать и для Россіи: т. е. по эпохамъ каменной, (мѣдной), бронзовой и желѣзной. Мы уже упоминали о слѣдахъ эпохъ каменной и бронзовой (мѣдной). Что касается желѣзной, то относящіяся сюда могильники и курганы можно всего удобнѣе раздѣлить на двѣ большія группы по слѣдующимъ признакамъ: къ первой мы отнесемъ курганы, относящіяся къ эпохѣ, предшествовавшей великому переселенію народовъ, т. е. главнымъ образомъ хорошо изслѣдованную группу кургановъ скинскихъ и сарматскихъ; ко второй мы причислимъ курганы эпохи переселенія народовъ и позднѣйшихъ временъ до XI—XII вв. (распространенія христіанства). Это была пора усиленія славянскаго племени, жившаго здѣсь и прежде, но не оставившаго по себѣ очевидныхъ слѣдовъ, теперь же давашаго всей эпохѣ преимущественно славянскій характеръ. Мы будемъ поэтому называть первую эпоху скино-

торую—славянскою. Разумѣется, въ изложенномъ будемъ ввести также могильники и курганы, которые со времени переселенія народовъ жили въ Россіи, главнымъ образомъ племень урало-алтайскихъ и тюрескихъ.

Европу—Грецію и Италію, такъ и въ южную рано непосредственныя вліянія съ Востока. Южная и отдаленныя времена разные сырые продукты, главнымъ образомъ на черноморскіе берега издавна стали посѣщаться римскими, а позже греческими торговцами, а потому въ поздней эпохи мы начинаемъ встрѣчать здѣсь отрывки чуждой культуры, проникавшіе спорадически довольно глубоко въ моря вглубь страны. Однако въ то время, какъ въ северной Россіи, напр. Владимірской, Костромской, Новгородской, по всей вѣроятности, въ довольно позднемъ пер-

иодѣ Тацитъ о жившихъ гдѣ-то недалеко отъ Балтийскаго моря финнахъ (*finni*), пребывавшихъ еще въ каменной и бронзовой эрѣ, въ южной Россіи желѣзо было уже въ употребленіи, а въ юго-западныхъ частяхъ въ бронзовую и въ жѣзную эры.

Самковъ дѣлитъ курганы Южной Россіи на слѣдующія: 1) киммерійская, соответствующая каменному и бронзовому вѣкамъ въ Западной Европѣ; 2) скифская (отъ V вѣка до нашей эры); 3) сарматская (отъ I по V вѣка до нашей эры); 4) славянская (отъ VI по XI вѣка) и 5) половичья (отъ XII по XVI ст.).

Въ Россіи, отъ устьевъ Дуная, съ одной стороны, до Чернаго моря, въ нынѣшнія Бессарабію, Подолію, Волинь, затѣмъ въ Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую, Ставропольскую, а также въ губерніи Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, словомъ во всю нынѣшнюю Украйну, с

классификаціи проф. Самковъ и дальнѣйшихъ его учениковъ, о чемъ сильныя возраженія, главнымъ образомъ на основании находокъ въ Москвѣ, въ 1890 г. Проф. А. Хвольсонъ, въ 1890 г. въ Москвѣ, въ 1890 г. Проф. А. Хвольсонъ, въ 1890 г. въ Москвѣ, въ 1890 г.

Миллюковъ также считалъ ошибочнымъ давать до-преимущество названіямъ этнографическимъ, предлагая называть ихъ по хронологическимъ вѣкамъ: 1-ю до-романовою, 4-ю византійскою и 5-ю тюркскою. Н. Анучинъ выразился также противъ терминовъ, предложенныхъ проф. Самковъ. Но мы все же желаемъ, чтобы проф. Самковъ, какъ единственную пока попытку классификаціи древностей.

сарабіей, Крымомъ и Дономъ, очень скоро проникла культура металловъ — бронзовая и желѣзная. Въ общемъ, кажется, что бронзовая культура въ этихъ странахъ и не существовала долго, а быстро смѣнилась желѣзною. Можно даже предполагать, что желѣзный вѣкъ начался здѣсь немногимъ позже, чѣмъ въ Греціи, но мы оставимъ этотъ трудно разрѣшимый вопросъ впрочемъ въ сторонѣ и постараемся дать только краткій обзоръ слѣдовъ этихъ древнѣйшихъ вліяній, насколько они выясняются изъ историческихъ свидѣтельствъ и сохранившихся памятниковъ.

Наибольшее вліяніе на Южную Русь имѣли греки. До нихъ еще финикіяне и карійцы вели торговлю по берегамъ Чернаго моря, но сколько-нибудь обстоятельныя историческія свѣдѣнія имѣются только о грекахъ ³²⁶). Греческіе торговцы основывали здѣсь свои колоніи; первыя были основаны выходцами изъ Милета въ VIII стол. до нашей эры, и вообще іоническая колонизація была преобладающею. Самыя замѣчательныя колоніи, Ольвія (Борисеенъ) и Пантикапея были милетскаго происхожденія. Ольвія была основана въ 644 г. при устьѣ рѣки Гипаниса, нынѣшняго Буга, по содѣйству съ нѣсколькими осѣдыми и занимавшимися земледѣліемъ племенами скифовъ, каллипидовъ и алазоновъ. Городъ этотъ скоро разбогатѣлъ, главнымъ образомъ благодаря хлѣбной торговлѣ, но когда въ III стол. до нашей эры окрестное населеніе перемѣнилось и вмѣсто упомянутыхъ выше племенъ появились племена сарматскія, а впослѣдствіи и готскія, Ольвія должна была выносить постоянныя нападенія варваровъ, подвергаться по временамъ опустошеніямъ, при этомъ, разумѣется, бѣднѣла, приходила въ упадокъ, пока наконецъ въ царствованіе Александра Севера не дошла до окончательнаго паденія, сохранивши до самаго конца свое демократически-республиканское государственное устройство.

Совершенно иною была политическая исторія наиболѣе важной милетской колоніи — Пантикапеи, нынѣшней Керчи, основанной въ началѣ VI стол. до нашей эры у пролива, соединяющаго Черное море съ Азовскимъ (Киммерійскаго Босфора). Пантикапея разбогатѣла такъ же быстро, какъ и Ольвія и тоже главнымъ образомъ благодаря торговлѣ хлѣбомъ, которымъ она снабжала когда-то всю Аттику; но тогда какъ Ольвія никогда не достигла высокаго политическаго положенія, — Пантикапея сдѣлалась центромъ знаменитаго Босфорскаго царства. Судьбы этого города шли рядомъ съ судьбами босфорскихъ царей, главная династія которыхъ, Спартокиды, происходила отъ архонтовъ, высшихъ сановниковъ союза нѣсколькихъ греческихъ городовъ, во главѣ которыхъ была Пантикапея. Упадокъ Босфорскаго царства начался въ концѣ II стол., и съ той поры имъ владѣли попеременно то Митридатъ, то римляне, то слабыя мѣстныя династіи въ зависимости отъ Рима; вмѣстѣ съ политической самостоятельностью приходилъ въ упадокъ и го-

нечно, часто бываетъ весьма трудно рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ гробницей греческой или варварской. Греческія гробницы бываютъ двоякаго рода—или устроенныя въ землѣ съ насыпанными надъ ними курганами, или же камеры, высѣченныя въ скалѣ, катакомбы. Оба рода гробницъ встрѣчаются всего чаще по берегамъ Киммерійскаго Босфора, въ окрестностяхъ Керчи, на полуостровѣ Тамани, возлѣ древней Фанагоріи,—катакомбы по сторонамъ Митридатовой горы,—и относятся главнымъ образомъ ко времени отъ V ст. до Р. Хр. по II стол. нашей эры. Греческіе курганы обыкновенно насыпаны изъ земли (иногда впрочемъ на фундаментъ изъ плитняка) надъ склепомъ или единственнымъ и обширнымъ, или состоящимъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ камеръ. Въ склепѣ этомъ клали мертвыхъ и затѣмъ все засыпали землей. Кромѣ этого рода гробницъ, сооружали въ болѣе позднія времена и камеры со сводами, составленными изъ выступающихъ одна на другую камней, совершенно похожими на своды древнѣйшихъ купольныхъ гробницъ въ Микенахъ, Вафій и т. п. (ср. стр. 263) или же по скатамъ

Рис. 312. Внутренность греческой катакомбы съ стѣнной живописью, открытой волею Керчи.

горь дѣлали гроты въ скалахъ въ родѣ катакомбъ, какъ напр. возлѣ Керчи, на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы. Вънутрь этихъ катакомбъ велъ проходъ, иногда въ 4—6 метр. глубины. Въ камерахъ мертвыхъ помѣщали кѣлиши, выдолбленные въ стѣнахъ, а предназначенные для мертвыхъ предметы раскладывали на землѣ. Археологическое значеніе этихъ предметовъ впрочемъ не особенно велико, такъ какъ почти всѣ катакомбы относятся къ болѣе позднимъ временамъ—II—III стол. нашей эры, т. е. къ періоду упадка греческой индустріи. Гораздо важнѣе для ознакомленія съ жизнью строителей этихъ памятниковъ фрески, которыми бывають покрыты стѣны катакомбъ и на которыхъ, кромѣ сценъ изъ греческой жизни, встрѣчаются и очень важныя для насъ изображенія изъ жизни варваровъ (см. рис. 312 и 313).

Рис. 313. Фрески, представляющія варваровъ-воиновъ изъ тѣхъ же катакомбъ въ Керчи.

Въ греческихъ гробницахъ всѣхъ родовъ мы находимъ костяки, свидѣтельствующіе о погребеніи; но и трупосожженіе не было въ эту эпоху неизвѣстно. Предметы, положенные съ покойниками, какъ уже сказано, по большей части греческой работы, но нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ и вліяніе варварскаго вкуса. Больше всего между ними обращаютъ на себя вниманіе золотыя украшенія, которыя очевидно были здѣсь въ большомъ ходу. Нигдѣ, въ самомъ дѣлѣ, не находятъ такого множества золота какъ въ гробницахъ южной Руси и притомъ въ видѣ такихъ прекрасныхъ образцовъ греческаго ювелирнаго искусства, высокой техники и замѣчательнаго вкуса. Въ находимыхъ вещахъ преобладають филиграновыя издѣлія изъ золотыхъ нитей, сплетенныхъ въ жгуты (filigane tressé) и рѣже изъ зернистой филигрانی (filigane granulé). Умершіе помѣщались въ этихъ гробницахъ въ деревянныхъ саркофагахъ, которые при раскопкахъ оказываются уже развалившимися, на подушкахъ и въ лучшемъ своемъ одеяніи. Наибольшимъ богатствомъ отличаются женскія гробницы. На черепкахъ скелетовъ находятъ очень часто золотыя діадемы (на головахъ воиновъ—искусной работы шлемы), возлѣ череповъ серьги съ многочисленными привѣсками (и у мужчинъ, и у женщинъ) (рис. 311), ожерелья, золотыя маски, затѣмъ браслеты, перстни съ цѣнными камнями и т. п. Очень характерно обыкновеніе нашивать на ткани множество золотыхъ бляшекъ, занесенное вѣроятно съ Востока. Въ одной женской гробницѣ было найдено 210 такихъ бляшекъ, украшенныхъ

изображеніемъ головы Горгоны. Коллекція петербургскаго Эрмитажа заключаетъ въ себѣ ихъ теперь около 10.000 штукъ.

Керамика этихъ гробницъ вполне греческаго характера. Греческое вліяніе въ керамику замѣчается въ Россіи уже съ очень древнихъ временъ (еще въ неолитическую эпоху) и географически простирается даже до Кіева и Чернигова. Въ греческихъ гробницахъ, которыя обыкновенно не старше VI вѣка до нашей эры, мы находимъ впрочемъ уже сосуды вполне развитаго стиля, чаще всего вывезенные прямо изъ Атики съ красными фигурами на черномъ фонѣ, которыя съ конца VI стол. замѣняютъ въ Греціи черныя фигуры. Очень многочисленны также здѣсь образцы греческой керамики временъ упадка, сосуды первыхъ вѣковъ нашей эры съ рельефными орнаментами, покрытыми черной или красной эмалью, такъ наз. самскія или правильнѣе аретскія вазы, также стеклянные сосуды (стеклянки для благовоній изъ извѣстнаго уже намъ миллефіороваго стекла, ср. рис. 170), терракотовыя лампочки и т. п. Другихъ предметовъ сохранилось мало, особенно изъ монументальной скульптуры—почти ничего, а что было найдено, то оказалось не особенно цѣннымъ. За то очень многочисленными оказываются монеты греческія, римскія и восточныхъ царей.

Отъ этихъ гробницъ характера преимущественно греческаго и принадлежавшихъ, вѣроятно всею, именно греческимъ колонистамъ, надо (что не всегда впрочемъ легко) отличать гробницы варварскія.

Приморскія страны южной Россіи были уже заселены задолго до появленія греческихъ колонистовъ, а кромѣ того возлѣ греческихъ городовъ мы встрѣчаемся въ болѣе позднія времена съ цѣлымъ рядомъ постоянно смѣнявшихся племенъ, происхожденіе которыхъ и этническій характеръ остаются для насъ по большей части загадочными.

Наиболѣе извѣстнымъ изъ жившихъ въ этихъ мѣстностяхъ племенъ были скифы. Если мы оставимъ въ сторонѣ нѣсколько неясныхъ извѣстій объ альбіяхъ и главное—кимерійцахъ (ср. стр. 328), то мы можемъ считать скифовъ за одно изъ древнѣйшихъ, извѣстныхъ намъ въ этой области племенъ. Туземцами впрочемъ они здѣсь не были. Приблизительно около VII стол. до нашей эры они явились, по согласнымъ между собою преданіямъ, изъ Средней Азіи, откуда были вытѣснены массагетами, отчасти истребили, отчасти разогнали древнія босфорскія племена и расселились во всей восточной половинѣ южной Руси. Геродотъ слѣдующимъ образомъ обозначаетъ границы ихъ поселеній: на западѣ Скифія граничитъ со страной агаирсовъ, живущихъ къ сѣверу отъ устьевъ Дуная, на сѣверѣ—съ землями невровъ, андрофаговъ и наконецъ меланхленовъ. — Агаирсы жили когда-то на верхнемъ Днѣстрѣ, къ западу отъ нихъ на Днѣпрѣ жили невры (племя вѣроятно славянское). Восточнѣе меланхленовъ Геродотъ помѣщаетъ гелоновъ

и будиновъ, за Танаисомъ—савроматовъ. Другіе писатели опредѣляютъ многа географическое положеніе этихъ племенъ нѣсколько иначе, и очень трудно, да, пожалуй, и невозможно составить опредѣленное и ясное представленіе объ этнографіи южной Руси во времена Геродота. Собственно Скиеія по Геродоту расположена была на сѣверномъ побережьи Чернаго моря отъ устья Тираса (Днѣстра) до нижняго теченія Танаиса (Дона). Самихъ скиеовъ Геродотъ раздѣляетъ на три категоріи: скиеовъ-земледѣльцевъ (*Σκῆδαι γεωργοί, ἀρότῃρες*), скиеовъ-кочевыхъ (*Σ. νομάδες*) и скиеовъ-царскихъ (*Σ. βασιλῆες*). Первые жили между Борисфеномъ (Днѣпромъ) и рѣкою Пантикапомъ; рѣка Герросъ отдѣляла кочевыхъ скиеовъ отъ царскихъ, но поселенія ихъ очень трудно опредѣлить на картѣ, такъ какъ невозможно съ точностью сказать, какая изъ нынѣшнихъ рѣкъ называлась тогда Герросомъ и какая Пантикапомъ.

Греки называли ихъ скиеами, персы—саками, а сами—себя, говорятъ, они называли сколотами. Съ ихъ образомъ жизни, правами и обычаями мы знакомы достаточно хорошо по разсказу Геродота о войнѣ съ ними персискаго царя Дарія, разсказу, который въ настоящее время подтверждается и найденными персидскими надписями. Интересныя свѣдѣнія о скиеахъ были записаны также знаменитымъ врачомъ Гиппократомъ, а позже Арріаномъ и другими писателями.

Ни храмовъ, ни священныхъ изображеній у нихъ не было, и поклонялись они, главнымъ образомъ, огню. Божествамъ приносились въ жертву задушенные животныя, больше всего лошади. Одно только божество войны имѣло свои постоянныя мѣста поклоненія, въ видѣ большихъ холмовъ, на верхушкѣ которыхъ былъ воткнутъ старинный желѣзный мечъ. Этому мечу приносили въ жертву животныхъ и людей; каждому сотому воину изъ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей отсѣкали руку и кровью ея обливали священный мечъ.

Жилищами скиеамъ служили повозки, покрытыя кожами, разгороженныя внутри на 2—3 отдѣленія и передвигавшіяся съ помощью воловъ. Въ повозкѣ жили жены (у болѣе богатыхъ—нѣсколько женъ) и дѣти; мужчины же занимались охотой, верхомъ на лошадяхъ. Сражались скиеы также на коняхъ. Конь вообще былъ вѣрнымъ товарищемъ скиеа при жизни и по смерти. Скиеы были прекрасными стрѣлками изъ лука, но умѣли также хорошо владѣть и желѣзными мечами, искусной работы. Убитыхъ враговъ они скальпировали, пили ихъ теплую кровь, а черепа употребляли вмѣсто чашъ для питья—обычай, съ которымъ мы часто встрѣчаемся у первобытныхъ народовъ. При заключеніи побратимства и въ случаѣ присяги, обѣ участвовавшія стороны пили взаимно немного крови другъ у друга. И этотъ обычай былъ также очень распространенъ у древнихъ народовъ, какъ напр.

у индийцевъ, мидянъ и пр. Большой интересъ представляли ихъ погребальныя обычаи, особенно въ царскихъ семьяхъ.

Когда царь заболѣвалъ, призывали сначала на помощь гадателей. Если они не помогали и царь умиралъ, то бальзамировали его трупъ, наполняли полости его разными кореньями, зашивали и возили по всѣмъ племенамъ, которыя были подвластны умершему царю. Вездѣ, куда ни привозили парскій трупъ, население въ знакъ печали остригало себѣ волосы, отрѣзывало части ушей, дѣлало себѣ раны на лбу, на носу, на плечахъ и на рукахъ. Когда умершаго царя привозили наконецъ въ страну Герросъ, гдѣ находились царскія гробницы, его клали въ большую четвероугольную яму, вмѣстѣ съ одной изъ его женъ, съ его виночерпѣемъ, поваромъ, слугами, съ лошадьми и со множествомъ всякой утвари и надъ этой могилой насыпали огромный курганъ. Но этимъ погребальный обрядъ еще не кончался. По прошествіи года убивали еще 50 царскихъ слугъ и столько же прекрасныхъ коней; трупы послѣднихъ укрѣпляли въ стоячемъ положеніи на кольяхъ, сажали на нихъ трупы слугъ, также подпертые шестами, и разставляли въ качествѣ вѣрной стражи вокругъ кургана. У простыхъ скивовъ погребальный обрядъ былъ гораздо проще; но и тутъ тѣло умершаго возили въ теченіи 40 дней къ его родственникамъ и друзьямъ, гдѣ устраивались процальныя пиры.

О происхожденіи скивовъ мы не знаемъ ничего достовѣрнаго. По извѣстіямъ древнихъ писателей, они пришли изъ Азій, гдѣ въ центральной ея части, по словамъ Птолемея, тоже жили скивы, но были-ли они тѣмъ же племенемъ, что и скивы европейскіе—утверждать невозможно. Очень долго шли споры о томъ, принадлежали-ли скивы къ арійскому племени или къ монгольскому. Нравы и кочевой образъ жизни заставляли нѣкоторыхъ изслѣдователей, между прочимъ Шафарика, Неймана, Киперта — считать скивовъ монголами; Воцель, Эйхвальдъ, Пенка принимаютъ ихъ за угро-финновъ, но другіе, съ большимъ основаніемъ, за вѣтвь арійцевъ, въ пользу чего, какъ будетъ сказано въ послѣдней главѣ, свидѣлствуютъ слѣды языка, и особенно арійскій физическій типъ. До сихъ поръ не разрѣшенъ также вопросъ о степени близости скивовъ къ славянамъ. Относительно части ихъ такая близость принималась Шафарикомъ и Пенкой, относительно всѣхъ скивовъ вообще — І. Г. Куно. Эта послѣдняя теорія нашла себѣ особенно много послѣдователей въ Россіи (Иловайскій, Прохоровъ, Забѣлинъ и Григорьевъ). Д'Арбуа де Жюббенвилль, Цейссъ, Мюлленгофъ, Фикъ, Бонелль, Брекъ, Ягичъ, Флиггеръ и др. приписываютъ имъ иранское происхожденіе. Бонелль считаетъ главное ядро ихъ предками германцевъ (готовъ), какъ полагалъ уже ранѣе Бергманнъ, а въ послѣднее время Фрессль³²⁷).

Но безъ всякаго сомнѣнія, какъ уже было указано Забѣлинымъ, назва-

ніе скивовъ вовсе не обозначало одного особаго народа, но было общимъ названіемъ многихъ народовъ, жившихъ въ предѣлахъ Скиѳіи. Названіе это, слѣд., было болѣе географическимъ, чѣмъ этнографическимъ или антропологическимъ.

Скивы жили въ южной Руси до III стол. до нашей эры. Во II-мъ столѣтіи они подпали подъ власть могущественнаго народа сарматовъ, которые тоже пришли изъ Азіи, и во времена Геродота жили еще на лѣвомъ берегу Дона. Начиная съ этой эпохи, греческіе и римскіе писатели очень часто смѣшиваютъ оба названія племенъ, но со второго столѣтія нашей эры страна ихъ уже постоянно называлась Сарматіей. Сарматы были несомнѣнно арійскимъ племенемъ. Объ отношеніяхъ ихъ къ скивамъ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго. По словамъ Геродота, языки ихъ были сродны, но все-таки различны. Языкъ сарматовъ, по свидѣтельству Овидія, отличался

Рис. 814. Изображенія скивовъ на золотыхъ бляшкахъ изъ Куль-обскаго кургана.

также и отъ языка готовъ. Собственные имена въ сохранившихся надписяхъ указываютъ на арійскій характеръ сарматскаго языка. Внѣшностью и одеждой сарматы походили на парянъ. Образа жизни ихъ мы хорошо не знаемъ, такъ какъ онъ часто смѣшивается съ скивскимъ. Кажется, впрочемъ, что они не были кочевниками, по крайней мѣрѣ у нихъ были постоянныя поселенія и укрѣпленія. Они жили скотоводствомъ, земледѣіемъ, но болѣе всего охотой, если судить по охотничьимъ сценамъ на ихъ памятникахъ. Они расписывали себя въ разные цвѣта, носили широкія или узкія панталоны, короткіе легкіе плащи, застегивавшіеся на груди, и часто также звѣриныя шкуры. Рубаха у нихъ подпоясывалась, а сверхъ нея они носили длинный кафтанъ изъ звѣриной шкуры, головы они покрывали островерхими шапками, а также чалмами и какими-то башлыками. Наиболѣе полное понятіе о скиво-сарматскомъ костюмѣ даютъ намъ сохранившіяся изображенія на сосудахъ, терракотовыя статуэтки и стѣнные фрески, образцы

которых мы здѣсь прилагаемъ (рис. 313 и 314). Изъ оружія они употребляли щиты, кожаные латы, панцири изъ роговыхъ или желѣзныхъ чешуй, длинныя копья, щиты, мечи (а также сабли), кинжалы и луки со стрѣлами (бронзовыми или желѣзными). Наконечники стрѣлъ и копій, по словамъ Павзанія, дѣлались у нихъ еще и изъ кости; по свидѣтельству Овидія, они намазывали свои стрѣлы змѣинымъ ядомъ. Кромѣ того, они употребляли также арканы (лассо). Двойныя сѣкиры до сихъ поръ не были находимы. Но вслѣдствіе того, что описанія жизни скивовъ и сарматовъ очень часто смѣшивались между собою, у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ для различенія ихъ памятниковъ и похоронныхъ обрядовъ. Только хронологическія данныя могли бы имѣть при этомъ рѣшающее значеніе, но и онѣ очень часто не поддаются точному опредѣленію ни на основаніи погребальнаго обряда, ни на основаніи устройства кладбищъ, а поэтому многіе русскіе археологи до сихъ поръ не различаютъ еще кургановъ скинскихъ отъ сарматскихъ, но говорятъ только вообще о скиво-сарматскихъ древностяхъ. Поэтому и мы соединимъ всѣ памятники этого характера, для обозрѣнія ихъ, въ одну группу.

Курганы скиво-сарматскіе распространены въ большомъ числѣ во всей южной Руси начиная отъ устьевъ Дуная, по Днѣстру,

Рис. 315. Золотой сосудъ изъ Кузь-обскаго кургана.

вдоль теченія Буга, до гор. Могиле-ва, вдоль Днѣпра почти до Смілы, на Таврическомъ полуостровѣ, вокругъ всего Азовскаго моря и въ бассейнѣ р. Кубани до самаго Каспійскаго моря ³²⁸). Они встрѣчаются часто рядомъ съ греческими гробницами, а иногда, какъ мы уже сказали, ихъ трудно различить отъ послѣднихъ. По устройству своему они не отличаются отъ другихъ кургановъ. Въ оружіи преобладаетъ желѣзо, а въ украшеніяхъ бронза и золото. Кромѣ того въ нихъ попадаетъ много бронзовыхъ зеркалъ, фигурокъ животныхъ, бусы изъ агата, яшмы, янтара и стекла, сосуды, разныя краски въ кожаныхъ мѣшечкахъ, средиземноморскія раковины, куски сѣры и т. п.

Наиболѣе извѣстные примѣры этихъ памятниковъ представляютъ такъ наз. гробницы скинскихъ царей, бывшія, безъ сомнѣнія, могилами мѣстныхъ владѣтельныхъ князей. Все, что въ нихъ найдено, способно под-

тверждать справедливость вышеприведеннаго разсказа Геродота о погребеніи болѣе знатныхъ скизовъ. Возлѣ скелета князя мы находимъ часто костякъ его жены, а въ просторныхъ боковыхъ камерахъ—кости воиновъ и коней, и всюду многочисленные предметы роскоши и вооруженія, нерѣдко весьма искусной работы. Такое количество золота, серебра и другихъ цѣнныхъ вещей едва-ли было находимо еще гдѣ-либо въ могилахъ другихъ странъ, несмотря на то, что большинство этихъ царскихъ кургановъ, еще задолго до научной раскопки ихъ, было уже, по крайней мѣрѣ отчасти, разграблено—и притомъ не только въ новѣйшія времена, но еще и въ древности. Иногда правосудіе застигало грабителя на самомъ мѣстѣ преступленія. Въ Чертомлыцкомъ курганѣ, въ одномъ изъ ходовъ, ведущихъ въ наполовину ограбленную среднюю камеру, былъ найденъ костякъ одного изъ такихъ грабителей, засыпаннаго землей.

Чертомлыцкій курганъ представляетъ собой лучшій примѣръ скифской царской гробницы. Онъ былъ раскопанъ въ 1862 г. И. Е. Забылинымъ, извѣстнымъ вообще своими многочисленными раскопками скифскихъ кургановъ. Внутреннее устройство этого кургана, способъ его сооруженія и пр. могутъ служить типомъ всѣхъ прочихъ. Курганъ этотъ находился въ 20 верстахъ къ сѣверозападу отъ Никополя на Днѣпрѣ и имѣлъ первоначально 19 метр. высоты и болѣе 340 метровъ въ окружности. Внизу онъ былъ обложенъ камнями, а на верхушкѣ его стояла «каменная баба»,—статуя, представлявшая женскую фигуру и пользовавшаяся почитаніемъ у окрестныхъ жителей. Раскопка была начата сверху и уже на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ было найдено множество разныхъ украшеній, обломковъ оружія, панцырей и конской сбруи, въ томъ числѣ около 250 удилъ. Въ 1863 г. на днѣ кургана была открыта и самая гробница. Она состояла изъ средней камеры, давно уже ограбленной и лишенной всѣхъ болѣе драгоценныхъ предметовъ, и изъ нѣсколькихъ боковыхъ камеръ, расположенныхъ или по угламъ средней камеры или поодаль отъ нея и заключавшихъ въ себѣ скелеты слугъ и лошадей со множествомъ драгоценныхъ находокъ. Въ средней камерѣ, опустошенной грабителями, проникшими туда посредствомъ нарочно для этого прорытаго хода, не было найдено ничего кромѣ небольшихъ золотыхъ украшеній, бронзовыхъ сосудовъ, бронзоваго и жѣззнаго оружія и т. п. За то въ обширныхъ неограбленныхъ камерахъ оказалось цѣлое богатство, состоявшее въ совокупности изъ около 2500 предметовъ. Въ первой камерѣ было два костяка женскій и мужской. Женскій лежалъ въ саркофагѣ и имѣлъ на себѣ золотое ожерелье, золотыя серьги, браслеты, перстни, бронзовое зеркало и множество мелкихъ золотыхъ украшеній. Скелетъ мужчины имѣлъ при себѣ только бронзовыя украшенія и колчанъ со стрѣлами. Возлѣ нихъ найдена была та знаменитая серебряная

ваза, о которой мы скажемъ далѣе, и кромѣ того еще другія серебряныя и многочисленныя глиняныя сосуды. Въ другой камерѣ найдены были тоже два костяка съ богатыми золотыми украшеніями, при чемъ возлѣ скелета мужчины былъ еще желѣзный мечъ съ золотою рукояткой и золотыми ножнами на бронзовомъ поясѣ, а также и колчанъ со стрѣлами. Въ третьей камерѣ былъ одинъ костякъ съ многочисленными предметами, а въ четвертой—одни предметы безъ скелета. Поодаль отъ камеръ было найдено еще пять гробницъ съ костями лошадей, съ золотыми, серебряными и бронзовыми украшеніями и съ остатками воиновъ, возлѣ которыхъ также положены были колчаны съ бронзовыми стрѣлами; дальше оказалось еще нѣсколько болѣе бѣдныхъ могилъ, между которыми были и дѣтскія.

Извѣстная чертомлыцкая «царская» ваза—серебряная, кое гдѣ съ позолотой; она украшена превосходной рѣзбой греческаго стиля, сработанной впрочемъ на мѣстѣ—въ Скиѣи. Очень интересенъ поясъ фигуръ въ верхней части вазы близъ ея горла, изображающій скиноу въ широкихъ шароварахъ, съ подпоясанной одеждой, съ длинными непокрытыми волосами—укро-

щающихъ коней (рис. 317). Ваза эта находится теперь въ петербургскомъ Эрмитажѣ. Время сооруженія чертомлыцкаго кургана И. Е. Забѣлинъ и за нимъ Эварницкій относятъ къ эпохѣ IV вѣка до нашей эры; въ послѣднее же время гг. Кондаковъ и гр. Толстой, основываясь на стилѣ, къ болѣе поздней—между II—I ст. до нашей эры; они полагаютъ поэтому, что она могла принадлежать какому-нибудь изъ сарматскихъ князей, вслѣдствіе чего и обычное названіе «скинской царской могилы» дѣлается менѣе подходящимъ.

Рис. 316. Большой бронзовый котелъ изъ Чертомлыцкаго кургана.

Другой замѣчательный памятникъ—это Куль-обскій курганъ, недалеко отъ Керчи, раскопанный еще въ 1831 году. Варварскій характеръ его, также какъ и предыдущаго, ясно проглядываетъ сквозь все наслоеніе греческой культуры. Крѣпость его была прямоугольная со сводомъ. Умершій, вѣроятно царь, въ остроконечной коронѣ, лежалъ въ саркофагѣ; возлѣ него была положена жена его съ золотой діадемой на головѣ и другими драгоценными украшеніями. Здѣсь также было найдено множество прекрасныхъ вещей, главнымъ образомъ золотыхъ (рис. 319). Характеръ найденныхъ предметовъ тотъ же, что и въ чертомлыцкомъ курганѣ, поэтому ихъ можно

считать, вѣроятно, современными; относительно ихъ древности мнѣнія также раздѣляются.

Въ Екатеринославской губ. въ разстояніи 60 — 70 километровъ отъ Днѣпра возвышалась возлѣ села Александрополя большая «Дугова могила», имѣвшая 320 метровъ въ окружности (см. рис. 320). Она была раскопана въ 1851—55 годахъ А. Б. Терещенкомъ и А. Е. Люценкомъ. Кромѣ множества разныхъ предметовъ въ самой насыпи, на днѣ ея найдена была сложная центральная гробница, состоявшая изъ двухъ ямъ, изъ которыхъ велъ подземный корридоръ въ большую катакомбу. Хотя и здѣсь могилы были ограблены, но тѣмъ не менѣе найдено было множество вещей изъ золота, серебра, бронзы и жѣла по большей части прекраснаго греческаго стиля, остатки колесницы и конской сбруи, особенно цѣлая сбруя на костяхъ стоявшаго на колѣняхъ коня (см. рис. 321—324). Этотъ курганъ относится, вѣроятно, къ III стол. до нашей эры.

Кромѣ упомянутыхъ кургановъ выдавались еще какъ своей величиной, такъ и цѣнностью добытыхъ предметовъ два кургана возлѣ хутора Геремесова, извѣстные подъ именами «Близниці» и «Товста могила» недалеко отъ станціи Краснокут-

Рис. 317. Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго кургана.

ской между Екатеринославомъ и Никополемъ. Оба они были изслѣдованы И. Е. Забѣлинымъ и оказались уже давно разграбленными. Возлѣ Геремесова хутора въ курганѣ были найдены скелеты въ скорченномъ положеніи съ предметами греческаго происхожденія, а также мѣстнаго варварскаго и восточнаго, и съ кусками разныхъ красокъ. Позже И. А. Зарѣцкій нашелъ въ 1888—89 годахъ прекрасныя вещи скифскаго типа въ курганахъ «Витова могила» и «Опішлянка» въ Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губ.

Это самые большіе и наиболѣе богатые скифо-сарматскіе курганы. Кромѣ нихъ было и есть еще множество меньшихъ и менѣе богатыхъ. Всѣ они характеризуются кромѣ варварскаго стиля издѣлій, главнымъ образомъ, пред-

метами, указывающими на обычай погребать вмѣстѣ съ господиномъ его жену и слугъ, или же на кочевой образъ жизни, о которомъ можно судить по присутствію лошадей съ ихъ сбруей, по множеству стрѣлъ (чаще всего трегранныхъ бронзовыхъ), скинскихъ мечей и т. п. Разумѣется, и здѣсь вещи, занесенныя съ юга, очень многочисленны.

Сюда относятся, напр., курганы возлѣ р. Томаковки, затѣмъ «Каменная могила», возлѣ ст. Краснокутской, т. наз. «Цимбалова могила», возлѣ села Велика Білозерка, и курганы возлѣ «Великої Знаменки» въ Мелито-

Рис. 318.—Планъ гробницы Куль-обскаго кургана.

польскомъ у. Таврич. губ., семь извѣстныхъ кургановъ «Семибратні могили» въ долинѣ р. Кубани въ Темрюкскомъ у., раскопанныхъ въ 1876 г. барономъ В. Г. Тизенгаузенкомъ, курганы возлѣ ст. Сѣнной на Таманскомъ полуостровѣ (напр., Артюховскій кург.) и часть кургановъ возлѣ с. Новогригорьевки на берегу р. Бонки, изслѣдованныхъ въ 1884 г. Д. А. Самоквасовымъ, съ довольно бѣдными находками и скелетами въ скорченномъ положеніи. Изъ болѣе отдаленныхъ, такъ назыв. скинскихъ курга-

новъ наиболѣе замѣчательны два кургана возлѣ села Рыжановки въ Звенигородскомъ у. Кіевской губ., раскопанные въ 1887 г. Г. Оссовскимъ ³²⁹). Въ большемъ изъ нихъ подѣ уровнемъ земли оказалась камера (рис. 327), въ которой лежалъ на спинѣ костякъ съ скорченными ногами, а возлѣ него

на доскѣ стояла амфора греческой работы, бронзовое ведро съ серебряной оковкой, зеркало, серебряная миска и другіе цѣнные предметы (рис. 325 и 326). У скелета, принадлежавшаго молодой женщинѣ, на головѣ была золотая діадема, возлѣ черепа золотыя серьги, на шеѣ ожерелье, дажѣ поясъ съ золотыми украшеніями, восемь золотыхъ перстней, браслетъ и т. п. На двухъ перстняхъ были пантикапейскія монеты времени между 650 и 480 годами. Въ томъ же уѣздѣ относятся сюда и рызнінскіе курганы, раскопанные отчасти тоже Оссовскимъ, и затѣмъ курганы возлѣ селъ Соболовки, Кирилловки и Ботельни той же губерніи. Гг. Кондаковъ и гр. Толстой относятъ къ группѣ «скифо-сарматскихъ кургановъ» также часть кургановъ Роменскаго у., полтавскіе курганы по р. Сулѣ возлѣ дер. Аксютинецъ, Валковецъ и наконецъ часть находокъ графа Бобринскаго возлѣ Смѣлы. Чѣмъ далѣе однако мы поднимаемся на сѣверъ, тѣмъ болѣе такое опредѣленіе этихъ кургановъ становится сомнительнымъ. Способъ сооруженія ихъ кой въ чемъ соответствуетъ южнымъ гробницамъ, находимые въ нихъ предметы обнаруживаютъ часто тотъ-же характеръ, греческія вліянія въ видѣ, напр., амфоръ, кратеръ, украшеній, проникаютъ дажѣ и сюда, но вліянія эти могли проникнуть и дѣйствительно проникали туда и черезъ границы скифскихъ поселеній. Курганы эти могутъ быть скифскими, но утверждать, что они должны быть таковыми—нельзя.

Рис. 319. Золотыя ножны изъ Буль-обскаго кургана.

Костяки въ этихъ курганахъ лежатъ обыкновенно на спинѣ, очень рѣдко въ скорченномъ положеніи и также рѣдко бываютъ покрыты краской, съ чѣмъ мы чаще встрѣчаемся въ гробницахъ болѣе древняго времени, главнымъ образомъ, неолитическихъ. Устройство самихъ кургановъ

впрочемъ очень разнообразно. Обыкновенно подъ ними находится яма, выкопанная въ землѣ, иногда покрытая деревяннымъ потолкомъ, или же цѣлый деревянный срубъ, рѣдко—каменная камера. Позднѣйшіе «сарматскіе» курганы, по мнѣнію проф. Самоквасова, заключаютъ въ себѣ, кромѣ погребенныхъ тѣлъ, также и остатки трупосожженія или въ погребальныхъ урнахъ или же прямо на кострищѣ. Можетъ быть, лучше бы было не включать пока кургановъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей, напр. возлѣ Новогригорьевки, Смѣлы, Аксютинецъ, такъ же какъ и кургановъ возлѣ селенія Смоляровъ въ Борисовскомъ уѣздѣ и возлѣ Бошаръ недалеко отъ Чернигова—въ группу скинскихъ и причислить ихъ къ безымянной среднерусской группѣ. Кому они тамъ могли принадлежать? Если держаться Геродота, то, можетъ быть, ага-ѳирсамъ, неврамъ, или же меланхленамъ, андрофагамъ, гелонамъ, будинамъ... Какіе народы въ дѣйствительности скрыты отъ насъ подъ этими именами,

Рис. 320. «Лугова могила» возлѣ Александрополя.

мы не знаемъ. Вѣрно только то, что часть этихъ кургановъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ сѣвернѣе бывшей Скиѣи, принадлежала уже въ эпоху до переселенія народовъ и до начала нашей эры—славянамъ, часть же ихъ была насыпана племенами, обобщаемыми до сихъ поръ, главнымъ образомъ на основаніи авторитета Начальной лѣтописи, подъ названіемъ финскихъ. Весьма правдоподобно, что невры Геродота были славянами, и что вообще уже въ это время всѣ страны на востокъ отъ Вислы и Карпатъ были заняты славянскимъ населеніемъ, которое, судя по всему, заселяло часть Галичины, Волынь, По-

долю и, кроме мѣстностей по Припети и верхнему теченію Днѣпра, также, вѣроятно, и часть западной Украины. Предполагать расселеніе въ это время славянъ далѣе на востокъ до сихъ поръ нѣтъ еще основаній. Поэтому мы могли бы считать курганы этихъ мѣстностей, относящіяся къ указанной эпохѣ,

Рис. 321—324. Золотая пластинка, статуэтка кабана, и два сильно уменьшенныхъ бронзовыхъ украшенія изъ «Луговой могилы» воицъ Александрополи.

вѣроятно славянскими. До сихъ поръ, впрочемъ, очень трудно различать среди позднѣйшихъ кургановъ средней Россіи курганы достоверно славянскіе и не славянскіе, финскіе, какъ напр. въ губерніяхъ Смоленской, Бурской, Московской. Тѣмъ менѣе это легко, когда дѣло идетъ о курганахъ болѣе древней эпохи. Даже и тамъ, гдѣ съ полнымъ основаніемъ

можно было-бы искать признаковъ разницы въ типѣ сохранившихся че-

Рис. 325. Серебряная ваза изъ
Рыжановскаго кургана.

Рис. 326. Глиняная греческая ваза изъ
Рыжановскаго кургана.

реповъ и скелетовъ, мы замѣчаемъ очень соблазняющее насъ однообразіе,

Рис. 327. Разрѣзъ большаго Рыжановскаго кургана (по Оссовскому).

которое сильно угрожаетъ прежнимъ объясненіямъ и теоріямъ. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ рѣчь въ нашей послѣдней главѣ.

Рис. 328. Изображеніе скина на золотомъ
перстнѣ греческой работы, найденномъ въ
гробницѣ на Митридатовой горѣ.

ГЛАВА VIII.

Расцвѣтъ желѣзнаго вѣка.

Новыя вліянія съ запада.—Галлы и кельты.—La Tène и область галльской культуры въ средней Европѣ.—Бойи въ Чехіи.—Кельтскія монеты.—Часть римской исторіи въ эпоху императоровъ.—Римскія провинціи въ Галліи, Британіи, Испаніи, Ретіи, Норикѣ, Панноніи, Мизіи, Дакии; римскія колоніи въ нихъ и ихъ культура. — Маркоманы въ Чехіи. — Вліяніе культуры римскихъ провинцій на сѣверъ Европы.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло по преимуществу съ вліяніемъ Востока на развитіе культуры въ средней, западной и сѣверной Европѣ; до сихъ поръ мы изслѣдовали тѣ вліянія на древнюю культуру, которыя распространялись, главнымъ образомъ, въ направленіи съ востока на западъ и на сѣверъ.

Теперь, въ началѣ эпохи расцвѣта желѣзной культуры, мы встрѣчаемся съ противоположнымъ теченіемъ. Конецъ ранней эпохи желѣзнаго вѣка, въ продолженіи котораго, какъ мы видѣли, желѣзо не достигло еще полнаго господства и на ряду съ желѣзными употреблялись еще и древнія бронзовыя орудія и оружіе,—обозначается въ Европѣ, главнымъ образомъ, двумя вліяніями: однимъ, источникъ котораго возникъ на западѣ Европы, въ Галліи, и другимъ—нѣсколько болѣе раннимъ—итальянскаго происхожденія. Въ этихъ двухъ странахъ культура ранней эпохи желѣзнаго вѣка развилась несравненно быстрѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ и притомъ развилась совершенно своеобразно. Желѣзо появляется вездѣ, изъ него готовятъ не только оружіе и орудія, но даже и часть украшеній (какъ напр. фибулы). Желѣзо является признакомъ двухъ новыхъ культуръ, которыя очень быстрымъ движеніемъ, перекрещиваясь одна съ другой, заняли въ теченіе очень короткаго времени почти всю Европу, кромѣ сѣверныхъ и восточныхъ ея частей. На западѣ Европы галлы, а на югѣ Римъ, были творцами и распространителями двухъ новыхъ вѣтвей развитой уже желѣзной культуры.

Галлы давно уже подчинились этому культурному завоеванію—прибли-

зительно въ концѣ V стол. до нашей эры. Точно опредѣлить это время впрочемъ нельзя. Скоро затѣмъ Галлія подпала подъ власть Рима. Уже въ концѣ республики и еще больше въ началѣ имперіи римское государство, занимавшее до тѣхъ поръ только страны вокругъ Средиземнаго моря, обратилось къ покоренію странъ сѣверныхъ. Въ одно столѣтіе римляне подчинили себѣ половину Европы, покрыли ее своими колоніями и распространили вездѣ, куда только проникли, новый духъ, новую духовную и матеріальную культуру.

Въ Галлію зачатки желѣзной культуры проникли двумя путями: съ одной стороны посредствомъ морскихъ торговыхъ сношеній черезъ южное побережье, и съ другой—черезъ Швейцарію и южную Германію, по Дунаю и черезъ Рейнъ. Они не возникли тамъ самостоятельно, совершенно такъ же, какъ и въ прочихъ странахъ. Но точно такъ же, какъ и въ иллирійскихъ странахъ, желѣзная культура въ Галліи развилась вполнѣ своеобразно. Изъ разныхъ элементовъ, восточныхъ, греко-италійскихъ, галльштаттскихъ и т. п., здѣсь развилась культура совсѣмъ особаго характера, которая и проникла потомъ очень скоро въ прочія страны Европы. Проводниками этой новой культуры было галльское племя, по имени котораго древніе историки называли всю страну Галліей, а мы ихъ новую культуру называемъ галльской.

Она не появилась въ Европѣ внезапно, но развивалась и распространялась въ теченіе всей первой эпохи желѣзнаго вѣка. Только съ начала IV стол. до нашей эры она начала растекаться быстро въ остальной Европѣ и скоро большей ея части сообщила отпечатокъ совершенно новаго характера.

Распространеніе это происходило отчасти путемъ мирнаго переселенія культурныхъ началъ, отчасти же и насильственнымъ путемъ; особенно начало его было связано съ побѣдоноснымъ движеніемъ галльскихъ племенъ изъ Галліи на востокъ и юговостокъ. И вездѣ, куда только проникали эти племена, мы встрѣчаемся, въ сохранившихся памятникахъ, съ появленіемъ новаго стиля, образцы котораго попадаютъ въ Галлію. Это согласіе историческихъ извѣстій съ археологическими находками даетъ намъ возможность опредѣлить время эпохи, въ теченіе которой галльская культура, съ одной стороны сразу, а съ другой постепенно, распространилась въ средней Европѣ: отъ IV стол. до нашей эры до начала ея. Въ продолженіи этой эпохи стала обнаруживаться во всей Европѣ и римская культура, во многихъ отношеніяхъ близкая къ галльской.

Колыбелью галльской культуры была, слѣдовательно, нынѣшняя Франція. Выработавшія ее и распространившія ее по всей Европѣ племена соединяются обыкновенно или подъ общимъ названіемъ галловъ (Galli, Ἰάλλοι) или подъ именемъ кельтовъ (Κελτοί, Celtae, у греческихъ писателей также Γαλάται). Римскіе и греческіе авторы употребляютъ оба имени попеременно.

Ниже мы увидимъ, что имя галловъ, сравнительно съ именемъ кельтовъ, было позднѣйшимъ.

О томъ, въ какомъ именно соотношеніи были между собою галлы и кельты, составляли ли они одинъ и тотъ же народъ или два различныхъ, въ наукѣ за послѣднее время возникъ споръ, не разрѣшенный окончательно и до сихъ поръ.

Мы не можемъ здѣсь особенно распространяться объ этомъ довольно запутанномъ вопросѣ и только въ нѣсколькихъ словахъ выразимъ о немъ свое мнѣніе. Несомнѣнно, что галлы не представляли собою единственнаго племени, которое населяло Галлію. Уже въ неолитическую эпоху, какъ мы видѣли, въ этой странѣ жило, по крайней мѣрѣ, два племени, на что указываетъ также и антропология позднѣйшихъ эпохъ. Оставляя даже въ сторонѣ племена лигуровъ и иберовъ южной Галліи, можно утверждать съ достовѣрностью, что въ этой странѣ жило прежде воинственное племя людей высокаго роста, съ свѣтлыми волосами, съ свѣтлой кожей и глазами, какъ описываютъ его древніе авторы, съ которымъ римляне вступали въ сраженія, называя ихъ различно, то галлами, то галатами, то кельтами, — и другое, болѣе древнее, короткоголовое племя, съ темными волосами и смуглою кожей, которое было, вѣроятно, въ поработеніи у перваго, а отчасти было даже вытѣснено и загнано въ центръ страны, главнымъ образомъ въ нынѣшнюю Овернь, Савойю и вообще къ западнымъ Альпамъ. Объ этомъ очень опредѣленно свидѣтельствуетъ антропологическій анализъ древняго и новѣйшаго населенія. Очень возможно и даже правдоподобно, что имя галловъ, галатъ — присваивалось первоначально только одному племени, а имя кельтовъ — другому, болѣе древнему, и что смѣшивать ихъ начали только знавшіе первоначальныхъ отношеній римскіе и греческіе историки, которые познакомились съ ними въ эпоху, когда они были уже въ значительной степени смѣшаны между собою *). Весьма вѣроятно, что галлы были вѣтвью арійскаго племени, очень близкаго къ германцамъ и, какъ увидимъ далѣе, также и къ славянамъ, которая уже очень давно, до половины I тысячелѣтія до нашей эры, поселилась на сѣверѣ Галліи и скоро завладѣла всей страной иберовъ и кельтовъ. Иберы были оттѣснены въ Аквитанію, къ Пиренеямъ, кельты сосредоточились въ средней Галліи, на сѣверѣ же ея находилось

*) Мнѣніе это раздѣляется въ настоящее время большею частью французскихъ антропологовъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣ большихъ преній въ Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ въ 1864 и 1873 годахъ, Брока, Ланьо, Далии, Топинаръ и пр. начали различать кельтовъ и галловъ (Брокъ вмѣсто послѣдняго названія употреблялъ имя кимвровъ [Cymris]). Подобнымъ же образомъ разсуждали уже Гольцманъ, Омалиусъ д'Аллуа (Omalius d'Halloy) и въ послѣднее время К. фонъ-Беккеръ, Шафгаузенъ, Бринтонъ и др. ³³⁰).

наиболѣе густое населеніе собственно—галловъ. Тамъ жила та часть галльскихъ племенъ—между рѣками Марной, Сеной, Рейномъ и моремъ—которую Цезарь обозначилъ общимъ именемъ бельговъ. Цезарь говоритъ очень опредѣленно, что по своему языку, нравамъ и обычаямъ, бельги отличались отъ кельтовъ внутри страны и отъ жителей Аквитаніи. Что галлы, съ которыми сталкивались римляне, были очень близки къ германцамъ—это несомнѣнно. У нихъ были одни и тѣ же физическіе признаки: высокій ростъ, свѣтлый цвѣтъ кожи, свѣтлые глаза, блѣдыя волосы. Страбонъ прямо называетъ ихъ единоплеменниками (συγγενῆς). Кельты, напротивъ, были вѣроятно тѣмъ до-галльскимъ населеніемъ Галліи, которое потомъ смѣшалось съ галлами и вполне ассимилировалось съ ними въ языкъ и въ культуру.

Антропологически мы можемъ хорошо опредѣлять разницу между этими двумя народами, но въ отношеніи археологическомъ, культурномъ, это очень трудно. Мы не можемъ указать, до какихъ поръ имѣли вліяніе на развитіе культуры кельты и съ какихъ поръ галлы. Культура галльская и культура кельтская представляются намъ покуда однимъ и тѣмъ же. Поэтому, такъ какъ съ археологической точки зрѣнія это смѣшеніе названій не имѣетъ особа важнаго значенія, то вѣроятно лучше всего было бы соединить ихъ въ одно и говорить о культурѣ кельто-галльской. Нравы кельтовъ, въ эпоху вторженія римлянъ, были, по описаніямъ, дикими, неукротимыми. Галлы говорили мало, многое выражали жестами, были гостепріимны къ чужеземцамъ, но страстны, хвастливы и охотно дрались между собою изъ за самыхъ ничтожныхъ причинъ. Въ бояхъ съ непріателемъ они имѣли обычай вызывать на единоборство. Они носили длинные волосы, бороду иногда брили, иногда нѣтъ, болѣе знатные между ними носили длинные усы. Одѣвались они въ широкіе шаровары и въ туннику, подпоясанную поясомъ, а также въ плащи изъ особой ткани. На ногахъ они носили небольшіе сапоги (см. рис. 329). На войну они надѣвали латы, а голову покрывали шлемомъ, украшеннымъ рельефными фигурами или рогами. Объ остальномъ вооруженіи, часто богато украшенномъ, о длинныхъ мечахъ, копьяхъ, желѣзныхъ, бронзовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ поясахъ, въ эпоху Августа, мы имѣемъ извѣстія у Діодора. Болѣе богатые сражались на колесницахъ, управлявшихся особымъ возницей. Остатки колесницъ были находимы часто въ галльскихъ гробницахъ. Вся жизнь галловъ была посвящена поклоненію богамъ, пиршествамъ, охотѣ и войнѣ; работу они предоставляли рабамъ. На войнѣ они не щадили жизни, для доказательства своей храбрости скалпировали враговъ и вѣшали ихъ головы въ своихъ жилищахъ, или же дѣлали изъ нихъ сосуды. Головы особенно выдававшихся непріятелей они сохраняли въ кедровомъ маслѣ. Женщины у галловъ пользовались большою свободой. Онѣ сами выбирали себѣ мужей, но мужъ имѣлъ право жизни и смерти надъ женой

и дѣтьми, пока эти послѣдніе не дѣлались способными носить оружіе. Человѣческія жертвы были у галловъ такъ-же въ ходу, какъ и у германцевъ. Въ общественной организаціи мы встрѣчаемся у нихъ, какъ и у другихъ народовъ, съ двумя главными сословіями: съ свободнымъ высшимъ классомъ

Рис. 329. Статуя плѣннаго Галла (Claras, Musée de sculpture pl. 847).

и съ подчиненной ему массой остальнаго населенія. Изъ людей высшаго класса особенно заслуживаетъ упоминанія духовное сословіе друидовъ. Въ основаніи этого сословія лежала не наслѣдственность, а образованіе. Члены его выбирались изъ наиболѣе талантливыхъ людей во всей странѣ, при чемъ

свѣдѣнія, которыми обладало это сословіе, оставались совершенно недоступными прочимъ. Друиды были жрецами, гадателями, колдунами и судьями вмѣстѣ. Глава ихъ пользовался среди народа неограниченною властью. Послѣ его смерти, его замѣняло другое лицо, по избранію, а иногда и путемъ насилія. Но предводительство на войнѣ было однако выдѣлено изъ сферы его дѣятельности. Интересно, что у италійскихъ галловъ, у дунайскихъ и у малоазійскихъ не было этого организованнаго и могущественнаго духовнаго сословія или касты; она существовала только въ Галліи, Британіи и Ирландіи. Цезарь полагалъ, что колыбелью друидизма была Британія.

Вотъ въ общихъ чертахъ, какъ жилъ и чѣмъ отличался народъ, начавшій, какъ учить исторія, въ концѣ I тысячелѣтія до нашей эры свое вооруженное нашествіе на югъ, западъ и востокъ. Ливій рассказываетъ легенду о томъ, какъ двое сыновей царя племени битуриговъ Амбигата, Белловесъ и Сиговесъ, въ царствованіе Тарквинія Приска, съ большимъ количествомъ народа вышли изъ Галліи, первый—въ сѣверную Италію и второй въ Герцинскіе гѣса. Въ основаніи этой легенды есть доля дѣйствительности *). Позднѣйшіе писатели подтверждаютъ этотъ древній походъ галловъ къ югу отъ Альпъ въ равнину р. По, къ сѣверу отъ Альпъ по теченію Дуная въ землю иллировъ, въ Паннонію и еще сѣвернѣе—въ страну, которая позже, отъ племени бойевъ, получила названіе Богеміи (Boiohaemum). Съ другой стороны они проникли вскорѣ и черезъ море въ Британію.

Но этими походами дѣло не ограничилось. Галлы проникли затѣмъ въ глубь Испаніи, въ Италію, на Балканы, въ 279 г. въ Македонію и Грецію, въ 276 г. основали въ Малой Азіи царство Галатское; кромѣ того, мы встречаемся съ кельтскими войнами въ войскахъ царей и полководцевъ азіатскихъ, африканскихъ и испанскихъ. Наиболѣе опредѣленные извѣстія сохранились о походѣ въ Италію. Въ сѣверной Италіи галлы заселили всю равнину р. По, которая получила у римлянъ названіе Галліи предальпійской (Gallia cisalpina), въ отличіе отъ настоящей Галліи, заальпійской (Gallia transalpina). Оттуда галлы распространились по побережью Адріатическаго моря до рѣки Аэзе, побѣдили отдѣльные этрусскія племена, разорили ихъ города, между прочимъ Мельпумъ и Фельзину (ср. стр. 358 и 365) и въ концѣ концовъ перешли

---

*) О томъ, когда произошло первое передвиженіе галловъ на юговостокъ, о которомъ упоминаетъ легенда Ливія, историки впрочемъ несогласны между собой. Большая часть, вмѣстѣ съ Нибуромъ, первымъ подвергшимъ извѣстіе Ливія строгой исторической критикѣ, полагаетъ, что этотъ походъ галловъ на востокъ случился не при Тарквиніи Прискѣ, а въ началѣ IV стол. до нашей эры. Другіе и главн. обр. Моисея, а въ Чехіи Воцель стараются доказать, напротивъ, что этотъ походъ произошелъ гораздо раньше, и что галльскіе бои пришли въ Чехію еще около 600 года до нашей эры.

и чрезъ Аппенины. Когда-же въ 388 г. сильное галльское войско осадило этрускій городъ Клузіумъ, то противъ него выступили въ битвѣ и римскіе послы. Вслѣдствіе этого, галлы пошли на Римъ, разбили на р. Аліи, въ разстояніи двухъ миль отъ города, римское войско и опустошили и сожгли самый городъ. Удержался только одинъ Капитолій. Лишь послѣ семимѣсячной осады и полученія выкупа галлы оставили Римъ и вернулись обратно. Но римляне скоро отплатили имъ за это пораженіе. Постоянно возобновлявшіяся войны кончались большею частью побѣдами римлянъ, и когда въ 225 г. консулъ Эмилій Папъ и К. Атилій Регулъ разбили въ большомъ сраженіи надъ Телемономъ около 40.000 войска, состоявшаго изъ галльскихъ бойцовъ, инсубровъ и гезатовъ, то въ Римѣ было рѣшено покорить цизальпинскую Галлію окончательно. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ это и было достигнуто.

Всѣ эти историческія свѣдѣнія подтверждаются и дополняются археологіей. Вездѣ, куда по историческимъ даннымъ проникали галлы, мы видимъ появленіе культуры новаго характера, колыбелью которой, какъ мы уже сказали, была Галлія.

Въ Галліи эта культура обнаружена особенно въ трехъ типическихъ мѣстонахожденіяхъ: въ находкахъ на мѣстѣ двухъ древнихъ галльскихъ городовъ Алезіи и Бибракта и на мѣстѣ бывшаго лагеря возлѣ Морёна, на берегу Невшатальскаго озера въ Швейцаріи, въ странѣ древняго галльскаго племени гельветовъ, болѣе извѣстномъ подъ названіемъ «la tène» т. е. «мель», даннымъ ему мѣстными рыбаками. Перечисленіе находокъ въ этихъ мѣстностяхъ дастъ намъ самую лучшую картину галльской культуры.

Наиболѣе бросающуюся въ глаза особенность ея составляетъ военный характеръ. Вездѣ въ ней мы встрѣчаемъ только желѣзо и сталь, какъ въ оружіи, такъ и въ орудіяхъ; предметы украшенія (частью тоже изъ желѣза, частью изъ бронзы) остаются на второмъ планѣ, но и они отличаются уже новымъ стилемъ.

Галльскій городъ Алезія, нынѣшній Alise-S-te-Reine (въ деп. Côte d'or), расположенъ былъ на высокомъ холмѣ, въ странѣ галльскаго племени мандубіевъ, въ очень выгодной стратегически мѣстности. Цезарь, чтобы взять ее въ 52 г., принужденъ былъ окружить ее кольцомъ изъ нѣсколькихъ рядовъ траншей, сооруженныхъ на основаніи всей его военной опытности. Тѣмъ не менѣе, предводитель галловъ, Верцингеториксъ, держался долго, прежде чѣмъ принужденъ былъ сдаться римскому вождю. Паденіе Алезіи рѣшило судьбу Галліи: скоро потомъ она сдѣлалась римской провинціей. Наполеонъ III повелѣлъ точно опредѣлить и изслѣдовать это историческое мѣсто *).

*) Часть историковъ и археологовъ помѣщали прежде древнюю Алезію въ

мѣется, при этомъ было найдено множество памятниковъ эпохи Цезаря: жѣлѣзнаго оружія, монетъ, фибулъ, гиппосандалій, очень много цѣлыхъ сосудовъ и множество черепковъ римской посуды, сдѣланной на гончарномъ кругѣ.

Подобное же множество археологическихъ находокъ доставили и разва-

Рис. 330. Конструкция стѣны галльскаго города (по реставраціи въ С. Керменскомъ музеѣ).

лины другого галльскаго города, Бибракта, въ странѣ эдуевъ, расположеннаго на горѣ, называемой теперь Mont Beuvray, возлѣ Autun'а, древняго Augusto-

общинѣ Alaise (cant. d'Amancey, Doubs) какъ напр., Quicherat, Martin, Castan, Delacroix. Вышеуказанное мнѣніе, теперь считаемое уже всѣми вполне вѣрнымъ, защищали Ch. Lenormant, Saulcy, Наполеонъ III, герц. Генрихъ Орлеанскій, Vagthelemy и пр. Вообще по этому поводу были большіе споры и было издано немало исследований³³¹⁾.

dunum'a³³²). Алезия и Бибракте отличались обыкновенным характером галльских городов, таких напр. как Avaticum (нынеш. Bourges), Gergovia (Gergoie), Uxellodunum и т. п. Они были обнесены надежными валами и рвами. Валы устраивались из бревенъ, промежутки между которыми заполнялись глиной, а внешняя сторона обкладывалась камнемъ. Бревна укладывались вдоль стѣнъ и поперекъ ихъ, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи (рис. 330). Этимъ значительно усиливалась крѣпость городовъ, и храбрымъ легионамъ Цезаря съ трудомъ удалось одолѣть ихъ. По склонамъ Беврейской горы было найдено много слѣдовъ хижинъ, въ которыхъ, вѣроятно, жили разные мастера металлическаго дѣла, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленные остатки орудіи и шлаковъ; вѣроятно тамъ была и какая нибудь фабрика оружія. Внутри города найдены были развалины болѣе значительныхъ построекъ, изъ которыхъ одну Bulliot принимаетъ за большой товарный складъ, такъ какъ Бибракте охотно посѣщался купцами и, по извѣстіямъ Цезаря, былъ самымъ крупнымъ изъ городовъ Галліи.

Очень интересными оказались остатки мастерской эмалиера и вообще многочисленные находки отбросовъ галльской эмали *). Техника эмали раз-

*) Эмалью (email, smalt) называется слой цвѣтнаго стекла, наложенный сверхъ какого нибудь предмета, главнымъ образомъ служащаго для украшенія. Техника эмали была знакома уже ассиріянамъ и вавилонянамъ, которые покрывали ею свои кирпичи. Египтяне, кромѣ того, наладывали эмаль часто и на металлы. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые, недостаточно еще опредѣленные изображенія эпохи Рамзеса III, мы находимъ наиболѣе древнее эмалированное египетское украшеніе въ погребальномъ кладѣ царевны Ааготепы (XVII дин.) Это золотой браслетъ съ изображеніемъ на фонѣ изъ голубой эмали. Но на другихъ предметахъ того-же клада мы встрѣчаемъ уже другую технику, именно выкладываніе цвѣтными пластинками. Къ золоту припайвали золотыя перегородочки и въ углубленія между ними помѣщали или драгоцѣнные камни или стекло. Голубая эмаль была извѣстна, слѣдовательно, въ Египтѣ очень рано, а равно зеленая и бѣлая, но трудно приготавливаемой красной эмали тамъ долго не знали; вмѣсто нея приклеивали замазкой кусочки стекла кроваваго цвѣта (Blutglas, у Плинія haematinum). Но уже въ Кобани были найдены запонки, эмалированные стекломъ кирпично-краснаго цвѣта, называемымъ Тишлеромъ въ отличіе отъ предыдущаго — „Ziegelglas“. Составъ его другой.

Значительная роль досталась на долю эмали въ ла-тѣнскую эпоху, въ теченіе послѣднихъ столѣтій до нашей эры, главнымъ образомъ въ Галліи, хотя и туда она пришла, какъ кажется, съ востока. Кромѣ настоящаго коралла, который въ эту эпоху встрѣчается очень часто въ отдѣлкѣ украшеній (на фибулахъ, браслетахъ, ножнахъ и т. п.), тогда начали уже употреблять подражаніе кораллу изъ кроваваго стекла. Большія пластинки его укрѣплялись въ готовомъ видѣ гвоздиками, маленькія — припайвались. Эмаль эта служила въ данную эпоху для выполненія узкихъ линейныхъ желобковъ (Furchenschmelz). Большія пространства покрывать нѣмъ было трудно. Тѣмъ не менѣе, скоро было достигнуто и это, какъ

вилась у галльских племенъ въ послѣднія 4 столѣтія до нашей эры и достигла большого совершенства.

О тенскомъ или «ла-тенскомъ» *) мѣстонахожденіи долго не знали, что оно собой представляет. Сначала принимали его за свайное поселеніе, одно изъ тѣхъ, которыя удержались еще до эпохи римскихъ императоровъ, нѣкоторые видѣли въ немъ остатки укрѣпленнаго убѣжища, другіе товарный складъ. Новѣйшими работами, главнымъ образомъ В. Гросса, было доказано; что въ этомъ мѣстѣ, на островкѣ, поросшемъ деревьями и находящемся недалеко отъ берега, построено было когда-то релъветами деревянное укрѣпленіе для помѣщенія гарнизона ³³⁴). Островокъ былъ невеликъ и окруженъ плотиною. Въ почвѣ его, состоящей изъ дресвы и песку, найдены были основанія нѣсколькихъ построекъ, укрѣпленныхъ деревянными кольями или сваями и множество разныхъ желѣзныхъ орудіи, оружія и пр., переищан-

показываютъ нѣкоторые образчики болѣе развитой техники. Производство эмали сдѣлалось домашнимъ въ Галліи и Британіи, независимо отъ тогдашняго итальянскаго производства, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ упомянутая выше эмалевая мастерская въ Бибракѣ ³³⁵). Это подтверждаетъ и Филостратъ.

Римская техника, а съ нею и новый стиль начинаютъ господствовать только въ эпоху цезарей. Въ это время покрывали разноцвѣтнымъ слоемъ эмали цѣлыя поверхности, напр. металлическихъ сосудовъ (Flächenschmelz), хотя и тутъ попадаетъ эмаль въ желобкахъ, главнымъ образомъ въ особенномъ видѣ эмалевого рисунка (на дугообразныхъ фибулахъ и книжалахъ). Но обыкновенно металлъ въ этомъ случаѣ образуетъ дорожки, контуръ между площадями отдѣльныхъ цвѣтовъ. Эта техника достигается двумя путями. Эмаль помѣщали или въ углубленія, сдѣланные при отливкѣ или выдолбленные (email champ levé, Grubenschmelz), или же въ углубленія, образованныя припайкой къ плоскости невысокихъ тонкихъ перегородочекъ (email cloisonné, Zellenschmelz), какъ мы уже видѣли въ Египтѣ. Эмали эпохи цезарей—перваго рода. Цвѣтовъ эмали было нѣсколько: красная, оранжевая, зеленая, голубая, желтая и бурая; красная эмаль представляетъ собою вездѣ стекло кирпичнаго цвѣта. Эти произведенія римской техники, въ отличіе отъ прежнихъ мѣстныхъ, и вѣроятно не всѣ, выдѣлялись въ Италіи, но также и въ провинціяхъ (Галліи, Британіи, Панноніи), гдѣ искусство эмали давно уже процвѣтало. Наиболѣе красивые вещи украшены эмалью изъ миллефированыхъ пластинокъ, о приготовленіи которыхъ мы упоминали уже на стр. 351 и которыя, по мнѣнію Тишлера, появляются во II стол. нашей эры въ Италіи, будучи все такъ первоначально, безъ сомнѣнія, египетскаго происхожденія. Въ концѣ IV стол. эмальировка исчезаетъ во всей западной римской имперіи, въ V-мъ уже окончательно. За то въ это время появляется уже новый способъ этого рода украшенія, такъ назыв. *vergoterie cloisonnée*, о которой мы упомянемъ на своемъ мѣстѣ ниже.

*) Что касается названія этой эпохи, то отъ слова «la tène» (мель) правильное всего было бы образовывать прилагательное тенскій (la есть членъ) или, если взять это слово какъ терминъ топографическій, латенскій. Вошедшій въ общее употребленіе терминъ Ла-Тѣне, ла-тенскій, авторъ считаетъ некрасивымъ.

ныхъ съ бронзовыми и другими предметами. Кухонные отбросы въ видѣ угля, черепковъ, костей животныхъ отсутствуютъ, впрочемъ, почти совершенно. Уже этотъ инвентарь находокъ показываетъ, что описываемое сооруженіе отличается отъ свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка, и что оно представляло собой стоянку, а вѣроятно также и военный складъ,—другой, гораздо болѣе поздней эпохи. Не только желѣзные вещи, но и бронзовые украшенія совершенно отличаются здѣсь отъ тѣхъ, съ какими мы встрѣчались въ бронзовомъ вѣкѣ. Мы видимъ здѣсь совсѣмъ иную культуру, которая не имѣетъ ничего общаго съ древне-швейцарской, но за то вполне сродна съ культурой галльскихъ находокъ, напримѣръ, въ Алезіи, Бибрактѣ, въ галльскихъ гробницахъ въ долинѣ р. Марны и т. п. Судя по найденнымъ монетамъ тенская стоянка была обитаема въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Кромѣ галльскихъ монетъ и монетъ римскихъ колоній, лугдунскихъ, массильскихъ, віеннскихъ, немаусскихъ, здѣсь были найдены также монеты римскихъ цезарей до Гадріана (ум. въ 138 г. нашей эры) и даже до Константина Великаго (324—337). Основана была она галльскимъ племенемъ гельветовъ, по крайней мѣрѣ въ I вѣкѣ до нашей эры. Найденное оружіе совершенно галльскаго типа. Оно могло попасть на дно мели или во время наводненія, при чемъ жители должны были поспѣшно оставить укрѣпленіе, или же при оборонѣ его отъ непріятеля. Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что этотъ островокъ сдѣлался потомъ и военнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ римлянъ.

Между сдѣланными въ La Tène находками обращаетъ прежде всего на себя вниманіе множество оружія, почти исключительно желѣзнаго. Однихъ мечей найдено было около сотни—всѣ на подобіе изображенныхъ у насъ на рис. 332. Различіе ихъ отъ листообразныхъ, снабженныхъ характерной рукояткой, мечей бронзоваго и галлыштатскаго періодовъ бросается въ глаза съ перваго-же взгляда. Клинокъ ихъ очень длиненъ (80—100 сант.), лезвие, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшую эпоху, вполне ровное, очень мало суживающееся къ тупо заостренному и даже закругленному концу. Вверху клинокъ обанчивается стержнемъ безъ всякаго отграниченія его отъ костяной или деревянной рукояти поперечиной, по образцу мечей болѣе древняго типа (ср. напр. рис. 207). Ножны были обыкновенно изъ желѣза, рѣже изъ бронзы или изъ дерева, сверху онѣ были вырѣзаны язычкомъ (рис. 334—336), а на задней сторонѣ ихъ прикрѣплена была металлическая пряжка (?) для просовыванія носильнаго ремня или цѣпи; передняя сторона ноженъ была иногда очень богато украшена. Изъ остальнаго оружія особенно были многочисленны наконечники копій со втулкой, чаще всего листовидной формы, при чемъ края листа были различнымъ образомъ вырѣзаны; рѣже встрѣчаются копья съ короткимъ тупымъ остріемъ (рис. 337—338). Отъ шлемовъ сохранились болѣе украшенія, отъ деревянныхъ щитовъ только кованые

характерные умбоны (umbo), которыми они были украшены съ наружной стороны. Изъ домашнихъ орудій найдены были топоры съ отверстіемъ для топорща, образованнымъ посредствомъ пригиба краевъ (крыльевъ) плоскаго топора другъ къ другу (рис. 337) или топоры нынѣшней формы, серпы и косы, небольшіе ножи съ прямой спинкой, или же большіе въ родѣ повар-

Рис. 331—333. Мечи дагенскаго типа: позднѣйшій типъ изъ Georges-Meillet (Magne), средній изъ дагенской стоянки и ранній изъ Алезія (по Тишлеру).

скихъ, подобные которымъ уже встрѣчались намъ въ началѣ желѣзнаго вѣка. Найденныя здѣсь ножницы (рис. 338), совершенно похожи на наши овчарскія. Изъ предметовъ конской сбруи мы встрѣчаемся здѣсь, кромѣ удила, въ первый разъ со шпорами, снабженными короткимъ остріемъ (рис. 340 и

341); о них некоторые думаютъ, что они римскаго происхожденія, другіе же, какъ напр. Тишлеръ, приписываютъ ихъ кельтамъ. Изъ прочихъ орудій

Рис. 334. Украшенія ноженъ мечей тенскаго типа.

найжены были еще молоты, пилы, щипцы, долота, крючки для уженія и т. п.; изъ посуды—два бронзовыхъ ведерка, цѣлый рядъ котелковъ, снабженныхъ желѣзными крючками для подвѣшиванія; затѣмъ ручные каменные жернова, колесо повозки, бронзовая статуетка и наконецъ игральныя кости. Изъ украшеній, которыхъ было найдено сравнительно немного, наиболѣе замѣчательны бронзовыя и желѣзныя фибулы, имѣющія форму, за которой было признано названіе ла-тенской. Мы встрѣчались съ ней уже нѣсколько разъ въ находкахъ восточной стороны Альпъ,—находкахъ, которыя хотя и относились еще въ общемъ къ началу желѣзнаго вѣка, но были уже отчасти современны съ развившеюся въ Галліи ла-тенской культурой. Ла-тенская фибула—дугообразная, изъ одного куска проволоки съ первообразнымъ завиткомъ и съ пяткой, заворачивающеюся къ дужкѣ. У древнѣйшихъ фибулъ этого типа пятка не соединяется съ дужкой, а только приближена къ ней (рис. 247), у позднѣйшихъ же и собственно—тенскихъ фибулъ, она уже соединена съ дужкой совершенно (рис. 256 и 342), еще позже ихъ уже отливали, въ измѣненной формѣ римской эпохи. Нѣкоторые пола-

Рис. 335. Верхняя часть ноженъ меча тенскаго типа

гаютъ, что ла-тенская фибула развилась изъ чертозской, но это несправедливо *).

Шейныя гривны, браслеты и перстни, найденные въ ла-тенской стоянкѣ, отличаются по большей части простотою рисунка, гладкой поверхностью и сдѣланы или изъ массивнаго или изъ листоваго металла. Кромѣ этихъ вещей для тенской культуры характерны еще браслеты, поверхность конихъ украшена довольно сильно профилированными выпуклостями, составляющими

Рис. 338—339. Желѣзные ножницы и большой ножъ изъ La Tène.

Рис. 336—337. Желѣзные наконечники копій и топоръ изъ La-Tène.

подражаніе бусамъ (рис. 343); форма эта пошла въ своемъ развитіи такъ далеко, что вмѣсто ряда бусъ появляется наконецъ только нѣсколько ихъ въ видѣ дутыхъ или массивныхъ полушарій, и браслетъ часто состоитъ только изъ двухъ половинокъ, открывающихся и закрывающихся при помощи шарнира (рис. 344). Съ подобными издѣліями мы встрѣчались уже въ Галльштаттѣ, гдѣ было такъ много переходныхъ формъ отъ браслетовъ съ едва обозначенными слабыми поперечными углубленіями до состоящихъ изъ дутыхъ

*) Главнымъ образомъ на основаніи хронологіи этихъ трехъ типовъ фибулъ, а также и типовъ застѣжекъ, ноженъ и наконцевъ мечей (ср. рис. 331—333), О. Тишлеръ и другіе раздѣляютъ всю тенскую эпоху въ Европѣ на три періода: ранній, средній и позднѣйшій ³³⁵⁾.

полушарій и поэтому возможно, что форма эта была принесена въ Галлію изъ Восточныхъ Альпъ.

Бронзовыя или желѣзныя головныя булавки не представляютъ особенно оригинальныхъ формъ; пряжки къ поясамъ также отличаются простотой.

Рис. 340—341. Желѣзные удила и шпора изъ стоянки въ La Tène.

Найдено было также много монетъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ — варварскихъ и римскихъ.

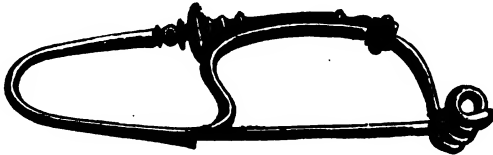

Рис 342. Ла-тенская фибула.

Ла-тенская или галльская культура распространилась очень быстро по всей средней Европѣ. Повсюду, раньше или позже, смотря по степени отдаленія отъ Галліи и большей или меньшей легкости сообщеній, мы можемъ прослѣдить отличающіе ее признаки: военный характеръ, преобладаніе желѣза надъ бронзой, сравнительно бѣдную хотя своеобразную орнаментацию, состоящую изъ варварски стилизованныхъ растительныхъ и животныхъ мотивовъ (рис. 334) и трикетра, начало употребле-

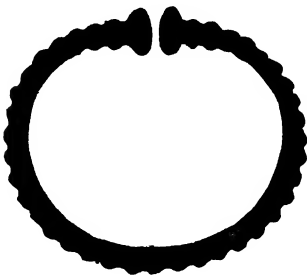

Рис. 343. Браслетъ ла-тенскаго типа изъ Нуссдорфа, волеѣ Вьны.

и лигнитовые браслеты и т. п. Эти признаки сопровождаютъ ла-тенскую культуру постоянно, а потому и могутъ служить съ большимъ удобствомъ для хронологическаго опредѣленія находокъ. Уже по одному характеру орнамента мы можемъ съ полной опредѣленностью отнести найденный предметъ къ галльской эпохѣ.

Наиболѣе роскошнымъ образомъ развилась ла-тенская культура въ самой Франціи. Кромѣ вышеуказанныхъ древнихъ городовъ Алезинъ и Бибракта, находки галльскаго характера были сдѣланы еще во многихъ другихъ мѣст-

Рис. 344. Браслетъ изъ дутыхъ полушарій, найденный возлѣ Курдейова въ Моравіи.

ностяхъ. Ла-тенская культура представлена также блестящимъ образомъ въ галльскихъ гробницахъ (рис. 345). Во Франціи это могилы съ остатками погребенія; въ наибольшемъ количествѣ и въ наилучшей степени сохранности онѣ открыты были въ долинѣ р. Марны и къ востоку отъ р. Роны. Наиболѣе древнія галльскія гробницы, относящіяся къ V—III столѣтіямъ до нашей эры, были найдены въ долинахъ Сарры и Мозеля, въ Шампани и далѣе къ югу и востоку.

Рис. 345. Гробница галльскаго воина (по воспроизведенію въ музеѣ Клюни въ Парижѣ).

Въ департаментахъ марнскомъ, обскомъ (Aube), дубскомъ (Doubs) и энскомъ (Aisne), цѣлый рядъ ихъ былъ открытъ Коше (Cochet), Морелемъ (Morel), Никэзомъ (A. Nicaise) и др., въ мѣстностяхъ St.-Maur-les-Fossés,

Chassemy, Thuisy, Catillon, la Cheppe, St-Jean-sur-Tourbe, St.-Hilaire-au-Temple, Aube, Jonchery, Sommertourbe и пр. ³³⁷). Костяки въ нихъ находились въ лежачемъ положеніи на спинѣ; на нихъ и возлѣ нихъ лежали фибулы, браслеты и разныя другія украшенія; мечи, кинжалы, стрѣлы, копья и наконечники копій, желѣзные шлемы, ножи, ножницы, удила, стеклянныя бусы и т. п., кое-гдѣ и золотыя вещи. Часто находимы были также остатки колесницъ (шины и оковка) напр., въ Sept-Saulx, въ La Cheppe и пр.

Въ керамикѣ преобладаетъ форма горшковъ, широкихъ, съ узкимъ дномъ;

Рис. 346—347. Сосуды изъ галльскихъ гробницъ въ долинѣ Марны.

но особенно характерны здѣсь сосуды въ видѣ вазъ различныхъ формъ, стоящихъ на ножкѣ (рис. 346—347), и стеклянные сосуды.

Изъ украшеній наиболѣе оригинальны шейныя гривны (torques) и браслеты ³³⁸), профилированныя на концахъ въ видѣ расширенныхъ шишечекъ (рис. 348), браслеты изъ дугообразныхъ полушарій или изъ сплетенной проволоки, браслеты изъ голубого зеленоватаго стекла или лигнита, фибулы ла-тенскаго типа, наконецъ красивыя бронзовыя цѣпочки, состоящія изъ длинныхъ рядовъ звеньевъ (рис. 349), съ пряжкой на одномъ концѣ и крючкомъ на другомъ.

Весьма любопытно, что гробницы подобнаго-же характера встрѣчаются и

въ Чехии. Это подтверждаетъ историческое извѣстiе о заселенiи когда-то
Че

Рѣ

и

А-Р

ме

по

ко

би

та

нѣ

вѣ

ла

из

за

до

со

вѣ

он

ос

на

вы

ер

ук

со

ук

вѣ

по

рис. 350. Типъ этого погребенія ранѣе вовсе не былъ извѣстенъ англійскимъ археологамъ. Часть найденныхъ въ немъ бронзовыхъ предметовъ несомнѣнно иностраннаго происхожденія, какъ напр. упомянутое выше ведерко и др.

А. Эвансъ полагаетъ, что галльскія племена пришли сюда съ материка въ III стол. до нашей эры. Остатки укрѣпленій галльской эпохи были найдены недавно въ Hunsbury возлѣ Норсгэмптона, галльскія гробницы съ остатками труносожженія напр. въ курганѣ въ Арассѣ (Йоркширъ).

Вліянія галльской культуры на Пиренейскій полуостровъ нѣтъ неизвѣстны. Гораздо скорѣе мы можемъ ожидать ихъ въ Италіи, гдѣ племена галльскихъ завоевателей (инсубры, бойи, ценоманы, лингоны, сеноны) основались очень прочно и гдѣ страна хорошо изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. Могила галльского характера (инвентарь которыхъ разумѣется носить также на себѣ слѣды древнихъ мѣстныхъ вліаній) были найдены напр. возлѣ Лукки, и совершенно подобныя же въ Беначчи, возлѣ догалльскихъ гробницъ. Въ Марзаботтѣ часть древнихъ чертозскихъ гробницъ, какъ доказалъ гр. Гоццадини, была разграблена галлами. Галльскія вліянія мы можемъ прослѣдить и еще далѣе, до земли венецовъ. Такъ, въ верхней части гробницы извѣстнаго намъ некрополя въ Эсте мы видимъ явную смѣсь типовъ древняго желѣзнаго вѣка съ позднѣйшими ла-тенскими.

Очень хорошо представлена галльская эпоха въ приморскихъ областяхъ Австріи и въ Восточныхъ Альпахъ. Мы уже говорили, что и сюда проникли галльскія племена и здѣсь они также имѣли свои поселенія; это были въ особенности карны возлѣ Адриатическаго моря, тауриски въ Норикѣ, лативики, арависки, брейки, скордиски и другіе еще въ Панноніи, позже изгнанные туда изъ Чехіи и съ сѣвера бойи. Были впрочемъ изслѣдователи, которые отрицали галльское происхожденіе этихъ племенъ (D-г Much, D-г Prizinger). Эти галльскія племена жили здѣсь довольно долгое время и занимались не только своими древними промыслами, охотой и войной, но также и земледѣіемъ, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя земледѣльческія орудія, находимыя въ могилахъ, какъ напр. въ Idria di Basa. Но кромѣ того въ Восточныхъ Альпахъ развилось также рудокopное дѣло и выплавка металловъ. Норическія

Рис. 351. Бронзовая статуэтка изъ кладбища въ Idria di Basa.

Альпы были, да и до сих пор еще остаются, богатыми желѣзной рудой, и поэтому тамъ уже въ тѣ времена развились въ значительныхъ размѣрахъ добываніе и обработка желѣза. Мечи изъ норической стали считались у римлянъ самыми лучшими, а сбытъ норическаго оружія въ Италію былъ настолько великъ, что въ разныхъ мѣстностяхъ Норическихъ Альпъ существовалъ цѣлый рядъ большихъ фабрикъ оружія, какъ напр. въ Лавриакѣ на Дунаѣ (нынѣшній Lorch у устья Эмзы), въ Овилабѣ (нын. Wels), въ Нореѣ (Neumarkt), въ Аквилеѣ и т. п.

Историческія извѣстія о поселеніяхъ галловъ въ этихъ странахъ подтверждаются и археологіей. Находки показали съ очевидностью, что гальштаттская культура въ этихъ мѣстностяхъ не была вытѣснена непосредственно провинціальною римскою, и что въ видѣ промежуточной стадіи между ними существовала еще культура вполне подобная тенской, т. е. очевидно галльская. Находки кладбищъ ла-тенскаго типа постоянно увеличиваются. Въ Приморьѣ, въ странѣ древнихъ карновъ оказалось кладбище съ остатками трупосоженія; въ Idria di Basa было открыто, недалеко отъ извѣстнаго уже намъ древняго некрополя Санта-Лючія, другое кладбище съ желѣзнымъ оружіемъ, шлемами и многими другими желѣзными предметами домашняго и сельскохозяйственнаго быта, украшеніями и проч. Въ Славоніи сюда относятся напр. мѣстонахождение возлѣ Митровицѣ, гдѣ былъ добытъ типическій ла-тенскій мечъ, представленный на рис. 352. Наконецъ культура эта проникла и еще дальше, даже на Балканскій полуостровъ.

Рис. 352. Мечъ ла-тенскаго типа изъ Митровицѣ на р. Савѣ.

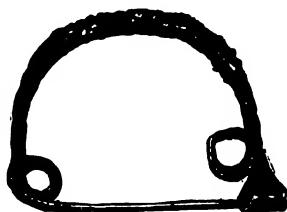

Рис. 353. Желѣзная фибула изъ гробницы возлѣ м. св. Михаила въ Крайнѣ.

Въ Герцеговинѣ сюда, по мнѣнію Радимскаго, относятся гробницы, найденныя

возлѣ с. Ракитно въ Любушскомъ котортѣ, съ фибулами позднѣйшаго характера, обвѣшанными бронзовыми кружками, и особенно чрезвычайно богатое кладбище возлѣ Іезерины, недалеко отъ Бигача (Bihač). Здѣсь Радимскій и Шантръ нашли болѣе 500 гробницъ, относящихся къ концу галльштаттскаго періода, къ галльскому періоду до начала римскаго ³⁴⁰). Чрезвычайно богата тенскими находками—Крайна. Кромѣ болѣе древнихъ, недостаточно еще оцѣненныхъ находокъ въ мѣстности Біла-Царква, недалеко отъ Шмарьета, Шмартна, Подземля и Планины, обращаетъ на себя здѣсь особенное вниманіе кладбище возлѣ Мокронога, между Люблянами и Загребомъ, гдѣ кромѣ погребеній галльштаттскаго типа найденъ былъ цѣлый рядъ котлообразныхъ гробницъ съ остатками трупосожженія, вполне ла-тенскаго характера: съ длинными желѣзными мечами, желѣзными наконечниками копій,—при чемъ тѣ и другіе оказались умышленно согнутыми и поломанными (что между прочимъ постоянно наблюдается въ тенскихъ гробницахъ съ пепломъ и жжеными костями *),—съ топориками, съ шпо щитовъ, съ внутри загнутыми

*) Изъ 12 мечей изъ Мокронога въ Люблянскомъ музеѣ 9 согнутыхъ. Сгибаніе и ломаніе оружія встрѣчается чрезвычайно часто въ ла-тенскихъ находкахъ въ Силезіи, Саксоніи, Тюрингенѣ, Познани, Мекленбургѣ, Помераніи и въ Даніи на о-вахъ Аландъ, Борнгольмъ и пр. Въ Чехіи также было находимо подобное согнутое оружіе, напр. въ послѣднее время въ гробницахъ съ остатками трупосожженія возлѣ Добрихова. Это явленіе объяснялось различнымъ образомъ, но по нашему мнѣнію только два изъ этихъ объясненій могутъ быть признаны въ-

Рис. 354. Желѣзное оружіе изъ кладбища тенской эпохи возлѣ м. св. Михала въ Крайнѣ.

ножами, ножицами, удилами и бронзовыми браслетами, застёжками, прекрасной бронзовой цѣпью и т. д. Кладбище св. Михаила также обнаружилось въ своей позднѣйшей части и въ характерѣ гробницъ (котлообразныя могилы съ остатками трупосожженія) и въ ихъ инвентарѣ очень много слѣдовъ ла-тенскаго вліянія (см. рис. 353 и 354).

Въ Тироли сюда относятся находки въ Морицингѣ, Лаутерахѣ, въ Сольноградахъ, возлѣ Гроссъ-Арля и Дюренберга и въ Дрешендорфѣ въ Штириі.

Очень многочисленныя находки галльскаго характера были сдѣланы въ западной части Венгріи, прежней Панноніи на правомъ берегу Дуная. Сюда относятся напр. тенское кладбище въ Эденбургѣ (ар. Скарабанціи), могилы съ костями и согнутыми мечами возлѣ Плокаты и пр.³⁴¹⁾ Въ торфяникѣ возлѣ Сарада (Szabad) въ тольнайской жупѣ въ Венгріи былъ найденъ цѣлый складъ вещей (между прочимъ около 1000 янтарныхъ бусъ) этой эпохи, о чемъ свидѣлствуютъ оказавшіяся тамъ же кельтскія монеты.

Относительно Чехіи и Моравіи мы упоминали уже, что по историческимъ извѣстіямъ тамъ поселилось галльское племя бойевъ (вѣроятно соплеменниковъ тѣхъ бойевъ, которые жили въ сѣверной Италиі), расположившееся въ Герцинскомъ лѣсу и остававшееся тамъ до половины I стол. до нашей эры. Гдѣ искать эту мѣстность? Несомнѣнно, вѣрнѣе всего будетъ искать ее въ странѣ, гдѣ удержалась еще память о самомъ имени бойевъ, въ древней Богеміи, позднѣйшей Богеміи, и считать фактъ жительства въ Чехіи этого галльскаго племени исторически доказаннымъ. Насколько это относится также и къ Моравіи, рѣшить пока трудно *). Указанное историче-

скими. Одной изъ причинъ обычая ломать и сгибать оружіе было несомнѣнно то, что часто не было возможности помѣстить довольно длинный мечъ или копье въ небольшую гробницу или въ сосудъ иначе, какъ только согнувши или сломавши его. Объясненіе это очень естественно. Но мы не отрицаемъ, что кромѣ того могли оказывать свое вліяніе и другія идеи, съ которыми мы часто встрѣчаемся у примитивныхъ народовъ. Известно, что у многихъ примитивныхъ племенъ обычай ломать оружіе и орудія, предназначенныя для помѣщенія въ могилу, вызывается повѣрьемъ, что только при такомъ условіи предметы эти будутъ годны для употребленія покойникамъ на томъ свѣтѣ. Въ основаніи этого повѣрья лежить анимизмъ неодушевленныхъ предметовъ. Принимается, что живущимъ въ нихъ духамъ необходимо облегчить выходъ на тотъ свѣтъ, совершенно также какъ смерть тѣла даетъ выходъ душѣ умершаго. Такія вѣрованія мы находимъ напр. у маорисовъ Новой Зеландіи, у жителей о-вовъ Фиджи, у индійскихъ брахмановъ, австралийцевъ, кафровъ, въ Америкѣ у чипевайевъ и проч. Объясненіе Якоби, что этого рода предметы представляютъ собой остатки грабежа, нельзя признавать основательнымъ, особенно принявши во вниманіе количество оружія и разныхъ украшеній, встрѣчавшихся въ тѣхъ же гробницахъ, гдѣ были найдены и поломанныя вещи.

*) Тацитъ упоминаетъ, что еще позже маркомановъ и квадовъ тамъ жили

кое извѣстіе подтверждается и археологіей, а также и рядомъ мѣстныхъ топографическихъ названій. Говоря о галльскихъ гробницахъ сѣверной Франціи, мы упоминали уже о томъ, что могилы вполне тождественнаго характера встрѣчаются и въ Чехіи (и въ Моравіи). Проф. Смоликъ еще въ 1884 г. ошибочно полагалъ, что ихъ тамъ нѣтъ. Этотъ родъ гробницъ представляетъ собой замѣчательнѣйшую группу галльскаго характера въ Чехіи. Это—плоскія могилы, съ костяками, лежащими на спинѣ и помѣщенными

Рис. 355. Бронзовый браслетъ изъ духцовскаго клада.

просто въ выкопанныхъ ямахъ, безъ насыпей. При раскопкахъ находятся обыкновенно прямые желѣзные мечи, желѣзные наконечники копій, стрѣлы, желѣзная обковка и шпоны щитовъ, цѣпи для привѣшиванія мечей изъ бронзы или желѣза, фибулы тенскаго типа—бронзовые и желѣзные, браслеты

Рис. 356. Бронзовый браслетъ изъ Грдель возлѣ Литомержицъ.

стеклянные, лигнитовые или же плетеные изъ бронзовой проволоки (рис. 355), но главнымъ образомъ браслеты съ дутыми полушаріями, украшенными иногда пластически сверху орнаментаціей изъ завитковъ (рис. 344 и 356). Между чешскими мѣстонахожденіями гробницъ этого рода особенно замѣчательны

свевскіе *marksgräber* и *burg*, галльскіе *cotini* и паннонскіе *osi*. Поселенія могли отчасти находиться и въ Моравіи.

могилы у Верхнихъ Кшелъ (Horní Kšely) съ найденными въ нихъ желѣзными копьемъ, щѣпью, мечемъ, щитомъ, фибулами, браслетами и сосулами; гробницы у Новаго Быджева (рис. 357), гдѣ было найдено нѣсколько могилъ галльскаго типа, у Страдоницъ возлѣ Перуци, у Тржебушицъ, на винокуренномъ заводѣ Юлиска возлѣ Праги, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Вообще въ Чехіи гробницы этого періода характеризуются браслетами съ дутыми полушариками и многочисленными тенскими фибулами ³⁴²). Очень замѣчательное кладбище было открыто также въ Жижковѣ на площади

Рис. 357—358. Сосуды

Коменскаго. Тамъ было найдено 22 въ землѣ, при чемъ подъ головы (таръ этихъ гробницъ исполнѣ галльскіе ножи, наконечники копій, характерныя галльскія серебряныя и золотыя монеты круглы. Довольно богатое кладбище близъ югу отъ Билина. Кромѣ обыкновенныя залезъ при костяхъ: прекрасный бронзовый браслетъ представлена у насъ на рис. 359, также браслеты изъ лигнита, искусныя. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ монеты прямо въ Галліи, гдѣ нибудь въ вершинно тождественна съ галльскою

Въ Моравіи были найдены кости возлѣ Курдейова, недалеко отъ Гитенскаго типа у Грушованъ возлѣ трехъ культурныхъ ямъ (у сѣвѣицъ возлѣ Ольмюца (ла-тенскій м

метовъ тенскаго типа (копья, наконечники стрѣлъ, ножицы и пр.) было найдено въ 1886 г. въ Хвалковицахъ, возлѣ Ивановицъ.

Бойи, пришедшіе въ Чехію съ запада, не нашли эту страну совершенно свободной отъ всякаго населенія, а также и не истребили прежнихъ жителей, поэтому мы находимъ

въ Чехіи и современные имъ гробницы другаго характера, но, разумѣется, со слѣдами латенскаго вліянія. Эти могилы, пока не будетъ опредѣленнѣ выяснена чешская доисторическая старина, мы можемъ приписывать населенію, жившему тамъ въ одно время съ бойями. Такъ, мы полагали-бы, что часть южно-чешскихъ гробницъ, которыя, при всемъ постоянствѣ болѣе древнихъ типовъ, обнаруживаютъ также слѣды вліянія ла-тенской культуры, и даже еще болѣе поздней, принадлежить народу, жившему здѣсь, въ юго-западной Чехіи, по нашему мнѣнію, еще съ бронзоваго вѣка. Къ нимъ мы относимъ гробницы возлѣ Кочваръ, недалеко отъ Лоховицъ (раскопаны Арнольдотъ въ 1802 г.), въ лѣсу Мала-Писечна возлѣ Противина, у Литицъ возлѣ Пльзны, въ Гостоунѣ, нѣсколько кургановъ въ окрестностяхъ Ратаевъ (раскопанныхъ Граше); въ сѣверной Чехіи такія гробницы были найдены у Грделъ, возлѣ Терезина.

На другомъ концѣ Чехіи жило и распространялось въ теченіе этой эпохи другое населеніе, — по нашему мнѣнію скорѣе всего славянское, — которое продолжало хоронить своихъ мертвыхъ съ тѣми же обрядами и такъ-же бѣдно, какъ и прежде, на поляхъ погребальныхъ урнъ. Къ этой позднѣйшей эпохѣ можно отнести, напр., гробницы съ остатками трупосожженія возлѣ Мѣника (ла-тенская фибула, плетеные петлями браслеты), и часть либохованскихъ гробницъ; въ Моравіи на полѣ погребальныхъ

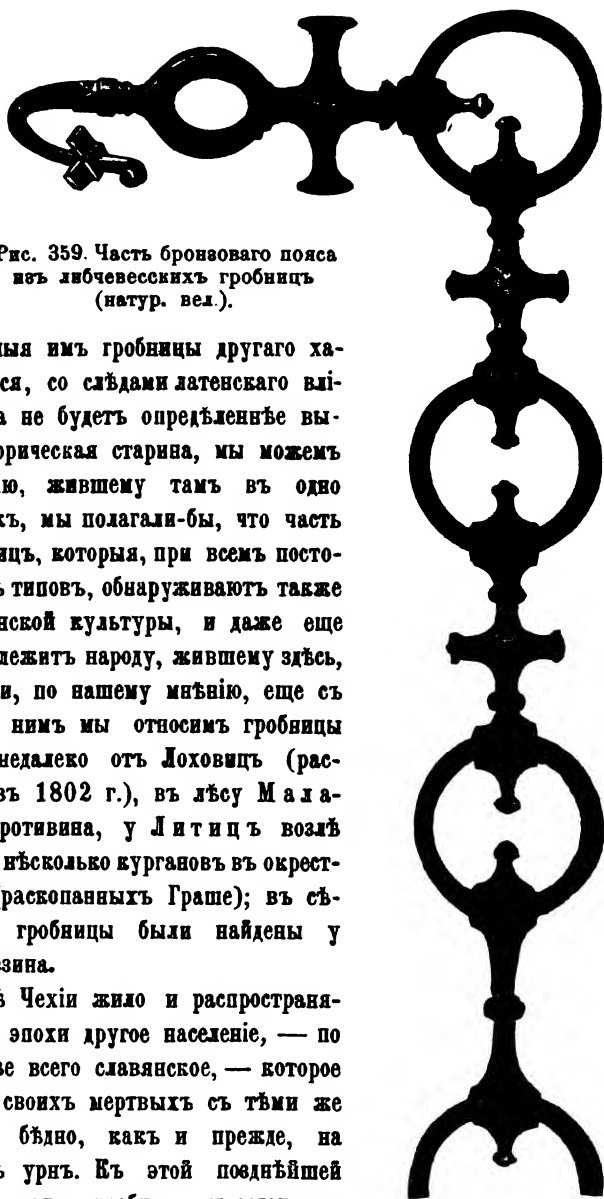

Рис. 359. Часть бронзоваго пояса изъ либохованскихъ гробницъ (натур. вел.).

урнь у Слатеницъ найдены были въ сосудахъ, сдѣланныхъ и отъ руки и на кругѣ, фибулы, шейныя гривны и браслеты галльскаго типа, въ Шедмостѣ возлѣ Прерау г. Машка раскопалъ также три гробницы тенскаго характера съ остатками трупосожженія. Интересна также чешская находка въ Костомлатахъ. Здѣсь были найдены также гробницы съ сожженными тѣлами и съ желѣзными вещами ла-тенскаго характера, и между прочимъ съ монетами цезарей Нервы и Августа. Это показываетъ намъ, что издѣлія тенскаго типа держались въ Чехіи еще въ теченіи I стол. нашей эры.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ чешскихъ мѣстонахожденій этой эпохи является городище у Стародоницъ, недалеко отъ Бороуна. Въ этомъ городищѣ окрестные жители давно уже находили разныя вещи и торговали ими. Серьезныя раскопки начались только въ 1877 г., но находки разошлись по разнымъ частнымъ коллекціямъ. Наибольше обширныя собранія были сдѣланы д-ромъ Бергеромъ, Гроссе, Леманомъ и В. Осборномъ (теперь въ Вѣнскомъ музеѣ). Къ сожалѣнію, болѣе подробныя изслѣдованія этой мѣстности до сихъ поръ еще не опубликованы³⁴³).

Стародонское городище служило въ теченіе долгаго времени укрѣпленнымъ поселеніемъ для жившихъ тамъ людей, занимавшихся разными ремеслами и торговлей. Оно навѣрно было въ то время однимъ изъ наиболѣе важныхъ центровъ, вѣроятно, городовъ доисторической Чехіи. Слѣды этого долговременнаго существованія и производительности остались въ видѣ раскинутаго на громадномъ пространствѣ культурнаго слоя съ пепломъ. Кромѣ безчисленнаго множества крупныхъ и мелкихъ черепковъ, въ немъ были найдены и цѣлые сосуды, сдѣланные съ помощью гончарнаго круга, а также желѣзные ножи, топоры, наконечники стрѣлъ, шпоры, куски цѣпочекъ и оковки, фибулы, булавки, бронзовые вѣски, стеклянные и бронзовые браслеты и разныя другіе подвѣски и предметы изъ желѣза, бронзы, стекла, кости (гребни), обожженной глины и янтара. Между ними особенно интересна находка бронзовыхъ статуэтокъ, представляющихъ дикаго кабана — извѣстный символъ галловъ^{*)}). Подобныя фигурки были найдены въ Чехіи

^{*)} Фигурки кабана принимаются обыкновенно за кельтическіе символы, и нахожденіе ихъ до сихъ поръ служить основаніемъ для разныхъ „кельтическихкихъ“ теорій. Надо однако припомнить, что подобныя же фигурки встрѣчаются въ очень большомъ количествѣ и у другихъ народовъ, напр., германскихъ, какъ это было доказано еще Шафарикомъ. Голову кабана мы находили на гробницахъ мервингской эпохи и на шлемахъ того же времени. Г. Гильдебрандъ далъ рисунокъ бронзовой доски съ о-ва Аланда съ рельефнымъ изображеніемъ двухъ воиновъ, шлемы которыхъ украшены фигурой кабана (ср. рис. 361), а по словамъ Тацита балтійскіе эсты носили изображенія дикаго кабана на жердяхъ, какъ отличительный знакъ. Въ гробницахъ находятъ также часто кости дикаго кабана.

еще въ Таборѣ и въ сосудѣ возлѣ Воковицъ. Множество вещей, неокончен-
ныхъ въ работѣ, какъ напр. фибулы, и затѣмъ разныхъ орудій, тигельки и

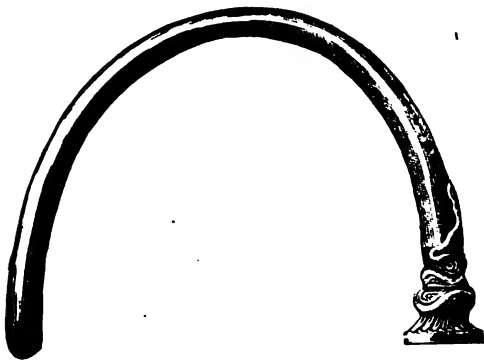

Рис. 360. Золотая шейная гривна тенскаго типа изъ
Облатъ въ Чехіи.

можно заключать, что это городище было обитаемо еще въ тѣ времена, когда
римское вліяніе проникало уже довольно сильно даже и въ Чехію. Страдо-
ническое городище было, по всей вѣроятности, поселеніемъ бойевъ.

Кромѣ этихъ находокъ тенская эпоха пред-
ставлена въ Чехіи и другими. Сюда относится
прежде всего чрезвычайно богатый складъ (derdt)
бронзовыхъ украшеній, фибулъ, браслетовъ, пер-
стней и двухъ экземпляровъ оружія, найден-
ныхъ въ 1882 г. въ бронзовомъ котлѣ въ
духцовскомъ (нѣм. Dux) источникѣ, — складѣ,
который могъ-бы быть найденъ точно также
гдѣ-нибудь надъ Марной во Франціи ³⁴⁴). При-
лагаемый нами рисунокъ (362) представляетъ
рядъ образчиковъ этой богатой и характерной
находки, благодаря которой очень часто и не
безъ основанія тенская культура въ Чехіи называется «духцовскою». Фи-
булы въ этомъ кладѣ около 400 и браслетовъ около 600 ^{**}).

*) Особый сплавъ мѣди, свинца и олова.

**) Подобный кладъ, но только римскаго характера (нѣсколько сотъ фибулъ
и цѣлый рядъ браслетовъ въ бронзовомъ сосудѣ) былъ найденъ въ 1863 г. въ
цѣльномъ источникѣ въ Пирмонтѣ въ Вестфалии. Три монеты Домиціана, Траяна
и Каракаллы показываютъ съ опредѣленностью, что кладъ былъ спрятанъ позже
III ст. нашей эры.

шлаки — свидѣтельству-
ють о томъ, что здѣсь про-
цвѣтала мѣстная метал-
лическая индустрія, какъ
для домашнихъ потребно-
стей, такъ и для тор-
говли. О существованіи
торговли мы заключаемъ
на основаніи находокъ зо-
лотыхъ, серебряныхъ и
платиновыхъ *) монетъ
варварскаго типа. Кромѣ
тенскаго характера, сюда
проникалъ впрочемъ уже
въ значительной степени
и римскій стиль, изъ чего

Здѣсь же мы упомянемъ также и о «кельтическихъ» монетахъ, особенно о такъ назыв. «радужныхъ чашечкахъ»³⁴⁵). Монеты варварскаго характера бывали многократно находимы въ Чехіи и въ Моравіи, какъ въ гробницахъ тенскаго періода (какъ напр. въ Жижковѣ, въ Пивонѣ), такъ и въ кладахъ,

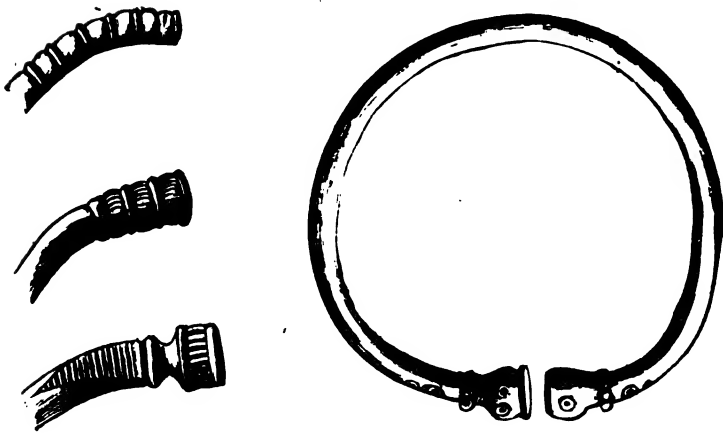

Рис. 362. Фибулы и браслеты изъ духцовскаго клада въ Чехіи.

но болѣе всего порознь. Кладъ подобныхъ монетъ былъ найденъ въ 1771 г. въ бронзовомъ котелкѣ возлѣ с. Подмоклы, въ Крживоклатскомъ имѣніи. Ихъ сохранилось 44 килограмма (почти $\frac{2}{3}$ цѣлаго клада) на сумму 90000 гульденовъ³⁴⁶). Въ страдоницкомъ городищѣ также было найдено ихъ довольно много (около 200 шт.); затѣмъ въ кладѣ, открытомъ въ 1893 г. возлѣ

Неханиць и т. д.; въ Моравіи—главнымъ образомъ возлѣ Голешова, Вшемины, недалеко отъ Вызовиць и т. д. Кельтическое происхожденіе этихъ

Рис. 363. Македонскія и кельтическія монеты (1. Золотой статеръ царя Филиппа II, 2. его имитация. 3. серебряная тетрадрахма того-же царя и 4, 5, ея имитация, 6. серебряныя кельтическія монеты, найденныя у Подивина въ Моравіи).

монетъ несомнѣнно *). Большая часть монетъ, чеканившихся или отливав-

*) Находки кельтическихъ монетъ въ Галліи принимались впрочемъ довольно неосновательно нѣкоторыми археологами за доказательство того, что въ мѣстности, гдѣ онѣ были сдѣланы, жилъ народъ, которому онѣ принадлежали. Совершенно также находки римскихъ или арабскихъ монетъ въ Германіи и Россіи вовсе не свидѣлствуютъ о томъ, что въ этихъ странахъ жили римляне или арабы. Монета—это предметъ, который заносится купцами далѣе какихъ бы то ни было другихъ предметовъ. Арабскія деньги оказались напр. на о-въ Исландіи. Поэтому и находки кельтическихъ монетъ, сами по себѣ, вовсе не составляютъ доказательства того, что кельты жили въ мѣстностяхъ, гдѣ находятъ эти монеты.

шихся кельтами, была подражаніемъ македонскимъ монетамъ, главнымъ образомъ статарамъ Филиппа II (рис. 363). Чеканка монеты развилась въ Галліи чрезвычайно быстро, но уже съ I стол. до нашей эры начала приходить въ упадокъ. Первоначальные значки и надписи македонскихъ монетъ были скоро замѣнены у галловъ разными мѣстными словами и изображеніями. На галльскихъ монетахъ мы находимъ чаще всего изображенія конныхъ фигуръ, кабановъ и центавровъ, грубыя очертанія человѣческихъ головъ и разныхъ фантастическихъ животныхъ, затѣмъ различнымъ образомъ расположенныя шишечки, звѣзды, полумѣсяцы, изображенія солнца съ лучами, кое гдѣ попадаются и надписи греческими или латинскими буквами. Простѣйшую форму этихъ монетъ представляютъ собою такъ назыв. радужныя чашечки (*patellae iridis*, *Regenbogenschüsselchen*). Это небольшія но очень массивныя монетки на подобіе чашечки съ одной стороны плоско-выпуклой, а другой—вогнутой, на

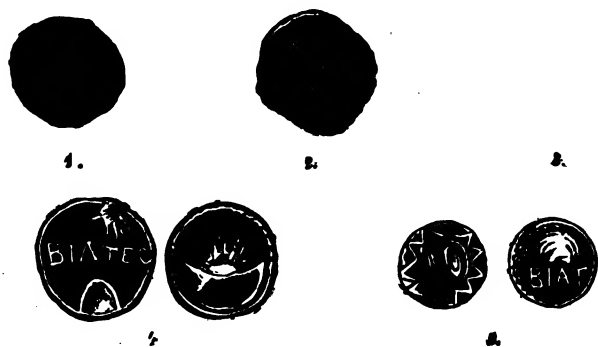

Рис. 364. Золотыя „радужныя чашечки“. Три верхнія изъ клада возлѣ сел. Подмоклы, нижнія—изъ Венгріи.

которыхъ замѣчаются извилистыя черточки, треугольники, шарики, лучи или же неопредѣленные изображенія звѣрей и т. п. (рис. 364). Монеты эти дѣлались изъ золота или серебра, или же изъ мѣди, бронзы и особаго сплава мѣди, свинца и олова (такъ назыв. потиновыя монеты).

Въ южной Германіи находки ла-тенской эпохи также очень многочисленны. Онѣ заключаются или въ гробницахъ чисто галльскаго типа или же въ современныхъ имъ могилахъ древняго населенія со слѣдами сильнаго тенскаго вліянія. Мы упоминали уже прежде о томъ, что поселенія галловъ переходили далеко за Рейнъ. По обѣимъ сторонамъ этой рѣки, въ долинахъ Мааса, Саары и Наги были сдѣланы извѣстныя находки галльскаго періода съ многочисленными предметами итало-греческой работы, занесенными на сѣверъ очевидно тѣми галлами, которые жили въ Италіи. Сюда относятся, напр., могильники съ остатками трупосожженія, открытые д-ромъ Knoel'emъ

возлѣ Вормса (древн. Борбетомага въ землѣ вангионовъ), затѣмъ гробницы возлѣ Манхинга недалеко отъ Наугейма, въ верхнемъ Гессенѣ и пр.

Въ Баваріи и Гессенѣ, такъ же какъ и въ Чехіи, часть кургановъ тоже относится къ этой эпохѣ.

Затѣмъ новая культура проникла и въ сѣверную Германію. Въ предыдущей главѣ, на основаніи работъ Ундсета, мы указывали уже на то, что первое знакомство съ желѣзомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми формами, было принесено въ среднюю и сѣверную Германію вмѣстѣ съ галльштаттской культурой мирнымъ путемъ торговли, но что полного своего господства желѣзо достигло въ этихъ странахъ только въ ла-тенскій періодъ. Область тенской культуры въ сѣверной Европѣ гораздо обширнѣе и гораздо интенсивнѣе, чѣмъ область галльштаттской. Говоря кратко, можно сказать, что настоящій желѣзный вѣкъ наступилъ въ сѣверной Германіи только благодаря галльскому вліянію. Тенская культура выражается болѣе ясно въ Саксоніи, Тюрингенѣ, западной Лузаци; менѣе опредѣленно: въ Бранденбургѣ, Помераніи, Восточной Пруссіи и Силезіи. Тюрингія представляетъ, кажется, вмѣстѣ съ тѣмъ и связь нахождокъ приврейнскихъ съ чешскими. За то, по мнѣнію Ундсета, въ Голштинію и Ганноверъ она проникла скорѣе со стороны Эльбы, чѣмъ Рейна. Выражается здѣсь эта культура по большей части плоскими гробницами съ остатками трупосожженія; могилы съ насыпями оказались только въ Восточной Пруссіи. Очень извѣстны мѣстонахожденія этой эпохи, открытыя въ Мейнингенскомъ герцогствѣ, напр. въ Глейхбергѣ возлѣ Ремгильза, гдѣ найдены были гробницы внутри городища. Въ Лузаци Ленчъ относитъ къ ла-тенской эпохѣ поля погребальныхъ урнъ съ фибулами, характеризующимися обращенной взадъ пяткой (Губинъ, Слакойце, Гажовъ, Вѣрхне-Блото, Любошойце, Кошина и пр.). Последнія двѣ находки обнаруживаютъ уже первые слѣды вліянія провинціальной римской культуры.

То, что мы сказали о сѣверной Германіи, можетъ быть распространено на скандинавскія страны: Шлезвигъ, Данію, Скандинавію и острова. Но здѣсь продолжительность ла-тенской культуры была не одинакова и вообще не велика. Только на о-вѣ Борнгольмѣ она утвердилась прочнѣе и на болѣе продолжительное время. Во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ она служила только введеніемъ къ провинціальной римской культурѣ, которая начала замѣнять ее уже съ I столѣтія нашей эры. На Борнгольмѣ мы встрѣчаемся съ тенской культурой, главнымъ образомъ, въ котлообразныхъ гробницахъ съ остатками трупосожженія (такъ назыв. Brandpletter'ахъ, въ которыхъ пепелъ былъ помѣщенъ въ сосудахъ или же просто высыпался въ землю). Это—небольшія котлообразныя ямы, выкопанныя въ землѣ, болѣе древнія изъ нихъ покрыты обыкновенно сверху плоскимъ камнемъ. Большая часть ихъ относится къ этой

эпохъ, меньшая къ римской. Мертвыхъ сожигали не надъ могилой, но въ известномъ мѣстѣ поодаль отъ нея ³⁴⁷⁾. Къ галльской культурѣ относится также знаменитая серебряная ваза съ орнаментацией въ галльскомъ стилѣ, найденная возлѣ Гундеструпа въ Ютландіи ³⁴⁸⁾.

Въ Пруссіи, по мнѣнію Лиссауэра, тенская культура выражена слабѣе галльштаттской. На ряду съ 627 мѣстонахожденіями начала желѣзнаго вѣка Лиссауэръ до 1887 г. могъ насчитать только 29, относящихся къ ла-тенской эпохѣ. Существованіе тенской культуры начинается здѣсь съ 200 г. до нашей эры и оканчивается около 200 года по наступленіи ея. Погребальный обрядъ кое-гдѣ измѣнился; трупосоженіе удержалось, но устройство гробницъ было уже другое, чѣмъ въ предыдущую эпоху. Гробницы представляютъ собой или ямы съ погребальными урнами или же котлообразныя углубленія, куда пепель высыпался просто, безъ урнъ. Сюда относятся гробницы обоихъ типовъ возлѣ Оливы въ Данцигскомъ округѣ, затѣмъ въ Рондсенѣ (въ Грауденцкомъ окр.), въ Ладекоппѣ (въ Маріенбургск. окр.), въ Копновѣ — гробницы перваго типа и т. д. Керамика обнаруживаетъ упадокъ сравнительно съ прежней; преобладаютъ сосуды въ видѣ горшковъ. Встрѣчаются также и предметы изъ янтаря.

О тенской культурѣ въ остальныхъ славянскихъ земляхъ очень трудно что нибудь сказать. Есть историческія извѣстія о томъ, что и часть польско-русскихъ мѣстностей была также заселена галльскими племенами, но съ археологической точки зрѣнія мы не въ состояніи сказать объ этомъ много. Дѣло идетъ здѣсь о племенахъ бастарновъ и пейциновъ, поселившихся около 200 г. по сѣверному и восточному склонамъ Карпатъ, отъ верхняго Днѣстра до самыхъ устьевъ Дуная. Нѣкоторые (главн. обр. Шафарикъ и Томашекъ) считаютъ ихъ галлами, другіе-же, какъ Мюлленгофъ и Мухъ, за смѣшанныя племена галло-германскія ³⁴⁹⁾. Эти народности разумѣется оставили здѣсь свои могилы, но какія изъ находокъ, сдѣланныхъ въ этихъ мѣстностяхъ, могутъ быть приписаны имъ, сказать съ опредѣленностью до сихъ поръ невозможно.

Въ Россіи тенской эпохѣ хронологически соотвѣтствовала-бы эпоха сарматская. Но о томъ, что до сихъ поръ не удалось еще найти признаковъ, отличающихъ болѣе раннія скифскія древности отъ позднѣйшихъ сарматскихъ, мы уже говорили въ предыдущей главѣ.

Римскія заальпійскія войны имѣли сначала характеръ только оборонительный. Но когда, къ концу времени республики, набѣги заальпійскихъ племенъ на Италію начали учащаться, то явилась необходимость обезпечить сѣверныя границы государства полнымъ покореніемъ альпійскихъ народовъ. Это и было достигнуто въ царствованіе Августа, правившаго Римомъ отъ 30 года старой эры до 14-го новой. Кромѣ того успѣхи римскаго оружія, начатыя Цезаремъ, возростали послѣдовательно и въ Галліи и въ Германіи.

Молодой приёмный сынъ цезаря Друзъ проникъ далеко въ эту послѣднюю страну, а послѣ его смерти Тиберій Клавдій Неронъ наследовалъ ему въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ дошло и до перваго крупнаго столкновенія съ маркоманами, которые заняли оставленную галлами страну Бойогемію (Войогаемію). Война продолжалась цѣлыхъ четыре года, пока наконецъ, въ 9-мъ году нашей эры сила маркомановъ не была сломлена и дунайскія провинціи Паннонія, Далмація и Мизія не были такимъ образомъ обезпечены отъ набѣговъ. Дальнѣйшее движеніе было впрочемъ остановлено извѣстнымъ пораженіемъ, которое потерпѣлъ римскій полководецъ П. Кв. Варъ въ томъ же году, въ тевтобургскомъ лѣсу. Тиберію удалось поправить нѣсколько это дѣло въ слѣдующемъ году, но планъ покоренія Германіи былъ сведенъ почти на нѣтъ.

При слѣдующихъ цезаряхъ къ войнамъ съ варварами присоединились и возмущенія собственныхъ войскъ, государство-же начало клониться къ упадку. Въ царствованіе Тиберія (14—37) удачно велъ войну въ Германіи сынъ Друза Германикъ, отомстившій за пораженіе Вара, что впрочемъ не принесло положительныхъ результатовъ. Зато при Клавдіи (41—54) послѣ многолѣтнихъ войнъ была наконецъ покорена Британія и были присоединены къ римскимъ владѣніямъ Мавританія, Ликія и Фракія; въ Германіи также было одержано нѣсколько удачныхъ битвъ. Войны не прекращались и въ царствованіе Нерона. Только при первыхъ императорахъ изъ рода Флавіевъ (69—81) Веспасіана и его сына Тита — наступило сравнительное спокойствіе въ обширныхъ римскихъ владѣніяхъ. Но уже Т. Ф. Домиціанъ (81—96) предпринялъ въ 84 году новыя войны съ хаттами, даками и маркоманами, не окончившіяся впрочемъ большими успѣхами. Только въ Британіи сдѣланы были новыя завоеванія. Въ царствованіе Нервы и Траяна (98—117) римскія владѣнія опять расширились и при Траянѣ дошли до наибольшихъ размѣровъ. Особенно важны были войны его съ даками, жившими на лѣвомъ берегу Дуная, въ нынѣшнихъ восточной Венгріи, Румыніи и Трансильваніи. Римское войско перешло Дунай и заняло эти страны, сдѣлавшіяся затѣмъ римскими провинціями. Памятникомъ этой войны оставался многіе годы великолѣпный каменный мостъ, построенный Траяномъ черезъ Дунай, недалеко отъ нынѣшней Орсовы, остатки котораго сохранились и до сихъ поръ на берегу. На востокъ также завоеванъ былъ цѣлый рядъ новыхъ земель; часть Аравіи, Арменія, Месопотамія и Ассирія сдѣлались провинціями Рима. Но уже послѣдовавшій ему императоръ Гадріанъ (117—138) самъ добровольно отказался отъ Месопотаміи и Арменіи, и недоставало немногаго, чтобы онъ поступилъ такъ же и относительно Дакии. При Антонинѣ Піи внутри государства было полное спокойствіе, но этого нельзя было сказать о границахъ. Съ царствованіемъ М. Аврелія (161—180) и Аврелія Вера на-

чинается постепенный упадокъ римскаго государства. Наступили новыя тягостныя войны въ Арменіи, Сиріи, а главное на Дунаѣ съ маркоманами и съ квадами въ Норикѣ, съ языгами въ Панноніи, въ Дакіи и въ Мизіи. Онѣ окончились послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы миромъ, но миромъ непродолжительнымъ. Не оставалось ничего, какъ отдать страны къ сѣверу отъ средняго Дуная варварамъ.

При слѣдовавшихъ затѣмъ императорахъ римская имперія падала все больше и больше. Властители смѣнялись очень быстро, умирая по большей части насильственной смертію. Они погибали въ битвахъ, но еще чаще отъ меча или яда своихъ приближенныхъ. Въ дѣйствительности власть была въ рукахъ тѣлохранителей императоровъ—преторіанцевъ; сенатъ утратилъ всю свою власть и вліяніе. Нѣкоторые цезари были еще способнѣе другихъ, какъ напр. Септимій Северъ (193—211), Каракалла (211—217), Александръ Северъ (222—235), Домицій-Аврелианъ (270—275), Пробъ и др. Имъ удавалось храбро отражать на границахъ имперіи постоянныя вторженія варварскихъ племенъ, но государство само, вслѣдствіе внутренняго разложенія, быстро шло на встрѣчу неотразимой гибели. Римское общество было испорчено въ конецъ, всюду господствовали только произволъ и право сильного, въ Римѣ и при дворѣ предавались роскоши, тогда какъ народъ окончательно обдѣлалъ; все распатанное государственное зданіе подвергалось постояннымъ ударамъ сѣверныхъ варваровъ, главнымъ образомъ германцевъ. На сѣверныхъ границахъ имперіи главную роль въ это время играли готы, съ которыми римляне сражались еще во времена Каракаллы и въ бою съ которыми палъ и одинъ изъ позднѣйшихъ императоровъ Мессій-Децій (251 г.), затѣмъ франки, алеманы и цѣлый рядъ другихъ племенъ, о которыхъ намъ еще придется говорить; на востокъ римскимъ владѣніямъ угрожали цари новаго персидскаго государства Сассанидовъ, возникшаго въ 226 году. Этому положенію дѣла нисколько не помогли преобразованія Діоклетіана (284—305), его быстрота и довольно твердая рука. Только сильная власть Константина Великаго (324—337) привела на нѣсколько лѣтъ государство въ порядокъ и доставила ему спокойствіе, задержавши на короткое время его паденіе. Но паденіе было уже неотвратимо. Усилія самаго величайшаго человѣка не въ состояніи были бы остановить движеніе мірового процесса.

Этимъ бѣглымъ обзоромъ римской исторіи въ эпоху императоровъ мы хотѣли показать, въ какомъ близкомъ и постоянномъ соприкосновеніи были римляне съ сѣверными европейскими народами, главнымъ образомъ, съ галлами и германцами. Войны съ ними не прекращались и римскія войска были почти поселены въ заграничныхъ провинціяхъ. Это соприкосновеніе ихъ съ варварами, хотя по большей части и враждебно, было тѣмъ не

менѣе довольно тѣснымъ и вело за собою естественно и значительное культурное вліяніе. Съ римскими легіонами проникала послѣдовательно и глубоко въ варварскія земли и римская культура. Конечно, это не была чистая италійская культура, но все-таки это была культура, выработанная римскими войнами и поселенцами въ провинціяхъ, гдѣ имъ пришлось основаться болѣе или менѣе прочно. Основа ея была, разумѣется, италійская, но мы, конечно, напрасно стали бы искать въ ней тѣ черты классицизма, съ которыми мы встрѣчаемся на италійскихъ предметахъ. Все имѣетъ на себѣ извѣстный отпечатокъ варварства, что и вполне естественно. Римскіе колонисты, будучи удалены отъ культурнаго центра Италіи, выработали себѣ свою особенную культуру, болѣе грубую, въ которой они примѣшивали обыкновенно мѣстныхъ культурныхъ начала. Такимъ образомъ, въ римскихъ провинціяхъ выработался особенный типъ римской культуры,—который мы называемъ въ отличіе отъ настоящей италійской, классической—провинціальною римскою культурой. Эта то именно культура и имѣла большое вліяніе на варваровъ: она почти всюду вытѣснила собою ихъ прежнюю старинную культуру—галльскую или тевскую—и продержалась почти до эпохи великаго переселенія народовъ, когда она должна была уступить мѣсто новымъ вліяніемъ.

Съ памятниками провинціальной римской культуры мы встрѣчаемся прежде всего въ странахъ, которыя были въ теченіе продолжительнаго времени римскими провинціями, въ Британіи, во всей Галліи, въ Альпахъ, въ Реціи, въ Норикѣ, затѣмъ въ Панноніи, Далмаціи и т. д. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ римляне, разумѣется, заботились прежде всего о томъ, чтобы извлечь изъ нихъ возможно больше богатствъ, взискать возможно большую десятину. Республика и цѣлый рядъ цезарей, завоевывая новыя провинціи, меньше всего имѣли въ виду улучшить ихъ положеніе и дальнѣйшую судьбу мѣстныхъ обитателей. Провинціи были для нихъ всегда только источникомъ обогащенія. Римское правительство мало заботилось о провинціяхъ, если дѣло не шло объ усиленіи въ нихъ римской власти и увеличеніи дохода: устраивались прекрасныя дороги,³⁶⁰⁾ сооружались великолѣпные каменные мосты черезъ рѣки и черезъ долины, водопроводы, сильныя крѣпости, укрѣпленные лагери, валы для защиты и т. п. Это главнымъ образомъ тѣ памятники, съ которыми мы встрѣчаемся прежде всего въ римскихъ провинціяхъ. Триумфальныя арки, памятники побѣдъ и надгробные монументы также очень многочисленны. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ колонисты строили, впрочемъ, сами все, что требовалось для повседневной жизни и для развлеченій, сами строили и частные дома и общественныя зданія, храмы, амфитеатры, цирки и пр. Все это мы находимъ на мѣстахъ древнихъ римскихъ колоній, въ только что названныхъ провинціяхъ.

Въ Испаніи уже Плиніи насчитывалъ четыреста большихъ городовъ, изъ которыхъ наиболѣе великимъ была Италика, родина Траяна и Гадріана; извѣстныя развалины которой находятся въ Сантиспонѣ, Бордуба (Бордова), Таррако (Таррагона) съ сохранившимися до сихъ поръ великолѣпнымъ акведукомъ, съ остатками амфитеатра и цирка, Гадесъ (Кадиксъ) и др.

Въ Британіи римскіе полководцы воздвигли на сѣверѣ два большихъ вала для защиты отъ нападенія скоттовъ и другихъ племенъ. Въ Галліи только въ одной Нарбоннской провинціи было основано 7 колоній и 29 римскихъ городовъ. Здѣсь, съ эпохи покоренія, было наименѣе войнъ съ варварами, населеніе признавало римскую власть и охотно, безъ сопротивленія принимало римскіе нравы и порядки,—галльскіе воины, какъ говорилъ уже Страбонъ, слѣлались рабочими. Начали работать на поляхъ и въ виноградникахъ, лѣса друидовъ вырубались, проводились дороги, строились водопроводы и другія общественныя сооруженія.

Наиболѣе богатая римскія колоніи находились въ юговосточной Галліи, вблизи Италіи, и тамъ именно сохранилось наиболѣе памятниковъ архитектуры и другихъ пластическихъ искусствъ. Множество памятниковъ римскаго стиля встрѣчается въ Нарбоннѣ, гдѣ по словамъ Дюрюи «стоятъ только копнуть, чтобы натѣнуться на древнюю постройку или что нибудь скрытое въ землѣ». Изъ другихъ городовъ особенно были замѣчательны: Арелате (нынѣшній Arles), Толоса (Toulouse), Немаусъ (Nîmes), о которомъ уже Тацитъ говоритъ, что это была «ornamentissima colonia valentissimaque», и гдѣ сохранились великолѣпный римскій храмъ; Aquae Sextiae (Aix), прославившійся еще въ тѣ времена своими теплыми источниками, Lugdunum (Лионъ), Vienna (Vienne), затѣмъ Burdigala (Бордо), главная гавань для Испаніи и Британіи, Juliobona (Lillebonne) у устья Сены со многими памятниками. Въ самомъ Парижѣ, древней Лютеціи, сохранились еще остатки древнихъ римскихъ термъ, составляющіе теперь часть музея Cluny. Большой кладъ драгоценныхъ вещей римскаго типа, относящихся вѣроятно къ концу III стол. нашей эры, найденъ былъ въ Вергау въ 1830 г.

Во всѣхъ этихъ трехъ провинціяхъ, главнымъ образомъ впрочемъ въ Галліи и Испаніи, мѣстное населеніе, подъ вліяніемъ колонистовъ и войскъ, романизировалось чрезвычайно быстро. На ряду съ мѣстными божествами начали поклоняться и римскимъ богамъ; съ новой культурой въ мѣстномъ языкѣ появилось прежде всего множество новыхъ названій и затѣмъ вообще вошелъ въ употребленіе въ домашней жизни, особенно высшихъ классовъ, латинскій языкъ, въ качествѣ языка торговаго и вообще высшаго во всѣхъ отношеніяхъ. Люди высшихъ сословій хлопотали часто передъ ближайшими римскими властями о мѣстахъ чиновниковъ, потомки древнихъ галльскихъ бар-

довъ начали плохо подражать Катулле, Овидію, Марціалу, и всѣмъ этимъ національная самостоятельность была подорвана такъ быстро и такъ основательно, что черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ населеніе до самыхъ низшихъ его слоевъ романизовалось окончательно, забыло свой родной языкъ и свои обычаи и подчинилось римской цивилизаціи со всѣми ея достоинствами и недостатками. Только въ нѣкоторыхъ уголкахъ этихъ странъ удержалось еще населеніе въ прежнемъ его видѣ, сохранивъ даже до сихъ поръ еще отчасти свои древніе обычаи и не забывъ своего родного языка. Въ Англіи, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Уэльса, Кемберлендѣ, затѣмъ въ Ирландіи и въ Шотландіи, а во Франціи—въ Бретани можно еще услышать старинныя народныя баллады и пѣсни на языкѣ древнихъ галловъ.

Романизація не пошла впрочемъ такъ далеко въ прочихъ европейскихъ провинціяхъ, особенно на Дунаѣ. И здѣсь мѣстная культура приняла въ себя много италійскаго, но языкъ и обычаи сохранились почти въ своемъ первоначальномъ видѣ и заимствованіе чужаго ограничилось только индустріей, проникшей впрочемъ далеко на сѣверъ. Съ римскими издѣліями мы встречаемся не только въ настоящихъ провинціяхъ—Панноніи, Реціи, Иллирии, Норикѣ, на мѣстахъ бывшихъ римскихъ колоній и въ римскихъ гробницахъ, но и въ могилахъ мѣстнаго населенія, въ странахъ, лежащихъ далеко внѣ границъ римскаго государства, напр. въ балтійскихъ.

Въ провинціяхъ Реціи, Норикѣ, Панноніи, Мизии и Дакіи, занимавшихъ все правое побережье Дуная и часть лѣваго *), мы встречаемся со множествомъ памятниковъ римскихъ войскъ и колоннстовъ—разнаго рода постройкамъ и римскими гробницами. Но въ отличіе отъ западныхъ провинцій, памятники эти имѣютъ другой характеръ. Здѣсь было сравнительно мало цвѣтущихъ колоній и богатыхъ городовъ, больше укрѣпленныхъ лагерей, крѣпостей, вообще сооруженій для военныхъ цѣлей. Изъ такихъ военныхъ построекъ въ южной Германіи наиболѣе замѣчательнъ громадный валъ, устроенный для защиты противъ германцевъ, такъ наз. *limes romanus*, положеніе котораго и до сихъ поръ еще съ достовѣрностью не опредѣлено; недавно для изслѣдованія его была учреждена специальная нѣмецкая коммиссія. Валъ этотъ отдѣлялъ Рецію и горную Германію отъ собственно-Германіи на пространствѣ 550 килом. и тянулся отъ нынѣшняго Гейнгейма черезъ Лорхъ мимо Штутгарда къ Рейнбролю и Андернаху. По всей длинѣ своей онъ былъ укрѣпленъ

---

*) Реція (Raetia) находилась въ Тирольскихъ Альпахъ и южной Баваріи до р. Инна; Норика лежала на востокъ отъ нея до цетскихъ вершинъ (Cetius Mons), нынѣшняго Kahlenberg'a; отъ нея еще далѣе на востокъ къ Дунаю и на югъ къ Савѣ находилась Паннонія; Мизія занимала сѣверную половину нынѣшней Болгаріи отъ р. Дривы къ Черному морю; Дакія — нынѣшнюю Румынію, часть восточной Венгріи и Трансильванію.

башнями и фортами. Остатки древних римских крепостей и укрепленных лагерей были найдены напр. въ Аугсбургѣ (древн. *Augusta Vindelicorum*) и другихъ мѣстахъ. Мѣстность, гдѣ находилась важная крепость Ализе, до сихъ поръ еще точно не опредѣлена.

Наиболѣе городовъ и колоній было въ Норикѣ и въ Панноніи по теченію Дуная³⁵¹). Мѣстное населеніе было очень смѣшанное. Остатки древнихъ илировъ проникнуты были остатками галльскихъ племенъ, главнымъ образ. бойевъ, пришедшихъ когда-то изъ Бойогема, затѣмъ германцами и италійскими колонистами. Между городами особенно выдавались расположенные на Дунаѣ *Laugisum* (Лорхъ), *Vindobona* (Вѣна) и главн. обр. *Carnuntum* (Петровцелль), главный центръ торговли съ сѣверомъ, черезъ который шелъ главный торговый путь съ юга на сѣверъ черезъ Мораву къ Одеру и къ Вислѣ; затѣмъ *Brigetio* (Ö—Szöny) и *Acquincum* на мѣстѣ нынѣшняго Старога Будина. Внутри страны въ Норикѣ были извѣстны *Ovilava* (Вельсъ), *Juvavia* (Зальцбургъ), *Noreja* (Неймарктъ), затѣмъ *Virunum* (Маріазааль); въ Панноніи—*Scarbantia* (Эденбургъ), *Savaria* (Штейн-ам-Ангерь), *Siscia* (Сиссекъ), *Aemona* (Люблянъ) и главнымъ обр. *Sirmium* (Митровицы). На берегу Адриатическаго моря сѣлались наиболѣе извѣстными два города *Aquileja* (Оглея) и *Tergeste* (Триестъ)—«рынки Италіи». О мѣстномъ производствѣ желѣза въ Норикѣ мы уже упоминали. Паннонія была также мѣстомъ рожденія нѣсколькихъ изъ позднѣйшихъ римскихъ императоровъ.

Далматская и иллирійская провинціи также сохранили много римскаго. Назовемъ по крайней мѣрѣ родину и резиденцію Діоклетіана—Салону (въ Сплитѣ) съ развалинами его великолѣпнаго дворца. Въ Босніи найдены были многочисленныя римскія постройки, какъ напр. въ бассейнѣ рѣкъ Дрины, Сана (Радимскій). Сюда относятся остатки цѣлаго древняго города *Domavia* въ Градинѣ возлѣ Сребеницы, римскій лагерь возлѣ Добоя, Црквеницы и пр. Въ Мизію и главнымъ обр. въ Дакію переселилось такое множество римскихъ колонистовъ, что населеніе послѣдней изъ этихъ двухъ странъ, въ большей своей части, романизовалось такъ-же, какъ это произошло и въ западныхъ провинціяхъ³⁵²). Въ Карпатскихъ горахъ скрывались богатые мѣсторожденія золота, и римляне разумѣется старались удержать ихъ въ своемъ обладаніи. Они разрабатывали богатые золотыя копи, напр. у нынѣшняго *Vöröspatak* въ Трансильваніи. Въ Мизіи и въ Дакіи внутри странъ не было особенно выдававшихся колоній, но за то на Дунаѣ играла большую роль *Ratiaria* (Арзаръ-Паланка), *Viminacium* (Костолацъ), на морскомъ побережьѣ *Tomis* (Юстенджэ) и *Odessus* (Варна). Въ Фракіи слѣдуетъ упомянуть хоть о Траянополѣ и Адрианополѣ. И здѣсь на сѣверѣ, какъ въ Германіи и Британіи, страна охранялась валомъ, остатки котораго въ Подоліи были изслѣдованы

Киркоромъ, главнымъ обр. отъ сел. Германівки вдоль Збруча до впаденія этой рѣки въ Днѣстръ. Онъ называется Траяновымъ валомъ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ находятъ фундаменты древнихъ римскихъ построекъ, частныхъ и общественныхъ: храмовъ, термъ, мостовъ, виллъ и т. п., сложенныхъ изъ кирпича или изъ камня, а въ окрестностяхъ ихъ и довольно большое количество римскихъ гробницъ съ надгробными памятниками.

Римскія гробницы представляютъ собой оба способа погребенія; въ первыя

1

столѣтія нашей эры держалось еще трупосожженіе, затѣмъ мертвыхъ начали хоронить въ землѣ. Гробницы перваго рода состоятъ или изъ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ, въ которыя пепелъ иногда высыпался просто, иногда же помѣщался въ погребальныя урны, или же изъ каменныхъ, кирпичныхъ или

2

Рис. 365—367. Римскіе саркофаги въ Британіи. Рис. 368. Римскій стеклянный сосудъ, найденный въ Англіи.

досчатыхъ камеръ, заключавшихъ въ себѣ урны съ пепломъ. Между гробницами втораго рода преобладаютъ саркофаги изъ камня или обожженной глины (см. рис. 365—367). Изъ предметовъ, положенныхъ съ покойниками, болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе оружіе чисто римскаго характера *), стек-

*) Вооруженіе римскаго воина этой эпохи состояло изъ шлема (galea), пла-

лянные и глиняные, сдѣланные на гончарномъ кругѣ сосуды, хорошо обожженные, чаще всего краснаго цвѣта. Римляне умѣли уже покрывать посуду поливой изъ свинца, какъ это доказано М. Фарреромъ ³⁵⁴). Ихъ посуда украшена или простыми горизонтальными углубленными линиями, или же черточками, образующими иногда довольно сложный волнистый узоръ вокругъ вазы. Этотъ особенный видъ орнаментаціи, о которомъ, въ виду его важности, намъ придется упоминать еще дальше, встрѣчаются на римской посудѣ въ большей части лучше изслѣдованныхъ провинцій, но не въ самой Италіи. Будучи довольно рѣдкимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Галліи и Британіи, онъ въ другихъ мѣстахъ встрѣчается въ большомъ количествѣ, получивши вѣроятно мѣстное развитіе, какъ напр. на Рейнѣ, и еще болѣе въ Норикѣ, (мѣстонахожденія въ Биркельштейнѣ въ пров. Зальцбургѣ), въ Вассерингѣ въ Нижней Австріи и въ другихъ мѣстахъ. Изъ украшеній наиболѣе замѣчательны

Рис. 369—370. Римскія фибулы провинціального типа.

фибулы, выдѣлявшіяся въ провинціяхъ фабричнымъ способомъ и служившія предметомъ обширной торговли. Это фибулы литыя, изъ плохой бронзы,

---

стѣнчатого или чешуйчатого панцыря (*logica*), наголенниковъ (*ostreae*), въ послѣднее время впрочемъ менѣе употреблявшихся, затѣмъ обыкновенно изъ большого четырехугольнаго щита (*scutum*), тяжелаго или легкаго копья (*hasta*, *pilum*) и изъ короткаго широкаго меча (*gladius*) ³⁵⁵).

въ которой 10% олова, содержащихся обыкновенно въ древней классической бронзѣ, замѣнены смѣсью олова и цинка или же свинца³⁶⁶). Эта смѣсь обуславливаетъ между прочимъ и то, что на римскихъ и вообще позднѣйшихъ бронзахъ мы не находимъ уже той прекрасной зеленой патины, которую отличаются древніе предметы бронзового вѣка; патина римской бронзы бѣловато-зеленая, грязноватаго цвѣта, не блестящая и съ шероховатой поверхностью. Примеры римскихъ провинціальныхъ фибулъ представлены у насъ на рис. 369 и 370. Дужка фибулы и игла не были уже сдѣланы изъ одного куска металла, но игла придѣлывалась снизу при помощи шарнира. Эти римскія фибулы получили въ разныхъ странахъ особый характеръ, мѣстныя особенности. О нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ изъ этихъ видоизмѣненій, какъ напр. о мекленбургскихъ фибулахъ, мы упомянемъ дальше. Кромѣ фибулъ, въ гробницахъ встрѣчаются серьги, перстни, браслеты, ножи, гребни, глиняныя лампочки, ложечки и очень многочисленныя бусы изъ простаго или пестро-окрашеннаго стекла; очень многочисленны также—въ гробницахъ и помимо гробницъ—находки римскихъ монетъ. Иногда находятъ цѣлые клады римскихъ монетъ на очень даже далекомъ разстояніи отъ бывшихъ границъ государства. Подобный кладъ открытъ былъ напр. на о-вѣ Готландѣ въ Камзѣ, въ Швеціи въ Гагестатборгѣ, въ Австріи—въ Трансильваніи въ Kis-Számosъ, въ Венгріи—у Панчовы и Мегадіи, въ Россіи—въ Кіевѣ и многихъ другихъ мѣстахъ.

Гробницы римскія были найдены въ нывѣшнихъ австрійскихъ земляхъ, напр. въ Тиролѣ—въ Терланѣ, Меклѣ (часть могильника), возлѣ Мендолы, въ Крайнѣ, въ Любляни, Виноградѣ, Терновѣ, въ Св. Ахарѣ и пр.; въ Шти-

Рис. 371. Сосуды изъ римскихъ гробницъ въ Wiesъ въ Штиріи.

ріи сюда относится часть кладбища въ Wiesъ, о которомъ мы говорили уже въ предыдущей главѣ. Часть гробницъ этого кладбища заключала въ себѣ инвентарь совершенно римскаго характера, какъ можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ (371).

Въ Нижней Австріи найдены были римскіе саркофаги съ костями въ

Маутернъ, въ Клостернейбургѣ, въ Вельмъ, въ Вельсѣ (здѣсь скелеты были впрочемъ отчасти въ саркофагахъ, отчасти же въ гробницахъ, сложенныхъ изъ камня), въ самой Вѣнѣ и въ окрестностяхъ ея, курганы съ римскими предметами въ Кильбѣ и Менкѣ, недалеко отъ С. Пѣльтена (St. Pölten) и т. п. Въ Венгріи къ римской эпохѣ относятся напр. кладбища съ погребеніемъ въ землѣ въ Валкѣ близъ Іедловы, въ пештской жупѣ, въ Островіанѣ въ сарипской жупѣ (богатыя погребенія въ саркофагахъ).

Въ Чехіи находимы были отдѣльныя гробницы съ остатками трупосожженія, съ чисто римскими издѣліями и съ монетами главнымъ образомъ эпохи императоровъ, начиная съ Августа, въ Зливѣ возлѣ Яичина, въ Тейровѣ, въ Теплицахъ, въ Писекѣ, у Кошеницѣ, въ Обриствахъ, Лысцѣ и т. д.; одна гробница съ костями возлѣ Врутицы Брочачовой. Римскія издѣлія здѣсь вовсе не означаютъ еще, что тамъ были похоронены римляне. Возлѣ Горжовицѣ найдена была въ 1863 г. цѣлая коллекція предметовъ несомнѣнно римскаго происхожденія, между прочимъ 10 орнаментированныхъ фалеръ, 2 бронзовыя чаши, узда, фибула, жѣзвенный вертелъ и прочія металлическія мелочи.

Въ эту эпоху Чехія занята была германскимъ племенемъ маркомановъ (часть Моравіи — квадами), которые, придя съ береговъ Рейна, вытѣснили отсюда, по свидѣтельству Тацита, галльскихъ бойевъ на югъ, а сами основали тамъ прочныя поселенія. (По мнѣнію впрочемъ другихъ изслѣдователей выселеніе бойевъ не было въ зависимости отъ пришествія маркомановъ.) Государство маркомановъ скоро достигло большаго могущества при царѣ Маробудѣ и нѣсколько позже начало уже рядъ жестокихъ войнъ съ римлянами главнымъ образомъ при цезарѣ Маркѣ Авреліи Антоніи (166 — 180 г.г.). Последнія извѣстія о маркоманахъ въ Чехіи дошли до насъ отъ 451 г., когда они, вмѣстѣ съ квадами, присоединились къ войскамъ Аттилы, шедшимъ въ Галлію; затѣмъ памятники ихъ отсутствуютъ и дальнѣйшія извѣстія о нихъ прекращаются. Но у Прокопія есть извѣстіе о томъ, что уже въ 495 году германскія племена, передвигавшіяся на сѣверъ отъ Дуная, вѣроятно черезъ Чехію, встрѣтили на своемъ пути племена славянскія. Какія гробницы принадлежатъ маркоманамъ, опредѣлить очень трудно. Вѣроятно, имъ принадлежала та часть гробницъ, которую мы называемъ галльскими или тесскими, такъ какъ галльская культура навѣрно проникла еще раньше въ прежнія поселенія маркомановъ на Рейнѣ и на верхнемъ Дунаѣ (Палаціи впрочемъ помѣщаются ихъ на Одерѣ), и по всей вѣроятности, въ эпоху, когда маркоманы вторглись въ Чехію, большаго различія между галльской и маркоманскою культурами уже не было. Отчасти же имъ легко могутъ принадлежать и гробницы, въ которыхъ въ первый разъ показываются слѣды такъ назыв. германскаго стиля. Всего этого, впрочемъ, недостаточно. Поэтому мы и не

отрицаемъ того, что выяснить археологически существованіе маркомановъ въ Чехіи до сихъ поръ вполне и опредѣленно еще нельзя. Но, тѣмъ не мѣня, на основаніи историческихъ извѣстій мы не можемъ умалчать о нихъ, въ ожиданіи выясненія ихъ археологической характеристики въ будущемъ.

Мы замѣтили уже впрочемъ выше, что, по нашему мнѣнію, славянскія племена проникли еще въ предшествовавшую эпоху съ сѣверо-востока въ Чехію и Моравію, и что правдоподобіе всего имъ должны быть приписываемы тамошнія поля погребальныхъ урнъ. Теперь мы можемъ еще прибавить, что какъ вмѣстѣ съ бойями, такъ и вмѣстѣ съ марьманами продолжали жить въ этихъ странахъ и славянскія племена. Война, въ результатъ которой, по извѣстію Тацита, маркоманы изгнали оттуда галльское населеніе, не коснулась, вѣроятно, славянъ въ такой степени, чтобы измѣнить ихъ положеніе въ странѣ. Это была или война двухъ племенъ за владычество въ странѣ, за власть надъ ея мѣстнымъ населеніемъ, причѣмъ славяне должны были только подчиняться господству новыхъ пришельцевъ, или же она вообще касалась только заселенія не славянскихъ мѣстностей страны. Поля погребальныхъ урнъ, съ которыми мы уже встрѣчались раньше, доходятъ хронологически до эпохи римскаго вліянія. Вліяніе это касалось Чехіи въ очень сильной степени, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстіе о римской торговлѣ въ

Рис. 372. Сосуды изъ гробницъ въ Добружковѣ.

главномъ городѣ Маробуда и о томъ, что черезъ Моравію пролегалъ главный торговый путь, связывавшій Италію съ сѣверной Европой *). Неудивительно поэтому, что мы встрѣчаемся въ могильникахъ, сравнительно болѣе богатыхъ чѣмъ древніе, съ предметами римскаго провинціального типа. На болѣе замѣчательная находка въ этомъ родѣ была сдѣлана возлѣ Добружк-

*) Нѣкоторые нѣслѣдователи полагають, что римляне оставили въ Чехіи и памятники своихъ военныхъ сооруженій. Думали, что такъ назыв. «маркоманская башня» въ Звиковѣ и «черная башня» въ Хабскомъ кремлѣ римскаго происхожденія или относятся къ римской эпохѣ (Воцель и Рзига въ полемикѣ противъ Грюбера). О звиковской башнѣ напр. Воцель полагаетъ въ своемъ «Pravěkú země české», что она была построена по приказанію М. Аврелія ¹⁶⁴).

хова и описана недавно д-ромъ Пичемъ. Въ мѣстности, называемой «па Trebíske», найдено было большое поле погребальныхъ урнъ, заключавшее до 500 могилъ. Урны находились въ песчаной почвѣ безъ всякой каменной кладки, по большей части по одной въ каждой могилѣ. Старый обычай ставить вмѣстѣ съ погребальной урной еще нѣсколько другихъ сосудовъ, въ видѣ приношенія покойнику, былъ очевидно уже оставленъ, но зато металлическіе предметы, въ особенности оружіе, были въ большомъ изобиліи. Но добржиловицкій могильникъ не только однимъ этимъ отличался отъ болѣе древнихъ типическихъ полей погребальныхъ урнъ; и характеръ его урнъ и самые предметы, при нихъ найденные, были совершенно другіе. Урны круглой формы по большей части были сдѣланы уже на гончарномъ кругѣ и очень хорошо орнаментированы (иногда у нихъ въ ушки продѣты кольца), а внутри ихъ кромѣ пепла и недогорѣвшихъ костей находимы были и предметы характера чисто римскаго: кривые мечи, ножи, сѣкиры, наконечники копій, бляхи щитовъ, шпоры, очень многочисленныя фибулы римскаго провинціального типа и дугообразной формы, булавки, стеклянныя бусы, разныя подвѣски, пряслицы, ножницы, ключи, гвозди и т. п. Въ 1896 г., на томъ же мѣстѣ была найдена великолѣпная коллекція бронзовыхъ вазъ, бронзовыхъ же, а также золотыхъ и серебряныхъ украшеній—все это римской работы. Это была одна изъ самыхъ богатѣйшихъ находокъ въ Чехіи. Нѣсколько болѣе характерныхъ предметовъ этой находки представлены у насъ на рис. 373—374. Профессоръ Пичъ относитъ этотъ некрополь къ эпохѣ отъ III стол. до конца IV или до начала V нашей эры³⁵⁷).

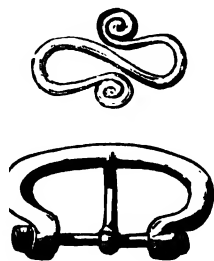

Рис. 373. Бронзовые предметы изъ гробницъ въ Добржиховѣ.

Совершенно подобнаго же характера гробницы были найдены и въ Залужьѣ у Челяковицъ, въ Нымбуркѣ, въ Винтержицѣ. Профессоръ Пичъ скло-

Рис. 374. Согнутый желѣзный мечъ и желѣзныя ножницы изъ добржиховскихъ находокъ.

няется къ мнѣнію, что отличительный характеръ этихъ гробницъ съ остатками трупосожженія, эпохи римской имперіи, не развился постепенно изъ древняго лужицко-силезскаго типа, но означаетъ собою новое вторженіе славянъ съ сѣвера *).

Въ Силезіи обращаютъ на себя вниманіе въ послѣднее время главными образомъ три находки у Сакравы возлѣ Вратислава, описанныя Гремперомъ³⁵⁸⁾. Тамъ оказались костяки съ чрезвычайно интересными при нихъ предметами: бронзовой подставкой римской работы съ римской надписью и тарелкой, съ золотой фибулой, шейными гривнами (torques) и браслетами, сосудцемъ изъ миллефіороваго стекла, косточками, остатками кованнаго ведерка и т. п. Бронзовыя фибулы представляютъ собою видоизмѣненія римской провинціальной фибулы. Находка эта опредѣляется хронологически находками монетъ Клавдія Готика, т. е. относится по меньшей мѣрѣ къ концу III столѣтія.

Рис. 375. Золотая фибула изъ сакравской находки.

Какую роль игралъ торговый путь, проходившій отъ Дуная черезъ Карнунтъ и Моравію на сѣверъ, въ распространеніи римской культуры далеко за предѣлами имперіи, — показываютъ намъ лучше всего памятники этой эпохи, отысканные въ странахъ, расположенныхъ у морей Сѣвернаго и Балтійскаго.

Мы видѣли уже, что во всей западной и сѣверной Германіи полное господство желѣза начинается только съ тенской культуры. По мнѣнію Ундсета, только приблизительно въ I столѣтіи нашей эры эта тенская культура была вытѣснена тамъ римскою провинціальною культурою, которая наиболѣе блестящимъ образомъ выражена въ сѣверной и восточной Германіи, главнымъ образомъ въ Мекленбургѣ, въ Помераніи и въ Пруссіи, откуда она перешла и на о-ва Балтійскаго моря и въ Скандинавію. Южнѣе отъ поименованныхъ земель она встрѣчается, какъ и слѣдовало ожидать въ виду ея направленія, въ Лузацию, Бранденбургъ и Тюрингію (ср. предыд. примѣч. ³⁵⁹⁾). Въ Мекленбургѣ мы встрѣчаемся въ эту эпоху съ гробницами на поляхъ погребальныхъ урнъ, называемыхъ мѣстными жителями «вендскими кладбищами» (Wendenkirchhöfe). Погребальныя урны расположены

*) Напротивъ, Максъ Вейгель, изслѣдовавшій кладбище совершенно того-же типа, какъ и Добриховское, возлѣ Дальгаузена (Бранденбургъ), приписываетъ его лангобардамъ, которые будто-бы оставили его во время своего передвиженія съ сѣвера Германіи въ Италію. Подобныя же гробницы были изслѣдованы недавно возлѣ Рейхерсдорфа недалеко отъ Губена въ Лузацию.

по склонамъ высотъ, на небольшой глубинѣ, по большей чѣ землѣ и никогда не обложены камнемъ. Предметы, находимы обожжены и умышленно поломаны. Очень характерны сосуда рядами точекъ и меандровымъ орнаментомъ, а также фибулы, римскаго характера, но специально-мѣстнаго типа, такъ на фибулы (рис. -376). Сюда относятся напр. большія кладбища: Пастена, Каммина, Притцира и пр. Часть этихъ надлежала еще тенской эпохѣ, но большая часть все-таки отъ

Рис. 376. Фибулы вендскаго типа изъ Пруссіи (по Лис-

римскаго вліянія. Еще издавна кладбища эти по существу названію считались вендскими, т. е. славянскими. По образомъ Липш и Вирховъ, объявили ихъ германскими. Ундкингъ о началѣ желѣзнаго вѣка въ сѣверной Европѣ, и присоединились къ этому мнѣнію. Мы же, рассматривая это своей точки зрѣнія, сомнѣваемся, чтобы всѣ эти кладбища б. Очень раннее проникновеніе славянъ въ эти мѣстности весьма; но кромѣ того мнѣніе Ундсета, по которому господство римско-германской культуры, т. е. германской съ римскими вліяніями, было нарушено славянами на западѣ отъ Одера только въ 500 году нашей эры,—едва ли вполне справедливо.

По мнѣнію Тишлера, римская провинціальная культура въ Восточной Пруссіи—была принесена туда путемъ торговли. Тишлеръ раздѣляетъ ее на нѣсколько эпохъ, изъ которыхъ первую онъ относитъ ко времени отъ 50 до 150 годовъ нашей эры, а во второй (отъ 150 до 250 г.) появляются нѣкоторыя издѣлія мѣстнаго характера, какъ напр. такъ наз. фибулы съ отростками (Sprossenfibel, рис. 377). Ундсетъ соглашается съ такой хронологіей.

Рис. 377
от

Если въ теченіе предыдущихъ эпохъ въ западной Прус-

трупосожженіе⁷, то въ римскую вмѣстѣ съ нимъ появляется уже и погребеніе тѣлъ въ землѣ. Гробницы второго рода или плоскія или съ небольшою насыпью. Эти послѣднія, болѣе древнія, заключаютъ въ себѣ довольно бѣдный инвентарь: ножи, пряслицы, перстни и т. п. (какъ напр. гробницы въ Фёрстенау и многія могилы въ округахъ картаусскомъ, данцигскомъ, нейштадтскомъ); плоскія могилы, болѣе позднѣйшія—богаче. Сюда относятся могильники въ Амаліенфельдѣ (нейштадтскаго окр.), Эльбингѣ, Вармгофѣ и Тчевѣ (штаргардскаго окр.). Замѣчательное кладбище съ остатками трупосожженія найдено было возлѣ Оливы въ данцигскомъ окр., въ Ладекоппѣ и т. д. Въ Эльбингѣ найдены были снизу костяки, а надъ ними погребальныя урны, и тѣ и другія съ римскими издѣліями. Римскія фибулы доходили сюда до IV в. нашей эры. Народность жителей этой эпохи Лиссауэръ опредѣлять не рѣшается.

Въ Ганноверѣ сюда относится извѣстный могильникъ въ Дарзау, относящійся къ первымъ столѣтіямъ нашей эры. Въ Шлезвигѣ и Ютландіи, гдѣ желѣзо появляется впервые въ значительномъ количествѣ, вездѣ попадаются издѣлія римскаго характера. То же самое надо сказать и объ остр. Зеландіи. Въ Данію, по мнѣнію Ундсета, римская культура проникла вѣроятно только въ концѣ I стол. нашей эры и притомъ или черезъ западную Германію со стороны Рейна, или же черезъ восточную изъ Помераніи,—съ этой стороны нѣсколько позже.

Рис. 378. Серебряная фибула римскаго типа съ о-ва Готланда.

Римское вліяніе проникло разумѣется моремъ и въ С к а н д и н а в і ю, Норвегію и Швецію, гдѣ только съ этого времени и началось развитіе желѣзной культуры. О. Монтелиусъ опредѣляетъ здѣсь тевскую и римскую эпохи отъ начала нашей эры до 400 г. *). О значительной торговлѣ,

*) Оскаръ Монтелиусъ въ французскомъ изданіи своей извѣстной книги *Les temps préhistoriques en Suede* (Paris 1896) раздѣляетъ весь желѣзный вѣкъ въ Скандинавіи слѣдующимъ образомъ:

А) До-римскій желѣзный періодъ.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{I. 500—300} \\ \text{II. 300—150} \\ \text{III. 150—начало нашей эры.} \end{array} \right.$
Б) Римскій желѣзный періодъ.	

которую даже здѣсь вели римляне (съ войскомъ они никогда туда не заходили), свидѣтельствуютъ большія находки римскихъ монетъ, главн. обр. серебряныхъ денаровъ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры. Такіе клады были найдены напр. въ Гэгестадборгѣ въ Скани, въ Камзѣ на Готландѣ (въ люммельлундскомъ окр.) и въ Синдарфвѣ (въ окр. Гемзе). Кромѣ монетъ, тамъ находили много и другихъ издѣлій очевидно римской работы. Торговля происходила морскимъ путемъ, съ помощью судовъ, изъ коихъ два, относящіяся къ этой эпохѣ, были найдены въ 1863 г. въ Нидамскомъ (Nydam) торфяникѣ въ Ютландіи. Это суда деревянные, весельные и безъ мачтъ (рис. 379).

Рис. 379. Ладья римской эпохи, найденная въ Нидамѣ въ Ютландіи (по Монтелиусу).

Гробницы заключаютъ въ себѣ остатки трупосожженія вмѣстѣ съ простымъ погребеніемъ. Пепелъ покойниковъ складывался въ сосуды; несожженные трупы помѣщались часто въ гробницы въ видѣ каменныхъ ящиковъ. Оба похоронные типа обыкновенно бываютъ подъ курганами, насыщенными или изъ земли или изъ камней, плоскія гробницы очень рѣдки. Между найденными въ гробницахъ предметами, бронзовыхъ и золотыхъ шейныхъ гривень болѣе не встрѣчается, серебро также очень рѣдко, но зато многочисленны рога для питья, красивые глиняные сосуды, игралыя кости и камешки, желѣзные мечи, копья, стрѣлы и разныя украшенія.

Весьма понятно, что римское вліяніе проникло и въ область нынѣшней Россіи. Со времени смерти царя Митридата, т. е. съ 64 г. нашей эры, римляне овладѣли царствомъ Босфорскимъ. Вліяніе ихъ доказывается между

C) Періодъ великаго переселенія народовъ.	{ VI. 400—600 VII. 600—800.
D) Періодъ викинговъ.	{ VIII. 800—1050 нашей эры.

прочимъ многочисленными находками римскихъ монетъ въ Россіи, каковы напр., кладъ, открытый въ городищѣ близъ Новограда-Волинскаго (II в. нашей эры), или кладъ, открытый въ Кіевѣ и относящійся къ III—IV стол. н. э. (эпохи Гордіана, Галліена, Константина I и Константина II *).

Рис. 380. Серебряная кельтская монета изъ древней Панноніи.

*) Оригинальное объясненіе происхожденія этихъ кладовъ римскихъ монетъ было представлено на русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1890 г. проф. Самоквасовымъ. По его мнѣнію, ихъ не слѣдуетъ разсматривать какъ слѣды римской торговли въ этихъ странахъ, но они скорѣе всего представляютъ собой—остатки имущества гото-дакійскихъ племенъ, разбитыхъ Тразяномъ въ Дакии и отступившихъ со своимъ имуществомъ къ сѣверу. У нихъ въ эту эпоху римскія монеты были вещь обыкновенною. Противъ этой теоріи, впрочемъ, на томъ же съѣздѣ были сдѣланы очень всѣкія возраженія.

ГЛАВА IX.

Конецъ доисторическихъ временъ

Паденіе римскаго государства. — Германцы. — Великое переселеніе народовъ. — Культура рядовыхъ могилъ и перечисленіе главныхъ ихъ. — Происхожденіе готскаго стиля. — Эпоха викинговъ на сѣверѣ. — Ихъ распредѣленіе, распространеніе и очеркъ ихъ. — Сохранившіеся памятники. — Города, свайныя поселенія. — Торговля съ арабами. — Появленіе

Мы видѣли, что римское государство при Константине разъ оправилось, усилилось и расширилось. Но это бы оживленіе организма, осужденнаго на неотвратимую гибель. ошибочно думать, что римская имперія обязана своимъ варварамъ и главнымъ образомъ не тронутымъ еще цивилизаціею. Причины гибели ея были нѣсколько, и главные внутри самого государства. Германскія полчища только по рой развязкъ. Еще задолго до ихъ вторженія, римской паденіе, и она разрушилась бы и безъ ихъ нашествія, но путемъ внутренняго разложенія. Кромѣ варваровъ паденію ствовало также и христіанство, принесшее съ собой совсѣмъ новыя взгляды и понятія.

Эти и другія причины и обусловили паденіе римскаго государства послѣ смерти Константина Великаго. Константинъ тому содѣйствовалъ, раздѣливши государство между тремя и двумя племянниками. При Констанціи и Юліанѣ на междоусобія, а кромѣ того и новыя войны на Дунаѣ, Юліанъ поднялъ было немного государства, принялся за реформы нравовъ и обычаевъ, но послѣ двухъ лѣтъ царствованія умеръ. Его наследникамъ приходилось съ немалымъ трудомъ поддерживать имперію въ Британіи отъ пиктовъ и скоттовъ, на Дунаѣ отъ готтъ, на востокъ — отъ персовъ. Къ этимъ врагамъ вскорѣ

однѣ, новый и страшный,—гунны. Они разорили часть государства готовъ и принудили визиготовъ къ посредничеству, а потомъ и къ войнѣ съ императоромъ Валенціемъ, которая окончилась страшнымъ пораженіемъ римлянъ въ 378 г. у Адрианополя и осадой самого Константинополя. Не могъ спасти имперіи и великій Θεодосій (379—395). Съ его именемъ связано одно очень важное обстоятельство, а именно: раздѣленіе имперіи между его двумя сыновьями Аркадіемъ и Гоноріемъ, которое повело къ постоянному уже раздѣленію государства на двѣ имперіи, западную и восточную. Восточная имперія продержалась еще около тысячи лѣтъ и пала только въ 1453 г. подъ напоромъ османовъ. Западная-же не могла просуществовать еще болѣе одного столѣтія. У варваровъ появился цѣлый рядъ замѣчательныхъ вождей и правителей: Аларихъ и Рагандасъ у готовъ, Гейзерихъ—у вандаловъ, Аттила—у гунновъ, и предводители римскихъ войскъ напрасно старались защитить отъ нихъ предѣлы имперіи. Не помогли и неоднократныя пораженія Алариха Стихихономъ, не много пользы принесла Риму даже храбрость Аэція, заставившаго отступить Аттилу на Каталаунскихъ поляхъ въ 451 году. Аларихъ тѣмъ не менѣе три раза проникалъ далеко въглубь Италіи, осадилъ Римъ, взялъ его и опустошилъ; затѣмъ явился Аттила и наконецъ въ городѣ, владѣвшемъ до тѣхъ поръ всѣмъ міромъ, появились вандалы и въ теченіи двухъ недѣль грабили и уничтожали всѣ памятники бывшаго римскаго могущества, славы и искусства. Римскіе императоры, жившіе въ разныхъ меньшихъ городахъ, были безпомощны, находясь въ зависимости отъ своихъ полководцевъ, и мѣнялись безпрестанно, погибая послѣ очень кратковременнаго царствованія отъ кинжала или отъ задушенія. Наконецъ, въ 476 году полчища, состоявшія изъ германскихъ геруловъ, ругіевъ, скировъ, турцилинговъ и т. п. подъ предводительствомъ Одоакра низвергли въ Равеннѣ послѣдняго римскаго императора Ромула-Августа, удовольствовавшагося небольшимъ денежнымъ вознагражденіемъ и виллой на Байскомъ заливѣ. Такъ окончилась западная имперія послѣ болѣе чѣмъ тысячелѣтнаго славнаго существованія.

Съ паденіемъ римской имперіи, во главѣ исторіи Европы становится германскій народъ. Мѣстомъ, гдѣ онъ развился и приобрѣлъ ту силу, съ какой онъ выступилъ на сцену міровой исторіи, была, несомнѣнно, Европа. Независимо отъ того, азіатскаго ли вообще происхожденія индо-европейскія племена или европейскаго, во всякомъ случаѣ, вполне достоверно, что процессъ ихъ раздѣленія на главные вѣтви происходилъ въ Европѣ, гдѣ-то въ восточныхъ или сѣверныхъ ея странахъ. Тамъ германцы выработали свой

языкъ и свою народность; но опредѣлить ближе мѣстность, гдѣ это произошло, пока еще нѣтъ возможности.

Въ началѣ эпохи христіанства, мы видимъ германцевъ уже занимающими значительную часть Европы отъ Рейна на востокъ до Вислы, на югъ—до верхняго Дуная, на сѣверъ—до Скандинавіи. По крайней мѣрѣ Тацитъ называетъ Германіей (*Germania magna*) широкую полосу земли, заключающуюся между Галліей, Реціей, Панноніей (т. е. Рейномъ и Дунаемъ), Сарматіей, Дакіей и моремъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что эту Германію Тацита надо понимать въ смыслѣ болѣе географическомъ, чѣмъ этнографическомъ, совершенно такъ же, какъ мы замѣтили это на стр. 430 относительно Сарматіи. Другими словами, мы хотимъ сказать, что не всѣ племена, населявшія Германію Тацита, были германскими. Несомнѣнно, что часть племенъ, жившихъ на востокъ,—тамъ, гдѣ по нашимъ предположеніямъ уже съ бронзоваго вѣка поселились славяне,—была славянскаго происхожденія. Но какія именно это были племена изъ ряда тѣхъ, о которыхъ упоминають древніе писатели, опредѣлить не легко. По большей части мы знаемъ только ихъ латинизированныя названія, на основаніи которыхъ нѣкоторыми и дѣлались вполнѣ неудачныя попытки опредѣлить ихъ народность этимологическимъ путемъ.

Тацитъ раздѣляетъ Германію этнографически на три большія части: западную—страну истевоновъ (*Istaevones*), побережную—ингевоновъ (*Ingaevones*) и среднюю—герміоновъ (*Hermiones*). Обыкновенно же онъ говоритъ объ отдѣльныхъ германскихъ племенахъ, между которыми упоминаются на западѣ: хатты, ситамбры, убіи, узипіи, марсы, батавы и пр.; по Рейну, на сѣверномъ берегу Германіи: фризы, хауки, саксы, ангриваріи; внутри страны—херуски, гермундуры; на востокъ Германіи жило большое племя свевовъ, о національности котораго было столько ученыхъ споровъ между нѣмецкими и славянскими изслѣдователями. Это названіе служило собирательнымъ именемъ для цѣлаго ряда самыхъ различныхъ племенъ, между которыми были могущественные семноны, жившіе между Эльбой и Одеромъ, затѣмъ лугіи, бургундіоны, турцилинги, скиры, гуттоны, вандалы, ругіи и пр. Въ Чехіи, какъ мы уже говорили, жили въ эпоху императоровъ маркоманы, а на востокъ отъ нихъ квады. Тацитъ прибавляетъ, что за ними были еще свевскіе марсигны и буры, галльскіе котины и паннонскіе осы—отчасти вѣроятно еще въ Чехіи и въ Моравіи.

Первоначальная страна германцевъ была впрочемъ гораздо менѣе обширна, и болѣе широкое распространеніе этого племени произошло уже позже. Отдѣльныя германскія племена начали постепенно подвигаться съ оружіемъ на западъ, на югъ и на востокъ, такъ что въ эпоху цезарей занимали уже вышеперечисленныя мѣстности. Иногда отдѣльныя племена заходили чрезвы-

чайно далеко отъ своей первоначальной родины. Первое подобное передвиженіе германскихъ племенъ извѣстно намъ изъ исторіи конца римской республики. Нѣмецкіе кимвры и тевтоны двинулись въ 120 г. до нашей эры съ сѣвернаго побережья Германіи и послѣ длинныхъ переходовъ достигли наконецъ Норика и южной Галліи, гдѣ въ первый разъ столкнулись съ римскими войсками. Пораженіе римлянъ и страхъ, овладѣвшій ими при приближеніи этихъ варваровъ къ самому Риму, извѣстны всѣмъ. Только позже знаменитому полководцу К. Марію удалось побѣдить ихъ въ сраженіи у Aquae Sextiae въ 102 г. и на раудницкихъ поляхъ въ 101 г.

Первое германское нашествіе на римское государство такимъ образомъ было неудачнымъ. Римъ былъ еще слишкомъ силенъ, онъ находился еще въ періодъ своего могущества. Но это вторженіе кимвровъ и тевтоновъ не было послѣднимъ. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ римляне укрѣпились въ своихъ дунайскихъ провинціяхъ и на Рейнѣ и вошли такимъ образомъ въ прямое соприкосновеніе съ мало по малу расширявшими свою территорію германцами, набѣги этихъ послѣднихъ становились все чаще и чаще. А когда ихъ военное могущество достигло полного развитія, тогда сила Рима начала уже падать. Нашествія съ сѣвера становились болѣе частыми, проникали глубже. Римляне начали понемногу отступать и мало по малу уступали имъ частіи своихъ провинцій, пока варвары наконецъ не проникли въ самую Италію и не нанесли смертельнаго удара государству.

Причины этого выхода германскихъ племенъ изъ ихъ прежнихъ предѣловъ были отчасти внутреннія, но еще болѣе—внѣшнія. Изъ Азіи, издавна посылавшей въ Европу свои народы, безпрестанно изливались новыя ихъ волны. Пока въ Европѣ было еще достаточно мѣста, эти вторженія новыхъ племенъ не оказывали большого давленія на древнее мѣстное населеніе. Но затѣмъ положеніе дѣлъ измѣнилось и въ началѣ нашей эры, когда новыя приливы населенія изъ Азіи опять надвинулись на Европу, восточные предѣлы ея уже были довольно густо населены племенами славянскими и германскими. Разселеніе новыхъ пришельцевъ уже не могло происходить по прежнему мирнымъ путемъ, дѣло дошло до насилій и войнъ. Поэтому-то съ самаго начала перваго тысячелѣтія нашей эры и почти до самаго конца его *) мы видимъ въ исторіи Европы цѣлый рядъ постоянныхъ передвиженій впередъ и назадъ разныхъ народовъ, европейскаго и азіатскаго происхожденія, видимъ, какъ подъ напоромъ финскихъ и тюрко-татарскихъ племенъ, славянскія племена отодвигались на югъ и западъ, тѣсня германцевъ, а эти послѣдніе, находясь въ полномъ расцвѣтѣ своей силы и пародной

*) Обыкновенно эпохой великаго переселенія народовъ называется время отъ пришествія гунновъ до полного утвержденія лангобардовъ въ Италіи (отъ 375 до 568).

жизни, подвигались туда, гдѣ при постоянно ослабѣвавшемъ сопротивленіи имъ улыбалось ясное голубое небо, вѣчная весна, богатство и роскошь,—на югъ Европы. Весь этотъ напоръ происходилъ въ теченіе сравнительно короткаго промежутка времени, которое мы называемъ эпохой великаго переселенія народовъ. Всей картины этого историческаго явленія мы здѣсь дать не можемъ и ограничимся только обозначеніемъ нѣсколькихъ наиболѣе замѣчательныхъ его моментовъ ³⁶⁰).

Наибольшее участіе принимали въ немъ готы, которые уже во II стол. вышли изъ своихъ первоначальныхъ поселеній на сѣверномъ побережьи и на устьяхъ Вислы и, направившись на юговостокъ, поселились на сѣверномъ берегу Чернаго моря и основали тамъ могущественное готское государство, раздѣлявшееся на двѣ вѣтви—восточную и западную: остготовъ и визиготовъ. Здѣсь они достигли значительнаго могущества, и культура ихъ, какъ увидимъ далѣе, вслѣдствіе долгаго соприкосновенія съ странами, лежавшими далѣе къ востоку, приобрѣла совершенно особенный характеръ. Они занимались пиратствомъ на Черномъ морѣ, пересѣкая его по всѣмъ направленіямъ на своихъ длинныхъ и легкихъ ладьяхъ. Значеніе государства было особенно поднято Германрихомъ, завоевавшимъ большую часть нынѣшней Россіи. Словомъ, готы за время своего пребыванія на берегахъ Чернаго моря сдѣлались народомъ очень замѣчательнымъ, какъ по своей дальнѣйшей роли въ исторіи переселенія народовъ, такъ и по своему значенію въ исторіи развитія германской культуры. Конецъ господству готовъ былъ положенъ нашествіемъ гунновъ.

Гунны,—народъ темнаго еще происхожденія, можетъ быть тюркскаго, можетъ быть угорскаго, напали въ 375 г. на остготовъ, уничтожили ихъ (кромя небольшой части, удержавшейся на Таврическомъ полуостровѣ) и начали враждебныя дѣйствія противъ вестготовъ. Эти послѣдніе обратились къ Византіи съ просьбой, чтобы имъ позволили поселиться за Дунаемъ въ Мизію. Императоръ Валентій I не отказалъ имъ въ этомъ разрѣшеніи, но затѣмъ начались ссоры, и въ войнахъ, происходившихъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, римской имперіи пришлось потерпѣть большія пораженія, особенно со времени воцаренія у готовъ ихъ вождя Алариха. Готы завоевали Грецію, прошли по Италіи и наконецъ достигли Испаніи, гдѣ уже давно поселились германскія племена алановъ, свевовъ и вандаловъ, и тамъ въ 419 году основали новое визиготское государство со столицей въ Толдозѣ. Вскорѣ затѣмъ, впрочемъ, вандалы перешли въ Африку, завладѣли большею частью ея сѣвернаго побережья, а при царѣ Гейзерихѣ завоевали Италію, Сицилію и Корсику. Между тѣмъ на востокъ опять направились гунны подъ предводительствомъ Атиллы. Изъ нынѣшней Венгріи, бывшей центромъ ихъ владычества, они вторглись въ Западную Европу и послѣ страшнаго пораженія, которое

они потерѣли отъ соединенныхъ римско-германскихъ войскъ въ Галліи на Каталаунскихъ поляхъ въ 451 г., обратились наконецъ къ Италіи, часть которой и опустошили.

Съ паденіемъ послѣдняго римскаго императора Ромула-Августула въ 476 г. миръ еще не водворился. Въ 493 г. Италія была покорена остатками визиготовъ подъ предводительствомъ Теодориха; въ 555 г. она была присоединена опять къ восточной римской имперіи, но уже въ 568 г. явились туда изъ Панноніи лонгобарды, завоевали всю сѣверную и части средней и южной Италіи и сдѣлали столицей своего государства Павію. Пока все это происходило въ Италіи, появились новыя германскія государства въ Англіи и въ Галліи.

Этотъ, хоть и самый поверхностный обзоръ главнѣйшихъ событій, даетъ все таки нѣкоторое представленіе о томъ, что называется эпохой великаго переселенія народовъ. Германскій элементъ распространялся по всей Европѣ и вездѣ, куда онъ ни проникалъ, онъ прививался къ народамъ, съ которыми входилъ въ соприкосновеніе, сообщая имъ въ большей или меньшей степени свою кровь и свою культуру. Понятно поэтому, что въ данную эпоху во всей Европѣ мы встрѣчаемся съ новымъ характеромъ памятниковъ, съ новымъ вкусомъ или стилемъ—германскимъ. Постараемся теперь набросать картину германской культуры, на сколько мы можемъ возстановить ее по находкамъ въ гробницахъ. Подробнаго описанія ея мы дать не можемъ и ограничимся только обозначеніемъ тѣхъ основныхъ признаковъ, которыми отличаются памятники этой эпохи. Тѣхъ же, кто хотѣлъ бы подробнѣе заняться этимъ предметомъ, мы отсылаемъ къ извѣстному сочиненію Линденшмита, *Handbuch der deutschen Alterthümer* T. I. (Braunsch. 1889), которому почти вполнѣ слѣдуемъ и мы.

Періодъ, начинающійся со времени, когда на развалинахъ римской имперіи германцы овладѣли почти всей средней и западной Европой и кончающійся эпохой принятія германцами христіанства, прежніе археологи называли меровингскимъ по имени господствовавшей у франковъ династіи, основанной Хлодвигомъ изъ рода Мероверевъ. Многіе продолжаютъ называть такимъ образомъ до сихъ поръ и самую эпоху и характеръ ея культуры, въ особенности же своеобразный стиль, сопровождавшій вездѣ ихъ художественную индустрію, хотя, какъ мы увидимъ далѣе, гораздо лучше было бы примѣнять другое названіе. Періодъ этотъ, по мнѣнію Линденшмита, занимаетъ время главнымъ образомъ между V—VIII стол. до нашей эры и эпохой крещенія франковъ.

Гробницы съ ясно выраженнымъ характеромъ этого времени встрѣчаются въ большомъ количествѣ во всей Германіи, затѣмъ въ Бельгіи, сѣверной Франціи и въ Британіи. Въ земляхъ на югъ и на востокъ отъ этихъ

мѣстностей онѣ рѣже, хотя попадаются иногда въ Альпахъ, въ Венгріи, въ Чехіи и т. д. За то онѣ опять многочисленны на сѣверѣ—въ Скандинавіи и въ Даніи. Устройство этихъ гробницъ двоякое: онѣ или представляютъ собой курганы, насыпанные надъ тѣломъ не подвергавшимся сожженію, или же, и притомъ чаще всего, онѣ представляютъ собой ямы въ землѣ, въ которыхъ гробы поставлены рядами другъ возлѣ друга. Эти послѣднія и составляютъ собою типическія нѣмецкія, такъ называемыя рядовыя гробницы (Reihengräber), находимыя главнымъ обр. въ странахъ алеманновъ и франковъ. Употребляя выраженіе «рядовыя гробницы», до сихъ поръ обыкновенно имѣютъ въ виду именно этотъ видъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ могилъ, что впрочемъ не точно, такъ какъ подобный способъ погребенія тѣлъ одного возлѣ друга рядами существовалъ и въ болѣе древнія времена и притомъ не только у нѣмецкихъ племенъ, но и у другихъ народовъ.

Гробницы эти не имѣютъ никакого внѣшняго обозначенія, но есть старинныя извѣстія о томъ, что первоначально онѣ бывали окружены кустами, терновникомъ или рѣшетками, что надъ ними ставили деревянные столбы (Charistado) или какія то деревянные подмости (? , selave), домики или даже каменные стелы. Костяки лежатъ въ нихъ чаще всего просто въ землѣ или на доскѣ и прикрыты доскою же, иногда же въ гробу изъ досокъ или изъ выдолбленнаго древеснаго ствола. Въ могилѣ какого то, вѣроятно, князя,

Рис. 381. Деревянный гробъ изъ кладбища возлѣ Цивезанна въ Тироли.

возлѣ Цивезанна, былъ найденъ искусной работы окованный желѣзомъ гробъ (рис. 381). Франки и бургунды употребляли также позаимствованные отъ римлянъ каменные или гипсовые саркофаги, но въ Баваріи и у англосаксовъ ихъ не было.

Предметы, положенные съ покойниками, богаты или бѣдны, смотря по состоянію умершаго. Княжескія могилы, въ родѣ найденной въ Цивезаннѣ, наполнены желѣзнымъ оружіемъ, золотыми и бронзовыми украшеніями, часто отлѣзанными стекломъ и драгоценными камнями; иногда же при скелетахъ не оказывается ничего, кромѣ [развѣ какого-нибудь невзрачнаго желѣзнаго ножа.

Оружіе почти все желѣзное. Чаше всего встрѣчается ножъ разной величины, но всегда съ прямымъ клинкомъ, а не загнутымъ (рис. 382, 390), какъ это было напр. у галльштатскихъ пожей. Небольшіе ножи служили только орудіемъ, большіе же (saх)—и рубящимъ, и колющимъ, и метательнымъ оружіемъ. Широкій массивный ножъ, бывшій главнымъ образомъ рубящимъ оружіемъ, назывался скрамасаксомъ (Scramasax) и встрѣчается постоянно въ франкскихъ и бургундскихъ могилахъ. Название Scramasax — франкское, но

Рис. 382. Желѣзные скрамасаксы изъ гробницъ St. Georgen въ Верхней Австріи.

Рис. 383. Золотая рукоятка меча, найденная въ гробницѣ возлѣ Ультуны въ Швеціи.

существуетъ кромѣ того другое латинское Semispatha. Главнымъ оружіемъ

были все таки длинный обоюдоострый мечъ (spatha) и сѣкира. По мнѣнію Линденшмита, мечъ этотъ (спата) былъ позаимствованъ германцами отъ римлянъ; по крайней мѣрѣ, онъ встрѣчается чаще всего именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ германскія племена были въ наиболѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ римлянами, главнымъ образомъ на Рейнѣ. Начиная оттуда, какъ въ западномъ такъ и въ восточномъ направленіи это оружіе встрѣчается все рѣже; въ Англіи оно уже очень рѣдко. Клинокъ его желѣзный; рукоятка, укрѣпленная на желѣзномъ стержнѣ, дѣлалась изъ дерева или кости, а у болѣе богатыхъ мечей и изъ золота, и украшалась драгоценными камнями. Ножны и наконечники ихъ также бывали или простыми или богато украшенными (рис. 383, 384).

Другимъ обычнымъ предметомъ вооруженія была сѣкира, служившая или рубящимъ или метательнымъ оружіемъ. Для послѣдней цѣли употреблялся еще у франковъ особый видъ легкаго топора съ короткимъ топорикомъ, извѣстный подъ названіемъ франциска; (рис. 385). Изъ предметовъ болѣе

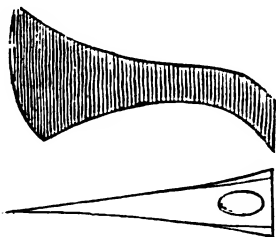

Рис. 384. Наконечникъ ноженъ меча изъ гробницъ въ Вендегъ въ Швеціи.

Рис. 385. Францискъ (по Линденшмиту).

древнихъ эпохъ наиболѣе подходитъ къ этому роду оружія извѣстный уже намъ кобанскій топоръ. Кромѣ франциска употреблялись еще топоры и другихъ формъ, болѣе близкихъ къ современнымъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ лезвие настолько широко, что они представляютъ переходъ къ позднѣйшимъ алебардамъ. Двойныхъ сѣкиръ, не смотря на то, что о нихъ есть довольно много историческихъ извѣстій, до сихъ поръ еще найдено не было.

Изъ прочаго оружія мы находимъ въ гробницахъ копьѣ самыхъ разнообразныхъ формъ, между которыми особенно интересны снабженные загнутымъ взадъ крючкомъ, формы очень рѣдкой и скорѣе всего заимствованной отъ римлянъ (algo); затѣмъ оригинальныя копьѣ съ двумя крылообразными придатками на втулкѣ (рис. 387). Нѣкоторые, какъ напр. проф. Ранке,

хотѣли видѣть въ нихъ (по крайней мѣрѣ для Баваріи) славянское оружіе, но это лишено основанія; у славянъ такого оружія не было, но за то оно въ большомъ количествѣ встрѣчается на западѣ. По мнѣнію Линденшмита, это оружіе охотничье, и крылья въ немъ не имѣли другой цѣли, какъ только задержать слишкомъ глубокое проникновеніе копья въ тѣло животного. Наконечники копій тоже весьма многочисленны, а равно найдены и вполне сохранившіеся

Рис. 386—387. Желѣзный наконечникъ копья изъ кладбища въ Цивезаннѣ и копье съ крылышками изъ Ленгенфельда въ Баваріи.

луки, но за то въ гробницахъ не оказывается колчановъ, пращей, булавъ, роговъ и трубъ и знаменъ, хотя они несомнѣнно употреблялись въ эту эпоху. О характерномъ металлическомъ орудіи, называвшемся *sateia* или *teutona*, Исидоръ рассказываетъ, что, будучи брошено, оно само возвращалось къ мѣсту бросанія. Вѣроятно, это было оружіе, подобное австралійскому бумерангу, встрѣчающемуся впрочемъ и въ другихъ странахъ. Изъ вооруженія оборонительнаго чаще всего встрѣчается щитъ, разумѣется въ видѣ только его срединной выпуклой бляхи (*щито*) (ср. рис. 390, 7). Самъ щитъ былъ деревянный, обыкновенно круглой или овальной формы, обтянутый кожей. Шлемы, латы и наголенники въ находкахъ очень рѣдки, хотя объ нихъ есть много извѣстій въ письменныхъ памятникахъ. Они составляли вѣроятно вооруженіе только особенно знатныхъ воиновъ. Не особенно часто встрѣчаются въ гробницахъ части конской сбруи: шпоры, обыкновенно желѣзныя, полукруглыя, снабженныя простымъ небольшимъ шипомъ *), желѣзныя удила, еще рѣже стремяна и подковы. Линденшмитъ вообще отрицалъ употребленіе въ это время подковъ. По мнѣнію Шаафгаузена, и римляне и германцы въ эпоху императоровъ, вѣроятно, не знали еще подковъ, но позже онѣ уже вошли въ употребленіе. За то очень многочисленны разныя орнаментированныя фалеры, четырехугольной и округлой формы. Пока конскіе скелеты еще не исчезаютъ, но встрѣчаются только въ гробницахъ богѣе древняго типа и притомъ богатыхъ людей.

Очень многочисленны также украшенія и разныя другія вещи, относящіяся къ одеждѣ, какъ напр.: костяные гребни, которые носились съ прочими туалетными принадлежностями въ льняной или кожаной сумочкѣ, при-

*) Лонгобарды носили двѣ шпоры, франки и аллеманы только одну—на лѣвой ногѣ.

Очень многочисленны также украшенія и разныя другія вещи, относящіяся къ одеждѣ, какъ напр.: костяные гребни, которые носились съ прочими туалетными принадлежностями въ льняной или кожаной сумочкѣ, при-

крѣпленной къ поясу, бронзовые щипчики для выдергиванія волосъ (бритья не была въ ходу), желѣзныя ножницы извѣстной намъ формы (рис. 338), ложечки и т. п.,—все это въ могилахъ мужчинъ и женщинъ. Одежда, о которой мы имѣемъ подробныя извѣстія у Сидонія Аполлинарія, Павла Діакона, Агаѳія, Эйнгарда и др., приготовлялась изъ кожъ, шерсти или льна. Для завязыванія ея служилъ поясъ, стягивавшій также шаровары, къ которому прицѣплялись сумочка и оружіе и который застегивался пряжкой. Пряжка перешла къ германцамъ отъ римлянъ; прежде, какъ мы уже знаемъ, для застегиванія поясовъ употреблялись крючки. Пряжки встрѣчаются въ эту эпоху двухъ родовъ, или простыя, иногда приврѣпленные къ поясу, или

Рис. 388—389. Серебряная позолоченная фибула съ острова Аланда и фибула изъ Зальбаха.

выгнутыя на обѣ стороны въ видѣ длинныхъ язычковъ, обыкновенно богато украшенныя. Дѣлались онѣ изъ различнаго матеріала: желѣза, золота, серебра, стекла, горнаго хрустала, но чаще всего изъ бронзы. Другою также очень важною частью одежды была фибула. Различныя формы германскихъ фибулъ этой эпохи произошли по большей части отъ римской фибулы (типа, представленнаго на рис. 369). Впрочемъ, отдѣлка ихъ въ эту эпоху уже

совѣтъ иная, довольно своеобразная и настолько различная, что трудно найти двѣ фибулы, вполне похожія одна на другую. Тогда какъ римскія фибулы выдѣлывались фабричнымъ способомъ, эти, напротивъ, дѣлались каждая штука отдѣльно. Отъ древнихъ доисторическихъ фибулъ онѣ отличаются тѣмъ, что соединеніе иглы съ дужкой и первовидный завитокъ помѣщены подъ пластинкой и не видны снаружи,—отъ римскихъ же главнымъ образомъ тѣмъ, что передняя пластинка, подъ которой прикрѣплена игла, гораздо большихъ размѣровъ и имѣетъ форму четырехугольника или полукруга и по краямъ часто усажена рядомъ лучеобразныхъ шпичекъ (fibules à rayons). Пятка продолговатая и заканчивается обыкновенно стилизованной головкой (рис. 389). Къ этому роду фибулъ мы можемъ отнести также и тѣ, у которыхъ пятка совершенно похожа на верхнюю пластинку. Другой родъ фибулъ представляютъ собой дисковидныя фибулы, скорѣе всего

также южнаго происхожденія. Болѣе древніе виды ихъ отличались округленной пластинкой на столько выпуклой, что въ пустоту ея могла входить складка сдѣлываемаго платья, виды же болѣе позніе, съ плоской пластинкой, не преслѣдовали уже этой первоначальной цѣли и служили только украшеніемъ; они были обыкновенно отдѣланы сверху филигранью или еще чаще усажены драгоценными камнями или разноцвѣтнымъ стекломъ. Третій родъ составляютъ фибулы, пластинка которыхъ сдѣлана на подобіе какого-нибудь животнаго, чаще всего рыбы или птицы съ острымъ загнутымъ клювомъ, представляющей очевидно какую нибудь хищную породу, ястреба или сокола (рис. 390, 4). По-

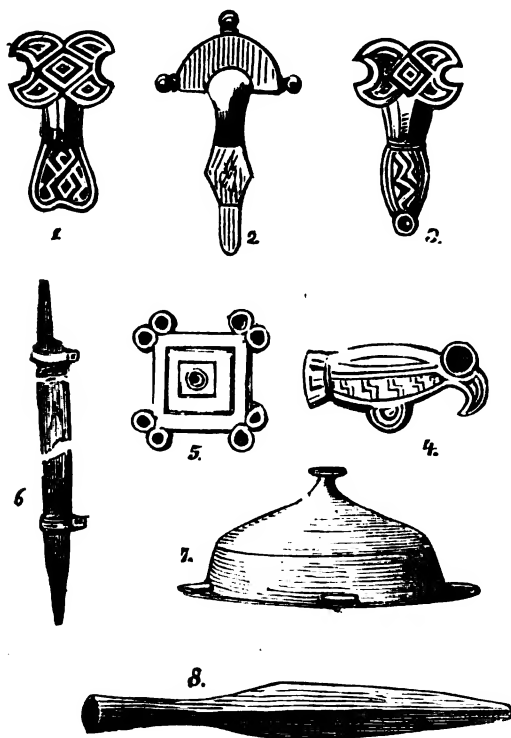

Рис. 390. Фибулы, ножъ, копье и шило шита изъ гробницъ у Подбабы въ Чехіи.

добныя римскія фибулы, по [слованъ Линденшмита, всѣ безъ исключенія украшены эмалью и чернью, нѣмецкія же—накладками и филигранью.

Кромѣ этихъ предметовъ, положенныхъ съ покойниками, въ женскихъ гробницахъ встрѣчаются многочисленные булавки для волосъ. Замужнія женщины носили волосы сплетенными въ косы, незамужнія-же распущенными и только стянутыми наверху повязкой. Мужчины свободного сословія почти у всѣхъ германскихъ племенъ имѣли обычай носить длинные волосы, но до плечъ они спускались только у князей. Исключеніе составляли лишь саксы.

Въ большомъ количествѣ встрѣчаются также серьги съ подвѣсками, ожерелья изъ стеклянныхъ, янтарныхъ, золотыхъ и разныхъ другихъ бусъ и подвѣсокъ (массивныя металлическія шейныя гривны чрезвычайно рѣдки), браслеты изъ бронзы и серебра, отличающіеся отъ болѣе древнихъ тѣмъ, что къ свободнымъ концамъ они утолщаются (рис. 391), а больше всего своей

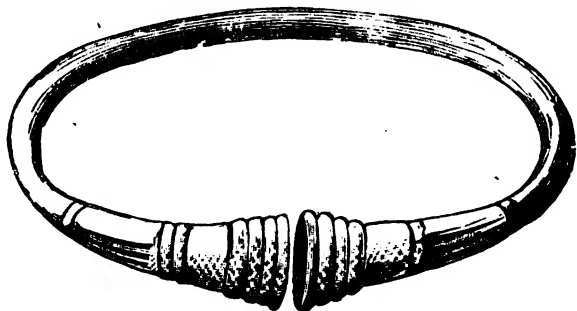

Рис. 391. Браслетъ изъ рядовыхъ гробницъ въ Игельсѣ возлѣ Иннсбрука.

орнаментацией, затѣмъ кольца и перстни, гладкіе, широкіе или съ площадкой для печати и разные другія подвѣски и украшенія. Нѣтъ также недостатка и въ монетахъ, римскихъ и мѣстныхъ; кромѣ того попадаются праслицы, иглы для шитья, сумочки, ключи, огнива съ кремнями, кое гдѣ бронзовые вѣски и т. п. Иногда встрѣчаются возлѣ костяковъ и небольшіе ящички съ разными предметами.

Орнаментация украшеній своеобразна и оригинальна ³⁶¹). Отличительной чертой ея является сложность, переполненіе рисунка. Умѣренность стиля исчезаетъ совершенно, формы не обнаруживаютъ органическаго развитія. Болѣе всего преобладаетъ полосатый и животный орнаментъ. Орнаментационныя полосы часто очень сложнымъ манеромъ переплетаются, и между ними выглядываютъ удивительныя фантастическія и притомъ очень грубо стилизованныя головы и фигуры, рѣже человѣческія, обыкновенно же разныхъ животныхъ, чаще всего птицъ, или разнообразно свернувшіеся гады, драконы и т. п. (рис. 383, 384, 394, 403). Кромѣ стиля украшеній, совершенно новой оказывается и ихъ техника. Выѣсто эмалировки, господствовавшей въ теченіе тевской эпохи въ Галліи и на римскихъ издѣліяхъ временъ имперіи, является

ниями, чаще всего свирійскими темными, топазами и бирюзой, подъ которые для одкладывались золотые или серебряные ялись въ Европу по большей части съ но судить по извѣстіямъ византійскаго шеній носить названіе *vergoterie* исполненія орнаментовъ эмалью (ср. объ , тоже восточнаго. Самъ Линденшмитъ полагаетъ, что онъ былъ позаимствованъ нѣмецкой индустріей (которую онъ впрочемъ считаетъ оригинальной), съ Востока, путемъ торговыхъ сношеній съ Византіей. Позже драгоценные камни, кромѣ разумѣется гранатовъ, замѣнялись цвѣтнымъ стекломъ. По мнѣнію Пульскаго (Fr. Pulzky), красныя орнаментныя инкрустаціи на многочисленныхъ готскихъ украшеніяхъ, хранящихся въ Пештскомъ музеѣ, сдѣланы изъ камня, зеленыя же—изъ стекла.

Другой видъ орнаментации, извѣстный уже въ римскихъ издѣліяхъ, но разившійся только въ эту эпоху, достигался такъ наз. ніэллею, т. е. чернью и насѣчкой. *Niello*—это сплавъ сѣрнистаго серебра, синевато-чернаго цвѣта, которымъ выполняли поле и углубленія серебряныхъ украшеній между гранями и позолоченными орнаментами. Чернь представляетъ собою обыкновенно ряды темныхъ треугольниковъ, кружковъ или ромбѣ. Насѣчкой называется украшеніе овенно серебрянымъ. Производилась она дметъ весь покрывали серебромъ, накла на которой вырѣзывали узоры, и потомъ вырѣзывали орнаментъ на поверхности ученныя такимъ образомъ углубленныя пластинки, стараясь укрѣпить ихъ въ

железъ возможно плотнѣе. Иногда и тотъ и другой видъ орнаментации соединялись на одномъ и томъ же предметѣ. Оба способа эти также чужіе и были занесены въ Германію съ юга. Линденшмитъ принимаетъ ихъ за остатокъ римскаго вкуса. Въ теченіе этой эпохи они были очень въ ходу въ примѣненіи къ разнымъ украшеніямъ (фибуламъ) и железнымъ орудіямъ и оружію, но только въ тѣхъ галльскихъ и германскихъ земляхъ, которыя были римскими провинціями. Въ Саксоніи, Англіи, Скандинавіи предметы съ насѣчкой уже очень рѣдки и не были мѣстнаго приготовленія (рис. 392).

Германскія гробницы съ только что описаннымъ инвентаремъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ южной Германіи, сѣверной Франціи, Англіи и затѣмъ на Сѣверѣ. Отдѣльныхъ находокъ мы подробно перечислять не станемъ, и упомянемъ только о нѣсколькихъ, наиболѣе замѣчательныхъ. Одна изъ наиболѣе древнихъ гробницъ этого рода была открыта въ 1653 г. на кладбищѣ св. Брикса въ Доогпикъ въ Бельгіи и принадлежала очевидно франкскому королю Хильдериху и его женѣ Базинѣ. Впервые находка эта была описана и изображена I. Шифле (J. Chifflet), а затѣмъ подробнѣе аббатомъ Коше ³⁶²), который былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ французскихъ древностей этой эпохи. Послѣ него работали въ томъ же направленіи во Франціи (Нормандіи, Пикардіи, Бургундіи)—Риголло, Боло, Пейнье Делакуръ, баронъ де-Бай и др. ³⁶³), въ Швейцаріи—Майеръ ³⁶⁴), Трайонъ, Ваннеръ, Вишеръ, въ Голландіи—Янсень (I. Janssen), въ Англіи—Дугласъ, Смитъ, Акерманъ, Райтъ (Th. Wright), Кэмпблъ, Уили (W. Wylie) ³⁶⁵). Англосаксонскія гробницы особенно многочисленны въ Кентѣ, Суссексѣ, на о-вѣ Уайтѣ, затѣмъ въ Глостерѣ, въ графствѣ Оксфордскомъ, въ Лейстерѣ, Дерби, Ноттингемѣ, Норсгемптонѣ, Линкольнѣ,

Рис. 393. Серебряная фибула изъ франкской гробницы въ Бингентъ.

Бэмбриджъ, Суффолькъ, Норфолькъ и Юркъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ еще недостаточно изслѣдованы.

Рис. 394—395. Эмальированный серпъ и часть латуннаго сружента изъ кладбища въ Кеттлахъ.

Наиболѣе гробницъ германскаго характера было найдено въ южной Германіи, начиная отъ Рейна до Баваріи. Сдѣланныя находки лучше всего описаны Лиденшмитомъ. Изъ множества могильниковъ упомянемъ объ открытомъ и изученномъ Хлангеншпергомъ кладбищѣ въ Рейхенгалль въ Баваріи ³⁶⁶), заключавшемъ въ себѣ болѣе 500 богатыхъ гробницъ. Въ альпійскихъ австрійскихъ земляхъ, гдѣ жили главнымъ образомъ лангобарды до завоеванія ими сѣверной Италіи, мы находимъ также довольно много германскихъ гробницъ. Очень богатое кладбище найдено было возлѣ сел. Цивезанна, возлѣ Тридента ³⁶⁷). Одна изъ гробницъ заключала въ себѣ очевидно останки какого-то полководца. Костякъ лежалъ въ деревянномъ съ богатой оковкой гробу, изображеніе котораго мы дали на стр. 495. Возлѣ него былъ длинный мечъ (spatha), наконечникъ кошля, стрѣлы и короткій мечъ (серамасаксъ), шило отъ щита, желѣзный браслетъ, ножницы и выложенный серебромъ кованный поясъ. На груди лежали крестъ изъ листоватаго золота, двѣ желѣзныя фибулы и въ ногахъ большой бронзовый сосудъ. Замѣчательны также находки въ фриульскомъ округѣ; особенно богатая гробница воина была найдена въ Чивидале. Судя по надписи на саркофагѣ она принадлежала Гизульфѣ, племяннику Альвина, короля лангобар-

довъ ³⁶⁸). Въ Австріи наиболѣе замѣчательно кладбище-возлѣ Кеттлаха,

интересное еще въ томъ отношеніи, что оно представляетъ смѣшеніе германскихъ типовъ (рис. 394 и 395) съ признаками славянскими, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, а также богатое кладбище св. Вита (въ гитцингскомъ окр.) возлѣ Большого Горраса, въ Бруннѣ (съ монетами Валеріана). Въ Бернардсталѣ, С. Георгенѣ, Фрейнбергѣ подлѣ курганами оказались также скелеты воиновъ съ полнымъ, описаннымъ нами выше вооруженіемъ.

Въ Чехіи еще до недавняго времени можно было думать, что тамъ вовсе нѣтъ кладбищъ германскаго характера. Встрѣчались только отдѣльныя гробницы съ предметами этой эпохи у Винаржицѣ, въ Угерцахъ, Желенкахъ, Бржизѣ, Паткѣ, Желеницахъ, Зволеньовесѣ и пр., и въ нихъ найдено было, между прочимъ, нѣсколько прекрасныхъ фибулъ меровингскаго типа (р. 396); но цѣлыхъ старинныхъ кладбищъ не встрѣчалось. Только очень

Рис. 396. Фибула изъ гробницы въ Желеницахъ.

недавно возлѣ Подбабы, недалеко отъ Праги, были найдены слѣды большого кладбища, отъ котораго сохранилось только нѣсколько гробницъ. Какъ инвентарь этихъ гробницъ (ср. рис. 390), такъ и типы череповъ, въ нихъ найденныхъ, обнаруживаютъ очевидное сходство съ южнонѣмецкими гробницами меровингской эпохи, и мы не затрудняемся признать въ этомъ могильникѣ слѣды германскаго племени, когда-то (по мнѣнію проф. Пича, въ V или VI стол.) жившаго въ окрестностяхъ Праги. Слѣды этого же племени найдены

были уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ на другой сторонѣ р. Влтавы, а въ 1872 г. еще и въ Либнѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ вокругъ Праги также попадались не разъ различные предметы германскаго типа. Бар. де Бай полагаетъ, что это гробницы франковъ, пришедшихъ въ Богемію съ Саксо, впоследствии королейъ этой страны ³⁶⁹). Намъ это предположеніе кажется сомнительнымъ.

Къ гораздо болѣе поздней эпохѣ, а именно къ IX—X стол. относится, по мнѣнію проф. Пича, гробница, найденная въ 1864 г. возлѣ Болина, въ которой проф. Штепанекъ расположенъ былъ прежде видѣть могилу Прокона Большого XV стол. Чаша, фибула и пряжка, найденныя въ ней, рѣшительно романскаго стиля ³⁷⁰). Въ Моравіи намъ извѣстны только единичныя гробницы съ богатыми украшеніями этой эпохи. Онѣ были найдены напр. возлѣ Накла (золотая эмальированная фибула и серебряный браслетъ) и въ Пшемости (скелетъ съ перстнемъ и серьгами, украшенными филигранью).

Болѣе интересны гробницы этой эпохи въ Венгріи, найденныя напр. возлѣ Ordas'a, Szeged-Óthalom'a, Szeged-Sövényhàsa (V стол.), Szent-Endre, Puszt'ы Ozor'a (VII стол.). Въ Tisza-Szöllös'ѣ свящ. Tariczki нашелъ костякъ воина съ конемъ, въ богатомъ вооруженіи, въ золотомъ (?) панцирѣ, золотомъ шлемѣ, съ мечемъ съ золотой рукояткой и т. п.; впрочемъ это погребеніе принадлежало, вѣроятно, уже къ позднѣйшей эпохѣ. Но къ разсматриваемому нами времени относятся въ этой мѣстности гробницы съ остатками трупосоженія, какъ напр. въ урочищѣ Szalaszka на правомъ берегу р. Капоса, съ каменными камерами (IV—V стол.), гробницы въ Csurgó (фейерварскаго комитата) съ урнами въ деревянной камерѣ. Эри относитъ ее къ эпохѣ кумановъ. Эпоху же отъ VI до IX ст., нахожденіи которой болѣе рѣдки, Пульскій называетъ аварскою.

Рис. 397. Часть удила изъ кудинетовскаго кургана.

Гробницы съ подобнымъ же инвентаремъ мы можемъ прослѣдить въ Южной Россіи и на Кавказѣ. Сюда относится также извѣстный кладъ, найденный въ 1864 г. возлѣ Новочеркасска, о которомъ мы еще упомянемъ далѣе; находки въ курганѣ возлѣ Голубинской станціи, въ курганѣ же возлѣ дер. Кудинетовой въ Терской области, находки въ гробницахъ возлѣ Алешеевъ (Таврич. губ.), возлѣ Байбалы (Самарской губ.), возлѣ Лебехівки (въ Полтав. губ.), Городища (Кіев. губ.), Вольнаго

(Екатеринослав. губ.) и вообще многочисленныя находки въ Крыму и въ Таврической губ. Находки инкрустированных украшеній, п Кондакова, не идутъ въ Россіи сѣвернѣ Кіева, далѣе уже на Самая сѣверная находка, состоявшая изъ пары фибулъ, бы Н ѣ ж и н ѣ въ Чернигов. губ. Не все-таки издѣлія готскаго булы) встрѣчаются и далѣе на сѣверѣ, даже въ Финляндіи. казѣ въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ могильниковъ или болѣе ницъ на кладбищахъ предшествовавшей эпохи, мы постоянно встрѣчаемся съ предметами такъ наз. «меровингскаго» стиля, какъ напр. въ Камунтѣ (лучеобразныя фибулы съ инкрустаціей и фибулы въ формѣ животныхъ), въ Бомбультѣ, въ Чми подѣ Казбекомъ, въ Самтаврѣ и т. д. (Ср. также рис. 398 и 399) *).

Кромѣ гробницъ очень важны также клады или отдѣльныя находки драгоценныхъ предметовъ этой эпохи. Предводители германскихъ племенъ во время своихъ походовъ награбывали громадное количество золота, драгоценныхъ камней, украшеній, сосудовъ и прочихъ предметовъ. Бо вали у нихъ обратно, какъ это удалось, напр., византійс

Рис. 398—399. Бронзовыя
кладбища у подножія

*) Въ австрійскихъ земляхъ вообще, но главнымъ образомъ гробницахъ этой эпохи встрѣчаются часто искусственныя ванные черепа. Примѣръ подобнаго черепа приведенъ у в (атцгерсдорфскій черепъ). Въ Венгріи они были найдены до сих градъ, на р. Тиссѣ, въ ó-Szőnъ (коморнской жупы), въ Панчовъ Трансильваніи—въ Székely-Udvarhely, въ Нижней Австріи—въ Фел Графенгта, въ Atzgersdorfъ и еще, кажется, въ одной пещерѣ подбаскомъ кладбищѣ востѣ Праги былъ также найденъ одинъ хотя менѣе деформированный, чѣмъ предыдущіе. Всѣ эти черепа, Ленгизьскаго, относятся къ эпохѣ переселенія народовъ. Очевидности пришелъ тогда народъ, у котораго былъ обычай деформировать сильно стягивая головки новорожденныхъ дѣтей повязкой, которая черезъ лобъ и затылокъ и оставлялась въ теченіе довольно долго въ остальной Европѣ большинство деформированныхъ череповъ этой же эпохи. Вездѣ, впрочемъ, они были находимы поодиночкѣ Италіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи и въ Англіи), только въ с

подъ предводительствомъ Велизарія и Нарзеса, но многое и оставалось у варваровъ, въ сокровищницахъ предводителей или скрытымъ въ потаенныхъ мѣстахъ. Части подобныхъ кладовъ были найдены, напр., въ Петреосѣ въ Трансильваніи, возлѣ Szilágy-Somlyó, Bakod'a. Osztropatak'a, Petriancz'a Mezö-Beren'a, въ Pétikostel'ъ—въ Венгріи, гдѣ вообще довольно часто находятъ и по одиночѣ драгоцѣнные украшенія германскаго типа.³⁷²⁾

Петреосскій кладъ, найденный въ 1837 г. и одинъ изъ предметовъ котораго изображенъ у насъ на рис. 400, приписывался визиготскому королю Атанариху и состоялъ изъ золотыхъ, богато украшенныхъ сосудовъ, громадныхъ дорожныхъ фибулъ на подобіе птицъ—римской и готской работы. Другой богатый кладъ, найденный въ гробницѣ возлѣ Nag y[Szent-Miklós], недалеко отъ Сегедина, приписывается Гампелемъ гуннамъ; народъ же считалъ его прямо спрятаннымъ Аттилой. Такъ же точно очень богаты были два клада,

Рис. 400. Фибула изъ петреосскаго клада.

найденные въ Szilágy-Sotmyó. Первый изъ нихъ былъ открытъ еще

становятся опять многочисленнѣе въ крымскихъ и кавказскихъ гробницахъ, а равно встрѣчаются и въ Поволжѣ. Какому народу принадлежали эти отдѣльные черепа—объ этомъ вопросъ было много писано. Бэръ приписывалъ ихъ аварамъ, Брока—кимврамъ, Ленгоссекъ—повдвѣйшимъ татарамъ; Анучинъ склоненъ считать венгерскіе черепа этого рода гунскими, черепа же, найденные въ Россіи,—принадлежащими разнымъ народамъ какъ индоевропейскимъ, такъ и тюркскимъ. Смирновъ приписываетъ кавказскіе деформированные черепа осетинамъ; Харузинъ—крымскіе черепа изъ гробницъ въ Гурзуфѣ (VII—VIII стол.)—готамъ. Вѣрно только то, что здѣсь врядъ ли можетъ идти рѣчь объ одномъ какомъ нибудь народѣ и что до сихъ поръ найденные деформированные черепа не принадлежатъ народу монгольскаго племени (судя по типу). На Кавказѣ, гдѣ уже Гиппократъ упоминалъ о «макрокефалахъ», во Франціи (гл. обр. въ департ. de Deux Sèvres, de la Haute Garonne, въ окрестностяхъ Тулузы) и въ другихъ мѣстахъ этотъ обычай деформировать черепа дѣтей, существуетъ, хотя и въ слабой формѣ, до сихъ поръ³⁷¹⁾.

въ 1797 г. двумя валашскими пастухами, въ глиняномъ сосудѣ, на склонѣ горы Магуры. Онъ отчасти уцѣлѣлъ и поступилъ въ австрійскій Придворный музей. Состоялъ онъ, какъ видно по найденнымъ монетамъ временъ Валентиніана, Валенція и Граціана, изъ преготской работы. Другой кладъ былъ найденъ въ иномъ мѣстѣ двумя рабочими, просто кучкой въ землѣ; вѣроятно, онъ былъ прежде завернутъ въ кусокъ какой-нибудь ткани. Онъ состоялъ изъ двадцати драгоцѣнныхъ фибулъ, по большей части, основнаго меровингскаго типа, богато украшенныхъ дорогими камнями (рис. 401), готской работы (Пульскій только одной парѣ, украшенной посрединѣ большими сардониксами, гранатами, сердоликами, изумрудами и горнымъ хрусталемъ, приписываетъ римское происхожденіе), изъ двухъ золотыхъ, усыпанныхъ гранатами чашъ и золотого браслета. Всѣ эти предметы, по характеру своему, очевидно, одного и того-же происхожденія и одной и той-же техники. Оба клада представляютъ собой, вѣроятно, двѣ части сокровищницы какого-нибудь вождя. Ф. Пульскій предполагаетъ, что они были закопаны готами въ то время, когда имъ уже начали угрожать гунны, и что они представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе древнихъ памятниковъ вполне развитой готской индустріи. Относятся они къ IV вѣку нашей эры. Прочія венгерскія находки сравнительно менѣе богаты, но и онѣ переполнены золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Кромѣ Венгріи и въ другихъ мѣстахъ ходки того-же характера. Въ Россіи мы р. Морскомъ Чулекѣ (въ 1808 г.) возметовъ, относящихся главнымъ образомъ къ инверстаціи медальоны, подвѣски, ш

кладъ, найденный въ Михалковѣ на Днѣстрѣ, находящійся теперь въ коллекціи графа Дзѣдушицкаго въ Львовѣ. Въ церкви въ Монцѣ возлѣ Милана хранятся подобныя-же драгоценныя дары готской королевы Теодолиты. Этого-же рода вещи есть и въ Равеннѣ и даже въ Испаніи. Тамъ, въ Гварразарѣ возлѣ Толедо, въ 1858 году, былъ найденъ кладъ, самая большая корона котораго, судя по надписи, принадлежала готскому королю Реццесвинту.

Наибольшаго и наиболѣе своеобразнаго развитія достигла германская культура на сѣверѣ Европы, въ Скандинавіи, въ теченіе эпохи, которую тамошніе археологи называютъ позднѣйшимъ желѣзнымъ вѣкомъ. Мнѣліусъ относитъ ее въ кругъ

Рис. 402. Деформированный черепъ изъ Атигерсдорфа въ Ниж. Австріи.

Рис. 403. Золотой «брактеатъ» съ рунической надписью съ о-ва Готланда.

лыхъ цифрахъ къ времени отъ 500 до 1100 г. нашей эры. Позднѣйшая часть этого періода называется обыкновенно эпохою викинговъ. Очень возможно, что еще до VII стол. шведы предпринимали уже на своихъ военныхъ ладьяхъ небольшіе набѣги на берега Сѣвернаго моря, но на побережьяхъ Англіи, по извѣстію англо-саксонской хроники, ладьи викинговъ, извѣстныхъ скандинавскихъ пиратовъ, появились въ первый разъ только въ 787 году. ³⁷³⁾

Объ эпохѣ викинговъ мы имѣемъ наиболѣе свѣдѣній изъ найденныхъ памятниковъ и изъ сохранившихся у сосѣднихъ народовъ преданій, главнымъ образомъ исландскихъ. По памятникамъ мы можемъ прослѣдить уже съ половины I-го тысячелѣтія довольно частыя сношенія скандинавовъ съ Византіей, а потомъ съ Британіей и Русью. Византійскія монеты встрѣчаются въ Скандинавіи (гл. обр. въ Швеціи) въ большомъ количествѣ. Источникомъ этихъ монетъ, а также «брактеатовъ» (подвѣски на подобіе мо-

нетъ, украшенныя жемчугомъ, см. рис. 403) и вообще, множество цѣнныхъ вещей, переполняющихъ собой находки, была, разумѣется, та дань, которую византійскіе императоры были принуждены платить готамъ. Отъ нихъ золото переходило знакомымъ уже намъ путемъ по теченію Вислы на сѣверъ. Но клады болѣе поздней эпохи заключаютъ въ себѣ обыкновенно только серебро. Въ эпоху викинговъ появляются въ большомъ количествѣ опять англо-саксонскія и арабскія монеты, по большей части IX—X стол. Украшенія этой эпохи имѣютъ также своеобразный характеръ, о которомъ мы уже говорили и который успѣлъ развиться здѣсь во многомъ больше, чѣмъ въ средней Европѣ. Фантастичность и сложность орнаментаціи, равно какъ чрезмѣрное обиліе ея, достигаютъ здѣсь своей высшей степени. Чтобы видѣть это, достаточно нѣсколько примѣровъ, приведенныхъ нами на рис. 383, 384 и 405. Эта сложность орнаментаціи сближаетъ скандинавскія украшенія съ ирландскими. Но было-бы ошибочнымъ думать, что всѣ эти вещи иностраннаго происхожденія и были занесены въ Скандинавію во время походовъ грабителей-викинговъ. Это издѣлія мѣстныхъ, хотя сырой матеріалъ для нихъ, безъ сомнѣнія, по большей части, привозился извнѣ. Изъ металловъ въ Скандинавіи въ это время добывалось только желѣзо, да и то не въ рудникахъ, а изъ болотной руды, способомъ, который и до сихъ поръ еще практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи (Далекарліи и пр.), Финляндіи и Россіи. Монтелиусъ полагаетъ, что сѣверный стиль орнаментаціи былъ занесенъ въ Скандинавію изъ Ирландіи. До какой степени это справедливо — рѣшить до сихъ поръ еще очень трудно. Можно считать впрочемъ вѣрнымъ, что Скандинавія уже издавна подвергалась непосредственнымъ азіатскимъ влияніямъ черезъ Русь и Финляндію, передававшихъ туда первыя начала восточнаго стиля.

Рис. 404—405. Трехлопастная пряжка изъ Норвегіи и орнаментированная бронзовая пластинка.

Находки памятниковъ этой эпохи въ Скандинавіи очень многочисленны; лучшія вещи были добыты на о-въ Готландъ. Гробницы эпохи викинговъ свидѣлствуютъ о существованіи обоихъ похоронныхъ обрядовъ погребенія и трупосожженія. Костяки лежатъ въ каменныхъ или деревянныхъ гробахъ или просто въ землѣ. Въ норвежскихъ курганахъ мы часто встрѣчаемся съ деревянными камерами. Очень интересны случаи погребенія въ ладьяхъ вмѣсто гробовъ, напр., въ вендельскомъ могильникѣ въ Уппландѣ, гдѣ было найдено 11 могилъ съ останками знатныхъ лицъ, погребенныхъ въ ладьѣ съ конемъ и другими животными *). Къ той-же, болѣе древней эпохѣ относится еще находка въ курганѣ возлѣ Ультуны, недалеко отъ Упсалы; къ болѣе поздней эпохѣ относятся ладьи изъ кургана въ Тунѣ, возлѣ Фредерикстада и изъ кургана въ Гокстадѣ возлѣ Сандефіорда въ Норвегіи. Форма ладьи осталась еще та самая, какая намъ известна изъ болѣе древней эпохи въ нидамской находкѣ въ южной Ютландіи (см. стр. 487). Ладьи были обыкновенно безъ мачтъ и парусовъ и двигались съ помощью веселъ (до 60-ти паръ), но вмѣстѣ съ тѣмъ уже употреблялась и одна мачта. Оружіе и другіе предметы, клавшіеся съ покойниками, были въ здѣшнихъ гробницахъ такими же, какъ и описанные нами въ германскихъ родовыхъ могилахъ. Принадлежности оборонительнаго вооруженія здѣсь рѣдки такъ же, какъ и тамъ, за то очень многочисленно оружіе для нападенія: мечи, копья, сѣкиры и луки со стрѣлами. Рукоятки оружія, особенно мечей, отличаются превосходной отдѣлкой (см. рис. 383).

Затѣмъ мы упомянемъ здѣсь хотя и кратко еще объ одномъ важномъ предметѣ. До начала желѣзнаго вѣка письменность вовсе не была известна обитателямъ сѣверныхъ странъ, особенно если мы оставимъ въ сторонѣ фигурныя «письмена» богуслѣнскихъ скалъ и т. п. Только въ римскую эпоху мы встрѣчаемся въ первый разъ съ настоящей своеобразной письменностью германскаго происхожденія—такъ наз. рунами³⁷⁵⁾. Эти письмена встрѣчаются или на металлическихъ предметахъ, какъ напр. на фибулахъ, браслетахъ, браakteатахъ, такъ и на орудіяхъ, а иногда и на каменныхъ надгробныхъ памятникахъ. Слово «руна» по мнѣнію Монтелиуса значить «тайна». Руны произошли отъ латинскихъ письменъ, появившихся въ Скандинавіи, вѣроятно въ эпоху сношеній съ римлянами. Специальный характеръ руны объясняется тѣмъ, что позаимствованныя латинскія письмена вырѣзывались

*) Съ этимъ же обычаемъ мы встрѣчаемся и у славянъ. По извѣстію Ибн-Фадлана, простыхъ руссовъ послѣ смерти клали въ лодку и такъ сожигали. I. Гриммъ, А. П. Гаркави. А. Котляревскій и Т. Крекъ полагаютъ, что обычай этотъ, не смотря на вліяніе Скандинавіи на древнюю Русь, былъ древнеславянскимъ; другіе, какъ Кругъ, Куникъ и Стасовъ, напротивъ, того мнѣнія, что онъ былъ заимствованъ съ сѣвера³⁷⁴⁾.

первоначально на деревѣ, причемъ естественнымъ образомъ исчезли всѣ линіи, которые должны были идти вдоль слоевъ дерева, равно какъ и всѣ кривыя линіи. Наиболѣе древнія руны представляютъ собою только линіи перпендикулярныя и наклонныя. Различаютъ руны болѣе древняго характера и позднѣйшія, встрѣчающіяся главн. образ. на памятникахъ эпохи викинговъ. Нанс Монтелиусъ относитъ къ III стол. нашей эры; впрочемъ, и слѣдуетъ считать на нѣсколько человѣческихъ поколѣній болѣе всякомъ случаѣ, это наиболѣе древніе памятники скандинавскаго Весада, гдѣ только онѣ встрѣчаются (ихъ находили и въ Европѣ), онѣ происхожденія германскаго. Руны позднѣйшаго знака которыхъ мы воспроизводимъ здѣсь по рисунку Монтелиуса, встрѣчаются въ большомъ количествѣ на каменныхъ надгробникахъ въ малерскомъ округѣ. Камни, покрытые рунами и пиктскими знаменами, были найдены въ Уппландѣ и Виггби, Вигбъ и Руническое письмо было, впрочемъ, скоро вытѣснено за пришедшей еще разъ въ Скандинавію вмѣстѣ съ христіанствомъ.

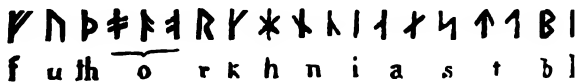

Рис. 406. Руны позднѣйшей эпохи (по Монтелиусу)

какъ въ малерскомъ округѣ. Камни, покрытые рунами и пиктскими знаменами, были найдены въ Уппландѣ и Виггби, Вигбъ и Руническое письмо было, впрочемъ, скоро вытѣснено за пришедшей еще разъ въ Скандинавію вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Гробницы съ описаннымъ нами инвентаремъ считаются манскими. Отчасти это совершенно вѣрно, такъ какъ наибольшее количество и наиболѣе характерны именно въ эту эпоху великаго переселенія народовъ были населены менами. Но если мы обратимся къ происхожденію стиля и формы въ основаніи индустріи этихъ гробницъ, то дѣло приметъ нѣмецкаго духа. Онъ признаетъ, впрочемъ, что кое-что изъ старинной галльской культуры, что многое было перенято отъ римлянъ (какъ напр. изъ оружія анго, и украшеній извѣстные виды фибулъ, пряжки), что кое-что путемъ торговли изъ Византіи, но что въ цѣломъ особенно называли прежде меровингскимъ, вышли изъ германской средины нѣмецкаго. Такъ-же точно считали его нѣмецкимъ и Ластейегъ (считавшій впрочемъ колыбелью его Россію), Нел

Другіе, однако, уже давно указывали на то обстоятельство, характеризующіе украшенія этого стиля способы отдѣлки: на

драгоценными камнями и стеклянными сплавами,—представляют собою технику восточного происхождения и искали поэтому мѣсто происхождения ея на Востокъ или въ Византіи. Донъ Хозе Амадоръ де лосъ Ріосъ называлъ этотъ стиль латино-византійскимъ, Дебартъ выводилъ его изъ Византіи, д'е-Ланасъ указывалъ, что мѣсто происхождения его слѣдуетъ искать въ Персіи въ эпоху Сассанидовъ, Фр. Гампель также указываетъ съ очевидностью на влияние, которое имѣла на варваровъ сѣвернаго побережья Чернаго моря позднѣйшая греческая и восточная культура и склоняется больше всего къ мнѣнію Lasteurie. Новѣйшими изслѣдованіями русскихъ археологовъ, а потомъ барона де Бая и Гремплера вопросъ этотъ доведенъ до еще болѣе познанаго освѣщенія ³⁷⁶).

Главнымъ признакомъ памятниковъ этой эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ ихъ варварскаго происхожденія является ихъ пестрота и невиданная до тѣхъ поръ роскошь. Все блещетъ серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями. Очевидно, характеръ этого стиля могъ получить свое начало только тамъ, гдѣ было для него подъ рукою достаточно матеріала; а это было несомнѣнно въ передней части Средней Азіи. Мы видимъ, что въ эту именно эпоху, новоперсидское государство, усилившись подъ владычествомъ Сассанидовъ, начинаетъ обнаруживать влияние на Западъ и главнымъ образомъ на Византію. Въ эпоху Юстиніана императоры носили уже персидскія регалии, части персидской одежды, и восточный вкусъ вообще получилъ уже господствующее значеніе. Нѣкоторыя части убора были также позаимствованы византійцами отъ гунновъ и другихъ сѣверныхъ варваровъ. Слѣдствіемъ этого явился, разумѣется, новый упадокъ старинной греческой культуры, и вмѣсто нея появились азіатскіе вкусы, а съ ними и стремленіе къ пестротѣ и роскоши.

Колыбель этого вкуса, являющагося однимъ изъ главныхъ признаковъ, характеризующихъ памятники эпоху переселенія народовъ, была очевидно въ Азіи. Только тамъ имѣлись условія для его развитія, было достаточно золота, драгоценныхъ камней, богатства и роскоши. Средняя Азія была, впрочемъ, областю, откуда вышли многіе народы: скифы, сарматы, гунны. А среднеазіатскія племена, особенно тюркскія, отличались всею наклонностью къ роскоши. Отъ нихъ она перешла и къ индусамъ и къ арабамъ. Средняя Азія была также мѣстомъ, гдѣ издавна скоплялись несмѣнныя богатства, вслѣдствіе ли торговли, или благодаря плодородію страны, изобиловавшей и минералами и продуктами земледѣлія, главнымъ образомъ хлѣбомъ. Черезъ эти страны безпрестанно проходили торговые караваны изъ тѣснинъ Гинду-Буша къ Океану и къ Каспійскому морю, и съ высотъ Мидіи черезъ Хорасанъ и Ташкентъ въ Монголію; неудивительно поэтому, что здѣсь, въ области столькихъ торговыхъ путей роскошь и богатство развились въ неслыханныхъ размѣрахъ. И дѣйствительно,

малогдѣ можно найти такое развитіе пышности, какая господствовала въ Иранѣ и въ Туранѣ во время послѣднихъ персидскихъ и параянскихъ династій, во времена калифовъ и монгольскихъ хановъ. Чего недоставало въ самой странѣ, то добывалось набѣгами на чужія земли, находившіяся далеко за ея предѣлами, и въ резиденціяхъ калифовъ и хановъ накапливались несмѣтныя богатства, о которыхъ мы имѣемъ представленіе только по разсказахъ Тысячи в одной ночи. О господствовавшей тамъ въ былыя времена роскоши сохранился впрочемъ цѣлый рядъ историческихъ извѣстій. Уже Плиній повѣствуетъ намъ о благовоніяхъ, употреблявшихся у параянъ, одно изъ которыхъ приготовлялось изъ 26 различныхъ растительныхъ эссенцій. Когда въ 568 г. отправлено было посольство изъ Византіи къ хану Дизавулу, оно нашло въ его дворцѣ невообразимую роскошь. Менандръ разсказываетъ о томъ, какъ ханъ принималъ пословъ, сѣдя одинъ разъ на золотомъ тронѣ, а другой—на ложѣ, сдѣланномъ сплошь изъ золота. Въ ханскихъ палатахъ было множество различныхъ золотыхъ сосудовъ; передъ ними на большомъ пространствѣ стояли кибитки, наполненныя серебромъ и т. д. О богатствахъ Туркестана въ VI вѣкѣ мы имѣемъ извѣстія Табары. Персидскій полководецъ Беграмъ послѣ одного пораженія турокъ послалъ своему царю въ качествѣ военной добычи 250,000 верблюжьихъ вьюковъ золота, драгоценныхъ камней и оружія. Когда, позже, арабы завоевали Туркестанъ, они нашли въ немъ цѣлые склады сокровищъ. Калифъ Муффадалъ раздѣлялъ однажды между своимъ войскомъ добычу изъ одного завоеваннаго города, при чемъ на каждого воина пришлось по 800 золотыхъ диргемовъ. Въ городѣ Пайкандѣ, въ Бухарѣ, Кутаба награбилъ столько дорогихъ женскихъ одеждъ, что цѣнность ихъ невозможно было опредѣлить. Когда расплавили и превратили въ слитки только золотыя ихъ украшенія, то получилось около 150000 фунтовъ золота. Въ числѣ добычи былъ также громадный идолъ изъ чистаго золота, съ глазами изъ драгоценныхъ камней необыкновенной величины и красоты. Не менѣе громадныя богатства были найдены арабами въ Самаркандѣ. Идолы въ храмахъ, посвященныхъ поклоненію огню, доставили 50000 фунтовъ золота и серебра. Эти склады драгоценностей не были исчерпаны и въ позднѣйшія времена. Когда въ 1077 году султанъ Меликъ-шахъ выдавалъ замужъ свою дочь, то въ видѣ приданаго было отправлено вмѣстѣ съ принцессой въ Багдадъ 2000 верблюдовъ, нагруженныхъ богатымъ запасомъ шелковыхъ византійскихъ тканей, 64 мула съ золотыми ожерельями и звонками на шеяхъ, которые несли на себѣ 12 серебряныхъ ящиковъ, наполненныхъ драгоценностями. За ними шло еще 33 верблюда въ уборахъ изъ золота и драгоценныхъ камней. Еще въ большихъ размѣрахъ проявилась роскошь при дворѣ владыки міра Тимура. Посолъ испанскаго короля Генриха III донъ Рюи Гонзалесъ де-Клавиво сохранилъ намъ извѣстія объ обычаяхъ, нравахъ и церемоніяхъ, господствовав-

шахъ при дворѣ Тамерлана, и его свѣдѣнія о богатствахъ и роскоши его дворца и нарядовъ кажутся просто невѣроятными. Онъ рассказываетъ о золотыхъ сундукахъ, наполненныхъ драгоценностями (онъ видѣлъ ихъ собственными глазами), о столѣ, сдѣланномъ изъ цѣльнаго золота и выложенномъ драгоценными камнями, на которомъ лежалъ громадный ярко-зеленый изумрудъ. Напротивъ этого стола помѣщалось въ комнатѣ золотое дерево на подобіе дуба, стволъ котораго былъ толщиной въ ногу мужчины и вѣтви и листья были тоже изъ золота; между листьями висѣли вмѣсто плодовъ рубины, изумруды, бирюза, сафиры, жемчужины и сидѣли золотыя съ разноцвѣтной эмалью птицы. Ыли и пили всегда только изъ золотыхъ сосудовъ и т. д. и т. д.

Если бы всѣ эти извѣстія мы и признали слишкомъ преувеличенными, то все таки они свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этихъ странахъ были

Рис. 407. Золотое украшеніе изъ сибирской коллекціи въ Эрмитажѣ.

несмѣтные богатства и роскошь, и намъ становится совершенно понятнымъ развитіе тамъ совершенно своеобразнаго художественнаго стиля, главной особенностью котораго была пестрота и роскошь, блескъ золота, серебра и драгоценныхъ камней. Стилъ этотъ съ теченіемъ времени развился и у нѣкоторыхъ кочевыхъ племенъ, особенно у саковъ (скиновъ), массагетовъ, парянъ и бактрійцевъ. На всѣхъ ихъ со временъ походовъ Александра сильно отразилась греческая, а потомъ и римская культура, и кромѣ того оказали свое вліяніе Персія, Индія и Китай; въ результатъ всего этого выработался такъ назыв. скивскій стилъ, господствовавшій въ первыя столѣтія нашей эры на всемъ пространствѣ между западной Сибирью, Персидскимъ заливомъ и Индіей. Замѣчательное доказательство тому представляютъ, напр., находки въ а ф р о з і а б с к о м ѣ городищѣ, возлѣ Самарканда, сдѣланныя въ 1885 г. проф.

Н. И. Веселовскимъ, въ которыхъ преобладаетъ позднѣйшій греческій стиль, смѣшанный съ рядомъ прочихъ вліяній. Оттуда этотъ новый стиль распространился на югъ, на западъ и на сѣверъ. Выѣстъ съ этимъ на немъ глубоко отразился и кочевой характеръ выработавшихъ его народовъ. Мы нигдѣ не находимъ столько и до такой степени драгоценныхъ частей конскаго убора, какъ здѣсь: массивные золотые ошейники, фалеры, пояса, діадемы, бывшія, судя по ихъ тяжести, тоже частью конскаго убора, украшенія изъ золотыхъ пластинокъ, удила и т. п.

Рис. 408. Золотое головное украшеніе изъ сибирской коллекціи въ Эрмитажѣ.

И на всемъ этомъ мы безпрестанно встрѣчаемся съ тѣми самыми элементами орнаментации, которые, какъ мы говорили, такъ характерны для европейскаго искусства время переселенія народовъ: съ очень частымъ употребленіемъ стилизованныхъ и фантастическихъ фигуръ животныхъ, съ перевитыми полосками, изображеніями пресмыкающихся и т. п. (рис. 407). Очень характернымъ примѣромъ этого стиля можетъ служить напр. головное украшеніе въ видѣ хищной птицы, держащей въ лапахъ козла (рис. 408). Этотъ животный орнаментъ очень сближаетъ средне-азиатскія и сибирскія

ювелирные надѣли съ кавказскими и южно-русскими *). О той же близости свидѣлствуютъ и котелки особеннаго типа, встрѣчающіеся отъ Минусинска, Томска и Семипалатинска до южной Россіи включительно (рис. 409 и 316).

Чудскіе курганы сибирскихъ и монгольскихъ степей не могутъ быть относимы къ финской культурѣ, но должны быть отнесены къ среднеазиатской **).

Вообще мы ясно видимъ, что начала среднеазиатской культуры были, очевидно, перенесены отчасти путемъ мирныхъ торговыхъ сношеній, отчасти военныхъ столкновений, на западъ, въ Европу и главнымъ образомъ въ южную Россію. Однимъ изъ прекраснѣйшихъ доказательствъ этого можетъ служить извѣстный новочеркасскій кладъ, о которомъ мы уже упоминали. Стиль составлявшихъ его предметовъ вполне одинаковъ съ сибирскими. Кладъ этотъ былъ найденъ въ 1864 г. въ курганѣ возлѣ

Рис. 409. Бронзовый котелокъ изъ Сибири.

Новочеркасска и состоялъ изъ цѣлаго ряда превосходныхъ вещей: золотыхъ ожерельевъ (рис. 410), браслетовъ, сосудовъ, статуэтокъ, множества разныхъ укра-

Рис. 410. Золотое ожерелье изъ новочеркасскаго клада.

шеній, серебрянныхъ и бронзовыхъ сосудовъ и т. п. Одна изъ самыхъ прекрасныхъ вещей изъ этого клада—золотая женская діадема, украшенная фи-

*) Это также мнѣніе барона де-Бая. Гильдебрандтъ и въ послѣднее время Гёдербергъ стоятъ за римское происхожденіе южнорусскихъ находокъ этого рода.

**) Большая часть сибирскихъ кургановъ была давно уже раскопана съ цѣлю отысканія золота и серебра. Кое-что изъ такихъ старинныхъ находокъ было сохранено однако Петромъ I для коллекціи петербургскаго Эрмитажа. Пренія опи-

турками, большими сирійскими гранатами и аметистами (рис. 411). Головка, вырѣзанная изъ халцедона, находящаяся на передней части діадемы, имѣетъ классическій характеръ, остальные же украшенія, особенно фигурки оленей и козла, несомнѣнно азіатскій. Очевидно, что первоначальное южно-русское искусство III—IV стол. нашей эры развилось на основѣ вліяній классичес-
кихъ и азі-

Рис. 411. 3

Азіатск
Россію нѣс
чали уже
образомъ,
ному берег

санія этихъ
Беллемъ, Т
ласомъ и Р
тана Ивана
о нихъ. Въ
В. В. Радло
*) Торі
Біармія, ка
найденъ бы
монетъ V в
у дер. Шес
было найде
зантійской,

средне-азиатскія хищническія племена. Въ южной Россіи новый стиль нашелъ почву очень удобную для дальнѣйшаго развитія; область войска Донскаго и часть бассейна р. Кубани были второй станціей искусства этого характера. Основа его осталась азиатской, но къ ней присоединились элементы античныя и мѣстные—германскіе. Герулы и особенно готы, жившіе тамъ во II стол. нашей эры, позаимствовали начала орнаментаціи и техники, сложомъ всѣ художественныя основы индустріи, съ востока и юга, изъ Византіи и изъ Малой Азіи и, переработавши ихъ, создали изъ всего этого свой собственный, оригинальный готическій стиль. Когда же затѣмъ пришли гунны и вытѣснили готовъ съ береговъ Чернаго моря, давъ такимъ образомъ толчокъ къ переселе-

нію ихъ въ среднюю и западную Европу, указанное искусство распространилось по остальной Европѣ. Клады въ Szilagy-Somlyó прямо показываютъ намъ, какъ готы, уносясь собой свои богатства, состоявшія изъ драгоценныхъ вещей въ восточномъ вкусѣ, уступали передъ натискомъ гунновъ. У германскихъ племенъ на западѣ, гдѣ была уже приготовлена прекрасная почва римской провинціальной индустріей, новый стиль и вкусъ сразу вошелъ въ общее употребленіе и во многихъ мѣстахъ, какъ напр. у алеманновъ, у франковъ, въ Англіи и

Рис. 412. Серебряное блюдо съ изображеніемъ сассанидскаго царя (колл. гр. Строганова).

Скандинавіи получилъ мѣстное развитіе. Объ искусствѣ германскихъ ювелировъ сохранилось много извѣстій.

Изъ этой общей картины развитія стиля, который одни называли мсровингскимъ, другіе византійскимъ, нѣкоторые—германскимъ и готскимъ, мы видимъ теперь ясно, что всѣ эти названія въ большей или меньшей степени

раженіями сассанидскихъ царей (рис. 412), которыя Стефани относятъ ко II стол. нашей эры, богатыя украшенныя фигурными изображеніями кружки и т. п. Въ упомянутомъ уже у насъ кладѣ, найденномъ въ Nagy Szent-Miklosъ въ Венгріи, была найдена напр. на одномъ кубшинѣ орнаментація, вполне сходная съ украшеніями сассанидскихъ блюдъ *).).

славянъ и это будетъ продолжаться еще долго, такъ какъ роль славянъ въ исторіи Европы далеко нельзя еще считать законченной.

Славяне появляются первоначально подъ двумя общими именами сербовъ (Serbi, Spori) и венетовъ (Venadi, Venethi, Venetae, Vinadae etc.). Первое изъ этихъ названій было впрочемъ очень скоро вытѣснено мѣстными именами славянъ *)—въ примѣненіи къ племенамъ, жившимъ на юго-западѣ отъ оз. Ильмена черезъ р. Двину и Вислу къ Одеру и къ Днѣстру, тогда какъ для обозначенія племенъ на востокъ отъ Днѣстра появилось, хотя и не надолго, названіе «антовъ». Для всѣхъ же славянъ вообще продолжало еще употребляться имя «венетовъ», и названіе «славянъ» получило всеобщее распространеніе только съ X стол. Пржегія названія остались впрочемъ только въ примѣненіи къ небольшимъ племенамъ или въ языкахъ сѣдныхъ народовъ, какъ напр. у нѣмцевъ.

Общее мѣстопробываніе славянъ въ Европѣ мы должны искать гдѣ-нибудь въ восточной половинѣ ея, въ западной части нынѣшней средней Россіи. Можно полагать, что они поселились прежде всего на пространствѣ между Дономъ и Днѣпромъ, распространяясь оттуда главнымъ образомъ на западъ по Припети къ Вислѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ скорѣе всего можно предполагать ихъ европейскую колыбель, изъ которой они впоследствии распространились по всей восточной половинѣ Европы ³⁰⁰).

Распространеніе это впрочемъ началось не по наступленіи лишь эпохи великаго переселенія народовъ; въ это время оно только сдѣлалось известнымъ, а въ нѣкоторыхъ направленіяхъ уже завершилось. Отдѣльные же славянскіе роды и племена задолго еще до этого передвигались въ разныя стороны и, главнымъ образомъ, что для насъ наиболѣе интересно, на западъ къ Одеру и черезъ Карпаты къ Дунаю. На стр. 320 и 417 мы изложили уже правдоподобныя археологическія доказательства этого временнаго распространенія славянъ, о размѣрахъ котораго было столько споровъ между нѣмцами и славянскими историками и ошибокъ съ обѣихъ сторонъ. Признавая фактъ этого распространенія, мы не считаемъ возможнымъ разсматривать его

*) Имя славяне встрѣчается во всевозможныхъ варіанціяхъ, по большей со вставкой звука х и ѣ между первыми согласными: Σκλαυροι, Σκλαβροι, Σκλαβροι, Σκλαβροι (подобнымъ же образомъ и со вставками ѣ). Sclaveni, Sclavini, Sclavi, Slavi, и пр., араб. Sacāliba. Наиболѣе древнія извѣстія, въ которыхъ встрѣчается это имя (Σκλαυροι) находится у Псевдо-Цезаря въ сочиненіи VI стол. Шафарикъ принималъ впрочемъ и имя русскаго племени Στρωτοι, сохранившееся у Птолемея, за то-же названіе, только въ искаженномъ видѣ (также и И. Забылинъ), а въ рукописи армянскаго географа Моисея Хоренскаго (ум. въ 489 г.) находится извѣстіе, что Оракія была завоевана 25 славянскими племенами (Skla vajin). Но мѣсто это считается впрочемъ всѣми за позднѣйшую вставку въ первоначальный текстъ. Такимъ образомъ за существованіе имени славянъ до III ст. поручиться нельзя.

подробнѣе и опредѣленнѣе въ этой книгѣ. Можно считать достовѣрнымъ, что между германскими племенами, упоминаемыми римскими писателями на восточной сторонѣ Великой Германіи, были и славянскія племена; достовѣрно также и то, что, какъ можно судить по нѣсколькимъ сохранившимся топографическимъ именамъ *), славяне еще въ до-римскую эпоху имѣли свои поселенія въ нынѣшней Венгріи (Панноніи),—но судить на основаніи сохранившихся латинизированныхъ и искаженныхъ племенныхъ или мѣстныхъ именъ о нѣмецкомъ или славянскомъ происхожденіи ихъ древнихъ жителей всегда рисковано и произвольно, и неуспѣхъ такъ назыв. славянской школы зависить до сихъ поръ именно отъ слишкомъ страстнаго и односторонняго отношенія къ дѣлу.

Намъ достаточно впрочемъ установить фактъ, что еще до эпохи великаго переселенія народовъ славяне были распространены далеко на западъ. Послѣ этой эпохи мы видимъ слѣдующее ихъ распространеніе ³⁸¹⁾. На западъ отъ мѣста своего первоначальнаго поселенія они, послѣ удаленія лонгобардовъ и геруловъ, подвинулись до самой Эльбы (Лабы). По словамъ Проконія, около 512 г. они жили въ Бранденбургѣ. Занявши потомъ и всю Чехію, они распространились дальше за Эльбой къ р. Салѣ, а отдѣльными племенами и въ Баваріи, Франконіи, Тюрингіи, Саксоніи, и даже въ Швейцаріи.

Въ началѣ историческихъ временъ поляки или лехи (поморяне, слезаки, поляне, куявцы, мазовшане, висляне и т. д.) занимали страны къ востоку отъ Одера, далеко за Вислу, гдѣ соприкасались съ ближайшими русскими племенами.

Славянь, жившихъ далѣе на западѣ, въ нынѣшней Германіи, называютъ обыкновенно полабскими славянами. Они раздѣлялись на три главныхъ племенъ: 1) лютичей или велетовъ, жившихъ между Одеромъ, моремъ и Лабой, 2) бодричей (оботритовъ) на западъ отъ лютичей, въ Мекленбургѣ и Голштиніи и 3) сербовъ въ нынѣшнихъ Саксоніи и Лузацин между Салю и Боброю. Каждое изъ этихъ большихъ племенъ дѣлилось въ свою очередь на рядъ меньшихъ: лютичи на чрезпенановъ, ратарей, украиновъ, стодорановъ (гавелановъ) и пр.; бодричи—на вагровъ, врановъ, смолинцевъ, древянь, рароговъ; сербы—на лужичанъ, мильчанъ и т. п.

---

*) Это доказано съ полной опредѣленностью Шафарикомъ. Такъ, уже въ первыя столѣтія нашей эры мы находимъ въ надписяхъ и у римскихъ историковъ имена *Polso Iacus*, *Tzierna*, *Bersovia*, *Vuatricius* и т. д., представляющія собою не что иное, какъ и нынѣшнія славянскія названія озера—Плещо, рѣки—Черная, Вгзава (быстрая), Быстрица. Но Шафарикъ полагалъ, что славяне жили тамъ уже съ давнихъ временъ и что оттуда были оттѣснены назадь за Татры нашествіемъ кельтовъ въ IV стол. до нашей эры, удержались же тамъ только остатки, тѣ, которыхъ Прискъ называетъ „служащими сарматами“.

Въ Чехію и Моравію, по сказанію Далимила, пришли уцѣлѣвшія племена изъ Закарпатя. Чешскіе историки по большей части относятъ появленіе славянъ въ Чехіи ко времени освобожденія этой страны отъ маркомановъ. О томъ, какъ мы къ этому относимся съ археологической точки зрѣнія, было уже сказано на стр. 418 и 481. Очень правдоподобно, что первыя славянскія поселенія въ Чехіи появились еще гораздо раньше, но въ половинѣ I тысячелѣтія они во всякомъ случаѣ были усилены и занятіе ими всей страны было уже закончено. Съ тѣхъ поръ въ Чехіи и Моравіи, въ теченіе долгаго времени, не было уже никакого вторженія новыхъ народовъ.

Въ Чехіи въ началѣ историческихъ временъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ племенъ. Собственно—чехи жили внутри страны, на востокъ отъ нихъ жили зличане, на югъ нетольцы и дудлебы; въ сѣверо-западной Чехіи жили седличане, лучане, возлѣ нижней Эльбы лютомиричи и дечане; далѣе къ востоку—пшоване и хорваты. Только позже племя чеховъ получило преобладаніе надъ остальными и дало имъ и всей странѣ свое имя. О началѣ исторіи Моравіи у насъ меньше свѣдѣній. Часть славянъ заселила отсюда западные Карпаты и сѣверную Венгрію и образуетъ до сихъ поръ наиболѣе сохранившееся чешское племя словаковъ. По крови и по языку они родственны вполнѣ съ остальными чешскими племенами, но были оторваны отъ нихъ политически при паденіи великоморавскаго государства.

Во второй половинѣ VI столѣтія славяне начали распространяться и въ альпійскихъ мѣстностяхъ, въ нынѣшней Верхней Австріи, Тиролѣ, Штиріи, Крайнѣ, Хорутаніи и еще южнѣе.

Въ 630 г. сербы были призваны изъ Закарпатя императоромъ Гераклиномъ на помощь противъ аваровъ, которые завоевали уже было Далмацію. Но возвращаясь, они остались въ нынѣшней Сербіи и въ Босніи и очень скоро приняли христіанство; часть ихъ, отдѣлившись, поселилась въ Панноніи и въ Иллиріи и образовала нѣсколько выдѣляющееся въ культурномъ отношеніи племя нынѣшнихъ хорватовъ.

Въ южномъ направленіи изъ своей закарпатской родины славяне прежде всего начали распространяться довольно быстро въ Венгрію, и только позже подвинулись къ берегамъ Чернаго моря и къ устьямъ Дуная. Тамъ они въ теченіе долгаго времени были въ подданствѣ у готовъ, а потомъ у гунновъ. Гунны позаимствовали у нихъ нѣкоторые обычаи и названія, пили напр. сдѣланный изъ меда напитокъ «медось», надъ могилами устраивали поминальные пиры, называвшіеся «стравой»—какъ намъ повѣствуютъ объ этомъ Прискъ, бывшій посломъ императора Теодосія при дворѣ Аттілы, и Иорданъ. Этимъ объясняется и то, что славяне кое-гдѣ смѣшиваются у позднѣйшихъ византійскихъ историковъ съ гуннами. Нѣкоторые новѣйшіе историки впро-

чемъ принимали гунновъ за славянъ, какъ напр. Венелинъ, а главнымъ образомъ Гавріилъ Крстовичъ, Забѣлинъ и Иловайскій.

По словамъ Суровецкаго и Павла Шафарика славяне начали свое вооруженное передвиженіе далѣе на югъ, къ нижнему Дунаю, только послѣ на-

Рис. 414. Каменный валъ на горѣ Радельштейнѣ вблизи Билины въ Чехіи.

денія могущества гунновъ въ 453 г., по мнѣнію Дринова и Иречка еще раньше, но понемногу и послѣдовательно, появлялись тамъ, и переходили Дунай. Заселеніе ими Балканъ продолжалось, по мнѣнію обоихъ упомянутыхъ историковъ, не менѣе 400 лѣтъ, отъ III до VII стол. нашей эры. Славяне достигли тамъ очень скоро большаго могущества, судя потому, что византійскій императоръ Юстинъ, а потомъ Юстиніанъ I и цѣлый рядъ византійскихъ полководцевъ были родомъ славяне. Сначала приходили туда только отдѣльныя племена, а массовое нашествіе славянъ на Балканы началось только послѣ отступленія остроготовъ въ Италію въ 488 г. Изъ Дакіи *) надвигались постоянно все новыя и новыя племена или одни, или

*) Жители этихъ странъ даки и жившіе къ востоку отъ нихъ геты были по извѣстіямъ древнихъ писателей — еракійскаго происхожденія (по Страбону). Дриновъ, Забѣлинъ, Брунъ видѣли впрочемъ въ нихъ предковъ славянъ, а К.

же въ соединеніи съ другими народами, напр. аварами, пока, наконецъ, въ половинѣ VII стол. заселеніе Балканъ не завершилось вполнѣ.

Главными племенами въ придунайскихъ странахъ были сѣверцы, тимочане, мораване, въ Македоніи — брѣіяки, струменцы, смольяне, рыхинны, сагудаты, драговици, въ Фессалии — велесити и т. д. Вообще и вся Греція была наполнена славянскими поселеніями. Въ концѣ VI стол. сирійскій лѣтописецъ Іоаннъ Эфесскій даетъ извѣстіе о полномъ опустошеніи всей Греціи и завладѣніи ею «проклятымъ» народомъ славянскимъ. Съ теченіемъ времени славяне однакоже были мало по малу поглощены мѣстнымъ населеніемъ.

На сѣверъ и на востокъ славяне не подвинулись слишкомъ далеко изъ своего первоначальнаго мѣста жительства. Препятствіемъ этому были безъ всякаго сомнѣнія многочисленныя племена урало-алтайской вѣтви, которыя постоянно оттѣсняли ихъ съ востока къ западу и такимъ образомъ сдерживали распространеніе славянъ въ обратномъ направленіи *). На сѣверъ славяне проникли до самаго озера Ильменя, гдѣ и основали одинъ изъ главныхъ центровъ своего будущаго могущества — Великій Новгородъ.

По извѣстію лѣтописи, приписывавшейся монаху кіево-печерскаго монастыря Нестору (ум. въ 1116 году), на берегу Ильменя жило особое племя словенъ, которое и построило Великій Новгородъ. Кривичи жили на верховьяхъ Двины и Днѣпра, возлѣ нихъ по верхнему теченію Западной Двины жили полочане, имѣвшіе своимъ городомъ Полоцкъ. Ниже ихъ, на верхнемъ Днѣпрѣ, жили дреговичи, у которыхъ былъ городъ Туровъ. Вятичи жили на верхней Окѣ, радимичи на Сожѣ, древляне на Припяти, сѣверяне между Десною и Днѣпромъ; на среднемъ Днѣпрѣ жили поляне, главнымъ городомъ которыхъ былъ Кіевъ, бѣлорваты — между Днѣстромъ и Карпатами, тиверцы и уличи — по нижнему Днѣстру и Пруту, дулябы и бужане на Бугѣ и между Бугомъ и Стырюю.

Этому мѣстному распредѣленію и распространенію славянъ предшествовало однако ихъ раздѣленіе по языку. Уже задолго до начала нашей эры, славяне

Мюлленгофъ полагалъ, что между даками и славянами вѣроятно была близкая родственная связь. К. Иречекъ, Крекъ и П. Шафарикъ считали даковъ и вельтовъ за ерако-иллирійское низшее сословіе (celed).

*) Послѣ гунновъ появились въ Южной Руси авары, которые, перейдя въ 557 г. Волгу, напали на обитавшія тамъ племена. Въ концѣ VIII стол. направились на Русь съ Волги хазары и подчинили себѣ часть славянъ. На Волгѣ жили еще въ это время сильныя племена болгаръ, печенѣговъ, мадьяръ, а дагѣ на сѣверъ были густыя поселенія финскихъ племенъ (Весь, Муромъ, Меря, Мордва и т. п.).

раздѣлились лингвистически на двѣ группы: сѣверовостоchno-южную и западную. Таково мнѣніе Домбровскаго, Шафарика, Потебни, Куника и Крека. Дальнѣйшій процессъ дифференціаціи происходитъ такимъ образомъ, что въ каждой изъ этихъ двухъ группъ начали образовываться новыя небольшія

Рис. 415. Великій Новгородъ въ 1169 году.

различія, сдѣлавшіяся со временемъ болѣе значительными подъ вліяніемъ географическаго отдѣленія племенъ другъ отъ друга и передвиженія ихъ въ новыя мѣстности. Въ какомъ именно порядкѣ происходило это раздѣленіе, сказать очень трудно *). По мнѣнію Крека прежде всего отдѣлились отъ сѣверной группы полабскіе славяне. Затѣмъ они раздѣлились далѣе на собственно-полабскихъ славянъ и поляковъ; югозападная же группа раздѣлилась въ это время на двѣ под-группы—чешскую и сербскую. Группа сѣверовостоchno-южная раздѣлилась на под-группы: русскую — на сѣверовостокѣ, и сербохорватскую и славянскую (болгарскую)—на югѣ.

*) Нѣкоторые, какъ напр. Востоковъ, Палацкій, Надеждинъ, Устряловъ и др., полагали, что послѣ раздѣленія славянскихъ народовъ на 2 группы, последовало отдѣленіе третьей большой группы—русской, и только послѣ этого начались дальнѣйшія подраздѣленія.

Таковы были географическое расположение и лингвистическія отличія славянъ въ самомъ началѣ историческихъ временъ.

Нравы славянъ и ихъ матеріальная и духовная культура не были одинаковы. Въ цѣломъ замѣчалось очень много общаго, но въ деталяхъ уже были довольно замѣтныя различія. Существовали несомнѣнно также и физическія отличія, происшедшія отчасти отъ смѣшенія съ сосѣдними племенами, отчасти же путемъ развитія въ неодинаковыхъ условіяхъ среды, въ какихъ оказались отдѣльныя племена славянъ. Извѣстія о древнеславянской культурѣ довольно скудны, сохранившіеся вещественные памятники тоже не даютъ много. Наиболѣе въ этомъ отношеніи было сдѣлано путемъ сравненія жилищныхъ нравовъ и обычаевъ славянскихъ народовъ и анализа основныхъ элементовъ, общихъ всѣмъ славянскимъ племенамъ. Но это требуетъ еще очень много дальнѣйшей работы. Довольно цѣльную и обширную картину быта древнихъ славянъ можно составить на основаніи такъ назыв. лингвистической палеонтологіи. Прослѣдивши слова, общія всѣмъ славянскимъ языкамъ, мы можемъ познакомиться съ понятіями славянъ еще до ихъ раздѣленія на племена, такъ какъ слова, общія теперь всѣмъ славянскимъ языкамъ, должны относиться вообще къ тому времени, когда западные, восточные и южные славяне жили еще вмѣстѣ и для новыхъ понятій и предметовъ создавали и употребляли одни и тѣ же общія слова *).

Попытки возстановленія древнеславянской культуры были сдѣланы уже нѣсколькими изслѣдователями: Воцелемъ, Будиловичемъ, Ягичемъ и др. ³⁸²). Въ послѣднее время Гр. Крекъ (Gr. Kreck) въ своемъ введеніи къ исторіи славянскихъ литературъ изложилъ подробно все, что могло быть добыто до сихъ поръ лингвистикой для этой цѣли ³⁸³). Считаю полезнымъ поэтому передать и въ нашей книгѣ въ краткихъ чертахъ содержаніе этого введенія, дополнивши его по возможности фактами изъ другихъ источниковъ.

Славяне были земледѣльцами, занимались скотоводствомъ и особенно пчеловодствомъ. Всѣ главные названія земледѣльческихъ орудій и прочіе земледѣльческіе термины у нихъ у всѣхъ одни и тѣ же. Изъ хлѣбныхъ растений они сѣяли рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, просо; общимъ названіемъ для хлѣбныхъ растений у нихъ было слово жито, оставшееся потомъ въ видѣ названія одного какого нибудь изъ хлѣбовъ, у разныхъ славянъ различнаго. Зерна хлѣбныхъ растений размалывались на ручныхъ жерновахъ или въ водяныхъ мельницахъ, и изъ муки пекли хлѣбъ.

*) Тамъ не менѣе и здѣсь необходима извѣстная осмотрительность, такъ какъ нѣкоторые слова изъ чужихъ языковъ, позаимствованныя позже отдѣльными славянскими народами, распространились отъ нихъ и къ другимъ, какъ напр. было по мнѣнію Крека со словами вапно (известъ), коляда, пѣнязь и т. п.

Кромѣ зерновыхъ продуктовъ употреблялась впрочемъ и другая растительная пища; затѣмъ славяне ѣли печеное и вареное мясо, употребляли въ пищу молоко, сыръ и разные овощи, пили напитки изъ меда и вино. Тамъ, гдѣ господствуетъ земледѣіе—нѣтъ больше мѣста для кочеваго существованія. Вспаханное поле прикрѣпляетъ земледѣльца къ землѣ. Поэтому земледѣіе обуславливаетъ и появленіе прочныхъ постоянныхъ жилищъ.

Древніе славяне строили такія жилища изъ дерева. Умѣнье стронть изъ камня и кирпича появилось у нихъ позже, послѣ ихъ раздѣленія *). Особенно въ Россіи, благодаря недостатку камня, постройки даже до новѣйшихъ временъ дѣлались только изъ дерева. Какъ по Геродоту городъ Гелонось въ землѣ будиновъ былъ построенъ изъ дерева, такъ же точно еще въ XVII в. стѣны укрѣпленія Вишни въ Ломжинской губ. и Норовля на Волини еще въ XVIII стол. были деревянныя. Когда же семья, построившая себѣ жилище, размножалась, являлась потребность возводить новыя постройки, расчищать новыя поля и такимъ образомъ въ теченіе вѣковъ развивались общины. Институція славянской общины очень оригинальна, своеобразна и основана на принципахъ родовомъ и хозяйственномъ. Всѣ члены рода жили вмѣстѣ, образуя собой общину, которая носила имя первоначально своего предка-основателя: по имени Родована—Родованичи, по имени Лютомира—Лютомиричи и т. п. Только позже, когда начались развѣтвленія и раздѣленія родовъ, новымъ отдѣлявшимся общинамъ начали давать и другія имена по правамъ и обычаямъ родовъ, по одеждѣ, по мѣсту жительства, по положенію избраннаго имъ мѣста и т. п. Въ общинѣ, въ родѣ—управленіе было вполне демократическимъ. Всѣ члены рода пользовались одинаковыми правами, имущество было общимъ. Въ основаніи ассоціаціи лежали не только родственныя отношенія, но и экономическія. Каждый работалъ на своемъ участкѣ, но результаты его труда шли въ общее пользованіе и самъ онъ жилъ на средства общины. Во всемъ остальномъ члены общины были вполне свободны. Представителемъ общины выбирали кого нибудь изъ старшихъ по возрасту или же имъ былъ вообще всегда старѣйшій изъ членовъ. Онъ наблюдалъ только за сохраненіемъ мира и за порядкомъ во всемъ, исполнялъ обязанности судьи, князя, въ случаѣ надобности и предводителя на войнѣ,—

---

*) Наиболее распространенныя названія кирпича были позаимствованы въ славянскихъ языкахъ или съ нѣмецкаго (укр. цегла, чеш. cihla, пол. cegła), или съ греческаго или турецкаго (великор. кирпичъ, болг. карамида). То же произошло и съ названіемъ извести—вапно, хотя оно и общее всѣмъ славянамъ, но позаимствовано съ греческаго. Постройкамъ изъ камня славяне научились или на западѣ у римлянъ (отчасти при посредствѣ германцевъ), или на востокѣ у византіянъ, хотя могли впрочемъ познакомиться съ ними и раньше, еще въ скифскую эпоху.

во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ былъ равнымъ съ остальными. Самодержавіе развилось у славянъ только въ болѣе позднія времена; названія, обозначающія монархическую власть въ славянскихъ языкахъ, всѣ чужія (князь, король, царь). Вообще кажется, что всѣ сословныя различія, съ которыми мы встрѣчаемся въ позднѣйшія эпохи, развились у славянъ подъ вѣдущими вліяніями, главнымъ образомъ нѣмецкимъ: появилась княжеская власть, бояре, роды, право престолонаслѣдія, наслѣдства вообще и т. д.

Родовое устройство открывало широкое поле для развитія жизни индивидуальной и жизни семейной. Семья въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова была у славянъ очень организована. Въ ней по большей части господствовало единоженство, но встрѣчалось и многоженство въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ въ состояніи былъ содержать нѣсколькихъ женъ. Особенно лица болѣе знатныя въ позднѣйшую эпоху не ограничивались одной женой. О кіевскомъ князѣ Владимирѣ говорятъ, что онъ имѣлъ 5 настоящихъ женъ и кромѣ того еще 800 наложницъ. Начальный лѣтописецъ съ огорченіемъ говоритъ о томъ, что отдѣльныя славянскія племена древней Руси — древлане, вятичи, радимичи и сѣверяне умыкали себѣ женъ у воды. Но это былъ только остатокъ обычая, общаго всѣмъ примитивнымъ народамъ. Экзогамія отдавалось преимущество передъ эндогаміей, женамъ изъ чужихъ родовъ — передъ женами изъ своего. Умыканіе женъ долго держалось у славянъ въ качествѣ переживанія, но только въ видѣ символическаго обряда; въ свадебныхъ же обрядахъ слѣды его держатся и до сихъ поръ.

Однако же разныя свѣдѣнія показываютъ намъ, что положеніе женщины въ древнеславянской семьѣ было довольно свободнымъ. Она, разумѣется, должна была работать, особенно въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя издавна считались женскими, какъ напр. пряжа, тканье шерсти и льна, шитье одежды и т. п. За супружескую невѣрность полагались самыя жестокія наказанія и притомъ для лицъ обоого пола. У женщинъ невѣрность встрѣчалась очень рѣдко. Въ обычаѣ «добровольной» смерти женъ съ мужьями мы впрочемъ не можемъ усматривать той степени супружеской любви, какую въ немъ обыкновенно видятъ.

Кромѣ женщинъ работали также и мужчины въ семьяхъ. Обыкновенно говорятъ, что славяне первоначально не имѣли рабовъ и что рабство развилось только впослѣдствіи путемъ личнаго присвоенія военнопленныхъ. По новѣйшимъ же изслѣдованіямъ Собѣстіанскаго рабство у славянъ существовало съ древнѣйшихъ временъ. Есть многочисленныя извѣстія о рабахъ славянъ, которыми торговали нѣмцы, мадьяры и главнымъ образомъ евреи уже съ давнихъ временъ и между прочимъ и въ Чехіи — въ Прагѣ. Евреи захватили въ свои руки торговлю уже въ концѣ прошлаго тысячелѣтія; послѣ нихъ больше всего занимались торговлей арабы. Но и сами сла-

вяне не пренебрегали торговлей; особенно ловкіе купцы вырабатывались изъ русскихъ славянъ. О торговлѣ, которая велась въ то время черезъ славянскія земли, мы скажемъ еще далѣе.

Кромѣ торговли славяне занимались и разными ремеслами. Они умѣли выплавлять металлы изъ рудъ и обрабатывать ихъ. Знакомство съ этимъ дѣломъ пришло къ нимъ съ востока и съ юга. Изъ металловъ имъ были извѣстны: желѣзо, золото, серебро, мѣдь и олово.

Поселенія древнихъ славянъ помѣщались обыкновенно или возлѣ водъ, или возлѣ дорогъ. Особеннымъ, чисто славянскимъ типомъ расположенія деревни можно считать болѣе или менѣе кругообразную группировку усадебъ возлѣ общаго выгона или центральной площади, въ чемъ родовой принципъ общины выразился топографически. Въ послѣднее время этотъ вопросъ былъ разработанъ съ большимъ успѣхомъ въ Германіи Мейтценомъ, въ Чехіи Пейскеромъ и въ Моравіи В. Гудекомъ. Деревни или города бывали обнесены валами (окопъ и градъ), о которыхъ, такъ какъ они принадлежатъ къ числу сохранившихся памятниковъ, мы скажемъ впослѣдствіи. Кромѣ того они часто строились въ трудно доступныхъ мѣстностяхъ, между болотами или на крутыхъ высотахъ, подобно городищамъ, служившимъ во время войны временными укрѣпленіями, а въ мирное время иногда мѣстами общественныхъ собраний и праздниковъ, главнымъ образомъ религіозныхъ. Особенныхъ мѣстъ для поклоненія богамъ у славянъ первоначально не было. Только позже у нѣкоторыхъ племенъ развилась духовная іерархія, а вмѣстѣ съ нею и религіозный культъ, до такой степени, что начали создаваться, какъ это было напр. въ Польшѣ и у балтійскихъ славянъ, роскошные храмы, украшенные изображеніями и статуями божествъ. Религія славянъ ³⁸⁴⁾, до сихъ поръ еще очевь невыясненная и основанная на поклоненіи разнымъ явленіямъ природы и почитаніи предковъ, ни по происхожденію своему, ни по развитію не представляла исключенія изъ того, что мы находимъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Съ теченіемъ времени поклоненіе неопредѣленнымъ силамъ природы замѣнилось почитаніемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ, ясно обозначенныхъ существъ, боговъ съ различными свойствами и различными функціями. Но еще раньше, чѣмъ міеологическая система у славянъ успѣла сложиться и выработаться въ опредѣленныя формы,—появилось христіанство. О разныхъ обычаяхъ и обрядахъ, приуроченныхъ къ различнымъ эпохамъ жизни отдѣльнаго лица, къ рожденію, зрѣлости, вступленію въ бракъ и т. д., у насъ нѣтъ достаточно подробныхъ свѣдѣній, за исключеніемъ смерти и погребенія, о которыхъ разные путешественники и хронисты сохранили намъ довольно много извѣстій. То, что мы знаемъ отъ нихъ, во многомъ подтверждается и дополняется находками въ гробницахъ отдаленныхъ временъ ³⁸⁵⁾.

Здѣсь мы упомянемъ о погребальныхъ обычаяхъ древнихъ славянъ только вообще, подробности же ихъ будутъ дополнены дальнѣйшимъ описаніемъ сохранившихся памятниковъ. Благодаря тому, что нѣкоторые изъ старинныхъ извѣстій говорятъ только о сожиганіи мертвыхъ у славянъ, другіе же только о погребеніи—мы теперь можемъ сказать съ увѣренностью, что древніе славяне и сожигали и погребали своихъ мертвыхъ, какъ это и было уже высказано Щафарикомъ. Когда, впрочемъ, практиковался одинъ изъ этихъ обрядовъ и когда другой, мы до сихъ поръ еще съ точностью не знаемъ. У однихъ племенъ, какъ указываютъ извѣстія и памятники, одинъ обрядъ, у другихъ—другой были въ исключительномъ или по крайней мѣрѣ въ случайномъ употребленіи.

Но и у одного и того же народа обычай съ теченіемъ времени измѣнялся и вообще кажется, что трупосожженіе было обрядомъ рѣшительно болѣе древнимъ, чѣмъ погребеніе *). Нѣкоторые также думаютъ, что существованіе того или другого обряда зависѣло отъ родовыхъ традицій; что одинъ родъ извѣстнаго племени сожигалъ своихъ умершихъ, а другой родъ того же племени погребалъ ихъ, а Крекъ и Ботларевскій упоминаютъ о случаяхъ, когда оба обряда встрѣчались въ одной и той же гробницѣ вслѣдствіе того, что одинъ изъ умершихъ, напр. жена, принадлежала къ другому роду, имѣвшему обычай сожигать мертвыхъ, тогда какъ другой—мужъ погребался по своимъ обычаямъ.

При самомъ погребеніи, какъ у простыхъ людей, такъ и особенно у знатныхъ, исполнялся цѣлый рядъ церемоній. Мертваго относили изъ дому къ мѣсту, назначенному для похоронъ и тамъ или погребали со множествомъ разныхъ даровъ или же сожигали. По словамъ начальной лѣтописи, нѣкоторые русскія племена, какъ вятичи, кривичи, съве-

*) Трупосожженіе прекратилось у однихъ племенъ раньше, у другихъ позже, главнымъ образомъ подъ влияніемъ христіанства. Ни въ запрещеніяхъ Вратислава 1309 г., ни въ запрещеніяхъ епископа Войтеха 987 г., касающихся устраниенія языческихъ обычаевъ въ Чехіи, о трупосожженіи болѣе не упоминается. У чеховъ и всѣхъ югозападныхъ славянъ, которые рано приняли христіанство, этотъ языческій обычай прекратился раньше всего. Поляки, по извѣстію Титмара, сожигали мертвыхъ еще въ X стол. Въ договорѣ съ рыцарями тевтонскаго ордена 1249 г. нѣкоторые племена въ Пруссіи обязывались не сожигать болѣе своихъ мертвыхъ по языческому обычаю. Гваньини въ своемъ сочиненіи «*Deductio et origo celeberrimae gentis Lithuanorum*» говоритъ вполне опредѣленно о томъ, что нѣкоторые племена въ Литвѣ сожигаютъ мертвыхъ. Точно также и Карлъ Великій издавъ въ 785 году законъ для саксовъ, запрещавшій имъ подъ страхомъ смертной казни сожигать мертвецовъ, по языческому обычаю. Въ Лифляндіи и Эстляндіи, по словамъ Н. Харузина, были найдены могилы съ остатками трупосожженія, относящіяся къ XIV вѣку. (Обзоръ донесторической археологіи въ балтійскихъ губерніяхъ, Ревель, 1894, стр. 128, 133).

ряне, радимичи и другіе сожигали своихъ умершихъ, клали пепелъ ихъ въ сосуды и ставили ихъ на деревянныхъ столбахъ у дорогъ. Но та же лѣтопись въ другихъ мѣстахъ говоритъ и о погребеніи мертвыхъ тѣлъ.

Мы упомянули выше о существованіи у нѣкоторыхъ славянъ обычая, требовавшего смерти жены вмѣстѣ съ мужемъ. Есть извѣстія о томъ, что это дѣлалось добровольно, но мы не думаемъ, чтобы это было такъ въ дѣйствительности. Жертву, отъ принесенія которой не отказываются, нельзя еще назвать вполне добровольной. Это было скорѣе обязанностью, необходимостью, религиознымъ закономъ. Обычай этотъ могъ быть у славянъ ихъ собственнымъ, какъ онъ былъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ — у индусовъ, германцевъ (есть извѣстія о подобномъ же обычаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ), но могъ быть и позаимствованнымъ. Онъ былъ также у скифовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми такъ долго были славяне; о томъ, какъ онъ у нихъ соблюдался, мы сказали уже на стр. 429. Очень возможно, что съ женой умершаго господина убивали также и его слугъ.

О подобныхъ человѣческихъ жертвахъ у балканскихъ славянъ упоминаетъ Маврикій; Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ ихъ у руссовъ, болгаръ и сербовъ (о Руси говоритъ и Ибнъ-Даста), а Левъ Діаконъ, Массуди и св. Бонифаций — у западныхъ славянъ. Ибнъ-Фоцланъ оставилъ намъ подробное описаніе погребенія знатнаго русса, котораго онъ былъ самъ очевидцемъ въ 921 или 922 г. нашей эры. Оно настолько интересно, что мы считаемъ возможнымъ привести его здѣсь въ возможно полномъ извлеченіи.

Умершаго знатнаго человѣка прежде всего клали на десять дней въ могилу, а затѣмъ кроили и шили для него потребную одежду и дѣлили его имущество. Третья часть этого имущества отдавалась его семьѣ, другая треть шла на приготовленіе платья и наконецъ послѣдняя треть употреблялась на покупку охляняющихъ напитковъ для погребальныхъ торжествъ. При этомъ попойка шла и днемъ и ночью. Если умиралъ начальникъ, то спрашивали у лицъ его свиты, кто хочетъ съ нимъ умереть, и когда кто-нибудь отвѣчалъ «я!» — а это бывали обыкновенно женщины — то возврата больше не было и отказаться нельзя было. Въ присутствіи Ибнъ-Фоцлана произошелъ подобный случай. Умеръ начальникъ, и одна изъ дѣвушекъ согласилась умереть съ нимъ; ее тотчасъ же отдали подъ надзоръ другимъ, а между тѣмъ происходили упомянутыя выше приготовленія къ похоронамъ. «Дѣвушка пила по цѣлымъ днямъ, пѣла, была весела и счастлива. Когда насталъ день похоронъ, изъ рѣки вытянули на сушу ладью, подперли ее и окружили большими деревянными изображеніями людей. На эту ладью поставили скамью, которую старая женщина, называвшаяся «ангеломъ смерти», покрыла драгоценными тканями. Это была та женщина, которая распоряжалась приготовленіемъ одежды, а потомъ убивала и дѣвушку. «Я видѣлъ ее», говоритъ

Ибнъ-Фопланъ: «это былъ чортъ съ мрачнымъ, зловѣщимъ взглядомъ». Затѣмъ отправились къ могилѣ и вынули изъ нея умершаго со всѣмъ, что было съ нимъ положено (напитками, пищей и лютой); одѣли его въ золотыя одежды и положили въ ладью на приготовленную скамью подъ шатромъ. Вокругъ него поставили сосуды съ опьяняющими напитками и съ разными кушаньями и положили оружіе. Затѣмъ принесли собаку, убили двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицу, порубили все это и бросили въ ладью. Обреченная на смерть дѣвушка ходила между тѣмъ вокругъ и войдя въ одну изъ разбитыхъ тамъ же палатокъ отдалась одному мужчине, вошедшему съ ней въ сношеніе «изъ любви къ покойному». Наконецъ въ пятницу послѣ полудня дѣвушка, по совершеніи какого-то недостаточно ясно описаннаго обряда, была приведена къ ладѣ; тамъ она сняла свои браслеты и отдала старой женщинѣ, затѣмъ вошла въ ладью, но еще не подъ шатеръ, гдѣ лежалъ мертвый начальникъ. Ей подали чашу опьяняющаго напитка, она взяла ее, заплѣла и выпила; подали другую чашу, она взяла и ту и заплѣла новую пѣсню... Это продолжалось долго, но старая женщина поторопила ее выпить и войти въ шатеръ. Она боязливо и нерѣшительно наклонила голову къ шатру, но тутъ «ангелъ смерти» схватилъ ее за спину и вошелъ вмѣстѣ съ ней. Стоявшіе кругомъ мужчины начали бить палицами въ щиты, производя сильный шумъ; чтобы заглушить крики, которые могли быть слышны изъ шатра. Затѣмъ шестеро мужчинъ вошли въ шатеръ, каждый совокупился съ ней, а послѣ этого ее положили опьяненную возлѣ мертваго начальника и крѣпко держали, тогда какъ старая женщина, называемая «ангеломъ смерти», надѣла ей на шею веревку и воткнула глубоко въ сердце широкій ножъ.

Послѣ всего этого къ ладѣ приблизился самый близкій изъ родственниковъ покойнаго и поджегъ горѣвшимъ кускомъ дерева костеръ, еще прежде наложенный подъ ладѣй. Съ другихъ сторонъ сдѣлали то же самое прочіе родственники, и скоро огонь охватилъ всю ладью съ бывшимъ на ней шатромъ, мертвыми и всѣмъ, что было въ ней. Не прошло и часу какъ отъ всего осталась только куча пепла, надъ которою и былъ насыпанъ курганъ.

Къ этому разсказу Ибнъ-Фопланъ прибавляетъ слѣдующую фразу, сказанную однимъ руссомъ его переводчику: «Вы, арабы, — глупый народъ. Вы берете того, кого вы наиболѣе любите и почитали и владете его въ землю на ѣденіе разнымъ гадамъ и червямъ. Мы, наоборотъ, быстро сожигаемъ его, и онъ такимъ образомъ немедленно входитъ въ рай!»

Погребальныя обряды сопровождалась обыкновенно торжествами и пирами или возлѣ могилы или въ домѣ умершаго. Празднество это носило названіе *тризны* *).

*) Нѣкоторые, какъ напр. Шафарикъ, Котляревскій, а въ последнее время

Славяне любили музыку и пѣніе. Теофилактъ Симокаттесъ рассказываетъ анекдотъ о трехъ славянскихъ плѣнникахъ съ цитрами въ рукахъ вмѣсто мечей, а по словамъ Ибнъ-Фоцлана умершему начальнику руссовъ дана была лютя и на тотъ свѣтъ. Также точно Ибнъ-Даста и Аль-Бекри упоминають о музыкальныхъ инструментахъ славянъ, главнымъ образомъ о струнныхъ. Славяне дошли до значительной степени совершенства въ музыкѣ и лирической поэзіи — особенно въ пѣсняхъ. Эпическая поэзія возникла у нихъ позже.

Во многихъ книгахъ постоянно повторяются фразы о милобудиной кротости славянъ. Это неправда. Славяне вовсе нѣмъ и кроткимъ народомъ: древнѣйшая и позднѣйшая историческая достаточная тому доказательства, и давно уже пора бы сторопѣ эти идеалистическія о нихъ представленія *). Ихъ зане время—хлѣбопашество, разведеніе скота и пчелъ, пѣніе струнныхъ инструментовъ—вовсе не исключали свирѣпой страстей. Славяне способны были воевать съ такой же свирѣпо такъ же грабить и убивать всѣхъ, какъ и всѣ остальные, сѣ народы. Достаточно послушать жалобы одного Іоанна Ефесскаго славянъ», которые во времена императора Тиберія по сряду жгли, грабили, брали въ плѣнъ и убивали людей во оружіемъ служили славянскимъ воинамъ лукъ со стрѣламъ

главнымъ образомъ Крекъ полагають, что существовавшій по с у гунновъ обычай устраивать погребальный пиръ, носившій наз былъ позаимствованъ ими отъ славянъ, и что само это названіе с происхожденія и означаетъ собою угощеніе. Напротивъ, другіе, какъ ленгофъ, Поттъ и Дифенбахъ принимаютъ его съ меньшей правдо слово не славянское и объясняють иначе.

*) Было время, когда у всѣхъ почти изслѣдователей господств sentimentalno-идеалистическіе взгляды на характеръ древнихъ славянъ впрочемъ своихъ послѣдователей и до сихъ поръ. И. М. Собо с давно указалъ на историческое развитіе этихъ ошибочныхъ взгля писывая происхожденіе ихъ главнымъ образомъ вліянію Гердер своимъ сочиненіи *Ideen zu einer Philosophie der der Menschheit* изобразилъ славянъ какъ типъ мирной, гум стии. По мнѣнію Собѣстіанскаго это было вовсе не такъ: славяне какъ и другіе, имѣли рабовъ, имѣли по нѣскольку женъ, убивали своихъ дѣтей и слабыхъ стариковъ и т. п. Противъ взглядовъ Собѣстіанскаго въ Россіи появились возраженія, по большей части основательныя, особенно по отношенію къ его критикѣ нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ, напр. Шафарика, но въ основной своей мысли, что существовавшіе до сихъ поръ взгляды на бытъ славянъ были по большей части sentimentalno-идеалистическими, мы думаемъ, что онъ былъ вполнѣ правъ.

часто напитанными ядомъ *), мечъ, сабля, которую они позаимствовали отъ азіатскихъ племенъ, копыя (с у лица есть вѣроятно первоначальное славянское названіе копыя), сѣкира, иногда также съ поперечнымъ остриемъ, топоръ съ молотомъ, палица, ножъ, праща, щитъ, шишакъ (старославянское шлемъ произошло по мнѣнію Крек'а отъ нѣмецкаго Helm) и кольчуга—все главнымъ образомъ желѣзное. Желѣзо было знакомо славянамъ уже съ очень отдаленныхъ временъ.

Для перевозки тяжестей славяне на сушѣ употребляли возы на колесахъ (колесахъ), а жившіе возлѣ воды умѣли прекрасно плавать на лодкахъ, главнымъ образомъ только при помощи веселъ. Есть цѣлый рядъ извѣстій о томъ, какъ они переѣзжали Сѣверное море и пускались по широкимъ русскимъ сплавленнымъ рѣкамъ далеко по Черному морю съ цѣлю войны и грабежа. На ладяхъ бывали паруса изъ льняной ткани и даже иногда изъ шелковой. Еще въ историческія времена такимъ отважнымъ пиратствомъ прославились запорожскіе казаки.

Благопріятны также для славянъ и древнія извѣстія, описывающія ихъ нравы, ихъ характеръ, ихъ умственное развитіе, не смотря на то, что показанія эти исходятъ отъ нѣмцевъ, грековъ и прочихъ неславянъ. Съ физической стороны ихъ изображаютъ какъ людей сильныхъ, здоровыхъ, высокаго роста съ свѣтлыми волосами и глазами. Въ характерѣ ихъ хвалятъ храбрость, любовь къ свободѣ, привязанность къ родинѣ, гостепріимство **), доверчивость, супружескую вѣрность и т. п.,—упрекаютъ же ихъ главнымъ образомъ въ отсутствіи единодушія. «Славяне вообще храбрые и неустрашимые

---

*) Намазанныя ядомъ стрѣлы были въ доисторическія времена въ Европѣ въ такомъ же обширномъ употребленіи, какъ и у нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ. Онѣ продолжали употребляться еще въ позднія времена среднихъ вѣковъ, напр. у германцевъ, о чемъ свидѣлствуютъ наказанія, полагавшіяся за пораненіе отравленными стрѣлами въ старинныхъ германскихъ кодексахъ, а также и у славянъ. Объ употребленіи отравленныхъ стрѣлъ у славянъ вообще свидѣлствуютъ императоръ Маврикій и Левъ Мудрый; у чеховъ такая стрѣла называлась *pálér*. Стрѣлами, предназначенными для отравленія, мы можемъ считать тѣ, которыя имѣютъ на своей поверхности бороздки или углубленія, удобныя для помѣщенія въ нихъ яда. Ядъ употреблялся для этой цѣли или животный, напр. змѣиный, или гнилостный (у скиновъ была въ ходу смѣсь и того и другаго), или же наконецъ—и чаще всего—растительный (изъ разныхъ растений, главнымъ образомъ изъ видовъ *Asopitum*), но не минеральные яды.

**) Нѣтъ ни одного племени гостепріимнѣе славянъ, говорятъ Адамъ Бременскій и Гельмольдъ. Это гостепріимство доходило до того, что дозволялось украсть или взять силою то, что было необходимо, чтобы какъ слѣдуетъ принять гостя. Слова гость и чужеземецъ имѣли одно и то же значеніе. Отказъ въ гостепріимствѣ влекъ за собою самыя тяжкія наказанія; было даже позволено зажечь домъ, въ которомъ случилась подобная вещь.

люди, и если бы вследствие крайняго раздробленія на племена и роды они не находились постоянно во враждѣ между собою, то не было бы народа, который могъ бы помѣриться съ ними силою». Такъ писалъ о славянахъ Ибрагимъ Бенъ-Якубъ, и то же самое говорилъ о нихъ и императоръ Маврикій.

Съ кажущейся неблагоприятностью относится только къ культурѣ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ древней Руси авторъ начальной русской лѣтописи, хотя и хвалитъ во всѣхъ отношеніяхъ полянъ, къ которымъ и самъ онъ принадлежалъ. Но онъ писалъ очень кратко и притомъ съ точки зрѣнія христіанскаго монаха о язычникахъ, смѣшивая иногда даже умышленно нравственность съ языческой цивилизаціей, для того, чтобы тѣмъ ярче выставить добродѣтели христіанства. То же надо сказать и о Козьмѣ Пращскомъ, описывавшемъ жизнь чеховъ-язычниковъ. По его словамъ они не знали жилищъ, не знали вина, одѣвались только въ звѣриныя шкуры, пользовались женщинами сообща «звѣринскимъ образомъ» (*more residum*),—все это несправедливо и представляетъ притомъ собою отголосокъ римскихъ писателей. У полабскихъ славянъ нѣкоторые тоже отрицали на основаніи старинныхъ извѣстій признаки высшей культуры, какъ напр. знакомство съ хлѣбопашествомъ, постоянныя жилища и т. п., но это оказалось несправедливымъ.

Сохранившіеся памятники этой эпохи въ славянскихъ странахъ мы можемъ раздѣлить на двѣ большія группы—на остатки поселеній, къ которымъ относятся главнымъ образомъ городища и славянскія свайныя постройки, и—славянскія гробницы.

О томъ, что такое городища, было уже нами сказано на стр. 92, въ описаніи неолитической эпохи. Естественно, что древнѣйшія общины должны были ограждать себя отъ непріятели сооруженіемъ укрѣпленій. Въ Европѣ мы встрѣчаемся съ мѣстами, огражденными валами во всѣ доисторическія эпохи—болѣе всего впрочемъ въ концѣ доисторическихъ временъ и въ началѣ историческихъ, и кажется, что они многочисленнѣе всего именно въ странахъ, заселенныхъ славянами ³⁸⁷).

Въ теченіе этихъ эпохъ, точно также, какъ и прежде, городища возводились обыкновенно на высотахъ, которыя были уже защищены въ извѣстной степени своимъ естественнымъ положеніемъ, въ равнинахъ—на мѣстахъ, окруженныхъ густыми лѣсами, глубокими водами или болотами. Въ подобныхъ мѣстахъ насыпали валы, иногда на свайныхъ сооруженіяхъ и вообще на искусственномъ фундаментѣ. Ибрагимъ Бенъ-Якубъ, путешествовавшій по средней Европѣ въ качествѣ члена мавританскаго посольства къ императору Оттону I, описываетъ славянское укрѣпленіе *Vili-grad* слѣдующимъ образомъ: Вилиградъ построенъ на озерѣ, какъ и большинство градовъ у славянъ. Если

они хотятъ поставить градъ, то ищутъ мѣстность, богатую водами и боло-
тами, выбираютъ тамъ круглое или четырехугольное пространство, смотря по
тому, какую форму и размѣры они желаютъ дать своему сооруженію. Затѣмъ
они выкапываютъ кругомъ ровъ и изъ вынутой изъ этого рва земли насы-

паютъ валъ, который такъ
утрамбовываютъ досками
и колесами, что онъ ста-
новится твердымъ, какъ
токъ на гумнѣ. Когда
же валъ достигнетъ до-
статочной высоты, то въ
одной изъ сторонъ его,
которая удобнѣе, продѣ-
лываютъ входъ, сообщаю-
щійся черезъ ровъ съ
землей посредствомъ де-
ревяннаго моста.

Валы городищъ бы-
ваютъ сдѣланы обыкно-
венно изъ глины, гораздо
рѣже изъ камня. Очевид-
но здѣсь сообразовались
прежде всего съ тѣмъ,
какой матеріалъ былъ бо-
лѣе подъ рукой. Особен-
ную, до сихъ поръ хроно-
логически, да и въ про-
чихъ отношеніяхъ, невы-
ясненную группу пред-
ставляютъ собой такъ на-
зываемые обожженные

Рис. 416. Видъ части каменнаго вала на вершинѣ
Здаре воелѣ Рокицанѣ

ные или остеклованные валы (camps vitrifiés, Glasburgen, vitri-
fied forts). Они носятъ это названіе потому, что камни, изъ которыхъ
они построены, высказываютъ на своей поверхности очевидные слѣды дѣйствія
сильнаго жара, ихъ верхнія части полурасплавлены, покрыты шла-
ками, между камнями попадаютъ слои пепла, куски обгорѣлаго дерева,
угля и т. п. Несомнѣнно, что такое обжиганіе вала производилось съ цѣлью
сдѣлать поверхность его болѣе плотной и твердой, чтобы камень не крошился,
т. е. вообще съ оборонительными цѣлями и умысленно. Это, слѣдовательно,
не слѣды только пожара, бывшаго надъ валомъ деревяннаго палисада, сож-

женнаго непріятелемъ. Но не легко отвѣтити на вопросъ о томъ, какимъ образомъ производилось такое обжиганіе каменной кладки? Предположеній на этотъ счетъ было высказано много. Обыкновенно думаютъ, что обжиганіе производилось послѣ постройки вала путемъ разведенія большого огня на его поверхности. Но обожженные камни и песокъ попадаютъ также и внутри валовъ, а поэтому уже проф. Г. Шнафгаузенъ, Р. Вирховъ и другіе вполне основательно полагали, что это должно было дѣлаться иначе и ставили въ связь съ обжига-ніемъ валовъ тѣ каналы, заключающіе въ себѣ остатки угля и пепла, которые въ нихъ иногда встрѣчаются. Въ послѣднее время чешскій проф. Г. Вольдржихъ, внимательнымъ изслѣдованіемъ такихъ валовъ въ Литорадлицкомъ городищѣ, возлѣ Глубокой подѣ Влтавой и въ городищѣ подѣ Волинкой, у Страколицъ, въ извѣстной степи выяснилъ это обстоятельство. При раскопкѣ валовъ во многихъ мѣстахъ оказалось, что они состоятъ сверху до низу изъ перемежающихся слоевъ камня и песку и слоевъ пепла и древеснаго угля (ср. рис. 417).

Рис. 417. Разрѣзъ главнаго западнаго вала Литорадлицкаго городища.

Бромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались и искусственныя дыры для прохода воздуха,

Рис. 418. Разрѣзъ главнаго восточнаго вала Литорадлицкаго городища.

танувшія между пескомъ и камнемъ (рис. 418). Камень, слѣдовательно, складывался нарочно такимъ образомъ, чтобы внутри вала образовались каналы. Эти факты дали возможность проф. Вольдржиху прійти къ заключенію, что описываемые валы сооружались слѣдующимъ образомъ: «когда мѣстность, подходящая для сооруженія городища, была выбрана и направленіе вала обозначено, то всю почву, которая должна была находиться подѣ валомъ, по всей длинѣ его покрывали слоемъ древеснаго угля; на этотъ слой угля кое-гдѣ накладывали слой глины, чтобы песокъ, который насыпался на всю поверхность, занятую углемъ, не вездѣ проникалъ между углями, затѣмъ на слой песку накладывались камни такимъ образомъ, чтобы между ними оставались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ про-

межутки, образующіе нѣчто въ родѣ каналовъ для прохода воздуха, и наконецъ слой дополнялся камнями. Послѣ всего этого зажигали угли, жаромъ отъ которыхъ плавился песокъ и обжигались, остекловываясь на своей поверхности и приплавляясь другъ къ другу, камни, главнымъ образомъ въблизи воздушныхъ каналовъ. Такимъ образомъ наложенные слои осѣдали, приобретаемая вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащую плотность, причемъ разумеется и каналы сами собою засыпались и остававшійся недогорѣвшій уголь погасалъ». Это повторялось послѣдовательно три раза. Вольдржихъ съ полной справедливостью прибавляетъ, что существовавшее до него мнѣніе, по которому на готовые уже валы накладывался сверху большой слой дерева и зажигался — несправедливо. Такой способъ обжиганія валовъ не могъ бы дать надлежащихъ результатовъ, такъ какъ жаръ, производимый горѣніемъ дерева, могъ бы дѣйствовать только на поверхность вала, и то только дойдя до ней послѣ непроизводительной траты тепла, уходившаго прямо въ воздухъ, и произвела обжиганіе только самого верхняго слоя песка и камня ³⁸⁸).

Обожженные валы относятъ обыкновенно къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ валы съ славянскими признаками, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе. Такъ думаютъ напр. Р. Вирховъ и Л. Шнайдръ. Но проф. Вольдржихъ, напротивъ, относитъ упомянутые выше чешскіе валы къ болѣе поздней эпохѣ и приписываетъ ихъ славянамъ. Въ Чехіи они довольно многочисленны. Кромѣ двухъ, уже упомянутыхъ нами, сюда относятся еще городище на Княжей горѣ возлѣ Катовицъ, валъ въ Буковцѣ возлѣ Пильзена, у Свакова возлѣ Собѣслава, въ Гостинѣ и т. п. Они встрѣчаются также въ Тюрингіи, Лузаци, Силезіи и т. д.

Форма городищъ различна и по большей части вездѣ опредѣлялась естественными условіями мѣстности, такъ что здѣсь вполне приложимо то, что было уже сказано нами на стр. 93. Прежде нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. Изм. Срезневскій, классифицировали ихъ, смотря по тому, состоятъ ли они изъ одного вала или изъ нѣсколькихъ, имѣютъ ли они округленный видъ или угловатый, закрытый или открытый и т. п. Это во всякомъ случаѣ раздѣленіе чисто механическое, не имѣющее въ своемъ основаніи какого-нибудь болѣе глубокого принципа, какъ напр. назначенія городищъ и т. п. При установленіи его принимались во вниманіе только мѣстныя потребности *).

Много споровъ было по вопросу о назначеніи городищъ. Одни видѣли въ нихъ остатки постоянныхъ укрѣпленныхъ поселеній, другіе — только

*) На X Русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ въ 1896 г. проф. В. Б. Антоновичъ, сдѣлавши опредѣленіе городища, какъ «оставленнаго укрѣпленнаго мѣста поселенія», предложилъ классификацію этихъ памятниковъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра на пять слѣдующихъ группъ: 1) городища — а) и — д а н ы, наиболѣе древній типъ, существенную часть котораго составляетъ кольцо

временныя убѣжища для поселенія во время войны, затѣмъ нѣкоторые полагаютъ, что это были мѣста общественныхъ собраній для совѣщаній, суда, для принесенія жертвъ и вообще для религіозныхъ цѣлей; другіе, наконецъ, предполагали еще разныя цѣли и т. д. Теперь ясно только то, что назначеніе городищъ было дѣйствительно различное. Одно и то же городище могло служить для всѣхъ этихъ цѣлей, но вообще всѣ они представляютъ собою только оборонительныя укрѣпленія и тамъ, гдѣ они находились на выдающихся возвышенностяхъ и недоступныхъ высотахъ, они служили очевидно и убѣжищемъ для населенія деревень, расположенныхъ на равнинѣ — внизу *). Большія укрѣпленія на равнинахъ, возлѣ воды и т. п. ограждали впрочемъ и постоянныя поселки, разросавшіеся потомъ при увеличеніи населенія въ укрѣпленные города. Но всѣ городища не представляютъ собою остатки городовъ. О громаднхъ укрѣпленіяхъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ славянскихъ городовъ, какъ Арконы на о-вѣ Рюгенѣ (городъ былъ окруженъ валомъ въ 50 локтей высоты), Кореницы, Ретры, Велеграда, Кіева, Кракова, Гродна — у насъ есть и историческія свѣдѣнія и наконецъ археологическіе факты въ видѣ сохранившихся на мѣстѣ остатковъ. Очень многіе изъ славянскихъ городовъ сохранили и до сихъ поръ свои первоначальныя названія: Гродно, Городень, Городня, Городище, Hradiste, Hradek, Horodes и пр.

Нѣкоторыя городища, какъ напр. въ Лузаціи или въ Минской и Грод-

образное возвышеніе съ выходомъ съ одной стороны и иногда съ побочными возвышеніями, такъ называемыми крыльями; 2) циркулярныя городища, образованныя невысокимъ валомъ въ видѣ круга или овала и иногда рвомъ съ нѣскольکو выпуклой посрединѣ площадью; въ виду связи съ древне-славянскими курганами они могутъ считаться первоначальными славянскими городищами; 3) городища княжеской эпохи, неправильной формы, иногда съ нѣсколькими концентрическими валами, расположенныя по большей части на возвышенностяхъ, обыкновенно надъ рѣкой, соединенныхъ съ материкомъ возможно узкимъ перешейкомъ, который перекапывался рвомъ и укрѣплялся валомъ; мѣстности ихъ соответствуютъ городамъ, существовавшимъ въ велико-княжескую эпоху; 4) городища литовскаго времени, XV—XVI в., равностороннія съ выступами по угламъ, приспособленныя уже къ дѣйствию огнестрѣльнаго оружія и 5) новѣйшія укрѣпленія (XVI—XVIII в.), съ бастіонами и т. п. (См. «Кіев. Стар.» 1896, окт. стр. 31—34). (Прим. переводчика).

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ особенности система ихъ расположенія. Тамъ, гдѣ племена граничили одно съ другимъ, мы видимъ тянущіеся другъ противъ друга ряды городищъ, кое-гдѣ укрѣпленныхъ стратегической линіей. Но такой впрочемъ системы, какую видѣтъ въ нихъ З. Д. Ходаковский, который полагалъ, что они всегда расположены на разстояніи одной мили одно отъ другого — въ нихъ нѣтъ. Число ихъ и взаимное разстояніе зависѣли или отъ количества населенія, или же отъ надобностей фортификаціи. См. Шафарика, Славянскія Древности, (чеш. изд.) I, стр. 256.

ненской губерніяхъ, гдѣ они были описаны когда-то графомъ Тышкевичемъ, — слишкомъ небольшихъ размѣровъ для того, чтобы ихъ можно было принимать за укрѣпленія, а кромѣ того и не имѣютъ близости воды для питья. Назначеніе ихъ опредѣлить уже разумѣется труднѣе. Чаще всего предполагались въ этомъ случаѣ религіозныя цѣли. Вѣдь будто бы служилъ здѣсь не для обороны, а только для огражденія, отдѣленія священнаго мѣста отъ прочаго пространства (ср. греч. *τέμενος*). Такъ полагаетъ относительно бѣлорусскихъ валовъ д-ръ Каз. Шульцъ, объ австрійскихъ — д-ръ М. Мухъ и Бегла о круглыхъ валахъ въ Лузаціи.

На валахъ, служившихъ для укрѣпленія города, ставили еще деревянные палисады (заборолы). Съ такими деревянными сооружениями поверхъ ва-

ловъ мы встрѣчаемся чаще всего въ древней Руси. Позже начали возводить стѣны и изъ камня и изъ кирпича. Внутри укрѣпленія вѣлъ одинъ или нѣсколько входовъ, которые, въ особенности главныя ворота, были еще сильнѣе укрѣплены предградіемъ (*podhradim*). Самый входъ запирался толстыми деревянными воротами. Дорогу, ведущую къ городищу, старались устраивать всегда такъ, чтобы она была какъ можно менѣе доступна для непріятеля.

Наибольшая часть валовъ въ Европѣ, особенно находящихся въ странахъ, заселенныхъ прежде славянами, относится къ концу доисторической эпохи, ко времени, когда славяне жили уже въ этихъ мѣст-

Рис. 419. Сосудъ типа городищъ изъ гробницы въ Коттлахъ въ Нижней Австріи.

ностяхъ, и поэтому главнымъ образомъ славянскаго происхожденія. Эти позднѣйшія славянскія городища въ Лузаціи, въ Чехіи, въ Моравіи, въ Польшѣ и въ Россіи заключаютъ въ культурныхъ слояхъ внутри валовъ и въ самыхъ валахъ одинъ своеобразный видъ керамики, до такой степени своеобразный и повсюду одинаковый, что онъ получилъ названіе типа городищъ (*Burgwalltypus*). Р. Вирховъ первый установилъ въ Лузаціи опредѣленное различіе его отъ болѣе древняго керамическаго типа, который былъ извѣстенъ въ тамошнихъ поляхъ погребальныхъ урнъ, такъ называемаго лужицкаго типа (см. стр. 412).

Признаки керамики городищ следующие: сосуды сдѣланы уже на гончарномъ кругѣ (хотя попадаются и сдѣланные отъ руки), довольно высоки, чаще всего съ низкимъ горломъ и загнутыми краями; ушковъ обыкновенно не бываетъ. Они украшены горизонтальными бороздчатыми или вдавленными линиями и полосками, или рядами черточекъ и точекъ, расположенныхъ различными узорами, а чаще всего простою или состоящею изъ нѣсколькихъ параллельныхъ линий, сдѣланныхъ при помощи вилочки, полосой бороздчатого волнисто-линейнаго орнамента (рис. 419—421).

Рис. 420 и 421. Позднѣйшій сосудъ изъ Старога Града въ Морави и погребальная урна, найденная въ Яромержѣ.

Этотъ волнисто-линейный орнаментъ, въ связи съ остальными вышеозначенными признаками, составляетъ отличительный характеръ данной керамики и мы съ нимъ встречаемся вездѣ, гдѣ жили славяне *). Наиболѣе дальней запад-

*) Въ видѣ единичныхъ случаевъ этотъ волнисто-линейный орнаментъ встрѣчается и на сосудахъ болѣе древнихъ эпохъ, начиная даже съ неолитической, но принимаетъ типическій и постоянный характеръ только въ указанное время. Впрочемъ хотя керамика городищъ несомнѣнно указываетъ на славянское происхождение посуды, тѣмъ не менѣе происхождение самого этого узора вѣроятно не славянское. Намъ кажется, что первоначальный характеръ сосудовъ типа городищъ и орнаментация ихъ сложными волнистыми линиями позаимствована была славянами изъ провинціальной римской керамики, и что у славянъ типъ этотъ только удержался и получилъ болѣе широкое развитіе. Подобные взгляды высказывались уже и прежде, напр. М. Мухомъ. Я самъ внимательно изучалъ провинціальную римскую керамику въ нѣсколькихъ музеяхъ и нашелъ, что сосуды этого типа встрѣчаются во всѣхъ римскихъ провинціяхъ, хотя и не одинаково часто.

ной границей его распространения въ Германіи Бушанъ считаетъ Фихтельвальдъ. Иногда эти сосуды сдѣланы изъ грубаго матеріала, но вообще хорошо выжжены, не имѣютъ слѣдовъ расписыванія и бываютъ обыкновенно бѣловатаго или черноватаго цвѣта. Глазурь почти совершенно отсутствуетъ; на днѣ

встрѣчаются иногда вытисненные значки на подобіе крестика, звездочки, кружки и т. п.

Этотъ видъ сосудовъ и служитъ главнымъ образомъ для хронологическаго опредѣленія городищъ и гробницъ. Дальнѣйшій инвентарь культурныхъ слоевъ городищъ этой эпохи заключаетъ массы костей дикихъ и домашнихъ животныхъ, живущихъ и до сихъ поръ (главнымъ образомъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ, козъ, кабана, разныхъ птицъ и рыбъ *), остатки хлѣбныхъ зеренъ и плодовъ, обломки разныхъ орудій и украшеній, костяныхъ, бронзовыхъ, но чаще всего желѣзныхъ, какъ напр. ножей съ прямымъ остріемъ, сѣкиръ, наконечниковъ копій и стрѣлъ, подковъ, долотъ, колецъ, шилъ и т. п. Приниѣ-

Рис. 422. Современный сосудъ изъ Моравіи. ромъ подобнаго инвентаря можетъ служить цѣлое собраніе древностей изъ Лѣваго Градца возлѣ Праги, изображенное на стр. 545 (рис. 423).

Они очень рѣдки въ Галліи и Британіи, но гораздо многочисленнѣе уже на Рейнѣ (въ франкскихъ гробницахъ) и въ нѣкоторыхъ австрійскихъ мѣстностяхъ. Въ Австріи типическіе римскіе сосуды были найдены напр. въ Вассерингѣ въ Нижней Австріи, въ Биркельштейнѣ, въ Зальцбургѣ. Затѣмъ въ другихъ мѣстахъ волнисто-линейный орнаментъ становится опять рѣдкимъ и появляется въ большомъ количествѣ уже на сосудахъ позднѣйшихъ кавказскихъ гробницъ, какъ это можно видѣть на образцахъ ихъ, хранящихся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. На новѣйшей славянской керамикѣ волнисто-линейный орнаментъ изъ нѣсколькихъ линій встрѣчается рѣдко. Мнѣ извѣстны только рѣдкіе случаи въ Моравіи и болѣе многочисленные въ Славоніи. Въ Россіи я встрѣтилъ его почти въ одномъ только мѣстѣ, а именно на рынкѣ возлѣ знаменитой Троицко-Сергіевской Лавры; видѣнные тамъ мною горшки вполнѣ соотвѣтствовали типическимъ сосудамъ типа городищъ изъ славянскихъ гробницъ ²⁸⁹).

*) См. специальную статью проф. Вольдриха въ *Mittheilungen der anthropol. Gesellsch. in Wien*, т. XXIII, стр. 17.

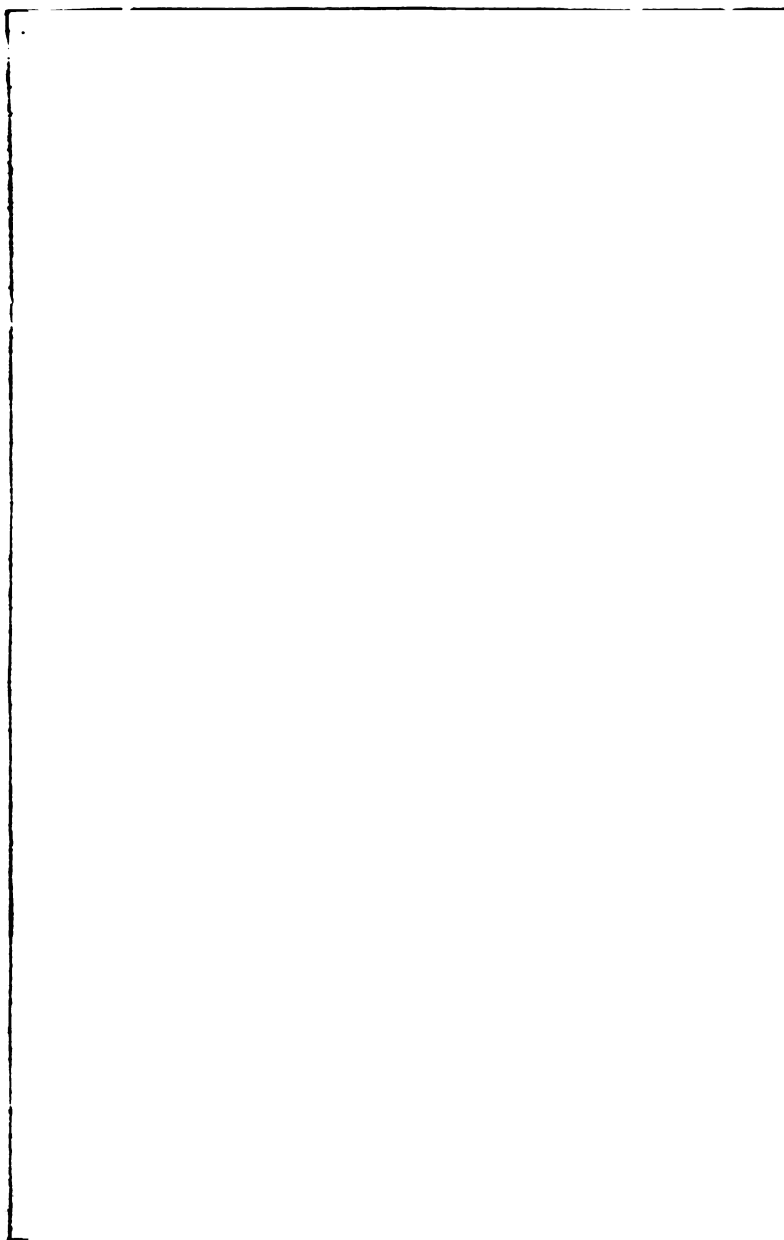

Рис. 423. Предметы, найденные въ городищѣ Лѣвомъ Градцѣ.

Городищъ описаннаго типа въ славянскихъ земляхъ такое громадное количество, что перечисленіе ихъ здѣсь мы не считаемъ возможнымъ. Въ Чехіи большинство валовъ—славянскаго происхожденія, съ инвентаремъ, подобнымъ только что описанному; то же самое въ Лузацин, въ Бранденбургѣ, не говоря уже о восточныхъ славянскихъ земляхъ. Къ наиболѣе извѣстнымъ чешскимъ мѣстонахожденіямъ принадлежатъ валы на горѣ Плешивцѣ возлѣ Горовицѣ, на горѣ Владаржѣ возлѣ Хыше, громадный валъ возлѣ села Чешова у Ична, Тетинѣ надъ р. Бероункою, Либушинѣ у Смечна, валы возлѣ Либницы, которые могутъ служить примѣромъ городищъ на равнинѣ (рис. 424), городища возлѣ Коуржима, у Черносекѣ, на

Рис. 424. Планъ Либницкаго городища.

Катовицкой горѣ, Лѣвый Градецъ и Шарка возлѣ Праги. Очень хорошѣ изслѣдованъ Градекъ въ Чаславѣ ²⁹⁰).

На линіи укрѣпленій, тянующихся отъ Бакова къ Горжицамъ, очень интересны напр. два городища у Остромержа и Ходовлицѣ, тоже представляющія собою примѣры двухъ разныхъ системъ. Ходовлицкое обнесено круговымъ валомъ изъ трехъ концентрическихъ линій (рис. 425—426). Вообще же въ Чехіи извѣстно уже около 250 городищъ всѣхъ родовъ, между которыми около 10 «обожженныхъ». Въ народѣ они часто извѣстны подъ именемъ «шведскихъ шанцевъ», какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ,

напр. въ Польшѣ. Въ Германіи ихъ называютъ также укрѣпленіями гусситовъ (Hussitenschanzen). Въ Моравіи и Венгріи напоминаютъ старинные грады нынѣшніе города Дѣвинъ, Велеградъ, Нитра, а городища сохранились еще во многихъ мѣстахъ. Болѣе обстоятельно изслѣдованы они у Знайма—Палліарди, у Лишня—Книсомъ, Гостынское городище—В. Гудкемъ и т. д.

Огромное множество валовъ—всѣ славянскаго происхожденія—находится въ Лузаціи; они описаны Прейскеромъ, Іентчемъ, Беглой и Шустеромъ. Еще больше ихъ въ Бранденбургѣ, но уже гораздо меньше въ Саксоніи. Саксонія и Тюрингія вообще составляютъ ихъ западную границу. Въ Силезіи д-ръ Бифель (Biefel) нашелъ три системы укрѣпленій въ окрестностяхъ Соботки и Глогова и между Козелемъ, Ратиборомъ и Глубчицами.

Рис. 424. Планъ городища въ Остромержѣ.

На сѣверѣ, на Балтійскомъ побережьи, всѣ славянскіе города, возникшіе тамъ въ теченіе исторической эпохи, были окружены высокими валами. Такъ, ихъ напр. очень много на о-вѣ Рюгенѣ. Въ Польшѣ городища называются «gródzisko», въ Литвѣ Болеславъ Бржоза далъ имъ названіе «pilokalnia». Одно изъ наиболѣе интересныхъ городищъ находится возлѣ села Giesze въ Познани, часть его построена на сваяхъ между болотами; затѣмъ замѣчательны валы у Павловицъ; цѣлый рядъ ихъ въ Познани на рѣкахъ Могилиницъ и Обрѣ былъ изслѣдованъ и описанъ Руд. Вирховымъ. Очень интересно еще городище на Ледногорскомъ о-вѣ въ Познани. Кромѣ вала въ немъ есть еще развалины, въ которыхъ нѣкоторые видѣли остатки язычес-

скаго храма *). О славянскихъ городищахъ на Вислѣ былъ сдѣланъ рефератъ на русскомъ археологическомъ сѣздѣ въ Москвѣ графомъ де Флери (L. de Fleury).

Въ Покутьѣ и въ Подолѣи городища были описаны Киркоромъ (возлѣ Chosimierz'a, Подвербецъ и Исакова). Въ развалинѣ, называемой «Золота Дончица», на Днѣстрѣ находится цѣлая система славянскихъ укрѣпленій. Одинъ изъ самыхъ большихъ памятниковъ этого рода въ Подолѣи — «городище» возлѣ Билъчи надъ р. Серетомъ. Далѣе въ Россіи городища чрезвычайно многочисленны въ пинскихъ болотахъ, какъ напр. по теченію р. Ту-

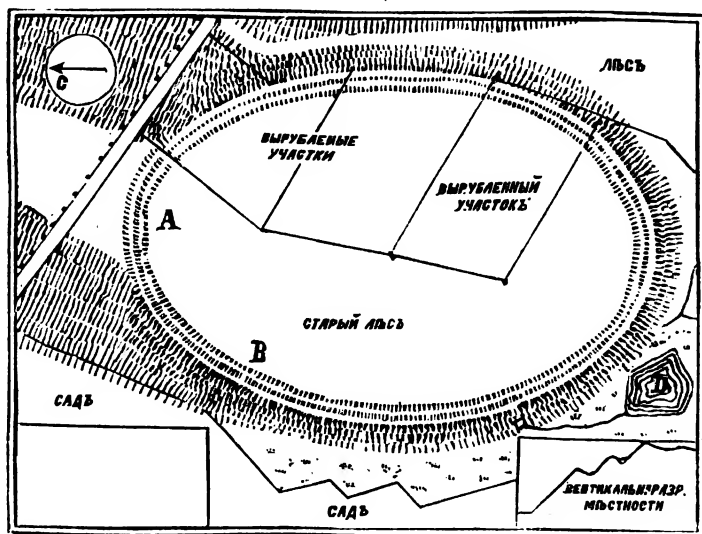

Рис. 425. Планъ городища у Ходовлицъ.

рин; въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Черниговской и Курской проф. Самоквасовъ насчитываетъ ихъ болѣе 600 (очень извѣстны напр. Юхновское городище въ Черниговской губ., «Княжа-Гора» на берегу Днѣпра въ каневскомъ у. Кіевской губ. **) и др.

На сѣверѣ и на востокѣ эти городища переходятъ въ подобныя же

*) Гр. Пршездцкій объяснялъ ихъ какъ остатки древняго христіанскаго храма, Делевель принималъ за остатки укрѣпленія Болеслава Великаго, Каз. Шульцъ видѣлъ въ нихъ языческій храмъ, превращенный впослѣдствіи въ христіанскій и присоединенный къ королевскому замку. Къ этому мнѣнію присоединился и Маріанъ Соколовскій.

**) О находкахъ въ этомъ городищѣ см. ст. Н. Θ. Бѣляшевскаго: Раскопки на Княжей Горѣ (Кіевск. Старина, 1893, апр.) и рецензію Θ. К. Волкова въ L'Anthropologie (t. V, p. 332).

укрѣпленія финскихъ и тюркскихъ народовъ (въ Харьковѣ носятъ славянскія названія, а другія—тюркскія), до Румыніи и до Балканъ. На Балканскомъ полуостровѣ множество городищъ римской эпохи и славянской. Есть въ Сербіи ³⁹¹⁾.

Кромѣ городищъ изъ сохранившихся древнеславянскихъ чашельны еще сѣверныя свайныя постройки. Въ стѣяхъ Польши и Прибалтійскихъ провинцій мы встрѣчаемъ свайными сооружениями, построенными вполне по типу свайныя поселенія въ Швейцаріи, но инвентарь ихъ болѣе позднимъ характеромъ и состоитъ изъ желѣзныхъ ковъ посуды, сдѣланной на гончарномъ кругѣ, типа гончарнаго представляетъ собою инвентарь культурныхъ селеній. Только нѣкоторыя подобныя постройки въ можно причислить къ болѣе древнимъ эпохамъ (ср. шей же части эти славянскія свайныя сооружения по времени, по мнѣнію Р. Вирхова и другихъ, остатки славянскихъ поселеній современныхъ городищъ начинается почти отъ нижней Эльбы и тянется до Балти. Нѣкоторыя изъ нихъ, находящіяся на берегахъ своихъ валами, какъ напр. свайная постройка на Персѣ другихъ и самый валъ насыпанъ на сваяхъ, на Велька-Тополя (въ окр. Адельнау), возлѣ Zahsow'a, не возлѣ Поцлова на Лабендзскомъ озерѣ, возлѣ Виндека окр.) въ Пруссіи и проч.

Между болѣе извѣстными свайными постройками Восточныя въ Помераніи постройки на озерахъ Персанци: Бойссинскомъ въ Бранденбургѣ—на оз. Поцловскомъ, динскомъ, Руховскомъ. Онѣ многочисленны также въ I (Эльбингъ, Горжицы, Лусово, Янково, Павловичи, Лагислѣдованіямъ Вирхова и большой городъ Юлинь (Виндлина въ Помераніи, разоренный датчанами въ 1177 г., на сваяхъ. Персанцижскія свайныя постройки, изслѣдываемыя Касицкимъ, заключали первоначально около 60-ти хи-

Другую большую группу славянскихъ доисторическихъ составляютъ могилы со всѣмъ, что въ нихъ было найденными обширнаго пространства отъ р. Лавы (Эльбы) до Альпы до р. Дона и верхней Волги въ Россіи

которые по разным признакам могут быть отнесены круглым счетом ко второй половинѣ I тысячелѣтія нашей эры. А такъ какъ страны эти въ то время были населены славянскими племенами, то и найденныя могилы той эпохи могутъ приписываться славянамъ.

Какого нибудь общаго признака, которымъ бы отличались всѣ славянскія могилы — вѣтъ. Ни погребальный ритуаль, ни устройство гробницъ — не одинаковы, не одинаковъ также и характеръ найденныхъ въ нихъ предметовъ, отличающихся большимъ разнообразіемъ. Характеръ русскихъ гробницъ во многомъ отличается отъ характера чешскихъ. По всему видно, что уже задолго передъ этой эпохой произошло культурное раздѣленіе западныхъ славянъ отъ восточныхъ, и тѣ и другіе успѣли подвергнуться новымъ культурнымъ влияніямъ. Тѣмъ не менѣе существуетъ нѣсколько мелкихъ, но любопытныхъ признаковъ, которые отличаютъ большинство славянскихъ могилъ. Это прежде всего керамика типа городищъ, опредѣленія которой были сдѣланы нами на стр. 543. Она является обыкновенной принад-

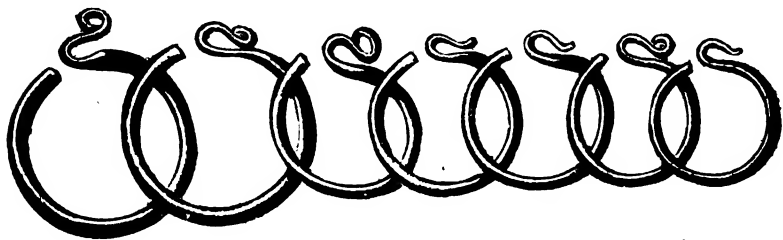

Рис. 426. Височныя кольца въ видѣ буквы S изъ Чехіи.

лежностью славянскихъ гробницъ конца доисторическихъ временъ. Другимъ интереснымъ признакомъ позднѣйшихъ славянскихъ погребеній въ восточной Германіи, въ Чехіи и Моравіи, въ Польшѣ и Россіи являются такъ назыв. височныя кольца (Schläfenringe, anneaux temporeux, zausnice). Въ эту эпоху у славянъ распространился обычай, позаимствованный вѣроятно у азіатскихъ племенъ, съ которыми они сталкивались въ Россіи, — носить въ видѣ головного украшенія бронзовыя, сдѣланныя изъ посеребренной или позолоченной бронзы или олова, а также серебряныя кольца, и именно на вискахъ, гдѣ они прикрѣплялись къ льняной повязкѣ, ремешку, шерстяной ткани или прицѣплялись одно къ другому. Форма этихъ колецъ очень простая, но характерная. Концы составляющей ихъ проволоки или прямо пригнуты другъ къ другу, или загнуты (обыкновенно одинъ, рѣдко оба) назадъ крючкомъ на подобіе буквы S, почему эти кольца и называются височными кольцами въ видѣ буквы S (рис. 422, 426, 427, 433). Въ гробницахъ кольца эти встрѣчаются по обѣимъ сторонамъ черепа, обык-

новенно по 1—2, но очень часто и въ большемъ количествѣ отъ 3 до 6 и болѣе съ каждой сторон только слѣдъ въ видѣ пятна желожившейся въ сырой землѣ, б) находимъ впрочемъ и на скелет: Размѣры колецъ обыкновенно оч

Сколько намъ извѣстно, пер отличительный признакъ славя Лишь, Вейнгольдъ и Аспелинъ Сакена и другихъ. Споръ бы Софусомъ Мюллеромъ въ его направленной противъ д-ра Бифи скихъ находкахъ, объявилъ эти кольца германскими. С. Мюллеръ представилъ обзоръ всѣхъ сдѣланныхъ до того времени находокъ съ височными кольцами и указалъ на то, что находки эти распространены только въ тѣхъ странахъ средней Европы, которыя въ началѣ историческихъ временъ были населены славянами. Къ западу отъ р. Салы кольца не встрѣчались, и кромѣ того позднѣйшія гробницы этихъ мѣстностей и въ прочихъ отно- Рмс. пзъ шеніяхъ отличаются другимъ характеромъ, не заключающа въ себѣ сосудовъ типа голженіе, что височныя кольца манцамъ и къ славянамъ, пр- то обстоятельство, что они чащ несомнѣнно восточнаго характе

*) Серебряныя височныя тими и разрубленными на части разными серебряными филигранн вленныхъ торговыхъ сношеніяхъ Подобные клады найдены были на

въ другія страны—въ Финляндію, Скандинавію и т. д., а между тѣмъ, тамъ не были никогда находимы височныя кольца въ видѣ буквы S. Такимъ образомъ ихъ приходится признать чисто славянскими ³⁹²⁾.

Таково было мнѣніе С. Мюллера, къ которому, въ виду его убѣдительности, присоединился Лиссауэръ и наконецъ самъ Р. Вирховъ. Справедливость этого взгляда до сихъ поръ не опровергнута, напротивъ, всѣ позднѣйшія находки только подтверждаютъ его. Въ странъ, населенныхъ славянами, сколько мнѣ извѣстно, ни одной находки височныхъ колецъ сдѣлано не было, точно также они не встрѣчаются и въ инвентарѣ болѣе древнихъ эпохъ. Подобнымъ образомъ согнутыя серыги или кольца съ отогнутымъ концомъ, разумѣется, могутъ встрѣчаться въ разныхъ странахъ, въ видѣ болѣе или менѣе случайнаго явленія, но загибъ кольца въ видѣ буквы S и широкое употребленіе такихъ колецъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ видѣ височнаго украшенія—оказываются специфическими только для славянскихъ странъ.

Въ Чехіи намъ извѣстно теперь до 130 мѣстонахожденій этихъ колецъ, по большей части въ могилахъ, заключающихъ въ себѣ кости; въ Моравіи ихъ уже меньше (намъ извѣстно ихъ до сихъ поръ только 16), въ Лузаціи, что въ высшей степени удивительно, ихъ не было найдено ни одного, но зато они опять довольно многочисленны въ Силезіи, въ Познани (ср. статью Köhler'a), въ Бранденбургѣ, Гольштейнѣ, Мекленбургѣ, Помераніи и вообще въ Пруссіи, но только на западъ отъ Вислы. На югъ ихъ нѣтъ; въ Нижней Австріи они были найдены въ могилахъ возлѣ Тунавы, возлѣ Беттлаха; въ Лайбахскомъ музеѣ — нѣтъ ни одного, но говорятъ, что они были найдены въ Славоніи и въ Штиріи. За предѣлами Чехіи на западъ они встрѣчаются спорадически, напр. въ Баваріи, гдѣ были найдены въ могилахъ на Ленгенсфельдскомъ городищѣ, вмѣстѣ съ снабженными крылышками наконечниками копій, въ Гроссбрейтенброннѣ, Айшгрундѣ, затѣмъ въ Тюрингіи до Эрфурта и Готы. Любопытно распредѣленіе ихъ въ Россіи. Въ русской Польшѣ они рѣдки (также какъ и въ Галиціи), и то же самое надо сказать и о самой Россіи. Въ бассейнѣ Днѣпра, бывшемъ колыбелью славянъ, находки настоящихъ височныхъ колецъ (загнутыхъ въ видѣ буквы S) не особенно часты (Житомиръ, село Буки на р. Раставницѣ, Ходорковъ, Зимно, Бяжа-Гора и пр.), равно какъ и въ губерніяхъ центральной и сѣверной Россіи *).

У финновъ (окр.), Обржицка (Самтерскій окр.), Домброва (Флатовскій окр.), Мюнстервальда (Маріенвердерскій окр.), Темпельгофа (недалеко отъ Сольдына), Нидерландина (Ангермюндскій окр.), Гнихвиць (въ Силезіи) и Раквиць (въ Познани), возлѣ Гольдбека и Нотикова въ Помераніи, возлѣ Кардсага (Kardszag) въ Венгріи. Самый большой кладъ былъ найденъ въ Германіи возлѣ Leissower-Mühle (около Франкфурта на Одерѣ) въ 1894 г. и заключалъ въ себѣ 21 фунтъ серебра (6000 монетъ).

*) Всѣ эти находки перечислены въ моей статьѣ 1894 г. (см. примѣч. 392).

встрѣчаются уже другія формы. Все это показываетъ намъ дѣнія височныхъ колецъ въ видѣ буквы S нельзя искать ни у арабовъ, какъ думаетъ Р. Вирховъ. Этой формы нѣтъ та Россіи, ни на Востока, но она очень обыкновенна у западныхъ и главнымъ образомъ въ Чехіи гдѣ были найдены вмѣстѣ болѣе древнія типическія формы этихъ колецъ *).

Въ Чехіи и Моравіи височныя кольца въ видѣ буквы S встречаются новенно въ могилахъ съ костями. Неоднократно ихъ находятъ метами чешскихъ князей, чаще всего Бретислава I и II Вратислава II, какъ напр., въ Хрудимѣ, возлѣ Желчанъ, Чаславѣ, въ Желеницахъ, въ Сушицахъ, въ Отмикахъ, въ Лѣвомъ Градицѣ, у Великихъ Петровицъ, у Быдзова, у Радвицъ, у Дунаевицъ, Врановицъ, Рокитни. Наиболѣе древнія изъ нихъ съ динаріемъ Болеслава II (967—999 г.). Точно такъ древность ихъ, опредѣляемая монетами, доходитъ до XI—XII вѣковъ (Віелунъ, Борець и пр.) **).

Было бы впрочемъ ошибочнымъ заключать изъ всего сего о происхожденіи височныхъ колецъ произошло только въ такую сравнительно позднюю эпоху (проф. Пичъ относитъ его теперь къ X—XII в.). Изъ разныхъ другихъ находокъ, напр. въ гробницахъ съ остатками трупосожженія возлѣ Кунетицкой горы, у Либенца, Нефовицъ и въ гробницахъ съ костями у Заколонъ, затѣмъ главнымъ образомъ въ венгерскихъ находкахъ (Letenye, Sós-Hartyán, Keszthely, Abra, Nagy Váradi и пр.) и австрійскихъ, — видно, что мы можемъ относить наиболѣе древнія изъ нихъ даже къ началу второй половины I тысячелѣтія нашей эры, къ V—VII столѣтіямъ. Къ тому же періоду относятся и находки въ Кеттлахъ, Брюннѣ и пр. На этомъ основаніи можно мнѣніе, что типическая форма височныхъ колецъ возникла у западныхъ славянъ, вѣроятно въ Венгріи въ половинѣ I тысячелѣтія нашей эры, и отсюда уже распространилась прежде

*) Самая простая форма (рис. 428) была вѣроятно вмѣстѣ болѣе древней. Она также распространена по всей Россіи, даже у арабовъ.

**) Монеты вкладывались мертвымъ по большей части въ правую руку ³⁹³). Обычай этотъ, какъ кажется, былъ заимствованъ греками славянами и германцами; онъ встрѣчается также и въ славянскихъ могилахъ, какъ напр. въ Мехенгеймѣ, Сельзенѣ, Оберольмѣ, и въ славянскихъ могилахъ намъ извѣстны находки въ Чехіи, Моравіи, и Россіи; кое-гдѣ этотъ обычай удержался и до нашего времени (напр. въ крѣпости древняго замковаго костела въ Прагѣ и современные славянскія населенія).

гдѣ она превратилась въ характерную чешскую форму въ VIII—XII вѣкахъ. Торговля между различными славянскими городами въ это время была очень оживленною.

Мы указали на два наиболѣе важныхъ признака славянскихъ гробницъ, вообще же онѣ довольно бѣдны предметами. Оружіе въ западно-славянскихъ находкахъ встрѣчается рѣдко, но вѣроятно только потому, что желѣзо въ землѣ скоро ржавѣетъ и разрушается; чаще всего попадаются сѣкиры, длинные прямые мечи (на востокъ и сабли), скрамасаксы, желѣзные копья *), стрѣлы, небольшіе прямые ножи, кое-гдѣ огнива, маленькіе клещи, желѣзные ножницы, шпоры съ небольшими шипами и т. п. Сосуды въ гробницахъ, заключающихъ въ себѣ скелеты, чаще всего поставлены возлѣ головы или въ ногахъ, также сбоку. Кромѣ глиняныхъ сосудовъ довольно часто встрѣчаются и деревянные ведерки, снабженные желѣзными коваными обручами и такими же дужками.

Украшенія въ славянскихъ могилахъ болѣе многочисленны, чѣмъ оружіе, но и ихъ у западныхъ славянъ, кромѣ только что описанныхъ височныхъ колецъ, сравнительно мало.

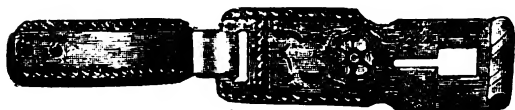

Рис. 429. Фибула изъ могилы возлѣ Сушичъ (Чехія).

Рис. 430. Стекланные бусы изъ позднѣйшихъ чешскихъ могилъ.

По характеру своему они вполне подходятъ къ описаннымъ уже нами германскимъ украшениямъ, но отличаются большей простотой, какъ напр. браслеты, пражки (безъ орнаментаціи); встрѣчаются также разные предметы восточнаго издѣлія, какъ напр. гроздеобразныя, украшенныя шариками серьги изъ бронзы

и серебра. Весьма обыкновенны также разноцвѣт-

ныя бусы изъ стекла и янтара. Изъ прочихъ предметовъ надо упомянуть еще о молотахъ, праслицахъ и разныхъ мелкихъ вещахъ желѣз-

*) Въ нѣкоторыхъ славянскихъ могильникахъ, но только, сколько намъ извѣстно, на западныхъ границахъ, напр. въ Баваріи, въ Ленгенфельдѣ (см. рис. 387), въ Австріи возлѣ Тунавы, недалеко отъ Гарса (Gars), попадаются наконечники копій съ «крылышками», т. е. съ двумя выростками на втулкѣ подъ остриемъ. Проф. Ранке сдѣлалъ относительно ихъ предположеніе, что они могутъ также служить отличительнымъ признакомъ славянскихъ гробницъ, но это несправедливо. Означенный видъ копьевъ неопредѣленнаго назначенія (крылышки скорѣе всего имѣли цѣлью помѣшать оружію входить глубоко въ тѣло), сколько мы знаемъ, не встрѣчается далѣе на востокъ въ славянскихъ земляхъ, за то сравнительно очень

ныхъ и костяныхъ, какъ напр. гребни, шила и т. п. Въ русскихъ могилахъ этой эпохи, которыхъ этническую принадлежность бываеъ часто трудно опредѣлить, — инвентарь богаче и постоянно съ очень замѣтнымъ восточнымъ характеромъ. Особенно много въ нихъ, сравнительно съ болѣе древними скиво-сарматскими гробницами, серебра, вслѣдствіе чего рус-

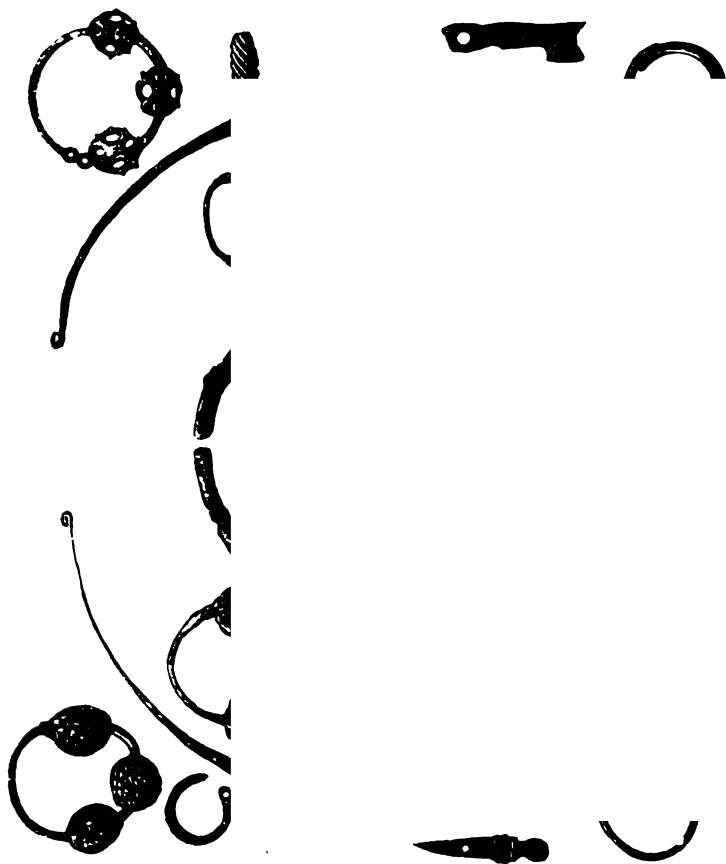

Рис. 431. Украшенія, найденныя на Княжьей Горѣ возлѣ Канева.

скіе археологи и считаютъ серебро отличительнымъ признакомъ славянскихъ могилъ отъ болѣе древнихъ. Оружіе также встрѣчается чаще; изъ украшеній для насъ особенно интересны серьги съ подвѣсками на подобіе виноградныхъ гроздьевъ и еще болѣе серьги, состоящія изъ кольца, украшеннаго тремя или

распространенъ въ Галліи и въ Британіи, хотя, насколько я могъ прослѣдить въ коллекціяхъ разныхъ музеевъ, большая часть ихъ была найдена не въ гробницахъ (ср. стр. 498). Эта форма получила вообще распространеніе позже, въ новѣйшія времена (протазаны [pertuisans] и алебарды XV—XVIII стол.). См. мою статью въ Mittheilung. der anthropolog. Gesellsch. in Wien, 1894, стр. 208.

болѣе шариками съ шишечками, иногда очень искусной работы. Онѣ наиболѣе многочисленны въ южной Россіи. Изъ массы украинскихъ находокъ мы приводимъ здѣсь изображенія предметовъ, найденныхъ въ городищѣ на Княжей-Горѣ надъ Днѣпромъ. Серьги съ шариками такъ наз. кievскаго типа здѣсь очень часты и отличаются разнообразіемъ и художественностью исполненія изъ золота и серебра (рис. 446).

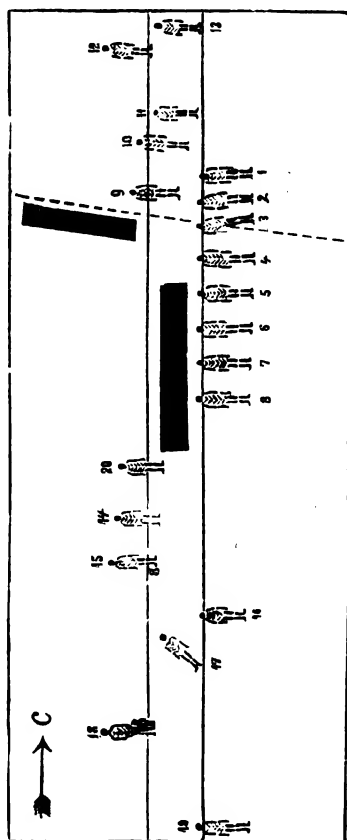

Рис. 432 и 433. Планъ погребеннаго кладбища въ Ловосицахъ съ найденными въ немъ предметами.

Вѣроятно изъ Россіи серьги съ подвѣсками въ видѣ виноградныхъ гроздьевъ распространились во всѣ стороны, между прочимъ въ Чехію, Моравію, въ Германію, Польшу, Венгрію и на Балканы. Въ Балканскихъ странахъ онѣ были найдены на средневѣковомъ кладбищѣ возлѣ Црквеницы въ Босніи. Въ Чехіи ихъ находили въ Жаловѣ, Желенкахъ, Ловосицахъ, въ Моравіи въ могилахъ у Рыбешовицъ, Квасицъ, Пшедомства; серьги кievскаго типа въ Чехіи до сихъ поръ еще неизвѣстны.

Сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ главныхъ мѣстонахожденій славянскихъ

могилъ. Въ Чехіи и Моравіи преобладаю-
 тами, лежащими рядами просто въ землѣ,
 довыя могилы». Онѣ встрѣчаются въ ра-
 сслонкахъ и у подошвы возвышенностей
 случаѣ на древнемъ языческомъ кладбищ-
 бище съ христіанской церковью (Ичовице
 у Ичина, Градска, въ Тетинѣ, Будечѣ и
 пр.). Скелеты оказываются въ вытяну-
 томъ положеніи (сгорченные и въ сидя-
 чемъ положеніи очень рѣдки), на спинѣ,
 съ головой, обыкновенно обращенной
 къ западу, хотя иногда въ одномъ
 кладбищѣ мы встрѣчаемъ и раз-
 ную ориентировку тѣла. Руки вы-
 тянуты вдоль тѣла, рѣже сложены
 на груди. Мертвыхъ клали въ выкопан-
 ную яму или просто на землѣ, или
 на доску, гораздо рѣже погребали ихъ
 въ деревянномъ гробу, отъ котораго
 впрочемъ сохранились развѣ только
 нѣсколько кусковъ истлѣвшаго дерева
 и желѣзныхъ гвоздей. Возлѣ с. Ды-
 мокуръ были найдены скелеты въ
 гробахъ изъ выдолбленныхъ древес-
 ныхъ колодъ. Иногда могила бы-
 ваетъ обложена и своеобразно при-
 крыта камнемъ; курганы надъ моги-
 лами очень рѣдки (Высокій Уѣздъ
 возлѣ Опочна, Великія Петровицы).
 Наиболѣе замѣчательныя кладбища
 этого рода были найдены въ Чехіи на
 Лѣвомъ Градцѣ, возлѣ Стодудекъ, не-
 далеко отъ Праги, на Градкѣ возлѣ
 Часлава, у Ржепова, Градска у Ечо-
 вицъ, Копидльна, Коуржима, Либшицъ,
 у Желевицъ, Любицъ, Закопанъ, Збузанъ и
 въ Моравіи сюда относятся кладбища у Борж-
 блучины, Жидлоховицъ, Жданицъ, курга-
 ны возлѣ Квасицъ (рис. 435), курганы
 При костякѣ, найденномъ въ Пшедмостѣ

(перстень и серьги) филигранной работы; въ курганахъ у Кромерижа—большое количество желѣзнаго оружія (мечъ, кинжалы, сѣкиры, копья, шпоры, стремена, а возлѣ головъ птичьи кости, см. рис. 436); въ курганахъ у Квасицъ прекрасныя серебряныя и золотыя гроздевидныя серьги восточной работы. Особенно замѣчательно кладбище возлѣ Рыбешовицъ недалеко отъ Райграда, изслѣдованное еще въ 1846 г. Р. Wolny. Тамъ было найдено множество костяковъ съ окованными ведерками, височными кольцами, серьгами.

2/4

Рис. 435. Разрѣзъ кургана, желѣзный топоръ и сосудъ съ кладбища возлѣ Квасицъ въ Моравіи.

извѣстными уже въ Кеттлахѣ (см. рис. 395), желѣзными сѣкирами, ожерельями изъ стеклянныхъ бусъ, сосудами, украшенными волнистыми линиями и т. п. Многія гробницы оказались впрочемъ совершенно безъ всякихъ предметовъ.

Рядомъ съ погребеніемъ продолжало впрочемъ еще существовать и трупосожженіе. По всей вѣроятности, это послѣднее, какъ древній обычай, лишь повсемогу уступало мѣсто погребенію и исчезло вполне только подъ влияніемъ христіанства (ср. стр. 532). Нѣкоторыя кладбища, на которыхъ кромѣ могилъ съ остатками трупосожженія попадаются и гробницы позднѣйшаго характера съ костями,

указываютъ довольно прямо на эту замѣну. Но что трупосожженіе держалось еще въ теченіе очень долгаго времени, объ этомъ свидѣлствуютъ цѣлыя кладбища типа полей погребальныхъ урнъ, въ которыхъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ попадаются

уже височныя кольца, напр. на кладбищѣ на вершинѣ св. Яна у Нетовицъ, изслѣдованномъ проф. Вольдржихомъ, и на кладбищѣ подѣ Кунетицкой горой у Парлубицъ. Къ позднѣйшимъ временамъ относятся также могильники съ остатками трупосожженія у горы Савицы возлѣ Рудницы (сосуды съ волнисто-линейной орнаментацией), у Нештемицъ на Эльбѣ возлѣ Усти, гробницы съ пепломъ, найденныя въ Литомѣржичахъ, въ Яромержѣ (рис. 420), въ Высочанахъ и т. д. Сюда относится также и нѣсколько кургановъ съ остатками трупосожженія, какъ напр. курганы въ лѣсу «Боръ», у Либенцъ, курганы у Хедрби возлѣ Часлава, въ Добре-Вуде возлѣ Мнихова Градишта, у Брхлебъ, въ Ратаѣ, у Михаловицъ. Въ одной и той же эпохѣ съ нетолицкимъ кладбищемъ Вольдржихъ отно-

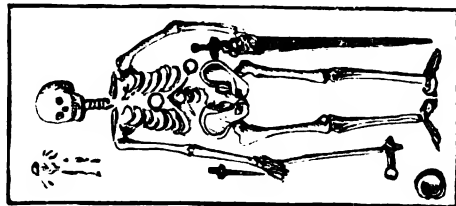
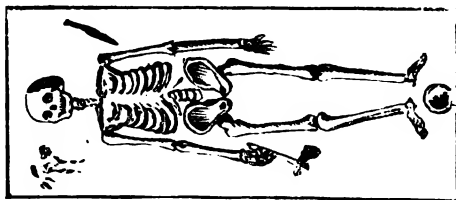
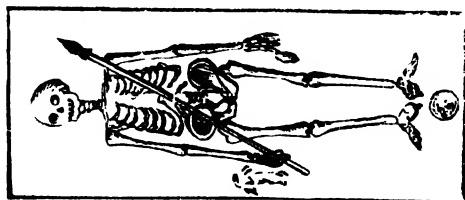
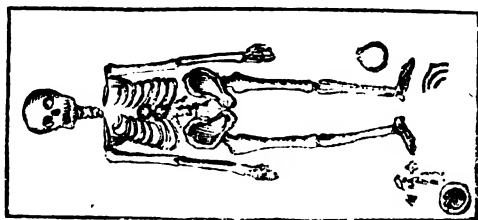

Рис. 436. Могилы въ Оборжѣ возлѣ Ярохновецъ, недалеко отъ Кромержа въ Моравіи.

ситъ и курганы у Плавницъ, курганы у Глубокой, Веселаго, Уѣзда Остролова и Червенаго Уѣзда. Въ Моравіи сюда относятся курганы съ остатками трупосожженія у К р а м е р ж а, у городища Обраницы (сосуды съ волнистымъ орнамен-

томъ), гробницы съ пепломъ, найденныя въ Бзенцѣ, въ Пшедмости у Угорскаго градища и пр. Въ последнее время было найдено также множество культурныхъ ямъ, изъ коихъ нѣкоторыя слѣдуетъ считать тоже котловинами могилами съ остатками трупосожженія *).

Находки височныхъ колецъ довольно многочисленны и въ могильникахъ съ остатками трупосожженія въ Венгріи. Сюда относятся напр. кладбища возлѣ Sós Hartyán'a, Szabad Bathyan'a Oroshasy, Letenē, Karász, гдѣ были найдены также и крестики съ изображеніемъ Христа. Два очень замѣчательныхъ кладбища открыто было W. Lippe въ Keszthely съ болѣе чѣмъ 2¹/₂ тысячами могилъ—одно въ городѣ, а другое на склонѣ горы Dobogo. Всѣ могилы были съ костяками, но между ними оказалось и 12 погребальныхъ урнъ. Возлѣ скелетовъ были найдены височныя кольца, а на сосудахъ—волнисто-линейный орнаментъ ³⁹⁵). Судя по найденнымъ сосудамъ къ позднѣйшей эпохѣ относятся также и могилы съ остатками трупосожженія въ Velke Vsi.

Въ Нижней Австріи къ гробницамъ съ признаками славянскаго происхожденія относятся рядовыя могилы въ Беттлахъ (въ окр. Gloggnitz) съ большимъ количествомъ прекрасныхъ вещей (рис. 384, 395) и Св. Вята (окр. Nietzing), возлѣ Тунавы, недалеко отъ Гарса, возлѣ Брунна и въ Альтенмарктѣ.

Въ восточной Германіи въ эту эпоху долго преобладало еще трупосожженіе. Погребеніе началось сравнительно позже. Въ Силезіи есть только поля погребальныхъ урнъ; рядовыя могилы съ костяками и височными кольцами были найдены только у Швановицъ (въ окр. Бржегъ), въ Малой Типицѣ (въ Сретисловскомъ окр.) и у Велькихъ Раквицъ возлѣ Лёвенберга—всѣ довольно бѣдныя оружіемъ и прочими предметами.

Въ Лузацин, по словамъ Лентша, еще не было найдено височныхъ колецъ въ видѣ буквы S при скелетахъ. Здѣсь повсюду господствовало трупосожженіе, могилы съ костяками очень рѣдки.

---

*) Отдѣльную группу очень позднихъ находокъ составляютъ глубокія колодезныя ямы, въ которыхъ на помѣщенныхъ въ нѣсколько этажей одна надъ другой доскахъ поставлены сосуды. Они относятся уже къ очень поздней эпохѣ, о чемъ свидѣлствуютъ находки желѣзныхъ вещей и эмальированныхъ изделий. Подобныя находки были сдѣланы въ Хрудимѣ, возлѣ Гологлавы, въ Нимбуркѣ, въ Нѣмецкомъ Бродѣ, въ Кутней Горѣ; въ Австріи, напр., въ Ретцѣ. Въ Нимбуркѣ было найдено 6 этажей съ сосудами, наполненными отчасти пепломъ; изъ нихъ 65 было нетронутыхъ. Въ нѣмецко-бродской ямѣ было также 6 этажей сосудовъ съ пепломъ, съ косточками сливъ, черешень и т. п. R. Stöckel на основаніи подобныхъ же находокъ въ Силезіи принимаетъ эти находки за „Kultustätten“, другіе же считаютъ ихъ за жертвы, которыя закапывались при закладкѣ новыхъ домовъ.

Славянскими, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать также извѣстныя поля погребальныхъ урнъ позднѣйшаго періода въ Мекленбургѣхъ и до сихъ поръ еще удержалось въ народныхъ преда- вендскихъ кладбищахъ (Wendenfriedhöfe), о чемъ мы уже упомина-

Въ восточной Пруссіи Тишлеръ раздѣлилъ могильныя эпохи до новѣйшихъ временъ на нѣсколько хронологическихъ рья у него обозначены буквами А, В, С, D и Е. Періодъ І приблизительно къ времени отъ 50 до 150 года нашей эры, расцвѣта римскаго вліянія, періодъ С къ слѣдующему столѣтію Мы полагаемъ, что уже въ періодъ С проникли въ эту стран- гилы съ костяками безъ кургановъ, бывшія многочисленными ріода В, въ періодъ С уступаютъ мѣсто могиламъ съ остатк- жения. Пепель мертвыхъ складывался въ урны или же вы въ яму. Содержація пепель ямы въ эту эпоху весьма здѣсь

Въ западной Пруссіи и Познани встрѣчаются (реннаго обряда. Могилъ съ остатками трупосожженія, правда, гораздо богаче могилъ съ костями. Эти послѣднія представля- втореніе рядоваго типа, о которомъ мы уже говорили. Височн- загибомъ въ видѣ буквы S были найдены въ могильникѣ съ с Нов. Кользиглова, Кёрлина, Кавенчына, въ Бальдусѣ, на горѣ св. Лаврентія (рис. 427), у Касс ва (Tczew) и пр. и въ могилахъ съ остатками трупосожженія во въ Познани возлѣ Тучна (Tuczno), Надзѣва (Nádziejew болѣе замѣчательное кладбище этой эпохи было открыто въ (Slaboszewo) въ окр. Могильно въ Познани и изслѣдовано пр- Шварцемъ и Р. Вирховымъ. Костяки лежали въ землѣ рядом томъ положеніи, съ руками вдоль тѣла и почти всѣ были обре- къ западу. Кромѣ множества височныхъ колецъ (польск. «kol- изъ бронзы (мѣди), свинца и олова (посеребренныхъ), тамъ ок- перстни, желѣзные ножи и т. п. Сосудовъ найдено очень мало. деннымъ, хотя и очень попорченнымъ монетамъ, кладбище къ XII стол. Оно очень интересно и въ антропологическо- такъ какъ въ немъ найдены были только длинноголовые и черепа.

Другія кладбища того же типа были найдены въ Поль- нувки (Żagbówka) съ большимъ количествомъ сохранившихся ней, у Попува (Porów), въ Лужкахъ и Гродиску, ницъ въ Плоцкой губ., у Чеканова (Czekanów) и (Niewiadoma) въ Соколовскомъ у. (подъ небольшими курганами)

Въ Галичинѣ, въ Покутті на Поділі²⁹⁶) Оссовскій наг

(Залещицкаго окр.) цѣлый рядъ «grobow podgrutowych» (погреб. камеръ изъ каменныхъ плитъ). Костяки лежали на спинѣ, между остатками гробовъ и костей не было найдено ничего, кромѣ клочковъ черной ткани на кожаной подкладкѣ. Возлѣ извѣстной уже намъ мѣстности Увислы въ Гусятинскомъ окр. найдены были могилы подобнаго же характера, но безъ каменныхъ плитъ. Одна изъ нихъ заключала въ себѣ костякъ, на шеѣ котораго было ожерелье изъ раковинъ *Surgaea rantherina* L. Кромѣ того возлѣ него были еще пряжка и гребень. Очень интересно также кладбище въ Мышковѣ на р. Серетѣ. Въ 1888 году тамъ было найдено два могильника этой эпохи: одинъ изъ нихъ состоялъ изъ трехъ могилъ съ гробами, вокругъ которыхъ было положено въ видѣ круга нѣсколько большихъ камней (рис. 437);

другой—изъ пяти могилъ безъ гробовъ и безъ круговъ изъ камней. Въ тѣхъ и другихъ могилахъ были найдены очень интересныя серьги съ шариками кievскаго типа—что составляетъ рѣдкость въ Галичинѣ,—затѣмъ височныя кольца въ видѣ буквы S, перстни, глиняныя подвѣски, сосуды и т. п. Возлѣ было проф. Шараневичемъ былъ изслѣдованъ курганъ, въ которомъ находился костякъ съ височными кольцами. Другія интересныя кладбища христіанской эпохи были раско-

Рис. 437. Могила въ Мышковѣ въ Галичинѣ.

паны Т. Зіемѣнскимъ въ с. Подгірцахъ на р. Сянѣ.

Еще прежде тамъ былъ найденъ въ курганѣ скелетъ съ желѣзной саблей и эмалированными украшениями. Зіемѣнскій нашелъ возлѣ костяковъ длинныя желѣзные мечи въ кожаныхъ ножнахъ, желѣзныя сѣкиры, огнива, окованныя ведерки, бронзовые пояса, перстни, ожерелья съ подвѣсками изъ сердолика, бронзовый медальонъ съ крестомъ, серебряныя нагрудные крестики, височныя кольца; нѣкоторые курганы впрочемъ оказались крайнѣ бѣдными.

Къ этимъ находкамъ позднѣйшей эпохи относится еще курганъ, изслѣдованный Г. Оссовскимъ въ с. Заболотцяхъ въ галицкомъ Подлілі, Завское кладбище на лѣвомъ бер. Днѣстра (камеры изъ каменныхъ плитъ и

курганы) и группа кургановъ возлѣ с. Болганъ въ Ольгопольскомъ у. Подольской губ. Сюда же принадлежать и курганы съ желѣзными предметами у ст. Борокъ и у Жнибродъ въ Подоліи и многіе другіе. Здѣсь также были найдены Киркоромъ скелеты, обложенные толстыми слоями извести. Могилы съ остатками трупосожеженія и бронзовыми украшениями были найдены А. Киркоромъ у Залещикъ.

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ былъ найденъ еще особый видъ памятниковъ, похожихъ на курганы, но неизвѣстнаго назначенія. Осовскій называетъ ихъ «поставленными камнями» (kamienie ustawiane). Они были найдены напр. возлѣ с. Шидловки на р. Збручѣ въ Гусятинскомъ окр., у Новоселки въ Скалатскомъ окр. Въ первой изъ этихъ мѣстностей они были изслѣдованы Осовскимъ, который находилъ въ нихъ только ямки, наполненныя черноземомъ. Осовскій высказывается въ пользу скорѣе религіознаго, чѣмъ погребальнаго ихъ назначенія *).

Съ большимъ разнообразіемъ могилъ, устройства ихъ, погребальнаго обряда и характера находимыхъ въ нихъ предметовъ мы встрѣчаемся въ эту эпоху

*) Упомянемъ здѣсь еще о другихъ «могилахъ» и «курганахъ», которые никогда не покрывали собой тѣло умершаго и были насыпаны очевидно, для другихъ, повидимому, очень различныхъ цѣлей. Русскіе археологи различаютъ нѣсколько видовъ подобныхъ кургановъ, изъ которыхъ чаще всего встрѣчаются и наиболѣе интересны сторожевые курганы. Они представляютъ собою высокіе насыпные холмы, которые особенно на равнинахъ, въ поросшихъ высокою травою степяхъ, служили мѣстами, откуда очень удобно можно было осматривать окружающую мѣстность. Они очень многочисленны въ южно-русскихъ степяхъ и доходятъ до Подолія и Покуття въ Галичинѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ нѣкоторые изъ нихъ были раскопаны Киркоромъ, который не нашелъ въ нихъ никакого слѣда погребенія. Подобныя же сторожевыя насыпи встрѣчаются также на Дунаѣ, Моравѣ, въ Балканахъ. Другіе, не содержащіе въ себѣ могилъ курганы насыпались иногда въ память какихъ нибудь выдающихся событій или въ видѣ памятника замѣчательнымъ личностямъ (памятные курганы). Новѣйшими примѣрами подобныхъ памятниковъ могутъ служить могила Костюшки возлѣ Кракова, насыпанная народомъ въ 1820 г. въ память защитника своей націи, курганъ Крокуса и Ванды—тамъ же, курганъ въ память Люблинской уніи возлѣ Львова и т. п. Въ Подоліи и Покутті въ Галиціи встрѣчаются такъ назыв. «дупныя» могилы, имѣющія на своей вершкѣ довольно замѣтное продольное углубленіе, не случайное, но сдѣланное умышленно. Назначеніе ихъ не выяснено. Нѣкоторые курганы въ русскихъ степяхъ служили для указанія границъ или дороги (пограничные и дорожные курганы). Наконецъ курганы безъ всякихъ слѣдовъ погребенія были найдены также и въ другихъ странахъ, напр. въ Босніи, возлѣ Купреша.

[Отличительнымъ признакомъ сторожевыхъ кургановъ въ Украинѣ считаютъ ихъ расположеніе въ одну линію и притомъ такъ, что съ одного можно видѣть по обѣ стороны два ближайшихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ это названіе «сторожевыхъ» дается курганамъ только гадательно, и возможно, что въ дѣйствительности иные изъ нихъ заключаютъ въ себѣ погребенія]. *Прим. перев.*

въ Россіи. Могила славянской эпохи въ Россіи представляютъ собою группу до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ еще загадочную³⁹⁷). Здѣсь встрѣчаются оба похоронные обряда, и погребеніе и трупосожженіе. Но какъ они относятся другъ къ другу хронологически и географически,— до сихъ поръ еще съ точностью не выяснено. Между данными археологич. и исторіи здѣсь существуютъ противорѣчія. Начальная лѣтопись напр. рассказываетъ, что славянскія племена кривичей, вятичей, радимичей и сѣверянъ сожигали своихъ мертвыхъ. Но на территоріи, гдѣ жили эти племена, мы находимъ большое количество могилъ съ костяками, и очень часто находимъ оба обряда въ могилахъ одной и той же группы, какъ напр. въ курганахъ Перепятитѣ, возлѣ Яблуновки и возлѣ Суджи, въ Мионовѣ, въ Курской губ., въ курганахъ Лепельскаго у. Витебской губ., возлѣ Чернигова и т. п. Мы можемъ прослѣдить это до кургановъ Мяринской земли.

Могила въ землѣ прежнихъ древлянъ, по изслѣдованіямъ В. Б. Антоновича, исключительно съ костяками, напротивъ сѣверянскія могила—съ остатками трупосожженія. Такимъ образомъ г. Антоновичъ ставитъ различіе обряда въ зависимость отъ племеннаго различія. Другая важная теорія была предложена В. И. Сизовымъ. По его мнѣнію типъ могилъ съ остатками трупосожженія и могилъ съ остатками погребенія, по крайней мѣрѣ въ находкахъ Смоленской губерніи, различается хронологически. Славяне въ древности сожигали своихъ мертвыхъ. Такъ напр. въ центрѣ славянства, въ той же Смоленской губ. могила съ костями, датируемая непродыравленными монетами—не древнѣе X стол. Погребеніе сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ только позже, подъ вліяніемъ христіанства. Д. Я. Самоквасовъ, напротивъ того, съ меньшимъ впрочемъ правдоподобіемъ, полагаетъ, что разница ритуала опредѣлялась сословными или кастовыми различіями, что богатые сожигали своихъ мертвыхъ, а бѣдные погребали. Какъ можно видѣть изъ этого, вопросъ остается пока еще довольно темнымъ.

Въ высшей степени трудно также установить признаки славянскихъ могилъ въ Россіи. Въ нѣкоторыхъ частяхъ западной Россіи, гдѣ, какъ мы уже упоминали на стр. 187 и 522, славяне жили вѣроятно съ каменнаго вѣка, можно съ достовѣрностью принимать всѣ позднѣйшія погребенія за славянскія. Но совершенно иное мы видимъ, переходя оттуда на югъ—къ берегамъ Чернаго моря, на востокъ—къ Волгѣ и на сѣверъ—къ области озеръ. Тамъ историческія свѣдѣнія указываютъ поселенія цѣлаго ряда племенъ то неизвѣстнаго происхожденія, какъ скифы и сарматы, то несомнѣнно урало-алтайскаго. Неславянскія племена, съ остатками которыхъ тамъ мы встрѣчаемся еще и теперь, съ давнихъ временъ жили на сѣверъ и на востокъ отъ славянъ. Славяне называли ихъ Чудью. Начальная лѣтопись различаетъ между ними финскія племена—весь, мерю, мурому, черемисъ,

моряву, угровъ, пермяковъ и др. Между Волгой, Камой, Тоболомъ и по верхнему теченію Урала жили кромѣ башкиръ и мадьяры. На средней Волгѣ и Камѣ образовалось обширное Болгарское царство съ населеніемъ несомнѣнно очень смѣшаннымъ. Часть болгаръ уже въ V столѣтіи перешла оттуда въ южную Россію и скоро начала нападать и на Византійскую имперію *). На югѣ послѣ скиновъ и сарматъ появляется цѣлый рядъ разныхъ племенъ: германскія — готы, герулы и азіатскія — гунны, авары, хазары, затѣмъ печенѣги и половцы.

Тѣмъ не менѣ могильныя древности въ странахъ, когда-то населенныхъ этими племенами, не отличаются рѣзко, какъ бы этого можно было ожидать, отъ тѣхъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ курганахъ земель несомнѣнно славянскихъ. Причина этого заключается, какъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, главнымъ образомъ, въ томъ, что вся Россія издавна подвергалась очень сильному азіатскому вліянію, которое нивелировало различія культуръ отдѣльныхъ народовъ. Нравы и обычаи древнихъ славянъ во многомъ были сходны съ обычаями неславянскихъ народовъ, извѣстія о которыхъ дошли до насъ. То же самое мы видимъ и въ матеріальной культурѣ, въ сохранившихся памятникахъ. Поэтому-то и было такъ много споровъ между мѣстными археологами о томъ, кому принадлежатъ курганы средней Россіи — славянамъ или урало-алтайцамъ.

А все-таки вопросъ о томъ, что славянское и что финское въ русскихъ древностяхъ, въ той же мѣрѣ является основной задачей русской археологіи, какъ напр. въ Чехіи или Германіи вопросъ о томъ, что тамъ славянское и что нѣмецкое? И тутъ и тамъ вопросы эти остаются пока неразрѣшенными. Только въ послѣднее время русскими изслѣдователями удалось найти нѣкоторые признаки для установленія различія между славянскими и финскими могилами въ средней полосѣ Россіи.

Отличительнымъ признакомъ финскаго погребенія, сравнительно съ славянскимъ, В. И. Сизовъ считаетъ прежде всего — въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напр. въ Рязанской, Тамбовской, Витебской и кое-гдѣ въ Московской — отсутствіе курганныхъ насыпей. Могила не обозначена ничѣмъ на поверхности земли и находится большей частью по песчанымъ берегамъ рѣкъ. Но главнымъ признакомъ ихъ все-таки остается характеръ находимыхъ въ нихъ предметовъ. Бронзовыхъ вещей обыкновенно встрѣчается очень много; между ними особенно характерны большія шейныя гривны изъ листовой бронзы или сплетенныя изъ бронзовой проволоки, множество подвѣсокъ всевозможныхъ формъ, литыхъ, но стилемъ своимъ напоминающихъ образцы изъ

---

*) Богѣ опредѣленные свѣдѣнія о Болгарскомъ царствѣ на Волгѣ появляются только съ 922 г., когда болгарскій царь Альмушъ принялъ магометанство.

сплетенной и скрученной проволоки, спиральные браслеты, похожие на венгерские бронзового вѣка. За то въ нихъ нѣтъ бусъ и серегъ распространеннаго въ западной части Россіи стили. Но, разумѣется, встрѣчается также множество предметовъ восточнаго или скандинавскаго происхожденія (подвѣсокъ, фибулъ, пряжекъ и т. п.), общихъ обоимъ видамъ могилъ, и различать ихъ оказывается въ отдѣльныхъ случаяхъ чрезвычайно труднымъ.

На этомъ основаніи, приступая къ описанію славянскихъ могилъ этой эпохи, мы считаемъ нужнымъ оговорить, что ограничимся только тѣми мѣстностями, которыя, по свидѣтельству Начальной лѣтописи, были издавна населены славянскими племенами; о доисторическихъ же могильникахъ прочихъ мѣстностей Россіи мы упомянемъ только вкратцѣ, равно какъ и объ инородческихъ могильникахъ историческихъ временъ, доходящихъ до эпохи нашествія татаръ.

Славянскими курганами въ Южной Россіи проф. Д. Я. Самоквасовъ считаетъ тѣ, которые относятся ко времени отъ VI до XI стол. нашей эры *). Послѣ этого, по его мнѣнію, наступаетъ періодъ половецко-татарскій отъ XII до XVI ст. Курганы славянской эпохи по своему устройству значительно отличаются отъ кургановъ болѣе древнихъ; но вѣстѣ съ тѣмъ они такъ-же разнообразны, какъ и тѣ. Деревянные срубы и небольшія каменные камеры внутри ихъ очень рѣдки, за то чаще встрѣчаются могилы съ гробами, сколоченными желѣзными гвоздями. Могилы бываютъ и съ остатками погребенія и съ остатками трупосожженія.

Гробницы съ остатками трупосожженія — двоякаго рода. Однѣ изъ нихъ обнаруживаютъ признаки того, что мертвый былъ сожженъ, и потому тамъ же надъ мѣстомъ сожженія былъ насыпанъ курганъ (курганы съ кострищами). Другія же позволяютъ заключить, что трупъ былъ сожженъ въ особомъ опредѣленномъ для этого мѣстѣ, а затѣмъ пепелъ былъ собранъ въ урну и перенесенъ на мѣсто погребенія. Кромѣ человѣческихъ останковъ въ погребальныхъ урнахъ и въ кострищахъ оказываются также остатки сожжен-

*) Подробнѣе проф. Самоквасовъ ихъ не классифицируетъ. Напротивъ, проф. кievскаго унив. В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ попытку подраздѣленія ихъ на три слѣдующія группы: 1) курганы древлянскіе на сѣверѣ Кіевск. губ. въ странѣ прежнихъ древлянъ; въ нихъ костякъ находится не глубоко подъ уровнемъ почвы, и при немъ почти вовсе нѣтъ ни оружія, ни цѣлыхъ сосудовъ, а только небольшіе ножи, огнива, пряслицы изъ краснаго шифера, бронзовыя или серебряныя височныя кольца, перстни, пряжки, фибулы, куски сѣры, остатки одежды и множество гвоздей отъ деревянныхъ гробовъ вокругъ; 2) полянскіе, съ ямами болѣе углубленными, въ которыхъ мертвые были погребены, сидя на конѣ, съ большимъ количествомъ оружія, желѣзными наконечниками копій, мечами, стрѣлами и съ шлемами, похожими на извѣстный шлемъ Ярослава Всеволодовича; двѣ подобныя гробницы найдены были въ самомъ Кіевѣ съ арабской монетой 764 г.; 3) сѣверянскіе, съ гробницами, въ болѣе раннюю эпоху, почти исключительно съ остатками трупосожженія.

мой одежды, украшенія, оружіе и обожженные кости домашнихъ животныхъ. Иногда въ одномъ курганѣ заключаются двѣ или три погребальныя урны, а кромѣ того еще сосуды, въ которыхъ ставилась пища для покойниковъ въ могилѣ. Въ курганахъ съ костями тѣла или клались въ яму, выкопанную въ землѣ (или просто на землѣ, или на доскѣ, или же въ деревянномъ гробу), какъ напр. въ сѣверянскихъ курганахъ и, обыкновенно, въ полянскихъ, или же просто на землѣ—безъ ямы, какъ это можно видѣть въ курганахъ губерній Ярославской, Владимірской, Московской. Въ одномъ курганѣ находится иногда отъ 1 до 3 костяковъ, иногда же и больше. Голова покойника чаще всего бываетъ обращена къ западу, такъ чтобы лицо смотрѣло на востокъ, но иногда встрѣчается и другая оріентація, иногда-же, какъ напр. въ суджанскомъ могильникѣ, на одномъ и томъ же кладбищѣ оказываются могилы съ различной оріентаціей *). Костякъ обыкновенно лежитъ на спинѣ, рѣдко на боку или спиной кверху. Еще рѣже встрѣчаются скелеты въ скорченномъ положеніи, столь характерномъ для болѣе отдаленныхъ эпохъ. Довольно часто тѣло помѣщали на нарочно насыпанномъ слоѣ песку или желтой глины, иногда же его заворачивали въ березовую кору. Подобная подстилка, по свидѣтельству И. Н. Смирнова, употребляется и теперь у вотяковъ, а по словамъ Д. Н. Анучина—и у нѣкоторыхъ сибирскихъ племенъ.

Кромѣ человѣческихъ скелетовъ въ курганахъ встрѣчаются очень часто

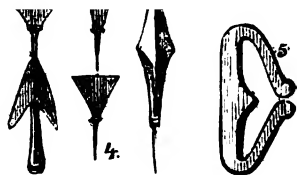

Рис. 438. Оружіе изъ славянскихъ могилъ въ Россіи. 1. 2. Мечъ съ украшеніями на рукояткѣ и ножнахъ; 3. Желѣзная сѣкира; 4. Желѣзные стрѣлы; 5. Огниво.

и скелеты животныхъ, главнымъ образомъ лошадей, бывшихъ такъ характерными для скифскихъ могилъ **), и барановъ. Гораздо рѣже скелеты или че-

*) По словамъ И. Н. Смирнова финскія могилы обыкновенно оріентированы по направленію отъ сѣвера къ югу.

**) Порода лошадей была небольшого роста. Кости, найденныя въ рыжанов-

репа собакъ, чаще попадаются кости птицъ (хищныхъ и домашнихъ). Изъ предметовъ вооруженія, находимыхъ въ могилахъ, чаще всего встрѣчаются съевры и наконечники копій. Кривыя сабли и прямые мечи вообще рѣдки. Кое-гдѣ попадаются еще каменные топоры вмѣстѣ съ бронзовымъ оружіемъ. За то очень многочисленны ножи, плоскія или трехгранныя стрѣлы (бронзовыя, желѣзныя и каменные), рѣже — ножницы, огнива, пряжки, удила, пряслицы. Примѣры чаще встрѣчающихся типовъ представлены на рис. 438.

Рис. 439. Серьга
съ привѣской
съ Кавказа.

Украшенія также очень многочисленны и весьма разнообразны. Мы находимъ здѣсь бронзовыя пряжки того типа, который встрѣчается въ германскихъ гробницахъ западной Европы, но еще больше того, который извѣстенъ напр. изъ ливонскихъ гробницъ (рис. 451), съ той только разницей, что концы пряжекъ закруглены въ спиральныя завитки вмѣсто утолщеній въ видѣ кубиковъ, — шейныя гривны и браслеты, изъ которыхъ для Россіи наиболѣе характерны гривны и браслеты, сплетенные изъ нѣсколькихъ проволокъ (ср. рис. 432), затѣмъ серьги (простыя кольца, гроздобразныя серьги съ подвѣсками кавказскаго типа (рис. 439), серьги съ шариками — кіевскаго типа, височныя кольца въ видѣ буквы S и т. п.), перстни (для рукъ и для ногъ), медальоны, зеркальца, побрякушки, а въ могилахъ позднѣйшаго времени и крестики *).

скомъ курганъ, принадлежали, по мнѣнію проф. Вольдржиха, виду *Equus caballus minor*, который жель въ средней Европѣ еще въ четвертичную эпоху и удержался и позже въ степяхъ южной Россіи, въ видѣ тарпана.

*) На серебряныхъ украшеніяхъ довольно часто встрѣчается филиграновая орнаментация, состоящая изъ рядовъ мелкихъ шариковъ, припаянныхъ къ гладкой поверхности (*filigraan granulé*) (рис. 440). Происхожденіе этой прекрасной техники остается еще спорнымъ. В. Б. Антоновичъ принимаетъ его за типъ славянскаго орнамента, другіе, какъ напр. В. И. Сизовъ, съ большимъ, кажется, правдоподобіемъ, приписываютъ ему восточное происхожденіе. Прекрасныя украшенія этого рода встрѣчались довольно часто отдѣльными находками въ гробницахъ, болѣе впрочемъ въ кладахъ, найденныхъ помимо гробницъ, и хранящихся по большей части въ Импер. Эрмитажѣ въ Петербургѣ. Между ними особенно замѣчательнъ гнѣздовскій кладъ изъ Смоленской губерніи, затѣмъ тереховскій (найденный въ 1876 г. въ Болховскомъ у. Орловской губ.), стариковскій (найденъ въ 1883 г. въ Корочевскомъ у. Курск. губ.), два клада изъ Казанской губ. Спасскаго у.; волинскій кл. (Дубенскаго у.), львовскій (у сел. Льгова Чернигов. губ. въ 1879 г.), каневскій (найденъ въ 1885 г. на поляхъ возлѣ Мироновки, Канев. у. Кіев. губ.), Рязанскій (въ с. Старая Рязань въ 1868 г.). Кладъ прекрасныхъ филиграновыхъ вещей изъ села Юрковецъ (Диповецкаго у. Кіев. губ.) хранится въ музеѣ кіевскаго университета; другой изъ Майкова въ Калишскомъ у. (найденъ въ 1885 г.) — въ музеѣ Краков-

Украшенія бываютъ чаще сдѣланы изъ серебра — золотыя гораздо болѣе рѣдки. Нѣкоторые археологи принимаютъ поэтому присутствіе серебра за характерный признакъ славянскихъ гробницъ. Въмѣсто металлическихъ шейныхъ гривенъ встрѣчаются очень часто ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, простыхъ и пестрыхъ—въ гробницахъ съ остатками погребенія—часто позолоченныхъ или посеребренныхъ, иногда также ожерелья изъ небольшихъ морскихъ раковинъ (каури) или подвѣсокъ изъ горнаго хрустала, сердолика (янтарь попадаетъ рѣдко), а также зубы, рыбы челюсти (амулеты?) и т. п. Для мѣстностей западной Россіи особенно характерны большія округленныя бусы (можетъ быть пряслицы?) изъ красиваго краснаго шифера. Онѣ очень многочисленны и въ древности выдѣлывались въ этихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ; впрочемъ мастерскія ихъ до сихъ поръ еще не найдены *).

Сосуды въ могилахъ обыкновенно бываютъ поставлены у ногъ покойника. Почти всегда ихъ находятъ пустыми, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ нихъ находили и остатки пищи, птичьи кости и т. п., напр. въ Потаповѣ. Сдѣланы они и на кругъ и отъ руки. Описанный уже нами выше славянский типъ горшкообразныхъ сосудовъ, съ отогнутымъ краемъ и орнаментированный рядами горизонтальныхъ бороздокъ съ простой или сложной волнообразной линіей,—можно прослѣдить далеко на востокъ Россіи до губерній: Калужской, Костромской и Московской, а на сѣверъ — до Ярославской и Тверской. Всего чаще встрѣчается этотъ типъ въ долинѣ Днѣпра въ Смоленской губ. (примѣромъ можетъ служить гнѣздовскій могильникъ), въ долинахъ Припети (въ Минской губ.) и Десны. Но и въ Московской губ. въ бассейнѣ р. Клязьмы въ Богородскомъ у. встрѣчаются также этого рода сосу-
ды, цѣлая коллекція которыхъ хранится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. Не менѣе многочисленны они и въ находкахъ Калужской губ., въ Мещовскомъ у. (Мощины, Спасскій Городецъ). Въ тверскомъ музеѣ находится подобный же сосудъ изъ Осташковского у., въ которомъ былъ спрятанъ кладъ серебряныхъ монетъ—чешскихъ грошей XIV столѣтія.

скаго унив. Другіе клады были найдены еще въ губерніяхъ Таврической, Ставропольской, Смоленской (возлѣ имѣнія Долины въ Юхновскомъ у. 1855 г.), Полтавской (переславскій кладъ со множествомъ золотыхъ серегъ кievскаго типа); три клада были найдены въ самомъ Кіевѣ (одинъ въ 1880 г. на Большой-Житомирской ул., другой въ 1885 г. на Троицкой ул., третій въ 1887 г. во дворѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря), одинъ—въ Черниговѣ, на Александровской площади, и одинъ во Владимірѣ въ саду въ 1865 г. Клады эти относятся ко времени отъ X-го до XIII стол. ³⁹⁸).

*) Мастерскія такихъ пряслицъ были найдены не такъ давно въ количествѣ по крайней мѣрѣ пяти (Нагоряны, Коптевичина, Хайча, Каменьщина и Михайловка) въ Овручскомъ у. Волынск. губ. (См. L'Anthropologie, VI (1895) p. 7,8).

Примѣч. переводч.

Довольно многочисленны въ курганахъ и очень интересны остатки одежды. Это или остатки кожи или льняныхъ и шерстяныхъ тканей, часто встречаются также парча и шелкъ. Голова покойника была, повидимому, часто

Рис. 440. Серьги и кресты изъ находокъ на берегу р. Оки возлѣ Старой-Рязани.

завернута въ тонкую или болѣе грубую ткань. На ногахъ носили кожаную обувь съ заостренными носками, какъ показываютъ нѣсколько находокъ, сдѣланныхъ въ Московской, Кіевской и др. губерніяхъ. Довольно многочисленны также находки монетъ — римскихъ, нѣмецкихъ, больше всего впрочемъ арабскихъ. Эти монеты относятся по преимуществу ко времени отъ IX до XI столѣтія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ было уже сказано, мы будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, могилы мѣстностей несомнѣнно славянскихъ. Изъ этихъ мѣстностей въ западной Россіи занимались болѣе всего раскопками бывшій варшавскій профессоръ Д. Я. Самоквасовъ и профессоръ кіевского университета В. Б. Антоновичъ, первый преимущественно въ Черниговской губ., второй—въ Кіевской.

Въ Черниговской губ. раскопано было много кургановъ въ окрестностяхъ г. Чернигова (главнымъ образомъ въ трехъ группахъ: возлѣ Троицкаго монастыря на р. Деснѣ, у впаденія въ Десну р. Бѣлоуса и на берегахъ р. Стрижня), затѣмъ возлѣ м. Седнева, Лариновки, Мериновки ис-

далеко отъ Стародуба, возлѣ ст. Бахмачъ и Краснаго Берега на либаво-роменской жел. дор. Всѣ эти курганы, а также часть кургановъ Полтавской губ. (возлѣ Переяслава) Д. Я. Самоквасовъ считаетъ славянскими, сѣверянскими.

Костяки въ этихъ курганахъ находились обыкновенно ниже уровня почвы, лежали на спинѣ, головой къ западу; найденные при нихъ и перечисленные нами выше предметы не отличались богатствомъ. Вообще всѣ эти курганы съ остатками погребеній—болѣе поздняго времени. Древнѣйшіе курганы заключаютъ въ себѣ остатки трупосожженія; ихъ было найдено много въ разныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ самого Чернигова.

Примѣромъ замѣчательныхъ кургановъ этого рода могутъ служить извѣстные Чорна могила и Гульбище, раскопанные въ самомъ Черниговѣ. Тамъ были найдены сосуды съ пепломъ и бараньими костями (въ нихъ бронзовая человѣческая фигурка), два турьихъ рога, три желѣзныхъ шлема, желѣзный мечъ съ серебряной рукояткою, копья и стрѣлы, бронзовый щитъ, желѣзные удила и стремена и двѣ византійскія монеты IX стол. Внизу всего этого въ курганѣ найдено было еще множество предметовъ въ томъ же родѣ и подобнаго же характера (оружія и украшеній) съ византійской монетой конца X столѣтія.

Отъ этихъ славянскихъ кургановъ Самоквасовъ отличаетъ курганы въ окрестностяхъ Суджи и Мирополя, въ западной части Курской губ. на р. Пселѣ, раскопанные имъ самимъ и еще раньше г. Дмитрюковымъ. Народъ называлъ ихъ прямо татарскими могилами, Самоквасовъ же призналъ ихъ принадлежащими какому-то кочевому неславянскому племени. Мнѣніе его основано отчасти на устройствѣ могилъ (мертвые были положены не въ ямѣ, а на поверхности земли), отчасти же на большемъ обиліи и иномъ характерѣ найденныхъ предметовъ (хотя въ числѣ ихъ были и височныя кольца), но ему въ значительной степени противорѣчитъ типъ череповъ, вполне совпадающій съ типомъ череповъ сѣверянскихъ *). Здѣсь чаще встрѣчается и трупосожженіе; возлѣ Суджи часть могильника состояла изъ гробницъ съ остатками сожженія, отдѣльная же часть изъ могилъ съ костями. Сюда относятся затѣмъ и курганы возлѣ с. Липоваго, въ Роменскомъ у. Полтавской губ., со скелетами въ ямахъ и съ большимъ количествомъ серебряныхъ предметовъ (VIII—IX стол.).

Курганы Харьковской губерніи Самоквасовъ относитъ еще къ славянскимъ, но нѣкоторые изъ нихъ считаетъ принадлежащими не славянскимъ ко-

*) Несомнѣнно однако, что часть кургановъ южныхъ мѣстностей Россіи принадлежитъ жившимъ тамъ кочевымъ племенамъ. Половецкое поле, по лѣтописи 1207 г., начиналось отъ рязанской рѣки Прони и границу его на востокъ составлялъ Осколъ; на юговостокъ, по мнѣнію Забѣлина, на р. Пселѣ жило очень смѣшанное населеніе.

чевымъ племенамъ, напр. половцамъ. Въ Екатеринославской губ. Самоковцовъ считаетъ славянскими курганы, раскопанные имъ возлѣ Новогригорьевки.

Въ губерніяхъ Киевской и Волынской и вообще въ странахъ древнихъ полянъ и древлянъ наиболѣе изслѣдованій было произведено В. Б. Антоновичемъ, издавшимъ въ 1893 г. прекрасное обобщеніе своихъ раскопокъ. Границу распространенія кургановъ древлянскаго типа представляетъ на сѣверѣ черта, проведенная южнѣ Припети, на востокъ—теченіе Днѣпра отъ устья Припети до устья р. Ирпеня (по другой сторонѣ Днѣпра мы встрѣчаемся уже съ сѣверянскимъ типомъ), на югъ—черта, тянувшаяся отъ Днѣпра къ истокамъ р. Раставицы; на западъ типъ этотъ доходитъ вѣроятно до самой р. Случи. На этомъ пространствѣ В. Б. Антоновичъ насчиталъ 307 могильниковъ съ болѣе чѣмъ 7400 кургановъ. Изъ нихъ онъ самъ раскопалъ 261, между которыми 245 представляли древлянскій типъ, заключаая въ себѣ вездѣ несожженные тѣла, лежавшія не глубоко подъ поверхностью почвы, будучи часто окружены со всѣхъ сторонъ слоемъ угля. Въ каждомъ курганѣ былъ по большей части одинъ костякъ, лежавшій на спинѣ, головой къ западу. Характернымъ признакомъ древлянскихъ кургановъ является отсутствіе оружія и посуды. Чаше всего встрѣчаются украшенія, по большей части головныя діадемы и кольца, вплетенныя въ волосы.

Главные могильники этого типа были найдены у села Буки и возлѣ дер. Ягнятина на берегу р. Раставицы (наибольшіе могильники во всей Киевской губ.), возлѣ м. Вчорайшого, возлѣ Грубскаго городища въ Сквирскомъ у. (височныя кольца), возлѣ села Стрижовки, гдѣ производилъ также раскопки г. Чеславъ Нейманъ, возлѣ Городища въ Радомысльскомъ у. и особенно въ окрестностяхъ гор. Житомира, на берегу р. Каменки, гдѣ послѣ Антоновича въ 1886 г. много кургановъ было раскопано С. С. Гамченкомъ. Здѣсь при скелетахъ также были найдены между прочими предметами и височныя кольца въ видѣ буквы S. Гамченко считаетъ этотъ могильникъ относящимся къ VII—IX ст. Изъ другихъ мѣстопохожденій Киевской губ., не имѣющихъ уже древлянскаго характера и принадлежавшихъ, по мнѣнію В. Б. Антоновича, болѣе воинственному племени полянъ, наиболѣе замѣчательны: могильникъ у Самгородка, раскопанный Болесл. Поповскимъ, и главнымъ образомъ курганы по р.р. Роси и Рассавѣ, изслѣдованные Антоновичемъ и заключавшіе въ себѣ много разныхъ предметовъ и оружія. Антоновичъ считаетъ ихъ славянскими, другіе же, какъ напр. Сизовъ—неславянскими. Большое количество желѣзнаго оружія было найдено также въ гробницахъ возлѣ м. Кошеватаго и возлѣ с. Никозаевки, въ Таращанскомъ у., а также возлѣ с.с. Пышекъ и Зелени, Каневск. у.

На очень интересномъ кладбищѣ возлѣ Іорданской церкви въ Киевѣ на

Полодѣ, въ одной могилѣ была найдена серебряная куфическая Джафара-аль-Мансура (754—775) и серебряный крестикъ прибитыми гвоздиками. Возлѣ с. Юрковецъ Липовецъ найденъ кладъ прекрасныхъ серебряныхъ филиграновыхъ вещей Антоновича славянской работы, по нашему же восточной.

Въ Минской губ. очень интересно Черниковско-р. Узѣ, въ которомъ были найдены, кромѣ могилъ, заключавшихъ съ остатками трупосожжения и при томъ различнымъ обрѣзомъ. Подобныя же могилы были найдены В. З. Завитневичемъ вблизи Игуменскомъ у. и у г. Борисова на Зинь, въ Мозырскомъ у. у Скрыглова, а также возлѣ Боморовичской волости и др. Здѣсь положеніе покойниковъ не въ ямахъ разграничивалось такимъ образомъ, что этотъ археологъ классифицировать курганы по указаннымъ двумъ призна-

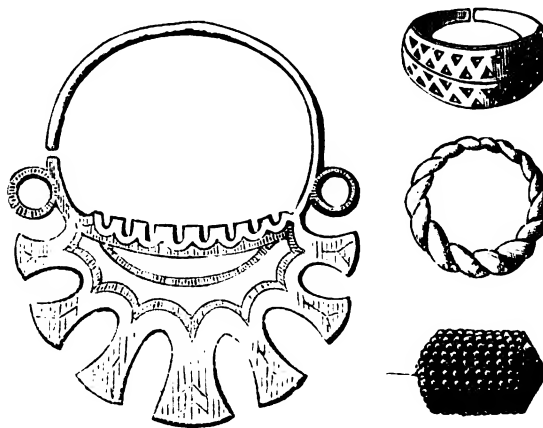

Рис. 441. Височная подвѣска и перстни изъ могилъ Московской г. подвѣска изъ Минской губ.

въ нихъ могилы двухъ разныхъ сосѣдившихъ одно съ другимъ племенъ. Для него впрочемъ погребальный обрядъ служитъ критеріемъ классификаціи вообще. Другое замѣчательное славянское кладъ въ Минской губ. было открыто г. Титомъ Соподзько возлѣ с. Березинѣ въ Игуменскомъ у. Тамъ были найдены при склепахъ на доскахъ, кромѣ желѣзныхъ топоровъ и каменные. Изъ найденныхъ вообще въ курганахъ этой губерніи, наиболѣе подвѣски, усаженные на поверхности маленькими шариками

ками, на подобіе ягодъ малины (рис. 441); въ Борисовскомъ и Минскомъ уѣздахъ довольно многочисленны также браслеты, неспаянные концы которыхъ обдѣланы въ видѣ змѣиныхъ головокъ. Пряжки приближаются вообще къ балтійскимъ типамъ, височныя кольца встрѣчаются довольно часто.

Въ Смоленской губ. прежде всего обращаютъ на себя вниманіе находки В. Н. Сизова и В. Д. Соколова въ Гнѣздовскомъ могильникѣ съ остатками трупосожженія (въ Смоленскомъ у.) Вмѣстѣ съ большимъ количествомъ типическихъ славянскихъ сосудовъ съ орнаментомъ изъ волнистыхъ линий, здѣсь былъ найденъ цѣлый рядъ арабскихъ монетъ X вѣка, множество бронзовыхъ украшеній, желѣзное оружіе, огнива, шпоры и сасанидская бронзовая лампа. Погребальныя урны находились посреди курганной насыпи надъ слоемъ пепла и углей. Въ одномъ курганѣ было найдено полное вооруженіе воина: желѣзная кольчуга, остроконечный шлемъ, мечъ, умбо щита,—все по большей части поврежденное огнемъ и въ очень разрушенномъ состояніи. Между фибулами и пряжками оказались типическіе экземпляры скандинавскаго и балтійскаго типовъ, но—ни одного височнаго кольца. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что это погребеніе славянское, относящееся къ X-му вѣку. Другія замѣчательныя кладбища были изслѣдованы г. Керцелли возлѣ Юхнова и на р. Угрѣ. Тамъ уже курганы были съ костяками, лежавшими на спинѣ, головою къ западу. Между найденными при нихъ предметами интересны бронзовыя подвѣски, перстни съ ажурнымъ орнаментомъ (рис. 441), многочисленные пряжки и пр. и наконецъ двѣ арабскія монеты. Подобныя же могилы были найдены возлѣ д. Зубова съ характерными сплетенными изъ проволоки браслетами, въ Бѣльскомъ у. возлѣ селѣ Угрюмова, Прудянки, Заозерья, Япежина и т. п. Къ той же эпохѣ относятся и курганы, раскопанные г-жей Чебышевой на лѣвомъ берегу Днѣпра въ Смоленскомъ у. На серьгахъ были найдены остатки темныхъ прямыхъ волосъ, что замѣчено было и въ находкахъ Минской губ.

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ, кромѣ ихъ крайнихъ южныхъ и сѣверныхъ предѣловъ, мы съ большимъ правдоподобіемъ можемъ считать всѣ гробницы—славянскими.

Въ гораздо болѣе затруднительномъ положеніи окажемся мы при опредѣленіи принадлежности разныхъ могилъ, покрывающихъ равнины губерній Новгородской, Витебской, Тверской, Ярославской, Московской, Владимірской, Тульской, Орловской, Воронежской. Здѣсь въ теченіе разсматриваемой нами эпохи было несомнѣнно сильное смѣшеніе славянскаго элемента съ неславянскимъ, главнымъ обр. финскимъ *). Различать могильный археологиче-

*) Объ этомъ свидѣлствуютъ между проч. и топографическія названія. Въ Ярославской, Костромской, Владимірской и Нижегородской губ. количество неславянскихъ топографическихъ названій очень велико, какъ указалъ напр. г. Изаносковъ

скій матеріалъ здѣсь очень трудно. Финны и славяне составляли несомнѣнно, какъ будетъ изложено въ нашей послѣдней главѣ, племенные группы, весьма различныя въ этническомъ и главнымъ обр. лингвистическомъ отношеніяхъ. Но физически, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, часть финскихъ речисляемыхъ Начальной лѣтописью, была очень близка къ славяньнымъ обрядамъ ихъ въ одной и той же мѣстности во всѣхъ схожи, такъ что одѣ и тѣ же могилы были принимаемы славянскія, а другими приписывались разнымъ урало-алтайскимъ третьимъ-же (Чертковъ) считали ихъ, наконецъ, варяжскими. вянскія погребенія отъ неславянскихъ очень не легко, и мы шой заслугой В. И. Сизова то, что онъ сдѣлалъ первый шагъ шеніи, о чемъ мы упоминали уже выше. Въ своемъ изложженіи коснуться этого вопроса болѣе подробно, тѣмъ болѣе, его въ отдѣльныхъ случаяхъ принадлежить по справедливости своимъ изслѣдователямъ, и не можетъ быть сдѣлано авторомъ далекимъ отъ Россіи и до сихъ поръ только въ скромныхъ коммъ съ русскими памятниками. При томъ цвѣтущемъ въ которомъ находится въ настоящее время русская археологическая и правительствомъ и частными лицами, можно всѣ эти до сихъ поръ загадочные вопросы скоро дождутся снїи. Не можемъ не воспользоваться этимъ случаемъ для что такая усиленно-обширная дѣятельность, какою отъ Императорское Археологическое Общество въ Москвѣ и Императорская Комиссія въ Петербургѣ, а отчасти и другія обществъ Петербургское, Одесское и Казанское,—рѣдко встрѣчается въ какъ и такіа превосходныя изданія, какъ труды этихъ ученыхъ археологическихъ съѣздовъ.

Могильники Витебской губ. имѣютъ по большей части характеръ.

Въ Балужской губ. отмѣтимъ курганы съ остатками (могилъ съ костями очень много) возлѣ Шанькова въ интересныя тѣмъ, что тамъ вмѣстѣ съ позднѣйшими фибулами винціального типа были найдены сосуды славянскаго характера изъ волнистыхъ линій и нѣскольکو меньшихъ сосудовъ отъ руки съ блестящей черной поверхностью, напоминающейскую керамику болѣе древней эпохи. Въ томъ же уѣздѣ, напелъ чрезвычайно интересныя эмалированныя вещи. До

на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ въ 1887 г.; въ Москвѣ меньше, хотя самое названіе Москвы, какъ извѣстно, неславянскіе

достигало вѣроятно одно время сильное западное вліяніе съ Балтійскаго моря. Замѣчательно здѣсь также Мощинское городище и Спасскій Городецъ съ инвентаремъ вполне славянскаго характера.

Въ Московской губ. работалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ профессоръ русской антропологъ проф. А. П. Богдановъ, раскопавшій въ разное время кургановъ (въ Московскомъ у. 15, въ Звенигородскомъ 5, въ Верейскомъ 22, въ Подольскомъ 17, въ Богородскомъ 43 и т. д.) Кроме него производили раскопки Гатцукъ, въ Рузскомъ у. (возлѣ Волинщины, дер. Рыбушкина) и Подольскомъ у. (у Покрова)—Керцелли, и другіе, въ послѣднее время главнымъ обр. Вл. И. Сизовъ, хотя и принадлежатъ ко времени отъ VIII до X и имѣютъ много сходныхъ чертъ. Костяки въ нихъ наглы или ниже, часто на остаткахъ досокъ, въ выемкѣ и въ направленіи отъ запада къ востоку. Найденные при нихъ многочисленны и типичны. Желѣзныхъ вещей (и вообще о за то много предметовъ изъ серебра и бронзы (золотыхъ)). Между бронзовыми предметами для Московской губ. очень много подвѣски (или височныя привѣски) формы представленной на рис. 442) такъ наз. «лунницы». Попадаются также и простыя или гнутыя въ видѣ буквы S височныя кольца (с. Казинно, Ково). Волосы, сохранившіеся на черепкахъ почти всѣ каштановыя или черныя; Богдановъ находилъ и русые. Очень многочисленны возлѣ костей остатки тканей шерстяныхъ, шелковыхъ, остатки угля и обожженныхъ костей животныхъ. В. И. Сизовъ считаетъ курганы Московской губ. славянскими, но часть ихъ вѣроятно принадлежатъ и финнамъ. Сосѣднихъ восточныхъ губерній почти всѣ считаются фин-

Извѣстныхъ семизубчатыхъ и семилепестныхъ славянскихъ ви-
В. И. Сизовъ написалъ недавно превосходную статью (Археоло-
гическія замѣтки, Москва, 1895, № 6). Происхожденіемъ своимъ
имѣетъ образцамъ, но затѣмъ арабская техника была за-
имствована, а вмѣсто серебра начали употреблять сплавъ. Въ
использованіи на нихъ только по 3—5 зубцовъ. Такъ же точно и ти-
пы, украшенные зернью (granulées), были арабскаго проис-
хожденія, появились имитации ихъ въ Россіи — изъ сплава и съ
б.

скими, а часть ихъ, благодаря изслѣдованіямъ знаменитаго русскаго археолога графа А. С. Уварова, соединяется въ группу Мерянскихъ кургановъ. Поселенія финскаго племени мерянъ (Мери) по словамъ Начальной лѣтописи были расположены въ нынѣшнихъ губерніяхъ Ярославской, Владимірской, части Московской, Тверской, Вологодской, Рязанской и Нижегородской. На западѣ сосѣдями ихъ были славяне (кривичи и вятичи), а съ прочихъ сторонъ они были окружены своими соплеменниками, которыхъ Повѣсть временныхъ лѣтъ называетъ Муромой, Мордвой, Черемисой и Весью.

Въ мерянскихъ курганахъ мы встрѣчаемся съ обоими похоронными типами въ теченіе одной и той-же эпохи, какъ свидѣлствуютъ находки однѣхъ и тѣхъ-же монетъ по большей части X—XI вѣковъ. Позже начинаютъ уже появляться въ курганахъ и христіанскіе символы, причемъ трупосоженіе прекращается *). Курганы съ остатками сожженія труповъ заключаютъ въ себѣ погребальныя урны, но возлѣ нихъ часто попадаютъ и человѣческія кости

Рис. 443—444. Бронзовыя подвѣски изъ финскихъ могилъ.

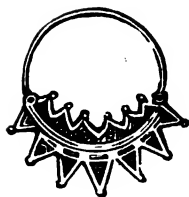
(жертвы?) Костяки въ курганахъ лежатъ на спинѣ съ руками, вытянутыми вдоль тѣла или сложенными на груди, головой къ западу. Въ болѣе богатыхъ гробницахъ встрѣчаются и конскія кости. Погребальный инвентарь заключаетъ въ себѣ много предметовъ, съ которыми намъ уже приходилось

*) Интересное изслѣдованіе о крестикахъ и образкахъ въ языческихъ могилахъ средней и западной Россіи было представлено на X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ проф. Д. Н. Анучинымъ. Фактъ находженія подобныхъ символовъ въ могилахъ съ остатками трупосоженія и въ курганахъ, въ видѣ амулетовъ на шеѣ и подвѣсокъ къ серьгамъ (раскопки Ф. Д. Нефедова въ Костромск. губ.), онъ сопоставляетъ съ современными этнографическими данными изъ быта инородцевъ (остяковъ).

Примѣч. переводч.

овавших курганах *). Наиболее характерными, их могилъ оказываются: масса бронзовыхъ украше-
нъ, которыя, хотя и литыя, указываютъ первоначальные образцы изъ плетеной и кру-
7, 458); спиральные браслеты венгерскаго типа;
орымъ присоединяется еще цѣлый рядъ разныхъ
443—444). Оружіе по большей части желѣзное:

сѣкиры разныхъ формъ, ко-
роткіе кинжалы, ножи, ко-
пья и стрѣлы,—рѣже мечи
(рис. 448). Но кромѣ же-
лѣзнаго оружія, мы встрѣ-
чаемся здѣсь еще и съ ка-
менными топорами и стрѣ-
лами. При женскихъ ске-
летахъ часто находятъ нож-
ницы. Между глиняными со-
судами встрѣчаются и де-
ревянныя, окованныя ве-
дерки.

Серьга и серьга изъ ме-
бинца.

Наиболѣе замѣчательныя
группы кургановъ этого фин-
скаго характера были найде-
ны въ Рязанской губ.,
напр. г. Нефедовымъ возлѣ с.

асимовскомъ у. Графъ Ѳ. А. Уваровъ (сынъ) описать
есными находками въ Курманѣ того же уѣзда **). Въ

мнечество височныхъ колецъ было найдено прицѣплен-
кожи, но закругленнаго въ видѣ буквы S конца жъ
ы болѣе не встрѣчаемъ; если и встрѣчаются закруг-
только въ видѣ простаго загиба.

нія о могильникахъ и курганахъ Рязанской губ. были
археолог. съѣздѣ проф. П. Н. Милюковымъ и А. И.
древнѣ кургановъ и принадлежали очевидно фин-
стрѣчается мѣстами трупосоженіе, монетъ еще нѣтъ,
огу приблиз. VII—VIII в. Курганы-же относятся къ
—XII-в.). Одинъ изъ курганныхъ типовъ, характери-
еглубокихъ ямахъ, обкладкой трупа берестой или лу-
тной высотѣ въ толщѣ кургана, присутствіемъ горшка
илюковъ приписываетъ кривичамъ, указывая на
е или сходной обстановкой тянутся на пространствѣ

Владимірской губерніи г. Керцелли дѣлалъ раскопки въ Муромскомъ у. на р. Племя, г. Добрынкинъ—возлѣ Максимовки; въ Тамбовской губ., въ долинѣ р. Цны въ Моршанскомъ у., были найдены курганы съ очень типичными фибулами.

Въ губерніяхъ Тверской и Ярославской отмѣтимъ по крайней мѣрѣ могильники, найденные при д. Заборье съ монетами XI стол. А. П. Кельсіевъ и гр. А. С. Уваровъ приписываютъ вообще большую часть здѣшнихъ погребеній мерянамъ, какъ напр. находки возлѣ Кырькова, Клементьева, у дер. Вороновой, у Дертниковъ и т. п. Возлѣ Тимерева г. Кельсіевъ нашелъ могильникъ въ большей части съ остатками трупосожженія; при одномъ костякѣ въ немъ оказалась нѣмецкая монета X стол.; сосуды были сдѣланы на гончарномъ кругѣ. Другіе замѣчательные могильники были изслѣдованы Я. А. Ушаковымъ возлѣ с. Жукова въ Угличскомъ у. (железные топоры, ножи, се-

Рис. 448. Железный топоръ и стрѣлы изъ мерянскихъ кургановъ.

ребряные медальоны, стеклянные подвѣски, нѣмецкія и арабскія монеты) и Л. Н. Бастаковымъ въ Старицкомъ у. Эти курганы были бѣды предметами, но на темныхъ волосахъ череповъ оказались височныя, загнутыя на концѣ, кольца. Богатый курганъ этой эпохи былъ раскопанъ еще г. Ушаковымъ на р. Юхоты.

Въ губерніяхъ С.-Петербургской и Новгородской было раскопано довольно много кургановъ, опредѣлить принадлежность которыхъ оказывается затруднительнымъ; таковы напр. курганы возлѣ с. Косидкаго (немногіе бронзовые и стеклянные предметы), у Волотова недалеко отъ Новгорода (вовсе безъ находокъ), бѣдные курганы съ остатками трупосожженія на р. Волховѣ и у оз. Ильмена, приписываемые г. Бранденбургомъ славянамъ.

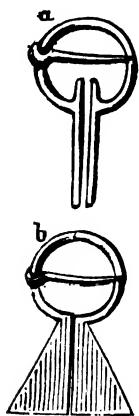
Въ восточныхъ, главн. обр. поволжскихъ и приуральскихъ губерніяхъ, почти всѣ курганы этой эпохи, разумѣется, не славянскіе. Такіе курганы были раскопаны напр. покойнымъ А. С. Гацинскимъ у с.с. Баранникова,

отъ Мстиславскаго у. Могилевской губ., черезъ нѣкоторые уѣзды Смоленской, Тульской и Рязанской до Московской включительно.

Прим. переводч.

Бокова и др., въ Нижегородской губерніи, а также въ той же губерніи. Дружиннымъ (предметы описаны проф. Анучинымъ); г. Поливановымъ—возлѣ Сызрани въ муранскомъ могильникѣ (но уже съ монетами XIV ст.) ⁴⁰⁰) и др. Не можемъ также не упомянуть здѣсь о богатомъ мѣстонахожденіи древностей на мѣстѣ древнихъ Болгаръ, возлѣ с. Успенскаго въ Спасскомъ у. Базанской губ. Пермская губ. отличается находками цѣлаго ряда массивныхъ серебряныхъ шейныхъ гривнъ и большого количества серебряныхъ блюдовъ и сосудовъ восточнаго издѣлія (сассанидской эпохи) (ср. стр. 519).

Оренбургскій край между Волгой, Камой и Каспійскимъ моремъ началъ населяться русскими только въ XVI ст. изъ Казани. Поэтому всѣ

почти курганы разсматриваемой нами эпохи въ этой мѣстности мы можемъ считать не славянскими. Много раскопокъ въ этомъ край (также въ Тургайской области) были произведены въ концѣ 80-хъ годовъ Ф. Д. Нефедовымъ, результаты изслѣдованій котораго издаются теперь Мос. Археологическимъ Обществомъ. Большая часть древнихъ могилъ здѣсь приписывается народомъ также Чули, нѣкоторыя же ногайцамъ и другимъ кочевникамъ. Но описаніе этихъ и прочихъ инородческихъ могилъ въ Россіи выходитъ уже изъ предѣловъ нашего изложенія.

Болѣе подходящимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о такъ назыв. каменныхъ бабахъ русскихъ кургановъ.

Рис. 449. Типическія пряжки изъ кургановъ поволжскихъ губерній.

Вопросъ о томъ, что такое представляютъ собой и кому принадлежать курганы, на которыхъ были поставлены каменные бабы, занималъ уже очень многихъ и русскихъ и не русскихъ археологовъ. Теперь можно, кажется, сказать съ достовѣрностью, что они относятся къ эпохѣ появленія въ Южной Россіи тюркскихъ народовъ и что они насыпались надъ могилами различныхъ племенъ урало-алтайской вѣтви.

Первыя свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ были сообщены монахомъ Вильгельмомъ Рубрукъ в с о м ъ, который въ 1253 г. былъ посланъ королемъ Людовикомъ IX къ монгольскому хану и который имѣлъ случай наблюдать у половцевъ обычай ставить послѣ погребенія на курганъ статую съ сосудцемъ въ рукахъ. Другое древнее извѣстіе о томъ же обычаѣ находится въ новгородской лѣтописи подъ 1398 годомъ, затѣмъ подобныя же извѣстія были записаны барономъ Герберштейномъ въ его запискахъ о Московіи, составленныхъ по случаю его посольства къ московскому в. князю Василию III., имѣются у нѣмецкаго посланника Эриха Лассоты (1594 г.) и др.

Каменные бабы—это грубо сдѣланныя изъ песчаника или гранита изваянія, изображающія сидячую или стоячую человѣческую фигуру съ руками, прижатыми къ передней части тѣла и держащими обыкновенно чашу. Нѣкоторыя фигуры представлены одѣтыми, другія обнаженными. Представляютъ онѣ собою лица чаще женскаго, но иногда и мужскаго пола. У мужскихъ изображеній часто можно различить усы, на головѣ шапку, возлѣ пояса ножъ или мечъ съ одной стороны и колчанъ съ другой, на ногахъ сапоги. На женскихъ фигурахъ изображены высокіе головные уборы (въ родѣ башлыковъ) и обозначены груди ⁴⁰¹).

Уже географическое распространеніе этихъ памятниковъ указываетъ съ очевидностью на то, что они не славянскаго происхожденія, а также не финскаго и не готскаго, какъ указывалъ Гензельманъ, но монголо-тюркскаго. По словамъ Ядринцева, они встрѣчаются въ сѣверной Монголіи, на Алтаѣ, въ окрестностяхъ Кульджи, Вѣрнаго, Исыкъ-Куля, въ Киргизской степи, откуда переходятъ въ Южную Россію и доходятъ даже до Галичины, до г. Калиша и даже до восточной Германіи ⁴⁰²). Въ Украинѣ они чаще всего встрѣчаются въ Таврической губ., въ Екатеринославской (главн. обр. въ Славяносербскомъ у.), затѣмъ въ южной части Харьковской и Херсонской губ. Не очень давно ихъ было тамъ еще очень много, теперь большая часть ихъ или уничтожена или увезена. Нѣкоторые предполагаютъ, что это статуи религиозныя—идолы. Но болѣе вѣроятно представляется намъ, что онѣ представляютъ собою изображенія умершихъ, погребенныхъ подъ курганомъ, или вообще—намогильные памятники.

Рис. 450. Каменная баба, найденная возлѣ Пятигорска.

Въ нынѣшней Финляндіи на сѣверѣ Россіи могильные находки по своему общему характеру приближаются къ остальнымъ русскимъ. Здѣсь только необходимо отмѣтить довольно значительное скандинавское вліяніе. До извѣстной

степени, то же можно сказать и о Лифляндіи и Эстляндіи. Тамъ вліяніе германской

культуры настолько сильно, что г. Аспелингъ прямо связываетъ его съ заселеніемъ этихъ странъ германскими колонистами, племенемъ, которое Иорданъ называетъ розомонами.

Могилы Прибалтійскаго края были уже много лѣтъ тому назадъ изслѣдованы Фр. Крузе и І. Бэромъ ⁴⁰³). Изъ нихъ мы отмѣтимъ замѣчательный могильникъ возлѣ Ашерадена, гдѣ кромѣ оружія было найдено множество своеобразныхъ пряжекъ, нагрудныя украшенія, состоящія изъ двухъ бляшекъ, прикалывавшихся къ плечамъ и соединявшихся между собою металлическими цѣпочками, булавки своеобразной формы, браслеты съ концами въ формѣ кубиковъ (рис. 451). Встрѣчаются также и эмальированные предметы. Находки хранятся отчасти въ Рижскомъ музѣе, отчасти же въ Британскомъ

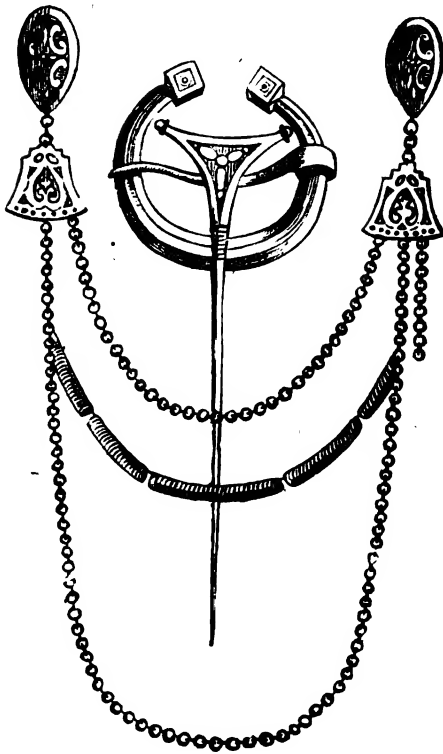

Рис. 451. Цѣпи съ бляхами, пряжка и булавка изъ гробницы въ Ашераденѣ.

музею въ Лондонѣ.

Мы сдѣлали бы очень важный пропускъ, не посвятивши въ концѣ этой главы хотя небольшую часть нашего изложенія указанію на восточное, и именно арабское вліяніе, которое въ концѣ I-го тысячелѣтія въ значительной мѣрѣ начало проникать во всѣ славянскія земли и оказало во многихъ отношеніяхъ большое воздѣйствіе на развитіе славянской культуры. Вліяніе это проникало путемъ частыхъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ при посредствѣ купцовъ, главнымъ образомъ арабскихъ ⁴⁰⁴). Мы уже не разъ имѣли случай указывать на то, что еще съ очень давнихъ временъ существовали близкія торговыя связи между восточной Европой и западной Азіей, сосредоточивавшіяся главнымъ образомъ на торговомъ пути черезъ Хвалынское море по Волгѣ вверхъ въ среднюю Россію. Но Черное море съ устьями Дона, и глав-

вымъ образомъ Дибра, служило также торговымъ путемъ въ очень значительной степени.

Арабская торговля съ Русью началась еще съ VIII вѣка, когда арабы подъ управленіемъ преемниковъ Магомета расширяли далеко свое господство, а городъ Багдадъ съ его гаванью Басрой сдѣлался центромъ восточной торговли между Индіей, Африкой, Китаемъ и Сѣверными странами. Кромѣ арабовъ большое участіе въ торговлѣ принимали и евреи. «Они говорятъ по персидски, по гречески, по арабски, по французски, по испански и по славянски и ѣздятъ съ запада на востокъ по водѣ и по сушѣ», говоритъ о нихъ Ибнъ-Хурдадбигъ. Когда же калифъ Омаръ изгналъ евреевъ изъ Аравіи, они переселились на сѣверъ, особенно на Волгу къ хазарамъ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній объ арабской торговлѣ въ Европѣ служатъ намъ, съ одной стороны, многочисленныя находки арабскихъ монетъ и украшеній восточнаго стиля, а съ другой—прямые извѣстія арабскихъ и еврейскихъ торговцевъ и путешественниковъ. Между ними наиболѣе замѣчательны Ибн-Хурдадбигъ (ум. въ 912 г.), Ахмедъ Ибн-Аби Якубъ (жилъ около 890 г.), Ибн-Фоцланъ (путешествовавшій въ 911—912 годахъ, отрывки его путешествій сохранились у Якута и Казвини), Абу-Ишакъ ал-Истахри, Абу-л-Касимъ Ибн-Хаукаль, Масуди (ум. въ 956 г.); Ибрагимъ бенъ-Якубъ (путешествовалъ въ 973 г., описанія его сохранились у Абу-Убайда аль Бекри), Мукаддаси (книга конца X стол.). Представляютъ также важность географическій словарь Якута (ум. въ 1229 г.) и космографія Казвини (ум. въ 1183 г.), труды Идриси, Димиски, Абулфеды и Ибн-Батуты *).

Прогрѣтанію арабской торговли способствовало очень многое; жила въ странахъ, гдѣ распространялся исламъ, сама религія, стороны ей содѣйствовала и обширность арабскаго калифата и широкое,—для того времени всемірное—распространеніе арабскаго которомъ говорили отъ Индіи до Пиренеевъ. На востокъ арабы ѣздили по обновленіи прежнихъ сухопутныхъ и морскихъ путей до самаго Китая и Индіи, на югъ—даже въ южную Африку и на сѣверъ до странъ сѣверной Европы. Проникновенію арабской торговли въ частности на сѣверъ, въ Россію помогло также въ значительной степени нарушеніе связи между Визан-

*) Некоторые изъ нихъ сохранили для насъ очень важныя извѣстія о славянахъ, которыхъ они называютъ обыкновенно с а к а л и б а м и ⁴⁰⁸). Названіе Русь у нихъ очень неясно. Прежде отождествляли руссовъ арабскихъ писателей съ варяго-руссами, потомъ принимали ихъ за финское племя, за славянъ или же за норманновъ, вскорѣ потомъ ославянившихся. Необходимо, разумеется, имѣть при этомъ въ виду, что слово Русь уже въ XI стол. употреблялось для обозначенія всѣхъ восточныхъ славянъ. Ср. мѣсто лѣтописи: „Се бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Русѣ: Поляне, и т. д.“ (И п а т. 6).

тійской имперіей и Сиріей и Египтомъ, а затѣмъ и разные адикты папской и иныхъ властей Италіи, запрещавшіе торговлю съ Египтомъ и Левантомъ.

Арабская торговля шла на сѣверъ черезъ страну хазаръ на устьяхъ Волги (съ главнымъ городомъ Итилемъ), вверхъ по этой рѣкѣ, черезъ землю буртасовъ, къ нынѣшней Казани, въ приволжскую Болгарію. Здѣсь былъ большой торговый центръ, куда приходили купцы изъ средней Россіи и съ запада, съ Балтійскаго моря. Страна къ сѣверу отъ Болгаръ—*Uisü*—не посѣщалась уже купцами. Другимъ торговымъ центромъ былъ Кіевъ,

какъ мѣсто встрѣчи южныхъ и русскихъ торговцевъ съ сѣверными. По Дону, Днѣпру и вѣроятно также и по Днѣстру до самаго Чернаго моря очень дѣтельно торговали въ особенности норманны. Изъ Кіева торговля распространялась дальше на сѣ-

веръ и западъ, и нѣкоторые славянскіе города, какъ напр.

Рис. 452. Арабскій дирхемъ, битый въ Самаркандѣ въ 903 г.

Краковъ, Великій Новгородъ, Голымгардъ, Юмнета и Прага скоро приобрѣли уже извѣстность и ихъ рынки сдѣлались очень посѣщаемыми. Ибрагимъ бенъ-Якубъ, бывшій въ Прагѣ въ 973 г., описываетъ ее (это описаніе сохранилось у Абу-Убаида-аль-Бекри) слѣдующимъ образомъ: «Городъ Прага (*Frāga*) построенъ изъ камня и извести и благодаря своей торговлѣ—богатѣйшій изъ городовъ. Руссы и славяне приходятъ туда съ своими товарами изъ Кракова, мусульмане, жидаы и турки изъ турецкой земли съ товарами и византійскими миткалами (родъ монеты) и вымѣниваютъ на нихъ рабовъ и бобровые и другіе мѣха. Земля ихъ (жителей Праги) лучшая изъ сѣверныхъ странъ и наиболѣе богатая средствами жизни. У нихъ за одинъ кншаръ продается столько пшеницы, сколько надо одному человѣку на цѣлый мѣсяць, а ячменя за ту же цѣну такое количество, которымъ можно прокормить коня въ теченіе 40 дней. У нихъ можно купить также за одинъ кншаръ десять курицъ *). А въ городѣ Прагѣ дѣлаютъ сѣдла, уздечки и обыкновенные щиты, какіе употребляются въ этихъ странахъ. Въ странахъ Бвими (Чеховъ) выдѣлываютъ легкія одежды изъ чрезвычайно тонкой ткани, какъ сѣтъ, которая ни къ чему не годится. Обыкновенная цѣна имъ у нихъ одинъ кншаръ за десять одеждъ. Ими они платятъ и дѣлаютъ подарки другъ другу; ими наполнены у нихъ цѣлые сундуки и эти одеженки считаются у нихъ

*) По переводу бар. Розена. Слово к н ш а р ъ довольно темное; de Goeje читаетъ это мѣсто р е п с ѣ—пѣнязь.

богатствомъ и самой цѣнной вещью. За нихъ они покупаютъ пшеницу и муку, лошадей и золото, серебро и другія вещи».

Наиболѣе процвѣтала арабская торговля послѣ паденія великаго государства калифовъ, во время господства менѣе значительной династїи Саманидовъ въ Хорассанѣ, основателемъ которой былъ Измаиль (893—907). Лучшимъ свидѣтельствомъ этого являются многочисленныя, а иногда очень богатые находки арабскихъ монетъ въ большей части Европы. Возлѣ г. Муромъ Владимірской губ. былъ найденъ напр. кладъ, состоявшій изъ 11,077 монетъ, почти исключительно саманидскихъ. Количество арабскихъ монетъ, найденныхъ вообще въ Европѣ, доходить до ста тысячъ. Кромѣ того въ Европѣ арабскія монеты также и поддѣлывались. Онѣ представляютъ собою деньги изъ тонкой серебряной пластинки, называемыя диргемами (рис. 452) и чеканенныя въ разныхъ городахъ (Самаркандѣ, Шашѣ, Балхѣ, Багдадѣ), очень часто также и въ г. Буффъ, имѣвшемъ для своихъ священныхъ книгъ особенныя (куфическія) письма. Арабскія монеты были находимы довольно часто въ Германіи, особенно сѣверной (Помераніи, Мекленбургѣ, Шлезвигѣ, Гольштейнѣ и Бранденбургѣ). Въ средней Европѣ онѣ рѣдки, *) но за то опять многочисленны какъ на югѣ, въ Италіи и Испаніи, такъ и на сѣверѣ—въ Даніи и Скандинавіи. Наиболѣе же часто находили ихъ въ Россіи, гдѣ онѣ давно уже были описаны Френомъ и Савельевымъ ¹⁰⁶). Самыя позднѣйшія изъ этихъ монетъ относятся къ началу XI столѣтія. Затѣмъ торговля очевидно прекратилась вслѣдствіе различныхъ причинъ. Съ одной стороны Русь начала воевать съ волжскими болгарами, съ другой-же—торговля начала переходить въ руки венеціанцевъ и нормановъ, вообще въ итальянскіе города.

Диргемы попадаются часто разломанными и разрубленными, очевидно съ цѣлью полученія болѣе мелкой монеты (въ Германіи такъ наз. Hacksilber, см. прим. на стр. 551). Кромѣ того они служили также украшеніями въ видѣ подвѣсокъ и т. п., какъ это видно по находкамъ монетъ съ дырочками. Изъ европейскихъ странъ арабскіе и еврейскіе купцы вывозили скотъ, ловчихъ соколовъ, мамонтовые бивни, изъ Россіи главнымъ образомъ мѣха (лисицъ, соболей, горностаевъ, куницъ, бобровъ), затѣмъ разные продукты рыболовства (клея, сушеную рыбу), медъ, воскъ, хлѣбъ, а также янтарь, ладонъ, разные металлы (гл. обр. олово), оружіе и рабовъ. Рабовъ-славянъ мы находимъ вездѣ—въ Хорассанѣ, въ Византіи, въ Италіи. Въ Испаніи они образовали собою даже цѣлыя славянскія колоніи. Въ Прагѣ торговали ими уже и тогда евреи **), иногда мадьяры и т. п. На сѣверѣ

*) Въ Чехіи по словамъ Эд. Фіалы, приводимымъ проф. Пичемъ, была найдена только одна арабская монета у Литомержицъ.

**) Евреи же ихъ и кастрировали. О славянахъ-евнухахъ на Востокѣ Ибн-Хаукаль говоритъ, что всѣ кастрированные славяне представляютъ со-

арабскіе купцы привозили разныя дорогія ткани, главнымъ образомъ хлопчатобумажныя и шелковыя, атласъ, парчу, ковры, затѣмъ оружіе, сирійскіе стеклянные товары (ср. стр. 350—351), разныя туалетныя предметы, какъ напр. металлическія зеркала, но прежде всего, разумѣется, ювелирныя издѣлія восточнаго характера, о которыхъ мы имѣли уже столько случаевъ упоминать. Украшенія были большей частью серебряныя. Вирховъ полагаетъ, что и часть височныхъ колецъ въ видѣ буквы S, главнымъ образомъ серебряныя, тоже ввозились арабами. Съ юга доставлялись еще морскія раковинки (каури) и вино (изъ Семендера).

Таково было состояніе и отношенія культуръ двухъ главныхъ великихъ народовъ, которые послѣ паденія римской имперіи завладѣли большею частью Европы—германцевъ и славянъ—въ эпоху появленія христіанства. У славянъ, конечно, и послѣ введенія христіанства во многихъ мѣстностяхъ долго еще держались остатки язычества. Съ другой стороны, какъ извѣстно, христіанство не вездѣ было принято съ миромъ и любовью, крестъ часто обливался кровью и проповѣдниковъ и крестимыхъ. У полабскихъ славянъ введеніе христіанства означало вмѣстѣ съ тѣмъ и истребленіе народа, у прочихъ—по крайней мѣрѣ раздробленіе и порабощеніе. «Nulla de christianitate fuit mentio sed tantum de rescipia»—такъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Гельмольдъ о крещеніи славянъ.

Съ появленіемъ христіанства древняя языческая культура или исчезла вовсе, или же значительно измѣнилась, приспособившись къ новымъ идеямъ, новымъ правамъ и обычаямъ. Поэтому мы можемъ не безъ основанія отодвинуть конецъ доисторической эпохи въ средней, восточной и сѣверной Европѣ за границы исторіи въ обыденномъ смыслѣ этого слова, до времени принятія христіанства. Предметъ доисторической археологіи составляетъ изученіе культуры, а въ развитіи послѣдней введеніе христіанства представляетъ опредѣленную и многозначительную черту.

Для насъ, славянъ, имѣетъ при этомъ весьма важное значеніе фактъ принятія новой религіи съ двухъ сторонъ: западными славянами—изъ Германіи и восточными—изъ Византіи. Послѣдніе были счастливѣе. Мы говоримъ здѣсь не о догматическихъ вопросахъ раздѣленія церквей, которое, какъ извѣстно, произошло гораздо позже, а только о томъ, что восточнымъ славянамъ новая религія была принесена на ихъ родномъ языкѣ, а не на томъ, какой былъ принесенъ къ западнымъ славянамъ нѣмцами, вслѣдствіе чего религія эта сдѣлалась у нихъ болѣе народною, а послѣ раз-

бою испанскій товаръ, такъ какъ тамъ ихъ кастрируютъ торгующіе ими жиды. Славяне же, доставлявшіеся прямо въ Хорассанъ, не были кастрированы. О томъ же свидѣтельствуетъ Мукаддасъ и Ар-Ракикъ.

дѣленія церквей составила для восточныхъ славянъ оплотъ противъ культурнаго порабощенія иноземцами, сильной степени національную чистоту и индивидуальность факта не исчезнуть никогда изъ исторіи славянства. подпали подъ культурное вліяніе Германіи и поэтому очень многимъ въ интеллектуальномъ просвѣщеніи, но за то потеряли всякую реальную связь съ славянства. Всякое искусственное связываніе нашей культуры русскою было-бы теперь напраснымъ. Взаимныя сношенія, были слабы, а нѣмецкая очень зоркая администрація ищетъ и уничтожать ихъ послѣдствія. Мы остаемся языкомъ и умѣло пробуждаемое народное чувство намъ, что мы принадлежимъ всѣ къ одному племени.

ГЛАВА X.

Европейскія племена въ концѣ доисторической эпохи.

Развитіе европейскихъ племенъ и народовъ.—Типъ череповъ германскихъ рядовыхъ гробницъ.—Вопросъ о первоначальномъ типѣ германцевъ и славянъ.

Въ концѣ каменнаго вѣка Европа была населена уже нѣсколькими племенами. О типѣ населенія тогдашней средней и восточной Европы съ антропологической точки зрѣнія мы знаемъ лишь постольку, поскольку можемъ о томъ судить по сохранившимся черепамъ и костямъ, какъ это было уже кратко изложено нами въ IV главѣ. Этого, впрочемъ, достаточно, чтобы сказать съ полной опредѣленностью, что никакого единства типа въ то время уже не было. Наиболѣе выдѣляются въ эту эпоху два типа: типъ короткоголовый и типъ длинноголовый ¹⁰⁷⁾. Какъ назывались тогдашніе народы, мы не знаемъ. Очень трудно также привести ихъ въ какое-нибудь соотношеніе съ которой нибудь изъ племенныхъ группъ, имѣющихъ свое имя въ исторіи. Можно полагать только, что на югѣ Европы, судя по нѣкоторымъ сохранившимся извѣстіямъ о наиболѣе древнихъ обитателяхъ Испаніи, Галліи, Италіи и пр.,—иберы и лигуры относились еще къ этому первобытному населенію каменнаго вѣка и что въ средней части восточной Европы жила уже группа племенъ, которую мы привыкли называть арійскою или индоевропейскою.

Въ теченіе эпохи металловъ населеніе Европы сдѣлалось болѣе сложнымъ. Первоначальные засельники отдѣльныхъ мѣстностей подъ давленіемъ разныхъ внутреннихъ факторовъ передвигались съ мѣста на мѣсто, подвергались развитію и дифференцированію, отдѣльныя племена каменнаго вѣка сближались и смѣшивались между собою, а ко всему этому изъ сосѣднихъ странъ, главнымъ образомъ изъ великой азіатской родины народовъ, прибывали постоянно новые элементы, новыя приращенія, различныя и въ антропологическомъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Все это великое развитіе и передвиженіе европейскихъ народовъ еще очень темно для насъ, и намъ болѣе или менѣе извѣстны изъ него только единичныя теченія и моменты,

хотя и они по большей части далеко не вполне еще освѣщены и выяснены научнымъ образомъ. Въ предыдущихъ главахъ мы уже упоминали о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся изъ этихъ моментовъ и поэтому не имѣемъ надобности больше говорить о нихъ. Мы указывали на колонизацію береговъ Средиземнаго моря азіатскими семитами, на заселеніе (по новѣйшимъ гипотезамъ) части южно-европейскаго материка—Греціи и Италіи—пелазгами и этрусками, пришедшими изъ западныхъ странъ Азіи, на постепенное занятіе восточной Европы, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до самыхъ позднѣйшихъ, новыми племенами иранскаго, финскаго, тюрко-татарскаго корня или даже неизвѣстнаго происхожденія, приходившими черезъ Кавказъ, черезъ Общій Сыртъ и Уралъ — скинами, сарматами, разными финскими племенами, половцами, мадьярами, гуннами, аварами, болгарами и наконецъ татарами... Къ концу каменнаго вѣка и къ началу эпохи металловъ относится также и окончательное раздѣленіе первоначально единаго арійскаго племени, которое, по нашему мнѣнію, развилось въ Европѣ (между Балтійскими и Чернымъ морями) изъ первоначальныхъ долихоцефаловъ болѣе древнихъ эпохъ и тамъ же отчасти измѣнило, какъ увидимъ далѣе, и свой внѣшній типъ.

Оттуда разошлись по Европѣ и Азіи различныя ея вѣтви: галлы и германцы на западъ, италійцы, греки, фригійцы, албанцы и еракійцы—на югъ. ирано-индусы въ Азію, смѣшиваясь повсюду съ болѣе древними и вновь прибывавшими элементами.

Принявъ все это во вниманіе, станетъ понятнымъ, что по отношенію къ концу доисторической эпохи очень не легко разобраться въ антропологическомъ типѣ всѣхъ этихъ разныхъ наслѣдствій. Тѣмъ не менѣе можетъ быть отмѣчено одно явленіе, обращающее на себя вниманіе и вносящее много свѣта въ вопросъ о происхожденіи арійскаго или индоевропейскаго племени ⁴⁰⁸).

Въ рядовыхъ гробницахъ съ предметами меровингскаго или готскаго стиля, какъ въ сѣверной Франціи, такъ и въ Германіи и далѣе на востокъ (въ Чехіи, напр. въ Подбабѣ) было погребено населеніе очень однороднаго физическаго типа.

Гробницы эти, какъ мы уже указали выше, вполне справедливо считаются по большей части германскими. Неудивительно поэтому, что и характерный типъ погребенныхъ въ нихъ людей, выражающійся главнымъ образомъ въ формѣ черепа, былъ по справедливости признанъ за образецъ типа германскаго населенія, который въ началѣ эпохи завоеваній и передвиженій сохранился еще достаточно чистымъ. Кромѣ названія германскаго черепного типа употребляется также выраженіе: типъ рядовыхъ гроб-

ниці (Reihengräber-Typus) *). Черепъ этого типа проф. Кольманъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ.

Черепъ длинный, съ узкой лицевой частью, широкими округленными глазами, узкимъ высокимъ носомъ и умѣренными скуловыми дугами. Лицевая часть по большей части ортогнатная, хотя встрѣчаются и прогнатическія лица (т. е. съ выступающими напередъ челюстями). Очертаніе черепа сверху овальное,

Рис. 453. Черепъ изъ подбабскихъ гробницъ (спереди и сверху).

съ выпуклымъ затылкомъ; бугры темяныхъ костей обозначены не особенно рѣзко, лобные бугры болѣе выражены. Лицо находится въ полномъ соотвѣтствіи съ срав-

*) Это тотъ же типъ, которому разные авторы давали въ своихъ работахъ названія: „Hochbergtypus“ (Гисъ и Гюттмейеръ), „англосаксонскій“ типъ (Davis, Thurnam), „кирскій“ (Брока), „курганный“ типъ русскихъ изслѣдователей. Названіе типа рядовыхъ могилъ употребилъ Экиеръ.

нительной узостью черепа, одно только носовое (грушевидное) отверстие бывает средней ширины (mesocephalie). Головной показатель обыкновенно ниже 75, но встречается мезатицефалия. Показатель высоты подвержен сильным колебаниямъ.

Уже въ германскихъ гробницахъ оказывается достаточно значительный процентъ смѣшанныхъ типовъ, но указанный нами преобладаетъ еще въ очень сильной степени. Въ Чехіи прекрасный примѣръ этого типа доставленъ могильникомъ возлѣ Подбабы (недалеко отъ Праги). У 8 череповъ, найденныхъ до 1891 г., я опредѣлялъ средній головной показатель 74,13. Одинъ изъ этихъ череповъ, могущій служить образцомъ типа рядовыхъ могилъ, представленъ на рис. 453.

А такъ какъ по древнимъ историческимъ извѣстіямъ у германцевъ были свѣтлые волосы и голубые глаза, то нѣмецкіе изслѣдователи и соединили оба эти признака: долихоцефалию и свѣтлую комплексію, принявши ихъ за главныя характерныя черты первоначальнаго германскаго типа. Съ другой стороны, главнымъ образомъ во Франціи, сложилось мнѣніе, что кельты и славяне представляютъ собою отдѣльную группу одного и того же происхожденія, характеризуемую брахицефалией и темной комплексіей. Это объяснялось тѣмъ, что двѣ главныя части арійскаго народа, хотя и говорятъ обѣ очень близкимъ языкомъ, одного и того же корня, но принадлежатъ къ двумъ различнымъ расамъ, представляемымъ двумя типами, и изслѣдователи расходились между собой только въ мнѣніяхъ о томъ, какой изъ этихъ двухъ типовъ слѣдуетъ считать первоначальнымъ, собственно-арійскимъ типомъ и какой типомъ только потомъ арианизированнымъ. Германскій типъ признавали подлинно-арійскимъ напр. Пеше (Poesche), Пенка (Penka), де Ляпужъ (de Lapouge), Гексли (Huxley), Сейсъ (Sayce); типъ-же кельто-славянскій—напр. Овлакъ (Novelaque), Эрве (Herve), Ис. Тэйлоръ (I. Taylor) и др. *).

Между славянскими изслѣдователями, я самъ уже въ 1890 г. придерживался первой теоріи, которая послѣ моей недавней побѣдки въ Россію получила въ моихъ глазахъ новое подтвержденіе благодаря работѣ пок. проф. моск. унив. А. П. Богданова, представленной имъ, на международномъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1892 г., и результаты которой сводятся къ тому, что русскіе славяне произошли отъ того же первобытнаго длинноголоваго праевропейскаго племени, которому принадлежатъ и черепа рядовыхъ германскихъ могилъ и къ которому принадлежала также и часть этнографически отличающихся племенъ какъ напр. финновъ и скифовъ.

Послѣ семилѣтняго изученія этого вопроса и выслушавши цѣлый рядъ

*) Другіе ученые, какъ Брова и Вирховъ, не соглашались съ этимъ мнѣніемъ и говорили о двоякомъ происхожденіи самихъ аріюцевъ.

замѣчаній, я стою теперь тверже за свое мнѣніе, чѣмъ три года тому назадъ ⁴⁰⁹). Мнѣніе это въ краткихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ:

что славяне, какъ и германцы и галлы (въ отнѣченіе отъ лежали первоначально къ одному типу—длинноголовому комплексей и что еще въ началѣ исторической эпохи они одны между собою. Только такимъ образомъ можно объяснить стія, о которыхъ мы упомянемъ далѣе. Нынѣшній славянский ящій этимъ извѣстіямъ, надо объяснять или тѣмъ, что славяне въ временъ (еще въ теченіе каменнаго вѣка) смѣшивались на ии, физически отличавшимися отъ нихъ азіатскими племенами, а еизвѣстной до сихъ поръ короткоголовой расой средней Европы, что съ теченіемъ вѣковъ типъ ихъ измѣнился, вслѣдодъ вліяніемъ разныхъ причинъ, внутреннихъ и вѣшнихъ. мы основываемъ на слѣдующихъ доводахъ: 1) Теперь слатъ собою племя вполне короткоголовое и по большей части лексей, т. е. съ темными волосами и глазами. Средній ель 60 позднѣйшихъ чешскихъ череповъ, выведенный мною вреній въ жамберскомъ костехранилищѣ, равняется 84,59, /о изъ нихъ показатель выше 90, долихоцефаловъ же ниже, ни одного. Подобные же результаты дало измѣреніе 85 ловъ мюнхенскаго музея. У 75 хорватскихъ череповъ аш) опредѣлилъ средній показатель 84,4; у 30 словинскихъ— жихъ 82,9, у 30 русинскихъ 82,3. Проф. Таренецкій на 323 орусскихъ черепахъ нашелъ средній показатель 81,1 и на Д-ръ Бассановичъ на 2116 болгарскихъ черепахъ опредѣ35. То же подтверждаютъ и всѣ сдѣланныя до сихъ поръ Майеромъ и Коперницкимъ, Анучинымъ, Талько-Грынцевичъ, Янчукомъ, Иковымъ, Зографомъ, Гиммелемъ и др. измѣтъ людяхъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ славяне ткоголовы, хотя, какъ можно замѣтить и изъ этихъ средроткоголовость ихъ уменьшается по направада на востокъ и съ юга на сѣверъ. То же самое) темной комплексіи. Наиболѣе темноволосыхъ и темноглау славянъ южныхъ и западныхъ. На сѣверѣ и на востокѣ они преобладаютъ почти вездѣ. Между хорватами, изслѣдоомъ, было только 9,64% свѣтловолосыхъ, напротивъ темно% у солдатъ изъ окрестностей Звайма было 10,5% свѣтло9,5% темноволосыхъ; у галицкихъ поляковъ Майеръ и Бо16% свѣтлаго типа на 57% темнаго; но уже у галицкихъ вѣтл. на 46% темн. Въ Россіи г. Зографъ между великорус-

сами губерній Ярославской, Тверской и Владимірской нашель 40% свѣтло-волосыхъ и 20% темноволосыхъ, г. Анучинъ въ Московской губ. 52% темно-волос. и 48% свѣтловолос.; 40% темноглазыхъ и 60% свѣтлоглазыхъ. Наиболѣе свѣтловолосыхъ—въ Бѣлорусси и Литвѣ. Въ этомъ отношеніи очень поучительна табличка, которую мы заимствуемъ изъ работы Д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича ⁴¹⁰).

	Блондиновъ:	Брюнетовъ:	
У Литвиновъ	60,1	: 5	} 66,6 : 5
» Жмуди	71,2	: 4,2	
» Латышей	63,8	: 8,6	
У Бѣлоруссовъ западныхъ . .	61,2	: 7	} 57,1 : 11,4
» » восточныхъ . .	56,9	: 14,6	
» Подлѣшукъ	50,5	: 13,4	
У Поляковъ подлѣсскихъ . .	52	: 16	
» Украинцевъ	25,5	: 38	
» Галицкихъ горцевъ	28	: 40	
» Подолянъ	52,2	: 18,3	

Такимъ образомъ мы видимъ, что нынѣшніе славяне большей частью короткоголовые и темной комплекси *). Но они не были такими въ древности. Тѣ, которые думаютъ, какъ напр. въ Чехіи проф. Пачъ, что славяне были издавна короткоголовыми, должны, разумѣется, признавать погребенія, найденныя въ славянскихъ земляхъ и заключающія въ себѣ большей частью длинноголовые черепа—неславянскими. Въ этомъ случаѣ защитникамъ прежней теоріи придется встрѣтиться съ большими затрудненіями. Въ славянскихъ странахъ встрѣчается множество гробницъ, съ исторической и археологической точекъ зрѣнія достовѣрно славянскихъ, какъ тѣ напр., которыя относятся къ эпохѣ, когда въ странѣ не было другого населенія кромѣ славянскаго—и типъ череповъ этихъ гробницъ—«германскій», долихоцефалическій. Сюда относится, напр., рядъ чешскихъ могильниковъ конца

*) Считаю полезнымъ привести здѣсь антропологическую характеристику славянъ одного изъ авторовъ *Crania ethnica*, профессора антропологии въ парижскомъ Музеумъ д-ра Е. Ами (Dr. E. T. Hamy): этотъ ученый въ своемъ курсѣ, читанномъ въ этомъ учрежденіи два года тому назадъ (пока еще непечатаномъ), раздѣляетъ славянъ по ихъ чисто антропологическимъ признакамъ на два основныхъ типа (*deux types aborigènes slaves*): 1) свѣтловолосый, суббрахицефалическій и небольшого роста, къ которому онъ причисляетъ полабскихъ славянъ или вендовъ, поляковъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ, и 2) темноволосый, брахицефалическій, высокаго роста, къ которому принадлежать сербо-кroaty, словинцы, чехи, словаки и украинцы или малоруссы.

I-го тысячелѣтія нашей эры и начала II-го, когда исторія знаетъ въ Чехіи только чеховъ, а между тѣмъ долихоцефалическіе черепа здѣсь очень многочисленны: могильникъ на Лѣвонѣ Градцѣ, у Либичѣ, на Градцѣ въ Чаславѣ, возлѣ Ловозицѣ, Дошицѣ, Ржепова, Мнѣвьянѣ, на Градцѣ въ Прагѣ, у Жалова и пр. Въ Моравіи укажемъ на Горныя Дунавѣ-вицы, Рыбешовицы, Холину и т. д. Въ Польшѣ отмѣтимъ, напр. извѣстный могильникъ у Слабошева (съ монетами XII в.), кладбища у Жарнувки, Попува и Тчева; въ Пруссіи гробницы у Эльбинга, Платино, Кальдуса, на горѣ св. Лаврентія; въ Россіи—въ мѣстностяхъ, издавна населенныхъ славянами, мы встрѣчаемся въ курганахъ славянской эпохи обыкновенно съ одними только долихо- и мезатицефалами, какъ свидѣлствуютъ работы г. Богданова *). И только по мѣрѣ хронологическаго приближенія могилъ къ нашей эпохѣ, короткоголовый типъ начинаетъ встрѣчаться въ нихъ въ большемъ количествѣ. Такъ, въ Прагѣ, между черепами XVI

Рис. 454—455. Вогулы (мужчина и женщина) изъ верхотурскаго уѣзда Пермской губ.

стол. D. I. Matiegka нашелъ уже только 5% долихоцефаловъ на 70% брахицефаловъ. Г. Богдановъ между черепами московскихъ и кievскихъ кладбищъ XVI—XVIII стол., а Коперницкій между краковскими черепами XVII—XVIII

*) Противники этой теоріи, по примѣру Е. Д. Европеуса, находятъ себѣ уѣжище въ такъ назыв. финской теоріи. Г. Европеусъ предложилъ теорію, по которой отъ сѣвера и востока Россіи къ западу до самаго Днѣпра жигло передъ славянами племя угровъ и долихоцефалическіе черепа принадлежать именно этому племени; черепа же короткіе—только позже пришедшимъ колонистамъ, финнамъ и славянамъ, оттѣснившимъ угровъ на востокъ. Прямими потомками угровъ эта теорія считаетъ нынѣшнихъ вогуловъ и остяковъ. Но теорія эта во многихъ отношеніяхъ не выдерживаетъ критики, а у нынѣшнихъ вогуловъ и остяковъ черепа (см. рис. 454 и 455) имѣютъ совсѣмъ иной типъ. [Любопытно однако, что вогуло-остяцкіе черепа дѣйствительно отличаются отъ финскихъ и русскихъ своею большею долихоцефаліей]. *Прим. ред.*

стол. нашли уже значительное преобладаніе короткоголовости. Въ настоящее время у славянъ долихоцефалія является исключеніемъ.

Объясненіе этого измѣненія черепного типа не легко. Будь оно легко, тогда не было бы и противниковъ новой теоріи. Поэтому нельзя предполагать ничего другаго какъ только то, что первоначальный длинноголовый типъ измѣнился или вслѣдствіе скрещиванія съ древними среднеевропейскими брахицефалами, извѣстными намъ уже съ неолитической эпохи, и съ разными азіатскими племенами, которыя проникали черезъ Россію, или же, можетъ быть, и вслѣдствіе вліянія разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, иныхъ бытовыхъ и культурныхъ условий.

2) Вторымъ доказательствомъ вышеизложенной теоріи служить то, что древніе славяне въ современныхъ имъ свидѣльствахъ описываются въ физическомъ отношеніи совершенно такъ же, какъ германцы и галлы. Такъ напр. Прокопій говоритъ о славянахъ, что они очень сильны и высокаго роста, цвѣтъ ихъ кожи и волосъ ни темный, ни слишкомъ свѣтлый, но все они рыжіе («*οπεροδροι εἰναι ἄπαντες*»). Геродотъ въ описаніи будиновъ, племени по всей вѣроятности славянскаго, подобнымъ же образомъ замѣчаетъ, что они сильны и рыжіе («*πορροί*»). Еще опредѣленнѣе говорятъ разные арабскія извѣстія. Въ нихъ свѣтлый цвѣтъ волосъ вездѣ является характернымъ для славянъ (*zakaliba*). Поэтъ Ахталъ говоритъ въ своемъ «Диванѣ» о русыхъ славянахъ, также какъ и Масуди. Абу-Мансуръ (въ цитатѣ Якута) говоритъ: «славяне—народъ съ румянымъ цвѣтомъ лица и русыми волосами». Казвини описываетъ ихъ точно такимъ же образомъ и прибавляетъ еще замѣчаніе о «большой ихъ физической силѣ». Одинъ изъ современниковъ Абд-ер-Рахмана I-го прозванъ былъ за свой высокій ростъ, блѣлокुरые волосы и голубые глаза—«славяниномъ», а въ словарѣ «*Kamus*» мы находимъ свѣдѣніе, что названія «*Saklab*», «*Siklab*» давалось вообще людямъ съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Арабскіе писатели употребляютъ для обозначенія цвѣта волосъ у славянъ выраженія «*Sahube*», «*Šaakag*» (быть русымъ).

Одинъ только Аль-Бекри составляетъ, повидимому, исключеніе, говоря по словамъ Ибрагима Бен-Якуба: «Очень удивительно (!), что у жителей Бвими (Чехія) цвѣтъ кожи темный и волосы черные и что русый цвѣтъ у нихъ очень рѣдокъ». Это говорится о чехахъ того времени, когда славяне на востокъ описывались блондинами. Вѣроятнѣе всего, что чехи, какъ и вообще славяне на югъ и западѣ, прежде всѣхъ подверглись смѣшенію и измѣненію типа. На востокъ свѣтлый типъ сохранился въ болѣе чистомъ видѣ даже и до сихъ поръ, какъ можно видѣть изъ вышеприведенныхъ цифровыхъ данныхъ *).

*) Археологическія находки пока этому, повидимому, противорѣчатъ, такъ какъ большая часть сохранившихся въ могилахъ волосъ—темнаго цвѣта.

На основаніи этихъ данныхъ мы полагаемъ, что славяне были первоначально длинноголовы, свѣтлоглазы и свѣтловолосы. Это подтверждается и археологическими находками и историческими извѣстіями, хотя этому, повидимому, и противорѣчитъ нынѣшній типъ большинства славянскихъ народностей. Но если мы обратимъ вниманіе на сравнительную легкость, съ которою типы подвергаются преобразованію при измѣняющихся условіяхъ жизни, и особенно благодаря естественному или искусственному подбору,—то измѣненіе типа славянъ, совершившееся въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія, не можетъ быть признано противорѣчающимъ нашей теоріи *).

3) Только что указанный нами первоначальный физическій типъ славянъ испыталъ измѣненіе подъ вліяніемъ различныхъ, не достаточно ясныхъ для насъ причинъ въ томъ же направленіи, какъ и у германцевъ,—фактъ, имѣющій большое значеніе для нашей теоріи. Оба народа испытали тотъ-же самый процессъ эволюціи типа, который измѣнился, слѣд., во всей средней Европѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ югу, къ Альпамъ. Хорваты и чехи представляютъ собою теперь племена наиболѣе темноволосыя и наиболѣе брахицефалическія изъ всѣхъ славянъ, совершенно такъ же, какъ баварцы и вообще южные нѣмцы среди германцевъ. Въ то время какъ и теперь еще между учениками школъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Ольденбургѣ, Помераніи, Брауншвейгѣ и Ганноверѣ оказалось болѣе 40% чистыхъ блондиновъ—въ Баваріи ихъ уже только 20%, въ Эльзасѣ 18% (въ Чехіи 21%). Тогда какъ въ франкскихъ и алеманскихъ южно-германскихъ гробницахъ Боллманнъ насчиталъ 43% долихоцефалическихъ череповъ чисто «германскаго» типа на 9,8% типа брахицефалическаго,—теперь въ Баваріи, по словамъ проф. Ранке, ихъ только 1% на 83% брахицефаловъ. Такимъ образомъ, и тамъ произошло такое-же измѣненіе, какъ и въ Чехіи. У нѣмцевъ только на сѣверѣ сохранился болѣе чистый типъ, совершенно такъ же, какъ мы видѣли выше, у славянъ. Этотъ параллелизмъ типа у обоихъ народовъ служить для меня третьимъ сильнымъ доводомъ. Чего нельзя отрицать у одного племени, того нельзя отрицать и у другаго.

4) Если бы была вѣрна теорія, что славяне и прежде, какъ и теперь, были темнаго цвѣта, то въ такомъ случаѣ въ сѣверовосточной Германіи, гдѣ произошло наибольшее смѣшеніе нѣмцевъ съ славянами, слѣдовало бы ожидать гораздо большаго, сравнительно съ остальными чисто нѣмецкими странами, процента брюнетовъ и меньшаго процента блондиновъ. Однако это какъ разъ наоборотъ. Въ Мекленбургѣ, Помераніи и Пруссіи изъ всѣхъ странъ Германіи встрѣчается наибольшій процентъ чистыхъ блондиновъ.

*) Можетъ быть—извѣстный фактъ, что у дѣтей славянъ обыкновенно бываютъ свѣтлые волосы, темнѣющие только впоследствии съ возрастомъ, указываетъ также на первоначально свѣтлый типъ нашихъ предковъ.

5) Еще одно доказательство представляет для меня тотъ фактъ, что славяне и германцы принадлежать къ одной лингвистической группѣ, что очень близки между собою въ отношеніи языка. Обстоятельство не имѣло бы еще рѣшающаго значенія, такъ какъ языкъ вообще не составляютъ признака расы и далеко не все общностью происхожденія,—но въ виду предыдущихъ доводовъ имѣетъ немалое значеніе.

6) Наконецъ въ пользу нашей теоріи говорить и литовцы—племена вообще наиболѣе близкія къ славянамъ, жившія съ ними когда-то одно общее—до сихъ поръ обладавшія свѣтлой комплексіи и долихондностью.

На основаніи всѣхъ этихъ доводовъ мы и пришли къ теоріи о первоначально длинноголовомъ типѣ славянъ. Болѣе подробно эта теорія изложена въ изданномъ особомъ сочиненіи, заглавіе котораго приложено 409-мъ *).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ предыдущаго, мы имѣемъ собою чистой антропологической единицы. На западѣ мы считаемъ нѣмцевъ, вѣроятно еще съ болѣе древними, европейскими племенами; на югѣ,—главнымъ образомъ, римскими и еракійскими; на востокѣ—съ племенами финскими. Наиболѣе чистый славянский типъ представляютъ по моему, бѣлоруссы; великоруссы уже проникнуты въ большій примѣсъ. Но во всякомъ случаѣ было-бы смѣшно считать чистоту или татарской крови въ какомъ-бы то ни было отнѣшеніи. Мы скорѣе склонны видѣть въ этомъ преимущество. Чистоты чаще ослабляетъ народъ, а смѣшеніе съ другимъ усиливаетъ. Извѣстныя историческія причины задержали вѣ

*) Замѣтимъ однако, что теорія Нидерле вызвала и на сторонѣ мы полагаемъ, что самое слабое мѣсто ея—это отсутствіе значительнаго измѣненія формы головы и вообще типа.

вѣковъ развитіе въ Россіи культуры и просвѣщенія, но эти причины—политическія и географическія, а не біологическія, не зависящія отъ степени чистоты расы *).

Воспринятіемъ въ себя этихъ азіатскихъ элементовъ, которые, какъ кажется, внесли въ русскій характеръ извѣстную долю выносливости, стойкости, самоотверженія, восточные славяне вознаградили то, что ихъ братья потеряли на западѣ. Если-бы славянскій элементъ оказался такимъ же податливымъ на сѣверѣ и востокѣ, какъ на западѣ, то славяне никогда бы не достигли такого великаго значенія въ исторіи человечества. Теперь же они могутъ съ довѣріемъ смотрѣть въ будущее.

---

*) Съ очевидной и понятной для всякаго симпатіей западнаго славянина къ Россіи, почтенный авторъ, какъ намъ кажется, идетъ здѣсь нѣсколько дальше, чѣмъ бы слѣдовало, отрицая повидимому совершенно вліяніе расы на психологію массъ, а слѣдовательно и на извѣстныя особенности такихъ общественныхъ процессовъ, какъ развитіе религиозныхъ воззрѣній, социальныхъ формъ и т. п., отрицать которые вполнѣ—едва-ли возможно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАН

¹⁾ Для нашего геологическаго очерка мы пользовались еи «*Traité de Géologie*» (3-е изд. Paris 1898) и извлеченіи «*Abrégé de Géologie*» (2-е изд. Paris 1892).

²⁾ Ср. F. de Saporta. *Le monde des plantes avant l'apparition* (Paris 1878). Его-же. *L'évolution du règne végétal*. Tome I. Tome II. *Phanerogams* (Paris 1881, 1885). A. Gaudry. *Les du monde animal dans les temps géologiques: Mammifères* (P. 1877, нов. изд. 1890). Его-же. *Les ancêtres de nos a 1888*.—Ср. также Осс. Schmidt. *Die Säugethiere in ihrem Vorwelt*. (Leipz. 1884, франц. перев. 1886—лучше) и F. Prier *des formes animales avant l'apparition de l'homme*. (P. 1891).

³⁾ Главные виды: *Pliopithecus antiquus*, *Dryopit tani* (оба изъ миоцена). *Palaeopithecus sivalensis*, *Me Pentelici*, многие виды семинопитековъ и пр. Ср. главн. Schlösser «*Die fossilen Affen*» (Wien 1887—1890). Dr E. Trou *primates tertiaires et l'homme fossile sud-américain* (*L'Anthrop* p. 257).

⁴⁾ Объ этомъ вопросъ см. главн. обр. соч. M-is de Nadaill *tertiaire*» (P. 1885), и главу 18 въ его же соч. *Les premiers homme préhistoriques* (P. 1881), затѣмъ 1-ую часть соч. G. de Mortill *storique*» (P. 1888).

⁵⁾ Противъ этого опредѣленія древности, а въ последнее вр вулканическаго происхожденія деннскихъ пластовъ сдѣлано было женій.

⁶⁾ Ср. рефератъ Ferragze de Macedo и пренія по поводу немъ антропологическомъ сѣздѣ въ Парижѣ въ 1889 г., а также сз on i «*La collina de Castenodolo*» (Brescia 1880).

⁷⁾ Кромѣ Европы нѣсколько любопытныхъ предполагаемыхъ существованія третичнаго человѣка было найдено и въ Америкѣ (скій черепъ, отпечатокъ человѣческой ноги въ третичномъ слое въ вадѣ и т. п.).—Всѣ они впрочемъ или ошибочны или не точны.

⁸⁾ A. Gaudry. *Le dryopithèque* (P. 1890).

⁹⁾ Эта часть текста была уже напечатана, когда Dr E. Duboi морской врачъ, опубликовалъ свою первую работу объ этомъ чрезвыч открытій (*Pithecanthropus erectus, eine menschenähnliche aus Java*. Batavia 1894), сдѣланномъ въ 1891—92 годахъ въ плейст

пліоценовыхъ слоехъ и вызвавшимъ величайшій научный интересъ во всей Европѣ, тѣмъ болѣе, что счастливый авторъ этого открытія лично представилъ свою находку нѣсколькимъ ученымъ собраніямъ. Это заставляеть насъ добавлять къ сказанному еще нѣкоторыя подробности въ настоящемъ примѣчаніи.

Въ 1891 г. Dr E. Dubois нашелъ на глубинѣ одного метра въ почвѣ и 12—15 метровъ подъ береговымъ обрывомъ р. Бенгована въ Тринидъ зубъ, вполне похожій на третій коренной зубъ верхней челюсти обезьяны. На разстояніи 1 м. въ сторону, на той же глубинѣ была найдена потомъ верхняя часть черепа, какъ предполагали, какой-то большой обезьяны, а въ 1892 г., на 15 м. выше (по теченію рѣки) отъ этого мѣста — лѣвая бедреная кость, соединявшая въ себѣ признаки обезьяны и человѣка. Послѣ этого былъ найденъ еще одинъ зубъ.

Вѣстимость найденнаго черепа опредѣляютъ въ 900—1000 куб. сантим., что недостаточно для человѣка (за исключеніемъ разумѣется патологическихъ случаевъ), но слишкомъ много для антропoidной обезьяны (maxim 600 куб. ст.). По величинѣ черепа нельзя полагать, чтобы ростъ субъекта былъ особенно малъ. Главные признаки черепа заключаются въ сильномъ развитіи надбровныхъ дугъ, очень низкомъ наклонѣ лба и сжатіи послѣдняго за глазами. Зубъ по поверхности коронки походитъ на человѣчeskій, но по величинѣ, направленію корней и т. д. отличается, хотя не вполне сходенъ также и съ зубами антропоморфныхъ обезьянъ. Бедреная кость длинная, прямая; на ней находится костяной наростъ (экзостозъ), вызвавшій много преній среди специалистовъ.

Описанные Дюбуа остатки возбуждали два главныхъ вопроса: 1) принадлежать-ли всѣ эти кости (черепок, бедреная кость и два зуба) одной особи и 2) представляютъ ли онѣ остатки обезьяны или человѣка хотя бы и на низшей ступени развитія? Если дѣйствительно бедреная кость и зубы принадлежать той же особи, что и черепъ, то, это, очевидно, остатки существа, отличавшагося болѣе низкой организаціей, чѣмъ человѣкъ, особенно по формѣ и величинѣ черепа, но, вѣсть съ тѣмъ, отличавшагося и отъ нынѣшнихъ антропоморфныхъ обезьянъ болѣею относительной величиной мозга, болѣею ростомъ и способностью къ вертикальному хожденію. Это мнѣніе защищаетъ главн. обр. проф. парижской Антропологической Школы Манувріэ (Manouvrier) послѣ чрезвычайно тщательнаго и остроумнаго изученія данной находки. Не всѣ ученые признають однако принадлежность указанныхъ остатковъ одной особи или даже одному виду. Нѣкоторые считаютъ это недоказаннымъ и полагають напр., что черепъ могъ принадлежать низшему типу человѣка, а зубы и бедреная кость обезьянъ въ родѣ гиббона, а другіе — наоборотъ, что черепъ принадлежалъ крупному виду гиббона, а бедренная кость — человѣку. Въ пользу «обезьянности» черепа высказались Вирховъ, Ранке, В. Краузе, Вальдейеръ, Лушанъ: въ пользу человѣчности его Манувріэ *), Турнеръ, Кёнигъ, Р. Мартинъ. Манувріэ готовъ былъ

*) Манувріэ опредѣляетъ вѣсъ мозга:

	у человекоподоб. обезьянъ	у Pithecanthropus'a	у австралійца	у соврем. парижанина
граммовъ	500	870	1170	1360
разница	370		300	190

Вѣсъ мозга у обыкновеннаго гиббона—103 гр.; у образованнаго интеллигентнаго человѣка сравнительно съ среднимъ парижаниномъ на 150 гр. больше.

даже допустить возможность того, что череп этот представляет случай микроцефалии. Но при величайшей редкости этой аномалии (1:50000) невозможно предполагать, чтобы с такой отдаленной эпохи могла сохраниться только аномалия, а не нормальный череп. Если бы это наконец и можно было допустить, то тогда пришлось бы признать череп принадлежавшим какому то субмикрoцефалу, бывшему по развитию ниже своей расы, предполагать существование которой мы однако не имеем никаких оснований.

Таким образом вопрос о *Pithecanthropus* нельзя назвать вполне выясненным. Но уже сам по себе тот факт, что целый ряд компетентных зоологов и антропологов не мог прийти к соглашению относительно того, была ли это обезьяна или человек, оправдывает предположение, что в тринильской находке мы имеем дело с новым видом промежуточного типа, как бы мы не называли его — высшей ли обезьяной или низким типом человека.

Из работ, касающихся *Pithecanthropus*, укажем главнейшие: Dr E. Dubois. *Pithecanthropus erectus, eine menschenähnliche Übergangsform aus Java*. Batavia 1894; L. Manouvrier. *Discussion du Pithecanthropus erectus comme précurseur présumé de l'homme* (Bulet. de la Soc. d'Anthrop. de Paris 1895, t. VI (IV-me serie) p. 12 и сл.; L. Manouvrier. *Réponses aux objections contre le Pithecanthropus*, Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris 1895, t. VII (IV-me serie, p. 396 и пр.; E. Dubois et L. Manouvrier. *Le Pithecanthropus erectus et l'origine de l'homme* (ib. p. 460); W. Krause, F. v. Luschan, R. Virchow u. Waldeyer. *Pithecanthropus erectus* (Verhandl. d. Berl. Ges. f. Anthrop. Ethn. u. Urgesch. 1895, p. (78); R. Virchow ib. p. (336), (435), (648); Dr. Dubois. *Pithecanthropus erectus, betrachtet als eine wirkliche Übergangsform u. als Stammform des Menschen*. (ib. p. (723), (Ср. Nehring, Kollmann, Jackson, Virchow); Dr R. Martin. *Kritische Bedenken gegen den Pithecanthrop. v. Dubois* («Globus» t. XVII, 1895, 213—217); W. Turner. *On M. Dubois description of remains recently found in Java, named by him Pithecanthropus erectus*. (Journ. of anatomy and physiology, vol. XXIX, p. 424) и проч.

¹⁰⁾ Об этом см. хотя бы некоторые главные и новейшие сочинения: P. Broca. *L'ordre des Primates. Parallèle anatomique de l'homme et des singes* (P. 1870). Ср. Д. Анучинъ. *Антропоморфныя обезьяны и низшія расы человечества* въ Сборникъ «Природа». 1874—75. Snell. K. *Vorlesungen über Abstammung des Menschen*. (Leipz. 1887). Ed. Perrier. *Le transformisme* (P. 1888). Huxley Th. *Man's Place in Nature* (Lond. нов. изд. 1890) [Гексли. *О положении человека въ ряду орган. существъ*, пер. подъ ред. Бекетова. Спб. 1864]. Topinard P. *L'homme dans la nature* (P. 1891). Wallace A. R. *The Darwinisme* (Lond. 1891, нѣм. пер. въ Брауншв. 1891). Romanes S. *Darwin and after Darwin* (Lond. 1892, нѣм. пер. въ Лейпц. 1892).

¹¹⁾ W. Wundt въ своемъ сочин. *Vorlesungen über Menschen- und Thierseele* (2 изд. Leipz. 1892, p. 397 и сл.) говорить о возможности эволюціи души человека изъ психическихъ способностей низшихъ формъ.

¹²⁾ J. Müller. *Über Ursprung und Heimat des Urmenschen* (Stuttg. 1894).

¹³⁾ О четвертичномъ человекѣ въ Европѣ см. кромѣ общихъ сочиненій, поминенныхъ въ введеніи (гл. обр. Г. де Мортилье, Карпальяка, Лёббока и др.) еще слѣд. работы: Boucher de Perthes. *L'homme antédiluvien et ses oeuvres* (P. 1860). A. Laugel. *Der Mensch der Vorwelt* (нѣм. перев.). (Leipzig 1863). V. de Fonville. *L'homme fossile*. (P. 1865). Sir Ch. Lyell. *Geologi-*

cal Evidence of the Antiquity of Man etc. (IV изд., London 1873, русский перевод: Дягиль. Геологическія доказательства древности человека. Спб. 1864). P. Gervais. Recherches sur l'ancienneté de l'homme et de la période quaternaire. (P. 1867). Dr. H. Falconer. Palaeontological Memoirs. (Lond. 1868). H. le Hon. L'homme fossile en Europe. (P. 1868). Ed. T. Stewens. Flint Chips. A guide to prehistoric archaeology (Lond. 1870). W. Boyd Dawkins. Cave hunting. Researches on the evidence of Caves respecting the early inhabitants of Europe. (Lond. 1874), нем. пер. Spengel'я подъ загл. «Die Höhlen und Ureinwohner Europas» въ Лейпц. 1876. J. Evans. Ancient Stone Implements etc. (Lond. 1872) (недавно вышло новое дополненное изданіе; старое изданіе есть и во франц. переводѣ: «L'âge de la pierre» 1878. N. Joly. L'homme avant les métaux. (P. 1880). J. Geikie. Pre-historic Europe. A geological sketch. (Lond. 1881). J. Woldrich. Die ältesten Spuren der Cultur in Mitteleuropa (Wien 1886). J. Ranke. Der Mensch. 2 Aufl. II. 1894.

¹⁴⁾ Прежде обыкновенно думали, что эти атмосферные осадки приносились тудѣ съ моря, покрывавшаго по крайней мѣрѣ отчасти въ пліоценовую и четвертичную эпохи Сахару. Новыя изслѣдованія впрочемъ въ значительной степени поколебали эту теорію. Въ послѣднее время противъ нея высказался G. Rolland (Géologie du Sahara, P. 1890).

¹⁵⁾ Ср. также прекрасную карту въ соч. A. Penck'a «Mensch und Eiszeit». Braunschw. 1884. (Оттискъ изъ Archiv für Anthropologie XV). Та же карта была помѣщена и д-ромъ J. Ranke въ его соч. «Der Mensch» (Часть II). Здѣсь надо упомянуть также о прекрасномъ соч. J. Geikie. The great ice age and its relation to the antiquity of Man (2 изд. Lond. 1877). Оригинальная карта Чехія была сдѣлана для этого соч. В. Швамберой. Въ послѣднее время Гейки сдѣлалъ прекрасное объясненіе ледниковой эпохи въ рѣчи на геологической секціи Британской Ассоціаціи наукъ въ 1889 г. О новѣйшихъ подраздѣленіяхъ ледниковаго періода см. Supon, Grundzüge der phys. Erdkunde. 2 Aufl. 1896.

¹⁶⁾ Ср. прежде всего основное соч. J. Crol'a. Climat and times in their geological relations (Lond. 1875). Его же. Discussion on climate and chronology (Edinburg 1885). Затѣмъ новыя соч.: J. Prestwich. Considerations on the Glacial Period with reference to the Antiquity of Man, (Lond. 1887). Sir Rob. Ball. The cause of an Ice Age (Lond. 1892), и G. F. Wright. Man and the Glacial Period. (Lond. 1893). A. de Lapprant. Les causes de l'ancienne extension des glaciers. (Extrait de la Rev. des Quest. scient. 1893). Ср. также рефераты и пренія о ледниковой эпохѣ на геологическомъ съѣздѣ въ Чикаго въ 1893 г. (L'Anthropologie 1894, p. 67).

¹⁷⁾ Dr. Kříž. Über Lehm und Lösslager (отд. оттискъ). Wien 1894.

¹⁸⁾ Martel E. A. Les abîmes, les eaux souterraines, les cavernes, les sources, la spéléologie, P. 1894. Kraus Franz. Höhlenkunde. Wege und Zweck der Erforschung unterirdischer Räume. Wien 1894. J. Szombathy. Die Höhlen und ihre Erforschung. Wien 1883. Ср. также Boyd Dawkins. Höhlen und Ureinwohner Europas. (Leipzig 1876) p. 343, программу Щуровскаго («Антроп. Выставка» Москва 1878, I, 82) и С. В. Чернявскаго (Проток. У рус. археол. съѣзда въ Тифлисъ, стр. 25—29).

¹⁹⁾ Исторію сѣв. оленя въ отношеніи доисторич. человечества см. въ соч. F. J. Brandt'a, обработанномъ и изданномъ проф. Вольдржихомъ, въ Зап. Импер.

Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ подл. загл. «Diluviâle europ-nord-asiatische Säugethierfauna und ihre Beziehungen zum Menschen» 1887.

²⁰⁾ Кромѣ Dupont'a различныя классификаціи, основанныя болѣе или менѣе на принципахъ Ларте, были предложены F. Garrigou (1867), Dr. E. T. Hamy (1870), P. Broca и др.

²¹⁾ Ср. сочиненіе Nehring'a «Über Tundren und Steppen der Jetzt- und Vorzeit, mit besonderer Berücksichtigung ihrer Fauna» (Berlin 1890).

²²⁾ Ср. Dr. J. N. Woldrich. Die diluvialen Faunen Mittel-Europas und eine heutige Steppenfauna in Niederösterreich. (Mitth. d. Anthropol. Ges. Wien. XI, 1882). Его же. Diluv. europäisch-nordasiatische Säugethierfauna auf Grundlage hinterlas. Manuskripte F. J. Brandt's. (Mémoires de l'Académie Imp des Sciences St.-Petersb. 1887, T. XXXV). Его же. Geologické příspěvky k otázké o posledních kontinentálních změnách evropských. (Rožpravy české akademie tř. II, č. 14, Praha 1892).

²³⁾ Le Préhistorique. Antiquité de l'homme. P. 1883, p. 127 до 478.

^{23 bis)} Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie 1891, p. 47. Bulletins de la Soc. d'anthropol. de Paris 1894, 616.

²⁴⁾ Въ последнее время противъ чистоты шельскаго мѣстонахожденія возражали d'Асу, Sal. Reinach и др. D'Асу нашелъ на томъ же мѣстѣ, въ нижнихъ пластахъ, орудія, несомнѣнно относящіеся къ типу мустье. Подобныхъ мѣстонохожденій смѣшаннаго типа существуетъ впрочемъ немало.

²⁵⁾ Ср. хотя-бы Ph. Salmon. Age de la pierre. Division industrielle de la période paléolithique quaternaire et de la période néolithique. (P. 1892). Онъ исключаеъ амельскую и солютрейскую эпохи, какъ переходныя. Культура Солютре по его мнѣнію, имѣетъ мѣстный характеръ. M. Boule. Essai de paléontologie stratigraphique de l'homme (P. 1888). Ed. Dupont. Sur la faune et l'homme de l'époque quaternaire (Bruxelles 1893).

²⁶⁾ Такъ напр. для Англіи, Австріи и особенно Италіи. Относительно послѣдней B. Gastaldi въ своемъ замѣчат. сочин.: «Iconografia da alcuni oggetti di remota antichità in Italia» (1869), выразился противъ примѣненія этой классификаціи въ Италіи; за нимъ Пигорини, Кастельфранко и другіе доказываютъ, что напр. типы эпохъ солютрейской и мадленской въ Италіи вообще не существовали. Г. и А. де Мортилье теперь и сами допускаютъ, что острія стрѣлы солютрейскаго типа въ Италіи встрѣчаются и въ неолитѣ (находи въ Бреоніи). На московскомъ междунар. археологич. съѣздѣ 1892 г. M. G. Chamet выражался въ томъ же смыслѣ о находкахъ въ Азіи.

²⁷⁾ Ср. главн. обр. соч. Буше де Перта «Antiquités celtiques et antédiluviennes» I—III. (P. 1847—1864), и «L'homme antédiluvien et ses œuvres» (P. 1860). Въ Moulin-Quignon недалеко отъ Аббвилля найдена была извѣстная человѣческая челюсть въ четвертичномъ наносѣ. Объ ея подлинности долго шли споры, пока въ 1863 г. специальная коммиссія подл. предсѣдательствомъ Милье-Эдвардса не высказалась большинствомъ голосовъ въ ея пользу. Подобныя же челюсти были найдены еще въ Goyet, въ Arcy sur Cure, въ Malarneaud.

²⁸⁾ Meillet въ первомъ выпускѣ своего соч. «Époques antédiluviennes et celtiques du Poitou» (Poitiers и Paris 1864) пробовалъ мистифицировать публику поддѣльными рѣзными изображеніями найденныхъ костей животныхъ, обманъ не разъ повторившійся и потомъ.

²⁹⁾ H. de Ferry et A. Arcelin. Mâconnais préhistorique (Mâcon 1870).

Abbé Ducrost et Dr. Lortet. Études sur la station préhistorique de Solutré. (Lyon 1872).

³⁰⁾ Cp. обь стомъ Ed. Lartet et H. Christy. Cavernes du Périgord. (P. 1864). Reliquiae aquitanicae. Contributions to the archaeol. and palaeontol. of Perigord. (Lond. 1865—1875. 2 тома съ массою таблицъ). P. Girod & Elie Massena. Les stations de l'âge du renne dans les vallées de la Vézère et de la Corrèze. (Paris 1888—1889). Perrier du Carné. La grotte de Teyjat. (P. 1889).

³¹⁾ Ed. Piette. La station préhistorique de Brassempouy. (Angers 1893). Еро-же. L'époque éternienne et les races humaines de la période glyptique. (St. Quentin 1894).

³²⁾ E. Rivière. De l'antiquité de l'homme dans les Alpes-Maritimes. (Paris 1888). Jennings A. V. The Cave Men of Mentone 1893. A. I. Evans. On the prehistoric interments of the Balgi Rossi Caves near Mentone. (Journal of the Anthr. Inst. XXII, 287). Idem. Entdeckung von drei menschl. Skeleten in der Höhle Barma grande. (Praehist. Blätter IV, 33 а VI 26). Cp. статью Issel's Verh. der berl. Gesellsch. f. Anthr. 1892, 288.

³³⁾ Обь этихъ трехъ находкахъ см. Огчетъ антропологическаго съѣзда въ Парижѣ въ 1889 г. стр. 140; соч. A. Testut. Recherches sur le squelette quaternaire de Chancelade (Lyon 1889) и M. Hardy. La station quaternaire de Raymond à Chancelade (P. 1891).

³⁴⁾ E. Dupont. Les temps antéhistoriques en Belgique. L'homme pendant les âges de la pierre dans les environs de Dinant sur Meuse (Bruxelles et Paris 1874). E. van Overloop. Les origines de l'art en Belgique. Les âges de la pierre. (P. 1882).

³⁵⁾ Cas. Ubaghs. L'âge et l'homme préhistorique et la station lacustre près de Maëstricht. (P. 1884).

³⁶⁾ Cp. глав. обр. соч. Julien Fraipont et M. Lohest. La race humaine de Neanderthal ou de Cannstadt. Recherches ethnologiques sur les ossements humains découverts dans les dépôts quaternaires d'une grotte à Spy. (Gand 1887). De Puydt et M. Lohest. L'homme contemporain du mammoth à Spy. (Namur 1887).

³⁷⁾ J. Ewans. Flint implements in the drift (London 1860). Duckworth H. Artefacta antiquissima. Geology and its relation to primeval man. (Liverpool 1860). W. Boyd Dawkins. Cave hunting. (London 1874), въ нѣмецк. перекл. J. Spengel'я подь загл. «Die Höhlen und Ureinwohner Europas. (Leipzig und Heidelberg 1876). Очень важное соч. обь изслѣдованіяхъ англійскихъ и французскихъ пещеръ.—Еро-же. Early Man in Britain. (London 1880). J. Ewans. Ancient Stone Implements, Weapons and Ornaments of Great Britain. (London 1872, нов. изд. 1897). Brown J. Palaeol. Man in N. W. Midlessex. (London 1887). Dawkins & Tideman. On the Evidence afforded by the Caves of Great Britain as to the Antiquity of Man. (Lond. 1877). Shone W. Postglacial Man in Britain. (Lond. 1894).

³⁸⁾ См. N. Delgado. Noticia acérca das grutas da Cesareda (Lisboa 1867); Еро-же La grotte de Furninha въ отчетѣхъ междунар. археологич. съѣзда въ Лиссабонѣ въ 1880 г. О находкахъ въ С. Исидро см. Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris, IV (1893), p. 274 и 391.

³⁹⁾ Литературу главнѣйшихъ сочиненій о находкахъ каменнаго вѣка см. въ Revue d'anthropologie 1889, стр. 611, ср. P. Castelfranco.

⁴⁰⁾ F. Anca. Paleoetnologia sicula. (Palermo 1837). Minà Palumbo F.

Paleoetnologia sicula. (Palermo 1869). F. V. Andrian: *Præhistorische Studien aus Sicilien*. (Berlin 1878).

⁴¹) A. Issel. *Nuove ricerche sulle cavernæ ossifere della Liguria* (Roma 1874, 77—78). Его-же. *Liguria geologica e preistorica* (1892).

⁴²) A. Nehring. *Die quætaern. Fauna von Thiede und Westregeln nebst Spuren des vorgeschichtlichen Menschen*. (Braunschw. 1878).

⁴³) Известный каннштадский черепъ, по имени котораго Катрфажъ и Ами называли наиболее древнее изъ европейскихъ племень «каннштадскимиъ», не являеть, кажется, ничего общаго съ этимъ мѣстонахожденіемъ. Черепъ этотъ былъ найденъ въ 1700 г. и сохранялся очень долго безъ всякой надписи въ музеѣ, пока уже въ наше время на него не обратили вниманія. Происхожденіе его такимъ обр. очень сомнительно, хотя своими признаками онъ и не выходитъ изъ ряда прочихъ череповъ четвертичной эпохи. Ср. d'Acy «*Les crânes de Cannstadt, de Neanderthal et de l'Olmo*» (Paris 1889).

⁴⁴) Fuhlrott C. *Der fossile Mensch aus dem Neanderthal* 1865. Schaaffhausen H. *Der neanderthaler Fund*. (Bonn 1893).

⁴⁵) Ср. C. Merk. *Der Fund von Thayngen. Höhlenfund im Keszler-Loch*. (Zürich 1875). J. J. Müller. *Öffentliche Erklärung über die bei den Thaynger Höhlenfunden vorgek. Fälschung*. (Zürich 1877). См. объ этомъ ст. Линденшмита въ *Arch. f. Anthropologie* томы IX, X, XI. Важнѣйшія новѣйшія находки палеолит. эпохи въ Швейцаріи были сдѣланы д-ромъ Nuesch близъ Шаффгаузена, въ Schweizerbild. См. его сочиненіе: «*Das Schweizerbild*». 1896. 4°.

⁴⁶) M. Much. *Über die Zeit des Mammuth im Allgemeinen und über einige Lagerplätze von Mammuthjägern in Nieder-Oesterreich*. (Wien 1832). Wurmbrandt G. *Über die Anwesenheit des Menschen zur Zeit der Lössbildung* (Denkschriften der Akademie der Wiss. (Wien 1879). — P. L. Hacker. *Die Gudenus Höhle*. (Mittheilungen d. wiener anthrop. Ges. XIV, стр. 145). L. H. Fischer. *Palæolith. Fundstellen in der Wachau*. (Mittheil. der Centralcomm. Wien 1892, 138). Dr. J. N. Woldrich. *Reste diluv. Faunen und des Menschen aus dem Waldviertel Niederösterreichs*. (Wien, Akademie 1893).

⁴⁷) O. Herrmann. *Der paleol. Fund von Miskolcz*. (Mitth. d. anthr. Ges. Wien 1893, 77) etc.

⁴⁸) Найденный еще тамъ недавно черепъ взрослою мужнины, лежавшій въ четвертичной глинѣ, является по своему типу такимъ исключеніемъ между прочими находками этого рода, что Р. Варховъ совершенно основательно не считаетъ возможнымъ признать его современнымъ съ прочими. Черепъ этотъ короткоголовый.

⁴⁹) Jan Kušta. *Památky práce lidské v útvaru diluvialním v Čechách*. (Věstník král. české společnosti nauk 1890). Его-же. *Stanice diluvialního člověka v Lubné v Čechách*. (Rozpravy II. třídy č. akademie č. 9). Praha 1891.

⁵⁰) См. гл. обр. статьи Фрича въ *Vesmír* въ 1884 г. стр. 195 и 1885 г. стр. 197. Затѣмъ его-же обстоятельныя работы, помѣщенные въ отчетахъ засѣданій чешской корол. академіи-наукъ 1884 и 1885. О статьѣ Шаффгаузена см. *Verhandlungen d. niederrhein. Vers. Jahrg. XLI*, стр. 364 и *Correspondenzblatt d. deutsch. anthropolog. Gesell. XV*, стр. 48.

⁵¹) Статья Luschana помѣщена въ *Mittheil. d. wiener anthrop. Gesellsch. III*, стр. 25, Woldrich'a «*Geologischer Bericht über den Brüxerschädel und weitere Funde aus Brüxer Gegend*» тамъ-же, т. III, стр. 57. Французскіе уче-

ные относить подбабский и мостецкий черепа къ числу череповъ несомнѣнно четвертичной эпохи и причисляютъ ихъ къ такъ наз. канништадтской или неандертальской расѣ. (Ср. хоть бы Е. Т. Н а м у. Quelques observations anatomiques et ethnologiques à propos d'un crâne humain trouvé dans les sables du Brûx (Bohême) (Paris 1870), и его же статью въ Revue d'anthropologie 1872, стр. 669.

⁵²⁾ Woldřich, исследовавшій и описавшій эти находки (Jahrb. d. k. k. geolog. Reichsanstalt 1877, стр. 223), считаетъ ихъ станціями послѣднеледниковой эпохи.

⁵³⁾ «Diluviale Fauna von Zuzlawitz im Böhmerwalde, I, II, III. (Zprávy král. české společnosti nauk 1880, стр. 191, 1881, стр. 260, 1883, II, стр. 288 и Sitzungsberichte d. k. Akademie d. Wiss. in Wien II. Classe Bd. LXXXII, LXXXIV, LXXXVIII. (800—1883).

⁵⁴⁾ К. J. Ма́шка. «Der diluviale Mensch in Mähren. Mit 51 Abbildungen im Texte. (Оттискъ изъ программы городского реального училища въ Новомъ Яи́чнѣ, Nový Jičín 1886). Бо́лье извѣстно сочиненіе д-ра W a n k e l'я «Bilder aus der mährischen Schweiz und ihrer Vergangenheit». (Wien 1882). Изъ прежнихъ его сочин. см. напр. «Die Skouper Höhle und ihre Vorzeit» (Wien 1868). Præhistorische Alterthümer in den mährischen Höhlen (Wien 1871).

⁵⁵⁾ См. прим. 46.

⁵⁶⁾ J. Steenstrup. Die Mammuthjäger-Station bei Předmost im österr. Kronland Mähren. Нѣмец. пер. д-ра R. Much'a въ Mitth. d. wiener anthr. Ges. XX, стр. 1 и слѣд. Статью Ванкеля о теоріи Стенструпа см. въ Correspondenzblatt der d. anthrop. Ges. 1890, стр. 32, и затѣмъ въ Časopis musea olomouckého 1890, стр. 1 и 53, въ Mitth. der Centralcommission für Erf. und Erh. d. Denkmäler 1890, стр. 226, и наконецъ въ специальн. соч. W a n k e l'я «Præhistorische Jagd in Mähren. Olmütz 1892.

⁵⁷⁾ К. J. Ма́шка. Über die Gleichzeitigkeit Mammuths mit dem diluv. Menschen in Mähren (Correspondenzblatt der d. anthr. Ges. 1889, 114). Výzkumy na tábořišti lovců mammutů v Předmostí (Praha, Akademie 1893). Nález diluvialního člověka v Předmostí (Журн. «Český Lid» IV стр. 161).

⁵⁸⁾ Ср. гл. обр. A l e x. M a k o w s k y. Der Löss von Brünn und seine Einschlüsse an diluvialen Thieren und Menschen. (Brünn 1887). Его же. Lössfunde bei Brünn und der diluviale Mensch. К. Ма́шка. Lössfunde bei Brünn und der diluviale Mensch (объ въ Mitth. d. wiener anthr. Gessellschaft XIX, стр. 46 и 179). Ср. также рефератъ Маковскаго «Über die Anwesenheit des Menschen während der Lössperiode in der Umgebung von Brünn» (тамъ же, Sitzungsberichte, стр. 60 и слѣд.) и пренія по этому поводу.

⁵⁹⁾ J. M a k o w s k y A l e x. Der diluviale Mensch im Löss von Brünn. (Mitth. der anthr. Ges. Wien. XXII, 73).

⁶⁰⁾ J a n K n i e s. Pravěké nálezy jeskyně šošůvecké na Moravě (Olomúc 1891). К. Ма́шка. Die dil. Fauna und Spuren des Menschen in der Schoschuwker Höhle. (Jahrbuch d. geolog. Reichsanstalt. XLI. 1891, стр. 415).

⁶¹⁾ Всѣ статьи Сомбата о моравскихъ пещерахъ помѣщены въ Известіяхъ Вѣнской Акад. Наукъ (физико-математич. отдѣл.).

⁶²⁾ Статьи K r a s s e r'а см. въ Mitth. d. wiener anthr. Ges. X, стр. 284 и XI, стр. 98.

⁶³⁾ Д-р. М. К ř í ž. Kůlna a Kostelík. Dvě jeskyně v útvaru devonského vápence na Moravě. Bádání a rozjímání o pravěkém a předvěkém člověku. Brno.

1889—91 Sešit I—III. Ср. Его-же. Höhlen in den mährischen Devonkalken und ihre Vorzeit. I. Die Slouperhöhle. II. Die Höhle Výpustek bei Kiritoin. III. Die Byčí skála Höhle. IV. Die Höhle Kostelík im Mokrávalde nebst übrigen Grotten des Hádekerthales: Отд. отгаскъ нъъ Jahrbuch. der k. k. geolog. Reichsanstalt. 1892, Bd. 42, Heft 3. (Wien. 1891, 1893).

⁶¹⁾ Ср. примѣч. 55.

⁶²⁾ Ср. хоть-бы R. Baume. Kieferfragment von La Naulette und Schipkaböhle. (Leipz. 1883).

⁶³⁾ Пещеру эту изслѣдоваль Готфридъ Оссовскій и результаты своихъ изслѣдованій опубликовалъ въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. «Sprawozdanie z badań geologiczno-antropologicznych w jaskiniach okolic Krakowa». (Часть III. стр. 74, IV. стр. 35, V. стр. 18, VI. стр. 28, XI. стр. 13) и въ нѣсколькихъ французскихъ брошюрахъ подъ заглавиемъ «Relation des fouilles etc.». Общее сочиненіе объ этихъ находкахъ «Jaskinie okolic Ojcowa I.» было напечатано въ Краковѣ въ 1885 году тоже по французски подъ заглавиемъ: «Cavernes des environs d'Ojcow au point de vue paléothnologique» (Kraków 1885). Ср. также Ferd. Römer. «Die Knochenhöhlen von Ojcow in Polen». (Cassel, 1883). Статьи Р. Вирхова о найденныхъ тамъ человѣческихъ черепахъ были помѣщены въ Изв. Берлинскаго Антропологич. Общества, 1873, 1879 и 1880 гг. [На русскомъ языкѣ Оссовскій (недавно умершій) помѣстилъ подробный отчетъ о своихъ раскопкахъ пещеръ въ «Извѣстіяхъ Томскаго университета», т. IX].

⁶⁷⁾ См. главн. обр. большое сочиненіе графа А. С. Уварова «Археологія Россіи». I. «Каменный періодъ» 2 части. (Москва. 1881). Гл. III. О древнѣйшихъ каменныхъ орудіяхъ въ Россіи. П. И. Лерхъ. Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ» (С.-Петербургъ. 1862). Д. П. Сонцовъ. О каменномъ вѣкѣ. (Москва, 1870). См. также сообщенія С. Н. Никитина, Ф. Н. Чернышева, И. Е. Савенкова и др. въ I томѣ Comptes rendus du Congrès international d'archeol. préhistorique à Moscou (Moscou. 1892). О находкахъ въ Гонцахъ, Полт. губ. См. Труды III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, т. I, О находкахъ на Кирилл. улицѣ въ Кіевѣ, см.: П. Я. Армашевскій и В. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева (Кіевъ, 1897) и болѣе подробно ст. Ф. К. Волкова (Хв. Вовка): Передісторичні знахідки на Кирилівській ул. у Кієві (Матеріали до українсько-руської етнології, вид. Наук. Тов. им. Шевч. у Львові. Львовъ, 1898, стр. 1—30).

⁶⁸⁾ Cf. P. Koudriavtsev. Les vestiges de l'homme préhistorique près du village de Volosovo. (Comptes rendus du XI. Congrès intern. préhistorique à Moscou. T. II, p. 233 (1893).

⁶⁹⁾ Cf. Dm. Anoutchine. Sur les restes de l'Ursus spelaéus trouvés en Russie (Comptes rendus du XI Congrès intern. préhist. à Moscou). T. I. (1892), p. 244.

⁷⁰⁾ О пещерахъ камен. вѣка по Днипру. (Труды IV археол. съѣзда въ Казани).

⁷¹⁾ Сборникъ за народни умотворенія. София VI (1892), стр. 362.

⁷²⁾ Изъ сочиненій о людоедствѣ вообще и о каннибализмѣ въ доисторическія времена укажемъ: Girard de Rialle. De l'anthropophagie. Étude d'éthnologie comparée (1875). H. Schaffhausen. Anthropologische Studien XXIII. Über die Menschenfresserei (1885). R. Andree. Die Anthropophagie (1887), также статьи Hildebrand'a и Karsten'a въ Изв. Берл. антр. Общ. (1874, стр. 73; 1876,

стр. 75) и пренія въ Париж. автор. Обществѣ (Bulletins de la Soc. d'Anthr. 1888, стр. 27). [Добавимъ еще: Bergemann. Die Verbreitung der Anthropophagie, 1893; Воеводскій, Каннибализмъ въ греч. мѣсахъ, 1874; Steinmetz, Endokannibalismus, 1896; Matiegka, Anthropophagie in der prähist. Zeit. 1896].

⁷²⁾ Julien Fraipont et J. Bracconnier. La poterie en Belgique à l'âge du mammoth (Paris 1887). Съ ними соглашается также и J. D. Mac-Guire On the evolution of the art of working in stone. 1893.

⁷³⁾ Ср. А. Ecker, Über praehistorische Kunst (Braunschweig 1878). Cartailhac E. L'art chez les chasseurs des rennes de l'Europe préhistorique (Toulon 1878). Piette Ed. L'art pendant l'âge du renne (Angers 1885, Paris 1891). Chauvet G. Les débuts de la gravure et de la sculpture. Étude préhistorique (Melle 1887). Ed. Piette. L'époque éburnienne et les races humaines de la période glyptique (St. Quentin 1894).

⁷⁴⁾ См. прим. 13, гдѣ указаны соч. по каменному вѣку вообще.

⁷⁵⁾ Cf. J. A. Brown. Continuity of the Palaeolithic and Neolithic Periods и Boyd Dawkins. On the Relation of the Palaeolithic to the Neolithic Period. (Journal of anthr. Institute of Great Britain 1892—1894), а также М. Boule'я (L'Anthropologie 1894. 461) и проч.

⁷⁶⁾ См. ст. Вольдржиха въ журн. «Ziva» 1891, стр. 97. «O pravlasti indoevropského pránaroda».

⁷⁷⁾ Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie 1891 стр. 26, 1892 стр. 24. Ср. также его работу: «L'âge de la pierre. Division industrielle de la période paléolithique quaternaire et de la période néolithique» (Paris 1892).

⁷⁸⁾ Erasmus Majewski. Prædhistoryczne narzędzia krzemienne zebrane pod wsią Ossówką (Warszawa 1895).

⁷⁹⁾ Ср.: А. А. Штуkenбергъ и Н. О. Высоцкій. Матеріалы для изученія каменнаго вѣка въ Казанской губерніи (Каз. 1885); Н. И. Зауcаѣловъ. Древнія каменные орудія, собранныя въ Казанской губ. (Каз. 1884).

⁸⁰⁾ А. А. Иностранцевъ. Домсторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера (С.-Петербургъ 1882).

⁸¹⁾ Ср. статьи въ I томѣ Comptes rendus du XI. Congrès intern. d'archéologie préhistor. p. 139, 141 и книгу Б. Передольскаго. Бытовые остатки насельниковъ Ильменско-Волховскаго побережья. (Спб. 1893).

⁸²⁾ Ср. главн. обр. «Untersögelse i geologisk-antiquarisk Retning af G. Forchhammer, J. Steenstrup og J. Worsaae» (Копенгагенъ 1850) и Jar. Steenstrup. Sur les Kjökkenmöddings de l'âge de la pierre de Danemark (Копенгагенъ 1872). Его же Kjökken-möddinger. Eine gedrängte Darstellung dieser Monumente sehr alter Kulturstadien (Копенгагенъ 1886). — О каменномъ вѣкѣ въ Даниі см. затѣмъ S. Müller Ordnung af Danmarks Oldsager. Stenalder (Копенгагенъ 1889) Zink L. Nordisk Archaeologi-Stenalderstudier (Копенгагенъ 1890) и пр. Ср. литературу въ Введеніи, стр. XXVI.

⁸³⁾ Ср. по этому вопросу Archiv für Anthropologie XIX, стр. 363, XX, стр. 401 и рефератъ О. Монтелиуса на археол. съѣздѣ въ Дании: «Zur Chronologie der jüngeren Steinzeit in Skandinavien». (Correspondenzblatt d. deut. anthr. Ges. 1891, стр. 99).

⁸⁴⁾ G. Berendt. Altpreuussische Küchenabfälle am Frischen Haff. (Königsberg 1876).

⁸⁵⁾ Paulea Oliveira. Raças dos kjoekkenmoeddings de Mugem (Lissabon, 1881). О томъ же въ Communicações da commissão dos trabalhos geologicos. II, 1.

⁸⁷⁾ C. de Foudouce. De l'emploi de la callais dans l'Europe occidentale aux temps préhistoriques. 1884.

⁸⁸⁾ J. de Baye. L'archéologie préhistorique (Paris 1880) и въ сокращ. видѣ L'archéologie préhistorique (Paris 1888). Ero-же L'importance des temps néolithiques au Petit-Morin (Arcis-sur-Aube 1885).

⁸⁹⁾ F. Garrigon et H. Filhol. Age de la pierre polie dans les cavernes des Pyrénées Ariégeoises (Paris et Toulouse 1868).

⁹⁰⁾ J. Ranke. Fünf Abhandlungen über künstliche Höhlen in Oberbayern (München 1878). Ero-же: Die vorgesch. Steinzeit in Bayern (Bayern 1880). Ero-же: Die Felsenwohnungen der jüngeren Steinzeit in der fränkischen Schweiz (München 1880).

⁹¹⁾ A. Issel. Nuove ricerche sulle caverne ossifere della Liguria (Roma 1874—8). Ero-же La Liguria e i suoi abitanti nei tempi primordiali (1885). Incoronato A. Scheletti umani della caverna delle Arene Candide (Roma 1878). Issel Liguria geologica e preistorica (1892).

⁹²⁾ Cp. G. Bellucci «Sopra due Pintaderas rinvenute nell' Umbria» (Firenze 1888). R. Verneau. Las Pintaderas de Gran Canaria (Madrid 1883).

⁹³⁾ L. von Löcsy. Die Liskowaer Höhle (Pest 1878).

⁹⁴⁾ Cp. «Avis important» помѣщенный въ Matériaux pour histoire de l'homme, 1883; и Déclaration collective du Comité de la Commission archéologique de l'Académie des Sciences de Cracovie sur l'authenticité des fouilles des cavernes de Mni-kow (Krakow 1886). Перечисленіе главныхъ работъ объ этихъ пещерахъ см. въ примѣч. 66.

⁹⁵⁾ Dr. Lisch. Über die Hausurnen (Schwerin 1856). Ans. Taramelli. I cinerarii antiquissimi in forma di capanne scoperti nell' Europa. Roma 1893, стр. 28.

⁹⁶⁾ О городищахъ вообще см. Brët. Jelinek. Über Schutz- und Wehrbauten aus der vorgeschichtlichen und älteren geschichtlichen Zeit mit besonderer Rücksicht auf Böhmen (Prag 1885) и Dr. R. Behly. Die vorgeschichtlichen Rundwälle im östlichen Deutschland (Berlin 1886). О проч. соч. мы упомянемъ далѣе. Наиболѣе старинное изъ нихъ: Osk. Schuster's. Die alten Heidschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des Oberlausitzer Schanzensystems (Dresden 1869). Cp. также G. de la Noë. Principes de la fortification antique depuis les temps préhistoriques. (Paris 1890). Въ последнее время большое сочиненіе объ этомъ предметѣ издавъ A. von Söhausen, Die Befestigungsweisen der Vorzeit und des Mittelalters (Wiesbaden 1893). [Краткій очеркъ городищъ (въ Западной Европѣ и Россіи), см. въ ст. «Городища» Д. Н. Анучина въ «Энциклопед. Слов.» изд. подъ ред. Арсеньева и Петрушевскаго].

⁹⁷⁾ H. et L. Siret. Les premiers âges du métal dans le Sud-Est de l'Espagne (Paris, 1887).

⁹⁸⁾ G. Scarabelli. Stazione preistorica sul monte Castellaccio presso Imola (Imola 1887).

⁹⁹⁾ M. Much. Germanische Wohnsitze und Baudenkmäler in Niederösterreich (Wien 1875). Ero-же. Älteste Besiedelung des österreichischen Kaiserstaates (Wien, 1884).

¹⁰⁰⁾ F. S. Hartmann. Überreste altgermanischer Wohnstätten in Bayern. (Zeitschrift für Ethnologie XIII. 1881, стр. 237, гдѣ также сдѣлано и перечисленіе остатковъ доисторическихъ жилищъ въ остальной Европѣ).

¹⁰¹⁾ Ср. гл. обр. P. M. Wosinsky. Das praehistorische Schanzwerk von Lengyel I.—III. (Pest 1838—1890), появившееся сначала в «Ungarische Revue». Подробные отчеты помещены были в «Archaeologiai Közlemények». О реферате Вирхова см. в Verhandlungen d. berliner anthr. Gesellschaft 1890, стр. 97.

¹⁰²⁾ Объ этих находках см. соч. проф. Gr. Tocilescu Dacia înainte de romanii, Biscuresci (1880), реферат Odobescu о доисторических древностях в Румынии (отзыв в L'Anthropologie 1890, p. 369) и статью г-жи Ториа Über neolithische Wohnstätten Siebenbürgens. (Correspondenzblatt d. d. anthr. Ges. 1882, стр. 90).

¹⁰³⁾ Ср. в особенности крупную работу Радимского W. Radimský. Die neolithische Station von Butmir bei Sarajewo in Bosnien. Ausgrabungen im Jahre 1893. Wien 1895. Folio mit 15 Tafeln.

¹⁰⁴⁾ Прекрасное описание чешских неолитических местонахождений сделано Л. Шнайдром в соч. Počátkové předhistorického místopisu země české a některé úvahy odtud vycházející (Pardubice 1891). В последнее время д-р Л. Нидерле напечатал обстоятельную работу о неолитической эпохе в Чехии в журн. Český Lid, Т. III, под загл. «Přispěvky k anthropologii země českých. II. O mladší době kamenné v Čechách. (Praha 1894).

¹⁰⁵⁾ См. статью J. Szombathy (Annalen des k. k. naturhist Hofmuseums 1888, стр. 130).

¹⁰⁶⁾ См. напр. Verhandlungen der berl. anthrop. Gesellschaft 1887, стр. 522, 1889, стр. 443, 1894, стр. 466 и обстоятельное изложение в «Českém lidu» I. (1891) стр. 58.

¹⁰⁷⁾ О прочих неолитических находках см. Dr. J. Woldřich «Beiträge zur Urgeschichte Böhmens» II, стр. 6, 7.

¹⁰⁸⁾ Описал Вепеš в Památkách archeologických VII, стр. 165.

¹⁰⁹⁾ Исследовал и описал Č Ryzner в Památkách archeologických XII, стр. 209, 241, 299.

¹¹⁰⁾ W. Osborne. Über einen Fund aus der jüngeren Steinzeit in Böhmen (Dresden 1879).

¹¹¹⁾ Описал Woldřich в Mitth. d. wiener. anthr. Gesellschaft 1890 стр. 122, и в Časopise musea olomúckého 1890, стр. 103.

¹¹²⁾ J. Palliardi. Predhistorická sídla na Znojemsku. Olomouc 1895.

¹¹³⁾ Ср. Н. Харузинъ. Обзор доисторич. археологии в Балтийских губ. (Ревель 1894, стр. 14).

¹¹⁴⁾ Изъ очень богатой литературы свайных построек упомянемъ о «Pfahlbauberichte» проф. F. Keller'a в Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich Bd. IX—XX, 1853—80; ср. также F. Keller. Lake-Dwellings of Switzerland and other parts of Europe, перев. Lee. II изд. (London 1878 I. 1866). Fr. Troyon. Habitations lacustres des temps anciens (Lausanne 1860). E. Desor. Pfahlbauten in schweizer. Seen (Neuchâtel 1861). Его же Les palafittes ou constructions lacustres du lac de Neuchâtel (Paris 1865), R. Virchow. Hünengräber und Pfahlbauten (München 1866), A. Pallmann. Die Pfahlbauten und ihre Bewohner (Greifswald 1866), R. Hartmann. Über Pfahlbauten, namentlich der Schweiz (Berlin 1870), и новое большое сочин. Rob. Munro. The Lake-Dwellings of Europe (Lond. 1890). Имъ же большею частью посвящена книга Dr. G. A. Müller'a Vorgeschichtliche Kulturbilder aus den älteren Höhlen- und Pfahlbautenzeit (Bühl 1892), Marquis de Nadaillac. Les populations lacustres de

l'Europe, Bruxelles 1894 (Extrait de la Revue des Questions scientifiques). [Важно также сочинение Gross'a Les Protohelvètes P. 1883, съ 33 табл. рис.].

¹¹⁵⁾ V. Gross. La paléontologie en Suisse (Revue d'anthropologie 1889, стр. 720 и след.).

¹¹⁶⁾ V. Gross. Tombes lacustres d'Anvernier (Neuveville 1876).

¹¹⁷⁾ Флора швейцарских свайных жилищъ была замѣчательно исследована кромѣ F. Keller'a O. Heer'омъ: Die Pflanzen der Pfahlbauten (Zürich 1865), а фауна L. Rütlimeyer'омъ: Untersuchungen der Thierreste aus den Pfahlbauten der Schweiz (Zürich 1860) и Die Fauna der Pfahlbauten in der Schweiz (Zürich 1862). [Ср. Studer, Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bilersees. Bern. 1883].

¹¹⁸⁾ Strobil e Pellegrino. Avanzi preromani raccolti nelle terramare e nelle palafitte dell' Emilia (Parma 1863). Castaldi. Lake-habitations in the turbaries of Northern and Central Italy. Transl. by Chambers (Lond. 1865). Camillo Marinoni. Abitazioni lacustri e gli avanzi di umana industria in Lombardia (Milano 1868). Ср. также статьи P. Castelfranco въ Revue d'anthropologie 1887, стр. 607, 1889, стр. 568.

¹¹⁹⁾ M. Wagner. Das Vorkommen von Pfahlbauten im Bayern (München 1867). Fraas E. Die Pfahlbaustation Schussenried. (II изд. Lindau 1877).

¹²⁰⁾ R. Virchow. Die Pfahlbauten im nördlichen Deutschland. Фауну этихъ озер. жилищъ исследовалъ больше всего A. Nehring. — G. Lisch. Pfahlbauten in Mecklenburg (Schwerin 1865). C. Grewingk. Zur Pfahlbautenfrage Liv., Est- und Kurlands (Dorpat 1880).

¹²¹⁾ Munro R. The archaeological importance of ancient british lake-dwellings and their relation to analogous remains in Europe. (Journal of the anthr. Institute XV. 1866 стр. 453). Его же. Ancien Scottish Lake-Dwellings. (Edinburgh 1882).

¹²²⁾ Подробныя свѣдѣнія сообщилъ графъ Вурмбрандтъ на съѣздѣ въ Болоньѣ въ 1871 г. Затѣмъ многія извѣстія были напечатаны въ Mittheilungen Вѣнскаго антропологич. общ. (I, стр. 70, 145, 283; II, стр. 1, 203, 249, 322; IV, стр. 293; V, стр. 117; VI, стр. 161, 205).

¹²³⁾ E. Freiherr von Sacken. Der Pfahlbau im Laibacher Moore (Wien 1876). Deschman C. Berichte über die in der Nähe von Laibach gemachten Funde von Gegenständen aus der Pfahlbautenzeit. Изв. Вѣнской Академіи Наукъ, вып. LXXXI, LXXXII, LXXXIV). F. v. Hochstetter. Über Nachforschungen nach Pfahlbauten in den Seen von Kärnthen und Krain (Wien 1865).

¹²⁴⁾ B. Széchenyi. Trouvailles de l'âge de la pierre polie dans le bassin du lac de Neustedel. (Pest 1874).

¹²⁵⁾ Геродотъ кн. V, гл. 16. Ср. статью—K. Jireček'a «Jezerní stavby v starém Bulharsku» (Časopis Českého Musea 1875, str. 437).

¹²⁶⁾ Ср. также E. Rückert. Die Pfahlbauten und Völkerschichten Osteuropas besonders der Donaufürstenthümer (Würzburg 1869) и J. Heierli. Die Verbreitung der Pfahlbauten ausserhalb Europas. (Журн. Antiqua 1890 № 1).

¹²⁷⁾ Forchhammer. Kyklopische Mauern Griechenlands und schleswig-holstein. Felsmauern. (Kiel 1874). M. Gell. Probestücke von Stadtmauern des alten Griechenlands. (München 1831). Dodwell E. Views and descriptions of cyclopiian or pelagic remains in Greece and Italy. (Lond. 1834).

¹²⁸⁾ Лучшее сочинение о нихъ: Spano. Memoria sopra i Nuraghi di Sar'egna.

(1 изд. Cagliari 1854). Его же. *Paleontologia Sarda* (Cagliari 1871). Справ. затьмъ Fil. Vivanti. *La storia antica della Sardegna* (Cagliari 1881), Fr. Orsoni. *Dei primi abitatori della Sardegna*. (Bologna 1881).

¹²⁹⁾ Сначала онъ производилъ раскопки самъ, достаточно ненаучно и несистематически, и только въ 1882 г. пригласилъ себѣ въ помощь двухъ выдающихся археологовъ J. Höfler'a и W. Dörpfeld'a. Главныя изданія Шлиманна слѣд: *Trojanische Alterthümer сь атласомъ* (Leipz. 1874); *Reise in der Troas* (Leipz. 1881); *Ilios. Stadt und Land der Trojaner* (Leipz. 1881); *Troja*. (Leipz. 1884). *Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890* (Leipz. 1891). Многія вышли также по французски и по англійски. Въ соч. «*Ilios*», *ville et pays des Troiens* (Paris 1885) соединены нѣмецкія изданія «*Ilios*» и «*Troja*». Новыя находки по смерти Шлиманна были описаны W. Dörpfeld'омъ въ книгѣ «*Troja*» (Leipz. 1894). *Sofie Schliemann n. H. Schliemanns Selbstbiografie*. (Leipz. 1892). Последнія изданія Шлиманна заключаютъ въ себѣ главн. обр. работы Дёрпфельда. Результаты всѣхъ раскопокъ Шлиманна изложены въ прекрасной книгѣ C. Schuchardta *Schliemanns Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenae, Orchomenos, Ithaka*; 2-ое дополн. изданіе (Leipz. 1891). Изъ другихъ сочиненій, посвященныхъ археології гомеровской Трои, отмѣтимъ O. Keller *Entdeckung Ilios zu Hisarlik* (Freiburg 1876). J. Puiggari *Monografia storica e iconografica del Troje*. (Barcelona 1886). R. Menge *Troia und die Troas* (Gütersloh 1891). G. Sortais. *Ilios et Iliade. Les ruines d'Ilios*. (Paris 1892). Ch. Normand. *La Troie d'Homère* (Paris 1893). О послѣднихъ раскопкахъ Шлиманна см. критическіе отзывы и сообщенія G. Perrot (Journal des Savants 1891). R. Virchow также написалъ объ этомъ много статей. Ср. также A. П. Керамеус. *Ἡ λιβνὴ ἐστὺς ἐν τῇ Μικρῇ Ἀσίᾳ*. (Смирна 1875). E. Chantre *L'âge de la pierre et du bronze en Troade et en Grèce*. (Lyon 1875).

¹³⁰⁾ Изъ сочиненій о мегалитическихъ памятникахъ болѣе важны M. Campbell. *Monuments celtiques ou recherches sur le culte des pierres* (Paris 1805). Fergusson J. *Rude stone monuments in all countries* (Lond. 1872). Lukis W. C. *A guide to the principal chambered barrows and other prehistoric monuments etc.* (Ripon 1875), *On the class of rude stone monuments which are commonly called in England Cromlechs and in France Dolmens etc.* (Ripon 1875). Barr Ferec. *Primitive architecture*. (Lond. 1889). См. также историческій очеркъ E. Cartailhac'a. *Les premiers travaux sur le monuments megalithiques* (Paris 1886).

¹³¹⁾ Lukis W. C. *Egyptian obelisks and European monoliths compared* (Proceedings of the Soc. of ant. Lond. 1880, стр. 293). Ср. также болѣе старинное соч. G. Zoegy. *De origine et usu obeliscorum*. (Roma 1797).

¹³²⁾ E. Wörner. *Beiträge zur Würdigung der unter den Namen Hinkelstein vorkom. Denkmale* (Corresp. d. Gesamtver. d. deutschen Gesch. und Alterthumsvereine 1877 и 1881).

¹³³⁾ Литература очень велика; упомянемъ только о соч.: marq. de Nadaillac. *Les pierres à cupules* (Revue d'Anthropologie 1886, p. 93). F. Keller. *Die Zeichen- und Schalensteine der Schweiz*. (Zürich 1870). Desor. *Les pierres à écuellles*. (Genève 1879). Faudel. *Les pierres et les roches à écuellles et à bassins*. (Colmar 1880). Наиболѣе кажется, обстоятельно сочиненіе H. Grunpert. *Opfersteine Deutschlands. Eine geologisch-ethnographische Untersuchung*. (Leipz. 1881). Онъ высказывается за ихъ естественное происхождение.

¹³⁴⁾ Ср. объ этомъ Correspondenzblatt d. deutschen anthr. Ges. 1885 № 5, 1888 стр. 5 и 33, 1889 № 1 и 2.

¹³⁵⁾ Кроме упомянутых въ Правѣку Воцеля и статей въ Památky archeologicke, о чешскихъ камняхъ болѣе всего написалъ J. Hübler. «Über die sogenannten Opfersteine Isergebirges (1882). Проф. Smolík, въ статьѣ «Obětní kameny a jejich domnělý význam» (Památky archeologické XI, str. 245), защищаетъ ихъ богослужебное назначеніе, какъ Ранке, Надальякъ и др.

¹³⁶⁾ Ср. Протоколы VII русск. археологическаго съезда въ Ярославѣ въ 1887 г.

¹³⁷⁾ A. Bonstetten издалъ въ 1864 г. карту распространенія дольменовъ въ Европѣ. Послѣ него подобныя же карты составили Bertrand, Lane Fox, Maury, A de Mortillet. Bonstetten. Essai sur les dolmens (Paris 1865). E. Desor, Über Dolmens. (Braunsch. 1866). von Löhner. Über Dolmenbaute. (München 1888).

¹³⁸⁾ A. Bertrand. De la distribution des dolmens sur la surface de la France. (Paris 1864). Его-же. Monuments primitifs de la Gaule. Monuments dits celtiques. Dolmens et Tumulus. (Paris 1868). J. Cotman Les antiquités monumentales de la Normandie. (Paris 1881. Первое изд. вышло по англійски въ Лондонѣ въ 1820). P. Cazalis de Fondouce. Les temps préhistoriques dans le Sud-est de la France. Allées couvertes. (Paris 1878). F. Gailard Cartes, plans et albums des monuments mégalithiques à Morbihan. (Paris 1885). J. Miln. Explorations des dolmens en Locmariaquer et en Carnac. (Vannes 1882). Наиболѣе компетентный инвентарь французскихъ дольменовъ былъ изданъ Коммиссіей мегалитическихъ памятниковъ въ Bullet. de la Soc. d'Anthrop. de Paris 1880.

¹³⁹⁾ A. de Mortillet. Rapport sur les monuments mégalithiques de la Corse. (Paris 1893).

¹⁴⁰⁾ F. A. Pereira da Costa. Monumentos prehistoricos (Lissabon 1868). Они тамъ носятъ названіе «aútas».

¹⁴¹⁾ Cartailhac E. Monuments primitifs des îles Baléares (Toulouse 1892). Général Faidherbe. Les dolmens d'Afrique. (Paris 1873). Tissot. Sur les monuments mégalithiques et les populations blondes du Maroc et les monuments mégalithiques dans l'Afrique septentrionale. (Paris 1876).

¹⁴²⁾ Ch. J. Comhaire. Les monuments mégalithiques de Solwastes. (Liège 1889). E. Haroy. Cromlechs et dolmens de Belgique (Namur 1891).

¹⁴³⁾ O. Montelius. Die Cultur Schwedens in vorgeschichtlicher Zeit (Berlin 1885) стр. 29 и слѣд: Ср. также R. Virchow. Hünengräber und Pfahlbauten (München 1866). H. Petersen раздѣляетъ еще датскіе мегалиты на круглые (Runddysser, Rundsteinbetten) и на продолговатые съ камнями у основанія холма (Langdysser, Langsteinbetten). «Om Stenalderens Gravformer i Danmark og deres Indbyrdes Tidsforhold». (Копенг. 1882. По нѣмец. перевод. г-жею J. Mestorf въ Archiv für Anthropologie 1883. XV, стр. 133).

¹⁴⁴⁾ Ed. Krause und Dr. O. Schoetensack. Die megalithischen Gräber Deutschlands. Berlin 1893. (Отд. оттиски изъ Zeitschrift für Ethnologie 1893).

¹⁴⁵⁾ Графъ А. С. Уваровъ. Мегалитическіе памятники въ Россіи. (Древности. Труды Моск. арх. общ. VI стр. 269 и VII стр. 245). Ср. также статьи В. Юфорова (Matériaux pour l'histoire de l'homme 1886, стр. 320). И. Д. Филимонова (Антропологическая выставка III, I, стр. 223), соч. E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase (Paris 1885—7) I, стр. 51. E. Chan-

tre. Les dolmens du Caucase Paris 1885 и Ф. Д. Фелицына Кубанскія древности (Екатеринодаръ 1882, а также въ Антр. выст. III. стр. 26).

¹⁴⁶⁾ Бр. Шкорпиловы. Паметници изъ Българско. I. (София 1888).

¹⁴⁷⁾ Лѣббокъ. Донсторическія времена, перев. подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1876 г.

¹⁴⁸⁾ «Stonehenge» объясняются или какъ «висячіе или стоячіе камни» (hanging-stones), или какъ «каменное поле» (stone-ing). Объ нихъ кромѣ общей литературы мегалитовъ см. также: Stukeley. Stonehenge, a Temple restored to the British Druids. Abury. Folio. (Lond. 1740—43). Flinders Petrie. Stonehenge: plans, description and theories. (Lond. 1880). Lukis W. C. Report on the prehistoric monuments of Stonehenge and Avebury (Proceedings of the soc. of antiq. IX, стр. 141). [E. Barclay Stonehenge and its Earthworks. L. 1895.] Lewis A. L. On the Wiltshire circles. (London 1891).

¹⁴⁹⁾ Lukis W. C. Prehistoric stone monuments of Cornwall. (London 1885). MacLagan. Hill Forts, Stone circles etc. (Edinburgh 1875).

¹⁵⁰⁾ Наиболее обстоятельное соч.: W. Grenwell and G. Rolleston. British barrows. A record of the examination of sepulchral mounds in various parts of England. (Oxford 1877). Ср. кромѣ того Davis J. B. and J. Thurnam. Crania britannica. The Skulls of the aborig. inhabitants of the brit Islands (London 1857—65). Th. Huxley and S. Lang. Prehistoric Remains of Caithness (London 1866). J. B. Warring. Stone monuments, Tumuli and Ornament of Remote Ages (London 1870). L. Jewitt. Grave Mounds and their Contents (London 1870). Кромѣ того объ этомъ писали еще Bateman, Borlase, Warne, Smith, Petrie и др. Ср. литературу въ введеніи стр. XXIV и статью Nadaillac'a. Les barrows dans les îles britanniques (Revue d'Anthropologie 1885, стр. 300).

¹⁵¹⁾ Grewingk C. Die Steinschiffe von Musching und die Wella-Laiwa oder Teufelsböte Kurlands überhaupt. (Dorpat 1879).

¹⁵²⁾ Описали Virchow и Aspelin (Verhandl. d. berl. anthr. Ges. 1877, стр. 439).

¹⁵³⁾ Frédéric VII., roi du Denemark: Sur la construction des Salles dites des géants. (Копенгагенъ 1857), а по датски: Om Bygningsmaaden af Oldtidens Jættesteners. Подробное излож. въ брош. Dr. Bonnejoy. «De l'érection par les anciens Gaulois des menhirs et des pierres des dolmens sans machines. (Carentan 1889).

¹⁵⁴⁾ Cp. G. Closmadenc. La question des dolmens et des coffres de pierre. (Vannes 1890).

¹⁵⁵⁾ Dr. J. Matiegka. Hroby se skrčenými kostrami v Čechách (Otiak z Českého Lidu. Praha 1892), и M. Wosinski. L'attitude replié des morts aux temps préhistoriques. (Paris 1891, по нѣмецки въ Ungar. Revue 1892). Авторы объясняютъ это положеніе подражаніемъ утробному положенію младенца. Мнѣніе это было принято и многими другими.

¹⁵⁶⁾ L. Lindenschmidt. Das Grabfeld am Hinkelstein bei Monsheim (Archiv für Anthropologie, III, стр. 101).

¹⁵⁷⁾ Dr. A. Götzke. Die Gefüßformen und Ornamente der neolithischen schnurverzierten Keramik im Flussgebiete des Saale. (Jena, 1891).

¹⁵⁸⁾ L. Siret. La fin de l'époque néolithique en Espagne (L'Anthropologie III. 385).

¹⁵⁹) R. Zampa. Gli scheletri di Remedello e di Fontanella di Casaromano nelle provincie di Brescia e Mantova (Firenze 1891).

¹⁶⁰) Я объяснилъ это въ своей брошюрѣ вышедшей въ Прагѣ въ 1894 г. подъ загл. «Přispěvky k antropologii zemi českých II. O mladší době kamenné v Čechách».

¹⁶¹) Кроме упомянутого въ введеніи соч. Lissauer'a, см. также O. Tischler. Beiträge zur Kenntnis der Steinzeit in Ostpreussen und den angrenzenden Gebieten. (Königsberg 1883), а также новый докладъ проф. A. von Bezzenberger'a въ протоколахъ IX русск. археол. съезда въ Вильнѣ 1893 г.

¹⁶²) Графъ А. Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Сидлы 2 т. (Спб. 1887—1894) Ср. тоже G. Ossowski. Materialy do paleoetnologii kurganow ukraińskich. (Kraków 1888) I и II.

¹⁶³) А. С. Уваровъ. Археологія Россіи I. стр. 295, 342, 387, 395. А. А. Иностранцевъ. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. (Спб. 1882). P. Bogdanov. Étude sur les crânes et ossements de l'homme de l'âge de la pierre du lac de Ladoga (St.-Pétersbourg 1882). О неолитѣ сѣв.-западныхъ русскихъ провинцій см. C. Grewingk'a, Steinalter in Liv- Est- und Kurland (Dorpat 1865); Его же «Die neolithischen Bewohner von Kunda in Estland (Dorpat 1885) и «Über Stein- und Knochengeräthe der ältesten Heidenzeit Liv-, Est- und Kurlands (Dorpat 1885). Обзоръвнѣ неолитической эпохи балтійскихъ провинцій сдѣлано также Н. Харузинимъ въ его книгѣ: Обзоръ доисторич. археологіи въ балтійскихъ губерніяхъ. Ревель. 1894.

¹⁶⁴) J. Grimm. Über das Verbrennen der Leichen. Abhandlungen d. k. Akademie d. Wiss. Berlin 1840. A. Rauber полагаетъ, что этотъ обычай развился изъ сожиганія жертвъ на могилахъ умершихъ.

¹⁶⁵) Olshausen. Leichenverbrennung. (Verhandlung. d. Berl. anthr. Ges. 1892 стр. 129).

¹⁶⁶) Ср. сообщеніе Cartailhac'a на съездѣ Association française pour l'avancement des Sciences въ Нанси: «Les sépultures à deux degrés et les rites funéraires de l'âge de la pierre», и соч. P. du Châtellier: Les époques préhistoriques dans le Finistère (Paris 1889). Онъ нашелъ между 92 неолитическими гробницами 61 съ остатками трупосожженія.

¹⁶⁷) Объ этомъ гл. обр. капитальное соч. G. de Mortillet: Sur l'origine de la chasse, de la pêche, et de l'agriculture (Paris 1890). О рыболовствѣ см. C. Raun. Prehistoric Fishing in Europe and North-America (Washington 1884). Ph. Salmon. L'ichthyophagie et la pêche préhistorique (Paris 1887).

¹⁶⁸) Неолитическую фауну и одомашненіе животныхъ наиболѣе изучали L. Rüttimeyer (Die Fauna der Pfahlbauten, Zürich 1862). V. Hehn (Culturpflanzen und Hausthiere in ihrem Übergang aus Asien... in Europa. (Berlin 1870. Послед. изд. 1883), A. Otto. Zur Geschichte der ältesten Hausthiere (Breslau 1890), J. Steenstrup, G. de Mortillet, E. Dupont, A. Sanson, R. Hartmann, A. Nehring, Dr. L. H. Jeitteles, Bourguin, E. Toussaint, у славянъ prof. J. Woldřich, Д. Н. Анучинъ: Къ древн. исторіи дом. животныхъ въ Россіи, въ «Трудахъ VI археолог. съезда въ Одессѣ» т. I, и др.

¹⁶⁹) Флорой наиболѣе занимался Oswald Heer (Die Pflanzen der Pfahlbauten, Zürich 1865 (6-е изд. 1895 въ Берлинѣ). Ср. также A. de Candolle. Der Ursprung der Kulturpflanzen (пер. съ франц.) и работы Buschan'a [См. G. Buschan, Vorgeschichtliche Botanik der Cultur- und Nutzpflanzen etc. Br. 1895].

¹⁷⁰⁾ Theodor Ortway. Vergleichende Untersuchungen über den Ursprung der ungar. und nordeurop. praehistorischen Steinwerkzeuge (Wien 1887) и его сообще- ние на съездъ въ Вѣнѣ въ 1889 г.: «Durchbohrung der Steinwerkzeuge». Объ этомъ писали также: B. Stedding, P. Schumacher, O. Tischler. Ср. также Ch. Rau. Drilling in stone without the use of metals. (Washington 1869).

¹⁷¹⁾ L'épic. De l'emmanchement des haches préhistoriques (Bulletins de la soc. d'Anthr. de Paris II sér. V, p. 145). Les armes et les outils préhistoriques re-constitués. Folio (Paris 1872).

¹⁷²⁾ См. главн. обр. соч. W. Osborn'a «Das Beil und seine typischen Formen in vorhistorischer Zeit. (Dresden 1887) Подобную же работу приготовить и A. de Mortillet. Здѣсь же упомянемъ и о сочиненіяхъ о происхожденіи и развитіи орудій вообще: G. Klemm. Der Werkzeuge und Waffen, ihre Entstehung und Ausbildung (Leipz. 1854). L. Noiré. Das Werkzeug (1880). Förtsch O. Die Entstehung der ältesten Werkzeuge und Geräthe (Halle 1892). Mason Otis. The origin of invention London 1895. Fr. Kick. Die Entwicklung der Werkzeuge. Prag. (Sammlung gemein. Vorträge N. 33). Чешскую работу объ этомъ издалъ Kl. Čermák. Vývoj nejobyčejnějších nástrojů (Čáslav 1891).

¹⁷³⁾ d'Acy. Marteaux, casse-têtes et gaires de haches néolithiques en bois de cerf (Paris 1893), Extrait de «L'Anthropologie». Ср. также Revue mensuelle de l'École d'Anthropologie III, p. 194

¹⁷⁴⁾ H. Fischer. Nefrit und Jadeit nach ihren mineral. Eigenschaften so wie nach ihrer urgesch. und ethnogr. Bedeutung (Stuttgart 1875). A. B. Meyer. Die Jadeit- und Nefritobjecte aus Asien, Oceanien und Afrika (Dresden 1883), Neue Beiträge zur Kenntniss des Nefrit und Jadeit (Dresden 1890—91). Карту распространения въ Европѣ нефритовыхъ и ядеитовыхъ топоровъ издалъ E. von Tröltsch (Stuttgart 1885). Дополненія къ ней были сдѣланы Р. Вирховымъ; противъ азиатскаго происхожденія ихъ высказался также и Chr. Bahnscholtz въ статьѣ «По вопросу о ядеитѣ и нефритѣ въ Европѣ». (Aarbörger, 1889, вып. 2).

¹⁷⁵⁾ См. главн. обр. соч. A. Kopffleisch. Über die neolithische Keramik in Deutschland (докладъ на съездъ въ Дрезденѣ). Braunschw. 1875. Dr. A. Götz. Gefässformen und Ornamente der neolithischen schnurverzierten Keramik im Flussgebiete der Saale, Jena 1891 (оба главн. обр. о тюрингенской керамикѣ). О керамикѣ въ Россіи писалъ П. А. Путятинъ. О гончарномъ искусствѣ въ каменномъ вѣкѣ. (Спб. 1881). Его-же. Орнаментака древняго гончарства. (Одесса 1886).

¹⁷⁶⁾ Въ последнее время изслѣдованіемъ этого предмета занимался G. Висшан. См. его главн. работу: «Über praehistorische Gewebe und Gespinste». Archiv für Anthropologie XVIII. стр. 235. Кроме того Holmes. Hasselmann и др.

¹⁷⁷⁾ Ср. статью Dr. J. Matiegka въ журн. Český Lid. IV, str. 178.

¹⁷⁸⁾ Lombard-Dumas et Roussel. Sépulture mégalithique de Collorgues. Gard, Nîmes, 1887, 8°. Ср. L'Anthropologie 1894, p. 147, 203, et Revue mensuelle III, p. 381, а также сообщеніе бар. де Бая на международномъ археол. съездѣ въ Москвѣ (Compte rendus T. II, p. 263), наконецъ интересную статью A. de Mortillet въ Revue mensuelle de l'École d'Anthrop. V, p. 273.—Кроме того R. Forrer. Über primitive menschliche Statuetten (Antiqua 1888, № 1). O. Tischler. Die neuesten Entdeckungen aus der Steinzeit im ostbaltischen Gebiet und Anfänge plastischer Kunst in Nord-Ost-Europa (Königsb. 1883).

¹⁷⁹⁾ Prof. I. Kopernicki «O trepanovanych lebkách předhistorických nalezených v Čechách». (Památky archaeologické XII, str. 217).

¹⁸⁰⁾ Dr. P. Broca. Sur la trépanation du crâne et les amulettes crâniennes à l'époque néolithique (Paris 1877). Кроме того: J. de Baye. La trépanation préhistorique (Paris 1876); G. de Mortillet. Races humaines préhistoriques et chirurgie religieuse de l'époque des dolmens (Paris 1877); marq. de Nadaillac. Mémoire sur les trépanations préhistoriques (Paris 1866). Horsley V. Trephining in the Neolithic Period (Journal of the anthr. Inst. XVII, p. 100); Rob. Munro. The Trepanning of the Human Skull in Prehistoric Times (Edinburgh 1891). Д. Н. Анучинъ. Амулетъ изъ кости человеческого черепа и трепанация череповъ въ древнія времена въ Россіи. Москва 1895. (Труды IX арх. съезда въ Вильнѣ). Еще объ этомъ писали: Sören Hansen (о датскихъ черепахахъ), H. Tillmanns, R. Andree, M. Bartels, F. v. Luschan и др.

¹⁸¹⁾ Dr. O. Schrader. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Waarenkunde (Jena 1886), Über den Gedanken einer Kulturgeschichte der Indogermanen auf sprachwissenschaftlichen Grundlage (Jena 1887). Главнымъ же образомъ: Sprachvergleichung und Urgeschichte (Jena I изд., 1883 II, 1890).

¹⁸²⁾ См. главн. образ. A. de Quatrefages а Е. Наму. Crania ethnica (Paris 1873—1882). Меньше крупныя работы: Ph. Salmon Les races humaines préhistoriques (Paris 1888). R. Virchow. Die Urbevölkerung Europas (Berlin 1874); его-же рефератъ на съездъ въ Висбаденъ въ 1873 г. «Über die ursprüngliche Bevölkerung Deutschlands und Europas». О прочихъ соч. по антропологии европейскіихъ странъ мы упомянемъ далѣе.

¹⁸³⁾ Е. d'Acy. Les crânes de Cannstadt, de Néanderthal et de l'Olmo (Paris 1889) и Correspondenzblatt d. deutsch. anthr. Ges. 1892, стр. 88 и слѣд. Кроме того объ отдѣльныхъ черепахъ см. слѣд. сочиненія: Fraas O. «Über die Cannstadttrasse» (Рефератъ на съездъ въ Нюрнбергъ въ 1887). W. Spengel. Die Schädel vom Neanderthaltypus (Braunsch. 1875). Fuhlrott C. Der fossile Mensch aus der Neanderthal (Duisburg 1865). W. King. The reputed Fossil Man of the Neanderthal. 1864. Fraipont J. et Lohest M. La race humaine de Néanderthal ou de Cannstadt en Belgique (Gand 1887). H. Schaaffhausen. Der Neanderthaler Fund (Bonn 1888). Ср. Его-же. Über die Urform des menschl. Schädels (Bonn 1868). Davis J. B. The neanderthal skull. (London 1864).

¹⁸⁴⁾ B. Baume. Die Kieferfragmente von La Naulette und der Schipka-Höhle (Leipz. 1883). P. Topinard. Caractères simiens de la machoire de la Naulette (Paris 1886).

¹⁸⁵⁾ L. Manouvrier. Mémoire sur la platycnémie (Paris 1888). J. Fraipont. Le tibia dans la race de Néanderthal. Paris 1888.

¹⁸⁶⁾ L. Manouvrier. La détermination de la taille d'après les grands os des membres (Paris 1892. Mémoires de la Soc. d'Anthropologie II. Sér. IV). J. Rahon. Recherches sur les ossements humains préhistoriques. (Revue mensuelle II, стр. 234). Больше обширная его статья объ этомъ въ Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris II, série IV, 4, стр. 403.

¹⁸⁷⁾ J. Kollmann. Das Schweizerbild bei Schaaffhausen und Pygmäen in Europa. (Zeitschrift für Ethnologie 1894, p. 189).

¹⁸⁸⁾ J. Thurnam. On the two principal forms of ancient british and gaulish skulls (London 1865).

¹⁸⁹⁾ См. R. Verneau. «La race de Cro-Magnon, ses migrations, ses descen-

dents». (Revue d'anthropologie 1886, стр. 10). Paula e Oliveira. Raças dos Kjoekkenmoeddings de Mugem (Lissabon 1881). V. Jacques. L'éthnologie pré-historique dans le sud de l'Espagne (Bulletin de la Soc. d'anthropologie de Bruxelles 1888). Fr. M. Tubino. Los aborígenos Ibericos e los Berberes en la Peninsula (Madrid 1876).

¹⁹⁰⁾ Raf. Zampa. Crania italica vetera. Antichi resti umani in Italia (Roma 1891).

¹⁹¹⁾ Ср. пренія на съездъ въ Дрезденъ въ 1874 г. и гл. обр. реф. R. Virchow'a «Über die Verbreitung brachycephaler Schädel in vorgeschichtlicher und geschichtlicher Zeit in Deutschland».

¹⁹²⁾ См. статьи Georges Hervé въ Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthrop. II, p. 80, IV, p. 393, V, p. 18, 187 и статистику неолитическихъ череповъ Галлиа Ph. Salmon'a въ томъ же изданіи (V, p. 155).

¹⁹³⁾ R. Virchow. Pfahlbauschädel des Museums in Bern (Zeitschrift für Ethnologie 1885, стр. 283; ср. также стр. 548). Studer, Th. und E. Bannwarth. Crania helvetica antiqua. Leipzig 1894. G. Hervé. Les populations lacustres. (Revue mensuelle V, p. 137).

¹⁹⁴⁾ P. Nada. Les Chamites en Europe. Essai sur l'origine des Ibères, des Ligures, des Sicanes etc. (Louvain 1885). d'Arbois de Jubainville. Les premiers habitants de l'Europe (II изд., Paris 1889). Dr. John Beddoe. The anthropological History of Europe. (London 1893).

¹⁹⁵⁾ G. Sergi. Degli abitanti primitivi del Mediterraneo (Questionario del I. congresso geogr. ital.). См. также его статью Liguri e Celti nella Valle del Po (Archivio per l'antropologia 1883, стр. 18).

¹⁹⁶⁾ Изъ богатой литературы этого вопроса отмѣтимъ новѣйшее антропологическое соч. Telesphora de Aranzadi y Unamuno. El pueblo euskalduna (San Sebastian 1889).

¹⁹⁷⁾ О металлахъ въ доисторическія времена см. соч. C. Ch. Göbel. Über den Einfluss der Chemie auf die Völker der Vorzeit (Stuttgart 1842). Dr. Zippel. Geschichte der Metalle (Wien 1857). J. P. Rossignol. Les métaux dans l'antiquité (Paris 1863). А. А. Котляревскій. Металлы и ихъ обработка у племенъ индоевропейскихъ. (Москва 1865). Peigné-Delacourt. Technologie archéologique (Paris 1873). Chap. IV. R. Andree. Die Metalle bei den Naturvölkern mit Berücksichtigung praeh. Verhältnisse (Leipz. 1884), и прекрасная статья проф. В. Erben'a. Kovy pravěku. Mosaika z dějin kovů, Отд. оттискъ изъ I-го года изд. «Časopis pro průmysl chemický» (Praha 1891). Литература металловъ и металлургіи вообще очень обширна.

¹⁹⁸⁾ J. et L. Sabatier. Production de l'or, de l'argent, et du cuivre chez les anciens (S.-Petersbourg 1850). A. Frantz. Das Gold und Silber im Alterthum (Berg- und Hüttemännische Zeitung XXXIX. № 4, 21). A. Del Mar. A history of the precious Metals (London 1880).

¹⁹⁹⁾ Hoffmann K. B. Das Blei bei den Völkern des Alterthums (Berlin 1885).

²⁰⁰⁾ Bapst G. Sur la provenance de l'étain dans le monde ancien (Paris 1866). Его же. Les métaux dans l'antiquité et moyen âge. L'étain (Paris 1884). Dr. E. Reyer. Allgemeine Geschichte des Zinnes. (Österr. Zeitschrift für Berg- und Hüttenwesen 1880). Его же. Zinn (Berlin 1881).

²⁰¹⁾ См. L'Anthropologie. III, p. 275. IV, p. 563.

²⁰²⁾ Изъ очень большой, но главнымъ образомъ журнальной литературы о системѣ трехъ периодовъ отмѣтимъ по крайней мѣрѣ слѣдующія болѣе важныя работы: H. Hildebrand. Zur Geschichte des Dreiperiodensystems (Verhandlungen der berl. anthrop. Ges. 1836, стр. 357); O. Montelius. Über die Geschichte des Dreiperiodensystems (ibid. 1887, стр. 613); Ing. Undset (ibid. 1886, стр. 18), Lisch (ibid. 1885, стр. 551), R. Virchow (ibid. 1876, стр. 40; 1885, стр. 263, 545, 552; 1887, стр. 614); S. Müller. Dr. Hostmann und der nord. Bronzealter (Archiv für Anthropologie IX, стр. 127); см. также и посвященную этому вопросу главу въ соч. Chr. Hostmann'a. Studien zur vorgeschichtlichen Archaeologie (Braunschweig 1890). Ср. также и Alex. Bertrand. Les âges de la pierre, du bronze et du fer (Académie des Inscriptions. Bulletins 1885. Octobre; L'Anthropologie IV, 476). Halma du Fretay. L'histoire préhistorique d'après les faits. (Quimper 1894).

²⁰³⁾ См. главн. обр. соч. Hostmann'a. Studien zur vorgesch. Archaeologie (Braunschweig 1890); предисловіе къ нему написано L. Lindenschmit'омъ.

²⁰⁴⁾ Dr. M. Hoernes. Geschichte und Kritik des Systems der drei praehistorischen Culturperioden. (Sitzungsberichte der anthr. Ges. in Wien. XXIII, p. 71).

²⁰⁵⁾ M. Much. Das vorgeschichtliche Kupferbergwerk auf dem Mitterberge (Mittheilungen der k. k. Centralcommissiion. Wien 1878, IV Bd.).

²⁰⁶⁾ Pulszky F. A rézkor Magyarországbán (Budapest 1883), полный нѣмецкій переводъ «Die Kupferzeit in Ungarn» (Budapest 1884). M. Much. Kupferzeit in Europa und ihr Verhältniss zur Kultur der Indogermanen (Wien 1886). Сначала выходило въ изданіи Centralcommissiion въ 1885 и 1886 г.г. Новое изд. въ 1893 г. въ Іенѣ. Кромѣ Mucha статистикой находокъ мѣдныхъ вещей занимались еще V. Gross, R. Forrer, I. Spöttl и др. Ср. также O. Tischler (Über die Kupferzeit in Europa. (Schriften der phys. ökon. Ges. in Königsberg. 1887). C. Delon. Le cuivre et le bronze (Paris 1877).

²⁰⁷⁾ Ad. Jeanjean. L'âge du cuivre dans les Cévennes (Nîmes 1885).

²⁰⁸⁾ Статьи Воцеля помѣщались въ нѣмец. запискахъ Чешск. королев. ученаго общ. (V ч., 9 ч. 1854, 1855; 10 ч. 1857, и въ II ч. его «Archaeologische Parallelen» (Wien 1855). Упомянутыя работы его на русск. яз. были помѣщены въ изд. «Антропологическая выставка» I, стр. 104, 311, 387, II. стр. 814, III. 1. стр. 197. Кромѣ того важны также работы Helm'a, Wibel'я, Olshausen'a, Schröter'a, Virchow'a («Bronzeanalysen» въ Verhandl. der berl. anthrop. Ges. 1875 стр. 197, 247) и др. Въ Чехіи проф. Fr. Štolba, а до него Quadrat и Reuss помѣщали статьи въ зап. Чеш. кор. уч. общ. (1847 стр. 23, 1860 I. стр. 38, 1866 II., 9, 16) и въ Památkách archaeologických (VII, стр. 206).

²⁰⁹⁾ C. Künzel. Die Bronzelegirungen. (Dresden 1875). C. Delon. Le cuivre et le bronze. (Paris 1887). Dr. E. Bibra. Die Bronzen der alten und ältesten Völker. (Erlangen 1869). Ch. Hostmann. Zur Technik der ant. Bronzeindustrie. (Archiv für Anthropologie X, стр. 41). Dr. E. Reyer. Die Kupferlegirungen, ihre Darstellung und Verwendung bei den Völkern des Alterthums. (Archiv für Anthropologie XIV, стр. 357 и слѣд.). Morlot. Sur le passage de l'âge de la pierre à l'âge du bronze, et sur les métaux employés dans l'âge du bronze. (Kopenhagen 1866). Chr. Petersen. Über das Verhältniss des Bronzealters zur historischen Zeit. (Hamburg 1868). F. Pérot. Archéologie préhistorique. L'âge du bronze. (Moulins 1887). Кромѣ того см. рядъ сочин. указанныхъ въ слѣд. примѣчаніяхъ.

²¹⁰⁾ Dr. F. Wibel. Culturf. des Bronzezeit Nord- und Mittel-Europas. (Kiel 1865).

²¹¹⁾ Revue archéologique, 1892, p. 275, L'Anthropologie III, p. 275.

²¹²⁾ S. Nilsson. Sur l'origine du bronze en Scandinavie. (Comptes rendus du congrès international à Paris 1867). Skandinaviska Nordens Ur-inavare. (Stockholm 1862). Bronsaldern. (Stockholm), нѣм. пер. въ Гамбургѣ въ 1863, III. изд. 1872. Fr. de Rougemont. L'âge du bronze ou les Sémites en Occident. (Paris 1866), нѣм. пер. K. Keer'a (Die Bronzezeit) 1869 г.

²¹³⁾ Dr. M. Hoernes. Urgeschichte des Menschen, стр. 356. Его же. Genesis der europ. Bronzezeit. (Globus, т. XLIX, 1891, стр. 321).

²¹⁴⁾ R. Virchow. Über die Bronzezeit. (Verhandl. der berl. anthropol. Ges. 1876, стр. 175). Das Grabfeld von Koban im Lande der Osseten. (Berlin 1883).

²¹⁵⁾ W. Tomaschek. Die Zinnengewinnung und Bronzebereitung in Asien. (Mittheilungen der Wiener anth. Ges. XVIII. стр. 8).

²¹⁶⁾ Müller Sophus. Zur Bronzealterfrage. (Archiv für Anthropologie IX, стр. 141, X, стр. 27, 63). Ursprung und erste Entwicklung der europäischen Bronzezeit (ibid. XV, стр. 323). Та же статья по французски въ Matériaux pour l'histoire primitive et nat. de l'homme. 1886, стр. 1, 88 и 143).

²¹⁷⁾ G. de Mortillet. Origine du bronze. (Paris 1876). Ср. также рецензію въ Revue d'anthropologie, 1875, стр. 650.

и. обр. Paul Bataillard. De l'apparition des Bohémiens (Paris 1876). Origine des Bohémiens. Les Tsiganes de l'âge du bronze. (Paris 1876). Et de la question de l'ancienneté des Tsiganes en Europe. (Paris 1876). Les Zlotars, dits aussi Dzvonkars. Tsiganes fondeurs en bronze dans la Galicie orientale et Bukovine. (Mémoires de la soc. d'anthropologie 1878). P. Bataillard. Historique et préliminaires de la question du bronze par les Tsiganes. (Paris 1880). Общие результаты работы въ статьѣ «Les débuts de l'immigration des Tsiganes dans l'Europe» Bulletin de la Soc. d'anthropologie de Paris 1889. стр. 255, 1890 также A. F. Pott. Zigeuner in Europa und Asien. (Halle 1844—65). History of the Gipsies. (London 1865). Hopf. Die Einwanderung der Zigeuner in Europa, (Gotha 1870). Fr. Miklosich. Über die Mundarten und die Zigeuner Europas. (Wien 1872—80). Adr. Colocci. Gli Zingari, un popolo errante. (Turin 1889). H. v. Wlislöck. Vom wandernden Zigeuner. (Hamburg 1891) и рядъ другихъ работъ.

и Mortillet. Le signe de la croix avant le christianisme. (Paris 1876). Mourant Brock. La croix païenne et chrétienne. (Paris 1876). Bructon. Le takti, le svastika et la croix en Amérique. (Philadelphie 1876).

и Zmigrodzki. Zur Geschichte der Suastika. (Archiv für Anthropologie 1873). См. также Hein R. A. Macander, Kreuze, Hackenkreuze und Wirbelornamente in America. (Wien 1891). Thom. Wilson (Rep. of the U. S. Nat. Mus. for 1894). Washington 1896.

и Mortillet. Les premières civilisations, Paris 1874), нѣм. пер. польд. der Cultur. (Jena 1875).

и Zmigrodzki. (XIII. str. 193, 331), нѣкоторыя потомъ найденныя формочки упомянуты въ статьѣ Br. Jelinka (Mitth. d. Wiener anthropol. Ges. 1873), и у Šnajdrá «Počátky predhist. mistopisu» стр. 9, 12. 50. 56.

²²³⁾ G. de Mortillet. Classification et chronologie des haches en bronze. (Оттискъ изъ *Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme*. Paris 1880). Кроме того см. Osborn'a и друг. соч. привед. въ прим. 172. Находясь топоры въ Чехии перечислены у J. Smolik'a въ *Archaeol. Památkách* XI, стр. 495. Ср. также прим. Dr. J. Woldřich'a въ *Mittheil. der wiener anthr. Ges.* XVI, стр. 81 и статью Adr. de Mortillet dans la *Revue mensuelle* II, 313.

²²⁴⁾ Dr. M. Much. «Kelt oder Celt oder keines von beiden?» (*Mitth. der anthr. Ges.* in Wien. 1894, p. 84) и R. Virchow. Kelt oder Celt oder keines von beiden. (*Verhandl. des berl. anthr. Ges.* 1894, 351).

²²⁵⁾ Объ этомъ вопросѣ см. нашу полемику съ г. Шнейдромъ въ журн. *Česky Lid*, I, стр. 87 и 417. Тамъ же и болѣе подробное перечисленіе чешскихъ и др. находокъ. Ср. также J. de Baye. *Les instruments en pierre à l'époque des métaux*. (Paris 1881).

²²⁶⁾ См. G. de Mortillet. *Empoisonnement des armes*. (*Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie* 1891, p. 97). См. также статью д-ра J. Matiegky въ *Českém Lidu* II, стр. 333.

²²⁷⁾ См. напр. A. Bastian и A. Voss. *Die Bronzeschwerter im Museum zu Berlin*. (Berlin 1878), J. Naue. *Die praehistorischen Schwerter*. (Мюнхенъ 1885). О мечахъ и кинжалахъ, найденныхъ въ Чехии, см. статью J. Smolik'a въ *Památky archaeol.* XI, стр. 145, напис. еще въ 1879 г. Поздѣйшія находки еще не изучены.

²²⁸⁾ F. de Villenoisy. *Du mode d'emploi des épées antiques*. *Revue archéol.* 1894, 230).

²²⁹⁾ Zschille R. und Forrer R. *Die Pferdetränse in ihrer Formenentwicklung*. Berlin. 1893. Folio.

²³⁰⁾ См. гл. обр. замѣчательную статью O. Montelius'a: *Die Bronzezeit im Orient und im Griechenland*. (*Archiv für Anthropologie* XXI, стр. 1 и слѣд.).

²³¹⁾ O. Montelius. *Bronsaltern i Egypten*. (Ymer 1888, стр. 3) и на франц. языкѣ: *L'âge du bronze en Egypte*. (*L'Anthropologie* 1889 стр. 27). R. Lepsius. *Les métaux dans les inscriptions égyptiennes*. Trad. W.-Berend. Paris 1877.

²³²⁾ Flinders Petrie. *Naukratis*. Part 1, 1884—1885. (London 1886). *Kahun, Gurob and Hawara*. (London 1890). *Illahun, Kahun and Gurob*. (London 1891). Ср. также извлеч. Dr. J. Hoopse. *Die Ergebnisse von Flinders Petrie zehnjährigen Ausgrabungen in Aegypten*. (*Globus* LXII. 1892, № 19, 20).

²³³⁾ О древнеегипетской культурѣ вообще см. напр. Wilkinson J. G. *The Manners and Customs of the ancient Egyptians* (London 1837, II, изд. 1878). Lauth F. J. *Aus Aegyptens Vorzeit*. (Berlin 1879). Mook F. *Aegyptens vor-metallische Zeit* (Würzburg 1880). Maspero G. *L'archéologie égyptienne* (Paris 1887). Virchow R. *Über die vorhistorische Zeit Aegyptens*. (*Verh. d. berl. anthr. Ges.* 1838, стр. 344). Maspero G. *L'Egypte et l'Assyrie* (Paris 1887). По нѣмц. въ пер. Birnbaum'a. Лейпц. 1891).—A. Erman. *Aegypten und aegyptisches Leben in Alterthum* (Tübingen 1887). Ср.: Perrot et Chipiez. *Histoire de l'art dans l'antiquité*. T. I. *L'Egypte* (Paris 1882), H. Brugsch'a *Aegyptologie*. (Leipzig 1890) и Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*. 1896—97.

²³⁴⁾ L. Palma di Cesnola. *Cyprus, its ancient Cities, Tombs and Temples*. (Lond. 1877). L. P. di Cesnola. *A descriptive atlas of the Cesnola Collection...*

in the Metropolitan Museum of Art, New-York. Vol I. Boston 1855. Cesnola Lawrence-Cesnola Collection. London 1881. Alex. Palma di Cesnola. Salamina (Lond. 1884). M. Ohnefalsch-Richter написал много статей и между проч.: *Cyprens Cultur im Alterthum*. (Mitth. d. wiener anthr. Ges. r. 1890. Sitzungsber. стр. 90). Обобщение его исследований см. в соч.: *Die antiken Culturstätten auf Cypros* (Berlin 1891), а в последнее время в большом издании: *Cypros, die Bibel und Homer* (Berlin 1893). См. также J. Naue. *Die Bronzezeit in Cypern* (Correspondenzblatt d. deut. anthr. Ges. 1888, стр. 118, 123). Holwerd. *Die alten Cyprier in Kunst und Kultur* (Leiden 1885). J. Dümmler. *Aelteste Nekropole auf Cypern*. (Mitth. d. kais. deut. arch. Inst. Athenes XI. стр. 209).

²³⁵⁾ Campbell J. *The Hittites: their inscriptions and their history* (London 1891). Sayce A. H. *The Races of the Old Testament*. (London 1891). Conder C. R. *Hittite Ethnology*. 1888. *The Hittites* (London 1888). L. de Lantsheere. *De la race et de la langue des Hittites*. (Bruxelles 1892). F. E. Peiser. *Die hettischen Inschriften. Ein Versuch ihrer Entzifferung* (Berlin 1892).

²³⁶⁾ Для справок о финикийской культуре, а также халдейско-ассирийской и персидской, лучше всего пользоваться кроме археологических монографий и исторических исследований Mowers, Pietschmann, Rawlinson, Texier, Layard, Loftus, Place, Botta, Dieulafoye, Oppert, Sarzec, Heuzey, Babelon и др. и разных сочин. по истории искусств (здесь опять на первом плане надо поставить соч. Perrot et Chipiez. *Histoire de l'art dans l'antiquité*. Tome II. *Chaldée et Assyrie*. 1884. III. *Phénicie-Cypre* 1885. IV. *Judée*. 1888. V. *Perse. Phrygie. Lydie et Carie. Lycie*. 1890. Paris), еще и следующими новейшими соч.: Halévy. *Recherches crit. sur l'origine de la civilisation babylonienne*. (Paris 1876). Hommel F. *Die vorsemit. Kulturen in Aegypten und Babylonien*. Leipzig 1882. Bescarven W. *Prehistoric Civilisation of Babylonia*. 1878. Geiger W. *Ostranische Cultur im Alterthum*. Erlangen. 1882. A. Sayce. *Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen*. (Leipz. 1887, перев. с англ.). Kaulen. *Assyrien und Babylonien* (III изд. Freiburg 1887). J. Menant. *Ninive et Babylone*. (Paris 1888). G. Cougny. *L'art antique. Égypte, Chaldée, Assyrie, Perse, Asie, Mineure, Phénicie* (Paris 1892). Léon Heuzey. *Les origines orientales de l'art I. Antiquités chaldéo-assyriennes* (Paris 1893).

²³⁷⁾ См. литературу в пр. 130.

²³⁸⁾ Главные статьи Bötticher'a были помещены в газету «Ausland» (1883 а 1886), в «Kölnische Zeitung» (1884), в «Zeitschrift für Museologie und Antiquitätenkunde» (1884, 1885, 1886), в «Correspondenzblatt d. deutsch. anthr. Ges. (1889), в бельгийском журнале «Le Muséon» (1888). Полный список их см. в «Le Muséon» (1888, стр. 344). См. еще его соч. «La Troie de Schliemann, une nécropole à incinération à la manière assyro-babylonienne» (Louvain. 1889). Отчет комиссии издан был в 1889 г. в Лейпциге под загл.: «Protokoll der Verhandlungen zwischen Dr. Schliemann und Hauptmann Boettlicher. См. также: Boettlicher. *Hissarlik wie es ist* (Leipz. 1890) и Boettlicher. *Troja im Jahre 1894* и мою статью в «Listech filologických» 1890, стр. 109.

²³⁹⁾ Cf. Dr. W. Dörpfeld. *Troja 1893. Bericht über die im Jahre 1893 im Troja veranstalteten Ausgrabungen*. Leipzig 1894.

²⁴⁰⁾ R. Virchow. *Beiträge zur Landeskunde Troas* (Akademie, Berlin 1879). Его же. *Altrojanische Gräber und Schädel* (Akademie, Berlin, 1882). K. Blind. *The Teutonic Kinship of Thracians and Trojans* (Academy 1884, 25, 35, 85, 121).

²⁴¹⁾ О бронзовомъ вѣкѣ въ Греціи см. еще E. Chantre, *L'âge de la pierre et du bronze en Troade et en Grèce* (Lyon 1875). Многое также въ сборникъ извѣстій о новыхъ находкахъ (1883—1890), издававшемся S. Reinach'омъ: *Chroniques de l'Orient* (Paris 1891).

²⁴²⁾ H. Schliemann. *Tyrins. Der praehist. Palast der Könige von Tyrins. Mit Vorrede von Prof. F. Adler und Beiträgen von Dr. W. Dörpfeld.* (Leipzig 1886). Ср. также примѣч. 243.

²⁴³⁾ H. Schliemann. *Mykenae. Mit einer Vorrede von W. E. Gladstone* (Leipzig 1878). Его же. *Catalogue des Trésors de Mycènes au Musée d'Athènes* (Athènes 1882). O. Montelius. *Découverte de M. Schl. a Mycènes* (Stockholm 1878). Von Steffen. *Karten von Mykenai.* (Berlin 1884). Forchhammer. *Mykenae und der Ursprung mykenischer Funde* (Kiel 1880). A. Furtwaengler und Löschke. *G. Mykenische Vasen.* (Berlin 1886).—Рядъ замѣч. работъ Тсуни-таса былъ помѣщенъ только въ греческихъ археол. наданіяхъ, главн. обр. въ *ἐφημερίς ἀρχαιολογική* 1888, 189. Cf. X. Τσοῦντας. *Μυκῆναι καὶ Μυκηναῖος πολιτισμός.* (Athenae 1898). Кромѣ того о миценскихъ находкахъ см. еще важныя работы Milchhöffer'a, Ch. Hostmann'a, Hirschfeld'a, H. Hildebrand'a, Schulze E., O. Montelius'a, Stefani. Кромѣ упомянутой уже раб. Schuchard'a хорошій обзоръ этихъ находокъ сдѣланъ въ статьѣ G. Perrot (*Journal des Savants* 1892 Juin-Octobre). Этому же будетъ посвященъ и VI т. *Исторіи древняго искусства* G. Perrot et Ch. Chipiez, начавшій уже выходить подъ загл.: «La Grèce primitive. L'art mycénien». Ср. еще Percy Gardner. *New Chapters in Greek History. Historical results of recent excavations.* (London 1892). J. Král. *Schliemannovy nálezy v Tyrinthé a Mykenách* (Praha 1887) и статью L. Niederle въ *Listech filologických* 1871 str. 246.

²⁴⁴⁾ Chr. Belger. *Beiträge zur Kenntniss der griech. Kuppelgräber.* (Berlin 1877).

²⁴⁵⁾ H. Schliemann. *Orchomenos.* (Leipzig 1881).

²⁴⁶⁾ W. Helbig. *Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert.* 2 изд. (Leipzig 1887).

²⁴⁷⁾ Dümmler. *Reste vorgriech. Bevölkerung auf den Cycladen* (Mitth. der kais. arch. Inst. Athen. Abth. XI. (1886), стр. 15.—Dümmler und Studniczka. *Zur Herkunft der mykenischen Cultur* (ibid. XII (1887), стр. 1 и слѣд.—W. Helbig. *Das Homerische Epos.* (Leipzig 1887).

²⁴⁸⁾ H. D. Müller. *Historisch-mythol. Untersuchungen. I. Pelasger und Hellenen.* (Göttingen 1892). L. Benlœw. *La Grèce avant les Grecs.* (Paris 1877). См. также Dr. Fligier. *Die Urzeit von Hellas und Italien.* (Braunschweig 1881). E. Hesselmayr. *Die Pelasgerfrage und ihre Lösbarkeit.* (Tübingen 1890). Fr. Hommel. *Die semitischen Völker und Sprachen. I.* (Leipzig 1884). C. Pauli. *Eine vorgriech. Inschrift auf Lemnos.* (Leipzig 1886).

²⁴⁹⁾ P. Orsi въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Bolletino di paletnologia italiana* 1801, стр. 53, 115; 1892, стр. 1, 67. Fr. Sav. *Cavallarie P. Orsi. Megara Hyblaea. Storia, topografia, necropoli.* (Roma 1892). P. Orsi. *Necropoli sicule presso Siracussa con vasi e bronzi micenei.* Roma 1893. P. Orsi. *Contributi all' archeologia preellenica sicule.* Parma 1894.

²⁵⁰⁾ L. Pigorini. *Le abitazioni lacustri di Peschiera nel lago di Garda.* *Atti delle Reale Accademia dei Lincei.* (Roma 1877). E. Sacken. *Über den Pfahlbau im Gardasee.* (Akademie des Wiss. XLVIII. Wien).

²⁵¹⁾ Наиболее важны работы: Gastaldi B. *Lake Inhabitants and Prehistoric Remains in the Turbaries of Northern and Central Italy* (London 1865). L. Pigorini. *Terramara dell' età del bronzo situata in Castione dei Marchesi*. *Accademia dei Lincei* (Roma 1882—83). L. Pigorini и P. Strobel'я. *Le terramare e le palafitte del Parmigiano*. *Atti della Soc. italiana di sc. nat.* VII. 1864. См. еще P. Strobel e Pellegrino. *Avanzi preromani raccolti nelle terramare e nelle palafitte dell' Emilia*. (Parma 1863). G. Chierici. *Le antichità preromane della di Reggio nell' Emilia*. (Reggio 1871).—C. Bonni. *Sulle terramare Mo-* (Modena 1870). *Le terramare del Montale* (Modena 1884). L. Pigorini per lo studio delle stazioni lacustri e delle terramare italiane. *Acad. dei Roma* 1888). Остальная литература приведена у Castelfranco в *Revue* *pologie* 1889 стр. 438. Cf. также G. de Mortillet. *Habitations de l'âge* *re*. *Terramares*. (*Revue mensuelle de l'École d'anthropologie*. Paris 37).

W. Helbig. *Die Italiker der Poebene*. (Leipzig 1879). Cp. также статью rot. *Les Italotes dans la plaine du Pô* (*Journal des Savants* 1880).

E. Chantre. *L'âge du bronze dans le bassin du Rhône* (Congrès de t. 1876. *Compte Rendu* I. p. 260). Его же. *Études paléothnologiques bassin du Rhône. Age du bronze*. 3 вып. (Lyon 1875—76). *Les palafittes ructions lacustres du lac du Paladru* (II изд. Lyon 1875). Paul de Châ- r. *Les époques préhistoriques dans le Finistère* (Paris 1889). Perrin A. *réhistorique sur la Savoie spéc. à l'époque lacustre*. (Paris 1870). Cp. также essac. *Le bronze dans l'ouest de l'Europe aux temps préhistoriques*. 1873). О бронзовом въѣ въ Бельгю см. сообщение барона du Loë на р. археологич. съѣздъ въ Москвѣ 1892. (*Compte Rendu* II).

Trésors archéologiques de l'Armorique occidentale. (Publié par la Soc. tion des Côtes du Nord). (Rennes 1886).

E. Desor et Favre. *Le bel âge du bronze en Suisse* (Neuchâtel 1874). e E. Desor. *Les palafittes du lac de Neuchâtel* (Paris 1865). Gross V. *tohelvétés ou les premiers colons sur les bords des lacs de Bienne et Neu-* Berlin 1883). G. de Mortillet. *Age du bronze. Tourbières et habitations* (Revue mensuelle de l'École d'anthropologie III, p. 105).

John Evans. *The ancient bronze Implements, Weapons and Ornaments Britain and Ireland* (London I éd. 1872). Его же. *Petit album de l'âge* *re en Grande-Bretagne*. (London 1876).

A. Pitt-Rivers. *Excavations in Cranborne Chase, near Rushmore* (Vol. 80—1888). Privately printed. 1887—88.

Henri et Louis Siret. *Les premiers âges du métal dans le Sud-Est agne*. (Bruxelles 1887).

Undset I. *Etudes sur l'âge du bronze de la Hongrie* (Christiania 1880). ampel. *Trouvailles de l'âge du bronze en Hongrie*. (Budapest 1886). A r emlékei magyarhonban II. Rész a leletek statisztikája (Budapest 1892). mbathy в Sitzungsber. d. wiener anthr. Ges. 1890, стр. 14.

I. Undset. *Die Terramaren in Ungarn*. (Wien 1889).

S. Müller. *Bronzealderens* (Perioder Aarbörger. 1876. Копенгагенъ). нѣм. пер.: *Die nordische Bronzezeit*. Aus dem dänischen von J. Mestorf. 1878). J. G. Madsen. *Antiquités préhistoriques du Dane-* I. *L'âge du bronze*. (Kopenh. et Paris 1873).

²⁶²⁾ Изъ богатой литературы о торговлѣ янтаремъ отмѣтимъ Runge W. Der Bernstein in Ostpreussen. (Berlin 1868); H. Stolpe. Sur l'origine et le commerce de l'ambre jaune dans l'antiquité (Comptes rendus du congrès intern. à Stockholm I, p. 777, съ обширными преніями); Dr. Bujack. Bernsteinland und Bernsteinstrassen (Königsberg 1878); J. Oppert, L'ambre jaune chez les Assyriens (Paris 1880); R. Klebs. Der Bernsteinschmuck des Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Localitäten. (Königsberg 1882); O. Schneider. Zur Bernsteinsfrage, insbesondere über sicillischen Bernstein und das Lynkursion der Alten. (Dresden 1883). F. Waldmann. Der Bernstein im Alterthum. (Fellin 1883); A. Stoppani. L'ambra nella storia e nella geologia con speciale riguardo agli antichi popoli d'Italia nei loro rapporti colle origini e collo svolgimento della civiltà in Europa. (Milano 1886); G. Jacob. Der Bernstein bei den Arabern des Mittelalters. (Berlin 1886); W. Tudorp f. Gewinnung Bernsteins in Ostpreussen. (Jena 1888); Olshausen. Der alte Bernsteinhandel der cimbrischen Halbinsel (Verhandl. der berliner anthr. Ges. 1891).

²⁶³⁾ Helm. Über Bernstein (Schriften d. naturforsch. Ges. in Danzig N. F. V и VI.).

²⁶⁴⁾ J. Undset. Orientalische Einflüsse innerhalb der ältesten europ. Civilisation (Zeitschrift für Ethnologie 1891 s. 237).

²⁶⁵⁾ См. объ этомъ также монографію O. Montelius'a. Om tidsbestämning inom bronsaldern med särskildt afseende på Skandinavien (Stockholm 1885) и его статью въ журналѣ Svenska Fornminnesföreningens Tidskrift VIII. (Archiv für Anthropol. XXI p. 465).

²⁶⁶⁾ Объ этомъ см. Dr. H. Landois и Dr. B. Vormann. Westfälische Todtenbäume und Baumsargmenschen. (Archiv für Anthropologie XVII c. 339).

²⁶⁷⁾ См. главн. обр. роскошное изданіе L. Baltzer'a. Hällsistuingar från Bohuslän (Göteborg 1882).

²⁶⁸⁾ I. Undset. Über die Vorrömische Metallzeit in den Rheinländern (Westdeutsche Zeitschrift f. Gesch. u. Kunst V. 1, s. 6). E. baron von Tröltsch. Fundstatistik der vorröm. Metallzeit im Rheingebiete (Stuttgart 1884). Его же. Die älteste Bronzeindustrie in Schwaben. (Correspondenzblatt d. deut. anthr. Ges. 1890 s. 51). Археологическое обозрѣніе Вестфалии см. въ рефератѣ Dr. Nordhoff'a на археологич. съѣздѣ въ Münster'ѣ въ 1890 г.

²⁶⁹⁾ J. Naue на археолог. съѣздѣ въ Вѣнѣ въ 1889 г. (Correspondenzblatt der deut. anthr. Ges. 1889 стр. 127) и гл. обр. въ его большомъ соч.: Die Bronzezeit in Oberbayern. München 1894.

²⁷⁰⁾ J. Szombathy на съѣздѣ въ Вѣнѣ въ 1889 г. (Correspondenzblatt, стр. 177).

²⁷¹⁾ J. Smolik въ статьѣ о доисторич. врем. въ Чехіи въ Slovník'ъ Naučném, Otto подъ слов. «Cechy».

²⁷²⁾ Ср. статью Dra S. Berger'a «Depôt-funde und Gussstätten aus Böhmen» (Mitth. d. k. k. Centralcommission. 1888, XIV стр. 161), а также статью проф. Smolik'a «Hromadné nálezy v Cechách» (Památky archaeol. XII). J. Riehl. Die Bronzezeit in Böhmen. Prag 1894. Cf. замѣтки L. Niederle въ журналѣ Cesky Lid. IV, p. 86. Ср. также статью L. Cervinka въ Ceskem lidu II, стр. 511.

²⁷³⁾ Dr. J. Matiegka. Hroby se skrčenými kostrami v Cechách (Cesky Lid. I, 1891 стр. 1 и сл.). Ср. также статью проф. Smolik'a о гробницахъ въ Zvo-

leňovsi (Pam. arch. XV str. 411), а также статью M. I. Palliardi. Hroby se skřepnými kostrami na Znojemsku. Olomouc 1894.

²⁷⁴⁾ См. перечисление ихъ, хотя и не вполне точное, у Dr. Pič'a въ Památkách archeol. XV str. 272 и статьи проф. Smolik'a «Mohyly v Cechách a jich obsah» (Pam. arch. XII).

²⁷⁵⁾ Dr. R. Behla. Die Urnenfriedhöfe mit Thongefässen des lausitzer Typus (Luckau 1882).

²⁷⁶⁾ Časopis mus. olom. 1887 str. 68 и 1889 str. 49.

²⁷⁷⁾ Dr. A. Lissauer. Alterthümer der Bronzezeit in der Provinz Westpreussen und den angrenzenden Gebieten. I. Die Bronzen (Danzig 1891).

²⁷⁸⁾ Ср. также Berendt. Die pomerellischen Gesichtsurnen. I и II. (Königsberg 1872, 1878).

²⁷⁹⁾ Cf. Dr. B. Erzepki Album przedhist. zabytków wielk. księstwa poznańskiego. (Poznań 1893).

²⁸⁰⁾ Я могъ пользоваться только отчетами о работахъ этого съезда, напечатанными въ L'Anthropologie 1894 г. и въ Archiv für Anthropologie XXIII, p. 523.

²⁸¹⁾ См. гл. обр. Д. Я. Самоковсовъ. Хронологическая классификація кургановъ южной Россіи. (Варшава 1890). Основанія хронологической классификаціи. (Варшава 1892). Ср. также П. И. Лерхъ. Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ (Спб. 1862).

²⁸²⁾ О Кобанскомъ могильникѣ и о кавкаскихъ древностяхъ вообще см.: А. Берже. Кавказъ въ археологическомъ отношеніи (Тифлисъ 1874). E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase (Paris 1885—1887). 4 тома. Его же: Origine et ancienneté du premier âge de fer au Caucase (Lyon 1892). R. Virchow. Das Grabfeld von Koban im Lande der Osseter (Berlin 1883). Fr. Bayern. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. (Berlin 1885). J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase. Études archéol. et historiques (Paris 1890). Babst G. Souvenirs de deux missions au Caucase (Paris 1891), и порусски работу В. Б. Антоновича, помѣщенную въ Трудахъ Тифлискаго съезда (стр. 242 и слѣд.). Множество мелкихъ работъ мы здѣсь перечислять не можемъ. Московское археологическое общество начало издавать подъ редакціею графини П. С. Уваровой большой сборникъ археологическихъ изслѣдованій о Кавказѣ подъ заглавіемъ: «Матеріалы по археологій Кавказа». (I—III. Москва 1889—1893). Во 2 т. этого изд. В. И. Сизовъ описываетъ доисторическія памятники на побережь Чернаго моря (Восточное побережье Чернаго моря. Археолог. экскурсіи. Москва 1889), въ 1 т. В. Θ. Миллеръ занимается доисторическими памятн. Терской области. По археологій Кавказа см. еще два сочиненія: Латышевъ В. В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. I. (Спб. 1890) и М. Микса-ровъ. Bibliographia Caucasica et Transcaucasica (Спб. 1874—75).

²⁸³⁾ John V. Day. The prehistorical use of iron and steel (London 1877). L. Beck. Geschichte des Eisens in technischer und kulturhistorischer Beziehung (Jena 1884, II изд. 1891).

²⁸⁴⁾ Dr. J. Wankel. Praehistorische Eisenschmelz- und Schmiedestätten in Mähren. (Wien 1879).

²⁸⁵⁾ См. статьи Dr'a. J. Pič'a Pam. archaeol. XV, стр. 82 и слѣд.

²⁸⁶⁾ Кромѣ двухъ наиболее важныхъ старинныхъ соч. John Sp. Stanhope.

(Olympia or topography illustrative and the actual state of the plain of Olympia, London 1824) и Abel Blouet (*Expédition scientifique de Morée*, Paris 1831—88, Т. I), прежде всего надо упомянуть о монументальном издании немецкой экспедиции: *Olympia* (в 5 том.). (Berlin 1876—1890), в котором работали: E. Curtius, F. Adler, G. Hirschfeld, G. Treu, W. Dörpfeld, A. Furtwängler, и об извлечении из него: «Die Funde von Olympia». (Berlin 1882). Предметы до-классической эпохи описаны в IV томе, составленном Furtwängler'ом. Ср. также A. d. Bötticher. *Olympia, das Fest und seine Stätte*. (Berlin, 2 изд. 1886) и V. Laloux et Monceaux. *Restauration d'Olympie*. (Paris 1889).

²⁸⁷⁾ I. Undset. Zu den ältesten Fibeltypen. (*Zeitschrift für Ethnologie* 1889 стр. 206, 1890 стр. 144).

²⁸⁸⁾ По древне-греческой керамике см. напр. Th. Lau. *Die griechischen Vasen, ihr Formen- und Decorations-system* (Leipzig 1877). A. Furtwängler & G. Löschke. *Mykenische Thongefässe*. (Berlin 1879). *Mykenische Vasen. Vorhellenische Thongefässe aus dem Gebiete des Mittelmeers* (Berlin 1886). *Den samme. Mykenische Vasen* (Berlin 1886). S. Birch. *History of ancient pottery* (London 1873, 2 изд.). P. Milliet. *Etudes sur les premières périodes de la céramique grecque*. (Paris 1891). A. Dumont et J. Chaplain. *Les céramiques de la Grèce propre* (Paris 1881—90). A. Dumont. *Peintures céramiques de la Grèce propre* (Paris 1874). O. Rayet et M. Collignon. *Histoire de la céramique grecque* (Paris 1888). J. E. Harrison and Mac Coll. *D. S. Greek vase painting* (London 1894) и другие более старинные соч.

²⁸⁹⁾ G. de Mortillet. *Origine de la fabrication du verre* (*Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris* 1886 стр. 261). Pélégot. *Le verre, son histoire, son fabrication*. (Paris 1876). A. Deville. *Histoire de l'art de la verrerie dans l'antiquité*. (Paris 1875). Fröhner. *La verrerie antique* (Paris 1879). Wallace-Dunlop. *Glass in the old world* (London 1883).

²⁹⁰⁾ Otto Tischler. *Über Aggryperlen und über die Herstellung farbiger Gläser im Alterthume*. (Königsberg 1886).

²⁹¹⁾ См. Dr. J. Zabaty. *O nápisových památkách staroitalských*. (*Listy filologické* 1889 стр. 1 и слѣд.). Fligier. *Die Urzeit von Hellas und Italien*. *Ethnologische Forschungen*. (Braunschweig 1881). Его же. *Zur praehistorischen Ethnologie Italiens*. (Wien 1877). Онъ считаетъ древнихъ жителей Италии (до-италиковъ) илирами. R. Zampà. *Le attinenze etniche degli Umbri* (Roma 1889. *Accademia dei Lincei*).

²⁹²⁾ J. Gozzadini. *La nécropole de Villanova*. (Bologna 1870).

²⁹³⁾ A. Zannoni. *La fonderia di Bologna*. (Bologna 1888).

²⁹⁴⁾ Dr. Lisch. *Über die Hausurnen*. (Schwerin 1856). R. Virchow. *Über die Zeitbestimmung der deutschen und italischen Hausurnen*. (Berl. *Académie*. Sitzber. 1883, стр. 985).

²⁹⁵⁾ Новѣйшія сочиненія о происхожденіи этрусковъ и ихъ культурѣ: Canon Isaac Taylor. *Etruscan Researches* (London 1874). Его же. *The Etruscan Language* (London 1876). W. Corssen. *Über die Sprache der Etrusker* (Leipzig 1874, 1875). T. Desjardins. *L'art des Etrusques et leur nationalité*. (Lyon 1875). Scheffler L. *Über die Epochen der etrusk. Kunst*. (Altenburg 1882). Casati, Ch. *Fortis Etruria* (Paris 1884). Ed. Brizio. *La provenienza degli Etruschi* (Modena 1885). Ol. L. Spadoni. *The Etruscans: an historical and critical notice of the origin, development and civilisation of the early italian race*.

(Roma 1887). Jules Martha. L'art étrusque. (Paris 1889). D. Brinton. The ethnological affinities of the ancient Etruscans (Philadelphia 1890). Fr. von Duhn. Bemerkungen über die etruskische Frage (Berlin 1890). Th. Spemann. Die Kunst der Etrusker (Dresden 1890). Iginio Gentile. Arte etrusca e romana. (Milano 1891). Is. Falchi. Vetulonia e la sua necropoli antichissima. (Firenze 1891). St. Gsell. Fouilles dans la nécropole de Vulci (Paris 1891). Ср. также прекрасную статью Dr'a Zubatého, упомянутую въ прим. 291, и статью «Les Étrusques» And. Léfèvre'a въ Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie. 1891, стр. 212. Изъ старинныхъ наиболее важны: K. Ott. Müller. Die Etrusker (Breslau 1828, нов. изд. въ Штутгарте 1877). A. Boken W. Mittelitalien vor den Zeiten römischer Herrschaft nach seinen Denkmälern (Stuttgart 1843). G. Dennis. The cities and cemeteries of Etruria (London 1848), 3 изд. London 1883. Camilli S. L'antica Etruria marittima (Roma 1851). Conestabile G. Antiquités étrusques (Paris et Rome 1862—65). Canina. Sull'Etruria marittima (Roma 1847—1850). H. Gray. Tour to the sepulchres of Etruria (London 1843). G. Niccolucci. Antropologia dell'Etruria (Napoli 1869).

²⁸⁶⁾ Bortari Ferd. Etnologia Italica. Etruschi, Sardi e Siculi nel XIV s. prima dell'era volgare (Napoli 1891).

²⁸⁷⁾ J. Gozzadini. Di un'antica necropoli a Marzabotto (Bologna 1885). Di ulteriore scoperte nell'antica necropoli a Marzabotto (1870). Renseignements sur une ancienne nécropole à Marzabotto (Bologne 1871). Brizio Ed. Una Pompei etrusca a Marzabotto nel Bolognese (Bologna 1887). Guide alle antichità della villa e del museo di Marzabotto (Bologna 1886).

²⁸⁸⁾ Наиболее важное соч.: A. Zannoni. Gli scavi della Certosa di Bologna (Bologna 1876). Ero-же. Archaiche abitazioni di Bologna (Bologna 1893). H. Brunn. Über die Ausgrabungen der Certosa von Bologna (München. Akademie d. W. 1887). Ср. также R. F. Burton. Etruscan Bologna. (London 1876).

²⁸⁹⁾ Ghirardini G. La situla italica primitiva studiata specialmente in Este. I. Roma 1893.

²⁹⁰⁾ K. Pauli. Altitalische Forschungen. T. III. Die Veneter und ihre Schriftdenkmäler. (Leipzig 1891).

²⁹¹⁾ A. Prosdoci. Le necropoli euganee di Este. (Este 1879).

²⁹²⁾ Hochstetter: Denkschriften d. Akad. d. Wiss. in Wien. Math. naturwiss. Cl. Bd. XLVII. 1883, стр. 205.

²⁹³⁾ Наиболее важное соч. по этому предмету: Ed. von Sacken. Das Grabfeld von Hallstadt in Oberösterreich und dessen Alterthümer (Wien 1868); до него о гальштатскихъ находкахъ писалъ: J. Gaisberger (Linz 1848), Fr. Simony (Wien 1851). Новѣйшій обзоръ составилъ A. B. Mayer. Das Gräberfeld von Hallstadt (Dresden 1885). См. также Dr. M. Hoernes. Hallstadt en Antriebe, sa nécropole et sa civilisation (Revue d'anthropologie 1889 стр. 328).

²⁹⁴⁾ Chr. Hostmann. Das Skeletiren der Leichen und die theilweise Verbrennung. Studien zur vorgesch. Archaeologie (Braunschweig 1890), стр. 153.—Olshausen. Die Theilverbrennung oder der mindere Leichenbrand (Verhandl. der berl. anthr. Ges. 1892 стр. 163).

²⁹⁵⁾ Кроме упомянутой выше книги В. Радискаго см. еще Dr. C. Trahelka «O najnovějšich vyzkumech v Bosně» (Památky archaeol. XV, стр. 41) и его нѣмецкую работу: «Die Necropolen von Glasinac in Bosnien» (Mitth. der wien. anthr. Ges. 1889). Dr. M. Hoernes, Grabhügel funde von Glasinac (Festschrift

der anthr. Ges. in Wien 1889). Franjo Fiala. Rezultati prehist. ispitivanja na Glasincu (Гласник земалског музеја у Босни и Херцеговини. Сарајево 1892, 389; 1893, 115, 717; 1894, 721).

³⁰⁶⁾ C. Marchesetti. La necropole di S-ta Lucia presso Tolmino (Trieste 1886). Scavi della necropoli di S. Lucia presso Tolmino (Trieste 1893) con 30 tavole (наиболѣе обширная работа по этому предмету). См. также работу P. Per vanoglú. Della paleontologia della penisola balcanica nelle sue attinenze colla penisola italica (Trieste 1886), статью Szombathy въ Mittheil. der wiener anthr. Ges. XVII. Sitzber. стр. 26, Much'a въ Mitth. der Centralcommission 1884 стр. CXI, и докладъ Marchesetti на сѣздѣ въ Вѣнѣ въ 1889 г. Очень важна также работа Dr. M. Hoernes'a подъ заглав.: Untersuchungen über den Hallstätter Culterkreis. I. Znr Chronologie der Gräber von S-ta Lucia. (Archiv für Anthropologie XXIII S. 582).

³⁰⁷⁾ См. сообщеніе князя Виндизгреца на сѣздѣ консерваторовъ въ Цѣловитъ (Zeelowitz) въ 1885 г.: «Bemerkungen über die Classifizierung der praehist. Funde in Krain» (Mittheilungen der wiener anthr. Ges. XV. Sitzungsber., стр. 90 и сл.) и пренія объ этомъ, въ которыхъ участвовали: Deschmann, баронъ Hauser, Dr. Much, Szombathy и Dr. Neumann.

³⁰⁸⁾ Главныя сочин. о началахъ желѣзнаго вѣка въ Крайнѣ: C. Deschmann и F. Hochstetter. Praehistorische Ansiedelungen und Begräbnisstätten in Krain (Denkschriften der Akademie der Wissenschaft. Wien II. Cl. 1879 Bd. XLII). F. Hochstetter. Neueste Gräberfunde von Watsch und St. Margarethen in Krain (ibid. 1883 Bd. XLVII). Ср. также сообщенія Deschmann'a въ Протоколахъ Вѣнскаго антропологич. Общ. 1878, 1880, 1883, 1884, 1885, 1888 годовъ; Szombathy (ibid. въ 1888), и Hochstetter'a (ibid. въ 1883), Dr. M. Hoernes. Die Gräberfelder an der Wallburg von St. Michael bei Adelsberg in Krain (ibid. 1888 стр. 217).

³⁰⁹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ помѣщены въ Извѣстіяхъ австрійской Центральной Комиссіи для сохраненія древнихъ памятниковъ 1883—1892 гг. См. также Hochstetter. Über die Hügelgräber von Frögg bei Rosegg. (Wien 1884).

³¹⁰⁾ Meyer, A. B. Gurina im Obergailthal, Kärnthen. (Dresden 1885). Сообщение объ этой находкѣ было сдѣлано также Hoernes'омъ (Mittheil der wiener anthr. Ges. 1888. Sitzungsber. стр. 53).

³¹¹⁾ V. Radimský и J. Szombathy. Urgeschichtliche Forschungen in der Umgegend von Wies in Mittelsteiermark (Mittheilungen der wiener anthrop. Ges. 1883 стр. 41, 1885 стр. 117, 1888 стр. 77). Заключительное сообщеніе Szombathy тамъ-же въ 1890 г., стр. 170.

³¹²⁾ J. Smolik. Bronzové vozíky. (Památky archaeologické XII, стр. 389). I. Undset. Über altitalische Bronzewagen. (Verh. der berl. anthr. Ges. 1883 стр. 197). О нихъ писали также Virchow, Chantre и др.

³¹³⁾ L. Bella и Dr. Otto Müller. Praehistorische Funde in der Umgebung von Oedenburg (Mittheil. der wiener anthr. Ges. 1891 стр. 166). Bella Lajos. Jelentés a Sopronmegyei régészeti társulas. 1892 (Sopron 1893). См. также рефератъ Сомбаты на сѣздѣ въ Дампницѣ въ 1891 г.

³¹⁴⁾ Dr. J. Naue. Die Hügelgräber zwischen Ammer- und Staffelsee (Stuttgart 1887). См. его рефератъ на сѣздѣ въ Нюрнбергѣ въ 1887 г.

³¹⁵⁾ Ср. Památky archaeologické XII, стр. 843 и сл. и Annalen des k. k. na-

turhist. Hofmuseums in Wien r. 1888 стр. 130 и слѣд. См. также у Woldrich'a: Beiträage zur Vorgeschichte Böhmens (Mittheilungen der wiener anthr. Ges. XIII, стр. 1, XIV, стр. 200, XVI, стр. 72, XIX, стр. 71).

³¹⁶) H. Wankel. Bilder aus der mähr. Schweiz und ihrer Vergangenheit (Wien 1882, стр. 379). J. Havelka. Čelnější památky moravské z doby kovové (Časopis mus. Olom. III. стр. 81 и слѣд.). Ср. также H. Wankel's Bronzestier aus des Býčí skála-Höhle (Wien 1877).

³¹⁷) E. Chantre. Études paléontologiques dans le bassin du Rhône. Premier âge du fer. Nécrolopes et tumulus. (Lyon 1880) Его же. Les nécrolopes du premier âge du fer des Alpes françaises. (Lyon 1879). Duforet, Testut et Taillebois. Les tumulus des premiers âges du fer dans la région sous-pyréenne. (Dax 1885).

³¹⁸) Ing. Undset, Jernalderens Begyndelse i Nord-Europa (Christiania 1881). Намецкий перев. р-жи J. Mestorf подъ загл. «Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa» (Hamburg 1882).

³¹⁹) Kasiski F. W. Beschreibung der vaterländ. Alterthümer im Neustettiner und Schlochau Kreise (Danzig 1881).

³²⁰) Dr. Rob. Behla. Die Urnenfriedhöfe mit Thongefässen des lausitzer Typus. Eine Monographie. (Luckau 1882). Ср. также H. Jentsch. Die praehist. Alterthümer der Gymnasialsammlung zu Guben. (Guben 1883). Его же. Die praehist. Alterthümer aus dem Stadt- und Landkreise Guben I—V (Guben 1889—1892).

³²¹) (см. статью Lissauer'a въ Verhandlungen d. berl. anthrop. Ges. 1895, стр. 97).

³²²) R. Virchow въ статьѣ «Über Gräberfelder und Burgwälle der Niederlausitz und des überoderischen Gebietes». (Verhandl. der berl. anthr. Ges. 1872 (IV), стр. 226).

³²³) Я въ первый разъ указалъ на это подробнѣе въ рефератѣ, посланномъ на междунар. антропологич. съѣздъ въ Москвѣ въ 1892 г. (Comptes rendus I, стр. 75). Къ сожалѣнію, при переводѣ было сдѣлано нѣсколько ошибокъ, которыхъ я не имѣлъ возможности исправить.

³²⁴) P. J. Šafařík. Slovanské starožitnosti II. (§ 39. 1). Fr. Palacký. Dějiny národu Českého. (I, str. 38—50). V. V. Tomek. Děje království Českého str. 1 и слѣд. A. Šembera. Západní Slované v pravěku (Videň 1868). Его же. Die Westslaven in der Vorzeit (Akademie der Wiss. in Wien Bd. LII, 87). Pavel Papáček. O předslavanské době v Čechách (Praha 1892). J. Woldrich. (Časopis mus. olom. 1885 стр. 71 и др. ст.). J. Smolík (въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей). K. Čermák (гл. обр. въ Mitth. der berl. anthr. Ges. 1889 стр. 448). Bř. Jelínek. Über Schutz- und Wehrbauten (Prag 1885) стр. 129 и слѣд. Dr. J. L. Píř. Památky archeolog. XV, стр. 193. Archaeologický výzkum ve středních Čechách (Praha 1893) стр. 1 и слѣд. (Ср. рецензію Dr'a L. Niederle въ Трудахъ Слав. Отд. Имп. Арх. Общ. въ Москвѣ. Выпускъ I). Dr. J. Wankel гл. обр. въ книгѣ «Beitrag zur Geschichte der Slaven in Europa» (Olmütz 1885) и во многихъ своихъ статьяхъ. J. Havelka (въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей и гл. обр. въ Časopis musea olom. II, стр. 2 и слѣд.). K. Szulc. Über die Ureinwohner zwischen Weichsel und Elbe (Wien 1889) и на съѣздъ въ Бреславль въ 1884 г. L. Šnajdr. въ статьяхъ, помѣщавшихся въ Zeitschr. für Ethnologie (Berlin 1888 стр. 102) и въ Verhandl. der berl. anthrop. Ges. 1881 стр. 243, 1882

стр. 11, 1884 стр. 120, 125. 1885 стр. 339 и т. д. Dr. Mart. Křiz. Kůlna a Kostelík (Brno 1891) стр. 194 и слѣд. J. E. Vöcel. Pravěk země české (Praha 1868) díl I. čl. III a VIII. Díl II. čl. III. См. также Сая. museu král. Českého. 1850 а 1865.—Вопросомъ о маркоманахъ и особенно объ отношеніи маркомановъ къ Баваріи занимался много также Dr. Prizinger. (Mitth. der wiener anthr. Ges. XIV, стр. 1 и слѣд.). — Über die Herkunft der Bayern. (Salzburg 1881). Dr. A. d. Bachmann (Kelten, Germanen und Slaven in den oberen Donauländern въ Трудяхъ Вѣнской Академіи XCI. 3; Die Einwanderung der Bayern I. Markomanenfrage. (Sitzungsber. der phil.-hist. Classe d. Akademie. Wien 1878. Bd. 91, стр. 815). C. Mehlis (Markomanen und Bajuwaren. Beiträge zur Anthropologie und Urgesch. Bayerns 1882, вып. V, стр. 1), еще раньше K. Zeuss (Die Herkunft der Bayern von den Markomanen. München 1839), Witmann (Die älteste Gesch. der Markomanen. München 1855), M. Koch, Kirchmayr, Dr. Sepp и многіе другіе.

³²⁵⁾ Ср. введеііе къ книгѣ A. Rambaud. L'Histoire de la Russie.

³²⁶⁾ K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. (Berlin 1855). L. Schwabe. Die Griechen und griech. Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres (1867). L. Büchner. Besiedelung der Küsten des Pontos Euxinos durch Milesier. (Kempten 1885). Dr. G. Hertzberg. Kurze Geschichte der altgriech. Kolonisation (Gütersloh 1892). II. Беккеръ. Ключъ къ изъясненію нѣкоторыхъ древностей Ольвіи и Херсониса Таврическаго (Одесса 1858). Б. Кене. Описаніе музеума покойнаго князя В. В. Кочубея и наследованіе объ исторіи и нумизматикѣ греческихъ (Спб. 1856). К. Косціушко. Археологическія раскопки въ Херсонесѣ (Севастополь 1891). П. Мансветовъ. Историческое описаніе древняго Херсонеса. (Москва 1892).

³²⁷⁾ L. G. Niebhaur. Untersuchungen über die Geschichte der Skythen, Getaen und Sarmaten. Kl. Schriften (Bonn 1828). E. Eichwald. Alte Geographie des Caspischen Meeres, des Kaukasus und des südl. Russlands (Berlin 1838). F. Lindner. Skythen und die Skythen (Stuttgart 1841). K. F. Neumann. Die Völker des südl. Russlands (Leipzig 1847). F. Bergmann. Les Scythes, les ancêtres des peuples germaniques et slaves. (Colmar 1858, 2-е изд. Halle 1860). Егo-же. Les Gètes ou la filiation généalogique des Scythes aux Gètes etc. (Strassburg 1859). Ф. Брунъ. Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѣи (Спб. 1869). K. Müllenhoff. Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten (Monatsber. der k. Akademie. Berlin 1866). J. G. Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. I. Die Skythen (Berlin 1871). Григорьевъ, В. В. О скиѣскомъ народѣ Сакахъ. Спб. 1871. Fligier. Zur Skythenfrage (Wiener anthr. Mittheil. 1878). E. Bonell. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands I. (Спб. 1882). G. Mair. Das Land der Skythen bei Herodot. Gymnasial-Programm. (1884—1885). J. Fressl. Die Scythen-Saken, die Urväter der Germanen (München 1886). Ср. отвѣтъ Fr. Soltau'a: Zur Erklärung der Sprache des Volkes der Scythen (Berlin 1887). C. Krauth. Das Scythenland nach Herodotos (Neue Jahrbücher für Philologie 1890 I.). Латышевъ В. В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. (Спб. 1890) и проч.

³²⁸⁾ О скиѣо-сарматскихъ и вообще о южнорусскихъ древностяхъ см. гл. обр. слѣд. сочиненія: N. Waksel. Über die alten Denkmäler an den Küsten des schwarzen Meeres (Спб. 1801). M. Guthrie. Tour through the Crimea, the Tau-

ric Chersones and all other countries on the north show of the Euxine. London 1802. А. А. Шпакъ. Боспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками и пр. (Одесса, 1848—1849). Raoul-Rochette. Antiquités grecques de Bosphore Cimmérien (Paris 1822). П. Кёппенъ. Древности сѣвернаго берега Понта (Москва 1822). П. П. Сабатье. Керчь и Боспоръ (Спб. 1851). Mac Pherson. Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerician Bosphorus (London 1857). А. Фабръ. Достопамятнѣйшія древности Крыма и соединенныя съ ними воспоминанія (Одесса 1859). Гр. А. С. Уваровъ. Исслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря (Спб. 1853). То-же на французскомъ языкѣ. 1855—56. Ср. также статью его въ Зап. Вѣской Акад. Н. Т. VIII). И. Е. Забѣлинъ. Скифскія могилы. (Древности над. Моск. археол. общества I. 1865). Его-же. Древнія Скифия въ своихъ могилахъ (Москва 1876). Древности Боспора киммерійскаго. Antiquités du Bosphore Cimmérien (Спб. 1854—64), вновь изданныя съ комментаріями Sal. Reinach'a въ Парижѣ въ 1892. Ср. кромѣ того Lepointant. Sur les antiquités du Bosphore cimmérien (Paris, Académie, 1861). Древности Геродотовой Скиѣи. Recueil d'antiquités de la Scythie d'Hérodote, publié par la Commission impér. archéol. (С.-Петербург. I и II, 1866, 1873). К. Гёрцъ. Историческій обзоръ археол. изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII ст. до 1859 г. (Москва 1876). Его-же: Археолог. Топографія Таманскаго полуострова (Москва 1870). Погребальныя обряды Грековъ и Скифовъ. (Сборникъ антр. и этногр. статей о Россіи В. Дашкова I. Москва 1868). А. Лаппо-Данилевскій. Скифскія древности. (Спб. 1887). Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. II. Древности скифо-сарматскія (Спб. 1889). Эта книга издана S. Reinach'омъ по французски подъ загл.: Les antiquités de la Russie méridionale (Paris 1892). Ср. также Арсеній Маркевичъ. Тауріса. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической г. вообще. Симферополь 1894.

³²⁹⁾ G. Ossowski. Wielki kurhan ryżanowski (Kraków 1888). То же въ Zbióru wiadomości do antropologii krajowej XII стр. 1 и слѣд.

³³⁰⁾ Roget de Belloguet. Ethnogenie gauloise (Paris 1875). P. Broca. Nouvelles recherches sur l'anthropologie de la France etc. (Mémoires d'anthropologie III, p. 147). Gr. Lagneau. Des Gaëls et des Celtes (Mémoires de la soc. d'anthropologie I, p. 237). De quelques dates reculées intéressants l'ethnologie de l'Europe centrale (Revue d'anthropologie 1880, p. 441). A. Bertrand. Celtes, Gaulois et Francs (ibid. 1873, p. 235, 422, 629). D'Arbois de Jubainville. Celtes et Germains (Comptes Rendus de l'Acad. des Inscriptions. Paris 1886). Lemiére. Examen critique des expéditions gauloises etc. (Paris 1873). Etudes sur les Celtes et les Gaulois (1874—76). Holtzmann. Kelten und Germanen (Stuttgart 1855). H. Brandes. Das ethnograph. Verhältniss der Kelten und Germanen etc. (Leipzig. 1857). Contzen. Die Wanderungen der Kelten (Leipzig. 1861). Cuno. Vorgeschichte Roms I. Die Kelten (Leipzig. 1878). K. von Becker. Versuch einer Lösung der Keltenfrage I. (Karlsruhe 1883). H. Schaaffhausen. Die Kelten (Festschrift zum 50 jährigen Jubiläum des Ver. von Alterthumsfreunden im Rheinlande. Bonn 1891). L. Jonbert. Gaule et les Gaulois jusqu'à la conquête romaine. Paris 1890.

³³¹⁾ A. Delacroix. Alesia. Découverte d'Alesia (Paris 1856). Работы Quicherat собраны въ его книгѣ «Mélanges d'archéologie et d'histoire. Antiquités celtiques romaines et gallo-romaines» (Paris 1865). A. Dey. Alesia (Paris 1856). Q.

Rossignol. Alise, étude sur une campagne de César (Paris 1856). Colonel R. de Coynart. Étude historique... sur la cité gauloise d'Alesia (Paris 1856). Henri d'Orléans. Alésia (Paris 1858). A. de Barthélémy. Alésia, son véritable emplacement (Paris 1867) и т. д.

³³²⁾ Изъ многихъ сочиненій о находкахъ въ Бёвре упомянемъ здѣсь о работахъ J. G. Bulliot et J. de Fontenaye. Le mont Beuvray (Autun 1851). J. Bulliot. Fouilles de l'oppidum de Beuvray (Autun 1856). Mémoires sur les fouilles de Bibracte. (Revue archeologique 14, 15, 20). Ср. также Ch. Mérandon. La Bibracte du Beuvray et ses inventeurs (Autun 1869).

³³³⁾ V. Bulliot et H. de Fontenay. L'art de l'émaillerie chez les Éduens avant l'ère chrétienne (Paris 1875). Изъ прочихъ сочиненій о древней эмали наиболее важны: O. Tischler. Eine Emailscheibe von Oberhof und kurzer Abriss der Geschichte des Emails (Königsberg 1887) и A. Cohausen Römischer Schmelzschmuck (Wiesbaden 1873). См. также Labarte. Recherches sur la peinture en émail dans l'antiquité et au moyen âge (Paris 1857).

³³⁴⁾ См. главнымъ обр. соч. V. Gross. La Tène, un oppidum Helvète (Paris 1886) и E. Vouga. Les Helvètes à la Tène (Neuchâtel 1885).

³³⁵⁾ Tischler O. Über Gliederung der Tène-Periode (Связь въ Karlsruhe въ 1885 г. Correspondenzblatt d. deut. anthr. Ges. 1885, стр. 159). Классификація и исторія фибулъ вообще изложены въ его статьѣ «Über die Formen der Gewandnadeln nach ihrer historischen Bedeutung». (Beiträge zur Anthr. und Urgesch. Bayerns. 1881, IV, стр. 47). Объ этомъ же см. большія работы: H. Hildebrand'a. Bidrag till spännets historia. (Antiquarisk Tidskrift för Sverige IV) и O. Montelius'a. Spännen från bronsåldern (ibid. VI). Ср. также J. Ranke. Der Mensch II, 594.

³³⁶⁾ Объ употребленіи гончарнаго круга см. въ Bulletins de la Soc. d'anthr. de Paris 1895, p. 225).

³³⁷⁾ A. Nicaise. La Marne préhistorique (Paris 1876). L'époque gauloise dans le département de la Marne (Paris 1884). См. также Abbé Cochet. La Normandie souterraine. Rouen, 1855. Sépultures gauloises, romaines etc. (Paris 1857). Alfr. de Loé. L'archéologie préhistorique, gauloise, galloromaine et franque (Bruxelles 1890).

³³⁸⁾ Ed. Fourdrignier. Étude sur les bracelets et colliers gaulois. Paris 1892.

³³⁹⁾ Arthur J. Evans. On Late-Celtic urnfield at Aylesford, Kent. (London 1890). From the «Archaeologia».

³⁴⁰⁾ Гласник зем. музеја у Босни и Херцег. IV, 37, 239. Ср. L'Anthropologie V, p. 472.

³⁴¹⁾ Fr. Pulszky. Die Denkmäler der Keltenherrschaft in Ungarn (Pest 1879).

³⁴²⁾ J. Smolik «Bronzové kruhy s dutými polokoulemi (Památky archaeologické XII, стр. 545).

³⁴³⁾ Cp. W. Osborne. Der Hradischt bei Stradonic in Böhmen. (Prag 1880) и затѣмъ раб. M. Lehmann'a. Monumenta varia populorum et antiquorum et recentiorum statum illustrantia. I. Effossa de Stradonic (Praha 1878). Нѣсколько статей объ этомъ написалъ также Л. Швайдръ.

³⁴⁴⁾ О духцовской находкѣ см. статью Dr'a St. Berger'a «Bronzy duchcovské» (Památky archaeol. XII, стр. 71, 109). «Der Bronzefund in der Riesen-

quelle bei Dux (Mith. d. Centralcommission, Wien 1882, стр. LXXX). Кроме того о ней писали: Smolik, J. Pudil, Virchow, Heger и др.

³⁴⁵⁾ Изъ литературы о галльских монетах упомянем только главнѣйшія соч.: A. Barthélemy. *Études sur la numismatique celtique* (Paris 1840—43). *Nouveau manuel de numismatique ancienne* (Paris 1851). G. Combrouse. *Catalogue raisonné des Monnaies nationales de France*, 2 vols. (Paris 1839—41). A. Duchalais. *Description des médailles gauloises du Cabinet de France* (Paris 1845). *Description des médailles gauloises faisant partie des collections de la Bibliothèque royale* (Paris 1846). Ed. Lambert. *Essai sur la Numismatique gauloise du Nord-Ouest de la France* (Paris 1845 et 1864). J. Lelewe. *Études numismatiques et archéologiques I* (Bruxelles 1840). L. de la Saussaye. *Numismatique de la Gaule Narbonaise* (Blois et Paris 1842). Evans. *The coins of the ancient Britons* (London 1864). Fr. Streber. *Die Regenbogenschüsselchen* (Abhandl. d. k. k. bayer. Akademie (München I, 1860, II, 1861). Antoine Fillion. *Nouvel essai d'interprétation et de classification des monnaies de la Gaule* (2 изд. Paris 1867). E. Hucher. *L'art gaulois ou les Gaulois d'après leurs médailles* (Paris 1869—74). Fr. Lenormant. *La Monnaie dans l'antiquité* (Paris 1879). По чешски объ этомъ написана хорошая статья Dr. M. Kríž въ своемъ соч. *Kůlna a Kostelík* (Brno 1891) стр. 278 и слѣд., а также Vogel въ своемъ *Pravěku země české*, гл. VII.

³⁴⁶⁾ A. Voigt. *Schreiben an einen Freund von den bei Podmokl gef. Goldmünzen* (Prag 1771). Ср. также J. E. Vogel. *Über celtische Münzen in Böhmen*. (Отчетъ о застѣд. чешскаго королев. ученаго общества 1850, стр. 45). Ср. *Pravěk země české*, стр. 141 и слѣд.

³⁴⁷⁾ E. Vedel. *Bornholms Oldtidsminder og Oldsager* (Копенг. 1886).

³⁴⁸⁾ Cp. *L'Anthropologie* V, p. 93.

³⁴⁹⁾ См. Dr. R. Much. *Die Bastarnen*. (Sitzungsber. der anthr. Ges. in Wien 1890, стр. 75).

³⁵⁰⁾ О торговыхъ и военныхъ путяхъ римскихъ провинцій существуетъ богатая литература, изъ которой мы укажемъ для славянскихъ земель только слѣдующія наиболѣе важныя сочиненія: Schlett J. *Über Römerstrassen im Allgemeinen* (München 1833). N. Bergier. *Histoire des grands chemins de l'empire romain* (Bruxelles 1834). Mayer H. *Römische Alpenstrassen der Schweiz* (Zürich 1861). F. Kenner и N. Kohn. *Über die röm. Reichstrasse von Virunum nach Ovilaba* (Wien. Akademie 1872—75). K. baron Hauser. *Die Römerstrassen Kärntens*. (Mitth. der wiener anthr. Ges. 1886, стр. 61). Fr. Berger. *Über die Heerstrassen des röm. Reiches* (Berlin 1882, Progr.). A. B. Mayer. *Die alten Strassenzüge des Obergailthales und seiner Nachbarschaft* (Dresden 1886). J. Naehrer. *Die röm. Militärstrassen und Handelswege in der Schweiz und in Süddeutschland* 2 изд. (Strassburg 1888). J. Schneider. *Die alten Heer- und Handelswege der Germanen, Römer und Franken im deutschen Reiche* (Düsseldorf 1890). F. v. Duhn. *Die Benutzung der Alpenpässe im Alterthum* (Heidelberg 1892). Ballif Philip. *Römische Strassen in Bosnien und der Hercegovina* (Wien 1893). Подробно см. у F. Kenner'a и Dr. N. Kohn'a (Über die römische Reichsstrasse von Virunum nach Ovilaba etc. *Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien* 1872—1875). F. Presuhn, E. Richter и проч. Сюда-же относится и работа J. N. Sadowskjego. *Drogi handlowe greckie i rzymskie* (Kraków 1877) въ нѣм. перев. «Die Handelsstrassen der Griechen und Römer», Jena 1877.

³⁵¹⁾ О римских древностях въ Баваріи необходимо упомянуть по крайней мѣрѣ новую работу F. Ohlenschläger'a. Die Ergebnisse der röm. arch. Forschungen der letzten 25 Jahre in Bayern (Trier 1891). K. Miller. Die röm. Kastelle in Württemberg. (Stuttgart 1892). О римских древностях нынѣшних австрійскихъ земель писалъ: Ed. von Sacken, J. Geisberger, S. Ljubić, Fr. Pichler, A. Müllner, E. Richter, K. Atz, P. Planta, Fr. Kerner (Noricum und Pannonien, eine Untersuchung über die Entwicklung, Bedeutung und das System der röm. Vertheidigungsanstalten in den mittleren Donauländern. Wien 1870), J. Douglas, J. Arneht, Mich. F. von Jabornegg-Altenfels (Kärntens römische Alterthümer. Seelowitz u. Wien 1870, Akademie der Wiss. LXI, 3, стр. 355. LXV, стр. 517). J. Jung (Römer und Romanen in den Donauländern. Innsbruck 1877). A. Muchar. (Römisches Noricum, Gratz 1825). J. Kukuljević-Sakcinski (Pannonija rimska. Rad jugoslavenske akad. XXIII. Zagreb 1873) и др. Монографіи о болѣе важныхъ римскихъ городахъ: F. Pichler Virunum (1888). Gaisberger J. Ovilaba und die damit in Verbindung stehenden römischen Alterthümer (Wien 1852). A. Müllner. Emona. Archaeologische Studie aus Krain (1879). Ed. Sacken. Die römische Stadt Carnuntum, ihre Geschichte und Überreste (Sitzber. der Akademie der Wiss. in Wien IX, стр. 660, 1852). Über die neusten Funde zu Carnuntum (ibid. 1853). Есть и отд. изданіе.

³⁵²⁾ M. J. Ackner. Römische Alterthümer und deutsche Burgen in Siebenbürgen (Wien 1856). Die Colonien und milit. Standlager der Römer in Dacien (Wien 1857).

³⁵³⁾ L. Lindenschmidt. Tracht und Bewaffnung des römischen Heeres während der Kaiserzeit (Braunsch. 1882).

³⁵⁴⁾ Verhandl. der berl. anthr. Ges. 1893 S. 425, 553.

³⁵⁵⁾ Ср. статью Helm'a. Verhandl. der berl. anthr. Ges. 1893, стр. 130.

³⁵⁶⁾ J. E. Vocel. Über Römercastelle in Böhmen. (Отчеты о засѣдан Чеш. кор. ученаго общества 1850, стр. 45). Ср. также Pravěk zeme české str. 206 и слѣд.

³⁵⁷⁾ J. Pič. Zárové hroby na Třebické u Dobřichova. (Památky archaeol. XV, str. 561).

³⁵⁸⁾ Dr. Grempler. Der Fund von Sackrau (Brandenburg 1887). Der II und III. Fund von Sackrau (Berlin 1886).

³⁵⁹⁾ Объ этомъ археологич. періодѣ въ Лузациі и Бранденбургѣ см. статьи M. Wiegell'a въ Archiv für Anthropologie XXII и въ Mith. der niederlaus. anthr. Ges. III, 24.

³⁶⁰⁾ О великомъ переселеніи народовъ писали гл. обр. R. Pallmann. Geschichte der Völkerwanderung nach den Quellen dargestellt (Weimar 1864). Ed. von Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung (2-е изд. обработалъ F. Dahn. Leipz. 1880—81) и др. Ср. также Lecky W. E. H. History of European morals from Augustus to the Charle Magne (London 1869. По нѣмец. въ Лейпц. въ 1870—71). Fr. Nonnemann. Die Völkerwanderung und die Kultur ihrer Zeit (Leipz. 1889).

³⁶¹⁾ Müller S. Dyreornamentiken i Norden (Copenhagen 1880). Die Thierornamentik im Norden. Übers. von J. Mestorf. Hamburg. 1881. Dr. S. Söderberg. Om djurornamentiken under folkoandringstiden (Antiq. Tidskrift XI, 3, Stockholm), въ нѣмец. перев. подъ загл. «Die Thierornamentik der Völkerwanderungszeit». (Praehist. Blätter 1894, S. 67, 83, München). J. baron de Baye. L'art des Bar-

bares á la chute de l'empire romain (L'Anthropologie I, p. 385. Paris 1890). Ero-же. De l'influence de l'art des Goths en Occident (Paris 1891).

³⁶²⁾ Chiflet. Anastasis Childeric I. regis Francorum 1651. Abbé Cochet. Le Tombeau de Childeric I (Paris 1859).

³⁶³⁾ Joly. Antiquités celto-germaniques et galloromains (Paris 1848). M. Rigollot. Recherches historiques sur les peuples de la race tontonique qui envahirent les Gaules. Sur le caractère des armes et ornements recueillis dans leur tombeau (Paris 1855). Abbé Cochet. La Normandie souterraine (Rouen 1855). Ero-же. Sépultures gauloises, romaines, franques et normandes (Paris 1857). Peigné Delacourt. Recherches sur le champ de bataille d'Attila, armes bijoux et ornements de Theodoric, roi des Visigoths (Paris 1860). H. Baudot. Memoire sur les sépultures des barbares de l'époque merovingienne découvertes en Bourgogne (Dijon 1860). J. de Baye. Le cimetière visigothe d'Herpes. Paris 1892. Barrière-Flavy. Les sepultures barbares de l'ouest et du midi de la France. Paris (1893).

³⁶⁴⁾ G. Meyer von Kronau. Alamannische Denkmäler in der Schweiz. Mitth. der antiq. Ges. in Zürich XVIII—XIX (Zürich 1873—76).

³⁶⁵⁾ R. C. Neville. Saxon obseques (London 1852). Roach Smith. Collectanea antiqua (London 1853—68). W. M. Wylie. Fairford graves (London 1852). J. Yonke-Akerman. Remains of Pagan Saxondom (London 1855). J. K. Kemble. Horae ferales etc. (London 1863). B. Fausett. Inventorium sepulcrale 1757—1773 edited by J. Mayer. (London 1853). Th. Wright. History of english Culture (London 1874). См. Ero-же. The Celt, the Roman and the Saxon (London, 4 изд. 1885). Grant Allen. Anglosaxon Britain (London).

³⁶⁶⁾ Max von Chlingensperg-Berg. Das Gräberfeld bei Reichenhall in Oberbayern (Reichenhall 1890). Дальнейшую литературу одревяных могильниковъ Германіи, Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи, Франціи, Італіи, Англіи, кромѣ того что указано здѣсь, см. у Lindenschmit'a (Handbuch), стр. 64 и сл. L. Lindenschmit. Das römisch-germanische Centralmuseum in bildlichen Darstellungen (1860).

³⁶⁷⁾ Dr. Fr. Wieser. Das langobardische Fürstengrab und Reihengräberfeld von Civezzano (Innsbruck 1887). L. Campi. Le tombe barbariche di Civezzano (Trident 1886).

³⁶⁸⁾ Angelo Arboit. La Tomba del Gisolfo (Udine 1874).

³⁶⁹⁾ J. de Baye. Antiquités franques trouvées en Bohême. (Caen 1894). Extrait du Bull. Monumental 1894.

³⁷⁰⁾ Památky archaeologické XV, стр. 633 и сл. и статья Dr. Niederle «Die neuentdeckten Gräber von Podbaba etc.» въ Mitth. der anthr. Ges. in Wien XXII (1892), стр. 1 и слѣд. Ср. также мое Příspěvky k anthropologii zemí českých I, str. 19—23. О колінской гробницѣ см. сообщ. проф. J. Kouly (Památky umělecko průmyslové v Čechách seš. 3) и гл. обр. статьи проф. J. Pič'a въ Pam. arch. XV, str. 715 pas. (ср. также Jan. Šafránek. O pohřebišti a podobě Prokopa Velikého (Pardubice 1881) и статью J. V. Práška. Archaeologický nález kolínsky (Osveta 1892, str. 740).

³⁷¹⁾ О деформации череповъ въ доисторическія времена см. глав. обр. соч.: K. E. von Baer. Die Makrocephalen im Boden der Krim und Österreichs (Mémoires de l'académie des sciences. S. Pétersbourg S. VII. T. II. Nro. 6, 1860). L. J. Fitzinger. Über die Schädel der Avaren. (Denkschriften der Wiener Aka-

demie II. Cl. V. S. 26, 1853). Josef von Lenhossék. Die künstlichen Schädelverbildungen im Allgemeinen und zwei künstlich verbildete makrocephale Schädel aus Ungarn (Pest 1878). Die Ausgrabungen zu Szeged-Óthalom in Ungarn etc. (Wien 1856). M. Bräss. Beiträge zur Kenntniss der künstlichen Schädelverbildungen (Leipzig 1866). Д. Н. Анучинъ. О деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ Россіи (Извѣстія общ. любителей ест., антроп. и этн. XLIX, стр. 367. Москва 1887). Sur les crânes anciens artificiellement déformés, trouvés en Russie (Congrès internat. Moscou 1892). Niederle, «Die neuentdeckten Gräber von Podbaba und der erste künstlich deformirte praehistorische Schädel aus Böhmen (Mitth. der anthr. Ges. in Wien XXII, S. 1, 1892).

³⁷³⁾ Dr. Fr. Bock. Schatz des Westgothenkönigs Athanarich gef. im J. 1837 in Petreosa. (Mittheil. der k. k. Centralcommission 1868, S. 106). J. Hampel. Der Goldfund von Nagy Szent-Miklós (Pest 1886). См. также Ungar. Revue 1896, S. 652. Fr. Pulszky. Die Goldfunde von Szilágy-Somlyó (Pest 1889). J. de Baye. Le trésor de Szilagy-Somlyo, Transylvanie (Paris 1893).

³⁷⁴⁾ См. Paul B. du Chaillu. The Viking Age. (London 1891). О желязномъ вѣкѣ въ Даніи и Скандинавіи вообще см. еще Engelhardt C. Denmark in the early iron age (London 1866). Ср. также Aarbøger for nord. Oldkyndighed 1881, стр. 79 pas. Undset I. Fra Norgesældre Jernalder (Kopenhag. 1880). H. Hildebrand. The industrial arts of Scandinavia (London 1883). Lorange A. L. Den yngre Jernalders Svaerd. (Bergen 1889) Folio.

³⁷⁵⁾ Объ обычаяхъ погребать мертвыхъ въ ладъ у германцевъ см. Grimm, Kl. Schriften. II, str. 266 и его-же Deutsche Mythologie 3 изд., стр. 790. — См. также K. Weinhold Altnordisches Leben (Berlin 1856) стр. 483, O. Montelius (Archiv für Anthropologie XVII, стр. 386) и Д. Анучинъ. Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда, «Древности», т. XIV.

³⁷⁶⁾ Приведемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя новѣйшія сочиненія: L. F. Wimmer, Runeskriftens oprindelse og udvikling i Norden (Kopenhag. 1874). Нѣмецкій переводъ Dr'a F. Holthausen'a, подъ загл.: «Die Runenschrift» 2-е изд. Berlin 1887. Olsen B. M. Runerne i den oldislandske literatur (Kopenh. 1883). Stephens G. Old-northern Runic monuments of Scandinavia and England (Kopenh. 1886—81). I. Taylor. Greeks and Goths: a Study on the Runes (London 1879). Stephens G. The old northern Runic Monuments of Scandinavia and England (London 1879). Handbook of the Old northern Runic monuments (London 1884). O. Montelius. Das Alter der Runenschrift im Norden. (Archiv für Anthropologie 1888, стр. 151). Henning R. Die deutschen Runendenkmäler (Strassburg 1889). Bugge S. Norges indskrifter med de aeldre runer etc. (Christiania 1891 г.) и др.

³⁷⁷⁾ Charles de Linas. Orfèvrerie mérovingienne. (Paris 1864). Les oeuvres de Saint-Eloi etc. la verroterie cloisonnée (Paris 1864). L'orfèvrerie cloisonnée (Paris 1877—1887). F. de Lasteyrie. Histoire de l'orfèvrerie. Epoue barbare (Paris, 2-е изд. 1877). Ср. также J. Schulz. Der byzant. Zellenschmelz (Frankfurt am M. 1890). И. Толстой и Н. Бондаковъ. Русскія древности. Т. III. Древности временъ переселенія народовъ (Спб. 1890). Bar. J. de Baye. Sujets décoratifs empruntés au regne animal dans l'industrie gauloise (Paris 1866). Его-же. Études archéologiques. Epoue des invasions barbares (Paris 1889). Его-же. Les bijoux gothiques de Kertch (Paris 1888). La bijouterie des Goths en Russie (Paris. Mémoires de la soc. nat. d'antiquaires 1892). Dr. Grempler. Ср. примѣч. 318 и докладъ «Zur Geschichte der Fibeln in ihrer Beziehung zum

Merovingerstyl», на съвѣдъ нѣмецкихъ антропологич. обществъ въ Данцигѣ, 1891. Ср. также примѣч. 361.

³⁷²⁾ Г. Спасскій. О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей (Спб. 1857). С. E. de Ujfalvy. Expédition scientifique française en Russie. VI. Les antiquités altaïques de la Russie et de la Sibirie (Paris 1880). В. В. Радловъ. Сибирскія древности I. (Спб. 1889—91). Atlas der Alterthümer der Mongolei (Спб. 1892). Ср. также Д. Клеменцъ. Древности минусинскаго музея (Томскъ 1886—7). Martin F. R. Les antiquités de l'âge du bronze de la Sibirie du Musée de Minoussinsk (Stockholm 1893). Idem. Die Sammlung R. Martins. Ein Beitrag zur Kenntniss der Vorgeschichte und Kultur der sibirischen Völker (Stockholm 1895), съ атлас. Поповъ: Общій обзоръ археологич. изслѣдованій въ Сибирѣ (въ словарѣ Межова) и В. И. Межова «Сибирская библиографія» I—II (Спб. 1891).

³⁷³⁾ Odobesco A. J. Antiquités scythiques. La grande couronne de Novo-Tcherkask (Bucarest 1879). Было издано и по румынски.

³⁷⁴⁾ А. П. Смирновъ. О сассанидскихъ блюдахъ. Казань 1894.

³⁸⁰⁾ L. Niederle. O původu Slovanů (Praha 1896).

³⁸¹⁾ Главнымъ соч. остаются и до сихъ поръ славянскія древности Шафарика Р. J. Šafařík Slovanské starožitnosti. Praha 1837, 2 изд., 1863. Ср. Его-же Slovanský národopis (Praha 1842, 1849), а затѣмъ всѣ сочиненія по начальной исторіи славянскихъ народовъ. Перечисленіе главнѣйшихъ изъ нихъ можно найти напр. у Krek'a. Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2 изд., стр. 347. Ср. еще Dr. T. Maretič. Slaveni u davnini (Zagreb 1889) и G. Buschan. Germanen und Slaven (Münster 1890).

³⁸²⁾ J. Vocel. O vzdělanosti Slovanského národu v prvotních sidlech jeho (Časopis musea král. českého 1864, стр. 353). Ср. также Abhandl. der böhm. k. Ges. der Wissensch. Prag. 1864, II, стр. 99 и Pravěk země české, стр. 353 и слѣд.—Die Bedeutung der Stein und Bronzealterthümer für die Urgeschichte der Slaven (Abhandlungen d. böhm. königl. Ges. der Wiss. Prag. Серия VI, вып. 3, стр. 40, 1879). А. Будиловичъ. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ (Кіевъ 1878—79, 1882). Ср. также прибавленія къ книгѣ А. И. Бодуэнъ-де-Куртенъ. Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ славянъ (Варшава 1880). Ср. также книгу бр. Ирекховъ: Josef u. Hermenegild Jireček. Entstehen christlicher Reiche im Gebiete des heutigen österr. Kaiserstaates (Wien 1865) стр. 73 и слѣд.—J. Jagić. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga (Zagreb 1867) — въ введеніи. Отдѣльная глава посвящена этому также въ исторіи славянъ W. Boguslawski-ego.

³⁸³⁾ G. Krek Dr. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte (2 изд. Graz 1887), стр. 103 и 353 pas.

³⁸⁴⁾ Относительно религіи древнихъ славянъ укажемъ чешскую книгу: Dr'a H. Máchal'a «Nákres slovanského bájeslovi» (Praha 1891), гдѣ приведена, хотя и не безъ пропусковъ, новѣйшая литература этого вопроса.

³⁸⁵⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ (Москва 1868, нов. изд. въ Спб. 1890). Ср. также статью Dobrovského: «Über die Begräbnissart der alten Slaven (Abh. d. böhm. Ges. d. Wiss. 1786). Caland, W. Über Todtenverehrung indogerm. Völker. Amsterdam. Akad. 1888 и сочиненіе Д. Н. Анучина: Сани, лады и кони, какъ принадлежности похоро-

наго обряда. М. 1890. (Отд. отд. изъ «Древностей» Имп. Моск. Археол. Общ., т. XIV).

³⁸⁶ И. М. Соболевскій. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ Славянъ (Харьковъ 1892).

³⁸⁷ Перечисленіе и описаніе чешскихъ валоу см. у Voseľ'a Právěk země české I, гл. 5, и II, гл. IX, кромѣ того у Jelínek'a, въ книгѣ Úber Schutz- und Wehrbauteu... mit besonderer Rücksicht auf Böhmen (Prag 1885) и Pič'a въ Památkách archaeol. XV, стр. 353, 376 раз., хотя тоже далеко не полныя. О валахъ въ прочихъ славянскихъ земляхъ ср. Z. D. Chodakowski. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem (Kraków 1835). И. И. Срезневскій. Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ (Харьковъ 1846). Dr. Kaz. Szulc. Budowie i usypaliska Słowian pogańskich (Roczniki towarzystwa przyjaciół nauki, Poznań 1863). Д. Я. Самоковцовъ. Древние города Россіи (Варшава 1878). R. Virchow. Burgwälle an der Mogilnitsa in Posen (Zeitschrift für Ethnologie IX. стр. 243). O. Schuster. Die alten Heidenschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des oberlausitzer Schanzensystems (Dresden 1869). Fr. von Bönigk. Über ostpreussische Burgwälle (Königsberg 1880) R. Behla. Die vorgeschichtlichen Rundwälle im östlichen Deutschland (Berlin 1884). Konst. hr. Tyszkiewicz. Wiadomość historyczna o Zamkach na Litwie i Rusi litewskiej (Wilna 1859). V. Oskar. Schlesische Heidenschanzen, ihre Erbauer und die Handelstrasse der Alten. (Grottkau 1890). Hjalmar Appelgren. Suomen Muinaislinnat (Helsingfors 1891), о городищахъ финновъ ср. ст. «Городища» Д. Анучина въ «Энциклоп. Словарь» Брокгауза и Ефрона.

³⁸⁸ R. Virchow. Über gebrannte Steinwälle der Oberlausitz (Zeitschrift für Ethnologie 1870 стр. 257, 461). Dr. J. Woldrich. O složení několika hradištjiho českých (Česky Lid. II, стр. 1, ср. также и стр. 489). См. также и рефераты на археол. съѣздахъ, особ. въ Трирѣ (Correspondenzblatt der deutsch. anthr. Ges. 1881 и 1883). F. Barthelémy. Camps vitrifiés et camps calcinés (Nancy 1892).

³⁸⁹ См. моя статья «Příspevek k ocenění vlnovky na našich nádobách (Čas. muz. olom. 1891 стр. 101), и Bemerkungen über einige Charakteristiken der alt-slavischen Gräber. II. Wellenlinie. (Mittheil. der anthropol. Ges. in Wien. 1893 стр. 205).

³⁹⁰ F. J. Beneš. Schloss Hrádek (Praha 1887). Наибольше впрочемъ подробныя свѣдѣнія о немъ далъ Kl. Šermák, руководившій раскопками и описавшій ихъ въ изд. Центральной Комиссіи для сохр. австр. памятн. (1888 стр. 65, 1889 стр. 194, 1890 стр. 102, 1891 стр. 6, 52, 64) и проч.

³⁹¹ О валахъ и укрѣпл. въ Сербіи см. Miličević. Kněževina Serbija. 1876.

³⁹² S. Müller. Über slavische Schlafenringe (Schlesien-Vorzeit in Bild und Schrift III, стр. 189). Dr. J. Lissauer. Über den Formenkreis der slav. Schlafenringe (докладъ на арх. съѣздѣ въ Дании. Correspondenzblatt der d. anthr. Ges. 1891 стр. 138 и Archeologiai Ertésítő 1891 стр. 333). См. также мою специальную статью «Bemerkungen über einige Charakteristiken der altslav. Gräber. I. Schlafenringe. (Mittheil. der anthr. Ges. in Wien 1894, p. 194). О польскихъ находкахъ въ Познаніи въ последнее время была статья Köhler'a въ Verhandlungen der berlin. anthrop. Ges. 1896.

³⁹³ Ср. также R. Andree. Todtenmünze (Ethn. Parallelen und Vergleiche. I. Leipzig 1889).

³⁹⁴⁾ См. гл. обр. мою работу: *Príspevky k anthropologii zemi českých. I. Hroby s kostami z konce doby praeistorické v Čechách* (Praha 1891).

³⁹⁵⁾ W. Lipp. *Die Gräber von Keszthély* (Budapest 1885).

³⁹⁶⁾ А. И. Павинскій. *Допсторическое время въ Царствѣ Польскомъ* (Варшава 1875). А. Kirkor. *Pokucie pod wzgledem archaeologicznym* (Kraków 1886). Его же. *Mohyly a hroby předhistorické v Polsce, Litvě a Rusi*. (Slovansky sbornik I, str. 1. Praha). См. также Введение стр. XIII.

³⁹⁷⁾ Изъ очень обширной литературы о русских курганахъ укажемъ только главные работы въ порядкѣ нашего изложенія въ текстъ: Д. Самоковасовъ. Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи (Антропол. выставка въ Москвѣ 1879 г. III, 1, стр. 338). Д. Самоковасовъ. Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи. Ср. и проч. работы Самоковасова какъ напр.: *Могилины древности Екатеринославской губерніи*. (Одесса 1883). В. Н. Ястребовъ. *Курганы и городища Херсонскаго края* (1892). В. Б. Антоновичъ. *Древности югозападнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ*. (Матеріалы по археологіи Россіи. XI. Спб. 1893). Ср. оч. почтенную старинную работу: Иванъ Фундуклей. *Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи*. (Кіевъ 1848). С. С. Гамченко. *Житомирскій могильникъ*. (Житомиръ 1898). Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. Волынская губернія. (Спб. Литографир. изд. 1888). Г. Х. Татуръ. *Очеркъ археол. памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи* (Минскъ 1892). А. М. Семеновскій. *Памятники старины Витебской губ.* (Спб. 1867). Новое изд. вышло подъ загл. «Бѣлорусскія древности». (Спб. 1890). Kohl & Mehlis. *Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östl. Europa*. 2 Bände. (Jena 1879). Анатолий П. Богдановъ. *Курганное племя Московской губерніи*. (Москва 1865). Его же. Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губерніи. (Москва 1867). А. Гатцукъ. *Исслѣдованіе кургановъ Московской губерніи*. (Москва 1865). Гр. А. С. Уваровъ. *Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ*. (Москва 1872) и на франц. яз.: *Étude sur les peuples primitifs de la Russie. Les Mériens*. (S-Petersbourg 1875). Ср. также: Каталогъ собранія древностей графа А. С. Уварова. I и II. Москва 1887) и Указатель памятниковъ Имп. Росс. Историческаго музея (Москва 2-ое изд. 1893) съ превосходнымъ введениемъ. А. К. Жизневскій. *Описаніе Тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ*. (Москва 1888). Ф. Н. Глинка. *О древностяхъ въ Тверской губерніи*. (Спб. 1836). Архимандр. Макарій. *Памятники древности въ Пермской губерніи*. (Записки Имп. арх. общ. VIII, стр. 197). Въ видѣ добавленія къ литературѣ, указанной въ Введеніи (стр. XXVI), укажемъ здѣсь еще: П. Полевой. *Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта*. (Спб. 1879—80). Л. Яковлевъ. *Древности Россійскаго государства*. (Москва 1865). Очень интересная характеристика славянскихъ могилъ была сдѣлана г. Сяпцынымъ на русск. археол. съѣздѣ въ Вильно въ 1893 г.

³⁹⁸⁾ Полный списокъ этихъ кладовъ см. въ Каталогѣ средневѣк. древн. Имп. Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, изданномъ въ 1891 г. проф. Н. Кондаковымъ. (1) кладъ, найденномъ воелѣ Старой Рязани въ 1822 г., см.: К. Кадайдовичъ. *Письма къ А. Θ. Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губ. и пр.* (Москва 1823). О Смоленскомъ кладѣ: Д. И. Прозоровскій. *Описаніе Смоленскаго клада* (Спб. 1870), о Владимірскомъ: В. Стасовъ. *Вла-*

дмирскій кладъ. (Спб. 1863). Въ последнее время вышло замѣч. соч. Н. П. Конакова: «Русскіеклады домонгольскаго періода». Спб. 1896.

³⁹⁹⁾ О культурѣ древнихъ финновъ вообще см. слѣдующія лингвистическія изслѣдованія: А. Ahlquist. Kulturwörter der westfinnischen Sprachen (1875 Helsingfors), нѣмец. перев. и русское извлеч. Л. Майкова: «О древней культурѣ зап. финновъ по даннымъ языка» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1877, съ дополненіями. V. Thomsen. Den gotiske sprogklassens indflydelse på den finske. (Копенг. 1869). По нѣмец. въ переводѣ Е. Sievers'a «Über den Einfluss der german. Sprachen auf die finnisch-lappische» (Halle 1870). Anderson N. Studien zur Vergleichung der indogerm. und finnisch-ugrischen Sprachen (Dorpat 1879). Штакельбергъ Р. Р. Иранофинскія лексикал. отношенія. «Восточ. Древности», I, 3 p. 283. O. Donner. Über den Einfluss der litauischen auf die finnischen Sprachen. (Teichner's internat. Zeitschrift I. p. 257). Веске М. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. (Казань 1890). Mikkola J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. (Helsingfors 1894). V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske Sprog. (Kopenhagen 1890).

⁴⁰⁰⁾ В. Полявановъ. Муранскій могильникъ. (Казань 1893).

⁴⁰¹⁾ Рядъ изображеній каменныхъ бабъ см. въ атласѣ: Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ трудамъ I археологическаго съѣзда. (Москва 1871). Таб. I и II.

⁴⁰²⁾ Dr. Aug. Hartmann. Die Becherstatuen in Ostpreussen und die Literatur der Becherstatuen. (Archiv für Anthr. XXI. 1893, p. 253).

⁴⁰³⁾ J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien (Helsingfors, Paris 1877—85). Его же. La Boamonorum Gens et les Ruotsi. Étude d'histoire et d'archéologie (Helsingfors 1884). J. K. Bähr. Die Gräber der Liven (Dresden 1850). F. Kruse. Necrolivonia oder Geschichte und Alterthümer Livlands, Estlands und Curlands (Leipzig 1859). C. Grewingk. Heidnische Gräber Russisch-Litauens, Lettlands und Weissrusslands. (Dorpat 1870). (Katalog der Ausstellung des X archäolog. Kongr. in Riga 1896, mit vielen Tafeln).

^{404 - 405)} Для этой части моей работы я пользовался главн. обр. замѣчательными сочиненіями: G. Jacob'a. Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter (Leipzig 1887). Welche Handelsartikel bezogen die Araber aus den nordisch-baltischen Ländern? (I изд. Berlin 1887, 2 изд. 1891). Die Waaren beim arabischen Verkehr im Mittelalter (Berlin 1891). Ср. также: Stüwe. Die Handelszüge der Araber unter den Abbasiden durch Afrika. Asien und Osteuropa (Berlin 1836). Saveljev. Über den Handel der Wolga-Bulgaren im 9. und 10. Jahrh. (Erman's Archiv. Bd. VI, 1848). Alfred von Kremer. Kulturgeschichte Orients unter den Chalifen (Wien 1877). E. Babelon. Du commerce des Arabes dans le Nord de l'Europe avant les croisades (Paris 1882). Важнѣйшія изданія арабскихъ писателей, касающихся славянъ: v. Hammer. Sur les origines russes. Extraits de manuscrits orientaux (Спб. 1825). Frähn. Ibn Fozzlan und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit (Спб. 1828). Frähn опубликовалъ кромѣ того еще нѣсколько другихъ работъ. Char moy. Relation de Mas'oudy et d'auteurs musulmans sur les anciens Slaves (St.-Petersb. Mémoires de l'academie. VI t. II. 1834). В. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ. (Спб. 1860). Д. А. Хвольсонъ. Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Славянахъ и Руссахъ араб. писателя X вѣка Ибнъ-Даста. (Спб. 1869). А. И. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ

съ половины VII до конца X вѣка. (Спб. 1870. Дополненіи. Спб. 1871. Приготовляется новое дополненное изд.). Извѣстія Ibrahim Ibn Jakub'a были переводимы очень часто. Самое лучшее изд. Кунька и бар. В. Розена. Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ (Спб. 1878). Прилож. къ 32 т. Зап. Акад. наукъ.

⁴⁰⁶⁾ Frähn Ch. Topographische Übersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland (Bulletins de l'académie des sciences. T. IX. St.-Petersh. 1841). Къ этому же см. еще два дополненія Савельева въ томъ же изд. въ 1844 и 1847 гг. П. С. Савельевъ. Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи (Спб. 1846). Изъ ряда другихъ соч. можно указать еще на книгу Minutoli. Topographische Übersicht der Ausgrabungen griech., röm., arab. und anderer Münzen und Kunstgegenstände, wie solche zu verschiedenen Zeiten in den Küstenländern des Baltischen Meeres statt gehabt (Berlin 1843) и новѣйшія соч. А. Müller'a. Arabische Münzen in den baltischen Küstenländern (Königsb. 1885) и Тизенгаузена. Монеты восточнаго халифата (Спб. 1873). Подробную литературу см. у Jacob'a. Der nordisch-baltische Handel der Araber, стр. 98.

⁴⁰⁷⁾ Главныя сочиненія, посвященныя краниологіи нынѣ живущихъ и историческихъ европейскихъ племенъ: His W. & L. Rüttimeyer. Crania Helvetica (Basel 1864). A. Ecker. Crania Germaniae meridionalis (Freiburg 1865). H. von Hölder. Zusammenstellung der im Württemberg vorkommenden Schädelformen (Stuttgart 1876). R. Virchow. Beiträge zur physischen Anthropologie der Deutschen, mit besond. Berücksichtigung der Friesen (Berlin 1876, Abhandl. der Academie der Wiss.). A. de Quatrefages et E. T. Hamy. Crania ethnica. (Paris, 1873—1882). J. B. Davis and J. Thurnam. Crania britannica. (London 1865). J. Kollmann. Beiträge zu einer Kraniaologie der europ. Völker (Archiv für Anthropologie XIII, стр. 79, 179, XIV стр. 1. Изъ болѣе специальныхъ работъ особенно важны: J. Gildemeister. Ein Beitrag zur Kenntniss nordwest-deutscher Schädelformen (Archiv f. Anthr. XI, стр. 47). Lissauer. Crania prussica (Zeitschrift f. Ethnologie I, 1874, II 1878) и чешская работа Dr. J. Matiegky. Crania bohemia I. Böhmen's Schädel aus dem VI—XII. Jahrhundert. (Prahа 1891). Дальнѣйшія серіи чешскихъ череповъ были помѣщены въ журн. «Cesky lid» (гозн. II, III). Въ Польшѣ наиболѣе работалъ проф. Isidor Koronicki (см. рядъ статей, помѣщенныхъ въ Zbiór Wiadomości do Antropologii krajowej издаваемой Краковской Академіей (1877—1883). А. П. Богдановъ резюмировалъ результаты цѣлаго ряда своихъ работъ (съ 1815 по 1892 г.) въ статьѣ «Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale (Comptes Rendus du Congrès internat. d'anthropologie à Moscou. T. 1).

⁴⁰⁸⁾ Изъ обширной литературы, касающейся вопроса о происхожденіи славянъ и колыбели первобытнаго арийскаго племени, укажемъ здѣсь только нѣсколько главнѣйшихъ сочиненій: Adolphe Pictet. Les origines indoeuropéennes et les Aryas primitifs (Paris 1859—63, 2-me éd. 1877). Victor Hehn. Die Salz. (Berlin 1873). Th. Poesche. Die Arier (Jena 1878). Blondheit und Albinismus (Archiv für Anthr. XIV. 143). K. Penka. Origines ariacae (Wien 1883). Die Herkunft der Arier (Wien 1886). Über den phys. Typus und die Urheimat der Arier (Mittheil. der anthr. Ges. Wien. XIII. 255). Entstehung der arischen Rasse (Ausland. 1891. № 7—10) и др. J. van der Gheyn. L'origine européenne des Aryans (Anvers 1885). Ch. de Ujfálvy. (Bulletins de la Soc. d'anth. Paris. 1884). Fr.

Spiegel. Die arische Periode und ihre Zustände. (Leipzig 1887). Ch. Morris. The Aryan Race, its Origin. etc. (Boston 1888). G. Rendall. The cradle of the Aryans (London 1889). P. Bradke. Über Methode und Ergebnisse der arisch. Alterthumswissenschaft. (Giessen 1890). C. J. Taylor. The origin of the Aryans (London 1890. Недавно вышелъ русскій переводъ). Изложение всего вопроса и его историческаго развитія можно найти въ известной книгѣ O. Schrader'a. Sprachvergleichung und Urgeschichte (2-ое изд. Jena 1890) и у Sal. Reinach'a.
⁴⁰⁹⁾ Ср. мою работу: O původu Slovanů. Studie ku slovanským starožitnostem. (Praha 1896).

⁴¹⁰⁾ Dr. J. Talko-Hryniewicz. Charakterystyka fizyczna ludów Litwy a Rusi. (Zbiór Wiadomości XVII, p. 112). Charakterystyka fiz. ludności Podola. (Materiały antropologiczne. I. Kraków 1896, p. 64.

⁴¹¹⁾ Н. Зографъ. Антропометрическія изслѣдованія мужскаго великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губ. (Москва 1892). Ср. критическую брошюру г.г. Ивѣновскаго и Рождественскаго: Насколько вѣрны выводы проф. Н. Ю. Зографа и пр. Москва. 1894.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Адыу (Avebury) стр. 131.
Австрія Верх. и Ниж. въ палеолитич. эп. стр. 44; въ неолит. эп. стр. 96, 110; въ бронз. стр. 306; въ нач. желѣзной стр. 394, въ римскую эп. стр. 480; въ концѣ германской эп. стр. 504; въ славян. эп. стр. 560.
Аиры (стекл. бусы) стр. 351.
Антелекская пещера стр. 86.
Ахкады см. *Сумеры*.
Алеція стр. 446.
Аллеи каменные (alignements) стр. 130.
Алороды стр. 268, 357.
Англія, Шотландія и Ирландія Сочин. объ археол. этихъ странъ стр. XXIV.
А. въ камен. вѣкѣ стр. 38, 77, 94, 126, 134, 140; въ бронз. в. стр. 284; въ гальскую эпоху стр. 457; въ герман. эп. стр. 503.
Антимоній см. *Сурыма*.
Антимонитъ стр. 197.
Антоновичъ (проф. В. В.) стр. 55, 56, 78, 147, о бронз. вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра стр. 327, классификація городищъ стр. 540—541; древлян. кург. стр. 564; классифик. кург. въ Украинѣ стр. 566; археол. Кіевск. губ. 572.
Антропологія, отнош. ея къ доисторич. археологіи стр. 1.
Anthropithèque Мортілье стр. 11.
Аяза lunata и *cornuta* стр. 275, 309.
Амучина (акад. проф. Д. Н.), о домашнихъ животныхъ въ Россіи каменнаго вѣка стр. 55, 56; о трепаніи череповъ въ доистор. вр. стр. 173; о погребальн. обыч. внородцевъ стр. 567; о христіанск. симв въ языч. могилахъ стр. 577; о типѣ великоруссовъ 592, 593.
Арабы ихъ торговля въ восточ. Евр. стр. 684, араб. писатели о славянахъ стр. 535, 583, 595.

Ашѣль (Сант—) стр. 35. с. ашельская эпоха стр. 80.

Вабы каменные стр. 580.
Валканы въ камен. в. стр. 57, 128; въ бронзов. в. стр. 270; въ нач. желѣзнаго стр. 379.
Varrow въ Англіи стр. 134, 295.
Васки стр. 187.
Батайлляръ (Batallard) его теорія цыганъ стр. 217, 218.
Bâtons de commandement см. *Жезлы*.
Белемонтъ см. *Гиппопотамъ*.
Бельгія въ камен. в. стр. 37; въ меровингск. эп. стр. 508.
Бибракъ стр. 447.
Бизонъ см. *Зубръ*.
Бобринскій (графъ А. А.) стр. 147.
Бодановъ (проф. А. П.) стр. 55, 150, о расѣ древн. обитат. Россіи стр. 591, 594.
Бойи и Маркоманы въ Чехіи стр. 418, 458, 461, 481.
Болгарія стр. 128.
Болоня наход. стр. 354, 455.
Боснія и Герцеговина находки стр. 98, 270, 379, 459, 460.
Браслеты каменн. стр. 169, пѣзъ равновѣсн 169; бронзовые 280—282; венгер. спиральные стр. 289; пѣзъ дутыхъ шариковъ стр. 455, 462.
Брахницефалы стр. 182: брахницефалы камен. в. стр. 184,—среди славянъ стр. 591 слѣд.
Бриксамская пещ. стр. 39.
Бриты стр. 230, 298, 355.
Бронза ея составъ стр. 210, происхожд. названія стр. 211; происхожд. бронзов. культуры по мн. Пильссона стр. 213; Гёрнеса стр. 214; Вархова стр. 215; Томашка стр. 215; Соф. Мюллера, стр. 216; Габр. де Мортілье 217—219 и проч. стр. 213, 220.

Bustum у римлянъ стр. 151.
Бутмиръ раскоп. стр. 98.
Буше де Пертъ (Boucher de Perthes) стр. XVI.
Бычья скала пещ. стр. 48, 401—404.
Bulbe de percussion стр. 31.

Вавилоны см. Лабиринты.

Вачъ наход. стр. 383.
Ведрa желобчатая (ciste a cordoni) стр. 362; дерев. съ оковкой стр. 578.
Венрия стр. XXVII; В. въ палеолитич. эп. стр. 44; въ неолитич. стр. 96, 97, 141, 153; въ мѣдную стр. 203; въ бронз. стр. 288; въ нач. желѣзной эп. стр. 396, 414; въ готскую эп. стр. 506, 508; въ повдн. славянск. эп. стр. 560.
Венеты стр. 366 и сл.
Verroterie cloisonnée стр. 449, 502.
Викинги эпоха вики—овъ стр. 510.
Вилланова наход. стр. 354.
Вирховъ Руд. о неандерт. черепъ стр. 177.
Височныя кольца стр. 550 и слѣд.
Волюсто-линейная орнаментация посуды стр. 543.

Гакзильбергъ стр. 551.

Галичина см. Украина.
Галлы стр. 441; галльскія культура стр. 440; отнош. къ кельтамъ стр. 443; нашествія галловъ стр. 445, 459, галльск. монеты стр. 468.
Галлитатты опис. наход. стр. 371; культура стр. 370, 378.
Нату (Dr E. T.) авт. *Scania ethnica* (см. *Катрфажъ*) о славянск. народ. стр. 593.
Ganggräber стр. 91.
Германия общ. сочин. по археологii Герм. стр. XXV; Герм. въ камен. вѣкѣ стр. 40, 109, 126—127, 139; въ бронзов. в. стр. 304, 319; въ нач. желѣз. в. стр. 397, 406, 410, 412; въ латевск. эп. стр. 469; въ эп. римск. вліянія стр. 484; въ германск. эп. стр. 503; въ славянск. эп. стр. 547, 561.
Германы стр. 490; нашествія ихъ стр. 492; гробницы стр. 494, герман. типъ черепа стр. 590 слѣд.
Гиппопотамъ стр. 23.
Гиттиты см. Хиттиты.
Hiatus между палеолит. и неолитич. эпохами стр. 71, 181, 614, 652.
Гиена пещерная стр. 21.
Глазичина находки стр. 379.
Глазуръ на керамикѣ стр. 479.
Ноернес (Dr. M) классифик. бронз. вѣка стр. 249;—культурныхъ поясовъ желѣзн. в. стр. 339.
Гомеровская Троя стр. 254; отнош. ея

культ. къ наход. въ другихъ городахъ Троя и микенскимъ стр. 266.
Гонци с. Полт. Губ. стр. 54.
Гончарство въ палеолит. эп. стр. 61, въ неолит стр. 165; въ бронзов. стр. 233, 285; типъ Эсте стр. 369; лужицкій типъ керамики стр. 412; типъ городищъ стр. 542, 544.
Городища вообще стр. 92, неолитич. стр. 95 и слѣд.; съ остеклованными валами стр. 92, 538; славянскія стр. 537; типъ керамики славян. городищъ стр. 417, 543, 550.
Готы стр. 493, искусств. и стиль стр. 520.
Грениа въ бронзов. в. стр. 255; въ желѣзн. стр. 342; греч. колонія на Средизем. морѣ стр. 353, на Черномъ м. стр. 420.
Гробницы въ жилищахъ стр. 89, 117; развитіе храмовъ изъ мѣстъ погребенія стр. 119, 125; мегалитическія гробницы стр. 124; съ каменными камерами или кистами, датскія стр. 91, вообще стр. 138, 139, 323, 408; плоскія неолитич. эп. стр. 138 и слѣд.; съ костяками въ скорчен. полож. стр. 189; куявскія въ Польшѣ стр. 143; гробн. безъ камеръ, но съ камен. плитамъ (gr. płytkowe a podpłytkowe) въ Польшѣ стр. 146; гроб. котлообразныя съ ост. трупосожженія (grubenbrandgräber) стр. 151; гр. куполовидныя въ Греціи стр. 263; съ гробами выдолбленными изъ древесныхъ пней стр. 301; гр. колоколовидныя (gr. podklozowe) стр. 319, 409; колоднеобразныя въ Италіи стр. 360; гр. а camera стр. 363; гроб. въ Эсте стр. 367; въ Чехіи стр. 559; вендскія гробн. стр. 484; погреб. въ ладьяхъ стр. 512; гробн. славянск. эп. стр. 549; рядовыя гробн. стр. 495.
Грузила для сѣтей и ткацкаго станка стр. 90, 168.
Гунны стр. 493.
Hünnenbetten (дольмены) въ Герм. стр. 127.
Данія см. Скандинавія.
Дарвинъ Ч. и его ученіе стр. XVII, 13.
Dépôts см. Клады.
Деформация искусств. череповъ стр. 507.
Дилиты стр. 121.
Диловый см. Четвертичная эпоха.
Дилитскій типъ керамики стр. 345, 346.
Дитиръ, пещеры по берег. стр. 56.
Доисторическія времена, опред. стр. II, доисторич. археолог. стр. I; ея значеніе стр. III; ея методъ стр. V; историч. очеркъ стр. VII и слѣд.

Долихонцефаля стр. 182, долихоцеф. камен. пер. 182; древ. славянъ стр. 592.
Дольмены стр. 118, 124.

Друиды стр. 444, друидическіе памятн. стр. 118.

Dryopithecus Fontani стр. 11.

Духово находки стр. 466.

Дюбуа (Dr Dubois) открытие *Pithecanthropus* стр. 12.

Евреи ихъ торговля рабами стр. 530, 584—585.

Египетъ въ эпоху мѣди стр. 202, 208; въ бронз. эп. стр. 238.

Жадеитъ см. *Ядеитъ*.

Жезлы (Bâtons de commandement) стр. 63, 68.

Жезло стр. 335; его распростр. и до-
бываніе стр. 336.

Жертвенники каменные стр. 21.

Жилища въ доистор. врем. стр. 81, 88, 90; шуссенридскіе остатки хиж. стр. 109; лѣтнія и зимнія жил. стр. 91; погреб. урны въ видѣ жилищъ стр. 91.

Заборола стр. 542.

Золото стр. 193.

Зубы (бизонъ) стр. 25.

Иберы стр. 186.

Изображенія на дольменахъ стр. 129; на складахъ въ Скандинавіи стр. 302; на погреб. урнахъ въ Пруссіи стр. 408.

Иллюры стр. 847.

Индексы см. *Черепные показатели*.

Ирландія см. *Англія*.

Искусство въ палеолит. эп. стр. 62, въ неолит. стр. 170.

Испанія и Португалія археолог. литер. стр. XXIV; въ палеолит. эп. стр. 39, 95, 126, 140; въ эп. мѣди стр. 203; 204 въ бронз. эп. стр. 286; въ желѣз. эп. стр. 406

Италийцы или Италики стр. 276, 348, 353.

Италія соч. по доист. арх. Ит. вообще стр. XXV; въ камен. вѣкѣ стр. 39, 108; въ эп. мѣди стр. 204; въ бронз. эп. стр. 219, 270; въ началѣ желѣзн. стр. 348;

Иваказъ гробн. стр. 128, 215, 248, 239; кобанскій могильн. стр. 329, позадн. гробн. стр. 507.

Cachettes см. *Клады*.

Каллаитъ (минер.) стр. 83.

Каменный вѣкъ стр. 27—28.

Каменные жертвенники см. *Жертвен-*

ники; камен. сооруженія неолитич. эпохи стр. 112.

Камни употреблявш. для выдѣлки ору-
дій стр. 59, 163; чортовы камни стр. 122; чашечные к. стр. 123; колеблю-
щиеся камни стр. 121.

Карачарово палеолит. нах. стр. 54.

Карийцы стр. 268.

Карнакъ (Carnac) и карнакская эпоха, стр. 75, 130.

Касситеридскіе о-ва, стр. 213.

Castelliere см. *Городища*.

Кастенодоло стр. 10.

Катрфажъ объ отнош. человѣка къ животн. стр. 11, 13, о религіоз. чув. стр. 67. Катрф. и Амп (см. *Нану*) стр. 176.

Кельты см. *Цельты*.

Кельты какъ предпол. создатели ме-
галит. памятн. стр. 136, о всемъ проч.
см. *Галлы*.

Кентская пещ. стр. 39.

Керамика см. *Гончарство*.

Кета см. *Хиттиты*.

Кинжалъ въ бронз. в. 228, 289—290, 300.

Кирпъ эпоха мѣди стр. 202, бронз. в. 241.

Кирпичъ стр. 529; кирпичъ глина стр. 19.

Кіевъ палеол. эп. стр. 54, 55: кіев. типъ серегъ стр. 556, 568, 569; кіев. клады стр. 569; монеты 573.

Kjökkenmödding'и открытіе ихъ стр. XI, опис. стр. 78; распростран. стр. 80.

Клады (dépôts, cachettes) стр. 235, 280, 284, 291; кл. поломанныхъ предметовъ стр. 299, 307, 325; кл. славян. эп. въ Россіи стр. 568, 573.

Кобанскій могильникъ стр. 329.

Колибель человечества стр. 14.

Конь въ палеолит. эп. стр. 24.

Корнито находки стр. 356, 356.

Крайна наход. жел. в. стр. 386 460

Краковъ пещ. въ окр. кр. стр. 52, 87.

Крании (crânes) въ Ирл. стр. 105.

Красная краска на костяхъ стр. 147, 148.

Кремень стр. 59—60; кр. орудія третич. эп. стр. 8 и сл.; четвертич. стр. 59, 60.

Кро-Маньонъ пещ. 36; раса 176.

Крымъ дольмены стр. 128.

Кульна и *Костеликъ* пещ. въ Моравіи стр. 48, 86.

Курганы объясн. слова кург. стр. 146; понятіе стр. 133; англійскіе кург. см. *barrows*; русск. к. стр. 146, 328, 420; классиф. русск. кург. Самоковасова стр. 328, 422; классиф. украинскіхъ к. В. Б. Антоновича стр. 566; чешско-моравскіе к. стр. 312, 399, 464, 559; укр. кур. съ костышами стр. 567; курганы безъ погреб. (памятные, сто-
рожевые и пр.) стр. 563.

Кухонныя или сорныя кучи см. *Kjökken-mödding'u*

Лабирикты (вавилонны) въ Финляндіи стр. 135—136.

Лайбахъ см. **Любляны**.

Ларно (Larnaud) кладъ см. стр. 280.

Ларнодек. эпоха стр. 279.

Лэббокъ (Sir John Lubbock) стр. 28, 67.

Лсы пещерный стр. 21.

Ледниковая эпоха и ея фазисы стр. 17
междуледниковая стр. 18; въ Россіи стр. 53—54.

Ленгюль (Lengyel) городищ. и гробницы стр. 96, 141.

Лёссъ (loess) и его происхожд. стр. 19.

Лигуры стр. 183, 186; лигурійскія пещеры стр. 40, 85.

Лингвистическая палеонтологія стр. 528.

Лосъ стр. 24.

Лужницкій типъ керамики стр. 417.

Левинныя ворота въ Микенахъ стр. 259.

Любляны (Лайбахъ) музей стр. 460.

Любна пещ. стр. 45.

Людодѣство въ доистор. врем. стр. 59.

Lanilla стр. 231; ср. также стр. 355.

Лочія (Санта—) наход. стр. 382.

Мадалина (св.) находки, стр. 386.

Мадлэжъ пещ. стр. 36, эпоха—стр. 32.

Мамонты стр. 22; въ Сѣв. Россіи 54; въ Украинѣ 55.

Макролитическія оруд. стр. 40.

Маркета св. стр. 386.

Маркоманы см. **Бойи**.

Марработто наход. стр. 360, 458.

Мастерскія (ateliers) каменн. орудій стр. 76,—присяжнъ въ Укр. 569.

Машмца (Мавзуса) пещ. стр. 52, 87.

Медвѣдь пещерн. стр. 20.

Мелосъ (о-въ) наход. стр. 113.

Меншеры стр. 118—120.

Ментона пещ. и нах. стр. 36—37.

Меровингская эпоха и культ. стр. 494,—стиль стр. 520.

Мерянскія древности стр. 577.

Месопотамія въ бронз. э. стр. 246.

Металлы исторія употребл. ихъ въ Евр. стр. 192, отд. мет. 193 и сл.

Методы типологическій и сравнительн. въ доистор. археол. стр. V—VI.

Мечъ стр. 229, 282, 288—290, 300, 373; ла-тенск. э. 451, 459—460, 496 и слѣд.

Микены наход. стр. 259.

Миллефйори стр. 351.

Михаилъ (Св.) наход. стр. 386, 461.

Міоненъ стр. 5.

Монеты кельтскія стр. 467; радужныя чашечки стр. 469; находимыя при

покойникахъ стр. 553; арабскія въ Европѣ стр. 585.

Моногенизмъ стр. 14—15.

Monte-Aperto стр. 7.

Монтеліусъ (Оскаръ) э. бронзы въ Скандинавіи стр. 211, 294, 304, классификація жел. пер. стр. 486.

Моравія въ палеолит. э. стр. 46, морав. пещ. стр. 48; Мор. въ неолит. э. стр. 86, 98, 111, 141; въ э. мѣди стр. 206; въ бронз. э. стр. 307, 320; въ нач. желѣзн. стр. 401, 413; въ ла-тенск. э. стр. 464; въ э. герм. вл. стр. 505; въ славянск. э. стр. 547, 557.

Морены стр. 19.

Моржъ (Morges) въ Швейц. нах. стр. 283; эпоха—стр. 279.

Мортилье (Габр. де.—) о третичн. чело-в. стр. 7 и сл.; раздѣл. каменн. вѣка стр. 29; теорія hiatus'a стр. 71, 181, 614; теорія происхожд. бронзы стр. 217; раздѣленіе неолитич. э. стр. 74; о чело-вѣч. типахъ четверт. э. стр. 176 раздѣл. бронз. пер. стр. 279; классификація бронзовыхъ топоровъ стр. 226; мѣднѣе о бронз. в. въ Египтѣ стр. 240; о желѣзѣ въ Египтѣ стр. 337.

Музеи археолог. въ Евр. стр. XXI.

Мустье (Moustier) ст. стр. 36; мусть-ерск. эпоха стр. 30.

Мѣдь стр. 104, 193, 197; эпоха мѣди стр. 197, 202, 207.

Наштычка стр. 502.

Неандертальская пещ. стр. 41, типъ стр. 177 и сл.

Неолитическая эпоха опред. стр. 70; раздѣл. стр. 74; обзор. культуры стр. 154; хронологич. опред. стр. 174.

Нефритъ мѣстонахожд. въ Евр. стр. 164; орудія изъ нефр. стр. 163.

Niello см. **Чернь**.

Ножи бронз. в. стр. 230; жел. в. въ славянск. гробн. стр. 554, 561.

Нолеттская пещ. стр. 38, вол. челюсть стр. 68, 179.

Норвегія см. **Скандинавія**.

Носорогъ (Bhinoceros) стр. 23.

Нуклеусъ стр. 60, 90.

Нураги на о-въ Сардинія стр. 112, 114.

Обезьяны третичн. форм. стр. 5, 6, 11; въ отнош. къ чело-вѣку стр. 11 и сл.

Обсидіанъ стр. 164.

Общество археологич. стр. XVIII.

Овцебыкъ стр. 23.

Огонь стр. 58.

Одежда въ палеолит. э. стр. 57—58; въ неолит. стр. 167—169; въ бронз.

в. стр. 301; въ курган. пер. въ Россіи стр. 570.
Окрашивание костей въ красный цв., стр. 147, 148.
Олень гигантскій (*Megaceros hibern.*) стр. 23; О. сѣверный (*C. Tarandus*) стр. 24, 58, 79; О. обыкн. (*C. elaphus*) стр. 76, 79, 107.
Олигоценъ стр. 3.
Олимпія стр. 341.
Олливе-Борнаръ о металлахъ въ древ. Египтѣ стр. 208, 240.
Олово стр. 195—196.
Орудія каменные—ихъ приготовленіе стр. 59 и сл., 156—159; просверливаніе ихъ стр. 159; разныя ихъ формы стр. 59 и сл., 156—165; ихъ величина стр. 161, матеріалъ стр. 59, 162; употреб. каменн. ор. въ позднѣйшія эпохи стр. 227; орудія бронзовыя стр. 224 и сл.; ор. желѣзныя 373, ла-тенск. эп. стр. 460.
Отложения четвертичныя стр. 19—20.
Отта (*Otta*) въ Португаліи, стр. 8, 39.
Охота въ палеолит. эп. стр. 58; въ неолитич. стр. 155.
Шалафиты см. *Свайныя поселенія*.
Пальставъ стр. 227.
Паннонскій типъ керамики стр. 415.
Пелазги стр. 268.
Периодич. изданія по доист. археол. стр. XVIII.
Персія въ бронзов. в. стр. 248.
Пескьера свайн. постр. стр. 273.
Петри (Флиндерсъ) его находки въ Египтѣ стр. 208, 240.
Пещеры ихъ происхожд. стр. 20 и сл.; палеолит. эп. стр. 35; неолит. стр. 81; позднѣйш. стр. 285; искусственныя пещ. стр. 82.
Питтадеры стр. 85.
Pithesanthropus erectus стр. 12 и болѣе подробно въ примѣч. 9, стр. 600.
Платинкемія стр. 179.
Племена европ. въ камен. в. стр. 175; въ концѣ доистор. врем. глава X.
Плюценъ стр. 5.
Повозочки бронзовыя съ фигурками стр. 380, 391.
Подбабалъ—скій черепъ стр. 45; проч. находки стр. 500—505.
Показатели черепные стр. 182.
Полненизмъ стр. 14—15.
Польша въ палеолит. эп. стр. 51; въ неолит. стр. 87, 111, 128, 133, 143; въ бронзов. в. стр. 324, 326; въ нач. желѣзн. стр. 408, 412; въ ла-тенск. эп. стр. 471; въ эпоху римск. вл. стр. 485; въ поздн. славян. эп. стр. 547, 561, 594.

Поля погребальн. урнъ вообще стр. 316, 292, 414; въ Польшѣ стр. 319, 412; въ Лузаниі стр. 319, 412; въ Силезіи стр. 320, 409; въ Чехіи и Моравіи стр. 320, 413, 464, 482; въ Венгріи 292, 414; въ альпійскихъ странахъ стр. 392; въ Италіи стр. 276, 277; принадлежность ихъ вообще стр. 415.

Португалія см. *Испанія*.

Précurseur de l'homme Мортелье стр. 11.

Пряслицы стр. 90, 167, 569.

Пти-Моренъ (*Petit-Morin*) пещ. стр. 82—83, 170.

Пшедмостъ находки стр. 46.

Пысттъ его находки и классификація стр. 36, 179.

Раздѣленіе каменн. вѣка вообще стр. 28, четвертичн. эп. стр. 29, 33, неолитич. эп. стр. 74, эпохи металловъ стр. 201, 279.

Раскращиваніе тѣла стр. 170.

Рестуиъ на каменн. оруд. стр. 60.

Рионаръ городище стр. 100.

Римскія завоев. въ эп. цезарей стр. 472, рим. колоніи стр. 474; рим. древн. въ сѣв. и средн. Евр. стр. 480; упадокъ римск. госуд. стр. 489.

Робенауземъ стр. 75, 102, 105.

Россія географ. полож. стр. 420; Р. въ палеолит. эп. стр. 53, въ неолит. стр. 101, 128, 147, 150, въ эпоху мѣди стр. 207; въ бронз. в. стр. 326, въ желѣзн. в. стр. 420 и сл.; греческія гробн. въ Россіи стр. 424, Р. въ ски-ѳосармат. эп. стр. 427 и сл.; въ эп. готскихъ и азіатск. вліяній стр. 506, 509, 518; въ славян. эп. стр. 548, 564, 594; антропологич. типы стр. 593.

Руководства для производ. археологич. изслѣдованій стр. VII.

Руны въ Скандинавіи стр. 513.

Рыболовство въ доист. вр. въ палеолитич. эп. стр. 58, въ неолит. стр. 155.

Рыѣба на кости стр. 62—66.

Самоковасовъ (проф. Д. Я.) классифик. рус. кург. стр. 328, 422, 566; раскоп. Чернигов. кург. стр. 570.

Санкторинъ о-въ стр. 114.

Сарматы стр. 430, ихъ гробн. стр. 431.

Свайныя поселенія въ Швейц. открытіе ихъ стр. XIV; опис. стр. 102 и сл.; неолит. свайн. постр. въ разн. стр. Евр. стр. 102; бронз. в. 272, 281—283, 306, 322; славянскія св. постр. стр. 549.

Свастика стр. 167, 219.

Свинцеъ стр. 195.

- Серебро* стр. 194, какъ отлич. признакъ славянскихъ гробн. стр. 555.
Серги славянск. стр. 555 и слѣд; кievскаго т. стр. 555, 563.
Сибирскія древности стр. 326, 518.
Сизовъ. (Вл. И.) теорія кургановъ съв. Россіи стр. 564, 565.
Система трехъ періодовъ стр. 197 и сл.
Ситулы вообще стр. 364; чертовская стр. 364—365; вачская стр. 384; фрѣгская стр. 389; гѣтвейгская стр. 396.
Скандинавія (Швеція, Норвегія и Данія) археолог. литература стр. XXVI; Швеція и Данія въ камен. в. стр. 44, 102, 135; въ бронзов. в. стр. 294, 303; въ ла-тенск. эп. стр. 470; въ римск. эп. стр. 486; въ эпоху викинговъ стр. 510.
Скифы стр. 427, скифск. кург. стр. 431.
Скрамасакъ стр. 496.
Славяне доист. археол. славян. земель вообще стр. XXVI; слав. стр. въ каменн. в. стр. 45 и сл., 187, въ эп. мѣди стр. 206; въ бронзов. в. стр. 307; въ нач. желѣзн. стр. 418, 437; славяне вообще стр. 521, славянск. племена стр. 523; древнеславян. культура стр. 528; славяне у восточн. писателей стр. 535, 536, 583, 595; слав. городища стр. 337; слав. керамика стр. 542; славян. височ. кольца стр. 550; слав. свайныя постр. стр. 549; славян. рабы стр. 530, 585; антропологич. классификація славянъ стр. 593; лингвистич. классиф. 526 и сл.; вопросъ о первонач. типѣ славянъ гл. X.
Слизняки съѣдобные стр. 155.
Смѣла (смѣла, мѣст. Киев. губ.) стр. 147.
Собака въ доистор. вр. стр. 155.
Сожиганіе мертвыхъ см. *Трупосожженіе*.
Солютре стр. 35, сол. эпоха стр. 31.
Сооруженія каменные неолит. эп. стр. 112.
Сочиненія по доисторич. археологич. вообще стр. XVII; по археол. отд. странъ Евр. стр. XXIV и слѣд.
Спайка металлоу въ доист. вр. стр. 234; въ Южн. Руск стр. 573.
Spatha стр. 497.
Spiennes ст. въ Бельгіи стр. 77.
Sylu находки стр. 38, 61, 179.
Стекло въ доист. вр. стр. 349 и сл.
Stonehenge стр. 131.
Стоянки доистор. стр. 76.
Страдоникъ наход. стр. 465.
Стрѣлы кам. типа Солютре стр. 32, костяныя стр. 61; съ поперечн. остриемъ стр. 162; бронзовыя стр. 228; желѣзн. у славянъ стр. 535, 554, 567; отравленные стрѣлы стр. 536.
Судславичи палеолит. наход. стр. 46.
Сумеры и Ахавы стр. 247.
Сурьма стр. 197.
Съезды археологич. стр. XXI.
Таунгенъ (Taungen) пещ. стр. 44; равные предм. стр. 44, 64.
Тевтона (оружіе) стр. 498.
Террамары итальянскія стр. 273; венгерск. стр. 275, 292.
Тенъ (La Tène) опис. паход. стр. 446, 449 и слѣд.
Тяубахъ наход. стр. 40.
Талайоты на Балеарскихъ о-вахъ, стр. 112, 133.
Тенъ (Thenau) наход. третичн. орудій стр. 9.
Thera см. *Санторинъ*.
Тириитъ наход. стр. 256 и сл.
Тканье въ кам. пер. стр. 167, 168.
Топоры камен. палеолитич. *cours de roing* стр. 30, неолит. стр. 160; бронзов. стр. 224 и сл.; классификація бронз. топор. *Мортиалье* стр. 226; пельты стр. 227; венгерскіе топ. стр. 289; швейцарскіе 300.
Торфанники въ Даніи стр. 200.
Трепанация череповъ въ доисторич. врем. стр. 172.
Трилиты стр. 121.
Триниль (Trinil) на о-въ Явъ, находка *Pithecanthropus'a* стр. 12 и прим. 9.
Троя исторія развалинъ ея стр. 114; раскопки и находки стр. 116, 250; племяна Шлиманна и Беттихера стр. 117, 251.
Трупосожженіе начало его стр. 150—152; въ англ. *barrows* стр. 135, въ Скандинавіи стр. 298, въ Чехіи стр. 313; частичное—стр. 372; у славянъ стр. 532, 564, 566.
Туркестанъ его вліяніе на европ. культуру стр. 515.
Туръ *Vos primigenius* стр. 25.
Уваровъ графъ А. С. стр. XXIII, XXIV, 54, 147, 149, 577.
Ударный бунорокъ см. *Bulbe de percuss-ion*.
Украина и Галичина археологич. литер. стр. XIII, XXVI; въ палеолит. эп. стр. 54—56; въ неолит. стр. 101, 111, 144, 147, 149, 154; въ эп. мѣди стр. 208; въ бронзов. в. стр. 229, 327; въ желѣзн. в. (курганы) стр. 422, 431—438; тенск. эп. стр. 471; валы стр. 478; римск. эп. стр. 488; эп. пересел. народ. стр. 506—507; 509—510, 519; славян. плем. стр. 526; городища желѣзн. в. стр. 543; курганы стр. 564,

570—573; височн. кольца стр. 552; серги́ киевск. типа стр. 556; желѣз. в. стр. 561; клады стр. 568, 573; антропологич. типъ укр. стр. 593.
Украшения стр. 169; у слав. стр. 554 и сл.
Унетицы типъ гробн. въ Чехіи стр. 309.
Урны погребальныя стр. 91, 165, 356; лицевыя урны (urnes à visage) стр. 243, 253, 324, 355; виллановскаго типа стр. 354—355; эденбургскія стр. 396, лужицкія стр. 412.
Устрицы стр. 151, ср. также стр. 88.

● *Фауна* четвертичн. эп. стр. 20 и сл., 58; ея измѣненія стр. 31; домашнія животныя стр. 25, 58, 155.
Фибулы наиболѣе древнія въ бронз. в. стр. 232, со слѣдами починки стр. 234; микенскія стр. 264; въ terra-marках стр. 275; венгерскія стр. 289; скандинавск. стр. 300; кавказск. стр. 331; фибулы желѣз. в., греческія стр. 344; италійскія стр. 355, 363; галльштаттскія стр. 373; боснійскія стр. 380; вачскія стр. 385 хорутанскія стр. 387; ладьеобразныя и дугообразныя стр. 388; латенскія стр. 452; римской эп. стр. 479; вендскія стр. 489; германскія (меровингскаго типа) стр. 499;
Филиранъ стр. 426, 568.
Финикія торговля ея и фин. колоніи на Средиз. морѣ стр. 213, 244.
Финляндія археологич. литер. стр. XXVII; финляндск. гробн. стр. 581—582; финскія древн. въ Россіи стр. 564—565, 575, 579; финны какъ первобыт. обит. Россіи (теорія Европеуса) стр. 594.
Fondé de saraape стр. 95.
Формочки для отливки бронзов. орудіи (лячки) стр. 222, 223.
Францискъ, видъ топора стр. 497.
Франція, археологич. литер. стр. XXIV; въ каменн. в. стр. 34, 76, 109, 125, 138; въ бронз. в. стр. 277; въ желѣзн. стр. 405; въ галльск. пер. la Tène стр. 455.
Фрѣй находки стр. 387.
Фурфозъ (Furfuoz) пещ. и нах. стр. 38.
Хатты (егип. *Кета*) см. *Хиттиты*.
Хижины неолит. стр. 88; остатки хиж. въ Пюссинридѣ стр. 109.
Хиттиты стр. 244, 268, 358.
Хлоромеланитъ стр. 163.
Хлѣбныя растенія въ неолит. эп. стр. 155—156; въ бронз. в. стр. 303; у славянъ стр. 528.
Христианство у слав. нар. стр. 586.

Хронологическое опертич. эп. стр. 6

■ *Целикъ* стр. 22
Цикладскіе о-ва наз. культура стр. 265
Циклотическія соору
Цисты см. *Ведра*.
Цыгане какъ носители туры стр. 217—2

■ *Чародѣйство* въ
Чашечки радужныя
Чашечные камни стр
Человѣкъ третичный
попитекъ *Мортга*
антропусъ *Дюбуа*
9; четвертич.
стр. 178; челов.
стр. 12, открыт
четвертич. эп. с
вертичн. челов.
сл.; древности ч
68, 69.

Черепные показател
Черепъ, отношеніе
человѣч. стр. 14; ч
стр. 12 и примѣч
чер. стр. 41, 177;
177; подбаскій
46, 176; кро-мань
разныя измѣренія
ные показ. стр. 1
цефалия стр. 18
типа (типъ рядовы
черепъ древ. и со
591.

Черныиовъ курганы
Чернь на металлѣ с
Чертоза (Certosa) в
тов. фибулы стр.
Четаертичныя отло
эпоха стр. 16; ч
челов. стр. 16; н
34; хронологич. с
стр. 177.

Чехія въ палеолит.
литич. стр. 98, 1
стр. 206; въ бронз.
въ нач. желѣзн. с
тѣнск. эп. стр. 46
стр. 481; въ сл
557, 594.

Чертова дыра пещ

■ *Швейцарія* ар
XXV, въ камен. в
мѣди стр. 203,
280; см. *свайныя*
Швейцербильдъ нах

динавия.

стр. 35; эпоха стр. 29.
. 50.

гр. 135.

находки въ Троѣ стр.
Тиринтъ стр. 256; въ
259; въ Орхоменѣ стр.
съ Бѣттихоромъ стр.

Англія.

40.

люціон. теорія стр. 13.
пбург) нах. стр. 97,

въ зол. и серебра) стр.

448.

ванія земной коры (гео-
р. 2 и сл.; третичная
дѣленія стр. 4 и слѣд;
или постлюціонов. эп.
едникова стр. 17; эп.

междуледниковая стр. 18; эп. палеоли-
тическая стр. 28 и сл.; эп. неолитиче-
ская стр. 70; эп. металловъ стр. 191;
система трехъ вѣковъ стр. 197, 201;
классификація доисторич. эпохъ стр.
28, 29, 33, 74. 201, 279; бронз. 210;
железн. в. стр. 336, 440; германск.
(меровингская) эп. стр. 494; эп. ви-
кинговъ стр. 510; эпоха славянская
стр. 537 слѣд.

Эсте наход. стр. 367.

Этруски стр. 353, 357, 366.

Юрьевскій жальникъ стр. 147.

Идеитъ —овые топ. стр. 163.

Языкъ доисторич. человѣка стр. 67—68.

Ямы культурныя опредѣленіе стр. 88;
распространеніе стр. 94; ямы для хра-
ненія хлѣба стр. 90.

Янтари украшенія изъ него стр. 169;
торговля имъ въ бронзов. вѣкѣ стр.
295—298.

ь стр. 178 ссылка на рис. 187 сдѣлана по ошибкѣ, такъ какъ
этому мѣсту, но не имѣющей научнаго значенія рисунокъ Шаффга-
тъ переводъ выпущенъ.

(къ стр. 70—74). Признавая существованіе hiatus'a только въ
хъ, Габр. де Мортилье, благодаря новымъ раскопкамъ, могъ въ
(въ 1897 г.) установить въ своей классификаціи палеолити-
въ новыхъ эпохи: *Турасенскую* и послѣ нея *Тарденуазенскую*
де), названную по имени мѣстности Fère-en-Tardenois въ деп. Aisne,
лють собою прежній hiatus. Такимъ образомъ вопросъ этотъ
окончательно исчерпаннымъ.

Переводч.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.	Стр.
----------------------	------

ВВЕДЕНИЕ.

Что такое доисторическая археологія.—Отношеніе ея къ антропологіи и исторіи.—Ея задачи и методы.—Очеркъ развитія доисторической археологіи.—Современное состояніе этой науки; археологическія учрежденія, общества, съезды, періодическія изданія и главнѣйшая общая литература . . . I—XXVII

ЧАСТЬ I.

Періодъ дометаллическій.

ГЛАВА I.

Начала человѣчества.

Вопросъ о происхожденіи человѣка.—Геологическое введеніе.—Европа въ третичный періодъ.—Споръ о третичномъ человѣкѣ.—Anthropopithèque Габр. де-Мортилье и человѣкъ въ теоріи эволюціи.—Колыбель человѣчества. 1—15

ГЛАВА II.

Четвертичный человѣкъ.

Европа въ четвертичную эпоху.—Ледниковый періодъ и его фазы.—Оложенія четвертичной эпохи.—Фауна.—Раздѣленіе четвертичной эпохи на основаніи фауны и на основаніи издѣлій первобытнаго человѣка.—Подраздѣленія Габр. де-Мортилье.—Обзоръ европейскихъ находокъ четвертичной эпохи.—Культура европейскаго человѣка этого времени.—Вычисленіе древности человѣка и продолжительности четвертичной эпохи . . . 16—69

ГЛАВА III.

Человѣчество въ неолитическую эпоху.

Вопросъ о промежуткѣ или перерывѣ между двумя эпохами (hiatus Мортилье).—Подраздѣленія неолитической эпохи.—Неолитическія поселенія:

стоянки подь открытымъ небомъ и мастерскія.—Пещерныя жилища.—Кухонныя кучи (kjökkenmødding'и).—Сорныя ямы, жилища и городища.—Свайныя постройки.—Циклопическія сооруженія.—Города неолитической эпохи (Санторинъ, Мелось и Гиссарликъ).—Гробницы и священные мѣста: мегалитическіе памятники (менгиры, качающіеся камни, жертвенники, дольмены, каменные аллеи, кромлехи, гробницы).—Простыя могилы въ землѣ.—Польскіе groby wkrzyńkowe и русскіе курганы.—Сожиганіе мертвыхъ въ неолитическую эпоху.—Картина культуры этого времени.—Хронологическія

70—174

ГЛАВА IV.

историческія племена каменнаго вѣка въ Европѣ.

Племена четвертичной эпохи.—Мѣстныя двухъ главныхъ школъ, Катрфажа и Мортилье.—Неандертальскій человѣкъ и особенности.—Племена неолитической эпохи.—Древнѣйшіе роды: иберы, лигуры, баски и пр.—Теорія первобытнаго лапленія.—Арійцы. . . . . 175—188

ЧАСТЬ II.

Эпоха металловъ.

ГЛАВА V.

Начатки употребленія металловъ.

ихъ значеніе въ исторію культуры.—Золото, серебро, свинецъ, сурьма въ доисторическія времена.—Система трехъ періодовъ Гостмана.—Датскіе торфяники.—Мѣдь.—Мѣдный вѣкъ въ . . . . . 189—209

ГЛАВА VI.

Бронзовый вѣкъ.

происхожденіе бронзовой культуры.—Теорія Нильсона, Гертмаша, Софуса Мюллера, Габр. де-Мортилье и др.—Формы главные виды бронзовыхъ издѣлій: топоры и молотки (паль, наконечники копій, стрѣлы, кинжалы, мечи и другіе виды орудій и т. п.—Керамика.—Бронзовый вѣкъ на Востоку.—Начало въ Малой Азіи и въ Греціи.—Мелега, Кары.—Италія.—Галлія.—Террамары.—Италии.—Франція и Швейцарія.—Бриганция.—Бронзовый вѣкъ въ Венгріи.—Торговля янтаремъ.—Бриганция.—Австрійскія земли.—Чехія, Моравія.—Востокъ.—Польша, Россія.—Заключеніе. . . . . 210—334

ГЛАВА

Древнѣйшій жел

Желѣзо, его распространѣніе и добыча первобытной желѣзной культуры въ Европѣ. — Италія: италики, этруски, венеты. — Греческой культуры. — Балканы, приморскія и алпійскія области. — Чехія и Моравія. — Галлія Европы. — Поля погребальныхъ урнъ этой культуры. — Россія и Польша. — Классификація и скифо-сарматскія древности Южной

ГЛАВА

Расцвѣтъ желѣ

Новыя вліянія съ запада. — Галлія и Римская культура въ средней Европѣ. — Бойи. — Часть римской исторіи въ эпоху императоровъ. — Британія, Испанія, Реція, Норикъ, Паданія въ нихъ и ихъ культура. — Маркоманскія провинціи на Сѣверѣ Европы.

ГЛАВА

Паденіе римскаго государства. — Германовъ. — Культура рядовыхъ могилъ и перемещеній. — Происхожденіе готскаго стиля въ Европѣ. — Славяне, ихъ распредѣленіе, раскопки культуры. — Сохранившіеся памятники и гробницы въ славянскихъ земляхъ. — Торіанства. . . . .

ГЛАВА

Европейскія племена въ концѣ

Развитіе европейскихъ племенъ и ихъ рядовыхъ гробницъ. — Вопросъ о переселеніи славянъ. . . . .

Библиографическія примѣчанія . . . . .

Алфавитный указатель. . . . .

Оглавленіе . . . . .